

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н.Я.МАРРА

Н.Я. МАРР

ИЗБРАННЫЕ
РАБОТЫ

ТОМ ВТОРОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1936

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н.Я. МАРРА

Н.Я. МАРР

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1936

Отв. редактор *А. Г. Иоаннисян*. — Техн. редактор *И. С. Смирнов*
Корректор *К. А. Гранстрем*

Сдано в набор 9 января 1936 г. — Подписано к печати 30 декабря 1936 г. — Соцэкгиз № 1654.
Леноблгорлит № 16961. — Тираж 5000 экз. — Формат бум. $72 \times 110\frac{1}{16}$. — Объем 45,24 уч.-авт. л.
337/8 печ. л. $16\frac{15}{16}$ б. л. Тип. зн. в 1 бум. л. 135 000. — Заказ № 1038.

Цена книги 16 р. 50 к., переплет 1 р. 50 к.

Предисловие к второму тому

В настоящий том Избранных работ вошли 31 работа Н. Я. Марра, охватывающие, в совокупности, более чем десятилетний период его творческого пути (1923—1933).

Объединяя эти работы в одной книге под общим названием «Основные вопросы языкознания», редакция стремилась отразить в ней главнейшие вехи в истории развития взглядов Марра в области так называемого общего языкознания и дать возможность подготовленному читателю глубоко проникнуть в самые основы лингвистической концепции Н. Я. Марра.

Эта задача редакции, в известной степени, удалась, хотя в трудах Н. Я. Марра, написанных за этот период, работы по «общему учению о языке» от работ, посвященных изучению отдельных языков, можно отделить только условно и даже более того — искусственно. Теоретические основы нового учения о языке залегают в гуще огромного фактического материала, который накопился и продолжал непрерывно поступать в процессе исследовательской работы над отдельными конкретными языками, фактический же материал, в свою очередь, получал благодаря новой языковедной теории совершенно новое освещение, часто в корне изменявшее его значение и требовавшее пересмотра ранее установленных положений.

Кроме того, в настоящий том не вошло несколько работ, написанных Н. Я. Марром за тот же период и представляющих огромный интерес для всякого, изучающего «основные вопросы языкознания» (напр., «Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории» (1927, ИР, т. III), «Из Пиренейской Гурии» (1928), «Яфетидология в Ленинградском гос. университете» (1930, ИР, т. III) и др.¹

Статьи, вошедшие в настоящий сборник, не расположены в строго хронологическом порядке.² Само собой разумеется, что для читателя, стремящегося уяснить себе ход развития взглядов Н. Я. Марра на тот или иной вопрос (семантические связи, родственные языки, морфология и т. п.), год издания (или написания)

¹ В предисловии к I т. ИР (стр. XXIX) используется, между прочим, и курс лекций, читанных в Баку в 1927 г. «Яфетическая теория» и переиздаваемых в настоящем томе ИР. «Яфетическая теория» подготовлена к переизданию С. Л. Быховской.

² Первая по порядку работа «Яфетическая теория» издана в 1928 г., третья — «Север' и 'мрак' || 'левый'» в 1924 г., «Verba impersonalia . . .» в 1932 г., следующая же за ней по порядку — «Абхазский аналитический алфавит» — в 1926 г. и т. п.

работы представляет первостепенный интерес, но в то же время следует помнить, что сложный путь развития творческих идей Марра невозможно представить себе в виде непрерывного и прямолинейного движения в одном направлении. Ко многим идеям своим, высказанным еще 20—30 лет назад, Марр впоследствии возвращался для того, чтобы вновь подтвердить их и уточнить,¹ и, напротив, высказывал нередко сомнения в правильности отдельных положений, выдвигавшихся им всего лишь год назад.

Нам кажется, что прежде всего следует определить «генеральную линию» в развитии творческой мысли Марра в области «общего учения о языке», установить, в каких именно лингвистических положениях, и почему именно в них, проявляется прогрессивный и революционный характер этого учения, а затем уже возможно расчленять творческий путь ученого на отрезки по «годам издания».

1924 год принято, между прочим, считать в этом смысле «историческим»: в этом году была напечатана в «Докладах Академии наук» знаменитая статья Н. Я. Марра «Индоевропейские языки Средиземноморья». Статья эта в настоящий том не вошла, хотя она органически связана с целым рядом других мелких работ («О 'небе', как гнезде прзначений», «Из семантических дериватов 'неба'», «Смерть' ← 'преисподняя' в месопотамско-эгейском мире» и др.), помещенных в первой части этого издания.

Все эти доклады были написаны Н. Я. Марром почти одновременно и представлены в один и тот же день (21 XI 1923 г.).

1923—24 гг., бесспорно, являются знаменательными в истории нового учения о языке. В эти именно годы зарождается и быстро крепнет, опираясь на все более и более четко определявшиеся и численно нараставшие факты взаимосвязи языков различных систем, идея «единства глоттогонического процесса».

Первоначально эти взаимосвязи языков яфетических с индоевропейскими, финскими, тюркскими и др. прослеживались Н. Я. Марром почти исключительно на лексическом материале.

Целая серия работ была посвящена еще совсем недавно (вплоть до 1919 г.) установлению или, как выражался сам Марр, «вылавливанию» яфетических элементов в лексике языков Армении.² Значение этого факта было в свое время огромным, так как он свидетельствовал не только о «гибридности» армянского языка, но и о «родстве» индоевропейских языков с яфетическими.

После 1923 г. работа по «вылавливанию» яфетических элементов в языках не только Армении, но и входящих бесспорно в состав индоевропейской «семьи»,

¹ См., напр., «Ани» — труд, написанный еще до 1917 г., но изданный только в 1935 г. (после смерти автора).

² Яфетические элементы в языках Армении, I—XI, Известия Академии наук (1911—1919).

теряет всякий смысл. К чему продолжать устанавливать таким путем общность множества отдельных фактов между яфетическими и индоевропейскими языками, если удалось уже установить, что индоевропейские языки в целом, как «система», «оказываются лишь трансформацией яфетических, новым типологическим состоянием тех же доисторических языков».¹

Работы Н. Я. Марра 1924 г. и нескольких последующих лет посвящены преимущественно установлению факта всеобщей распространенности одних и тех же семантических закономерностей в языках различных систем. Решительный перенос исследовательского внимания на семантику и почти исключительный интерес к лексике (со включением в нее способов словообразования) характеризуют весь этот период научной деятельности Н. Я. Марра.

Именно в этот период устанавливаются важнейшие «семантические ряды», «семантические пучки», «гнезда», «прагнезда»² и т. д. Впервые, еще только наощупь применяемый исследователем «палеонтологический анализ» расширяет семантический круг отдельного слова почти до бесконечности. Это влечет за собой возникновение представлений (а с ними вместе и соответствующих терминов) о «спраслове», «спразначении», «спрагнезде» и т. п. В статье «Из семантических дериватов 'неба'» (1923 г.) приводится, например, огромное число дериватов от 'неба', этого «вместилища гнезд празначений», среди которых — 'радуга', 'гром', 'туча', 'облако', 'мрачный', 'печальный', 'хоронить', 'дупло', 'пустота', 'глубокий', 'яма', 'стена', 'кружок', 'кольцо', 'живот', 'чрево', 'поток', 'потоп', 'жалость' и мн. др. Однако, семантический анализ в работах 1923 — 24 гг. еще не так далеко ушел от обычных индоевропейских этимологий, отличаясь от них, главным образом, стремлением обнаружить между самыми разнообразными значениями отдельного слова закономерную генетическую связь. По словам самого Марра, он занимается в это время «сравнительной семантикой».³ Правда, почти во всех этих работах (так же, впрочем, как и в значительно более ранних) Н. Я. Марр подтверждает свои лингвистические выводы фактами из истории материальной культуры, не удовлетворяясь одним отвлеченно-лингвистическим анализом,⁴ но даже и эта «увязка языка с материальной культурой» носит еще следы «индоевропеистики» и приближается до некоторой степени к шухардтовскому пониманию параллелизма между историей «слов» и «вещей» (Sachen und Wörter). Она лишена еще того глубокого смысла, который приобретает в позднейших работах Н. Я. Марра.

¹ «Яфетические переживания в классических языках и 'вера' в семантическом кругу 'неба'» (1923).

² См., напр., «Из семантических дериватов 'неба'» (1923).

³ «О 'небе', как гнезде празначений».

⁴ См., напр., «Из семантических дериватов 'неба'» или «О 'небе', как гнезде празначений».

Сама классификация множества устанавливаемых дериватов по семантическим группам носит еще почти формальный характер. Так, например, в упоминавшейся уже работе «Из семантических дериватов 'неба'», Н. Я. Марр различает такие семантические группы: «долевые проявления 'неба'», «дериваты 'неба'», «космические двойники 'неба' и их дериваты», «'вода' с дериватами» и др.

Изменчивость значений слов, отсутствие стабильности в области семантики, только еще намечаются Марром в работах 1923—24 гг. и не связываются с двумя кардинальными вопросами, легшими в основу позднейших его исследований: когда и почему возникают те или другие значения слов?

Эти два вопроса связаны уже с учением Н. Я. Марра о «лингвистических стадиях» и стадильном развитии языка, которое оформляется лишь с 1926 г. С указанными особенностями наиболее ранних работ, из числа вошедших в состав настоящего тома, стоят в связи встречающиеся в них отдельные положения, свидетельствующие об опасностях, грозивших тогда исследователю на впервые прорубаемых им в чаще сложнейшего лингвистического материала путях, опасностях, которые удалось избежать, и препятствиях, которые удалось преодолеть благодаря четко осознанному применению в последующих работах метода диалектического материализма. Одним из примеров таких «опасностей» может служить следующее высказывание в статье «Яфетические переживания в классических языках и 'вера' в семантическом кругу 'неба'»: «Раз индоевропейские языки оказываются лишь трансформацией яфетических, новым типологическим состоянием тех же доисторических языков, то яфетидологу нельзя ограничиваться вылавливанием лишь отдельных яфетических элементов в индоевропейской речи. *Все в них восходит к яфетическим архетипам, и то, что бесспорно индоевропейское и даже разъяснено в науке как таковое*» (курсив мой. Л. Б.). Позднейшее понимание стадильного развития глоттогонического процесса и стадильных взаимоотношений между отдельными языковыми системами, несомненно, противоречит приведенному нами высказыванию. Противоречит ему и разработанное позднее Н. Я. Марром учение о диалектическом единстве языка и мышления и зависимости их от условий общественного бытия. Для последователя нового учения о языке ясно в настоящее время, что если в индоевропейских языках все и восходит, в окончательном итоге, к «яфетическим архетипам», то вовсе не в том смысле, что может быть непосредственно из них выведено и разъяснено. То, что является «бесспорно индоевропейским», хотя и связано генетически с предшествовавшим ему «бесспорно яфетическим», не только, однако, не тождественно с ним, но, являясь свидетельством нового языкового состояния, может быть разъяснено лишь с учетом глубоко идущих революционных сдвигов, которые, как указывал сам Н. Я. Марр, «вытекали из

качественно новых источников материальной жизни, качественно новой техники и качественно нового социального строя».¹

Новое, революционное и монументальное в общем учении о языке Н. Я. Марра заключается именно в последовательно материалистическом понимании истории языка, ярко выразившемся в общеизвестных высказываниях его на страницах вошедшей в состав настоящего издания «Яфетической теории»: «Человечество сотворило свой язык в процессе труда в определенных общественных условиях и пересоздает его с наступлением действительно новых социальных форм жизни и быта, сообразно новому в этих условиях мышлению... Корни наследуемой речи не во внешней природе, не внутри нас, внутри нашей физической природы, а в общественности, в ее материальной базе, хозяйстве и технике. Общественность наследует, консервирует или перелицовывает свою речь в новые формы, претворяет ее в новый вид и переводит в новую систему».

«Генеральная линия» в развитии творческих идей Н. Я. Марра в период 1923—1933 гг. заключается именно в движении к последовательно материалистическому пониманию языкотворческого процесса как в целом, так и в самых разнообразных отдельных его проявлениях. Если в первых работах этого периода центральное место занимают выявление и обоснование генетических связей между самыми разнообразными лингвистическими фактами, причем констатация этих связей еще далеко не свободна от отвлеченной трактовки самих сопоставляемых фактов, то в позднейших работах лингвистический анализ становится неизмеримо глубже, проникая через «технику выявления» в технику мышления и, через мышление, в самые истоки языка — социальную среду со свойственными ей особенностями материальной и духовной культуры. Так, в работах 1923—24 гг. устанавливаемые семантические связи объясняются нередко внешним, физическим сходством между самими предметами, названия которых исследуются. В работах же последующих лет, трактующих семантические законы, т. е. законы наименования объектов человеческой деятельности в зависимости от общественного осознания, Н. Я. Марр приведенное объяснение признает несостоятельным для ранних этих глоттогоний. Так, напр., достаточно прозрачная связь между 'небом', с одной стороны, и 'башней' или 'столбом' — с другой, объясняется первоначально как непосредственное отражение в языке физического сходства между всякими высокими, «вздымающимися» предметами. «... С 'небом', одновременно выражающим и 'гору', — пишет Марр в 1923 г.², — отождествляется по высоте всякий вздымающийся или торчащий предмет, так не только-

¹ «Постановка ученья об языке в мировом масштабе и абхазский язык».

² «О 'небе', как гвезде празначений».

‘башня’ или ‘столб’, но и ‘зуб’, не говоря о ‘клыке’ как долевым проявлении ‘неба — круга’». Однако, спустя всего лишь 2—3 года углубленной работы над выявлением семантических закономерностей, Н. Я. Марр приходит к выводу, что значения слов возникали первоначально «не по форме, не по материалу, не по технике, а по функции, определявшейся потребностью общественности и мировоззрением».¹ В работе же еще более поздней² Н. Я. Марр, касаясь анализа груз. *svet* (народн. *svet*) ‘столп’, устанавливает генетическую связь этого термина с ‘солнцем’ «по линии светозарности и животворчества», ни словом не упоминая о возможности увязки ‘столпа’ с ‘небом’ по форме или вообще каким-нибудь физическим признакам.

О том же проникновении всей лингвистической концепции Марра материалистическим мировоззрением свидетельствует сравнение между анализом терминов ‘время’ и ‘пространство’ в работах Н. Я. Марра 1923—24 гг. и анализом тех же терминов в последующих работах. В работах первого периода мы находим такие объяснения: ‘небо’ по форме протяжения или круга, круговращения: ‘время’»;³ «космические двойники ‘неба’ и их дериваты — ‘пространство + время’: баск. *hog-ġ* → *og-ġ* ‘поверхность’ (← ‘пространство’) → ‘лицо’, баск. *ogdu* ‘время’»;⁴ «учитывать приходится не мало еще других парных значений того же слова, как, напр., в порядке космических представлений с одной стороны ‘небо’, ‘развертывание’, ‘расстиланье’, ‘стол’, герср. ‘место’ или ‘пространство’, с другой — ‘небо’ ‘круговращение’, ‘год’, герср. ‘час’ или ‘время’ и т. п.»⁵ Не отказываясь вовсе от указанных, прочно установленных уже связей между названиями ‘времени’, ‘пространства’ и ‘неба’, Н. Я. Марр в позднейших работах (1930—1933 гг.) разъясняет их уже в совершенно другом плане, а именно — исходя из обусловленности семантических связей особенностями общественной практики. В работе «*Verba impersonalia, defectiva, substantiva et auxiliaria*» (1932)⁶ он выражает свое новое понимание в следующей формуле:

«Время, движение ↘ (производство + общественность) ↗ место, стоянка».

В другой работе того же года — «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык» Н. Я. Марр, анализируя семантический пучок ‘небо + пространство’ («динамически ‘время’ ~ статически ‘место’») на материале языков яфетических и финских, привлекает для разъяснения его целый ряд географи-

¹ «Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры» (1926).

² «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык» (1931).

³ «Шумерские слова с основой *en* в освещении одного из положений яфетической семантики».

⁴ «Из семантических дериватов ‘неба’».

⁵ «О ‘небе’, как гнезде прзначений».

⁶ См. «Тезисы» к статье, § 9.

ческих и племенных названий, с целью конкретно увязать лингвистические факты с общественностью, в которой они бытуют.

Из приведенных нами примеров (число которых может быть значительно умножено) видно, что несмотря на огромные сдвиги, происшедшие в лингвистической концепции Н. Я. Марра между 1923 и 1933 гг., в позднейших его работах не берутся под сомнение ни разрабатывавшийся ранее фактический материал, ни установленные ранее на основании этого материала конкретные положения. Они лишь получают новое освещение, выступают в новом плане и, если требуют иной раз пересмотра, то, главным образом, для более глубокого и четкого осмысления.

Последние годы своей жизни Н. Я. Марр посвящает разработке теоретических основ созданного им «нового учения о языке». В связи с этим, его занимают проблемы «философии языка», в числе которых и прежде всего проблема «языка и мышления». Если первая и большая часть рассматриваемого нами периода характеризуется сосредоточением теоретического интереса Марра на проблеме «увязки языка с историей материальной культуры», то во второй части центральное место занимает уже проблема «языка и мышления», правильной постановке и разрешению которой Н. Я. Марр придает исключительное значение. Именно в этот период «языка и мышления» материалистическое мировоззрение Н. Я. Марра проявляется с наибольшей глубиной и яркостью. Под воздействием четко осознанного и применяемого метода диалектического материализма лингвистические факты не только предстают теперь в его работах в новом облике, озаренные новым светом, но и служат отправной точкой для обоснования более глубоких и плодотворных идей, чем во всех предшествующих работах. Внимательному читателю стоит только обратиться к таким работам как «Язык и мышление» (1931), «Язык и современность» (1932) или «Сдвиги в технике языка и мышления» (1933), чтобы составить себе ясное представление о том, в какой мере марксистская методология стала для Н. Я. Марра методологией «общего учения о языке» и методологией конкретного лингвистического исследования. Об этом красноречиво свидетельствуют не только собственные слова Н. Я. Марра о значении метода в науке,¹ не только приводимые им многочисленные цитаты из работ Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина,² но — прежде всего — самая постановка рассматриваемых проблем, способ обращения с материалом и выводы, к которым приходит автор.

¹ См., напр., «К семантической палеонтологии...», «Языковая политика афетической теории...», «Язык и современность», «К 50-летию смерти Карла Маркса» и др.

² См. там же. В настоящем томе все цитаты из классиков марксизма приводятся по последним изданиям.

Из числа работ, вошедших в настоящий том, особенно богатый материал для уяснения того, в каком направлении шли усилия Марра к философскому обоснованию кардинальных положений нового учения о языке, читатель найдет в статье «К 50-летию смерти Карла Маркса».

Что касается практики лингвистического исследования, то здесь применение метода диалектического материализма легко обнаружить хотя бы на примере широкого использования основного закона диалектики — закона «единства противоположностей».

О его конкретном выявлении на изучаемом материале свидетельствует, например, утверждаемое Н. Я. Марром «диалектическое единство языка и мышления», он же лежит в основе идеи о «противоборствующих силах», которые обнаруживаются Н. Я. Марром в самых различных областях языка. Основные идеи работы «*Verba impersonalia...*» (1932) излагаются в свете того же закона единства противоположностей, и он же проступает в окончательном разрешении вопроса о том, что раньше — имя (состояние) или глагол (действие), в разъяснении причин общности и расхождения конструктивных элементов склонения и спряжения и мн. др. Было бы, однако, заблуждением думать, что приведенные примеры (как и многие другие) служат доказательством того, что Н. Я. Марр, теоретически вооруженный законом «единства противоположностей», впервые «открывал» с его помощью факты «расщепления понятия», «наименования по противоположности», общности структурных элементов в именных и глагольных формах и т. д.

Факты эти мы найдем и в значительно более ранних работах Н. Я. Марра, но тогда они или вовсе еще не разъяснялись, или разъяснялись неудовлетворительно.

Отметим здесь, для примера, что самый факт «раздвоения» некогда единого или общего слова на «двойников» прослеживается Н. Я. Марром еще в 1923 г. в работе «О 'небе', как гнезде назначений». «При полном перечне, — писал тогда Н. Я. Марр, — часть разнообразных дериватных слов позднейшей даты придется перераспределить по гнездам противоположных значений, возникавших в по-космические эпохи путем раздвоения одного общего некогда термина, вроде того, что 'добро' и 'зло', как двойники, тогда выражались одним словом». Достаточно простого сопоставления этого мимоходом, в плане констатации факта, сделанного замечания с постановкой вопроса о генезисе самого «расщепления» понятия и, с ним вместе, слова, в таких работах 1931 г., как «Язык и мышление» или «К семантической палеонтологии...», чтобы понять существо «генеральной линии» в развитии идей Н. Я. Марра. Факты, фигурирующие в работах как 1923, так и 1933 гг., относятся в данном случае к одной и той же принципиально категории, но трактуются они исследователем в совершенно

различных (опять таки принципиально) плоскостях. В работе 1923 г., еще не вполне свободной от влияния идеалистического языкознания, анализ фактов «расщепления» слова не выходит за пределы «сравнительной семантики», своеобразного формально-семасиологического анализа противоположных по значению терминов, в работах же 1931 г., на основе аналогичных фактов раскрывается захватывающая по своему интересу картина взаимоотношения между процессами «расщепления» понятий-слов в «языке-мышлении»¹ и сдвигами, происходящими в самом базисе — производстве и по производству складывающихся производственных отношениях. «Сдвиги настолько мощны, — говорит Н. Я. Марр, — настолько громадны по создающимся за сдвигами изменениям, что новые поколения кажутся пришедшими из другого мира сравнительно с теми прежними, от которых они произошли: на двух берегах пропасти, образующейся между ними, два противоположных предмета и, казалось бы, противоположных понятия обозначаются одним словом. Одно и то же слово на одной стороне, *покинутой* стороне, значит 'голова' да 'начало', а на новой, завоеванной, разумеется борьбой в процессе развития производства и производственных отношений, значит 'хвост', 'конец'; на одной стороне слово 'огонь', на другой 'вода', на одной стороне 'день', 'белый', на другой — 'ночь', 'черный', на одной стороне 'верх', на другой — 'низ'».² Не менее интересно, хотя и в другом аспекте, с упором на существо семантических потребностей, реализовавшихся в процессе расщепления «матери-слова между двумя возникшими из него видами», разъясняется тот же вопрос в работе «К семантической палеонтологии в языках нефетических систем».

В связи с указанным значением «основного закона диалектики» в позднейших лингвистических построениях Н. Я. Марра, считаем нелишним обратить внимание читателя на одну подробность. Общеизвестно, какую большую роль играло, по Марру, в процессе слонотворчества ранних глоттогонических эпох, «понятие-образ» 'неба', с его делениями на 'небо¹' ('небо-солнце'), 'небо²' ('небо-земля') и 'небо³' ('небо-вода', 'небо-преисподняя'). Об этих трех небесах с их многочисленными дериватами Н. Я. Марр упоминает одинаково часто как в начальных, так и в последних работах рассматриваемого нами периода, посвящая им нередко целые страницы и даже отдельные мелкие статьи. В них он касается, между прочим, и самого восприятия некогда единого неба как трех небес. «Небо + вода», — говорит он в одной из работ 1923 г.,³ — воспринимаются в трех плоскостях — верхней, нижней и преисподней, что впослед-

¹ «Язык и современность».

² «Язык и мышление», ГИЗ, 1931, стр. 14.

³ «Шумерские слова — основой *en* в освещении одного из положений нефетической семантики».

ствии дало основание понять эти три мира, верхний как 'небо', нижний, как 'землю' и преисподний как 'воду' или 'море'. В работе же «К семантической палеонтологии...» факт различения трех небес разъясняется по-новому.¹ Из 'неба', воспринимавшегося первоначально как единое, нерасчлененное 'небо—мир' выделяются непосредственно не три, а всего два неба: 'небо¹' (верхнее) и 'небо²' (нижнее). В процессе дальнейшей дифференциации последнее, в свою очередь, расчленяется на два: 'небо³ (1)' ('земля') и 'небо² (2)' или 'небо³' ('вода—преисподняя'). Эта незначительная, на первый взгляд, подробность лишней раз свидетельствует о той тщательности, с которой Н. Я. Марр пересматривал в свете законов диалектики не только главные положения, но и второстепенные, и даже отдельные детали нового учения о языке.

Далее, считаем необходимым обратить внимание читателя на развитие, как раз в пределах охватываемых настоящим томом работ, учения Н. Я. Марра о «четырех элементах». Известно, что «теории четырех элементов» в развернутом виде Н. Я. Марр ни в одной своей работе не излагал, и что теория эта не разработана до сих пор ни одним из его учеников или последователей.² И мы, соответственно задачам настоящего предисловия, не касаемся теоретических основ учения о четырех элементах и не входим в рассмотрение причин равнодушного к ним отношения. В рамках своей задачи мы ограничиваемся лишь самой сжатой характеристикой той роли, которую сыграли «элементы» в развитии и утверждении взглядов Н. Я. Марра на «основные вопросы языкознания».

Можно, конечно, спорить о том, что представляют собой «элементы» в понимании Н. Я. Марра, сомневаться или не сомневаться в их существовании, использовать или не использовать в своих работах, но совершенно бесспорным надо признать то, что сам Н. Я. Марр в существовании «элементов» не выражал никогда ни малейшего сомнения и элементному анализу в лингвистическом исследовании придавал первостепенное значение. В этом легко убедиться даже при самом поверхностном просмотре написанных им за последние годы исследований. «Яфетическая теория, — писал Н. Я. Марр в 1931 г., — новое языковедное учение, пользуется безоговорочно двумя совершенно прочно установленными средствами в своих изысканиях: одно из них — особая исследовательская графика, аналитический алфавит, другое — анализ по четырем лингвистическим элементам».³ Этот анализ Н. Я. Марр последовательно и безоговорочно применял в исследовательской

¹ См. приложенную к работе табл. II.

² Работа акад. И. И. Мещанинова «Основные лингвистические элементы» (сб. Язык и Мышление, II) касается больше генезиса лингвистических элементов и характеристики каждого из них, нежели теоретических основ учения о четырех элементах.

³ «К семантической палеонтологии...»

работе над любым языком: грузинским и чувашским, русским и удмуртским, халдским и французским, шумерским и немецким и т. д. Благодаря именно элементному анализу были добыты Н. Я. Марром изумительные факты, оставшиеся до тех пор неизвестными и легшие затем в основу таких блестящих завоеваний новой языковедной теории, как, например, учение о единстве глоттогонического процесса. Излишним было бы перечислять в настоящем предисловии разнообразнейшие факты, доказывающие огромное значение элементного анализа и самой идеи «лингвистического элемента» в процессе становления нового учения о языке. В самое последнее время (1932—1933 гг.) элементный анализ, в качестве стержня «палеонтологии речи», подвергся тщательному пересмотру со стороны Н. Я. Марра, как то видно из его работ «*Verba impersonalia...*» и «Язык и современность», но принципиальные устои его остались неизменными. Оплодотворенный идеей «единства противоположностей», элементный анализ послужил, между прочим, основанием для новой постановки постоянно занимавшего Н. Я. Марра вопроса о взаимоотношении между «идеями» в языке и техникой ее звукового выявления. Так, в работе «*Verba impersonalia...*» мы читаем: «Единство противоположностей, звуковой материи и нематериальной идеи, выявляется в первичном призраке — образе → тотеме, поскольку оно в языке разрешается расщеплением каждого из четырех лингвистических элементов (А, В, С, D) с его двузначностью, первично тотема-образа ($\alpha \parallel \beta \parallel \gamma$) и неразрывно увязанного с ним звукового комплекса, одинаково продукции трудового процесса и производственных отношений».¹

Самый факт всеобщей распространенности сходных семантических закономерностей и сходных звуковых корреспондентов был установлен Н. Я. Марром в значительной мере благодаря элементному анализу. Об исключительной роли элементного анализа для «семантической палеонтологии» достаточно четко высказывается сам Н. Я. Марр в не раз уже цитировавшейся нами работе «К семантической палеонтологии в языках нефетических систем». Нам же, может быть, стоит остановить внимание читателя на тех сдвигах, которые повлек за собой элементный анализ в трактовке Н. Я. Марром морфологических и фонетических явлений.

Прежде всего, анализ по элементам вскрыл сложность или составность многих «простых основ» или так наз. «корней», считавшихся ранее нерасчленимыми, и, в этом смысле, первичными. В ранних работах (1923—1924 гг.), когда идея лингвистических элементов только еще зарождалась, мы встречаемся с большим количеством таких «простых основ», в числе которых находится,

¹ См. Тезисы к i e, § 4.

между прочим, и особенно часто используемая Н. Я. Марром основа $sam \leftrightarrow sav \nearrow \acute{t}am \leftrightarrow \acute{t}av$ с многочисленными ее разновидностями. О том, что она рассматривалась первоначально как простая, неразложимая основа, можно судить по следующим, приводимым мной для примера, цитатам: «Считаю лишним повторять здесь все соответствия этой основы $\acute{t}av \parallel \acute{t}am$ и т. д. $\searrow sav \parallel sam \nearrow sar$ и т. п. в значении 'неба' и его двойников или дериватов, но назову разновидность $\acute{t}am$ в форме мн. числа на $-uz$ — $\acute{t}am-uz$, resp. $\acute{t}am-uz$, известное божество, двойник Иштари...»;¹ $\acute{t}am$ ($\searrow sam$) $\sim ham \parallel hav$ 'вера', 'свидетельство' («клятва»), груз. $m-tam-s$ 'верю', $mo-tam-e$ 'свидетель', $mo-tm-ob-s$ 'свидетельствует', груз. $r-tmena$ 'вера' и т. д., арм. $haw-at$ 'вера', $haw-an-el$ 'одобрять', $ham-oz-el$ 'убеждать' и т. д.»² Эта основа $sam \nearrow \acute{t}am \sim ham \nearrow kam$ разъяснялась в работах того же периода как «первослово», наименование «известной племенной разновидности».³ Однако, всего лишь через 3—4 года элементный анализ обнаруживает мнимую простоту этой основы и расчленяет ее, как это явствует уже из работ 1927 г., на две составные части, два самостоятельных лингвистических элемента.⁴ Это обстоятельство оказалось чревато важнейшими последствиями, поскольку элементы воспринимались как «значимые единицы речи», (в позднейших формулировках — как «лингвистические протоплазмы», «единство идеологического и формального моментов») и, следовательно, разложение на элементы обозначало не только формальную, но и семантическую расчленимость «мнимых примитивов». Так, напр., в работе «Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений» (1930) Н. Я. Марр, анализируя приводившуюся нами выше основу $sam \leftrightarrow sav$ с ее различными разновидностями, разъясняет груз. $\acute{t}av$ 'голова' как «составной вид» слова ($\acute{t}a + v$) и устанавливает, в связи с семантическим пучком 'голова+гора+небо', для одного первого элемента $\acute{t}a$ (« $\acute{t}a$) архетипное значение 'неба'; в другой же работе («О числительных», 1927), разлагая груз. sam 'три' на два элемента ($sa + m$), разъясняет его как составное слово с буквальным значением 'два + один'.

Конечно, составной характер многих терминов, привлекавшихся Н. Я. Марром к исследованию, был установлен и ранее, до четкого оформления элементного анализа, да и, кроме того, самый факт расчленимости требовал, во всяком случае, своего объяснения, которое не всегда могло быть немедленно предложено. Ведь довольно долгое время вторые части составных слов объяснялись Н. Я. Мар-

¹ «Яфетические переживания в классических языках...» (1923).

² Там же.

³ «О 'небе', как гнезде назначений».

⁴ См. «Зима' || 'смерть'...», «О числительных», «Право собственности по сигнализации языка...» и др.

ром как суффиксы множественного числа.¹ Впоследствии, в свете уточненного элементного анализа эти составные слова разъяснились как «двухэлементные», с когда-то самостоятельной лексической значимостью каждого из элементов, но ведь для многих слов значение вторых элементов, как суффиксов множественного числа, продолжало все-таки оставаться фактом? Конечно. Но эта грамматическая функция была приобретена ими позднее. Вскрывая эти факты изменчивости не только семантических, но и грамматических функций целых слов и их составных частей, элементный анализ приводил в конце концов к рассмотрению не только закономерностей происходивших изменений, но и изменений самих закономерностей. В этом заключалось одно из оснований для предпочтения анализа по элементам статическому фонемо-морфологическому анализу.

Одним из последствий обнаруженной элементным анализом разложимости «мнимых примитивов» явился также пересмотр так наз. «трехсогласных корней» и новое их разъяснение. «Трехсогласность» корня, характерная для строя семитического глагола, с давних пор прослеживалась Н. Я. Марром и на материале яфетических языков, в связи с занятиями его яфетическо-семитическими параллелями (в середине двадцатых годов эти параллели легли в основу интереснейшей «Сравнительной грамматики яфетических и семитических языков», оставшейся до сих пор ненапечатанной).² Так, напр., в работе «‘Смерть’ ← ‘преисподняя’ в месопотамско-эгейском мире» (1923) Н. Я. Марр усматривает «трехсогласный вид корня» в грузинских основах ღჳ, skp, skl, skr и др. Правда, уже с начала двадцатых годов третий согласный разъясняется обычно как «функциональный» п, вообще... «трехсогласный состав яфетических корней, вторящий такому же положению в семитических языках, вскрывается как результат развития более раннего состава из двух согласных»,³ но разъяснение это не выходит еще за пределы констатации факта и проблема «трехсогласности» корня остается пока еще неразрешенной. Только в позднейших работах, опирающихся на элементный анализ, мы находим у Н. Я. Марра конкретные указания о происхождении и истории трехсогласных корней, как это видно, например, из следующего тезиса: Трехсогласие вместо двухсогласия в основах слов звуковой речи, слышущее у семитов глагольными корнями, собственно смена лингвистических элементов А, В, С, D, и их идеологически закономерная служебная роль нарастает также

¹ См. «Пережитки еще семантических групп...», «Яфетические переживания в классических языках»... и др.

² Ср., напр.: «В корнеслове грузинский язык роднит с семитическими и то основное положение, что ебранными служат лишь согласные, и то характерное явление, что грузинские корни трехсогласные или, что бывает реже, двухсогласные» («Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими», 1908).

³ «Яфетиды» (1922).

скачкообразно из изменчивости формального момента выделением звуков из этих элементов, всего четырех, и их мнимонезависимой от материальной базы формальной техникой звуковых закономерностей».¹ Иными словами, возникновение трехсогласности является результатом смены лингвистических элементов («двухсогласных») сочетаниями выделяющихся из них отдельных звуков. Указанный процесс связан с нарастанием «служебной роли» элементов, т. е. потери ими первоначальной семантической функции «единиц речи». Приведенное разъяснение генезиса трехсогласных корней не устраняет, разумеется, необходимости считаться с ними как с объективными фактами, реально существующими в языках определенного строя, но при изучении трехсогласных корней требует учета их «историчности», т. е. процесса образования «трехсогласности», как лингвистической категории, на базе других, предшествовавших ей и принципиально отличных от нее категорий.

Что касается сдвигов в понимании Н. Я. Марром «звуковых закономерностей» в тесном смысле этого слова, то считаем нелишним обратить внимание читателя на «фонетический закон»² перебора плавных в сибиллянты, широко используемый в ранних работах, по формуле $l \parallel r \sim s \parallel ш$,³ и разъясненный впоследствии как результат чередования разновидностей элемента А ($sal \parallel шор$ и т. д.) с двухэлементными образованиями различного состава (любой из элементов + А или С); «фонетический закон» чередования плавных по формуле $l \leftarrow n \rightarrow r$, еще более широко использовавшийся Н. Я. Марром,⁴ и так же разъясненный впоследствии как «проекция» чередования разновидностей элемента А (в отношении конечных согласных, т. е. $sal \parallel шор$ и т. д.), или использования в языке двух различных лингвистических элементов: А или С, напр. sal (А) и san (С). Наконец, читателю следует учесть, что в связи с изменениями в трактовке Н. Я. Марром истории звуков, существуют небольшие расхождения в использовании им условных знаков лингвистических формул. Так, напр., в ранних работах, в связи с тем, что звук «и» в яфетических языках трактовался как сужение звука «е», а звук «и» как обычное сужение звука «о», Н. Я. Марр обозначал взаимоотношения между ними условным знаком «дериватности»: $и \leftarrow о$, $1 \leftarrow е$. Позднее, когда были установлены так наз. «эквиваленты», т. е. парные разновидности одного звука, Н. Я. Марр ввел в обращение новый условный знак $\longleftrightarrow$, знак «эквивалентности».

29 ноября 1936 г.

Л. Башинджаян

¹ «Verba impersonalia...» (1932).

² См. этот термин в статье «'Зима' || 'смерть'...»: «Опирается ли на фонетический закон $n \rightarrow сс. 1 \parallel шш. г. . .$ ».

³ См. напр. «'Смерть' ← 'преисподняя' в месопотамско-эгейском мире».

⁴ См. там же или «'Зима' || 'смерть'...».

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Яфетическая теория

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идеи, неразрывно связанные с языковедным построением яфетической теории, можно легко подобрать у различных писателей, даже у консервативных представителей старой лингвистической школы, не исключая ее современного столпа А. Мейе (A. Meillet), профессора Сорбонны, тем более подобные встречи легко наблюдать с Г. Шухардтом (H. Schuchardt), материально шире, хотя и не глубоко ориентированным во взаимоотношениях языков различных систем, но и тогда, когда они выступают поборниками социологического подхода к вопросам человеческой речи (Мейе), и тогда, когда они трактуют о правильно подмеченном средстве явлений в языках различных систем (Г. Шухардт), обычно определяемом по так наз. расовой принадлежности, с нами совпадения у них лишь в словах и отвлеченно взятых мыслях, отнюдь не по существу, в самом языковедном построении. Такие совпадения, иногда разительные, в вопросе о происхождении языка наблюдаются и с неокантианцем Кассирером, мысли которого в целом абсолютно не вытекают из языковедно добытых основных положений яфетической теории, оказавшихся обоснованными на историческом материализме и диалектизме. Естественно, ближе к нам в гносеологических вопросах стоят лингвисты, примыкающие по своему мировоззрению к марксизму, в первую голову Людвиг Нуаре и его предшественники, а в вопросах взаимоотношений языков мира ученые по необходимости более чем близко, вплотную подходившие исследовательски к живой речи в ее бесконечно переливающимся разнообразии, именно, американисты и африканисты, как-то: Боас (Boas), Риве (Rivet), Мейнгоф (Meinhof), В. Шмидт (W. Schmidt) и др., да часто историки материальной культуры, в числе их и археологи, самими фактами наталкивающиеся, в их вынужденных высказываниях о смене языков в связи со сменой культур, на такие кардинальные положения нового учения об языке, яфетического, как скрещение. Имею при этом в виду прежде всего известного производителя систематических раскопок на Крите Эванса (Evans). Подобные встречи уже далеко не случайны. Они связаны или со средством независимо выявившихся методов, или со сродством в выборе продвигаемой в исследовательскую орбиту категории языков, языков живых, или со сродством в исканиях увязки лингвистических явлений с историей материальной культуры и общественности и т. п. Однако языковедное построение, составляющее предмет настоящего краткого вводного курса в общее учение об языке, имеет свои независимые материальные и теоретические языковедные предпосылки. Без ознакомления с ними и соответственной проработки конспектообразно изложенных в настоящем курсе мыслей трудно рассчитывать на их правильное восприятие и целесообразное усвоение. Студенты Ленинградского университета располагают возможностью глубже усваивать указанные предпосылки, слушая такие в печати не имеющиеся пока общие курсы, как «Палеонтология речи», «Сравнительная грамматика сибилант-

ной ветви яфетических языков», «Сравнительная грамматика языков семитической и яфетической систем», равно специальные курсы и семинары по отдельным группам языков, как-то: «Схождения и расхождения армянского и грузинского языков», «Языки Волкамья (чуваший и финские) в палеонтологическом разрезе» и т. п. Само собою понятно, что эти мои общие и специальные курсы в Ленинграде же находят дальнейшую материальную опору в курсах и занятиях по различным яфетическим или ближайше связанным с ними языкам у И. А. Орбели, К. Д. Дондуа, А. Н. Генко, И. И. Мещанинова, читающих в том же университете, некоторые и в Институте живых восточных языков в Ленинграде и в Институте этнических и национальных культур в Москве. Тем же, кто не располагает возможностью слушать мои или моих учеников соответственные лекции или принимать непосредственное участие в связанных с ними практических занятиях, для усвоения названных необходимых предпосылок можно порекомендовать следующие печатные работы для проштудирования: 1) Абхазский аналитический алфавит (К вопросу о реформах письма), изд. ЛИЖВЯ, 1926; 2) По этапам развития яфетической теории. Сборник статей Н. Я. Марра, изд. Института этнических и национальных культур народов Востока СССР, М.—Л., 1926; 3) Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (К увязке языкознания с историей материальной культуры), изд. Кавказского историко-археологического института в Тифлисе, Л., 1926; 4) Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры (Сообщения ГАИМК, Л., 1926, т. I, стр. 37—70); 5) Чуваши-яфетиды на Волге, Чувашиздат, Чебоксары, 1926 и по личному интересующегося выбору из трудов, вошедших в «Классифицированный перечень печатных работ по яфетидологии», 2-е издание Института этнических и национальных культур народов Востока СССР, М.—Л., 1926.

Н. Марр.

Ленинград
16 VI 1927

Привесок. Я не касаюсь здесь трудностей печатания яфетидологического курса за тридцать лет себя земель и неизбежных отсюда последствий, но не могу не выразить здесь особой благодарности тем, которые героически содействовали ослаблению отрицательных черт, происходивших от названных трудностей, именно А. Р. Зифельдту и И. И. Мещанинову.

Ленинград
10 VIII 1928

Программа общего курса учения об языке¹

1. Быстрые смены в развитии яфетической теории, ее этапы. Яфетическое языкознание: 1) учение об яфетических языках и 2) яфетическая теория (общее учение об языке).

2. Яфетическая теория. Подсудность ей всех языков. Увязка с историей материальной культуры и социологии. Важность ее не только для археолога, этнолога, историка искусства, словесника, литературоведа, но и общественника в линии и международных и национальных интересов, в особой же степени для проблемы о будущем едином международном внеклассовом языке с использованием речевых достижений всего человечества, не исключая языков отверженных отжившими социальными построениями племен и стран, равно с использованием опытов так наз. искусственных международных языков.

3. Смена одной системы другой по пути от разноязычия к одноязычию и созданность звукового языка трудом человечества, его искусственность. Отсутствие человеческого звукового языка, как чьего-либо дара, хотя бы природы, отсутствие натуральных языков. Намечающийся характер будущего единого языка по органической связи с внеклассовым хозяйством, внеклассовой общественностью и внеклассовой культурой.

4. Учитываемость непосредственных творческих факторов общественности, создающих язык, не в меньшей мере для истории языка, чем для истории общественных форм, как то учит марксизм. Разрешимость и научная актуальность проблемы о происхождении языка с перенесением бремени доказательства с формальной стороны на идеологическую. Семасиология и палеонтология в их новом понимании. Искусственный характер будущего единого языка, как нет и в прошлом натуральных языков.

5. В интересах не только истории прошлого, но и нового нашего культурно-хозяйственного строительства и будущности человечества, в частности актуальной проблемы об едином международном языке, необходимость учета каждого национального языка, каждой племенной речи, как продуктов, одинаково и без исключения, единого глоттогонического (языкотворческого) процесса, отложения единой трудовой жизни человечества и различных этапов ее развития.

6. О пределах знания яфетического языкознания в тесном смысле выражения, именно учения о самих яфетических языках, и непосредственного знакомства с яфетическими языками для правильного усвоения содержания общего учения об языке по яфетической теории. Литература предмета для ориентировки по яфетической теории и ее технике: 1) Н. Марр, Абхазский аналитический алфавит (К вопросу о реформах письма), Л., 1925, изд. ЛИЖВЯ; 2) Н. Марр, Классифицированный перечень печатных работ по яфетологии, Л., 1926, изд. ИЭНК, предпочтительно второе; 3) По этапам развития яфетической теории. Сборник

¹ [Эта программа была предпослана курсу лекций по общему учению о языке, прочитанному Н. Я. Марром на восточном факультете Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина в Баку в 1927 г. Программа была издана отдельной брошюрой в 1927 г.]

статей Н. Марра, Л., 1926, изд. ИЭНК; 4) Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры, Сообщения ГАИМК, т. I, Л., 1926, стр. 37—70; 5) Чуваши-яфетиды, Чувашиздат, Чебоксары, 1926, и оговорки и по этой имеющейся в печати новейшей литературе.

7. О пути от первого печатного заявления в грузинской газете «Иверия» (ПЭРЯТ, стр. 1—7) о родстве грузинского языка с семитическими до опубликования в «Unter dem Banner des Marxismus» (1926, вып. 3, стр. 558—599) работы «Über die Entstehung der Sprache» (русский подлинник в ПЭРЯТ, стр. 286—335: О происхождении языка). Распирение круга изучаемых яфетидологией языков и суммарный очерк развития яфетической теории с примерами и литературой.

8. Отброшенные по пути мнимые научные положения, учения или искания касательно «расовых языков», «праязыка и племенной чистоты языков», «прародины» той или иной системы языков на чужой стороне, межъязыковых китайских стен, хронологизации языковых явлений по письменным памятникам; в связи с этим исключительное господство в старой лингвистической школе морфологии и преимущественное внимание к мертвым языкам, пренебрежение теоретическим изучением лексического материала с сравнительной грамматикой и их антитезы по яфетической теории. Отношение ученого мира к теории. И вывод — усиление и расширение активности.

9. Яфетическое языкознание — продолжение индоевропейской лингвистики, ее дальнейшее развитие. Отношение яфетидолога к индоевропейской лингвистике. Яфетическое языкознание и новое советское культурно-хозяйственное строительство, в частности по национальной линии.

10. Техника и термины яфетического языкознания. Аналитическая транскрипция (см. «Аналитический алфавит абхазского языка. К вопросу о реформах письма»). Условные знаки (перерождение, падение, ослабление и т. п.). Начертания гласных и согласных. Смысл доброй части терминов не физиологического, а общественного порядка.

11. Транскрипция. Нерв системы — цифровая трактовка букв. Таблица взаимоотношений простых звуков, слабых (сибилянтов и спирантов) и сильных, со сложными (аффрикатами), собственно, звуками диффузного порядка.

12. Подъем настроения, созданный в аудитории новизной учения, не имеет основания падать благодаря нарастанию новых завоеваний, вызывающих самокритику и пересмотр старого понимания, иногда весьма недавнего; так, требуют поправок устаревшие части в новейшей работе о происхождении языка.

13. Дефекты опубликованного генеалогического дерева. неполнота (отсутствие американских, океанийских, африканских языков, равно в Азии дравидических и других непрометеидских = «неиндоевропейских» языков Индии) и упрощенная схематичность (общее упоминание дальневосточных).

а) Китайский язык, его абсолютная типологическая древность и относительные эволюционные новшества.

б) Встреча **яфетидологов** с американистами, увязка с языками Евразии американских языков на наличной стадии развития яфетической теории через палеоазиатские языки и вообще северные языки и финские.

в) Намечаемая связь европейских языков через языки Индии (языки аустроазиатские), допротейдские («доиндоевропейские»), с американскими.

г) Круг языков с префиксовым образованием и на Западе, со включением яфетических языков.

д) Независимо от префиксового образования, связь аустроазиатских языков с финскими на севере и через малайский с дальневосточными, японским и корейским.

е) Африка, даже южная, не особый глоттогонический мир: готтентотский, или намайский, язык — средиземноморский.

ж) К увязке **самых яфетических языков** с яфетическими.

14. Качественные недостатки первого печатного опыта родословного дерева языков всего мира. Формальная типология, неполнота существующих представлений о типологии и идеологическое значение по связи с социальным строем, по его отражению в строе речи. Первоначальный строй без прилагательных, без глаголов, без местоимений, без категории терминов увязки (союзов), без рода с учетом пола: Аморфная (синтетическая), агглютинативная (непосредственная и местоименная) и флективная типологии (с свободой и стабильностью морфологизуемых частей).

15. Древность одного вида флективной типологии сравнительно с другим ее видом не подразумевает непосредственной генетической связи позднейшего вида с древним. Сложность яфетической пирамиды.

16. Определение типологии не отдельными признаками, а совокупностью признаков; так, определение агглютинативной, флективной типологии.

17. Аморфность типологии и своеобразие семантики в китайском. Примитивность семантики. Кит. 'рыба' уй, 'дождь' уй. Полисемантизм.

18. Изменчивость морфологии с изменчивостью идеологии лексики и значимости слов в различные глоттогонические эпохи, соответственно различным эпохам хозяйственной и общественной жизни (ее племенному составу): кит. та 'лошадь' — морд. мкш. lɪp-ta 'лошадь', лат. rān-is 'хлеб', греч. bálan-os 'жолудь'.

19. С переменчивостью слов переменчивость форм одновременно или врозь, общность («родство», «заимствование») в путях скрещения в зависимости от различных видов общения (расхождение формальной типологии со словарным составом и обратно) и значение классового, гесп. профессионального, момента.

20. Культурный характер речи. Магизм как фактор производства и охотничий язык.

21. По системе языка и его звуковой состав. Процесс вымирания звуков старых систем, именно диффузных и диффузоидов, гесп. аффрикатов, в первую очередь заднеязычных — горловых или гортанных. Общий сравнительный просмотр языков различных систем в этом отношении — американских, семитических, протейдских (с колебанием в различных представителях), особенности санскрита и греческого. Колебание, меньше или больше архаизма, в языках более древних

систем, в самих **яфетических**. Разительная убыль в звуковом составе баскского, а равно готтентотского. Бедность звукового состава и ее источник.

22. Отрезанность каждой системы в обособленном бытовании одного типа и ее последствия — идея о так наз. расовых языках и семьях. Текучесть строя **яфетической системы**, ее разнотипность и наглядная диахроническая связанность различных в ней **типов**. В ней и оба вида флективности: семитического уклона — грузинский (древнелит.), прометеидского («индоевропейского») **уклона** — армянский (древнелит.).

23. Гомохронические звуковые соответствия (корреспонденции), так наз. фонетические законы, основа формальной классификации языков в их статике.

24. Примеры гомохронических корреспонденций из сибилантной ветви яфетических языков — групп свистящей (сс) и шипящей (шп).

25. Социальная фонетика (социальные группировки по звуковым корреспонденциям). Об учетывании изменений звуков и их взаимоотношений в речи не как физиологических фактов, а как показателей общественных взаимоотношений в пространстве, территориально («межплеменных») или во времени («внутриплеменных»).

26. Источники социальной фонетики (хозяйственно-общественное сближение, скрещение). Скрещенность каждой сложившейся звуковой речи. Племена не по крови, а по общему хозяйству. Звуковая речь наследие линейной; отличительный звуковой комплекс племени не животный, а членораздельный.

27. Диахронические звуковые соответствия — основа формальной классификации языков в их динамике (палеонтологический разрез звуковой речи).

28. О трудностях построения таблицы соответственно сложности взаимоотношений различных систем и различных языков каждой данной системы.

29. Главное затруднение в составлении родословия (при стремлении учесть все признаки) единого процесса глоттогонии — в росте наследственности, как задерживающего начала в глоттогонии, и перенесении творчества на живую общественность, в самом движении ее (диалектизм, нарастание условий для смен мутационного порядка, революционные сдвиги или взрывы). Вначале пустое место, ни духа, ни звуковой материи для речевой работы. Язык — создание человеческого коллектива.

30. Интерес и значение проблемы о происхождении языка в связи с суммарным изложением пройденного в курсе вплоть до вопроса о трудностях составления генеалогической таблицы. Жизненная реальная таблица развития звуковой речи человечества исключается за ее лишь отображенным существованием. Создание коллектива, язык — «отображение не только его мышления, но и его общественного строя и хозяйства, отображение в технике и строе речи, равно в его семантике». Сам по себе язык не существует как закономерное явление, живущее особыми физиологическими или психологическими законами. Жизненность языковых явлений, вообще звуковой речи, в их органической связанности с развитием материальной культуры и техники. В связи с этим вопрос о месте зарождения культуры на Востоке или Западе.

31. Западноевропейское археологическое построение истории человечества в формулировке 1925 года. Лингвистическое место зарождения культуры в усло-

виях наибольшего накопления материала и длительного процесса мутационного порядка, свидетельствуемого фактами. Там «родина», собственно социально-творческая среда культуры: и вместе с ней и звуковой речи человечества. Это в западной Европе — Средиземноморье.

32-33. Первобытная культура и линейная речь, ее приемы, зависящие от физических и общественных данных (приемы естественные и искусственные). Роль руки. Ирреальность термина «первобытная культура». Происхождение терминов «культура» и «натура». Отдаленность народов с речью доисторических творцов средиземноморской культуры. Сплетение труда с культом в земледелии. Тяжба 'руки' с 'небом'. Линейная речь — дар ли природы? Рука — организующее или руководящее начало, орудие магии.

34. Рука в роли создателя культуры. Рука как орудие производства в археологическом освещении. Хозяйственно-общественное происхождение человеческой речи. Рука в центре языковой жизни человечества так же, как в центре производства трудовой его жизни. Непрерывная последовательность от речи линейной к звуковой. Факты увязки дозвуковой ручной или линейной речи со звуковой речью (груз. *toda* 'протянуть', 'звать' одинаково от 'руки' и др.). Функциональное наследование языком названия руки. Преимущества и дефекты линейной речи. Революционное значение замены руки и глаза аппаратом, целиком сосредоточенным в головной части тела.

35. Полисемантизм 'руки' и семантический пучок 'рука, женщина, вода'. Первенствующее значение при определении значений имен, первично асемантичных (не имеющих никакого значения).

36. Система звуковой речи лишь с эпох вполне устоявшегося их сложения.

37. О среде возникновения четырех элементов речи. Доречевое возникновение четырех элементов (диффузных звуковых комплексов, разрешившихся позднее в четыре элемента, так наз. племенных названий). Терпсихора и четыре элемента речи. Отсутствие потребности в звуковом языке при ручной речи. Звуки в кругу потребностей магическо-производственного действия, как неотъемлемая составная часть пляски, пения и музыки, впоследствии самостоятельных искусств. Среда возникновения членораздельных комплексных звуков, как музыкальных голосовых средств коллективного трудового процесса, магическо-производственного действия. Диффузное значение термина 'петь' (плясать, играть, петь) и бессловесное пение. Рука — первый музыкальный инструмент. Отражение палеонтологической истории «пляски, игры, пения» в греческих мифах о музах и богах. Терпсихора, *Thersps, terps, kerp, gerbeθ, germeθ, karapet*, равно *tarmaθ* и др. и *stapan, шатап, alma, feleb*. Терпсихора и хор дервишей. Магические звуки, звуки музыкальные, голосовые, членораздельные звуки речи; «колдование», «пение», «эпос» и звуковая речь. Четыре членораздельных комплекса, четыре элемента и стабилизация племенных по крови образований. Первое смутное значение четырех элементов, любого из них, и элементы в новой роли звуковой сигнализации любого значения, каждый из элементов одинаково. Развитие нового орудия общения, звуковой речи, в зависимости от роста хозяйства и общности, нарастание новых типов звуковых языков, сродных от процесса их возникнове-

ния — путем скрещения. Социальные группировки звуковых языков со становлением их из **культурно-властительских** обиходными.

38. **Доречевая фонетика.** Нарастание функционального значения отдельных звуков. **Диффузность** доречевой фонетики, **аффрикаты** — пережитки диффузных звуков, стоявших на грани с нечленораздельными, диффузоиды. Осознание звуков, как самостоятельных функциональных величин, и дифференциация гласного в процессе развития явлений музыкального порядка.

39. Нарастание звуковой речи в путях идеологии, унаследованной от линейной речи: 'рука', 'имя', 'указывать', 'звать'. Новые технические средства звуковой речи (ударения, долготы и т. п., чередование звуков). Образование вселенского мировоззрения.

40. Объяснение четырех элементов, их условно принятых названий (sal, ber, uon, goh) и обоснование их разновидностей (закономерные и разнорядные), условные обозначения А, В, С, D.

41. Рост звуковой речи формальный: сложение элементов (скрещение), сложные слова, образование различных категорий слов (частей речи) и последовательность их возникновения, отражение в стилях литературных языков процесса скрещения. Типичные примеры полного скрещения и сложения.

42. Достигнутые увязки частей речи с новыми формами общественности и ее правовыми представлениями.

43. Различная идеология формирования частей речи, их типология и последовательность возникновения различных типов. Именное происхождение и местоимений.

44. Различная техника формирования того или иного типа; исторические, территориальные и другие факторы этого явления.

45. Стадия развития человеческой речи. Неучитываемые по их формальной антитезности факторы культурного творчества. Легкость восприятия внешних причин и неизбежность внимания только к ним при формальном методе. Процесс глоттогонии (языкотворчества) генетически разъясняется не внутри языка, а в хозяйстве и общественности, в увязке речи с ними. Формальные признаки речи и их идеологические координаты, связанные с материальным миром. Полисемантизм и асемантизм аморфной речи. Полисемантизм и моносиллабизм. Координаты — решающие признаки систем. Моносиллабизм подлинный и мнимый. Переживание того или иного признака изжитой системы в новой и новейших. Увязка определения с определяемым особой функциональной частицею в уточнение аморфного построения в агглютинативном языке (турецком) наравне с синтетическим в основе (абхазским). То же самое в переходном от агглютинативности к прометеидской флективности языке (армянском древнелит.), особенно же осложненно в переходном от агглютинативности к семитической флективности (арабской) языке (грузинском древнелит.).

46. Сравнительная грамматика различных систем у каждой особой.

а) Сравнительная грамматика различных ветвей внутри системы самих яфетических языков, как-то: по формальной фонетической классификации — сравнительная грамматика сибилантной ветви яфетических языков по двум группам, свистящей

и шипящей, сравнительная грамматика спирантной ветви, особенно гибридного спирантно-шипящего (сванского) и спирантно-свистящего (абхазского) с свистящей и шипящей группами сибилантной ветви, по принадлежности, по формальной же морфологической классификации — сравнительная грамматика яфетических языков местоименного строя (синтетической и агглютинативной групп).

б) Сравнительная грамматика различных систем, яфетическо-семитическая, проработанная, и в работе яфетическо-протетидская («индоевропейская»), яфетическо-алданская (урало-алтайская), яфетическо-китайская и др. Технические приемы каждой из сравнительных грамматик и классификация языков каждой системы.

47. Семантика. Отсутствие первично какого-либо значения у элемента, впоследствии племенного названия. Социальная и индивидуальная семантика. Использование элементов для сигнализации представлений и для выражения понятий согласно с идеологией определенного типа хозяйства и соответственных форм общественности. Органическая связь выражаемых звуковыми комплексами представлений и понятий с функцией предметов обихода и историей общественного строя.

Закрепление за разновидностями элементов тех или иных значений, так называемых основных.

48. Семантические эпохи. Образование семантических гнезд, родов и пучковых значений в связи с процессом развития культуры и развития общественных форм и приращением языкового материала в зависимости от пережиточных навыков. Полигенизм семантики и степень его действительности и при анахронизме.

49. Связь теории яфетического языкознания с индоевропейской лингвистикой и зависимость от нее, как дальнейшего этапа развития в учении об языке. Основные положения яфетического языкознания, как антитезы языкознания индоевропейского (суждения о происхождении языка, отрицание единства этого происхождения, скрещение, семантика, метод палеонтологического сравнения, роль бесписьменных языков и т. д.).

50. Соотношение яфетидологии с исследованием истории человечества по памятникам материальной культуры. Встреча в понимании языкового материала, как памятника (слово не вещь, но ее отложение, выражение функции вещи). Расхождение в методах анализа генезиса (происхождения) и соотношений и как следствие этого — расхождения в выводах.

51. Встреча яфетической теории с положениями, высказанными предшествовавшими и современными исследователями других и сродных областей учения о человеке. Лингвисты. Философы. Историки материальной культуры (археологи и этнологи), социологи и марксисты.

Выступительная речь к курсу общего учения об языке, читанному в Азербайджанском университете

Приветствую и старших, и молодежь, приветствую Азербайджанский университет, признательный за внимание к новому учению об языке, прочитав эпизодический курс по которому я приглашен, и, приветствуя, не могу не поделиться, с риском омрачить привет, не могу не поделиться скорбным чувством при живо воскресающем здесь образе, неизбежно воскресающей памяти о том, кто первый в университетской среде, вне Ленинграда, проторил было дорогу новому учению об языке, б. профессоре Азербайджанского университета Всеволоде Брониславовиче Томашевском, скончавшемся месяца два тому назад на ответственном посту ректора Ленинградского университета. Добрая ему память!

Чем т. Томашевский был для нового учения об языке, в родном мне с ним одиваково университете в Ленинграде, в нашей alma mater, кому интересно, получит возможность узнать по слову, посвященному его памяти и вошедшему в число статей печатающегося сборника о числительных, коллективном труде той так наз. Группы числительных, ныне органической части Яфетического института АН, одним из идеологов и технических работников, членов-основателей которой был покойный. Основная его заслуга — фактическое выявление того, как можно, не порывая не только с актуальными по сей день достижениями индоевропейской лингвистики, но даже с ее положениями, ныне имеющими лишь историческое значение, — как можно стать адептом новой языковедной теории, ее настойчивым поборником. А как это трудно, когда, с одной стороны, за пределами СССР пока только в одном Венском университете оказался ее сторонник, смело выступивший глашатаем нового учения, и когда, с другой стороны, с увеличением интереса к новому учению об языке по периферии — в свободных от академического самонения нацменовских и национальных исследовательских организациях, в центре усиливаются всякого рода выступления, настолько внушительные и тогда, когда они мало выявляются, как бы сокровенные деяния, что в порядок дня становятся малодушные молчаливые отречения учеников. Кому интересно знать и эти недавние, почти еще свежие переживания нового учения об языке, могут осведомиться в предисловии сборника «По этапам развития яфетической теории».

Нам не в диковину и не в первый это раз наблюдается, что ученым дороже привычные построения, им не по себе становится, когда с изжитыми научными построениями естественно должны они отойти и уже отходят с господствующих, когда-то по праву занятых ими позиций. Нас более и действительно тревожат признаки равнодушия самих говорящих масс, в частности национальностей, к вопросу об языке и в отношении к языку вообще, точно это проблема отвлеченного значения. Строя всякое благополучие человека, относясь с необычайным вниманием ко всем его источникам, включая и живую и мертвую природу, ее так наз. производительные силы, об языке, следовательно, и о самом человеке,

мы вспоминаем лишь тогда, когда он сам о себе заставляет вспомнить, не забывать.

Подъезжая к столице Азербайджанской республики, я взял в руки первый встречный номер столичной газеты «Бакинский Рабочий» и прочитал не без волнения, во всяком случае с интересом, следующие строки про дагестанских профработников в Баку: «Как заявил зампред Дагсовпрофа т. Косицын (или Косницын), Азербайджан далеко опередил Дагестан, что, впрочем, естественно: в Дагестане насчитывается только 27 000 членов профсоюзов, тогда как в Азербайджанской ССР их свыше 200 000. Затем не следует забывать, что Дагестан говорит на 6 языках и 33 наречиях, что особенно затрудняет развитие культурной работы».

Не знаю, что понимает автор под наречием или как он отличает дагестанские наречия от языков; мне известно, что в Дагестане не менее 39 языков, говорящие на которых друг с другом не могут общаться. Но все-таки хорошо, что начинаем вспоминать (и не надо забывать), что без урегулирования вопроса об языке нельзя вести культурной работы. А с сохранением основ советской общности можно ли вести дело индустриализации края без урегулирования вопроса об языке? А можно ли с фактическим успехом вести дело национализации культурных достижений человечества без урегулирования вопроса об языке? А можно ли достигать реальных успехов в деле приобщения действительно широких масс, подлинных рабочих и подлинных крестьян, без урегулирования вопроса об языке? И правда ли этот вопрос об языке, из орудия культурного общения становящемся орудием культурного разобщения, является животрепещущей актуальностью только для Дагестана, а в остальных республиках он уже решен или, что важнее всего, правильно поставлен и правильно решен? Предоставляю самим вам также не забыть об этом и подумать.

Второй раз приходится выступать в вашем родном университете. Но, как будто, у нас не было провала за трехлетний промежуток с выступления моего здесь в 1924 году. У нас, казалось, была с азербайджанским научным миром некоторая увязка, с нашей стороны благодаря главным образом работам моего ученика И. И. Мещанинова; правда, Мещанинов прежде всего историк материальной культуры, специально Элама и архаической Передней Азии, но, во-первых, новое учение об языке отнюдь не шестуется, паря своим методом в поднебесьи; это не метафизическая отвлеченность, в разлуке с материальной культурой, — более того, сама теория нового языковедного учения в генесиологических вопросах, насколько в ней имеются положительные стороны, по своему значению для всякой обществоведческой науки равноценна с тем, что она представляет специально для языка. В конце концов, речь идет не о голой сумме знаний, так наз. истин, а о методе в конкретной работе над фактами, лингвистическими, дающими освещение, а часто впервые осмысление явлениям материальной культуры и естественно, что историки материальной культуры пользуются не только методом новой языковедной теории, но и установленными ею положениями. В этом отношении И. И. Мещанинов отнюдь не одинок; то же самое делают два убежденных последователя новой теории — историк средиземноморской материальной культуры проф. Б. Л. Богаевский,

специалист по эллиническому миру, активный работник АИМК специально в Комиссии социологии искусства, и археолог и этнолог, а также вещевед Кавказа, действительный член АИМК А. А. Миллер, тоже приблизившийся к научно-исследовательской организации Азербайджана и один из звеньев той же нашей увязки и по новой теории. Для цельности и нерушимости научного мировоззрения названных трех историков материальной культуры, в согласии со все более и более укрепляющимися и уточняющимися положениями нового учения об языке, достаточно сослаться на вопрос об устранении миграции, как творческого фактора, на какую тему И. И. Мещанинов недавно выступил в АИМК с блестящим докладом и обстоятельным изложением и уничтожающей критикой новейших авторитетнейших западноевропейских построений истории материальной культуры выявил, что с миграцией неблагоприятно, миграцией не решить ни одного генетического вопроса, а ставка археологов на миграцию завела их в тупик, в такой же тупик, в какой лингвисты-индоевропейцы загнаны ставкой на пра-язык и формальный сравнительный метод.

Но, кроме того, это во-вторых, И. И. Мещанинов лучший специалист по халдскому языку и ванской клинописи, памятников и доиндоевропейской Армении, памятников исторических эпох кавказской жизни, когда не было еще и иранцев, персов-иранцев, и когда в числе соперников халдов с Ванского озера, как теперь наметилось, единоплеменников скифов, выступал с севера и тот народ этиуниев, который ныне налицо в виде пережитков, казалось бы, только в двух-трех селах, удинов. В связи с этим естественным для Азербайджана научным интересом и к халдской речи ванских царей, толкуемой яфетидологически, да и независимо по непосредственному интересу к самой новой теории об языке, И. И. Мещанинов читал здесь курс, печатал и печатает соответственные работы, в том числе и популярное изложение яфетической теории.¹ и потому мне казалось, что я могу прочесть эпизодический общий вводный курс яфетического языкознания с расчетом на знакомство заинтересованной аудитории с литературой и основной частью терминологии нового учения.

Нужно ли в самом деле мне до приступа к курсу объяснять такие элементарные вещи, как существование свистящих и шипящих звуков, именно, свистящих в составе слабого согласного, глухого s различных категорий, как то s, равно звонких z, ẓ и их сильных подъемных представителей t, ḍ, ſ̣ и т. п., шипящих в составе слабого шипящего согласного в разновидностях глухих ш, щ, равно звонких j, j̣ и их подъемных представителей ṭ, ḍ̣, ſ̣̣ и т. п., и что свистящим и шипящим мы противопоставляем придыхательные звуки, свистящим длительные, как h, и шипящим прерывистые, как f, причем придыхательные также представлены в яфетических языках слабыми согласными, в длительных глухим h, звонким γ и сильными подъемными k, g̣, q̣ и др., в прерывистых глухим f, звонкими «у» и сильными подъемными k, g, q и др.

Если разъяснять эти элементарные термины, да еще то, что свистящие (sifflant) и шипящие (chuintant) в яфетической теории объединяются родовым

¹ Основные начала яфетидологии, изд. Общества обследования и изучения Азербайджана, Баку,

термином «сибилянты», а слово «спиранты» употребляется в значении исключительно заднеязычных для такого же объединения длительных и прерывистых заднеязычных, то нам придется прочесть не эпизодический курс в десяток часов, а по крайней мере семестра два.

И, с другой стороны, все эти технические слова нужно знать, так как иначе не понять конкретно, о чем идет речь, когда мы говорим «сибилянтная ветвь», «свистящая группа», «шипящая группа». По формальной классификации яфетические языки Кавказа делятся на две ветви: сибилянтную и спирантную, в свою очередь сибилянтная ветвь, наиболее полно или доработанно представленная, состоит из двух групп:

1) группы свистящей, куда относятся оба грузинских языка: и древнелитературный (феодальный) язык высокой знати, и так наз. вульгарный, язык раньше низов, крестьянских масс, с ростом значения мелкого дворянства и городков со средних веков, а в XIX веке с усилением крестьян и нарастанием мелкой буржуазии и рабочих в полной мере пробивающий себе дорогу в литературу;

2) группы шипящей, куда относятся языки мегрельский и чанский, бесписьменные доселе языки, языки ныне главным образом крестьянского населения. В курсе мы разясним, в чем более точно выражается взаимное схождение или расхождение языков свистящего и шипящего строя, но надо знать хотя бы то, чего касаются определения «свистящий», «шипящий», что подразумевается формально под терминами «сибилянтный» и «спирантный» и что уже реально имеется в виду, какие языки, когда говорят о свистящей и шипящей группах на Кавказе. Так-то взаимоотношения свистящей и шипящей групп прослеживаются и за пределами Кавказа, даже между языками, отнюдь не являющимися ныне яфетическими, например, как увидим, между турецким и чувашским, в языках Волкамья, т. е. Волги и Камы, не только в чувашском, но и финских языках. В финских языках вообще, в особенности волкамских, звуковые взаимоотношения яфетических языков Кавказа, в том числе и взаимоотношения свистящей и шипящей групп, прослеживаются с замечательной яркостью;¹ то же самое наблюдаем мы пережиточно во взаимоотношениях таких бесспорных индоевропейских языков, как классические языки Европы, греческий и латинский. Кому детали интересно знать, рекомендую заглянуть в ближайший выпуск «Докладов Академии наук», именно, в печатающуюся в нем статью «О слоях различных типологических эпох в языках протоеидской системы с точки зрения яфетической теории» (ИАН, 1927).

Не буду останавливаться на таких терминах, не мною к тому же введенных, как пучковые значения, но в новой теории особенно усиленно используемые и уточняемые, когда за словом закрепляется семантически-закономерно установившийся подбор значений.

Все это можно бы знать раньше, как и термин «диффузный», в применении к звукам используемый физиологами, у нас же получающий особенно углублен-

¹ [См. Н. Я. Марр, Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей групп в огласовке хэшка и эрял мордовского языка. ДАН, 1927, стр. 143—147 (ИР, т. V, стр. 380—384) и в других работах.]

ное, да и расширенное значение даже в области социальных явлений. В отношении звуков дело, как будто, ясно: буквально слово значит 'разлитой', происходя от латинского глагола *diffundo* 'разливаю', но реально 'не оформленный индивидуально', 'сливающийся' со смежным, также не отлившимся в устойчивую форму явлением; в применении к звуку такое его производство, которое свидетельствует о недоразвитости произносительных органов для расчлененного произношения физиологически смежных звуков, имеющих впоследствии разлучиться друг с другом и развиться каждый в самостоятельную фонему, но на прежней стадии развития как бы не совсем членораздельные звуки. В афетических языках сохранились во множестве пережитки таких диффузных звуков, как бы не совсем членораздельных; это своего рода диффузоиды, нерасчлененные звуки, которые мы воспринимаем как составные из двух, а иногда из трех звуков, например, в абхазском языке $t + s + w = \text{ṭ}$ или $d + z + w = \text{ḍ}$. Простых звуков вначале и не было, как не было и составных, собственно, им предшествовавших диффузоидов, а были диффузные; в своей первичной нерасчленяемой еще сложности и послужившие впервые сигналами для обозначения тех или иных предметов или явлений, для получения того или иного значения, чтобы стать словом.

Все это можно бы знать раньше, и я должен был рассчитывать разве на незнакомство с такими техническими, казалось бы, новшествами в изложении, как замена слова «индоевропейские» в применении к языкам термином «прометеидские» («индоевропейский» или «индоевропейстический» сохраняется за старым учением об языке: индоевропейская лингвистика и т. п.), отказ от термина «семья» в применении к группам родных языков в пользу «системы».

В связи с этим для начальных эпох человеческой общности упраздняется возможность пользоваться термином 'племя', *ἔθνος*, вообще всяким названием объединения по крови, ибо первоначальные объединения, как показала палеонтология речи, коллективы хозяйственно-общественно возникающие, агнатические, а не по крови, не когнатические, не по родству крови, а по общности интересов и общности территориально определяемой техники для их удовлетворения.

Пожалуй, не могу я рассчитывать и на знакомство с положением или учением о четырех элементах, т. е. с тем, что все слова всех языков, поскольку они являются продуктом одного творческого процесса, состоят всего-навсего из четырех элементов, каждое слово из одного или двух, реже трех элементов; в лексическом составе какого бы то ни было языка нет слова, содержащего что-либо сверх все тех же четырех элементов. Эти четыре элемента обозначаем прописными латинскими буквами A, B, C, D; они, прежде называвшиеся нами же племенными словами SAL, BER, YON, ROH, — основа формального палеонтологического анализа каждого слова; без предварительного производства такого анализа, без разложения слова на наличное в нем количество элементов, одного, двух или более, нельзя сравнивать, без такого анализа сравнительный метод не действителен. Однако этот количественный или формальный анализ еще ни к чему также не обязывает, ибо при существовании в человеческой речи всего-навсего четырех элементов получилось такое количество созвучных или

совпадающих по формальному облику слов, ничего общего друг с другом не имеющих, что их случайное тождество может ввести и действительно вводит сплошь и рядом в безграничное число заблуждений, несмотря на существование так наз. фонетических законов, требованиям которых они часто вполне удовлетворяют. Спасает лишь качественный анализ двух категорий, один простой качественный анализ, как бы физический, когда созвучие проверяется значимостью слова, так наз. семантический анализ, притом значимость утверждается не установившимся представлением на основании употребления в том или ином письменном или вообще классовом языке, как это принято в индоевропейской лингвистике, а по законам палеонтологии речи. Другой анализ более сложный, как бы химический, анализ также семантический, когда значимость проверяется или удостоверяется прежде всего историею материальной культуры, равно историею общественных форм и затем историею надстроечных социальных категорий, искусства, художеств и т. п.

При учете и этих идеологических моментов речи дать правильное определение состава элементов в слове не так-то легко, как если бы дело шло о применении лишь формального анализа, об определении количественного и материального (звукового) наличия четырех элементов в слове. О том, что это за четыре элемента, каковы и почему их различные виды соединения, — именно скрещение, сложение и т. п., речь будет в курсе.

Лично всего три года тому назад я имел честь быть приглашенным в Баку Обществом обследования и изучения Азербайджана, и тогда пришлось прочитать здесь, в университете, доклад о культовом предмете, о женском божестве Иштари,¹ любопытном и как ключ для анализа названия Азербайджана. Но какое это имеет отношение к актуальной задаче осознания азербайджанского языка, казалось бы, пришлого или миграцией занесенного сюда? Как много утекло воды с тех пор! И тогда, впрочем, этот доисторический термин Iштаг увязывал культуру Месопотамию и Азербайджан с чувашами на Волге и этрусками в Италии, но доисторическая эпоха присваивалась изолированным в Средиземноморьи своим особым расовым происхождением яфетидам, которые противопоставались народам, казалось, иной расы, т. е. так наз. индоевропейцам, и все бремя вопроса о возникновении новых типов речи возлагалось на миграции, на появление новых по происхождению народов и смешение речи пришлых племен с языками аборигенов-яфетидов. Миграции и связанные с ними скрещения — всё внешние факторы. Правда, еще в том же 1924 году на страницах «Докладов Академии наук» появилось под заглавием «Индоевропейские языки Средиземноморья» первое мое заявление о фиктивности не только какого бы то ни было праязыка, взорванного новым учением раньше, но и о фиктивности и научной выдуманности различных расовых языков. Сформулировано было это новое утверждение, казалось бы, достаточно ярко и четко. Заявление гласило: «Утверждаю, что индоевропейской семьи языков расово отличной не существует. Индоевропейские языки Средиземноморья никогда и ниоткуда не являлись ни с каким особым

¹ [Напечатан в ЯС, т. V, стр. 109—178, перепечатан в ИР, т. III, стр. 307—350.]

языковым материалом, который шел бы из какой-либо расово особой семьи языков или, тем менее, восходил к какому-либо расово особому праязыку. Индоевропейские языки составляют особую семью, но не расовую, а как порождение особой степени, более сложной, скрещения, вызванной переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства, связанных, повидимому, с открытием металлов и широким их использованием в хозяйстве, может быть, и в сопутствии привходящих пермутаций [перерождений] физической среды; индоевропейская семья языков типологически есть создание новых хозяйственно-общественных условий, по материалам же, а пережиточно и по многим конструктивным частям, это дальнейшее состояние тех же яфетических языков в Средиземноморьи — своих или местных, на определенной стадии их развития, в общем новая по строю формация. Такие более наглядные гибриды, как, например, языки Армении, отчасти и албанский язык, не воплощение позднейшего скрещения индоевропейских языков с яфетическими, а представители переходного состояния на промежуточном этапе между *чистыми* яфетическими и *совершенными* индоевропейскими языками; это — языки, отошедшие от доисторического состояния яфетической семьи и не дошедшие до полного индоевропеизма.

Основные мысли, конечно, остаются в силе, и тогда, года три тому назад, эта формулировка их вполне соответствовала достигнутому охвату и пониманию материалов, степени их разъясненности. Да и сейчас, когда понимание это углубилось и уточнилось, сомневаюсь, можно ли формулировать иначе, при кратком изложении, да еще при изложении, требующем упрощения в интересах удобопонятности, настолько сами явления оказались чрезвычайно сложными. И все-таки от точного воспроизведения вскрывшейся перед нами действительности настолько далеко отстоят приведенные пространно наши же формулировки, настолько они грубо неточны, что впору уподобить тому, как если бы творения Бетховена вздумали сыграть без учета диэзов и бемолей, или тому, когда восточную музыку исполняют на европейском инструменте, не располагающем данными для передачи богатства ее долевых гамм.

Не говоря о том, что вместо «системы» все еще удерживался термин «семья», вынужденные фактами отвергнуть расовое различие языков, следовательно, отвергать и соответственное противоположение уже не семей, а систем, мы все еще продолжали представлять каждый член данной системы как совершенного ее представителя, точно по кровному родству происходящего, и говорили о «чистых яфетических языках» и «совершенных индоевропейских языках», и между этими мнимо-чистыми и мнимо-совершенными чересчур резко выделяли, как переходные, некоторые языки по принадлежности к какому-то особому промежуточному этапу развития человеческой речи; на самом же деле, при всей правильности основной мысли, как отвлеченного обобщения, фактическое положение выявляет такие модальности во взаимоотношениях конкретных языков каждого в целом, что любой из них оказывается на том или ином переходном этапе развития. Так же обстоит дело с противоположением так наз. индоевропейских языков яфетическим, как историческим — доисторическим, между тем все более и более выясняется более углубленным анализом языков различных

систем в забытые исторические периоды яфетической речи, что народы, предшествовавшие так наз. индоевропейцам, до возникновения этих самых «индоевропейцев» жили исторической жизнью. И в этой исторической жизни Средиземноморья принимали непосредственное участие, были ее творцами, помимо яфетидов, народы с языками других систем, с тех пор отброшенные в недостижимые, казалось бы, дали и на восток вплоть до Тихого океана и на полдnevную сторону вплоть до юга Африки. А народы турецкой, или тюркской, системы тоже в числе их? Отвечаю: это пока проблема, но проблема настолько назревшая, что остается сорвать ее как зрелый плод. Правда, с тех пор основные мысли, отрешенно лингвистически установившиеся, стали материализоваться благодаря увязке нового учения об языке с историей хозяйства и общественности, о чем интересующийся может осведомиться по таким статьям моим, как, например: 1) «Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (К увязке языкознания с историей материальной культуры)», ленинградское издание Кавказского историко-археологического института в Тифлисе, 1926; 2) «Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры» в «Сообщениях» АИМК, т. I, стр. 37—70; 3) «Скифский язык» в сборнике «По этапам развития яфетической теории», 1926, стр. 336—387.

Здесь, в последней из трех названных работ, уже трактовка языка ни в какой мере не остается отрешенной от хозяйства и общественности отвлеченностью. Здесь впервые подходим к конкретной постановке вопроса о двух мировых терминах материальной культуры, одинаково означающих предмет эпохи металлов, именно драгоценный металл — ‘золото’, один термин скифский, как бы азиатский, каковым оказалось русское «золото» с рядом разновидностей, в том числе и турецкий *altun*, другой термин — иберский, каковым оказался длинный ряд разновидностей на не меньшем количестве языков со включением в него латинского *aurum*. Весь афревразийский [т. е. район Африки, Европы и Азии] культурный мир оказался с одной стороны разделенным на две половины в отношении употребления слова, означающего названный благородный металл, одна половина с термином скифским, казалось бы, восточным, азиатским, что конкретно подтверждалось и находжением золота одновременно в алтайских, гесп. алданских, рудниках, другая половина с термином иберским, казалось бы, западным, с Иберийского, или Пиренейского, полуострова, но обе разделившиеся половины всего афревразийского мира оказались в схватке, борьбе друг с другом из-за утверждения одной стороной скифского термина, т. е. скифского, или восточноазиатского, золота, с другой стороны иберского термина, т. е. иберского, или западноевропейского, золота, следовательно, по внутреннему смыслу культуры, которая генетически определяется не отвлеченным бытием, еще менее — мышлением и затем творчеством, а трудовой жизнью, творчеством и затем бытием, обе половины оказались одним органически нераздельным культурным миром, выделяющим из себя тезы и антитезы в процессе совместной единой хозяйственно-общественной жизни. Выяснилось и то, что в центре древнейшего отложения средиземноморской культуры, именно в эллино-семитической среде, оказалась

отложившимися и скифский, и иберский термин, однако большой вопрос, здесь как вклады восточного и западного мира или как порождения накопившихся там же еще до эллинов и до семитов материалов не только евразийского, но и афревразийского окружения, — порождения, разошедшиеся потом в различные стороны и на запад в Европу, и на восток в Азию, и на более далекий юг — в Африку, в поисках не слов, а нехватившего ценного материала с наречением и его самого и мет его присков тем названием, какое было в обиходе у того или иного соответственного профессионального коллектива единого средиземноморского культурного мира. Вспомним, что название самой Африки, перешедшее с ее части на всю эту третью страну Старого Света, своей основой афг состоящее из двух элементов, АВ, или SAL-BER, является по форме даже не диалектической разновидностью основы ауг-(«ауг-») латинского аугиш 'золото', а закономерным двойником, по законам так наз. доисторической, т. е. яфетической, фонетики. В то же время вскрылось той же работой, что, во-первых, скифское 'золото' не только по мифическому преданию самих скифов связано с 'плугом', т. е. *земледельцем*, но и терминологически; во-вторых, название одного благородного металла по закону функционального перехода значений перешло на другой благородный металл 'серебро', и именно иберское название 'серебра', скрещенное, оказалось внедрившимся в самое сердце глубокой Азии. Таково, между прочим, происхождение турецкого слова *gümüş* 'серебро', или *kümüş*, у чувашей *kēmēl*,¹ а на Западе у хранителей древнейших традиций человечества оказались иные названия того же металла из одного элемента А (элемента SAL), это у египтян, как одноэлементное доиндоевропейское еще название (опять элемент А) 'золота' отложилось в Иране, в позднейшей персидской речи его населения и сохранилось в более архаическом переживании речи и первоначального населения Европы, именно в финской речи коми, или зырян, как сохранили одноэлементно название и 'золота' и 'серебра', именно разновидности элемента, входящего в состав скифского термина, такие древнекультурные обитатели Азии, казалось бы, ее аборигены, т. е. коренные жители, как китайцы, *kin* 'золото', *gin* 'серебро', а в Месопотамии у шумеров уже в скрещении — *gishkin* 'серебро'. Со всем этим напором терминологических фактов чисто исторического значения мы увязываем, благодаря анализу речи по новому учению, не только отвлеченные лингвистические данные с материальной культурой, но и так наз. доисторию, да и мифические предания о человеческой жизни с историею, как то выражено в следующем заключительном аккорде все той же статьи «Скифский язык»: «Геродот, или, вернее, его источники, и в этом отношении добросовестно повторяют то, что передавалось в народе в сказаниях мифического склада о *скифском золотом плуге* с неба, очевидно, со *скифского золотого неба*, о *скифском золоте* и т. п. Нужно ли прибавлять, что все космическое мировоззрение, с которым неразрывно связаны и религиозные представления, не что иное, как отложение успехов в эволюции хозяйственной жизни и ею порождавшейся общественности?

¹ В сборнике «По этапам развития яфетической теории», стр. 350, т. *gi-təsh* в диалектическом произношении.

Скифская общественность ушла далеко от первичной ступени развития с 'жолудями' или древесным питанием, отложившим свидетельство своего господства в культовых образах, ставших одной орнаментикой на вещественных памятниках. Скифская общественность ушла далеко и от ранней ступени развития культуры с оленем в роли животного передвижения. За оленем и лошадь становилась культовой. Скифская общественность переживала, т. е. оставляла за собой ступень культуры с одной лошадью в роли животного передвижения. Скифы скрещены уже с кимерами, или иберами, этими скитальцами Средиземноморья, вместе с этрусками-мореплавателями, проторившими путь финикийцам-семитам и грекам-прометеидам (индоевропейцам)».

«Скифский пантеон знает и морское божество, и небесное, Посейдона и Афродиту, уже раздвоение или ипостаси одной [т. е. раньше единой] Иштари, в терминах иберского, или кимерского, происхождения. Яфетических доисторических коней, в том числе и скифского коня, мы покидаем, чтобы переместиться на все еще яфетические кимерские и этрусские кони-корабли для пути, освещаемого светилами уже астрального культа, и чтобы с яфетически понятным языком скифов из доистории въехать в забытые человечеством, замолчанные и ученым миром, исторические эпохи Средиземноморья».

Таким образом, богиня Иштарь, так тесно связанная не только с названием Азербайджана, но и древнейшим отложением культовой терминологии в самих массовых низах азербайджанской живой речи, небесная Иштарь, движущаяся, или кочевая, она же еще и преисподняя, или морская, т. е. мореходная, она все еще и земная, т. е. земледельческая, низводится палеонтологией речи к творившей ее также одно время нерасчлененной хозяйственно-общественной жизни. Лишь впоследствии, с дифференциацией в различные сменявшие друг друга эволюционные эпохи, выдвигался и развивался каждый тип хозяйства в отдельности, номадно-пастушеский и скотоводческий, и также скитальческий мореходный и оседло-земледельческий, если не говорить пока особо о всегда наличном торговом, меновом торговом моменте. Но с этрусками и кимерами этот торговый момент представляет уже самостоятельное дело, самостоятельное производство соответственного класса. Упоминание кимеров рядом с этрусками в цитованном заключении статьи «Скифский язык» может смутить тех, кому впервые приходится слышать о новой языковедной теории, яфетической, или кому далее ознакомления с нею по одной-другой работе из специальной по предмету печатной литературы не приходилось углубляться, систематически изучать эти работы в последовательности развития теории.

О кимерах, или, что то же по названию, иберах, строителях приморских городов вместе с итальянскими купцами, плавателями-разбойниками по Черноморью, начиная с Ольвии, тезки итальянского города Alba Longa,¹ столицы Этрурии, можно осведомиться в докладе, прочитанном в Керчи пролетариату под заглавием «Старая и новая археология, старая и новая культура». Доклад появляется ныне в переизложении его музейным работникам на краткосрочных курсах

¹ Н. Я. Марр, Ольвия и Альба Лонга, ИАН, 1925, стр. 663—672

в Москве в журнале ЦБК «Краеведение» под заглавием «Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении».¹

Что же касается яфетических коней, то, распределенные сначала по племенам, названия лошади оказались, как и названия драгоценных металлов, одни и те же в распоряжении народов от Японии и Кореи на Востоке с захватом Кавказа и Передней Азии до Пиренейского полуострова на западном конце Европы. Одна работа, уже появившаяся в «Докладах Академии наук», так и озаглавлена «Берская 'лошадь' от моря и до моря»,² т. е. от Тихого океана до Атлантического, и этот материально-конкретный охват, на базе эволюции хозяйственно-общественного строительства, чисто языковых данных, казалось, исключительно отвлеченных звуковых явлений, лишь физиологически разъяснявшихся, и их общественно ничем не закреплявшихся норм, — охват, включивший и китайский, ныне расширяется внесением речи южноафриканского населения, готтентотов; это последнее уже достижение нового учения об языке.³

А какое все это имеет отношение к актуальной задаче обследования азербайджанского языка, а с ним к пересмотру и решению проблемы об единственно, как раньше казалось, связанных генетически с ним турецких языках? А я поставлю встречный вопрос: «Случайно ли мое вторичное выступление в вашем родном университете?» Я не знаю. Ответить может лишь отношение университетской аудитории к нашему общему делу. А какое это дело? Это дело, без которого шагу нельзя сделать вперед, дело осознания орудия межчеловеческого общения; в частности, нельзя осознать свою родную речь, нельзя, следовательно, осознать правильно республиканский язык, язык Азербайджанской республики, если нет ясного и научно обоснованного представления о человеческой речи в целом, как категории социальной ценности, о том, что такое язык.

СЗ

¹ [«Краеведение», 1927, № 1, отд. отд.; перепечатано в ИР, т. I, стр. 231—248.]

² [См. Н. Я. Марр, Китайский язык и палеонтология речи. ИАН, 1926, стр. 129—132.]

³ [См. Н. Я. Марр, Готтентоты-средиземноморцы, ИАН, 1927, стр. 405—416.]

Общий курс учения об языке

§ 1. В работе моей «Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории»,¹ говоря о соотношениях современного состояния яфетической теории с ее недавним, весьма недавним прошлым, именно, что было всего года три тому назад, мы отметили следующее: «Яфетическое языкознание с тех пор успело не только двинуться вперед и пустить свои корни глубже в толщу массового материала, но и раздвоиться на две самостоятельные дисциплины, на две органически связанные, особенно по линии преемства, дисциплины, одно учение — яфетическое языкознание, т. е. учение об яфетических языках, особой [системе, так наз.] семье языков, представляющих собой по типологии речи пережитки доисторических языков Афревозии [я бы теперь прибавил: и Америки с Океаниею и Австралией] и ныне ютящихся в трех горных странах, на востоке в Памирской полосе, на западе в Пиренеях по одному языку и на Кавказе в составе значительно многочисленной и разнотипной массы. Другое учение — яфетическая теория вообще, в применении к речи — общее учение об языке, об его происхождении, о взаимоотношениях различных [систем, так наз.] семей языков в статическом их состоянии, отложений различных этапов развития звуковой речи человечества и об эволюциях ее как формальной типологии, так и идеологической».

§ 2. Предмет настоящего нашего курса — это яфетическая теория вообще, т. е. общее учение, одинаково касающееся всех языков, одинаково важное и даже необходимое для всех, кто изучает какой-либо язык с желанием осознать его строй, само собой понятно, особенно важное для тех, кто собирается исследовать, тем более уже исследует какой бы то ни было язык, яфетический ли он, или неяфетический, и существенно необходимое для всякого работника по так наз. гуманитарным наукам, собственно социальным наукам, по любой из них, так как яфетическая теория, хотя языковедная, затрагивает основные интересы, принципиальные, во всяком случае генетические проблемы, всех наук о человеке, как общественном уже не животном, а деятеле, более того, — общественном творце. У яфетического учения об языке, общего учения, есть органическая увязка с историею материальной культуры, следовательно, с хозяйством и экономикой; есть такая же увязка с историею общественных форм, следовательно, с социологиею и в широком и тесном смысле слова; само собою ясно, что при такой органической увязке с историею материальной культуры и с историею общественных форм без нее в своих научных изысканиях не может обойтись ни один археолог, ни один этнолог, ни один историк искусства, ни один словесник, литературовед, занят ли он историею письменной литературы, доселе классовой, или народной, народным эпосом и фольклором, отло-

¹ Книга о книге, изд. Института книговедения Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде, стр. 45 сл. [ИР, т. ПІ, стр. 219—245].

жениями также классовых, но изжитых классовых культур, или изучает происхождение культурных сюжетов или художественных образов и форм. Наконец (и это отнюдь не последнее дело), общее учение об языке в освещении яфетической теории существенно необходимо для всякого общественного деятеля, для всякого общественного работника, откликающегося активно на окружающую действительность, работает ли он в порядке международных или спаянных с ними неразлучно национальных интересов, ибо в обоих случаях жизнь неумолимо ставит перед ним в том или ином виде вопрос о главнейшем доселе живом орудии общения, вопрос об языке в самых разнообразных плоскостях, именно об языках международных, живых и традиционных, мертвых, доселе также классовых и хранителях классовых исторических культур, и об языках национальных, частью традиционных, также классовых и также хранителях классовых исторических культур, но в значительной мере новых, зарождающихся как общенациональное достояние в новых путях — в путях советской общественности, с охватом прежде всего речи так называвшихся народных низов, крестьян и широких масс. Этого мало. Поскольку жизнь неумолимо ставит перед нами всеми вопрос о живом орудии международного общения, то этот важнейший и ни на минуту не устранимый вопрос нового интернационального общественного строительства нас вынуждает отвлечься от куцых перспектив настоящего, отойти от имеющихся в нашем распоряжении ограниченных как бы натуральных средств или возможностей международноязычного общения и говорить не о многочисленных международных языках, живых или мертвых, традиционных, всегда классово-культурных и всегда неминуемо империалистических, а об едином искусственном общечеловеческом языке и говорить о нем не утопически и не кустарно-самодельнически во вкусе и в поддержание европейского империализма, а в подлинно мировом масштабе, с охватом языковых навыков и интересов не одних верхних тонких слоев, а масс, трудовых масс всех и языков и стран, не исключая ни так наз. восточные народы ни те страны, которые до сих пор были заклеены как места ссылок или обречены как колониальные и «туземческие» районы пассивно давать материал на метропольные строительства, быть своего рода пушечным мясом в созидании будущей культуры, как она планировалась и строилась до Октябрьской революции. И в этих новых, отнюдь не мечтах, а серьезных, совершенно трезвых думах о будущем всемирном едином языке мы снова возвращаемся к яфетической теории, к существенной необходимости знать ее общее учение об языке. Это вовсе не значит, что мы забываем о давних опытах создания искусственных международных языков, о существовании такого искусственного международного языка, как общественно преуспевающий эсперанто, как хотя бы проявляющий последние годы большую исследовательскую активность язык ido. Это вовсе не значит, что мы отворачиваемся от них, как от *quantité négligeable*, т. е. от 'презренных величин', явлений, не заслуживающих внимания. Наоборот, мы в свое время к этим языкам вернемся, о них вопрос будет особо. Но сейчас речь об ином.

§ 3. Дело в том, что по яфетической теории человечество не начинало единым языком, а шло и идет к единству языка всего человечества. Яфетическая теория

выясняет пути этой эволюции мутационного (перерожденческого) порядка, ряда смен одной системы другою, и технику каждой типологически новой системы, приближавшей и приближающей нас к будущему типу единого языка. Разумеется, на этом пройденном в течение многих и многих тысячелетий пути потрачено человечеством громадное количество труда и имеются поразительные достижения, многим кажущиеся, многим именно из круга ученых кажущиеся, по темпераменту их или умонастроению, сказкой или, что то же, не заслуживающими доверия чудесами. Но может ли человечество отказаться от того, что достигнуто ценой столь длительных и громадных усилий?

Яфетическая теория учит, что язык, звуковая речь, ни в какой стадии своего развития, ни в какой части не является простым даром природы. Звуковой язык есть создание человечества. Человечество сотворило свой язык в процессе труда в определенных общественных условиях и пересоздаст его с наступлением действительно новых социальных форм жизни и быта, сообразно новому в этих условиях мышлению. Выходит, что натуральных языков не существует в мире, языки все искусственные, все созданы человечеством, и они не перестают быть искусственными по происхождению оттого, что, раз они созданы, наследственно переходят от одного поколения к другому, точно природный дар, как бы впитываемый с материнским молоком в детском возрасте. Корни наследуемой речи не во внешней природе, не внутри нас, внутри нашей физической природы, а в общественности, в ее материальной базе, хозяйстве и технике. Общественность наследует, консервирует или перелицовывает свою речь в новые формы, претворяет ее в новый вид и переводит в новую систему. Ясное дело, что будущий единый всемирный язык будет языком новой системы, особой, доселе не существовавшей, как будущее хозяйство с его техникой, будущая внеклассовая общественность и будущая внеклассовая культура. Таким языком, естественно, не может быть ни один из самых распространенных живых языков мира, неизбежно буржуазно-культурный и буржуазно-классовый, как ни один из мертвых языков не смог стать международным в бывшем новом мире, дооктябрьском, да и в том бывшем мире ни один из них и не намечался вовсе как массово-международный. При новом дыхании жизни современной общественности не может не чувствовать наступления своего конца в самой своей стране даже такой тысячамилетиями взращивавшийся общий для многих миллионов письменный язык, как китайский, не живой китайский язык, а мертвый письменный с его изжитой для современности техникой.

§ 4. Как же быть, когда непосредственные творческие факторы не в окружающей нас природе, вне ее производительных сил и вне внутренней нашей природы, вне нас, когда они лишь в общественности, а творческие факторы общественности, нас хотят уверить, не учитываемы? Так ли, однако, действительно обстоит дело?

Не буду останавливаться на стороне чисто социологической специальности. Насколько мне известно, до марксизма здесь та же неисповедимость. По этой части и книги в руки марксистам, у которых, однако, учение по языку, в том малом, что ими освещено по языку, почти исключительно по вопросу о проис-

хождении, до мелочей оправдывается независимыми языковедными исканиями яфетидологии. Однако правда ли независимыми путями, если метод яфетической теории оказался, неведомо для нее, марксистским? О поразительных встречах марксистских мыслителей или учитываемых марксистами лингвистов с положениями и фактами, устанавливаемыми яфетической теорией, речь будет в особом параграфе общего курса. Там же речь будет о встречах с идеалистическими мыслителями, так новокангванцем Кассирером и даже индоевропейцами, так особенно с Шухардтом, не говоря о характере случайном или поверхностном этих встреч и не забывая, что авторы-лингвисты подобных мыслей, в частности и Шухардт, вовсе не являются выразителями господствующей лингвистической школы. Вопрос кардинальный по нашему предмету, по языку, именно в постановке проблемы о происхождении в зависимости прежде всего от внутренних общественных факторов. Вот тут-то у нас коренное расхождение со старой лингвистической школой, индоевропейской. Для нее творческие факторы общественности действительно не учитываются, прежде всего субъективно, именно потому, что вопрос о происхождении языка она сама считает неразрешимым, она отвергает даже существование такой научной проблемы. Между тем яфетическая теория не только считает эту проблему научной, да еще первоочередной, но подошла к ее разрешению, перекинув бремя доказательств в историю языка с формальной стороны на идеологическую и создав особые в увязке с историей общественности обосновываемые отделы науки об языке, именно семасиологию, т. е. учение о значениях, и палеонтологию, учение о смене самих типов в хронологической друг с другом последовательности. Оба учения не по названию, а по существу в корне новой природы. Отсюда, придав эти особенности к указанным двум основным положениям яфетической теории, именно, созданности звукового языка людским трудовым коллективом и неуклонному движению языков в путях мутационного порядка, в путях развития взрывами, в зависимости от смены материальной культуры, ее техники и общественного строя, создаваемых систем в направлении к единству человеческой речи, рядом с эволюционными путями обособленного развития каждой народившейся системы, каждого языка, мы получаем ясное обязывающее положение. При таком положении на будущую речь человечества яфетическая теория не может иначе смотреть как на искусственно имеющий быть созданным язык, с тем отличием от прежней общественной работы в этой области культурных достижений, что бессознательный традиционный момент все более и более должен уступить место осознанному участию в ней, наследственная пассивность должна преобразиться, выделив из себя соответственную свою антитезу, в новообщественную активность, руководимую или планируемую на основании конкретных данных и техники творческой работы человечества прошлых веков, многочисленных веков и тысячелетий общих усилий над созданием речи, начиная с момента ее возникновения, когда из элементов, человечеством же в других целях созданных четырех элементов, позднее созидались и создались языки и образовались типологически различные их системы. Ни одно достижение древних не должно остаться не учтенным и не использованным в новом языковом строительстве. В связи с этим интерес именно к будущему,

а не приверженность к древности и ее отмершим и отмирающим мировоззрениям заставляет направить свой исследовательский интерес в одинаковой степени и к языкам прошлых веков, не исключая мертвых, и ко всем живым так наз. отсталых народов, на деле отброшенных господствовавшими нациями и классами от сознательного активного участия в творившейся доселе культуре.

§ 5. В этой работе над выковывыванием будущей единой речи не может, следовательно, быть обойден ни один национальный язык, ни одна племенная речь, как бы они ни казались теперь без роду и без племени, так как в них, даже изолированных и совершенно одиноких, мы имеем в сохранности драгоценнейшие остатки социальным настроением прошлого загубленных достижений, целых эпох общечеловеческого творчества в мировом масштабе. Вне этой общечеловеческой глоттогонии (созидания речи) не возникал ни один язык. Яфетическая теория подошла вплотную к утверждению этого положения, успев уже определить вполне или как ни как наметить место всех главных более или менее цельно сохранившихся систем, не как продукта независимого творчества, так наз. расового, в разобщенных районах, а как отложения основных этапов развития человеческой речи, отвечающих основным этапам в эволюции хозяйственной жизни, общественных форм и соответственной материальной и надстроечной техники. Посильное, в пределах наличных пока достижений, изложение этой истории и представит учение об языке, общая часть яфетической теории, а не яфетическое языкознание, специальное учение об яфетических языках. Основные моменты самой теории, общего учения об языке, составляют и предмет настоящего нашего курса.

§ 6. Специальное учение об яфетических языках также теоретическое учение, но в пределах их интересов, — интересов самих яфетических языков.

Следовательно, курса яфетического языкознания, учения специально об яфетических языках, читать я не буду. Сравнительная их грамматика требует знания ряда языков, мало кому известных, не только в центре, но даже на Кавказе, даже здесь в Баку в окружении самих яфетических языков; она требует и особой подготовки. Но некоторыми сведениями об яфетических языках надо все-таки овладеть да и без элементов сравнительной грамматики именно яфетических языков, как формальной, так и идеологической, едва ли легко будет усвоить вполне содержание нашего общего курса. Те нужные сведения по яфетическому языкознанию и те элементы его сравнительной грамматики вношу я в наш общий курс. Желающим приложить с своей стороны некоторые усилия к лучшему усвоению настоящего курса, углублению и уточнению излагаемых в нем мыслей может помочь литература вопроса, из которой рекомендую вашему вниманию «Абхазский аналитический алфавит (К вопросу о реформах письма)», издание ЛИЖВЯ, для ознакомления с транскрипцией, и «Классифицированный перечень печатных работ по яфетидологии», издание (2-е изд.) Московского Института этнических и национальных культур народов Востока СССР, для общей ориентировки в существующих статьях. Значительно может облегчить слушателю восприятие нашего курса другое издание того же института — сборник статей моих «По этапам развития яфетической теории» (из этих статей особо рекомен-

довал бы работу «О происхождении языка», немецкий перевод которой появился еще в январском номере минувшего [1926] года в журнале «Unter dem Banner des Marxismus», в немецкой серии «Под знаменем марксизма»). Статья эта наиболее близка к современному состоянию яфетической теории, хотя, составленная год тому назад, она уже отстает от достигнутого этой теорией уже нового этапа своего развития.

§ 7. Чтобы понять, какой путь пройден ею до начала этого года с момента возникновения теории ровно сорок лет тому назад, достаточно взглянуть на предложенное в цитованной статье «О происхождении языка» генеалогическое дерево развития человеческой речи,¹ где нашли выражение своей органической связанности друг с другом все языки, кроме американских и африканских, ныне уже намеченных к внесению туда же, и сопоставить это построение с тем положением, которое, в процессе работы начальной стадии развития той же теории, мы отстаивали, в опровержение существовавшего дотоле взгляда о полной изолированности самих языков Кавказа. Собственно, тогда речь шла в первую очередь о грузинском языке.

Не надо, впрочем, забывать и того, что на первичных стадиях развития лингвистики, тогда учения о той или иной группе языков, воспринимавшейся вначале без позднейшего уточнения, не то как особая семья, не то как особая система, вопрос об изолированности даже языков Кавказа не являлся в какой-либо мере догмой. Болп, основоположник формального учения об языке, индоевропейского, один из основных языков яфетической системы, грузинский, кстати, тогда единственно изучавшийся и известный в научной литературе, разъяснил как язык индоевропейской семьи, и это мнение его было разделено (можно сказать, разделял) единственный тогда грузиновед Броссе, что не мешало ему отдельные слова грузинского языка объяснять родством его с семитическими языками. Это понятно, если учесть то, что Броссе, единственный предшественник мой как специалист-кавказовед в составе Академии наук, был, собственно, историк, менее всего лингвист.

Значительно позднее, в эпоху возрождения и научного и общественного интереса к странам, принадлежащим к колониальным владениям Британской империи или к путям к ним, в частности к морским выходам в Средиземноморье, работавший в Англии лингвист Макс Мюллер, специалист по санскриту, филолог, изолированные, как казалось, языки Кавказа, в том числе в первую очередь грузинский, вместе с турецкими и финскими языками, вообще урало-алтайскими, относил к одной формально определяемой семье, агглютинативной, которая окрещена была в языкознании термином «туранской». Туранская теория долго продолжала существовать в умах ученых, под ее влиянием часть их, занимавшаяся загадочными для тогдашней науки мертвыми языками клинописей Месопотамии и Кавказа, эламским, шумерским, новоэламским и халдским, стремилась истолковать их с помощью грузинского, так Ленорман (Lenormant), Сэйс (Says),

¹ Unter dem Banner des Marxismus, Januar 1926, стр. 558—599, таблица та же по существу в ПЭРЯТ, стр. 314 [см. здесь, стр. 195]

Гоммель (Hommel) и др., все они без всякого или без элементарно достаточного знания грузинского языка, единственного сравнительно лучше, во всяком случае наиболее изученного яфетического языка.

Профессор Ленинградского, тогда Петербургского, университета, специалист-грузиновед А. А. Цагарели, выдавая за свое собственное мнение, в 1872 г. печатно повторял по-русски взгляд, высказанный за 8 лет раньше, в 1864 г., буквально в тех же выражениях венским лингвистом Фридрихом Мюллером и гласивший следующее: «Грузинский язык (равно как и другие кавказские языки) не имеет генетической связи с индоевропейскими языками, но не может быть причислен и к урало-алтайским. Он, подобно баскскому в Европе, по всей вероятности, есть остаток некогда весьма многочисленной группы, распространенной на Кавказском перешейке еще до прихода семитических, арийских и урало-алтайских племен на Кавказ и на юг от него». Вскрывая взаимоотношение взглядов венского и петербургского профессоров, студент факультета восточных языков, ваш покорный слуга, в опровержение мнения обоих ученых о полной изолированности грузинского языка, а с ним и прочих коренных языков Кавказа, в заметке (по-грузински), помещенной в газете «Иверия» за 1888 г., выдвинул тезис о родстве грузинского с семитическими. Тезис тогда же был сформулирован так: «Грузинский язык по плоти и духу, т. е. в отношении корнеслова и грамматического строя, находится в родстве с семитической семьей языков; однако связь его с упомянутыми языками не столь тесная, как связь этих последних между собой. Повидимому, грузинский язык, собственно, три языка — грузинский, мегрело-чанский и сванский — происходят из одного праязыка, почти столь же походившего на семитические языки, как семитические похожи друг на друга».¹

Тезису этому было предпослано следующее осведомление: «Мысль о родстве грузинского языка с семитическими в науке высказывалась и раньше, но вскользь и без хотя бы той слабой попытки обосновать ее, какая понадобилась ученым для доказательства мысли о близости и родстве нашего языка с урало-алтайскими или индоевропейскими. Первая подобная попытка оказалась безрезультатной. Еще года три тому назад [это, значит, в 1885—1886, т. е. ровно 41 год тому назад] я попал на след, давший вскрыть характерные особенности грузинского языка. По ознакомлении с арабским языком, я окончательно убедился, что у нашего языка много родственных черт с семитическими. Придя к такому выводу, я немедленно приступил к изучению еврейского и сирийского языков. С тех пор с каждым днем все более и более накапливается у меня материал и растет число данных для доказательства с большей убедительностью и оправдания высказанного мною предположения. К слову пришлось и, думаю, было бы кстати здесь же вкратце изложить ту мысль, которую в будущем мне предстоит обосновать».²

Та мысль, это только что перед этим сообщенный тезис, тогда же, т. е. в 1888 г., была изложена, но печатно дана была мне возможность лишь два-

¹ [Русский перевод см. ИР, т. I, стр. 15.]

² [Там же, стр. 15.]

дцать лет спустя, в 1908 г., опубликовать намеченное обоснование в предисловии труда «Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка». Это предисловие названо: «Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими».¹ С ним был нанесен, в кругу заинтересованных специалистов, способных мыслить без шор, смертельный удар полной изолированности грузинского языка, было, благодаря уже выработанной к тому времени сравнительной яфетическо-семитической грамматике, положено начало установлению тесной углубленной взаимной связи самих яфетических языков Кавказа, в первую очередь грузинского и его ближайших так наз. сородичей, а затем и других яфетических языков Кавказа. Тогда же, в том же предисловии, впервые было мотивировано введение в лингвистическую науку нового условного термина «яфетический»: смысл и значение его определяются успехами исследовательской работы над так названными языками, а вовсе не самим мифическим именем, так же мало что определяющим в новой теории, как имена не менее мифических существ Венеры, Сатурна, Марса в столь исключительно точной науке, как астрономия.²

Связанность яфетических языков вскоре выводит теорию за пределы Кавказа, а вскрытые ею пути взаимоотношений яфетических языков с неяфетическими или не вполне яфетическими языками на самом Кавказе дают в руки новые приемы и технику, чтобы закономерно распространять эту связанность на группы языков, дотоле стоявшие (для большинства ученых и доселе стоящие) в изоляции и друг от друга и, конечно, от яфетических языков Кавказа.

Из отчета «О поездке к западноевропейским яфетидам»,³ равно из доклада на грузинском языке «Культурный фронт грузинской нации с лингвистической точки зрения»,⁴ можно воочию видеть, как та же связанность у народов, казавшихся расово различными, с языком включает и эпос. Яфетическая теория осветила сродство средневекового персидского романа «Виса и Рамин» со средневековым французским романом «Тристан и Исольда», поставив рядом с ними как сродное творение древнюю народную версию того же сюжета, отрывки из армянского эпоса о Сартенике, или Исартенике-Исольде. В тех же путях яфетическая теория оправдала лингвистическим анализом термина «Тристан», имени героя французского романа, мысль известного французского исследователя Гастона Пари (Gaston Paris), что оно значит 'солнце', как имя Исольды оказалось означаящим 'воду'; она установила, что сюжет — доисторического происхождения, в источнике это сказание о космических явлениях, стихиях-божествах, и к народам позднейшей формации, французам и англичанам на Западе, как к армянам и персам на Востоке, сюжет попал независимо друг от друга к каждому одинаково из своих народных недр, именно, народных недр своего культурного окружения, как пережиток эпоса первоначального населения одинаково и Европы и Азии, т. е. яфетидов.

¹ ИР, т. I, стр. 23—38.]

² Н. Я. Марр, Абхазский алфавит, стр. 10—11 [см. здесь, стр. 324]; В. И. Абаев, ЯС, т. IV, стр. 205—207.

³ ЯС, т. III, стр. 1—64.

⁴ *Qarđvel eris kulturuli şubli enadmeşnerebis miqdeviđ, Mnadobi, 1925, №№ 12—14.*

В работе «Чуваши-яфетиды на Волге»,¹ появившейся в печати в 1926 году, намечается, как речевая связанность человечества, обоснуемая общностью доисторических переживаний, захватывает и русскую речь. Намечается насыщенность русской речи, независимо от ряда ярких чувашизмов, массово яфетическими словами.

Та же связанность человечества по речи от яфетических языков Кавказа и оказавшегося с ними в родстве чувашского через финские языки Европы и Азии и палеоазиатские распространилась на китайский. Мы уже не говорим о том, что намечается, как готовая к разрешению, точно просящийся на сбор зрелый плод, проблема об увязке афреазийских языков с американскими и африканскими языками во всей полноте, не с одними северо-африканскими. В частности о готтентотском, или намайском, языке нами в своем месте самого курса будут даны суммарно добытые пока положения.

Совершенно конкретно выступившие связи яфетических языков с финскими и далее с китайским дали материал для большей детальной скрепы яфетических языков Кавказа в их взаимоотношениях, притом, что так натурально, китайские и финские эквиваленты, одноэлементные, помогли вскрыть и правильно анализировать двухэлементные грузинские слова, позднейшие скрещения. Когда находим двухэлементное скрещенное слово г. *ǵa-me* на Кавказе || бск. *ga-w* («гаи») в Припиренеях Испании и Франции, в абхазском в том же значении оказался первый элемент *ǵa* (← *ǵa* → *ga), то второй элемент *me*, также в значении 'ночи', самостоятельно оказался у одного из приволжских финских народов, именно, мордвинов.²

Когда двухэлементное скрещенное слово г. *mi-ǵa* 'дуб' (→ *дереву) во второй части *-ǵa* оказалось представленным в значении 'дерева' как спирантно *ǵa* || *ǵe* (г.), так и сибилантно *ta* 'лес' и др., то первый элемент *mi*, у финнов с подъемом *m* в *r* — *rii* → *ri*, сохранным оказался у китайцев, везде со значением 'дерева'. То же слово, отнюдь не единственное, оказалось объединяющим с народами Востока и западных европейцев, народы Средиземноморья. Эта связанность стала углубляться увязкой с историей материальной культуры, равно поддерживаемая функциональным переходом слов, как названий, на позднейший предмет потребления с древнейшего в бесконечную даль минувших дней, много и много древнее эпох письменных языков, в том числе и яфетических.³ И вскрылись на той глубине такие связи между языками, о которых мы и не мечтали. Оказались такие абсолютно раньше не учтенные связи даже во взаимоотношениях наиболее, казалось бы, изученных языков — греческого и латинского, не говоря о совершенно девственно-нетронутых в этом отношении русском и финском, хотя бы суоми. После того, как выяснилось, что название 'хлебных злаков', да и 'печеного хлеба', равно 'муки' получилось из названия 'дуба-жолудя',

¹ Изд. Чувашского госиздата [ИР, т. V, стр. 323—372].

² Н. Я. Марр, Абхазско-русский словарь, изд. Академии абхазского языка и литературы (в Сухуме), 1926, Введение, стр. XII—XIII.

³ Н. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории [ИР, т. III, стр. 123—151]; его же, Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка историей материальной культуры [ИР, т. III, стр. 35—60].

раньше заменявшего 'хлеб', стало ясно, что лат. *rān*+*i-s* 'хлеб' своей основой *rān* — в архетипе $\check{x}rahn$, при сохранении первоначального тут полногласия (ибо термин скрещенный двухэлементный ВС: бер-ионский) — *ra-*an*, представляет архетип и греческого, *ba*-*an* ($\beta\acute{\alpha}\lambda\alpha\nu-\alpha\varsigma$) 'жолудь', 'дуб'. Удивительно ли после этого отсутствие всякого чутья к восприятию и оценке таких же фактов во взаимоотношениях, завещанных от доисторических эпох, примерно, того факта, что финское слово ныне для 'дерева' *pu*, раньше в одиночестве означавшее 'дуб+жолудь', как впоследствии скрещенный термин ком. *tu+pu*, морд. эрзя *tu+mo* и т. п., у западных финнов звучащее с долгим *u*—*puu*, у грузин значит 'хлеб' и входит в состав названия 'дуба', ибо его архетип *pu*, у яфетического поныне народа, кавказского, грузин, в этой первичной именно форме *pu* действительно значит 'хлеб', а скрещенный с тем же, казалось бы, исключительно финским *pu*, гесп. *mo* $\leftrightarrow$ *mu*, грузинский же термин означает 'дуб', звуча *mu-qa*, в архетипе *mu-ka, что пережило у русских в виде слова «мука» со значением, всем вам хорошо известным. Удивительно ли, что не учтены в этом отношении ни в какой мере факты из взаимоотношений иранских языков с финскими языками Волгамья (Волги и Камы)? Так же прослежено то же самое слово *pu* (форма окающей, в яфетических языках шипящей группы) в идеальной безукоризненности акающей, гесп. свистящей, разновидности *pa*, которую сохранили прометеидские («индоевропейские») народы Средиземноморья в указанных уже видах, греки в значении 'жолудя', римляне 'хлеба'. В чувашском, определившемся в своих сравнительно более цельно удержанных яфетических переживаниях как язык шипящей группы, этот же термин, с обычным для чувашской фонетики перерождением плавного *r* в *l*—*pu*, сохранился в скрещении с ионским, как в греческом и латинском эквивалентах, элементом (С), но окающей формы *op* с утратой исходного носового и редукцией губного гласного «о» в звук «э», в общем, следовательно, *pu*-э, что значит обычно в соединении с *tyg*-э 'хлеб'. И совершенно такое же образование и по огласовке, и по скрещению с ионским элементом, но ионским элементом сибилантной ветви *don*, в усечении в виде *d*, мы имеем в персидском *bu*+*u-d*, еще лишь со значением 'дуба', а в монгольском тот же *don* *to* в полном виде, то также с отсечением *op*, да элемент В без плавного исхода в виде *mo*, налицо также в скрещенном слове *mo+don* $\rightarrow$ *mo+d*. получившем уже общее значение 'дерева'.¹

§ 8. Естественно, за этот долгий исследовательский путь мы вынуждены были расстаться с целым рядом представлений, прежних, как казалось, незыблемых научных положений, о расовых языках, о существовании кустарно строившегося праязыка, о вне исследуемой лингвистической среды за горами за долами находившейся прародине тех или иных народов, да еще прародине с райским бытием фантастического праязыка, о межъязыковых китайских стенах, о хронологизации языковых явлений на основании письменных памятников и сосредоточении исследовательского внимания на письменных, особенно мертвых языках, в ущерб и умаление бесписьменных и живых, представляющих громадное значение для

¹ См. Н. Я. Марр, Китайский язык и палеонтология речи. III, ДАН, 1926, стр. 109—112.

науки об языке, об исключительном значении морфологии, о неважности, во всяком случае второстепенности лексического материала сравнительно с грамматикой, о национальной или первородной племенной чистоте языков, и т. д., и т. д. Пришлось постепенно расстаться со всем этим абсолютно ненужным, вредным багажом. Пришлось перенести бремя доказательств и направить острие интереса на другие явления и предметы, как-то: изначальное скрепление в звуковой речи, вместо простоты и чистоты, система вместо расы, живые языки вместо мертвых в первую очередь, идеологический анализ вместо формального, более того, качественное улучшение исследования формальной стороны идеологическим ее обоснованием, выдвигание вперед значения материальной культуры, хотя бы самой примитивной, вместо художественной стороны в такой степени, что в одном из своих докладов прошлого года в Академии истории материальной культуры, в докладе «Скифский язык»,¹ докладе, впервые прочитанном на состоявшейся в сентябре Керченской археологической конференции, с полным убеждением в своей правоте, я вынужден был, рискуя прослыть вандалом, воскликнуть: «Долой Милосскую Венеру, да здравствует мотыга и мотыжная культура!» Ибо лишь материалистическая постановка изучения культурных достижений человечества может научно разъяснить, будь это художественный памятник такого исключительного значения, как Милосская Венера, или такая культурная ценность, как также созданная человечеством звуковая речь, результат коллективной творческой работы трудового человечества, отложение находящегося еще и сейчас в полном ходу единого мирового глоттогонического процесса, идущего в такт хозяйственно-социальным строительством в путях внеклассового омеждународления.

А как относится ученый мир к новой теории? Если исключить тесный, чрезвычайно тесный круг моих учеников и ближайших наших немногочисленных последователей, ученый мир в лучшем случае относится никак, продолжая почитать в дремоте на достижениях первой половины XIX века. Хотите доказательство из русской научной литературы? Достаточно одного утверждения из рекомендуемого и сейчас в Ленинградском университете по курсу общего языкознания учебника выдающегося по вполне бесспорным заслугам в своей специальности, авторитетного индоевропеиста-лингвиста, учебника, выходящего уже шестым и далее изданием:² «На Кавказе различные племена говорят на языках, частью родственных, повидимому, друг с другом, как южнокавказские языки: грузинский, мингрельский, сванетский, частью не родственных ни между собой, ни другими, как северо-кавказские языки: черкесский, чеченский, лезгинский и др. Все эти языки в науке называются «кавказскими».

В какой науке? Очевидно, в почившей науке.

А на Западе? Там и в наши дни, когда на основе скрупулезного учета особенностей яфетической системы языков вообще да все углубляющегося изучения части кавказских ее представителей сложилось новое учение об языке, определенное классовое мировоззрение заставляет наиболее сильного поборника отжившего

¹ [ИР, т. V, стр. 191—223.]

² Д. Н. Ушаков, Краткое введение в науку о языке, 6-е изд., Госиздат, 1923, стр. 110.

учения выявлять к тому, что делается по Кавказу благодаря неизбежно установленным положениям яфетической теории и что уже сделано, такое изумительное отношение, какое заслуживает в назидание потомству быть завешенным как классический образец былой претензии индоевропейстической лингвистики судить и рядить по неподсудным и недоступным ей языковедным областям. Вот сам документ:¹ «А. Дирр, заслуги которого известны в изучении Кавказа, принял периодическое издание, посвященное народам Кавказского края. Это счастливая идея. Все более и более (*de mieux en mieux*) выясняется, как важно для освещения доистории Европы изучать эти народы, которые единственные или почти единственные хранители остатков некоторых языков и некоторых обычаев. Но нигде, как здесь, не требуется наибольшей тонкости в изысканиях. Приходится быть перед простыми обломками. Исторические данные не снабжают почти ничем. Сравнительный метод оказывается, следовательно, особенно трудным для применения в деле, как вследствие того, что эти языки, за исключением грузинского, засвидетельствованы за новейшие времена, так вследствие особенностей структуры самих языков и, что еще более тяжко, вследствие того факта, что вначале не видать никакого общего великого культурного языка. Потому-то, как везде, где работа сопряжена с особыми трудностями и где трудность к чему-либо подойти удерживает осторожные умы [или благоразумных — *les esprits prudents*], множатся, как это видно, торопливые опыты и скороспелые заключения по этой области, где часто фантазия играет чересчур большую роль».

Если исключить, с одной стороны, то, что у А. Дирра имеются, разумеется, свои бесспорные заслуги в определенной части языковедной работы по Кавказу, с другой — действительное умножение и за последнее время торопливых и скороспелых суждений об языках и вообще культуре Кавказа и в то же время не менее действительный факт, что «все более и более» или, говоря буквально словами самого Мейе, «все лучше и лучше» разъясняется, как важно изучение народов яфетического Кавказа для изучения доистории Европы (и только ли доистории), то остальное в утверждении высокочтимого лингвиста-индоевропейца сплошное недоразумение или по полному незнанию истории Кавказа, или по несоответствию действительности представлению об исключительно благоприятных возможностях лингвистической работы именно на Кавказе, — представлению совершенно извращенному, в зависимости от омертвелости изжившего себя старого учения об языке, индоевропейстического.

Остается одно: учиться и продолжать исследовать, расширяя круг исследуемых языков с их массовым материалом и смыкая круг учащихся и исследователей с радужно многоцветными интересами в рабочем сосредоточении над единым творческим процессом человеческой речи и дать поскорее заменить старую омертвевшую науку новой, живой, жизнеспособной и творческой.

Есть ли основание на это надеяться, покажет ход нашего курса и активность в нем вашего участия.

¹ Цит. по отзыву проф. Мейе (*Bulletin de la Société de linguistique*, 1927, т. XXVII, вып. 2, стр. 192—193) о немецкой серии «Caucasica», изд. A. Durr. Лейпциг (*Asia Major*), вып. I. 1924, вып. II, 1925.

§ 9. Казалось бы, нам теперь следовало перейти к будничной рабочей части курса, скользя по параграфам или статьям, ознакомить вас с основными положениями учения об языке, почему-то и мною называемого новым, хотя всей системе, вступившей в эпоху бурного своего развития после Октябрьской революции, как вам уже было сообщено, добрых четыре десятка лет, да еще один год, а у многих отдельных мыслей того же учения возраст значительно более внушительный, значительно древнее моей «древности» и научной, и даже личной физической.

Прощаясь с прошлым в общей постановке яфетического учения об языке, мы, однако, не должны забывать двух вещей.

Во-первых, не надо забывать того, что у меня формулировано в «Классифицированном перечне печатных работ по яфетидологии»: ¹ «Яфетическое языкознание отнюдь не вылетало подобно Афине-Палладе из головы Зевса: 1) оно родилось в той же буржуазно сложенной и скроенной научной среде, более того — зачалось, разумеется, как антитеза, в нормах индоевропейской лингвистики, без которой его и не было бы; 2) [оно] с трудом высвобождается последние годы из пелен буржуазного мышления и соответственно построенной методологически научной работы».

Во-вторых, надо восполнить тем, что формулировано было мною еще в Керчи во время конференции археологов в упоминавшемся уже публичном докладе. Он переработан в начале сентября минувшего года и ныне печатается в журнале ЦБК «Краеведение», уже переизложенный, первый же раз читавшийся под заглавием «Старая и новая культура, старая и новая археология и задачи культурного строительства, стоящие перед советской властью». Там была речь об археологии, о новой археологии в противоположность старой: ² «Новая археология . . . , уже нарастающая, если не выросшая, — говорилось там, — также не в силах, однако, пустить глубокие корни, если . . . не сбережет блестящих достижений старой археологии . . . как позднейшие культуры быстро отцветали, если не умели вобрать в себя культурные достижения предшествующих веков, чем отборнее и сильнее, тем лучше. И, желая здорового и роскошного расцвета новой советской культуре, не можем не стремиться к тому, чтобы новая археология, археология динамическая, наиболее действенно помогла советской власти в ее задачах по сохранению культурных ценностей прошлых эпох . . . по бережной пересадке их в новое хозяйственно-культурное строительство».

Археология — это история материальной культуры, и достижения ее в прошлом, допустим, в тех или иных случаях могут быть использованы, но какое дело советской власти до языков и языковедных теорий при ее и без того сложном хозяйстве и при направляемом с соответственной целевой установкой культурном строительстве? Разве ей можно в задачи ее культурного строительства вносить языковедные интересы в таком широком объеме? Однако вносить эти интересы в задачи культурного строительства советской власти нет никакой надобности,

¹ Ленинград, 1926, 2-е изд., стр. 3 [ИР, т. I, стр. 222].

² Значение и роль изучения надменьшинства в краеведении, «Краеведение», 1927, № 1, отд. отт., стр. 20 [ИР, т. I, стр. 247—248].

ибо они внесены Октябрьской революцией. И здесь позволю себе опять самоцитирование из того же доклада керченскому пролетариату, где было сказано: ¹ «Величайшим залогом лучшей охраны сделанных человечеством на всех пройденных им этапах развития культурных достижений и в то же время новой неусыпной творческой работы является дар Октябрьской революции: это не только предоставление раскрепощенным нациям с историческим прошлым самоопределения, но и призыв к активному по науке и просвещению самопроявлению всех народов и племен . . ., не исключая народов и племен с одним этнографическим культурным багажом, народов и племен без исторического прошлого, народов, казалось бы, лишь «отприродных» (Naturvölker) в противоположность «культурным народам» (Kulturvölker). Октябрьская революция общественно упразднила это деление, как отвергает его яфетическая теория, вынужденная к тому языковыми данными». По этому случаю не могу не поделиться соображениями уже не собственными, а наблюдателя со стороны из западной буржуазной среды, германской. В статье «Naturvölker und Kulturvölker», помещенной в «Die Friedenswarte», ² по вопросу высказывается Вольфганг Штейниц (Wolfgang Steinitz), молодой ученый; специализующийся как лингвист по финским языкам и в 1926 году приезжавший в Ленинград. Так, в статье той он пишет: «Сравнительно с сотнями тысячелетий древнего развития человечества не могут идти в противовес немногие тысячи лет, которыми мы «опережаем» в развитии . . . Далее, так наз. «варвары», «отприродные народы» часто становились действительно культурными народами. Так, именно как на «варваров» смотрели греки и римляне на все народы запада и севера Европы, подлинных носителей позднейшей европейской культуры, и так их характеризовали. То же самое делали в средние века немцы со славянами, так же поступали еще позднее с финнами; а сегодня славяне и финны — члены европейского культурного сообщества, пользующиеся уважением наравне с другими. Новейший же пример развития «отприродных народов» в «народы культуры» происходит на наших глазах в России. Национальная свобода в новой России распространяется не только на признанные культурные народы, как-то украинцев, немцев, армян и др., но на все большие и малые народы восточной России и Сибири, которых у нас отчасти не знают и по названиям (например, мордвин, черемисов, абхазов, затем татар, киргизов и т. п.). Первый раз в истории, насколько она нам известна, народам, которые характеризовали как малоценные (minderwertig), стоящие на стадии вымирания, дано право на свободное собственное духовное развитие на их языках, и мы видим соответственно, как за восемь лет на этих языках развилась не только богатая литература пособий саморазвития и учебников, но также в полной мере поэзия, стихотворения, рассказы, песни и т. п. Для тех, кто мало-мальски знаком с прежней духовной жизнью этих народов, эта борьба за новые формы и содержание представляет глубоко захватывающе зрелище».

Но разве это «глубоко захватывающее зрелище» не является не менее глубоко потрясающим, когда мы смотрим на дело не с птичьего полета, а придвинуты

¹ Ук. соч., стр. 19 [ИР, т. I, стр. 247].

² Т. XXVI, вып. 8.

советской общественностью и самой жизнью вплотную к его практическому разрешению без наследия требуемых навыков, необходимых знаний и целесообразных методов. Между тем мы от практического разрешения поставленной перед нами задачи можем уйти лишь ценой отказа от основ советской общности. Но, чтобы разрешить эту задачу, сделать активными деятелями по культурному самоопределению отсталые народы без письменности, без традиции национального просвещения, надо самим учиться многому новому и прежде всего ясно понять, усвоить как аксиому и как положение теоретической науки, что все народы мира, все языки, в том числе и самые отсталые, казалось, самой природой созданные как дички, не терпящие культуры, являются неотъемлемыми частями одного целого — единственного в процессе творчества находящегося общечеловеческого языка. Однако, прежде чем двигаться дальше, надо ознакомиться с техникой формального анализа и терминами нового языкознания.

§ 10. В технику и термины яфетического языкознания войдут аналитическая транскрипция, знаки подъема и падения, ослабления звука и т. п., классификация по ветвям и группам, племенные названия, скрещение, семантические ряды, гнезда и т. п. Знаки: $\rightarrow$, $\leftarrow$ — куда острое, там результат, дериват, вообще, позднейшее явление, так $s \rightarrow z$, $t \rightarrow d \rightarrow \delta$. Падение $\searrow$, $\swarrow$, подъем $\nearrow$, $\nwarrow$: $\delta \searrow s$, $s \nearrow \delta$, $\delta \searrow ш$, $ш \nearrow \delta$, $г \searrow у$ и т. п. Неразрывные парные разновидности одного явления или амплитуда безразличного в языках яфетической системы колебания изображаются знаком $\leftrightarrow$, например, $о \leftrightarrow u$, $v \leftrightarrow ш$. Пара вертикалов ($\parallel$) — чередование в одной и той же ветви согласных или гласных. Рогатина $\sim$ перебой, замена звука одной полости рта (например, передней) другой (например, задней) $s \sim h$, $t \sim k$, $t \sim k$ и т. п.

В гласных три основные разновидности: сильные — $а$, $е \leftrightarrow i$, $о \leftrightarrow u$; слабые $э \leftrightarrow ы$; редукция сильных $э \swarrow о$, $ы \swarrow u$; составные (или затемненные, они же смягченные): $ä \leftrightarrow ö$; полугласные (слабые): $ä$, $ë \leftrightarrow у$ (вм. $ï$ или $ı$), $ö \leftrightarrow w$ (вм. $ÿ$ или $ү$); долгие гласные: $ā$, $ē \leftrightarrow ī$, $ō \leftrightarrow ū$; носовые гласные: $ā̃$ ($\leftarrow an$), $ē̃$ ($\leftarrow en$) $\leftrightarrow ī̃$ ($\leftarrow in$), $ō̃$ ($\leftarrow on$) $\leftrightarrow ū̃$ ($\leftarrow un$). Над i не ставится точка по основному положению системы; $у$, w входят и в согласные (спиранты по формальному учению о звуках), они заменяют часто плавные и т. п., потому имеют самостоятельные начертания, не в линии гласных.

И в согласных надо раз навсегда отметить, что яфетические языки застраиваем в обладании трехступенности и четырехступенности согласных: каждый сильный согласный может быть представлен в трех ступенях озвончения (по крайней мере), если язык не перешел в прометеидизм («индоевропеизм»), так:

	сибилянтной ветви		спирантной ветви
простые:	$t \ d \ \delta$		$k \ g \ q$
аффрикаты:	$\left\{ \begin{array}{l} cc \ t \ d \ \delta \\ шп \ t \ d \ \delta \end{array} \right.$	длит.	$k \ \check{g} \ \check{q}$
		прерыв.	$k \ \check{g} \ \check{q}$

Добрая часть наших терминов, даже в части о фонетике, не физиологического, а общественного смысла. Как язык вообще в целом создание общности, так не только гласные, но и согласные различаются слабые и сильные не потому, что при произношении одних произносительные органы делают меньше усилия, при других больше, а потому, что это выяснено и факт, слабые согласные легко изменяют себе, они то переходят в тот или иной звук, то нет, легко бесследно исчезают, а сильные держатся устойчивее. Естественное обращение слабого в сильный мы называем подъемом ↗, ↘, а обращение сильного в слабый — падением ↘, ↙, не потому, что сильные звуки произносятся на каких-либо верхах в полости рта, а слабые на низах, а так как с подъемом и падением мы, как в социальной организации, связываем с первым жизненность, выявление большей энергии и работоспособности, устойчивость и активность, а с падением — замирание и умирание, что не всегда значит исчезновение, а переход от активной роли к пассивной, от самостоятельного значения лишь к подсобному, например, ослабление гласного *i* в *y* мы называем так же падением, как и падение согласного *g* в «*y*». Формулы этих двух падений $i \searrow y$, $g \searrow y$, и вот, какого бы ни был происхождения звук *y*, полугласный ли он, или слабый согласный, относимый в спиранты, он легко исчезает как слабый согласный, но не всегда бесследно, часто он незаметно соприсутствует, так, когда ему предшествует гласный, например: «*a*» в группе «*ay*», то сохраняется, как «*y*», то исчезает бесследно или перерождается в «*e*» (пройдя процесс переработки по формуле $ay \rightarrow ey \rightarrow e$), а то (это в языках с долгими гласными) — *ay* и *aw* обращаются в долгий *ā*, *cy* и *cw* в *ū* (полугласный «*u*», т. е. *w* отсутствует самостоятельно, но соприсутствует в долготе), например, в суоми *mā* («*maa*») 'земля' вм. *mal*, *resp. maq*, или *pū* («*puu*») 'дерево' вм. *puq* и т. п.

Существуют, как и гласные, слабые и сильные согласные. Слабые согласные: 1) сибиллянты двух категорий, свистящие $s \rightarrow z$ и шипящие $ш \rightarrow ж$, не говоря о сложных $ʃ$, $ʒ$, $ʂ$, $ʐ$, и т. п.; 2) спиранты также двух категорий, именно: длительные $h \rightarrow \gamma$ и моментальные, или прерывистые, $f \rightarrow y$, не говоря о сложных $ħ$ и других оттенках придыхательного *h*. Сильные согласные простые (всегда в трех ступенях): переднеязычные — *t*, *d*, *ʒ*, заднеязычные — *k*, *g*, *q* и составные (собственно, диффузоиды, именно, аффрикаты), о которых дальше, но одно сейчас: воспринимаемые как составные, одни — сибиллянтные, если в их состав входит сибиллянт, например, $\check{d}$ ($dʒ$) и $\check{d}$ (dj), другие — спирантные, если в их состав входят спиранты, например, $\check{q}$ (qh) и $\check{q}$ (qf). Более того, как и слабые сибиллянты, одни из сильных сибиллянтных согласных бывают свистящие, так $\check{d}$ — сильный сибиллянтный согласный свистящий, а другие из сильных сибиллянтных согласных — шипящие, так $\check{d}$ — сильный сибиллянтный согласный шипящий; равным образом, как слабые спиранты, одни из сильных спирантных согласных бывают длительные, так $\check{q}$, другие — моментальные, или взрывные, так $\check{q}$.

§ 11. По транскрипции, думаю, достаточно сообщить ее основы, — во-первых, вы могли следить за тем, что излагается с иллюстрацией примерами, во-вторых, усвоив эти основы, вы легче можете одолеть книжку, уже цитованную, «Абхаз-

ский аналитический алфавит (К вопросу о реформах письма)». Пусть каждый студент или аспирант проштудирует ее. Абхазский алфавит тем удобен на первых порах для примерного изложения яфетидологической транскрипции, что, будучи цельным в себе, т. е. алфавитом одного языка, он вмещает знаки-выразители такого разнообразия звуков, что с избытком может удовлетворить потребности в изображении звуков большинства языков, даже яфетических языков, а количественно всегда их превосходит, так, в трехзначных буквах, вроде $\dot{t}$, надобности не имеется почти ни в одном из других яфетических языков.

Одно из положений яфетидологического алфавита это то, что ни один простой звук не может быть изображен сложным или составным начертанием и ни один сложный или составной звук не может быть изображен простым начертанием без нарушения системы, а систему нельзя нарушать, так как иначе мы возвращаемся назад от сделанных лингвистических достижений.

В чем же система? В том, что буквы воспринимаются как цифры. Буквы должны стать столь же понятными и общими, как цифры: не каждый звук с особым начертанием, а лишь основные простые звуки каждый с особым стержневым изображением как в цифрах 1, 2, 3 и т. д. до 9, а сложные буквы, будут ли они двухзначные, своего рода десятки в цифрах — 10, 20, 30 и т. д., трехзначные, своего рода сотни в цифрах — 100, 200 и т. д., сохраняют те же стержневые знаки, что в единицах-звуках, т. е. простых звуках, но с придачею условных начертаний для слабых звуков, как нуля или нулей в цифрах, именно, сибилантов и спирантов в виде $\dot{\text{---}}$ $\dot{\text{---}}$ $\dot{\text{---}}$ $\dot{\text{---}}$; так

единицы	десятки	сотни
t	t + w = t	t + s + w = $\dot{t}$
	t + s = $\dot{t}$	
k	k + w = k	k + h + w = k.
	k + h = k	

При такой системе нет надобности брать каждую букву как особую феодальную крепость. Система яфетидологическая не только уменьшает число потребных основных букв, стержневых их частей, своего рода единиц, доводя их лишь до числа простых звуков, поскольку речь о сильных согласных, и не только значительно уменьшает число потребных для изображения слабых сибилантов (s, z, ш, j и т. д.) и спирантов (h, γ, ϕ, у и т. д.) в составе сложных звуков, доводя их до двух знаков $\dot{\text{---}}$ и $\dot{\text{---}}$ (почти, следовательно, до одного, как в цифрах 0), по месту их размещения четыре, по значению восемь: четыре в сибилантах при сочетании с переднеязычными и четыре в спирантах при сочетании с заднеязычными: s ($\dot{\text{---}}$), ш ($\dot{\text{---}}$), z ($\dot{\text{---}}$), j ($\dot{\text{---}}$) h ($\dot{\text{---}}$), ϕ ($\dot{\text{---}}$), γ ($\dot{\text{---}}$), у ($\dot{\text{---}}$).

Таким образом, повторяю, яфетидологическая транскрипция не только доводит выражения сложнейших звуковых величин до простых цифр, но в то же самое время выделяет взаимную связанность одних звуков с другими, одних групп с другими, а не затушевывает ее или совсем закрывает. Больше об этом можно

осведомиться по цитованной книжке. Здесь даю таблицу яфетидологического алфавита более простого состава, именно грузинского алфавита (сравните по цитованной книжке со сложнейшим абхазским). Впрочем, в таблице больше знаков, чем в грузинском алфавите, утратившем глухой спирант ϵ , звонкий спирант γ и не имеющем g и т. п.

слаб. сиб.	сильные простые	слаб. спир.	
	t ~ k	d ~ g	
		ʒ ~ q	
	составные		
s = —	t ~ k	ʒ ~ q	h = —
z = —		ǰ ~ ǧ	[γ] = —
ш = —	t ~ k	ʒ ~ q	[ε] = —
ʒ = —		ǰ ~ [ǧ]	y = —

Об остальных согласных — в семинарских занятиях или все по той же цитованной книжке. Так то в числе этих остальных звуков есть l, m, n, но их объяснять не приходится, разве не упустить:

- 1) двух типов этих звуков: мягкого l, m, n (иотированные), твердого l, m, n.
- 2) исчезновения n в назализации предыдущего гласного â и т. д., см. § 10 (выше, стр. 37).

§ 12. С первых же шагов мы делали ставку на внедрение в вас общего представления о происхождении, сложении и развитии языка. С первых слов нашего приветствия мы имели в виду это задание. Мы с этой целью общему курсу предпослали, кроме того, статью об языке. Самый курс вчера начали с лекции, первой лекции курса, которая в известной мере суммировала содержание всего курса в его намеченном новом теоретическо-научном устремлении, выдвинутом ударным моментом общего учения об языке с точки зрения фактически малоизвестной даже в научных кругах яфетической теории. Естественно, эти вводные части с общими местами, сравнительно более доступные, могли создать известное настроение, содействовать хотя бы у части слушателей временному подъему настроения аудитории, но нам всем надо быть на страже, чтобы этот подъем не стал мимолетным. Трудно его сохранить в тягучие моменты изложения элементарных сведений о письме, яфетической транскрипции и о звуковых явлениях

того же элементарного порядка, без которых, однако, нельзя ни правильно понять излагаемое, ни, тем более, нельзя использовать усвояемые положения каждому в своей специальной учебе, особенно в занятиях по языку своей специальности.

Думаю, для этого необходимо получить ясное представление о том, какое количество проблем ставит яфетическая теория, уже в целом и общем проторившая путь к монистическому началу в изучении языков.

§ 13. Вашему вниманию уже была рекомендована на прошлой лекции статья о происхождении языка, раньше появившаяся на немецком языке в переводе, но ныне наличная в русском оригинале; там, в частности, имеется генеалогическая таблица, точнее, генеалогическое дерево, с классификацией языков в их взаимной связанности. Тогда же было нами упомянуто, что в этой таблице не хватает американских и африканских языков, да и океанийских, которых происхождение уже более чем намечено. Есть в генеалогическом дереве другие, более существенные дефекты, хотя бы то, что дерево с его натуральными ответвлениями мало подходит для фигурного изображения классификации языков, разъясняемых не по родословному их наследованию, а по мутационно-эволюционному развитию одних систем вслед за другими и попутным отбрасыванием, как реликтовых отложений, всего не захваченного в полной мере мировым процессом такой эволюции, в поворотных пунктах отмечаемым явлениями порядка взрыва, или революции. Есть и специальные технические дефекты в исполнении задания. Мы сделаем посылки поправки всех этих дефектов, и если не дадим опыта нового рисунка, опыта современной нашему нынешнему пониманию классификации, то сейчас поделимся всеми предпосылками для его составления. В первую очередь предложу вашему вниманию «генеалогическое дерево» языков, как оно появилось в русском оригинале цитованной статьи. Повторяем схематическое разъяснение из той же статьи:

1) Вершина, теоретически имеющая венчать все предшествующие стадии развития звукового языка, единая речь, общечеловеческая.

2) Ниже наличное завершение — «индоевропейская семья» языков; по нашей терминологии «прометеидская система языков», формально, именно морфологически, флективная стадия развития.

3) Ниже, справа от ствола и слева, отставший от его роста сучок: пережиточно наличные, известные с исторических эпох яфетические языки; они стоят на различных ступенях типологического развития, с наглядным сохранием пережиточных форм предшествующих эпох на стадии, близкой к системе языков прометеидских (так наз. индоевропейской семье), степенью одной еще ближе к семитической системе.

4) Ниже, справа, отошедшая от роста ствола ветвь, ближайше родственная с флективными группами яфетических языков, семитическая семья языков, по нашей терминологии ныне — семитическая система языков.

5) Ниже, слева, отставшая от роста ствола ветвь, урало-алтайская группировка языковых семей (по нашей терминологии — алданская — по имени мифического героя турецких народов Алдана — система языков), типологически

более близкая к яфетическим языкам с агглютинативным строем, в числе их сванскому, мегрельскому, чанскому и из двух грузинских народному (не книжному древнелитературному), с чем намечается место тут же вслед за турецкой группой, так наз. турецкой семьею — с одной стороны для угрофинской группы, с другой и для монгольской группы, все благодаря чувашскому языку (угрофинская не за языками турецкой группы, как оказалось в немецком издании, а раньше ее; и раньше их всех, как бы у преддверья или зари возникновения алданской системы, чувашский язык, открывший путь в языки всех трех видов алданской системы, особенно угрофинской и турецкой групп, с последней из которых у него, чувашского языка, кроме того, особые независимые связи).

6) Справа отставшая от роста ствола ветвь, так наз. хамитическая «семья», т. е. система хамитических языков, которая, по выделении позднейшего вклада из языков семитической системы, морфологически проявляет агглютинативную и еще более синтетическую природу, т. е. характер типологического развития тех из яфетических языков, которые примыкают к абхазскому типу, а вне круга яфетических языков основной слой хамитической группы примыкает к алданской системе.

7) Еще ниже синтетическое состояние языков, аморфное, в самих яфетических представленное пережиточно языками абхазского типа: это ураническая система языков.

На этом родословном дереве особые места надо отвести четырем языкам: 1) двум гибридным или, вернее, в основе скорее переходным от яфетидизма к прометеидизму (так наз. индоевропеизму) типам, одному из двух языков Армении на Кавказе и одному албанскому на Балканах и 2) двум еще переходным от яфетидизма к алданизму (т. е. урало-алтаизму) типам: народному из пары языков Армении на Кавказе и особняком стоящему на Волге чувашскому, который в основе также не гибридный, а переходный тип, но проявляет признаки прерванного скрещения с финскими языками и застигнут современностью в период борьбы двух уже исторического порядка процессов воздействия со средних веков турецких народов, особенно длительно казанского татарского, и затем русского.

Однако вся генеалогическая таблица требует и по полноте и по подробностям пересмотра и уточнения.

Оставаясь пока в рамках классификации, изображенной в виде родословного дерева, мы отметим в ней с одной стороны отсутствие американских, океанийских и африканских языков, равно из материковых самого Старого Света дравидических и других языков системы непрометеидской, т. е. не так наз. «семьи» индоевропейских языков самой Индии, с другой — неполноту дальневосточных, ибо в общем упоминании «дальневосточных языков» в виду имелся из дальневосточных лишь китайский.

а) Однако и китайский в момент, когда составлялось впервые настоящее родословное дерево, в соображение принимался по одному формально-типологическому признаку, по относимости его в первую голову к языкам синтетическим, или аморфным. В остальном это было тогда лишь проблемой, когда мы в первую голову подразумевали китайский язык в кругу дальневосточных, как сохраняю-

щих доселе аморфный, или синтетический, строй, возникший на первой ступени развития или еще сложения звуковой речи человечества.

С тех пор, однако, китайский язык вовлечен был конкретно, с фактами своего лексического материала семантического и функционального порядка в яфетидологические изыскания, и после первого заявления на страницах «Докладов Академии наук» (1926 г., стр. 39) в статейке «Яфетическая теория и семантика китайского языка» пошли заметки, печатающиеся в этих же «Докладах» под общим заглавием — «Китайский язык и палеонтология речи». Пока их напечатано пять.¹ Еще в упомянутом первом заявлении об отношении китайского языка к яфетическим у нас сказано: «Достигнутое путем долгих изысканий палеонтологическое разъяснение надежного окончания, как оказалось, находит свое подтверждение в фактическом положении этого формального явления в китайском классическом литературном языке, где его, именно, винительный падеж, мы находим в том переходном состоянии от синтетического строя к агглюгинативному, до какого мы довели свои изыскания по вопросу лишь в результате длительной работы и глубоко заложенных палеонтологических раскопок в семантике слов самостоятельных и функциональных, часто обращенных в служебные частицы, то суффиксы, то префиксы». И далее еще: «Встреча палеонтологических достижений яфетической теории с бесспорно фактическим положением дела в китайском настолько поразительна, что, отмечая ее в печати для сведения следящих за нашими изысканиями об эволюции человеческой речи, не могу не усмотреть в неожиданности наблюденного факта лишнего доказательства пагубности той рутины, которая под видом научного метода направляет наши лингвистические исследовательские работы в полном отчуждении заинтересованных специалистов друг от друга, притом в неведении палеонтологически исключительно важного языка — китайского, без которого немислима, имею смелость утверждать, правильная постановка общего языкознания ни как предмета исследования, ни как предмета преподавания». В последующих специальных заметках о китайском языке и палеонтологии речи мы останавливаемся на отдельных фактах, которые, независимо от интересов предмета настоящего курса, общего языкознания, бросили и продолжают бросать свет на лексический состав самих яфетических языков Кавказа. До получения этого света мы не понимали, да и не могли понять целого ряда слов, терминов самой первой необходимости, например, как то на прошлой лекции было показано, названия 'хлеба' или названия культового, да и для хозяйства с первобытным питанием столь важного дерева, как 'дуб'. Потому-то китайский язык, параллельно интересу, вызванному в истории материальной культуры скифо-китайскими встречами в памятниках, стал вовлекаться во все наши палеонтологические изыскания по числительным, по скифскому языку, по терминологии благородных металлов, золота и серебра, и у нас зародилась потребность с точки зрения языковедных данных

¹ Статьи эти следующие: Яфетическая теория и семантика китайского языка; Китайский язык и палеонтология речи: I. 'Глаза' и 'слезы'. 'Глаза' космические — 'солнце' и 'луна'. II Числительное 'два' и глагол 'считать'. III. 'Дуб' → 'хлеб' и 'дерево'. IV. 'Рыба' ← 'вода'. V. Берская 'лошадь' от моря и до моря [ДАН, 1926, стр. 93—96, 109—112, 129—132].

поставить вопрос о значении если не самих китайцев, то сродных с ними по языку народов для изучения не доистории и палеонтологии речи в Средиземноморьи, а исторических эпох человечества, протекших там же, но в дописьменно-исторические времена и потому имеющих свидетелей, свидетельские показания в свою пользу прежде всего лишь в одних языках. И тем не менее подразумевание китайского языка в этой первой еще генеалогической таблице, даже появление его с достаточной мотивировкой в имеющей быть составленной новой генеалогической таблице, мы расцениваем пока как проблему, однако проблему, требующую лишь детальной фактической проработки китайского языка в свете яфетической теории специалистом-китаистом.

б) Таковой созревшей для уже материального порядка проблемой можно бы признать языки, обойденные полным молчанием в настоящей генеалогической таблице, именно, американские языки. Я имею в виду с одной стороны ту намеченную уже увязку части американских языков с палеоазиатскими, с другой стороны — яфетических языков Кавказа и Пиренеев с финскими и далее палеоазиатскими, о чем и трактуется в работе «Происхождение американского человека и яфетическое языкознание»,¹ в работе, внушенной достижениями известного французского американиста Риве (Rivet). Нас же эта увязка яфетических языков с финскими, через чувашский, и далее с палеоазиатскими языками Сибири и довела до интереса к китайскому языку, сторицею вознаграждающему наши более чем скромные конкретные ожидания от него. Первой ласточкой этой сибирской исследовательской тяги, поставившей вопрос о китайском языке, из числа чисто яфетидологических работ является заметка «К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории».²

в) С другой стороны, в вопросе об американских языках по связи со староматериковыми имею в виду посредничество допрометейдских (так наз. «доиндоевропейских») языков Индии, не исключая из этих, можно сказать, доисторических для прометейдов пережитков Индии и дравидических языков. Проблема о связи дравидических и других отнюдь не позднейших классово-вселенских языков вроде прометейдского языка, представленного лучше всего санскритом в Индии, — о связи то с этрусским, то с баскским языком, т. е. с языками доисторической Европы, следовательно, яфетическими языками, ставилась не раз. Особо, именно культурно-исторически, подошел к тому же по существу вопросу известный французский индианист Сильвэн Леви (Sylvain Lévy), сосредоточивший свой интерес на еще более, на его взгляд, в этом отношении показательных местных языках Индии, чем дравидические, именно тамильских, имеющих связь с океанийскими языками, что естественно направляет наше внимание опять-таки и на новый путь американо-древнематерикового общения. Сильвэн Леви в защиту допрометейдских связей тихоокеанского мира с Индией выдвинул, как известно,³ следующие соображения, отнюдь не лишённые и лингвистического содержания и значения, но увязанные с данными и по истории материальной культуры:

¹ Восточный сборник Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде, т. I, стр. 167—192.

² ИАН, 1926, стр. 349—354.

³ Н. Я. Марр, Происхождение американского человека и яфетическое языкознание, стр. 171—172.

«Прием дифференциаций начальным образовательным элементом чужд двум группам языков, арийской [т. е. «индоевропейской», по нашей терминологии — прометеидской] и дравидической, которые создали цивилизацию исторической Индии. Он составляет характерную особенность одной семьи языков, поныне еще распространенной на громадном расстоянии, от Гималаев до острова Пасхи, которая держится в массивах высот внутренней Индии. Замешкавшиеся (*attardés*) представители этой архаичной расы являются бессознательными наследниками цивилизации, имевшей дни своего величия. Она создала в Индии подлинные политические единицы значительного протяжения, настолько сильно связанные с реальной жизнью страны, что эти политические образования, пережив тысячелетия, дошли до нашей эпохи. . . Джемс Горнелль (James Hornell) в великолепном опыте касательно происхождения и этнологического значения изображений на индийских судах (*Memoirs of the Asiatic Society of Bengal*, т. VII, № 3, 1920) своими изысканиями технического порядка был приведен к заключениям, которые он должен был принять, говорит он, не будучи к тому подготовлен, и эти заключения не без аналогии с нашими. Он допускает полинезийское влияние на додравидское население южных берегов Индии: «одна малайская иммиграционная волна, предполагается, прибыла позднее, после появления дравидов на сцене, и это она принесла культуру кокосового ореха с Малайского архипелага». Наметились и слова, вторящие этим связям в предметах материальной культуры.

г) Однако типологически существенно характерная черта, префиксовое словообразование, этот тамильский язык вместе со включающей его «семьею» языков не только выводит, как указывалось нами раньше, за пределы населенного ими громадного рассогнания, от «Гималаев до острова Пасхи», за пределы «массивов высот внутренней Индии» и на запад — в сторону яфетидов Кавказского перешейка, с теми же префиксовыми образованиями, у них в свою очередь увязанными с морфологией языков семитической системы. Та же существенно характерная черта, префиксовое образование, включает в тот же обширный круг и тибетский язык. Однако префиксовое образование не является водораздельной линией, по двум сторонам которой должны бы течь языки совершенно независимых друг от друга систем в различных изначально типологических направлениях. В самих яфетических языках префиксовое образование разностепенно распределенное явление, в некоторых из них совершенно отсутствующее.

д) Вопреки отсутствию префиксового образования в финских языках с ними весьма тесные связи яфетических языков и тех, что имеют префиксовое образование. Эти встречи вскрылись и у более далекого юга, именно, Индии, с приволжским финским миром в топонимике, когда мы пошли по стопам Сильвэна Леви, и отложение этого настроения имеем в работе «Из доистории Индии и Волкамья по названиям городов (Опыт формального анализа)».¹ Но и тут наметились также общие слова. Таким образом в Индии с первоначальным населением у нас возникает проблема о двух сторонах, по увязке с одной стороны с яфетическим миром Запада и с их близкими и дальними сородичами, с другой стороны — с океаний-

¹ Восточные записки Института живых восточных языков, Л., 1927, стр. 223—234.

скими языками, с одним из которых, малайским, внедрившимся и в Индию, мы приходим в контакт и с японским, предметом особой проблемы, так как то, что уловлено нами пока в японском, по типологии ли семантики или морфологии, в частности в трактовке множественного числа, нас вынуждает плотнее подойти к материальному освещению проблемы об отношении японского языка к яфетическим, что едва ли можно исчерпывающе произвести без учета типологических и материальных данных корейского языка, тем более, что, по мнению самих специалистов, корейский настолько близок к японскому, если отвернуться от лексики, что его можно признать типологически двойником японского.

Когда речь о Дальнем Востоке и Индии, то увязка не только приемлема, она общепризнанное дело и в более широком кругу первостепенных ученых, причастных к лингвистическим интересам с точки зрения старого учения об языке, она захватывает и Среднюю Азию с тибетцами и монголами, но эта увязка чисто религиозно-культурная, буддийская.

В процессе чрезвычайно скрупулезной научной работы над выяснением истории распространения буддийского культа и буддийского искусства и вообще учения, в первую голову и более всего буддийской литературы, естественно возникали и возникают лингвистические вопросы, касающиеся прежде всего письменных языков. Собственно, по существу и методу вопросы эти чисто филологические, и идет большая работа по производству весьма важных исследований о воздействии более культурных языков на менее культурные, т. е. более буддийски самостоятельных письменных языков на менее буддийски культурные языки. В таких исследованиях налицо вопрос о заимствованиях слов из буддийски основного языка, санскрита, вопрос о влиянии буддийски первоисточной речи и стилистически на буддийско-оформлявшиеся искусственно-литературно языки, тибетский, монгольский и т. д. Работа здесь ведется совершенно так же, как в южном и западном культурных мирах.

Здесь наука долго работала, порой и по сей день работает разобщенно, над мусульманским и христианским культами, над мусульманским и христианским искусствами и над мусульманской и христианской литературами, однако существует и филологическая увязка, отнюдь не лишенная значения и для лингвистики, народов христианского мира и их письменных языков с первоисточными для христианства языками, здесь по ранней культурной разбивке христианско-вселенской церкви на три культурные мира с тремя первоисточными языками, для азиатского Востока прежде всего арамейским языком, языком, предполагается, самого основателя христианской церкви, в частности и сирийским, для европейского Востока греческим языком, подлинным языком основных книг священного писания христиан, Евангелия, Посланий и Деяний апостолов и для остальной части Европы, особенно римской и романской Европы, с латинским языком, языком «наместника Христа». Точно также для мусульманского мира в целом, несмотря и здесь на позднейшее культурное раздвоение, шиитское и суннитское, первоисточным языком мусульманской культуры является арабский язык. Существует бесспорная, очевидно, лингвистическая увязка мусульманских народов по книжному языку, увязка и турецкого и персидского языков, если не

говорить о других, особенно письменных, следовательно, классовых языках, с арабским, над чем с не меньшей научной скрупулезностью филологически работали и работают десятки и сотни ученых специалистов, исходя все из общепринятых доселе положений старого учения об языке. Но мы говорим не об этой позднейшей культурно-исторической уязке, ни, естественно, о старо-лингвистическом, собственно филологическом подходе к самому процессу распределения всего Старого Света, именно между тремя мировыми культурами, пределы которых и даже дальнейшая их разбивка (так, христианского культа на три основных мира, а мусульманского на два, шиитский и суннитский) имеют с точки зрения яфетической теории совершенно иные факторы, чем так наз. первоисточные языки или сами религии. Но сейчас, при сосредоточении внимания на языковом моменте, мы говорим о подлинной лингвистической уязке Индии и Дальнего Востока в «доисторические» эпохи, включая сюда из Средней Азии не только монгольский, но и языки тибето-бирманской группы, и в этом отношении любопытны вскрывшиеся поразительно близкие связи новооткрытого письменного языка Средней Азии неизвестного происхождения, о чем желающий подробнее осведомиться может в моей заметке, помещенной в «Докладах Академии наук»,¹ в ней приведены из числительных не случаи созвучия, но прямо-таки одни и те же слова, общие для ряда числительных то с грузинским, то в большинстве с языками шипящей группы, мегрельским и чанским (лазским).

е) Не приходится сейчас откидывать по меньшей материальной представленности в программах и лингвистических наших коллекциях еще остающуюся проблему, одну из важнейших, без которой невозможно дальнейшее развитие яфетической теории ни в диахроническом разрезе — палеонтологически, — ни территориально — по основной средиземноморской части, именно, проблему об африканских языках: ее ни в какой мере и раньше, судя по производившимся работам касательно уязки африканских языков с баскским и т. п., не надлежало выделять из монистического построения яфетической теории. Ныне же материально ввели нас в этот мир личные занятия в частности средне- и южноафриканскими языками, суданскими, и в частности таким, казалось бы, исключительно своеобразным и исключительно примитивным языком южной Африки, как намайский, долго определявшийся как птичий язык, по Геродоту язык летучих мышей, потому-то в насмешку голландцами названный готтентотским. Подробности проделанной пока работы над этим языком и полученных результатов изложены в статье, помещенной в «Известиях Академии наук» под заглавием «Готтентоты — средиземноморцы».² Выяснилось, что их язык, намайский язык, один из тех языков, которые проявляют бесспорные связи с яфетическими языками, особенно с баскским, и в то же время фонетически весьма сближен, за исключением четырех всасываемых аффрикатов, с латинским, располагающим с ним общими космическими терминами, напр., 'солнце' *sore*, resp. лат. *sol*, и сродными ему терминами, с такими хозяйственными терминами, даже двухэлементными скрещенными, как

¹ Н. Я. Марр, Новый среднеазиатский язык и его числительные в освещении яфетической теории, ДАН, 1926, стр. 133—134.

² ИАН, 1927, стр. 405—416.

dom-us (~ нам. o + m -s), и часто, как в латинском, так особенно в греческом отложения намайского языка сохранились в двухэлементных (АС) скрещенных словах, как, например, в греческом $ur-an-os \leftrightarrow \hat{o}g-an-os$, тогда как намайский по сей день сохранил эти же слова одноэлементно, или А элемент — $hur-b$, общий с баскским ('небо-вода', 'небо-год'), отсюда бск. $hur \rightarrow ur \rightarrow u$ 'вода', как и в намайском, бск. $ur-te$ 'год' или С элемент, общий с шумерским (ап 'небо' + 'год'), сохранил в намайском целый ряд дериватов, например, ап 'птица', как, с другой стороны, в связи с 'небом-кругом' и 'небом-годом', от того слова в латинском имеем $annulus$ 'кольцо' и $ann-us$ 'год'.

ж) Остальные, еще «проблемные» языки требуют лишь материальной проработки или доработки самой постановки исследования. В том и другом случае заинтересованная молодежь, аспиранты они или студенты, тем более начинающие учиться, могли бы весьма разнообразно принять участие в работе над ними, этими и теоретически, и практически громадной важности проблемами, не выходя из пределов своих учебно-исследовательских занятий, наоборот, стараясь углубить приобретаемые в соответственных программных для них работах, да и на лекциях по языкам своей специальности материальные знания, освещая их с точки зрения яфетической теории, ее общих и, поскольку объект исследования дает для того пищу, частных положений.

Без ознакомления в той или иной мере с этими общими положениями яфетического учения об языке, конечно, обойтись нельзя.

§ 14. На предыдущей лекции по ознакомлению с родословным деревом языков мира сказано, что «вся эта генеалогическая таблица требует и по полноте и по подробностям пересмотра и уточнения».

Но прежде чем говорить об иных опытах родословия, возможных или необходимых, наиболее потребных и целесообразных для наглядного представления реальной связанности различных систем языков между собой, и в то же время и различных конкретных языков одних и тех же систем или систем также различных, следует поставить вопрос: понят ли вполне смысл бракуемой нами таблицы? Ведь все мерило деления сводится лишь к типологии, различаемой тремя терминами или кличками: синтетической, или аморфной (это древнейшая типология), агглютинативной (последующая) и флективной (третья). Особо выделяются яфетические языки, которые помещены во всю длину ствола, но с особым уточнением между агглютинативными и флективными. Мы сегодня укажем, да и на прошлой лекции выясняли неполноту перечисленных здесь массовых представителей отмеченных на таблице различных типов. Мы сейчас увидим, как, даже оставаясь при одном принятом здесь мерило типологии, мы имеем потребность число типов или различных систем увеличить, более уточнить классификацией языков хотя бы в этом отношении, внешнетипологическом. Но представляем ли мы все с одинаковой ясностью, что значат конкретно эти три термина — «синтетический», или «аморфный», «агглютинативный» и «флективный»?

Есть в них одна общая черта, с ними связана одна идеологическая ценность, о которой и многие искушенные ученые не знают, потому, например, даже такой опытный исследователь, как голландский лингвист Уленбек (*Uhlenbeck*),

утверждает, что деление языков на агглютинативные и флективные будто не имеет значения для вопроса о родстве. С этим можно бы согласиться лишь в той мере, что, как мы знаем (и как Уленбек вовсе не думает), все языки в той или иной мере родственны друг с другом, но тем не менее деление языков на три категории: синтетическую, или аморфную, агглютинативную и флективную, явление само по себе вовсе не столь незначительное, вовсе не лишь формальное. Три отмеченных пока типологических состояния в развитии единой речи человечества отражают каждое особый социальный строй, каждое типологическое состояние генетически связано с соответственной ступенью развития общественных форм и ею порождено.

Но независимо от этой общей идеологической черты, весьма существенной, необходимо знать, что формально значат три не раз упоминавшиеся клички — «синтетический» и т. д.

Синтетический, или аморфный, иногда называется моносиллабическим, т. е. односложным, так как языки синтетической, или аморфной, системы обычно состоят из односложных слов. Термины же «синтетический» и «аморфный» говорят с двух различных точек зрения не только об одной и той же системе, хотя каждый из этих терминов представляет, естественно, сумму различных особенностей, но говорят они об одном и том же явлении, ибо синтетический, или складываемый, обозначает реально язык, в котором функции отдельных слов, как частей предложения, во фразе определяются тем, как складываются слова, порядком их расположения, а не формой каждого из них, каковой нет у языков этой системы, почему она называется и аморфной, т. е. без форм.

Диаметральную противоположность аморфной, или синтетической, системе языка представляет система флективных языков, в которых определение взаимоотношений слов переносится целиком на их оформленность, так что каждое слово нормально в себе носит значения двух порядков: одно значение — выражение предмета без определения времени и пространства, без указания его связей с другими предметами, другое значение — это выражение этих именно отношений, т. е. отношений выражаемого словом предмета к другим предметам, выражение отношений не только к пространству, но одновременно и к пространству и ко времени. Отношение предмета к пространству это отношение с известных пор, для звуковой речи ранних пор, к лицам или к олицетворявшимся предметам, это в жизни выражение статического взаимоотношения членов общества, в речи соответственно — взаимоотношения членов предложения. Предложение — это выражение словами, сигнализирующими понятия и представления, определенной мысли, отражающей во взаимоотношениях слов данной фразы взаимоотношения предметов, и когда эти взаимоотношения находят свое формальное выражение в специальных для этой цели производящихся изменениях слов, — это то, что в грамматике называется склонением, и оно достигается не только выражением взаимоотношений предметов, но и согласованностью обозначающих эти предметы слов, как согласованы в жизни члены любой производственной организации. Во фразе происходит формальное согласование слов одной категории со словами другой категории. Как видите, даже в склонении основное, казалось бы, назна-

чение слова быть символом для выражения того или иного предмета, сигнализировать его, осложняется задачей указывать и взаимоотношения предметов; основное идеологическое назначение отходит на задний план или в глубину сравнительно с тем уже добавочным оформлением, которое призвано выражать эти добавочные моменты. Формальная сторона еще более осложняется при одновременном выражении отношений предмета, представляющего содержание данного слова, в динамическом (действие) или статическом (состояние) разрезе, и к пространству и ко времени, когда само пространство совершенно отождествляется с тем или иным из трех лиц, т. е. в спряжении глаголов.

Однако в языках более древней формации глаголов вовсе не было как особой категории, действие выражалось комбинацией элементов, именно символов или звуковых сигнализаций 1) субъекта, источника действия, 2) объекта, цели или мишени действия и 3) образа того действия, которое имелось в виду произвести, т. е. того или иного имени. С течением времени имя удерживается в роли символа предмета, а в роли символов субъекта и объекта, активного и пассивного участников действия, появляются заместители имен, т. е. местоимения.

Между тем местоимение также сравнительно позднейшее достижение. Следовательно, было время, когда не только не было самостоятельной категории глаголов, но не могло быть и формального выражения спряжения, невозможного без местоимений.

Более того, и склонение могло формально лишь в слабой степени быть выражено, когда не располагали еще местоимением, да и подробности одной из функций склонения, именно, согласования, не могло быть, ибо не только не было в прежних системах, да особенно на первоначальных стадиях развития, деления на роды, женский, мужской, да еще средний, но не было вообще особой категории прилагательных, не было этой части речи. Более того, эти сложные потребности формального обозначения общности имен, с одной стороны выражающих предметы, с другой — их взаимоотношения и согласованность, могли возникнуть и возникли лишь в позднейшие эпохи, в эпохи соответственного развития общественных форм. Потому-то до соответственной ступени развития социального строя не было не только морфологии, — не было богатых формальных средств звуковой изменяемости самих слов для выражения взаимоотношений без ущерба для их значения, не было вовсе так наз. неизменяемых частиц, служащих к увязке отдельных мыслей, отдельных предложений или отдельных слов. Даже союза 'и', чего как будто проще, не было, не было до тех пор, пока не возникла семья, пока не получились термины родства, в частности термин 'брат' с тем представлением об единоутробии и сродстве пары и более лиц, которое человечество соединяет так конкретно с термином 'брат' лишь с известных эпох. Ведь союз 'и' палеонтологически значит 'брат'; 'собака и петух' в речи далеко уже не первобытного человечества, именно, достигшего уже общественного строя с кровным родством, означало 'собака брат петух', причем требуется оговорка, что тогда понятия 'брат' и 'сестра' не имели особых слов для своего выражения, одним словом выражались и 'брат' и 'сестра'.

Если бы в какой-либо мере яфетическая теория строилась отвлеченно-фило-софски, от нас могли бы потребовать другую оговорку, более существенную, в связи с тем, что до племенных образований, в частности «родов» и «семей», человеческое объединение представляло группировки по хозяйственно-производственным признакам, и в условиях общественной жизни коллективов этого порядка функцию увязки могло брать на себя хотя бы то же слово 'брат' (resp. 'сестра'), но в значении еще не кровного родства, но конкретных лексических материалов для такого утверждения нет в нашем распоряжении.

И понятно, при таком колоссальном расхождении прежде всего внешней типологии системы флективных языков с синтетической, или аморфной, когда, однако, принадлежность их к творчеству единого глоттогонического процесса вне спора, нельзя было себе представить дело иначе, как предположив, что между ними была посредствующая переходная система языков. В требуемой, как недостающее звено в цепи; подобной посредствующей переходной системе, если бы не обрелось богато развитых форм, наглядно увязываемых с самостоятельными словами, а были бы в ней лишь особые функциональные слова и придаточные частицы (хотя бы представление о таких функциональных словах и придаточных частицах) вместо флективных форм, то и это было бы большим достижением.

Существование такой переходной системы, однако, нет надобности предполагать, — она действительно имеется.

Это — система агглютинативных языков.

Агглютинативный тип языка — это прилепный: нет органически выявляемых частей — окончаний, например, у имен, существительные ли они, или прилагательные, но вместо собственных падежных или иных окончаний их, имен, назначение во фразе определяется присоединением к ним так наз. функциональных слов или придаточных частиц, своего рода прилеп и в том и в другом случае, т. е. явно слова ли они, или придаточные частицы, которые подлежат еще разъяснению как слова.

От русск. «дом», тур. ev 'дом', чтобы получить падеж, отвечающий на вопрос «где», местный падеж, по-русски образуется соответственный падеж — «дома», а в турецком к слову ev 'дом' присоединяется слово, ставшее теперь частицей -da || -de: ev-de; на вопрос «откуда», падеж исходный, по-русски прибавляется предлог «из» — «из дома», еще лучше — «из дому» (и форма «дому» была местным падежом, как «в саду», «в лесу» и т. п.), а в турецком — присоединяется другая частица -den || -dan: ev-den. Между тем палеонтология речи выяснила, что местный падеж на вопрос «где» и исходный на вопрос «откуда» — это позднейшие дифференциации одного и того же падежа, и частицы -da || -de и -dan || -den разновидности одного и того же слова, в более древней системе имевшего значение самостоятельного слова. Оно определяется, это значение. В грузинском языке яфетической системы частица da на вопрос 'где' также имеется в таких образованиях, как sa-da 'где' от местоименной основы sa-, означавшей 'кто'-'что'. Эти функциональные слова иногда обращаются в ничего более не означающие символы, признаки той или иной категории — kaḥ 'человек', 'люди' — г. kaḥ-eb, собственно 'мно-

жество людей', но не им. падеж 'люди': в этом смысле прибавляется гласный — *i*, он же признак им. падежа и в ед. числе.

каḥ	—	eb	—	i
представление		множество		выражение отношения к другим
о человеке				членам предложения.

Агглютинативность проявляется в том, что слова оказываются как бы пронизью односложных слов, например, одно слово *аḡшшеупебиа* 'я когда-то построил' представляет провизь семи односложных слов, частью и не слоговых:

а + ḡ — m + шеуп — eb   i — а
 верх — у меня + постройка — сделать   *страд.* — есть.

Но между системой аморфного типа языков и системой флективных языков имеется еще один этап развития, система оформления слов не непосредственно, а через оформление стоящих при именах местоимений. Так, например, груз. *каḥ* 'человек', а акт. пад., служащий для выражения логического субъекта, имеет в древнелитературном окончании... какое? Казалось бы, *тап*, ибо падеж этот звучит у данного слова *каḥтап*, но на самом деле окончание *-ап*, его принимает не имя сущ. *каḥ* непосредственно, а местоимение 3-го лица *m-*, и, уже оформленное так, местоимение *m-ап* указывает на падеж слова: местоимение с этим окончанием, раньше чем слиться с данным словом, стояло особо — *каḥ-m + ап* — и сопровождало с конца, могло сопровождать его и с начала: *m + ап-каḥ*, это в те и особенно предшествующие эпохи могло не делать и по всем видимостям не делало разницы. Это местоименное склонение, казалось бы, следует за простым агглютинативным образованием (без помощи местоимения), на самом деле оно древнее, оно предшествует простому агглютинативному склонению, и во всяком случае оно-то и предшествует системе флективных языков.

Еще случай местоименного агглютинативного склонения из яфетических языков шипящей группы сибилантной ветви: окончание род. падежа *-ше* (←—*шен*)↔—*ши* — г. *каḥ* || м., ч. *коḥ* 'человек', род. г. *каḥ-is*, но м. и ч. *коḥ-i+ше* ↔ *коḥ-i+ш.*

В грузинском забыто, что гласный звук *i* окончания род. падежа *i-s* самостоятельное слово, местоимение 'он', 'тот', и *i-s* принимается за цельное падежное окончание, и мы так и объясняем в статической грамматике, ибо так стало обстоять дело, но динамическая грамматика, занимающаяся эволюцией форм, да еще революционного порядка, взрывает всю эту статику: окончание и грузинское *-is* вышло из местоимения, и окончание род. падежа, вернее — придаточной частицы — *-si* (*-ши* ↔ *-ше*), а когда в им. падеже имеем у грузин *каḥ-i*, то в нем *-i* не окончание им. падежа, а местоимение, слившееся с основой, в древнелит. грузинском и без него слово *каḥ* (неоформленный падеж) значит 'человек', в им. падеже не было никакого окончания; в языках шипящей группы то же местоимение *-i* (↔—*-е*), также слившееся с основой, остается во всех падежах: имен. — *коḥ-1*, родит. *коḥ-1 + ше* и т. д., и оно-то и склоняется, и по его форме узнавалось

раньше, в каком падеже стоит неформленное слово-ямя, к которому это оформленное местоимение относилось, т. е. *koḡ-1+ше* раньше значило 'человек-его' (стало пониматься 'человека'). И это архаичное местоименное агглютинативное склонение отнюдь нельзя признать новым явлением потому, что его сейчас находим лишь в живых бесписьменных языках шипящей группы, в чанском (лазском) и мегрельском, а у грузин даже в древнеписьменном языке точно след простыл, его приходится откапывать и устанавливать палеонтологически. Древность образования род. падежа на *-1+ше* свидетельствуется неразрывностью цепи эволюционировавших форм род. падежа. Но, кроме того, форма *-1+ше* свидетельствуется халдским языком клинописей Вана IX в. дохристианской эры (род. *Argiḡtiše*).

Склонение агглютинативное, именно с местоимением, имеем в яфетическом языке и за пределами Кавказа — в баскском (*-a + ge*).

Этого мало. Сами флективные языки вовсе не одной системы, да хотя бы две существующие системы флективности вовсе не различного происхождения, они различные этапы развития, — речь идет о семитической и так наз. индоевропейской, или, как мы ее называем, прометеидской системе языков. Семитическая и прометеидская системы (а не семьи) языков представляют различные этапы развития уже самой флективной речи. Однако мы отнюдь не склонны сейчас устанавливать, предшествует ли семитическая система в этом пункте своей особенностью прометеидской. В семитических иногда прорывается там и сям черта агглютинативного строя, так, например, евр. *šāma-um* 'небо', букв. 'небеса', это лишь мн. число, что выражается окончанием *-um*, но падежа в нем формально нет, падежное же окончание вин., на вопрос «куда» выражается прибавкой элемента *-ā*: *ʾha-šāma-um-ā^b*, т. е. по типу совершенно так же, как в агглютинативных языках: особо основа, особо признак мн. числа, особо признак падежа. Но архаичнее другие черты в семитических языках, это прежде всего то, что место изменения для образования формы не стабилизировано, признак формы может стоять в конце слова, т. е. быть суффиксом, или в начале слова, т. е. быть префиксом. Затем, образование формы может быть достигнуто в них и внутренним изменением, именно, переменной гласного, например, арб. *kaṭala* 'он убил', *kuṭila* 'он был убит', арб. *kaṭaba* 'он написал', *kiṭāb* 'книга' никакого особого окончания не применяют для того, чтобы от глагола, предполагается, образовать имя; правда, 'книга' в им. падеже звучит *kiṭāb-in* (неопр.), *al-kiṭāb-u* (опред.), но, не говоря о члене *al-*, окончание *-in* → *-u* — достояние исключительно именительного падежа, а слово само со значением 'книги' — *kiṭāb*, и от глагола оно отличается лишь огласовкой, его форма определяется исключительно гласными, их подбором. В чем же дело? А в том, что флективность семитических языков по времени происхождения ближе стоит к тому архаическому времени в развитии речи, когда изменения гласных определяли принадлежность к той или иной группе, к тому или иному племенному языку без ущерба для значения, и эта возможность менять гласные без ущерба для основного значения слова была использована для флексии; флективность семитических языков ближе стоит по времени также к той архаичной ступени в развитии речи, когда при обще-

ственном сближении и физическом скрещении двух и более племен скрещивались слова их, означающие одно и то же понятие, но звучащие различно, чтобы быть друг другу понятными, причем было совершенно безразлично, какое племенное слово занимало первое место в скрещенном термине и какое второе или последнее. Все зависело от бытования. Семиты использовали еще наличную в их языковом мышлении эту свободу расположения элементов скрещения, из которых, надо знать, и получились признаки образования форм, и потому у них, семитов, словообразовательные элементы бывают не только суффиксами, т. е. окончаниями, но и префиксами.

§ 15. Хотя, таким образом, семитические языки представляют более древний этап развития, чем прометеидские, но это не значит вовсе, что прометеидские языки во всех частях уступают семитическим в отношении древности языковых материалов и языковых норм, и еще менее это значит, что прометеидские языки вышли непосредственно из семитических языков, что прометеидская система языков есть дальнейшее развитие непосредственно семитических языков. Такая мысль явилась бы глубоким недоразумением. Яфетическая пирамида¹ от индоевропейской отличается не только тем, что индоевропейцы, исходя из единства праязыка, ставили пирамиду верхом вниз, чтобы от единицы идти ко множеству, широкой раскиданности многообразных видов человеческой речи, а яфетидолог, исходя из одинаковости степени развития всех языков, многочисленных и не окрепших в своей формации, идет к нарастанию в определенных путях общего единого языка. Если бы дело обстояло так, то это значило бы, что одна простота и наивность заменяется другой простотой. Масса разнообразных в процессе творчества моментов требует каждый особого учета. Яфетическая теория вовсе не чурается формальных сторон глоттогонии, или языкового творчества, но есть стороны другие, подлежащие учету, и во всех сторонах наблюдения производятся не только над фактическим положением, как оно обстоит, но и над тем, как получилось это статически фактическое положение, каковы в нем первичные, наследственные элементы и какие элементы усвоены или развиты данным языком в процессе прохождения им его жизненной стези. Наконец, учет требуется не только того, что развивается, но и того, что изживает и отмирает.

§ 16. Наше родословное дерево, данное в работе «О происхождении языка», было построено по схеме развития формальной типологии, распределения языков по тому, что в одних языках нет никакой морфологии, — это в так наз. аморфных, или синтетических, языках, в тех, которые называются также моносиллабическими, или односложными; в других языках имеются уже выросшие образования различных типов, — это в языках морфологических, в которых различаются образования форм агглютинативное и флективное. Но, не говоря о том, что и в аморфных, или синтетических, мы не наблюдаем одного типа, морфологические языки также далеко не ограничиваются делением на типы агглютинативный и флективный; мы уже видели, как агглютинация языков бывает простая, или непосредственная, и сложная, или местоименная. Простоту опасно, однако, признавать за первичность,

¹ Н. Я. Марр, Об яфетической теории, НВ, кн. V, 1924, стр. 339 [ИР, т. III, стр. 31].

как сложность за позднейшее осложнение. Особую систему или, как раньше называли, расовую семью языков составляют не тот или иной признак в отдельности, но совокупность ряда явлений, о чем специально в особом параграфе, но сейчас остановлюсь на одном явлении, казалось бы, неразлучимом с агглютинацией.

Так, агглютинативную систему отличает аггармонизация, согласование гласных, именно, подведение всех гласных каждого данного слова под один ряд, мягкий или твердый, и сочетание мягких гласных с мягкими согласными и твердых гласных с твердыми согласными. Однако это явление отнюдь не общее даже в кругу агглютинативных языков. Отсутствие этого явления отнюдь не вынуждает вычеркнуть соответственный язык из круга агглютинативных языков. И нельзя сказать, что от аггармонизации звуков и следа не было в языках других систем.

Систему семитических языков отличает образование форм с помощью префиксов, но из этого нельзя делать заключение, что всякий язык, имеющий префиксовое образование, принадлежит семитической системе, ибо при такой трактовке вопроса в кругу семитической системы языков оказались бы языки самых разнообразных систем, как-то: грузинский, тибетский и малайский.

Из этих трех в отношении указанной общей морфологической черты — префиксового образования — сходящихся языков малайский и тибетский проявляют признаки реального родства: малайский с японским и тибетский с китайским, между тем ни в японском, ни в китайском нет и следов префиксового образования.

§ 17. У китайского нет вообще в какой-либо существенной мере развитой морфологии, но в нем поразительно своеобразная семантика, т. е. значимость слов, и вот налицо не одна бедность морфологии, т. е. формальной типологии, которая могла бы быть позднейшим явлением, свидетельством утраты морфологии, как то наблюдается в английском, а не примитивной простоты языка. Многие так и думают по сей день и в отношении китайского. Однако в китайском примитивность строя поддерживается примитивностью значимости слов, системы взаимной увязки слов со стороны законов семантики, т. е. учения о значениях, вскрытого ныне палеонтологией речи, как она устанавливается яфетической теорией. Так, когда в китайском языке мы имеем ряд созвучных слов, ничего, казалось бы, общего не имеющих между собою в смысловом отношении, например, 'рыба' уй, 'дождь' уй, то теперь мы знаем, что эти слова вовсе не случайно созвучны, ибо из палеонтологии речи мы знаем, что 'рыба' получила свое название от 'воды', а 'дождь' также назывался по 'воде', т. е. в китайском сохранилось то примитивное состояние речи в отношении значений слов, когда одно и то же слово 'вода' использовалось еще в значении и 'дождя' и 'рыбы'.¹

§ 18. Вот эта семантическая сторона речи в нашем родословном дереве не использована, между тем это — одно из существенных мерил в определении времени и, следовательно, места языка среди других языков.

¹ О связи термина 'рыба' с 'водой' см. работу «Разложимость мнимых примитивов, простых слов, и термины для понятия 'рыба'», ИАН, 1926, стр. 385—397 [см. здесь, стр. 173—178].

Но вопрос еще не в этом. В китайском языке морфологии собственно и нет, все бремя постижения речи ложится на строй речи и на значения слов, т. е. на синтаксис и семантику. На первый план выступает, следовательно, учение о значениях слов. И если даже мы не упоминали об этом особо в классификации языков, — в родословном дереве речь лишь о морфологической типологии китайского языка, что он аморфный, или синтетический, — то тут еще нет беды, так как аморфное, или синтетическое, состояние речи неразрывно связано с тем состоянием системы значений, какое наблюдается в китайском: полисемантизм, или многозначимость слов, находится в связи с аморфным, или синтетическим, типом речи. Раз языки аморфные, или синтетические, то многозначимость слов в таких языках сама собой подразумевается, но иное дело в языках различных морфологических систем.

Старая лингвистическая школа учила, что форма стабильна, неизменчива, а словарь изменчив. Это отпало. Нет в языке ничего неизменчивого, формы и значения меняются одинаково в такой мере, что если не знать палеонтологии речи, как формальной, так идеологической, совершенно нельзя узнать о существовании какой-либо связи между разновидностями одного и того же слова в различные глоттогонические эпохи, отвечающие различным коренным образом расходящимся эпохам хозяйственной и общественной жизни. Например, по-китайски 'лошадь' та, и, казалось бы, если исключить дальневосточный мир, то ничего общего с китайским та мы нигде не находим по всей Европе, между тем в цитованном уже раз сообщении, сделанном мною в Академии наук и напечатанном в ее «Докладах» на тему «Китайский язык и палеонтология речи. Берская 'лошадь' от моря и до моря» речь идет именно о распространении берского (элемента В) названия 'лошади', каковым является и китайское та, от Тихого океана через всю Азию и Европу вплоть до Пиренеев на западе, вплоть до Атлантического океана. Встречается на этом протяжении данное слово, между прочим, и в названной китайской форме без всякого изменения, это ныне в восточной Европе на берегах Волги в мокшанском наречии мордовского языка, но без формальной палеонтологии, именно, без формального анализа, нельзя понять, что в мокшанском слове лш-та 'лошадь' мы имеем кит. та 'лошадь', так как из формальной палеонтологии теперь уже известно, что лш-та скрещенное слово из двух элементов, элемента лш, или юш, означавшего 'лошадь', и элемента та, того же та, что в китайском, означающего также 'лошадь'.

Без семантической палеонтологии не понять бы, что не раз уже разъяснявшееся латинское panis 'хлеб' находится в родстве с греческим βάλαν-ος 'жолудь', ибо лишь с палеонтологиею семантики стало известно, что слова получали значение по функции, и 'хлеб', заменивший 'жолудь' с появлением земледелия, стал носить название 'жолудя', которым раньше питались.

§ 19. Старая лингвистическая школа учила, что заимствуются слова, но не формы. Это также отпадает, так как формы также заимствуются, причем при массовом и длительном общении строй речи и с ним мышление, следовательно, и морфология также может передаваться от одного племенного образования к другому, как и словарь. Ведь самое родство языков объясняется именно тем, что

вследствие общения у различных племен в звуковой речи появились общие черты как в словарной части — идеологической, так и в звуковой и морфологической — формальной. И вот тут и возникает вопрос о расхождении формальной типологии или морфологии данного языка или данной группы языков со словарным составом в зависимости от типа общения народа с народом, в результате чего у одних народов от такого общения менялась внешность, морфология, но не словарь, у других перемена сказывалась лишь в словаре, т. е. получается, что один и тот же язык в отношении внешней типологии может родниться с одной группой языков, а в отношении словаря с другой группой языков. Ясно, что классификация языков должна учесть и эту сторону взаимоотношений.

Однако и указание на связь с материальной культурой, равно с историей общественных форм, даже установление таких связей конкретно в тех или иных случаях не делает еще учение об языке жизненным, если не учитывается роль определенных классов и равно определенных кругов профессий в языковом творчестве. Ведь начальная звуковая речь — культовая, собственно магическая, ею пользуется ограниченное число лиц.

§ 20. Расширение круга пользующихся звуковым языком, умножение звуковых слов по профессиональной линии, номадную кочующую ли ведет еще человеческий коллектив жизнь, травояд ли он, или уже охотник, идет все с сохранением «культового» характера за речью, слова продолжают быть магическими, играют роль не только орудия общения, в начальные эпохи не столько орудия общения (тогда общаются еще кинетической, или ручной, речью), сколько вспомогательного средства для успеха в своем производстве, удачном сборе съедобных, равно целебных трав или удачной ловле дичи. Этим магическим характером подлинно первобытного быта, связанного с хозяйством травоядения или древоядения, поедания древесных плодов, сока деревьев, или животноводения и объясняется пережиточное сохранение, например, магического характера, таинственного, за речью во время охоты: в быту на Кавказе у сванов, абхазов и по сей день существует особый охотничий язык.

И все это придется внести диаграммно в родословие языков. Ведь надо помнить: как нет одноприродных национальных народов-массивов, все расслоены на производственные коллективы различного происхождения, сословия ли это, или классы, так нет массивных одноприродных языков, всё скрещения, всё слоями. Каждый слой имеет свою историю.

§ 21. Каждую систему языков отличает в то же время особое состояние звуковых данных. Однако когда речь идет о звуках, то прежде всего надо считаться с тем, есть ли возможность самостоятельной трактовки звуков вне слов, предполагающая самостоятельную историю каждого отдельного звука, точно звуки не то чтобы существовали самостоятельно вне слов (этого и сейчас никто не будет утверждать), но чтобы изменения звуков имели место независимо от содержания или смысла слова с первых же эпох звуковой речи. Это глубокое недоразумение. Мы теперь прекрасно знаем, что нормы видоизменения звуков в статике языка могут касаться только формы, отнюдь не затрагивая основного значения. Известные видоизменения звуков и самих форм слов конструктивных

форм не касаются, они безразличны или декоративны, часто в связи с этим говорится о благозвучности того или иного безразличного не только для смысла, но и для формы произношения. Такое функциональное самостоятельное существование звуков, их как бы независимое бытие с самодовлеющими, казалось бы, нормами есть позднейшее достижение, поскольку звуки с развитием их функций выделились в особую надстроечную категорию явлений, как мастерство, оторвавшись от служебной функции производства, от запросов материальной культуры, с порождением надстроечных потребностей в отвлеченном от жизни мышлении и в самодовлеющей красоте, обратилось в надстроечный мир искусств и художественно расцениваемых их форм. Постепенно, следовательно, и звуки получили самостоятельную значимость, получилась возможность самостоятельной их трактовки, изучения независимо от идеологического обоснования, изучения их как явлений чисто формальных и порой художественных, благозвучных и т. п. И в них, именно в составе самостоятельно трактуемых звуков и в их качестве, мы наблюдаем рядом с развитием и вымирание. Мы наблюдаем, как постепенно отмирают заднеязычные аффрикаты, как-то: $k, \check{g}, \check{q}$, а равно k, g, q , и т. п., а с ними и спиранты $h, \check{h}$ и др., за ними переднеязычные аффрикаты, как-то: $\check{t} || t, \check{d} || d$ и т. п. Ясное дело, что более сложный состав согласных определяет более древнюю систему речи, и потому нас не удивляет, что в протоеидских («индоевропейских») языках, например, в русском, нет ни заднеязычных аффрикатов $k || k, \check{g} || g, \check{q} || q$, ни спирантов h , ни тем более $\check{h}$, ни переднеязычных аффрикатов — $\check{t} || t, \check{d} || d$ и т. п.

Этот процесс вымирания старых не только диффузных, но диффузоидных, по членораздельности менее совершенных звуков, процесс упрощения звуковой системы наблюдается в том же порядке и в американских языках. Таблицы состава фонем, или речевых звуков, в американских языках сравнительно друг с другом в этом отношении представляют замечательно наглядно поучительное зрелище. Они убывают в одних языках сравнительно с другими совершенно в том же порядке, в каком тот же процесс наблюдается в яфетических языках внутри их круга или в яфетических языках и последовательно протоеидских («индоевропейских»). В этом отношении семитические языки остаются более верны состоянию звуковой системы языков яфетической стадии развития. Во-первых, дело не в том, что в семитических языках сохраняются экзотические для европейского уха исторических эпох те или иные горловые звуки не только средней звонкости q и звонкий $\check{g}$, но и глухой k или во всяком случае горловой аспират (аффрикат), общий у арабов в нынешнем произношении ξ , напр., с аварским. Дело в том, что трехстепенность озвонченности лежит с восполнительным дефектом в основе семитической системы звукового состава речи, как в яфетической, например, в заднеязычных звуках арабский язык проявляет эту тройственность $[k \rightarrow]g (\sim \check{d}) \rightarrow q$ так же, как любой яфетический язык обычного типа (в некоторых яфетических языках эти ряды четверные), как, например, в грузинском $k \rightarrow g \rightarrow q$, равно в аффрикатах k (совпал с ξ) $\rightarrow \check{g} \rightarrow \check{q}$, как в грузинском. $k \rightarrow \check{g} \rightarrow \check{q}$, или из переднеязычных зубные t (t) $\rightarrow d \rightarrow \check{d}$, как в грузинском $t [t] \rightarrow d \rightarrow \check{d}$.

Массово ничего подобного не находим мы в прометеидских («индоевропейских») языках. В санскрите наличие ряда переднеязычных аффрикатов разъясняется как вклад чуждой «арийскому» языку речи. Следующая таблица яфетидологического изображения фонем (согласных) русского языка, среди прометеидских («индоевропейских») наиболее богато наделенного согласными звуками, покажет, какой убыли подвергся звуковой состав языков яфетической системы. Мы уже не говорим о качественных особенностях прометеидских («индоевропейских»), в частности русских, звуков, когда, например, звук t прометеидский («индоевропейский») не покрывает ни яфетического t (t), ни яфетического ð.

Мы говорим о трехстепенности каждого ряда. Правда, в греческом эта трехстепенность выдержана не только в зубных — t, d, ð, как у грузин t, d, ð, но, если держаться звукового восприятия древними армянами и грузинами греческого χ как q, то и в заднеязычных — x, γ, χ (k, g, q). Но с греческим языком мы находимся часто одной ногой еще в кругу языков яфетической системы.

Таблица же звукового состава русской речи без учета сонорных такова:

	а	е («э»)	і («и»)	о	и	
	—	—	d g	ð («т»)	q («к») ы ↙ u [↔ o ↘ ə]	
· = s	—	—		ð	—	— [h →] x
· = z			—	—		— [γ]
· = ш	—	—		ð	—	— [ç]
· = j			—	—		у
	р		б		—	

Убыль в звуковом составе отличает и языки более древних систем, чем прометеидская («индоевропейская») и даже семитическая, так, например, угрофинскую. Более того, баскский язык, один из древнейших по своей типологии, типологии языков древнейшей, именно яфетической системы, стоит на той же ступени развития или изжитости архаичной фонетики, как русский.

Баскский

	t	k	d g	ʒ q		
s	—	—		ʒ	—	h → -
[z] —		—	—			— [γ]
ш	—	—	—	ʒ	—	— [ε]
ш̄		—	—	ʒ̄	—	y
	p		b	φ		

По сонорным упомянем об отсутствии из плавных начального r, а также — об его разнообразии (r, r̄).

Но баскский находится в изоляции, он окружен прометеидскими («индоевропейскими») языками, как вершицкий, что у Памира, — иранскими, и в результате общения с окружающими языками баскский сдал не одну свою яфетическую позицию. Взаимоотношения баскского и романских языков, в первую голову — испанского и французского, нам только и могут открыть взаимные их вклады. Пока баскский язык в целом вообще является таким же темным пятном на фоне европейской научной просвещенности, казалось бы, во всем блестяще торжествующей, как неразрешенность этрусской загадки. Здесь в отношении уже мертвого языка, этрусского, такое же бессилие всей современной лингвистики, находящейся на поводах индоевропейцев и в чарах их теоретического построения, разобрать надписи на этом языке, впервые появляющиеся в Италии с IX в. до нашей эры (следовательно, до возникновения Рима и римской культуры) и продолжающие появляться и позднее, как отложение римской классической общности, по сей день предмета исключительного внимания европейской науки.

Принадлежа изолированной по сей день в представлении старой лингвистической школы группе неизвестных по происхождению языков, хотя он и живой (представлен в многочисленных наречиях и говорах), баскский язык, будучи младописьменным (начало баскской национальной письменности не древнее XVI в.), мало чей возбуждал серьезный научный интерес в отношении его значения в генетических вопросах языков других систем, хотя бы и непосредственно соседящих с ним языков прометеидской системы.

Редкие работы, вроде статьи проф. Германа Уртеля (Hermann Urtel) из Гамбурга «Zum iberischen in Südfrankreich» (Sitzb. d. K. Pr. Ak. der Wissenschaften, Берлин, 1917, стр. 530—554), имеющей своих независимых предтеч, несколько не ослабляют нашего утверждения.

Однако бедностью звукового состава характеризуется и китайский язык, язык типологически древнейшей системы. И вот возникает недоуменный вопрос: как понять седую-преседую древность китайского языка, живой ли он, или литературный, когда право его на исключительную архаичность, если не доверять первобытной его типологии, подтверждается свидетельством существования наиболее древних литературных традиций и сохранения китайского языка в одной из наиболее древних письменностей? Как примирить эту бесспорную древность китайского языка с фактом изжитой его звуковой системы, которую в пору бы иметь какому-либо рядовому представителю наиболее поздней системы языков, именно прометеидской («индоевропейской») системы?

Здесь-то и приходится учитывать тот момент в учении об языке, о котором уже говорилось и не раз придется говорить: творчество языка в движении, процессе развития исторической жизни народа, в начале нет ничего и, следовательно, несмотря на архаичность типа китайского языка, на его принадлежность древнейшей системе, в языке сказываются черты интенсивно-культурно прожитой жизни, в том числе и новая система звуков, но это не мешает древности типологии, о чем речь будет еще особо.¹

§ 22. Да и фактическое положение таково, что каждая из систем так отрезана в своем дальнейшем долгом исторически обособленном бытовании и развитии от любой другой системы, что вполне естественно было предположение о различном происхождении каждой системы и признание различных систем различными расами. В этом отношении совершенно особо стоят яфетические языки. Яфетические языки отнюдь не представляют одного монолитного типа. В них также наблюдаются различные системы, от синтетическо-аморфного типа до флективного того или иного уклона, но между различными системами, порождениями различных этапов развития общности, есть явная, научно обоснуемая и учитываемая связь, ибо каждая новая система сохраняет яркие следы или переживания изжитой системы. Каждая система как бы недоношенная или потенциальная еще в отношении последующей.

Так, например, местоименно-агглютинативное склонение, иллюстрированное на грузинском примере акт. п. kaš-m-+an, где имя существительное само неизменяемо, но определяется как акт. пад. по форме прилепляющегося к нему местоимения. Такое образование падежных форм едва ли есть позднейшее явление, как раньше казалось, сравнительно с тем, что в ином типе агглютинации рядом со словом, которого положение во фразе требовалось определить, ставилось функциональное слово без местоимения, указывавшее роль его, предшествующего, уже значимого слова, в предложении. И вот впоследствии, когда уже возникла флексия и образовался дат. падеж, в грузинском дат.-вин. (один объективный), без посредства местоимения с помощью частицы sa, пережитка служебного слова 'дом' или 'рука', saql-sa 'в доме', пережиточно при нем стало появляться и утвердилось функциональное слово, абсолютно не нужное, шпа, saqlsa шпа 'доме + внутри'. Слово шпа 'внутри' («дом») было бы понятно и требовалось

¹ Ср. впрочем, выше, стр. 55.

бы, если бы saq1 'дом' не имело формы дат. падежа в значении местного — saq1-sa, не имело никакой формы: звуча saq1, принимало бы, естественно, шпа — saq1шпа 'дом внутри', 'в доме'.

Оставаясь, однако, в этот раз в пределах интересов учения о звуках, надо подготовиться и к их видоизменениям в двух разрезах, разрезе статическом, или гомохроническом, когда вы сравниваете наличное состояние звуков родственных языков в их устоявшихся формах, со стабилизацией норм, и в разрезе динамическом, или диахроническом, когда вы сравниваете сменившие друг друга состояния звуков в языках, развившихся одни из других, точнее — из скрещения ряда других, причем сменившие друг друга состояния языков, собственно, сменившие типологически друг друга языки, принадлежат уже к различным системам и наблюдаемы при этой смене состояний звуков, как нечто текучее, переливающееся, в различных частях новообразовавшегося типа в зависимости от скрещения.

ЗВУКОВЫЕ ПЕРЕХОДЫ ОДНОЙ ПЛОСКОСТИ ГОМОХРОНИЧЕСКИ (СТАТИЧЕСКИ):

сс: груз.

шп: мегр., чанск.

saq1 'дом' (←*saqal¹)

*шо-қоғ ~ (ε)о-қоғ

qmaq 'муж' (←*qa-maq)

1. qo-mol м. 'мужчина', хотя прилаг. qomolur свойственный не только 'мужчине', но и 'мужу'; ч. 'муж', 'герой', 'храбрый' и пр.

ḍma 'брат' (←*ḍa-mal)

2. м. qo-moḍ 'муж.', ч. qo-moḍ 'муж'

va-ш1—'яблоко' (←*va-шал)

ч. ḍu-ma (←*ḍu-mal вм. *ḍu-mur)

ḡa-me 'ночь'

[v]u-шkur → uшqur

м., ч. ḡu-ma

§ 23. СХЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ПО ЗВУКОВЫМ СООТВЕТСТВИЯМ ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППИРОВКИ ПО ЗВУКОВЫМ СООТВЕТСТВИЯМ

Гомохронические взаимоотношения, составляющие основу одной формальной сравнительной грамматики.

А. Сибиллянтные языки

Б. Спирантные языки

группы
сс шп

(сванской разновидности)

Огласовка

a || o (↔ u)

e

e || a

i

¹ В отношении звукосоответствия (sa- || *шо- ~ *εо-) дело не изменится, если s и q будут рассматриваться попрежнему как разобщенные друг с другом огласовкой «а» подъемные представители диффузного ḡ, т. е. saq1 будет признаваться разновидностью одноэлементного ḡal.

Согласные

s ш	h ɸ
ш sq ← sk → sg ← шq и т. д.	sg → zg
z j	ɣ y
ṭ ṭ	k ḳ
ṭ ṭk	
ḏ ḏ	ğ ğ
ḏ ḏg	
ḏ̣ ḏ̣	q̣ q̣
ḏ̣ ḏ̣q	
l r	w
r { ḡ ḡḡ }	ḡ ḡḡ (← ш)

§ 24. Конечно, эти соответствия при скрещении иногда терпят уклон частичный то в одну, то в другую сторону; так, sal || шог ↔ шиг, но часто вместо sal — sag и т. п.

сс

шп

a || o ↔ u (при губных согласных)

- г. ban-a 'мыть', 'стирать'
- г. qaḏam 'курица' (← qa+ḏa+m: -ḏa+m ↔ ḏa+v ~ ḡ арм. ha-v 'курица', 'птица', т. *ḏa+wə-k 'курица', т. ḏa+[w]u-k)
- г. m-ḡar-e 'страна' (ḡ *ma-ḡar)

- ч. o-bon-u, м. bon-u-a
- м. qoḏom-ı ↔ ч. qo-ḏum-ı

- mu-ḡur-ı: -ḡur (↔ ḡor), м., ч. ḡer ḡ т. yer (yär) 'земля', чв. ḡer

e || a

- г. ḡep-eb-a 'светать'
- г. teḡa 'ломать'
- г. (диал.) ḡel 'весь', 'целый', г. m-ḡel ← mḡ-ḡel 'здоровый'
- г. erḡ 'один'

- ч. o-ḡan-u, м. ḡan-aḡ-a
- ч. o-taḡ-u, м. taḡ-u-a
- м. ḡar-ı 'здоровый'
- м., ч. arḡ-ı

ḡ || ḡ

- г. kaḡ 'человек' (ḡ *kas)
- г. ḡḡa 'девять' (← *ḡa-ḡar)

- м., ч. koḡ-ı 'человек'
- м., ч. ḡḡoḡo ← *ḡoḡoḡo → *ḡoḡoḡo ↔ *ḡuḡur, resp. *ḡoḡur (ḡ чв. ḡeḡer ~ т. * tokus → * tokuz)

ʒ || ʒq

г. marʒv 'барсук'
г. ʒem-1 'мой'

м. munʒqv-1 → muʒqv-1
м., ч. ʒqm-1

s || ш

г. as 'сто'
г. sa-m 'три'
г. sul 'душа'

м., ч. oш-1
ч. шу-м-1
м., ч. шur-1 (в арм. ~ mund)

ш || sk и т. д.

г. шавш (→* шавш-1) ← шoш-1,
шоша 'дрозд'
г. vash (←* va-shal) 'яблоко'
г. шen-1 'твой'

*sosq → (*zews →) zesqv-1
м. [v]u-шqur-1
м., ч. skan-1

z || J

г. mze 'солнце'

м. bja

t̄ || t̄

г. tabl (←* ta-bal) 'каштан'
г. mter 'муха'
г. ter-a 'писать' → чв. t̄er-e 'вышива-
ние', 'вышивка', г. ker-a 'шить'
(← 'вышивать узоры') ↘ км. ʒer-e
'вышивка', 'узор'

м., ч. tu-bur-1 → км. tu-pu 'дуб'
t̄and (арм.) → м., ч. t̄and, m-t̄ad̄i
м. ʒar-u-a ~ арм. kar-el 'шить' ~ ↘
т. yaz ~ || чв. ʒыр (↙* ʒur) 'писать'

t || tk

г. tad 'маисовый хлеб'
г. tama 'есть'
г. tra 'резать' (основа tar)

ч. tkud-1 ~ м. tkid-1
ч. o-tkom-u, м. tkom-u-a
ч. o-tkor-u ~ м. tkir-u, o-tkir-ua

d̄ || d̄

г. daḡl 'собака'
г. d̄vel 'старый', 'древний'

м. doḡor-1
d̄-veš-1 в м. *d̄-vaš-1

r || r̄n̄ d̄ → r̄n̄ d

г. ber 'старый'

*bad-1 → м. bad-1, ср. чв. vat-ə 'ста-
рый', ср. «вет-х-ий», л. vet-us (род.
vet + er-is)

г. r̄ig 'рот'
х. qar 'бык', древнелит. qar

м. r̄id-1
м. qod̄i

г. q-mar 'муж' (*qar-mar), *qar ↘ *nar м., ч. qo-mod-1, м. qo-monđ-1
 → чв. ar || т. äg → er 'мужчина',
 ср. г. er || абх. ar 'войско', 'народ'
 ('люди'), 'человек' ~ чв. zar 'войско'
 г. si-zmar 'сон' ч. e-zmod-a ↔ м. i-zmod-a

đ || đg

г. mar-đven-e/a 'правая рука' ч. mar-đgwan-1, м. mar-đgwan-1

l || r

г. kbl 'зуб' м., ч. k'bir-1
 г. tel 'год' *tar-1 → tar-e/1 (арм.)
 г. ʒa-φl 'мед' (← *ʒa-φal) (ср. т. м. ʒo-φur-1
 bal || *pur, resp. *pul ↘ чв. pyl).

§ 25. Все попутно сообщенные изменения звуков и их взаимоотношения имеют интерес в речи, орудии общения, не как физиологические факты, а как показатели общественных взаимоотношений; так, три ступени озвончения $t \rightarrow d \rightarrow \delta$ и т. п., это три ступени развития во времени в одном и том же хозяйственном коллективе, впоследствии в одном и том же классе, далее в одном и том же племенном образовании. Точно так же падения и подъемы дело одного же хозяйственно-коллективного, лишь впоследствии кровно-племенного образования, поэтому формула $v || m \nearrow p \rightarrow b \rightarrow \varphi$ нас не выносит из круга нормальных речевых особенностей одного и того же племени. Чередование свистящих с шипящими ($s || \pi$ и т. п.) — это согласованность двух близких друг к другу кругов языков, двух групп, как бы договоренность двух хозяйственных коллективов, далее — двух классов, двух племенных групп, а перебои согласных $t \sim k, t' \sim k'$ и т. д., т. е. замена переднеязычных $t, d, \delta, t', d', \delta'$ и т. д. заднеязычными k, g, q, k', g', q' и т. д., равно слабых $s || \pi \sim h || \varphi$ и т. д. — это достигнутая согласованность двух более далеко стоящих друг от друга языков, двух ветвей, как бы договоренность двух сторон, раньше двух хозяйственно-коллективных организаций, каждая из которых представляет в свою очередь более тесный союз племенных единиц, также как бы договорившихся и в отношении речи в конечной форме социальной группировки племенных групп.

§ 26. Однако все это прослеживается лишь пережиточно, ибо ныне нет ни одного нескрещенного языка. Более того, сложившаяся звуковая речь и вначале не мыслится нескрещенной: до скрещения не было звуковой речи и ее не могло быть, так как до скрещения не было хозяйственных коллективов, из которых, а не из стадных орд, как предполагали и мы раньше, образовались позднее племена, человеческие племена с языком, особенно окрепшие племена с звуковой речью, не от пар папы и мамы по крови, а в объединении по общему хозяйству от потребностей, удовлетворимых лишь при коллективном труде, — в объединении для работы, resp. добычи и обороны. Следовательно, не было простых племен с простыми, нескрещенными языками, не было вообще нескрещенных языков,

но у не говоривших звуковой речью (однако говоривших уже давно линейной, вернее — кинетической, речью) был коллективно отличительный, позднее этнический, уже племенной, никогда не животный, а человеческий членораздельный звуковой комплекс, не отдельный звук, а звуковой комплекс, как бы слово, звуковой договорный знак, со всеми возможностями развития одной коллективной организации, позднее одной племенной группировки, и особенности этого подлинного первобытного слова с его разновидностями ныне и от начала сложения звуковой речи находятся в различных слоях ее, в различных слоях каждого языка всегда скрещенного, как отложения, и потому, а также независимо, для чисто механического учета и ясности необходима классификация языков по как бы признакам согласованности племен в речи, по звуковым соответствиям, которые надо знать как гаммы для игры на пианино, ибо это основы и сравнительной грамматики статической (в корне обманчивой, если нет палеонтологической проверки) и техники, необходимой для палеонтологии.

§ 27. Диахронические соотношения

А (SAL)

г. sađl

С (YON)

абх. а-уш-ә ↙ *уш-о

-уш в названиях древнеармянских родов (Amat-um, Bagrat-um и т. д., пережиток от доармянских халдских эпох — в клинописи Вана, племенное название Et-um и т. д.).

г. шна 'внутри', 'дом' ~*шно → м. шо — предлог в глаголах ~ м. dno 'внутри', (в смысле англ. район расселения однофамильцев или вообще близких home). соседей и знакомых, м. dnoqə-le 'внутри', — предлог в глаголах.

г. dta 'брат' (←*da-mal), однако и -da ↘ za в bida 'дядя'.¹

ша	~ уа
абх. а-ша	'кровь'
абх. уа-ща	'брат' ²

А (SAL)

г. del 'дерево' || м. daŋ¹ вм. dar → перс. dār-u
арм. tar ~ ↘ har (см. скрещенные).

В (BER)

г. moŋ 'пень', 'бревно', кит. mo, равно в финских скрещенных словах, да и в грузинском означает 'дуб'.

↗ rog ↔ ruc → bog (см. русск. «бор») → fog ↔ fug (ниже в скрещенных словах) (финск. — «руи» → ри, но и то ↔ ти).

¹ Яфетическое происхождение абхазских терминов родства, ИАН, 1912, стр. 423—432; Абхазское происхождение грузинского термина родства bida 'дядя', ИАН, 1914, стр. 143—146.

² О полигении семантики, ИАН, 1926, стр. 781—786 [см. здесь, стр. 168—172].

Скрещенные BA (BER-SAL)

г. *fir-šel* 'листва', 'листья'
г. *fo-šol id.* → диал. *foğ-šol*

перс. *dir-qt*, греч. *den* → *dr-on*
пехл. *dra-qt*, арм. *dra-qt* 'сад'.

AB (SAL-BER)

км. *tu-ru* 'дуб' ($\searrow$ * *tu-mi* ↔ *tu-mo*)

суоми, эст. *ta-m* 'i' 'дуб' || черем. луг. *tu-mo* → черем. горн. *tu-m* ($\nearrow$ русск. «дуб»).

арм. *tere-v* 'o' 'листья'

AC (SAL-YON)

бск. *ar-te* 'дуб'

р. «дерево» → «дре-во»

бск. *ar-to* 'маис', 'маисовый хлеб' ← л. *ar-bog*

'жолудь'.

В этой диахронической связанности различных типов языков яфетической системы и кроется кардинальное значение яфетических языков.

Мы в них также имеем последовательность развития различных типов, сначала синтетический, или аморфный, — абхазский и сродные с ним, затем агглютинативный, именно сначала языки местоименно-агглютинативные, как баскский, древнелитературный грузинский, языки шипящей группы и ряд горских языков, затем упрощенный агглютинативный, как ряд северо-кавказских языков и частично народный грузинский, и, наконец, флективные, именно сибилантная ветвь яфетических языков, особенно древнелитературный грузинский (чанский и мегрельский особо), как так наз. новогрузинский, причем, однако, флективность, к которой совершенно подошел грузинский язык, порядка не протетейского («индоевропейского»), а семитического, как, наоборот, флективность армянского языка, особенно древнелитературного армянского — порядка протетейского («индоевропейского»).

Собственно, не только армянский, но и грузинский языки переходные от агглютинативной системы к флективной, армянский упирается в протетейскую («индоевропейскую») систему, грузинский — в семитическую.

§ 28. Таблица требует построения иного, именно того, чтобы один столбец составляли яфетические языки (реликтовые), другой — все остальные. Но в таблице других языков, не яфетических, иное положение: диахронической перспективы нет между языками различных эпох по типу; есть хронология историческая, языки датируются временем их появления на историческом поприще; так романские языки, но только как носители определенной исторической, разумеется, классовой культуры, определяют время самого типа, который, однако, древнее. Потому-то германские и романские языки раннего типа, местоименно-агглютинативного или местоименно-флективного, языки более древние по типу, чем греческий и латинский, флективные, каковые относятся в пофлективные эпохи. В нашей таблице, имеющей считаться с реальной хронологией различных пластов, им отведено будет подобающее архаическое место.

Однако такой новой генеалогической таблицей, приближающей нас к более правильному восприятию взаимоотношений различных систем в отношении времени, далеко не разрешается вопрос о наглядном представлении тех типологических эволюций, которые звуковая речь человечества претерпела на своем долгом пути.

Прежде всего в таблице мы получим раздвоение: реликтовые яфетические языки, пережитки доисторических и дописьменно-исторических языков, расположены будут отдельно, а языки систем письменно-исторических эпох — отдельно, чего в реальности, конечно, не существует. И те и другие системы — органически объединенные части того единого механизма, в котором протекает единый процесс глоттогонии (созидания речи), независимо от того, захвачена ли в данный момент им, этим процессом, совокупность речи всего человечества, активно ли действует в нем та или иная группа языков, или пассивно претворяется если не в новый вид, то в его разновидность, или точно бездыханный труп лежит без движения, живя завешанной статикой.

§ 29. Однако основной дефект таблицы будет не в этой разобщенности, а в отсутствии и намека в ней на смену эволюционных этапов в каждой из систем. По таблице можно будет подумать, что каждый язык или каждая однотипная группа языков представляет оформленное по новой системе порождение другой системы, точно процесс развития имеет узловые созидательные стоянки, различные творческие этапы, между которыми лишь прозябание. На деле же те стоянки или этапы — лишь поворотные или революционные. Они взрывают устоявшуюся среду и открывают новые пути, по которым постепенно и налаживается сложение нового типа и развитие, и на этих же путях зарождается расхождение, возникновение антитезы рядом с тезисом, дающее в итоге борьбы новое разрешение в революционном сдвиге на следующей узловой стоянке. Творчество в самом движении, не на стоянках, как не в начале, а в процессе непрерывного накопления и динамики материала. Вначале — ничего. Про звуковую речь можем смело утверждать, что вначале — ни духа, ни материи звуковой речи. Когда намечается звуковой материал, то он, лишь ощупью используемый в путях завешанных навыков ручной или кинетической речи, сначала в ограниченном мире потребления, постепенно растет и создает так наз. дух, т. е. особую технику, вместо изжитой, в силу накопления рефлексов от идеологии новой жизни, так наз. психологии, особый склад, особую систему, естественно, как удовлетворение определенной общественности на определенной ступени развития в определенных физических условиях — создает различную систему мышления, различную технику ее выражения в звуках, т. е. различную систему речи, кажущуюся наследием различных семей языков и в источнике, если не даром бога, то даром природы, именно лишь развитием непосредственно животных звуков, так наз. речи животных. Язык во всем своем составе есть создание человеческого коллектива, отображение не только его мышления, но и его общественного строя и хозяйства в технике и строе, равно в семантике, но не в том упрощенном типе, как то мыслил наиболее к нам близкий по идеологии Нуаре с его предшественниками и последователями.

Мы как будто закончили все, что хотели сказать про родословную диаграмму языков, закончили вступительную часть курса и начинаем самый курс учения об языке, из которого мы предвосхитили изложение первых параграфов программы, именно то, что знакомит с техникой и терминами яфетического языкознания, звуковые законы, собственно — корреспонденции, именно, социальные группировки по гомохроническим или статическим соответствиям и диахронические взаимоотношения по звуковым соответствиям различных систем.

§ 30. Но все-таки возвращаюсь к диаграмме родословия языков. Что, собственно, мы имели в виду, предваряя им общий курс учения об языке? А именно то, что, как без интереса к происхождению языка не может быть никакой лингвистики, всякое учение об языке предполагает то или иное подлживительное отношение к этому вопросу, ту или иную концепцию возникновения языка, и только тогда специальные углубленные занятия отдельными языками могут явиться плодотворными, и чем правильнее поставлен и, разумеется, чем более и лучше освещен вопрос о происхождении языка, тем плодотворнее и вообще состоятельнее становится учение об языке, также и общее представление о взаимоотношениях языков. Посильное для нас правильное восприятие целостной их связанности — *conditio sine qua non*, т. е. условие, без которого невозможно правильное отношение к любой части самого учения или теории, невозможно конкретный подход к строю и системе речи, ко всем ее особенностям, как явлениям жизненным, а не к абстракции и схеме.

Мы потому-то забраковали нами же составленное родословное дерево языков, уже изданное в статье «О происхождении языка». В ряде лекций мы постарались ознакомить вас со всеми теми сложными взаимоотношениями языков, которые обычно учеными так просто и наивно сближаются до признания происхождения от особых прародителей и разлучаются до признания особых расовых семей в их так наз. родственных и неродственных чертах, собственно в схождениях и расхождениях в источнике хозяйственно-государственного порядка. Сложные жизненные, конкретные их взаимоотношения не нашли своего выражения и в предложенном с поправками вашему вниманию нашем родословном дереве из упомянутой статьи. Мы пробовали лишь построить новую диаграммную фигуру связанности языков и заранее осудили еще один намечавшийся опыт с изображением особо яфетических языков и особо всех остальных языков мира. Мы в общем успели лишь наметить материал для построения наглядной жизненной диаграммы, но самой диаграммы не дали, оставив ее осуществление на будущее время, как чисто техническую проблему. Но осуществление имеет основание быть отложенным не только по технической невыполненности задания. Есть более существенные затруднения. Мы не говорим о недостаточной еще яфетидологической проработке всех хотя бы основных представителей существующих систем языков, о полной вообще неисследованности и даже неизвестности в науке многих и мвогих языков, в числе их яфетических. Если бы мы стояли на точке зрения, требующей молчания пока все не будет исследовано, то никогда ничего не исследовали бы, и надо же немного брать пример с индоевропейцев, которые не стеснялись свои положения, выработанные на ограниченном круге подсудных

им языков, обращать в положения общего языкознания, да и по сей день мнят, что они законодательствуют вообще в науке об языке. Вопрос, следовательно, не в том, возможно ли какое-либо действительно жизненное изображение в родословном дереве или в иной диаграмме взаимоотношения языков. Соответствующую часть нашей прошлой лекции мы закончили следующим положением: «Язык во всем своем составе есть создание человеческого коллектива, отображение не только его мышления, но и его общественного строя и хозяйства — отображение в технике и строе речи, равно и в ее семантике».

Следовательно, сам по себе язык не существует, весь его состав есть отображение или, скажем конкретнее, отложение; так обстоит со всеми языками различных мест и различных эпох, и, конечно, их взаимоотношения не могут представить ничего, кроме отвлеченности, и их и представить нельзя в иной, чем схематическая, диаграмме. Жизненные языковые явления лишь в их органической связанности с историей материальной культуры и общественностью. Потому-то, чтобы получить общее конкретное представление о системе языков и их взаимоотношениях, как жизненных явлениях, а не абстракциях, чтобы при подлинном генетическом анализе особенностей каждого языка почувствовать реальность, дыхание подлинной жизни, дыхание творчества или трудового производства человеческого коллектива, необходимо иметь правильное общее представление о том, органическим отложением чего является язык, непосредственно или через общественность посредственно, именно правильное представление об истории материальной культуры. Иначе при всей, допустим, безукоризненной его правильности и яфетидологическое построение учения об языке, его происхождения и смене типов в эволюционном порядке явится в значительной мере отвлеченностью, оно будет говорить об отвлеченно от пространства происходящем процессе, без учета и понимания генетического значения и того факта, как языки распространены или распределены по всему миру. Между тем это и для языковеда кардинальный вопрос: где зародилась и как распространялась культура человечества, прежде всего история материальной культуры?

Что же говорит нам сама история материальной культуры в наши дни, или археология?

§ 31. Вот археологическое построение в формулировке 1925 года:

«Археология ныне может установить изначальное родство по всему Средиземноморью от Испании через Италию, Грецию вплоть до берегов Малой Азии и юга России и Кавказа. И именно дело обстоит так, что это родство возникло от развития, шедшего с Запада на Восток. В Испании и Франции в ледниковый период уже повысилась поразительная деятельность по искусству, когда в Греции и на ее островах все было еще мертво. В этих скалистых местностях девственный лес долго держал в удалении человеческое население.

«В средней и южной Греции (в Афинах, Тиринфе и Спарте), равно как на островах, недостает еще и неолита... В каменный век человек впервые появляется в Фессалии и вплоть до Орхомена, и именно с одним отпрыском красной керамики, которая тогда господствовала по всему Нижнедунайскому району: Болгарии, Румынии и югу России.

«Подобный недостаток палеолитических и неолитических слоев местами можно отметить также и в западном Средиземноморьи: на Балеарских островах, в Сардинии и на Корсике.

«Тем не менее палеолитическая культура западной Европы пробила себе путь (*hat sich fortgepflanzt*) на Восток, она налицо в Италии и Сицилии. Далее она пошла вдоль африканского побережья, где Алжир и Тунис его документируют (*belegen*) богато. Из Египта Г. Швейнфурт (*G. Schweinfurth*) доставил нам во множестве прекраснейшие кремневые орудия (*Feuersteinwerkzeuge*). В Сирии за последнюю войну Иосиф Байер (*Jos. Bayer*) собрал в значительном количестве побегов (*Ausläufer*) той же культуры и произвел наблюдение, что западноевропейские формы там принадлежат явно уже значительно более поздним временам. В последующие периоды каменной и бронзовой эпохи, равным образом, совершенно ясно развитие с запада на восток».

Все это говорит известный немецкий археолог Карл Шухардт (*C. Schuchhardt*). Сославшись на показание Геродота о сродстве пеласгов с этрусками (I, 94) и о тождестве колхов с египтянами (II, 104) и приводя объяснение и обоснование его утверждений, первого в том, что этруски — это переселившиеся в Италию пеласги из Лидии, второго же в тождестве обычая обрезания и техники ткацкого дела, Карл Шухардт в статье «*Die Etrusker als altitalisches Volk*» пишет: «Указание на древнее родство в подобных замечаниях для нас, естественно, очень ценно, но насчет того, как объяснить это, у нас в настоящее время имеются в распоряжении такие перспективы (*Einblicke*) в древние и первобытные (*uralte*) связи, о каких Геродот не мог и гадать» (буквально: «не мог и во сне видеть — *sich nicht träumen lassen konnte*).¹

Мы прекрасно знаем, что в отношении места зарождения человеческой культуры существуют и иные мнения. Мнение Шухардта мы привели лишь как новейшее и как совпадающее с нашими палеонтологическими изысканиями в языках человечества. Карл Шухардт приписывает начальную культуру также доиндоевропейскому, т. е. допротееидскому, населению Европы и этрусков не только отождествляет с пеласгами, но и признает их автохтонами в западной Европе, а вовсе не иммигрантами. Все это у нас давно намечено, известно и в печати, на основании данных яфетической теории.²

Но сейчас по возникновению культуры в западной Европе и ее движению на Восток иные, — новые соображения, подсказанные наблюдениями последних месяцев. Связь явная, стоит она вне всякого спора в терминах материальной культуры у дальневосточных народов с населением западной Европы. Вопрос стоит неустрашимый: на Востоке или на Западе возникает культура человечества? Пока лингвистика из шор разнорасового происхождения языков не выходила, вопрос мог трактоваться разнообразно и получать различное решение, не исключая и того, что культуры имели различные центры происхождения.

¹ *Prähistorische Zeitschrift*, 1925, т. XVI, стр. 109.

² К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги», ЗВО, т. XXV, стр. 301—336; см. еще Классифицированный перечень печатных работ по яфетологии, 2-е изд., стр. 27.

Но с точки зрения яфетической теории эти возможности отсекались, как фантазии, с момента, когда наметилось и с каждым днем все яснее и яснее становится и уточняется положение, что прометеидские («индоевропейские») языки представляют дальнейшее развитие языков Европы предшествующих прометеидам эпох, языков яфетических, что вообще так наз. семьи языков, казалось, расово различные по происхождению, представляют различные системы, отвечающие различным типам хозяйства и общественности, и в процессе смены одной культуры другой одна система языков преобразовалась в другую. Ясное дело, что такой эволютивный процесс не мог происходить в условиях одного физического порядка, требовались условия общественности, более того — накопление материала и смена генетически связанных одна с другой культур, т. е. там, где началось это массовое эволютивное творчество, мы должны быть свидетелями не только древности памятников материальной культуры, но их смены, цепи смен, находящихся в органической связи, с перерождением одной системы в другую. Как ни древен Китай, однако система его речи свидетельствует, конечно, о древности, но не о смене данной цепи систем, различных периодов. В Америке местные языки, несмотря на свою архаичность, точно окоченели в своем развитии от отсутствия базы накопления и смены типов, вследствие оторванности от массы с этими данными, в среде которой ими и достигнута наблюдаемая ныне в них ступень развития, да это признается и американистами, которые признают их, американские языки, внесенными выселенцами из Азии. Таково положение и так наз. первобытных языков средней и южной Африки. Как ни древен санскрит, да развит (он прометеидский, т. е. «индоевропейский»), он лишен первичной генетической увязки с языками своей же страны, т. е. он явно пришлый в Индии. Пока, впрочем, работа по анализу санскрита слабо выявляет и элементы позднейшего скрещения с так наз. доисторическими языками Индии.

Независимо от истории материальной культуры, по вторя ее достижениям с значительным их усилением и уточнением, яфетическое языкознание, оставаясь верным основному своему положению о происхождении новых видов от массового скрещения старых и эволюционной связи одних систем с другими, как результат работы, очевидно, одного места, в условиях наибольшего накопления материала и длительного процесса, свидетельствуемого фактами, не может полагать родины звуковой речи человечества и, следовательно, и культуры в ином месте, чем Европа, именно западная Европа, точнее — Средиземноморье и его окружение.

§§ 32—33. Что такое культура? И может ли быть первобытная культура, хотя бы в ее зачаточных моментах, звериной? Не исключают ли друг друга звериная первобытность и культура, как звериная и человеческая жизнь? Это все вопросы, без ясного ответа на которые мы шагу не можем сделать в деле выяснения источников возникновения речи, первой речи человечества — кинетической речи. Касательно звуковой речи нам уже известно, что она возникла в результате усиления трудового процесса и усовершенствования его форм: звуковая речь возникла после того, как человек изобрел искусственное орудие производства и в широкой мере использовал все выгоды этого изобретения.

Общеввропейский термин 'культура' происходит от л. глагола *col-o*, имеющего два, казалось бы, независимые друг от друга значения: 'обрабатывать землю' и 'почитать', собственно, — 'почитать бога' (Цицерон), почему, с одной стороны, Цицерон термин *cultus* употребляет в значении 'богопочитания', 'богослужения' при наличии у него как будто бы основного или первоначального значения 'пахание', 'возделывание' или 'обрабатывание земли', 'земледелие', с другой — в числе характерных значений глагола *col-o* имеется (так у поэта Овидия) и 'праздновать', 'торжествовать'. С этим термином, получившим в новейшие эпохи европейской истории связываемое с ним теперь обычное значение, при прослеживании его палеонтологии, мы попадаем, следовательно, в ту же, по сей день трудно, казалось бы, разрешимую проблему: что древнее в сознании человека — 'рука' или 'небо', *germ.* 'бог'? Каково не в действительности, а в мировоззрении человека хронологическое место 'руки' сравнительно с 'небом', *germ.* позднее 'богом'? Так ставится вопрос. Так ставился вопрос и нами в нарушение основного положения мутационно-эволюционной системы по яфетической теории, именно эволюции в диалектическом процессе, при котором простым явлениям, как и сложным из простых, предшествуют диффузные явления.

Не подлежит спору, что если земледелие переплетается с почитанием бога или служением ему в значениях одного и того же термина, то нет еще основания противопоставлять одно явление, земледелие, другому, богопочитанию, ибо само обрабатывание земли, все части земледельческого дела, в мышлении человечества на начальной стадии его развития, это культовые предметы.

Но обстоятельство тут еще иное, разъясняемое палеонтологией речи и постольку способствующее более правильному освещению тяжбы руки с небом, вопроса о хронологическом первенстве. Конечно, спору не подлежит, что рука предшествовала своей работой возникновению представления о боге, о самом первичном его образе в мышлении человечества, но фактическое или материальное первенство явления не решает первенства его общественного осознания, что является, однако, решающим моментом в хронологической последовательности явлений языкового порядка. Человечество в невежестве, человечество, находившееся во власти неизвестных ему еще сил природы и управляющееся ими, а не управлявшее ими, не было способно так оценить значение рабочей 'руки', как мы то делаем теперь, осознать, что 'рука' — творец всей нашей культуры и через 'руку' человек, человечество, — создатель ее, и никто другой и ничто иное.

И осознание творилось не естественноисторически, по одному факту нахождения предмета в физической среде, а в процессе выработки своего мышления и его технических средств, бравшихся не из природы, а из производства. Потому-то в основе, например, глагола 'рождать' палеонтология вскрывает не передачу природы вещей, а функцию явления и постольку отложение терминов производства, слова 'рука' и от нее произведенных глаголов 'делать', 'производить', 'приобретать' и т. п. Само слово *pātūga*, латинское слово, отнюдь не указывает своим корнем и архетипным значением на природное самопроизвольное возникновение, а на сделанность или созданность, совершенно так же, как слово

cul-tūra. Nā-tūra как будто происходит от nascor 'рождаю', nātus 'рожденный', но как в грузинском шиа 'родил' восходит к имени 'рука', ши (по пучковому значению 'рука+женщина+вода'), в полном виде элемент А (салский) шиг, так nāscor 'рождаться', оно же 'производить', восходит к скрещенному слову, двухэлементному nās-c-[or]||nā-tūra, именно DA, т. е. рош-салскому, причем элемент D (рошский) nā, также как элемент А (салский) tūr, resp. tur || sk-or, значат одинаково 'руку' (по пучковому значению опять-таки 'рука+женщина+вода'). Сюда же относится л. pasc+sc-or 'получать', 'приобретать', также от 'руки' (pasc ~ *nas), или, если начальный звук п в nāscor, nātū-s считать пережитком gn, т. е. nātus отождествлять, как то делают индоевропейцы, с ġ-nātus (a-g+nā-t-us, co-g+nā-t-us), перед нами скрещение трех элементов: C(g ← gn) + D (na → *nah ~ nas) + A (tur).

По существу, следовательно, cul-tūra и nā-tūra в архетипе однозначные слова. Не по природе, конечно, стал называться 'рукой' создававшийся материальный мир, а по раньше нареченному производству 'руки' стала называться природа. И если сейчас, и со времен исторически засвидетельствованных памятников латинской речи, под термином nātūra понимается нечто естественное, как противоположение содержанию термина cultūra, искусственному созданию, то, во-первых, такое различие терминов есть вклад позднейших этапов развития хозяйства с его техникой и общественностью, позднейшего общественного мировоззрения, позднейшего мышления и соответственного использования одного из двух названных раньше однозначных терминов для обозначения независимого от человеческого творчества материального мира. Во-вторых, и на более ранних еще этапах развития человечества рукой созданная материальная культура и природный материальный мир различались, но последний отличался от первой не как самородное независимое творение, как мы хотели бы то представить, а согласно с космическими представлениями общности тех эпох, как создание неведомой силы, т. е. опять-таки производство руки, но руки того, конечно, тогда таинственного для них существа, какое возникало в их воображении, и как они представляли себе олицетворенную ту неведомую силу, впоследствии 'небо', 'божество' и т. п., но всегда с символом — рукой. И тогда возникает не один языковедный вопрос, а целая пара: 1) Случайно ли из двух первоначально однозначных слов, cul-tūra и nā-tūra, последнее именно выбрано было для наречения природы, по представлениям той эпохи, создания небесной руки? 2) Если, действительно, 'природа' и 'материальная культура', одинаково воспринимавшиеся как сотворенные, рукой созданные, носили соответственно названия, происходящие от 'руки', то почему ни один из этих столь архаичных латинских терминов ничего общего не имеет с обычным латинским словом, означающим 'руку' и у римлян и у всех романских народов, именно man-us? Ответ не так трудно дать, как может казаться с первого раза, не так трудно по крайней мере наметить при палеонтологическом горизонте, увязанном яфетической теорией с историей материальной культуры.

Во-первых, к слову man-us 'рука', собственно — к его основе, мы не можем относиться как к отводимой от того общего глоттогонического процесса, в кото-

ром 'рука' через с ней связанное действие ('делать', 'производить', 'творить') переносилась в наименование 'природы', так как, во-первых, тап свистящей группы в его разновидности по шипящей группе, следовательно, с губной огласовкой, да с подъемом $m \nearrow b$ дает слово $bon \leftrightarrow bun$, хорошо известное в значении и 'природы': арм. bun 'природный', арм. $b\acute{a}n-u-\beta iwn$ 'природа', 'характер', г. $bun-e-ba$ 'природа', слово, обычно признаваемое иранским потому, что оно вошло с этим и иными сродными значениями в иранские языки, персидский и другие, как наследие от языков яфетической системы. В яфетических языках более полный пережиток архетипа $*bund$ ($\sim *bur$) появляется и в разновидности $*fund \rightarrow fund$, сохраненной латинским в форме $fund-us$ 'земля', 'основа', грузинским в форме $fu\acute{d}-e$ 'основание', 'корень', 'почва', в обоих языках в порядке позднейшего космического представления о природе-божестве, о земле-божестве, как опоре, 'дне' или 'корне' всего, земле-почве, и в этом значении слово bun налично и у армян, равно осетин, не говоря о персидском-пехлеви и др., но то же слово с широкой губной огласовкой bon у осетин означает также 'силу', 'возможность', т. е. по палеонтологии речи то же, что л. $tap-us$, т. е. 'рука'; во-вторых, вторая разновидность шипящей группы, сохраненная и грузинским в виде $fu\acute{d}-e$ (в латинском $fund-us$) 'основание' и т. д., с тем же губным на низшей ступени в виде $*fuz-e$, представляет основу греческого термина $\phi\omega z+n-s$, род. $\phi\omega z+e-os$, т. е. $\phi\omega z-e \swarrow fu\acute{d}-e$ со значением опять-таки 'природа'. Следовательно, нельзя говорить, будто элемент В, что представляет собою в основе слово $tap-us$ 'рука', не был использован в значении 'природы' и дериватных уже от 'природы' слов, он сохранился с таким значением на Кавказе, в Армении, и в Иране (bun), он сохранился с тем же значением и в Средиземноморьи у греков ($\phi\omega z+n-s$), и лишь в Италии он не имеет таких глубоких корней, вращаясь в роли обиходного слова исключительно со значением 'рука'. Что же касается внимания, оказанного термину $n\grave{a}-t\ddot{u}ga$ в значении 'природа' предпочтительно перед словом $cul-t\ddot{u}ga$, которые друг с другом расходятся лишь основой или первым элементом, элементом D (рошским) в $n\grave{a}-t\ddot{u}ga$ и элементом А (салским) в $cul-t\ddot{u}ga$, то, очевидно, элемент D представляет на Апеннинском полуострове, в Италии, отложение более древней общественности, этнически связанной с этрусками столь древним термином, как название старой части света $Ew-g\ddot{o}-ra$, оно же название греческого женского божества, так как основа $g\ddot{o}$, что в составе $Ew-g\ddot{o}-ra$, лишь разновидность основы, что в составе $et-gus-k$, а хотя элемент А представляет на той же территории; допустим, и позднейшее явление, но он связан органически своей основой с такими для греков и римлян, прометеидов («ивдоевропейцев»), доисторическими топонимическими терминами, как в Греции $Fe-sal-ia$ (* $Fe-tal-ia$) и на западе от Греции $I-tal-ia$ и на территории же Италии один из древнейших культовых терминов, именно этрусское название Афродиты — $Tur-an$, а за пределами средиземноморского мира на Востоке оставивший свой след в мифических походах греков на кавказский народ $kol-xi$, или $kol+o-q'i$, а в связи с последними, как выясняется сравнительной грамматикой яфетических языков, «скол+от-ы», которые грекам стали известны позднее под другим названием — «скифы» ($skw-\beta a$).

Если же отойдем от этих топонимических и мифических головокружительных далее в глубину времен самого Средиземноморья и станем на более, как будто, твердую почву, именно населенные страны с территориальными пределами, и отвернемся от значения культовых и собственных имен в сторону нарицательного значения и элемента D — пā → па и элемента A — kul, именно значения 'руки' (пучкового значения 'руки' и т. д.), то и здесь перед нами открываются не менее головокружительные перспективы, опасные для слабонервных в вопросах забытой человечеством прошлой жизни, — той прошлой жизни, которая отбрасывается и учеными за черту оседлости исторических эпох в доисторию. Дело в том, что па, вообще элемент D в значении 'руки', сохранили нам из черноморских народов яфетиды-абхазы (а-па-рə), да финны и славяне, последние в слове «ру-ка», а kol ↔ kul в значении 'руки' в точности, с той же губной огласовкой, сохранили восточные турки в джагатайском и таранчинском наречиях в разновидности kol и чувашаи в разновидности qol ↔ qul, у кавказских яфетидов-удинов — qul, а с огласовкой «а» и «е», кроме яфетидов Кавказа и турок, — армяне, греки (qeut → qer) и баски.

Выходит так, что та 'рука', которой если не взрыта девственная целина средиземноморского культурного мира, то заложено основание земледельческих, уже металлических эпох в жизни человечества, ныне оказывается на далеком от Италии Востоке представительницей его коренного населения, откуда уже, как история свидетельствует, части этого населения, тюркского (речь о тюрках), лишь впоследствии появляются в Европе в путях переселенческих движений, иммиграций, не раньше IV века христианской эры.¹

Историческая культура имеет предпосылками трудовую жизнь и накопление плодов трудовой жизни.

Понятное дело, что в момент возникновения звуковой речи и в предшествующие ей эпохи ни о какой первобытности не может быть речи.

А кинетическая, так наз. линейная, или ручная, речь?

Была ли кинетическая речь даром природы? Или и она также стяжание трудовой жизни человечества? Сравнительно с звуковой речью кинетическая речь более, несомненно, натуральна, у основного орудия производства кинетической речи, руки, более непосредственная или наглядная связь с центром мышления, более непосредственно физическая. Хорошая часть кинетической речи могла происходить на начальной стадии ее развития автоматически, под влиянием аффекта, без способности воспринять последствие и причину и их связь, без надобности в мышлении, самопроизвольно, как акт физической деятельности плоти, ставшей носительницей человеческого образа с способностью к движению и передвижению, но тогда эта плоть, это физически человекообразное тело и не было человеческим, тогда не было еще человечества ни, конечно, и признака человечности, наоборот, постоянное хотя бы самопроизвольное повторение одного и того же действия или немногих сходных действий руки и содействовало техническому раз-

¹ Об этом подробнее в работе «Расселение народов и языков и вопрос о прародине турецкого языка» (печатается в журнале «Под знаменем марксизма»). [Напечатано в № 6 за 1927 г.]

вятию и укреплению мышления путем накопления определенных навыков, ставших постепенно, в связи с производством первобытного хозяйства, и создателем представления о причине и последствии, нормирующим началом, выразителем представления о причинности. В сумме эти повторные рефлексy, накопленные навыки человеческого тела и его хозяйственно-общественной работы в их увязке, увязке физики с социальным творческим моментом создавали особую психологию первобытного человечества, психологию, отличную от животной. Длительное господство кинетической речи, многие десятки, если не сотни тысяч лет, и явилось источником создания мыслей и укрепления их работы, причем, если технически тут действовала рука, идеологически все зависело от общественности, следовательно, в конечном итоге и от хозяйственного строя, уже продуманного или планового хозяйственного строя, который осуществлялся хотя и без искусственного орудия производства, но с искусственным использованием натуральных предметов производства окружающей физической среды. Следовательно, даже кинетическая речь предполагает некий трудовой процесс как предпосылку ее развития. И с кинетической речью развивалось в свою очередь общественное мировоззрение, не исключая и культового, или магии, не исключая представления о таинственной силе и потребности с нею общаться, ее ублажать и ее чествовать. Однако при отсутствии звуковой речи все выявления своего отношения к неведомой силе не для забавы или произвольного экстаза, а в интересах намеченного производства у первобытного человечества могло сводиться лишь к уподоблению себя ему, его воплощению в себе движением тела и звукоиспусканием и, неистово или уравновешенно, внесением размеренности нормирующего такта, т. е. в конечном результате дело могло сводиться неразлучно к пляске с пением и музыкой. Ясное дело, что и в этих своего рода колдованиях, независимо от технически необходимых движений наравне с прочими общими телодвижениями, в частности и движением ног, руки играли роль организующего или руководящего начала. Руки, вообще, являлись решающим моментом в новом, отличном от норм животных, направлении жизни человечества.

§ 34. 'Рука' — великое творческое начало, и поучительно выслушать, как ее, 'руки', значение в развитии человечества, как создателя общественности и культуры, оценивается в кругу археологов.

Подробнее мы решили остановиться на разновидности слова 'рука' при обсуждении терминов, означающих 'камень'. 'Камень' по функции 'орудия', первого палеолитом свидетельствуемого 'орудия', заменил ведь 'руку'.

Но предвосхитим здесь значение 'руки', как орудия производства, в археологическом освещении. Так, В. Деонна (W. Deonna), профессор Женевского университета, директор Женевского музея искусств и истории и консерватор (хранитель) археологического музея той же Женевы, в книге «Археология, ее область, ее цель»¹ пишет:

«Первый признак прогресса это пользоваться из всех частей тела в роли орудия преимущественно рукой, затем пользоваться исключительно ею. Такое поль-

¹ L'archéologie, son domaine, son but, Париж, 1922, стр. 72—74.

зование зависит от вертикального положения, которое принимает человек при выходе из животного состояния. «Благодаря вертикальному положению, руки были совершенно освобождены от всякой иной службы, кроме того, чтобы брать и обследовать предметы, фабриковать и управлять орудиями защиты (Pegnier)». Потому ли, что человек оставляет свои навыки животного-лазуна и начинает искать себе убежища в пещерах, или по другим основаниям, как бы там ни было, рука из органа движения (locomoteur) становится орудием труда. Ею человек заменяет сначала зубы, раньше чем воспособлять себе камнями, ветвями и создавать орудия.¹ Эта примитивная стадия, на которой рука есть по преимуществу орудие, существует еще и по сей день, как существуют все примитивные формы совместно с формами, наиболее развитыми. До концепции вместилища для жидкостей с использованием для этого плодов, раковин, прежде чем его сделать из глины (en terre) (стадия уже более развитая), человек пользуется своими руками, складывая их. Индеец, чтобы обозначить воду, образует чашу из рук, и на различных языках слова напоминают это примитивное действие, например, по-кельтски *ambosta*, на старофранцузском *jointée* 'соединение' или 'сложение'.

«Вот орган, открывающий человеку путь цивилизации. Он отражается на его физической стороне и духе. Это он, этот орган, создает искусство, которое позволяет возникнуть техническим изобретениям иным, чем у животных. Человек обладает рукой, как антропоиды, с большим пальцем, противопологаемым ей, что придает ей всю ее полезность. Но эта рука с ее большим пальцем не послужила бы ни к чему, если бы разум (*l'intelligence*) не оказал в свою очередь ей, руке, своей помощи и не позволил человеку сделать из нее совсем иное употребление, чем то наблюдаем у антропоидов. Во все времена философы признавали эту огромную роль человеческой руки, видя в ней организатель, поднимающий человека над животными. «Человек наиболее разумное из животных потому, что он обладает руками», говорит греческий философ Анаксагор.² Рука — «орудие орудий», *ὄργανον ὀργάνων*, по Аристотелю. Она *omnium artium ministra*, служанка (по Деонна — *l'instrument*) всех искусств, по Цицерону. Сколько новейших философов повторяли эту мысль. В XVIII веке это Гельвеций, ныне это Бергсон, когда он расхваливает (*vante*) эту человеческую руку, которая может выполнять какую угодно работу, тогда как животное, например, насекомое, имеет *appendix*'ы [букв. 'привески', или 'придатки'], приспособленные к определенной роли, всегда одной и той же. «Рука, которая хватает, это — орудие орудий, она само движение, но движение, производящее действия, это рука, открывшая нам цивилизацию», говорит Нуаре. Социальная роль руки колоссальна (*immense*). Человек — художник (*artiste*) потому, что он

¹ Эти и последующие мысли материалистически последовательнее развиты у Нуаре, который, впрочем, сам деликом дитует значительный отрывок по вопросу из труда Гейгера «*Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit*» (см. Людвиг Нуаре, Орудие труда и его значение в истории развития человечества, перевод И. Давидзона, Госиздат Украины, 1925, стр. 52).

² Род. в 500 г. до н. э., приблизительно современник философов Демокрита, Эмпедокла, Парменида, Зенона, отмечающий поворотный пункт в истории греческой философии. Об Анаксагоре см. Т. Гомперц, *Греческие мыслители*, пер. с нем., т. I, СПб., 1911, стр. 182—198.

умеет творить технику (des techniques) оформливать сырую материю, но он является таковым только благодаря действующей руке и благодаря своему мозгу.

«Народная мысль, мысль религиозная и мистическая с ранней поры поняла эту творческую роль руки. Они [народная мысль, мысль религиозная и мистическая] в руке помещают часто душу, жизненную силу, и можно говорить об «âme manique» 'ручной душе'. Они от нее производят ряд (quantité) верований, обрядов. Они придают 'богу' форму изолированной 'руки' которая благословляет или грозит; вознаграждает или наказывает.¹ Сверхъестественную руку и почитают, несомненно, уже люди палеолита, как настоящие [современные нам] первобытные народы. Рукой вызываются еще в наши дни духи спиритов. Художник-эстетик увековечивает инстинктивно эту мысль, столь правильную, представляя творчество как громадную руку, выходящую из массива камня и держащую пару человеческих существ (Rodin)».

Однако не забудем поправки и дополнения. Когда человек дает представление о воде сложением рук в сосуд для питья, то это не совсем или, точнее, совсем не примитивная стадия развития, как то думает Деонна.

Место о том, что разум помогает руке, подлежит переизложению, с учетом возникновения самого разума от активности руки.

Ближе к яфетидологическому пониманию в своих общих суждениях по тому же предмету Людвиг Нуаре, когда он говорит:²

«1) Человеческий интеллект, эта наиболее могущественная сила из известных нам сил природы, эта сила, преимущественно заставляющая природу служить себе, — человеческий интеллект обнаруживается перед мыслящим субъектом в двух одинаково замечательных, с виду совершенно независимых друг от друга, но в действительности неразрывно друг с другом связанных, феноменах: *в человеческой речи и в человеческом труде.*

«2) Язык — это тело мысли, это то своеобразное необходимое средство, через которое реализуется мысль. Только по безрассудству или вследствие злоупотребления словами можно неговорящим животным приписывать разум и мышление».

Но то же самое мы имеем основание говорить и о 'руке', когда человечество располагало лишь кинетической, или ручной, речью.

Конечно, хорошо, что философы, собственно европейцами опрашиваемые исключительно классические мыслители, греческие и латинские, на пространстве с V века до н. э. до I, доходили до мысли о важности руки как творческого начала, но сам язык человеческий, древнейший в мире очевидец по вопросу, дает более яркие свидетельства того, чем человечество обязано руке в части разума и искусства.

'Разум', так арм. han-ṭar восходит через 'изобретательность', 'находчивость', 'ловкость', к слову, обозначающему 'руки': han-ṭar скрещенное слово, двухэлемент-

¹ В оригинале по опечатке unit вм. punit.

² Цитаты из Ludwig Noiré, Das Werkzeug und seine Bedeutung für die Entwicklungsgeschichte der Menschheit (Mainz, 1880), воспроизвожу по цитированному выше переводу И. Давидзона, стр. 39.

ное (CA) — han-‘рука’, tar — ‘рука’ (отсюда арм. глагол han-el ‘извлекать’ п арм. ‘средство’), resp. kar ‘рука’, отсюда г. tar ‘ручка’, ‘рукоять’, арм. kar ‘сила’, г. e-kar-eb-a ‘прикасается к нему’.

Когда, следовательно, речь об ‘уме’, то ‘рука’ тут как тут, и если в древне-литературном грузинском языке qel || новогрузинском qel значит ‘рука’, а в армянском в форме pl. t. qel-q ‘ум’, равно ‘мозг’ (по предмету место), то мы уже не можем говорить о случайности созвучия грузинского слова с армянским, этимология которого до сих пор неизвестна, ибо лингвисты-индоевропейцы интересовались не армянским языком по существу, а его фонетикой и морфологией, так, впрочем, и не разъясненными в их писаниях, между тем — в др.-арм. qel-aw-q ‘хитрость’, в новоарм. ‘умный’ и т. д., и если то же слово в древнелитературном произношении qel (ныне qeğ) у армян значит ‘безрукий’, ‘урод’ (mancus, mutilus), и т. п., а у грузин qel означало ‘безумный’, ‘бешеный’, то в обоих случаях мы имеем обычное нарицательное использование одного и того же слова, означавшего преемственно и ‘руку’ и ‘ум’.

Деонна не представляет себе, как не знал того, разумеется, и Цицерон, что л. ar-s, art-is, ит. art-e ‘искусство’ — это в архетипе ar-te || ar-to (отсюда и л. ar-tu-s ‘член тела’), означавшие первично ‘руку’ (отсюда по-баскски arte послелог достижения — «до»), это двухэлементный скрещенный термин, как армянский han-tar (CA), но с расположением элементов в обратном порядке (AC) — ar-te, причем ar ← har (↗ kar) именно то слово ‘рука’, которое лежит в основе глаголов бск. ar-tu ← har-tu ‘брать’, ‘получать’, арм. ar-əp-el ‘брать’, с подъемом (har ↗ kar) наличное у армян в значении ‘сила’ (‘рука’) и т. д.; что же касается te — это пережиток полного вида ten, основы глагола л. ten+e-o ‘держу’, фр. ten-ir, je tien-s ‘держу’ и т. д., и т. д.

Да и само русское слово «искусство» — в основе представляет разновидность бск. eñ-ku ‘рука’, что в свою очередь есть скрещенное двухэлементное DA, ибо iñ ↔ eñ — пережиток ris ↔ res, рошского слова, в виде спирантизованной разновидности ruh- (~ hrush-) наличного в составе русск. ru-ka ‘рука’, а ku ↗ kur ~ куш, resp. kus, это окающая разновидность второй части этого же слова ru-ka, т. е. элемента A (салского). В грузинском термине ‘искусство’, как мастерство, представляет прямо-таки наглядное производство от ‘руки’: qel-ob-a ‘мастерство’ и т. п.

А ручная душа, âme manique? Да ведь это то, что яфетическая теория утверждает по семантике в основном положении о функциональном развитии значений. Выражение сущности, отличительного свойства человека, первоначально ‘рука’, впоследствии заменяется и ‘духом-душой’, и слово ‘рука’ переходит на ‘душу’. Арм. and-en ‘душа’ ↗ hand-əp → нем. hand ‘рука’, хотя у армян это слово, используемое в значении ‘души’, употребляется одновременно и в значении ‘тела’, ‘личности’, да более того: оно оставило яркий след как слово, означавшее некогда ‘руку’, в глаголе у+and-əp-el ‘вручать’. Когда мы знаем, что шумерское ши ‘рука’ есть усеченный вид шиг, переживший у грузин в качестве усвоения в путях скрещенния с дериватными глагольными значениями от ‘руки’, ‘делать’, ‘совать’ и т. п., то это не мешает нам признать в ши слово шипящей группы (м. и ч.) со значением ‘душа’, как оно и есть.

В языках позднейших систем, например, семитической и прометеидской, значения так распределились, или присвоенные им разновидности слов так фонетически видоизменились, что проследить то же самое на материале из одного и того же языка значительно более трудно, если не сказать, что невозможно.

'Рука' у русских скрещенный двухэлементный (DA) термин, первый элемент рошский — ги (←*guf), имеющий отнюдь не случайно созвучный эквивалент у семитических народов в форме gih — евр. giah (пиш. gih), сир. gih-a и арб. gih со значением 'дух', 'душа', и в то же время мы не можем не учесть того, что этот элемент D (рошский) слова «рука» в русском же бывает представлен и в сибилантном виде гиш (откуда «рушить», «разрушать» и т. п.), и так как вообще в прометеидских языках начальный г, по завещанности от состояния доисторических для прометеидов языков, у прометеидов, да и их ближайше предшествующей смены, финнов, предлежит различно, так, и в виде d (↙ d̄ ~ r), то в русском diш-a ~ диx (через *diш-a || *diх) есть разновидность того же гиш ~ *giq 'рука', 'душа', воспринятая в русскую речь через такую языковую среду занимаемой ныне русским языком территории, как, например, коми, где этот фонетический закон, спасение начального г перебоем в зубной аффрикат, существует.

Роль руки, как основного объединяющего или организующего орудия речи, громадна. Рука в центре языковой жизни человечества так же, как в центре производства трудовой его жизни. На ней, руке, лежали все те функции, которые впоследствии отправлялись 'камнем', 'металлом'.

И, понятно, длительное господство кинетической речи создало определенные ценности, завещанные следующим поколениям на неизбежное использование в возникшем у них звуковом языке.

Непрерывная последовательность от речи кинетической к звуковой поддерживается и содержанием 39-го пункта программы нашего курса, поскольку вскрывается, что у звуковой речи есть «идеологическое наследие линейной, т. е. кинетической, речи».

Я здесь остановлюсь лишь на двух моментах уже материально, т. е. на фактах, свидетельствующих о непрерывной последовательности от кинетической речи к звуковой. Глагол 'звать', древнелит. груз. tod-a 'он позвал его'. Глаголы — позднейшее явление, следовательно, 'звать' происходит от имени, но имени какого рода? От имени 'зов'? Наоборот, оно само глагольного происхождения, в нем самом чувствуется элемент 'понятия-действия', а вовсе не 'имени-образа', но какой образ-имя может быть для значения 'звука'? Не может быть никакого. Как же быть? Чудо? Нисколько, надо исходить из того, что в кинетической речи соответствует 'зову' по материальному значению. А что? Движение руки в сторону призываемого с сгибанием ее к себе. Следовательно, имя, от которого происходит звуковой термин 'звать', палеонтологически не 'зов', а линейный, или кинетический, символ 'знак', 'рука'. Совершенно верно, потому что не только 'звать' и 'указывать' в яфетических языках созвучны, более того, иногда совершенно совпадают, но и 'звать' и 'протягивать руку', 'протягивать', 'предлагать', ибо 'звать', так же как 'протягивать', происходит от 'руки', представления о 'руке'.

Груз. древнелит. u-toda 'позвал', 'назвал его', u-toda 'протянул ему' в формуле tot ($\leftrightarrow$ tut $\rightarrow$ tot $\leftrightarrow$ tut $\searrow$ tət): т. tut 'хватать', 'держать', чв. tut 'держать', 'ловить' и т. д., г. tot 'рука', 'лапа'.

В Песни Песней Ипполита Антипапы в выражении tanul-eđ-sa mas qortil-sasa 'на званный пир свадебный' налицо отвлеченное понятие на -eđ (это форма и собирательных имен, почему, например, названия стран на -eđ: kaq-eđ 'Кахия'-Кахетия, qevsur-eđ 'Хевсурия'-Хевсуретия, Ingush-eđ 'Ингушия'-Ингушетия, Rus-eđ 'Россия' и т. п.), а tan-ul причастная форма 'приглашенный' от tan 'звать', слово, усвоенное грузинским из языков шипящей группы с подменной свистящего $\dot{t}$ шипящему t , ибо в мегрельском основа звучит tan (tan-афа 'звать', 'приглашать'); эта же основа в грузинской разновидности tan, но с озвончением аффриката * $\dot{d}an$ -1 у армян сохранилась с эпентезисом в виде $\dot{d}aun$ в значении 'зова', 'голоса' (ныне говорят $\dot{d}en$ -tur 'позови', букв. 'дай зов'). Если бы грузинский не заимствовал м. tan, а имел родное ему соответствие, оно звучало бы * $\dot{t}en$, а не tan, и вот, если вывести весь ряд сс: tan $\rightarrow$ $\dot{d}an$ $\rightarrow$ $\dot{d}an$ || tan и т. п., то с утратой аффрикатности $\dot{d}an$ сохранился в значении 'около', 'близ', а по палеонтологии речи известно, что понятия 'около', 'близ' восходят к 'руке', 'боку', 'стороне' и т. п.

Т. е. опять-таки 'зов' с глаголом 'звать' оказываются происходящими от 'руки', мановением которой при кинетической речи достигалось то же самое, для чего звуковая речь использует 'голос' $\rightarrow$ 'зов', 'призывание', 'приглашение'.

По функциональной семантике новый предмет получал название старого предмета, назначение которого он призывался выполнять, т. е. 'язык', заменивший 'руку', наследовал ее названия, и ионский элемент в значении 'руки' tan, в грузинском долженствовавший закономерно звучать * $\dot{t}en$, resp. ten $\leftrightarrow$ tin, а с губной огласовкой ton $\leftrightarrow$ tun ($\leftarrow$ tun), откуда ч. ti-tin 'болтание', скрещенные из двух элементов СС (ср. англ. ton-gue), у грузин в спирантной разновидности en ($\leftarrow$ hen) $\nearrow$ *ken $\leftrightarrow$ kin наличен в основе скрещения en-а 'язык', а в виде kin у армян в другом дериватном значении 'руки', именно 'раз'.

Равным образом, когда по-русски «речь», «изречь», «говорить» имеет в основе рошский элемент, т. е. элемент D — gē, как в сванском gē-qw 'он сказал', то 'речь', 'язык' здесь также восходит к 'руке' и в сванском и в русском — к рошскому элементу (D).

У кинетической речи большое преимущество перед звуковой, особенно ценное для первобытного общества, не обладавшего сильными узлами взаимобщения, чтобы втягивать в свою орбиту разноязычные племена, между тем линейная, собственно кинетическая речь, общедоступна как иероглифы и еще более пиктография.

Но имеются и дефекты у кинетической (линейной) речи, требующей условий, необходимых для зрительного общения. Во мраке кинетическая (линейная) речь беспомощна.

Однако надо хорошо усвоить, что при всей связанности звуковой речи преемственно с кинетической появление звуковой речи было революцией. Громадно революционное значение замены 'руки' и 'глаза' аппаратом, целиком сосредоточенным в головной части тела, в непосредственной связи с мозгом, в его

окружении — с полостью рта и ушами. Действенности нового аппарата содействовало усиление общественной работы мозга от роста хозяйственной жизни и усложнения социальных взаимоотношений, вместе с тем расширение умозрительного кругозора коллективов, уже скрещенного племени. При таких данных использование технических и идеологических преимуществ звуковой речи представляло собою власть над тьмой и отчетливость в даче и восприятии материальных и надстроечных понятий, конкретных и отвлеченных представлений, образов и понятий, а в условиях общественности тех эпох в зависимости от производственной среды возникновения звуковой речи и способа ее распространения, звуковой язык не мог не стать и орудием власти, как впоследствии письменность, литература и пресса.

§ 35. Полисемантизм (многозначимость): 'рука', 'сила', 'величина', 'право' и др., так, г. *dal* (*'рука' →) 'сила', *qel* 'рука' → 'право' ~ арм. *der* 'рука', г. *der* 'долг'; 'вода', 'река' — *tkal*, *sa* ← *sal || *shur* → ши, *resp. su*. Все это наследие семантического пучка 'рука + женщина + вода'.

И дифференциация трех элементов одного пучкового значения путем закрепления каждого значения за разновидностью, с использованием особой социальной огласовки (а, о, е) или за разновидностью с особым социальным перебоем согласного звука (*ḍ* → *ḡ* ~ *q*): 'рука' г. *qel* ~ *dal* 'сила' ← 'рука', а-*ḍle-v-s* 'вручает ему', 'дает'; 'река' || 'вода' г. *tkal* (→ *dal* ~ *gal* → *qal* \ *hal*), *resp. sal* || *shur* и т. д.; *qal* 'женщина', *dal id.* (*s-dal* 'женщина дома', 'невестка', 'невеста'), в языках же других позднейших систем однозначные слова ничего общего, повидимому, не имеют ни в греч. *qeyr*, *gwnē*, *γῠwdōr*, ни в латинском *manus*, *femina*, *aqua*, ни в семитических арб. *yad^{un}*, *msa^{un}*, *maḥ^{un}*, ни в русском «рука», «женщина», «вода».

Однако, если порыться внимательнее, отражение этого первоначального состояния, наличия пучкового значения 'рука — женщина — вода', прослеживается и вне круга яфетических языков, даже в кругу протометейдских, хотя бы частично. Так, в русском «рука», «женщина» и «вода» не имеют ничего общего между собою, но, если мы примем во внимание, что, как вскрыла яфетическая палеонтология, для 'воды' и 'реки' раньше было одно общее слово,¹ а русское «русалка» анализируется как наследие от яфетического слова *rusal-ka* в смысле не 'водяной женщины', как недавно толковалось без учета дологического мышления, мышления мифологического, а одновременно и 'вода', и 'женщина', собственно 'вода + вода' и 'женщина + женщина', более того — одна основа *ru-sal* без сложного формального анализа толкуется как и 'рука + рука', и 'женщина + женщина', и 'вода + вода', *resp.* 'река + река', то и в русском вл. 'женщины', 'руки' и 'воды', трех в корне различных слов, мы можем отметить, палеонтологически подходя, наличие некогда трехзначного слова или семантического пучка 'рука + женщина + вода', отложением которого является группа трех русских слов, конечно, успевших формально дифференцироваться, но в основе разновидностей одного и того же

¹ См. Н. Я. Марр, К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории, ИАН, 1926 стр. 349—354. Примеры из сибирских, северных и восточных языков.

слова, это — «ру-ка», «ре-ка» (|| «ручей»), «ру-сал-ка», одинаково оформленных на «-ка», одинаково грамматически женского рода.

По семантике первенствующее значение имеет определение значений имен, присвоение первоначально ничего не означавшим звуковым комплексам тех или иных значений, потребность в которых народилась с усилением или умножением человеком создававшейся материальной культуры, отнюдь не в порядке научного восприятия флоры и фауны или эстетического наслаждения ими, а хозяйственного и, неразрывно с ним, магическо-тотемного использования растений, целебных и смертоносных, животных и т. д.

§ 36. О системе звуковой речи можно говорить лишь с эпохи, когда звуковой язык вполне сложился и получились самостоятельные звуковые сигналы, элементы, ничем не увязываемые с предметом, подлежащим выражению.

Связь звуковой речи с кинетической, зависимость первой от традиции и навыков второй в области семантики (значений слов) была достаточно разъяснена на таких примерах, как восхождение 'имени', 'зова' к 'руке' → 'знаку' и 'мановению руки' (приглашению к себе жестом).

Сопоставление системы звуковой речи с системой кинетической речи должно начаться с учета взаимоотношений орудий их производства. Разница основная в том, что в кинетической речи нераздельное господство 'руки': она и орудие производства и воплощение самой речи.

В звуковой речи орудие производства, язык и аппарат звукопроизводства — одно дело, а сами звуки — другое дело.

Естественно, технически иная система той и другой речи в отношении сигнализаций предметов, т. е. значений с одной стороны жестов и с другой — звуковых элементов, ставших словами.

И, тем не менее, первое время применения звуковых элементов в роли значимых величин система оставалась первоначальной, именно система кинетической речи, в которой звуковые элементы могли играть лишь побочную роль, дополнительную.

§ 37. Когда мы приступаем к обучению грамотности на родном языке, то начинаем с букв: предварительно усваивается алфавит. Когда приступаем к обучению чужому языку, то начинаем с ознакомления с отдельными звуками, особенно с теми из них, которые несходны со звуками нашей речи. Как мы приучены к самостоятельности каждой буквы, так привыкли мы к тому, что каждый звук воспринимается отдельно, точно человеческая речь началась с тех отдельных звуковых величин, которые теперь произносятся с такой ясной членораздельностью и легкостью, точно самородки или хотя бы первичные элементы. Между тем ни отдельных звуков, ни даже представления о таких отдельных звуках не существовало и тогда, когда человечество стало пользоваться звуковой речью.

Впервые сложившаяся речь разлагалась не на отдельные членораздельные звуки, а отдельные звуковые комплексы, цельные слова, в своей цельности членораздельно произносимые всего четыре основы, из которых слагается основной нексический состав языков всего мира. Конечно, каждый из этих четырех основных элементов представлял и комплексный звук с не выделяемыми из его состава

потенциальными звуками этого комплекса. Долго и долго отдельные звуки не были дифференцированы в той степени, как впоследствии. Даже став членораздельными, звуки сначала сохраняли диффузность, были диффузными, что отчасти пережило в дошедших до нас языках.

Вначале же у человека не было вовсе привычной впоследствии членораздельности, он в ней и не нуждался; обходясь без звуковой речи, располагая обиходной речью кинетической — ручной, или линейной. Звуковая речь впоследствии становится обиходной речью, раньше же она была культовой речью. Когда мы встречаемся с фактами существования двух литератур, мирской и духовной, или церковной, вернее — церковной и мирской, даже двух письменностей, двух алфавитов, это нас не поражаетнисколько. Не поражает и то, что у многих народов письменность, герр. литература, сначала религиозная, затем лишь мирская, или светская, хотя мы отлично знаем, что религиозная, культовая литература у ряда исторических народов, большинства их, позднейшая. Но когда поднимаем вопрос о двух языках, обиходном и культовом, возникает ни на чем не основанное сомнение, хотя разницы между ними было больше, ибо обиходный язык и позднее возникший звуковой отличались друг от друга коренным образом орудием производства, и символы в одном случае — руки и линии, в другом случае — язык с аппаратом произношения и звуки.

Человек до звуковой речи, культовой, располагал обиходной, говорил линейным языком — жестами и мимикой, причем главную роль в линейной речи играла рука. Этот язык движений, кинетический язык, по господствующему в нем орудию производства был, можно сказать, ручным.

Работающая рука была организующим началом, был ручной разум. Звуки не играли в процессе ручного говорения никакой роли, если исключить разве выкрики аффекта, но эти выкрики не были еще тогда вовсе членораздельные звуки.

Раз возникновение членораздельных звуков отнюдь не вызывалось потребностями общения, раз для этого имелся обиходный язык линейный и ручной, раз возникновение членораздельных звуков не могло вызываться потребностью звуковой речи, раз ее не было и нужды в ней не было, то происхождение приходится искать в иных условиях трудовой жизни, именно, как и происхождение трех искусств, одного линейного — пляски, двух звуковых — пения и музыки, т. е. игры на инструменте. Происхождение это приходится искать в магических действиях, необходимых для успеха производства и сопровождавших тот или иной коллективный трудовой процесс. Как известно, пляска, пение, музыка первоначально не представляли трех отдельных искусств, а входили нераздельно в состав одного искусства. Попутно отмечу, а кто знает, тому напомню, что у древних армян глагол *erg-el*, у древних грузин глагол *т'гега* означали безразлично не только 'петь', как впоследствии, но и 'играть', в частности 'играть на инструменте', равно 'плясать', и ни в одном из указанных случаев мы не имеем в терминах выражения в отношении к игре на инструменте или к движениям ног, как в технике: учитывалось их чародейственное значение. Ясное дело, что столь сложное магическое действие не могло обходиться без также чародейственного движения рук, этого важнейшего орудия сигнализации движением или кине-

тической речи, как не обходилось оно и без пения, вначале и долго бессловесного пения. О бессловесном пении, пережиточно сохранившемся на Кавказе у грузинских племен, так у гурийцев до сего дня, мы знаем хорошо из современности. То же самое наблюдается у так наз. первобытных народов, в древности оно же свидетельствуется как факт у армян, свидетельствуется с порицанием, и свидетельствует об его существовании у армян их национальный историк Моисей Хоренский, писатель не позднее VIII века (по преданию V века), усматривавший в такого рода пении варварство. В процессе этого сложного магического действия, какой бы им ни сопровождался тяжкий производственный труд, не могли не нарасти дальнейшие ступени развития чародейственных рук и усиливающих значимость всего действия звуков, произносившихся устами, несомненно, не вполне еще приспособленными к точному и членораздельному их произношению, вначале более горлом и губами, чем наличным теперь распределением этой функции по всем частям гортани и полости рта. Дело лишь в том, что о существовании музыкального инструмента, как мы то представляем, до возникновения звуковой речи мы не можем говорить. Мы не можем утверждать и о существовании таких искусственных орудий производства звуков, как барабан и его дальнейший усложненный вид дауга или 'кастаньеты', служащие не столько для развития мелодии, сколько для внесения в них аффекта, подобно выкрикам, и такта. Но отрицать существование этих моментов до изобретения музыкальных инструментов в магическом действе, отрицать присутствие в нем музыкальных звуков этого порядка никак не можем, поскольку для их производства использовывалась и продолжает использоваться по сей день рука: речь о таш'е, без которого не обходится ни одна пляска, тем более хоровая: таш (~tar вм. tal) 'рука' → 'ручка' ~ tor 'горсть'.

До возникновения коллективной, или хоровой, игры или пляски не могло существовать не только музыкальных инструментов, но и тех музыкальных звуков, которые творит человек. Т. е. магическое действо, сопровождавшее коллективный трудовой процесс, первоначально состояло не из объединения раздельно существующих теперь трех искусств и еще кой-чего, прежде всего 'эпоса', или 'слова', носившего в себе каждое самостоятельно, когда оно возникало, особую магическую силу и представлявшего собой независимое чародейство. Оно, магическое действо, выделившее в процессе развития три искусства, по мифологии греков, с тремя их творцами, из коих две музы: Терпсихора, муза пляски, и Мельпомена, муза пения, а один — мудрейший из богов Аполлон, водитель муз, или мудрейший из героев Орфей, первоначально представляло одно нераздельное целое дело без музыкального инструмента, объединение пляски и пения. Любопытно, во-первых, что среди девяти муз, известных и у греков лишь со времени поэта Гезиода, нет ни одной, ведающей специально музыкой: покровительство музыке поручается особо богу Аполлону; во-вторых, Гомер не знает особых двух муз, одной для пляски, другой — для пения, он вообще не знает и канона девяти муз; в одних слоях Гомера, очевидно, древнейших, речь об одной музе, в других, позднейших слоях, говорится о многих, а о девяти музах у Гомера упоминается лишь в одном месте Одиссеи (24, 60), месте позд-

нейшего происхождения.¹ К тому же музы — вообще покровительницы-богини различных видов поэзии, искусств и науки в целом. Из двух муз, Мельпомены и Терпсихоры, последняя, муза пляски, носит наиболее поучительное для нас и, как нам кажется, наиболее древнее название. Помимо того, что в этом названии выступает с очевидностью связь выражаемого им искусства с коллективным началом, хором (*χορός*), основная его часть *terpsi* не имеет нисколько специфического отношения к технике того или иного искусства, в частности к технике и пляски, телодвижению или движению ног — 'игре ногами': основа *terpsi* (← *ter-pis), resp. *terp*, и по-гречески сохранила, в числе своих значений общего характера, 'насыщение', 'веселие', 'наслаждение', 'довольство' и т. п., и 'очарование', 'навождение чар', 'магия'. Когда же мы обращаемся к толкованию основ *terpsi* и *terp* на яфетической почве, то мы видим следующее:

1) Эти две основы — разновидности одного и того же двухэлементного (AB) скрещенного слова, усеченная *ter-p* и полная *ter-psi*, причем группа *ps* элемента B, т. е. берского элемента, представляет видоизменение группы *pr* ($\parallel$ *pl*) по абхазскому закону и составляет в этом отношении часть того языкового слоя, в языках греческом и латинском, с присущими ему словами греч. *ψυχή* 'душа', *ὑψηλός* 'высокий', лат. *ipse* 'сам' и т. д., который отложился в них из доэллинистического и долатинского языка яфетической системы с той же характерной особенностью.

2) Полный вид *ter-psi*, только продвижением гласного второй части скрещения уклоняется от своего архетипа *ter-pis (resp. *ter-pиш), которого разновидностью является термин *Θεσ-pis*, название мифического лица, произведенного в современника Солона из аттического дема Икаррия около олимп. 61. Ему приписывалось изобретение и установление трагедии, он слыл за того, кто на Дионисиевых празднествах, предполагалось, присовокуплял повествование и мимическо-орхестровое представление Дионисиевских мифов. Этого актера заодно с хором представлял Феспис сам и объединял в себе деятельность поэта, музыканта-композитора и артиста. Ясно, что в термине имеем прообраз и скомороха, т. е. 'тотема', 'бога', отсюда *Θεσpид-ο* 'пророчествую'.

3) Того же происхождения в греческом основа, также усеченная, термин *θεράπων* 'слуга', 'сотоварищ', в толкованиях индоевропейцев одно хорошее сближение, именно то, что его считают с общей основой с прилагательным греч. *θεῖος* 'религиозный', 'благочестивый', отглагольным именем *θεῖος* 'религиозный обычай', 'культ бога' и т. п. Хорошо в том смысле, что слово *θεράπων* означает 'службу' по переносу в круг житейских понятий термина, означавшего 'службу богу', 'поклонение', 'культ определенного бога', отсюда и значения 'услужение', 'благоговение перед старшими' и т. п.; отсюда же в средние века всплывает *θεραπευτής* со значением с одной стороны 'монаха', 'аскета', 'подвижника', т. е. 'слуги бога', с другой — со значением 'целителя', 'врача' и т. п., ибо в основе — это 'служитель бога', притом определенного бога, 'кудесник', 'знахарь'.

Мы не будем далее углублять или расширять лингвистических изысканий по

¹ Μοῦσαι δ' ἐνέα πάσαι, ἀμειβόμεναι ὅτι κάλλι, θεῖον.

данному скрещенному термину, направленных лишь к тому, чтобы бросить свет на Терпсихору, как первую выразительницу хорового магического действия, в греческом предании музу лишь одной пляски. Лингвистический анализ термина *terps* → *terp* или *ἑρар* мы могли бы далее вести средствами одного греческого языка и в линии палеонтологии; так, первая часть скрещения *ter*, элемент А, основа греческого *téras* 'чудо', 'чудовище', также связана с понятием о тотеме, боге, о чем у нас подробнее в работе «Происхождение терминов 'книга' и 'письмо'».

4) Скрещенные слова *ter-psr* → *ter-p*, как *ἑρ+а-p*, очевидно, разновидности культового термина, тотема, впоследствии бога, что поддерживается полностью и с формальной стороны, и с идеологической, гесп. реальной, богатым уже проработанным яфетидологически материалом. Дело в том, что усеченная разновидность главной основы нашего термина, *ter-p*, имеет безукоризненно точный закономерный эквивалент в слове спирантной ветви, сохраненном грузинами в их термине *kerp* 'идол', 'языческий бог'. А историю *kerp* мы уже знаем: это усеченный вид полного *ker-pet, откуда у армян охристианизованное божество *Karapet*, у волжских народов также с полногласием *kege-met*, а у сванов *ḡer-beḡ*, гесп. *ḡer-meḡ* 'бог'. Но мы уже знаем, во-первых, то, что *ḡer-meḡ* 'бог' из языков сибилантной ветви представитель свистящей группы, грузинский, сохранял в виде *ṭar-maḡ*, означавшего 'бог' (ныне *ṭar-marḡ* — 'язычник'). С другой стороны, с этими яфетическими *ḡer-meḡ* (~ сиб. *ṭar-maḡ*), в усеченном их виде *ker-p*, неразрывно связано старинное турецкое слово *ḡeleb* 'бог', о чем подробнее можно найти в работе моей о термине «челеби»,¹ работе, ныне требующей, понятно, ряда поправок, применительно к продвижению вперед наших яфетидологических знаний. Попутно отмечу лишь, что с богом *ḡeleb* тесно связаны *der-viḡ* и, сам термин *der-viḡ* лишь полная разновидность того же двух-элементного скрещения АВ, или *sal-bera*, т. е. *der-viḡ* культовый термин, 'поклонник бога', сам 'бог', и как у грузин *ṭar-maḡ* 'бог *ṭarmaḡ*' стал обозначать и 'поклонника' его, 'язычника' — *ṭar-marḡ*, так *der-viḡ*, ныне 'служитель бога', первично 'бог', теперь получает палеонтологическое оправдание. Любопытно, что и раньше, до возникновения яфетической теории, некоторые ученые термин *der-viḡ* сближали с греч. словом *ἑραπευτες*. Для нас сейчас важно попутно отметить связь дервишей с хоровым искусством, в частности пляской.

Затем, как выясняется в печатающейся ныне работе о числительных, термин *ṭarmaḡ* связан неразрывно с термином Индии, санскритским *ṣa-maṇ*, в северной Азии *ṣa-maṇ* ← *saṅ-maṇ, гесп. *sal-maṇ, юк. *al-ma*, т. е. выходит так, в кругу наших интересов сегодняшней лекции, что в Терпсихоре имеем с грузинским божеством *ṭar-maḡ* и старотур. *ḡeleb* и дервиша-шамана. В Терпсихоре мы имеем круг или хор шаманов, хор терпсиев или дервишей, иначе говоря, шаман, *der-viḡ*, *terpsifoga* — три ступени развития одного и того же типа социального деятеля с магической силой, и лишь на третьей ступени — *terpsifog*'ской, мы застаем искусство: раньше всё магия, особенно ярко в шаманстве.

¹ Еще о слове «челеби». К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии, ЗВО, т. XX, стр. 99—150.

Если же обратиться к прямому предмету нашей лекции, то в магическом действе, разрешившемся порождением не трех искусств, а четырех — пляски, музыки, пения и зачатков или элементов звуковой речи, в первоначальном состоянии диффузно, или смешанно, представленных в одном искусстве, — последовательность этапов развития в линии интересующего нас вопроса была такова: звуки музыкальные, членораздельные, впоследствии использованные взамен обыденной киветической речи, вначале лишь магически сопутствующие магическому действию, долго с ним неразлучные.

Отсюда вполне понятно, почему у армян глагол *šow-el*, применяемый к слаганию или произнесению эпических произведений, означал 'колдовать'. Это явление — общее в речи всех народов, с тем отличием у армян в данном термине, что присущее ему значение 'колдовства', 'чар' сохранено в армянском без затемнения, тогда как в других языках это первичное значение вскрывается лишь путем более сложных палеонтологических изысканий, так:

а) одноэлементный *kant*, с утратой исходного зубного *t* — *kan*, в архетипе *kar*, *resp. kal* → *gal* имеем в значении и 'петь', и 'говорить', но прежде всего 'колдовать': г. *gal-oba* 'петь', арб. *qāla* 'сказал', чв. *ka-* 'говорить', фр. *chant-er*, л. *sant-are* и *san-ere*.

б) *ma'n't* (~ *mar*) || *va-t*, *resp. man* → *ban*: греч. *mant-is* 'предсказатель' (|| л. *vā-t-es*), м. *mas-kur-1* → *mas-qiŋ-1* 'гороскоп' (отсюда и 'вещая птица' *fas-kunđ* и т. п., вплоть до термина 'маг',¹ г. *m-ğer-a* ← *mer-ğer (|| *mer-kur* 'Меркурий') ~ *ğer-mer ↘ *yer-meu* в 'Ермѣ-с (ср. г. *ğ-mer-ğ* 'бог'), *or-fe-ws* 'Орфей'.

Четыре элемента, возникшие вместе с другими искусствами в эволюции трудового процесса, представлявшего собой магию, не имели первоначально и долго не могли иметь никакого словарного значения, ибо звуковых слов еще не было, как не было звуковой речи. Значение трудового процесса, магии, в отношении названных элементов сводится к факту выработки названных элементов, разумеется, не в наличном произношении отобравных нами разновидностей *SAL*, *BER*, *YON*, *ROŪ*, расчленяемом как эти четыре разновидности, а в некоем, имеющем быть установленным для каждой из них, цельном комплексном произношении, подлинно архетипном; значение того же трудового процесса сводится к тому еще, что каждый из этих четырех элементов в магическом восприятии сигнализировал одинаково с другими тремя главную таинственную силу магии, покровителя и тотема определенной социальной группы, впоследствии тотема племени, бога. В отношении же получения слова достаточно было осознать эту возможность сигнализации членораздельным звуковым комплексом хотя бы одного образа или явления, чтобы далее пошло беспрепятственно развитие звуковой речи в порядке применения тех же четырех звуковых комплексов, четырех элементов в том или ином потребном значении, в порядке, следовательно, расширения круга¹ предметов, сигнализуемых каждым из четырех элементов, четырех

¹ *Ossetica-Japhetica*, I. Фагодн-1 осетинских сказок и яфетический термин *fas-kunđ* 'маг', 'вещник', 'вещая птица', ИАН, 1918, стр. 2069 и сл. Формальный анализ без учета элементов теперь поддежит пересмотру.

простых членораздельно произносимых звуковых комплексов, впоследствии, по образованию и стабилизации племенных группировок, четырех так наз. племенных слов, дотоле четырех нераздельных или коллективно действующих в каждой профессионально, по потребностям хозяйственной жизни, возникавшей группировке магических слов.

1. Племя кристаллизуется, следовательно, по изобретении и развитию звуковой речи. При кинетической речи человеческие группировки могли представлять собой лишь хозяйственно-общественные коллективы, не имели вовсе признаков племенного по крови образования.

2. Раз четыре элемента имеют совместное бытие с момента их материального возникновения в любой человеческой группировке, независимо от племенных по крови образований, еще не существовавших, до использования этих элементов как звукового слова, то, во-первых, отпадает потребность в скрещении, чтобы объяснить их сосуществование. Они изначально совместны: где бы ни был любой из них, там наличен другой, следовательно, третий и четвертый. Но наличен где или в какой среде? В среде работников магии, профессиональной или классовой организации, владевшей, следовательно, источником особой силы или власти, подбором орудия борьбы с природой и содействовавшей распространением своего влияния распространению магических слов, впоследствии звуковых сигнализаций образов и понятий все более и более расширявшихся кругов, распространению, следовательно, зачатков уже самой звуковой речи.

Вот здесь, однако, и место особого раздумья, расхождения судьбы слов с судьбой тех же звуковых комплексов, имевших дотоле лишь магическое значение или магическую силу без обозначения конкретного представления, образа или понятия.

Более того, четыре элемента, четыре магических звуковых комплекса, имели силу лишь в определенном трудовом процессе, действовали, следовательно, все четыре вместе и каждый из них имел то значение, доленое, что и все четыре вместе или каждый из остальных трех вместе. Тогда не было вовсе звуковой речи.

Если же говорить о словарном значении, то оно могло сводиться, следовательно, лишь к обозначению источника магии, впоследствии предмета культа, тотема, позднее бога, и этот предмет культа обозначался произношением всех четырех элементов вместе и каждого в частности первично совместно с пляской, пением и музыкой, но тогда не было еще никакой звуковой речи, была речь, но лишь кинетическая (так наз. линейная), она же ручная.

С момента использования элементов как звуковых сигнализаций тех или иных уже общественных представлений (конечно, не индивидуальных и не материальных), требовавших своего точного общественно-понятного выражения, судьба тех же элементов, уже слов, хотя бы с неустойчивым вначале значением, но устойчивым и последовательным использованием их для выражения общественно выросших представлений и понятий, связывалась все сильнее и сильнее с общественностью, за рамками магической организации, и с ее предпосылкой, хозяйством. В зависимости от разности территориальных условий, типа хозяйства и ступени развития общественности, значения одних и тех же элементов разно-

образились, выбор того или иного элемента для использования в том или ином значении в различных территориальных объединениях разнообразился. Но уже на дальнейших ступенях развития новой системы орудия общения с ростом общественной потребности в ней, т. е. по мере развития звуковой речи нарастали различные их виды, и постепенно, в зависимости от новых эпох развития хозяйства и общественности, нарастали новые типы языков все из того же общего материала, и если, однако, и за эти позднейшие эпохи развития речи мы наблюдаем связи различных ступеней, учитываемые как признаки родства, то этим мы обязаны процессу скрещения языков, отражающему процесс скрещения общественных группировок по мере их образования, племенного, национального, государственного, но прежде всего профессионального, классового, сословного; так что, если четыре элемента неразлучимы, материально совместны с момента их первого возникновения, то того же самого нельзя говорить о тех же элементах в роли слов, о круге обозначаемых понятий одним и тем же элементом, это уже не изначальное явление, а результат скрещения, результат приобщения новой или другой, социальной группировки к достижениям звуковой речи раньше ее создавшей социальной группировки.

Однако расхождение языковых образований различных социальных и территориальных группировок имело и до скрещения нечто весьма существенное общее конструктивного характера, помимо четырех элементов, лишь материально учитываемых. Это существенное общее — использование элементов, звуковых комплексов, для выражения тех или иных представлений или понятий в той их связанности, которая была установлена навыками образного мышления, зависевшими от господствовавшей долгие эпохи до того кинетической (линейной, или ручной) речи.

Когда мы говорим о расширении круга сигнализуемых звуком, каждым из четырех элементов, предметов, то речь прежде всего не об отдельных предметах, а о различных категориях предметов. Однако здесь дело нелегкое — проведение грани между различными кругами предметов. Первый круг предметов, получивших звуковое наречение, это культовый, но хозяйственные предметы, например, орудия земледельческого производства, сам хлеб, процесс пахания и т. д. — ведь также предметы и явления культового порядка.

Постепенность расширения круга использования элементов, звуковых комплексов, как слов, т. е. постепенное увеличение предметов, вовлекавшихся в круг представлений и понятий, обозначавшихся звуковыми словами, представляло трудное дело не одного роста, но и борьбы за позиции, прочно занятые уже кинетической речью за долгие эпохи ее господства.

§ 38. *Доречевая фонетика.* С развитием звуковой речи, естественно, возросло значение не только цельных звуковых комплексов, многочисленных слов, вначале четырех элементов, но и каждого звука. С развитием звуковой речи каждый звук получил самостоятельное бытие в общественном сознании, в сознании человечества. Раньше до возникновения и развития звуковой речи представления о самостоятельном восприятии отдельных членораздельных звуков не было и не могло быть. Звуковая речь начинается не с выработки отдельных звуков,

а с использования отдельных цельных комплексных звуков, впоследствии развившихся в звуковые комплексы из трех фонем, четырех элементов, сначала доводивших свою членораздельность лишь до нераздельного произношения трехзвучности согласного, гласного, согласного = SAL, BER, YON, ROH, тогда не имевших каждый той составности из трех звуков, которую мы наблюдаем теперь. Доречевая фонетика, уже членораздельная, была, однако, диффузная в степени трехзвучности. Аффрикаты в согласных, эти диффузоиды, представляют пережитки тех диффузных звуков. В языках яфетической системы пережили особенно ярко эти диффузные звуки, последки диффузности трехзвучной ступени: чем древнее тип яфетического языка, тем с большей архаичностью диффузного состава являются диффузоиды, аффрикаты—t, k, t, k, ʃ, q, а в языках более древнего типа настоящие диффузоиды, в аварском ħ и в абхазском t̃, ċ̃, ʃ̃ и т. п.

Работе над осознанием звуков как самостоятельных величин предшествует работа над отличением гласного от согласного, усилением гласного и согласного путем удлинения (долгота гласных, так наз. удвоение согласных) и ударения, геср. повышения голоса, повторения целого звукового комплекса, т. е. путем явлений музыкального порядка, получивших свое выражение, как это выясняется, в процессе развития пения и музыки, независимо от звуковой речи, до ее возникновения.

В построении звуковой речи человечество использовало все эти достижения музыкального порядка в произнесении звуков для ее оформления сначала в деле развития и уточнения значимости слов, а затем и созидания форм и их развития, создания различных морфологических типов звуковой речи.

§ 39. Звуковая речь нарастала постепенно в путях той идеологии, которая была получена в наследие от кинетической речи.

Так, например, в зависимости от того, что 'звать' заменило в звуковой речи 'манование рукой' с движением к себе в знак приглашения, а 'указывать' заменило в звуковой речи указание 'перстом', геср. 'рукой', слово 'рука' оказалось в основе глаголов, означающих одинаково и 'звать' и 'указывать'. Отсюда 'рука' использовывалась и для обозначения, геср. выражения, 'знака'.

Даже в русских словах «показывать», «указывать» основа kaz ← kas, разновидность kal, геср. kaq, в языках яфетической системы пережившего в арм. kaq ('рука' →) 'сила', геср. арм. kal 'бери' (→ * 'рука') и означавшего прежде всего 'руку'.

Г. zaqa 'звал' ↗ ḏaqa || м., ч. ʃofo 'имя', отыменный глагол 'звать' представляет в грузинском усеченный вид с утратой плавного исхода l, что сохранилось в сущ. saqel 'имя', причем saqel означало первоначально 'руку', потому же усеченный вид этого слова saqel означает и 'образ', 'вид', 'знак'. Анализ самого слова saqel 'имя', 'название', следовательно, первично 'указание' ← 'рука', представляется ясным и при призвании в нем простого элемента A (SAL) с диффузным произношением начального согласного (ħ) в подъеме sq и далее с полногласным оформлением saqel, геср. *ḏaqel, отсюда zaqa ↗ ḏaqa 'именовал', 'звал', тогда как в ḏal 'сила' ('рука', почему глагол ḏl-ev-a 'давать') тот же элемент налицо с потерей диффузности. Но возникает серьезное основание для пересмотра

этой этимологии при значении 'звал', полученной одним сравнительным методом, в пользу палеонтологического анализа, именно в пользу того, что в грузинском *saqel* мы имеем скрещенный или из двух разновидностей элемента А (АА: *sal-qel), или из двух элементов СА (а не АС) термин *sa* (← не *sal* ↗ *dal*, а *san ↗ *dan*, ср. культовый глагол *br-dana* 'изволил сказать', 'приказал' и т. п.) 'рука' и *qel* 'рука', отсюда и *zaqa* ↗ *daqa* 'звал', 'кричал', м., ч. *doqo* (← *doqor-*) 'имя', 'зов', причем все-таки трудно одноэлементному (С) анализу арм. *day-n* (← *dan-i) 'крик', 'голос', 'зов' предпочесть двухэлементный (АС: *da-hin), несмотря на кажущуюся поддержку г. *da-qil*, но абхазское слово *q-d* 'имя' — явно скрещенный термин (СА ← *q¹n¹-d¹al), с грузинским порядком расположения элементов.

Также скрещенный термин имеем в русск. «и-мя» ← *imen* ↗ *gimen ~ *gi-men, resp. *ni-men* ↔ *no-men* || *na-me* 'имя' ← 'рука', resp. **gi+men* (ру-^гка^г+*man-us*), арм. а-по-+ *wan* 'имя' || греч. о-по-та-^гт^г 'имя', последние два, армянское и греческое слова, уже трехэлементные скрещения с колебанием АDB или CDB, поскольку для решения в пользу А или С опора пока не найдена, поскольку в самом слове от первого элемента остались лишь огласовки: «а» или «о».

Анализ термина яфетических языков сибилантной ветви также не дает основания в пользу решительного толкования первого элемента армянского и греческого слов как скрещения АС, но состав АС, с тем же расположением, по всей видимости, имеем в турецком эквиваленте, также скрещенном *ā-t* → *a-t*, и это может поддержать в признании элемента А в начальной огласовке а-||о- упомянутых слов и армянского и греческого. Что же касается турецкого *ā-t* → *a-t*, лишь в якутском сохранившего явно долготу в значении 'имени', прежде всего это самое слово в архетипе *al-tan*, resp. *ar-tan* ~ *har-kan*, означало, несомненно, судя по палеонтологии речи, и 'руку', почему мы и имеем лишь произведенный от имени со значением 'рука' глагол *at-tak* 'бросать', как от полного спирантного эквивалента его архетипа *har-tan, именно, ^h*ar-kan* (→ *ar-k*) 'рука' у армян мы имеем и 'бросать' *ar+kan* (|| впоследствии *ar+k-an-el*).

Новые технические средства, сравнительно с кинетической речью, у звуковой речи многочисленны. В первую очередь использование звуковых оттенков музыкального порядка (тональности, ударения, долготы и т. п.), а затем и отдельных звуков для получения разновидностей слов в целях сигнализировать оттенки значений: *qal* 'женщина', *ḡol* 'жена', *dal* 'сила', (← 'рука'), *qel* 'рука'.

Звуковая речь — по началу культовая речь, вначале сами элементы материально выразители магии, не потому, что мир начался с магии или человеческое бытие началось ею, а потому, что звуковая речь началась на той высокой ступени, отнюдь не животной, когда существовала уже организация работников магии, и первые слова использовались, естественно, для наречения сокровенных, не указуемых предметов, не указуемых по суеверному страху или физической невозможности, и, невольно, состав первичный звукового языка — культовый, и звуковая речь в этом смысле вскрывает на первых же порах вселенское мировоззрение, космическое.

§ 40. К генетическому вопросу о четырех элементах речи, как это уже

разъяснено, приходится подходит двояко: во-первых, как к вопросу о звуковых величинах, не имеющих еще вовсе функции элементов речи, когда они, в неразрывном сочетании с пляской и пением, лишь орудие магического действия, во-вторых, как к вопросу о звуковых величинах, уже элементах речи, вначале опять-таки в неразрывном сочетании с элементами кинетической речи, жестами и мимикой, когда звуковые элементы имеют лишь функцию восполнения так наз. ручной речи и только впоследствии, в результате постепенного расширения круга их использования — функцию самостоятельных элементов уже сконструировавшейся звуковой речи.

Как об элементах трудового процесса, магического действия, мы уже говорили в пределах достижимой пока их трактовки. Идеологически мы их представляем с функцией, неразлучимой с функцией пляски и пения со включением не выделявшейся еще из этого союза музыки, по совокупности, следовательно, с функцией магического действия, совмещавшей в себе нераздельно функцию и материально-производственную хозяйственную, и общественную, привходяще и функцию коллективно организованного выражения аффекта, радости и печали, экстаза и прострации, забавы и развлечения.

Технически эти вначале элементы трудового процесса, магического действия, мы представляем выкриками, развивавшими своей повторяемостью голосовые связки и вообще органы произношения. Повторяемость содействовала искусственному музыкальному и заодно с ним членораздельному оформлению естественных выкриков, постепенно становившихся звуковыми комплексами.

У нас осталось неразъясненным число элементов — четыре, — и оно таковым и остается. Имеем лишь одно уточнение в отношении племенных названий, которые являются позднейшим их использованием, следовательно, объяснение числа элементов в смысле не использования, как они оказываются распределенными уже с нарицательными значениями в различных языках, а в смысле происхождения самих звуковых комплексов, можно искать лишь в организации указанного уже трудового процесса, магического действия. Количество же элементов, т. е. четырехэлементность магической предпосылки звуковой речи, таким образом, можно разъяснять прежде всего в технике магического действия, и в этом смысле требуется внимание к роли числа в неразлучных соучастниках-элементах одного и того же магического действия, пляске и пении с музыкой, в общем — прообразе эпоса. Мне представляется с этой стороны желательным проследить палеонтологически историю ритма в поэзии и историю построения строф или четырех стихов. Пока мы можем сказать лишь, что народный размер поэзии четверостишиями у грузин, яфетического народа, нашедший свое высшее развитие до не превзойденной никем виртуозности в творении Шоты из Рустава «Витязь в барсовой шкуре», имеет несомненно тяготение к своим народным недрам, а не к нормам персидской поэзии, где, по крайней мере в письменнолитературных памятниках, он появляется позднее.

В этом народном по происхождению размере четвертый стих, начинающийся, как всегда, стоящим вне размера словечком да, союзом 'и', представляет конструктивно переживание, повидимому, выступлений хора, и потому четвертый

стих часто сводится к назидательным мыслям или изречениям, сентенциям и общим положениям. И, по отвлечении этого выступления хора, участники пения должны были представлять собою три лица, чтобы материально оправдать количество остающихся строк народного размера.

Пока одно ясно, и мы должны считаться с ним, как с фактом. Это то, что четыре элемента, особенно четыре элемента речи, временем своего возникновения отделены как пропастью от животного или звериного состояния человеческой твари, от животного или звериного состояния коллективной жизни. В момент не только использования четырех звуковых комплексов, как элементов речи, но и их возникновения, геср. выработки их в трудовом процессе, магическом действе, человеческие твари представляли уже не стадные объединения, а социальные группировки с той или иной определенной структурой, и сами участники трудового процесса, магического действия, представляли, очевидно, организацию по структуре имевшихся уже тогда социальных группировок.

Отсюда ясно, что ни один язык мира не может представлять собой ни звериной или птичьей речи, ни ее непосредственного развития.

В этом смысле интересно, что еще полвека тому назад думали наиболее четко осведомленные о так наз. птичьем языке готтентотов. Еще в 1870 г. писал д-р Теофил Ган (Dr. Theophilus Hahn) в работе «Die Sprache der Nama»: ¹ «Южная оконечность Африки первоначально была населена народами желтой расы, которая не находит во внешнем облике и в речи никакой аналогии ни на всем африканском континенте, ни где-либо в иной части света. Эту расу в общем обозначают названием 'готтентотской'. Название дано им европейцами из-за своеобразного языка того типа (Sprachidioms), который в инвентаре своих звуков выявляет особенно характерные звуки горловые (faucale) и со щелканьем (schal-zende). Для того, кто не знаком был с названным языком, эти звуки имели нечто звериное, так что их сравнивали со звуками, испускаемыми индюком или вообще с птичьим языком».

Приводя соответственные описания принятых за птичьи звуков, принадлежащие перу различных путешественников и миссионеров, ² Т. Ган непосредственно затем замечает: «Все эти авторы, как показывают приводимые места, обнаруживают полное незнание физиологической природы (Beschaffenheit) готтентотского языка. Например, датские миссионеры, Бёвинг (Böving) и Варфоломей Цигенбалг (Bartholomäus Ziegenbalg), проявили больше понимания... из них Бёвинг, отрицая основательность сравнения готтентотского языка со звуками «калькуттских кур», утверждает: «Это не точное сравнение. Более основательно готтентотское может быть сравнено с произношением евреев».

«В дальнейшем Бёвинг упоминает еще особо о способности этих народов быстро и легко выучиваться чужим языкам, чего животное, понятно, не могло бы делать».³

¹ Nebst einem Anhang enthaltend Sprachproben aus dem Munde des Volkes, Leipzig, 1870, стр. 5.

² Там же, стр. 17—18.

³ Стр. 19.

Возвращаясь к принятым четырем названиям элементов речи, SAL, BER, YON, ROШ, мы не имеем надобности указывать, откуда взяты выбранные разновидности их произношения, не раз об этом говорилось.

Если не задаваться мыслью объяснить, почему именно четыре, вопрос, как мы видели, еще открытый, самая ограниченность элементов речи нас отнюдь не должна и не может смущать, так как мы воочию видим, как с развитием языка новый звуковой материал не создается, лишь использование бывает новое, и, естественно, чем меньше было потребностей, тем меньше было использований, и, следовательно, тем меньше было надобности в звуковых комплексах для сигнализации понятий, т. е. тем меньше было слов; следовательно, в подлинно первобытной речи, уже сложившейся, их не могло быть больше десятка-другого, допустим, нескольких десятков, а когда вопрос ставится об элементах звуковой речи, которые вначале ничего специально не выражали, то они были полисемантичны (многозначщи), и, понятно, для выражения нескольких десятков единиц понятий и представлений с избытком достаточно было несколько единиц такого рода элементов, хотя бы лишь четыре.

Однако четыре элемента речи имели, получив их с течением времени, множество закономерных разновидностей, возникших от обращения их, четырех элементов, в территориально различных социальных группировках людей. Взаимообщение последних вместе с объединением или взаимным согласованием хозяйственных интересов приводило, в зависимости от системы общения, к объединению или согласованию звуковой речи сначала владевшей ею организации, а затем в масштабе всей народной массы, приводило, следовательно, к тем звукосоответствиям, или корреспонденциям, которые называются фонетическими законами.

Согласно установившимся звукосоответствиям, первичные или основные закономерные разновидности каждого из четырех элементов речи следующие:

ТАБЛИЦА ЗАКОНОМЕРНЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ЧЕТЫРЕХ ЭЛЕМЕНТОВ

(В простых их видах без учета палеонтологически вскрываемой диффузности начальных сибилантов, без усечений, только по огласовке сибилантной ветви, не включая спирантнуюю).

I. Элемент А

Сибилантной ветви

Свистящей группы

sal → zal
↗ tal → dal → đal

с десибилацией:

(tal → dal → đal

Шипящей группы

|| шор (→ жор) ↔ шур (→ жур)
|| ↗ тор → дор → дор (↔ тур → дур →
    ђур)

с десибилацией:

|| тор → дор → дор (↔ тур → дур → дур)

То же со спирантизованным первым согласным:

hal → γal
↗ kal → ġal → qal

с дезаспирацией:

kal → gal → qal

То же со спирантизованным первым согласным:

|| ɣor (→ yor) ↔ ɣur (→ yur)
|| ↗ ɣor → ɣor → qor (↔ ɣur → ɣur → qur)

с дезаспирацией:

|| kor → gor → qor (↔ kur → gur → qur)

II. Элемент В

Сибилантной ветви

Свистящей группы

val ↔ mal
↗ pal → bal → fal

Шипящей группы

|| vor (→ mor) ↔ vur (→ mur)
|| ↗ vor → bor → ɸor (↔ vur → bur → ɸur)

III. Элемент С

Сибилантной ветви

Свистящей группы

san → zan
↗ tan → đan → đan

с десибилацией:

tan → dan → đan

Шипящей группы

|| mon (jon) ↔ mun (jun)
|| ↗ ton → don → đon (↔ tun → dun → đun)

с десибилацией:

|| ton → don → đon (↔ tun → dun → đun)

То же со спирантизованным первым согласным:

han → γan
↗ kan → ġan → qan

с дезаспирацией:

kan → gan → qan

То же со спирантизованным первым согласным:

|| ɣon (yon) ↔ ɣun (yun)
|| ↗ ɣon → ɣon → qon (↔ ɣun → ɣun → qun)

с дезаспирацией:

|| kon → gon → qon (↔ kun → gun → qun)

IV. Элемент D

Свистящей группы

las (|| nas) → laz (|| naz)
↗ lat (|| nat) → lad (|| nad) → lađ (|| nađ)

Шипящей группы

|| roш (|| nom) ↔ ruш (num) → roj (|| noj)
↔ ruj (|| nuj)
|| rođ (|| not) ↔ ruđ (|| nut) → rođ (|| nođ)
↔ ruđ (|| nuđ) → rođ (|| nođ)
↔ ruđ (|| nuđ)

с десибляцией:

lat (|| nat) → lad (|| nad) → laθ
 (|| naθ)

с десибляцией:

|| rot (|| not) ↔ rut (|| nut) → rod (|| nod)
 ↔ rud (|| nud) → roθ (|| noθ) (↔ ruθ
 || nuθ)

РАЗНОВИДНОСТИ ЧЕТЫРЕХ ЭЛЕМЕНТОВ
 С УЧЕТОМ ДИФФУЗНОСТИ НАЧАЛЬНЫХ СИБИЛАНТОВ (ʃ, ʃh) и т. д.

в элементах А и С

I. Э л е м е н т А

Свистящей группы

ʃal → ʒal
 ↗ tkal → dʒal → ʒqal

с десибляцией переднеязычного:

tkal → dʒal → ʒqal

с дезаспирацией заднеязычного:

tkal → dʒal → ʒqal

с десибляцией переднеязычного
и с дезаспирацией заднеязычного:

tkal → dʒal → ʒqal

с палатализацией первого согласного:

ʃal

Шипящей группы

|| ʃhor (↔ ʃhur) → ʃʀor (↔ ʃʀur)
 ↗ tkor → dʒor → ʒqor (↔ tkur → dʒur
 → ʒqur)

с десибляцией переднеязычного:

|| tkor → dʒor → ʒqor (↔ tkur → dʒur →
 ʒqur)

с дезаспирацией заднеязычного:

|| tkor → dʒor → ʒqor (↔ tkur → dʒur →
 ʒqur)

с десибляцией переднеязычного
и с дезаспирацией заднеязычного:

|| tkor → dʒor → ʒqor (↔ tkur → dʒur →
 ʒqur)

с палатализацией первого согласного:

|| ʃʀor (↔ ʃʀur)

II. Э л е м е н т С

Свистящей группы

ʃan → ʒan
 ↗ tkan → dʒan → ʒqan

с десибляцией переднеязычного:

tkan → dʒan → ʒqan

с дезаспирацией заднеязычного:

tkan → dʒan → ʒqan

Шипящей группы

|| ʃʀon (↔ ʃʀun)
 || tkon → dʒon → ʒqon (↔ tkun → dʒun
 → ʒqun)

с десибляцией переднеязычного:

|| tkon → dʒon → ʒqon (↔ tkun → dʒun
 → ʒqun)

с дезаспирацией заднеязычного:

|| tkon → dʒon → ʒqon (↔ tkun → dʒun
 → ʒqun)

с десибилляцией переднеязычного
и с дезаспирацией заднеязычного:

tkan → dgan → ʒqan

с десибилляцией переднеязычного
и с дезаспирацией заднеязычного.

|| tkon → dgon → ʒqon (↔ tkun → dgun
→ ʒqun)

с палатализацией первого согласного:

ʒan

с палатализацией первого согласного:

|| щон (↔ щун)

Помимо отсутствия в предложенной таблице скрещенных разновидностей, как-то: sag или даже шаг, равно ʒol и т. п., а с другой стороны pol, pol и т. п., в ней не указаны 1) разновидности с перестановкой (шго ↔ шги ~ шог ↔ шиг и т. д., и т. д.) или с редукцией губных гласных (ə ↔ ы ↙ о ↔ у: шег ↔ шыг ↙ шог ↔ шиг) или с перебойными их эквивалентами (шег ~ шиг, пер ~ пир и т. д.) или с их полной утратой (шиг и т. п.); 2) разновидности с утратой спирантов [al || og ↔ ug или an || on ↔ un или la (|| na) || ro (|| no) ↔ ru (|| nu)], равно плавных в элементе А — г¹а (→ г¹а) || г¹о (→ г¹о) ↔ г¹у (↔ г¹у и т. д.), в элементе В — ва (↔ ма) | во (↔ мо) ↔ ву (↔ му) и т. д.

Из относимых ныне в элемент В разновидностей с перебоем плавного (l ||) г ~ nd → nd, гсп. п или d, случаи с п, будет ли то van || map или von и т. п., раньше воспринимались как ионские, причем исходили мы из разложения о (г¹on) на ва (van), что в определенных случаях и не исключается.

§ 41. Формальный рост звуковой речи происходил различными способами, прежде всего накоплением разновидностей словаря из четырех элементов, каждого из этих элементов. Самая дифференциация каждого из этих элементов, с чем связано возникновение разновидностей и постепенное их накопление, в позднейшие эпохи обязана своим происхождением социальному расслоению звуковых разновидностей, разности сначала производственно-коллективных, впоследствии племенных производных, уже иллюстрированных многочисленными закономерными разновидностями, зависящими от звуковых корреспонденций. Но вопрос, однако, в том и состоит, как и почему возникли сами звуковые корреспонденции. Мы пока на этот вопрос можем дать не ответ, а то, что намечает возможность выработки требуемого ответа. Мы можем сказать, что едва ли наличное массовое множество закономерных звукосоответствий может быть объяснено работой одного тесного коллектива определенной организации, допустим, магического действия руководящего класса или хотя бы ряда разбросанных в различных местах такого порядка коллективов одной первичной эпохи без широкого участия массы населения с дифференцирующими особенностями их коллективного произношения, как трудно или, вернее сказать, невозможно себе представить какой-либо трудовой или хотя бы не трудовой процесс, объединяющий целые племена, с последствиями выработки имеющих в виду фонетических законов. Объяснение явления надо искать в совокупном действии всех намечающихся факторов, начав с указания, что, во-первых, бесконечное множество подлежащего учету фактического материала по законо-

мерным звукосоответствиям различных ныне и с давних незапамятных для истории времен многими сотнями исчисляемых языков есть уже продукт предварительного установления ныне нами генетически разъясняемого явления, уже развивавшихся и стабилизовавшихся его сложных норм; во-вторых, тем не менее накопление этого подлежащего учету фактического материала по фонетическим законам, собственно, обогащение каждого данного языка соответственным наращением новых лексем происходило и происходит до наших дней по существу в порядке доисторического возникновения и развития речи. С таким развитием речи возникали, следовательно, те или иные языковые нормы и затем совершалась их фактическая экстенсия с соответственным расширением применения их сначала в каждом данном коллективе той или иной организации, отнюдь, разумеется, не одного магического действия, не разлучавшегося в подлинно первобытные эпохи с хозяйством в силу мышления первобытной общности, а бесконечно длинного ряда чисто самостоятельных производств; каждый производственный коллектив вместе с предметами производства творит и названия предметов с названиями технических приемов выделки, что затем, по мере потребности в них, входит в массово-общий языковой обиход отдельных человеческих группировок, то всех, то лишь одной, именно группировки общего с творящим производственным коллективом языка, или становится специальным терминологическим словарем по производству; в-третьих, эти производственные коллективы, чем ближе к нам, тем более размножающиеся и тем более лишь размножающие фактический материал, чем дальше от нас вглубь времен, тем более малочисленные и тем более увязывающие размножение фактов с отбором уже наличных звуковых соответствий и их стабилизирующие как так наз. фонетические законы. В-четвертых, этот отход в глубину времен в направлении к первому производственному коллективу диффузной природы с нерасчлененностью производства с руководством, хозяйства с магией, где намечается материальное возникновение четырех элементов, сначала лишь музыкальных, отнюдь не речевых, нас приводит к немногочисленным производственным коллективам в обладании уже подлинно первобытной звуковой речью, в которых четыре элемента, уже элемента речи, получали в развитии их трудового процесса дифференциацию и оформление новых видов с гармонизирующими друг с другом звуками, хотя бы лишь гласными, и было достаточно распространения таких первичных коллективов и обратного воздействия или реагирования приобщавшихся групп различных районов, чтобы эти первоначальные звукосоответствий или так наз. фонетических законов, захватывавших постепенно или одновременно и согласные, стали из элементов звуковой речи трудового процесса элементами звуковой речи более широких социальных группировок, впоследствии сделавшихся племенными образованиями. В этих первичных производственных коллективах и во взаимодействии их организующего руководства и приобщающихся к их производству более широких кругов, впоследствии масс, и приходится искать среду возникновения корреспонденции звуков и первого использования этих так наз. фонетических законов.

Потому-то развитие речи и в наши дни идет прежними путями, в порядке хотя бы фактического размножения лексического материала по раз намечавшимся

нормам звуковой речи, потому-то представляет и в настоящий момент громадный интерес учет словотворчества и словоупотребления по современным производственным коллективам.

Формальный рост звуковой речи преуспевал и от сложения элементов.

В первую голову это есть хорошо уже нам известное скрещение, соединение двух равнозначных слов различных социальных группировок, впоследствии племен, чтобы их сумма, при известности хотя бы одного из слагаемых каждой стороны, была обоюдопонятна для обеих сторон, вовлеченных в общение единством хозяйства и из него нараставшей общественности. Недавно мне рассказывал в Москве Н. Т. Тюрякулов, что в Туркестане ему приходилось наблюдать, как туркестанец с родной турецкой речью при беседе с туркестанцем с родной речью персидского круга, таджикской, употреблял по два слова для выражения одного понятия: одно полное турецкое, то, что он хотел сказать, другое — соседское, таджикское, чтобы быть понятным собеседнику. Осведомитель мой не сообщал нам, наблюдались ли случаи скрещения таких пар слов, турецкого с персидским, вернее таджикским, т. е. не указан случай этого явления, наблюденный в коми языке на известном примере *ти-зем* 'земля', скрещении собственного коми слова *ти* 'земля' с однозначным русским «земь», «земля». Примеры скрещения мы могли бы привести многочисленные, и не раз приводились, каждый из слушателей мог бы дать и из своего родного языка или языка своей специальности.

Процесс скрещения отнюдь не замирал, следовательно, в доисторические эпохи. Скрещение имело этапы своего развития в любой среде, начинаясь парным употреблением двух самостоятельных слов, и лишь в конечном результате оно завершалось их не только полным, как бы физическим сращением, но и химическим слиянием, т. е. с такой переработкой двухэлементного слова, что от четырех согласных двух элементов, если не интересоваться участием гласных, присутствующих каждому из них по одному, оставалось три, часто всего-навсего два. В семитических языках трехсогласный состав каждого корня основан на систематическом использовании такого усечения четырех согласных двухэлементных скрещений в трехсогласный корень.

Влияние скрещения в процессе его развития иногда сказывается в стиле писателей и поэтов, близких к соответственной народной речи. Так, у грузинского поэта Шоты из Рустава (XII—XIII в.) в «Витязе в барсовой шкуре» мы наблюдаем такие под влиянием процесса скрещения возникшие параллелизмы, как передача мысли 'не в опьянении' парным выражением *ar mʒvral... da ar maq-murad*, где чужое слово *maqmur* (арб. 'пьяный') значит то же, что родное для грузин *mʒvral* 'пьяный'. Несколькоми веками раньше, в VIII—IX веках, то же самое наблюдается в грузинских прозаических переводах с греческого, это регулярная передача одного греческого слова парой грузинских слов, означающих каждое в отдельности то же самое.¹ То же самое наблюдаем и в стиле более древних оригинальных сочинений исторического содержания у армян.

¹ Наблюдение это в агниографических памятниках грузинской литературы было сделано америкайцем Блэком (Blake).

1) Обычно как типичный пример полного скрещения, с сохранением почти без изъяна цельности каждого элемента, нами приводится двухэлементное (АВ) слово с разнотипной огласовкой ar-bog ~ ar-bos (← *har-bog) 'дерево'; это же АВ с спирантным видом А и с оканием и А и В в редукции (u ↔ o ~ ы ↔ ø): чв. уы-вəс ↙ *уи-в ↘ ↙ *уор-вос, вуш ~ вуу ↔ бор (~ bos); АВ с сибилантным видом А при его экании и с оканием В арм. ter+e-ւ¹ o¹ 'листва', русск. «дер+е-во», «дре-во», «дре-вес-а»; ВА, т. е. с обратным порядком элементов, или с выдержанной, как в чувашском, губной огласовкой груз. литературный ჟღერ-ღელ 'листва' и г. փոք-փոօլ → փո-փոլ id., оно же СА с спирантным видом первого элемента при последовательной огласовке (или «а», или «е»): арм. an-tar (← *han-tar) 'лес', г. e-ter, СА с сибилантным видом обоих элементов при разнотипной огласовке (e — o || u): *den-dur (греч. den-dr-on 'дерево'), СА с спирантным видом обоих элементов при последовательной акающей огласовке, как в армянском *han-ğar ↘ т. *a-ğad → a-ğad 'дерево'.

В своем месте мы привели случаи самостоятельного употребления каждого из двух элементов перечисленных слов, в тех же значениях, как-то: г. ձեղ 'дерево' → 'доска', м., ч. dāl → da, суоми рии (← *pur), русск. «бор» и др.

2) Сложение наблюдаем и в составных словах, описательно двумя понятиями выражающих одно понятие, так: м., ч. ճի-+la+տիւր 'слеза' ← 'глаза' (ճի) 'вода' (la-տիւր), г. kir-ճճալ 'слеза' ← 'глаза' (kir) 'вода' (ճճալ ← tkal).

§ 42. Рост звуковой речи отнюдь, впрочем, не один формальный, знаменуется нарастанием частей речи. Первая по времени категория — имена. Союзы и наречия, первично и прилагательные, представляют те же имена без изменения или оформления имен, свойственного им самим, но само оформление имен, и, понятно, глаголов составляет новообразование, возникающее с помощью не только имен, становящихся окончаниями-символами, но и местоимения. Возникновение местоимений это поворотный пункт в истории развития языка, начало новой эры морфологической, сначала агглютинативной, затем флективной на смену аморфной. Дела не меняет, что сами местоимения все восходят к именам. В морфологии, сначала в синтаксисе, в этом предтече морфологии, они, т. е. имена, использовались как местоимения.

В качестве местоимений использованы имена, означающие 'голову', 'душу', 'тело' и т. п. Палеонтологически эти имена восходят, будучи позднее анатомическими терминами, к племенному названию и потому богу, следовательно, 'небу', раз к 'небу', то и к 'голове', а по пучковой группе значит и к трем понятиям: 'небо + гора + голова'. Вопрос основной: местоимение возникает с представлением о собственности, это собственнические имена раньше, чем имена, выражающие лица. Выделение лиц, а особенно 1-го лица, да ед. числа, да сравнительно с 3-м и противоположаемого 1-му лицу 2-го лица, это все позднейшие сравнительно явления. Потому первые местоимения — местоимения собственнические, если и говорят о лице, то речь для тех эпох может быть лишь о коллективном лице, именно конкретно-хозяйственно — о социальной группировке или племени, а идеологически или абстрактно-миросозерцательно — и о тотеме коллектива, впоследствии племени, о символе коллектива, боге, который и является хранителем прав собственности данной социальной группы.

С местоимения, как бы его ни понимать, и начинаем перечень увязки происхождения частей речи с общественностью, ее формами и правовыми предств-влениями.

Остальные достигнутые пока увязки частей речи с социальным строем включают не целые категории слов, т. е. полностью части речи, а отдельных их представителей, как, например, союз 'и' представляет социальный термин 'брат', геср. 'сестра' (см. § 43, 3) и т. п.

§ 43. Поскольку осмысление слов, получающее впоследствии стабилизацию значений, усваиваемых каждому данному слову сначала целыми пучками, а потом и единицами, зависит от мировоззрения человеческого коллектива той или иной определенной структуры; поскольку строй речи, синтаксис, слагается в зависимости от общественного строя, да и увязка понятий и предложений происходит тем же порядком, соответственно отражая общественный строй, и, естественно, не может не отражать общественного строя, да и действительно его отражает морфология, возникающая для уточнения взаимоотношений членов предложения, так и определенный строй общественности налагает свою печать на различные группы слов, обращающихся в части речи и образующих постепенно определенные категории грамматики, отрешенной от жизни. Эти части речи, вообще грамматические категории, еще более отрешены от жизни, чем все надстроечные общественные ценности, в том числе и искусства — художественная литература, искусство монументальное или миниатюрное, в линиях, цветах или красках, звуках и т. п. Грамматические части речи отрешены от какой бы то ни было материальной действительности, как в корне схематические абстракции, и, естественно, ни в одной живой душе не вызывают массово ничего, кроме равнодушия, именно потому, что явления изучаются исключительно формально, в полном разрыве с общественно-творческими факторами, создавшими речь.

Позднейшее с возникновением звукового языка появление слов этих категорий, частей речи, представляющих различные типы в языках различных систем, так наз. семей, и постепенное их нарастание явствует и из того, что они порой в одних и тех же языках иных систем по сей день формально не дифференцированы полностью друг от друга и тогда, когда эти части речи идеологически строго выработаны уже.

1) Имя существительное используется без всяких придатков как глагол и, наоборот, глагольная форма одновременно имеет значение существительного, например, в грузинском *keba* 'собрание', 'собираение' и 'собирать', *kvigil* 'крик', 'кричание' и 'кричать', или *tega* 'писать' и 'писание', *sheneba* 'строить' и 'построение', 'постройка', в каковом смысле обычно употребляется *shen-o-ba*, но это образование тоже глагольная форма.

2) Прилагательное также не отличается от существительного; так, груз. *keḡil-1* 'добрый', 'благо', да и 'доброжелательный', геср. 'близкий', 'родственный', *ḡven-1 keḡil-1* 'наш близкий', *av-1* 'дурной', 'злой' и 'зло' и т. п.

3) Числительным служит имя существительное; так, 'рука' → 'один', геср. 'два' и т. п., а союзом — числительное, да и непосредственно существительное, например: груз. древнелит. *qol-o* 'но', 'однако' ← сущ. 'один' *m-qolo* 'единствен-

ный' ← 'рука', ср. чув. $qul \leftrightarrow qol$ 'рука', см. также г. da 'и' (← сущ. 'брат', 'сестра').

4) Местоимением служит существительное имя; так, в том же самом грузинском языке, не выходя за его пределы и не производя никаких палеонтологических изысканий и раскопок, мы являемся свидетелями того, как и в наши дни у грузин Zav- одновременно 'сам', 'себя' и род. пад. от него Zav-is 'свой', например, $\text{Zav-}t\text{m}oikla$ 'он убил себя' (букв. 'голову'), Zavis ZavaZ 'сам по себе' (букв. 'головой', 'как голова головы'), Zav-is 'свой' (букв. 'головы') и т. д., и т. д.; то же самое наблюдаем, как будто, и в языках семитической системы, поскольку, например, в арб. nafs^{un} 'душа', как и сир. $\text{naf\text{š}a}$ 'душа', используется в значении 'лица', 'особы', но в семитических языках все-таки эти имена появляются в указанных местоименных значениях в сопровождении местоименных суффиксов — арб. $\text{g\text{a}u\text{d}i ful\text{ā}na \text{nafs}\text{-}\text{u}}$ 'я увидел такого-то самого' (букв. 'его душу'), арб. $\text{d\text{ā}ga b\text{in}\text{af}\text{s}\text{-}\text{u}}$ 'он сам пришел' (букв. 'душой своей'), сир. $\text{men \text{naf}\text{š}\text{un}}$ 'от себя' (букв. 'от их души'), лат. 'добровольно' sua sponte и т. п. Но, повторяю, таких уже переживаний не касаемся, еще менее, когда значение слова, как существительного, затемнено тем, что как имя используется другая фонетическая разновидность того же существительного имени или совершенно иное слово, да еще значение именное (имени сущ.) выясняется за пределами данного языка, по материалу и данным другого языка, ныне вовсе и не числящегося в родне того языка, где то же слово появляется лишь как местоимение: например, у басков bur- 'голова' встречается в роли возвратного местоимения ('себя'), но чаще его разновидность ber с усечением плавного в форме род. и других падежей be-ge 'свой'; у абхазов в глаголах ʒə , означая 'себя', образует возвратные глаголы, но ʒə представляет перебойную сибиллянтную разновидность сущ. qə (следовало бы: qə) — а- qə 'голова', что, впрочем, само по себе используется и как местоимение 'себя'; или чув. qə , или qa , 'сам', 'себя' в сопровождении местоименных суффиксов q- и 'ты сам', qə-u 'он сам', qa-t 'я сам' и т. п., причем $\text{q} \swarrow \text{qə}$, resp. qa , означало также 'голову', как абх. qə , но в чувашском в значении 'головы' используется ruç , разновидность bur- 'голова', что, как мы видели, у басков используется в роли возвратного местоимения. Опять, повторяю, таких палеонтологических изысканий мы не производим сейчас, иначе мы и в прометеидских языках лат. ipse 'сам' могли бы разъяснить¹ в том же порядке, причем вторая часть этого скрещенного термина, именно pse , является эквивалентом бск. bur- 'голова' → 'сам', 'себя', чв. ruç 'голова', разновидностью с перемещением огласовки бск. be (← $\text{ber} \sim *bes$) 'сам', 'себя', общего у басков с нем. $\text{be} \rightarrow b: \text{selb} \rightarrow \text{sel-b}^{\text{r}}e$ 'сам', а в яфетических языках то же существительное оказалось бы выразителем вообще местоимения личного, а не только возвратного.

Последовательность возникновения различных типов слов, прежде всего этих именно категорий — частей речи, намечается не так, как мы обычно выражаемся и, пожалуй, представляем, именно, сначала имя существительное, а затем в том

¹ Она и разъяснена в одной из статей, уже печатающихся в ИАН (1927): «О слоях различных типологических эпох в языках прометеидской системы» [см. здесь, стр. 224—233].

или ином порядке другие части речи. Дело в том, что пока не было точного осознания других частей речи, пока фактически не было прилагательных, числительных, местоимений, союзов, глаголов, до тех пор не могло быть и существительного с теми строго ограниченными функциями, и в зависимости от этого с теми формальными признаками, какие неотъемлемо присущи ему теперь при нашем представлении о нем. Вообще не было частей речи, не было и имени, а был лишь звуковой комплекс, используемый для выражения образа, представления и понятия, но использование этого образа, этого представления и этого понятия статически или динамически, т. е. или, с одной стороны, как имени существительного, или как имени прилагательного, или как местоимения, или как числительного, союза или, с другой стороны, как глагола, зависело от потребности речи. О последовательности возникновения частей речи по существу можно говорить конкретно, когда у них появляется оформление, закрепляющее их функцию как той или иной части речи. В связи с этим возникают также последовательно различные типы языков, в зависимости от вхождения в один и тот же круг более тесного общения или в различные круги с меньшим взаимодействием, в первом случае типы, сходящиеся в одну систему, во втором — типы, расходящиеся и выделяющиеся в различные системы, т. е. так наз. «семьи», собственно, системы языков, причем разнообразие систем увеличивается оттого, что суммирование различных новых типов в соответственно новую систему языков отнюдь не упраздняет существования и даже развития более древних систем, в том числе и древнейших, отнюдь не исключает сохранения тех или иных отдельных типов в изоляции, без вхождения в состав позднее зарождавшихся систем, в том числе и типов яфетической системы с амплитудой более значительного колебания между отдельными группами или даже отдельными языками, в такой степени более значительного колебания, что языки яфетической системы, даже целые их группы, могут казаться недоношенными продуктами отдельных образовавшихся систем, приобретших самостоятельное развитие. Это разнообразие систем, а внутри систем — отдельных типов, объединяющих целые группы, порой ограничивающихся представленностью в одном языке, с расхождением особой резкости в языках яфетической системы, выражается как в идеологическом, так в отражающем его формальном построении каждой системы, каждого входящего в ее состав типа языка.

§ 44. При сосредоточении внимания на оформлении тех или иных категорий, предварительно идеологически нарождавшихся в зависимости от хозяйственно-общественной жизни и соответственных мировоззрений, вопрос о выборе предмета внимания между системами и типами может решаться в первую очередь в пользу типов, ибо, во-первых, не системами выделялись типы, а типы слагались в системы или не слагались в системы, оставаясь за ее кругом, и, во-вторых, системы, представляющие обобщение типов, изолируют входящие в их состав типы, представлены ли они группами, или отдельными языками; наоборот, группы и еще более языки рядом с типовыми чертами, их выделяющими, как членов той или иной системы, выявляют существенные для них самих, если не целой группы, каждого языка, особенности, которыми у них устанавливается связь

с другими языками, за пределами обобщающей системы и даже обобщающей группы.

Имея дело с отдельными конкретными языками, мы можем поставить конкретно же вопрос об учете исторических, территориальных и иных внешне воздействующих факторов возникновения типов. И в таких случаях локальные вклады, усиливающиеся от вращающегося соответственного коллектива в природные условия данной территории, представляют момент действительно творческой значимости.

Однако и богатые природные условия сами по себе не являются факторами словотворчества. Если, например, в Грузии и Армении население располагает, каждый народ на своем языке, длинным рядом названий 'камня', 'скалы', 'ущелья' и т. п., то из этого, во-первых, не надо заключать, что вина тому одно наличие перечисленных предметов в горной природе названных стран, вина тому и не чуткое эстетическое реагирование населения на пейзажи и красоты родины и художественное осмысление деталей мертвой природы образными выражениями, часто ныне точно отражающими в себе их звуки, и даже, пожалуй, краски: виной тому то или иное хозяйственное использование предмета, 'камень' ли это, или 'скала', или 'пещера', или 'каменистый скат горы', и т. д., и т. д., а вместе с тем или неразрывно с тем происходит космическое, по уровню его мировоззрения, восприятие каждого предмета на ранних ступенях развития человечества, призвание в нем магической силы, духа-покровителя и т. п.

Во-вторых, если, например, в армянском такое богатство слов, обозначающих 'камень', и горная Армения, действительно, изобилует разновидностями камня, то из этого не следует, что в армянской речи соответственные слова возникли в Армении: арм. *qaḡ* ← *kaḡ* (*kaḡ-kaḡ* 'куча камней') 'камень' и арм. *ar* + *ḡan* 'скала', *ay* (*ar*-1) 'пещера' и т. п. Те же слова находим и у других народов, и соседящих с армянами, и очень далеких от соседства с ними, например, *kaḡ* 'камень' ~ г. *kaḡ* 'кремень' || св. *koḡ* 'скала' и др. Еще ярче общность этих терминов с армянами у басков: *qaḡ* ← *kaḡ* / бск. *haḡ* / *kaḡ* 'камень', арм. *arḡan* (в народном произношении *arḡan*) 'скала', 'камень' (плита), как скрещенный термин представлен у тех же басков, с падением г в «у» и утратой исходного слога, — *ayḡ* 'камень' (✓ *haḡ-ḡan, собственно с сохранением и начального согласного в подъеме *kaḡ-ḡan) ~ спир.: также с падением г в «у» — *kaḡ-an, откуда и т. *kaḡ-a* 'скала'.

Как видно, у армян в качестве соперника по наречению камня именно теми же словами явился бы даже столь далеко от них отстоящий народ, как баски. Даже такой удвоенный термин, как арм. *kaḡ-kaḡ* 'куча камней' с его разновидностью *kaḡ-kaḡ*¹ (resp. *kaḡ-kaḡ), имеет двойника в лице такого завещанного французам от доисторического населения Франции эпического типа, как *Gargantua* 'исполин', своего рода 'Атлант', в материальной реальности — 'гора'.²

Здесь не помогут ни миграции обычного типа, ни заимствования, чтобы

¹ Под этим словом Большой словарь не отмечает значения 'кучи камней', 'горной высоты', в каком там же в примерах приводится пострадавшее его чтение *ka-kaḡ*.

² В. Ф. Шишиарев, ЯС, т. IV.

объяснить общность терминов такой первобытной культуры, и сейчас речь не об этом, а о том, что надо раз навсегда проститься с мыслью разъяснить словарный материал данного народа генетически в порядке зависимости от природных условий, в каких он обретается в настоящее время, или с эпох, исторически засвидетельствованных.

Когда речь в истории подлинного словотворчества о «локальном вкладе в зависимости от вращающегося соответственного коллектива в родные условия данной территории», то такая территория находится далеко за пределами достигаемости исторической географии.

§ 45. Многим трудно разграничить эволюцию и революцию. Революцию с ее творчеством мутационного порядка относят в эволюцию. И если трудно многим разграничить революцию с эволюцией с ее наглядной последовательностью порядка развития отдельных фаз процесса, зарождения одной видимой фазы из другой, также видимой, отживающей фазы, то еще труднее иметь правильное представление о стадиях развития, о как бы длительном остановочном состоянии тех или иных типов, развивающихся на той или иной стадии в эволюционном порядке. С одной стороны, на этих стадиях жизнь абсолютно не исчерпывается простой сменой одной эволюционной формы другой, не происходит порождения из себя одной фазой — другой. Приходится учитывать внешние, также видимые влияния, потребность в которых усиливается наблюдением как бы безродных или самозарождающихся элементов, факторов неизвестного происхождения, в процессе роста всегда многосложной жизни. Ни на какой ступени человеческого бытия нет простой структуры жизни, она всегда сложна, с тем, однако, различием, что в одних случаях сложность — выявленная и осознанная, в других, случаях, более ранних или предшествующих, — еще не выявленная и органически не осознанная. В первые моменты их появления факты такого чуждого порядка учитываются исследователем по противоборству видимой гармонии эволюционно развивающейся статики и учитываются, при отсутствии у исследователя диалектического подхода, как чужеродные элементы. Они отмечаются в качестве основных факторов творчества. С умножением таких фактов в процессе смены одной стадии развития другой, одной эволюционно развивающейся статики другой, при отсутствии диалектического метода, увязка одной стадии развития с другой исключается, и, естественно, центр тяжести в поисках творческих начал перебрасывается на внешний мир, на внешнее влияние, на готовый внешний источник или вне самого творческого процесса стоящую внешнюю силу, на ранних или начальных ступенях развития — на природу, на бога, а на позднейших ступенях развития — на воздействие культур, стоящих на более высокой ступени развития, точно последние не нуждаются в таком же генетическом разьяснении, точно они самородки.

С другой стороны, сосредоточивая все свое внимание на внутренних причинах творческого процесса в развитии речи, мы отнюдь не можем процесс этот помещать в самый язык. Язык такая же надстроечная общественная ценность, как искусство и вообще искусства. Мы силой вещей, свидетельством языковых фактов, вынуждены проследивать творческий процесс речи, факторы творчества

в истории материальной культуры и на ней строящейся общественности и на этой базе слагавшихся мировоззрений. Отсюда ясно, что, во-первых, при последовательной проработанности всего языкового материала методом нового учения об языке, учения об языке с точки зрения яфетической теории, мы не должны были бы в первую очередь формальными критериями характеризовать системы языков, до сих пор принимавшиеся за независимые друг от друга семьи; во-вторых, даже сейчас при частичной пока увязке языковых явлений с материальной культурой, общественностью и мировоззрением, формальные признаки систем, в том числе и морфологические, стабилизируются в своей преемственной связанности, да и осложняются синхронизмом (одновременностью) одних формальных признаков с другими, и вместе с намечаемым увязыванием их с реальным миром общественного строительства у формальных признаков получают координаты идеологические и материальные общественной жизни, что дает возможность отметить всякие шатания отрешенно от жизни строившейся науки в суждениях об языке вроде того, что тот или иной морфологический тип может трактоваться как продукт любого времени, точно, например, аморфность, агглютинативность и флективность — друг от друга независимо возникшие категории, проводящие непроходимую грань между так наз. семьями языков и присущие каждая исключительно той или иной одной семье, или точно они в какой-либо мере случайные явления, которым можно отвести любое место, а не лишь то, которое отводится им как неразрывно связанным друг с другом звеньям в цепи культурного развития человечества.

Мы уже знаем различные системы языков, определяемые по формальным признакам и до сих пор так и называемые, именно аморфные, или доморфологические, а из морфологических — агглютинативные двух типов, агглютинативные с помощью местоимений и непосредственно без местоимений, флективные, одни с бродячими морфологическими признаками (префиксами, суффиксами) и неустойчивыми основами (морфологическая перегласовка), с делением уже самих звуков по функциям на семантические (согласные или корни) и морфологические (гласные), другие флективные с устойчивыми признаками морфологии (основы-корни и окончания).

Как в этой формальной стороне, так во всех других признаках, и формальных и идеологических, различных систем, поскольку каждая из них в общем есть продукт диалектического процесса, порождающего новый вид системы выявлением рядом с тезой антитезы и их борьбой, отражавшей борьбу соответственных сил в общественности, нет системы, свободной от неизжитых особенностей прежней системы или даже нескольких прежних систем.

Мы знаем также, что аморфность не определяет вовсе полностью соответственную систему и формально, с аморфностью в ней органически связана синтетичность, т. е. строй с определенным местом каждой части предложения, вернее — с таким твердым распределением места, что по месту узнается, с какой частью предложения имеем дело и даже в роли какой части речи данное слово должно быть понято.

Отсюда шаг к полисемантизму, т. е. многозначности слов. Если место может

определять не только часть предложения, но и часть речи, т. е. семантическое явление общего характера, оно же в том же строе, аморфном и синтетическом, может определять не само по себе, а в окружении других частей предложения, и значение слова, конкретное его значение в данной среде. Следовательно, в синтетическом строе речи среда определяет значение слова, у слова же может быть много значений, отсюда полисемантизм слов. Но более того, идя от уясненных уже начал словарного состава звуковой речи, именно четырех элементов, четырех членораздельных звуковых комплексов, первично и не слов, первично не имевших никакого значения, и учитывая, что в первые моменты, да и долго до развития звуковой речи эти элементы и тогда, когда стали восприниматься как категории с функцией звуковой сигнализации предмета, употреблялись в определенной среде с ограниченной потребностью в его использовании, с небольшим подбором понятий, выражавшихся ими, мы упираемся в положение, что в то время, да и длительно до новой общественной перестройки человечества, уже соответственно развившего звуковую речь, те же элементы, уже слова, не имели вне среды никакого значения: среда определяла не то или другое из многих присущих впоследствии каждому из них значений, а вообще значение, то или иное, ему самому одинаково не присущее. То есть полисемантизму (многозначности слов) синтетической системы предшествовал асемантизм (отсутствие какого бы то ни было стабильного значения).

Полисемантизм, с другой стороны, связан с таким формальным явлением, как моносиллабизм, т. е. односложность. Слова в аморфном и синтетическом строе отличаются не только полисемантизмом, но и моносиллабизмом, один неразрывно связан с другим. Вместе взятые: 1) аморфность, т. е. отсутствие морфологии, 2) моносиллабизм (односложность слов), 3) синтетический строй, 4) отсутствие (или плохая дифференцированность) частей речи и 5) полисемантизм — составляют, как координаты, совместно ту сумму решающих признаков, которая языку соответственной системы отводит совершенно определенное хронологическое место в пластах диахронического разреза всех языков всех систем.

Это, однако, не значит, что народы с языком такой системы обречены были на гибель в период изжития той системы, какой они пользовались в общем процессе нарождения новых систем, и обречены были оказаться под пластами, отложениями в речи народов позднейших систем и т. д. В китайском имеем довольно многочисленный народ с языком, вернее с рядом языков той же системы, в китайском те же координирующие признаки, однако при более внимательном отношении к каждому признаку мы видим позднейшие наслоения, так, например моносиллабизм не решается количественно, одним фактом наличия лишь одного слога в слове. Надо качественно определить односложность, именно: одноэлементно ли слово, и тогда его моносиллабизм подлинный, или оно — двухэлементно, и тогда его моносиллабизм кажущийся, ибо из двух скрестившихся элементов один, следовательно, утратил свою огласовку, свой слог.

Таково же положение со следующими по своему возникновению системами в смысле не единства, а множества ее признаков, т. е. наличия признаков координатов, которые в сумме определяют уже новую систему и дают возможность

отвести ей строго соответствующее место в цепи преемства, с одной разницей, именно той, что некоторые признаки старой системы переходят в новую как также актуальные признаки новой системы, а не только пережиточные.

Пережиточно, например, строгие нормы расположения слов наблюдаются вплоть до языков прометеидской системы. Так, у прилагательного в русском языке одно место, оно предшествует, во французском другая норма, одни прилагательные предшествуют, другие обязательно последуют, третьи в зависимости от сочетающегося с ними слова и получающегося смысла в одних случаях предшествуют, в других следуют за определенным именем.

Так, в агглютинативных языках порядок также колеблется, но по той же причине — по уживчивости норм изжитой системы с нормами новой системы. Понятно, то же колебание можно наблюдать при недоработанности занимающего нас вида агглютинативных языков, или, наоборот, при их разрушении, равно в зависимости от факта скрещения гибридного типа, агглютинативного с неагглютинативным.

В идеально представляющих систему агглютинативной речи турецких языках мы наблюдаем рядом со склонением, сущность которого в том, что слово само собою без формальных признаков отношения к другим словам, частям того же предложения, говорит о своей функции, например определение ли оно или определяемое, — мы наблюдаем категорию признаков определения, формально увязывающих одно слово с другим: *Am dārā-sı || dere-sı* — ‘Анийское ущелье’ = ‘ущелье его (город[а]) Ани’, *devleđ demir-yol-ı* — ‘государство железная дорога его’ = ‘государственная железная дорога’ и т. п., ведь это, собственно, аморфная или синтетическая система с попыткой уточнения при помощи элемента из службы связи, местоименной частицы, аффикса. Это то же явление, что в таком в отношении имен аморфном языке, языке без склонения, как абхазский, наблюдается в сочетаниях определения с определяемым, здесь с учетом или класса, или рода например, *ā-euŋa ı-paré* (‘чей-то брат его рука’ → ‘рука чьего-то брата’), *a-ueŋŋā ı-paré* (‘чья-то сестра ее рука’ → ‘рука сестры’) *a-ǰǰdta a-ŋaré* (‘волк его нога’ → ‘нога волка’). Местоименными частицами, префиксами *ı-* (м. р.), *ıe-* (ж. р.) и *a-* (класс пассивных или неразумных), уточняется выражение взаимоотношения ‘руки’ и ‘ноги’ с ‘братом’, ‘сестрой’ и ‘волком’ — того взаимоотношения, которое и без того выражено по изжитой, следовательно, системе, синтетической, в языке уже тем, что определения (‘брат’, ‘волк’, ‘сестра’) стоят перед определяемым (‘рука’, ‘нога’).

Эта увязка между различными языковыми системами, продуктами общественно-хозяйственной жизни различных глоттогонических эпох, особенно ярко выступает в агглютинативно-флективных языках яфетической системы. Здесь диапазон колебания с большим охватом, включающим во множестве особенности не только соседящих, но и чресполосных систем. Между прочим, с этим существенно важным обстоятельством связано наличие в одной системе яфетических языков различных систем, и синтетической, и агглютинативной, и флективной, с одной оговоркой при каждой системе, именно, придачею слова «почти»: «почти синтетической», «почти агглютинативной» и «почти флективной». Потому же в яфетиче-

ских языках исследование языков в диахроническом разрезе было облегчено сплетением одной системы с другой, ярко выступающими увязками систем обязательно различных эпох, и открыт был путь как формальной, так и идеологической палеонтологии речи.

Оставаясь в пределах той же формальной категории, определения имен сначала местом, затем местоименным элементом и, наконец, падежом родительным, мы в языке даже переходного типа от яфетической системы к протоеидской, именно, в армянском, наблюдаем при явной флективности наличие предшествовавшей ей через полосу агглютинативности местоименной увязки: kam-a + w-n astut' + o-y 'волей бога', ḡraṃan-a + w iṣṣan-i-n 'приказом князя'.

В яфетических языках позднейшей типологии, флективной, мы наблюдаем поразительные переживания дофлективных систем, порой принимающие уродливые формы, это так наз. родительный с отношением в грузинском языке:

древнелитературный (феодальный)	народный
ḡṣovṛeba-y Qarḡl-is+a-y 'жизнь Грузии'	Qarḡl-is ḡṣovṛeba(y)
ḡav-i kaḡ-is+a-y 'голова человека'	kaḡ-is ḡav-i
neb-iḡ+a ḡmṛḡ-is+a-iḡ-a 'волею бога'	ḡvḡ-is neb-iḡ
ḡwaṭl-n-i ḡmṛ-ḡa Saqarḡvelo-y+s+a-ḡa-ni 'Деяния героев Грузии'	Saqarḡvelo-s ḡmṛ-eb-is saqme-eb-i.

§§ 46—51. Из недочитанной части программы, именно шести параграфов (46—51),¹ последний это «Встреча яфетической теории с положениями, высказанными предшествовавшими и современными исследователями других и сродных областей науки о человеке. Лингвисты. Философы. Историки материальной культуры (археологи и этнологи), социологи и марксисты». В этом параграфе актуальный интерес представляет вопрос о сродстве с марксизмом. Говорю я сейчас об актуальности интереса не общественного порядка, а теоретического: с этим интересом органически связана ясность представления о методе. Вопрос в данный момент является, повидимому, и общественно животрепещущим, поскольку он занимает десятки умов. Достаточно сказать, что последние два года «марксизм и яфетическая теория» в той или иной редакции послужили темой для ряда докладов не только аспирантов, притом всегда по их почину, но и молодых уже сложившихся ученых. Особого внимания заслуживает из прослушанных мной на эту тему докладов подробный объективный анализ вопроса, сделанный С. И. Ковалевым 30 мая текущего года на заседании группы десмотики, или увязки языкознания с историей материальной культуры, в Яфетическом институте АН СССР. Он озаглавлен «Марксизм и яфетическая теория». Вот в суммарной передаче самого автора, собственно, в основных положениях, этот доклад в тезисах:

- «1. Марксизм есть научное мировоззрение пролетариата.
- «2. Марксизм состоит из трех органически связанных друг с другом частей:

¹ Н. Я. Марр, Яфетическая теория. Программа общего курса учения об языке, издание Восточного факультета АГУ имени В. И. Ленина, Баку, 1927 [см. здесь, стр. 5—11].

диалектического материализма, теории капиталистического общества и научного коммунизма.

«3. Диалектический материализм, являясь наиболее общей методологической и теоретической основой марксизма, складывается, в свою очередь, из двух отделов: диалектики природы (естествознания) и диалектики общественного развития (социологии).

«4. Под «материей» диалектический материализм понимает все то, что существует вне нашего сознания, и что может оказывать воздействие на наши органы чувств.

«5. Духовное не тождественно материальному. Духовное возникает, как свойство материального, при известных состояниях материи.

«6. Опыт есть отражение в сознании объективного материального процесса.

«7. «...Для диалектического материализма не существует непреходимой грани между относительной и абсолютной истиной... Исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней» (Ленин).

«8. Диалектика есть учение о самых общих законах развития природы, общества и мышления. «Мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки-понятия находятся в непрерывном изменении — то возникают, то уничтожаются» (Энгельс).

«9. Диалектика учит о всеобщей связи явлений и понятий. Диалектика — это «наука о связях, в противоположность метафизике» (Энгельс).

«10. Количество и качество представляют собою два необходимых элемента, две стороны всякого явления, не сводимые одна к другой.

«11. «В природе могут происходить качественные изменения... либо путем количественного прибавления, либо количественного убавления материи или движения (так называемой энергии)» (Энгельс).

«12. Но «...отношение между качеством и количеством взаимно... качество так же переходит в количество, как количество в качество...» (Энгельс).

«13. Количественные изменения происходят непрерывно (эволюционно), качественные — скачкообразно (мутационно).

«14. Всякое изменение противоречиво. «Движение само по себе есть противоречие» (Энгельс). Всякое явление скрывает в себе внутреннее противоречие, борьбу противоположных элементов. Эта борьба является внутренней движущей силой всех процессов, происходящих в природе и обществе.

«15. Противоречие ставится и разрешается в ходе самого развития. Разрешение старого противоречия есть постановка некоторого нового и т. д.

«16. Общество рассматривается марксизмом, как находящаяся в непрерывном изменении система отношений людей.

«17. Общество возникает как продукт коллективного трудового воздействия человечества на природу.

«18. Однако это воздействие не является односторонним: «Труд есть прежде

всего процесс, совершающийся между человеком и природой... действуя... на внешнюю природу и изменяя ее, человек в то же время изменяет свою собственную природу» (Маркс).

«19. Таким образом, влияние природы на человека не следует рассматривать как непосредственное.

«20. В процессе взаимодействия между человеком и природой центральное место занимают три элемента, обозначаемые термином «производительные силы общества»: а) природные материалы, как объекты трудового воздействия; б) орудия и средства труда; в) живая рабочая сила человека.

«21. Общественные производительные силы служат тем фактором, который определяет основную структуру общества.

«22. Такой структурой являются производственные отношения: «В общественном отправлениях своей жизни люди вступают в определенные, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» (Маркс).

«23. Основной формой производственных отношений являются формы общественной организации труда: простое сотрудничество (кооперация) и сложное сотрудничество (разделение труда).

«24. На почве разделения труда возникает другая форма производственных отношений: распределительные отношения в широком смысле слова.

«25. Для классовых общественных формаций чрезвычайно важной формой производственных отношений являются классовые отношения, ибо они служат источником тех противоречий, которые «ведут вперед» классовое общество.

«26. «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению... к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» (Ленин).

«27. Классы в собственном смысле слова появляются на той стадии общественного развития, когда разделение труда зашло достаточно далеко, когда прибавочный продукт стал постоянным явлением, и повторяющееся неравномерное распределение средств производства закрепило деление общества на прочные имущественно-производственные группировки.

«28. По Энгельсу, это происходит после разложения родового строя.

«29. «Совокупность... производственных отношений образует экономическую структуру общества...» (Маркс).

«30. На этом экономическом «основании», будучи обусловлены им, возвышаются политическая и идеологическая «надстройки».

«31. Политическая надстройка включает в себя отношения, связанные с политическими партиями, политической борьбой и государством.

«32. Идеологическая надстройка представляет собой определенную систему мыслей, чувств и представлений общества. «Отличие общественной... психологии от идеологии заключается... в степени систематизации» (Бухарин).

33. Формы идеологий следующие: а) простейшие идеологии — язык и мышле-

ние; б) высшие идеологии — религия, искусство, нравственность, право, политическая идеология, наука, философия.

«34. «Если бы мы захотели кратко выразить взгляд Маркса—Энгельса на отношение знаменитого теперь «основания» к не менее знаменитой «надстройке», то у нас получилось бы вот что: 1) состояние производительных сил; 2) обусловленные им экономические отношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической «основе»; 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека; 5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики» (Плеханов).

«35. Процесс общественного развития состоит в мутационной смене общественных формаций. Для классового общества такие мутационные смены являются революциями.

«36. Идеологии зависят от социально-экономического базиса только в конечном счете, но не непосредственно, и в рамках данной общественной формации могут развиваться относительно самостоятельно, подчиняясь собственным внутренним законам идеологического развития, как такового.

«37. Но применительно к доклассовым общественным формациям мы должны допустить гораздо большую степень непосредственной зависимости идеологий от «базиса». В частности, это относится и к языку: «... Низкий уровень производительных сил сводит почти всю жизнь к производственному процессу, и язык находится здесь таким образом в непосредственной связи с этим процессом» (Бухарин).

«38. Марксизм не имеет собственной специально-языковой теории.

«39. Энгельсом было высказано только общее положение о развитии языка из процесса труда («Роль труда в процессе очеловечения обезьяны»).

«40. Поэтому взгляды Л. Нуаре на происхождение языка из коллективной работы первобытного человека были приняты и популяризированы рядом марксистов (Плеханов, Богданов, Бухарин и др.).

«41. Яфетическая теория, находясь в процессе непрерывного развития, в большей степени является методом, чем «теорией» в собственном смысле слова.

«42. Яфетическая теория представляет собой учение чисто-материалистическое. Н. Я. Марр называет свою теорию «общественно-материалистической постановкой науки о языке» (предисловие к сборнику «По этапам развития яфетической теории»).

«43. Яфетическая теория рассматривает общественные явления в их динамике, причем процесс общественного развития трактуется ею как процесс мутационный, а не эволюционный: «Индоевропейская лингвистика не есть наука об языке, об его возникновении, оформлении и эволюциях, в определенные эпохи революциях и переоформлениях, а история сложившихся форм отдельных языковых групп» (Н. Я. Марр, «О происхождении языка»). Таким образом, индоевропейская лингвистика является «статической» («Лингвистика и материальная культура») в противоположность яфетической теории. «Индоевропейская семья вовсе не является расово-особой по языкам, а результатом нового скрещения доисто-

рических языков Европы. . . , последовавшего в результате коренного переустройства общественности. Скрещение это последовало от переворота в хозяйственной жизни» («Об яфетической теории»). «Но полную типологию различных глоттогонических эпох, эпох самого творчества речи, равно творческого процесса ее перестроек, а не просто эволюционного развития, вскрывает» и т. д. («О происхождении языка»).

«44. В этой динамике общественного развития Н. Я. Марром подчеркивается значение внутренних движущих сил: «Пределы мощи внутренней эволюции, отнюдь не исключающей и революцию, значительно более обширны, чем это предполагается установившимися научными воззрениями» («Происхождение американского человека»); «. . . Перевоплощения общественности, мировоззрений, типов и форм, в порядке диалектического развития в себе самом, без чьей бы то ни было сторонней помощи» («Лингвистика и материальная культура»).

«45. Язык яфетической теорией рассматривается как явление вторичного, «надстрочного» порядка, зависящее от окружающей материальной среды.

«46. Н. Я. Марр отрицает непосредственное влияние «географического фактора» на языковые явления: «Конечно, известная физическая обстановка, определенный подбор фауны, флоры и т. п., учитываться должны, но не непосредственно в языковом творчестве, а в постановке и решении хозяйственно-общественных задач, следовательно, здесь такое же лишь посредственное влияние природы, как всегда и везде в отношении речи» («Средства передвижения»).

«47. Начиная с 1920 г., яфетическая теория непрерывно развивает основное положение, что «язык это не естественнoисторическое, а чисто социальное создание» (формулировка, данная позднее в «Происхождении американского человека»).

«48. Языковое творчество определяется формами социальной, в первую голову, хозяйственной среды: «. . . И в то же время, как я уже говорил, не с небесной номенклатуры и общих мировоззрений начинается человеческое мышление и первотворчество речи, а с обихода, общественно- и в первую очередь хозяйственно-осознанного и использованного окружения» («Средства передвижения»). Единство речи предполагает «уже предварительное существование единства хозяйственно-общественной жизни» («Происхождение американского человека»).

«49. Формы хозяйственной жизни, в свою очередь, зависят от степени развития производства: «Яфетиды двигались, расселились и утверждались там, где находили месторождения потребных металлов и девственно-богатые природные условия для всего того сложного хозяйственного уклада жизни, который был связан с основой-источником их племенной материальной культуры, металлургиею, взрастившей их общественность, их религию, их психологию» («Яфетический Кавказ»).

«50. В языке, согласно яфетической теории, отражаются различные степени организации труда («Об яфетической теории») и формы семьи («Яфетиды», «О происхождении языка», «Лингвистика и материальная культура»). Местомимения, по мнению Н. Я. Марра, возникают «после осознания права собственности» («По этапам развития», Предисловие).

«51. Сама смена форм языкового мышления обусловлена сменой социально-экономических формаций («О происхождении языка»).

«52. Происхождение языка, согласно яфетической теории, связано с коллективной трудовой деятельностью человека: «Корни человеческой речи не на небесах и не в преисподней, но и не в окружающей природе, а в самом человеке, однако не в индивидуальной физической его природе, даже не в глотке, как и не в крови его, не в индивидуальном его бытии, а в коллективе, хозяйственном сосредоточении человеческих масс, в труде над созданием общей материальной базы» («Средства передвижения»).

«53. Звуковой язык возникает из коллективной песни, в частности — из трудовой песни: «Но звуки речи, так называемые фонемы, это результат особой работы человека, коллективной работы над ее производством; они получены в результате общественной работы, по всем видимостям, с коллективной или хоровой песней» («Основные достижения яфетической теории»)¹ «Очеловечение животного звука могло последовать лишь по общественном его использовании в процессе или для коллективно устраиваемой забавы, или для коллективно-совершаемой работы, одинаково массовым инстинктом направляемой и требовавшей для своего осуществления протяжного повторения животного звука, неизбежного подчинения его связному или прерывистому течению производства» («О происхождении языка»). При этом переход к звуковой речи вызван переходом человечества к изготовлению орудий производства: «... Возникновение самой членораздельной речи не могло произойти ранее перехода человечества на производственный труд с помощью искусственно сделанных орудий» («О происхождении языка»).

«54. В связи с трудовым происхождением языка яфетическая теория устанавливает, что основным, первичным словом («первословом») служит *рзка*.

«55. Большое влияние на языковое творчество, согласно яфетической теории, оказывают классовые отношения.

«56. Сами классы-сословия исторически являются пережитками племен: «... А социальные слои, как выяснилось, — пережитки особых племен, низшие сословия — пережитки более древних племен, чем насевшие на них» («Абхазоведение и абхазы»). «Социальные термины, не только сословные звания, представляют прежние племенные названия» («Об яфетической теории»). «Социальные отношения — это, в известной мере, детище этногонии» («Об яфетической теории»). «Для нас, этнологов-доисториков, племенное название один из первоисточников для определения происхождения народа, собственно, одного слоя из его состава, его руководящего или организующего классово-племенного образования» («Скифский язык»).

«57. Яфетическая теория отбрасывает само понятие национального, внесловного, внеклассового языка, как понятие ненаучное: «Ни в Армении, ни на Апеннинском полуострове, ни вообще где-либо в Европе не было и не могло быть иного национального языка в древности, как социального, классового.

¹ Теперь см. § 37 [см. выше, стр. 84 сл.].

Словом, подход к тому или иному языку так называемой национальной культуры, как массовой родной речи всего населения, ненаучен и ирреален, национальный язык внесловный, внеклассовый пока есть фикция» («О происхождении языка»).

«58. Особенно справедливо это по отношению к культурно-исторической речи: «Свидетельствуя о культурно-историческом, следовательно, классовом или сословном распространении яфетической речи, нахождение шумерского письменного языка нам фактически могло бы осветить теоретически уже намеченный яфетическим языкознанием путь также сословного или классового внедрения индоевропейской, именно арвийской речи, санскрита, в Индию» («О происхождении языка»). «Одно ясно, что языки масс и здесь были не индоевропейские, и в каком бы месте ни возникала индоевропейская речь, носителем ее был лишь определенный господствующий класс, господствующее сословие» (там же).

«59. Но положение о классовом характере речи яфетическая теория применяет и по отношению к более ранним общественным формациям. Она допускает существование классовой дифференциации в доисторическом обществе, в связи с чем стоит, например, классовый характер звуковой речи. Н. Я. Марр говорит о «типах господствовавших классов доисторического порядка с сосредоточением всех видов магии в своих руках, в числе средств господства которых было и владение звуковой речью, имевшей тогда еще магическое значение». («О происхождении языка»). В «Средствах передвижения» говорится о «доисторических племенах», как классовых образованиях.

«60. Поскольку возникновение звуковой речи яфетической теорией относится к ашельской эпохе («О происхождении языка»), мы должны, следовательно, допустить наличность классовой дифференциации уже в конце раннего палеолита.

«61. Яфетическая теория стремится ослабить значение внутренних законов развития языка, как такового, перенося центр тяжести не только в семантике, но и в морфологии, на обусловленность языковых явлений социально-экономическим фактором: «Яфетическое языкознание вскрыло, что семантика вытекает, как и морфология речи, из общественного строя человечества, его хозяйственно-экономически сложившихся условий» («Об яфетической теории»). Особенно ярко эта тенденция выступает в учении о происхождении степеней сравнения: «Степени сравнения в грамматике оказались: низшая, т. е. положительная, отложением названия низшего сословия, средняя, или сравнительная, — среднего сословия, высшая, или превосходная, — высшего сословия» («Основные достижения яфетической теории»).

«62. Но иногда мы встречаем у Н. Я. Марра большее подчеркивание чисто языкового момента. В статье «Лингвистика и материальная культура» он говорит, что язык обусловлен социальным моментом только в семантической части. Признание большой роли чисто фонетических и морфологических законов речи мы встречаем в «Яфетидах»: «При этом рядом с фонетическими и морфологическими, вообще чисто языковыми перерождениями приходится учитывать соответственное естественноисторическое развитие общественности и перерождение социальных типов бытия».

«63. Итак, мы видим, что яфетическая теория стоит на почве основных поло-

жений диалектического материализма. В области лингвистики она делает то же самое, что марксизм сделал в области философии и социологии: она ставит лингвистику с идеалистической головы на материалистические ноги. Яфетическая теория вводит диалектический метод в исследование языковых явлений. Яфетическая теория в основном совершенно правильно определяет место языка в системе общественных отношений.

«64. Что же касается некоторых утверждений яфетической теории, которые с точки зрения марксизма являются спорными, — сюда относятся: некоторая переоценка непосредственного влияния на языковые явления социально-экономического фактора и положение о «доисторических классах» (тезисы 55—61), — то относительно них нужно сказать следующее. «Перегиб палки» в сторону «экономики» является неизбежным методологическим приемом, поскольку яфетическая теория должна в этом отношении прокладывать совершенно новые пути и бороться со старой индоевропейской лингвистикой, у которой «перегиб» был как-раз в обратную сторону. Что же касается допущения классовой дифференциации на ранних ступенях общественного развития, то в этом положении нет ничего методологически противоречащего марксизму. Речь идет о факте, и поскольку обширный новый материал, собранный наукой за последние годы, принудительно заставляет нас отодвинуть границы доклассового общества дальше, чем это допускалось до сих пор традицией, — необходимо, быть может, пересмотр чисто-фактического утверждения Энгельса (тезис 28). С другой стороны, яфетическая теория должна уточнить в этом вопросе свою терминологию. Термины «класс», «племя» и т. д., в их установившемся значении, вряд ли приложимы к явлениям доистории.

«65. При тождественности методологических исходных точек и большой близости целого ряда отдельных утверждений марксизма и яфетической теории, оба учения неизбежно должны объединиться. Яфетической теории необходимо открыто признать марксизм, как свою общеполитическую и социологическую базу, марксизму необходимо принять яфетическую теорию, как свой специальный лингвистический отдел. Гениальная догадка Нуаре не может играть такой роли, поскольку она является только гипотезой, и поскольку она оперирует материалом и методами индоевропейской лингвистики. Ряд основных утверждений Нуаре, совершенно независимо от него, развивается Н. Я. Марром с полной научной убедительностью и исчерпывающей широтой.

«66. Еще одно обстоятельство повелительно диктует объединение революционного марксизма и яфетической теории. В то время как «великодержавная» индоевропейская лингвистика была типичным продуктом империализма с его угнетением колониальных народов и малых национальностей (Н. Я. Марр, «Об яфетической теории»), яфетическая теория в той же степени порождена эпохой пролетарских и колониальных революций. С этой точки зрения яфетическая теория не только кабинетное учение, но и мощное орудие культурного раскрепощения множества «бесписьменных» народов, придавленных как аппаратом империалистического государства, так и высокомерным презрением старой европейской науки».

Кое-где мы видим в предложенном суммарно (в одних тезисах) докладе С. И. Ковалева «Марксизм и яфетическая теория» вполне естественный неучет последних наших работ, или не ставших еще достоянием даже интересующихся, или вовсе не появившихся в печати, докладов и лекций. Это особенно касается тех мест, где речь о возникновении звукового языка, о предполагавшемся очеловечении непосредственно животного звука, как орудия производства звуковой речи, и где при отмеченном у нас подчеркивании «чисто языкового» момента указывается на признание в них большой роли чисто фонетических и морфологических законов, с ссылкой на старую работу «Яфетиды». По существу, однако, доклад С. И. Ковалева отличается полным вниманием к теоретическим положениям яфетической теории без никому не нужного панегиризма, но и без непродуманного полемического момента в отношении как к ней, яфетической теории, так к противоположному ей старому лингвистическому учению. Таким образом, настал уже момент, когда обществоведы сами берут в руки языковедное учение для оценки с точки зрения их специальных знаний. Настал, следовательно, тот момент, о желательности наступления которого я взывал, казалось бы, в пустыне, на вводных страницах издания «По этапам развития яфетической теории».

Одновременно составляются исчерпывающие картотеки по вопросу. Естественно бы не торопиться нам печатным изложением заключительного параграфа (51) Программы, если бы даже он был прочитан в эпизодическом курсе, состоявшемся в Азербайджанском университете.

Второй с конца параграф (50), все из недочитанной части названной Программы, начинает попадать, в отношении моей трактовки, в такое же положение. Речь о «соотношении яфетидологии с исследованием истории человечества по памятникам материальной культуры» и т. д. Мною этот вопрос имелось в виду осветить лишь в тех пределах, в каких намечается возможность увязки языкового материала, как-то: значений слов, склада или построения речи, морфологических явлений, да и звуковых с историей развития хозяйства и ею обусловленной общественности — общественных форм и мировоззрения. Отчасти вопрос затрагивается в различных местах курса, не говоря о таких специальных работах, как уже цитованные: 1) «Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (к увязке языкознания с историей материальной культуры)», 2) «Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры», равно 3) «Яфетическое происхождение шумерского *tam-dam*», 4) «О халдском *riš* 'камень' и *riš* 'водопровод'», 5) «Название этрусского бога смерти *Kalu* и термины 'писать', 'петь', 'чорт', 'поэт-слепец'», 6) «Происхождение терминов 'книга' и 'письмо'» и т. д.

Но вот историк материальной культуры А. А. Миллер докладом своим «Некоторые примеры увязки истории материальной культуры и языкознания», прочитанным в июне текущего же года в Яфетическом институте, связь установил уже иную, именно, ряд положений яфетической теории, в частности и по семантике, дали в применении к памятникам материальной культуры, их загадочным формам и комбинациям начертанных образов совершенно удовлетворительное

осмысление. А. А. Миллер, характеризуя существующие приемы изучения культуры материальной, указал ряд примеров, подтверждающих наступление кризиса самого метода. Признавая, что исследования в области вещественных памятников и языка должны протекать самостоятельными путями, тем не менее, по А. А. Миллеру, взаимная связь между этими путями есть основная цель уже назревшего и крупного в своей значимости методологического сдвига.

Докладчик сделал опыт рассмотрения ряда тем, самостоятельно разработанных яфетидологией по материалам языка, с приведением соответствующего их освещения по данным культуры материальной. Докладчик коснулся моментов сложения и развития культуры в эпоху палеолита, особенно обратив внимание на темы 'рука — камень — топор', на значение *pars pro toto* как в истории языка, так и в изобразительной деятельности древнего человека, на 'речь без глаголов' — и возможные ей соответствия; устанавливаемые яфетической теорией семантические ряды, различные по их характеру, также находят, по А. А. Миллеру, свои соответствия в вещественных памятниках изобразительного характера. А. А. Миллер закончил доклад вопросом истории сложения тех средневековых культур Северо-Кавказского края, которые ныне выясняются по данным весьма значительного количества обследованных городищ. Эти культуры, туземные, преемственно слагавшиеся в крае, естественным образом ставят знак вопроса над традиционной формулой: «турки-кочевники-монголоиды по физическому типу — пришельцы из Азии — погребение с конем» и пр. Указав на значение яфетического истолкования термина Саркел,¹ докладчик пришел к заключению, что работы последних лет по изучению чувашского языка в большой мере способствуют разрушению приведенной выше формулы и дают основу к установлению совершенно иной точки зрения на природу культурно-исторического облика степной части восточной Европы в эпоху средневековья.

Очевидно, надо располагать этим докладом полностью в печатном виде, чтобы полнее трактовать сюжет опущенного в курсе параграфа.

Менее всего смущает то, что курс в чтении не захватил и темы предшествующего параграфа (49) Программы, именно «связи теории яфетического языкознания с индоевропейской лингвистикой и зависимость от нее, как дальнейшего этапа развития учения об языке» и т. д. Здесь дело идет не только о противополжении основных положений яфетического языкознания, несомненно, антитез основным же положениям индоевропейского языкознания, но и о том, что из старого лингвистического учения сохраняет актуальное значение и для нового учения об языке. Дождемся мы лично или нет, это вопрос иной, но яфетидология дождется, когда индоевропейцы сами с большой пользой и для дела и для себя возьмутся за эту благодарную тему, понятно, постаравшись предварительно получить действительное представление и о фактических и о теоретических утверждениях яфетической теории до степени различения бесспорных, оконча-

¹ По толкованию этого термина в готовящейся к сдаче в печать (ЯС) статье об Иштари есть дополнительное разъяснение его лингвистического анализа (ЯС, т. V, стр. 135) [ИР, т. III, стр. 323]. Н. М.

тельно обоснованных положений и гипотез по реально выяснившимся новым проблемам.

Из оставшихся трех параграфов (46, 47, 48) последние два, именно семантика, освещавшаяся в различных частях курса, и семантические эпохи, тесно связанные с эпохами истории материальной культуры и общественности, могут сейчас быть обойдены без ущерба для дела отчасти по указанным выше обстоятельствам, но нельзя опустить предшествующий им параграф (46) без изложения его содержания хотя бы кратко в целях большей ориентировки, чем это дается в программе.

А. Текст не раз цитованной Программы начинается с положения, что «сравнительная грамматика различных систем у каждой особая». Однако это лишь постольку, поскольку мы подходим к сравнительной грамматике формальным методом, исходя из презумируемой стабильности морфологической и фонетической структуры той или иной группы языков, того или иного языка.

а) И в таком случае в кругу яфетических языков не одна, а целый ряд сравнительных грамматик, ибо по формальной фонетической классификации мы имеем прежде всего сравнительную грамматику сибилантной ветви яфетических языков по двум группам: свистящей и шипящей. Однако, если остановимся хотя бы на одной этой сравнительной грамматике, достаточно привлечь в нее близко стоящий формально к сибилантной ветви сванский язык, гибридно скрещенный спирантно-шипящий, и, тем более, морфологически значительно дальше отстоящий абхазский язык, также гибридно скрещенный, спирантно-свистящий, чтобы почувствовать неустрашимую потребность или ограничиться сравнением лишь одного сванского языка, преимущественно шипящего его слоя, да свистящего слоя абхазского языка, без учета его морфологии, чтобы не выходить целиком из норм сравнительной грамматики сибилантной ветви, или формальный сравнительный метод осложнить палеонтологически устанавливаемой связью с сибилантной ветвью не только сванского языка, но и абхазского, морфологически отделенного пропастью от грузинского, мегрельского и даже сванского, языков почти флективного строя, ибо абхазский язык в этом отношении аморфный, да синтетический. Затем, по формальной же морфологической классификации, имеем сравнительную грамматику языков местоименного строя с группами синтетической и агглютинативной, но эта сравнительная грамматика неразрывно должна быть разъясняема палеонтологически, необходим отход от восприятия той или иной морфологической структуры, как стабильной. Словом, получается не раз разъяснявшееся положение, что в яфетических языках, при формальном подходе, имеем не одну, а несколько систем с той особенностью, что различные системы легко увязываются друг с другом, легко устанавливается палеонтологически их диахронический разрез. В этом именно существенная особенность всех яфетических языков.

б) Фактическая же обстановка этих взаимоотношений различных систем внутри одних яфетических языков и проработка соответственных материалов и дали нам базу, как материальную, так идеологическую, для сравнительной грамматики различных систем или языков различных систем всегда, разумеется, неизбежно

с палеонтологическим анализом, так в первую голову прорабатываемую яфетическо-средиземноморскую (яфетическо-греко-латинскую), яфетическо-армянскую, в частности наиболее продвинутую в работе армянско-грузинскую, при применении палеонтологии разъясняемую с углублением, и находящиеся в работе лишь начатые построением обязательно палеонтологически вообще яфетическо-прометеидская («индоевропейская»), яфетическо-алданская (урало-алтайская), яфетическо-китайская и др.

Б. Технические приемы каждой из формальных сравнительных грамматик, естественно, своеобразны, как и классификация языков каждой системы.

Ясное дело, что при сравнительной грамматике яфетическо-китайской морфологические признаки должны отпасть, да и фонетические значительно отойти на второй план. Главная работа над словарем, семантикой и синтаксисом. Естественно, в приемах этой сравнительной грамматики главную роль играет палеонтологический анализ, формальный и идеологический, по элементам.

Естественно, лингвистам, абсолютно чуждым палеонтологическому восприятию речевых фактов, вскрывающему совершенно конкретные свидетельства увязки языков различных систем между собой, сама попытка таких сближений представляется осужденной на кличку 'без метода'. В соответственном кругу не ощущается факт, что сама решимость осуждать опыты сближения различных лингвистических систем свидетельствует о чем-то худшем, чем отсутствие метода, — она свидетельствует о самоосуждении работающих: с таким «осторожным методом» никогда не добраться до подлинного метода языковедного исследования. И в нас способно бы вызвать глубочайшее недоумение, как к такой оценке метода, присущей изжитой индоевропейской теории, примыкает отчасти и Мейнгоф (Meinhof) безоговорочно,¹ если бы на нем мы не имели возможности иллюстрировать разительный пример расхождения, в одном и том же лице, исповедуемой им школьно усвоенной старой теории и брызжущих из его фактической работы над живыми африканскими языками живых творческих мыслей, более того — научных положений и научных формулировок нового учения об языке, яфетической теории, ему вовсе и неизвестной. Совершенно ясно из хотя бы одного следующего случая, что Мейнгоф фактически находится действительно на том пути, который вскрыт яфетической теорией, и способен продвигаться далее, т. е. перейти от стабильного восприятия языковых систем к палеонтологической их трактовке, увязке языков различных систем. Вот этот случай в его формулировке: «Раньше и я оспаривал родство банту с хамитическими языками. Ныне называю его прахамитическим».²

В перечне Программы некоторый недочет, так как не названа отдельно угрофинская группа, но это не беда, ибо раз сказано «и т. д.» после прометеидских, алданских, то неизбежно приходится подразумевать и финские языки, равно угорские. Замолчан и особо стоящий в одиночестве чувашский язык, между тем

¹ Was können uns die Hamitensprachen für den Bau des semitischen Verbum lehren, Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen, Берлин, 1922, стр. 241—242.

² Ук. соч., стр. 242.

взаимоотношения чувашского языка с яфетическими языками требуют исключительного к себе внимания и предварительной проработки для более правильного сравнительного изучения не только финских и угорских языков, но и монгольского, особенно поскольку существует, независимо от яфетической теории, достаточно обоснованный интерес к не вполне улавливаемым взаимоотношениям его с турецким, к которому так близко стоит чувашский язык.

а) Основной прием формальной фонетической классификации представляет учет звуковых корреспонденций двух групп: так наз. свистящей группы и шипящей группы. Перечень основных корреспонденций уже дан (§§ 23—24), в числе их имеется $ss \parallel шп ш$, что, однако, отнюдь не значит, чтобы точно обратно $ss ш$ соответствовал $шп s$ и т. п.

Языков свистящей группы, как обычно говорится, один грузинский, а шипящей два: мегрельский и чанский. Таково положение ныне, но если за норму принимать нынешнее положение, то, пожалуй, языков шипящей группы нет вовсе, ибо из двух языков шипящей группы чанский для чанов — второй домашний язык рядом с турецким, и мегрельский для мегрелов — домашний и обиходный язык рядом с грузинским, причем общественно мегрельский давно был загнан в крестьянскую среду в связи с тем, что само слово *margali-koḡi* 'мегрел' в Мегрелии же понималось в значении 'крестьянина'. В этом смысле общественные деятели Грузии, пожалуй, были правы, говоря, что мегрельского языка нет, что так наз. мегрельский язык это испорченный грузинский язык. Ведь и на говоры, кое-какие и наречия (так ингилойское и наречие персидских грузин) в быту не случайно принято смотреть как на подвергшийся порче благородный язык, в Грузии, естественно, как на испорченный грузинский язык, — это отражение взглядов совершенно определенной общественности. На самом деле, что ни говор, все пережиток какого-либо самостоятельного языка. По наличным говорам на территории Грузии было не менее десятка языков, из коих некоторые вовсе не были грузинскими или даже близко родственны ему, другие, не будучи грузинскими, были, однако, одной с грузинским свистящей группы и т. п. Правда, на карте Кавказа, действительно, и места нет для такого числа различных языков, хотя бы свистящей группы, если различные языки считать размещенными лишь территориально, но при учете социально представляемого пространства на той же территории исторической Грузии достаточно находится места еще для другого языка свистящей группы, именно древнелитературного, ибо грузинский язык не один, их два — феодальный, древнелитературный, п массовый, вернее, ставший массовым, народным, позднее выдвигающийся в широкий общественный обиход через мелкую знать и буржуазию, население мелких средневековых городов Грузии. Разница между двумя социальными, явно, языками одной и той же, предполагается, нации, значительна, как ни ослаблена она «взаимодействием языков», собственно, господством сначала отмиравшей древней знати, вовсе и «этнически», геогр. социально, не тождественной с кавтвелями-грузинами, а с иберами, с ее заодно отмиравшим языком, и впоследствии же возобладанием занявшей господствующее положение мелкой знати, да буржуазии мелких городов, с XIX века возобладанием помещичьего дворянства, далее все падавшего, и крестьянства да рабочих.

Как пример расхождения двух названных грузинских языков достаточно знать образование мн. числа в имен. падеже (древнелит. п-1, народн. -eb-1):

	агглютинат. вульгарн.		почти флективное древнелит.
Им.	kaš-eb-1		kaš-п-1
Род.	kaš-eb-1s	}	kaš-š'a¹
Дат.	kaš-eb-s¹a¹		
Дат. II	kaš-eb-m¹an¹	}	kaš-ša-mieg
Тв.	kaš-eb-1š		
Напр.	kaš-eb-a+d		

Есть, конечно, и иные весьма существенные расхождения и в морфологии, и в фонетике (ср. звуки q, y и w древнелитературные), и даже в лексике, в значительной мере ставшей общей, особенно благодаря церкви, традиционной придворно-княжеско-помещичьей речи и, конечно, также литературе, но все-таки достаточно сослаться на следующие случаи, когда сохранились действительно древнелитературные слова:

древнелит. (язык феодалов)	народн. (мелкобуржуазн. и вульгарный)
m-čolo 'единый'	{ eršad erš-1
čolo 'однако', 'но'	
agamed 'но'	{ marto
šqem 'лобное место', 'горнее или верх-	энклит. k1
нее место' ← 'голова'	šav
gauša → гада 'чтобы'	gom
višag 'как'	rogog
višagša 'как', 'как только'	gavaš, rogogš
višagša } 'когда'	goša
o-des }	godesaš
ičila 'увидел'	dašaqa

Особо должно быть отмечено, казалось бы, лишь синтаксическое явление, именно, наличие в древнелитературном языке определительного члена, собственно, местоимения в роли определительного члена, и полное отсутствие в языке масс, раньше крестьянства, населения мелких городов и т. д., ставшем новолитературным.

Р.	kašisa m1s	и kaš1s¹a¹ kaš-1s
Д.	krmasa mas	krmas¹a¹ km-as
Тв.	krm1ša m1š	krm1š km-1š

мн. ч.

Им.	kaš-п-1 1g1	{ kaš-eb-1s
Р., Д.	kaš-ša maš	

и т. д.

Средневековый мирской литературный язык, язык новой знати — mas kaḥsa, mas kḡma-s и т. д.

Это явление, разлучающее древнелитературный язык как будто лишь синтаксически, сближает его морфологически прежде всего с феодальным языком Армении, а затем вообще с яфетическими языками местоименно-агглютинативного строя, о чем специально в классификации яфетических языков по формальным признакам.

б) Яфетическо-протемеидская грамматика, довольно рано начатая проработкой, сначала выдвинула вопрос об армянском,¹ ибо давно стало выясняться, что в Армении было много языков, сейчас пережиточно наличных в длинном ряде говоров и наречий, в числе которых по сей день некоторые, так зокское, представляют, собственно, самостоятельные языки, и теперь мы располагаем в Армении не одним языком, а двумя по образованию мн. числа: кейский (q), он же древнелитературный, феодальный, и рейский (r), новолитературный. Кончилось тем, что эти два языка Армении определились принадлежащими каждой особой системе по морфологически-формальным признакам, один, кейский, — флективной, другой, рейский, — агглютинативной, в общем в то же время они оказались переходными от яфетической системы к протемеидской, однако нисколько не исключались возможность и факт скрещенности каждого из них. Скрещенность их различная: одна произошла до завершения каждого из двух типов, другая по завершении, не говоря о том, что сложившиеся уже типы, в лице кейского армянского, т. е. литературного, сначала и долго священно-письменного, и рейского армянского, «народного», вульгарного, почти до XIX в. бесписьменного, но языка трудовых классов, крестьянства и рабочих-ремесленников, вообще производственных коллективов, также влияли друг на друга и скрещивались друг с другом. Как один типичный пример укажем усвоение кейским языком окончания мн. числа рейского языка в названиях ряда предметов из крестьянского быта, так 'ослы' ш+е-аг от ēш, др.-лит., или кейский, *ēш-q.

в) На фонетическо-формальных законах корреспонденций основана сравнительная грамматика их, яфетических языков, с семитической системой. В языках семитической системы мы не находим в общем переживаний местоименно-агглютинативного строя, особенно постольку, поскольку удерживается взгляд на флексию арабского языка как на пережиток общесемитического явления и поскольку, в частности, не выдвигается как пережиток более древней стадии развития строй арамейских языков, в том числе сирийского, с исключительной ролью в образовании падежей более синтетического типа, как в значительной мере и в еврейском.

	груз.		арб.
Им. —		-i	И. -u, -un
Р. -is диал. пережиточно -in-i		Р.	-i, -in
Д.+В.-sa, resp.-as -an		-a	В. -a, -an

Палеонтология речи разъясняет, в какой мере сходство яфетического и семитического склонений, собственно, склонений грузинского и арабского, есть результат

¹ Н. Я. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, ИАН за 1910—1920.

дальнейшего развития форм, имеющих одинаковое или разное происхождение. Факт, однако, тот, что сходства все-таки не случайны.

Впрочем, мы начинаем врываться в другой курс, курс сравнительных грамматик нового учения об языке. Это особо. Только одно предупреждение: в сравнительной яфетическо-семитической грамматике звуковые соответствия по существу те же, что во взаимоотношениях различных групп и ветвей внутри самих яфетических языков, как отчасти можно заметить по примерам, давно приведенным еще в «Предварительном сообщении о родстве грузинского языка с семитическими»,¹ но, понятно, сопоставления столь давнего времени требуют коренного пересмотра, и, вдобавок, всегда палеонтологической проверки путем и формального и идеологического анализа с помощью четырех элементов, так, например, в яфетическо-семитической сравнительной грамматике такой пример звуко-соответствия яф $s \sim \text{сем. } h \rightarrow \gamma$, как груз. $srba$ 'бегать' ($srb+o-la$ 'производить набег') и арб. $\gamma a\gamma a$ 'бежал' сохраняет, разумеется, свою силу, как и указание на то, что свистящий сибиллянт s успел спирантизоваться и в грузинском: $srb \sim *hrb \rightarrow sb$, отсюда $s+i-rbin- \rightarrow si-rb-il-i$ 'бег', $rb+i-s$ 'бегаёт', но этого теперь мало. Палеонтологический анализ устанавливает, что общий яфетическо-семитический корень для понятия 'бегать', обращенный бытованием в трехсогласный шаблон $srb \sim [h]rb \rightarrow rb$, представляет скрещение двух элементов (AB) — $sr-b \sim \gamma r-b \rightarrow sr-bl \sim *hr-bl$, причем каждый из скрестившихся элементов означал, как глагол, также 'бегать', происходя от соответственного по палеонтологии речи имени, именно 'воды+реки', т. е. каждый из этих элементов означал и 'воду+реку', так $sur \rightarrow su$, *gerp.* вол.-камск., финск. pu 'река — вода' ($\rightarrow$ чв. pu 'вода' $\sim$ бск. 'вода' hu и т. п.).

¹ Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. Спб., 1908. Предварительное сообщение переиздано в Сборнике статей Н. Я. Марра «По этапам развития яфетической теории», стр. 8—30 [ИР, т. 1, стр. 23—38].

Язык есть орудие общения, возникшее в трудовом процессе, точнее — в процессе творчества человеческой культуры, т. е. хозяйства, общественности и мировоззрения. Язык создан человеческим коллективом так же, как на первых ступенях его общественного бытия памятники материальной культуры, предметы первой необходимости и сами виды коллективного производства, охота и различные ремесла и игры и как на дальнейших ступенях его существования выделившиеся искусства, художества, эпос, пляска, пение и музыка, право и другие категории общественных ценностей. С первых же шагов созданного человечеством в трудовом процессе интереса к окружающему миру и осознанию своей связи с ним возникла неразлучная ни с каким производством сначала магия, затем религия и впоследствии вытесняющая их наука. Язык отражает в себе все стадии развития всех примерно приведенных и еще других сторон создавшейся человечеством культуры и всех устанавливавшихся в его сознании взаимоотношений между не только человеком, вначале всегда коллективно воспринимавшимся, но и между коллективом в целом и окружающим его видимым миром. Язык отразил в себе все пути и все ступени развития материальной и надстроечной культуры, усовершенствования орудий ее производства и все изгибы связанного с таким материально возникшим прогрессом общественного мышления с эпох, когда окружающий видимый мир, т. е. природа с ее так называемыми производительными силами, на первых достигнутых ступенях развития человеческой культуры представлялась виновницей всякой удачи и неудачи, страшилищем и благодетелем, тотемом, покровителем и требующим примирения врагом, богом и чортом, являющимися одинаково созданиями человеческих усилий в борьбе с казавшейся всемогущей природой и на пути освобождения как от ее власти, так далее от власти всех завещанных от эпох неведения и ненаучного мышления этих отживших коллективных, часто кошмарных для нашей современности представлений.

Об языке, об его происхождении и развитии существует не одно научное мнение. Одно мнение, мнение учения более живого об языке, исходит от этнографов, изучающих быт и материальную культуру отсталых народов, так называемых «дикарей», и их речь. В этой научно-исследовательской среде все внимание сосредоточено на отношении языков отсталых народов Америки, Австралии и Африки, казалось бы языков примитивных, к языкам мирового значения культурных народов, владевших письменностью и господствовавших в старых частях света, Африке, Европе и Азии, в районах сосредоточения исторически засвидетельствованной интенсивной культурной жизни, Китае, Индии, Передней Азии, Египте и греко-римском мире. Этнологам-лингвистам удается наметить путь увязки американских и океанийских языков с языками древнейших обитателей Европы, равно языков культурно-отсталых народов внутренней и южной Африки с языками осново-

¹ [Лекция, прочитанная слушателям восточного факультета Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина в мае 1927 г.; напечатана в сборнике «Язык и история», т. I, № 1936, стр. 17—27].

положников древнейшей культуры того же европейского мира, но в работе над этой увязкой культур различных стран и языков преобладающую роль играют данные антропологические, материальной культуры и быта, в отношении же языка этнологи не располагают каким-либо цельным теоретическим построением и соответственным строго-лингвистическим методом, да менее всего располагают необходимой палеонтологической перспективой, чтобы оперировать над языковыми данными для установления той или иной генетической связи между языками различных систем, языками различной по эпохам творчества типологии. Специальная же наука об языке с независимой лингвистической теорией, до сих пор притязавшая на место и общего языкознания, есть учение, возведенное на теоретических нормах, выработанных изучением исключительно языков позднейшей системы, протоеидской, т. е. языков так называемой индоевропейской семьи, да притом с выбором в первую голову письменных языков, часто мертвых, языков господствующих и, особенно, господствовавших народов, вернее — господствующих и господствовавших в этих народах классов. Соответственно связанная ныне с западноевропейской общественностью и ее мышлением школа этой индоевропейской лингвистики, несмотря на свежие в ней обновленческие струи протеста или самокритики ее лучших, наиболее вдумчивых и свободомыслящих представителей, господствует по сей день не только на Западе и в Америке, но и в пределах СССР. Индоевропейская лингвистика, с ее отжившим для нас общественным мышлением, исходит от изолированного изучения подспудных ей по специальности языков и от отрешенности норм развития речи от историй материальной культуры, норм развития мирового хозяйства и мировой общности. Поэтому она отводит не только проблему о происхождении языка, как ненаучную, но по существу и все генетические вопросы, и вместе с тем отказывается вовсе признать научной какую-либо работу над установлением связи генетического порядка между различными системами языков, принимаемыми в этом старом учении об языке за особые семьи зоологического порядка,¹ каждая с своим независимым происхождением.² Индоевропейская школа, признавая изолированность каждой так называемой семьи языков, до сих пор живет и работает технически, а пережиточно и идеологически, мыслью о праязыке, даже после того, как, почуяв нереальность и смягчив ошибку своих основоположателей признанием праязыка лишь «рабочей гипотезой», не может, однако, высвободиться от чар созданного ею искусственного построения и вытекающих из него норм осознания языковой жизни, а с ними вместе метода исследования. Посему по сей день индоевропейская лингвистика работает формальным методом и, сосредотачивая свое внимание на фонетике и морфологии, отводит словарь на второстепенное место, абсолютно не учитывает явлений семантики, учения о значениях слов, закономерно вытекающих из связи языка с этапами развития хозяйственно-общественной жизни.³

¹ Н. Я. Марр, О происхождении языка, ПЭРЯТ, стр. 286—335 [см. здесь, стр. 179—209].

² Н. Я. Марр, Индоевропейские языки Средиземноморья, ДАН, 1924 [ИР, т. I, стр. 185—186].

³ См. Н. Я. Марр, Postface. ЯС, т. III, стр. 165—177 [Русский перевод см. ИР, т. I, стр. 189—196].

Эта органическая увязка языка с материальной культурой нашла в отношении проблемы о происхождении речи проработку на языковом материале в трудах Л. Нуаре (Noiré) еще полстолетия тому назад и общее теоретическое освещение частично в марксистской литературе. К той же органической увязке языка с материальной культурой независимо подошло побуждаемое подсудными ему языковыми данными яфетическое языкознание, ныне новое учение об языке, с палеонтологией речи, начавшее также с формального метода и сравнительной грамматики и постепенно перешедшее на изучение языка, как категории социальных явлений, отражающей в своем содержании и в своем оформлении строй, смысл и устремление хозяйственно-общественной жизни не индивидуума, а человеческого коллектива, не в изоляции отдельных групп, а в целом, в их совокупности, с увязкой различных систем (казавшихся независимыми друг от друга семьями языков) друг с другом, как носителей неразлучно формальной и идеологической типологии различных этапов развития хозяйственно-общественной жизни человечества. Соответственно получилась необходимость и возможность палеонтологической работы с диахронической перспективой, т. е. работы над выяснением отложившихся в языке пластов различных эпох в перспективном взгляде в глубину времен через все этапы развития человеческой речи.

Человечество начало свое общение линейной, или ручной, речью, языком жестов и мимики. Оно продолжило его звуковой речью, языком членораздельных звуков, увязанной с линейной речью восприятием достижений, выработанных ею, линейной речью. Первый язык получил свое развитие с развитием общественности, основанной на хозяйственной жизни, протекавшей с помощью природы данных орудий производства. Второй язык, звуковой, возник лишь после того, как человечество перешло на труд с помощью искусственного, им изобретенного орудия. В звуковом языке надо учитывать новый момент в общественном значении речи. Звуковой язык стал орудием власти.

Звуковой язык возник в эпоху сложного общественного строя с организующим коллективом, обладателем орудий власти, в том числе созданной им звуковой речью, когда человек был уже на высокой ступени умственного развития. Он к тому времени находился в обладании в совершенстве развитой ручной или линейной речью, которая без изъяна удовлетворяла потребности взаимобщения, общения коллектива с коллективом, да и отдельных лиц внутри коллективов. Линейный язык вполне отвечал и качеству и уровню умственного развития человечества начальных эпох и технически и идеологически. Человечество тогда мыслило дологическим мышлением, без отвлеченных понятий, представлениями в образах и в их нашему восприятию чуждой взаимной связи. Техника линейной речи легко справлялась с потребностью обмениваться представлениями в образах. Объем потребных понятий находил достаточно линейных символов с помощью жестов и мимики для исчерпывающего своего выражения.

Потребности в звуковой речи в целях взаимного общения не было, да и по проникновении звукового языка в общий обиход долго и долго звуковой речью лишь дополнительно приправлялась линейная речь, продолжавшая господствовать в обиходной жизни. При отсутствии потребности в звуковой речи не могло быть

и не было подготовки технических средств для осуществления мысли о звуковом языке. Между тем техника звуковой речи, сама система членораздельных звуков,¹ весьма сложна и тонко разработана, и она плод долгих усилий, результат громадной работы над их усовершенствованием уже как средства для обмена образными представлениями и отвлеченными понятиями. Но отдельные членораздельные звуки как гласные, так и согласные, — позднейшие явления. Звуковой язык не начинался с отдельных слагавшихся в слова звуков. Он начался с цельных слов, представлявших собой каждое один целый диффузный звук. Но эти звуковые комплексы, членораздельные в целом, но не расчлененные вначале диффузные звуки, не возникали самопроизвольно физиологически, как не создались они и для нужд звукового языка, в котором долго не было и потребности. Они возникли в коллективном трудовом процессе, имевшем магическо-производственное значение, в комплексном действе «пляске-музыке-пении», неразлучном с эпосом.¹ Это действо и предотвращения-заговора и предупреждения-оракула. В процессе развития техники каждого из сопричастовавших в нем искусств, в части пения технически были выработаны диффузные звуки, идеологически ставшие выразителями непонятной и невидимой силы. Дальнейшее техническое развитие диффузных звуков, связанное на первых порах с развитием пения и его голосовых средств, завершилось их разложением на первичные односложные элементы в составе из согласного (простого или парного, первично диффузного), гласного и согласного. Раз усмотрена была возможность звуковым комплексом, элементом, сигнализировать хоть один предмет, какой бы он ни был, тем более невидимый и отвлеченный, то не было уже никакой помехи осуществить мысль о переходе с линейной речи на звуковую, открывался путь для создания нового языка, способного выражать невидимые предметы, в числе их отсутствующие и отвлеченные, погребность в чем не могла не нарасти с развитием хозяйства с его техникой, общественности с ее усложнявшимися нормами и нового мировоззрения.

Элементов всего-навсего четыре. Объяснение их числа приходится искать в среде возникновения, технике входившего в состав коллективного магического действия пения. Первичное диффузное произношение каждого из четырех элементов, как единого цельного диффузного звука, пока не выяснено. Нам эти четыре элемента доступны в многочисленных закономерных разновидностях, из которых для четырех элементов выбраны как условное наименование четыре их формы, по одной для каждого элемента: сал, бер, ион, рош, что указывается латинскими буквами в порядке их перечня А = сал, В = бер, С = ион и D = рош. Выбор сделан по созвучию с известными племенными названиями, в состав которых они входят без изменения или с позднейшим частичным перерождением, именно: «сар-мат» — «сал» (А), «и-бер» — «бер» (В), «ион-яне» — «ион» (С), «эт-руск» — «рош» (D).

Становление элементов словами совпадает со стабилизацией коллективов, нарастанием племенных образований. При наличии тесных общественных связей, разновидности одного и того же элемента с одним и тем же закрепляющимся

¹ [См. здесь, стр. 85 сл., 204 сл.].

за ним значением у различных коллективов становятся в известные постоянные согласованные соответствия в отношении и гласных и согласных. Этим не физиологически, а социально установившимся закономерным явлением определяется формально принадлежность языка к той или иной ветви в системе яфетических языков, к той или иной группе данной ветви. Языки яфетические делятся на ветви сибилантную и спирантную, в свою очередь сибилантная ветвь — на группы свистящую и шипящую, а спирантная — на группы длительную и прерывистую.

ПРИМЕРНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ СВИСТЯЩЕЙ И ШИПЯЩЕЙ ГРУПП СИБИЛАНТНОЙ ВЕТВИ

	свистящая	шипящая
гласные	$\left\{ \begin{array}{l} a \\ e \end{array} \right.$	$o \leftrightarrow u$ a
согласные	слабые $s \rightarrow z$	$\pi \rightarrow j$
	сильные $\nearrow t$	t
	$\check{d}$	$\check{d}$
	$\$$	$\hat{\$}$

и т. п. ($\nearrow$ подъем, $\rightarrow$ становление тем, что у острия.)

Становление элементов словами совпадает со стабилизацией племенных образований. Агнатическому коллективу начинает наследовать замкнутый когнатический коллектив, племя уже на кровных началах, поглощающий в себе коллективы с тотемами, названия которых, в зависимости от расширения их значения, обращаются в племенные названия. Распространяемые организующим властительным коллективом элементы, выйдя из тесного круга в народную ширь, становятся достоянием племенных образований. Известный подбор элементов с установившимся у каждого значением, пучковым, а впоследствии и одиночным, становится достоянием определенного племени. При усилении взаимоотношений различных племен, их общественном скрещении, подобные племенные слова скрещивались. Отсюда наличие слов простых, одноэлементных, и скрещенных, двухэлементных, в которых каждый элемент значит то же, что оба элемента в соединении. Элементы скрещенного термина самостоятельно значили, каждый в среде своего коллектива. позднее племени, то же, что два элемента вместе в скрещенном коллективе или в скрещенном племени, как, например, у коми (зыряв) для понятия 'земля' имеется скрещенный термин *mužem* из двух элементов, самостоятельно означающих *mu* 'земля' по-комийски (зырянски) и *zem* по-русски «земь», «земля». Одноэлементные слова, например, груз. *del* 'дерево' || *dar ($\rightarrow$ *dar*, перс. *dār*, арм. *tar*), м. *dał*, русск. «бор» 'лес', и двухэлементные лат. *ar-bor* (*har-bor), русск. «дерево» и т. п.

От скрещенных слов необходимо отличать составные, доселе казавшиеся цельными корнями, так 'три' ('2+1') груз. *sa-m* (свистящей группы) || чанск. *ши-m* (шипящей группы), составленные из *sa* $\leftarrow$ *sal* 'два' || *ши* $\leftarrow$ *шиг* 'два', и *m* ($\leftarrow$ *me* || *ma*) 'один', причем языки финской системы сохранили в своих разно-

видностях спирантного типа плавный звук (1 вм. r), утраченный яфетическими языками Кавказа: суоми kol-me 'три' (из '2 и 1').

Палеонтологией вскрыто, что значения слов возникли не по каким-либо физическим или иным свойствам предмета, а по его функции. На термин 'хлеб' перешло название 'дуба' или 'жолудя', служившего раньше в роли 'хлеба'. На 'лошадь' перешло название 'собаки', службу которой в роли животного для передвижения стала отправлять 'лошадь'. Также 'дом' получил свое название не по материалу, не по форме, а по функции служить 'покровом', 'защитой', т. е. по слову, означавшему прежде всего 'небо', 'верх', 'крышка', 'покрышка', 'покров', 'сень' и т. п.

При таких перспективах, вскрытых новым учением благодаря палеонтологии речи, углубляется сама сравнительная грамматика, формальный сравнительный метод осложняется учетом истории материальной культуры; так, например, греч. balan-os 'жолудь' и лат. rān-is 'хлеб', восходящий формально к архетипу *ralan, оказываются родственными, причем оба слова являются скрещенными из двух элементов, В (ral → bal) и С (-an); в значении же 'хлеба' сохранился один первый элемент по закономерным разновидностям окающей (шипящей) группы rig у грузин и окающей (спирантной) ветви ber + i - b у готтентотов.¹

Такие же связи вскрылись и формальные между языками различных систем: отсутствие форм (аморфность), нанизывание легко отделяемых образовательных частиц (агглютинативность) и органическая связность образовательных элементов с основой (флективность) раскрываются как смена одних приемов оформления другими.

Морфологии формальной предшествует морфология идеологическая, построение не только фраз с соблюдением определенного порядка в расположении тех или иных понятий, впоследствии частей речи, но и построение слов, в которых один элемент или восполняется другими для более точного восприятия, или осложняется другим как определением, для уточнения.

По категории обозначаемых ими предметов слова, постепенно возникавшие впервые в процессе развития того или иного производства, делятся на космические ('небо', 'земля', 'море'), микрокосмические (члены тела — 'рука', 'глаз', 'голова' и т. п.), хозяйственные, общественные и т. п. Из космических 'небо', означавшее первично три 'неба' ('небо¹ — 'верх', 'огонь', 'небо² — 'низ', 'земля', 'небо³ — 'преисподняя', 'под', 'вода' и т. п.), имело семантические двойники ('небо¹ — 'время', равно 'пространство', 'год'), дериваты в различных разрезах, как-то в порядке наречения части по целому ('небо¹ → 'облако' или 'небо¹ → 'птица'), в порядке ассоциации образов ('небо¹ → 'круг', 'свод' и т. д.). При восприятии же 'неба' как 'бога', на значительно позднейшей ступени развития с наличием представлений и отвечающих понятий развитой общественности в дериватах того же 'неба + бога' появлялись 'вера', 'клятва', специально по функциональной связи с 'небом + богом', 'господом'. Его же названием наименовывались как служители, так предметы культа — 'жрец', 'знахарь', 'колдун'

¹ Китайский язык и палеонтология речи. Ш. 'Дуб' → 'хлеб' и 'дерево', ДАН, 1926, стр. 109—112.

(в христианской общественности 'священник'), 'алтарь', 'трон' и т. п. Переходы в обиход повседневной общественной и хозяйственной жизни, те же термины становились названиями соответственных лиц или предметов, как-то 'господин', 'стул' и т. п.

Еще более многочисленны слова, восходящие к представлению о 'руке'. 'Рука', первое и долго основное орудие производства, не уступает 'небу' и в культурной значимости: 'рука' как магическая сила, 'рука-божество', 'рука-власть' наблюдается в изображениях на предметах с палеолита и прослеживается во все времена как символ власти и культа. Слов, вообще происходящих от 'руки', громадное количество. В его дериватах имеются и 'сила' и 'средство', 'способ' и 'образ', и многочисленные производные от этих и десятков других столь же основных значений, связывавшихся с представлением о 'руке', отчасти всегда, но в значительной мере в различные эпохи, при различных ступенях развития хозяйства, общественности и самих норм социального строя, права и т. п. 'Рука' в этом направлении получала значение не только 'силы', 'власти', споря с 'небом' общественных представлений других эпох, но и 'право', и 'долг'. По линии функционального использования названий предметов 'рукой' именовались не только орудия производства, но сами материалы, из которых орудия делались. Если названия металлов, в частности 'железо', разъясняются как имена, означавшие раньше 'камень', то название 'камня' в свою очередь оказывается словом, означавшим 'руку'. Особенно многочисленны глаголы, происходящие от слова 'рука' в одном основном его значении. От 'руки' происходят глаголы 'делать', 'строить' и 'разрушать', 'давать' и 'брать', 'бросать', 'направлять', 'мочь', 'осиливать', 'побеждать', 'бить', 'трогать', 'касаться', 'ощущать', и многие десятки других глаголов, в том числе глаголов и отвлеченного значения, даже таких, которые, казалось бы, ничего общего с 'рукой' не имеют, именно, рядом с 'протягивать', 'указывать' и 'манить к себе' || 'звать'. Поэтому-то в связи с происхождением от 'руки' глаголов и 'дать' и 'брать' элемент В, служащий для выражения 'брать' в русском и во многих языках протоевропейской (индоевропейской) системы, в языках другой или других систем означает, наоборот, 'дать', например, в живом чувашском (раг) и мертвом хеттском (рап).

Так, еще в связи с происхождением глаголов и 'строить' и 'рушить' одинаково от слова 'рука' надо знать, что основа самого русского слова «рушить» представляет лишь разновидность основы русского «рука», собственно первой части этого скрещенного термина, двух-элементного (DA), именно элемента D. При учете же восхождения названия орудия резания или рубки, ныне и с давних пор железного, металлического, через 'камень' к 'руке', вполне понятно, когда элемент ги служит независимо в латинском для обозначения разрушения (guo, di-guo), а в марийском (черемисском языке) языке финской системы он же значит 'рубить' (от 'камня' как орудия производства), и тот же ги (← guh) в значении 'камня' налицо в двухэлементном скрещенном ги-ре → ги-в, откуда в лат. gūre-s 'скала', 'большой камень' и в русском «рубить». В языках более древней системы с глаголом 'делать', 'производить' совпадает 'рождать' в связи с тем, что как 'делать' происходит от 'руки', так 'рождать' от 'женщины', понятия же 'рука'

и 'женщина' при подлинном первобытном мышлении обозначались одним и тем же словом.

Форма без учета смысла в палеонтологическом освещении неизбежно вводит в заблуждение. Так, например, *bon* по-осетински значит и 'день' и 'возможность', и 'погоду' и 'силу', но новое учение об языке не допускает объединения в одном гнезде всех перечисленных значений, да еще в порядке 'день', 'возможность', 'погода', 'сила', ибо налицо два лишь созвучных слова, идеологически не имеющих друг с другом ничего общего: одно из них космического порядка — *bon* 'день', 'погода', палеонтологически в архетипе 'небо', равно его части и эпифании (проявления), другое — микрокосмического: *bon* 'сила', 'возможность' ← 'рука'. Оба слова имеют родню и вдали вплоть до западной Европы, и на самом Кавказе: основа *bon* с губной огласовкой шипящей группы, губным согласным на низшей ступени *mont* (← *mont*) имеет эквивалент свистящей группы с аканьем в *map*, откуда осет. *bon* 'день', 'погода' в лат. звучит *map-e* со значением 'утром', а осет. *bon* 'сила', 'возможность' (← *рука) в латинском звучит *map-us* 'рука'. На Кавказе *map* (← *mant) → *map* в значении космического порядка сохранили мегрелы и чаны (лазы) в их скрещенном термине *tu + map* 'утро', *oʃu-map-e* 'завтра'.

Лишь учет значимости в палеонтологическом освещении вскрывает подлинное положение вещей, укрытое за семью печатями при одном формальном подходе. Так, в терминах космического круга у русского с немецким, казалось бы, нет ничего общего, ибо, например, 'земля' по-немецки *Erde*, а 'небо' *Himmel*, но по палеонтологии речи первоначально не только 'небо' и 'земля', но и 'море', как три космические предмета, носили одно и то же название: 'небо' означало и 'небо' ('небо¹'), и 'землю' ('небо²'), и 'море' ('небо³'). Потому нем. «*Himmel*» и русск. «земля», в архетипе на почве языков яфетической системы одинаково двухэлементные, одинаково из АВ элементов (*hi-meɫ* ~ *ze-meɫ*), лишь разновидности — сибилантная (*ze-meɫ*) и спирвантная (*hi-meɫ*) — одного и того же слова, означавшие каждая и 'небо', и 'землю', и 'море'.

Никаких замкнутых семей, а системы с различной типологиею входящих в ее состав языков. Системы определяются не по одиночным характерным признакам, притом формальным, а по совокупности ряда формальных и с ними неразлучных идеологических черт. Так, у языков так называемой моносиллабической системы моносиллабизм (односложность слов) связывается с полисемантизмом (многозначностью) каждого отдельного слова, синтетическим строем (строго определенным расположением слов в предложении) и аморфностью, т. е. отсутствием форм.

В разрезе идеологического интереса глаголы появляются позднее имен существительных, местоимения возникли после установления права собственности, сначала коллективного, лишь значительно позднее частного, да и в самих местоимениях есть очередность возникновения: первое лицо позже третьего, 'я' позднее осознается, чем 'мы'; вообще восприятие единственного числа достигнуто весьма поздно, 'дерево' и 'лес' обозначались одним и тем же словом без изменения формы.

В разрезе формального интереса, кроме социально установившихся фонетических законов, значение имеет морфология, появляющаяся впоследствии. Сами признаки форм, часто с исторических эпох лишь звуковые символы, суффиксы ли они или префиксы, восходят к служебным или функциональным словам, а последние к независимым самостоятельным представителям обиходного словаря. Увязка не только идеологическая, но морфологическая, от эпохи к эпохе и вплоть до возникновения звуковой речи, идеологическая вплоть до господства еще ручной или линейной речи, стоит вне спора, а поскольку различные системы, принимавшиеся за независимые друг от друга семьи, каждая с самостоятельным происхождением, представляют продукты каждая особой творческой эпохи и одна с другой во взаимоотношениях смен, то ясно, что все языки рассматриваются как произведения единого языкотворческого (глоттогонического) процесса в мировом масштабе. Как все слова в отношении происхождения связаны с производством, так их распространение связано с производственной организацией, коллективами профессиональными, в различные эпохи различного строя и различного значения. Потому роль не только цеховых организаций, но и сословий, не говоря о классах, громадная в развитии звуковой речи. Как орудие не только общения, но и организующий фактор, язык являлся орудием власти, и в этом смысле без учета истории творцов политической жизни так же нельзя понять взаимоотношения многочисленных языков живых и мертвых и произвести их классификации, как без увязки с историей материальной культуры и форм общественного строя.

Многому мешает прежде всего, конечно, и то, что до сих пор не начата проработка хотя бы основных типов человеческой речи в свете нового учения. Тем не менее сейчас уже можно сказать:

1) Языки всего мира представляют продукты одного глоттогонического процесса, в зависимости от времени возникновения принадлежа к той или иной системе, сменявшей одна другую, причем языки смененных систем отличают народы, отпавшие от общего мирового движения, независимо от того, вовлечены ли они снова мировым хозяйством и мировой общественностью в круговорот мировой жизни, прошли новый исторический путь своего высокого культурного развития с языком оторванной от общего развития системы или с языком отжившей системы, или те или другие народы застряли и хозяйством и общественностью целиком на соответственных ступенях развития человечества.

2) У языков одно происхождение, но вначале не праязык, а праязычное состояние. Вначале, наоборот, многоязычие, и источник оформления и обобщения языка, залог его развития, в самом ходе и развитии жизни и ее творческих сил, в развитии хозяйства, общественного строя и мировоззрения, и как человечество от кустарных, разобщенных хозяйств и форм общности идет к одному общему мировому хозяйству и одной общей мировой общности в линии творческих усилий трудовых масс, так язык от первичного многообразия гигантскими шагами продвигается к единому мировому языку, в первую очередь к теоретическому осознанию этой задачи, уже формулированному новым учением об языке, афетической теорией.

'Север' и 'мрак' || 'левый' от Пиренеев до Месопотамии¹

По-ассирийски 'север' — «ištānu», с вариантом itānu, что отождествляется с талм. פּוּלְפּוּן. Семитологи 'север' в данном случае возводят к сем. «ištū» √לָשׁוּן 'направление'. Гоммель (Hommel) предполагал, что это слово производимо от √sitanu, последнее же от sidi, siti:² «Zum Namen des Nordwindes sei noch bemerkt, dass das sumerische im sidi 'Wind der Richtung' wohl in irgend welchem etymologischen Zusammenhang mit dem semitisch-babylonischen Namen des Nordwindes istānu (aus sitānu und dies aus sidi, siti?) stehen wird, woraus möglicher Weise eine ganz künstliche Entstehung dieses t. t. sich ergibt, je nachdem man hier das sumerische (im) sidi oder das semitische istānu für das ursprüngliche hält».³ Гоммель метко попал в цель, признав шумерский и ассирийский термины для выражения 'севера' находящимися в связи и в то же время отказавшись один произвести из другого нормально, без искусственного процесса преобразования. Только Гоммель не чуял, что не было надобности в этом искусственном происхождении того или другого, так как это — яфетическое слово, представленное в месопотамской клинописи в двух, более того — в трех основных разновидностях: шум. sid-и и асс. 1-īntān-и с 1-Itān-и, означающих одинаково 'север', как и талм. 1-sān-ā.⁴ В хеттской версии эпоса о Гильгамеше к 1-Itān-и имеем разновидность e-Itan-и в выражении SARU e-Itan-и 'северный ветер',⁵ причем и в идеографически использованном sar-и имеем яфетическое слово сибилантной ветви из свистящей по огласовке группы, да и по начальному согласному восходящее к архетипу *ḥal; оно — эквивалент спирантного qar-и 'ветер', сохранившегося в грузинском. Соотношения здесь почти те же, что между месопотамским идеографическим sal- 'женщина' и грузинским qal-и 'женщина', только в значении 'женщины' в грузинском имеем и sal, resp. *zal, в подъеме ḍal, в составе s ḍal-и 'невестка', 'невеста', буквально 'женщина дома', а в месопотамской клинописи налицо опять идеографически использованное gal 'женщина', более ранняя ступень сохраненного грузинами qal 'женщина'. Впрочем, и к sar-и (← *ḥal) 'ветер' рядом с qar-и грузинский сохранил сибилантный эквивалент, но более верный прототипу с его начальным ḥ в подъеме sq || шq, трехгласный шqal 'ветер', 'буря' в составе qar + 1-īntān-и 'буря', букв. 'ветер-буря', или удвоенно 'ветер+ветер'. Что касается термина 'север', его семантический источник отнюдь не в понятии 'направление',⁶ даже не в 'прямом

¹ [Доложено в ОИФ 21 XI 1923. Напечатано в ДАН В, 1924 г., стр. 8—11.]

² *Geschichte Babyloniens und Assyriens*, стр. 445, прим.

³ [Относительно названия северного ветра надо заметить, что шумерское «im-sidi» 'ветер направления' стоит, повидимому, в какой-то этимологической связи с семито-вавилонским названием северного ветра «istānu» (из «sitānu»), а последнее из «sidi», «siti»), что говорит, как будто, об искусственном образовании этого технического термина, будем ли мы считать за первоначальное шумерское «im (sidi)» или семитическое «istānu»].

⁴ В нашей яфетидологической транскрипции и ассирийские формы данного слова следовало бы передать с Ḥ — 1-īntān-и, 1-Itān-и и т. п., что и делаем мы при использовании основ в формулах.

⁵ A. H. Sayce, *The Hittite version of the Epic of Gilgames*, JRAS, 1923, октябрь, стр. 560, 13.

⁶ W. Muss-Arnolt, *Ass.-engl.-deutsches Hb.*, s. v. istānu.

направлении’, как толковал Делич (Delitzsch)¹ «идеограмму» IM. SI. DI. При толковании нашего термина следовало более внимательно учесть и значение не случайно созвучного с ним названия божества I-Itan-āt-1, на которое вскользь обратил внимание Делич,² и то, что в приложении к ветру слово i-lān-u означает ‘le vent de la destruction’.³ Фонетически i-štān-u и i-ltān-u || e-ltān-u представляет форму с префиксом e-||1- (← he-|| hu-~se-|| si-) от основы štān, геср. шдān, откуда по перебою ш в плавный l || г имеем месоп. lān → lān || св. гдān, в последнем в значении ‘левый’ с префиксом lā- → le-, смотря по диалектам: ушкул. lā-гдān, лашх., чол. и др. — le-гдēn, эц. и пар. le-гдān-ḡen ‘с левой стороны’, равно с префиксом тә- мулахск. тә-гдēn ‘левый’, ‘левая сторона’; ‘роковой’ (груз. ჯჯჯჯჯჯჯჯ). В сванском основу эту находим и с губной огласовкой «о» (→ «и») — гдоп √*шдоп — в обычном его раздвоении we, но с губным префиксом шi-~шu- — халд. нареч. шi-гдwep (← *шu-гдоп) ‘левый’, ‘левая сторона’, ‘роковой’, халд. нареч. u-шu-гдwep ‘левша’. Архетип, огласованный звуком «е» — ḡep или в разложении *шten налицо с утратой сибиллянта, т. е. ḡep с префиксом та- — в вершикском та-ten в значении ‘далекий’ (← ‘левый’), в pendant к тому явлению, что ‘правый’ в грузинском и армянском значит и ‘близкий’.⁴ Долгота ā месопотамских эквивалентов может быть и не графической, так как утрачен после губного ḡ спирант h, причем в начале не только группа lḡ || гд, но и шḡ, геср. sḡ (последняя, как в Ištār), представляет позднейшее состояние, именно шḡ || sḡ есть разложение ḡ || ḡ, так что архетип *ḡan ↙ *ḡkan, по свистящей группе — *ḡen ↙ ḡḡen, и действительно мы все это находим в яфетических языках Кавказа с предпосланием слова ‘рука’ в грузинском mar-1, в мегрельском kvar- (← kor), и потому в грузинском, представителе свистящей группы, mar-ḡḡen-e || mar-ḡḡen-a ‘левый’, в мегрельском, представителе шипящей группы, — kvar-ḡḡan-1 ‘левый’, оба и с усечением третьего коренного в значении ‘несчастия’, ‘неудачи’, ‘зла’, так груз. mar-ḡḡ-1, м. kvar-ḡḡ-1 (это в мегрельском значит и ‘неудачный’, ‘злой’); третий коренной п бывает представлен и плавным l || г.⁵ Так √ḡḡn, на низшей ступени √sqn с соответственным перерождением √ḡḡl || √ḡḡr ↘ √sql || √sqr, у народов, утративших яркие аффрикаты — √sql || √sqr, даже √skl || √skr, отсюда у грузин с губной огласовкой u (← o) mar-ḡḡul ‘влево’,⁶ у басков с огласовкой «е», как в груз. mar-ḡḡen-a, — e-sker («e-zker») ‘левый’ и, что для нас сейчас особенно важно, e-skel-a ‘северо-

¹ Ass. Hb. s. v.

² Ук. м.: i¹n Il-ta-n-a-ti.

³ W. Muss-Arnolt, s. v.

⁴ Н. Я. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, VI (ИРАН, 1913, стр. 419, прим. 5), где с г. marḡe ‘правый’ следует сопоставить и арм. meḡ ‘близкий’. В значении ‘левого’ вершикский использует другую разновидность термина.

⁵ Когда А. Саусе отмечает (ук. с., стр. 567—568), что «Asianic l was a sound which other peoples found it difficult to reproduce; it interchanges not only with n . . . but also with d and t», то если бы у него были в распоряжении соответственные материальные знания по яфетическим языкам, он не пользовался бы ни на чем не основанным термином ‘Asianic’, пущенным в ход в последнее время, а заменил бы его ‘яфетическим’, и не говорил бы об отмеченных закономерных изменениях в устах ‘других народов’, так как в устах самих яфетидов нормальны те же изменения.

⁶ Ср. выше св. шi-гдwep и пр.

восток' [$\leftarrow$ 'север'], равно 'косой' (*louche*). Таким образом, прав был с единомышленниками ван-Ейс (*van Eys*), отождествлявший оба эти баскские слова, причем еще в 1878 году имел возможность сослаться на литературу касательно употребления 'левого' в значении 'севера' во многих языках.¹ В данный момент не место останавливаться на усвоенном из яфетического языка Испании испанским «e-squerr-o» и «i-zquier-do» 'левый',² представляющем для яфетидолога очень интересный вариант. Отмечу лишь факт, что префикс на крайних восточном и западном пунктах распространения этого яфетического термина тождественный e- $\rightarrow$ i- (месоп. i-ltān-u, хет. верс. e-ltan-u, бск. e-skel-a, e-sker, исп. e-squerra, i-zquier-do, но глагол e-zquerde-ar).³

Однако этой сравнительной работой, нами впрочем отнюдь не исчерпанной,⁴ не заканчивается история нашего термина.

Для яфетидолога ясна и его палеонтология; так если взять, например, грузинскую разновидность основы ḡqep, то отнюдь не случайность, что она в слове ḡqep-i означает 'коня', как и др.-л. г. hup-e ($\leftarrow$ hon-e), а, как известно, последние слова представляют тотем ионского племени яфетидов, и таково же происхождение нашего термина в значении 'левый', так как оно представляет не только племенное слово яфетидов ионов, но и их 'божество' в обычном двойном восприятии и 'добра' (удачного, правого, южного) и 'зла' (неудачного, левого, северного). В этом смысле представляет интерес и анализ яфетических слов, означающих 'правый', но об этом особо. Нам здесь не мешает напомнить, что в месоп. ḡḡān $\rightarrow$ ltān || *rtān ($\leftarrow$ rtahn) $\rightarrow$ lḡān || rḡān $\rightarrow$ lḡan || rtan с их прототипом *tān $\rightarrow$ ḡan хорошо известные разновидности того же племенного названия, так ḡan ныне 'лаз', средневековой народ ḡan-ar (вм. ḡan-ar) в топонимике ḡa-o || ḡay-q ($\leftarrow$ *ḡan-o) на южном берегу Черного моря, ḡan-a-is ($\leftarrow$ *ḡan-ar-is) на северном его берегу и т. д., rtāhan $\rightarrow$ rtan в A-rtahan (при полногласии вм. *A-rtahn или A-rthan) $\rightarrow$ A-rtan, A-rtan-uḡ. Естественно, если те же основы, так tan, ltan, даже ту же самую форму e-tan, i-ltan-находим в роли названия божества у тех же месопотамцев, именно E-tan-a, I-ltan-āt-i.

¹ Dict. basque-fr., s. v. eskela.

² Оба слова признаются заимствованными в академическом словаре испанского языка (*Diccionario de la lengua castellana*, por la Real Academia Española, 14 edición, Madrid, 1914, s. v.: «Del vasc. *ezquerra*, análoga al lat. *scaevus* y al gr. *σκαίος*»), но *ezquierdo* требует иного яфетического источника. В высшей степени поучительно что по баскскому вкладу в романские в 3-м, пока последнем издании классического руководства W. Meyer-Lubke, *Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft* (Heidelberg, 1920) приведено всего пять отнюдь не характерных случаев, и в числе их нет столь поучительного и бесспорного, как исп. *esquerra* и *izquierdo* и т. п., ни слова о фр. *monde*, л. *mundus*, л. *coelum*, фр. *sort*, *sortir* и десятках др.)гих.

³ Указ. акад. словарь исп. яз. s. v.: «llevar un arma en el lado izquierdo».

⁴ В работе «Расклинивание согласных гласными», ЯЭ, VI, ИРАН, 1913, стр. 417, 419 сл.) уже было разъяснено одно слово с тем же значением «ново-армянское» ḡāḡ ($\leftarrow$ *ḡā, resp. ḡḡā или *ḡḡā $\leftarrow$ м.-ḡḡan) и поставлен вопрос о другом армянском древнелитературном аеак 'левый' с предположением, ныне, думаю, оправдывающимся, что в нем имеем форму с префиксом a-, так как основа he с суфф. -ak, как ее разновидность ho с суфф. -k (a-ho-k 'неудачный' и т. п.), представляют пережитки разновидностей все того же племенного названия hep и hon, из о. н. первая есть эквивалент сибяинского ḡen $\leftarrow$ ten, появляющегося в виде ma-ten 'далекий' в вершикском, где в значении 'левый' сохранено viḡa ($\leftarrow$ *sḡa или *sḡa), разновидность арм. ḡāḡ.

Для нас важно отметить и то, что E-tan-a мужское божество, первоначально же по палеонтологии названия, 'богиня', означая и как слово 'женщину', яфетически 'женщину-воду', в роли божества есть 'Небо-Вода', но в бытовании месопотамской среды 'нижнее небо', 'преисподняя'. Впрочем к этому же вопросу подойдем мы от западных материалов.¹

¹ [См. стр. 141—142].

‘Смерть’ ← ‘преисподняя’ в месопотамско-эгейском мире¹

Получив семантическую форму ‘небо-вода’ → ‘преисподняя’ для шдāп-ц || цдāп-, мы не можем не вспомнить разновидности *шдоп, архетипа наличной в сванском основы гдwep (← *гдоп),² чтобы спирантное ее преобразование *гдоп, в подъеме ддоп, с учетом исчезнувшего среднего коренного h для объяснения долготы, усмотреть в греч. χδών, род. χδων-ός, что таким образом прежде всего, повидимому, сбытовалось в доисторические эпохи в значении ‘преисподней’, почему χδώνος ‘подземный’, и потом в значении ‘земли’, собственно все-таки *нижнего* ‘неба-воды’.³

Во всяком случае Etana имеет в самом имени своем мифологические корни, когда сверзается безвозвратно в преисподнюю.⁴ В то же время рядом с tan (→ dan) была и основа ten, resp. den в значении ‘женщины’, и, пожалуй, напрасно Делич (Delitzsch)⁵ настойчиво отвергал в шум. eme-sal || eme-gal наличие sal [/ dal] || gal со значением ‘женщины’, ведь то же может значить и den- (← ten-) в аналогично составном eme-ten-ā. Во всяком случае анализ греч. παρ-θέν-ος ‘дитя-женщина’ в смысле ‘девицы’ ставит вне сомнения, что den со значением ‘женщина’ было широко распространено в яфетическом мире и на Западе, в полосе ионийского населения. Его с префиксом а- мы имеем, по всей видимости, в имени греческой богини А-δέν-ē; долгота «ē» основы имеет то же оправдание, что долгота «ā» в štān, в основе асс. 1-štān-ц.⁶ С. Л. Быховская обратила мое внимание на схолию Исидора:⁷ Minerva apud graecos Ἀθήνη δicitur, id est, femina.⁸ Для нашего анализа важно отметить, что Посейдон и Афина часто сопоставляются как конские божества: ведь в них тотемы ионов, причем основа А-δέν-ē, т. е. ден, восходит к дден, означающему по-грузински ‘лошадь’. Классики лучше меня оценят связь, устанавливаемую яфетической палеонтологией имени богини с водой, и в то же время с хтоническим миром.

В свою очередь в яфетических языках Кавказа для нашего термина намечается тот круг понятий, выражение которых связано с культовым его значением, именно ‘преисподняя’, буквально ‘нижнее небо’, следовательно и ‘дно’, ‘верхнее небо’, ‘кромешное небо’, или ‘тьма’; так в грузинском трехгласный вид корня дден представлен и в виде skn → (skl ||) skr, как то отметили мы уже в баскском skl (← skn) → skr в значении ‘левого’ и ‘севера’, resp. ‘северо-

¹ [Доложено в ОИФ 21 XI 1923. Напечатано в ДАН В, 1924 г., стр. 12—14].

² [См. выше, стр. 137].

³ Напрасно индоевропеисты сочиняли праформу χδωц. Для χδωαλός, χδωαί имеются другие прототипы, живые реальные яфетические слова.

⁴ Dem. I, RB, 860, стр. 111: «Etana, cum non amplius terram et mare videt, animum despondet et in profundum cadit. Num salvatus a diis sit, nescimus». Ср. также ἌE-tan-ā-aw, толкуемый как ⁵ Ištān kakkabi, ук. с., 861.

⁶ Grundzüge der Sumerischen Grammatik, Leipzig, 1914, § 26, стр. 21, см. Sumerisches Glossar. s. v. tenā.

⁷ См. стр. 138.

⁸ Etymologiae, VIII, 11, 71.

⁹ [Минерва зовется у греков Афиной, что значит — женщина].

востока’, следовательно, и тот (skn) и другой (skr) в грузинском, можно думать, вклад из месхского языка. Форма же этих вероятных месхских разновидностей корня, одной — без огласовки, суффиксовая, именно с окончанием мн. числа -el (← -en), как в kim-kim-el-1 ‘небеса’, другой — при огласовке «е», как в грузинском (šqen) и баскском (e-skel-a, e-sker), с префиксом ф- (← р-): 1) -skn-el-1 ‘небеса’ всегда с определением места — ze-skn+el-1 ‘небеса’, букв. ‘верхнее небо’; que-skn+el-1 ‘преисподняя’, букв. ‘нижнее небо’; gare-skn+el-1 ‘кромешная тьма’, букв. ‘кромешное небо’, 2) ф-sker-1 ‘дно’.

Для ‘севера’, ‘разрушительной стороны’, ‘мира тени и вечного мрака’, несомненно, значение ‘преисподней’ и ‘кромешной тьмы’ и в то же время ‘божества небес’ не менее, если не более, подходит, чем ‘левый’, ‘роковой’.

С названия божества, тотема ионов, в другой сибилантной разновидности основы sen || sed, resp. sin || sid, мы могли бы начать трактовку другого, именно шумерского слова sid-1 в значении ‘север’. Помимо отложения этих форм, особенно sin || sid в топонимике по Черному и Средиземному морям, в значении божества того же племени, одновременно его же названия, мы знаем название самостоятельного тотемного бога Po-sud-bn (Ποσειδών) ← *Po-sueud-on от той же основы с префиксом ро-¹. Но нам в нашем вопросе важнее отметить ту же основу или ее полную трехсогласную разновидность со значением, более близким к ‘северу’. Дело в том, что прежде всего эти разновидности — шипящей группы, или shed или с трехсогласием shked || sked, со спирантизацией ked-; во-вторых, ‘север’ воспринимался как ‘теневая сторона’, ‘мрак’, потому в сванском le-shked (тх) → шged (тр) ‘теневая сторона’,² в грузинском в форме мн. числа на -аг — ked-ag-1 ‘темнота’, ‘мрак’; да вообще ‘мрак’, ‘темнота’, ‘страна теней’ у яфетидов означает ‘север’ и в грузинском šg-dil-1 ‘тьма’ — šgdil-o ‘север’, ‘северный’, šrdilo-sd-1 ‘северная страна’, ‘север’. Само собой понятно, что не только ‘север’, но и ‘темный’ resp. ‘теновой’, даже ‘левый’, ‘роковой’ не пристрастие слова. Источник и того и другого значения этого тотемно-племенного названия — космическое его восприятие в смысле ‘преисподней’, ‘мира теней’, затем → ‘смерти’, ‘неудачи’, ‘левой стороны’. И в каком бы из этих перечисленных закономерных привходящих значений, ‘левого’ или ‘тени’, ни воспринять шум. sid-1, т. е. то же племенное название sin || sid и т. д., термин означает в смысле стран света именно ‘север’. В этом смысле оба термина асс. aštānu с вариантом ltānu || litanu и шум. sid1 (|| md-1), не происходя друг от друга, действительно находятся в тесной связи и одинаково означают ‘север’, восходя к двум основным разновидностям названия одного и того же яфетического племени — ионов.

В заключение одна мелочь: мне представляется неизбежным šap, — одну из разновидностей названия ‘преисподней’ (собственно ‘преисподнего’ или ‘кромеш-

¹ N. Marr, La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Étrusques et Pélasges, Петроград, 1922, стр. 18 [ИР, т. I, стр. 140].

² Любопытно, что в Свании мне называли теновой стороной lam-shged по р. Ингуру, lem-shged — Цхенис-цхалу южную сторону, так как она теновал.

него неба-воды') усмотреть в основе греч. θάνατος 'смерть', θνητός || θνατός 'смертный', θνασσω и т. д. 'умираю', при чем для нас ясно, что основа еще на яфетической почве, до образования дорийского и ионийского греческих наречий, существовала в двух видах θαп- || θεп- и тогда же они были представлены в закономерных яфетических перемещениях θпа- || θπε-.

О 'небе', как гнезде празначений¹

Одно наличие в яфетических языках такого пучкового значения, как 'голова+гора+небо', при также пучковом значении 'рука+женщина+вода' достаточно озаряет количество значений, которые могут быть присущи слову, означающему 'небо', когда в то же время приходится учитывать, что, раз речь идет о 'небе', то имеем дело и с выразителем 'воды', ибо в яфетических языках 'небо' не просто 'небо', а 'небо+вода'. Эти пучковые значения не исчерпываются, однако, двумя названными примерами. Учитывать приходится также органическую неразрывность в яфетических языках значений 'вода' и 'милость' ('сострадание' и т. п.), по особой у каждого из них связи с 'небом'. Такова, между прочим, действительная палеонтология основы даже таких бесспорно коренных русских слов, как «жаль», «жал-ость», «жал-кий», «жал-ов-ать», «жал-оба» и т. п., представляющих вместе со всей их родней наследие от яфетидов. Учитывать приходится немало еще других парных значений того же слова, как, напр., в порядке космических представлений с одной стороны 'небо', 'развертывание', 'стол', герм. 'место' или 'пространство', с другой — 'небо', 'круговращение', 'год', герм. 'час' или 'время' и т. п. При полном перечне часть разнообразных дериватных слов позднейшей даты придется перераспределить по гнездам противоположных значений, возникавших в покосмические эпохи путем раздвоения одного общего некогда термина, в роде того, что 'добро' и 'зло', как двойники, тогда выражались одним словом. Конечно, вопрос о роли самого значения 'небо' требует не одного разъяснения и уточнения с точки зрения представлений доисторического человека в различные эпохи. Была эпоха, когда каждый предмет воспринимался как «одушевленный», представлялся в виде того или иного 'зверя', а в особую эпоху, хотя бы и неразрывно связанную еще с космической, применительно к развитию мышления и уточнению представлений, в процессе осознания состава целого и с переходом от общего к частным, 'небо' воспринималось конкретно и в долевых проявлениях его — 'светилах' (со включением 'солнца' и 'луны'), отвечая на эту диссоциацию понятий соответственным процессом в словотворчестве. Наконец, мы не упускаем из виду и того, что раз 'небо-вода' является божеством, то выражающее его слово, каково бы оно ни было, есть и название племени, первоначально того, кто впервые почитал это божество, вернее — кто почитал его прообраз-тотем с данным наименованием. Особый интерес представляет один семантический разрез того же термина, именно 'вера', 'свидетельство', 'клятва', 'закливание', 'суд', 'дума' и т. п., упирающийся в тот его аспект, который означает 'небо-божество' в звериной ипостаси, или позднее, по персонализации божества и по антропоморфизации, — 'небо-жилище' его, герм. 'небо-трон'.

Когда в Евангелии говорится (Мф. 23, 22), что «клянущийся *небом* клянется *крестолом* божим и сидящим на нем», то мы могли бы сослаться на то, как

¹ [Доложено в ОИФ 21 XI 1923. Напечатано в ДАН В, 1924, стр. 23—26.]

соответственные памятники материальной культуры устанавливают, что 'трон' в древности представляли себе как 'храм', и подобно 'храму' обозначали словом 'небо'. Однако наше утверждение о 'вере' и т. д., как о семантическом деривате 'неба', покоится вовсе не на таких доисторических переживаниях фольклористического происхождения, хотя бы занесенных в книги мирового значения и находящихся археологическое подтверждение в памятниках искусства, а на том лингвистическом факте, что понятие 'вера', а в связи с ним 'свидетельство', 'клятва', 'заклинание', 'суд' ('дума') и т. п., в основе представляет слово, означающее 'небо'.¹ От такой палеонтологии не уходят, как в свое время будет разъяснено, ни русское слово «вера», ни лат. *сг-ed-o* 'верую', греч. *κρ-ίτ-ω*, означающее 'судить', 'разбирать', но и 'гадать' (сны), а в форме *κρ-ίτ-ός* 'отборный', 'лучший' и т. п. Но в данный момент достаточно сослаться на примеры из чистых яфетических языков и одного такого гибрида, как армянский, неразрывно связанного с яфетической средой Кавказа и в исторические эпохи. Они предложены особо.² В отношении звукового состава в общем наблюдается то положение, что сохранность первоначального облика обратно пропорциональна сохранности первоначального значения, т. е. семантический дериват часто ближе своим фонетическим обликом к архетипу, чем слово, выражающее архетипное значение, и в неродной племенной среде фонетический состав подвержен, раз воспринятый, меньшему изменению. В части сравнительной семантики выбор останавливаю на спирантизованном виде *ikal* ↘ *sal* (← *hal) по шипящей группе, именно на *ğog* → *ğig* (∞ *ğgi*) → *qog*, в падении с исчезающим спирантом *og* → *ig* (← *hog* → *hur*), появляющихся в формах мн. числа полной и усеченной того или иного племенного происхождения, именно: 1) иберского спирантного (-*bel*), 2) ионийского спирантного (-*ma* || -*mo* ← -*man* || -*mon*) и сибилантного -*dil* ← ← -*din* → -*dī* (|| -*dī* → -*šī*) || -*don* (→ -*do* → -*du*), resp. *den* и т. д. || *dan*³ и т. п., а также *k^гa¹* → *ga*, племенная принадлежность которого определяется с большим колебанием, ввиду неизвестности заключительного коренного, так как в зависимости от него он может уточниться для бесповоротного присвоения одному из трех племен, скифскому (*skol-*), иберскому (*skomor*) или, быть может, к тому же ионскому (*skan*), если это не пережиток спирантной разновидности (*kam* → *kam*) и т. д. сибилантного *iam* ↘ *sam*, также известной племенной разновидности.⁴

Располагаем же материал в порядке связи понятий лишь в трех семантических аспектах 'неба - воды', именно: А) в аспекте 'бога' и тотемного зверя 'кабана', 'свиньи' и последующих дериватов, как, напр., 'окорока', 'сала',⁵ специально 'водного божества' и его олицетворения 'рыбы', В) в аспекте космических

¹ См. Н. Я. Марр, Яфетические переживания в классических языках и 'нера' в семантическом кругу 'неба' [см. здесь, стр. 149—150].

² См. ук. м.

³ Мн. число -*dag* собственно другого племени, албанского, если в нем не имеем позднейшего фонетически разъясняемого деривата.

⁴ Функция этих суффиксов племенного происхождения различная, соответственно различен их семантический аспект, но очень часто в производных словах и некоторых морфологических образованиях нарождающегося флективного сосюения они представляют в обычном их нарицательном значении 'дита' → 'сын'.

⁵ Казалось бы, и 'клыка', как *pars pro toto*, и затем 'зуба', но связь их со словом, означающим 'небо' намечается в других семантических разрезах.

терминов и двойников (В¹) с дериватами, по тому или иному сродству в образе, вроде того как 'небо' переносится на 'нёбо', в связи с последним и на 'десну',¹ или с 'небом', одновременно выражающим и 'гору', отождествляется по высоте всякий вздымающийся или торчащий предмет, так не только 'башня' или 'столб', но и 'зуб', не говоря о 'клыке' как долевым проявлении 'неба - круга', С) в аспекте стихий, именно 'воды' и ее двойников с дериватами.

А) м., ч. ġog-шоф 'бог', баскск. og-ġi 'бог', тотем племени ġog'ов или в спирантном произношении акающей группы qal+d'ов = qar+ġ-vel'ов = al-ban'ов — ġog-1 'свинья' → qog-1, откуда греч. χοῖρ-ος 'свинья', а в арм. по г--z (вм. j) — qoz 'свинья',² баскск. ur-de (← *hur-de, resp. *hōr-de) 'свинья', баскск. ur-day (← *hur-dar || hur-dan) 'свинья' (ср. баскск. ur + dan-degi 'свинарня', баскск. urdan 'свинопас', как unhan 'vacher' и т. п.) → 'окорок', 'свинина', 'сало' (ср. груз. iog-1 'окорок'), баскск. ur+da-ki 'сало', баскск. ur+da-tu 'пошлина за пользование жолудями для свиной'.

Сюда бытовые дериваты семантического развития в путях культа охотничьей среды, так священное 'охотничье мясо' (← 'мясо божества охоты'), первоначально именно 'кабана' или 'свинья', 'дичь', 'охота', груз. qog-ġ-1 'мясо', с основой *qog-šo ↗ *qog-so (шп *qog-шо), что с падением г в паузе имеем в халдском qū-su 'мясо' (ср. халд. qū-hu-ш-е 'святой'), арм. og-s (род. og-so-y), resp. wor-s || for-s (|| *hog-s) 'дичь', 'охота'.

Как грузинский изменяет природной своей акающей огласовке, так баскский окающей, представляя в данном слове образование от основы haġ-a с показателем множественности и спирантной ветви g и сибилантной t (← t): баскск. haġa-ġi → aġa-ġi 'мясо', aġa-to → aġa-tu ~ aġa-ti (← *haġa-ġo и т. п.) в составе баскск. aġa+toste → aġa-tu-ste ~ aġa + ti-ste 'карнавал', букв. 'неделя мяса' (ср. русск. «мясоед»).³ Обе баскские разновидности, haġa-ġi (↙ *kaġa-ġi) и aġa-to (← *haġa-ġo), сохранились у армян, на их рейском армянском языке, или haġ'ском, в виде kaġa-g в значении 'масла' от животного (не древесного), собственно 'сала' (в архетипе 'свиного сала'), племенное наследие от халдов, от которых, как от своих тезок, грузины имеют ее в виде kaġa-q-1 в том же значении, другая — в их кейском армянском, или haġ'ском, т. е. баскском, в виде aġa-ġ (← *aġa-t) в составе культового термина, названия поста aġaġa-wog-aġ или в греческой передаче арцивурия, в христианстве заменившего мясоед, или карнавал. В армянском то же слово имеется еще в третьей форме, с окающей огласовкой без полногласия и с потерей г в паузе

¹ См. Н. Я. Марр, Quelques termes d'architecture, désignant 'voûte' ou 'arc', ЯС, т. II, стр. 38, прим. [ИР, т. III, стр. 216, прим. 3].

² Не усложняем текста общеизвестным фактом, что сванский эквивалент с огласовкой «е» и с сохранением глухой ступени начального согласного keġ значит и 'святыню' ('ангела' ← *'бога') и 'свинью', отсюда в форме усеченного мн. ч. груз. keġ-r 'идол' и полного св. ġeġ-meġ ↗ ġeġ-beġ 'бог'; это ведь достоинство иной племенной группы, и за ним пришлось бы привести из другой, уже сибилантной ветви наличные в баскском эквиваленты по двум группам (e || a) — ġeġ-1 || ġaġ-1 'свинья', ġeġ+1-ki || ġaġ+1-ki 'свинина' и т. п., ġeġen 'диавол', Iruin laburak, Garitonandir'tar Bitor'ek eġiġak стр. 33: txeġen (deabrñ) txiki ta beltz bat, не говоря о связанных с ними шер || шар (← A-ster || I-štar и т. п.), означающих 'небо' и дериваты, да и самое баскск. seġ-u 'небо' (ср. г. teġ-1 'потолок') и др.

³ Вторая часть a-ste 'неделя', палеонтологически может иметь и другие префиксы, как то u- || i-, э не празден вопрос, не принадлежат ли ему огласовка окончания первого слова -tu и т. п., тем более, что в других случаях, напр. баскск. aġat-egun 'мясной день', aġat теряет огласовку своего слончания.

(ср. халдск. *q̄u-su* 'мясо' вм. **q̄ug-su*), именно *ko-gi* (← *kor-gi),¹ разновидность слова *kaqa-g*, подобно ему означающая 'масло' (не древесное). Это семантическое колебание между 'мясом' и 'маслом', собственно, 'свининой', и '(свинным) салом', долевыми заместителями тотема-свиньи, имеет реальное значение для различного бытования карнавала, внедрившегося в самый календарь христианской церкви. Но о карнавале в связи с баскск. *aratuste* и арм. *aṙaḏawoṙaṣ* речь будет особо. Здесь лишь оговорюсь, что, трактуя об 'окороке', 'свинине', 'сале' (герсп. 'масле' от животного), 'охоте' или 'дичи', герсп. 'мясе' и даже 'свинье', мы возвращаемся с точки зрения действительной палеонтологии речи не в свинарне или в обществе егерей, а в доисторической племенной среде охотничьего быта с культом определенного племенного божества, тотемно выражаемого в виде зверя 'кабана' или 'свиньи' и, судя по сравнительной грамматике яфетических языков и их палеонтологии, равно 'медведя', так как не только арм. *ar-ḏ* 'медведь' (← *ar-t) → ирл. *ar-t*, баскск. *ar-ḥ*² с греч. *ἄρ-κῆ-τῆ-ος* || *ἄρ-κίῶ-ος* и лат. *ur-s-us*, равно перс. *q̄ir-s* 'медведь', но целый ряд сибилантных их разновидностей из чистых яфетических языков выявляют общность названия для 'кабана' и 'медведя'. Естественно, с этой палеонтологической точки зрения и вынужден яфетидолог подходить к понятию 'сало', равно 'мясо' и т. п., когда архетип этого слова *hog*, герсп. *hug*, именно *ḡog* → *ḡug*, с потерей фрикативности *gog*, в форме зубного мн. числа *dʰu¹* (в исп. м. *-do*, ж. *-da*), означает 'сало' или прилагательное 'сальный', 'мясистый', в каком бы средиземноморском языке ни было уловлено такое слово, тем более в испанском: ему надобности не было никакой брать родное слово *gor-do* || *-da* из лат. *gurdus*, которое, впрочем, само того же яфетического происхождения.³

¹ К суффиксу *-gi* (← *-ki*) ср. баскск. *ki* в *ḡeg-ki* 'свинина' и т. п.

² Индоевропейцы, в числе их и романисты, предполагали, что баскск. *ar-ḥ* заимствовано из лат. *urca*.

³ Ср. также исп. *gor+du-ra* 'жир', 'сало'.

Из семантических дериватов 'неба'¹

Приходится мириться с тем, что у понятия 'небо' столько же семантических аспектов, сколько звезд на небе. Это ошеломляющее с первого раза количество, однако, распределяется лингвистом-яфетидологом, как небесные светила астрономом. Количество семантических аспектов 'неба' распределяется по известным назначениям отколовшихся от неба двойников или долевым эпифаний и их всех дериватов, для совокупности которых таким образом 'небо' является не назначением, а или прагнездом, или вместилищем гнезд назначений.²

Олицетворение водного божества, точнее звериное представление космического термина 'подземного неба' и т. п. *ğor-đo* 'сом' (← 'вишпал', 'кит'), ныне обычно 'головастик',³ приводит нас к значениям в аспекте и космических дериватов с двойниками (В, В¹) и стихий (С; о А см. выше, стр. 145).⁴

В) баскск. *hog-đ* → *og-đ* 'небо', 'небосклон' (*avoute visible*), баскск. *og-đi* 'небо', 'фирмамент', баскск. *og-s* 'небо', баскск. *hog+s-adar* → *og+s-adar* 'радуга' (сюда же *hol+đ-adar*) букв. 'рог небес' (в грузинском 'пояс неба' и т. п.).⁴

1. Долевые проявления 'неба': баскск. *og-đi* 'гром', 'грозовая туча', баскск. *hog-s* → *og-s* 'облако', груз. *ğur-bel-1* ∞ груз. *ğru-bel-1* 'туча', 'облако', 'губка', баскск. *goy-bel* (← *ğor-bel) 'туча', 'темное небо', 'мрачный', 'печальный'.

2. Дериваты 'неба': баскск. *og-đi* 'хоронить' от значения 'загробный мир', 'преисподняя', 'нижнее небо' (ср. *og-đi* 'небо'), по образу, именно форме — 'глубина' и 'круг', груз. *ğru* (∞ *ğur) 'дупло', 'пустота', груз. *ğma* (← *ğor-ma, resp. *ğur-ma, ср. морфологически груз. *br-ma* 'слепой')⁵ 'глубокий', арм. *qor* 'глубокий', арм. *qor-in* 'глубокий', груз. *hog-mo* → *og-mo* 'яма', арм. *-hog* 'яма' в *đar-hog* 'колодезь', букв. 'яма воды', арм. *og-m* (← *hog-ma) 'стена', баскск. *og-ma* 'стена', баскск. *og-ga* 'повозка', арм. *oğ* (← *hog) 'кружок', 'кольцо' (арм. *oğ-ak*), но и *gug* ← *kur* (вм. *kur → *ğur) в баскск. *kur-pil* → *gur-pil* 'колесо',⁶ баскск. *ur-dal*, resp. *ur-dail* (← *hur-dal) 'живот', 'желудок', арм. *og+o-vaun* (← *og+o-vaun-1*) 'живот', 'чрево', по связи же формы 'неба' с 'небом' и его дериватов, торчащего предмета, как 'гора', 'колонна' и его дериватов — *ğor* (*'небо' →) 'десна' → *ğt* в груз. *ğt-dil-1* (← *ğur-đep-1) 'десна', св. *ur-1* (← *hur-1) 'десна', баскск. *hog-đ* → *og-đ* 'зуб' (← *ğor* → *ğur*, что налично в груз. *ğt-ten-a* (← *ğur-ten-a) 'скрежетать зубами', груз. *ğreṭa* (← *ğur-eṭ-a) 'скалить зубы', *ğt-ğna* (← *ğur-ğura) 'грызть' (← 'действовать зубами', сюда же *qr* в *qr-av-s* 'грызет'),⁷ г. *ğt-đ-ob-a* 'вывихать', собств. «вышибать с места или из гнезда,

¹ [Доложено в ОИФ 21 XI 1923. Напечатано в ДАН В, 1924 г., стр. 27—28.]

² Одно частное применение термина 'неба' разъяснено в заметке моей «*Quelques termes d'architecture désignant 'voute' ou 'arc'*» (ЯС, т. II, стр. 136—167), [ИР, т. III, стр. 199—218], другое в напечатанной в ИРАН статье «Первый средиземноморский дом, у греков *μέγαρον*, у римлян *atrium*» [ИАН, 1924, стр. 225—230], иные в сообщениях, делавшихся в ЯИ.

³ Последнее значение, может быть и от 'головы', в зависимости от пучковой значимости 'голова-гора + небо'.

⁴ Ср. в памятниках материальной культуры 'рога алтаря'.

⁵ Н. Я. Марр, К толкованию имени «Гомер», ДАН, 1924, стр. 2.

⁶ Ср. груз. *go-gog-1* 'колесо', г. *gog-v-a* 'катиться колесом' и т. п.

⁷ Надо помнить, что слово имеется и с иными огласовками, так с «е»: арм. *ker-1* 'клык', арм. *keri id.*, ср. арм. *aktau* 'зуб'.

как *зуб* из *десны*»; по цвету — баскск. *ur-den* (← *hur-ḏen) 'синий', ср. груз. *lug-ḏ-i* 'лазоревый', св. *эг-ji* 'зеленый', баскск. *ur+den-du* 'становиться лазоревым', баскск. *gor-den* (← *ḡor-ḏen) 'зеленый', 'незрелый', св. *иг-i* 'зеленый', 'незрелый'.

В) Космические двойники 'неба' и их дериваты — 'пространство+время': баскск. *hog-ḡ* → *og-ḡ* 'поверхность' (← *пространство) → 'лицо', баскск. *og-du* 'время'.

С) 'Вода' с дериватами:

г. *ḡuag-i* (← **ḡog-*) 'поток', 'потоп', г. *ḡu-do* (← *ḡur-ḏon) 'берлога рыб', 'небольшой ручей', 'водопровод', баскск. *иг-и* и *е-иг-и* 'дождь'.

С₁) Двойник 'воды' (ср. баскск. *hur* → *ur* 'вода'), 'жалость' (впрочем, это 'небо-вода') с дериватами:

баскск. *og-kog* 'жалкий', 'несчастный' (ср. г. *sa-tkal-i*), *ur-kaḡ-i* 'жалкий' и т. п.

Не имея сейчас в виду исчерпать эту хотя бы лишь спирантную разновидность по окающей группе, мы вынуждены здесь же привести из пучковой значимости его 'голова+гора+небо' случай со значением 'гора' — груз. *gor-a* ← *gor-ak-i* 'холм' (в мегрельском с раздвоением «о» в *va* — мегр. *goḷ-a* (→ *gvaḷ-a*) → *goy-a* 'гора'), баскск. *gor* → *goy* («*goi*»), с падением «г» в «у» в паузе — *go* (суффикс). Ввиду наличия в баскском суффикса *-ga* басковеды *goḡa* всегда признавали за производную от *go* форму, чего никак нельзя допустить ввиду формы *gor+e-s*, сравнительной степени *gor-en-a* и т. п., где слово сохранилось со значением 'верхний', 'вышний', 'горный', собственно это 'голова+гора+небо', правильное — 'небо+гора+голова', *gesp.* 'верх'.

С огласовкой «и» слово имело, несомненно, значение 'головы' в самом баскском, почему баскск. *gur-tu*, *gur-ḡen* 'клянуться', буквально «*наклонять голову*» (ср. груз. *ḡav-i da-u-ka*), отсюда *gug* ← *kuḡ* 'поклон', 'привет', особенно *a-gug* (← *ha-gug) 'привет тебе', буквально палеонтологически 'тебе голова'. От 'головы' — 'шар', 'мяч', в армянском из шпипащей группы с диалектическим *nd* (← *nd ~ r*): *gund*.¹

¹ Арм. *gind* (← *gint) в значении 'ожерелья' несомненно, в значении 'сережек' с большим вероятием относятся сюда же фонетически, как двойник *gund* с перебоем *u ~ i*, семантически восходя через 'круг' непосредственно к *gur*.

Яфетические переживания в классических языках и 'вера' в семантическом кругу 'неба'¹

Раз индоевропейские языки оказываются лишь трансформацией яфетических, новым типологическим состоянием тех же доисторических языков,² то яфетидологу нельзя ограничиваться вылавливанием лишь отдельных яфетических элементов в индоевропейской речи. Все в них восходит к яфетическим архетипам, и то, что бесспорно индоевропейское, и даже разъяснено в науке как таковое.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы латинский термин *ogrus* 'подземный мир', 'царство мертвых' был в какой-либо вразумительной мере разъяснен индоевропейски. Сомнению подвергается даже то, что готск. «айгаһи» 'гроб', 'кладбище' относится к кругу того же термина; что же касается производства *ogrus* от *algro* в значении 'verschliessen',³ то можно только удивляться такому наивному представлению о смысле доисторических слов космического происхождения. Между тем яфетическое слово 'преисподняя', в баскском представленное в форме мн. ч. *og-ñi* в значении 'хоронить', в своей основе *og-* (← **hog-*) вскрывает историю латинского термина: та же основа *og-* с суффиксом мн. числа по спирантной ветви *-k* — *og-k* (← *hog-k) и налична в лат. *ogrus*.

С другой стороны, сюда по связи 'дома' с 'небом', не только как 'кругом' или 'сводом', но и как тотемно-хранимым пристанищем, относится тот же *hog-k* с падением плавного *г* в «у» в паузе — *houk*, сохранный пережиточно в греч. *οἶx-ος* (*φοix-*), равно его латинский эквивалент *vis-us* || *vēs-us* ← *vir-k || *ver-k (см. ниже), не говоря о сибиллянтных эквивалентах, вошедших в другие индоевропейские языки, как наследие все того же яфетического мира.

Сюда же относится, также с падением в паузе плавного *г* в *у*, и *ou-k*, переживший в греческом *οἶx-τ-ος* 'сострадание', 'выражение соболезнования', *οἶx-τῖρ-μ-ός* 'сострадание', 'сожаление', *οἶx-τῖσ-μα* 'плач', *οἶx-τῖρ-ός* 'жалкий', 'несчастный', *οἶx-τῖρ-ω* 'сожалую', 'оплакиваю' и т. п. (см. выше, стр. 143).

Напоминая здесь об этой же основе *ouk* ← *hog-k*, использованной в значении 'дома', обращаю внимание на то, что появление *vi-* || *ve-* в латинском при «о» в греческом имеет свои яфетические параллели в *vin-um* и *Ven-us*, одинаково яфетических наследиях, вонских тотемных терминах, в первом при греч. *οἶv-ος*, и лат. *veg-* || *vir-* восходит по яфетическому закону разложения губного гласного к *og-* → *ug-* (ср. *og-bis* и *ug-b-s* того же происхождения, но с губным показателем множественности). Но, что особенно ценно для нас, яфетидологов, вынужденных видеть и слышать факты и исходящих из незыблемого положения о пучковом значении 'рука + женщина + вода', раз *og* → *ug* (← *hog* → *hur*), означавшее 'воду', не могло не означать и, действительно, означало 'женщину', то его именно мы имеем, в яфетическом же раздвоении *vir*, в составе лат. *vir-gen* (им. *vir-go*) 'девица', целиком построенного яфетически по семантической формуле 'женщина +

¹ [Доложено в ОИФ 21 XI 1923. Напечатано в ДАН В, 1924, V, стр. 29—31.]

² Н. Я. Марр, Доклад, сделанный в заседании ОИФ 21 XI 1923 г. [ИР, т. I, стр. 185—186].

³ Walde, LE², s. v.

дитя', совершенно так же, как баскск. *ala-ba* 'девушка', арм. *aġa-ġin* 'елужанка' ('девушка'), груз. *qal+1-švġl-1* 'девушка', арм. *or+1-ord* 'девушка'.¹ Очевидно, термин, как десятки и сотни других слов, унаследован от яфетидов, причем прототип латинского *vir-gin-*, именно *ur-gin, resp. *hor-ġin*, повторяет до тождества в первой части первую часть арм. *or+1-ord*, во второй — вторую часть арм. *aġa-ġin* (← **hal+a-ġin*).

Что же касается понятия 'верить' в яфетических языках, то его отношение к 'небу' можно наблюдать по двум племенным терминам, в освещении материалов с одной стороны грузинских и армянских, с другой баскских, так:

а) груз. *ġa-y* ← *ġav-1 (→ груз. *ġav-1* 'голова' ← *ġav-1* арм. 'голубой' ['небо']).² Считаю лишним повторять здесь все соответствия этой основы *ġav* || *tam* и т. д. ↘ *sav* || *sam* ↗ *sap* и т. п. в значении 'неба' и его двойников или дериватов, но назову разновидность *ġam* в форме мн. числа на *-iz* — *ġam-iz*, resp. *ġamuz*,³ известное божество, двойник Иштари, и потому идеографически передаваемое через *tur* в комплексе AN-TUR-ZI.⁴ Св. *ġam* 'свинья' и здесь поддерживает закономерным спирантным двойником сибилантной разновидности *ġam* (← *ġam* || *ġar*) значение 'свиньи' и за последней; св. *ġom-ig* 'годовалая свинья' лишь косвенным путем относится сюда, поскольку в конце концов и 'год' связан с 'небом', но окающая форма *ġom* интересна по соответствию с *Dum+u-zi*.

б) *sin* ↗ *tin*.

Sin 'бог' (некогда 'небо', впоследствии его долевое проявление — 'светило', в частности 'маз ночного неба' →), 'месяц', 'луна', *tin* 'глаз' (откуда спирантная разновидность *kin* в сем. сир. *ġin* 'глаз' и т. п.), в грузинском в значении 'перед' — *tin* (ср. сир. *lə-ġin*), *ġin+a-ġin* (← **tin+a-tin*) 'отражение света', русск. «синий» (← 'небо'). Отсюда

а) *tam* (↘ *sam*) ~ *ham* || *hav* 'вера', 'свидетельство' (← 'клятва'), груз. *m-tam-s* 'верю', *mo-tam-e* 'свидетель', *mo-tin-ob-s* 'свидетельствует', *g-tmena* 'вера' и т. д., арм. *haw-at* 'вера', *haw-an-el* 'одобрять', *ham-oz-el* 'убеждать' и т. д.;⁵

б) *sin* 'вера', 'клятва': баскск. *sin* 'клятва', *sin-istu*, *sin-isten* 'верить', *sin+e-s* 'действительно' (← 'очевидно') и т. п.

Не имеем ни места, ни времени привести здесь весь находящийся у нас в распоряжении материал по возбужденному в заметке вопросу, ни в связи с груз. *tin+n* (↘ *sin-n* ~ *hw-n* и т. д.) 'верить', также *ġgr'ma* (← *ġgr-man), разъяснить хотя бы их закономерные по яфетическо-семитической грамматике семитические эквиваленты *ġmn* 'верить', *ġmġ* (арб. вульг. *ġmġ*) 'быть глубоким', в которых третьи коренные, в первом *-n*, во втором *-ġ*, оказываются функциональными, точно так же четырехсогласный корень *ġgr* оказывается составным или производным словом, разновидностью груз. *ġig-bel* 'туча', 'облако', означающего буквально 'дитя неба'.

¹ Н. Я. Марр, ЯС, т. II, стр. 156.

² Н. Я. Марр, ЯС, т. II, стр. 142 сл.

³ Его разновидность *Dum-zi* и др. по окающей группе.

⁴ После детерминатива *an* 'бог' *tur* в форме мн. числа на *-zi* ~ *-zi*, ср. этр. *Tur-an* (в частности *Афродита*) и т. п.

⁵ См. Н. Я. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, IX, ИРАН, 1916, стр. 233 сл.; ср. теперь отвергавшееся тогда мною там же (стр. 233) сопоставление 'веры' с 'птицею' *Hubschmann'a*

Шумерские слова с основой ep в освещении одного из положений яфетической семантики¹

Речь идет о положении, касающемся понятия 'неба' и его семантических дериватов. В нужных нам сейчас пределах положение о 'небе', *gesp.*, как всегда, 'небе + воде' сводится к следующему:

а) 'небо + вода' воспринимается в трех плоскостях: верхней, нижней и преисподней, что впоследствии дало основание понять эти три мира — верхний как 'небо', нижний как 'землю' и преисподний как 'воду' или 'море'.

б) 'небо' культово: 'тотем', 'бог' ['священное действие' →], 'заклинание'; социально: 'господь', 'господин'.

с) 'небо' по форме протяжения или круга, круговращения: 'время'.

д) 'небо' по отношению к мирам других плоскостей: 'высокий'.

Берем для примеров шумерские слова с основой ep:

а) I 'небо' pl. t. 1) на «-im» — ep-im ('небеса' →) 'небо'

2) на «-u» (← *-ur) — ep-u id.

II 'земля' ep-gar 'земледелец'

III 'вода' ep-gur 'глубина вод' ← 'массовая (gur 'толстая') вода'.

б) I тотем (бог) 1) культово: ep 'заклинание';

2) социально: ep 'господин', отсюда

nam-ep (-na) 'господство', 'царствование'.

с) 'небо': ep 'время'.

д) 'небо': ep 'высокий'.

Для шумерологов это четыре различных по основе слова, лишь 'небо' сближают с 'высоким', да и тут ep-im || ep-u производят от прилагательного ep 'высокий'.²

Между тем, в слогах -im (id. в ep-im 'враг' ← 'зло', *gesp.* 'злое' и т. п.) и -u налицо пережитки мн. числа, доисторические для самого шумерского, причем -u остаток -ur (ср. в баскском *seg-u* 'небо', собственно первоначально 'небеса', *bur-u* 'голова' и др.). В самом шумерском здесь плавного г в исходе недосчитываемся как в «а» [← ā] 'вода', «е» [← ē] 'дом' [ср. «eš» = ep id.], *mi* [← mī] 'год' и т. п. Основа ep восходит к прототипу *hep*, *gesp.* *ʃep*, и представляет экающую [как могли бы мы ее иметь по спирантному слою сванского языка] разновидность ионского первослова, одновременно племенного названия яфетидов-ионов, т. е. в слове ep-im || ep-u 'небо' [← 'небеса'] мы получаем как бы тотемный термин, что мы теперь и предполагаем в действительности, также как в арм. *hēn-q* [← *heun-q* 'кони' → 'наездники', 'разбойники' →] 'разбойничий наезд' или в груз. древне-лит. *hip-e* 'лошадь' (← *hop-e*³ / *kop-e, откуда русск. «конь»). Но сравни-

¹ Доложено в ОИФ 13 II 1924 [Напечатано в ДАН В, 1924 г., стр. 45—46].

² Delitzsch, *Sumerisches Glossar*, s. v. epim: «e-nim. Vgl. enu. Grundbed. wahrscheinlich «hoch».

³ Потеря спиранта наблюдается и здесь (у грузин): *one* → *une* 'лошадь', сюда же *opa-gur-i* 'седло', *sla-gar-i*, или *opagar-i*, 'наездник', 'разбойник', 'грабитель'.

тельного материала мы сейчас по существу не касаемся, еще менее думаем мы его исчерпать. Иначе мы привели бы разновидности основы -en 'небо' лишь по огласовке в первую голову в том же значении или еще с другими семантическими дериватами из шумерского,¹ да и из других языков, иногда и из неяфетических, в последних — по наследию от яфетических или по позднему скрещению с ними.

¹ В этом смысле попытка Делича сопоставить с шум. *en* 'небо' шум. же *an* 'небо' (Sum. Glossar, ук. м.: «Vgl. I an.») совершенно правильна, яфетидологически неизбежна и необходима, причем не надо отделять и *an*-и (ср. *en*-и 'небо' 'колос', т. е. по яфетической семантике 'голова' (ср. *šav*-и 'голова', *šav-ei*-и 'колос' и т. п.) согласно пучковой семантической группе 'голова + гора + небо'.

Пережитки еще семантических групп 'небо+вода' из шумерского языка¹

В сообщении 31 января было уже дано одно конкретное воплощение семантической группы 'небо-вода', наблюдаемое в шумерском языке: это была основа еп. Другое конкретное воплощение той же семантической группы связано с основой «е». В шумерском в этот раз значения пра-гнезда представлены с одной стороны понятием 'гора' по пучковой группе 'небо+гора+голова', с другой — 'дом' по диссоциации 'небо' → 'жилище' (богов), 'храм' || (людей) 'дом' и т. п., с третьей, в разрезе его значения 'вода' → 'желоб' → 'яма' || 'ров'. И вот в шумерском мы имеем: а) «е» в значении 'гора', б) «е» 'храм', 'дом',² в) «е» 'желоб для воды' → 'канал' || 'ров', состав. е-gā 'половодие', 'наводнение' (из *e-gal), а не a-gi-a, как то думал Делич (Delitzsch), возводя к тому же значению 'черная вода', тогда как буквально это 'велиководие', как в грузинском tkal-did-oba или груз. древнелит. did-goa.

Более полная форма с восстановлением лишь плавного г — ег, закономерный эквивалент которого с перерождением сванского типа плавного в сибилант еш, также сохранился в шумерском в значениях: а) 'дом', б) 'вода', но и в значении также 'голова' из пучковой семантической группы 'небо+гора+голова'. В значении 'голова' она в шумерском составном слове еш-ши 'колос', буквально, 'голова злака'. В яфетических языках 'колос' выражается словом 'голова' в той или иной форме.

Основа ег- в семантическом разрезе 'голова' → 'верх' сохранилась с обычным для этого основного понятия семантическим отпрыском 'кровля' || 'крыша' → 'дымовое отверстие в кровле' ('слуховое окно') и т. п. Этот семантический отпрыск представляют слова: 1) груз. ег-do (← *heg-don) 'кровля', по Ч.: 'плоская кровля', 'терраса', 'палуба', 2) арм. ег-d, р. ег-dou (← *heg-don) 'крыша' → 'слуховое окно', однако эта же форма ег-d в армянском означает и 'дом', вовсе не расширительно, как предполагали авторы Большого словаря, а исходя от семантической формулы 'небо' → 'храм' || 'дом', 3) арм. рейск. уег-d1 + q || ег-d1 + s 'слуховое окно'.

Означая 'воду', «еш» употребляется, естественно, и в смысле 'слез'.³ Отсюда ясно, что восстанавливаемый нами, как предполагается, более древний вид с плавным, т. е. ег, не нуждается в звездочке, так как шумерский сохранил его в значении 'слез'. Тот же вид в форме мн. числа ег-ш есть прилагательное 'злой', 'враждебный', 'враг', 'небо-божество',⁴ откуда 'злая сила', почему ег-ш означает в дошедших до нас текстах и 'злое', 'враждебное' и 'врага'.

Поскольку в яфетических языках «и» представляет сужение звука «е», как «и» обычное сужение звука «о», если «и» не перебой того же губного гласного «и»

¹ Доложено в ОИФ 27 II 1924 [Напечатано в ДАН В, 1924, стр. 63—64].

² Естественно, формально отпадает отождествление его по способу сопоставления е-gal ('великий дом') → 'дворец', равно сем. евр. בָּיִת, сир. ܒܝܬ с г. saq1-1, va-saq1-e.

³ Н. Я. Марр, Заметки по яфетическим клинописям, Известия РАИМК, т. III, стр. 288—304.

⁴ Н. Я. Марр в работе об Иштари [ИР, т. III, стр. 307—350] и др.

(← «о»), при учете пучкового значения 'небо + гора + голова', шум. *ig*, означающее 'слезы', 'плач', собственно 'воду очей' в семантическом разрезе *небо + вода*, как следовательно, его двойник шум. *eg*, а с утратой плавного в паузе *ig* → *iy* (*ii*) → *i*, мы получаем в семантическом разрезе: а) 'небо' ('гора?'), 'возвышенность', 'высокий': шум. «i» 'быть возвышенным', 'возвышенность', б) 'гора' → 'камень': шум. «i» 'камень'. Шумерологи-графисты также признают связь этого слова с «i» 'быть возвышенным', но допуская непосредственную взаимную филиацию и производя семантически 'камень' из состояния возвышенности (Delitzsch, s. v.: «Subst. i, ia 'Stein' wie na ursprünglich wohl emporragend»), и потому имя 'камень' помещено в гнезде глагола 'быть возвышенным'.

Есть у того же *неба + воды*, именно *ig* → *i* ряд других семантических дериватов, но сейчас я обращаю внимание лишь на два: 1) один в самом шумерском «i» 'оплакивать', в связи со значением 'вода', а вовсе не от междометия (ср. Delitzsch, s. v.: «Urspr. wohl (wie a und ū) Interjektion»). С подъемом *h* / *k* || *k* → *q* и т. д., слово налично в ав. *qir* 'камень' и также ав. *qir* 'камень мелкий, негодный для постройки' (не из моих записей: *киру* — *kir-ū* 'камень'), инг. *kiug* 'камень', г. *qir-t-i* 'каменистая почва' от *qir, resp. *qir* 'камень'.

2) другой в семантическом разрезе 'небо' → 'город' в баскском *ig-i* ← *hir-i* 'город', 'вокруг'. Последнее слово с суффиксом мн. числа в виде *-i* и с подъемом *h* / *k*, resp. *ξ*, имеет громадное распространение и в восточном средиземноморском районе, но об этом особо.

Надо, повторяю, быть лишь осторожным с огласовкой «i»; так, например, когда речь об основе баскского слова *hir-* → *ig-*, все стоит вопрос, имеем ли в ней сужение звука «e», или перебой звука *u* ← *o* от основы *hir* (→ *ur*) ← *hor* (→ *or*), что не только возможная разновидность, но и наличная, как то уже разъяснено, с губным показателем множественности в форме *ur-b* и т. п. в лат. *urb-s* 'город' и т. п. Если же иметь в виду лишь разновидности с огласовкой *e* → *i*, то прототип слова *her* и его дериваты сохранены в различных значениях семантической группы *неба + воды*, а сибилантная его разновидность во мн. числе на *-i* *ser-i*, как известно, баскское слово 'небо' (в традиционном баскском письме «*zeru*»), имеющее громадное распространение за пределами Баскии с первым коренным на различных ступенях (*s* / *t*) и со вторым в обычном колебании (*r* || *l*) различных языковых групп.

Прилагательные 'длинный' || 'короткий'¹

(Из доисторической семантики)

Не надо быть обладателем доисторического мышления, пожалуй, и с яфетидологической точки зрения достаточно одной обычной логики «лица с улицы» исторических эпох, чтобы понять, что человечество, создавая символы-слова для представления о 'длинном' и 'коротком', не могло строить выражения независимо для каждого из этих понятий; оно не могло на заре сложения звуковой речи выбирать из числа тогда еще немногочисленных звуковых комплексов уже готовые дифференцированные слова, не считаясь с общностью хотя бы противоположения представлений о 'длине' и 'краткости'. Потому, когда в русском имеем для указанных уже понятий два слова, фонетически не отождествимых друг с другом, по крайней мере на первый взгляд, и не имеющих, повидимому, ничего общего между собою, то это говорит о неблагоприятии с точки зрения доисторического положения вещей, о том, что к моменту возникновения индоевропейской социально формировавшейся расовой речи язык успел уже или дифференцировать разновидности одного и того же звукового комплекса на первый взгляд до неузнаваемости или подобрать, в процессе скрещения, для каждого представления независимое слово, т. е. с яфетической точки зрения иноплеменное слово. Так, надо думать, обстоит дело и в других европейских языках, как немецк. lang || kurz, равно франц. long || court, так древних longus || brevis, греч. μακρός, равно δολιχός || βραχύς и т. д., с не меньшею яркостью в иранском и древнеиндийском, но мы ограничиваем себя, пользуясь примерами лишь для иллюстрации основных положений. Иначе мы могли бы привлечь и семитические, а теперь, по появлении перед нами чувашского моста, также турецкие слова (а благодаря только что совершенному переходу через чувашей и к приволжско-финским народам, и финские).

В приведенных с примерами индоевропейских языках мало того, что 'длинный' фонетически, казалось бы, трудно сблизить с 'коротким'; любопытно, что тогда как для 'длинного' держится везде, как на первый взгляд кажется, одна и та же или сродная основа, у славян dl- (ср. doli-ti), dol-, dal-, у германцев и романских народов отождествляемая частью индоевропейцев с ней основа с предполагаемой утратой начального d — la-, lo- в lange, longus и т. п.,² для 'короткого' в различных группах языков, казалось бы, явно различные основы; так в древнеевропейских языках Средиземноморья (со включением их вклада в романские) bre- || bга-, а в новых, непрерывно-массово северно-европейских — kar- (∞ kra-) || kot- → kur-, причем лишь в греческом мы наблюдаем общность образовательной частицы, казалось бы, суффикса, у одной пары слов, означающих 'длинный' и 'короткий'; это показатель -q̄ в формах в одном случае без огласовки — -q̄, в другом с губной огласовкой — -q̄w ← *-q̄u (если оставиваться на одном мужском роде, иначе -qe). С этим греческим, казалось бы,

¹ [Доложено в ОИФ 29 IV 1925. Напечатано в ИАН, 1925 г., стр. 797—812.]

² Об этом, однако, см. ниже [стр. 159 сл.].

суффиксом -q̄w индоевропейцы сближают лат. -v, восстанавливая более полную форму *-hv, с чем яфетидолог имеет свои основания беспрекословно соглашаться, настаивая разве на восприятии в латинском «суффикса» с гласным элементом (-vi, resp. -ve ← *-hve). У яфетидолога могло бы возникнуть лишь другое сомнение, так именно: пережиток какого, ионского (hup, resp. q̄m и т. п.), иберского (q̄wt, hveг и т. п.) или салского (q̄al → q̄au и т. п.) племенного слова данное окончание. С точки зрения яфетического языкознания в других языках эквивалент заднеязычного греческого q̄ застыл на более древней ступени развития, именно g, resp. ġ, но это g налицо в «дол-г-ий» и преимущественно в прилагательных, означающих 'длинный', с особой основной lan- || lon-, — лат. longus, нем. lang, готт. laggs, галльск. λγγυστα-λῆτων и др., в которых не один этот суффикс.

Прилагательное первично это имя, дающее соответственный образ, т. е. и в 'длинном' и 'коротком' в основе лежат соответственные слова, и по отвлечении эти слова-имена без всякого суффикса означали и 'длину', resp. 'длинный', и 'краткость', resp. 'короткий', 'краткий'. Так, напр., чистая основа русских слов «краткий» || «короткий», именно krat- || korot-, означала также 'короткий', как это видно из его армянского эквивалента, сохраняющего фрикативность третьего коренного, так наз. функционального (именно t̄ вместо позднейшего t), в параллель словам арм. qalḡ ← *galḡ || русск. golod («голод»), и в данном случае армянский выявляет акающий, без полногласия, вид против окающего русского: арм. karḡ 'короткий' || русск. korot-, т. е. акающая основа без всякого добавочного суффикса karḡ означает 'краткий'. То же самое должны бы означать и она, наличная в русском с перестановкой krat-, и ее окающая разновидность korot- без добавочного форматива. Однако ни kar-t, resp. kar-t̄, ни kor+o-t не представляют простых разновидностей слова, ни основы kar- || kor+o-, оформленной лишь окончанием t, первично t̄, а усеченный вид составного термина из двух слов kar- || kor+o и t̄, остатка țar ~ țat (← *țant ~ țar, resp. țar), так как армянский рядом с kar-t̄ сохранил полный его вид kar-țat- в основе глагола karḡtatel 'сокращать'. Вторая часть țat (~ țar) ясна: это формально, не входя в разбор семантической стороны, то же, что țad (~ țar) во второй части аг-țad, т. е. салское племенное название. Но что представляет собой первая часть kar (|| kor), двухсложный ли корень, когда в значении 'короткого' независимо от русского окания, поддерживаемого, как норма, и оканием шипящей группы в отношении акания свистящей, мы имеем рядом с арм. kar-t̄ || русск. «короткий», нем. kur-ḡ, франц. kur-ḡt̄ и т. п. Представляет ли и первая часть салское, оно же италское, племенное название, т. е. имеем составной термин из повторения лишь фонетических разновидностей одного и того же племенного слова, или kar- в данном случае изношенный представитель другого племенного слова, лучше представленного в kar-, resp. kur- русского, германских и романских языков, в которых это наследие от яфетидов со слитным o || и из we, и в таком случае восходит к архетипу kwer, иберскому племенному слову. Формально то же самое явление мы имеем у индоевропейцев в числительном 'четыре', составного еще на яфетической почве происхождения, именно гибридного двуплеменного происхождения — иберо-салского. Лат. quar-tus, а не quatuor наилучше сохраняет нам иберское

племенное слово *kwar-*, и если бы не свидетельство письменности, мы находились бы перед таким же затруднением признать иберское, а не салское племенное слово в *kar* 'четверть' (письменно «quart» = *kwart*), фр. *katr* 'четыре' (письменно «quatre» = *kwatre*) живой французской речи, в отношении губного совершенно совпавших в этой особенности при тождественной акающей огласовке с арм. *qaṛ* 'четыре'. В армянском при заднеязычном эквиваленте начального *q* (← *q̄*) имеем в том же значении это слово и с окающей огласовкой, именно *ḟog* 'четыре'. Если довольствоваться одним сравнением, налицо как будто совершенно закономерные в отношении огласовки эквиваленты акающей и окающей групп — *qaṛ* || *ḟog*. Между тем это все видимость, как то вскрывает палеонтология числительного, не говоря о том, что в этих армянских синонимах плавный различный (*r* || *r̄*), сами гласные нами воспринимаются без учета утраченной еще на яфетической почве долготы, о чем речь будет, в отношении этой основы в значении числительного, особо. В то же время надо иметь в виду, что и при семантическом подходе к занимающим нас прилагательным 'длинный' || 'короткий' мы вынуждены будем подойти очень близко к числу 'четыре'. Но когда дело имеем с звуковым комплексом *ḟog* ← *ḟwer, мы возвращаемся уже и семантически в кругу обсуждаемых нами прилагательных, в частности в тесном кругу понятий, куда со значением 'короткий' неразрывно входит и 'хромой', герм. 'коротконогий'. Этот *ḟog* сохранился в составе сванского термина по различным наречиям — *ḟog-ḟau* (→ *ḟog-ḟä* || *ḟog-ḟa*) ← *ḟwōg-ḟau* 'хромой', в архетипе *ḟwer-ḟal; это совершенно явное гибридное двуплеменное слово, этнически означающее 'иборо-сал'. Однако у этой окающей основы *ḟog* (← *ḟwer) нет акающего эквивалента *qaṛ*, как это мы наблюдаем в паре числительных *qaṛ* || *ḟog* 'четыре', но у нее в сванском же есть более архаичный двойник с сохранением губного согласного *kwaḟ-*, упирающийся в архетип *kwar*, в составе *kwaḟ-ḟau* 'хромой', судя по огласовке происходящий из шипящего слоя сванской речи. Это также гибридное двуплеменное слово равным образом этнически значит иберо (*kwaḟ- ~ kwar-*) + сал (*ḟal* ↘ *ḟau*), но *sal* здесь представлен спирантизованно (*s ~ h* ↗ *q̄*: *ḟal* ↘ *ḟau*). Салское племенное слово *ḟal* — также из шипящей группы, где мы видели *kaḷ* (по истории *kar* → *kaḷ* || *kaḡ*), двойник которого также налицо в сванском в разновидности *kaḟ* (↗ *каш*), но в составе гибридного термина. Рядом с иберо-салом, св. *kwaḟ-ḟau* в значении 'хромого', в сванском же мы имеем 'сал-ибер', по-свански — *kaḟ-ḟw*, где в роли второй части и появляется пережиток здесь, очевидно, иберского племенного названия *-ḟw* (вм. *-ḟwar*, ср. *kwar*). Сюда относятся диалектические разновидности того же сванского слова 'хромой': *kaḟ-ḟw*, да со слогом *mi* ↘ *mə*: *mi-kḟ + ḟwī*, *mə-kaḟ + ḟwī*.¹

В то же время при чисто формально-фонетической оценке двух одинаково означающих прилагательных 'короткий', арм. *kar-t̄* || герм. *kur-ḟ*, ром. *kur-t*,

¹ См. также груз. (имер. гов.) *kvaṭa* 'хромой', *kvaḟa* id., *kvaḟalan* id., где, однако, в связи с им. *kvaṭut* 'хромой', им. *ko-tit + ar-a/e* 'хромой', надо иметь в виду лазск. и мерг. *ḟut-a[r]* ~ *ḟt-a[r]* 'малый', и тогда *kva-* → *ko-* будет означать прямо 'ногу' (ср. *ko+q̄* 'нога' в арм. *koḟ-el* 'попирать ногой', имерск. *koḟ-pḟḟ-1* || рач. *kvaḟ-ḟḟ-1* 'лапти', как груз. *ḟal-aman-1* id.) (В. Беридзе, Глосс., s. v.), но и с этими словами мы подходим к тому же семантическому прототипу 'рука' ~ 'нога', см. ниже, стр. 165—167.

resp. kor-t, в акающей разновидности надо учесть ту же утраченность долготы, какую мы наблюдаем в абхазском и в сродных с ним в этом отношении языках по основе *lash* у *à-lash-a* 'лошадь' при *losh*-русского слова «лошадь» и *gos* германского слова *Ross* (*hross*), одинаково краткогласных или простогласных слов сравнительно со сванским *ḡāj* 'лошадь', которое восходит через *ḡawj, resp. *lawsh || *ḡawsh к *ḡosh*. Раз в армянской основе *kar-* слова *kar-t* 'короткий' мы допускаем (фактами вынуждены допустить) гласный «а» с утратой долготы, то на армянской почве иначе, как к доармянскому архетипу *kvaq-*, всей основы ее не возвести, причем для свистящей группы архетип неизбежный — *kveq-*. И вот эта группа закономерных эквивалентов *ss*¹ *kveq* || *sh* *kvaq*, во-первых, дает возможность в полной мере учесть эквиваленты со слиянием *ve* || *va* в *u* || *o*, именно *kur* || *kor* северной Европы, как будто вторгшиеся через романские языки средиземноморские; во-вторых, та же группа *kveq* || *kvaq*, с обычной для нее утратой начального коренного,² нисходящая к *veq* || *var* ↗ *ber* || *bar*, не менее исчерпывающе дает нам возможность учесть соотношения основ слов того же значения в древних средиземноморских языках лат. *bre-vi-s* || греч. *bra-ḡw-s* 'короткий', в которых *bre* || *bra* представляют лишь перестановку все того же племенного, нужно ли подсказывать, и-берского племенного слова.³

Следовательно, в терминах арм. *kar-t*, русск. «крат-», «краткий», собственно *kar-tat* и *korot-* (русск. «короткий»), *koroto* (исп., итал. «cor-to»), *kur-t* (фр. «court»), *kur-ḡ* (нем. «kurz») мы имеем гибридное двуплеменное и+беро-сальское племенное слово.

Но в значении 'короткого' появляется и каждое из входящих в гибридный термин племенное слово.

Иберское, собственно берское, resp. баскское, племенное слово с оканием *mor* → *mur* || *mos* ↗ *moḡ* в значении 'короткого' ярко выступает в баскском языке, где имеем *moḡ* 'короткий', равно на низшей ступени *mos-*, в составе гибридного *mos-kor* 'очень короткий',⁴ но последнее слово уже составное, как равно и баскск. *mur*+*ḡ* 'короткий' (*ḡ* вм. *g* между двумя гласными). Составным является слово для выражения того же прилагательного 'короткий' и в грузинском *mo-kle* (имеется и в мегрельском), равно в сванском *me-kwshde* (← *me-ku-ḡe* ~ *me-kur-e), в которых *mo-* и *me-*, кажущиеся префиксами, представляют усеченные формы окающей (*mor*) и экающей (*mer*) разновидностей берского племенного слова: не хватает, следовательно, акающего вида (*ma-* ← *maḡ-*), чтобы получить полный комплект данной основы по трем основным огласовкам.

Вторая часть грузинского слова представляет грузинскую перестановку вм. *kel* (ср. груз. *ḡre* 'круг' вм. *ter || арм. *ḡir* 'круг' и т. п.), а *kel* || *kar*, resp. *ka*,

¹ *ss* = свистящий, *sh* = шипящий.

² Или палеонтологически без пережитка и первой составной части двуплеменного слова *k + veq* || *k + var* и т. д.

³ Палеонтологически собственно второй, берской его части.

⁴ Van Eys, Dict., s. v., напрасно сомневался в правильности состава слова: «cet adjectif nous semble mal composé, du moins si l'orthographe en est bonne». Вторая часть *-kor* лишь чистая основа если не *kor*+*o-t* (р. «короткий»), то фр. *court* и т. п. Следовательно, это 'короткий' + 'короткий' → 'очень короткий'.

наличны в значении 'хромого', собственно 'коротконового', в арм. *kał*, новоарм. *kağ* (← *kar) 'хромо́й' и груз. древнелит. *m-kel+o-bel-1* 'коротконогий'. Слово имеем и с огласовкой «и» у мегрелов *qul-a* 'хромо́й', у чанов *kul-e* 'короткий', *resp. *kur-e* или *kur-a, так как наличны их диалектические ($r \sim \text{'n}^1 \dot{q} \leftarrow \text{'n}^1 \dot{t} \rightarrow \text{'n}^1 \dot{t}$) эквиваленты — м. *kunt-a* и м. *kut-a* 'короткий', 'низкий',¹ а также — *kwmd-e* (← *kuṭ-e || *kuṭ-a → *kut-a*), вторая часть сванского *me-kwmd-e* 'короткий';² наоборот, в значении 'хромого' сванский пользуется тем же гибридом *mo-kle* (← *mo-kel), какой в грузинском значит 'короткий', причем у сванов, согласно звуковым особенностям их речи (о, *resp. u* → *ə*, *e* → *i*), оно звучит *mə-kl̩*. Первая часть (*mə* ← **mu-* || *mo-* ← *muḡ-* || *moḡ-*), значение которой, именно краткость', в кругу яфетических языков не может подлежать сомнению (ср. выше бск. *muḡ* / *buḡ*, *moḡ* ~ *mos* / *moḡ*), в наличной форме у сванов легко принимается, и, пожалуй нельзя не принять за префикс (ср. то же самое в св. *mə-kuarḡqwi* 'хромо́й', 'хромающий', даже *mu-* в св. *mu-kḡqwi id*). Во всяком случае сванский успел произвести отыменный глагол от коренных согласных салской племенной основы груз. *-kle* || св. *-kl̩* в форме *li-kl̩-1* 'хромать'.

Таково же формально положение и с прилагательным 'длинный'. Мы остановимся в этот раз для иллюстрации на армянском же примере, но с эквивалентом из чистого яфетического языка — грузинского.

Ряд следующий — груз. *gr-ḡel* || арм. 'y¹er-kaḡ (древнелит. 'y¹er-kaḡ ← *yer-kaḡ-1).

Слово *yer-kaḡ*, исключительно древнелитературное, принадлежит языку в основе *хайкскому* (раньше принимавшемуся за *хайкский*) или формально по образованию мн. числа *кейскому* (мн. ч. звук *q*, название буквы *qe*), и это *хайкское* слово, с его *ионской* второй частью (*-kaḡ*), сейчас оставляем в стороне. Общей у него является с другим, и древнелитературным и современным армянским, словом первая часть (*yer-*, *resp. er-*); это слово принадлежит языку в основе *хайкскому* (раньше принимавшемуся за армянский) или формально по образованию мн. числа *рейскому* (мн. ч. звук *g*, название буквы *ge*), но в остальной части ряда грузино-армянская пара представляет разновидности одного и того же составного слова во всей его цельности, а не только в первой половине.

Вторая часть в обоих случаях, и в грузинском и в *хайском-рейском*, талское племенное слово, с закономерной перегласовкой свистящей (*e*) и шипящей (*a*) групп,

¹ Отыменный глагол м. *da-kunt-ua* 'скорчиться', 'стать безногим'. Очевидно, от м. *kunt-1* 'безногий', 'кто ходить не может', равно 'расслабленный'. В связи с этой группой надо подходить к происхождению груз. *koṭl-1* 'хромо́й', трактуемого мною в яфетическо-семитической сравнительной грамматике, думаю, основательно, как трехсогласный ($kṭl \searrow kṃl$) корень, эквивалент семитического, именно еврейского, *kṃl* 'спотыкаться'.

² Если бы в огласовке «и» данного вида основы языков шипящей группы мы могли иметь не простой гласный, а слияние *we*, ее следовало бы возвести к архетипу *kwel*, *resp. kwer*, т. е. слово представило бы *иберское*, а не *салское*, или *талское*, племенное название, но помимо того, что с этим языки шипящей группы в данном случае оказались бы собственниками слова с огласовкой свистящей группы, это сомнительно здесь и формально еще потому, что пришлось бы допустить повторение одного и того же *иберского* племенного слова в двух резко дифференцировавшихся разновидностях. Надо также учесть то, что сюда относится по всей видимости груз. *a-kl̩-1a* 'ему не хватает', груз. *a-kl̩* 'он сделал нехватящим', 'уменьшил', и это слово салского племенного происхождения.

в армянском со спирантизацией шипящего аффриката (сс $\dot{d}$ = ши $\dot{d}$ ~ арм. $\dot{g} \rightarrow k$, resp. k): груз. - $\dot{d}el$, арм. -kar.

Первая часть в грузинском с утратой огласовки «и», как это видно из мегрельского эквивалента $gund\dot{-}$ (← *gur- $\dot{d}el$), т. е. мы в gr нашего прилагательного имеем такую же стянутую разновидность $gur-$, как в грузинских этно-топонимических терминах, именно в me-gr-el 'мегрел', 'мингрелец', в сравнении с Gur-1-a 'Гурия', где, как известно, gig представляет, как основа¹ европейского термина L $\dot{a}$ -gur-1a, перерождение со сложением ve в «и» архетипа $gver$ (← $kver$), т. е. и+берского племенного слова, в этой именно слитной форме $gig-$ сохранившегося в известном названии иберов-грузин Gur+d $\dot{-}$ 1 и его дериватах.

Следовательно, при сопоставлении груз. gr- $\dot{d}el$ ← *gur- $\dot{d}el$ с арм. er-kar (новоарм. yer-kar) в первой части er- мы имеем то же явление, что в термине ar-ta $\dot{d}$ 'серебро', где шп ar ← var || сс ver, т. е. er пережиток ver-, значит, берского племенного слова.²

Не один еще факт дает нам поддержку того, что в первой части груз. gr- $\dot{d}el$ 'длинный' мы имеем пережиточно стянутый вид со слитным из группы ve гласным «и» — gig трехгласного и+берского слова.

1) Именно тот слитный вид трехгласного и+берского племенного слова, но с широкой губной огласовкой (*gor) у сванов с обычным их перебоем g в $\dot{d}$ и g в $\dot{d}$ (→ шд ~ $\dot{d}$) → $\dot{d}$ налицо в прил. $\dot{d}od$ -1, причем сванский язык дает возможность воочию проследить историю слова до архетипа $\dot{d}wer$ (~ * $\dot{d}ved$ ~ $gver$) благодаря его диалектическим разновидностям: шх, тр $\dot{d}od$ -1-a, $\dot{d}w\ddot{od}$ -1-a, у, хл, ип, м $\dot{d}ved$ -1-a, х $\dot{d}ed$ -1, все одинаково значащие 'длинный', 'далекий'.

2) Такое же значение имеет появление бесспорно именно и+берского племенного слова в сродном и по содержанию и по строению термине. Мы находим и+берское племенное слово двухгласного вида [собственно вторую часть этого оказавшегося составным племенного слова, также племенное слово] ver с утратой огласовки vt- в прилагательном со сродным значением и формально построенном в сочетании с тем же, во второй части салским, племенным словом $\dot{d}el$ (← $\dot{d}el$), что налицо в груз. gr- $\dot{d}el$: это груз. vt- $\dot{d}el$ -1 'обширный', 'просторный'.

Если оставаться на почве одних яфетических разновидностей племенного слова, т. е. на почве семантически еще не закрепленных слов, виды gig ← * $gwer$ засвидетельствованы в древних языках уже индоевропейского Средиземноморья, у греков и римлян, в названии метала, именно 'серебра': gig с ослаблением губного гласного в полугласный w в виде gwt во второй части ar-gur (ἄρ-γυρ-ov), а $gver$ с диалектической потерей v перед гласным,³ как диалектически же то

¹ Палеонтологически вторая часть, так как префикс его (и-) оказался пережитком другого племенного названия.

² Ср. также er $\dot{d}$ 'один' вм. * $ver\dot{d}$ в иг $\dot{d}$ +1-er $\dot{d}$ +аз 'один одному' → 'друг другу' и др.

³ Это формальное констатирование факта требует, в перспективе реальных этапов трансформации, особенного учета исчезающей еще на доисторической почве в самих яфетических языках долготы гласных, так $gwer$ → * $gewr$ → $g\ddot{e}r$ → ger , resp. $gent$. Не забыть, впрочем, что в $gent$ гласный «е» и без того долот (по положению перед двумя согласными).

происходит в шипящем слое сванского языка, и с перебоем также шипящей группы плавного г в ${}^{\text{h}}\text{n}^{\text{h}}\text{t} \rightarrow {}^{\text{h}}\text{n}^{\text{h}}\text{d}$ и т. п., при утрате латинским аффриката nt, т. е. в общем в виде gent во второй части латинского ar-gent-um; с начальным же коренным на глухой еще ступени kur $\rightarrow$ kver та же разновидность налицо у яфетидов-грузин также в двуплеменном¹ звуковым комплексе, также, следовательно, гибридном термине kver-ḡq 'яйцо', resp. 'testicula', что требует двойников с шипящей огласовкой «а» при словах свистящей огласовки с «е» kver $\rightarrow$ ker ($\rightarrow$ ger), и эти двойники шипящей группы с соответственной акающей огласовкой мы имеем в виде kvaḡ $\rightarrow$ kaḡ.

Однако в составном термине, используемом в значении 'длинного', нет надобности, чтобы иберское и салское племенные слова располагались непременно так, чтобы иберское племенное слово предшествовало салскому. Порядок мог бы быть и обратный, как то наблюдается в русском термине «серебро», в формальном этническом переводе 'сал-и-бер' при 'и-бер-сал' в яфетических языках Кавказа, равно в испанском; и этот 'сал-и-бер' для термина 'серебро' мы имеем в греческом, латинском, романских (кроме испанского) и в германских, равно в европейском яфетическом баском. Это 'сал-и-берское' скрещенное конкретно мы знаем на Востоке в племенном названии sar-mat ($\sim$ *sar-mar, resp. *sal-mar). И вот любопытно, что у чувашей в одном из прилагательных, означающих 'долготу', ясно выступает сарматское племенное слово: шал-бар 'длинный', 'мешковатый' в диалектическом произношении деревни Тиханкино shelbër, одна из ближайших разновидностей термина sarmat, любопытная при единственном уклонении (ш в м. s: sal) сохранением первичного для акающей группы l в м. г (sal) и первичного плавного г в м. зубного t (bar, resp. paḡ $\searrow$ maḡ).

Однако как в термине 'серебро', вообще в других случаях, когда дело имеем с гибридным двуплеменным словом, т. е. результатом племенного скрещенного, составной термин продолжает означать то же самое, что до скрещенного каждое из входящих в его состав племенных слов означало в одиночестве, так, будем ли исходить от 'и-бер-сала' или 'сал-и-бера' для прилагательного 'длинный', и-берское племенное слово одинаково могло означать то же, что и салское.

Во всяком случае без всякого салского элемента и-берское, собственно простое берское, vḡḡ ($\leftarrow$ vur) в чувашском составляет основную часть прилагательного, означающего обычно 'длинный' — vḡḡ-əḡḡ (вḡр-ḡм), тогда как салское племенное слово также само по себе, совершенно самостоятельно означало то же самое, так — ав. шаḡ 'длинный', двойник шаḡ'a || шаḡ'a, т. е. того же вида sal'a с перерождением плавного г в зубной (t $\rightarrow$ d $\rightarrow$ ḡ), какой мы имеем в первой части чувашского шал-бар.

Ясно, прежде всего, чтобы покончить с формально-фонетической стороной, что дело было не в простоте, не в составности термина, ни даже в порядке расположения племенных слов, и-берского, resp. берского, и салского, когда жизненно решался вопрос, как выразить 'долготу', если ограничиваться пока этим значением, а в том предметном образе, с которым первичное простое

¹ Палеонтологически, с восприятием первой части (k+ver) как двуплеменной, трехплеменной.

и+берское, гесп. берское, или салское племенное образование связывало представление о длине, пользуясь, естественно, единственным в его примитивности собственным племенным словом. Но тогда возникает вопрос, почему же такое преимущество оказывается за берами, или и+берами, и салами, или и+талами? Не располагали ли, например, и этруски в своей примитивности родным племенным словом для выражения того предметного образа, с которым связывалось представление о длине, и, следовательно, не было ли прилагательного 'длинный' в виде этрусского племенного названия в одиночестве или в составе соответственно скрещенного гибридного термина? Конечно, могло быть. И имею основание думать, что человечество не утратило его бесследно. Его имеем прежде всего у басков: бск. *lus-e* («*luz-e*» лаб., н.-нав.) 'длинный', перерождение основы шипящего вида этрусского племенного слова *gush*, гесп. *gus*, — перерождение, связанное с тем, что баскский не терпит начального *g*. Если шипящая разновидность *gush*, как свидетельствует *lus-e*, означала 'длинный', то, очевидно, то же значение присуще было и свистящей *las*, гесп. ее подвидам-разновидностям, и так как одной из ее разновидностей является *lag-*, то, естественно, ее мы имеем на Пиренейском же полуострове в значении прилагательного 'длинный', но уже в составе гибридного термина — это испанское *lag-go* 'длинный'. Невольно связывается это испанское слово с франц. «*large*» 'широкий' и т. п., с чем несколько не оказываются в каком-либо противоречии яфетические данные; наоборот, бск. *lus-e* значит в ряде диалектов 'широкий', 'просторный', но все-таки надо помнить, что в испанском *largo* значит только 'длинный', а 'широкий' это «*ancho*» = *anfo*, для нас также чрезвычайно важный, как это будет особо выяснено по другим же сродным связям с яфетическими языками Кавказа.

Следовательно, выходит так, что в значении 'длинный' человечество употребляет то одиноко (это пережиточно от эпохи до скрещення), то слитно в виде гибридного термина (это уже от последующих эпох, эпох скрещенных племенных образований со скрещенной речью) те же самые племенные слова, и+берское, гесп. берское, и+талское, гесп. салское, эт+русское, гесп. рушское, какие служат равным образом то одиноко, то слитно в виде гибридного термина для выражения прилагательного 'короткий'.

Дело в том, что, как мы видели с и+берским, гесп. берским, и салским племенными словами, самостоятельно или в объединении, слитно означающими не только 'длинный', но и 'короткий', этрусское, гесп. рушское, племенное слово также выражает не только 'длинный' (это в окающей форме *lus-e*), но и 'короткий', и тогда берется акающая разновидность *las*, но спирантизованно: *la-*. В этот раз это этрусское выражение 'короткости' находим у басков в составе гибридного двуплеменного термина *la-bur* 'короткий'. Оговорюсь, что этот двуплеменной термин, явно этрусско-иберский, гесп. руш-берский, не специально искусственно созданное из двух раздельно существовавших племенных названий, а действительное живое племенное название, гибридное, этрусско-иберское, собственно руш-берское, как о том свидетельствует его отложение с суффиксом. мн. числа *-d* в названии баскской области *La-bur-d*.

Эт-русское племенное слово таким образом, подобно и-берскому и салскому, служит выражением и 'длины' (бск. *lus-e*, исп. *lag-go*) и 'краткости' (*la-* в бск. *la-bur+d* 'короткий').

В значении же 'длинного' этрусское, герм. рушское, племенное название имеет более широкое распространение вообще у западноевропейских народов. Дело в том, что *lang*, *long* и др., свидетельствуемые у римлян и романских народов, равно у германцев и кельтов, с и-талской, или салской, основой славянских языков («долг-ий», «длин-а» и т. д.), равно греческого языка (*δολχός*), не имеет ничего общего. Индоевропейцы в лице лучших авторитетов также отвергают такую связь.¹ Что касается формы, то она результат не одного, а двух скрещений, в ней три племенных названия, какую бы функцию, морфологическую или семантическую, ни признать за третьим племенным названием, собственно его пережитком *g*, герм. *ğ*, эквивалентом греч. *χ* в *δολχός* и т. п.; сама остающаяся часть *lan-* || *lon-* уже двуплеменное название, с пережитком второго племенного названия, именно ионского, в виде одного согласного *n*. Однако огласовку *a* || *o* нельзя полностью относить к остающейся спирантной разновидности *pe-lasg*ского (*las*) или эт-русского (*гош*, герм. *loш*) племенного названия: **lah* || **loɣ* → *la-* → *lo*. Дело в том, что то же этрусское племенное слово в экающей форме спирантной группы *leh* — в баскском в форме род. падежа на *en* — *leh-en* — значит 'перед': основа *leh-*, эквивалент сибилантной разновидности *les*, заменившей плавным *l* нетерпимый в начале *ɣ* у басков так же, как у армян, у которых *ɣ* сохранен предпоследним *e* — *e-ɣes*, что значит 'лицо'; таково же значение *leh*, так что *leh-en* собственно значит 'лицом' → 'перед', и вот эта форма в ряде диалектов не только теряет спирант (*leen*), но два тождественных гласных «е» сливает в один «е». И вот как *lep* имеем рядом с первичным *lehen*, так основы прилагательного 'длинный' *lan* || *lon* восходят к архетипу **lahan* || **lohon*. Исползованные с суффиксом *-g* в значении 'длинного', оба эти слова собственно означали 'этруски', собственно 'руши', или 'руски', и вот отложение этого племенного названия мы имеем в качестве названия страны в основе географического термина, названия страны, откуда происходил Тристан, герой романа Тристан и Изольда. Про *Rivalen'a*, отца Тристана, в романе по изданию *Jos. Bédier* (Париж, 1902, т. I, стр. 2) читаем: «Plusieurs prétendent qu'il était de la terre de Loonnois et roi sur ce pays. Mais croyez-en Thomas, qui l'a lu dans l'estoire; il était d'Erménie».

Поправка Фомы, если она принадлежит ему, внесение названия *Erménie* из одной «estoire» *vm. Loonnois*, представляет реальный интерес по другим основаниям, но позволяем себе верить в конце концов не Фоме, а тем, которые родиной Тристана называли *Loonnois*, поскольку уже установлено, что имя *T-ɣis-tan* и его разновидности, в числе их некоторые с сохранением губной огласовки в основе *ɣus*, являются тотемным богом-солнцем этрусков, их племенным космическим героем, и естественно, что в конечном результате он мог происхо-

¹ Walde, s. v. «Так как начальное *dl-* в кельтском сохранилось бы, и едва ли можно рассчи-
тывать на заимствование из латинского».

дить лишь из страны этрусков или, что то же, lohon'ов → loon'ов, т. е. из Loonnois, а не Erménie.¹

Каково, однако, конкретное значение этих племенных названий, то в сложении то различно, когда речь идет о 'длине' и 'краткости'? Какой предмет, имя существительное, связан здесь с образом длины, долготы, и в то же время краткости? Мы могли бы, ссылаясь на независимые от всякого яфетидизма материальные разъяснения, на основании начертательных приемов исторических эпох, прилагательного 'длинный' кунеологом Тосканом (Toscane), который его возводит к представлению о 'змее', утверждать, что таково положение и в яфетических языках, ибо gwer, архетип грузинского gr- в слове gr-dél 'длинный', действительно сохранилось со значением 'змеи'. Вообще с звуковыми комплексами gwér → ger, равно gvel → gel и его эквивалентами с аканием gar, resp. gal, следовательно и gent || gant, мы находимся в кругу тотемных терминов, при зверином еще восприятии их, означающих то 'змею', то 'волк', при антропоморфизации же звериных тотемных образов, тезок того или другого племени, — племенных еще доисторических героев в человеческих образах с мифическими чертами, как, например, у мегрелов, или геров, resp. гверов, излюбленный народный сказочный герой Гер-га, буквально 'дитя гера', т. е. или 'герович', или ласкательно-уменьшительно 'герёнок'. Следовательно, все перечисленные формы, с избытком исчерпывающие наличные разновидности того же звукового комплекса в составе прилагательного 'длинный', могли бы означать 'змею' и в связи с этим оправдывать то семантическое происхождение этого прилагательного, какое обосновывал кунеолог Тоскан. Если и требовалась бы известная оговорка, то исключительно одна, именно вопрос, всегда ли в таких случаях ger, resp. gel || gar, resp. gal, представляют виды с утраченным губным w || v, всегда ли надо восходить к архетипам gwér, resp. gvel || gwar, resp. gwal, т. е. к бесспорным разновидностям иберского племенного слова, или иногда здесь примешивается той или иной своей спирантной разновидностью салское, resp. и-талское, племенное слово? Но, учтя даже такие случаи, по существу не упраздняющие значения 'змеи' за данными словами, следовательно, и видимой их связи с однозвучащими прилагательными со значением 'длинный', мы теперь не можем согласиться с палеонтологическими разъяснениями Тоскана. Единственно чего мы не отрицали бы, это того, что было несомненно время, долгие, конечно, доисторические эпохи, когда в чистых еще яфетических языках слова 'змея' и 'долгий' были совершенно созвучны, без всякого различия совпадали, и это могло дать основание и соответственному сродству начертательных идеографических или клинописных их изображений, разумеется, уже исторических эпох, но это само по себе еще ничего не говорит в пользу действительно такого происхождения прилагательного 'длинный'. На самом же деле к решению поставленного уже нами вопроса, какой предмет, имя существительное, связан здесь с образом 'длины', 'долготы' или 'краткости',

¹ См. Bédier, ук. м., прим. 2: «Avec toute vraisemblance je crois: il est certain que c'est Thomas et non Gottfried qui a modifié la tradition universellement répandue au douzième siècle selon laquelle Rivalen était roi de Loonnois».

мы не можем подойти без захвата ближайшей семантической родни обоих обсуждаемых значений слов 'длинный' ~ 'короткий'; именно в связи с 'длинным' надо непременно иметь в виду не только 'долгий', но и 'далекий', 'дальний', а в связи с 'коротким' или 'кратким' — 'ближний' или 'близкий', а это нас вплотную подводит к установленной уже палеонтологии, так как 'близкий' по пространству (безразлично 'месту' или 'времени') связан с 'рукой',¹ как и 'дальний' или 'далекий', причем в известные эпохи 'близкое' связывалось с 'правой рукой', а 'далекое' — с 'левой рукой', но в обоих случаях присутствие 'руки' в представлении о 'далеком' и 'близком', следовательно и 'длинном' и 'коротком', напрашивается всем ходом наличных пока достижений яфетического языкознания, и, подходя с этой стороны к анализу слов, означающих 'длинный' ~ 'короткий', мы видим, как поразительно наглядно вскрывается палеонтология занявших нас прилагательных не только в яфетических языках, но и в языках, давно вышедших из состояния яфетических, именно в индоевропейских языках.

Между прочим потому-то совершенно не случайно совпадение основы «крат» прилагательного «краткий» со словом «крат» (укр. «кратч-(ь)», белор. «кратч-(ь)» и т. д.) 'раз', ибо на яфетической почве 'раз', '-жды' разъясняются как дериваты 'руки', как и «разить», франц. «coup» 'удар' и т. п., и «крат» также представляет слово со значением 'рука', восходящее к архетипу *kart* || *kort*. Вопрос лишь в том, имеем ли в первой части акающей разновидности *kar-*, как в арм. *kar* 'сила' (← *'рука' и т. п.), салское, resp. и-талское, племенное слово, или *kar* здесь позднейший представитель *kvar* (→ *kor-* || *kur-*), следовательно, и-берского племенного слова, как это выходит для прилагательного арм. *kar-t*, русск. «краткий» («корот-кий»).

Потому-то, т. е. потому, что слово 'длинный' (равно «короткий») семантически восходит к представлению о 'руке', к слову 'рука', *lar-go*, по-испански означающее 'длинный', в испанском же, как в латинском, означает 'щедрый', 'обильный' вовсе не отвлеченно-фигурально, а совершенно конкретно в связи с представлением о 'руке', о 'дающей руке' или, как до сих пор говорят у яфетидов, с 'открытой рукой' (груз. *qel-gashln* 'щедрый'), как в свою очередь с 'открытой' рукой, 'ладонью', в конечном итоге с 'рукой', 'стороной', 'боком', а вовсе не с 'длинным' связано французское *large* 'широкий', исп. *largo* 'ширина', 'просторность' и т. п.

Лишь когда слово использовалось в значении прилагательного 'хромой', привхождение этого семантического развития, имеющего прямое отношение к 'ноге', не могло происходить вне зависимости от того, что первоначально 'руки' и 'ноги' обозначались одним и тем же словом и в связи с этим, если архетип слов, означающих 'длинный' || 'короткий', звуча по шипящей группе *kvar*, самостоятельно или в составе гибридного термина, отнюдь не случайно наблюдается и со значением 'руки' в составе м. *kvar-ḡqan-1* 'левая (-ḡqan) рука',² то не случайно его созвучие, порой тождество со св. *kvaḡqau* 'хромой',

¹ Ср. в русском «короткий» и «на короткой ноге», т. е. 'близко', 'интимно'.

² Усеченно м. *kvar-ḡq-1* 'несчастье', 'неудача', 'неудачный' (ср. груз. *mar-ḡqen-a* 'левый' и *mar-ḡq-1* 'несчастье' и т. д.) и в то же время его эквивалент, сохранившийся лишь в грузинском имерском говоре [мегр.] *kvan-ḡq-1* 'однорукий', 'полгорсти', 'горсть' (В. Беридзе, Глосс., с. v.).

св. *l-kuḡḡ-1* 'хромать' и м. *kuḡḡ-1* 'нога', равно грузинским диалектическим (гур., им. из мегр.) *kvant-1* (← *kvaḡnḡ-1 → *kvaḡ-* 'нога'), технический термин в борьбе: так называется подставление *ноги*, чтобы свалить противника,¹ груз. (имер. гов.) *kvant-il-a/eu* 'с искошенной ногой', груз. (имер. гов.) *gadakvant-il-eb-a* 'заложить ногу на ногу'.²

Естественно по неразрывной связи наших прилагательных с 'рукой', *ḡḡsr.* и с 'ногой', основы их, особенно же архетипы, вскрывают звуковое родство, порой тождество со словами, означающими 'четыре'.

Расширить круг примеров не представляет теперь особой трудности. Кто ищет, тот найдет себе пищу и в кругу турецких материалов, начиная с парой тесно 'связанных друг с другом значений 'длинный' || 'короткий' и кончая, если не идти дальше, словом *ḡolak* 1) 'однорукий', 'безрукий', 'сухорукий', 2) 'калека'. Кто стучится в дверь, достучится и до тайных сокровищ семитических языков, в которых, например, трехсогласный комплекс *ḡrk*, используемый как глагол 'удлинять', от которого производят семиты по раз установившемуся шаблону и прилагательное евр. *ḡrōk* (ст. с. *ḡerek*), сир. *ḡarīkā* и т. д., представляет позднейшее извлечение соответственных согласных из двуплеменного составного слова *ḡar-k[ar]*, так что *ḡ* в данном случае заместитель *y* || *w* (ср. арм. *ḡ'eg-kar* 'длинный'), и когда мы в то же время в семитических же языках встречаемся с получившимся таким же образом трехсогласным корнем евр. *urk* || арб. *wrk*, от которого производят евр. *urēk* 'бедро', арб. *warīk*^{un} *id.*, то, во-первых, и здесь семитическая семья дает усеченный состав двуплеменного иберо-салского, собственно бер-салского, минимум четырехсогласного комплекса, как то видим в груз. *bar-kal* 'бедро', *ḡsr.* *bar-kar, и, во-вторых, созвучие слова, означающего 'бедро', первично 'ногу' (ср. груз. *berk-1* → *ferḡ-1* 'нога', также усеченно трехсогласно!) с прилагательным 'длинный' ввиду сделанных палеонтологических разъяснений отнюдь нельзя признать случайным.

В последних строках, собственно, подводится итог, как палеонтология вскрывает тождество основ *var* || *mar*, в значении ли это 'руки' или 'ноги' с восприятием последней и в значении 'бедр'. О понятии 'бок', 'сторона', давно отмеченном семантическом деривате 'руки', можно и не говорить. В то же время разъясняется выше и роль слога *mi-* [← *mo-*] \ *mə-* у сванов, как функциональной частицы, префикса,³ и его же как пережитка *mir-* (← *mor-* ~ *mos-* и т. п.) || *vir*, с аканием *mar*, значение 'рука',⁴ и в том или ином использовании получается «полный комплект данной основы по трем основным огласовкам», в полном виде — *mar* || *mor* || *mer*.⁵ В связи со всем этим кстати будет отметить, что берское племенное слово в значении 'руки' имеет, даже в одной акающей форме *mar* || *var*, гораздо большее распространение, чем это могло бы казаться или чем это пока доследовано. Я уже не говорю о том, что и абх. *à-vaḡa* 'бок', 'ребро' тяготеет к нему же своей основой *var* [*'рука' →] 'бок', равно его

¹ Ил. Чкония, Грузинский глоссарий, МЯЯ, I, с. v.

² В. Беридзе, Грузинский (картский) глоссарий, МЯЯ, VI, с. v. ჯვანობა/ḡ-a.

³ Стр. 157, ср. 158.

⁴ Стр. 158, 159.

⁵ Стр. 159.

усеченный вид *va* и самостоятельно как предлог 'обок', 'мимо' (в глаголах) и в основе составного *à-va+kið* 'ребро' (одна из костей ребра).¹ Спешу отметить здесь его только что наблюдаемое наличие в абхазском.² Конечно, в абхазском с обычным падением *g* в паузе, где его представляет краткий гласный *ä*: эта *à-šāä* = *à-šā* 'ручка' (сосуда),³ *äšmā* 'рукоять' или 'ухват плуга' и др. От этого слова, первично означавшего 'руку', происходит, несомненно, и абх. *a-šā-nā* (= *a-šāä-na*) 'хитрость'. Полная форма *šag*, как указывается в цитованной статье, налицо в грузинских словах *šag-dʒven-a* 'рука (*šag*) правая', *šag-šqen-a* 'рука левая'.⁴ Теперь ясно, что его, этот *šag*, мы и имеем в языке второй категории ахеменидских надписей, именно в слове *šag*, в значении 'раз', 'крат'.⁵ Как известно, в таком именно значении используется в яфетических языках слово 'рука',⁶ а не только 'дорога', как то я разъясняю в цитованной работе о новоэламском языке, т. е. языке второй категории ахеменидских надписей, только потому, что *šag* встречается в новоэламском тексте Нахши-Рустемской надписи в значении именно 'дороги', как идеограмма. Однако, как выяснила палеонтология, и при значении 'дорога' мы не различаемся с 'рукой', так как понятие 'дорога', 'путь' оказалось генетически связанным по семантике с 'рукой', как предметом представления об 'указании', 'направлении' и т. п. О связи с идеографически сохранившимися в новоэламском *šag* 'дорога' абхазского *a-šwa* 'дорога' (осн. *šwa*) было бы сейчас долго распространяться, да это нас вывело бы из круга акающих форм. В этом отношении в абхазском интереснее отметить разновидности с перебоем *g* по шипящей группе, именно *g ~ t̪ (nt̪) → d̪ (nd̪) → ʒ (nʒ) → ʒ (nʒ)*, т. е. *šad̪*, абх. *à-šad̪a* 'рукоятка' (шашки, кинжала) и т. п.⁷ Без дессибиляции с зубным аффрикатом сохранил это слово армянский в термине *mat̪* (теперь произносят *mad̪*) 'aratri manica', 'рукоять плуга'.

К фонетическому явлению не мешает привлечь и абх. *à-šad̪* 'змея' (*~šag*), равно вспомнить о перерождении того же племенного слова *šag* в *mat̪* в *šag-mat̪*, в грузинском — в *šad̪*: *šag-mad̪* (сохранили сваны) 'тотемный бог'.

¹ Едва ли в существительном *à-va-ga* 'бок', 'ребро' мы имеем pl. t. с окончанием *-ga*, ср. Н. Я. Марр, Абхазско-русский словарь, имеющий выйти в свет в ближайшие месяцы, s. v. [Эта работа Н. Я. Марра вышла в 1926 г. в издании Абхазской академии].

² См. Н. Я. Марр, Сухум и Туапсе (кимерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья, ИРАИМК, т. IV [перепечатано в ИР, т. V, стр. 153—161].

³ Ср. такое же семантическое использование *šel-1* 'рука' в грузинском.

⁴ См. еще в ИАН, 1913, стр. 425 в статье «Яфетические элементы в языках Армении», VI.

⁵ Н. Я. Марр, Определение языка 2-й категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания, § 51, ЗВО, т. XXII, 1914, стр. 55.

⁶ Н. Я. Марр, Грамматика древнелитературного грузинского языка, § 103.

⁷ Диалектическая стянутая форма *à-šad̪a* говорит не о другом происхождении, а вместе с формой единичности *šad̪ək* — о разновидности с оканьем.

О полигении семантики ('брат' и 'кровь')¹

Насколько быстрыми шагами идем мы в разработке палеонтологии, той части палеонтологии, которая врывается в сравнительную грамматику яфетических языков, следовательно, и в сравнительную грамматику яфетических с семитическими языками, можно ясно себе представить по тому, что еще в январе текущего года, когда, начав, не помню, в какой раз, в университете чтение яфетическо-семитической сравнительной грамматики, в части лексики первыми назвали мы примеры на соответствие начальных яфетических s || ш и семитических (s / š ||) ш, именно семит.-арб. *samiʕa* || евр. *шамаш* и яфет.-груз. (сс) *shen-a* 'слышать', и семит.-арб. *šaʕg- \ saʕg* || евр. *шег* и яфет.-груз. (сс) *si-sq̄l*, из них второе яфетическое слово *si-sq̄l* 'кровь' мы впервые снабдили весьма тщательно проработанной палеонтологией, кончавшейся, однако, вопросом, имеет ли отношение к делу, что корень слова, вообще само слово 'кровь', в архетипе, за исключением яфетического префикса (si-), есть одно слово со словом 'вода', да и приступили к изложению этой генескологической части словами: «Палеонтология термина 'кровь' пока не установлена». А теперь? Теперь мы можем сказать: «Палеонтология термина 'кровь' установлена».

Прежде всего семантически 'кровь' и 'брат' действительно являются словами, покрывающими друг друга, но 'кровь' не от 'брата' происходит, ибо нашего представления о 'брате' не существовало, когда не только существовала 'кровь', но имелось о ней совершенно определенное представление, и человечество располагало соответственно звуковым словом для ее обозначения, но в то же время нельзя утверждать и обратное или одно обратное. Во-первых, термин 'брат', конечно, не возникал из слова 'кровь', так как слово 'брат' возникло путем специального использования, позднейшего, именно в эпоху образования семьи и с нею представления о родстве единоутробном — путем использования термина, раньше существовавшего, того же порядка, именно члена одного общественного объединения, не семьи, которой еще не было, или рода в кровнонаследственном значении нашего бытового представления или соответственного представления, а объединения, вначале именно не расчлененного в своем составе также племенного образования с одним производственным или защитным делом, с одним уже культом, племенным или тотемным богом, с одним общим названием, которое носили все члены, каждый в отдельности, этого, следовательно, классово-производственного или трудового, а не породисто-кровного объединения; все члены, следовательно, каждый из них, были дети одной утробы-матери [← 'племени' → 'семьи' || 'дома'], в частности 'братья' в будущем, еще не выделявшиеся как особые юридические лица, более того, не осознанные в их индивидуальных братских взаимоотношениях и правах, и они же в порядке законного быта — мужья одной жены, ибо была полиандрия, они же часто социально трудно, да и вовсе не различаемые общие отцы детей одной матери, ибо понятия 'отец'

¹ Доложено в заседании ОИФ 10 III 1926 [Напечатано в ИАН СССР, 1926 г., стр. 781—786].

еще не было, долго и долго держалась матриархия; естественно, что в яфетических языках, пережиточно доисторических, без затруднения констатируем и наблюдаем, что термин 'брат', имеющий также значение 'друга', 'приятеля', 'соседа', 'сородича' и т. п., тождественен со словом 'муж' и даже со словом 'отец'. В частности грузинское слово *тама* 'отец', между прочим принимаемое по глубокому недоразумению за исконно-ласкательное детское слово, простое, мол, повторение слога *та* — *та-та* (какая первобытная наивность научного мышления!), на самом деле в грузинском есть редуцированный вид удвоенного слова — *mā-mā, в свою очередь представляющего позднейшее состояние архетипа также с удвоением *mal-mal, почему полный вид и слова *тама* 'отец', 'самец', по-грузински фактически гласит (давно все это печатно изложено) не *тама*, а *тамал*, и вот этот элемент удвоения *mal* в полном виде, он же первичный элемент, по дифференциации появляющийся и с плавным *г* — *таг*, находим мы в составе скрещенного термина 'брат' — груз. *ḍ-ma* ← *ḍa-ma, resp. *ḍal-mal, и термина скрещенного, также двуплеменного сал-берского, но по спирантному типу — *q-таг* 'муж', 'мужчина' ← *qa-таг, в архетипе *ḡal-таг, собственно *ḡal-mal.¹ В связи с груз. *тама* 'отец' находится и шум. *rā* (← *ra*, ср. груз. *раг-1* 'отец' из *ḡpa-раг-1* 'предки') и *rāb* (← *ra-*bar*) 'муж', 'отец', 'брат' ('дед', ср. арм. *раp* 'дед'). Фактов, подтверждающих это положение и идеологически (в части семантической) и формально (в части фонетической), великое множество, но у нас сейчас вопрос иной: какое в таком случае отношение имеет к слову 'брат' слово 'кровь' при всех их бесспорных созвучиях? Ведь мы знаем, что все слова имеют общие звуковые комплексы племенных названий, часто общий звуковой комплекс одного племенного названия, — и естественно звуковое совпадение слов, означающих самые различные понятия. Это все бесспорно. Но все-таки слово 'кровь' тесно связано с 'братом', воплощающим в себе по значению представление о принадлежности к членам одного и того же племенного образования, как к людям, не происходящим из одной крови, но ст. новящимся одной крови, состоящим в одной крови. Как бы члены эти ни распределялись в своих общественных функциях или по кровным соотношениям, все-таки они рисуются людьми одной крови, одной плоти, одной кости, независимо от того, одноутробные ли это братья (чего долго в общественном осознании и не было) или нет. Такое представление об «единой плоти» включало в племя, как трудовую организацию, в тотемном порядке, по всей видимости, и животных, как свинью, медведя, собаку, лошадь и пр. И потому 'кровь' отождествлялась по значению или идеологически со всеми

¹ Семантической части я теперь не осложняю тем, что налицо социальное, а не физическое восприятие термина, и это отражено в звуковой речи наглядно и ярко, поскольку в связи с этим термин для 'брата' и 'сестры' первоначально был один (груз. *ḍa* '1' 'брат' → *ḍa* '1' 'сестра'), равно для 'сына' и 'дочери' (груз. *ḡvīl*, ср. отчасти русск. 'дитя'), лишь впоследствии внесена дифференциация или путем использования звуковых разновидностей одного и того же слова, так у грузин — *ḍa* 'брат' и *ḍa* 'сестра', *ba-bi-a* 'дедушка' и *be-bi-a* 'бабушка', у прометеидов (индоевропейцев) *ра-ра* 'отец' и *та-та* 'мать' и т. п., или прибавкой слова 'женщина' к общему термину, чтобы получить 'сестру' — 'девушку', равно использованием женского рода (в семитических языках, даже в прометеидских: греч. *ἀδελφή* 'сестра'). Потому-то *тама* у грузин означает 'отец', а у русских 'мать'. Кроме того, лица именно мужской профессии имеют названия, общие с лицами женского дела, особенно, когда с делом связана власть, в зависимости от того, что мужчины впоследствии заняли господствующее в обществе место, патриархия следовала за матриархией.

членами одного племени-дома, со всем племенем-домом, т. е. с самим словом 'дом'; но значит ли это, что 'кровь' восходит к 'дому', от него происходит, или происходит к 'брату', а до 'брата' — к названиям членов одного племени-дома? Конечно, нет. В семантике при филиации родства или связанности различных значений происходит свое скрещение, перекрестное взаимное оплодотворение и сроднение, явление также генетического порядка, и надо его также учитывать. Есть генезис непосредственный, дающий независимое объяснение слов, как терминов, обозначающих естественные предметы, и есть генезис, объясняемый перекрестным воздействием одного семантического восприятия на другое, когда два предмета различного происхождения объединяются в нашем представлении одним общим углом зрения на их общественное значение; на название предмета, как такового, физически уже воспринимаемого, переносится значение того же звукового комплекса, название другого предмета, определяемое, однако, не его физической природой, а его функцией, когда речь о брате — функцией во взаимоотношениях членов сначала племени, как трудовой организации, впоследствии семьи, как детей определенных родителей. И это сближает слова, влияя не только на семантическую связь слов, названий предметов физического восприятия, со словами-терминами социального строя, «племенного «родства», но и на их фонетический облик; это поддерживает, более того — устанавливает их фонетическое родство, тождество, единство. Потому у 'крови' в доисторических языках, именно в яфетических (пережиточно и в исторических — протейдских, семитических и др.), несомненно и очевидное родство с 'братом', но 'кровь' сама по себе получила свое наречение как жидкость, потому у 'крови' могут быть и должны быть родственные связи, общность звукового комплекса с 'водой', 'вином'. С этой стороны выступление 'вина' в роли 'крови' и обратно — это глоттогонически понятное явление. Так же, конечно, общность слов 'вода' и 'кровь', так $\dot{i}ka\dot{l} \searrow *s\dot{q}al$ 'вода' ср. — арм. $\dot{q}al$ 'болото', 'топкое место' ($\searrow \dot{h}^1al-1-q$ 'волны') ← чанск. $\dot{g}al-1$ 'вода', 'речка', груз. $s\dot{q}ur-a$, resp. $\dot{s}\dot{q}ur-a$ (по типу шилящей группы) 'окропил' и $*s\dot{q}al$ 'кровь', архетип основы в грузинском слове $si-s\dot{q}l-1$ 'кровь', баскск. $ar-do$ 'кровь', слово скрещенное сал-ионское (архетип $*ha\dot{g}-\dot{d}on$), и арм. $ar-1wn$, слово скрещенное, также сал-ионское (архетип $*ha\dot{g}-1wn \leftarrow *ha\dot{g}-\dot{r}un-1$), 'кровь'.

Попутно отметим значение этого палеонтологического разъяснения терминов 'кровь' и 'вино' в линии связи с представлением о жидкости (о воде ли только, или и о семени?) для роли вина (да и 'воды очищения', не говоря о 'крови') в различных мистических учениях.

Выходит, следовательно, так, что у некоторых слов должно быть учтено и оправдано двоякое происхождение: одно непосредственное по физическому, казалось бы, восприятию предмета, вернее — магическому, другое — по социальному его значению. Но нужно ли на этом основании утверждать, что здесь мы имеем внедрение слова 'кровь' в круг терминов, обозначающих членов дома, впоследствии 'брата'? Такое внедрение, очевидно, обязывало бы к постановке слова в то или иное отношение к 'брату' и его окружению, племени, дому, путем придатка к нему племенного слова со значе-

нием 'брата' и более древних понятий его окружения, не исключая и понятия 'племя + дом'.

Теперь и только теперь можем мы произвести правильное сравнительное изучение слов, означающих 'кровь', как в пределах самих яфетических языков, так в пределах сравнения яфетических языков с семитическими:

СС
Г. $si-sq̄l-1$

ШП
Ч. $ḍin-ḥq̄ir-1 \rightarrow d1-ḥq̄ir-1$
М. $z1-sq̄ir-1 \searrow sə-sq̄er-1$
 $z1-sq̄er-1$

СВ. (из ШП) $z1-sq̄w$

неправильность $s \parallel$ ШП $s \nearrow ḥ$ ВМ. Ш $\nearrow ḥ$

позднейшая огласовка в ШП $1 \parallel e \sim u \leftarrow o (\searrow \text{ə})$:

архетип $sq̄or \nearrow ḥq̄or \parallel$ СС а: $sq̄al$

$s1 \leftarrow *s1n \parallel$ ШП $\nearrow *ḍin \parallel$ $d1n \rightarrow ḍin$ (ср. в значении 'воды', откуда и груз. $d1n-eb-a$ 'течь')

архетипы

СС $*s1-sq̄al-1 \parallel$ ШП $*ḍin-sq̄or-1$

семит.

$ḥaḥr \searrow saḥr \parallel$ Евр. $šer$
'кровь', 'мясо', 'кровное
родство'

яфет.

СС $*s1-sq̄al$ (архетип)
ШП $*ḍ1ḡn-1-sq̄er \parallel *ḍin-sq̄or$

Вторые части, — казалось бы, единственные основы, — идеально соответствуют семитическим эквивалентам, но что значит первая часть, префикс ли это, или пережиток слова, ионского ($ḍin$), имевшего в целом, как и вторая часть, самостоятельное значение, т. е. слово скрещенное или составное из ионского и салского племенных слов?

Салское племенное слово входит в виде $ḍal$ в значении 'брат', означая и 'воду' (трехсогл. $tka1$), следовательно, и 'кровь', в состав скрещенного термина $*ḍal-mal$ ($\rightarrow *ḍa-mḡa1$) $\rightarrow ḍma$ 'брат'.¹ Есть ли такой же скрещенный термин $*s1-sq̄al \parallel *ḍin-sq̄or$ 'кровь', или это составное из: а) $sq̄a1$ 'кровь', собственно 'жидкость', 'вода', и $-sq̄er$ 'кровь', собственно 'жидкость', 'вода', и б) определения $s1-$, как в терминах родства $s1-dedr-1$ 'теща', $s1-mamḡ-1$ 'тесть', $s-ḍal-1$ 'невестка', 'невеста', $s1-ḍe \parallel$ М. $s1n-ḍa$ (ВМ. $*š1n-ḍa$) $\rightarrow s1n-ḍa$ 'зять', 'жених', везде или 'дома' ($s1 \leftarrow s1n-$), или 'крови', 'мать' $\parallel$ 'женщина', 'отец' $\parallel$ 'мужчина', 'женщина' $\parallel$ 'девушка', 'дядя' $\parallel$ 'сын' ('зять', 'жених'); $sq̄[a]1$ (как $ḥq̄ir$ в Ч. и М. $d1n-ḥq̄ir-1$) в таком случае означало бы 'вода' $\parallel$ 'жидкость дома', resp. 'племени', 'братьев', но едва ли.

Как и в семитических языках, где 'кровь' не имеет никакого определения, префикса или суффикса, в выражающем ее слове, в сличаемых яфетических словах, груз. $si-sq̄l$ и его родне, мы можем видеть формально лишь подлинное ион-салское скрещение, как в арм. $ar-yun$ 'кровь' — скрещение из тех же

¹ Груз. $ḍam-ina$ 'брат', зват. падеж $ḍam-o$.

племенных элементов в обратном порядке, а в коптском, латинском и др. — ионберское (в латинском, собственно, ион-сал-берское). То же самое можем лишь говорить про сал-берское, как в грузинском, мегрельском, чанском, армянском, греческом и др., или бер-салское (в большинстве протомейдских, т. е. индоевропейских языков) скрепление в значении 'брата', поскольку и простые элементы, как салский, так ионский (кап в м. кап → ġap → çap || çun и т. п.), равно берский (ав. bī, уд. pī ← rīp ← *rind̥ ~ *rūr), значат 'кровь', но и 'брат' (груз. ḏa 'брат' и др.). Но семантически они были издревле, от начала возникновения термина 'брат' объединены в представлении доисторического человека, и это сказало не только в сохранении созвучия выражающих эти понятия слов, не только в совпадении слов 'брат' и 'кровь' в одних и тех же языках, преимущественно в языках более древней типологии или, вернее, системы (яфетических, хамитических), но и в фактическом положении, легко проверяемом, более объективного значения: скрепленные из тождественных племенных слов термины, в одних языках означающие 'брат', в других означают 'кровь'. Очевидно, эти слова восходят семантически к одному архетипу: 'брат+кровь', и, тем не менее, как мы старались выяснить в настоящей заметке, каждое из входящих тут в объединение понятий имеет и семантически, и формально-фонетически свое независимое происхождение. В объединенном же восприятии понятий 'брат+кровь' и соответственном отражении его в самом облике выражающих каждое из объединяющихся в одно целое понятий мы имеем дело с полигениею семантики, с одним из ее многочисленных случаев.

Разложимость мнимых примитивов, простых слов, и термины для понятия 'рыба'¹

На каком языке? Для яфетидолога ясно. Пока хотя бы на самих яфетических языках и тех, которые являются трансформацией различных глоттогонических эпох, т. е. турецких и угрофинских, хамитических, семитических и прометеидских (так наз. индоевропейских),² на любом из них.

Для понятия 'рыба' ведь термин не один, даже в кругу лишь прометеидских («индоевропейских») языков, это знает каждый зрячий, каждый, у кого есть слух; этого не хотели бы знать, не склонны осознать индоевропеисты с их идеею об едином праязыке, который им рисуется с построением научного языка с единой терминологиею, с одним общим названием для каждого рода, для каждого вида в любой семье животных. Этим я хочу сильнее подчеркнуть явную ограниченность традиционного кругозора, присущего, конечно, и мне, поскольку отсутствие единых слов я искал в категориях понятий исключительного порядка, более архаичных или с ними связанных, как-то: 'бог', 'добрый', 'злой' и т. п.³ На самом деле обычна множественность слов для выражения понятия или представления любой категории, не исключая 'воды', 'огня', 'руки', 'хлеба' и т. д., и т. д. Нормально именно это фактическое положение, свидетельствующее о таковом же первоначальном положении, конечно, до нас дошедшем с меньшей полнотою, с большим уклоном к объединообразию человеческой речи.

В яфетических языках особенное смущение, уже у другого класса с языковедными интересами, именно ученых националистического склада ума, вызывало то, что в двух столь родственных и соседящих языках, как мегрельский (следовательно, так же, как его двойник — лазский, или чанский) и грузинский, название 'рыба' звучит столь не созвучно, как новогрузинский (диал.) ზებზ (древнелит. груз. ზევზ) и мегр. ღჳომ (именные суффиксы отбрасываю). Тут, очевидно, ни о какой порче со стороны мегрелов грузинского языка речи не может быть. Более того: груз. ზებზ (древнелит. ზევზ) в архетипном яфетическом произношении *ževz, resp. *žewz, перебрасывает мост к слову 'рыба' в сванском языке, при учете грузинского сложения и разложения ew, resp. we ← и по норме свистящей группы, следовательно, по норме грузинского языка, как sul ← *swel 'душа', как gur- ← *gveг- племенной термин (основа названия области Gur-ia), но не сванского, в котором сложение ew, resp. we, закономерно дает и дало бы

¹ [Доложено в ОИФ 13 I 1926. Напечатано в ИАН, 1926 г., стр. 385—398.]

² Термин «индоевропейский» есть плод недоразумения, пережиток той эпохи, когда санскрит казался матерью этой семьи языков (см. Н. Я. Марр, Абхазский аналитический алфавит. К вопросу о реформах письма, Труды яфетического семинария, I, изд. ЛИЖВЯ, стр. 7 сл. [см. здесь, стр. 322 сл.]; см. также печатающуюся в ЯС, т. IV, статью В. И. Абаева «О терминах»). С термином «индоевропейский» нам, яфетидологам, можно расстаться, но название «индоевропеист» сохраняется и у нас за теми, которые прометеидские языки, т. е. языки, называвшиеся индоевропейскими, продолжают пережиточно по сей день и долго будут изучать по-старому, вне путей, открываемых яфетической теориею.

³ Н. Я. Марр, Об яфетической теории, НВ, кн. 5, стр. 317 сл. [ИР, т. III, стр. 11 сл.].

ō: *šōz. Следовательно, в сванском $\text{šuz} \leftarrow *šuz^1$ мы имеем заимствование термина из языка грузинского типа, т. е. свистящей группы, однако в отношении начального согласного, стоявшего на более архаичной ступени развития, о чем свидетельствует его аффрикатное состояние с $\text{š} (\parallel \text{ʃ})$ вм. простого ʃ .

Однако, настаивая на отсутствии «порчи» с чьей бы то ни было стороны в двух поименованных словах с одним и тем же значением 'рыба', груз. šebz и м. šqom , мы теперь имеем основание и идеологическое (согласно твердым нормам семантики) и формальное (по законам звуковых соответствий, вскрытых палеонтологией), утверждать, что это разновидности одного и того же слова. Для тех, кому это невдомек, предлагается освоиться с отождествлением названий двух черноморских городов, в числе их столицы Абхазской республики, в статье: «Сухум и Туапсе (Климерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья)»;² в местном произношении эти названия городов šqum , resp. * šqum , и Tofs . Созвучие этих названий со словами, означающими 'рыбу', м. šqom и груз. $\text{šebz} \searrow \text{ševz}$, еще большее, чем это кажется, т. е. доходит до тождества, так как узкий губной гласный в названии города лишь замена широкого, т. е. название города могло звучать и * šqom — совершенно так же, как м., ч. šqom 'рыба'. Что же касается Tofs (с раздвоением гласного «о»: Twafs), то, во-первых, разница с груз. $\text{šebz} \searrow \text{ševz}$ 'рыба' лишь групповая (т. е. в зависимости от огласовки той или иной группы), название города с огласовкой шипящей (окающей) группы первого слога to- , тогда как та же часть грузинского слова 'рыба' экающей группы $-\text{de}$; во-вторых, грузинский язык сохранил форму этого нарицательного имени и с оканием, но в усеченном его виде, как м. šqom 'рыба' и šqum 'Сухум', именно с потерей последнего коренного $\text{s} (\rightarrow \text{z}) \sim \text{r}$: слово в этом виде звучит $\text{to} \rightarrow \text{tof}$, и в своем «Глоссарии грузинского языка» В. Беридзе tof объясняет как 'метание икры';³ мне же из родного гурийского говора при восприятии в том же смысле термин $\text{to} \rightarrow \text{tof}$, кроме того, известен как обозначение 'появление рыб во множестве', собственно и 'метание икры' представляется, очевидно, как 'рыбное действие', т. е. первоначально значило 'рыбу', resp. 'рыбы', согласно семантическому положению «части по целому» — $\text{to-} \rightarrow \text{ryba}$ ← мегр. to-ba ['вода'] 'озеро' и т. д.⁴ Не может смущать и идеологическая сторона совпадения слов, означающих 'рыбу', с топонимическими терминами, названиями городов, стран, не говоря о реках. Ведь то же самое мы наблюдаем не только в яфетических языках, в м., ч. šqom 'рыба' и груз. šqum 'Сухум', груз. Le-šqum 'Лечхум' (это одна из областей Грузии), груз. kalmaq 'форель' (← вообще 'рыба') и крепость в древней Грузии $\text{Kalmaq} (\rightarrow \text{арм. Катақ})$, но и у турок: balək 'рыба' и Balək 'название города', известное еще из уйгурских

¹ По-свански šuz значит обычно 'осетрина' ('осетр'), 'балык', но, собственно, слово означало именно 'рыбу', как можно видеть по отыменному сванскому глаголу у лентехцев $\text{li} + \text{šuz-e}$ 'ловить рыбу', да по существу и у лашхцев $\text{li-n} + \text{šuz-e}$ 'опускаться в воду (напр., в котле), чтобы достать откуда что-либо'.

² ИРАИМК, IV, стр. 299—310 [ИР, т. V, стр. 153—161].

³ МЯЯ, VI, s. v.

⁴ В связи с этим есть колебание, слово сал-берское или ион-берское скрепление при наличии м. $\text{ton-ba} \rightarrow \text{tom-ba}$ 'озеро' и т. п.

надписей. Дело в том, что слова, простые они или скрещенные, со значением 'рыба' представляют собою племенные слова, следовательно, племенные названия, а племенные названия лежат в основе топонимических терминов, названий городов, стран и т. п., само собою понятно, каждый раз с тем конкретным значением, которое определяется применением его к данному предмету, стране и т. п. Так-то, говоря отвлеченно, и Olbi-a (|| urb-s 'город'), будучи также сал-берским скрещенным словом, могла бы обозначать 'рыбу'. Впрочем, не потому ли в ее гербе появляется дельфин?

Реальное же семантическое определение слова 'рыба', как выяснила палеонтология речи, ее названия, общие ли они, или перенесенные на специальные рыбные виды, восходят к слову, вернее — к словам, означающим 'воду', гесп. 'море', 'реку' и т. п., по положению: «часть по целому».¹

Но сейчас нас интересует лишь формальная сторона, вскрываемая палеонтологией речи, именно то, что слова, означающие 'рыбу', даже, казалось бы, простые вроде грузинского трехслогового ʒebz , вскрываются как составные $\text{ʒe-bz} \searrow \text{ʒe-vz}$ при палеонтологическом подходе от племенных слов, салского ʒe ($\leftarrow *ʒel$ $\leftarrow *d̥el$) и берского $\text{bz} \leftarrow \text{ps} \sim \text{br} \rightarrow \text{pr}$. Тождественное построение с тем же, как в ʒe-bz , видом берского племенного слова, утратившего огласовку, по всей видимости губную ($o \leftrightarrow u \searrow \text{ə}$), имеем и в грузинских словах семантических групп $\text{ko-bz} \searrow \text{ko-vz}$ 'ложка', $\text{pe-ps} \searrow \text{pe-ms}$ 'иголка' и т. п. Одной же с груз. ʒe-bz 'рыба' семантической группы термин, утративший плавный r ($\sim s$) в исходе ($\text{pʷ} \leftarrow *pu \sim \text{p}i$, гесп. $\text{p}i \leftarrow \text{p}i\text{r}$) при полном виде первой части (del): его сохранил греческий язык в слове $\delta\epsilon\lambda\phi\acute{\iota}\varsigma$ (основ. род. $\text{del-p}i$ -) в значении 'дельфина'.

Далее я даю лишь таблицу с несколькими оговорками, не останавливаясь, как прежде я делал, на разъяснении элементарной части сравнительной фонетики яфетических языков:

1) Вопрос о трехплеменном составе пока стоит под вопросом: $-k$, равно $-pa$, могут быть сравнительно позднейшими суффиксальными придатками.

2) Прежние этимологии, без применения палеонтологического подхода от племенных слов, требуют пересмотра, в числе их и арм. $\text{d}i\text{k}e\text{p}$ и т. п.

3) Пережиточно полную форму bal слово 'рыба' выявляет в производном gy-bal-ka «рыбалка» 'промышляющий рыбной ловлей', 'рыбная птица чайка'. Несомненно сюда тяготеет русск. gusal-ka 'рыба + женщина' [$\text{'рыба' (gu) + 'женщина' (sal)}$], с наростом лишь суффикса, хотя бы первично и племенного слова. В таком случае пучок значений, если не реально, то формально связанный, именно 'рука + женщина + вода', следовательно, и 'рыба', находит свое применение в следующей русской тройне, разделяющей общность рошского племенного слова с перегласовкой ($\text{gu} \parallel \text{ge}$): $\text{gu-ka} + \text{gu-sal-ka} + \text{g}e\text{-ka}$, гесп. gyba ($\swarrow *gu\text{-bal}$).

4) В таблице отнюдь не представлен исчерпывающе весь лексический материал по рыбам. Устранены из нее вообще сродные слова, означающие пресмыкающихся.

¹ Вопросу посвящена работа, читанная еще 14 октября 1922 в ЯИ в качестве доклада на тему «Согдийское кр 'рыба', 'вода' (Из яфетической палеонтологии)». Частично вопрос получил детальное освещение при трактовке реально или мифологически сродных с 'водой' терминов, как-то 'лошадь' (Филистимляне, палестинские пеласти, и расены, или этруски, сборник «Еврейская мысль», 1926, / стр. 4).

Простые
Имена
Слова
Скременные

А. Сибирянтная ветвь

в) экаюш. группа	б) шипящ. группа (окаюш.)	а) свистящ. (акаюш.) группа																										
ter←tfer см. VI, A, B. fer см. VI, A, B. ze-см. V, A, B.	-də (←*dūr, см. V, A, B, 6 [adχ. də 'вода'] [arm. dūr 'вода']	tar [эм. kca] грз. 'вода'] см. VI, A, a. tar-см. VI, A, a. sa-, см. X, A, a	I	Салское	pul-см. VII, B, 6 -vz- / -bz см. V, A; 6 fse-←*rus см. VII, B, v [y6. b də 'вода']	bal-см. VII, VIII, IX, B, a -pa (ap) см. VII, A, a -ba см. VIII, B, a [γa ma 'вода + река'] ma-см. X, A, a	II	Берское	III	III	IV	IV	V	V	VI	VI	VII	VII	VIII	VIII	IX	IX	X	X	XI	XI		

<p>kał (м. VI, Б, а VI, -а сл. VI, Б, а</p>	<p>*a (←*han), ср. I Б, а, Б, а, шпр. Б, а, шпр.</p>	<p>kał-+ma-đ св. 'рыба' грз. 'форець' qa-m's хамса 'рыба', ка-ра-р см. X, Б, а.</p>	<p>kał-a суоми, эст.</p>	<p>bał-a-k (←*bał-kan?) трк. ср. XI, Б, б.</p>	<p>bał-lo (←*bał-lof) 'кит' лт. ср. XI, Б, б.</p>	<p>a-га-п (←*га-п-а) ~*га-п-а →а-га-п бск.</p>	<p>ka-ра-р-тин грз. 'лець рыба'</p>	<p>bał-la-+ en-a лт. 'кит', фал-ла-п-а грч. 'кит'</p>
<p>-kol чрк. ку, см. VI, Б, б шпр. уу[y] кит</p>	<p>ə (←*ɣun) см. V II, Б, б</p>	<p>ko-br 'сезан рыба' грз.</p>	<p>кп-а шм.</p>	<p>pul-ə (←*pul-ɣun) чв.</p>	<p>гы-ба (ɣunf-ba) ~гум-ба русск.</p>	<p>iq-ɣu (←*ɣuɣ) грч. ἰχθύς</p>	<p>ba-лык (←*bał-lu-k) ←*bał-lu-k -kan? трк. ср. VII, Б, а.</p>	
<p>ɪ← [h]un см. IX, Б, а -kin *ke←-ken см. VII, Б, в</p>	<p>re- см. VIII, Б, в.</p>		<p>pe-s-ki (-ke)s (←*pus-ken, лт., ср. ит. pes-ce (pes-ke)</p>	<p>re- m (ɣə-m)</p>				

Р. О п и р а н т н а я в е т в я

а) со спирантизаци. (акант.) б) со спирантизаци. (окант.) в) экант. спирантизаци.

5) На греч. ἰχθύς придется, как и на словах ишар || вешар, особо остановиться, используя и то, что уже сближалось с ними реально, в процессе разъяснения мифологически также связанных с 'водой' 'лошади' или хтонических существ, так греч. Ἐρχθεύς || Ἐρχθεύς (E-geq̄-θe || E-ḡq̄-θe), представлявшийся как 'чудовище-змей' и т. д.,¹ евр. гаh-ab (в паузе gā-hab) 'морское чудовище'.² Как в греческом термине, так и в еврейском и других подобных случаях, сомнение лишь касательно q̄, resp. h: правильно ли относить его к первой, а не ко второй части, в каком случае в греческом группа q̄θ представила бы двойник sθ || шθ, раздвоения q̄ || θ. Ясна теперь и палеонтология согдийского кр 'рыба', с какой бы она ни была огласовкой, акающей, окающей или иной, всегда двуплеменное скрещение ka-p, resp. ko-p и т. п., во всех случаях с утратой конечного коренного г ~ s второй составной части, как в м. θq̄o-m, груз. to-b → to-φ и т. п.: в первом случае (ka-p) представляет соответствие ч. qa-ms без исходного его коренного s (ср. также ч. qa+φ-ḡa 'хамса рыба', здесь с наращением -ḡa); -ḡa, по всей видимости, остаток ионского ḡan (ср. арм. ḡan-ar), двойника также ионского ḡn, наличного в груз. ka+paḡ-ḡn, resp. ka+paḡ-ḡn-a 'лещ рыба' при ḡn || ḡan → ḡan → ḡa 'рыба'. Во втором случае (ko-p) — груз. ko-br 'сазан рыба' без исходного его коренного (г ~ s). Мы здесь не обсуждаем тех случаев, когда в силу положения «часть по целому» разновидность qa-ms 'рыба' с обратным порядком племенных слов, бер-салским — φ-qa, у грузин сохранилась в значении 'рыбией кости', а полной формой берской части (ms) у египтян она в виде msh (копт. $\overline{\text{msa}}\tau$) означала 'крокодил'; то же самое означал другой вид, Геродотом (2, 68) сообщаемый, как египетское слово χα-μψ-αι, того порядка, что ч. qa-ms, если m в нем не замена n при аффрикатном губном ψ вм. n, что дало бы в архетипе уже особое, именно ион-берское (*qan-qs-) скрещение.

Мы ждали бы в значении 'рыбы' и dop ~ hon, но это слово точно захвачено 'лошадью'. Эту основу мы имеем в значении 'лошади' от Черноморского культурного района до Сибири, где находим его и в значении 'воды+реки', но не 'рыбы'. Однако, случайна ли эта встреча 'лошади' с 'рыбой' в использовании одной и той же формы ионского племенного слова? Встреча в словотворчестве со столь дальней стороной, даже с совершенно чуждым, казалось бы, Европе Китаем, нам не причиняет головокружения. С уверенным спокойствием летописца доисторической были мы вносим в прилагаемую таблицу китайский фактический материал для иллюстрации лишней раз яфетического положения семантики «часть по целому», именно шиг 'вода' ~ (фонет.) → (семант.) yu[y] 'рыба'.

¹ Н. Я. Марр, Филистимляне, палестинские пеласги, и расены, или этруски, «Еврейская мысль», 1926 г., стр. 27.

² Ук. соч., стр. 25—26.

О происхождении языка¹

Нельзя обойтись без предисловия. Хочу предупредить читателя об опасности усвоения наших взглядов. Наше понимание возникновения и эволюции человеческой речи находится в диаметральной расхождении не с наукой об языке, а с окаменевшими взглядами ее служителей, громадного большинства представителей господствующей лингвистической школы. Один из корифеев современной индоевропейской лингвистики во Франции Вандриес (Vendryès) совершенно правильно говорит без всякого, впрочем, возмущения или глумления (ему и за это спасибо), что яфетическая теория «противоречит самим принципам, на которых покоится до сих пор сравнительная грамматика индоевропейских языков».² Вопрос, однако, вовсе не об одной сравнительной грамматике, а о постановке языковедного дела вообще индоевропейцев и слепо следующих по их стопам не индоевропейцев, подобно им обосновывающих свое научное мировоззрение на данных мертвых, вообще традиционных письменных языков. Мало сказать, что яфетическая теория противоречит всей их постановке. Вынуждаюсь сказать больше: индоевропейская лингвистика не есть наука об языке, об его возникновении, оформлении и эволюциях, в определенные эпохи революциях и переоформлениях, а история сложившихся форм отдельных языковых групп с привязанностью к известным господствующим языкам, подкупающим культурностью исторических эпох и ее призрачной древностью, т. е. это филология первоначально, да и до наших дней классическая филология. Наука об языке (лингвистика)³ и филология это такие же различные области знания, как ботаника и садоводство. Нам, лингвистам, конечно, не безынтересны и не бесполезны наблюдения садоводов, но садоводы имеют специальное задание культивировать определенные растения и цветы: редкие и ароматные или чарующие взоры красочностью цветника классические языки, с той или иной национальной культурой Запада и Востока, вот что служит основным предметом их изучения и любования. Попутно у лучших из них наблюдается, как у хороших садоводов, позыв по натуре, но подобно тому, как социальная сторона христианства, еще на родине приводившая в особый ужас книжников и фарисеев, была удушена постепенно метафизикой и мудростью софистов, так социально-биологическая сторона науки об языке, заговорившая было в лице Гумбольдта, была занесена плеবেлами старых схоластических путей и погублена доктринерством ушедшей от жизни в себя учености. От нового сравнительного метода остались рожки да ножки, преимущественно его техника, выработанная наблюдениями над внешностью явлений, что привело к бессмыслице, исключительному развитию учения о формальной стороне речи.

У нас есть основание рассчитывать на общий язык с натуралистами, психологами и еще больше специалистами теории права и развития форм общественной

¹ Немецкий перевод статьи под заглавием «Über die Entstehung der Sprache» напечатан в журнале *Unter dem Banner des Marxismus*, 1926 г., январь [русский текст напечатан в ПЭРЯТ].

² *Revue celtique*, Париж, 1924, стр. 292.

³ Называют ее также то языковедение, языкознание, что приводит к большим недоразумениям, внушая мысль всякому, знающему тот или иной язык, хотя бы научно, что он тем самым лингвист.

жизни. Из историков кое-кто нас понимает, историки искусств и материальной культуры также, понимают и историки литературы, все они также филологи, но филологи, заинтересованные в содержании, в самой вещи, и лишь в неразрывной связи с нею уже формой, тогда как современные лингвисты-индоевропейцы в массе филологи-словесники, и в этом смысле настоящие словолюбы, и чем больше в них этой отрешенной от жизненности явлений филологии, тем меньше они способны понять яфетическое языковедение. А когда они начинают уразумевать, их берет страх перед необъятными перспективами, перелагающими творчество с плеч завещанных или надуманных фетишей на массовость неизвестного им материала и непривычную их историческому мышлению длительность творческого процесса образования новых видов от скрещивания. Потому-то в кругу лиц, не посвященных в природу стимулирующих нас материалов, простейшие яфетидологические мысли и положения даже авторитетным ученым, не говоря о последышах, кажутся идущими дальше, чем способны нас поддержать конкретные языковые факты. Не меньше у них страха от научного суда господствующей в Европе современности. Естественно, что даже действительные друзья наши из опасения дискредитировать дело, важность которого они уже понимают, искренне советуют нам перестать печататься, перестать дальше вести исследования, и без того далеко, мол, зашедшие; противники же, собственно невольные противники, предостерегают приближающихся к новому учению от его неосторожных приемов, указывая на пагубность их для существующей постановки научного дела. Да, не скрою: яфетическая теория, а с нею и я, мы губим отжившее научное дело, индоевропейское языковедение, в настоящей его постановке давно зашедшее в тупик, и в этой погребели, когда она станет всем ясной (для нас и теперь она очевидна), спасение науки об языке. Это вовсе не значит, что яфетическая теория в степени ее разработки и есть такой окончательный спасительный выход. Ей надо долго и много быть в работе. И до сих пор, если она двигалась вперед, хотя и слабо, то благодаря вольному или невольному сотрудничеству наличных у нас научных сил, она общее наше детище, отнюдь не личное мое произведение, а лишь посильное для меня выражение накопившихся в нашей среде знаний в призме зарождавшейся в Евразии современной нашей общественности; действительный же успех начнется с момента активного участия массовых работников, в числе которых, я в том не сомневаюсь, будет не мало Павлов из нынешних Савлов-индоевропейцев, когда они заставят себя учиться тому, что теперь отвергают, абсолютно не имея никакого о нем представления, ни материально, ни теоретически.

I

Тема «о происхождении языка», как она ни сложна и как она ни трудна, сама по себе не заняла бы у нас много времени, так как мы предполагаем в настоящей статье не доказывать, а лишь изложить в общих чертах яфетическую точку зрения на вопрос и, естественно, осветить его, исходя из тех фактических материалов, которыми распоряжается научно яфетическая лингвистика, т. е. из материалов языковых. Это вовсе не значит, что вопрос может считаться

исчерпанным одними языковедными изысканиями. С генезисом и развитием речи неразрывно связаны с одной стороны генезис и развитие общественности, коллективной создательницы человеческого языка, в связи с этим и генетические вопросы по праву, равно, конечно, по искусству и литературе, зарождение художественных форм, прежде всего изобразительного искусства и сюжетов, не исключая сюжетов литературных, в зародыше мифов, и постольку тех мировоззрений, которые впоследствии развились в особую область человеческого духовного бытия и известны под названием религиозных верований; с другой стороны, та же речь, звуковая речь, технически-генетически связана с физиологиею не только в способе произношения, фонетике, звуковой реализации речевой потребности, но еще больше и в системе управления орудием производства речи, в данном случае языком, с его окружением, и в реагировании на окружающий мир, сначала окружающий — внешний, затем и собственный — внутренний, в том или ином природно нашим организмом определяемом восприятии, суммирующем результаты пережитых реальных или также пережитых, равно переживаемых условных рефлексов, т. е. восприятии так называемой психологии. В своих изысканиях, мы, разумеется, также связаны, если бы даже того не хотели, со всеми этими факторами, сознательно считаемся с ними. Яфетическое языкознание, к тому же, само выдвигает положение об изучении человеческой речи в неразрывной связи с развитием первобытных форм общественности, не говоря о физиологических предпосылках системы звуков, общественно использованной и обращенной в технические средства языка. Но в нашей исследовательской работе, в нашем, следовательно, и изложении исходим лишь из языковедных материалов, говорим о том, или утверждаем то, что способны сказать нам сами лингвистические факты, факты наличные и наблюдаемые в яфетических языках. Но вот сразу же между мною и громадной частью, если не всей массой читателей вырастает стена в виде недоумения от незнакомства с яфетическими языками, с яфетической теорией.¹ С существующей в печати литературой даже, казалось бы, кровно или ближайше заинтересованные ученые так мало знакомы (а в широких кругах этого знакомства еще меньше), что мне в пору бы не в первый раз заявить, что то, что я сообщаю, сказка. Однако многих с новыми реально-научными запросами начинает привлекать эта яфетическая сказка, но смущают термины и формулы. Некоторых смущает, и даже сбивает, само незнание яфетических языков. Термин «яфетический» не только без всяких притязаний на какое-либо им приносимое значение, сам по себе он теперь не имеет и формального соответствия с тем, что выяснилось в языках, условно выделяемых этим

¹ Интересующимся ориентирующими статьями общего характера могу рекомендовать лишь следующие мои статьи, каждую для соответственного этапа в развитии нового учения: 1) Предисловие к «Основным таблицам к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими», П., 1903 [ИР, т. I, с. р. 23—28], 2) Кавказоведение и абхазский язык, ЖМНП, 1916, № 5 [ИР, т. I, стр. 59—78], 3) Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в основании средиземноморской культуры, МЯЯ, XI [ИР, т. I, стр. 79—124], 4) Яфетиды, Восток, кн. I, П., 1922 [ИР, т. I, стр. 125—136], 5) Чем живет яфетическое языкознание, изд. ЛИЖВЯ, П., 1923 (на грузинском языке) [русский перевод ИР, т. I, стр. 158—184], 6) Об яфетической теории, ВВ, кн. 5 [ИР, т. II, стр. 1—34]; см. также список работ в издании «Классифицированный перечень печатных работ по яфетологии», изд. Комитета по изучению национальных и этнических культур народов Востока СССР, Л., 1926.

названием. Термин был применен в первый период возникновения теории о них, когда, в процессе работы еще лишь над яфетическими языками Кавказа, было открыто родство их, в первую голову грузинского и ближайше родственных с ним бесписьменных языков Кавказа, именно мегрельского и чанского, с семитическими. Родство названных кавказских языков с семитическими тогда казалось родством братски сродных групп. Естественно, эти вновь определившиеся языки были названы яфетическими, чтобы не расходиться с принятым в науке также условным библейским термином в отношении семитических. Раз имена Сима и Хама были закреплены за определенными группами языков, Хама за хамитическими языками, родство которых с семитическими в науке уже признавалось и тогда, то из имен трех братьев, Сима, Хама и Яфета, оставалось лишь одно, чтобы наименовать новых кавказских родственников семитической семьи, и они были названы по Яфету. Это было сорок лет тому назад (я был еще студентом, студентом 2-го курса). С тех пор родство яфетических с семитическими укрепилось и уточнилось, взаимоотношения яфетических с семитическими, бесспорно родственные, оказались иными, чем это оценивалось в первый длинный период развития яфетического языкознания, и за самим термином «яфетический» теперь не надо искать иного смысла, как условное наименование семьи, в реальности определяемой не этим названием «яфетический», а иными совершенно конкретными признаками, как они выявлены уже определенным учением о них, яфетической теорией.

У незнакомых с литературой предмета, естественно, возникает вопрос, что это за яфетические языки, каково их распространение и какие у них преимущественные особенности, чтобы бремя такой важной проблемы, как происхождение языка, возлагать на материальные данные этих языков и возникшую на их изучении теорию.

Как в мире растительном существуют пережиточные виды, открываемые натуралистами в отброшенных от культурных районов или центров горных местах, так в ущельях и у склонов трех горных стран: 1) с юга Памира, 2) на Кавказе, 3) у Пиренеев сохранились реликтовые виды человеческой речи, представляющие пережитки языков доисторического населения Европы, более того — с известных эпох, весьма древних — языков населения всей Афроазии. Это в Средней Азии на Памире — вершицкий язык, заброшенный среди иранских, на Западе у Пиренеев в сторону Атлантики между французами и испанцами в окружении романских языков — баски, на Кавказе же во множестве сохранившиеся народы и племена, не относимые ни к индоевропейской, ни к семитической, ни к турецкой семье. Раньше все эти тремя островками сохранившиеся изолированные языки никак не определялись. Теперь они не только определены и определяются признаками взаимного родства там, где они оказались представлены многочисленной группой, именно на Кавказе, но определяются они и в несколько не менее ярких свойствах родства их, этих кавказских яфетических языков, с территориально разлученными с ними яфетическими языками, представленными изолированно в Средней Азии и на крайнем европейском Западе, в каждом случае одним языком, — одним языком вершицким, или бурицким, на Памире, и одним языком, баскским, в Пиренеях. Одновременно наметились такие глубокие корни каждого из этих

грех яфетических гнезд на территории, которую оно занимает, такие исконной древности неразрывные связи каждого из них с его языковым окружением, окружением из языков ныне и давно отнюдь не яфетических, что отсекается всякая возможность попытке усмотреть в роли какого-либо фактора миграцию (такая мысль приходила).¹ То есть исключается вовсе возможность того, чтобы тот или иной из этих трех пространственно столь разобщенных яфетических пунктов получал занимающее его население с яфетическим языком в процессе миграции исторических эпох, когда яфетические языки были уже сложившимися и кругом обретались принимаемые за чуждые или индоевропейские, или турецкие и другие языки; исключается возможность, чтобы баскский язык был внесен когда-либо отдельно какой-либо иммиграцией с Кавказа или, наоборот, кавказские яфетические языки вообще или какой-либо из них одиноко был завесен миграцией на европейский Запад в Пиренеи. Наоборот, выясняется, уже выяснилось на основании языковых данных, что громадные зияющие пробелы или разрывы между названными яфетическими стоянками были сплошь заполнены также яфетидами, так, на Западе по Средиземноморью разрыв сужается фактом, уже исторически, более того реально-археологически и реально-этнологически засвидетельствованным фактом существования яфетического народа (этрусков) на Апеннинском полуострове еще в исторические эпохи. Оставленные ими надписи, до сих пор являющиеся на Западе закрытым источником живой воды за семью печатями, вскрываются не только как документы яфетической речи, но яфетической речи особого круга, с особыми притом связями с баскским языком. Конечно, эту службу связи, яфетической связи, этрусский язык несет и далее, на Балканском полуострове, где досторическое население, в первую голову входившие в его состав пеласги, являются тезками этрусков, или расенов: наименования «этруск», «расен» и «пеласг» оказались разновидностями одного и того же термина, возникшими от разности форм, образовательных элементов, то префикса et-, то префикса re-, или суффикса -k → -g, и от разного племенного произношения самой основы, то акающего las (gas), то окающего tus (вм. тош) и т. п.²

С этрусками попадаем в Лидию, откуда происходит билингва, т. е. двуязычная надпись, арамейская и яфетическая (последняя, примыкающая к этрусскому). Еще южнее, именно в Палестине, о пеласагах, следовательно, о тех же расенах, или этрусках, в составе первоначального ее населения можно осведомиться в работе моей «Филистимляне, палестинские пеласги».³ Мы только скользим сейчас по вопросу о заполняемости и заполненности всего обширного пространства, зияющего между басками и коренным населением Кавказа, яфетидами, притом не одними этрусками-расенами, или пеласгами, а также и-талами, или фе-салами, по названию разновидностями салов, или алов, переживших в наименовании не только доисторического племени Европы, альпийского, но и ныне живущих на

¹ На Западе, где с достижениями яфетической теории в лучшем случае знакомятся с запозданием, оспаривают мысль о миграциях басков с Кавказа в Пиренеи (Bosch Gimpera, *Revue Internationale des études basques*, Paris—San-Sebastian, 1915, стр. 122), с 1922 г. нами окончательно покинутую, как покинута и мысль об обратном — о миграции иберов и басков с Пиренейского полуострова на Кавказ.

² Н. Я. Марр, К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги», ЗВО, т. XXV, стр. 301—336.

³ «Еврейская мысль», Л., 1926.

Балканах албанов, язык которых уже конкретно и реально выявляет отложения совершенно определенного яфетического языка, того же, что отложился на Кавказе и в армянском, откуда и те отмеченные и ученым Педерсеном (Pedersen), независимо от яфетической теории, впрочем, далеко не исчерпывающе, бесспорные точки соприкосновения между этими обоими языками, албанским, что на Балканском полуострове, и армянским на Кавказе. Албанский, переходный тип, в окружении дославянских языков, вместе с греческим, уже индоевропейским, на Балканском полуострове не менее, чем баскский язык с испанским и португальским языками на Пиренейском полуострове, представляют каждый свой замкнутый район языкотворчества на предпосылках общей яфетической основы, отнюдь не исключительно пеласгский, или пеласго-албанский, или, что то же, пеласго-фесалский на Балканском полуострове.

Балканы, однако, связываются не только за средние века с европейским Востоком, нынешним своим населением, в лице болгар, напоминая об их таинственных более древних тезках, приволжских болгарях, более древних, чем славянизовавшие или отуречившие их народы, сами вышедшие в процессе глоттогонического скрещения различных племен из этой же яфетической семьи. Балканы связаны с восточной Европой более сложно и за доисторические эпохи, опять-таки, если не говорить о других племенах первоначального населения Европы, то благодаря тем же пеласгам, что населяли этот средиземноморский полуостров, и их двойникам, этрускам, или расенам. Эти расены на Апеннинском полуострове поклонялись тому же доисторическому италскому племенному божеству в виде богини Туган, какому у нас на Волге поклоняются чуваша, до сего дня сохранившие название этой богини матриархальных эпох как общее название бога в виде Тугэ, или Тогэ. Это — те расены, пребывание которых на Волге свидетельствуется древнейшим названием Волги (Rha) и тотемное животное которых с племенным названием расов (лаша, равно лажа 'лошадь') первое открыло нам путь для вскрытия на Волге особо важного гнезда языкового творчества, доисторической глоттогонии.

Такой же глоттогонический район существует на Апеннинском полуострове, где в итальянских наречиях имеем яфетические переживания, часто минуя индоевропейский латинский, переживания не только этрусские, но и италские, или, что то же, албанские и иберские.

Иберское население, оно же в Европе ли-гурское, с префиксом «ли-» в названии, в Африке оно с тем же префиксом «ли-», ли-бийцы, собственно «ли-бусы», или «ли-буры», более органически связано с Африкой, чем то думает автор труда «Numantia», известный раскопщик городища Numantia в Испании, причем чувашским законом чередования г и s (ш) в основе bus вм. bur, равно огласовкой «ш», Африка связывается с Испанией в названиях населенных пунктов в районе того яфетического народа, басков, который на основе того же фонетического закона в названии понятия 'голова' с чувашами расходится тем, что произносит bur (bur-и) в соответствии чувашского руç.

В генетическом вопросе о речи пространственная связанность яфетических языков важна не одной возможностью заполнить благодаря ей громадное протя-

жение, отделяющее Кавказ от Пиренеев и Пиреней от Урала и далее. Расселение племен с яфетическими языками по указанному обширному протяжению вскрывает физически определяющиеся естественные деления заселенного некогда одинаково яфетическими племенами материка: в каждом из таких делений происходит независимое взаимодействие одних и тех же яфетических языков и их скрещение, образование новых видов, если не типов языка, более сложных, чем предшествующие виды или типы, и отличных не только от них, предшествующих видов того же района, но и от языков, таких же новообразований других районов, соседящих или более дальних. Такое творческое районирование различно слагавшихся племенных масс, везде одних и тех же, со скрещением их языков в результате развития той или иной хозяйственно-социальной жизни, и дало те различные группы языков, которые мы замечаем в районах Пиренейском, Апеннинском и Балканском, а также в Волжско-Камском и соседящих с ним районах.

На востоке от Средиземноморья в южном направлении от первоначального населения не осталось не перевоплощенным ни одного живого яфетического языка, наоборот, на яфетический слой легли позднейшие этнические образования, семитические, индоевропейские и даже турецкие, из-под напластований которых выступают лишь клинописные яфетические языки, халдский в Армении, эламский, в двух разновидностях, в Месопотамии и прилегающих странах, и особенно шумерский, и все вместе они и намечают линию распространения яфетидов в древнейшие эпохи от Армении до Месопотамии и далее, по видимому, до самой Индии, где недавно откопаны в глубоких слоях под буддийской ступой таблетки с шумерскими надписями, как то сообщают специалисты в заграничной прессе. Свидетельствуя о культурно-историческом, следовательно, классовом или сословном распространении яфетической речи, нахождение шумерского письменного языка нам фактически могло бы осветить теоретически уже намеченный яфетическим языкознанием путь также сословного или классового внедрения индоевропейской, именно арийской речи, санскрита, в Индию. В то же время связь санскрита с индоевропейскими языками Европы повторяет связь шумерского с яфетическими языками не только Кавказа, но и Пиренеев и Приволжья, здесь собственно изолированный чувашский язык с сильными и яркими яфетическими переживаниями. Чувашский с Приволжья и яфетический язык с Пиренеев, баскский, в отношении к древнейшему культурному языку, шумерскому, в некоторых своих слоях представляют диалектические разновидности окружающей группы к акающей, например, бск. $u \leftarrow hu$ 'вода', чув. $шu \leftarrow шu$, шум. 'вода' $a \leftarrow *ha$. С шумерским в других случаях чувашский и баскский объединяются в особенностях звуковых законов, но особенно по этой части, фонетике, чувашский в неизжитых своих яфетических слоях выделяется в одну группу с баскским и с армянским, одинаково не терпя плавного $г$ в начале слов и одинаково обнаруживая принадлежность к одному и тому же доисторическому племенному образованию, что не мешает им всем, в особенности же чувашскому, сохранять в своих других слоях родственные связи с древнейшими культурными языками Передней Азии, шумерским в Месопотамии и хеттским в Малой Азии.

Последние годы много было шуму по вскрытому проф. Грозни (Hrozny), казалось, «индоевропеизму» языка клинописных памятников хеттов, но элементарных сведений по яфетическому языку было бы достаточно, чтобы Hrozny отказался от поспешного своего утверждения; так, например, одного специфически яфетического синтаксического явления, именно постановки логического субъекта в дательном (он же винительный) падеже, а логического объекта — в именительном, было бы достаточно; чтобы не оттягивать, например, языка хеттского законодательства у яфетидов, выявляющих себя в нем и самими формами и словами, в числе которых имеем поразительные встречи, между прочим с чувашским. Остановлюсь на одном словарном примере. Дело идет о глаголе 'давать'. Яфетическая палеонтология речи установила, что глагол 'давать', 'дарить', как и 'брать', происходит от понятия 'рука'. В чистых яфетических языках и 'дарить' и 'брать' производились от одного и того же племенного слова, означавшего 'руку': чтобы отличить 'дарение' от 'брания', первобытные яфетиды одну и ту же основу или снабжали признаками направления¹ в свою сторону, чтобы означать 'дарение', или пользовались ее различными диалектическими произношениями. Впоследствии были использованы две различных основы, каждая принадлежавшая особому племени, хотя они обе одинаково означали 'руку': одно племенное слово со значением 'рука' стали употреблять для образования глагола 'дарить', другое племенное слово с тем же значением 'руки' для образования глагола 'брать'.

Попутно оговорюсь, что одно из основных свойств в яфетической речи, в противоположность индоевропейской и иной, наглядность словотворчества доисторических эпох, когда понятия связывались друг с другом не логическим, а образным мышлением, в образах. Но это обстоятельство, распределение различных племенных слов, одинаково со значением 'рука', для выражения противоположных по смыслу действий 'брать', 'давать', перешло и в индоевропейские языки, где для образования глагола 'беру' использовано иберское племенное слово, а для образования глагола 'дарить', 'дать' италское племенное слово. В языке хеттского законодательства те же племенные слова использованы в обратном порядке: глагол 'дарить' произведен от иберского племенного слова, а глагол 'брать' от италского племенного слова, и это распределение, наблюдаемое в хеттском тексте, мы видим и в чувашском языке, и, что особенно любопытно для нас, занятых ныне определением места чувашского языка среди яфетических, иберская основа глагола 'давать' в языке хеттского законодательства II тысячелетия до н. э., именно около 1350 г. до н. э., и в современном живом чувашском языке представлена одной и той же акающей разновидностью иберского племенного слова, т. е. rag, притом в чувашском языке с сохранением плавного г, тогда как хеттский успел ослабить г в полугласный «у» (рау, начертательно ра-1) или вовсе его утратить, как то наблюдаем отчасти и в чувашском.

Точно так же и раньше замечавшиеся шумеро-чувашские встречи и в фонетике и в словаре отнюдь не случайности. Не случайность и то, что само название

¹ В эпоху линейного языка собственно знаками или указанием: достаточно было соответственное движение руки.

шумеров оказалось закономерной разновидностью и названия «чувапей» и названия иберов, доисторического населения Европы, в частности и Пиренейского полуострова, где они ожествляются также в определенных слоях с басками. Раннее нахождение яфетического языка, шумерского, в Индии, если верить сообщениям об откопанных в ней соответственных памятниках, для нашей проблемы о происхождении языка непосредственный интерес могло бы представить лишь постольку, поскольку такой факт предполагает яфетический состав вообще первоначального доисторического населения Индии. Исследовательский уклон французских санскритистов, ищущих в индийской, уже арийской, культуре наследия доарийской культуры (так, известный индолог Сильвен Леви [Sylvain Lévi]) и в санскрите находящих пережитки неарийской речи, отчасти дожившей до нас в многочисленных местных неиндоевропейских языках (проф. Пшелудцкий), подводит нас к реальному яфетическому миру с реальными очередными проблемами яфетической теории. Вопрос о родстве дравидических языков с западноевропейскими яфетическими языками, мертвым этрусским и особенно живым баскским, не раз поднимавшийся и по сей день не теряющий в науке животрепещущую актуальность; во-вторых, вопрос о степени типологического и иного родства дравидических языков Индии с ближайшим к ней живым яфетическим языком, вершишским, на Памьре. В конце концов, эта обширность площади, занимавшей когда-то сплошь, с исторических эпох и поныне все редееющими бесспорными яфетическими оазисами, дает, конечно, и теперь громадный по разнообразию языковой материал для сравнительной грамматики не только синхронической (на плоскости лишь одной языковой типологии), но и диахронического разреза, когда выявляется сравнительно картина трансформации речи за различные эпохи самого языкового творчества, так называемой глоттогонии. Такое хронологическое, а не пространственное лишь распределение наличных яфетических языков и представляет первостепенное значение для нашей темы, создает преимущество яфетического языковедения в вопросе. При этом яфетическая теория совершенно отмежевывается в своих лингвистических изысканиях от историзма, ища и находя утверждение своих положений в нормах самих языков, независимо от хронологических норм культурных или письменных языков, в живых современных языках иногда с большим приближением к реальной древности, чем в древних и даже древнейшем письменном языке. В печати уже было иллюстрировано это на примере сродного слова для 'воды' в месопотамском шумерском, пиренейском баскском и кавказском (с южного побережья Черного моря) чанском, когда древнейшую форму термина сохраняет совершенно бесписьменный современный язык чанский, с колебанием от непочатой его формы до крайнего его сокращения — живой баскский язык, письменный лишь с XV века, и лишь одну самую усеченную или изношенную форму — древнейший письменный язык, клинописный шумерский.¹ Частичные признаки архаической типологии представляют, разумеется, древние яфетические языки, клинописные, халдский в Армении с IX в.

¹ Новый Восток, кн. V, стр. 311—312 [ИР, т. III, стр. 9].

дохристианской эры, эламский в двух разновидностях с V тысячелетия до VI столетия той же эры и столь же древний шумерский. Современные же живые яфетические языки, одинокий в Европе баскский, в Средней Азии — вершикский, в общем сохраняют с большой полнотой черты архаической типологии; но полную типологию различных глоттогонических эпох, эпох самого творчества речи, равно творческого процесса ее перестроек, а не просто эволюционного развития, вскрывает наличное лишь на Кавказе скопление яфетических языков, их взаимоотношения, отнюдь не укладывающиеся в какую-либо одну плоскость единого типологического развития. Здесь приходится самое сравнение производить на различных плоскостях различных стадий через агглютинативный к флективному с переходными формами, и тогда лишь сопоставлять различное типологическое состояние различных плоскостей, т. е. вырабатывать сравнительную грамматику диахронического характера, потому-то у яфетической теории в распоряжении не одна, а несколько сравнительных грамматик. При этом диахроническая сравнительная грамматика яфетических языков уточняется или умножается от факта родства с ними языков других семей, прежде всего, по времени открытия этого родства, семитической, затем индоевропейской, и, как с этого года выясняется, и турецкой, и неизбежно с теми, которые связаны с турецкой семьей, как угрофинская, монгольская и т. д.; с другой стороны, каждая сравнительная грамматика в связи со скрещенностью всех яфетических языков, одним из основных положений яфетической теории, осложнена работой над выяснением соотношений различных слоев языка, равно различных языков одного и того же социального образования, и в том и в другом случае отражающих языки различных племен, впоследствии различных сословий или классов.

II

1) Оставаясь в рамках темы, мы можем сейчас коснуться лишь тех положений яфетической теории, которые бросают свет на взаимоотношения зародышей не существовавшей еще человеческой речи, звуковой, и впервые возникших на свете языков, уже окончательно оформившихся. Нас не могут при настоящей задаче интересовать те эволюционно возникавшие видоизменения, которые отличают, например, древнерусскую речь от современной или старофранцузский язык от нового и новейшего. Более того, мы отнюдь не имеем в виду вопроса о происхождении так называемых новых языков Европы или им предшествовавших в литературе, исторически засвидетельствованных древних и древнейших культурных языков Азии или той же Европы, до возникновения которых существовали другие, еще более древние языки, случайно до нас не дошедшие, также исторически, иногда выплывающие на свет божий благодаря раскопкам. Между исторически засвидетельствованными древнейшими и древними языками и так называемыми новыми языками громадная «психологическая» разница, тем более, что последующие по времени их появления в кругозоре истории человечества языки вовсе не представляют простого продолжения одних нам известных предшествующих, даже так называемые новые языки отнюдь не являются пере-

рождениями древних языков и только; в возникновении новых видов громадную роль играли неучитываемые бесписьменные языки, часто в корне менявшие мышление языка; французский язык своим мышлением очень далек от древнегреческого, латинского или санскрита, но все-таки это наше логическое мышление, общее у нас со всеми историческими народами, не только современными, но и древними, не только с греками, римлянами и индусами, индоевропейцами, но и с евреями, ассирийцами, египтянами, хеттами и шумерами и т. д.; словом, семиты ли они или хотя бы яфетиды и иные народы исторических эпох, языковое их мышление при всей глубине разницы не выходит за пределы понятного нам уже сложившегося логического мышления. Здесь чет моментов того дологического состояния мысли, при котором, по правильному утверждению Леви-Брюля (Lévy Bruhl), человек имел восприятия в образах с совершенно иными ассоциациями, как это подтверждает яфетическое языкознание, с совершенно иными доисторическими ассоциациями не идей, а образов. С ними-то и связано неразрывно не перевоплощение, а действительное творчество речи, перво-творчество. Когда говорят о новых языках, так русском, польском и прочих живых славянских языках, о немецком, шведском, и ином из остальных германских языков, о французском, испанском и любом другом романском языке, то было бы большим недоразумением, если бы кто предположил, что все эти так называемые новые языки представляют результаты такого же творчества, как творилась первая человеческая речь, где бы это ни происходило, как возникали первые звуковые языки. Так называемые новые языки, как и так называемые древние и древнейшие культурные языки мира, не творились в точном смысле этого слова, они не создавались, как из неотделанного материала создаются впервые формируемые предметы, заполняя пустовавшее место, поскольку таких предметов раньше ни в каких видах не было, поскольку, следовательно, звуковой речи до этого творчества вовсе не было, а возникали в процессе скрещения, слагаясь из элементов или целых слов уже существовавших в полной законченности различных языков. Здесь, следовательно, взаимоотношения сложившихся языков и их перевоплощений в пределах одинаково установившегося логического мышления, нам же нужно сосредоточиться на бесконечно длинном периоде дологического мышления, на его эпохах, когда творился язык при неустановленности еще той или иной формальной типологии речи. Поскольку мы имеем дело, следовательно, с фактами периода творения самой формальной типологии речи, тогда неразрывно связанной современной идеологиею особого дологического мышления, построенного не на базе готовых конкретных понятий, а переплетающихся друг с другом образов, мы возвращаемся в круг интересов палеонтологии речи или изучения природы языка в его доисторическом состоянии. Основная черта яфетических языков — это наличие в них доисторических переживаний, вскрывающих не только формы, но идеологию действительно первобытных эпох, наглядность материалов, необходимых для построения учения о доисторических древностях языка или палеонтологии речи. Из таких палеонтологических положений мы сейчас остановимся лишь на нескольких: 1) формы различных типологических эпох творческого периода языковой жизни выявляют больше

расхождений, чем сходств, причем особого учета требует самое восприятие этих генетически связанных форм, коренным образом различающихся в различных, даже смежных эпохах, когда они из периода языковтвorchества, и отражающих в этом отношении соответственно различное мышление, в связи с различной природой социального строя в доисторическое и историческое время. Каждая эпоха творческого периода с присущим ей языковым типом знаменует тогда новое мышление. Иногда механизм языка остается в какой-либо части речи и в исторические времена тот же от структуры пережитого типа, но говорящий на нем народ успел в общем процессе развития жизни и переворота самой природы социального строя и с ним речи перейти на новое языковое мышление, мыслит по-новому, и тогда мы наблюдаем, что народ ломает или уродует заветные формы, извращенно понимает их, ибо строит из них новое. Так, например, по отвлечении одного падежа, именно творительного, особого образования, вторичного (ед. -w, мн. -w + q), в древнелитературном языке армяне совершенно так же как истые яфетиды-грузины в своем древнелитературном языке, различают во мн. ч. всего два падежа: прямой и косвенный; в чистом яфетическом, грузинском, прямой, принимаемый за именительный, служит логическим объектом при переходном глаголе, этот падеж как бы пассивный, а косвенный служит логическим субъектом, он активный. То же самое пережиточно наблюдается отчасти и в армянском. В грузинском появление субъекта в косвенном падеже, а объекта в прямом падеже объясняется страдательной формой сказуемого, так как, например, 'охотнику' или 'охотника убита птица' воспринимается как 'охотник убил птицу', причем в настоящее время грузин абсолютно не чувствует наличия формально фразы 'охотнику убита птица', он ее и формально воспринимает так же, как понимает идейно — 'охотник убил птицу', усматривая в им. падеже 'птица' раз он объект, винит. падеж, сходный с им., т. е. грузины перешли на мышление исторических эпох, на мышление более новое, чем та эпоха, которая создала указанную структуру фразы, с субъектом в косвенном падеже и с объектом в прямом падеже, именительном. Между тем обнаружилось, что в обеих формах мн. числа нет ничего падежного, падежные окончания на самом деле лишь показатели множественности, и вот эти мнимые окончания именительного и косвенного падежей, те именно, что в армянском древнелитературном (им. -q, косв. -š), наличны еще в роли лишь окончаний мн. числа в языке более древнего типа, абхазском, где нет вовсе склонения: в нем из двух окончаний мн. числа то, что в флективных языках служит для образования пассивного падежа, именительного, является множественной формой имен неразумных, а то мн. число, что в флективных языках служит для образования активного падежа, косвенного, в том же типологически более древнем языке, абхазском, служит окончанием имен разумных. Естественно, объект при переходных глаголах стоит в форме мн. числа имен неразумных, а субъект — в форме мн. числа имен разумных. Мы могли бы наблюдать стадию развития, когда не только нет еще отвлеченных категорий падежей с такими окончаниями, но нет и общественных категорий, разумных и неразумных, нет ни падежей, ни чисел, и те же окончания служат еще лишь признаками племенной принадлежности.

2) Яфетическая палеонтология речи вскрыла, что само родство языков не есть изначальное явление, равно как не изначальное явление закономерные звукосоответствия родственных языков. Даже эти звуковые корреспонденции — продукт развития общности, ее коллективного творчества. И, естественно, ни в одной области языкового материала, формальная ли она или идейная, это творчество, сведение всех явлений к закономерным соотношениям данной новой эпохи, не доведено до конца, нет этого даже в наиболее совершенном, наиболее развитом языковом типе, типе исключительно исторических эпох, именно индоевропейском. Чем глубже входим в доисторию, тем меньше этой нажитой закономерности взаимоотношений в звуках и формах слов, ставших общими путем скрещения племенных языков. Чем древнее в доисторию, тем меньше самих этих общих слов. Потому-то для генетических вопросов исследования несхожих или иррациональных явлений языка важнее, чем те, которые легко разъясняются сравнительной грамматикой, синхронистическим учетом фактов. Яфетические языки дали прочную базу именно для этого от эпохи к эпохе учета кажущихся иначе иррациональными явлений. И этот учет в разрезе времени, диахронический, открывает совершенно новые перспективы вглубь начальных этапов развития речи.

3) И в этом отношении в яфетических языках наблюдается поразительная двойственность, когда дело имеем с яфетическими языками более развитого типа, позднейшей эпохи доистории. Мышление и здесь опередило завещанную пережиточную технику, например, в глаголах. В грузинском все происходит от глагола, точно глагол есть более древняя часть речи, но одновременно каждое имя, каждое слово, даже союз в грузинском можно спрягать, точно особой категории глагольной вовсе нет. И, действительно, палеонтология яфетических языков вскрывает, что вначале существовали лишь имена. Если мы обратимся к соответственным частям Библии, как к фольклорному материалу, или живой старине, обращаясь лишь в легенду, но лишь в древней записи, то мы можем признать в них по существу правильное народное предание о том доисторическом состоянии речи, которое вскрывается теперь яфетическим языковедом, когда читаем (Бытия, 2, 20): «И нарек человек имена всем скотам, и птицам небесным, и всем зверям полевым». Словом, был момент, длинный период, многие эпохи, когда не было особой категории глаголов, были имена, те имена, которые впоследствии стали известны в грамматике под названием имен существительных и прилагательных, раньше также не различавшихся, так как первоначально в реальности были имена-представления, как бы знаменья, дававшие представление, образ предмета, а не понятие, состав и действие или состояние его.

Действие и состояние этих предметов могло проявляться лишь при сочетании слов постановкой в определенном месте, не трогавшей абсолютно формы слов, остававшихся теми же, следовательно, именами, или, по выработке морфологии, то же действие или состояние могло проявляться в снабжении их, имен, морфологическими элементами, признаками взаимоотношений предметов, то приставочными частицами, то органически сросшимися окончаниями и префиксами, но эти приставки, эти префиксы и суффиксы, признаки взаимоотношений, были те же для глаголов, что и для существительных, разница была не в элементах,

а в их функциях; например, у абхазов местоименный элемент «I» в глаголе выражает дополнение (тогда снабжаемое им слово — глагол), в имени — определение (тогда снабжаемое им слово — имя существительное). На этом общем всем языкам доисторическом состоянии речи и обосновано то, что в яфетических языках глаголы и имена имеют общие окончания, так, мн. число в глаголах выражается теми же элементами, что в именах.

Когда, однако, в языках глагол представляется основной частью речи, от которой происходит все, то это, конечно, позднейшее явление, и нигде нет такого яркого закрепления этой видимости, первородства глагола, как в семитических языках, чем существенно усекается палеонтологическая перспектива в доисторическое состояние.

4) Но для доисторического мышления недостаточно одного состояния имени. Имя должно быть семантически образным, дающим образное представление о предмете, чтобы принадлежать к доисторическому состоянию речи и рассматриваться как его наследие.

Чтобы конкретнее представить разницу между историческим и доисторическим строем значимости слов, семантики, остановлюсь на одном примере, именно, глаголе 'восходить' или 'заходить'.

Тот и другой представляют в основе глагол 'ходить' с определенным уточнением направления, движения 'вверх' («вос-») или 'вниз' («за-»).

Такое же исторически сложившееся выражение имеем иногда и в яфетических языках, в некоторых отношениях достигших исторического состояния речи индоевропейских языков, как бы вступивших в процесс индоевропеизации. С тем, однако, отличием, что в грузинских словах *ağ-mos-vla* 'восходить' и *ḡa-svla* 'заходить', букв. 'нисходить', предлоги *a-* (*a+ğ*) 'вверх' и *ḡa-* 'вниз' поддаются дальнейшему анализу, определяются генетически: *ḡa-* значит не просто 'вниз', а 'вниз под нами', в 'преисподнюю', в 'третье небо', или 'в третий космический мир', и вот *ḡa* сам по себе есть грузинское слово 'небо' ('верх') с семантической дифференциацией начального согласного (*ḡ* вм. *ḡ*), так как *ḡa* значило, как значит и теперь, наше 'небо', по представлению доисторического человека — 'верхнее небо', отсюда у грузин же теперь уже понятное другое название этого неба *ze-ḡa*, букв. 'верхнее небо', а *ḡa* значило по дифференциации 'нижнее небо', звуча в древнелитературном с разложением *ḡa*.

Такова история и предлога *a-* 'вверх'.¹ Обращу внимание на то, что, судя по частице *mo-*, в грузинском глаголе *a+mo-svla* — 'восхождение' предполагается в мир нашего нзхождения; факт же тот, что как в русском языке, так и в грузинском, в основе лежит глагол, самая отвлеченная часть речи, тогда как в доисторически установившемся значении глагол 'восходить' является производным от образно воспринимавшегося предмета, так, например, от 'солнца', 'утренней зари', 'света', 'луча', так даже у армян — 'восходить' *tag-el*, собственно 'излучаться', 'подниматься' как 'луч', 'свет', 'солнце', так как *tag* это 'луч' ← 'заря'. 'утро', 'небо', 'голова'.

¹ АФфрикат *ğ* (→ *q*) в *ağ* — показатель множественности.

И, естественно, глагол не нуждается ни в каком предлоге, равно как еl-, основа армянского глагола еl-ап-ел 'восходить', 'подниматься', грузинского 'выходить' *hel~sel,¹ одинаково семантически восходит к слову, означавшему 'утренняя заря', 'солнце', 'светило', восходящее или выходящее в мир hel-1 (греч. ἡ-λι-ος), что имеет свои закономерные эквиваленты, и звуковые и семантические, в яфетических языках.²

5) Упомяну еще о существовании пучковых значений, реальных и условных, и об излучении значимости каждого из входящих в эти семантические группы слов, в центре которых стоят представления о 'небе', 'руке' и т. п. Особенно важны для вопроса о происхождении языка многочисленные семантические излучения 'руки', т. е. то, что одно слово 'рука', без всякого изменения, имеет многие десятки разнородных основных значений,³ не говоря о том, что рука есть член тела, а названия членов тела оказались совпадающими с космическими терминами, т. е. состав человеческого тела оказался в этом отношении микрокосмом, а человек — носящим название 'неба'. В результате мы увидели, что звуковая речь в отношении слов состоит всего-навсего из нескольких первослов, не больше семи.

Опускаю в числе прочего одно из основных глоттогонических положений яфетической теории, это — скрещение, без которого не могла возникнуть никакая звуковая речь.

III

Место, да и тема, не позволяют остановиться в мере соответствия важности вопросов на значении открытий, вернее наблюдений, сделанных в последние годы, последние месяцы.

Во-первых, как уже упоминали мы, чувашский язык оказался яфетическим своими нормами. Определилось в значительной мере место чувашского языка среди яфетических. Разъяснилось не только племенное название чувашей, оказавшееся, как было сказано, разновидностью племенного названия «шумер», или «ибер», но и название соседящих с чувашами черемисов, или şarməş, оказавшихся по названию сарматами; а так как термин «иберы», с которыми через шумеров отождествляются по названию чуваша, оказался особой, древней формой племенного названия болгар, причем в неславянских болгарских словах действительно вскрылось иберское яфетическое достояние, а от племенного названия «сармат», разновидности «черемис»'а, оказалось происшедшим название сербов, то появление парно соседящих народов болгар и сарматов и на Волге, в виде разноплеменных чувашей и черемисов, а на Балканах, в виде одинаково славян болгар и сербов, еще более обострило значение передавших им свои имена племен первоначального яфетического населения Европы и взаимоотношений яфетидов со славянами, финнами и турками.

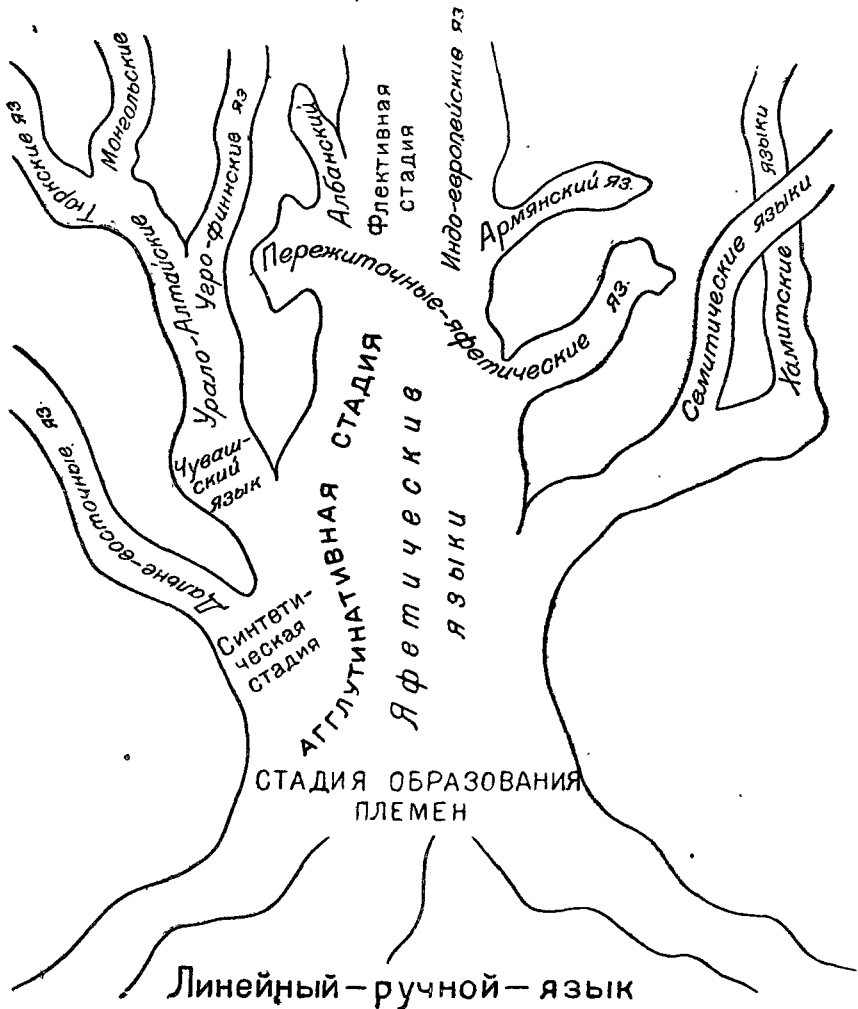
¹ В чанском o-sel-и 'подниматься', отсюда культовый термин у лазов mo-sel-a 'время вставания для совершения ночной трапезы за два, три часа перед рассветом'.

² Подробнее в курсе, читаемом мною в Ленинградском университете, «Палеонтология речи».

³ Н. Я. Марр, Яфетический Кавказ и третий этнический элемент, стр. 25 [ИР, т. I, стр. 99].

Во-вторых, еще год тому назад я был вынужден замеченными мною фактами сделать заявление в Академии наук, что индоевропейские языки представляют трансформацию яфетических языков, это вовсе не языки какой-либо особой расы. Индоевропейские языки представляют историческое состояние, яфетические — доисторическое одних и тех же языков. Год дальнейшей работы дал вскрыть племенное происхождение терминов родства в индоевропейских языках, за отсечением 'сына', имеющего также яфетический прототип, но иного племени. Остальные термины оказались возникшими в италской среде: это иберские, этрусские и италские племенные основы с италским племенным оформлением, т. е. родной индоевропейской речи в ее древнейшем слое намечается Европа, этрусско-италская Европа, следовательно, Средиземноморье, из которого не исключается ни северная Африка, ни Азия хеттская. Не касаясь сейчас вопроса об индоевропейских элементах, вскрывшихся в Малой Азии с хеттскими изысканиями, не торопясь предрешать вопроса, правда ли эти индоевропейские элементы, когда они действительны, занесены сюда с италского Средиземноморья, или они первые всходы индоевропеизма там же, в хеттско- и харийско-малоазийской среде, — одно ясно, что языки масс и здесь были не индоевропейские, и в каком бы месте ни возникала индоевропейская речь, носителем ее был лишь определенный господствующий класс, господствующее сословие, и из Малой Азии или западной Европы, или из Африки, с ним, с таким господствующим классом, приносился, по всем видимостям, не готовый индоевропейский какой-либо конкретный язык или общий, никогда не существовавший, праязык, а новая типологически формация языков, переходная от доисторических яфетических к историческим индоевропейским, и куда ни заносилась она тем господствующим классом, в Азию ли, или на окраины Европы, там на месте, с наличным населением в условиях его доисторического яфетического племенного состава, вырабатывался в тот или иной конкретный уже совершенный индоевропейский язык, в Индии в санскрит, на Иране в персидский язык, в восточной и северной Европе в славянские и германские языки; каждый язык, не исключая, конечно, и русского, в своем определенном геоэтническом районе, в путях скрещения с продолжавшими в нем пережиточно существовать доисторическими яфетическими языками, совершенно так же, как греческий язык, выработался в свой своеобразный совершенный вид на месте своего нахождения, усваивая от скрещивавшихся с ним пережиточных племен доисторического населения не только речь, но и мифы, и эпос. В западной Европе этот процесс произошел два раза, первый раз в пределах Апеннинского полуострова, второй раз в более отдаленных от очага зарождения первичных индоевропейских норм районах, где доисторические пережиточные языки оказались в преобладающем количестве, и потому получились так называемые новые романские языки совершенно особого типа, не изменившие архаичной природе доисторической речи, несмотря на громадное культурно-политическое давление римской государственности. Потому-то часто, например, у французского языка больше общего и в настоящее время с яфетическими языками, чем с древними индоевропейскими языками.

Заключу эту часть родословным деревом связанных с яфетической речью, как доисторической, языков в том виде, как это представляется пока, начав не с корней, разбегающихся в различные стороны и сплетающихся с действительно начальным языком, линейным или ручным, еще не звуковым, а сверху, однако, не с конечной вершины, до которой пока человечество не доросло, а с наличного завершения, совершенного типа, индоевропейского, возглавляющего сейчас это родословное дерево.

Итак:

- 1) Вершина, теоретически имеющая венчать все предшествующие стадии развития языка, — единая речь, общечеловеческая.
- 2) Ниже наличное завершение — индоевропейская семья языков.
- 3) Ниже, справа от ствола, отставший от его роста сучок: пережиточно наличные, известные с исторических эпох яфетические языки, стоящие на различных

ступенях типологического развития, с наглядным сохранением на стадии, близкой к индоевропейской структуре, пережиточных форм предшествующих эпох.

4) Ниже — отошедшая от роста ствола ветвь, ближайше родственная с флективными группами яфетических языков, семитическая семья языков.

5) Ниже, слева, отставшая от роста ствола ветвь, урало-алтайская группировка языковых семей, типологически более близкая к яфетическим языкам с агглютинативным строем, в числе их сванскому, мегрельскому, чанскому и из двух грузинских народному (не книжному древнелитературному), с чем намечается место тут же вслед за турецкой семьей с одной стороны для угрофинской группы, по всей видимости, и для монгольской, все благодаря чувашскому языку.

6) Ниже, справа, отставшая от роста ствола ветвь, хамитическая семья, которая, по выделении позднейшего вклада из семитических языков, проявляет агглютинативную и еще более синтетическую природу, т. е. характер типологического развития тех из яфетических языков, которые примыкают к абхазскому типу.

7) Еще ниже синтетическое состояние языков, в самих яфетических представленное пережиточно языками абхазского типа.

Под ним примитивы и с ними проблема о происхождении человеческой речи.

На этом родословном дереве особые места надо отвести четырем языкам:

1) двум гибридным или, вернее, в основе переходным от яфетидизма к индоевропеизму типам, одному из двух языков Армении на Кавказе и одному албанскому на Балканах и 2) двум еще переходным от яфетидизма к турдизму типам: народному из пары языков Армении на Кавказе и особняком стоящему на Волге чувашскому, который в основе также не гибрид, а переходный тип, но проявляет признаки прерванного скрещения с финскими языками и достигнут современностью в период борьбы двух уже исторического порядка процессов, по существу одинаково импералистически-культурных: прямого перехода на татарский язык, в результате приобщения к исламу через турок, и легкой замены родного языка русским в результате государственной руссификации при посредстве православного христианского миссионерства.

Предложенное схематическое родословие не говорит вовсе ничего о жизненной технике этих перерождений самих яфетических языков и выделений из каждого этапа их морфологического развития целых групп и семей, получающих свое дальнейшее совершенствование в пределах изжитых основным стволом норм, родословие не говорит ничего об общественных формах или общественных путях самого процесса развития всех этих явлений, о роли господствовавших организаций творческих человеческих объединений, о типах господствовавших классов доисторического порядка с сосредоточением всех видов магии в своих руках, в числе средств господства которых было и владение звуковой речью, имевшей тогда еще магическое значение.

В связи с этим умалчивается самое существенное в жизни языков, именно, связь их развития с определенными социальными группировками, этнополитическими, находящимися в основе племенных, сословными и классовыми. Исчезает возможность говорить о цельных народных языках в прошлом.

На самом Кавказе рядом с различными по диахроническим признакам языковыми группами, каждая особого типа, хронологически предшествующего или последующего, учету поддаются типологически различные языки у одного и того же национального образования; так, например, у армян два языка, один это древнелитературный язык, он — флективный, другой, так называемый вулгарный некогда армянский, ныне со средних веков и литературный, он — агглютинативный, т. е. выходит так, что древнелитературный по типу новее, чем современный литературный язык, вообще современная массово пережившая живая речь, и это вполне естественно, так как древнелитературный язык есть сословный феодальный язык, вымерший вместе с этим сословием, а современная живая речь это язык более древнего населения, из племенного обратившийся в древности тоже в сословный, но низший, язык поработенного социального слоя. Только по мере отмирания феодалов с их языком этот поработенный класс выступил со своим дотеле так называемым плебейским, или вулгарным, языком и лишь в XIX в. завершил полный переход на свой классовый, некогда племенной язык, как на литературный. Отмеченное явление наблюдается и в Грузии. И здесь язык архаичного агглютинативного типа современного населения вытесняет более совершенный типологически язык феодалов древней Грузии. Здесь в борьбе решающее значение имеет победа язычества над христианством в литературе; но разве не то же самое в возникновении литературы на так называемых новых языках Европы?

Не на одном Кавказе мы, таким образом, имеем возможность проследить процесс формации различных языков в шаг с развитием форм общественности, с их сложением или разложением: племенные названия, термины лингвистической классификации, здесь сплошь и рядом употребляются как сословные, совершенно так же, как на Апеннинском полуострове слово «плебей», означающее собственно пеласга, или, что то же, эгруска, но понимаемое обычно лишь как социальный термин. Ни в Армении, ни на Апеннинском полуострове, ни вообще где-либо в Европе не было и не могло быть иного национального языка в древности, как социальный, классовый. Словом, подход к тому или иному языку так называемой национальной культуры, как массовой родной речи всего населения, ненаучен и ирреален, национальный язык внесословный, внесословный пока есть фикция. Этого мало. Как сословия на первых порах развития выходят из племен, собственно племенных, также отнюдь не простых образований, путем скрещения, так и конкретные племенные языки, тем более национальные языки, представляют скрещенные типы языков, скрещенные из простых элементов, тем или иным соединением которых и образован любой язык. Палеонтологический анализ человеческой речи далее определения этих племенных элементов не идет, но к ним решительно и определенно приводят яфетическая теория, так что вопрос о происхождении языка сводится к вопросу о возникновении этих элементов, представляющих собою не что иное, как племенные названия. Устанавливается с несомненностью ограниченность основных племенных названий, от пяти до семи, быть может, было бы точнее, — от семи до пяти; во всяком случае в дальнейшем в яфетических языках замечается тенденция к сведению числа основных

племен к трем. Это происходит так, что постепенно различные звуковые комплексы настолько приспособляются друг к другу, что некоторые из них образуют пары, кажущиеся закономерными фонетическими разновидностями одного и того же названия. Но если остановиться даже на первичном числе, именно пяти племенных названиях, естественно встает вопрос: почему пять? В самом ли деле это число первично? Конечно, нет, но яфетическое языкознание доводит нас до этого примитивного пятиречья, вернее — пятисловия, в окружении таких фактических данных, наблюдаемых в самих яфетических языках, какие вынуждают нас утверждать, что звуковая речь начинает развиваться лишь с этого момента. Но почему вырабатывается пять, впоследствии семь основ, а не больше или меньше племенных названий, пять первичных элементов человеческой речи, наши материалы этого нам не говорят, и наши приемы не позволяют здесь высказывать что-либо фактически доказуемое. Следовательно, мы трактуем вопрос о происхождении языка, отнюдь не притязая на то, что им вскрывается начало начал. Речь идет лишь о возникновении и сложении звукового языка в пределах, намечающихся в настоящее время яфетической теории.

IV

К вопросу о происхождении звукового языка, специально звуковой речи человечества, мы подходим прежде всего со стороны роли слов, как носителей того или иного значения. Стороны звуковая и вообще формальная есть техника, ею определяется та или иная практика речи, но менее всего ею определяется происхождение. Мне уже приходилось обращать особое внимание в печати на исключительное преимущество яфетического языкознания именно в семантике,¹ значимости слов. Индоевропейская семантика обоснована анахронистически на житейских соображениях современного или древнего исторического быта, порою на объяснениях культурно-исторического порядка, путем отвлеченных логических построений, недоступных и прямо-таки чуждых первобытному человеку. Большую уверенность в правильности нашего подхода вселяет яфетическое языкознание, когда оно вскрывает, что «семантика вытекает, как морфология речи, из общественного строя человечества, его хозяйственно-экономически установившихся социальных условий, часто не имеющих ничего общего ни с нашими теоретическими построениями, оказывающимися в основе воздушными замками, ни с нашими реально-материальными восприятиями, анахронистически переносимыми на общественное мышление доисторического человека».² Такой научный анахронизм ничем не лучше того, что верующие и ученые богословы свои нынешние представления о боге переносят на первобытное человечество, в этом даже усматривают одно из доказательств бытия бога, всегда, мол, существовавшего в сознании человека. Зарождения речи вне того или иного общественного строя нет, как нет у слов иных значений, кроме порожденных определенным строем, созданным определенной хозяйственной жизнью, и вытекавшим из этого строя мировоззрением.

¹ Об яфетической теории, стр. 337 [ИР, т. III, стр. 31 сл.].

² Там же.

Человеческая общественность, ведь, создавалась. Ее, ведь, не было с самого начала. Однако же зачатки речи наблюдаются и у животных. Здесь основное заблуждение от неразличения языка животных и той человеческой речи, хотя и на изначальной стадии развития, которой говорим мы, все народы от самых цивилизованных до так называемых диких племен человеческого рода. Язык животных — в основе это произвольное природой данными средствами воспроизведение чувственного восприятия мира, в лучшем случае — это в порядке реального или условного рефлекса звукоиспускание, может быть, и звукоподражательное в их ощущениях воспроизведение. Между тем с самого начала мы должны отсеять глубочайшее заблуждение о какой бы то ни было роли звукоподражания в деле зарождения или возникновения человеческой речи. Напрасно в этом отношении лингвисты-индоевропейцы оспаривают положения психолога Вундта (Wundt). Факт же тот, что при возникновении языка человек вовсе не располагал таким количеством слов, чтобы расточать их на осознанное звукоподражательное выражение тех или иных явлений. Самое явление, звукоподражательная природа многих слов, отнюдь нами не оспариваемая, — результат позднейшей эволюции в восприятии того или иного слова за звукоподражательное только потому, что говорящий привык сочетать данное слово с определенным предметом, имеющим, действительно, в природном своем проявлении звуковое оглашение, так, например, для выражения звуков, испускаемых лошадью ртом и ноздрями, у русских слово «ржать», у грузин qvi-qvin-1 . Конечно, русскому «ржанье» вполне представляется звукоподражательным, как грузину qvi-qvin , и вполне естественно, так как тот и другой с соответственными терминами неизбежно ассоциируют определенные звуки. Но названные слова, как вскрыла палеонтология яфетического языкознания, возникли совершенно не от созвучия со «ржаньем», а потому, что «ржанье» есть природное свойство «лошади», ее характерный признак. Дело в том, что груз. qvi-qvin представляет удвоение основы qvin , праформы $*\text{qin} \leftarrow *qon$, что, как теперь известно, есть разновидность $\text{hōn-e} \rightarrow \text{hīn-e}$, означающего «конь», а русское «ржать» представляет глагол, производимый от основы «рж-», стянутой еще на яфетической почве формы слова $\text{ru} \leftarrow \text{ro}$, более древней разновидности основы losh слова «лошадь», и мы отлично знаем теперь, что груз. hīn-e и унаследованное от яфетидов русскими «лош» || $*ro$ — это племенные, в известных случаях тотемные слова, первое ионов, второе — этрусков. Следовательно, грузинское и русское слова, означающие «ржать», конечно, дают представление о звуках ржанья, но сами отнюдь в своем генезисе не отражают никаких звуков, ни в малейшей мере не звукоподражательны, а определяют ржанье, как «лошадиное» или «конское действие», буквально означая, да простится мне этот барбаризм, «ковить», или «лошадить». Такова же история абх. a+kig+kig-ga «ржанье», арм. qir-qind id. , бск. rhn-sir-1 , и samat-kina «ржанье». Дело в том, что каждое слово звуковой человеческой речи есть в источнике акт осознанного, а не аффекционального или произвольного действия. Животная речь пользуется в своем зачаточном состоянии аффекциональными средствами, данными природой, у одних звуками, например, у птицы, у других движениями, например, у муравья. Звуковые средства птиц громадны

в отношении пения, но это произвольный звук, это не звук языка. В языке не звук, а фонема, отработанный человечеством членораздельный звук, сопровождаемый работой мозгового аппарата, раньше влиявшего в тех же целях на руку, звук, направляемый мышлением, как раньше направлялось им движение руки, жесты и мимика линейной речи. Движения муравья в свою очередь не располагают и особым технически приспособленным орудием. Движение тут всего тела. Животный звуковой язык может лежать в основе позднейшего звукового художественного творчества человека, пения, музыки, а вибрация тела может лежать в основе линейного художественного творчества, пляски и т. п. Ни тот, ни другой путь не вел к человеческой речи.

Возможно, что антропоиды, как зоологические типы, не развившие еще общности, владели этим аффекциональным или спонтанным языком, шедшим из физических их данных и потребностей. Но языковые возможности человека на этой стадии развития отстраняем из обсуждения; отстраняем, однако, не потому, что таким материалом из наблюдений над людьми еще не располагаем. Можно воссоздать эту звериную речь не очеловечившихся еще людских особей на основании наблюдений над животными, от которых человекообразное существо в то время, если отличалось, то не преимущественными качествами, а сравнительными несовершенствами. Может ли натуральными данными человек соперничать в пении с соловьем, вообще в быстроте и свободе движений с птицами, даже в беге с ланью, лошадью, верблюдом и т. п., в силе со львом, медведем и т. д., и т. д.? Можно подумать, что человек нарочно был создан беспомощным для самозащиты, но приспособленным для создания искусственных приемов и средств борьбы за существование. Факт налицо, что нужда, именно нужда заставила человека искать возмещения своих физических недостатков в развитии способов труда, искусственных приемов и создании искусственных орудий, в развитии прежде всего концентрации сил, общности и организации коллективного труда, с чем органически связано и усиление потребности в языке, неизбежная работа над ее созданием. Природная, физически данная от начала звуковая речь такая же фикция, как создание ее богом в наивной библейской форме наделения человека нужными словами или иным каким-либо путем. Впрочем, и по Библии непосредственным творцом речи выводится сам человек.

Отстраняем природой данную звериную звуковую речь из обсуждения и потому, что природа человеческой речи иная, и не из звуковой техники берет она свое начало. Первая человеческая речь не звуковая. Она не только не была звуковой, но не могла быть, так как первобытное человечество осознавало и воспринимало окружающий мир в образах, для передачи которых звуки не годились бы и в том случае, если бы они были в его распоряжении, между тем они не были еще приспособлены. Из анатомического состояния палеолитических челюстей ученые заключают, что хозяева их должны были стоять в самом начале выработки языка. Однако несколько поторопились специалисты, наделяя человека первых эпох техникой изобразительного искусства и артистическим воспроизведением образов в линиях. Человеку, еще не говорящему, готовы были ученые присвоить реалистически исполненные картины. В новейшее время этнологи приходят

к мысли, что звуковая речь требует известной материальной подготовки. Действительно, первобытный человек, не владевший членораздельной звуковой речью, был рад как-либо указать или показать предмет, и для этого он располагал особым приспособленным в этих целях инструментом, рукой, так отличающей человека от остального мира животных. И сейчас так называемые дикие племена пользуются рукой, одно племя, например, для выражения 18 понятий, но некоторые из них, приводимые специалистами, обнаруживают, что мышление этих «диких» племен вовсе не первобытное. Наоборот, важнее для истории возникновения речи тот факт, что в яфетических языках многие десятки слов выражались основой слова 'рука'; не менее важно то, что понятие 'показывать' получено от понятия 'рука', так, например, груз. ჟი + en-eba 'показывать' от ჟი \ ши (шум.) 'рука'. Пока, однако, не возникало членораздельной звуковой речи, наследственно воспринявшей все достижения линейного языка с помощью руки, это природой данное орудие, собственно две руки, являлись выразителями речи: рука или руки были языком человека. Жесты, мимика и в некоторых случаях вообще телодвижения исчерпывали средства языкового производства. Это держалось так долго, что и по возникновении членораздельной звуковой речи доисторические люди не имели еще адекватного слова для выражения 'говорить'. Собственно, даже за этническую эпоху доисторического периода общего понятия 'говорить' не существовало. Можно было сказать о конкретной той или иной речи шумерской, скифской, иберской, этрусской, или расенской, италской, ионской, что такой-то говорит по-этрусски, по-италски, по-ионски и т. д., и это выражали глаголом от соответственного племенного названия, как-то: он 'иберит', 'этрусцит', или 'расенит', 'италит', 'ионит' и т. д., и это в отношении человека значило 'говорит соответственно, как человек данного племени' (поскольку племя и индивидуум носили одно и то же название), как 'ионит' и 'этрусцит' означало одинаково и 'говорит', первично в соответственной среде и 'ржет', когда речь шла о лошади данного племенного образования, но родового понятия, вообще 'говорения' не существовало как не существовало, как видно из указанного положения дела, попытки, да и возможности в термине 'говорить' отобразить технику речи. Потому, конечно, надо признать нереальным, когда в несомненно доисторически архаическом грузинском выражении *rig-metkvel-i* усматривалось мною указание на доисторическое восприятие техники общения и возникновения самой речи. По-грузински 'говорящий' *rig-metkvel-i*, 'говорит' — *i-tkv-is*, однако основа *tku* (→ *ჟჟი*) ← *იკი \ სკი*, отсюда трехсложный корень *tkw* имеет много других значений, так как, собственно, это значит 'скифы' ('человечит по-скифски'), точно так же как 'ржет' значит 'лошадит' ('этрусцит', или 'расенит'), — и вот все-таки палеонтологически важно отметить, что грузинский уточняет в сторону языкового действия этот глагол прибавлением слова *rig*, означающего, впрочем, не только 'рот', 'уста', но и 'лицо', почему 'говорящий', по-грузински *rig-metkvel-i* букв. 'скифящий устами' или 'лицом', а 'не-говорящий', 'бессловесный' — *rig-u-tku-i*, букв. 'не скифящий устами' или 'лицом', так что по грузинскому термину отнюдь нельзя настаивать, что речь имеется в виду лишь звуковая, язычная, а не линейная,

мимичная, лицевая, собственно в дальнейшем ее развитии более совершенная — жестики, ручная. И, действительно, в звуковую речь переходила связанность образов ручной речи, что пережиточно сохранилось даже в наличных яфетических языках; так, как будто от глагола 'называть', 'именовать' происходит слово 'имя', как 'зов'; на самом деле 'имя', как 'обозначение', 'указание' оказалось происходящим от 'руки', указывающей части тела, потому-то, например, глагол *toda* в грузинском одновременно значит в форме *u-toda* 'протянул ему', 'преподнес ему', происходя от *tod* (→ *tot*) 'рука', 'лала', и 'называл его', собственно 'указал на него', букв. 'рукой (сделал) на него' (последнее палеонтологически, как откапываемый в звуковой речи пережиток линейного, или ручного, языка).

Язык ручной, однако, также далеко не речь вне осознанного рефлекса, это не речь, целиком идущая непроизвольно из внутренних физических стимулов. Ручной язык предполагает технически развитость регулирующего мозгового аппарата и связь с ним, идеологически общественность, хотя и примитивную, и ее отражение в образах, указывавшихся рукой с дополнительной линейной изобразительностью посредством лица, мимикой.

Ручной язык не только давал возможность выражать свои мысли, образы-понятия и общаться с коллективом, но и развивать представления, как средства общения и с чужим, и своим племенем и затем также его отдельными членами, уже в интимных потребностях личной жизни, тогда еще не выделявшейся в коллектив.

До какого совершенства общения и богатства речи можно дойти с ручным языком, можно судить по следующим примерам.

В Австралии у племени *Warramunga* вдовам запрещено говорить иногда в продолжение 12 месяцев, и за это время они общаются с другими исключительно языком жестов. Вдовы так налачиваются в этом языке, что они предпочитают пользоваться им, а не звуковой речью, и тогда, когда ничто их к тому не принуждает. «Не раз, когда в поле происходит собрание женщин, царит почти полное молчание, между тем они поддерживают оживленную беседу пальцами, или скорее руками (*de leurs mains et de leurs bras*): много знаков речи состоит в том, что беседующие помещают руки, может быть, и локти в последовательно изменяющиеся положения. Они таким образом разговаривают быстро, и очень трудно подражать им в жестах».¹

Ручной язык с мимикой пользуется распространением по всей Южной Америке. Индейцы различных племен не понимают друг друга, когда они говорят звуковой речью, и им необходим язык жестов для бесед.² Наконец, в Северной Америке язык жестов был в повсеместном употреблении.³ Один исследователь Америки пишет: «Можно бы написать большую грамматику языка жестов... О богатстве этого языка можно судить по тому факту, что два индейца различных племен, из которых ни один не понимает звуковой речи другого, могут провести

¹ Lévy-Bruhl, стр. 176.

² Ук. соч., стр. 177—178.

³ Ук. соч., стр. 178.

полдня в беседе и болтовне, рассказывая друг другу всякого рода истории движением пальцев, головы и ног».

Сославшись на работу американского ученого Кушинга (Cushing) о взаимодействии ручного языка с звуковым, в которой автор рядом с ручным языком вводит смелый, но многозначительный термин «ручные восприятия»,¹ Леви-Брюль отмечает весьма важный факт одновременного существования языка жестов с звуковым языком.²

Однако, принимая охотно общие линии оценки важности ручного языка современных нам примитивных племен для понимания первичной природы звуковой речи, никак не можем согласиться с тем, что наблюдаемые теперь конкретные технические приемы ручной речи или ручного мышления могли бы быть использованы без предварительной палеонтологической очистки ее от позднейших наносных черт и особенностей в разъяснение происхождения звуковой речи, точно эти языки современных примитивов в самом деле находятся на этапе развития человеческой речи тех доисторических эпох, когда еще не возникла нигде звуковая речь. Раскопки в совершенно развитых яфетических языках нас доводят до слоев человеческой речи более древних эпох в лучшей сохранности примитивизма. Достаточно указать, что Леви-Брюль приводит поражающие его архаические черты в глаголе 'ходить' одного из современных примитивных языков, между тем яфетическим языкознанием документально устанавливается, что в действительно первобытной речи особой категории глаголов не было вовсе, а когда возникли глаголы, то и тогда особого глагола для понятия 'ходить' не было: были звуковые символы для выражения 'бытия у кого-либо предмета', собственно 'владения' им, указания места назначения, куда всегда предполагалось шествие, нельзя было выражать, что кто-либо 'идет' вообще, а непременно в какую-либо сторону.

Как ни богата могла быть ручная речь (и, по всей видимости, была), она, разумеется, не обладала средствами для выражения полноты новых представлений и понятий, возникавших с развитием общественной жизни, зарождением новых, дотоле невиданных форм, зависевших от новых форм хозяйственной жизни. Достаточно сказать, что ручной речью можно было пользоваться лишь при свете, это был язык преимущественно дня, ночью во мраке оставивший человека при одних средствах животного в беспомощном состоянии. Нужно ли доказывать, что общественность, построенная на началах естественного хозяйства, на довольствовании готовыми в природе видами пищи и на добывании готовым же от природы орудием, руками, никак не могла вооружить человека для создания такого сложного аппарата человеческого взаимообщения, как звуковая речь, — не могла потому, что дело шло об осознании возможности созидать из данного природой материала приспособленное к общественным навыкам творчества орудие для выражения своих мыслей, а природой данный звуковой материал сводился к одному лишь примитивно-племенному комплексу. Палеонтология яфетических языков бесспорно устанавливает, что вначале у племени-примитива был

¹ Уж. соч., стр. 178.

² Уж. соч., стр. 179.

лишь один такой звуковой комплекс, он же позже название данного племени и человека данного племени, которого никто сторонний не мог дать, так как это эпоха, когда еще никто не владел звуковой речью, а внутри племенного примитива этот звуковой комплекс был еще звериный звук, лишь впоследствии очеловеченный в своем развитии в членораздельность.

Следовательно, сначала дошли до потребности звуковой речи и потом стали вырабатывать нужные для этого звуки? Ничего подобного.

Самое очеловечение натурального животного звука должно было произойти независимо от потребностей несовершенного ручного языка. Очеловечение животного звука могло последовать лишь по общественном его использовании в процессе или для коллективно устраиваемой забавы, или для коллективно совершаемой работы, одинаково массовым инстинктом направляемой и требовавшей для своего осуществления протяжного повторения животного звука, неизбежного его подчинения связному или прерывистому течению производства.

Так называемые бессловесные песни, о которых у армян с презрением говорит историк-схоластик Хоренский, песни, поныне существующие у абхазов и мегрелов, равно у грузин и других сродных племен, своими припевами нам помогают в определении того единого слова, без которого невозможна ни одна производственная (рабочая или военная, чародейственная) песня, т. е. в этих припевах *Aba delo, delo, Origa da ori, gasha — or-i, del-i, gash-a* названия богов, пережитки племенных тотемов.

Это было, как мы теперь уже знаем, обращение к тотему, что явствует и из других обстоятельств. Им можно было выразить в звуках самый главный, самый нужный, впоследствии самый священный и сокровенный из имевшихся у человека образов, и хотя бы в этом одном важнейшем случае заменить звуковым словом 'руку'. Повторность звукового комплекса являлась магическим средством, что пережило и в общественности с совершенной звуковой речью: в ней уже в соответственной области языка, религиозной, то же самое выражается в повторении одной и той же мысли, одного и того же выражения не только у язычников, например, в халдских клинописных надписях ванских царей на колоннах храмов или дворцов, но и у христиан до сего дня, когда без конца повторяют, например, 'господи, помилуй'. В первичных песнях, всегда общих, хоровых, когда не было еще звуковой речи, таким магическим звуковым комплексом могло быть лишь единственное членораздельное слово, впоследствии и название, и тотем данного племени-примитива.

Да и употребление первой звуковой речи не могло не носить характера магического средства, отдельные ее слова не могли не ценить как чародейство. Ею дорожили и ее хранили в тайне, как в тайне хоронят по сей день чародейственный особый охотничий язык. По переходе же при тогдашних скудных средствах устной речи в более широкое пользование из рук владевшего ею класса, по смешении различных племен-примитивов, немногие природные для них звуки, один у каждого примитива, по всем видимостям, используются как некоторый служебный придаток к звуковой речи, как теперь, наоборот, звуковую свою речь мы приправляем движением рук, мимикой и т. п. Чтобы переработать

своей природный звуковой комплекс в членораздельные звуки, использовать его как особым искусством отточенное орудие, хотя бы в одном важнейшем случае заменил звуковым словом руку, служившую орудием бессловесной речи, надо было, следовательно, положить начало творчеству членораздельной звуковой речи каким-либо производственным трудом. Каким? Это и есть одна из новых проблем, новейшая, по языкознанию, ставить которую вынуждается яфетидолог рядом фактов и наблюдений, исключительно языковых. Без уточнения вида этого труда, в общей форме можно и сейчас отстаивать положение, что возникновение самой членораздельной речи не могло произойти ранее перехода человечества на производственный труд с помощью искусственно сделанных орудий. До замены ими руки в производстве материальной ценности совершенно немыслима замена руки в производстве духовной ценности, речи из членораздельных звуков. Когда Адам и Ева, по библейской легенде, изгонялись из рая, где, предполагается, без труда можно было пользоваться жизнью, даже наслаждаться, то посылаемое вслед им и их потомству проклятие с точки зрения народившегося к тому времени нетрудового класса совершенно правильно выразилось в наложении на них труда, как наказания. В надуманном раю, где отсутствовала потребность в труде, люди не могли говорить звуковой речью, и они, жившие, следовательно, до сознательной трудовой эпохи, до искусственно организованного творческого труда, немыслимого без искусственного орудия производства, не могли и знать, какое преступление называть проклятием труд, источник того, что в исключительной степени содействовало очеловечению нашего зоологического типа и с ним вместе — возникновению человеческого звукового языка. Звуковая речь не могла, следовательно, начаться раньше распространения навыка искусственной обработки хотя бы камня. Да и после изобретения соответственных орудий производства не сразу, а лишь в процессе развития древнейшей палеолитической индустрии, по достижении ею совершенных форм, в ашельскую и ближайшие к ней эпохи, имеем мы основание поместить зачатки звуковой речи, т. е. зачатки ее и первые этапы развития совпадают со временами за сотню тысяч лет. В ориньякскую эпоху, когда, по изысканиям антропологов, появляется *Homo sapiens*, человечество представляло уже картину яфетических племенных группировок: распространение людей ориньякской эпохи поразительно совпадает с первоначальным расселением яфетидов по Средиземноморью, их намечаемой последними разъяснениями яфетического языкознания прародине, где мы докапываемся до следов пребывания яфетидов по северному побережью Африки, на Пиренейском, или Иберийском, полуострове, в Италии, в эгейском мире с Балканским полуостровом, в Малой Азии с вовлечением Черноморья, если не далее. Интересно сопоставить с этим, что говорит про человека ориньякской эпохи д-р Капитан (*Capitan*) еще в 1922 г.,¹ совершенно не ведая о наших яфетидологических изысканиях: «Ориньякцы оставили явные и многочисленные следы своей индустрии в Тунисе, Алжире и в Малой Азии. Находят их индустрию в Испании, Галлии и вдоль Рейна и Дуная. Откуда шли эти ориньякцы? Про-

¹ *La préhistoire*, стр. 18.

исходят ли из Африки или, действительно, выступив из более значительной дали, напр., центральной Азии, они достигли Европы с одной стороны берегами Черного моря, тогда как часть провикала ордой в Африку? Или, наоборот, они перешли в Африку Средиземным морем из Европы, уже не соединенной с нею к этой эпохе материковыми мостами в Гибралтаре и Сицилии?». В настоящее время по этой детали считается совершенно невозможным высказаться, но значительная часть археологов, в числе их и Капитан, настаивают на незыблемости того, что ориньякцы — пришлые, занявшие место мустьеров, тогда исчезнувших. Вытекает это из основного положения, что культуры представляют неизменяемые типы, и каждый новый тип свидетельствует о появлении извне новой расы. О стабильности зоологическо-антропологических типов предоставляем судить естествоиспытателям, но яфетическое языкознание упраздняет всякую возможность отставать стабильность типов речи, этого основного стяжания человечества, неразрывно связанного с достижениями материальной культуры. Спор упраздняется хотя бы тем фактом, что индоевропейские языки со всем их отличительным строем оказались трансформацией доисторических языков Европы, и эта трансформация разъясняется в свою очередь не влитием расово-особой этнической массы, а коренной перестройкой общественности, результатом полного хозяйственного переворота, связанного, по всей видимости, с ролью металлургии, ее более широким использованием. Следовательно, если говорить об индоевропейской расе по языку, то это явление лишь социального по происхождению порядка.

Индоевропейская семья языков есть новое образование в путях сугубого и более кратного скрещения тех же яфетических племен, владевших уже сложившимися языками, законченными видами человеческой речи, с нарождением в них части индоевропейских особенностей. Но до этой эпохи от яфетических языков успели отойти и получить самостоятельное развитие ряд других семей, именно синтетическая дальневосточная, к членам которой мы только что вынуждаемся конкретно подойти для анализа, агглютинативная, т. е. урало-алтайская и угрофинская, мост к которой нам перекинул чувашский, хамитическая и семитическая. До образования индоевропейской семьи языков, следовательно, у яфетидов накоплено несметное количество средств звуковой речи, типологических норм и лексического материала, отложений бурно-творческой жизни доисторических эпох тогда еще детей природы, массово художников и поэтов по натуре.

До того, естественно, многие десятки тысячелетий от первых зачатков членораздельной звуковой речи времен палеолита, я бы сказал многие двадцатки тысячелетий, если бы геологи и антропологи не настаивали уверенно на сокращенных датах интересующих нас эпох.

Само собой понятно, что членораздельности должно было прибавиться от слияния племен-примитивов в более очеловеченные скрещением виды племенных образований, у которых, помимо запаса еще раньше выработанных образов, получался подбор примитивных звуковых комплексов, доведенных уже до членораздельности, в числе пяти по количеству племен-примитивов (ионского, италского, иберского, этрусского, скифского), устанавливаемых данными яфетических языков. Сейчас

не углубляем далее вопроса изысканиями того, а что, мол, было до выработки этих, точно сакраментальных пяти, вскоре семи яфетических племен. Несомненно одно: во всей этой творческой работе приписываемая произносимому слову магическая сила и классовое продвижение соответственного племенного образования на господствующие позиции, независимость его смыслового значения — сыграли не последнюю роль.

Для яфетического языкознания анализ словаря устанавливает, что нет слова, которое не восходило бы к племенному названию, и в конце концов одно слово, примитивный звуковой комплекс, для данного примитива-племени или его примитивно-племенного слоя означало все или, если исключить закрепление каждого такого слова за данным племенем, само по себе оно собственно ничего не означало. В каждом языке оказывается сошедшимся большинство, если не все пять примитивных звуковых комплексов, уже ставших членораздельными; такое их схождение и давало племени безразличный в смысловом отношении материал для звукового выражения имевшихся уже у человека представлений. С этими представлениями, порождениями общественной жизни, не имел, однако, ничего общего сам звуковой материал. Ведь эти слова, племенные названия, собственно ничего не обозначали. Усвоение ими тех или иных значений определялось одной массовой волей коллективно-организованно трудящегося племени. Но сама массовая воля направлялась в выборе значений, технике их производства процессом племенной хозяйственной работы везде с одной и той же природой на первых ступенях развития человеческой жизни, потому, естественно, независимо от какой бы то ни было общности происхождения, 'слеза' по палеонтологии речи везде значит 'вода глаза' или просто 'вода', вообще типология мировоззрения, отражающаяся в значениях слов, повсюду одна и та же.

Из доисторических черт яфетических языков наглядно выступает, что семантика развивалась до существования звуковой речи: одно время казалось, что еще стадная общественность, не выделявшая себя из физической природы, в ней замечала и осознавала, да и имела потребность обозначать звуковым символом прежде всего далекие предметы, в первую очередь казавшееся источником света и мрака 'небо', предмет, не отделявшийся еще в мироосознании первых людей от их собственного бытия. Это была не этническая, не законченно сложившаяся племенная еще, а космическая общественность. Произнося слово 'небо', я его употребляю условно в восприятии зачаточного мышления первобытного человека, который 'небо' отождествлял со всей вселенной, без исключения себя, 'небо' представлялось ему в составе всех стихий, в первую голову 'воды' (+ 'мрака'), следовательно, как мы увидим, и его антитезы 'огня' (+ 'света'). Иное дело, когда с представлением о 'небе', тотеме и впоследствии 'божестве', творце милосердном, переплеталось представление о 'творящей, дарующей, руке': 'рука' обозначалась тем же словом, что 'небо', и отнюдь не случайность, что слова груз. *neb* 'ладонь' || абх. пар-э (с членом а-парэ) созвучны с русск. «небо» (мн. ч. «небеса»); это созвучие сохранилось от начальных эпох до позднейших, до зарождения индоевропейской речи, до возникновения гибридных двуплеменных слов, как показывают те же самые слова, в яфетических языках пострадавшие больше,

чем в индоевропейском русском, где термин является составным *ne + bo* (← *neh-bor) ~ *ne + bez-* из двух различных племенных слов, этрусского (*neh ~ res) иберского, или болгарского (bor || ber ~ bes), означавших каждое одинаково 'руку', resp. 'небо', а вместе с последним значением помимо 'светила', 'солнца', 'звезды' и т. п. в силу положения о переходе названия целого на его части, равно 'горы', resp. 'высогы' (так, между прочим, пережиточно у семитов в евр. nēvu 'гора' и т. п.) по положению о пучковых значениях ('небо + гора + голова'), также 'тотем', 'тотемное божество', 'бог', 'господь', 'господин', отсюда вавил. nabu, евр. nēbō, 'бог Nebo', собственно 'бог', ег. n-b 'господин', как и вторая часть *bo* (← bō ← bor) самостоятельно или в сочетании с суффиксом *k* → *g*, пережитком другого слова ионского — *gāp* ~ *ḍāp* (со всеми групповыми перегласовками *a* || *o* || *e* или *e* || *a* || *i*), опять-таки означало и 'руку', *ber* || *bor* (отсюда глагол русск. «беру» и т. п.), и 'небо' || 'божество' — русск. «бог» вм. *bor-g (отсюда груз. borg-v-a 'бесноваться') вм. *bor-gop или *bor-gap (ср. русск. «истукан» вм. *i-stur-kan ~ bur-ḍāp → br-ḍāp, ныне основа грузинского глагола, означающего всякое действие или состояние властного существа (бога, господина, старшего), в том числе и 'приказывать', но 'власть', как и 'мощь', 'сила' по палеонтологии речи раньше, чем дойти до 'неба', восходит к 'руке', так что выражение 'рука божья' первично значило буквально 'рука ручная', позднее 'рука небесная', 'рука солнечная' и т. п.

Если же мы возвратимся к термину *bor-gap, архетипу русского «бог» (через *bo-gan), то мы имеем теперь возможность сказать, что это по своей первой основе болгарское тотемное божество сохранено чувашами в форме *rogaç* → *riğaç* в значении то 'бога', в сочетании с названием других чувашских божеств, так, *kegeteḥ rogaçe*, то 'идола' или 'куклы' (*riğaçe*), то 'алтаря', собственно 'трона' (*riğaçe*), на который садится чародействующий жрец. Эти жреческие сидения алтаря известны и по древнейшим памятникам материальной культуры соответственных районов.

Однако в яфетической семантике, семантике, обращаю на то внимание, звуковой речи, вообще наблюдается возникновение слов объективного порядка раньше субъективных. Именно то, что аффекционально или рукой недостижимо, в звуковой речи была потребность прежде всего выразить; с другой стороны, переход в восприятии предметов от множественности к единству, от чужого или дальнего к себе. На этом основано, что если не первое, то одно из древнейших звуковое слово 'небо', космическое явление, а не предметы, которые близки человеку и, понятно, отчетливо указуемы, следовательно, легко выражаемы или называемы ручным языком.

По данным яфетического языкознания, 'небо + вода' с раздвоением 'воды' на 'мрак' и 'свет' является прототипом громадного большинства слов. Нужно ли говорить, что это сначала вовсе не божество 'небо', даже не тотем, до возникновения племен? Но факт, не подлежащий никакому оспариванию ввиду чрезмерного обилия материалов, что каждое из этих довольно многочисленных первичных слов из бытового обращения в нашей земной среде восходит в том или ином семантическом разрезе, как к источнику, к представлению о 'небе-воде' или 'небесах-водах'. Таким образом, этим чрезвычайно простым, до наивности простым своим положением яфетидология встречается с положением новейших исследова-

телей вопроса о генезисе мифов. Это нас не смущает, так как мифотворчество, разумеется, есть словотворчество или включает в себе словотворчество. В этом смысле интересно привести следующие вступительные строки из работы Эрнста Зика (Ernst Sieck) «Мифологические воззрения Германа Узенера»: ¹ «Когда впервые высказывается простая истина, выступающая против укоренившихся заблуждений, обыкновенно возникает жестокая борьба; прежде всего пытаются всеми средствами задавить эту истину и помешать ей куда-либо проникнуть. Невеселые иллюстрации этого представляет, например, новейшая история астрономии. В области науки о мифологии оказывается почти фанатическое сопротивление истине, и без того бравшейся в мишень для нападений многочисленными исследователями, что ряд мифов нас возвращает к явлениям на небе и этим путем находит поразительно удачное разрешение». Наша опора, однако, вовсе не в этих достижениях исследователей мифов, случайно попавших нам в руки, а в факте, что 'небеса' в яфетическом словотворчестве определенной эпохи действительно занимают центральное место.

'Небо' ('небо + вода', полнее 'небо + вода + огонь') получает тогда свои семантические дериваты, особые для каждого его семантического восприятия, и 'неба' и 'воды', и 'огня'. С 'водой + небом' связаны и 'облако', 'дым', 'мрак', с 'огнем + небом' — и 'свет', и 'блеск', 'молния' и т. п. Звуковых слов в эту эпоху было так мало, притом означавших конкретно в живых образах воспринимаемые космические силы, что ими выражали множество осознававшихся постепенно в своем самостоятельном бытии существ (для нас и предметов).

Но дальнейшее производство семантических дериватов, так, например, перенесение названия 'небес' на 'светила' ('звезды', 'солнце' и т. д.), на 'птиц', которые одинаково называются если не 'небесами' по первичному восприятию, то уменьшительно (по позднему образованию) 'небесятами', нас выводит из круга вопросов, связанных с происхождением языка, в область последующего развития уже созданной человеческой речи, в эпохи ее уточнения и обогащения, зарождения новых более совершенных видов и типов в путях скрещения.

Но когда мы устремляемся взорами в глубину времен, ставя себе целью выяснение зачатков человеческой речи, и на руках у нас оказывается неустрашимо навязываемый обилием материалов спор макрокосма с микрокосмом, труднейший и сложнейший вопрос о первенстве представлений у человечества: что первичнее, 'небо' или 'рука'? — то яфетическое языкознание нас возвращает нормами палеонтологии речи от 'небес' к 'руке', как к первослову, к руке трудящегося человека, этого творца всей нашей материальной культуры, в том числе и языка. Рука же — первоначально единственное естественное орудие речи, как и единственное орудие всякого производства, пока та же производственная сила, трудовой человек, не создает ей заместителя в искусственных орудиях производства, предметах материальной культуры и тогда, только тогда, столь же естественно, функция орудия речи переходит на язык, который, не забудем и этого, носит, как то выясняет палеонтология речи, одно общее с 'рукой' название.

¹ Мешков, IV, 1910, стр. 172.

Предисловие к сборнику „Языковедные проблемы по числительным“¹

Началось с неожиданно вспыхнувшим интересом. Самая коллективная работа шла все время с большим подъемом. Группа лиц, независимо от своей принадлежности к тому или иному исследовательскому учреждению, принялась за работу над происхождением и развитием категории имен, называемой числительными. Вначале свободные члены так и прозванной «Группы числительных» держались одной внутренней спайкой общего интереса к теме, были ли они работники Исследовательского при ЛГУ института по изучению языков и литератур Запада и Востока (почти все) или Яфетического института АН (некоторые). В состав группы тогда уже вошли несколько лиц, именно славист Н. С. Державин (он же албанист), славист М. Г. Долобко, урало-алтаист Н. Н. Поппе (финновед, монголист), турколог А. Н. Самойлович, представители общего языкознания — индоевропеист Л. П. Якубинский, приступивший раньше к изучению основного по разработанности яфетического языка, грузинского, и другой индоевропеист, также засевавший за изучение грузинского и в то же время со специальной по иранским языкам подготовкой с уклоном к осетинскому, В. Б. Томашевский, А. В. Луначарским характеризованный как «выдержанный и последовательный марксист» (это в заметке по поводу нашего начинания, озаглавленной «Материализм и филология»)². Группа еще в процессе сложения сначала прислонялась естественно к Исследовательскому при ЛГУ институту, на одной из секций которого, именно Секции общего языкознания, выдвинутая впервые мной тема о числительных для коллективной работы коллективно, встретила решительное гробовое молчание, индивидуально же нашла отклик в одном лице, письменно заявившем о своей готовности работать с нами на тему. Это был проф. М. Г. Долобко. Другие затем примкнули к добровольной работе, не связанной ни с какими формальными обязанностями и условностями, и с этого, следовательно, началось. Первый же состав, собираясь под моим председательством случайно в Яфетическом институте АН, влился в него, образовал особую группу Секции палеонтологии речи и сохранил свое прежнее название. Здесь группа значительно разрослась и плодотворно вела свою рабочую программу, живо обсуждая осведомительные доклады и сообщения и посвящая очередные собрания иногда целиком разъяснению возникавших в процессе прений специальных тем все по числительным или в связи с ними. Яркие мысли, как искры освещавшие прения, да само обсуждение докладов, сообщений и тем по предмету найдут в той или иной мере место в отчете о деятельности группы. Прочитаны были более двух десятков докладов и сообщений, из них, помимо опубликованных в настоящей книге, следующие. П. И. Воробьев — О китайских числительных; М. Г. Долобко — 1. О числительном «шесть» в славянских языках, 2. О числи-

¹ [Языковедные проблемы по числительным, I. Сборник статей, Л., 1927, изд. ИЛЯЗВ, стр. V—XIII.]

² Известия ЦИК СССР, 14 IV 1925, № 84 (2417).

тельных в диалектах русского языка, З. К. вопросу о системе славянских числительных; И. Г. Лившиц — Об египетских числительных; А. Орфинская — Наблюдения в области палеонтологии числительных (описание двух случаев); П. Б. Томашевский — Итальянский корень **TER** в индоевропейских числительных; Л. П. Якубинский — О словах, означающих неопределенное множество, и др.

Председатель группы от времени делал доклады и сообщения, иногда также фактически осведомительные, но чаще методологического характера в целях ознакомления работников группы с постановкой вопроса о числительных с точки зрения яфетической теории, с палеонтологией формальной и идеологической числительных и с их широкими связями в различные стороны в кругу нарицательных имен. Большое оживление вызывало на собраниях чтение, вскоре вслед за теоретическими яфетидологическими сообщениями, фактически осведомительных докладов о числительных в тех или иных языках обособленных лингвистических групп, когда сообщавшиеся своеобразные явления данного языка, иногда ставившие втупик специалистов факты, находили разъяснения в готовых положениях и формулах, уже известных членам группы из сделанных перед тем докладов и сообщений по яфетидологическому анализу числительных. Порой подъем настроения от таких не предусмотренных в научном обиходе, тем не менее наглядных и для неяфетидолога встреч теории с фактами был сильнее, как, например, на докладе Н. Н. Поппе, порой слабее, но никогда группа не относилась ни к одному сообщению с равнодушием, выпадающим неизменно в нашем академическом кругу на долю заслушиваемого предмета чужой специальности. Конечно, чувствовалась слабая представленность специалистов нового учения об языке, яфетической теории. Более того, даже докладчики, знакомые с яфетической теорией в общем, точно смущались высказаться об явной увязке с нею тех фактов по числительным, которые они сообщали в своих докладах, как, например, А. П. Рифтин в докладе о шумерских числительных. Тем не менее скрепя общения в группе заметно усиливалась, усиливалась же она, может быть, именно в силу такого навязываемого переживаемым в лингвистике коренным разномыслием осторожного обращения с трактуемым непослушным новым материалом и набегавшими смелыми теоретическими соображениями.

Мирное сотрудничество и плодотворное общение специалистов отнюдь не только не с общим методом, но не всегда и с общим взглядом на самую лингвистику, на ее назначение, как будто оправдали наш выбор темы, как он обосновывался в особой докладной записке, поданной наркому просвещения, между прочим, следующими тремя соображениями:

«1. Категория числительных в силу наличия в ней по любой из языковых групп большого количества неразъясненных фактов является наиболее удобным материалом для безболезненного объединения работы различных лингвистических направлений и исследователей различных, обычно обособленно изучаемых, языковых семей (яфетидология, туркология, финнология, индоевропеистика и т. д.). Упомянутое объединение является совершенно необходимым, поскольку, оставаясь в пределах какой-нибудь одной языковой семьи, невозможно вести

палеонтологическое изучение языка: праисторическое состояние окажется не выясненным, а, следовательно, и все исследование будет без головы.

«2. Категория числительных по своему существу обладает широкими семантическими связями; при изучении ее представляется возможным вовлекать в исследование большое количество слов в порядке палеонтологическом и историческом, т. е. выбор числительных, ограничивая материал работы, что совершенно необходимо по техническим соображениям, не замыкает исследования в узкой сфере однообразных фактов.

«3. Имена числительные теснейшим образом связаны с разнообразными экономическими отношениями внутри данной языковой группы: они в высокой мере служили предметом междугруппового обмена в связи с экономическими же фактами; поэтому имена числительные по своему существу дают исследователю материалистическую ориентировку и являются особенно благодарным материалом в плане социологического изучения языка».

Наросла потребность в закреплении коллективной работы в печатных трудах. Находясь еще вне какого-либо учреждения, мы стремились получить средства на первое время для издания хотя 15—20 листов (это было в начале 1925 г., еще раньше). Средства были отпущены Наркомпросом в начале 1926 г. председателю «Группы числительных» тогда по названному Исследовательскому институту при ЛГУ.

Решено было издать один том исследований на темы-проблемы по числительным (это настоящий Сборник), да особым выпуском сданный ныне в печать труд М. Г. Долобо «Славянские числительные».

Что собою представляет настоящее издание для проблемы или для проблем о числительных, пусть об этом говорят сами статьи. Фактически это послынный нам пока сбор, весьма серьезный, в поход за живой водой, разгадкой числительных. Однако Сборник не вполне оправдал наши надежды в смысле постановки новых проблем по наилучше изученным господствующей доселе лингвистикой языкам, особенно поскольку дело идет о вскрытии их яфетических предпосылок и по числительным. Более того, Сборник не отражает в какой-либо мере того живого общения добровольно сошедшихся членов «Группы числительных» и бодрого у ней настроения исканий без шор, которые отличали наши собрания, нашу коллективную работу. Вошедшие в состав Сборника статьи оказались изложенными в большинстве настолько независимо от общего языка, который мы как будто находили на наших рабочих собраниях, что у меня не хватило духа составить что-либо обобщающее на основании их. В результате получилось то, что и я сам дал опыт яфетидологического освещения проблемы о числительных, также в изложении, независимом от нашего плодотворного общения, да, кроме того, внес я в Сборник статью чисто материального значения, именно присланную из Персии работу Р. А. Галунова «Нумеративные слова в персидском».

Найдем ли в дальнейшем мы, добровольно сошедшиеся в дружную рабочую группу по проблемам о числительных, и способ более верного отражения своей живой коллективной работы, или мы будем накапливать в печатных трудах лишь опять материалы, да материалы, все под старым углом зрения, и индивидуалисти-

ческие построения, мало считающиеся с новым учением об языке? Это вопрос собственно теперь уже не одной «Группы числительных», а всего Яфетического института. Вопрос ставим прямо: быть ли Яфетическому институту действительно питомником и рассадником новых языковедных методов, частью установленных, частью намеченных или намечаемых яфетической теорией, или ничем не быть, т. е. перестать существовать? Если намеченный Советом ЯИ в дальнейшем, с ближайшей осени, порядок работы получит действительное осуществление, институт оживится и оправдает себя, да и бодрящая коллективная работа «Группы числительных» отойдет в более цельный по согласованному коллективизму труд. Имеется в виду сосредоточить институт на планомерной работе над выдвинутыми яфетической теорией вопросами и над проверкой установленных ею положений в языках, слегка освещенных часто лишь поверхностным прикосновением яфетической теории, особенно в языках других, так называемых инорасовых групп. В планомерности и систематичности нельзя отказать работе ЯИ, особенно таким активным его группам как Жилищная, Мифов и сюжетов и др. Но для концентрации своих устремлений работникам ЯИ, и тем, кто не специалист по материальному знанию яфетических языков, необходимо больше внимания к яфетической теории, больше знакомства с ее языковедными тезисами, с выявленным ею фактическим положением семантики и морфологии, равно фонетики в самих яфетических языках и со стоящими перед нею конкретными проблемами. Какая уйма вопросов захватывающего интереса по одной Группе числительных Палеонтологической секции ЯИ! Как актуален для яфетической теории, например, вопрос об отсутствии отвлеченного цифрового мышления у «первобытных» племен, равно вопрос о дологической их сообразительности, так называемом дологическом мышлении. Доселе эти вопросы решаются и выводы делаются эмпирически из того, что, при отсутствии чисел свыше двух и трех, эти мнимые «первобытные» прекрасно воспринимают смысл больших чисел и говорят друг с другом о соответственной численности путем использования номенклатуры членов тела, детально учитываемых (до двух десятков названий), да еще дифференцированными терминами.¹ Между тем яфетическая теория утверждает с данными соответственных языковых отложений, вскрытых палеонтологией речи, что такой богатой анатомической терминологии не могло быть и вовсе и не было в звуковой речи ни эпох действительно первобытных, ни даже эпох значительно более поздних.

Но все это сводится лишь к техническому использованию яфетической теории, легко осуществимому и в индивидуальных исследованиях. Для такой концентрации устремлений работников ЯИ, которая дала бы взрасти органически коллективизму работы, недостаточно внимания к яфетической теории в пределах усвоения отдельных ее положений и соответственного теоретического овладения тем или иным из яфетических языков, хотя бы целой их группой. Необходимо освоиться с совершившимся фактом, именно с тем, что яфетическая теория не есть уже учение о том или ином круге языков, выделяемом обычно термином «семья» или

¹ L. Lévy-Bruhl, Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures, 1922, стр. 210—214.

«ствол» (*souche*), как языкознание индоевропейское, семитическое, урало-алтайское и т. д. Учение об языке по яфетической теории есть общее учение, единственное, как слабо оно ни проработано, общее учение об языке, занявшее это место путем вскрытия генетической увязки языков различных так наз. семей, собственно принимавшихся за особые семьи систем различных глоттогонических эпох в эволюции звуковой речи человечества. Без этой основной теперь предпосылки правильного усвоения яфетической языковедной теории, без определения ее, следовательно, места в среде других лингвистических учений, немыслимо ни адекватное использование достижений яфетической теории и фактических данных языков яфетической системы, ни плодотворное для производства сходжение работников ЯИ даже в такой благодарной по материалу исследовательской ячейке, как «Группа числительных». Между тем, отсутствие такого основного понимания яфетической теории свидетельствуется документом, исходящим от самой группы, именно тем местом 1-го пункта докладной записки, где яфетидология названа в числе «различных лингвистических направлений и исследователей различных, обычно обособленно изучаемых, языковых семей» наравне с «туркологией, финнологией, индоевропеистикой и т. д.» Такое уравнение неправильно в отношении яфетидологии и в том случае, если под ней подразумевать учение специально об яфетических языках, причем при сравнительном их изучении не выходить вовсе из тесного их круга, так как сами яфетические языки делятся на типологически сильно расходящиеся группы. Систему яфетических языков, при всем бесспорном сродстве материально-конструктивных частей, огличает такая амплитуда колебания в строе и морфологии, как расстояние, например, от абхазского языка, почти синтетического строя, до древнелитературного грузинского языка, языка средневековых феодалов, языка почти флективного строя, с промежуточным агглютинативным строем, сохранившимся, между прочим, и у тех же грузин их живой народной речью. Такое уравнение, следовательно, даже яфетического языкознания, специального учения об яфетических языках, с перечисленными лингвистическими учениями отдельных языковых групп, не исключая и индоевропеистики, не только неправильно, но совершенно немыслимо, так как яфетическое языкознание базируется не на фактах из круга одних яфетических языков и не в перспективе посильного в одном их круге освещения, а на результатах сравнительного изучения их с языками других систем. Говорить же то же самое об яфетической языковедной теории вообще, которая строится на изучении фактов всех систем, конкретно вовлекаемых в яфетидологическую работу, по мере планомерного ее развития, т. е. ставить, при таком объективно-фактическом положении дела, яфетическую теорию рядом с индоевропеистикой это значит — пятиться неизвестно во имя чего назад, разве в угоду временному мирному сожительству соглашаться на то, чтобы все было перевернуто вверх дном. Разумеется, при таком определении основного предмета ЯИ, того, что не могло не явиться *spiritus movens* и для работников его столь ответственной ячейки, как Группа числительных Палеонтологической секции, напрасны были ожидания естественного здорового коллективизма в нашей работе, его яркого и полного выявления в первом же труде хотя бы по такому

исключительно благодарному предмету, как числительные. Индивидуально трактовка лингвистических вопросов по яфетической теории ярко выявлена в настоящем же Сборнике и индоевропейском по своей школе, как можно видеть по работе Л. П. Якубинского «К палеонтологии названия для 'половины'». Но согласованности мы не достигли даже в формальной стороне, транскрипции и вообще в графической технике. И все-таки в создавшихся условиях для уныния основания нет, когда осекаемся в установлении коллективной работы. Надо искать. Ищем же новых и свежих материалов. Еще больше надо искать новых путей в самой организации работы. Они будут найдены. Гарантия в том, что не только нашупан метод, но и найден.

9 июля 1927 г.
Ленинград.

‘Зима’ || ‘смерть’ (из палеонтологии речи)¹

Нам когда-то казалось громадным приобретением наблюдение факта, что в яфетических языках, так, пережиточно в грузинском, нет специальных независимых слов для выражения понятий ‘весна’ и ‘осень’, т. е., следовательно, даже грузинский язык отображает то культурное состояние, когда человечество представляло себе отдельно лишь два сезона, лето и зиму, а весну и осень никак, или, вернее, слитно, весну с летом и осень с зимою, как некие диффузные понятия — всего лишь два понятия. Более того, одновременно вскрылись значения грузинских терминов для двух единственно различавшихся времен года, воспринимавшихся собственно как годы, именно два года, ‘год горячий’ (летний) — *заф-құл* ‘лето’, ‘год холодный’ (зимний) — *зам-Заг* ‘зима’.² Мы учли, конечно, формальную сторону дела и использовали для укрепления одного из основных положений яфетической теории, имеющих конкретное социологическое значение, именно то, что названные термины отнюдь не природное достояние грузинского языка, как он нам известен статически, скорее это собственность баскского или шумерского, не касаясь других свойств, иначе определения *құл* ‘горячий’ и *Заг* ‘холодный’ не следовали бы за определяемым *зам* / *заф* ‘год’. Нам тогда казалось, что мы дошли до крайних пределов, куда в отношении затронутых терминов семантика способна нас довести. Мы тогда не чуяли, что раз термин описательный, то это уже штамп исторических эпох, свидетельство логического мышления, и он не может быть отнесен в эпохи подлинной доистории с дологическим мышлением. Не использовали мы тогда и того, что *зам* || *зав* (св. *zaw* ‘год’) ← *sam* / *там* || *тав* раз значит ‘год’ (→ ‘время’, да его подразделения — ‘секунда’ и пр., не исключая ‘часа’, ср. арм. *jam*), то значит и ‘небо’, как первая составная его часть без *w*, пережитка берского слова; *џа* (↙ *sa*, resp. *џа* / *џа / *іка*[I]) значит ‘небо’, а раз ‘небо’, то, очевидно, любое из трех ‘небес’, т. е. и ‘небо-преисподняя’, ‘небо-море’, общее ‘небо’ || ‘вода’, в каком значении, т. е. в значении ‘воды’, у грузин сохраняется архетипная разновидность термина ‘небо’ *џа*, непочато — *іка*. Не доискивались мы тогда и того, что *құл*, resp. *қур*, ‘горячий’ и *Заг* ‘холодный’, как прилагательные, не могут быть относимы в доисторию, ибо в доисторической речи особой части речи, категории имен прилагательных, не было: в значении прилагательных использовывались имена существительные, вернее, конкретные образы предметов, с которыми было связано представление о потребном качестве или свойстве, так, ‘камень’ использовывался для обозначения ‘твердого’; соответственно *құл*, resp. *қур*, ‘горячий’ означало собственно ‘огонь’, разумеется, с эпохи, когда огонь уже был изобретен (*қур* ↘ *hur*: арм. *hur* ‘огонь’, груз. *a-қur-eb-s* ‘раскаляет’, ‘разгорячает’), раньше же, как пережиточно и позже, — ‘солнце’ (*қур*: перс. *қур-шід* ↔ *қор-шед*), а *Заг* ‘холодный’ — ‘лед’,

¹ Доложено в заседании ОИФ 7 IV 1926 [Напечатано в ИАН, 1927 г., стр. 325—334].

² См. Н. Я. Марр, Заметки по яфетическим клинописям. 6. Из халдских времен года, ИГАИМК, т. III, стр. 302—303.

гесп. ‘снег’, ‘дождь’ (← ‘вода’) и т. п. [ср. рядом со скрещенным ʒo-vl ‘снег’ в грузинском — ʒol ‘снег’ в м. * ʒog , усвоение из шипящей группы, где у мегрелов, равно чанов, успел «и» переродиться в «о»: ʒig-1 ‘снег’, а при * ʒog в шипящей группе в грузинском, как в языке свистящей группы, мы ожидали бы * ʒal , лишь под влиянием частичного фонетического скрещення ʒag ,¹ на низшей ступени sar — арм. sar-ud-q ‘лед’ (ср. sar в м. sal в этом именно салском племенном слове)].

Но если вторые части грузинских терминов zam-ʒag ‘зима’ и zaq-ʒul ‘лето’, в исторические эпохи означавшие статически, одна, именно ʒag , — ‘холодный’, другая — ʒul — ‘горячий’, а динамическая лингвистика для доистории в них вскрывает в прилагательном ‘холодный’ — ‘снег’, гесп. ‘лед’, ‘дождь’ (← ‘вода’), в прилагательном ‘горячий’ — ‘огонь’, космически ‘солнце’, то, во-первых, и в равне-исторические и переходные от доистории к истории эпохи, когда еще первая часть zam- / zaq- воспринималась лишь как ‘год’, составные термины могли и должны были восприниматься один как ‘год+снег’, гесп. ‘год мороз’, или ‘год+дождь’, т. е. ‘зима’, и другой космически как ‘год+солнце’, т. е. ‘лето’; во-вторых, в подлинно доисторические эпохи, когда не было еще вовсе представления вообще о ‘зиме’ и ‘лете’, как о *зимней* и *летней* частях одной единицы, а ‘зима’ представлялась как один цельный законченный круг, ‘морозный’, гесп. ‘снежный’ или ‘дождливый’, а ‘лето’ как один цельный законченный круг, ‘солнечный’, то, как первая часть zam- / zaq- сама по себе могла означать и ‘год’, и ‘зиму’ или ‘лето’, по бытованию с использованием звуковой дифференциации zam- — ‘зиму’, zaq- — ‘лето’, так вторые части также по бытованию с использованием двух различных племенных слов ʒag могли озвучать не только ‘мороз’, гесп. ‘снег’ или ‘дождь’, но одновременно и ‘зиму’ и вообще ‘год’ (ср. арм. tag-1 ‘год’ ← * tag-1 из шипящей группы яфетических языков закономерно по межплеменной «сговоренности», в языке «корреспонденции», в соответствие свистящей разновидности груз. tel-1 ‘год’ при семантической внутри данного племени перегласовке), а ʒul , гесп. ʒur \ hur , не только ‘солнце’, но одновременно и ‘лето’ и вообще ‘год’ (ср. русск. «лето»)² Мы сейчас не усложняем дела, в связи с полигенизмом в семантике, что значение ‘год’ и в том и в другом случае получалось в разрезе и другой ассоциации идей, гесп. представлений, в зависимости от значевия ‘небо’ (НЕБО-ГОД) по связи с ‘небом’ с одной стороны ‘воды’ (→ ‘дождя’) — НЕБО-ВОДА, с другой — ‘солнца’ (→ ‘огня’): *НЕБО-ОГОНЬ. ‘Солнце’, ‘солнышко’, собственно значит тоже ‘небо’, порою для отличия ‘дитя неба’, ‘небесенок’, как это наблюдается в термине ‘птица’ и вообще в названиях птиц.

С другой стороны, в порядке тех же двух разрезов ассоциации идей, первая часть zam- / zaq- в значении ‘года’ (~спир. * ham → арм. am ‘год’), находящаяся в линии семантического ряда термина ‘небо’, в связи с ‘небом’ через ‘НЕБО + ВОДА’ или ‘НЕБО-ОГОНЬ’, гесп. ‘небо’ → ‘солнце’, в значении ‘зимы’

¹ Если исходить из вида с г, то, ставить ли без фрикативности ʒal по сс группе или частично видоизмененную от скрещення с шп группой разновидность ʒag , в шп нас ожидает не только ʒog , даже в первом случае, но диалектически и ʒond в роли ее нормального представителя, каковой налицо в zo-ʒond-1 в м. * jo-ʒond-1 ‘зима’ ← ‘год холодный’ ← ‘год снега’ и т. п.

² С утратой спиранта мы его имеем в скрещенном баскском термине ur-te ‘год’.

и 'лета' охватывали в соответственной ассоциации каждый свой особый круг предметов, которые и назывались тем же словом по функциональности (соучастию в функции). Что первые части наших терминов, разновидности одного слова, означали и самостоятельно 'зиму' и 'лето', это стоит вне всякого сомнения: по бытованию в использовании той или иной фонетической разновидности, зам-означало 'зиму', а заф- 'лето'. Еще в порядке яфетическо-семитической сравнительной грамматики, где, впрочем, у яфетического языкознания палеонтология взрывает на две составные части, как скрещенное сал-берское слово, и само грузинское заф- и его арабский эквивалент *zau-f* 'лето', факты многочисленны в подтверждение принадлежности указанных значений самостоятельно первым частям за-м- и заф-. Это ясно и из того, что за-м || за-w собственно лишь разновидности по огласовке русского *zi-ma* (← *zi-mar), с чем в свою очередь по огласовке отождествляется груз. *ḡi-v* 'холодный' ↘ чв. *si-vě*,¹ обе лишь фонетические разновидности того же сал-берского скрещенного слова, что и за-м 'зима'. Оба термина, и грузинский и русский, усеченные разновидности, восходящие к архетипам *ss *ḡo-vel* || *шп *ḡo-var*, собственно *ḡo-vel || *ḡo-var, к которому восходят груз. *ḡi-v* (чув. *si-vě*) 'холодный' и русск. *zi-ma*, св. *šdu-ve* 'снег', по спирантной ветви *hie-m-* (*hjem-s*), а без усечения согласного берской племенной части груз. *ḡo-vl* (← *ḡovel) 'снег', тинд. «ци-бар» || авх. «ци-боро» ↘ куант. «си-бура» 'год', и арм. *ḡə-mer-əp* 'зима', а по спирантной ветви греч. *ḡeu-mat*¹ 'зима', франц. *ḡi-ver* 'зима'.² Мы далее не входим сейчас в рассмотрение богатого сравнительного материала.³ Материал этот в то же время подтверждает, с одной стороны, самостоятельное обозначение словом за-м понятия 'зима',⁴ равно охват его семантическим кругом и 'снега'; подтверждает он правильность, с точки зрения семантики, того, что к греч. *ḡeu-mat* (*χεῖμα*, р. *χεῖματος*), *ḡeu-mōp* (*χεῖμών*) и *ḡeu-mer* (*χεῖμερος*) 'бурный', 'дождливый' привлекают не только лат. *hjem-s* 'зима', но и греч. *ḡi-ōp* (*χιών*) 'снег', однако, материально *ḡi-ōp* иного происхождения, это также скрещенное племенное слово, но не сал-берское, а сал-ионское. И вот бесспорное ионское племенное слово, сибилантное *ḡon* ↔ *ḡun*, в абхазском и армянском заменившее, по обыкновению, звук шипящего ряда *ḡ* эквивалентом свистящего ряда *ḡ* — *ḡun*, у абхазов в виде *a-ḡəp* (↙ *ḡun*) значит 'зима', а у армян с раздвоением *u* в *iw* — *ḡiwp* (вульг. *ḡun*, диалект. *ḡun*) значит 'снег', но с аналогичным уже сванским раздвоением *u* в *wi*, *gesp. vi*, в одном из яфетических языков Кавказа, по всей видимости, сванском или сванского типа, существовало слово *ḡiwp* в значении 'зимы', *gesp. 'мороза'* или

¹ Русск. *zi-ma* в иных славянских языках значит 'холодный'.

² Спирантная разновидность салского племенного слова также появляется самостоятельно, так чув. *ḡel* 'зима' (*ḡ* здесь не яфетическое, как в грузинском, а средний между *ḡ* и спирантом *h*), что в баском налицо с утратой спиранта *el-*, а затем и плавного *l-* в составе скрещенных слов *el-hur* → *el-ur* и *e-dur*, со значением 'снег'; см. N. Marr, *Origine japhétique de la langue basque*, стр. 237.

³ Особо приходится упоминать об абхазском *a-ḡəp* в связи с анализом П. Чарая, сопоставляющего его с грузинским (Об отношении абхазского языка к яфетическим, 1912, стр. 35—37) и анализ Чарая, и мои сопровождающие замечания ныне нуждаются в полном пересмотре с учетом скрещения по формуле: *bzar-ḡul* (← *b + zar-ḡul* или *bz + ar-ḡul* и *zar-ḡul*). Прежнее толкование мегрельских названий 'лета' без палеонтологического анализа (ИГАИМК, т. III, стр. 303, прим. 3) также требует перестройки.

⁴ Сейчас наш интерес сосредоточен именно на понятии 'зима'.

‘холода’, и вот отсюда, во-первых, грузинское производное слово *m-đvin-var-e* ‘лютый’, ‘свирепый’, ‘жестокий’, *m-đvin-var-e sikudil-i* ‘жестокая смерть’, *m-đvin-var-eb-a* ‘ожесточаться»; во-вторых, с закономерной утратой в языках шипящей группы «v» перед «i», если не с еще более обычным перебоем «и» в «i» — *đin* (чанск. *o-đin-i* ‘спать’, но ‘лежать’ то же слово значит в другом семантическом разрезе); в мегрельском то же самое племенное слово появляется и с огласовкой «a» — *đan-i* ‘сон’. Опирается ли на фонетический закон *n* → *ss* || шп г, или исходить из различия племенных слов, ионского с *n* и салского с *l* || г, сюда же относится и *đir* шипящей группы — чанск. *on-đir-i* ‘спать’, м. *đir-a* ‘спать’ и др., и груз. *đil* ‘сон’, при диалектическом *đin-i* и глаголе обязательно всегда с *n* — *m-đin+av-s* ‘сплю’.

Когда в работах «Север’ и ‘мрак’ || ‘левый’ от Пиренеев до Месопотамии»¹ и «Смерть’ ← ‘преисподняя’ в месопотамско-эгейском мире»² и в других приходили мы в толковании ‘левого’ и ‘севера’ к установлению того, что в круг значений одного слова входят не только ‘левый’ и ‘мрак’, но и при ‘левом’ и ‘роковой’, ‘несчастный’, и в связи с ‘преисподней’ и ‘мраком’ приводилась ‘смерть’, а ‘мрак’ сочетался с ‘севером’, упущено было, что с этим кругом значений не различны ни ‘холод’, ни ‘зима’, ни ‘сон’. С ‘холодом’ переплетается ‘тьень’, ‘мрак’, в грузинском слове из гурийского говора *đeg-o* ‘тьень’, при *đar* ‘холодный’ из *đar ↘ *sar* (см. выше, стр. 216—217) в составе скрещенного сал-ионского образования *đar-đan, в усеченном виде *sar-d* (у персов) ‘холодный’, с чем становится в ряд как шипящий эквивалент с оканием арм. *đur-t* в м. *đur-t ‘холодный’ и т. п., что, в свою очередь, с ослаблением и исчезающую редукцию «ə» налицо также в скрещенном двухплеменном слове, сал-салское ли оно или сал-ионское, груз. *đr-dil* уже в значении ‘тьень’, ‘мрак’ (ср. *a-đrdil* ← *đar-dil). При таких данных еще вопрос, что явилось у человека первопричиной возникновения представления о ‘смерти’, соответственно и появления выражающего ее слова; конечно, не своя смерть, но хотя бы соплеменника, или коллективная всеобщая смерть природы, ее ‘отход’, ее ‘замирание’ или ‘успение’? О том, что ‘сон’ воспринимался как ‘смерть’ и еще более ‘смерть’ представлялась ‘сном’, это можно не доказывать: И первобытный человек не мог творить слов вопреки своим представлениям, диффузно отобразившим то, что теперь и с давних исторических эпох человечество воспринимает уже отчетливо и раздельно, и в охвате круга значений ‘левый’, ‘роковой’, ‘север’, ‘мрак’ и ‘смерть’ в первую голову надо помнить, если не ее считать основой, одновременно и зримую, и ощущаемую и, конечно, *хозяйственно переживаемую* ‘зиму’, ‘смерть’ или, вернее, засыпание природы, и при нераздельности же мифических представлений в мышлении первобытного человека с реальными, не при одухотворении (анимизме) мертвой природы, а материальном или образном воплощении стихийного явления, в тот же тесный семантический круг, в то же гнездо значений неизбежно должен был войти и ‘змея’.

Потому, между прочим, 1) значение прилагательного груз. *m-đvin-var-e* ‘лютый’, ‘свирепый’, ‘жестокий’ имеет тот источник, что основа *đvin* означала ‘зиму’, с одной стороны, ‘мороз’, ‘холод’, с другой — ‘смерть’;

¹ [См. здесь, стр. 136—139].

² [См. здесь, стр. 140—142].

ТАБЛИЦА I. СЕМАНТИЧЕСКОЕ РОДОСЛОВИЕ 'ЗИМЫ' И ЕЕ ДВОЙНИКОВ ИЛИ СОРОДИЧЕЙ

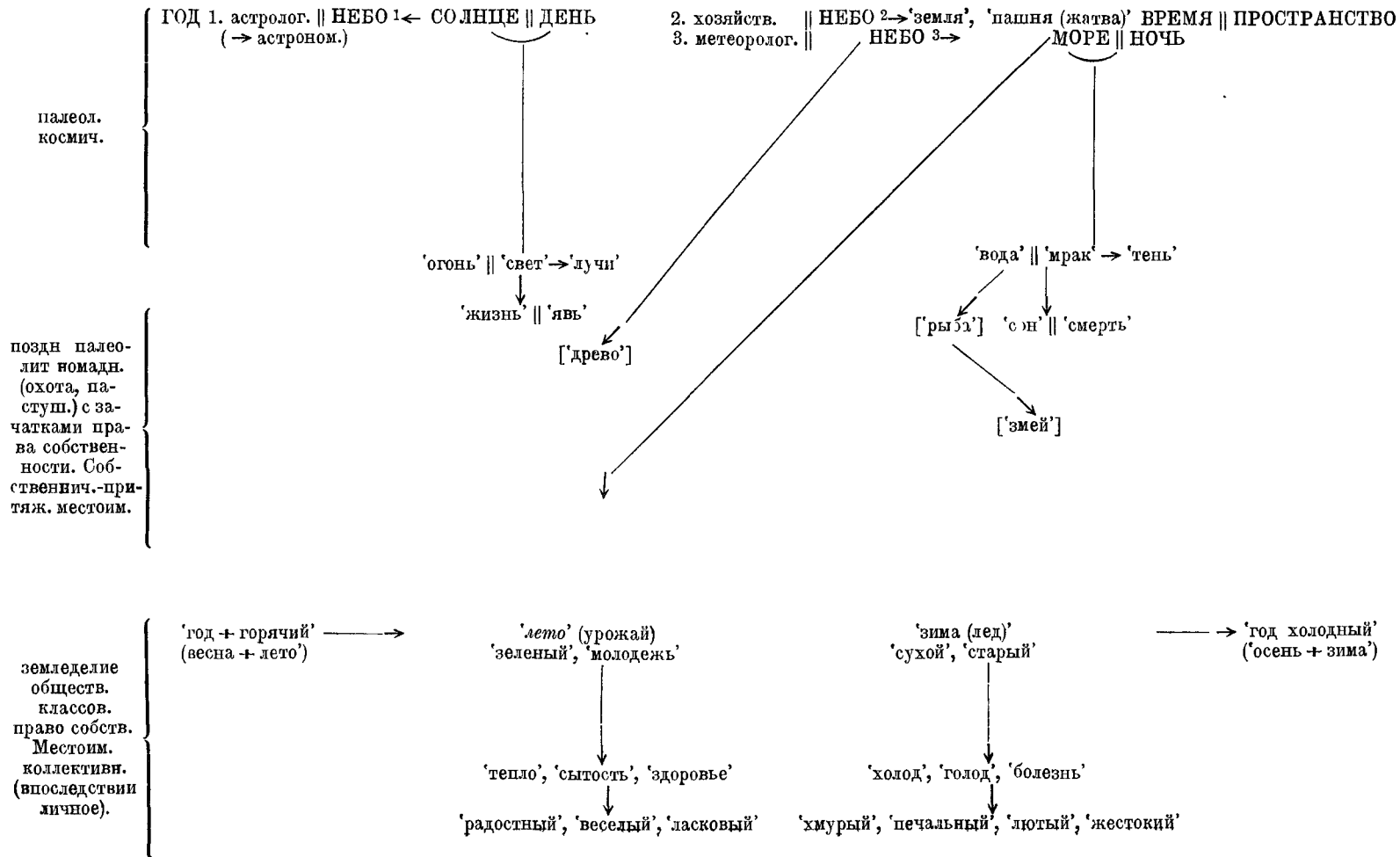

ТАБЛИЦА II. ФОРМАЛЬНЫЙ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 'ВРЕМЕНИ'
'ГОД', 'СЕЗОН', 'ДЕНЬ', 'ЧАС' И Т. Д.

I. Простые элементы.

II. Скрещенные элементы.

А. Обильная ветвь

а) свист. (оглас. «а» и «е»)

1. SAL (A)   2. BER (B)

say-
см. А, а, II, 1.
za-
см. А, а, II, 1.
ta-
см. А, а, II, 1.
dar 'век'
арм.
tel 'год'
груз.
dġe 'день'

-man (← man ɾɔɪ)
см. А, а, II, I.
-van
см. А, а, II, 1.
(← ma)
-m
см. А, а, II, 1.
-φ
см. А, а, II, 1.
-f
см. А, а, II, 1.

1. SAL-BER (AB)

say-f 'лето'
абх.
ta-m 'секунда'
груз.
z+m-a 'временить', 'проводить время'
груз.
zaw 'год'
сванск.
za+m 'год'
za-φ 'год'
dġe-van || -man 'день', d-n-del 'сегодняшний день'
груз.
ti-w 'день' (осн. to-wende-an) др.-л.
арм., ju-m \ ɟɾəɪ в i-ɟum народн.
арм., ау-ɟm 'теперь' др.-л. арм.

б) шипяц. (оглас. «о» и «и»)

sul 'год'
чув.
to- ↔ tu- ~ ti-
см. А, б, II, 1.
dro 'время' ∞ *dor
груз.
jə- ↘ *ju-
см. А, б, II, 1.
tar-e/i 'год'
арм. ← *tar-e
tal в
sul+tal-ək 'год'
чув.
dġa 'день' (→ dġal)
м., ч.

-vir ↗ vɾəɪɾ
см. Б, а, II, 1.
-vənd (~ -vər)
см. А, а, II, 1.
vuosi 'год'
суоми
võ 'год'
коми
-vi 'год'

скрепч.

ja-
см. А, б, II, 1.

mər ↗ bər
см. Б, а, II, 1.
mi 'год'
шум.
-m ← mo ↔ mu
см. А, б, II, 1.

ja+man-ak 'время'
ja + m (осн. ja+mi) 'час', 'время'
арм., груз.

Б. Спирантная ветвь

а) долг. спир.

ar 'год'
удм.
ar-e 'сезон'
груз.
ya- → a.
см. Б, а, II, 1.
hey-
см. Б, б, II, 1.
hie-
см. Б, б, II, 1.

ya+m-eb 'временить'
a+man-ak 'время'
a-wər (осн. a-wur) 'день'
арм. ↔ *a-mər ↗ a-bər:
a-mra 'солнце'
абх.
A+bər-skil 'Амиран'
абх.
ġey-mōn 'зима'
греч.
hie+m-s 'зима'
лат.

б) урван. спир.

2) m-đin-av-s и его родня в значении 'сплю' от той же основы đin из đvin || đvin (← đun) 'зима' || 'смерть' → 'сон', и потому спирантная его перебойная разновидность kin значит 'мороз', 'лед' — груз. kin-ul-i, 'мерзнуть' — груз. kin-v-a, анд. kin-u 'зима' и т. п.;

3) с аканием м. đan-u 'сон' нас в десибиллованном деривате đan (← đau ← đan) приводит и к 'левому' ('роковому') в св. lät-đän (|| шп: miğ-đon, miğ-đwen) 'левая сторона', u-miğ-đwen 'левша',¹ и к 'смерти' в греч. θάνατος и т. п.

В числе значений, тяготеющих к семантическому гнезду 'зимы' || 'смерти', намечается и 'сумрачный', 'печальный', 'грустный', так груз. tkena (mo-tken-il-i 'печальный'), но тогда, во-первых, возникает вопрос и о 'боли', именно в груз. tkena 'причинять боль', tki+vil-i 'боль', m-tki+v-a 'у меня болит' (ср. đi-v-i 'холодный'); во-вторых, 'радость' придется отнести в гнездо 'лета', resp. 'солнца', как, напр., в яфетических языках qar || qur (см. выше qul) — в груз. si-qar-ul-i 'радость', mi-qar-i-a 'радуюсь' и арм. tē-qur 'печальный', букв. 'без-радостный', а из прометеидских («индоевропейских») лат. lae-t-us при р. «лѣ-то». Но много еще здесь работы для уточнения не только с формальной, но и с идеологической стороны.

Раз это так, раз в то же время в подлинно доисторические эпохи вторые части обсужденных грузинских терминов zam-đar и zar-qul могли означать лишь то же, что первые части. как бы в целом или каждая в отдельности они ни звучали тогда, то мы в этих терминах имеем явно ab ovo скрещенные слова, а не лишь составные, как статически воспринимались впоследствии, т. е. zam-đar первично значило 'зима+зима' (или 'год+год'), как zar-qul, собственно *zar-qur, значило 'лето+лето' (или 'год+год').

Нужно ли говорить, что, когда из того же построения лексического материала, сал-берского, мы видим сложным термин для выражения 'змея', по ассоциации первобытных космических представлений входящий в отмеченный круг понятий (семантическое гнездо) 'зимы' в яфетическом или уже трансформированном из яфетического состояния в ином типологически языке, хотя бы прометеидском («индоевропейском»), то, конечно, нет надобности спешить с утверждением происхождения такого слова от термина 'зима', так как для 'змея' в пределах его связи с 'рыбой' есть иной источник происхождения,² но в мере приемлемости и установленности полигенизма в семантике нельзя не учесть и указанной связи представления о 'змее' с представлением о 'зиме'.

В связи с этим несколько не исключается то, чтобы в других случаях генетическая связанность предложенных выше сопоставлений с 'зимой' или 'летом' исходила из такого же семантического полигенизма. Для большей же наглядности сделанного сближения изложенное представляю в таблице семантического родословия (см. табл. I). Круг привлекаемых сюда значений может значительно

¹ Теперь установлено, что lar-, resp. lar-, значит 'рука', как и miğ- ~ miğ- ↔ moğ-, шипящий эквивалент грузинского из свистящей группы mağ- в mağ-đen-e и т. п. (см. Н. Я. Марр, 'Север' и 'мрак' || 'левый' от Пиренеев до Месопотамии [См. здесь, стр. 126—139]).

² См. Н. Я. Марр, Разложимость мнимых примитивов, простых слов, и термины для понятия 'рыба' [См. здесь, стр. 173—178].

возрасти. Постоянно наталкиваемся фактами на вопрос, не связано ли с ‘небом’ или с определенным временем года представление о ‘пестроте’, а цвет ‘черный’ обязательно с ‘зимой’-‘ночью’, как цвет ‘белый’ с ‘летом’-‘днем’ (‘солнцем’)?

Но все-таки не забудем, что основное значение этой семантической семьи — время года ‘зима’. И вот для ‘времени’, гесп. времен года, мы предлагаем таблицу и формальной палеонтологии одних терминов времени из двух в этот раз элементов, SAL и BER, входящих в состав слова ‘зима’ (см. табл. II). При этом обращаем внимание на то, что семантические связи космического порядка прослеживаются пережиточно в языках и иных систем, прежде всего в финских; так в них здесь ‘земля’ || ‘вода’ || ‘год’, гесп. ‘время’ || ‘пространство’ находят свое подтверждение не только в сопоставлениях с языками других систем, но и в своем финском кругу, напр., коми ти ‘земля’ (← ‘небо’² || ‘небо’¹), оно же должно бы означать ‘воду’ (← ‘небо’²) и ‘год’ (← ‘небо’¹), и вот в шумерск. ти ‘год’, а в удмуртском ви (→ ти) ‘вода’, в удмуртском аг ‘год’, и в то же время слово значило ‘вода’, оно, между прочим, архетип шум. аа → ā ‘вода’¹ (однако, аг ‘осень’ находится в связи с аг ‘год’ ← ‘лето’, ср. груз. аг-е ‘сезон’ [см. ниже], а не с представлением о ‘воде-дожде’). Это тот аг, который в баскском имеет эквивалент по окающей группе со значением ‘воды’ иг ← hur, а со значением ‘года’ в составе скрещенного термина иг-те, где второй элемент ионский (ten → ðen), а не салский, как чув. şul+tal-ək. Во временах года у финнов также вскрывается позднейшее происхождение терминов ‘осень’ и ‘весна’, напр., суоми süksü, эст. sügise → sügis. ‘осень’ связано с ‘летом’,² в названии которого один из основных элементов скрещения su- самостоятельно наличен со значением ‘лета’ в чувашском şu (← sul-: şula) ‘лето’, гесп. şul ‘год’.

‘Зима’ в финских языках выражена яфетическими переживаниями, означавшими то же самое, что груз. за+т-ðар ‘год-холодный’, в позднейшем восприятии, но в составе только слагаемых первого слова — суоми tal-vi ↔ tal-ve ‘холодный год’ или одним словом ‘холодный’, так в морд. мокша tal-а ‘зима’, в удм. tol ↘ коми təl ‘зима’, с эканием в мар. tel-1 ‘зима’. Соотношения западно-финских и коми-удмуртских в данном случае безукоризненно сохранены, именно а || о (↘ ə), и значили эти суоми tal-, коми-удм. tol (↘ təl), собственно, не ‘холодный’, а ‘холод’, ‘лед’, ‘снег’ и т. п., как в груз. -ðар в zam-ðар ‘зима’ (см. выше, стр. 217), да как в груз. ðol ‘снег’ и т. п. Это салский элемент, спирантная его разновидность с эканием, чув. q̄el ‘зима’, гесп. q̄er ↘ q̄eu, в составе греч. χεῖ-μῶν ‘зима’ и т. п. Сюда и hie-m-s ‘зима’.

¹ Н. Я. Марр, Об яфетической теории [ИР, т. III, стр. 9].

² Н. Я. Марр, Заметки по яфетическим клинописям. 6. Из халдских названий времен года, ИГАИМК, т. III, стр. 303—304.

О слоях различных типологических эпох в языках прометеидской системы¹

Капля по капле и камень долбит, факт за фактом тем легче подтачивает и такую громаду, как мнимо-цельный массив сочиненной особой расовой речи — индоевропейской.

Пора, думаю, приступить к лингвистическому анализу этих языков, языков прометеидской («индоевропейской») системы в целом, чтобы в них самих произвести классификацию не по отвлеченным, оторванным от смысла жизни общим звуковым схемам формального учения об языке, притом, исходя от массивов национальных, resp. классовых языков, выросших позднее в последнем процессе исторического образования древних, средневековых и новых народов, с точки зрения истории речи одинаково новых и лишь разноступенно позднейших в своих наличных видах, а от элементов, дающих возможность наблюдать одновременно и формальные и идеологические взаимоотношения. В них легче найти точку опоры для выявления одновременно диахронических взаимоотношений, установить ступени развития мутационного порядка и, буде они выходят своими нормами за пределы достижения индоевропейской лингвистики в глубь более ранних времен, установить связи с языками допрометеидских систем, в первую очередь с языками яфетической системы, и тем самым наметить взаимоотношения тех же прометеидских языков до появления народов последнего процесса исторического образования.

Выбор останавливаем на части речи, возникшей и получившей развитие еще в допрометеидские эпохи истории языка, именно местоимениях, в первую очередь на том из них, которое нагляднее всего вскрывает свою связь с именем, восхождение к нему как источнику, колебанием семантического размаха между местоимением и именем. Речь о возвратном местоимении.

Греч. κεφαλ-ή ← макед. (по Hesych.) κεβαλ-ή 'голова' и лат. caput (род. caput-is) 'голова', как известно, представляют во взаимности эквиваленты, закономерные во всех отношениях, т.-е. и в формальном, следовательно, звуковом. Вероятно, и это утверждение кое-кому покажется одним вещанием, не проработанным на материале рискованным утверждением. Но на страницах изданий Академии наук мы вправе не расходиться на сообщение элементарных сведений из яфетического учения об языке.

Итак, κεφαλ-ē ← макед. (Hesych.) kebal-ē и caput (capit-, род. caput-is), собственно их скрещенные из двух элементов (AB) основы ke-φαλ ← ke-bal (← *ke-pal) || ka-put (→ -pit), находятся по гласным в безукоризненно точных для норм Кавказского района взаимоотношениях свистящей группы с шипящей (сс e || шп a, сс a || шп [o ↔] u), равно согласных (сс l || шп [r ~ диал. 'n'ʔ → 'n'ʔ, resp.] t). Но наблюдаемое ныне взаимоотношение яфетических языков Кавказа соответственных групп, именно грузинского (сс) и мегрельского или

¹ Доложено в заседании ОИФ 26 I 1927 [Напечатано в ИАН, 1927 г., стр. 333—344].

чанского (шп), для обсуждаемого звукового комплекса как будто иное, ибо в грузинском то же слово с аканием — *ḡa-v* 'голова' (← *ḡal-v), а в мегрельском, как и чанском, с губной огласовкой *duḡ* (← *duḡ ~ *ḡur) 'голова'. Но вопрос не так прост. К нему мы вернемся особо. Сейчас нам важно установить, что скрещенные основы все-таки представляют позднейшие, все равно и тогда, когда они обретаются в яфетических языках.

Если держаться значения 'головы' только в кругу имен существительных и прилагательных, непосредственных и ближайших дериватов 'головы', resp. семантического пучка из нее и неразрывно связанных с нею значений — 'голова+гора+небо', то и в яфетических языках не всегда сойдем с двухэлементных образований. По связи с 'небом', палеонтологическим синонимом 'головы', слово, означающее 'голову', могло совпасть с прилагательным 'высокий' или его основой 'верх', 'высота'. У греков и римлян не было общего слова для понятия 'высокий'; по-гречески слово звучит *ὑψ-ηλ-ός* при *ὑψ-ι* 'наверху', *ὑψ-ος* 'высота', по-латыни *altus* при *altitudo* 'высота'. В эпоху возникновения прилагательных греки с римлянами были, следовательно, так далеки друг от друга, что у них и тогда не было общего названия для понятия 'небо'. В выражении этого понятия греки значительно расходятся и позднее, как это явствует из свидетельствуемого их языками исторических эпох лексического положения: 'небо' звучит по-гречески *ὠραν-ός* ↔ *οὐραν-ός*, по-латыни — *coelum*. Однако есть факт, который вскрывает нам момент, когда у римлян с греками было одно и то же скрещенное слово для выражения 'неба', именно двухэлементное (AB) скрещение в греческом спирантного, в латинском сибилантного типа.¹ Слово, свидетельствующее об этом факте, это наречие, resp. предлог со значением имени 'верх', адвербиально 'наверху', 'над', 'сверху' и т. п., в котором палеонтологически мы имеем всегда слово 'небо', resp. 'голова': греч. *ὑπέρ*, лат. *super*:² архетипы — *ḡuper ~ *shi-per, в элементе А формы шипящей группы (**shi-*, resp. *su-* ~ *si-*, resp. *hu-*) утратившее плавный исход г, т.-е. архетип — *shug, resp. *sur*, в спирантизованном виде (*hug* ↔ *hor*) с утратой спиранта сохранившийся в составе греческого слова *ὠρ + αv-ός* ↔ *ὠρ + αv-ός* 'небо', термине, также скрещенном из двух элементов, но А не с В, а с С, в виде ап, в шумерском самостоятельно означающем 'небо' → 'бог', а в абхазском 'бог' в основе формы мн. числа (*plur. tantum*) — *ap-ḡa* 'бог'. Скрещение же элемента А с В, общее

¹ В согласии с тем распределением сибиланта в со спирантом h (|| *ḡ* → ~ || у) между латинским и греческим, которое иллюстрируется типическим примером лат. *sergo* и греч. *έρτω* 'ползу', двухэлементным (AB) образованием, в грузинском представленным с другой трактовкой плавного, с утратой его элементом А (*d*), но сохранением элементом В (*ver*, *vr* ~ → *gv* → *r*) перед губным гласным «о», поглощающим *v* в глаголе — аор. I-е л. *v-d + ver*, 3-е л. *d-vra*, отгл. имя *d + g-o-sha* (← *d + gv-o + sha* ∞ → *d + vr-o + sha*) 'ползти', 'пресмыкаться', *m-drom-el*, resp. *m-drom* 'пресмыкающийся' (ср. лат. *serpens* 'змея' при глаголе *serpo* 'ползу', 'пресмыкаюцесся'), что внушает вопрос, не является ли анализ термина груз. *g-vel* 'змея', мегр. *g-wer* id. более жизненным в его соотношении к *g-val-e* 'иди', 'ступай', 'ходи', что в то же время стоит в связи с груз. *kval* 'след', или это случай лишь позднейшего осмысления, resp. полигенизма семантики, не устраняющий уже данного нами в другом месте более древнего тотемического разъяснения термина груз. *gvel*, русск. «змей» в связи с племенным названием шумерского, или иберского типа.

² Индоевропейцы *super* делят на *s* и *urper*, начальный согласный звук элемента В, производя от *ad hoc* сочиняемого то **euks-*, то *ads.

у римлян с греками в предлоге лат. *su-per* ~ *hi-per* (греч. ὑ-πέρ) в доэллинистском и долатинских языках означавшем, следовательно, 'небо', грузинский по сей день использует в значении ближайшего семантического деривата 'неба', именно 'облака', с сохранением не только плавного исхода г, как в греческом, но и начального согласного с подъемом в греческом утраченного спиранта *h* в *ğ* (*ğur* ∞ → *ğtu*) это груз. *ğur-bel* ∞ → *ğtu-bel*.¹

Термин 'высокий' должен был происходить от того же имени; в латинском ничего, но у греков ὑψι 'наверху', затем ὑψ-ος 'высота', равно первая часть не производного, а сугубо скрещенного трехэлементного (АВ + А) ὑψ-ελ-ός² 'высокий' говорят о том же, что и наречия лат. *super* ~ греч. ὑτέρ 'верх' (← 'небо') и κεφαλῆ || *caput* 'голова' ('гора + небо'). Все они одинаково двухэлементные (АВ) скрещенные слова, причем плавный в греческом представлен сибилантом, группа φг обратилась в ψ (ps), как в ψυ-χή 'душа', что наблюдается в соответственном пережиточном слое латиноязычного языка, где ψ представлен бывает ps, как то увидим на примере местоимения *ipse*, или *bs*; так, такого происхождения *bs* в *su-bs* 'под' ← *su-ps ~ *supr-*, слове одного происхождения с *super* 'наверху', поскольку оба они одинаково восходят к 'небу', *super* к 'верхнему небу', т.-е. нашему 'небу', а *subs* → *sub* — к 'преисподнему небу', 'низу под нами'. Нужно ли прибавлять, что в соотношении лат. *su-per* ~ *su-bs* находится у греков пара ὑτέρ 'над' ~ ὑπό 'под', причем как для 'верха' мы имеем разновидности одного вида *su-per* ~ ὑ-τέρ, так и для 'низа', что 'под' поверхностью, т.-е. греч. ὑπό (← *hi-per) есть двойник лат. *su-bs* (✓ *su-bes).

В значении 'высокого' это двухэлементное скрещение греческого слова повторяется и у армян и у грузин, но у них с перестановкой элементов (ВА), у грузин с аканием в обеих частях *ma-ğal* (← *mag-ğal), у армян с разнобойной свистящешипящей огласовкой (а — u ↘ ə) — *bag-dəg* (✓ *bag-dur*), в склонении с усечением плавного (р. *bag-dū*) и другими видоизменениями.

Но в линии интереса к так называемому возвратному местоимению нам важно иллюстрировать на новых примерах, примерах из языков прометеидской системы, что 'голова' использовывалась в значении 'сам', 'особа', 'себя' и т. д. Второй элемент нашего термина, обоих классических слов, *pal* ← *bal* ← *pal || *pur ~ *put* (~ *pit*) не требует долгого разъяснения в значении 'головы', поддерживаемом длинным рядом древнейших языков, начиная с баскского *big-u* 'голова' и волкамскими и прибалтийскими языками, со включением чувашского *poç* ↔ *puç* 'голова'. Но лишь в баскском мы находим использованным то же слово *big-u*, чаще с огласовкой *e* — *ber* ↘ *be*, в значении возвратного местоимения.³ В форме, можно сказать, тождественной с латинским *-put*, уранхайское, или тувимское, *poč* значит 'себя', 'особа', причем в этом языке уже турецкой системы слово успело перевести свое именное значение с 'головы' на 'тело'. Значения 'голова', 'глава'

¹ О связи этого слова с 'небом' с привлечением баскского *goy-bel* 'облако', см. Н. Я. Марр, Из семантических дериватов неба, стр. 27—28 [см. здесь, стр. 147].

² Из разновидности *el* (*hel* ~ *sel* → *zel*) в значении 'высоты' и т. п. говорилось не раз.

³ N. Marr, Origine japhétique de la langue basque (Notice préliminaire, rédigée conformément à l'état actuel du développement de la théorie nouvelle), Сборник Язык и Литература, Л., 1926, стр. 230.

за *pot* → *bod* закрепляется и свидетельством русск. *svo-bod-a* || *slo-bod-a*.¹ «Свобода» буквально значит вовсе не ‘существующий сам собой’,² а ‘глава’ (*bod*), герср. ‘господин свой’, совершенно так же, как в грузинском ღავის უფალ ‘господин себе’ → ‘свободный’.

Особый интерес представляет то же слово в значении уже личного местоимения, в древнелитературном грузинском, однако, сохраняющее смысл возвратного, с утратой исходного плавного или с заменой его носовым п: *bu* ↘ *mu* → *b* ↘ *m*.

В линии развития местоименного его использования, возвратное местоимение становится личным и затем указательным, герср. местоимением-существительным и местоимением-прилагательным, первично не различавшимися так же, как прилагательное не отличалось от существительного. Так:

1) в турецких языках *bu* значит ‘этот’, в косвенных падежах *min-*. Кстати, когда во мн. ч. у якутов губная огласовка заменяется аканием (ед. *bu*, мн. *balar*), то это говорит о скрещении шипящей группы (с губной огласовкой) и свистящей группы (с аканием), предшествующем, возможно, перерождению якутского из языка яфетической системы в язык турецкой системы;

2) *mi* в мегрельском и чанском языках, употребительное в косвенных падежах: р. *miš-i* ‘его’, отл. ч. *mi-šep*, направ. *mi-šo*, ч. *mi-ša*, дат. *mi-s*, дат. мест., герср. активный *mi-q*, причем в мегрельском это личное местоимение выступает и в роли возвратного местоимения;³

3) груз. *m-is-i* ‘его’, ‘свой’, причем *m* может быть пережитком не только *mi*, но и его эквивалента по свистящей группе — *m^гa¹* (ср. як. *ba-lar*).

Как у греческого, так и у латинского слова *ke-fal* ← *ke-bal* [← *ka-ral] || *ka-put* (← *-pit*), есть в яфетических языках двойники, одни из них целостные двойники, т.-е. также скрещенные, другие — частичные, т. е. двойники по одному из составных элементов, или А или В.⁴

Так, частичным эквивалентом по А, именно *ka-*, усеченному виду *kal*, герср. *kar*, в яфетическом произношении *ka¹, герср. **ka^г*, является по сибилантиной ветви яфетических языков в свистящей группе *tal*, герср. *tar*: его сохранил армянский язык в *taur* ‘верх’ (← *tar-i ‘голова’);⁵ в шипящей группе с озвончением согласных должно бы быть *du^д* сохраненное ныне диалектически в джарварском говоре мегрельского языка,⁶ повсеместно же наличное, по десибилантии, лишь в виде *du^д-i* ‘голова’ и в мегрельском, и в чанском, часто с утратой исходного согласного (*du-*) в том же значении, равно в значении ‘себя’, и вот его-то и имеем, с грузинской передачей мегрело-чанского *d* через *ḡ*, в грузинском ღი,

¹ О появлении *l*, плавного исхода элемента А, речь будет особо. Здесь ограничимся указанием, что *sl-* представляет первый элемент, и противоположность двухэлементному (АВ) *s+vo-*, равняясь его начальному звуку *s*.

² Такое толкование по палеонтологии семантики абсолютно невозможно.

³ И. А. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка, стр. 046, § 49, а.

⁴ Четыре элемента: салкий (SAL), берский (B&R), ионский (YON) и рошский (ROШ) отмечаются последовательно четырьмя латинскими заглавными буквами А, В, С, D.

⁵ Грузинское соответствие *tver* ‘верх’ представляет двухэлементное (АВ) скрещение, и едва ли его полностью можно отождествлять с арм. *taur* путем допущения звуковых переходов и перемещения звука *su*: *taur*, путем эпентезиса восходящий к *tar-i, есть эквивалент полный лишь первой, усеченной части (*t-*) грузинского скрещенного слова *t+ver*.

⁶ А. Цагарели, Мингрельские этюды, вып. I, СПб., 1880, стр. 65, № 38, б, в.

основе древнелитературного притяжательного местоимения 'свой' (в значении лат. *suus*): род. п. ႃwɪs ($\leftarrow \text{ႃu-is-i}$) и т. п. Это при восстановлении аффрикатности $*\text{ႃu}$ восходит к тому же $*\text{ႃu}$ ($\leftarrow \text{ႃud}$), от которого *du* ($\leftarrow \text{dud}$) в дат. п. мегр. *du-s*.

Эта же по губной огласовке ($o \leftrightarrow u$) племенная форма, но с эквивалентным согласным спирантной ветви (ႃu , геср. ႃu), имеется также и в полной, и в усеченной форме.

А) В полной форме она налицо как с сохранением плавного г, так с его перебойным двойником ႃ ($\leftarrow t$) $\rightarrow d$, так же, как то мы наблюдаем у мегрелов и чанов в полном его виде *ႃud-i* 'голова', и в усеченном *ႃu* $\leftarrow *ႃu$, именно:

1) в грузинском сохранился *ႃur*, очевидно, вклад шипящей группы, геср. окающей, с первичным значением 'голова+гора+небо', геср. 'верх', откуда грузинский отыменный глагол *ႃur-v-a* 'покрывать', 'перекрывать', *sa-ႃur-av-i* 'крыша', *da-i-ႃuga* 'покрыл себе (голову)', *ႃav+da+sa-ႃur+av-i* 'головной убор' [кратко и точно толкуется у Орб.: *ႃurva*: «это значит перекрыть дом крышей, накрыть шапкой (голову) людей и т. п.»], арм. древнелит. *ႃouႃ* (в вульгарном произношении *ႃuႃ* $\leftarrow \text{ႃog-i} \leftrightarrow \text{ႃig-i}$) 'тиара', 'венец', 'митра' (заимствовано и у грузин в древнелитературном со сванским разложением «и» в *wi*: *ႃwig-i*), букв. 'верх', 'покрывало', 'головной убор', 'шапка' и т. п.;

2) в грузинском же то же слово имеется с заменой плавного г его перебойным эквивалентом d ($\leftarrow \text{ႃ}$) — *qud* ($\leftarrow \text{qud}$) 'шапка', явный вклад из языка шипящей группы с диалектической особенностью (ႃ , геср. d , вм. г), на Иране пережиточно с сохранением аффрикатности ႃ — перс. *ႃūd* 'шлем' ($\leftarrow *ႃuႃ \sim$ груз. *zuႃ* по Орб.) и той же диалектической разновидности двойник с оканием $*ႃod$ налицо с обычным разложением «о» в *aw* в др.-перс. *ႃawd-a* («*khauda*»).

Это по губной огласовке ($o \leftrightarrow u$) племенная форма, но с согласным спирантной ветви также усеченно:

1) в абхазском с ослаблением губного гласного «о» в «э» и дальнейшей его утратой или заменой его аканием по скрещению с грузинским, геср. с языком *ss* группы в значении 'головы' $\rightarrow$ 'вершины', 'верха' — ႃႃ ($\leftarrow a-\text{ႃႃ}$), а его перебойный эквивалент по шипящей группе $\text{ႃႃ} \rightarrow \text{ႃ}^1$ в значении 'себя' в глаголах, а с аканием в сложных словах *a-ႃau-tႃ* 'голова и лицо', в производных с суффиксом *zႃ* $\rightarrow z$ образованиях адвербиального значения — *ႃa-z*, *ႃa-zႃ* 'особо', 'отдельно', *1-ႃ aႃ* 'для себя (он)', букв. 'для его *головой*', *u-ႃ aႃ* 'для себя (ты)' и т. д., с суффиксом орудивным *-la* — *ႃa-la* в сочетаниях с теми же местоимениями *1-ႃa-la* 'он сам', букв. 'своей головой (он)', *u-ႃala* 'ты сам', *sႃ-ႃala* 'я сам' и т. д., в скрещении из двух его разновидностей, спирантной (ႃႃ) и сибилантной (ႃႃ), в термине *ႃa-ႃa* 'голова', 'особа', 'сам' в составных выражениях *1-ႃa-ႃa* 'он сам', букв. 'его голова', *u-ႃaႃa* 'ты сам', *s-ႃaႃa* 'я сам' и т. д.;

2) в чувашском совершенно с теми же перерождениями, да то с утратой и ослаблением губной огласовки ($\text{ႃ} \leftarrow \text{ႃႃ}$), то с заменой ее аканием в новое свидетельство общности чувашского с грузинским языком свистящей группы

¹ Ср. выше, стр. 225, 227: $\text{ႃu} \leftarrow du$, геср. $*\text{ႃu} \leftarrow \text{ႃu}$.

(q̄a):¹ в выражениях q̄ə-у 'он сам', q̄e-у+zem 'они сами', q̄-и 'ты сам', q̄ə-v+əг 'вы сами', q̄a-т 'я сам', q̄a-т+əг 'мы сами', в которых с абхазским выявляется общность не только возвратного местоимения q̄ə (абх. q̄ə 'голова' ~ q̄ə 'себя'), но и личных местоименных аффиксов 3-го лица «у» (после гласного) ← -1, как в абхазском 1- → у- (перед гласным), равно -1 → (после гласного) -у и в грузинском, здесь, однако, в роли объективного суффикса 3-го лица -1, 2-го лица -и, как в абхазском, и 1-го лица -т, как в грузинском; с сохранением подъемного расчленения диффузного h̄, т. е. sh, resp. sh̄ ↗ sq̄, что одноэлементно сохранил двойник чувашского q̄a-, черкесское слово q̄ha 'голова', и по огласовке отождествляемое с элементом А грузинского скрещенного термина q̄a-v 'голова' (→ 'сам', напр., q̄a-vad) и абх. q̄a-za 'сам' (← '*голова', см. выше), наличным самостоятельно, т. е. без скрещения, в халдском клинописном языке в виде ta 'глава' в составном социальном термине ir-ta 'глава племени',² да, как будто, и в грузинском у Шоты из Рустава в качестве диалектизма;

3) опять в абхазском с дезаспирацией аффриката q̄ в q̄ и слиянием с ним губной огласовки (и, resp. ее ослабление w) в обычную абхазскую фонему q̄, в роли предлога в глаголах со значением 'верха', 'сверху'. resp. 'неба', из пучкового значения 'небо+гора+голова', причем qu без ослабления гласного, но с грузинским раздвоением we (орфограф. древнелит. ue, новогруз. ve), т. е. qwe, равно точный сванский перебойный эквивалент сибилантной по шипящей группе ветви (непечато в аффрикатности q̄u, т. е. q̄u), значат 'вниз' у грузин так же, как у сванов (у последних, подобно абхазскому, в роли предлога в глаголах), и в обоих случаях такое противоположное значение с абхазским объясняется палеонтологически совершенно правильно, как то независимо от меня отметил К. Д. Дондуа, потому что 'небо' из пучкового значения 'небо+гора+голова', к которому восходит абх. q̄ 'верх' (↗ qu), использовавшееся в значении еще двух небес, 'нижнего' и 'преисподнего', обозначая 'нижнее небо', resp. 'землю', означало и 'виз';³

4) в армянском в составе двухэлементного АВ скрещения занимающий нас усеченный вид сохраняется без ущерба в виде q̄u-φ, resp. др.-л. и q̄u-φəп, 'крышка' [← 'верх', 'голова'];

5) опять в абхазском его мы имеем с ослаблением окания в скрещении с элементом В без утраты плавного в значении 'крытия', 'крыть', 'крыши', 'кровя' и т. д. (первично, следовательно, 'верха', 'неба', 'головы') в слове a-q̄ə+br-a;

6) без утраты плавного второго элемента мы то же скрещенное слово находим у грузин в др.-л. q̄u-vil 'колос', букв. 'голова', в грузинском так и называемом q̄av-q̄av 'голова-голова', рядом с q̄a-vel 'колос', сибилантной разновидности по свистящей группе (с акающим q̄a-).

¹ Если бы для названия 'тыква' мы могли руководствоваться аналогией связи 'голова' и 'тыква', одинаково обозначаемых грузинским словом goga, то груз. q̄ar-1 'тыква' могло бы быть использовано для того же сближения со словом того же состава (АВ) в значении 'головы' (и тогда это был бы акающий эквивалент арм q̄if 'крышка', 'верх', см. ниже), но это требует предварительной проработки семантической палеонтологии в части названия растений.

² Н. Я. Марр, Надпись Сардура II из раскопок ниши на Ванской скале, стр. 37.

³ Ср. super 'наверху', 'над' и subs, resp. sub, 'вниз', 'под'.

И вот снова источник сомнения, подлежат ли отождествлению огласовочные взаимоотношения свистящей и шипящей групп Средиземноморья с огласовочными взаимоотношениями тех же групп Кавказа, и если да, то почему в одном и том же слове 'голова' мы находим из двух хотя бы и одинаково закономерных соответствий у средиземноморцев предпочтение $ss \parallel шп а$, а у кавказцев — $ss а \parallel шп о$ ($\leftarrow \rightarrow u$), тем более, что элемент В свистящей группы и в Средиземноморьи выявляет акание $fal \leftarrow bal$ ($\leftarrow *pal$), что поддерживается основным акающим слоем суоми $рай$ ($\swarrow pal$, resp. paq) при закономерной губной огласовке шипящей группы $put \leftarrow *put$, поддерживаемой, без всякого изменения первоначального г, шипящим слоем баскского слова bug -и 'голова', а с перерождением того же порядка, что в латинском, шипящим слоем чувашского языка — $po\check{s} \leftrightarrow ru\check{s}$ 'голова'.

Таким образом, у нас получается впечатление, что разноразная огласовка греческого, и, следовательно, латинского, в первой части не поддержанная кавказскими эквивалентами, есть результат особых условий скрещения Средиземноморского района, и лат. $ka-$, в шипящей группе через архетип $*ka-$, отождествляемый с чув. qa , халдск. ta и груз. ka , resp. $ka-v$, усвоен в м. $*ku-$ из свистящей группы, и его-то, т. е. $ka-$, следовало бы, значит, иметь в м. $ke-$, как в греческом, т. е. в целом $*ka-pal$, что и поддерживается столь древним в глазах индоевропейцев языком, как санскрит, в его слове $ka-pal+a-m$ 'череп', 'черепок'.

Между тем огласовка «е» может в данном случае быть вкладом третьей группы, на Кавказе спирантной, конкретно — сванского языка (спирантно-шипящего). В самом грузинском древнелитературном мы имеем двойник греческого ke ($\leftarrow *ke$) с сохранением подъемного расчленения диффузного $\check{h}$, т. е. опять-таки $\check{d}e$ в м. $\check{d}e$ в скрещенном термине $\check{d}e-m$ 'верх', 'темя', 'лобное место', первично 'голова', в каком значении слово сохранилось у сванов, где под влиянием шипящей группы оно сдало свою огласовку, усвоив губную из мегрельского — $\check{d}qum \rightarrow \check{d}qwm$, полный же архетип экающей группы должен бы звучать $*\check{d}e-men$, resp. $\check{d}e-men$, что сохранено отложившимся из соответственного яфетического языка русским «те-мя», р. «те-мен-и».

В формальном отношении совершенно ясно, что $ka-$ латинского скрещенного термина $sa-put$ представляет разновидность свистящей группы с аканием, эквивалент ka , что в грузинском $ka-v$ 'голова', усеченном виде слова $ka-vel$, двух-элементного АВ скрещения.

Что касается семантической стороны, то, насколько в яфетических языках связь возвратного местоимения 'себя', 'сам' с именем 'голова' ('тело' — 'душа') ясна и наглядна, настолько же, наоборот, в греческом и латинском, вообще в языках прометеидской системы, эта связь утрачена, не лежит она как на ладони. Ни слов, ни основ $\kappa\epsilon\phi\alpha\lambda\acute{\eta}$ и $caput$ нельзя усмотреть средствами индоевропейского языкознания в греч. $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ 'сам', resp. $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\acute{o}\upsilon$ и в лат. $ipse$ 'сам', se 'себя' и т. п.

Не лучше обстоит дело в этом отношении с другими языками бесспорно прометеидской системы. Однако если остановиться на более многочисленных

группах той же системы языков, германской, славянской, да и арийской в ее архаичном виде, особенно на санскрите, то эта связь вскрывается без труда при сближении с яфетическими материалами, она особенно прозрачна в отношении санскрита и славянских языков, да и древнегерманских. Средствами самих прометеидских языков дело разъяснить трудно, тем более, когда к тому же индоевропейское языкознание толкает на ложный путь, припутывая сюда слово со значением 'подобный' (лат. *similis*, греч. *ἴμοιος*), равно 'однажды', или 'раз' (*semel* || *simul* и т. п.), по одним формальным признакам, сказать прямо — случайному созвучию. Никто не отрицает, что в сближаемых словах действительно одни и те же звуковые комплексы, но для понятия 'раз', 'однажды', звучит ли выражающее слово *semel* (лат.) или иначе, хотя бы в полной мере как 'сам' или 'особа', оно имеет совершенно иные семантические связи, иной генезис и иную историю; так же обстоит дело с понятием 'подобный' или 'похожий', нельзя тут играть с огнем, перекидывая мост через местоимение 'тот же самый', если даже не смущаться расстоянием между 'тожеством' и 'подобием', между тем речь не о тожестве или подобии, а об 'особе' и постольку, или в связи с ним, о понятии 'сам'. Впрочем, индоевропейцы не смущаются роднить с 'особой' и с понятием 'сам' прилагательный 'тихий', 'покойный' (*doux, tranquille*), конечно, опять-таки по одним формальным признакам, не замечая нисколько бессмыслицы в навязывании 'спокойствия', 'смирения' в родни 'особе', или 'самому', которые отнюдь не всегда отличаются подобным качеством и бывают в не меньшей мере 'беспокойны', 'необузданны' и 'шумны'. Естественно, не учитывалось по незнанию, что 'сам', равно как 'особа', 'себя' и т. п., представляют собой слово, означающее 'голову', герм. существенный признак человека, в целом 'тело' — 'душу', частично существенные части тела, прежде всего обычно 'голову', но в известную эпоху и 'руку', когда рука являлась орудием не только физического труда, но и умственного общения, орудием речи.

Груз. *ḡa-v* || *ḡam*¹ 'голова', дессибилитованная разновидность более древнего вида *ḡa-m, представляет лишь верхнюю ступень в отношении русск. *sa-mə* («сам»), санскр. *sá-m*. На яфетической почве термин представляет двухэлементное (AB) скрещение, причем оба элемента представлены с бесследной утратой плавного исхода, был ли он *l* и *g*, или любой его иной закономерный заместитель, разве наследие утраченного плавного исхода усмотреть в ударении санскритского слова *sá-m*. Не более архаичны в отношении этого гласного, не сохранив его долготы, и спирантные разновидности, из них древнейшая — авест. *ha-ma-*. Грузинское скрещенное слово *ḡa-v* 'голова' → 'себя', восходя к более древнему виду *ḡa-vel* ['голова' →] 'колос', является более близким формально эквивалентом лит. «*sa-vė*» 'себя'.

Мы видели, что в яфетических языках первый элемент (A) в значении 'головы' и ее дериватов сохраняет плавный исход по шипящей группе (г) в значении ближайших дериватов от 'головы', герм. 'неба'.

Так как по положению о функциональной семантике название существенной части человека по степени развития общественности сначала трудовая 'рука',

¹ Ср. *ḡam-am-1* 'смелый', 'с поднятой головой'.

впоследствии мыслящая 'голова', и лишь в конечном развитии нарошая в представлении человечества 'душа', стала употребляться в значении целого 'тела' вообще, и, по достижении соответственного культурного уровня, наивысшей ценности человека 'души' (в арм. древнелит. языке, переходной ступени развития, словом *apčēn* выражалось без различия и 'тело' и 'душа'), то шипящая форма термина 'душа', м., ч. *шиг*, представляющая закономерную перебойную разновидность основы *qur-* 'покрытие', 'верх', первично 'голова' (ср. с усеченным *qū- √ qē-* и т. д.), также могла, и, действительно, обозначала первично и 'руку' и 'голову', и в таком случае его грузинский эквивалент *sul* 'душа' не представляет ли предмет пересмотра? Он может быть не трехгласным корнем (*svl*) со стянутым в «и» двухгласным *we*, т.-е. *svel, в таком случае результатом скрещения (**s+vel*), а двухгласным *sl* с губной огласовкой (и) для семантической дифференциации вместо закономерного для *ss* группы акания (*sal, ср. *sol* ↔ *sul* 'рука' в основе чув. *sol-ə* ↔ *sul-ə* 'браслет', 'запястье').¹ Так или иначе (для основного сейчас нашего семантического вопроса это безразлично), усеченный его вид *su* (шп ши) пережил в латинском в основе возвратного местоимения как существительного род. *su-i*, так прилагательного *su-us*.

В таком случае для 'особы', resp. первично 'головы' («'тела', 'души'), мы этот корень имеем использованным в трех формах: акающей *sa- √ ša-* («*sal √ *šal), акающей *шиг- √ qur* и экающей *sel*. Экающая разновидность в сохранности пережила в германских языках в скрещении с элементом В — нем. *sel-be* → *sel-b*, авгл. *sel-f*. Первый элемент *sel* → *sil с усечением *se* ↔ *sl* хорошо известен из скрещений, переживших как в нем. «*si-ch*» и русск. «се-бя», так в лат. *si-bi*, здесь и самостоятельно *se*, он же спирантизованно в греч. «*é-*» — *he* в составе *é-αυτοῦ* 'себя самого', и в *pendant* к *sl* ~ *hi*, с утратой спиранта — *i*, сохранившийся у грузин в роли префикса в глаголах со значением 'себя', resp. 'себе', напр., *a+^gl-i-š-e^gu¹na* 'он построил себе'. Кстати, у германцев не исключалась бы в значении возвратного местоимения форма элемента А и с аканием (*sal*) рядом с *sel*, так как это же слово в германских языках дошло до нас, как имя со значением 'душа': 1) с аканием — гот. *sau+val-a* («*saiwala*»),² разнородно с губной огласовкой др.-англ.-сакс. *sā-vol* («*sēwol*»), 2) с эканием — нем. *seel-e*, др.-верхне-нем. *sē-vl-a* («*sēula*») → *sē-la*, др.-сакс. «*sēola*» («*se-wl-a»), др.-фризск. *sē-ne*, голл. «*ziel*» («*sl-vl).

Остаются, казалось бы, изолированными латинский и греческий в отношении термина 'себя', по-латыни *ipse* и по-гречески *αὐτός*. Конечно, некоторая изоляция есть у них обоих вместе, но как в отношении 'сам' мы имеем надобность перегруппировать так, что арийские языки сливаются со славянскими (*sa-m*) и лишь германские в доступных нам видах остаются особняком (*sel-b*), латинский одним слоем (*si-bi*, *su-i*, *su-us*), древнейшим для него, сближается с германским («*si-ch*») и особенно славянскими («се-бя», «се-бъ», «со-бой», «с-во-» и т. п.), другим же слоем, именно тем, который включает в себя *ipse*, — объединяется с греческим: их объединяет звуковой закон в трактовке плавного, общий с абхазским, а также

¹ Н. Я. Марр, Чуваши-яфетиды на Волге, Чебоксары, 1926, стр. 22, [ИР, т. V, стр. 336].

² Две разновидности *sā-l-a* || *sal-u* относятся сюда лишь элементом А (*sal-*), начальным.

сванским и чувашским, именно, замена *r* свистящим, точнее — перерождение группы *pr* в группу *ps* → *φs*, resp. *vs* ↗ *vt*, столь сродную из яфетических языков именно абхазскому. При учете этого обстоятельства, греч. *αῦτός* с дор. *αῦς* и лат. *ipse* одинаково являются двухэлементными (AB) скрещениями *awt* ↘ *aws* || *1-psē* (*~* -*psō* ↔ -*psu*, ср. р. *1+psi-us* и *1+psu-us* при «*huj-us*» от *hi-c*, где «*huj*», resp. *huu* ~ *hur), т.-е. по составу повторяют такие образования как «са-мъ», «се-бѧ», *si-bi* и т. п., и, выделяясь лишь подменой сибилантов (*s* ↗ *t*, первично аффрикат *t̥*) плавному в сохранившем полностью согласные берском элементе *B*, во взаимоотношениях опять-таки иллюстрируют взаимоотношения *se* и *шп* групп по огласовке, т. е. акание (*a-wt*) и губная огласовка (*o* ↔ *u*) с обычным позднейшим перебоем в «*ι*» (← *hu-* ~ *hi-*): *awt* ↘ *aws* || *u-psē ~ *1-psē*. Отсюда не случайно созвучие берского элемента (*B*) *pse* с первой частью греч. *ψυ-χή* 'душа', самостоятельно означающей в абхазском 'душу', звуча *φсə* (с членом *a-φсə*). Одна формальная сторона представляет исключительный интерес, именно то, что вторая часть, элемент *B*, представленный выдвиганием наружу внутренней огласовки, как в абхазском (*φсə* ↙ *φсo) и греческом (*φsw* ↙ *φsu*), одинаково с ними требуют водворения внутрь их архетипов *φos ↔ *φus, причем лат. «*e*» здесь явится перебоем «*o*», как «*ι*» в *sa+pit-is* и «*ι*» в *ipse* — перебои *u-* в *cap-ut* и *u-psē, resp. *u-pos ↔ *u-pus.

Результат: необходимость переклассифицировать языки прометеидской системы по конкретно в них наличным слоям из переживаний тех звукосоответствий, о которых индоевропеистика представления не имеет и при имеющемся у нее в распоряжении методе иметь не может.

К общему выводу, т.-е. к самому намечению переклассифицирования, мы подойдем постепенно. Сначала факты, и факты, каковыми являются лишь палеонтологически разъясненные факты.

Орудивный и исходный падежи в кабардинском и абхазском¹

§ 1. Так как специально о кабардинском не приходилось печатно высказываться с уточнением, необходимо и в интересах разъясняемой здесь морфологической подробности подойти к делу по-новому, т.-е. подойти к языку не как к однородному массиву, а как к составу из различных наслоений, отложений, получившемуся или в результате скрещения различных социальных группировок, впоследствии этнических образований, с их у каждого особой уже сложившейся звуковой речью, или в результате отложений стадийных трансформаций, произведенных внутренней жизнью самого народа-языка в зависимости, разумеется, от всех языкотворческих факторов. Такой осложненный состав присущ всем языкам, не только их группам, т. е. не только, например, черкесская группа со включением и адигейского и кабардинского, но и каждый отдельный язык, равно, далее, каждая так называемая диалектическая его разновидность, требует особого учета этого состава разных наслоений и разных отложений. Сравнение языков, хотя бы наречий, даже говоров, как цельных массивов, это отказ от исследования не только происхождения речи (это, допустим, для старой лингвистической школы не представило бы беды: вопрос о происхождении ей представляется выходящим из круга научных интересов, метафизическим), это отказ от исследования и истории ее развития, в частности истории развития каждого отдельного языка в целом. Поэтому-то нам было бы важно констатировать в кабардинском, хотя бы в каком-либо его диалекте, для определения известного наслоения или отложения один такой существенный формальный признак как экание, оформление слов гласным «е». В кабардинском языке, быть может, в его одном лишь говоре, рядом с губной огласовкой (о ↔ и ↘ э) наблюдается слой с огласовкой «е».

Не касаясь пока ни черкесской группы, ни кабардинского языка в целом, мы довольствовались бы наличием хотя бы одного слоя с огласовкой «е», допустим, вклада экающей группы, характеризуемой формально как спирантная при учете соответствия ее огласовки «е» аканию свистящей и оканию шипящей группы. Так как добрый слой абхазского языка представляет вклад общественной среды с речью свистящей группы, то, естественно, в таком случае можно было бы находить в корреспонденции с кабардинским (одного слоя) эканием акание (также одного слоя) абхазских эквивалентов. Такое соотношение между грузинским (эkanie одного слоя) и абхазским (акание одного слоя, акание в таком случае и в мегрельском и чанском языках) это факт, составляющий одну из основ статической сравнительной грамматики яфетических языков южнокавказской общности. Установление факта, что в районе черкесо-абхазского расселения та или иная так наз. группа выделялась социально (а не физиологически, конечно!) огласовкой «е», имеет громадное значение для восстановления утерян-

¹ Доложено в ОГН 3 V 1928 [напечатано в ДАН В, 1928, стр. 219—221].

ных связей языков и народов, не имеющих ныне по «катедральной науке» ничего общего между собой. Откуда, однако, пошла мысль, что огласовка «е» имела такие корни, гесп. права гражданства, в указанном районе? Ответу: из древнейшего текста, имеющегося в распоряжении палеонтолога речи. Это — топонимика. И вот из топонимического текста черкесо-абхазского расселения мне достаточно сослаться на такие названия населенных пунктов, точнее, на одно такое название в двух разновидностях населенных пунктов, как, с одной стороны в Тwa-фse, Мако-фse и др., в их второй части -фse, какое бы значение ей ни придавать,¹

другой — Te + bel-da в Абхазии (абх. Та-bal) и Te + ber-da в черкесской так или иначе части, чтобы быть на страже соответственных фонетических исканий тем более, что огласовка «е» неразрывно связана, как это указывалось, с самим племенным названием *ʒer-kes*, гесп. *qer-kes, засвидетельствованным в древней письменности его разновидностью *ker-kef*² (Керхэтай, Керхэтио, Керхетхйо), равно средневековыми племенными названиями того же района, такими, как печенеги (при акании груз. რაინაგ), не говоря о этнотопонимических терминах и Крыма отнюдь не недавней даты.

Обнаружены черкесские древности в Воронежской губ., но эти древности новейшего времени, XVII в., как мне разъяснили специалисты по материальной культуре названного района. Между тем черкесский язык выявляет свое ближайшее сродство с таким несомненно древним названием реки, как «Днѣпръ», ибо *rg* в данном топонимическом термине лишь привесок к более древним названиям *Dney* ← *Den-1 || *Don* ↔ *Dun* (*Dun-ay*) || *Dan* ← *Tan* (*Dan-u + b*, *Tan-ay + is*), означавшим все одинаково 'воду'; из них *don* 'вода', национализованная осетинским социальным объединением, есть достояние шипящей группы, проникшее в виде *ʒon* со значением 'дождя' (← 'воды') в армянскую среду (ныне это слово народного языка); *tan* → *dan* посему следовало бы быть в грузинском, как языке свистящей группы, но грузинский успел его усвоить опять-таки с эканием в основе глагола *den-a* 'течь' (сюда же и *ten-1* 'сырость'), аор. *1-din-a* (с пассивной основой морфологической стадии развития речи — *din*), отгл. имя *m-din-ar-e* 'река'. Привесок же *rg*, означающий, как не раз приходилось отмечать, также 'воду', гесп. 'реку', является, с одной стороны, разновидностью кб. *фsə* (← *фse*) 'река', 'вода', с другой — основы сванского глагола *h-bŕ-e* 'мыть', т.-е. опять объединение языков, которым присуще экание, и в таком существенном термине как 'вода', 'река'.

Правда, 'река', 'вода' в кабардинском с редукцией огласовки в «э» — *фsə*; такой же звуковой комплекс во второй части составного названия населенного пункта, именно ныне города Туапсе, какого бы он значения ни был (здесь, конечно, не 'воды' или 'реки'), в кабардинском *Twàфsə*, в шапсугском, абадзехском, темиргойском, бжедухском как будто с полной утратой исходного гласного *Twaфs*, но все это требует прежде всего тщательной проверки на местах и в то же время

¹ Не надо увлекаться ее значением 'вода', гесп. 'река', забыв палеонтологически установленный полисемантизм 'воды'.

² Н. Я. Марр, К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа, ИАН, 1916, стр. 1406.

четкого установления, является ли редуцированный звук «э» закономерным ослаблением губного «о» или в черкесском он — ослабление одновременно губного «о» и небного «е»,¹ как, например, в армянском, здесь (особенно в народном армянском) губного «и» и небного «и». Сейчас, впрочем, мы замыкаемся в этнологические, вернее пережитые социологические нормы черкесо-абхазского района, и, естественно, книги в руки черкесоведам, из коих на первый план сейчас приходится ставить Н. Ф. Яковлева не только по времени появления только недавно его труда «Материалы для кабардинского словаря, вып. 1. Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога».²

Мне подсказывают, что буква «е» в транскрипции Н. Ф. Яковлева не имеет значения «е», что это — «а» или близкий к нему звук. Если это так, то наше построение, в части об экании кабардинского, выдвигает лишь проблему, но еще не решает ее. Потому-то свои суждения об этой части высказываем условно. Но на необходимости чуткого внимания к наличию экания тем не менее мы настаиваем. Сама работа Н. Ф. Яковлева нам не дает основания сомневаться в произношении «е», как «е». Кроме того, проверка того же материала М. А. Бидановым³ мне выявила хотя бы в двух случаях существование и ныне произношения «е» (а не «а»).

§ 2. И потому к иллюстрации такого положения дела я пользуюсь рядом примеров из цитованного труда, причем после сделанной оговорки излишне было снабжать звездочкой или хотя бы вопросительным знаком случаи с огласовкой «е», приведенные пока все-таки как проблематичные, за исключением разве геџ 'курица'.

1. кб. we (Б.: wa) || абх. wa- 'ты', кб. we-re (Б.: wa-ra) || абх. wa-га 'ты'.

2. кб. se (Б.: sa) || абх. sa- 'я'.

3. кб. ше 'без' ← *шег (см. § 4) || абадз. шэ || груз. ḍal 'сила' [← 'рука'] → ḍl-ev-a 'давать', по палеонтологии ← 'рука'.

4. кб. bde-zey || [*a-ɸsa + ḍ] || кб. bzazéy, bjäjeŷ || абх. a-ɸsə-ḍ, абадз. фḍḍ (редко), фḍḍjì (обычн.) 'рыба'.

5. кб. те 'на', 'бери' || Б.: та 'возьми' — 'рука', см. стр. 238; а тә 'яблоко', 'кислица' || та (✓ tal- в средиземноморских языках), гесп. ва в скрещенном груз. ва-шл (← ва-шал) 'яблоко'.

6. кб. пе 'глаза', 'глаз' и т. п. || сс па → la: абх. à-la 'глаз', груз. па + ḡ-а 'он увидел', основа двухэлементная ДС имени паḡ, означавшего, следовательно, 'глаз'.

7. кб. је 'время года', 'пора' || ја в составе скрещенного арм.-груз. ја-т 'время' ~ [y]а-т ([y]а-то в род. [y]а-мо-у) → арм. а-т 'год', абх. а+т-ḍа, с префиксом à-āтḍа → à-āтḍ 'время'.

8. [кб. *ке 'дым',] бск. ке 'дым' || *абх. [ка] || ко ↔ ку (✓ кур) в груз. ко-мл → нар. ква-мл 'дым', русск. «кур» 'дым', 'смрад', 'чад' и производные.

¹ См. Н. Ф. Яковлев, *Материалы для кабардинского словаря*, стр. XVIII—XIX.

² Центральное издательство народов СССР, М., 1927.

³ В цитатах ниже под буквой Б.

9. кб. *ʃe* 'кисть (руки)' ← 'рука', *he* '*рука' → глг. 'неси' в составе *ʃhe* 'лежать *неси*' (*he*) || абх. аг- 'рука' в агга 'рука правая', абх. аг-та 'рука левая',¹ м. *ʃa* ← *ka* / *kal* (во мн. ч.), а- в арм. а-ճ 'рука правая', Б.: шапс., абадз., темирг., бжед.: *ʃa* 'рука'.

10. кб. *he* 'ячень' / *ʃer (груз. *qer* 'ячень') || абх. а-*qar* ← арм. *gar*-1, бск. *gaḡ* + а-*gar*, Б.: абадз., кб., общечерк. *ħa*.

11. *ged* 'курица' (Б.: кб. *ǰed* → темирг., абадз. *ǰeǰə*), груз. *ged* 'лебедь', *gedes* (верхнекб.) 'курятник' (Б.: другие — *ǰedəš* → *ǰeǰəš*) || груз. *qa* + *ǰam*² 'курица', абх. а-*ke* + *tə* (← *ku-to) *id.*, ч. *qo-ǰu-me id.*, ср. *kur-tu-mo*.

§ 3. В значении 'силы' в абхазском используется другой элемент, именно В, если не ВС — а-*mǰ*, чем абхазский сближается с русским, где «мочь», «мощь», и их родня того же состава.³ Однако и элемент А с тем же значением существовал в абхазском, этому свидетель *ǰaḡa* 'очень', 'весьма', букв. 'сильно', что восходит к архетипу *ǰal*, или *ǰar, все равно, имеем ли в абхазском наречии образа действия в роли этой функциональной частицы, означающей 'руку' а) слово «а» (← аг-, см. абх. *ǰg-ǰa* 'рука правая', *ǰg-ta* 'рука левая'),⁴ и в таком случае само слово 'сила' — *dar*, или б) слово *ga* (элемент D, что в па- из состава скрещенного образования а-па + рə 'рука'), и тогда слово 'сила' звучало с усечением плавного *da*,⁵ т. е. в том виде, в каком то же слово сохранилось в шумерском (здесь и с глухим зубным *ta*) в значении 'стороны'. Утрату аффрикатности абхазский допускает часто, в данном случае одинаково с баскским, где, в составе скрещенного слова *in-dar* 'сила', вторая часть *dar* представляет именно наш термин в простом одноэлементном виде. В прабаскском, впрочем, этот элемент со значением 'руки', семантического архетипа 'силы', существовал и в разновидности с низшей глухой ступенью начального согласного — *sal*, от которой происходит баскский глагол *sal-du* 'продавать' (← 'давать').

Если ориентироваться с учетом палеонтологически установленного семантического пучка 'рука+женщина+вода', то при наличии у басков скрещенного *an+der-e* 'женщина' формовку входящего в его состав слова *der* с огласовкой «е» имеем основание предполагать также в баскском и для значения 'рука', как то мы наблюдаем в арм. *ǰer-əp* (др.-л.), здесь с сохранением аффрикатности зубного.

§ 4. Исключительная важность господства этой огласовки (е), если бы она была констатирована с бесспорностью, именно хотя бы в одном из отрезков распространения кабардинской речи, состоит, во-первых, в том, что это дает возможность для первого ориентировочного определения схождения и расхождения кабардинского, благодаря общности этой особенности у него со сванским языком, языком спирантно-шипящим по «скрещению», следовательно, собственно, спирантным слоем

¹ См. ниже, стр. 237 и 238.

² Н. Я. Марр, Абхазско-русский словарь, Введение, стр. XVII.

³ Н. Я. Марр, Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык [изд. Ленинградского Восточного института. Труды языческого семинария, IV] в цитатах далее Пост. уч. об языке и абх.), стр. 21—221.

⁴ Пост. уч. об языке и абх., стр. 35.

⁵ Аффрикатно *da*, что в абхазском налично в роли суффикса со значением 'сильно', 'очень', 'весьма'.

сванского, во-вторых, в том, что то же самое явление его роднит с господствующим слоем яфетических переживаний в русском языке, который также характеризуется огласовкой «е».¹ Не осталось дело и без вклада этой огласовки в грузинскую речь. Сейчас не касаюсь ее сильнейшего воздействия на имерский говор, достаточно сослаться, как на типический пример, на слово 'как?' — им. *geveu*, *resp. reve* *вм. gava* [ɣ], 'много' — *brevet* *вм. mɔvav* 'много' и т. п. Не углубляясь в мотивировку той же огласовки, как сказали бы мы раньше, изначальной или природной для грузинской речи, можем утверждать, что этот фонетический вклад определяет добрую половину самых бесспорных социально национализированных грузинских слов, выявляемых как таковые и составом их согласных и поддержкой самого гласного «е», закономерно корреспондирующим «а» в соответственных словах чанского и мегрельского языков. Обращаю внимание на чисто спирантные особи бесспорного обще-обиходного или древнелитературного словаря или на сибилантные, но не грузинской (свистящей) нормы, одинаково огласованные эканием, так — груз. *ɣel* (др.-л. *qel*) 'рука', груз. *ɣe* 'дерево', груз. *ɣe+v* 'ущелье', 'речка' и т. п., груз. *er* 'народ', 'войско' (др.-л.), 'нация' (народн.), груз. *er* (← *yer*, *resp. her*) 'рука' → 'средство' в роли послелого с значением 'через', 'из', 'от', из сибилантных *ɣer*: 1) 'раз', 2) 'доля', 'порция', 3) 'нужно' [— '*рука'], следовательно, разновидность с подъемом кб. *ʃe*, в архетипе *ʃer. Тот же вид слова 'рука' с глухим начальным аффрикатом *ʃ* и *ɟ* лежит в основе глагола *ɪ-ʃer-s* 'держит', *da-ɪʃra* [опять с пассивной основой морфологической стадии развития речи — *ɪr*] 'он изловил его', *da-a-ʃra* 'надавил на него' и т. п.; формально с *ʃer* неразрывно связана и основа *ɟer*, и потому естественно было думать, что образованный от нее грузинский глагол в аор. *ga-a-ɟer-a* 'остановил' надо понимать как дальнейшее развитие значения 'удержал' (← 'рука'), между тем *ga-a-ɟer-a* уже морфологически полученная побудительная, или каузативная форма, так называемая III порода, т. е. 'заставил стоять', от непереходного глагола *ga-ɟer-d-a* 'он остановился', основа которого *ɟer* означала 'ногу'; совпадение же глаголов, происходящих один от 'руки', а другой от 'ноги', объясняется тем, что 'рука' и 'нога' долго выражались одним словом.² Также с *se* 'я' органически связано указательное местоимение первого лица, и кб. *se* 'я' целиком покрывается словом *se* 'этот', что в составе груз. *e-se* 'этот' и т. п.

Точно так же кб. *me* 'на' (← 'рука') → 'бери', 'возьми' имеет своего полного представителя *mer* в армянском 'близь *mer-d*, палеонтологически означающем 'руку (*mer*) правую (*d*)', ср. *d* в арм. *a-d* 'рука (*a* ← *ar*) правая (*d*)'.

§ 5. Также общий и в то же время специальный для нашего вопроса об орудивном падеже интерес представляет трактовка плавного в исходе.

Как в абхазском, так и в кабардинском, плавный исход, особенно *ɣ*, падает (не всегда, впрочем, бесследно); так *ɣe* 'нос' восходит к архетипу *ɣer*, эквиваленты которого в грузинском *viɣ* в составе скрещенного *ʃɟ-viɣ* 'нос', в армянском *ɤer* (✓ *ɤer* ↔ *ɤiɣ*) 'нос' в составе производного от него глагола др.-л. *ɤer + əp-ɟ-*

¹ Н. Я. Марр, Чуваши-яфетиды на Волге, стр. 24 сл. [ИР, т. V, стр. 337 сл.].

² Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык, стр. 19—21.

al||-el 'чихать', нар. фəḡ+əш-t-al, равно фəḡ+əп-g-al id. Сюда же, конечно, и абх. а-фəп̄ɕа 'нос'.

Однако когда это же слово имеет в своем полисемантизме значения и 'конца', 'острия', и 'начала', 'первого', то необходима предварительная палеонтологическая проработка со стороны семантики.

Важный по связи с космическим мировоззрением пример утраты плавного исхода представляет кб. гə 'арба' (в абадз. фə для отличия от гə 'сердце'), черкесо-абхазское разложение слова gu, с двойником по губной огласовке go в баскском, в нем же полнее goy, но всегда со значениями из круга 'неба' с дериватами 'высокий' и т. п. Восходят go ↔ gu к архетипу gog ↔ gug, что дает основу простую в глаголе gog-a+v-s 'катится', удвоенную — в имени груз. go-gog 'колесо', без озвончения начального согласного — kur, и оно также налично в русском с присущим грузинскому продвижением согласных к началу — в составе двухэлементного (АС) скрещенного «кру-г»; это же слова двойник og ↔ ug (← *hug ↙ kur), элемента А, наличного в составе скрещенного образования абх. а-og+dəп → а-wag+dəп 'арба', двухэлементного (АС), того же, что представляют греч. ὄγ+ап-ὸς (←→ ug+ап-ὸς) 'небо' и его дериваты арм. др.-л. փօղ-ап 'свод', 'палатка', арм. др.-л. Վճ-ап (↙ ug-ап) 'палатка', равным образом с ним по первой составной части отождествляются чув. ug+a-βа 'арба', груз. ug+e-m id. и их в космическом еще восприятии 'неба' существовавшие дериваты, как-то русское «время» (← *ug+e-men). У термина в одних только перечисленных языках многочисленные разновидности, учитываемые легко при элементарном знании палеонтологии значимостей, именно того, что 'круг' увязан с 'небом', равно с небом увязана 'птица', в том числе вопреки известной поговорке и 'курица', посему, напр., а) основу gug мы имеем у грузин, казалось, в удвоенном, на самом деле скрещенном двухэлементном др.-л. gʷg-gʷп 'гром', семантическом деривате 'неба' (нар. gvig-gʷп, в архетипе gug-gʷп), с двойником *gog-mug, скрещением из элементов АВ, что налицо с грузинским продвижением согласных в первом элементе к началу (А: gto-) и с усечением второго элемента (В: m), как у грузин, в русском слове «гро-м», б) основу kur, в порядке семантической увязки 'птицы' с 'небом', у грузин с продвижением согласных к началу — kʷg, как в русск. «кру-г», в составном слове kʷg-q 'наседка', собственно 'курица', букв. 'птица (kʷg ← kur) женщина' (q ← qe, см. св. qe 'женщина' в qeɫɪf-qe 'царевна' букв. 'царь женщина'), у русских без перестановки согласного kur+и-џа, где -џа, суффикс, указывающий женский пол, как бск. -џа, диал. -sa, пережиток яфетического слова 'женщина' — saɫ, наличного в этом виде у шумеров и у грузин, у последних с подъемом (s → z ↗ ḏ) ḏal (в составе s-ḏal 'невеста', 'невестка', букв. 'женщина дома') и далее — ḏal, пережиток которого в русском суффиксе -џа есть разновидность слова ḏol 'жена', усвоившего у грузин мегрело-чанскую (шинящей группы) губную огласовку.

В названиях птиц, вообще в терминологии по царству пернатых этот элемент имеет сильное развитие, увязываясь часто и теперь со словами, означающими 'небо', и его семантическими дериватами. Так, по семантическому положению «часть по целому», от 'птицы' название перешло на 'крыло', и самое русское

слово «кры-ло», как бы ни рассматривать вторую часть -ло (мн. -да «-ляя»), как суффикс или элемент скрещения, первая часть кгы, на яфетической почве, есть ослабление kgu, без перестановки — kog ↔ kug, все то же наше слово 'птица', гесп. 'небо' → 'птица'.

В названиях птиц мы его встречаем и одноэлементно и в скрещенном двухэлементном образовании двух видов, именно со вторым элементом то В, то С, напр.:

А) одноэлементно: груз. qog (← kog) 'коршун'.

В) двухэлементно — а) АВ: груз. og-b 'орел' (← 'небо'), архет. *og-bel, гесп. *og-vel, откуда русск. «орёл» || лат. og-bi-s (og-be) 'круг' (← 'небо').

б) АС: груз. kog-an 'ворон', греч. og-πι (ὄρνις) ← или *og-πι, тогда туда же, или og-πι (↔ -πε), и в таком случае второй элемент (D), общий со средиземноморско-русским миром || греч. ὄγ-αν (ὄρνις) ↔ πг-ап 'небо', шум. ап 'небо' → 'бог', абх. ап 'бог', коми πп 'небо', русск. «не-бо» («-бес»), греч. пе-φελ-ē 'облако', лат. пе+bul-а 'туман', да и в берберском.¹

В результате трудно расстаться с конечным плавным, выпроводив его как своего рода выскочку только на том основании, что в том или ином языке, палеонтологически не проработанном и, естественно, ни с одной из других систем не увязанном, такой плавный исход отсутствует.

Скажут, таково положение и в китайском. Совершенно верно, таково отношение в пекинском китайском без исходного плавного сравнительно с кантонским, но разве китайский язык изучен палеонтологически?

§ 6. 'Образ', да и 'орудие' во всех языках выражалось словом 'рука'. А ит. -mente, фр. ment и т. д., восходящие к лат. mens, род. mentis 'ум'? Очевидно, вопрошающему невдомек, что 'душа', 'ум', 'мысль', т. е. все эти термины надстроечного мира — позднейших эпох, когда речь уже выражала в звуковой речи и 'образ', и 'способ', и 'орудие', функционально перенесшие на себя название 'руки', и лишь анахронистически увязывается ит. mente, представляющем разновидность имени лат. mens, с его позднейшим значением. В кругу яфетических языков во всяком случае соблазна к такого рода анахронизмам не существует.

В абхазском 'рука' сейчас а-па+рѐ, т. е. скрещенное образование из двух элементов DB, как русское слово la-ра, и в той социальной среде, где слагалось образование, соответствующее нашему творительному падежу как образа действия, так и орудия, 'рука' выражалась словом в один элемент D, и звучало оно не па, как в скрещенном ныне абхазском образовании а-па+рѐ, а как его разновидность la, отсюда — тѐд-là 'силой', 'сильно', букв. 'сил-^Гы¹ рук-^Гой¹'.

Соответственно используемые поныне у грузин в значениях 'раз', 'доля', 'порция', 'должное', 'нужное' или глагола 'держаль', 'ловить' и т. п. (если не говорить о глаголе 'останавливать', 'стоять' от основы дег по связи уже с 'ногой') разновидности tег → дег → дег, на низшей ступени с утратой исходного плавного представленные у кабардинцев в послелогоге ꞑне со значением 'без',² все одинаково

¹ Н. Я. Марр, Карфаген и Рим, fas и jus, Сообщения ГАИМК, т. II, стр. 372—415.

² См выше, стр. 236.

восходят к семантическому архетипу 'рука', и в той социальной среде, где слово te , с утратой исходного плавного в разновидности с сохранением аффрикатности te или без нее te , было в общем обиходе в значении 'руки', как у армян его ближайшая разновидность de (др.-л. $\text{d}\acute{\text{e}}\text{-}\acute{\text{e}}\text{n}$) 'рука', да, по всей видимости, и пра-басков,¹ там сложилось и кабардинское выражение 'таким образом', 'итак', 'так' n-te и орудивный падеж с помощью суффикса $-\text{te}$.

А если эти разновидности одного и того же слова от элемента А имеют лишь огласовку «а»? Существование палеонтологического анализа орудивного падежа останется в неприкосновенности. Только при расширении сравнительного материала, дающего опору для отождествления с орудивным падежом исходного, буде последует необходимость отстранить от отождествления с кабардинским армянский суффикс отложительного (исходного) падежа $-\text{te}$ ($\rightarrow -\text{de}$) $\leftrightarrow -\text{ti}$, равно $-\text{ti}$, и в баскском $-\text{ti} + \text{k}$ (в сулетинском наречии без придаточного $-\text{k}$), придется остановить внимание, при огласовке «а», на шумерском суффиксе ta в значении 'из'.² И в то же время лишь придется констатировать, что пока настал для науки час исследования и черкесской речи, из соответственной языковой среды успела улечься столь важная по социальному охвату фонетическая норма, как экание.

¹ См. выше, стр. 237.

² Fr. Delitzsch, SG, 1914, § 75: «Hauptbedeutung ist die Bezeichnung des *terminus a quo* 'aus', 'von', 'weg-von'».

Предисловие к сборнику „Языковедение и материализм“¹

Было бы чудом, если бы три автора трех включенных в настоящий сборник статей, работающие каждый своим методом, дали полноту или хотя бы частицу одного цельного построения об одном и том же предмете своего исследовательского интереса, об языке. Мы переживаем в массовых представителях этой области знания такое к науке об языке отношение, такой, выражаясь мягко, кризис, что можно сейчас признать громадным достижением и то, что нашлись три исследователя, притом трех резко различных возрастов и трех различных по научной общественности категорий, аспирант, профессор и академик, считающие трактовку принципиальных вопросов генетического порядка серьезным научным делом и актуальным предприятием. Речь идет, разумеется, о вопросах того генетического порядка, который органически и неминуемо увязывается, как приток с рекой, с основной проблемой лингвистики, проблемой о происхождении языка. Для нас нет науки об языке без признания актуальности проблемы о происхождении языка, более того, нет и не может быть речи о каком-либо научном методе, когда исследователь осознает себя работающим вне света, бросаемого на каждую мелочь, на каждый штрих структуры звуковой речи, ее так называемых общих мест или так называемых особенностей, если не правильным решением, то хотя бы правильной постановкой проблемы об языке. И самый подход к исследованию языка без осознания важности и первоочередности этой основной проблемы в наши дни является результатом отсутствия метода, величание же такого подхода к работе над языковыми материалами «методом» свидетельствует об отсутствии не только лингвистического метода, но самого понятия или представления вообще о том, что такое метод. Между тем, факт, не подлежащий спору, что общее учение об языке, представляемое индоевропеистикой, проблему о происхождении языка не считает актуальной не только для себя, но вообще оно ее считает в корне недопустимой, каким-то гибельным для «точной» науки возрождением метафизики, в лучшем случае оно продолжает считать ее несвоевременной. Индоевропеисты проработали, как говорят, и, думаю, в существовавших социальных условиях проработали основательно, исключительно плодотворно, более ста лет и были невольными свидетелями того, как кое-какая работа, да еще в различных ему неподсудных материально мирах, все-таки велась, и велась тоже не совсем бесплодно. И велась она, разумеется, от иных материалов, с которыми также, кажется, следовало бы более внимательно считаться, и в соответственно иных путях, — в путях незаметно для процветавшего в школах и академиях языковедения народившейся теории, учения, в основе также языковедного. Ведь к новому учению об языке, если и не приемлют его, все-таки подходят без осознания, а порой и сознательно подходят и примыкают к нему, этому новому учению, бесспорные лингвисты, работники над реликтовыми разно-

¹ [Изд. ИЛАЗВ, «Прибой», Л., 1929, стр. V—XII.]

видностями звуковой речи как живой, культурно-отсталой, африканской, американской, так мертвой, сохранившейся в древнейших памятниках письменности народов высокой культуры, эламов, шумеров, хеттов, халдов, этрусков и др. Однако, изучая живые языки реликтовых народов, без формально ощущаемой увязки с языками мировых цивилизаций, конечно, трудно в обосновываемом на них лингвистическом мировоззрении найти почву с конкретными данными для их генетического сближения, хотя специалистам по живой речи этого порядка все-таки легче сделать это, чем исследователям высококультурных языков, получающим сознание своего бытия в мире надстроечных понятий; последним явно не под силу выработать в процессе работы исключительно над своим материалом перспективы родства с культурно-отсталыми языками. При таком стечении обстоятельств им не менее трудно мириться и с фактом существования таких языков, также реликтовых — речь об языках яфетической системы, — которые в самих себе носят предпосылки подобного родства, увязывающего цивилизованные языки мирового значения с живой речью реликтовых народов, настолько отсталых культурно, что нередко их называют «дикими» и даже «примитивными». И понятно, почему, когда новое учение об языке, прорабатываемое по яфетической теории, без всякой особой смелости может ставить и освещать посильно и проблему о происхождении языка, индоевропейцы ее считают не актуальной. Если бы не это довольно существенное обстоятельство, нашему сборнику можно бы было поставить на вид несомненный пробел, отсутствие четвертой статьи, индоевропейца, о происхождении языка. Но это было бы равносильно исканию белой вороны.

Из сказанного вовсе, однако, не вытекает, что в трудах индоевропейцев нет положительных суждений касательно вопроса о происхождении человеческой речи, но все они или мимолетны, не составляют центра их языковедного мировоззрения, или насквозь пропитаны духом сомнения и совершенно правильным научным осознанием своей немощи. Конечно, было бы далеко не лишено интереса, если бы в нашей среде находился индоевропейст-теоретик, всерьез интересующийся тем же вопросом, хотя бы отрицательно, т. е. готовый выложить весь арсенал доводов, побуждающих старое учение об языке отрешиваться от генетического вопроса как от навождения нечистой силы, разумеется, с ориентированностью в современном состоянии исторического изучения культуры и с учетом лингвистических исканий хотя бы одних индоевропейцев, в наши дни.

При создавшихся же условиях три статьи это — верх чаемого на настоящем этапе достижения. И то утешение, что из этих трех статей одна принадлежит перу индоевропейца по своему языковедному образованию, именно Я. В. Лоя. И, естественно, в нем наибольшее количество накопившейся, направленной против слабых сторон старого учения горечи, тем резче направляемой в сторону несостоятельных высказываний, чем резче вырабатывались новые противоборствующие языковедные мысли в диалектическом процессе, происходившем в нем самом, ибо молодой исследователь — сам по-новому мыслящий языковед из индоевропейцев. Может быть, с этим обстоятельством связано отсутствие у него прямой постановки проблемы о происхождении языка, но для ее правильной постановки необходим отказ от целого ряда заблуждений, с которыми

т. Лоя так горячо борется в своей обстоятельной критической их трактовке, когда он выдвигает социальное начало вместо индивидуального в созидании речи.

Не социальное потребление, а социальное творчество — вот что является основным моментом в построении нового учения, определяющим все дальнейшие этапы его развития, вплоть до последних, когда дело дошло, с выявлением и установлением новых языковедных фактов, до потребности в помощи соответственной обществоведческой науки, именно материалистической, причем дело идет о материализме не по вещественности трактуемых предметов, а о материализме по методу — об историческом и диалектическом материализме. И поскольку социальное творчество в возникновении речи захватывает все ее стороны, т. е. не только семантику, но и морфологию, и фонетику, то естественно видеть с нами в работе физиолога, желающего разъяснить фонему, т. е. отвлекаемую теоретически единицу — элемент звуковой речи человека, как социальное явление. И эти фонемы по своему оформлению, а не только по функциям, как, разумеется, и так наз. законы исторического их развития и, в частности, различные закономерные их соответствия у различных по языку «родственных» языков, в различной степени есть вклад социального творчества.

Мы сейчас не поднимаем вовсе вопроса, в какой степени наш уважаемый коллега идет правильно к нашей языковедной оценке основных факторов звуковой речи или не идет. О правильности хода здесь с моей стороны не может быть суждения, это дело физиолога. Что касается встречи и расхождения с нашим пониманием языковедной области знания, то не можем не остановиться на одном принципиальном вопросе. Мы воздержались бы от чисто биологического восприятия звуковой речи, даже в такой, казалось бы, подкупающе ясной и определенной формулировке, какую дает С. М. Доброгаев в следующем утверждении: «Из биологически неотвратимой потребности для всякого живого организма пользоваться в борьбе за существование сигнально-звуковым символизмом развилась речь со всеми мельчайшими и простейшими своими элементами». Это утверждение налагает ряд обязательств по разъяснению фактов языка, которые языковед, будь им сам наш уважаемый коллега, едва ли мог оправдать. Само собою разумеется, что это, такое социологическое, восприятие звуковой речи во всех ее разновидностях, ни на каком этапе ее развития не может обойтись без анатомо-физиологического исследования техники не только звуковой, но и мыслительной работы. В остальном мы можем сказать лишь одно: есть эпохи развития языка, еще ручного, есть далее ступени стадийного развития звуковой речи, когда физиологии принадлежит основное место в исследовании об языке и неразрывно с ним о мышлении, но есть эпохи в жизни языка, когда значение физиологического обследования постепенно уступает место обществоведческим наукам, и в связи с этим одна и та же проблема требует значительных модальностей трактовки в зависимости от того, идет ли дело о выработке той или иной новой конструктивной особенности в определенном сложившемся языке, о возникновении самого вида данного языка, о происхождении вообще звуковой речи или о рождении звуковых комплексов в том или другом трудовом процессе, совершенно независимо от потребности иметь звуковую речь, без которой прекрасно об-

ходилось человечество на соответственной ступени своего материально-общественного развития, располагая линейной, или кинетической, речью. А проблем таких уйма. И если мы всё еще неспособны сговориться о путях их разрешения, то пока достаточно факта схождения в том, что старые пути для всех нас одинаково отпадают и в поисках новых путей, если они не найдены, очищаются совместными усилиями от наросших плевелов.

О статье автора настоящих строк приходится менее всего говорить, так как здесь по существу исследование не лингвистических проблем самих по себе, в том числе основной из них, именно генетической. Мы отводим здесь место уяснению того, что пережиточное языковедческое мышление и пережиточное общественное мировоззрение мешают усвоению и того малого, но бесспорного, что установлено яфетической теорией. Так-то мы отошли уже от эпохи, когда постановка вопроса о происхождении языка могла казаться «чудище обло». Мы отошли от эпохи, когда языковедная общественность была настолько мало осведомлена касательно яфетической теории, что ей можно было приписывать любую небылицу, а ее автора упрекать в незнакомстве с элементарными требованиями филологической работы и в нарушении, будто посему происходящему, правил «старого метода». Мы сейчас живем интересами нового этапа развития яфетической теории.

Это уже не проблема происхождения языка, а проблема стадияльного развития звуковой речи и в связи с нею работа над конкретными, поддающимися соответственному анализу материалами в целях выяснения схождения и расхождения языков различных систем, так наз. семей, вышедших из одного глоттогонического процесса и идущих вместе с интернационализацией всех надстроечных ценностей, как и их материальной базы и форм общественной структуры, к единству системы языков, далее к единству речи всего человечества.

Токсово
19 ноября 1928 г.

К семантической палеонтологии в языках яфетических систем¹

ТОТЕМ «КОНЬ» ← KONE (ЭЛЕМЕНТ С: YON) В РУССКОЙ РЕЧИ

Настоящим мы сначала хотели приступить к серии работ, являющейся продолжением той, которая, начавшись еще до Октябрьской революции (с 1911 года),² не могла продолжаться далее 1919 года.³ Именуясь «Яфетические элементы в языках Армении», эта серия привела в последней работе к постановке вопроса о необходимости приступить к новой серии на тему «Яфетические элементы в греческом». Прекращение (казалось, лишь перерыв) первой серии тогда вызывалось не исчерпанностью материалов по теме, а тем, что назрела потребность выявить эффективность яфетидологического анализа и в том случае, когда язык, тем более такой кавказский язык, как армянский (собственно, как давно намечилось у нас, языки Армении, которых по особому социальному оформлению уже выделено два)⁴ — типа переходной формации вроде албанского. Из этих языков Армении, древнелитературный, главным образом изучавшийся исследователями, обнаруживает явные неувязки в кругу так наз. индоевропейской семьи. Вскрылась, таким образом, потребность выявить эффективность яфетидологического анализа на таком бесспорном представителе названной семьи (собственно системы), как греческий, восточный из двух европейских классических языков Средиземноморья, притом наиболее изученный, казалось, до исчерпания во всех отношениях; тем более навязывался такой выбор, что и здесь в кругу самих специалистов по данному классическому языку Средиземноморья шла, да и теперь идет упорная работа по той же палеонтологии, хотя и в старых путях; во всяком случае существует осознание потребности в ней, например, в суждениях о названиях населенных пунктов, для ориентации по которым, однако, специалисты располагают лишь возможностями формального учета и литературными показаниями в традиционном восприятии.

И, тем не менее, есть с чем иногда скрестить яфетидологические достижения или противопоставить эти достижения, результаты идеологического анализа, основанного на все более уточняющейся увязке речи с прочно установленной материальной базой, как яркую неприемлемую противоположность отрешенному идеалистическому разъяснению не только взаимоотношений языковых фактов, но разъяснению или объяснению и их возникновения, т. е. возникновения и фактов и взаимоотношений.

Однако самое назревание потребности, решившее перерыв первой серии, было вызвано встречей с новыми, внекавказскими материалами и в процессе исследовательской работы накопившимися сомнениями в прочности техники того учения, индоевропейского, отход от которого давно выявился идеологически, как

¹ [Вышла отдельной брошюрой в 1931 г., Известия ГАИМК, т. VII, вып. 7—8].

² ИАН, стр. 137—145.

³ ИАН, стр. 395—414.

⁴ Один в основе феодальной верхушки соответствующего общества, другой — массовый, так наз «народный», «вульгарный», каждый особой системы.

в трактовке лингвистических явлений вне пределов замкнутых кругов, находившихся под табу, именуемым «семьею», так в выдвигании семантики на первый план, притом семантики, увязанной с реальностью материальной жизни — отсюда большое значение, придававшееся «материальной культуре» — и с реальностью так наз. духовной жизни, мышления и ассоциации идей, психологии определенной среды, в частности общественности. Это впитывалось мной и впоследствии воспринималось в отношении грузинского языка с детства — в феодально скроенном доме князя Гურიели, где отец мой жил в качестве ученого садовника, а в отношении армянского, мне чужого и начатого мною изучением с древне-литературного (оказавшегося феодальным), в Петербурге. Изучение это там же, под влиянием литературоведческих разысканий в мировом масштабе академика А. Н. Веселовского, было перенесено на средневековый памятник с мешаным мещанско-народным языком¹ и потерпело полное крушение с первого момента встречи с живой говорящей армянской средой, особенно в непосредственном общении не столько с интеллигенцией в городах и с духовенством в монастырях, сколько с сельским населением во время археологических путешествий, особенно же в общении с рабочими на раскопках в Ани.

На этом этапе внутренних научных переживаний и активного с наступлением Октябрьской революции участия моего в ее научно-культурном строительстве, особенно же по организации Академии истории материальной культуры, я почувствовал, что у яфетической теории уходит почва из-под ног, поскольку она орудует все-таки пережиточной техникой старого учения.

И, тем не менее, еще десять лет тому назад, именно в атмосфере новых исканий старыми учеными и в организационной постановке соответственных общественно-научных устремлений в ГАИМК только и могло быть и было прочитано и внимательно выслушано 9 июня 1920 года первое изложение яфетической теории «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры».² Далее этого опыта высказывания не идет, в лучшем случае, знакомство академических кругов с яфетидологией, особенно за пределами СССР. За рубежом это естественно, ибо только названная работа и была переведена на один из языков европейского научного общения.³

¹ Н. Я. Марр, Сборники притч Вардана, часть I (Исследование), в первую очередь гл. X, §§ 513—533, стр. 511—572: «Восточные сказки и армянский животный эпос», а затем главы I, II, IV, особенно в разъяснениях переводов и в примечаниях.

² МЯЯ, XI, Лейпциг, 1920 [см. ИР, т. I, стр. 100—149].

³ Der japhetische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur (Japhetische Studien, II). Другая работа по проблеме происхождения, также появившаяся в немецком переводе, притом раньше, чем русский оригинал (ПЭРЯТ, стр. 286—335: «О происхождении языка») помещена была под заглавием «Über die Entstehung der Sprache in seriei «Unter dem Banner des Marxismus» (январь 1926 г.), серии, мало читаемой в старых академических кругах. Что касается французских статей, независимо от их специфического в большинстве значения, именно освещения в них специальных вопросов топонимических — La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pelasges (Petr., 1922) [русский перевод см. ИР, т. I, стр. 200—220], «Analyse nouvelle du terme Pygénéès» (ДАН, 1925, стр. 5—8), «Les Pygénéès ou Monts Ioniens» (ДАН, 1925, стр. 15—18), особенно же проблем надменовских, именно о баскском — «Du terme basque «adagara» 'loutre'» (ЯС, т. I, стр. 1—30), «De l'origine japhétique de la langue basque» (сборник «Язык и литература», т. I, стр. 193—260), и помимо того, что основная работа о баскском не опубликована (она теперь требует переработки по элементам), положение яфетидологии иное... не столь безнадежное, как то кажется, ибо все сопротивление основано не на деловых отношениях,

Но можно ли было до открытия четырех лингвистических элементов технически справиться с наметившимися в той работе новыми проблемами и проработать имевшиеся достижения во всех подробностях, а иногда и по существу, как мы теперь то понимаем? А в понимании мы дошли до фактических новостей, которые перерастают пределы и нашего научного мировоззрения, хотя оно давно считается с коренными изменениями по стадиям. Эти новости захватывают и такие подробности, как образование возрастных терминов, как «отрок» и др. Слова 'дитя' и 'солнце', гесп. 'небо', при полисемантизме покрывают друг друга, обнажая таким образом отложение соответственного мировоззрения в мифах и эпосе, в частности как то находим в стихах известного армянского эпического фрагмента, где восход солнца изображается как рождение дитяти, или мальчика. Звучит и гласит отрывок так:¹

Երկնէր երկին || երկնէր երկիր
 Երկնէր և ժերանի ծով.
 Երկն ի ծովուն ունէր զկարմրիկ և զկարմրիկ
 Ընդ եղեգան փող ծուխ ելանէր,
 Ընդ էղեգան փող բոց ելանէր
 Եւ ի բոցոյն վազէր խարտիաշ պատանակիկ
 Նա Հուր Հէր ունէր
 (ապա թէ) բոց ունէր մորուս
 Եւ աջկունք էին արեգակոնք

Erknèyr erkìnə || erknèyr erkir
 Erknèyr ew tirani tòw
 Erkən i towun uneyr zkarmrik eļègnik
 Ənd eļegàn fòlə tuq eļanèyr
 Ənd eļegàn fòlə bođ elanèyr
 Ew i bođoyñ vazeyr qartyam patanekik
 na hur her unèyr
 (apa ðey) bođ uneyr morus
 ew ađkunq eyñ aregakunq

«В родильных муках было небо, была земля,
 В родильных муках было также багряное море,
 Родильными муками в море схвачен красенький тростничок.
 По желобку тростника дым несся вверх,
 По желобку тростника пламя несло вверх,
 И из пламени выскочил русский мальченка,
 Волосы у него — огонь,
 Борода у него — пламя,
 И глаза его — солнышки».

а когда почва уходит из-под ног, сопротивление ищет почвы для своего обоснования в плоскости, где можно углубиться лишь в свою могилу: живая наука идет иными путями.

¹ Моисей Хоренский, I, 31.

Отрок рождается багряным морем, т. е., смотря по стадии мышления, одним из видов 'неба' ('неба¹' — нашего солнечного 'неба' или 'неба²' — 'моря', 'реки', 'волы') или вовсе недифференцированного 'неба' ('космоса', в начале 'хаоса'). В составе самого русского слова «отрок», представляющего шаблонное образование по типу, обычному в языках яфетической системы (со значением 'мужчина-дитя', 'самец-дитя'), оказалось слово, космически, герм. астрально означавшее 'солнце',¹ ибо *rok* 'дитя' лишь значение одной из последующих стадий, раньше 'солнце' (← 'небо'), отсюда *ro+k* ~ *ri+k* 'год'² (укр., польск.), 'судьба' (русс.), в сочетании с 'отцом', 'самцом', ибо 'самец', 'мужчина' (от-) одно слово с 'отцом' (*o+t-e+š*), как в языках еще яфетической системы, причем «отец», собственно уменьшительная форма (как микрокосмический термин в отличие от космического термина) от простого неформленного *o+t* 'небо', 'солнце' (← 'небо'), служившего при полисемантизме одновременно для обозначения 'неба' и 'солнца'; этим словом русский народ, собственно сложившийся в нем на подлежащей стадии производственно-общественный слой, ныне же все славянские народы с этим для них «доисторическим» слоем в составе их социального образования, становятся в противоположность народам с языками прометеидской системы (так наз. индоевропейской семьи) и объединяются с народами, говорящими на языках турецкой системы. Любопытно, однако, что в значении 'самца' в названии одомашненной птицы «куры» вм. *o+t-ku* мы находим термин «петух» (← *peu+t-u-č*) и, не интересуясь «доисторией», толкуем с обывательской уверенностью и решительностью (по «народной этимологии») в смысле 'певца' (ср. арм. *aq-ağaç*, буквально 'крикун утра'). Между тем возможно, что термин — древний, и тогда он не может не представлять собою того же, что должен был значить *ot+ku* — 'отец ('самец') кура' (*peu+tč-č*), или это прямо-таки 'отец' ('самец') — груз. *maṣal*. По установлении за русск. «от-» в «отрок» значения 'мужа', 'самца' и палеонтологической необходимости в «петухе» искать значение 'самец' ← 'отец', не трудно в первой части *pe-t* усмотреть хорошо известные арм. древнелит. *peut* → нар. *pet* и авест. *paui* («raitī») 'глава', 'начальник' и т. п., он же в родовом строе 'отец'. И, действительно, а) идя в линии терминов родового строя и космического мира, даже один первый элемент *pa* означал у этрусков 'отец', также и у грузин, сохранивших составное с *tpa-* 'пред-' *pa* 'отец' —

¹ Н. Я. Марр, Готское слово *guta* 'муж', ИАН, 1930, стр. 446, прим. 2.

² Что *rok* 'судьба' значило 'солнце' (← 'небо'), буквально дитя неба, это видно и по социальной стратификации, поскольку 'солнце' в космическую эпоху в трудмагическом действе, собственно в производстве, сигнализировало фактор производства, предмет производственного культа, уже космического — 'солнце', и потому перешло на обозначаемые им продукты этого фактора в качестве паричательных имен — 'пляска', 'цение'. И вот в значении 'пляски' в груз. древнелит. (феод.) *ro+k-va*, как в народном груз. *še+kw-a* 'плясать', от основы *še-ku* 'небесенок', буквально 'дитя (-ku) неба' (*še-*), разновидности слова *ša*, самостоятельно используемого в значении 'небо'. То же самое можно проверить на груз. *bed* (← *be-don, отсюда прилагательное 'счастливы' *be+dn-i-er*) 'судьба', 'счастье', представляющее двухэлементное образование (BC) с архетипным значением 'солнце', буквально 'дитя (-den ↔ -dn ~ -dun) солнца' (*be- / be- ~ pe-*), лишь разновидность суоми *per-kni* ↘ др.-русск. *per-ic* 'языческий бог грома'. В усеченном виде мы имеем разновидности с движением согласных по всему трехступенному ряду *pe-t* → *be-d* → *fe-š*. Последний из них, уже разъясненный раз (Н. Я. Марр, Из Пиренейской Гурии, стр. 37), здесь представляет особый интерес по связи в одном случае с 'солнцем', герм. 'огнем', это *1-fe+š-q-a* 'вспыхнул', в другом случае — с 'конем' *dal-fe-š-a* 'рванулся (конь) от чего-либо неожиданного', причем в основе *fe-š* / *pe-š-d* намечается 'лошадь-солнце', в таком случае прототип германского «Pferd».

ipa-raq-n-1 'предки', буквально 'прежние отцы'. Но и от этого элемента мы имеем лишь усеченный вид b[ə] → фə \ fə у абхазов в значении 'отца' (ср. груз. bi-dā 'дядя', буквально 'брат отца'¹ и a-fə 'гром' (← 'небо'), а без усечения raq- тотем халдских клинописных текстов в составе названия бога этиев Raq-a;² б) двухэлементно же re^gy^t || pa^gy^t у армян представлено в стянутом виде скрещенного образования b+de-ašq \ bəde-ašq (ср. в форме для женского рода -oyn ↔ -цун — də-ašq-oyn 'царица'), сюда же в сибилантной смене элемента С — b-den 'солнце' → 'огонь' с утрагой и плавного исхода и огласовки первым членом, элементом В; в основе сванского глагола li-bdine 'зажигать'. Из ряда же с огласовкой «а» ra-k → ba-k → фа-k сюда относится ряд с аканием: ра-k 'солнце' (см. ниже) → арм. ba-k 'двор' [resp. 'дверь', 'заря' ← 'солнце'] → bag 'бог' [← 'небо', 'солнце'] → фə-q 'чистый'; отсюда с отрицательным префиксом а-древнелит. арм. глагол а-ра-k'an¹d 'осквернять', 'портить', но с «а» [← ā / аг 'вода' ~ 'солнце'] арм. а-ра-ki 'стекло' (← 'солнце' ← 'глаз'); с сибилантной же сменой элемента С в усечении при разнобойной огласовке а-be+d 'огниво' (← '*огонь' ← 'солнце'), основа халдского глагола а-bi-du-bi 'я сжег'. И вот с этим же составом без стоящего в начале элемента (а-) при разнобойной огласовке (а—о || о—и) мы попадаем из космического термина в термин социального строя: груз. ba-ton ← pa-ton || мерг. pa-ten-1, разновидность основы ро-din русск. «гос-по-дин» ↔ ро-deⁿ [м.ж.]: «гос-по-дь».

Русское слово «солнце» (soln^{de}) буквально означает, как уже разъяснено,³ 'дитя (-^{de} ← груз. ^{de} 'сын') неба' (sol-n \ sol-en).⁴ Последняя часть ^{de} 'дитя' — то же, что позднее суффикс -^{de}, служащий формативом для образования уменьшительных или ласкательных имен — о-kon-^{de} 'маленькое око'. Это -^{de} в виде -^{de}, ныне у грузин означающего лишь 'сына', мы встретим в названии 'солнца', используемого как женское имя, значит, следовательно, и 'дочь'.

Следовательно, вопрос не в одних элементах, а в этой до невероятности изумительной смене значений, что не может не казаться бессмыслицей группам и лицам, привыкшим к стабильности категорий и заинтересованным в ней. Одни лингвистические элементы не могли и по установлении их в числе четырех явиться поворотным пунктом в направлении яфетической теории. Само установление факта, именно существования четырех элементов, далось не легко и, конечно, не сразу. Вначале было сомнение в количестве, не двенадцать ли их, не девять ли, не семь ли и т. д. Позднее выяснилось полностью их качественное значение. Творческая мощь четырех элементов в исследовательском деле — это семантика, порожденная на различных стадиях в различных путях различными

¹ Н. Я. Марр, Абхазское происхождение грузинского термина родства bi-dā 'дядя', ИАН, 1914, стр. 143—146.

² Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 80, 115 [ИР, т. V, стр. 524, 527].

³ Н. Я. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 69 [ИР, т. V, стр. 268].

⁴ Основа soln сама по себе не форма родительного падежа на -n (предполагали мы родительный падеж, упустив из вида, что в те эпохи склонения еще не было), а стянутый вид составного слова из двух элементов АС — *sol-en 'солнце', буквально 'дитя (-en) неба' (sol) при выдержанной огласовке — sel-en (← sel-en-e), в спирантных разновидностях полностью оба вида с огласовкой — «ол-ень» || сг.-слав. «елень» ← uel-en-e.

орудиями производства. Семантика дала добрый шаг за шагом палеонтологическую речь до процесса организации языкового материала, проникнуть в нее. Благодаря ей четыре лингвистических элемента открыли новый путь увязки, уже увязали даже отрешенные фонетические нормы, как производные, с идеологией общественности, как производительницы, в путях диалектического материализма. И, что исключительно важно констатировать с безоговорочной решительностью на переживаемом этапе развития яфетидологии, это дать ответ (на наш взгляд, единственный из двух: нет или да) на вопрос — могла ли такая увязка с идеологией, как бы она ни была материалистически четка и конкретна, быть достаточна, особенно — могла ли быть достаточна при проистекшем отсюда резком усилении марксистских (без осознания этого и в этом смысле стихийных) положений, могла ли тогда быть и может ли при нашем актуальном мировоззрении для нас почитаться достаточной, если применением уже осознанно марксистского метода не изживем терминологических, да и иных неувязок и не порвем во всех отношениях четко с индоевропейстикой, этой простецкой теорией, в самой здоровой своей части арифметикой в учении об языке, живущей идеалистическим мировоззрением или обходящейся без него, т. е. без всякого, казалось бы, мировоззрения, кроме тактического в лучшем случае скепсиса для отвода всякой дискуссии по существу. Без этого исследователю по языку, кто бы он ни был, грозит попасть в положение отворачивающихся от высшей математики натуралистов, как то характеризует Энгельс в следующих строках своей «Диалектики природы»: ¹ «Естествоиспытатели прошлого столетия, даже до 1830 г., довольно легко обходились еще при помощи старой метафизики, ибо действительная наука не выходила еще из рамок механики, земной и космической. Однако путаницу в умы внесла уже *высшая математика, которая рассматривает вечные истины низшей математики как превзойденную точку зрения, утверждает часто вещи, противоположные им, и выставляет теоремы, кажущиеся, с точки зрения низшей математики, просто бессмыслицей*. Здесь неизменные *категории* исчезли, математика вступила на такую почву, где даже столь простые понятия, как «абстрактное количество», «дурная бесконечность», приняли совершенно диалектический вид и заставили *математику, против ее воли и без ее ведома, стать диалектической*» и т. д. Конечно, когда речь об яфетидологии, слова «против ее воли» — излишни. Разумеется, теперь уже поздно начинать исследовательское дело того порядка, когда занимались познавательным анализом отдельных случаев, хотя бы и формально увязанных групп из лексики или морфологии, равно фонетики. Специалист, естественно, и теперь призван работать над рассмотрением их, но с учетом динамического синтеза по тем или иным актуальным общественным потребностям созидания нового мира или теоретическим проблемам творчества. На переживаемом этапе исследовательской работы по новому учению о языке перед нами стоит проблема о стадильности в звуковой речи. Однако и обоснование стадильности фактическим материалом, само распределение языковых фактов по стадиям невозможно при замкнутом

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 392. Курсив везде мой. Н. М.

в мир одной звуковой речи анализе идеологии и оформления слов, ибо в такой изоляции, когда анализ неизбежно обосновывается на предполагаемой генетической связи слов с обозначаемыми предметами, требуется социологическое проникновение (это наш химический анализ) в производственный процесс явлений с его противоречиями и в идеологическую структуру технического оформления, ведущую к большей дифференциации смысловых функций и оборудованию звуковых символов для более глубоких и четких отправлений речи как по восприятию, так по воспроизведению. При этом звуковой материал все более и более теряет связь с той производственно-материальной базой, которой он есть продукция; классовая общественность, оказавшаяся при отрыве от масс в борьбе с породившей ее общественностью, ищет разрешения языковедных недоуменных вопросов в особенностях расы, если же не расы, то природы, увязывая термин с обозначаемым им предметом естественными узлами материала или внешнего вида, и, таким образом, соответственно звуковой материал отходит от роли быть носителем закономерно-устойчивых значевий, как отправляющий на определенном участке функции организующего общественного синтеза, идеологического, с отраженной закономерностью базы, с учетом времени и места. Возможно полное и безукоризненное разрешение вопроса о стадильности этого учета времени диктуется еще и тем фактом, что, например, в лексике обширный диапазон словотворчества за все пройденные стадии и потому вокруг полисемантического архетипа первичной эпохи теперь собирается часто такое количество действительно генетически увязанных с ним слов, дериватов, что без распределения их по стадиям языковой материал производит впечатление хаоса или, вернее, результата легендарного вавилонского столпотворения. Однако к вопросу их классификации по стадиям можно подходить различно. Это хорошо, ибо задача чрезвычайно сложна, чтобы к решению ее сейчас подходить с мыслью дать какую-либо окончательную схему общей всесторонней трактовки. Даже с наметившейся уже у нас схемой целесообразнее ознакомиться после ряда работ. От этих работ мы ожидаем не одного опыта распределения по тем или иным отдельным линиям в зависимости от палеонтологически освещаемых новым учением о речи, в первую очередь о звуковой речи, смен языкового материала (формального, идеологического) и техники мышления, мировоззрения и, разумеется, не всегда дающей материальной базы.

Что касается комментариев, в первой или, вернее, вводной статье, будут ли они помещаться в зависимости от содержания в изданиях АН СССР или ГАИМК, естественно, приходится быть пространным вместо того, чтобы свести их, как то имеется в виду, к суммарным разъяснениям и ссылкам. Но здесь главное не в размере изложения, а в характере рубрик, поскольку их содержание и трактовка подлежащего языкового материала в большинстве во всех рубриках после первой, переносят отрешенные от производственных процессов и рождения общественного окружения чисто лингвистические факты в плоскость увязки их с фактами, стоящими за пределами одной звуковой речи. В первую очередь дело идет о памятниках материальной культуры и отношении к ней языка как надстроечной категории производства и производственных отно-

шений. Это не потому только, что эту работу нам впервые пришлось прочитать в ГАИМК и предназначена она для напечатания в ее сериях. Ведь для так называемых «начальных» эпох, имеющих продолжительность, как теперь выясняется, не нескольких, а многих (свыше дюжины) сотен тысяч лет, ссылка на производство и производственные отношения в руках неспециалистов по материальной культуре обращается в метафизику, как это ни странно — в материалистическую метафизику, доколе на основании производственно-общественно оцененной вещественной продукции производства, памятников материальной культуры, не установлены конкретные формы отвлеченно обсуждаемого производства, ибо одни вещественные памятники и орудия сами по себе вовсе не дают полной картины, точнее — количественной и качественной полноты производства и производственных отношений. Не решает проблемы установление способа производства, если мы к нему подходим с современным пониманием как к голому техническому делу.

Надстроечные образования, основные ли они понятия, обозначающие предметы и явления, или выразители их взаимоотношений с функцией службы связи,¹ создаются актуальными потребностями самой жизни. Реализация семантической потребности на первичных стадиях развития человеческих обществ возлагалась в глоттогонической среде на имевшееся в ее распоряжении слово, происходила, следовательно, в пределах одного и того же слова, принимаемого потому и в разрезе идеологии за мать-понятие. Однако реализация сводилась к созданию нового слова из старого без его аннуляции. Новое слово своим выделением не упраздняло прежнего слова, мнимой родительницы: как бы унося с собой функцию лишь более уточненного обозначения одного из двух в противоречие друг с другом ставших до перехода в свою противоположность качественно ('содействующее' и 'препятствующее', 'полезное' и 'вредное', 'хорошее' и 'дурное', 'белое' и 'черное', 'живое' и 'мертвое', 'голова' и 'хвост', 'начало' и 'конец', 'верх' и 'низ' и т. п.) или количественно ('целое' и 'часть', 'много' и 'один' и т. п.) понятий, которые сигнализировались одним словом, обозначение другого понятия закрепляло за тем же прежним словом уже с ограничением значимости. Разбивая тем самым единство матери-слова между двумя возникшими из него видами, новое слово не оставляет, следовательно, свою материальную «родительницу» (звуковой комплекс) с прежней семантической функцией так же, как в производстве камень-орудие, преобразуясь в форму своей функции 'рубить', берет на себя роль орудия-производителя, оставляя за камнем роль камня-вещества (материала) или оно же, орудие, уже усовершенствованное (оформленное), удерживает за собою функцию целого и, превращая новой техникой материал, имевший единую нераздельную функцию в хозяйственном обиходе, и физического предмета (орудия) и производимого им эффекта (функции), двух семантических видов, дает (*чему?*) продукции (*что?*) функцию обозначения эффекта, надстроечного понятия, и порождает вместе с тем новые стимулирующие условия и возможность создать для обозначения самого материала

¹ Исходя из языковедных фактов, эти два рода образований в звуковой речи мы называли первый морфологией идеоносительной, второй — морфологией пределоносительной.

название по его возникшей функции. Или как в общественности, т. е. в первых стабилизовавшихся производственных отношениях, где взаимодействия орудия, продукта и материала навязываются коллективу, организующему производительный труд, деля его среду на активных работников (творца || орудия, надстроечно в мышлении — субъект) и на пассивных работников (продукт в целом без дифференциации оформления и материала, надстроечно в мышлении — объект), это дотоле, пока само действие, противоположное состоянию движение, предметно неуловимое и невоспринимаемое, не получает в технических достижениях речевой культуры своего самостоятельного выражения в особой части речи, так наз. глаголе (у римлян *verbum*, у арабов же *fiʿl*¹² 'действие'), когда надстроечно уже в отрешенном от производства мышлении, формально логическом, субъект не оформляется вовсе, становясь нетрудовым в роли организатора-творца, или оформляется в пассивный падеж, а объект, становясь трудовым (хотя и страдающим), получает оформление активного падежа, в производственно-социальном мышлении — активного лица, творца.

Сказанным мы могли бы ограничиться и, отослав к взятой для примера формуле тотемической в основе семантики (см. таблицу), приступить к комментариям, в настоящей статье вводного характера, как было сказано, пространным, но приходится задержаться на разъяснении термина «дериват», нигде в печати не разъясненного в соответствии с разнообразием его видов и со сложностью образования каждого из них. Одни дериваты зарождаются, выявляются и развиваются в процессе, увязанном непосредственно с диалектическим развитием производства и общественности: это дериваты производственные и общественные, когда надстроечные образования повторяют взаимоотношения различных моментов производства со слабо развитой техникой начальных эпох (производственные дериваты) или с ним генетически связанной общественности со слабой дифференциацией ее групп (социальные дериваты); другие дериваты в идеологических категориях языка воспроизводят резко дифференцированные классовые взаимоотношения позднейшей общественности, выступает ли она в виде родового строя, по взятии простых социально-экономических образований стабилизовавшего себя на племенном образовании со скрепой кровью на путь становления двух взаимно отрицающих противоположностей. В мировоззрении вместе с появлением представления о духе творческая 'рука-душа', источник анимизма всех предметов, обращенная в социальное матерьяльное женское существо, перестраивает космические взаимоотношения всех предметов во взаимоотношения творцов мужского и женского рода (некогда орудия и творца) и трудящихся среднего рода (т. е. без рода, некогда производство — труд и продукт), и тогда строится сложнейшая социальная структура, национальная, включающая в себя социальные элементы и родового на крови (сословного) и производственного (классового) порядка и в то же время замкнутая в себе. Тогда создается классовый, впоследствии сословный язык, тогда же создается также классовое, впоследствии сословное письмо, феодально-буржуазное (сословные дериваты), и, наконец, подлежат учету технологические дериваты различных видов с полным отрывом идеологии господствующего класса, сословия, с примыкающими к нему цеховыми

организациями, от материальной базы, производства и производственных отношений, ибо на этой ступени стадияльного развития производство и производственные отношения выдвигают в поборники своей идеологии массовый рабочий класс, с дальнейшим его господством имеющий упразднить классовость общества. От преломления сдвигов в базисе намечаемых социально-экономических образований возникают системы в оформлении соответственного мышления, системы языков на подлежащих стадиях. Трудность установления этих стадий, особенно их последовательности, осложняется тем, что, например, в семантике на различных ступенях стадияльного развития одни и те же слова получают различные восприятия значимости; не говоря о следующем осложнении, не в пример стабилизирующему и оформляющему ручную речь письму, сословно-классовый звуковой язык, получая распространение в низовых слоях, массово-происходящим переводом с нее, с одной стороны вбирает и консервирует в себе бытующие в населении мировоззрения древнейших стадий, не исключая палеолитических, от линейного языка, с другой — переосмысляет идеологически изжитые построения. Естественно, в звуковом языке, этой доселе не оцененной сокровищнице сигнализаций всех пережитых человечеством стадий развития, осмысления позднейших стадий заслоняют значения, присущие им по стадии их возникновения, следовательно, сбивают в установлении их подлинных архетипов. Особой осторожности в этом отношении требует производство слов, навязывающееся бесспорным, казалось бы, удоблением по сродству образов или наглядным сродством по цветам или краскам, о чем ниже (лингвистические комментарии).

Особенно слаба в нашем построении часть переходных от животного, да и космического тотема к антропоморфизации предметов культа. Здесь совершенно отсутствует культ предков, увязываемый со 'сном-видением', поскольку тени умерших сменили откровения производственных тотемов, что в свою очередь связано со значением 'кости'.¹

Отчасти это объясняется тем, что мы старались не выходить по возможности за пределы русской речи. Не использовали мы даже элемента С, наличного в таком составном термине как *Per-un* 'громовержец' (✓ *суоми Per-kun* 'дьявол'). Между тем разновидность $\dot{q}on \leftrightarrow \dot{q}un \sim \dot{q}in$ ['небо'] вкупе со словом $\dot{d} \leftarrow \dot{d}$, *resp. d* ($\leftarrow \dot{d}e'n'$) 'дитя' с одной стороны становится в ряд с дериватами: а) от 'неба' — $\dot{q}on-\dot{d} \leftrightarrow \dot{q}un-\dot{d}$ ['небесенок' →] 'гром', 'молния', что в основе глагола $\dot{q}on\dot{d}-am-s$ 'гром гремит' || 'молния сверкает'; б) от 'солнца' — $\dot{q}on-d$ 'жизнь', 'радость', что в основе глаголов *чанск. o-qon+d-u* 'жить', куда льнет одноэлементное сванское $\dot{q}un \rightarrow \dot{q}win$ 'душа' (ср. груз. *გონ* *λόγος*, 'разум', 'разумение' || 'слышание', ср. франц. *entendre*) $\leftrightarrow$ *gun* в *gun-eba* 'настроение'), арм. $\dot{q}an-d-al$ (✓ $\dot{q}in-d-al$) 'радоваться', 'смеяться', с другой стороны входит в круг противоположных представлений, являясь в связи с 'небом²' = 'морем' использованием 'ночи', 'мрака' (груз. *u-kun* 'тьма'), противоположности 'дня', 'света', в архетипе 'солнца' (так именно арм. *qun* 'сон', 'видение', 'тени' → 'ночь').

¹ См. использование 'кости' в роли возвратного местоимения. Н. Я. Марр, Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений, сборник «На боевом посту», стр. 382 [ИР, т. III, стр. 195].

Здесь 'сон+видение' не космического уже мировоззрения, когда мы сталкиваемся с 'солнцем'.¹ Но с космическим мировоззрением, с 'небом'², т. е. 'морем', 'бездной' связаны: а) арм. զօր-աւ 'влажный', 'сырой' (~ don-aw, ср. Don, Дунай) и б) арм. հիւս 'брод', арм. առ-հիւս 'бездна'.

В результате сделанных разъяснений в наших формулах глагол мы выделяем в самую позднюю продукцию глоттогонического процесса, как то установлено и по другим основаниям, а дериваты одного и того же слова от различных стадий распределяются при обсуждении по комментариям соответственно технике их производства.

Само собою разумеется, что, будучи теоретическим построением как математика (разумеется, без претензии быть разработанной в степени какой-либо математической науки), яфетическая теория, новое языковедное учение, пользуется безоговорочно двумя совершенно прочно установленными средствами в своих изысканиях: одно из них — особая исследовательская графика, аналитический алфавит, другое — анализ по четырем лингвистическим элементам, который вскрывает их идеологичность, благодаря чему *ya+pe-t* (← **ya+pe-te*), с разновидностью *ya+pe-đe*, смысловой двойник скифо-кавказского *Pro+me-đe'*, разъясняется как видоизменение ближайшего архетипа *Yar-pe-t*, пережиток которого, между прочим, в разновидности *Kar-a-pe-t*, налицо у древних и современных армян в значении личного имени, раньше означавшего отвлеченное божество,² а до того его противоположность — производственный тотем, и, что вполне основательно может представиться изумительным до невероятности, русское слово «правда», восходя по семантической палеонтологии к 'солнцу', есть лишь акающая разновидность скифо-сарматского *Pro-me-đe*.³ Кто из сознательных работников нашей общественности, пользуясь всеми благами звуковой речи, хотя бы только живой, не без пережитка линейной (уже жестов), знает о таких магических превращениях, на деле закономерных порождениях диалектического процесса в словесности, истории слов, и равнодушно отворачивается, тот, очевидно, равнодушен к повышению творческих возможностей того имеющегося в его распоряжении орудия культурной работы, выкованного в трудовом процессе человечества по всей населенной территории, которое отличает одаренных речью от бессловесных. Равнодушные обществоведов, будь то историки, будь то философы, искусствоведы, тем более историки древних эпох, побуждает ставить вопрос или о пределах должного для подлинного познания круга специальной подготовки каждого из них или о несерьезности их научной работы, исследовательская ли она или руководственно-учебная. В совершенно беззащитное положение ставят себя подобным равнодушием, тем более выступлением против, специалисты по истории эпох, загнанных в «доисторию», в раскрепощении которой от этой бессмысленной клички они, в первую очередь историки материальной и социальной культуры, собственно производства и производственных отношений (с речевой

¹ Н. Я. Марр. Из Пиренейской Гурии, стр. 52—53.

² Н. Я. Марр, Из Пиренейской Гурии, стр. 61.

³ Н. Я. Марр, Из Пиренейской Гурии, стр. 61; его же, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 63, 73 [ИР, т. V, стр. 270 сл.].

культурой как надстройкой), т. е. специалисты как бы бывших наук — археологии и этнологии, призваны оправдать свое нынешнее название. И кто этого не понимает — добровольно входит в стан, на наш взгляд обреченный, критиков, судящих о том, чего они не понимают и не знают. Они, в частности, добровольно тянутся за пальмой первенства в отстаивании противоположности науки, уподобляясь недавнему горе-судье, на своем незнании болгарского *vege*¹ 'волк' думавшему опорочить нашу работу «Родная речь — могучий рычаг культурного подъема» или потрясенному фактом трактовки украинского языка без учета его позднейшего оформления в другой работе «Яфетические зори на украинском хуторе». С подобным языковедным багажом и с подобным языковедным мировоззрением так же нечего браться за усвоение яфетидологических работ, как не знающему цифр и таблицы умножения не к лицу браться за чтение не только математических трудов, но и арифметических задач.

Наконец, нужно ли предупреждать, что трактовка социального и семантического оформления речевого материала, равно техника звучания у нас проводится по нормам языков полистадиальной яфетической системы, но это не значит вовсе, что между статическим состоянием позднее сформировавшихся языков с одной стороны и языками и группами яфетической системы с другой стороны нет разницы в функции одних и тех же нормативных закономерностей и по фонетике.

КОММЕНТАРИИ

1. *Язычные.* Отрешенно-фонетическая трактовка здесь не требует особого разъяснения, поскольку мы останавливаемся в подборе разъясняемых слов, представляющих или включающих в себе один и тот же элемент С, при учете не отдельных звуков, а цельных элементов на примере спирантного двойника шипящего вида. Достаточно дать формулу фонетической увязки используемых подвидов или разновидностей взятого вида без учета их по функции определяемой на той или иной стадии идеологии: $h^1on \leftrightarrow h^1un \ (\sim h^1en \leftrightarrow h^1in) \swarrow \text{қон} (\rightarrow \text{kon}) \leftrightarrow \text{кун} (\rightarrow \text{kun}) \rightarrow \text{ғон} (\rightarrow \text{gon}) \leftrightarrow \text{ғун} (\rightarrow \text{gun})$.

Для разновидностей по перебою $o \leftrightarrow u$ и $e \leftrightarrow i$ нет надобности давать список, исчерпывающий весь их состав.

Из остальных звуковых взаимоотношений надо помнить, что гласным «е» одновременно определяется особо стоящая от сибилантной ветви спирантная ветвь, поскольку формулой $a \parallel o (\leftrightarrow u) \sim e (\leftrightarrow i)$ характеризуются взаимоотношения трех социальных групп, свистящей (а), шипящей ($o \leftrightarrow u$) и спирантной (е), последняя, как она конкретно представлена наиболее ярко в сванском языке «гибридной» социальной природы (по звуковым нормам — спирантно-шипящей). Обществоведы, по конкретному предмету специальности историки материальной культуры, вероятно, не мало смущаются тем, что социальные категории яфетидолог определяет фонетическими терминами — сибилантами (свистящими, шипящими) и спирантами (лительными и взрывными), но это терминология, по которой

¹ Н. Я. Марр, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, стр. 37 [ИР, т. V, стр. 419].

соответственные производственно-социально созданные языковые группы доселе именуется пережиточно от формального с извращением роли звучания метода. Может смутить и языковедов, что группы, именуемые сибилантными, т. е. по согласным, характеризуются гласными, свистящие гласным «а», шипящие губной огласовкой $o \leftrightarrow u$ и т. п., но дело в том, что гласные в таких случаях лишь части комбината из согласного сибиланта с его огласовкой, гласный «а» — часть слога *sa*, т. е. свистящего с гласным «а», гласные $o \leftrightarrow u$ — часть *шо* ($\leftrightarrow$ *шу*), т. е. шипящего с той или иной губной огласовкой (*о, u*), а слоги эти в свою очередь пережитки элемента, одного из четырех лингвистических элементов, именно элемента А, представляемого в данном случае при наличии цельного вида, конкретно формулой *сс sal || ши шог* $\leftrightarrow$ *шиг*; в других случаях сибиланты *s, ш* представлены их иными закономерными разновидностями, о чем сейчас не место говорить.

Нельзя не учесть и того недоумения, какое способен вызвать факт, что, например, разновидности *кон* $\leftrightarrow$ *куп* \ *нон* $\leftrightarrow$ *хун* попадают по огласовке в шипящую группу, когда в них никакого признака ни шипящего, ни, понятно, свистящего нет. Но в том-то и дело, что испытывающий недоумение подходит к нашим утверждениям с формальным требованием одной стабилизовавшейся языковой системы, для него неизменной по существу категории, если не расовой семьи (*famille*), то, что говорит французский термин *souche*, выдающий восприятие не то биологическое — физического дерева, в этом смысле ствола, не то феодально-сословное — генеалогического дерева, родоначальника,¹ не то вообще 'источника', если следовать популярному толкованию Лярусса (*Larousse*), что опять-таки тянет назад к «племенной» расе (*Sprachstamm*); на деле — это националистическая «категория», стремящаяся срастить с собой хотя бы в идеологии классовые признаки, собственно — прикрыть их. Наконец, привлекаются на помощь строяемые фантазией смены мистических кругов (*Kreise*) развития, определяемых на эклектическом подборе всякого первобытного материала отвлеченной и идеалистической «культуры» (это, между прочим, пресловутая «эволюция культур» самых передовых музейных работников, претендующих на социологизм, даже марксизм, иногда не без сочувствия не искушенных на конкретном языковом материале марксистов) или прикрытой и неприкрытой деистической культуры, в корне богословской. Это дело носителей духа, его мистических и quasi-материалистических разновидностей, вовсе не того только «святого духа», который руководит концепцией патера Шмидта, все-таки лингвиста, сумевшего использовать для этого итоги специальных работ над колониальными языками, тоже «первобытными». Отсюда часто искреннее непонимание того, что конкретно значит, когда яфетидолог говорит о стадильности, и как в связи с этим он, занимающийся общим учением об языке в мировом масштабе, пользуется терми-

¹ Любопытно, что Лярусс значение источник (*source*) термина *souche* объясняет примером, имеющим непосредственное отношение к нашему предмету: «*de la souche indoeuropeenne sont sorties un grand nombre de langues*». Хочу сказать, что нет ни одного справочника, ни одного даже словаря отнюдь не специального назначения, чтобы он не был отравлен отжившим «индоевропейским» мировоззрением. Вот почему, сказать кстати, так рьяно теперь уходят индоевропейцы в «безобидное», нейтральное, мол, дело составления словарей.

нологией одной стадии с учетом органически связанных с ее нормами норм всех предшествовавших стадий, не по сходству, а по противоположности одного стадияльного новообразования, последующего, с другим, предыдущим, или вообще одной системы с другой. Так, $kun \searrow lun$, в отношении именно начального согласного, противоположность tun , resp. $\text{ʃun} \searrow \text{ʃun}$ арм. 'собака', представляет диалектический процесс, не ограничивающий наш кругозор взаимоотношениями двух соседящих стадий: им предшествует, если не касаться различных модальностей, стадия с парными согласными sk , $ʃk$, в свою очередь восходящая к древнейшему состоянию, именно к диффузным звукам, как-то ʃ , ʃ и т. п., что уже на более древней стадии не имеет, resp. не имело, самостоятельного звучания вне комплекса, из которого был выработан соответственный элемент. Такова, следовательно, история самих элементов, ныне в системах новейшего образования представленная лишь одними фонемами, часто отдельными звуками, гласными или согласными, которые через слоги, элементы и диффузные их в целостности состояния, стадияльные трансформации, также диалектического порядка, увязывают все и в этой части в монистическое целое. И наше использование, например, терминов «свистящий» и «шипящий», терминов одной системы, одного стадияльного образования, происходит с учетом их несоответствия подразумеваемым под тем же названием состоянием на других стадиях. Разумеется, следует уже сейчас знать, что —

1) Колебание в парных гласных, губных $o \leftrightarrow u$ и небных $e \leftrightarrow i$, как и позднейшее падение (в один ряд со спирантом χ) опрощенного k , вместо утраченного яфетического аффриката k за его изжитием в русском, как вообще в системе прометеидских языков, — дело обычное, иллюстрируемое словами русск. o - ko и русск. u - χo в отношении их архетипов o - ko ($\rightarrow o$ - ǰo) $\rightarrow o$ - qo , resp. u - $ko \rightarrow uqo$ (о семантической стороне этой пары см. ниже, стр. 261—264).

2) Формация со звуковой нормировкой спирантного порядка в дошедших до нас языках мира представлена с наименьшей полнотой, потому ли, что такие языки раньше изжили, или потому, что эти спирантные звуковые трансформации, также социального происхождения, выделившись из диффузного состояния первыми, в диалектическом процессе еще на ранних стадиях глоттогонии на материальной базе производства с простейшей техникой при мелко-коллективной тотемической общественности и отвлеченно неозакономеренном мышлении с маломощным скользящим полисемантизмом, не успели еще выработаться в устойчивые нормы целостной системы со звуками спирантного порядка ни в мере глубокого проникновения в речевой материал, до полного насыщения его собой, ни в мировом охвате, как то присуще нормам со звуками сибилантного порядка в соответственной речевой группировке, ныне наиболее полно представленной в кавказских языках яфетической системы их так наз. «сибилантной ветвью», расположенной массово и целостнее на юге Кавказской цепи гор (в «Закавказьи»).

3) Социальные нормы речевого звучания различных коллективов, так наз. корреспонденции спирантных звуков с сибилантными, и дали возможность разрешить проблему их происхождения, уже наметившуюся к разъяснению в путях возведения простых звуков к сложным и всех их, единичных или изолированных,

к звукам не вполне четкого членораздельного порядка, звукам диффузным. Это и дало, с одной стороны, право утверждать о соответственной недоработанности вначале произносительных органов, неприспособленности их на первичных этапах к четкому произношению каждого звука в отдельности, с другой стороны, оно же, столкнув проблему о происхождении отдельных фонем с возведением их к диффузным звукам с двусторонней идеологически-формальной закономерностью использования четырех лингвистических элементов (А, В, С, D), открыло путь увязки их идеологических функций, значений, с идеологиею памятников материальной культуры, функциею их общей архитектоники и конструктивных форм, их осложнения фигурами и оживления растительными, животными и человеческими изображениями всегда в движении и общении, казалось бы, лишь декоративных частей, подбора самого материала и вообще вида и качества техники. Словом, открылся путь не только материальной стоимости всех указанных и сродных моментов, но и их общественно-генетической значимости, вытекавшей лишь в доступных зачатках мышления первобытного общества путях восприятия производительных сил.

По соответственной же значимости с одной стороны для производства, эволюционировавшего от смены материала и орудия с техникой и материально сдвигавшего нормы общественности, как производственные отношения, с другой стороны — для самой общественности, осмыслявшей продукцию, а с ней захватываемый ею и мир природы и усовершенствовавшей технику количественно и с ним качественно менявшегося его осмысливания, куда с плоскости производства проникали символические выразители не субстанции самого предмета, а развивавшегося общественного на базе использования осознания, перераставшего двигательную силу того же производства, проникали эти выразители в надстроечные области, следовательно, в мировоззрение и язык, в последнюю категорию наиболее четко и с исключительной всесторонней полнотой, благодаря лингвистическим элементам, в самом построении или перестроении звуковой речи, средства не только магического сначала воздействия и затем и средства человеческого общения, но и орудия борьбы и победы над временем, как беспримерный сосуд накопления всех достижений человечества на пройденных им этапах творческой трудовой жизни.

И в этом руднике отложений различных стадий технологический подход к словотворчеству, надстройке производственных отношений, с выявлением техники и даже особенностей самого материала производства в способе сигнализации, разумеется, совершенно позднее явление в историческом процессе, измеримом сотнями тысяч лет, как нам он ни кажется по времени (из-за несродства его техники с нашей) далеким от нас, возвращенных историческим процессом, измеримым лишь веками и тысячелетиями.

К технологическому словотворчеству относится, когда 'видеть', как и 'спать', производятся одинаково от 'глаза', почему, между прочим, мы имеем непрерываемое основание утверждать, что спра-, основа глагола «спать», русским языком получена в наследство от тех подлинных скифов, про которых Геродот говорит, что термин «Аримаспы», название одной из народностей, они понимали как 'одно-

глазый', ибо агта, как то уже разъяснено яфетидологически, значило 'один' и за *sr-* с той или иной усеченной огласовкой ($a \parallel o \leftrightarrow u \parallel e$), оставалось бы и по вычитанию лишь значение 'глаза', если бы такое значение не указывал со слов скифов и Геродот, приводящий его с губной социальной огласовкой $sr\bar{u}$.¹ У нас сейчас есть, однако, опора в самой русской речи для утверждения, что в основе глагола «спа-ть» лежит именно разновидность *sra* ($\leftarrow sr\bar{a} \parallel шр\bar{u}$) со значением 'глаза', микрокосмически и, следовательно, космически, согласно палеонтологии, — 'солнца', как то фактически наблюдаем с основой того же глагола в прошедшем времени, где в противоположность настоящему использован с перемещенной огласовкой — «за-сул» — элемент *S* — $son \leftrightarrow sun$, слово иного социально-экономического образования, астральное значение ('солнце', а то 'луна') которого в этом или перебойном виде ($\sim sun$, resp. $шп \nearrow \text{шп}$) многократно разъяснялось.² Но здесь требуется указание на тотемно-животное значение, именно 'собаки', обоих слов, и sun , resp. $шп \leftrightarrow шп$, и *sra*: первое — это ныне арм. *шп* 'собака', второе — чистая основа мидского по Геродоту $sr\bar{a}$ -ка $\rightarrow$ sra -ка, которая у русских появляется и с огласовкой начального согласного в основе глагола «за-сыпа-ть», что восходит к архетипу (формально — звучанию) *supar* ($\leftrightarrow sorar$), идеологически — месопотамскому двойнику тотемного названия шумеров, известному в разновидности *suvar* и в восточной Европе, как наименование чувашей еще при арабах.³ Таким образом слово по происхождению так же мало принадлежит скифам или мидам в целом, как и русскому народу: это вклад субарского образования, которое в восточной Европе было также представлено в этнической номенклатуре не только шумерской разновидностью, но и кимерской ($\leftarrow *sku-mer$, налчно $suom$ и kom),⁴ как противоборствующей скифам силой на известном отрезке времени.

И в русском, как и в финском, налицо различные сородичи этого слова по функциональной связи зрительного восприятия со слуховым, в первую очередь «слух», «ухо», из коих первый представляется трехэлементным образованием $sl-u-q$, однако, губной гласный в них — продукция различной истории, поскольку в слове «ухо», мн. ч. «уши», он — пережиток внутренней огласовки элемента *A* спиритного типа ($\leftarrow sul$, resp. sur), а в «слу-хе» — выдвинутая наружу внутренняя огласовка элемента *A* сибилантного вида ($slu \leftarrow \infty sul$).

И поскольку глаголы «слышать», «слушать», равно «слух-а-ть» и «слыхать», в своих двухэлементных (AC) скрещенных или составных основах «слуш-» ($\searrow$ «слыш-») $\sim$ «слух-» ($\searrow$ «слых-», самостоятельно «слу+х») должны, следовательно, представлять имя «ухо», «уши», также двухэлементное образование (AC) — $u-\chi^{\Gamma}o^{\Gamma} \nearrow u-qo \sim u-ш^{\Gamma}e^{\Gamma}$, мы в первой части slu ($\leftarrow sul$) имеем пережиток слова с тем же значением, как в «и» (ср. фр. «ou-ir» 'слышать', $o \leftrightarrow u$ — в греч.

¹ Н. Я. Марр, Скифский язык, ПЭРЯТ, стр. 320 [ИР, т. V, стр. 219].

² Н. Я. Марр, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, стр. 39 [ИР, т. V, стр. 334]. Чув. $шп$ 'гореть' ($\leftarrow$ 'солнце') $\sim$ $шп$ в составе $шп-ше$ (название земледельческого праздника около Троицына дня, следовательно 'солнце', 'солнышко').

³ Н. Я. Марр, Чувашско-яфетиды на Волге, стр. 70 [ИР, т. V, стр. 369—370].

⁴ Н. Я. Марр, Суоми-карельские и сомех-картские языки (предварительный отчет), ДАН, 1929, стр. 32 [ИР, т. V, стр. 391].

ὄψ, род. ὀπίσ 'ухо', груз. kir 'ухо'), и если sl, в древнеславянском также с наружной огласовкой появляющийся одноэлементно «слу-ти» (↘ русск. «слы-ть»), сейчас не имеет значения 'ухо', как то присуще двухэлементному образованию «у-хо», «у-ши», то достаточно знать палеонтологически вскрытое положение, что на 'ухо' перешло название 'глаза',¹ по смене им роли орудия воспринимания речи сначала линейной — глазом, затем звуковой — ухом, чтобы за slu, с коренной для русского языка огласовкой е — sel, призвать значение 'ухо', ибо она в виде sle- сохранилась в русском же со значением 'глаза' в слове «слеза», буквально 'вода (-за) глаза (sle)'. О стратификации этого слова в значении 'глаза' и его дериватов у финнов и кельтов известно в печати.² Но этого мало. Сам русский язык дает прекрасный материал для того, чтобы воочию видеть, ушами слышать аргумент факта, что это именно слово, элемент А, у прарусских означало и 'ухо', и что вообще у них был еще полисемантизм, позволявший называть одним словом и 'глаз', и 'ухо'. Именно слово sl-, sle-, означающее в «слу+х» 'е' 'ухо', а в «сле-зе» 'глаз', у финнов появляется с нёбной огласовкой sel, также у кельтов бретонцев в основе глагола 'видеть', или sil в двухэлементном скрещении sel-me (морд.) ↔ sil-me (суоми); в свигящей группе (куда относится грузинский народ с фондовым слоем своей речи) то же слово должно бы звучать с аканием *sal ma, что грузинский язык сохранил с утратой и первым элементом плавного l, а огласовки обоими — s-m, что налично в основе глагола e-sm-i-s 'он слышит', 'ему слышно'. Однако существование у грузин в более ранний период той же скрещенной основы s-m с огласовкой «а» — sam устанавливается палеонтологически его эквивалентом шипящего типа, как только переходим на связанное со «слухом» понятие 'шума', 'голоса', 'звука', 'звона'. Однако надо предупредить, что в языках яфетической системы 'шум' и 'голос' не различались, т. е. они выражаются часто и доселе одним словом. Так у грузин q-ma, древнелит. q-ma, и 'шум', и 'голос', и 'звук', мегрельское слово q-ma ↔ qo-ma (↘ qə-ma) только 'голос', так как усвоенное из груз. q-ma используется полисемантично и для 'голоса', и для 'звука', и для 'шума'. Однако, так как в qo-ma ↔ q-ma мы имеем спирантизованный двойник, требующийся для языков шипящей группы, мегрельского и чанского, основы шо-ш ↔ ши-ш, то закон, его же не преjdeши: в грузинском не могло не существовать его безукоризненно закономерного соответствия sa-m ↔ sa-ma, и оно сейчас будет представлено.

Но раньше покончим с шипящей разновидностью шоп ↔ шип, наличной у сванов и, как хорошо вам известно, у русских. У сванов потому, что в этом языке налично «гибридный», или скрещенный, тип (спирантно-шипящий). Не забудем, что эти звуковые характеристики лишь пережиточные термины формального метода, обозначающие социальные разновидности звучания, и вместе с соответственным социальным слоем те же фонетические нормы проходили

¹ Н. Я. Марр, Язык и письмо, ИГДАИМК, т. VI, вып. 6, стр. 12—13 [см. здесь, стр. 361—362].

² Н. Я. Марр, Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афреазии, стр. 27; его же, Яфетические зори на украинском хуторе, Учен. зап. Института народов советского Востока, т. I, стр. 44 [ИР, т. V, стр. 252].

и за пределы Свании, вообще Кавказа, именно в Русь; тут, однако, дело обстоит так, что хотя слово русское, оно по своей социальной огласовке, как фондовой, принадлежит украинцам. В то же время в русском оно означает понятие лишь надстроечного порядка с дифференциацией, именно не 'голос' и даже не 'звук', а 'шум', а 'голос' в свою очередь означал не только 'звук', 'пение', но и 'ухо', первично 'глаз', ибо «голос», «глаз» лишь огласовочные разновидности одного и того же слова.

У украинцев же, как и у сванов, слово не утратило еще увязки с общественностью и производством.

У сванов шум $\leftrightarrow$ шум (шwim) — основа глагола буд. ад-шом-1, означающего не только 'звучать', 'звонить', но и 'играть' (на инструменте). Попутно отмечу, что у сванов же с этим шум $\leftrightarrow$ шум (шwim) увязано шtim $\leftrightarrow$ шdim 'ухо', что в значении опять-таки 'голоса' прослеживается у германцев, разумеется, не по связи сванского горла с немецким, а по роли соответственной производственно-социальной группировки соответственного социального слоя.

Украинцы рядом со значением 'шум' за этим словом ши-ш сохранили значение 'хороводной игры', а также, как значится в словарях, 'живого существа, упоминаемого в песнях при этой игре', т. е. тотема, виновника трудмагического действия, на котором не различались еще 'пляска', 'пение', 'игра'. И вот здесь пора вспомнить, что при украинском значении слова ши-ш 'хороводная игра' его восстановленный грузинский эквивалент са-ша оказывается не сочиненным, а подлинно существующим словом, означающим 'пляску', 'танец' (sam-a, sata-ya), но здесь уже не остается ничего ни от технологического построения слова, ни от антропоморфизованного тотема, «живого существа», ни от микрокосмических терминов, 'глаза' и его смены 'уха', а непосредственное воплощение предмета — 'хоровода', как отображения 'неба' или связанного с ним некогда производства ('работы', все равно, оба разъяснения получают поддержку), ибо са-ш, как то указывает и та-ш, основа культового глагола 'верить', означало 'небо' и са-ш 'три', собственно '2+1', палеонтологически 'руки'+ 'рука', основа действия 'работать', 'производить', если не говорить о соответственном производственном тотеме.

А известно ли, как толкуется русское слово «шум» формальным методом индоевропеистики? Слово «шум» возводится к нулю, как к источнику своего возникновения без всякого учета семантики, т. е. без всякого учета добытой в жестокой борьбе человечеством культуры, выросшей на им же созданной и развивающейся материальной базе, производстве и производственных отношениях: «шум» возводят к звукоподражательной основе ши, т. е. звуковому комплексу, ничем не осмысленному фонематическому явлению, неизвестно как возникшему, если не довольствоваться чисто механической стороной дела и искать его происхождения в физиологии. Что же удивительного, если в дни расцвета индоевропеистики, остающейся до наших дней в обладании всех прежних своих позиций в быту и научной среде, несмотря на подобные фантастические ее учения, она сумела проникнуть и в философию и перелилась в новую ее стройку, содействуя сохранению естественных и чувственных факторов мышления?

Если, однако, переход «ока», средства воспринимания зрительной речи, на средство воспринимания слышимой речи, «ухо», лишняя иллюстрация установленной уже семантической смены по функции, как 'собаки' на 'лошадь' в средствах транспорта, то это то же самое, что, например, как печатно разъяснялось нами, у грузин *kur* (→*kur*) 'глаз' перешел на *kur* 'ухо', а у армян *a-ken* 'глаз' перешел на *a+kan-d* 'ухо' (ср. также древнеит. арм. *un-ken* 'ухо', 'внимание').¹ Но иное дело, когда феодалы грузинские и армянские сочинили себе в значении 'уха' слово, буквально означающее 'орудие для слушания' — груз. *sa-sm+en-el*, арм. *læs-el-i-q*, ибо это уже технологический подход к словотворчеству, совершенно новая техника, начальная лишь для социально-сложных производственно-общественных образований, когда производство все более и более сосредотчивается не только материально, но и идеологически на своей собственной внутренней идеологии, когда актуальная идеология, наука, и актуальная техника сливаются в одно неразлучное единство, становясь конкретно-материальной и чураясь беспочвенной отвлеченности. Создается ристалище для жестокой схватки между, с одной стороны, техникой и материалистической наукой, с другой — отвлеченной идеологиею, воплощенной в преобразенном из производственного трудового тотема в нетрудового производителя 'боге', с проклятием труда находящего поддержку во всех идеалистических учениях, какой бы разновидности они ни были, едва ли не более всего в искусствоведах. Действительно, материалистическое разъяснение художественных произведений труднее, чем разъяснение 'бога', доведенного до наглядного абсурда, и наука чурается актуальнейшей проблемы об искусстве. Не ошибка ли это?

В связи со всем сказанным и тогда, когда речь об языках яфетической системы, расположение системы более доработанных норм звучания в Закавказьи отнюдь не связано с расположением соответственных народов на юге; социальная закономерность звучания не может быть толкуема в смысле зависимости или от эстетической оценки красот природы, или утилитарного восприятия ее богатств, ее материальных ресурсов, так наз. производительных сил природы. Те же самые социальные нормы звучания ныне уже прослежены к северу от Кавказского хребта на равнинах и плоскогорьях, пересекаемых реками, по всем полосам, вплоть до Карелии и Суоми и далее. Вопрос в условиях, благоприятствовавших образованию производственных ячеек и их коллективной подвижности, а с нею народжению общественности более широкого охвата, на юге же Кавказа, в частности, более легкому образованию массовости производства на свободных плоскогорьях, тем более в долинах, быстрой их смене и целому ряду смен общественности все более и более расширявшегося охвата.

В формулу или таблицу формул мы решили не вводить ни смены огласовки, признака социального момента, ни антиподной дифференцированности согласных, двух противоположностей, вышедших в конечном счете из одной и той же среды. Так, здесь в первой формуле при согласных спирантного ряда разновидности сибиллянтные не вводятся. Если сделано исключение для терминов «день» и «тень»

¹ Н. Я. Марр, Язык и письмо, стр. 13 [см. здесь, стр. 361—362].

(← *teyn-e), то лишь потому, что огласовка «е» является основной в характеристике русской социальной среды, причем восстанавливаемый мною *dēp пережил с утратой фрикатива у грузин в древнелитературном -de → -d (← -den): o-de-s 'когда', буквально 'в (дат. -s) какой день (-de)' и представлен более архаично в отношении начального звука, африката, в польском «dzien» (dēn или džen). Отсылая за мотивировкой идеологической увязки 'дня' и иных еще дериватов с 'конем' в соответственные комментарии, здесь отметим, что если в древнелитературном de 'день' слово представляется утратившим фрикативность даже сравнительно с польским, то в народном у грузин налицо то же слово с группой dġ, казалось бы, диффузного порядка вм. простого d, именно dġe 'день', однако здесь мы имеем два элемента, СА: элемент А (*-ġer), судя по эквиваленту шипящей группы d-ġa, выявляющей во мн. ч. у мегрелов (d-ġal-e+φ1) полноту своей основы с плавным исходом], с элементом С, d- ↙ de'n¹ 'день' [← '*свет', '*верх'], придатком для отличия верхнего ġal ['свет'] от нижнего ġal ['вода' →] м., ч. 'река', 'речка'.

Однако слово dġe представляет для нашего предмета иной еще интерес в том смысле, что у армян из двух терминов, обозначающих 'день', один ti-w (род. to-wənd-ean) в противоположность 'ночи', другой a-wer (древнелитературный a-wur, нар. ог, родит. og-i, og -way и т. д.), ни один не обходится без скрещения с элементом В (-wur ~ -wund ↘ wənd), и тот же элемент с акающей огласовкой (-va || -ma) в родительном оформлении (-ən) наблюдаем мы в прилагательных, произведенных от dġe: dġe+va-n-del-1 || dġe+ma-n-del-1 'сегодняшний' (ср. ġuṣ-m-dal-1 'вчерашний' и т. п.).¹ Что же касается сибилантных разновидностей того же элемента с губной огласовкой, то их несколько — don (↔ dun) ← ton (↔ tun), и одна из них don у горцев-яфетидов значит и 'конь', но у русских они являются или в топонимике, названиях рек (стр. 283), или в глаголе, происходящем от значения 'вода' (стр. 283).

Привлечение же к слову «день» его противоположности 'мрака' в слове «тьнь» более яркую иллюстрацию получает в сопоставлении «окон», архетипа «окно», означавшего раньше 'глаз', а первоначально 'солнце' → 'свет' и закономерного грузинского эквивалента u-kuṣ с двумя значениями: ukuṣ 'век', 'столетие' от 'солнца', и ukuṣ 'мрак', противоположность также 'солнца', как 'света', 'дня'. Здесь о слове «тьнь» приходится говорить по фонетической особенности, так наз. эпентезису. когда придача к основе, в данном случае первично teṣ, небного гласного e ↔ i — ten-e ↔ ten-1 вызывает, своим вторжением внутрь в виде полугласного «у» изменение основной огласовки — teyn-e, что и является архетипом русского слова «тьнь».²

¹ О семантическом происхождении двух армянских слов в составе древнелитературного армянского языка (феодалного) tiw и awer (нар. og) со сродными материалами из языков иных систем см. Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 67 [ИР, т. I, стр. 493].

² Загнунное teṣ 'день' в форме taṣ || ton (→ don) || ten: а) в ряду дериватов 'солнца' вместе со значением 'день' дает брет. taṣ 'огонь' → 'солнце' в основе чанского глагола o-ṣan-u 'светать', 'сиять', 'сверкать', мегр. ṣan-a-φa 'рассветать', африкатно ṣan (груз.) → ṣa (др.-лит.) 'является', 'виднеется', 'солнце' в грузинском глаголе ṣen-e-ba 'рассветать', 'бог' (← 'солнце', 'небо'), тур. ṣen-ġiṣ (← ṣen-ġiṣ) в основе грузинского глагола ṣen-e-ba 'расти' (← 'подниматься' о солнце); б) в ряду

2. По морфологии. На морфологической стороне еще менее мы имеем основания останавливаться, поскольку в подборе примеров для настоящей работы семантическая часть, так наз. чистая основа, собственно само слово, первично лингвистический элемент, легко выделяется, а семантика морфологических частей будет обсуждаться в особых статьях этой же серии. Но необходимо здесь же оговориться о признаках классовых, ставших родовыми и так и называемых в грамматиках, построенных на основе мировоззрения прометеидов и господствующим и у нас учением о прометеидских языках, индоевропейстикой, безоговорочно утвержденными, да еще утверждаемыми с предполагаемым «углублением» там, где нет никакой почвы для углубления. Необходимо звать, что, как то установлено теперь палеонтологией речи, во-первых, первоначально принадлежность слов к тому или иному роду, гесп. классу (см. ниже, стр. 267, прим.), вовсе не обозначалась каким-либо придатком, суффиксом или префиксом, ибо слово-понятие само по себе определялось социально по обозначаемому предмету, какого оно класса. Закончим свою мысль по этому пункту одним вопросом: нет в словах этих ни суффиксов, ни префиксов, как признаков классовости, но сразу ли классовый признак реализовался придачею внешней характеристики, не было ли раньше внутреннего выражения тех же классовых признаков путем перегиб-совки? Например, когда в грузинском языке вместо ожидаемой для его системы звуковой нормы с аканием мы получаем огласовку «е» в слове *qel* || *qel* 'рука', как в греческом *χεῖρ* (*χερ-ός*), да в армянском с одной стороны сибилантизм его двойнике *ḡeg-əp*, с другой — спирантном деривате от 'руки' отвлеченного порядка, тоже надстройки над ручным производством наравне с тотемом и с ним сопряченного понятия — 'ум' — *qel-q*, не есть ли эта перегиб-совка, во-первых, внутреннее оформление, классовый признак, и в то же время не указывает ли этот классовый признак не только на социальную формацию соответственного коллектива, но и на общественную, а не физическую природу тотема, поскольку слово *qel* само по себе без всякого изменения у грузин означает 'безумный', представляя собою в нашем восприятии 'одержимого бесом', собственно 'безумие', и являя на деле, в противоположении его же значению 'ум', единство противоположностей, о чем уже в соответственном комментарии (стр. 279).

Во-вторых, сигнализация класса происходила первично, когда она возникла, с переносом из ручной речи в звуковую, производилась особыми служебными, словами, указывавшими класс не самого слова, как имманентную его особенность, а той социальной группировки, к которой принадлежал обозначаемый им, словом-понятием, предмет: при космическом мировоззрении указание на принадлежность к одному из двух или трех космических подразделений, надстроено 'небу¹' = 'солнцу', 'небу²' = 'земле', 'небу³' = 'преисподнему океану', 'морю', чего мате-

дериватов 'моря' вместе со значением 'тьнь', 'мрак' — груз. *ten* 'жидкость', 'сырость' и 'море' в составе тур. *ten-giz* → *deniz* и в) не последнее значение по противоположности 'воды-жидкости' 'небу-тверди' выступает хорошо известное по топонимике в названиях рек (*Don*, *Dni-au* и т. д. см. ниже, стр. 283) скифо-колхское, ныне мегрело-чанское социальное оформление губной огласовкою («о» и «и»), в значении 'воды' (откуда и овское *don* 'вода', 'река'), пережившее в более древней глухой разновидности, тождественной в основе, глагола 'опускаться в воду', у чанов *o-toa-p* 'погружать в воду', 'промокать' и у русских «тон-у-ть» (см. Н. Я. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 53) [ИР, т. V, стр. 257].

риальной базой являлись производственные отношения человеческого коллектива, как социально-экономического образования; именно такие социальные группировки, как группа, если мы почему-либо не хотим ее именовать классом, сначала творящих или активных — это производители коллектива и нераздельно с ними орудия производства, магически воспринимавшиеся как производители, действенные и пассивные силы, вовлекавшиеся в производство достигнутой стадии развития, не только материя, силы природы, безразлично были ли, вернее — являются ли они, эти силы, на следующих ступенях стадийного развития в осознании одушевленными или неодушевленными. Это были рабочие силы соответственной группировки данного коллектива, при двух классовых признаках, как, например, в семитических языках (да отчасти пережиточно в языках протейдской системы, например, из романских во французском языке, куда классовые, гесп. родовые, признаки не проникли массово далее члена).¹ А три классовые признака отвечают трем производственно-социальным группировкам в восприятии первобытного мышления: а) творящего человеческого актива, разлученного с орудием производства, б) рабочей силе коллектива, все еще пассивной социально, хотя и разлученной с используемыми в производстве силами природы, животными и не животными, в) в совокупности и орудия, не разлученные еще с производством, и используемые в производстве животные, равно сырье и продукт. Дальность и близость появляются как привходящий элемент в этом построении классовых признаков, но в пространственных, весьма отвлеченных указаниях до выработки индивидуалистического мышления, весьма позднего, так же мало элемента генетического порядка, как в делении предметов на одушевленные или неодушевленные или на мужской и женский род, не говоря о многократно нами опорачивавшемся (думаю, не без основания) «среднем» роде. И этот род вовсе не возникал по половому признаку и тогда, когда туда попадает 'дитя', поскольку 'дитя' это было двойником 'солнца-женщины', 'девушкой', и лишь с родового строя, патриархального, при фаллическом культе — 'отрок'.

Деление предметов на одушевленные и неодушевленные — позднейшее явление, связанное как своею универсальностью для стадии важный анимизм с появлением понятия-слова 'дух', гесп. 'душа', что относится к более поздней стадии, послеродовой, с чем только и вносится окончательное перевосприятие классовых признаков, как родовых. Архаичная характеристика трех родов — мужск. -и ~ -i, женск. -е, средн. -о (множ. ч. -а); состав позднейшего образования — женск. р. -ка ↘ (h)a, ѓа при мужском «ъ» (-ə) ↙ -о (мн. число -ta), прихваченными из среднего, и «ъ» ↙ е ↔ i.

При этом родовые признаки, выработались ли они из классовых, сами по себе новообразования, в русском уже слиты в положении суффиксов с основами-элементами. И между тем как архаичный показатель женского рода «е» часто не получал своей новой функции женского рода или ее утратил, как следовало быть женск. р. подобно синониму «лошадь» (род. множ. «лошадей» ← лoш-а+d-е), в частности, в нашем тотемном слове «конь» (← kоn-е), которое, придачей муж-

¹ Есть, оказывается, такие мои «ученые» читатели, которых «критику» надо, мол, предупредить пояснением, что «классовый», «родовой» член — грамматические термины.

ского окончания «-а» в родит., вин. к основе «е» ($\leftrightarrow 1 \searrow u: e-a \rightarrow ua$), выявляет себя в среде слов мужского рода,¹ показатель же позднейшего образования -а, раньше -ка (так в слове «ру-ка»), дает пищу для разъяснения другого явления, именно того, что тот же признак служит одновременно характеристикой уменьшительных и ласкательных слов. Отводя временно ласкательный момент к бытовому восприятию ласк женщины-матери, поскольку женский род позднейшего образования и разъясняется в своем признаке -ка (в усечении -k), -ša (в усечении -š), как пережиток слова 'женщина', который присоединяется или к простой основе непосредственно (женского рода ru-ka и уменьшительно ruš-ka) или к основе, возвращенной архаичным признаком женского рода $e \leftrightarrow 1$, переведенным в мужской род (женск. р. «цар-и+ца», уменьш. «част-и+ца»), а то и прямо признаком мужского рода -k, наростим на характер среднего рода -о (мн. ч. -ta), «ребенок» на яфетической почве подлежит еще дальнейшему анализу, ибо остающаяся часть подлежит расчленению на основу ge-be и уменьшительное окончание $on \leftrightarrow up$ (ge+be-on, ср. груз. уменьш. -up в kaš+up-i-a) с двумя окончаниями среднего рода во множ. числе -a+ta: rebyata ($\leftarrow$ ge+be-a+ta).²

Это обслуживание двух категорий, женского рода и уменьшительной формы, одним и тем же окончанием, казалось бы, имеющее генетическую связь с природными данными (малый возраст, женский пол предмета, обозначаемого тем или иным из названных терминов), имеет, однако, совершенно иное происхождение, заходящее в глубь времен за стадию с родовым строем, что особо наглядно прослеживается на слове «лошадь», уменьшительная форма также «лошаденка» (loш-a+d-e-on-ka). По отвлечении разъясненных суффиксов, нанизанных друг за другом за основой, как редко бывает и в ярко типовом представителе агглютинативного строя (начиная с конца, -ка суффикс женского рода, -on суффикс среднего рода, и суффикс уменьшительных слов), мы получаем скрещенную основу «лош-а+дъ» ($\leftarrow$ гош-a+t'e', ср. т. a+t 'лошадь') женского рода, успевшую за свою жизнь пройти перестройки двух мировоззрений, именно женского рода (ибо «лошадь» женского рода) в средний-уменьш. (-on: loшady+on-) и среднего-уменьш. на женский -ка; это понятно, поскольку потомок, дочь ли это или сын, переведен был сначала в категорию женского рода (матриархат), впоследствии — среднего рода reby-on (из gebe-on), разъясненный нами как уже само собой уменьшительная форма, и, наконец, оформлен уже при патриархате как женское образование по суффиксу — -ка. Суффикс on также может

¹ О смене функций родовых признаков, да и о подвернувшемся примере из русского языка «ребенок» см. Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 96 [ИР, т. V, стр. 512].

² Мы теперь можем с особой настойчивостью указывать на то, что «ребенок» 'мальчик', наличный в составе «жеребенок», восходит к двухэлементному ge + be, не потому, что усеченный его вид налицо в основе опять-таки русского «же-ре+б-е+ц», но клинописный текст мидского языка (второй категории ахеменидских надписей) сохранил нам разновидность ge-be с своей (a — a) перегласовкой la-ra'G', хотя бы губной (u — a по J. Oppert), как в слове «рука», это lu-ba 'раб', 'подданный' (ср. русск. «ра-бъ», «ра-ба»), первично опять-таки 'отрок' и т. д. Однако lu- по своей огласовке относится к скифо-колхскому образованию в письменности, представленной халдскими надписями Вана, где lu значит еще 'девушку' в составе термина lu-ti 'женщина'. Таким образом, у русских с мидами не одна 'собака' обща, независимо от геродотовского показания и вообще от языков «индоевропейской семьи» (см. подробнее об этом в работе «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык» [ИР, т. V, стр. 518—528]).

быть истолкован как признак женского рода, оказавший эквивалент акающего -an («an») в бретонской речи (об этом еще ниже), да и остаток, простая, как-будто, основа «лошадь», в архетипе на яфетической почве loш-a+d-e, скрещенном образовании из двух слов, одноэлементного (D) — loш (← goш) и двухэлементного (AC) -a+de[n], дает основание для толкования, независимо от архаичного показателя женского рода «-е», в своем оставшемся суффиксе d, пережитке de ← den, и как уменьшительная форма, и как форма женского рода, так как всякая форма женского рода вскрывает не половую или возрастную природу, а социальную всего коллектива женского класса, в противоположении же отдельного индивидуума коллективу, т. е. опять-таки единство количественно-качественных противоположностей целого и части.¹ В единстве же противоположностей, противоположении части целому выработано было представление об 'единице', вообще 'единичности', что нашло впоследствии и формальное его выявление с помощью элемента C, с аканием den, в усечении de, при полисемантизме социально в матриархальной общественности означавшем и 'женщину' (греч. ἡ παρ-θένος), и 'единицу' (груз. o-den ↔ русск. «о-дин»). Если бы мы вздумали остановиться на этом происхождении, формально безукоризненно аргументируемом, мы бы отвернулись от стадиальности, ибо 'лошадь' в своей социальной среде также была тотемом: она, следовательно, также пережила, как тотем, астрально-космическую спецификацию, т. е. означала 'солнце', следовательно, означала 'дитя неба', как и мог восприниматься de ← de (← den ← den), последняя часть скрещенного образования a+de «лош-a+дь», а источник перевода слова в женский род это от матриархального социального строя.

Также суффикс -k (русск. «-к», «-кь»), воспринимаемый за признак мужского рода, на самом деле есть выразитель единичности (сравнительно с целым коллективом он же показатель уменьшительности), так, например, в слове «зачат-о-к», «чел-о-ве-к». Не отвлекаясь в далекие районы стратификации, мы здесь же можем констатировать, что выясненное уже единство русских, хотя бы одной отнюдь не простой группировки в их социально-экономическом образовании, пусть прарусских или дорусских по языковым элементам-показателям (C, AB, AC), конкретно рошской (D), сар-матской (AB), ал-анской (AC), с абхазами в обозначении такого первичного хозяйственного термина, как 'собака' — абх. a-là 'собака', русск. «лаять» (← laу-a-te),² и такого древнекультового члена тела, как 'нога' — шар, resp. *sar (абх. а-шар 'нога', русск. по тотемической семантике «сапог» — sa-p-o-g-),³ не могло остаться без чреватости последствиями и для таких первичных морфологических образований, как имя единичности. И, действительно, «-к», как показатель единства, целиком покрывается абхазской формой единичности -к. В то же время как у абхазов а-ша+r 'нога'

¹ О целом, однако, существовании a+d с восприятием -e как особой морфологической части, как разновидности уже 'лошади', у турок at, успевшей также сменить 'собаку', см. Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 83 [ИР, т. V, стр. 503].

² Н. Я. Марр, Карфаген и Рим, faz и jus, СГАИМК, т. II, стр. 393; его же, Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по обследованию мариев, стр. 23 [ИР, т. V, стр. 455].

³ Н. Я. Марр, Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык, изд. Восточного института, стр. 19—27.

в составных словах появляется одноэлементно в виде ша, так это именно слово, в этой тождественной с абхазским форме, появляется в русск. «ша-г-ть», несомненно, деривате 'ноги'; причем подлежит еще решению, имеем ли в русском слове скрещенное образование из элементов АС, и в таком случае архетип ша-g (ср. глагол «ша-гн-у-ть»), или оно — форма единичности на -g ($\rightarrow$ k).¹

И вот, если взять откапываемую в первичной части сугубо-трегубо скрещенного образования также составную основу ге-бе, означавшую также 'дитя', и как последнее также термин, означающий предмет пассивно-трудящейся категории, потому лишь русской огласовкой дифференцированный двойник слова «ра-б» ($\surd$ га-во, см. стр. 268, ср. семант. греч. παι; 'дитя', и 'мальчик', 'девочка', но также и 'раб'), то в то же время га-во || ге-бе, как и «ди-тя», космически 'небо'; из них ге-бе лишь диалектическая разновидность самого слова пе-во, на той стадии полисемантизма, когда целое и его противоположность (часть) сигнализировались одним словом, воспринимавшимся при двухэлементности как скрещенное образование, т. е. и пе- 'небо' и -во 'небо'. На одной же из последующих стадий с производством более развитой техники и с вторжением представлений родового строя на крови в производственные отношения, когда потребности уточненного обозначения каждого предмета, моносемантизма, находили уже средства для удовлетворения в переносе в надстроечную категорию (язык) реальных взаимоотношений родового социального строя, то же самое «небо», как и ге-бе 'дитя', равно само слово d₁+t-ya ($\leftrightarrow$ de^гy¹t, мв. ч. «дѣ-ти», архетип d₁-ten $\leftrightarrow$ de^гy¹-ten), воспринималось космически как 'солнце', буквально 'дитя (во) неба (пе-)' или уменьшительно — 'небес+ен-о+к'. И уже от слова 'солнце' дериватно проистекают, точнее само понятие-слово 'солнце' используется в смысле о-ко-шко 'окно', «ко-шка» рядом с образованием ко-т, при обосновании таких семантических скачков, как то разъясняется ниже (стр. 288), формально же представляющих уменьшительные формы на -шко — -шка, буквально опять-таки 'дитя неба'.

II. Мышление и язык. Исследования Келера «показали ту — с точки зрения дарвинизма — несомненную истину, что зачатки интеллекта, зачатки разумной деятельности человека заложены уже в животном мире».² Однако, «в последнее время, как справедливо указывает В. А. Вагнер, идея о происхождении человека от антропоморфных обезьян вызывает сомнения. Есть основания предполагать, что его предком была какая-то исчезнувшая форма животных, от которой по прямому эволюционному пути развился человек».³ Наконец, Клоач говорит, что «антропоморфные обезьяны представляют тупики в сторону от основного русла, которым двигалась прогрессивная эволюция».⁴ Было бы, таким образом, величайшей ошибкой рассматривать человекоподобную обезьяну как

¹ О разновидностях этого k в абхазском со значением 'один' см. Н. Марр, Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания, ЗВО, т. XXII, стр. 57, § 24.

² Л. С. Выготский во вступительной статье к русскому переводу труда Келера «Исследование интеллекта человекоподобных обезьян», изд. Коммунистической академии, Москва, 1930, стр. IV.

³ Ук. м.

⁴ Ук. с., стр. V.

нашего прямого родоначальника и ожидать, что мы найдем у нее зачатки всех форм поведения, которые свойственны человеку. Наш общий родоначальник с человекоподобной обезьяной, по всей вероятности, исчез и, как правильно указывает Клоач, человекоподобная обезьяна является лишь боковым ответвлением этого первоначального вида.

Вопрос, что раньше — мышление или язык, теперь ставится совершенно в иной плоскости. Яфетидология взорвала все основания для продолжения нерешенного вопроса об очеловечении животных звуков социально для создания языка, вдвинув между звуковой речью и животным состоянием линейную речь. Яфетидология отошла и от позиции, когда можно было довольствоваться требованием признать существование «дологического» мышления. Факты из языка так же аннулируют достаточность отрицательного термина «дологический», как история материальной культуры упраздняет (должна бы упразднить) осмысленность термина «доистория».

Палеонтологический анализ звуковой речи с учетом всех стадийальных отложений, в том числе и господства линейной, особенно ручной, уже разговорной речи за период длительности почти полтора миллиона лет, дает основание для установки следующих положений по вопросу о мышлении.

Прежде всего не только язык не начинается с звуковой речи, но ни звуковая речь, ни предшествовавшая ей ручная, тем более вообще линейная, в частности графическая, не была с возникновения разговорной, она была вначале производственной. То же самое приходится утверждать о цветах-красках. Подбор первых слов даже звуковой речи, даже сам звуковой язык многие сотни веков, если не тысячелетия, имел функцию орудия производства согласно мировоззрению людей тех эпох, и в отличие от орудий из природного материала мы словесное, линейное или звуковое орудие (не спорю, на наш взгляд, весьма сомнительное) и вынуждены были назвать магиею. Магия не религия, не мистика. Ни религии, ни мистики в те эпохи еще не было.

Во-вторых, язык — создание коллектива в производстве. Нет ни одного слова, ни одной формы, ни одного звука, ни одного лингвистического явления, не прошедшего через осознание, созданное и нормировавшееся коллективным, впоследствии массовым производством.

Мышление и язык неразлучны, но язык вначале не звуковой, позднейший, а первичный — ливейный, ручной, он же кинетический. Мышление и язык, ручной язык, следовательно, человечески-общественный, когда возникли, то возникли совместно, а когда их не было, то не было человека, но и тогда они, мышление и язык, были вместе в «производстве» животного, животно-коллективном «производстве» по диалектике природы. А когда не было коллективного, т. е. первично ручного производства, то не было ни того мышления, ни того языка, о котором мы говорили, ибо дотоле это было природно-производственное мышление, природно-производственный язык. Это — мышление без осознания.

Для основной темы нашей настоящей работы в отношении мышления по его связи с языком приходится учитывать положение, что история и мышления и языка начинается и развивается медленным, бесконечно медленным темпом.

сравнительно с материальной культурой за весь палеолит: тысячелетия, десятки, сотни тысячелетий протекали точно в поисках специального орудия речевого производства и техники. Орудия производства на начальных этапах у мышления и языка были общие с производством, и до выработки из них специального инструмента для языка, до разлучения их с орудиями самого материального производства, не могло быть никакой самостоятельной речи: не было отрешенного мышления, не было языка вне производства.

Язык располагал лишь двумя орудиями производства: ручная речь — рукой, зрительно линейными символами; звуковая речь — не языком лишь, а работой сложного аппарата производимыми звуковыми, технически также двигательными, но незримыми, символами, четырьмя лингвистическими элементами.

Первым своим орудием производства, 'рукой', язык мог располагать для полусамостоятельного использования без расщепления представления и понятия, следовательно, с зачатками сознательного мышления эпохи, когда производство создало себе искусственное орудие, специально оформленное для классово-четко определенной трудовой функции и далее значительно его развило.

III. 1. *Тотем, космическое мировоззрение. Астральное.* Не с мыслью установить последовательность стадий мы отводим в толковании элемента С (kop → gon) и т. д. мировоззрению с астральным представлением тотема первое место, непосредственно после формальных языковых явлений и связанного с языком мышления. Казалось бы, следовало начать с первого орудия и производства и речи — 'руки'. Творческая роль руки в построении космического мировоззрения вне сомнения, но тогда эта производительная сила, типологически как часть человеческого строения не осознанная, она еще часть идеологического построения — мировоззрения, на космической стадии — космического. Таким образом непосредственная связь астральных терминов с анатомическими, но в последовательности от космического к микрокосмическому, не может подлежать сомнению, хотя бы потому, что технологическое восприятие орудий производства и явлений социального или умственного порядка, связанное с 'рукой', в языко-творческом процессе вообще, в построении слов в частности, есть позднейшее дело. Иной вопрос касается трактовки космических явлений, в частности астрального мира, тотемически. Во всяком случае «конь» (← o+kop-e) 'лошадь', герср. «око» (← *o-kop) 'глаз' и «огонь» (← ogon-e), восходящие все одинаково по палеонтологии речи на различных основаниях в конце концов к 'солнцу', действительно, его и означали. Именно этим обстоятельством и объясняется, что интересующий нас элемент С этого скрещенного термина в чувашском kop ↔ kup означает 'день', как у турок его озвонченный вид gun, герср. gün (диал. и qün), наличный в составе и баскского скрещенного образования e-gun, не говоря о наличной его перебойной разновидности ek1 → eq1 (← *e-kin) 'солнце'.¹ Тут мы ограничимся только тем, что и звуковые трансформации, перебой гласного «о», герср. «и» в «и», астрально-тотемное 'солнце' → 'день' выявляет те же, что свойственны животной спецификации того же тотема в образе 'коня-лошадь',

¹ Н. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 53 [ИР, т. V, стр. 257, 261].

геср. сменной им 'собаки' *hun-d*, т. е. даже фонетика идет в колее непрерывной связи с процессом развития истории материальной культуры. Ведь само слово *kop* когда-то означало 'собака' до смены ее в хозяйстве 'лошадью', и пережиток этого налицо в русском в скрещенной основе *kop+ug-a* || *kap+ug-a*, первично 'собачье помещение'.¹

Однако под этим подразделом рубрики о «тотеме и языке», где речь о тотемическом мировоззрении, подлежат обсуждению для мотивированного обоснования увязок слов-понятий, так наз. родства и происхождения их, в первую очередь этнографические материалы и литературные источники по производственному и религиозному культурам (надо различать эти два культа) о 'коне-лошади' и 'коне-собаке'. Для этого являются абсолютно неизведанным кладезем и русские памятники древней письменности, тем более живая старина, не говоря о других странах, где, кроме того, например, на Кавказе, известны и археологические памятники, являющиеся воплощением культа лошади. Но этого мало. Необходима свободная идеологическая проработка самих вещевых памятников с учетом сигнализации языка по яфетической теории, и это, думаю, дело историков материальной культуры.

2. *Тотемически-социальный строй.* Элемент С в оформлении *kop* ↔ *kup* представляет исключительный интерес для увязки столь существенного термина феодального строя Руси, как «князь» с тотемическим термином. Еще в трактовке «Происхождения 'книги' и 'письма' в освещении яфетической теории»² было достаточно ясно установлено, что технологический подход к толкованию этих терминов позднейшее явление, и, как разрешение генетического вопроса, он не выдерживает никакой критики. Оба термина одинаково восходят к тотему, звуковым выражением которого являлся тот или другой из четырех лингвистических элементов, одновременно название самоопределяющегося по тотему коллектива, объединенного трудовым процессом и построенного общественно по соответственным производственным отношениям. Это было, конечно, также не племенное³ и не родовое, как и не семейное название, хотя и перешедшее впоследствии не только на племя, но и на нацию. И тогда элемент С был вскрыт в основе самого русского слова *kni-ga*, как имени-тотема, и с акающей огласовкой, лежащей в основе арабского глагола *kanī* ← *kanū* 'наименовал',⁴ и в составном имени двухэлементном, как и смущавшее нас раньше, ныне разобранный уже нами палеонтологически ч. е-*kna* (← *he-kan) 'дверь',⁵ астрально-космически — 'небо' → 'солнце', но в сибилантной разновидности *se+q̄n-a* 'тезка', геср. *se-q̄n+a* 'тезка', буквально 'дитя (-a||-1+a) тотема *kan, геср. *kun*', собственно соответственного коллектива. С интересующей нас сейчас губной огласовкой *kun-*, помимо арабского *kunū-aḏ*^{un} 'прозвище', выявлены были двойники русского *kən+1-ga*, асс.

¹ Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 83 [ИР, т. V, стр. 503].

² В серии «Книга о книге», изд. Института книговедения, Л., 1928, I, стр. 45—82 [ИР, т. III, стр. 219—245].

³ Посему выявление в таких случаях и у меня наименования «племенное» есть пережиточная неувязка.

⁴ Н. Я. Марр, Происхождение терминов 'книга' и 'письмо', стр. 73 [ИР, т. III, стр. 239].

⁵ См. ниже, стр. 281.

kip+u-ku и арм. kəp+u-ḡ, оба одинаково означающие 'печать'.¹ И, разумеется, в линии развития социальных терминов за тем же тотемом было отвоевано место в русских наименованиях «князь» и «княгиня», означающих первое 'тотем-мужчина' (-y+a-z),² второе — 'тотем-женщина' (y+a-gin).³ То, что такое же использование того же термина мы имеем у северных народов Европы, отнюдь не решает вопроса о происхождении. Да и распространение его мы имеем с окаянием в Пиренеях, а с аканием, да социальной дифференциацией от матриархального и патриархального строя у хазар (а у русских? Ведь здесь нашего (русского) «кагана» называют русские в надписи XI в.), а сидит он более коренным образом в быту, казалось, у турок, у которых во второй части из двух фонетически дифференцированных разновидностей одного и того же элемента С сибилантный вид с губной огласовкой дает qa-ḡin 'княгиню', а спирантный вид с аканием ka-gan 'князь'. В отношении двух последних разновидностей с их значениями мир не сходится клином на турецком и его формалистически установленной родне (монгольской, угрофинской, чувашской), что заставляет смотреть на хозяев этой речи как на выходцев из глубинной Азии.

С расовой же точки зрения, органически присущей формальному учению, это значит, что они «чуждые» на территории «подлинно цивилизованных наций» элементы, они правомочны считаться своими разве в восточной Европе. Обсуждаемые термины в осмыслениях более ранних стадий увязываются и с охотой и с другими первичными видами производства, равно формами социальной структуры, с древнейшей идеологиею, начиная с мифологического мышления задолго до прометеидов не только юга, но и противоположной Кавказу и Малой Азии европейской окраины у Атлантики, а также глубинной Европы; как скифский тотем, термин у германцев и яфетидов Закавказья представляет разновидности с губной огласовкой: у грузин ḡu-ḡa || гот. gūf, нем. gott и т. д.⁴ в значении уже 'бога', отвлеченного, прошедшего длинный ряд метаморфоз от фетишей до антропоморфизации через культ предков, увязанных с 'тенями-образами' загробного мира, и культ 'трупа', впоследствии 'тела' и 'души', сменившей на этом этапе 'руку'. Уже с 'телом', 'плотью' по *отприроднению* идеологического и технического восприятия, тому же слову было усвоено значение 'мяса' у грузин qog-ḡ || арм. *og-s, нар. wog-s, *og-s 'дичь', 'охота', равно -qo-ta в составе русского «о-хо-та», как за дичью, при позднейшем материальном, в частности физиологическом восприятии стремление к предмету потребления со внесением чувственного фактора, «охота» же — 'позыв', 'желание', вообще отвлеченно впоследствии, раньше конкретно и разно в зависимости от осмысления техники производства — 'жаждать' от 'воды', 'голодать' от 'мяса', гесп. иной смены 'еды'. А в связи с тотемным значением ḡu-ḡa (← *ḡug-ḡa, ср. св. ḡög-ḡa 'бог' в род. падеже, qo-ḡa 'хороший' — название всего коллектива, племенное название м. qog-ḡu и каждого члена коллектива чанск., мегр. [go-ḡ ←] ko-ḡ 'человек'

¹ Н. Я. Марр, Происхождение терминов 'книга' и 'письмо', стр. 73 [ИР, т. III, стр. 239].

² Ср. удм. s, в именах действия.

³ Ср. арм. kip, греч. γυνή.

⁴ Н. Я. Марр, Готское слово gisha 'муж'. К увязке готов с яфетическими народами Кавказа, ИАН, 1930, стр. 453—454.

(← ‘муж’, ср. груз. qwad ‘самец’ ← qo-d по И. А. Кипшидзе, если в нем не трехэлементное образование q-wa+d ← ε-wa+d ‘шулятные яйца’, груз. k-ver id. и va-j ‘отрок’, св. ġ-wa+j), палеонтологически раньше ‘женщина’, др.-русск. «хоть» (← qo-te) ‘жена’, ‘наложница’. Отсюда и qo-d, основа глагола мегр. qo+d-u-a, ныне физиологически воспринимаемый половой акт, чанск. наст. времени b-qo+d-u-e при палеонтологически вскрытом первичном значении — ‘вступление в тотемическую организацию матерей-девушечниц’ (по позднейшим представлениям ‘дом’, ‘приют’, ‘хозяйственное сооружение’, ‘двор’, ср. русск. «у-хо-ж-и» ‘все домашние, хозяйственные строения опричь жилого дома’) с общественно-культурной функцией детопроизводства (ср. франц. faire la soug, русск. «у-ха-ж-ив-ать») при более позднем технологическом восприятии все еще как общественного явления, но по установлению за qo-d значения ‘мужа’, ‘мужчины’, ‘самца’ — ‘насилование *мужчиной*’ (ср. русск. «у-хо-д-ить» в смысле ‘насилловать’, ‘одолеть’) или ‘приобщение к *мужскому* началу’ (ср. в мире пернатых груз. damaml-a от mamal ‘петух’). В свою очередь акающий вид того же термина ġu-ḡa ‘бог’ означает ряд, опять-таки сближающий грузин и кавказскую родню с германцами: груз. ga-ḡ ‘дохристианское божество грузин’, qa-t ‘святыня’, ‘образ’, ka-ḡ ‘человек’, груз. qar-t ↘ арм. har-t ‘наложница’ и др., абх. a-qa+ḡ ‘муж’, ‘мужчина’ (во мн. числе обычно одноэлементно, qa ↘ qal: a-qa-ḡa, как в грузинском, но здесь лишь в значении ‘женщины’, с сохранением плавного исхода — qal ↘ qa в обращении, resp. qar в qar+a-biḡa ‘гермафродит’,¹ нем. Gatte ‘муж’, ‘супруг’, die Gatten ‘муж и жена’, ‘супруги’), с уменьшительным женским показателем -in — Gatt-in ‘супруга’, ‘жена’. В эту даль глоттогонического процесса, захватывающего с собою германо-русский материал, ведет и ka-gan, поскольку с ним увязывается также тотемного происхождения грузинское личное имя Ка-qa, оно же социальный термин в составе ka-qa-ber ‘по-кагански старшой’ или ‘каган-старейшина’ (ср. qev-is-ber ‘глава’, ‘старшина ущелья’); ka-qa (↘ ka[r]-gan) в свою очередь — лишь спирантная разновидность общеизвестного tar-qaḡ, с грузинским двойником опять-таки с функцией личного имени ḡar-qon (ср. ḡar+qu-d), что в свою очередь уже увязано с мифическим армянским героем Тог-q и хеттским божеством Tar-ḡu → Tar-ḡu, митанским Tar-ḡu¹ n¹ в составе митанских личных имен.²

Однако ka-gan у армян да сирийцев-арамеев в форме qahan-au (сир. qahnā), использованное как христианский культовый термин, естественно приводил к библейской терминологии с евр. koḡan ‘священник’, собственно по более детальному филологическому исследованию ‘божий оракул’, толкование достаточное, чтобы хазар путали с евреями, но не достаточное, чтобы выйти из исторического туника хазаро-русского (если угодно — скифо-чано-мегрело-грузино-абхазо-зыряно-гото-руско-хазаро-чуваши-турецкого, если отбросить пока более терри-

¹ Н. Я. Марр, Готское слово guta ‘муж’, стр. 447.

² И. А. Джавахов, К вопросу о времени построения грузинского храма в Атене по вновь обследованным эпиграфическим памятникам, ХВ, т. I, стр. 295—296; его же (на грузинском языке), История Грузии, т. II, стр. 376; Н. Я. Марр, Нарцательное значение термина qera в ‘митанских’ женских именах, ИАН, 1920, стр. 121—127.

торияльно дальние митано-хеттские и баскские связи), из лингвистического тупика, упершегося в два непримиримых для господствующего мышления источника, еврейский и турецкий. Между тем *ka-gan*, как, впрочем, и *qa-din*, не только по совокупности получают свое палеонтологическое разъяснение, как социальный термин, восходящий к тотемному (прежде всего по функции — к шаману), но и составные члены этого термина-композиата соответственно разъясняются, выявляя и возрастное, и вообще времяопределяющее значение. Стратификация того же термина выходит за пределы и семитического, и турецкого порочных кругов, и от языковой подосновы яфетической системы, надстройки соответственных тотемических социальных образований, дает подвести мину под лат. *senex*, *senātus* и поставить вопрос: признать ли в них *equites* или 'конницу'? Не разъяснить ли собрание почтенных сенаторов как собрание конских тотемных шаманов или далее всадников, вождей общественного руководства со времени Ромула и Рема? Ибо совершенно не случайны встречи терминов социальной структуры не только с возрастным термином, но и тотемными животными. В этом отношении при материале для смен в дородовые еще эпохи более, чем при связи *senātus* с *senex*, воспринимаемым нами в значении 'старца', 'старейшины', как армянский *hin* ($\leftrightarrow$ *hen*), спирантный двойник его первой части *sen* ($\leftrightarrow$ *sin*), для подлинного первобытника существенный интерес представляет встреча, отнюдь не случайная, лат. *equites* 'всадники' с *se+qu-ere*, *se+cu-tus* 'следовать', 'двигаться', где в семантическом архетипе *se-kun выглядит действительно «прокез»: 'лошадь'. Отнюдь не случайны ни встреча *hin* 'древний' с *heun-q* ($\leftarrow$ *hen+^o/_i-q*) 'конница', ни встреча его сибилантного двойника *sen-e*, варианта *zag* 'собака' в женском имени святой Сенедухты (*Sen+e-duqt* || *San-duqt*, равно *Sag-duqt*), в связи с чем с учетом при этой тотемической общности еще яфетического мира должен быть пересмотрен наш анализ Сены, названия реки Галлии — *Seine* || *Sequana*.¹

IV. *О дериватах по стадиям.* Базируясь в идеологической увязке на учете в первую голову элементов, сюда в яфетидологический анализ должны были мы внести если не отрешенную от материальной базы, то все-таки по обсуждаемому материалу, речевому, чисто лингвистическую трактовку дериватов различного порядка, как-то производственных, социальных, родовых, цветных (красочных), образных и т. п. В известной мере такое распределение материала по установленным впервые в настоящей работе рубрикам хорошо предвидится, кое-что и вносится в таблицу, часть которой представлена ниже, но цвета (краски) во всяком случае не могут быть трактованы на первых этапах ни с художественной точки зрения в смысле их появления для красоты, ни с натуралистического восприятия, как цвета того или иного космического тела или явления, как мы то воспринимаем. Такова же яфетидологическая установка и в отношении образных дериватов, поскольку лексический материал не относится к тому кругу предметов или явлений, наличие которых включается в эпохи первобытной жизни с тотемическим мировоззрением. 'Пояс' или 'круг' по 'небу', герср. 'солнцу', также не

¹ N. Marr, *La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pélasges*, Петр., 1922 [Русск. перевод см. ИР, т. I, стр. 200—220].

простое геометрическое ('круг') или хозяйственное по материальной культуре ('пояс') творчество. В них как в красках — творческая сила, присущая тотему, выявление его качества, символ, требующий идеологического расшифрования социального порядка.

При учете красочной изобразительности, как показательницы сродства, первым делом перед нами встает в значении 'цвета', 'краски', как деривата 'солнца', звонкий вид (gop ↔ gun) названия также увязанной с 'солнцем' 'лошади' («конь ← kope), в эпентезисе у армян звучащий в древнелитературном произношении goyn (←gop-e), в народном — guyn (gun-i). Значит, у армян goyn ↔ guyn еще 'образ', 'вид', как в новоперсидском, пехлеви и авестийском (в последнем с разложением губного гласного o ↔ u в «oa», как в кельтском), да еще то, чего ни у кого кроме армян не находим по соседящему окружению, именно goyn ↔ gnyu служит в роли суффикса, собственно второй части составного слова для образования сравнительной, гесп. превосходной степени, и, разумеется, семантически все эти значения вовсе не одного слова, как то выходит по тождественности звучания, ибо:

1. Даже три значения 'цвет', 'образ' || 'вид', гесп. 'род', общие у армянского с грузинским (как то наблюдаем у грузин в их массовой, так наз. народной речи со словом фег-1, также обозначающим 'цвет', 'образ', 'вид', гесп. 'род'), вовсе не одного происхождения семантически. Если 'цвет' бесспорно восходит как 'красный', 'краска', к 'солнцу' (сюда же и груз. gun со сванским разложением губного u в w1 — gw1n 'желтуха', 'бледность', 'болезнь'), к нему же может восходить и 'образ' в значении 'вида', 'явления', 'знамения', астрального тотема, да вообще — тотема, какой бы спецификации он ни был, то же самое понятие 'образ' в значении 'образа-способа' восходит к 'руке', а в значении 'образа-рода' восходит к 'роду', 'порождению', 'дитяти'. Хотя далее по палеонтологии речи в звуковом языке 'рука' (техника)+ 'род', гесп. 'женщина' (соц.)+ 'вода', гесп. 'небо'³ (космически-стихийно), равно 'небо'¹, т. е. верхнее, следовательно, и 'солнце' представляют единый семантический пучок, однако слова эти вовсе не порождения одного времени: в нем собрана нами на прежнем исследовательском этапе, без осознания этого, полистадиальная значимость, и в такой позднейшей надстроечной категории, как звуковой язык, последовательность их стадиального происхождения такова: 1) 'образ-вид' от астрально-космической стадии (раньше тотемической), 2) 'образ-род' от социальной по крови родовой стадии и 3) 'образ-способ' микрокосмически от технической стадии. Мы не останавливаемся ни на известных фактах, подтверждающих наши суждения, как не углубляемся палеонтологически в захваченный известным трехчленным семантическим пучком языковой материал, например, 'род', который раньше, чем быть надстройкой производственных отношений, родовых, архаично матриархального строя, был надстройкой производственных отношений не на крови, гесп. тождестве физического происхождения, а на тотемических, в частности, именно на меже с появлением физического рода, на астрально-космических.

2. goyn ↔ guyn с функцией образования сравнительной, гесп. превосходной степени, например, həzawt+a-goyn 'сильнейший', казалось бы, можно также возвести к космическому члену трехзначной семантической формулы, к 'небу'¹,

‘верхнему’, как бы ‘высшему’ сорту. На деле, как уже давно разъяснено, степени сравнения — социального происхождения. Они, надстройка классового, сословного строя, притом слово, служащее теперь для образования высокой степени, сравнительная она или превосходная, выражало первично не ту или иную высшую ступень того понятия, которое выражается прилагательным, с которым он слит, а принадлежность к тому высокому слою, сословие ли это, или класс, который без всякого надбавочного показателя, суффикса или префикса, был господствующим, его название, тотем, — социально расцениваемым как высокая ступень, а суффикс, слово с той же функцией образования степени сравнения, на деле означал принадлежность к соответственному господствующему слою. Так как степени сравнения, как вообще прилагательные, получают оформление после родового строя, — словом, сигнализовавшим принадлежность, служило ‘дитя’, т. е. то же понятие, что вскрыто палеонтологией речи в суффиксе родительного падежа, когда таковой существует. И сейчас мы не будем останавливаться на том, как русское окончание сравнительной степени -ше → -же «боль-ше», «вы-ше», «ни-же» ← «низ-ше», повторяет полностью признак родительного падежа в языках яфетической системы, мертвом клинописном халдском и живых — мегрельском и чанском, и как эта общность получает свое разъяснение в исторически засвидетельствованной смене социально-экономических образований Черноморья, ионского, киммерского и скифского, с переносом их достижений, рядом с материальными и речевых, в русскую общественную среду, не в одну украинскую. Мы лишь попутно укажем, что таково же происхождение с одной стороны «-ский» в прилагательных и фамилиях у русских и «-ко» в украинских фамилиях. Но сейчас довольствуемся обращением внимания на то, что таково происхождение и слова -ko → -go (в полном виде kop), которое служит у басков и для образования родительного определительного, вообще прилагательных, равно с восприятием ‘дитяти’ как ‘подростающего || будущего поколения’ и будущего времени, как в чанском, а в полном виде -kop сохранилось оно в племенных названиях, на том же европейском участке, в частности в романских наименованиях тех же басков — Vaskon, G + was-ko.

Дериваты по образному сходству находятся на грани между символическим и техническим восприятием слов.

V. *Отвлеченные понятия и тотемы.* Опять на грани в разрешении генетической проблемы отвлеченного понятия, как имени ли, или действия от глагола, в таком случае от именной основы ‘рука’ и действительно сугубо надстроечного понятия ‘разум’, ‘рассудок’, ‘мысль’, ‘помышление’, ‘разумение’ и т. д., не только легко связать как результат трудового процесса с ‘рукой’, ‘ощущиванием’, ‘опытом’, ‘материальным знанием’, но у слова kop ↔ gup в грузинском с таким, как увидим, значением имеется двойник gop-e со значением ‘силы’, ‘средства’, что в семантическом архетипе дает ‘руку’. Однако такое материалистическое, совершенно в конце концов правильное восприятие не только слова ‘разум’, ‘понимать’, но, как мы видели, и ‘слышать’, т. е. технологическое построение слова, есть стяжание последующей, весьма поздней, к нам близкой стадии в развитии звуковой речи, ибо сугубо надстроечное народное (у Чубинова правильно «вульгарное») gop ‘ум’,

'разум', 'дух', древнелит. и нар. *gop-e-ba* 'разум', 'рассудок', 'мысль', 'мышление', 'разумение' и т. д. (им же передавали древние грузины 'совесть'), восходит в первую голову к тотему *gop* ($\leftarrow kon$), разумеется, также надстройке родового процесса социальной группировки с соответственным производством и соответственным наречением, также мало генетически «племенным», национальным названием, как «родовым» или «семейным». Вопрос уже иной, какие конкретные перевоплощения в зависимости от коренной смены коллективного производства, соответственно и мировоззрения, тотем этот прошел, прежде чем стать отвлеченно-культовым в позднейшем восприятии 'бог', если термин этот вообще доходил до такой семантической роли. Что это слово служило тотемом, это явствует из факта его употребления в качестве племенного названия и в связи с этим и топонимического термина как на Кавказе, так и вне его пределов, например, *hop* — *hup* и авары в Дагестане (ср. *Qun-za-q*), *Qon*, город близ Кутайса \ (Hop-i) *On-i*, город в Раче, области смежной со Сваниею, в скрепленном названии реки *In-gur* $\leftrightarrow$ *En-gur*, протекающей через Сванию и Абхазию, в скрепленном «племенном» названии *Hun-gar* 'венгры' и т. д.

И тотем *gop* ($\leftrightarrow gun$) $\leftrightarrow kon$ ($\leftrightarrow kun$ \ *hop* $\leftrightarrow hun$), действительно, пережил бесспорно анимистическое и космически астральное ('солнце') воплощение,¹ как видно из наличия его использования в значении 'лошади' у русских «конь» \ *kon-e* (русск. «коней») и у грузин (*hop-e: op+a-gir* 'седло' $\leftrightarrow$) *hup-e*, и в значении 'солнце' в деривате 'огонь' у армян в производном *həp-oŭ* 'горнило' (от *gup* 'огонь'), у русских, да украинцев в скрепленном образовании «огонь» \ *o+gop-e* (род. мн. «о-гн-е-й») и т. д. Рядом с *gop* у грузин *gup* служит основой *gup-e-ba* также 'ум', 'дух', 'расположение духа' и т. п. Однако *gop* служит основой глагола *gop-e-ba* со значением не только 'думать', 'помышлять', 'вспоминать', но и 'слушать', даже 'слышать', т. е. семантически может быть сведен к технологическому восприятию семантического архетипа — 'слух', 'ухо', и для этого имеются основания, поскольку слово означало микрокосмически и 'глаз' (*o-ko^п*) и функционально, следовательно, также 'ухо', о чем уже говорилось. Сейчас же в липии тотемической природы данного элемента нам необходимо вспомнить, что анимистическое воплощение тотема *kun* рядом с 'солнцем', казалось бы, неразрывно объединенных мифологическим преданием братства 'коней' и 'солнца', в частности «авроры», нарушается предшествующим анимистическим воплощением 'собаки' у берберов и армян, как то уже разъяснено в печати,² причем армянская разновидность подлинно «шипящая», *шup*, отождествляется с «национальным» племенным названием сванов *шop-ŷt* 'сваны', *шu-шu* 'сваны', *lu-шu* 'сванский язык', а это ведь совершенно покрывает западный (причерноморский) район, где прослеживается тот же термин топонимически в спирантном виде — *On-i*, *Qon-i*.

VI. *Глагол-действие*. Глагол — виновник всех бед в том, что наука, не одна академическая, сбита с толку. Лингвисты-индоевропейцы подходят к проблеме

¹ Н. Я. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 52 — 53 [ИР, т. V, стр. 257].

² Н. Я. Марр, Бретонская надменная речь в узвке языков Афревразии, ИГАИМК, т. VI, вып. 1, стр. 28; его же, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 17 сл. [ИР, т. V, стр. 234].

с вопросом: что раньше, имя или глагол? — причем под именем подразумевают имя существительное, а под глаголом — один действительный залог, другие — страдательный или средний, и эти конкретные грамматические категории принимают за действительные факты и решают вопрос о происхождении. Между тем, имя не есть действие, действие раньше 'орудие', оно же в мысленном воплощении (надстройке) — тотем. Тотем-действие, смотря по стадии мышления, при анимизме — дух, перевоплощение астрального тотема, ведет нас до стадии тотема-производителя, вначале нерасчлененных; раз налицо имя-субъект (производитель) и имя-объект (продукция), то действие само собою понятно, в глаголе нужды нет (действие мысленно тотем, фактически — само производство). Когда общественность осложняется так, что нарастает потребность выразить специфическое действие в звуках, то развитая техника дает для соиздания глагола средство: выразителем действия служит соответственное орудие или соответственная материя, в громадном большинстве первое орудие, т. е. 'рука'. Следовательно, действие, действительный залог, за которым и строится страдательный, ибо страдать может только тот, кто действует, трудится, а что касается глаголов без действия, без страдания, без труда, то таковой категории в материальном мире нет, а в идеалистическом мире — абстракция, без базы, т. е. фикция — 'бог'. Это прослежено в работе моей о глаголе 'быть', 'существовать абсолютно', возводимом к соответственному имени.¹

На этом ограничу часть о глаголе. Таблица дает примерную иллюстрацию лишь действительных глаголов. С возникновением потребности выражать действие еще более увеличивается в речи роль 'руки', уже не как символа (в какой роли он появляется рано на космической стадии, замещая 'солнце', а еще раньше заменяя или символизуя коллектив производства, человеческий, в противоположность животному коллективу), но как простого технического средства, орудия.

VII. *Технологическое восприятие.* Со значением 'руки' элемент С в этом оформлении (в шипящей группе с губной огласовкой) представлен у грузин в дериватах *kon*-а 'связка', 'охалка', 'пук', 'сноп', 'пучок', 'букет', и в глаголе *me-kon*-а 'он его связал' (также непосредственно от *kon* ['руки'], как *me-h+kon*-а 'он его связал'; ср. при кта 'бить', от *kar* 'рука'); потому груз. *me-ka*-а 'он прикоснулся к нему' и *kon-eb*-а 'пасть в объятия' (потом уже по образному переводу 'прильнуть к груди', *konvil*-а 'обнятый', как франц. «embrasser» от «bras» 'рука'), также с к третьего звучания (q) — *qon* ↔ *qun* (→ *qu*) ↘ [h]un через обычное технологическое восприятие 'бытия', собственно 'нахождения' непременно у кого-либо во *власти* или в *распоряжении*, во *владении* кого-либо, всплывает в роли основы глагола объективного строя 'иметь', буквально 'быть у кого-либо' (в *руке* кого-либо): *ma-qu-s* 'у меня есть', 'имею', нар. *ma-qu-s*, пр. н. *ma-qun-da*, нар. *m-qon-da*, а у армян *un-1+m* 'имею' с полным, казалось бы, забвением, что это значит 'есть' ('во власти', 'в руке' -un) у меня' (-1+m), потому диалектически в живой речи *un-1+s* 'имеешь', как не раз указывалось, появляется с прибавкой

¹ Стадия мышления при возникновении глагола 'быть', ДАН, 1930, стр. 73 — 78 [ИР, т. III, стр. 85—89].

qez 'тебе', 'у тебя', в комбинации dez un-1+s 'у тебя (qez || -1-s) есть' (un буквально 'в руке' 'во владении', 'во власти').

Это лишь иллюстрация того, как вообще всякий действительный глагол восходит к 'руке'.

Здесь остановлюсь на двух случаях с глаголами, когда от наличия в семантической родне глагольной основы имен со значением различных стадий смысловое толкование их попадает в сложный переплет.

1. Мы уже видели, как элемент С со значением 'день', восходящим к 'солнцу', отложился в основе грузинского глагола 'рождать' (ḍen) — ше-ḍen-а благодаря переносу взаимоотношений астрально-космического мира на социальный строй, раньше сколоченный непосредственно во взаимоотношениях, создаваемых производством и находивших объединение своего коллектива, в осознании первобытных эпох, на надстроечном производственном тотеме, при космическом мировоззрении на 'солнце', 'лучах', а не на физической материи, будь то 'кровь' или 'семя'.

Однако когда тот же глагол ше-ḍen-а значит 'приобретать', то основа его ḍen значит 'рука', поскольку с одной стороны 'рука', позднейший дериват, покрывает микрокосмически астрально-космическое 'солнце', с другой стороны 'солнце' и 'дитя' — семантические двойники, иллюстрирующие указанный перенос хозяйственно важных космических явлений на природные или физические действия людского коллектива.

2. Другой случай — с чанским глаголом о-кп-и 'схватить'. Основа его — элемент С (кп ← коп) в оформлении, составляющем предмет семантического распределения в нашей таблице. Основа глагола, разумеется, означала 'руку' и рядом с нею еще одно составное двухэлементное имя из хозяйственных терминов е-кпа || пе-кпа 'дверь', в котором как бы первые части (е-, элемент А, и пе-, элемент D) ни рассматривать, член ли это скрещенного образования со значением уже 'двери', или при астральном космическом еще значении на наш взгляд префикс, определяющий 'небо', именно 'верхнее небо' — префикс е-, действительно существует со значением 'верха' в роли предлога и у чанов, и у мегрелов,¹ второй член кпа, элемент С (← кап в м. ожидаемого в языках шипящей группы коп), разумеется, означает 'дверь' в противоположность грузинскому, где с тем же значением появляется элемент А — каг. Сейчас нас интересует не эта формальная сторона в использовании того или иного элемента, а тот факт, что космическое мировоззрение лежит в основе микрокосмического не только в анатомической, но и хозяйственной по домостроительству части, и если у грузин, в полистадиальной речи далеко шагнувших от первобытного мышления, эта связь соответственно нашему общему мышлению выражается в названии 'зари' ḍis-kaг-1, означающем ныне 'дверь (каг) неба (ḍig)', тогда как, согласно палеонтологии речи, именно каг без всякого определения словом 'небо' означало 'небо', по сопричастию 'солнце' (часть по целому или по противоположности части целому), в частности 'утреннее солнце' или 'зарю', и второй член чанского эквивалента кпа (← кап в м. коп) элемент С, значит 'дверь', первично 'небо', именно как то указывает

¹ «Предлог» пережил в составе глагольных основ, см. Н. Я. Марр, Грамматика чанского (лазского) языка, § 52, стр. 37; И. А. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка, § 119, стр. 0117.

первый член, гесп. предлог «е», в архетипе ег, 'верхнее', т. е. наше 'небо', откуда по обычной семантической формуле (часть по целому, социально «по противоположности 'единицы' 'коллективу'») — 'солнце', в частности 'утренняя заря'. Поэтому рядом с нашим словом е-кпа 'дверь' в архетипе е-кап 'небо' → 'солнце' подливный чанский *ег-кун ~ ег-кпн 'небо' сохранился у армян, да и у самих чанов, в названии 'четверга', у яфетидов (так даже у мегрелов) так и называемого 'днем неба', а у чанов ег+кпн-а-џа, да и с утратой предлогом плавного г как в е-кпа — е-кпаџа. При этом мы сейчас не можем умолчать ни о том, во-первых, что самостоятельно слово ег-кпн-а у чанов значило 'железо', хотя бы по «малодостоверному» по моей характеристике Эркерту,¹ ибо отсюда с утратой начального гласного — г-кпна, а то вовсе без элемента А — кпна, у грузин 'железо'. Не можем умолчать и о том, что такой полисемантизм с охватом двух значений, 'неба' и 'железа', в одном слове говорит о стадии металлического хозяйства и соответственного хорошо известного представления о 'небе-железе', о 'небе-меди'. Не можем умолчать и о том, что архаичный вид *нег-кон ↔ нег-кун также сохранился у соседей, у одних со значением стадии родового строя с переносом уже на социальный строй 'роды', это ег+кун-г у армян,² у других со значением стадии космического мировоззрения в увязке с земледельческим хозяйством — 'плуг', как то свидетельствуется про скифов на основании их же сохраненного Геродотом предания; это у грузин — ег-қwan (← ег-қон ↔ ег-қун). Наконец, усеченный вид того же двухэлементного составного термина нег-к и изолированно лишь второй член второго термина қон || қан (древнелит. қан) служат основой глагола 'пахать', арм. нег-кег и груз. қн-ва, отсюда основа толкуется по-армянски как первично глагольная в смысле 'пахания', а по-грузински никак, лишь палеонтологически откапывается ее значение 'бык', с опорой на сванский словарь, где қан, действительно, значит 'бык'. Был большой соблазн увязать происхождение пахания с техникой работы с быками, что сравнительным методом легко поддерживается, и потому мы этому соблазну почти поддались,³ но палеонтология вскрыла, что смысл создается по функции, природная производительная сила, следовательно и рабочая — по орудию (по халдской клинописи ра-қпн-1 'бык' ~ ← *ра-қпн-1). В самом грузинском 'бык' выражается элементом А қаг, нар. қаг, что значит 'радость' (восходя, как груз. қел, к семантическому архетипу 'солнцу' астрально-космического мировоззрения), и 'оружие', 'меч', 'нож' (восходя к первому орудию — 'руке'), да и самую 'руку': мы находим те же именно слова не только в языках яфетической системы, но в таком примерном представителе протоевропейской системы (так наз. индоевропейской семьи), как греческий. Однако в греческом, как, впрочем, и в армянском, равно латинском, русском и еще в части языков той же системы, именно элемент А, а не С, входит в состав названия 'плуга' (арм. агауг, греч. аротр-он, лат. агатр-ум, русск. ога-ю 'соха') в роли ли детерминатива (а- / аг-), и тогда налицо двухэле-

¹ Н. Я. Марр, Грамматика чанского (лазского) языка, словарь, с. v.

² См. выше, стр. 248.

³ Н. Я. Марр, Книжные легенды об основании Киева на Руси и Куара в Армении, ИГАИМК, т. III, стр. 270 [ИР, т. V, стр. 53], где дело доходит до созвучия «пахать» и «пахнуть». ср. Карфаген и Рим, fas и jus, стр. 394.

ментное образование из элемента D — га||го — и морфологически использованного элемента, то В в армянском — wr (ср. а-rawo-t 'утро'), то А — tr в греческом и латинском и D — lo в русском, или с иной историей, и во всех случаях, а в прометеидских языках тоже с выбором элемента, и глагола 'пахать'. Техническое выполнение этого акта можно проследить и оно дослеживается до такого первичного орудия, как 'рука'. Здесь появление и орудия, и животных, и иных предметов при техническом восприятии пахотьбы есть дело смены мировоззрений по стадиям, но поскольку совершеннейшее орудие с одной стороны представлено в основе элементом С, притом, как мы видели, с построением бесспорно в зависимости от астрального космического мировоззрения, с другой стороны элементом А того же космического значения, разница в подборе элементов (в языках яфетической системы — С, в части языков прометеидской системы — А) социально разъясняется так, что тогда как у яфетидов 'солнце' — 'женщина' из эпохи матриархального строя, у прометеидов оно 'мужчина', из патриархального строя.

VIII. *Топонимика с этнонимикой.* Русский язык сохранил и сибилантный вид того же элемента с губной огласовкой ton — don (↔ dun) в основе глагола «тон-у-ть», являющей собой по палеонтологии речи 'воду', имя, повторяющееся, как уже разъяснено, без всякого изменения на юге Черного моря в основе чанского глагола o-ton-u 'погружаться в воду', 'промокнуть'. Естественно, что у чанов, носящих название ионского тотема, элемент С, и занимающих страну, где в VIII веке до н. э. по халдской надписи процветало царство ионов, имеется длинный ряд архаичных космических терминов тотемического строя, как-то fon ↔ qin 'небо', отсюда fon-đ ↔ qin-đ 'гром', буквально 'дитя (-đ) неба' (fon-|| qin-), qin-d ~ qin-d у чанов основа глагола 'жить', 'веселиться', у армян 'смеяться', 'веселиться' qep-d-al, по палеонтологии речи 'солнце', буквально 'дитя (d) неба' (qin ~ qin).

На северном берегу Черного моря давно указаны сибилантные виды того же элемента с полным рядом социальных перегласовок, в том числе и губных, как в kon ↔ kin (Дне+пр || Dan+u-b, Tan-a-is ↙ Tan-ar-is || Don ↔ Dun-au ↘ *Dun-ar). Дон обычно толкуется, как осетинское (овское) слово со значением 'воды'. С этим не спорим, но осетины (овсы) лишь хранители части того материала, который создавался в мировом масштабе социально-экономическим образованием с языком яфетической системы, в числе членов которого были и праосетины, точнее правосы, тогда яфетиды, собственно образование с языком яфетической системы. За пределами русского don ↔ dun свидетельствуется в значении 'руки', откуда греч. глагол dwn-a-tay (δύναιαи 'он может'), палеонтологически 'рука', 'вода', оvs. don, груз. den-a 'течь', don-e 'уровень' (первично 'вода' при den-a 'течь').

Особого внимания по топонимике заслуживает хорошо известное как личное имя Səm-bat. Наличие двух нарицательных значений его точной по закономерности разновидности səmbak, именно с одной стороны 'копыта', с другой стороны — части станка прядения, на которую наматывается нитка, нас приводит к объяснению того, почему в разновидности səmbat это слово вошло в обиход национальных имен армянской знати, феодалов и царей, ибо функция выражения 'круга'

или 'головой' (поскольку речь идет о наматывании нитей в форме овала или сахарной головы) также могла быть возложена лишь на космическое тело, именно 'солнце' (← 'небо'), как 'копыто' (по формуле часть по целому) выявляется пережитком 'коня', т. е. — мифологической двойни 'того же 'солнца' (← 'неба'), причем конечный губной согласный *t*, будет ли он огласован гласным «е» — *-te*, или акающим *-ta*, ставит наш термин как личное имя в один ряд с тотемно-героическими *Prome-de*, *Yafe-t*, *Kagare-t*, *Kereme-t* и т. д. и с так называемыми племенными названиями вроде *Sar-ma-t* и т. д. Что касается основной двухэлементной части, то большое искушение *m* признать результатом ассимиляции с губными *b* в м. п., т. е. архетипом признать элемент *S* — *sun*, если при учете одних формальных данных в нем не усмотреть скрещенного образования *su-m* из элементов *AB*, так что в следующем слого *ba* получим вторичное наличие элемента *B*. Однако дело проще; в группе *mb* мы имеем удвоение губного *m* ↗ *b*, вызванное утратой исходного согласного первого слога, элемента *sa||шу-*, в полном виде *sar||sur* и т. п., т. е. в *Səmbat*, в архетипе **su-bar-t*, налицо хорошо известное по Месопотамии и Волге *Subar*, разновидность месопотамского *Su-mer* и ряда его прослеженных на Кавказе и на финском севере разновидностей с разобранным зубным исходом, как в *Sarma-t*, известном племенном названии, св. *tar-ma-ə* 'бог', груз. *tar-mar-ə* 'язычник' и т. д. И естественно, что это культовое имя, появляющееся в личных именах, появляется и в топонимике, разумеется, независимо от царей, носящих его как имя, так у армян в Высокой Армении *Səmbataberd*, и по тому же культовому имени называлась также и гора (*Səmbatay*).¹ Что особенно важно, так нахождение города *Səmbat'a*, *Səmbatawan* в *Sper'e*, т. е. в Сумере, судя по всему там, где имеем *Bay-ber-d*, *Bay-burd* и т. п. Но опять-таки, что представляет исключительный интерес, название армянских городов *Səmba-t* на Руси имеем с аканьем *Sambata-s*, как название опять Клева.²

IX. *Стратиграфия по динамике движения.* В стратиграфии можно бы усмотреть сравнительный метод всех господствующих доселе в мировом масштабе или по известным территориально-расово выделяемым отрезкам учений, усердно культивируемых в среде специалистов тех или иных письменных языков, но с одним существенным отличием от метода сравнения, индоевропейского «компаративизма». Яфетическая теория сравнение производит с учетом палеонтологии речи, вскрывающей стадияльную разность, т. е. разность производства и производственных отношений, следовательно, социальные пути распространения, что и составляет динамику, выясняя тем самым классовую борьбу, классовую сущность в создании первичных качественно отличных экономических образований,

¹ Indidjian, 23.

² Ук. с., стр. 26. Не могу платить замалчиванием, когда на страницах ДАН А. И. Лященко помещает заметку «Киев и *Σαμβάτας* у Константина Багрянородного» (1930, стр. 66 — 72), где, кроме формального анализа и идеологии, вскрытой конкретными достижениями яфетической теории как обывательская, ничего не находим к нашему великому смущению, когда дело идет о важнейших теоретически (и только ли теоретически?) лингвистических проблемах, связанных с историей материальной культуры, а с ними о фактах исключительного значения, о социальных связях Армении и Руси, собственно соответствующих слоев их населения.

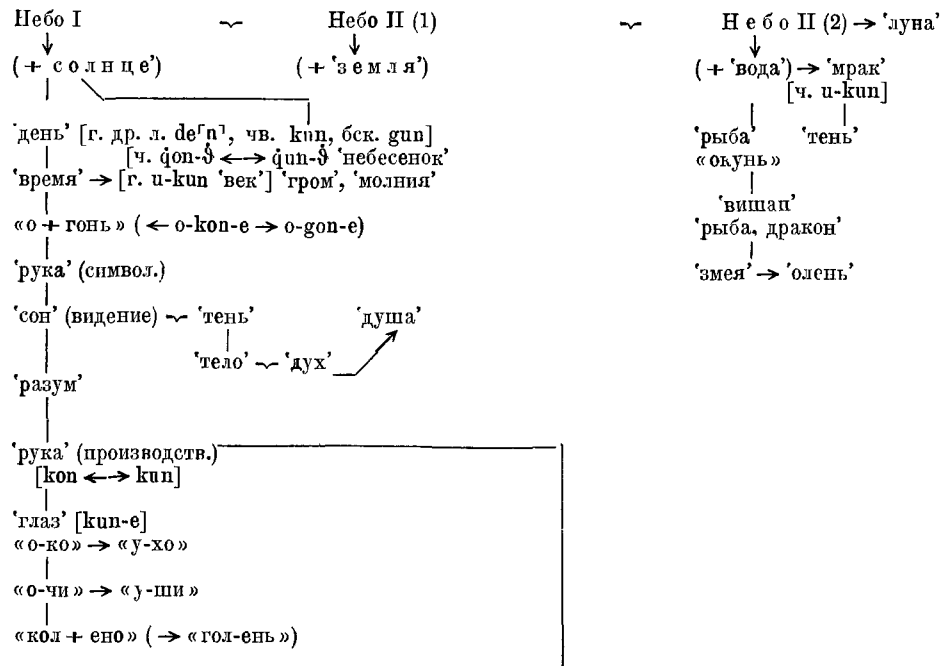
занесенных теми сословными и классовыми образованиями последних тысячелетий, которые спасают идеалистическую имманентность самих языковых явлений замкнутым сосредоточением исследовательского внимания на национальных или по формальным признакам определяемых районах. Отсюда боязнь пространства за пределами стабилизированных сродных по формальной, хотя бы и фактической, прагматической истории явлений там, где яфетическая теория вскрывает материал для исторического диалектизма. Так у русских термин -ен, сохранившийся в скрещенном термине ол-ец || ст.-сл. ел-ец с основной для их речи огласовкой «е», долженствующий так же звучать при полисемантизме и в значении 'лошади', с каковой функцией заняла место разновидность с окающей огласовкой «конь», налицо с одной стороны у армян в социальном термине հարս-գ (род. հարս-ի) 'наезд', 'разбойничий набег', первично же 'конница', с другой стороны у французов «hennir» 'ржать', как известно теперь, происходящий от henn 'лошадь'.¹

ТАБЛИЦА 1. ФОРМУЛЫ ЗВУКОВЫХ НОРМ

$$\begin{aligned} & \text{'h}^1\text{on} \leftrightarrow \text{'h}^1\text{un} \text{ [вм. } \text{'r}^1\text{on} \leftrightarrow \text{'r}^1\text{un}] (\sim \text{'h}^1\text{en} \leftrightarrow \text{'h}^1\text{in}) \swarrow \text{kon, resp. } \text{ḵon} (\rightarrow \text{kon}) \\ & \leftrightarrow \text{ḵun} (\rightarrow \text{kun}) \rightarrow \text{ḡon, resp. } \text{ḡon} (\rightarrow \text{гон}) \leftrightarrow \text{ḡun} (\rightarrow \text{gun}) \rightarrow \text{ḡon} \leftrightarrow \text{ḡun,} \\ & \text{ḡen} \sim \text{ḡen} (\rightarrow \text{den}) \leftarrow \text{ten} (\rightarrow \text{ten}) \end{aligned}$$

В то же время усвоенный грузинским с огласовкой в значении 'лошади' элемент С у кельтов и германцев используется в значении 'собаки' — брет. *ki-[n]* ~ в род. *kon*, нем. *hun-d*, тогда как русские здесь удерживают шумерско-кимерский тотемный термин, также образование из двух элементов, но других, элементов АВ: «кобель» $\swarrow$ *ko-bel-e*, в женском оформлении «со+ба+ка», первично *so+bar*, resp. *so+bal*, некогда тоже тотем (отсюда «соболь» $\swarrow$ *so+bol-e*). Такое же скрещенное образование АВ мы находим в названиях охотничьих животных, неизвестно с какой эпохи одомашненных, которые, однако, вовлеченные в диком виде в охотничье производство еще при ручном языке в хозяйственном быту, и впоследствии звучали в этой двухчленной разновидности *ka+b*, *ḡavt-*, означая домашних животных, не только животных передвижения ('собаку', 'лошадь'), но и 'козу' (см. лат. *capr-a*), 'свинью'. В значении 'свиньи' сохраняет русский, но с излишком в один еще элемент, наш элемент С, появившийся в процессе скрещения или внесенный со служебной функцией родового признака; ни то, ни другое не исключается: мы видели как элемент С с аканием в *ka-gan* означал женский пол, а с губной огласовкой *ḡun* 'женщину' в *ḡa-ḡun*. Следовательно, в животных ап может означать 'самца', оп — 'самку': «кабан» **ka+b-a-po*, «хавронья» $\swarrow$ *ka+vt-op+e-a*, причем с одной стороны первые два члена образовывали самостоятельно скрещение не только для обозначения 'козы', но и 'свиньи', именно 'кабана' — лат. *a-peg* ($\leftarrow$ *ha-peg $\swarrow$ *ka-peg); третий же член самостоятельно, как известно, означал 'собаку'. С аканием ап и губной огласовкой оп

¹ Н. Я. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 26 — 28 [ИР, т. V, стр. 290—291] и другие работы.

Космические
и
тотемические

Надстроечные
производственные

З
в
у
к
о

слово обозначало не только 'свинью', как можно бы было усмотреть в «каб-ав»^е и «хавр-онь-е», но и 'собаку' — лат. can-is, нем. hund, брет. ki, в склонении kop, равно с эканьем 'лошадь' hep, как то было палеонтологически разъяснено, не говоря о русском «коне», с его грузинским двойником hund-e 'лошадь' и hon в дериватном on+a-gig 'седло', равно в топонимике, названиях населенных пунктов, городов On-i (↙ Hon-) ↙ Qon-i, нареченных по тотему 'лошадь'. История этого конкретно представленного элемента C вовсе не исчерпана, не исчерпывается и вскрытием его в значении 'собаки' в скрещенном термине kop+ug-a,¹ где ug также 'собака': его в виде og 'собака' мы имеем самостоятельно у басков, у басков же с подъемом h ↗k — kug в составе sa-kug 'собака' (ср. осет. quy 'собака', клиноп. kug 'лошадь', в идеограмме KURRA).

Но пора и честь знать, чтобы фактами не заглушить основных идей нашей работы, обратившейся в вводный лишь доклад к теме «Семантическая палеонтология в языках неяфетических систем». Разве прибавить что мифологическая увязка тотема 'конь' и с 'водой' ('рекой', 'морем'), и с 'небом'-'солнцем' не относится специально к стихии-материи, ее природному движению в виде 'реки', а к движению космоса и первично анималистическому (но не анимистическому еще) о нем тотемному представлению человеческого коллектива с охотничьим производством, и разве еще прибавить, что, когда в кругу одомашненных животных появляется «ко-т», «ко-шка», конечно, это не в ряду животных передвижения, равно сомнение в одомашнении его, как пушного зверя. Потому представляется вероятной и его культовость, и его связь с космическим термином 'солнце' по переносу на него названия более архаичного охотничье-хозяйственного зверя — 'льва'. Во всяком случае возведение первой части названия «ко-та» к kop ↔ kup, как означавшему именно это домашнее животное, находит поддержку не в одном имени действия kpa-vil 'мяукание', в грузинском глаголе kpa+v-s 'мяукает', буквально в палеонтологическом переводе 'кошачение', 'кошачить'.

¹ См. выше, стр. 273.

Предисловие к „Яфетическому сборнику“, т. VII¹

«Лицом к школе». А когда языковедение (лингвистика) не было не только лицом, но всем своим «природным» бытием, «физиологически-психологическим», обращено к школе? Более того: лингвистика, как самостоятельная область знания, была в корне подорвана положением худшим, чем положение средневековой науки, определявшейся как *ancilla theologiae*, служанка, т. е. раба или рабыня, богословия. Лингвистика была, и доселе для многих остается, рабыней литературоведения, рабыней этнологии, рабыней археологии, рабыней всякой не только группы, но индивидуальности, кому только не лень воспользоваться языком, воспринимаемым как дар природы и как мышление с его природно-«национальными» особенностями. При этом предполагается, что «природно владеющие ими» в первую очередь наделены компетенцией, также отприродной, постигать в этих особенностях структуру «родного» языка. Поскольку дело идет об общественных правах того или иного национального языка, конечно, право требовать исследовательского внимания и формулировать это в первую очередь принадлежит коллективу-собственнику речи. Судьба неважная ожидает языки отсталых народностей, если за свободу действительного без помехи развития такой речи ратует коллектив или индивидуальность с иным языком, вполне развитым, стоящим технически на уровне нашей современности, ибо при таком отстаивании прав угнетенных языков не уберечься от великодержавности, большой или малой; но чтобы у националов было преимущество в историческом понимании родного языка, это никакой философией (менее всего марксистской), ни всей историей языковедения ни в какой мере не оправдывается, это одна из бессмыслиц, самых вредных как для социалистического строительства, так для самих националов, ибо содействует их нацпанству в научной области и ослабляет их энергию в усвоении объективных, т. е. обоснованных материалистической диалектикой, знаний о языке.

Но есть в лозунге «лицом к школе» недостаток действия. В речи первичной стадии развития человеческого общества эта недостатка была лишь словесная, ибо действие было в самом производстве. А разве сейчас у нас не то же самое положение, когда все заново должно быть построено и перестроение при небывалом титаническом творческом порыве должно быть не на словах (их у нас избыток, слова воровят нас затопить), а в самом производстве, а слово легко восполнить, — например, «обратиться», оно же «обращение», но и слово это ныне качественно иное. А лицо? Разве оно не иное? То же ли оно сейчас, что раньше? Вот тут могла бы быть первая записка. Какое же это лицо у настоящего выпуска «Яфетического сборника»? Ясно какое: боевое и строительное, ломающее всю ветошь, уже прогнившую в своей общей установке, и строящее по-новому с использованием ее прочных частных достижений, как покидаемых ступеней для восхождения на нужные нам высоты.

¹ [ЯС, т. VII, Л., 1932, стр. 1—8.]

Ведь это продукция уже молодого ЯИ, назревшего для перестройки в новый лингвистический институт — Институт языка и мышления.

Качественный объем содержания настоящей книжки «Яфетического сборника» может вызвать в яфетидологе тревогу: всё язык и всё об языке. И в доводах аргументация всё из бесспорных положений верхних и высших ярусов надстройки и общей философской отвлеченности, а не из материальной культуры, или вообще социальной, со включением, следовательно, этнографических данных. Да и по философии мало конкретности: более того, я не совсем уверен, была ли бы включена в этот боевой сборник редакционной частью работа по разъяснению этнографических материалов в яфетидологическом, хотя бы безупречном, разъяснении языковых фактов. Наоборот, она, пожалуй, могла бы быть отведена на том основании, что в ней лингвистический анализ обесценен своей направленностью на предметы, выходящие за пределы языкового материала, например, бытовые, и могли бы сказать: работа представляет интерес более для быта, чем для языка.

Не знай я состава и настроения этого сплошь молодого коллектива, языковедно, если и не философски достаточно подкованного по-новому, у меня возникло бы подозрение, что поддействовал восклицательный знак известного французского лингвиста-кельтолога Вандриеса (Vendryès), восклицательный знак удивления, что к изучению языка яфетическая теория применяет этнографию. Какой ужас! Ведь, чего доброго, за этим еще пойдет позыв приплести к серьезному научно-исследовательскому делу по языку вообще историю материальной культуры (кстати, о ней также мало что слышно в настоящем сборнике). В числе авторов имеется И. И. Мещанинов, историк материальной культуры. Но ведь он, пожалуй, ветеран. Правда, он написал безукоризненную методологически работу о миграциях, убийственную для миграционного фетиша, и так успешно и так давно пользуются его конкретными доводами, что никому неизвестно, что это дело его рук. Известно ли, что у И. И. Мещанинова есть справочно-учебная работа с бесславящей наклейкой «Шаг назад», когда по этой части ни одного иного шага вперед нет? Выходит так, что когда нужен работник для ответственной конкретной работы, то «Иван Иванович, пли», а когда надо рассаживаться честь-честью за столом, для Ивана Ивановича нет стула, его никто не помнит, он «чуждый незнакомец». Между тем это «неслышный» работник, единственный делающий титанические усилия четко увязать речевую сигнализацию, достижения яфетической теории, с историей материальной культуры. А как думают об этом им вышколенные по всему Союзу ученики, в первую очередь в Яфетическом институте? Почему они молчат? Неужели кто-либо боится, что единство исследования языка и материальной культуры ставит нас у края пропасти, откуда при выдержанном и последовательном курсе грозит опасность свалиться в нее, именно в «марксистскую бездну», в зев коммунистического «вишала-дракона», когда-то «чудовища-рыбы», — где вслед за также «разрушительной» теорией в действии с методом новое «преступное» учение о языке совершенно конкретно подрывает основы «святого» семейства о языке, осознаваемом нами как явление, возникшее из производственных отношений трудового процесса, — а там, глядь, и как

в притче из «святого» Варлаама, оборотня из Будды, точно двумя мышами, черной и белой, та же языковедная теория двумя противоположностями единства, надстройки и базы, подрывает корни древа знания, посаженного самим богом? Не думаю, что наш дружный молодой автор-коллектив Яфетического института рванулся в сторону от страха перед этой перспективой, без всяких выдуманных ужасов¹ ставшей действительностью. Но все-таки отмечаем этот факт как наследие прошлого, требующее изжития, — чем скорее и основательнее, тем лучше. И именно молодые бойцы за новую языковедную теорию, конкретное на языковых материалах воплощение марксизма-ленинизма в мере ее разработанности, проморгнули, явно слабо нами руководимые, что развитие нового учения о языке не может почитаться нормальным и полноценным без возможно более обостренного внимания к истории материальной культуры. От молодых языковедных сил, не только вещеведов, мы ждем противоядия против пребывания ее доселе на допотопных китах формального учения, хотя в этой области у нас произошли значительные сдвиги в опытах новых «культурно-исторических» построений на основе изучения техники и технической типологии вещественных памятников, технически же безукоризненной организации раскопок и добычи материала; кругозор исследовательского внимания расширился до охвата памятников без буржуазно-классового отбора не в пример прошлому, когда изделия и обломки из малоценного материала отбрасывались, — более того, с вовлечением флоры и фауны, в том числе домашних животных, равноправных или эксплуатируемых товарищей из состава первичных человеческих производственно-общественных организаций, пока в специальной проработке естественников. Ведь в истории материальной культуры доселе располагают лишь довольно скользкими приемами даже для определения домашней лошади в отличие от дикой: так, В. И. Громова оставляет открытым вопрос о лошади,² кости которой откопаны в селище близ Фастова («была ли она дикой или домашней?.. Остеологические отличия той или другой формы не выяснены»). Она скорее склонна признать эту лошадь (или «эти лошади» — откопанный остеологический материал сводится к 4 костям) дикой, так как, с одной стороны, «известно, что степи (а, повидимому, и леса, по крайней мере лиственной полосы) восточной Европы вплоть до XVIII в. включительно населены были стадами диких лошадей, так наз. тарпанов». «Надежным свидетельством в пользу наличия домашней лошади могли бы служить только остатки сбруи или изображения бесспорно домашних лошадей». Еще шаг, и можно было бы прибавить: «а решающим доказательством в пользу признания домашней лошади было бы, если бы в раскопках были обнаружены фрагменты надписи, свидетельствующей о принадлежности костного материала домашней лошади». В. И. Громова не только этого не сказала, но не была бы

¹ Известный этнограф-лингвист, по-западному, значит, этнолог, кардинал В. Шмидт выступил, да простится это неакадемическое выражение, с настолько до смешного, если не было бы грустно, неправдивыми сообщениями о положении брачного законодательства в советской стране, что страницы даже немецкого фашистского журнала не могут не краснеть от их действительной чудовищности.

² Об остатках млекопитающих из селища близ Фастова на основании костного материала и т. д., СГАИМК, 1931, № 6, стр. 24—25.

способна сказать, если бы даже воздержалась от признания литературы решающим в какой-либо мере по ее делу источником, не говоря о равноценности ее показаний с материально-культурными памятниками, ибо В. И. Громова настолько стоит близко к истории материальной культуры, что с таким развитием своей мысли она согласилась бы, надеюсь, лишь с одной оговоркой: для эпох, когда могут нам свидетельствовать подобного содержания надписи, вопрос о дикости или одомашненности лошади, даже когда это действительно находится под сомнением, вовсе не имеет того значения, какое ему присуще в обстановке раскопочного материала в селище близ Фастова. Однако не представили ли бы остатки сбруи и тем более изображения домашних животных цену литературного показания для древностей Фастовского района, раз речь идет об инвентаре из раскопок близлежащего селища. Не нужно ли и в таком памятнике материальной культуры исходить от других измерителей хронологической отдаленности (напр., стадиальности), чем довольствоваться учетом остеологических остатков, например, лошади. Да и если дело идет о лошади, достаточно ли зоологическим подходом к определению дикой лошади решать вопрос о наличии домашней лошади в инвентаре находок, имеющих послужить документом материально-культурной истории. Однако сейчас суть дела не в этих отдельных деталях, а в общей установке всей аргументации, целиком формальной, — может быть, археологической или, может быть, этнологической, но не материально-культурной, требующей установления идеологического обоснования доводов. И вот тут могли бы, а пожалуй, должны бы вступить в свои права, раз от них отказываются специалисты-вещеведы, коим и «книги» бы в руки, лингвисты нового учения о языке, — но материальную культуру, а с нею быт и фольклор, они отводят от себя, выпроваживают.

Между тем, язык мог бы что-либо новое дать и археологам, и этнографам в руки, чтобы не чурались построения истории материальной культуры, и чтобы историк материальной культуры, почувяв дуновение новой жизни, набрался сил проститься с навыками антрополога-натуралиста, зоолога или геолога, в аргументации своих положений, точно факторами культуротворчества являются породистые животные, производительные силы природы, да еще в зависимости от топографического распределения по районам. Отчего в таком случае не «рась», да «племена», с тем или иным «кровным» родством и с той или иной культурой расы, белой, желтой и черной? Ведь язык не балаболка для экспериментов, не только археологических и этнографических, но и философских. Не могло ли бы что-либо сейчас если не сказать, то сигнализировать по материально-культурной значимости название местности Фастово, или в путях индоевропейстики топонимика может быть всячески толкуема и оформляема, как ручка в руках гончара? Он может ее приделать с какой-угодно стороны или в каком-угодно виде. Или это дело врожденного вкуса или одного технического удобства? А название лошади? Археолог интерес свой к названию лошади простирает лишь до наречения ее в диком состоянии, к тому, что их называли «тарпаны», предполагая, надо думать, и сегодня так, как это думалось для наших темпов столетие тому назад, именно, что сначала получили свое название дикие звери, а потом домашние. Положи-

тельно остается идти в учебу опять к индоевропеистике, которая и в 1931 г. учит той же бессмыслице путем столь же бессмысленных сопоставлений, как то можно видеть из следующего отрывка из Бернара Марка (Bernard Marque) в «Le cheval totem dans l'antiquité et les origines préceltiques et celtiques», судя по следующему сообщению об этой работе в «Revue Archéologique» (январь—апрель 1931 г., стр. 211): по автору «домашняя лошадь была названа сначала сарат от корня сара, повторение которого довольно хорошо «имитирует» (подражает) галопу. У арийцев называется асра, асра... Испаны, или эспаны, ему обязаны своим названием, так же как многие города, например, Apremont. До сих пор предполагалось, что это название обозначает asper mons 'крутая гора'. Но у лингвистики так многому еще можно научиться [еще бы, когда 'гора' оказывается формально созвучна с 'городом'. Ведь и доселе «ограда», «град», «город» взаимно разъясняют себя и одно понятие производят непосредственно из другого!]. Таким образом, «сравнительная наука о религиях» (la science comparée des religions) [этот индоевропейский «компаративизм» в области мировоззрения] «не знала раньше, что всякий таинственный источник (cause) влияния, полезный человеку, называется тотемом» [это-то, скажем, хорошо, но там, где раньше знали о тотеме, как о факте, разве усилилось познание?].

С философией другая опасность. Надо осознать, что исследование находится всегда под угрозой ошибок: чем более творчески развертывается конкретная углубленная работа, тем более исследователь оказывается между Сциллой и Харибдой. Есть умы, претендующие на непогрешимость, требующие научной работы «без ошибок», это все молодцы из своего рода гимнософистов, не в особо свободном переводе «оголенные от знаний мудрецов». Если истории материальной культуры потому нет доселе, что она оторвана от науки об языке, то еще опаснее для языковеда оторваться от языков, конкретного их знания и овладения ими (это гибель), как могучим орудием познания, полетами из конкретного же мира в философские выси, когда Ленин приглашал спуститься к земле, реальности, языку, не только вообще, но ко всем национальным языкам, и на языке разработать хорошенько теорию познания, следовательно, и диалектический материализм, а не наоборот, язык и языки подгонять под общие марксистско-ленинские положения. Ведь здесь шаг — и мы на изумительном «языковедном фронте», где смелые головы без знания языков «марксистски» разъясняют языковедные проблемы. Смелость берет города, но едва ли без знаний военной науки и техники. Почему же язык оказался у нас настолько беспризорным, что его техникой и познавательной силой рвутся овладеть, как бы заклинательными формулами, точно в самом деле магической силой? Мы, конечно, неповинны в этом бесшабашном разгуле путаных голов. Настоящий сборник свободен от таких упреков. Но этого мало. Все-таки факт, что по языку исследовательских работ на положительные языковые темы нет, или весьма мало. Нет, например, выявления интернационализированности языков хотя бы нашего Союза, того, что, вопреки младенчески любительским представлениям о «славянской чистоте», об отсутствии какой-либо примеси «инородческой нечисти» (разве в путях сторонних «заимствований»), и у русского языка, для многих доселе «великодержавно» стоящего

своим независимым природным бытием особняком, нет ни одного «коренного» слова, нет ни одного явления, которое не имело бы или простого, или диалектического двойника соответственных частей в языках Союза и за его пределами, вне замкнутых буржуазной классово-идеологией мирков.

Однако все сказанное отнюдь не снижает актуальности настоящего выпуска Яфетического сборника. Лицо коллективного труда предрешается ударностью на лозунг «лицом к школе». Школа же у нас не учебные лишь заведения того или иного типа, а вся масса трудящихся, в первую голову пролетарская, рвущаяся к действительному познанию мировой движущейся жизни, ее авангардного союзного советского строя и, неизбежно, языка, когда об этом даже не думают и не хотят думать.

Еще два замечания. 1. Боевая книжка неточно формулирует вредность старого учения не только для теории, но и для практики. Прочитав в одной из статей: «формальная школа разработала формальную сторону языкового материала» и «в силу своих неверных методологических установок оказалась неспособной к дальнейшему развитию» и указание на «проистекшее отсюда искажение всей перспективы языковой науки в глазах учащихся», иной сметливый («себе на уме») читатель не сделает ли практический вывод: формальная сторона разработана и пока что этой разработанной бессмыслицей можно с одобрения методологической инстанции пичкать головы детей и взрослых (ср. Progr. для национ. ФЗС и ШРМ по русск. яз., изд. НКП РСФСР). 2. Критика нового учения, можно подумать, намеренно снисходительная. После рекомендации «яфетической теории языкознания», «продуманной с захватывающей глубиной», говорится: «эта новая движущаяся в своем развитии теория не свободна от ошибок (сейчас уже изживаемых в основном)». Тут самокритика хромает сугубо: 1) мало сказать, что «теория не свободна от ошибок», когда в ней имеются существенные прорехи, 2) поспешно оптимистическое утверждение, будто вежливо названные ошибками прорехи «сейчас уже изживаются в основном», когда это не так легко сделать, 3) положительные качества, характеризованные в восторженных выражениях, и отрицательные свойства, указанные в смягченной форме, признаны без дифференциации различных моментов учения и не характеризованы в их реальной причинности: нет указания на две стороны нового учения об языке — теорию языка и историю языка, и нет указания, что новое учение разрабатывалось исторически, не исходя из теоретических предпосылок, а накапливая их в процессе развития, 4) исторический подход усеян камнями злокачественного преткновения не только от сложности исследуемой материи, но и от факта, что обычно языковое звучание воспринимается в линии физиологических закономерностей, а мышление как часть особого от языка мира если не психического, то психотехнического.

Конечно, дело сложнее, но и сказанного довольно для оценки нового учения: 1) оно — революционно, 2) оно — единственная строительная языковедная теория в путях марксизма-ленинизма, 3) при всех его недостатках, снимаемых беспощадно прежде всего нами, с этой теорией учение об языке поднялось за советское время на новую ступень, как одна из важнейших наук обществоведения,

4) как нельзя выработать марксистско-ленинского учения об языке, отвернувшись от достижений яфетической теории, так при всех стараниях лично или усилиями медленно нарастающей школы устранить существенные прорези, выкорчевать пережиточные ошибки, сознаваемые нами или кем-либо членораздельно указываемые, сама яфетическая теория не может быть поднята на более высокую ступень, если она не станет предметом массовой работы и проверки.

Предисловие к работе Д. С. Лотте „Упорядочение технической терминологии“¹

Актуальнейшая задача! Не знать как зовут знакомого собеседника, — это ставит в неловкое положение. Но не знать терминов сложного аппарата, строя его, используя его или имея с ним дело, как с предметом купли и продажи и т. д., — это значит при наших темпах без тормоза тормозить дело.

Автором правильно поставлен диагноз болезни терминологического вопроса. Что здесь злокачественное недомогание, на этом излишне останавливаться. Коренное зло — в никудышных вообще терминах. Здесь оторванность тройкая; отрыв от производства, оторванность дериватов производственных, но отнюдь не второстепенных терминов от основных и (чего автор еще не отметил достаточно выпукло) взаимная несогласованность, более того — *несогласуемость* дериватных терминов, отраслевых и основных из ведущих для давней отрасли, точнее — из ведущих, для различных ее частей — основных. Это значит оторванность и основных и дериватных частей целого: как в продукции, в завершеном материальном виде, так и в надстройке всего производства, захватывающего и обсуждаемую его новую часть, следовательно, в надстройке и данного производства, включающей терминологическое наследие предшествующей стадии развития. У нового содержания получается старое оформление. И вот откуда должны черпаться подлинные нормы единой закономерной системы для построения терминов. Вот тут и заковыка! Смена закономерностей нас бы не смутила, — наоборот, от этого получилась бы и должна получиться система, единая, но диалектическая для основных частей нового производства, не говоря о частях вновь введенных. С такой предпосылкой необходимо добиваться унификации, но нет самих языковедных теоретических основ построения терминов, все строится от случая к случаю, в отраслевом мирке, без учета другого или других, беспринципно оппортунистически, и рационализировать эту кашу-неразбериху значит только увеличить путаницу, если не будет коренной перестройки самого источника, откуда извлекаются или, вернее, должны извлекаться нормы для терминологического творчества, долженствующего опереться в наши дни на массовое потребление. Источник этого — теория языка и история языка, та и другая части одной науки — лингвистики, или языковедения, учения об языке и мышлении. Это значит — развернуть на языковом материале диалектический и исторический материализм с учетом специфических особенностей надстройки. До сих пор это новое учение по так называемой яфетической теории не используется ни в одной школе. Здесь доселе и у нас, при диктатуре пролетариата, в конкретной языковедной педагогической работе остаются верны, как якорю спасения, формалистической установке и притом не только в отраслевых терминах, а также, разумеется, в основных для них ведущих конкретных науках, но и в самой науке об языке, где собственная терминология — «хаос». Спросите лучшего

¹ [Напечатано в журнале «Социалистическая реконструкция и наука», 1932 г., вып. III, стр. 139—142].

представителя господствующего у нас формального учения, что такое «термин» и чем отличается он от простого слова? В лучшем случае получите ответ: «термин — то же, что слово, но в применении к определенным предметам». Что такое «заимствование» и как оно происходит технически?

Для формалиста тут никакой особой техники нет: «бедный» язык берет от «богатого» или культурный язык навязывает некультурному, существует лишь механическое влияние или приспособление, а не акт закономерного социального воздействия. Между тем в новом учении вопрос ставится иначе: как реализуется так наз. заимствование на различных стадиях развития речи и как оно может (вернее, должно) реализоваться на нашем отрезке времени, сегодня, когда на всех парах, вопреки всем тормозам, идет социалистическое строительство. Вопрошаемый раскроет глаза невинного на вид непонимания, когда на деле вопросом этим захватывается на месте преступления преступное действие оппортуниста, безответственного совратителя воспитываемых им жертв его беспринципной буржуазной науки. Тут иностранные более прилизанные внешне и согласованные общим опытом терминологические установки помочь не в силах, ибо требуется революция в этой области и с нею коренная перестройка. В этом смысле работа Д. С. Лотте имеет также актуальное значение, тем более актуальное, что Д. С. Лотте идет от конкретных нужд производства, от широко развернувшихся отраслей и кровно заинтересованных в них не специалистов-теоретиков (теоретики-специалисты более чем практики-специалисты могут в области этой компетенции — при отрыве от производства — довольствоваться в качестве терминов любой абракадаброй), а впряженных в производство, в его отрасли рабочих масс, для коих осмысление техники производства до самого последнего винтика, до последнего штифтика — живое творческое дело. Конечно, дело по существу не деляческо-формальное, а идеологическое и трудное. Оно становится еще более трудным при отсутствии соответственного подхода и метода, когда решается терминологический вопрос, например, хотя бы по транспорту в национальных республиках, где термины вырабатываются на семидесяти языках, где предстоит их выработать на большем числе языков, большем в силу их фактического наличия. Даже в богатейших старым накоплением языках результат получается буквально катастрофический.

Д. С. Лотте по этой актуальнейшей задаче своей заметкой делает актуальное дело, тем более актуальное, что засел он за работу над ним, идя от практических стимулов, засел над темой с нарастающей в работе системой. Засел настойчиво, не ожидая предварительной теоретической санкции современности такого предприятия, ни того, чтобы специалисты удосужились обставить работу общетеоретическим руководством для безукоризненного обоснования. И печатаются-то его работы от случая к случаю в различных местах. Так, заметку, восполняющую настоящую статью, можно найти в «Известиях Академии Наук СССР» (1931, стр. 883 — 891 под заглавием: «Очередные задачи технической терминологии», куда рекомендуем обратиться за более подробными фактическими и кое в чем более точными по существу разъяснениями). Однако более подробные трактовки выявляют слабую подготовленность автора в новом учении об языке (так наз.

яфетической языковедной теории). Так, в первой из двух частей перечня «основ методологии изучения терминологии» (стр. 889) видим на первом месте «формально-лингвистическое изучение», расшифрованное помещенным в скобках дополнением «языково-структурное». Между тем структура языка по новому учению идеологически разъясняется материалистической диалектикой и, когда речь идет о стадиях, материализмом историческим, в обоих случаях без отрыва от звукового момента, выявляющего технику мышления. В той же части, правда, есть «техносемантическое исследование», но ясно, что речь тут идет о совершенно правильно выдвигаемой «семантике» по потребностям техники *материального производства, базиса*, а не по технике *мышления, надстройки*. Зато четко выделяется (особо третьим и последним пунктом той же части перечня) «фонетическое или звуковое изучение». Вторая часть перечня, посвященная изучению данных раньше основ методологии, естественно вся посвящена лишь восприятию или усвоению звуковому (п. 1) и зрительному (п. 2), на последнем месте и смысловому — того, что разъяснено в «основах методологии изучения», т. е. разъяснено формально. Между тем эта схематическая формулировка не отвечает самим же автором данным разъяснениям совершенно иного порядка, в том числе и указанию на функциональную семантику (мы предпочли бы сказать, «смысловое содержание» вместо безжизненной семантики), не говоря о том, что идеологические разъяснения смыслового содержания (семантики) по конкретизированному уже яфетидологическими достижениями на языковых материалах марксистскому методу значительно облегчили бы и восприятие, и усвоение, и действительно дали бы языковедные основы для перестройки всей терминологии. Тут, нам кажется, имеются налицо недостаточное внимание к мышлению, конкретно — к языку и к неразлучному с ним мышлению. Язык с мышлением требует особого учета, при всем том, что это надстройка и только. В печатающейся здесь работе отраслевые термины противоплагаются, как мы видели, основным, связанным с научной областью «основными дисциплинами» (физикой, химией и т. д.), в противоположность отмеченным в прежней статье общим, относящимся к области самой материальной техники. И здесь, конечно волюне последовательно, выпадает речевая область обществоведческой науки, но при одном непременном условии: если речь изучается лишь формалистично-фонетически, по старому учению, как язык, как слухом воспринимаемое физиологическое явление, притом явление нормативное, а не по новому учению, как язык и лишь технически выявляемое им мышление, т. е. как неразлучная двойная надстройка, корнями залегающая всегда в материальном базисе. Поэтому стадильность — ни здесь, ни в помещенной в «Известиях Академии наук» статье, где о стадильности идет речь, не учтена в полной мере. Теоретически она не учтена с должной глубиной, фактически не учтены стадильные разновидности в полученном нами терминологическом наследии (например, столь смущающая автора смена в слове «скорость» обычного смысла — «передачей», усилим для преодоления сопротивления подъема в гору, для преодоления инертного состояния и т. д.). Это все в терминах «коробка скоростей», «рычаг перемены скоростей» и т. п., так четко разъясненных материально-технически (Изв. Академии наук, стр. 885 — 886), тогда как

по языку-мышлению последнее значение связано с совершенно иным смыслом, как основным, а именно есть не что иное, как использование слова 'скорость' любого языка, и русского, на ряде прежних стадий полисемантически в смысле 'руки' (отсюда и 'передача', 'сила', 'усилие'), равно 'преодоление' и 'небо' (подъем в обоих смыслах: и физическом — подъем вверх, и социальном 'оживление') и т. п. Сюда же относится и французский термин resort 'пружина' и т. п. от sort 'небо', потому у французов le sort — 'судьба' не от глагола sortir 'выходить', который сам происходит опять-таки от 'неба', собственно его части 'солнца' (на заре) и первично означал его 'выхождение' — 'восхождение'. С другой стороны, когда автор думает, что результаты его исследовательской работы могут столкнуться с требуемой последовательностью стадии или когда, при совершенно правильно намеченном им пути он утверждает, что «возможно даже нарушение последовательной стадиальности», то ведь, по новому учению об языке, вовсе и не требуется такого соблюдения последовательности стадии: есть ряд народов, скакнувших в языке — в диалектико-материалистическом его понимании — с техники мышления одной из наиболее отсталых в буржуазной культуре народностей Кавказа, сванской, на уровень просвещеннейших наций Европы (например, немцы).¹

Однако, вопрос не в этих недомоганиях старой или хотя бы настоящей статьи, а в правильной практически производственной постановке актуальнейшей теоретической задачи не одной нашей современности. И эта задача во всех разрезах лишь у нас имеет все благоприятные общественные условия для разрешения — при одном условии: если, по крайней мере в данном случае, делом его нелегкой организации займутся наиболее заинтересованные подлинные хозяйственники, с участием, разумеется специалистов, практиков и теоретиков, в первую очередь техников. Дело сложное, но не требующее отлагательства.

¹ Н. Я. Марр, Новый поворот в работе по языческой теории, ИАН, 1931, стр. 637 — 682 [ИР, т. I, стр. 312 — 346].

Безличные, недостаточные, существительные и вспомогательные глаголы

*Verba impersonalia, defectiva, substantiva und auxiliaria*¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

О социально-генетических связях немецкого языка с языками яфетической системы и в первую голову со сванским, как и древне-армянским литературным языком, я уже писал в предварительном сообщении из отчета о моей научной поездке в Германию «Новый поворот в изучении яфетической теории» (ИАН, 1931, стр. 637—682). Эти связи обнаружились сперва при исследовании готского языка, непосредственно связанного с немецким; одновременно я смог уточнить отношение первого из них к языкам другой группы яфетической системы, именно мегрельскому и чанскому. Эти связи лежат в основе исследования, разбирающего эту же проблему и относящегося к моим работам в Бонне в этом же направлении. Упомянутый раздел обработан в виде монографии, равно как и некоторые другие вопросы, как, напр., «Время в раннегреческом и ранне-немецком понимании», «Толкование так наз. сильных двухкоренных глаголов» и «Топонимика Рейнской области». Суммарный обзор других языковых систем в их очевидных то далеких, то очень близких отношениях к немецкому и тем самым к готскому составляет другой раздел. Яфетидологическое освещение готского я оставляю для специальной работы. Из монографически обработанной части моих исследований я представил настоящую работу «*Verba impersonalia, defectiva, substantiva und auxiliaria*» «Известиям Академии наук» для публикации.

Изложение имеет в виду непосредственно ознакомить широкие слои немецкого научного мира, не понимающего русского языка, с новооткрытыми связями немецкого с яфетической системой языков. Вопрос о языковом сходстве ставится преднамеренно в отношении немецкого, но это никоим образом не означает, что остальные языки так наз. германской группы теряют этим самым свои установленные старым языковедением индоевропейские взаимоотношения: последние лишь уточняются, подчас сводятся к другим, редуцируются, часто также исключаются, как следствие открытия более древних социально-экономических взаимоотношений. Особенно наглядны яфетидизмы в английском, где благодаря правильной оценке сейчас поддаются объяснению многие актуальные явления современного языка, остававшиеся до сих пор не объясненными, как, напр., женский род слов, обозначающих средства водного транспорта, как *boat, ship*, и двойной грамматический род домашних животных, приручение которых относится к более ранней стадии языкового развития.

Как к самому немецкому тексту, так и ко введению приложены примечания, предназначенные для читателя, который не знаком с русской яфетидологической литературой. Эти необходимые дополнения соответствуют современному состоя-

¹ [Напечатано на немецком языке в ИАН, 1932, стр. 701—730.]

нию нового учения о языке. Подлежащие объяснению явления опираются, имея в виду немецкого читателя, на примеры из немецкого языка. Само исследование состоит в изложении конкретных фактов, которые должны разъяснить приложенные тезисы автора; они взяты из грузинского языка, сравнительно лучше исследованного в яфетидологическом отношении.

ТЕЗИСЫ

1. Безличные и неправильные глаголы на самом деле личны и правильны при учете стадии их возникновения, в надстройке стадии тотемного мышления, в базе — стадии, предшествующей народжению общественности с культом предков и располагающей правом собственности групп, лишь впоследствии индивидуальной, личной.

2. Понятия и представления не постоянны по своему содержанию и его технике (идеологии), а не только по оформлению (формальному моменту), но, при одинаковой зависимости их происхождения и развития от сдвигов в материальной базе, сами представления и понятия не сменяются без смены структуры их выявления, ручное оно или звуковое.

3. В возникновении двух основных частей речи, имени и глагола, первенствующую роль играет посредничество и роль вообще тотема в смене значений, в речи — 'призрака'. По сложной палеонтологической формуле различных позднейших стадий, сначала 'призраки' ← 'тени', (затем) 'мертвые' ← 'труп', позднее по функции 'тело' (→ 'рука') ~ 'душа'. Значение 'тень + призрак' — цельное представление, одно из звеньев в цепи стадийных разновидностей тотема во времени в зависимости от сдвигов коллективного производства и коллективных взаимоотношений; именно это тотем предшествующих культу предков эпох.

4. Единство противоположностей, звуковой материи и нематериальной идеи, выявляется в первичном призраке-образе → тотеме, поскольку оно в языке разрешается расщеплением каждого из четырех лингвистических элементов (А, В, С, D,) с их двузначностью, первично тотема образа ($\alpha \parallel \beta \sim \parallel \gamma$) и неразрывно увязанного с ним звукового комплекса, одинаково продукции трудового процесса и производственных отношений.

5. Трехсогласие вместо двухсогласия в основах слов звуковой речи, слышущее у семитов глагольными корнями, собственно смена лингвистических элементов А, В, С, D и их идеологически закономерная служебная роль нарастает также скачкообразно из изменчивости формального момента выделением звуков из этих элементов, всего четырех, и их мнимонезависимой от материальной базы формальной техникой звуковых закономерностей.

6. В зависимости от стадии языкового осмысления и языкового оформления четыре элемента (А, В, С, D) — космические и анимистические тотемы личных оформлений безличных глаголов — в корне изменяют значение их основ скачкообразным сдвигом из одного мира понятий в другой, противоположный, пройдя в надстройке, по разрыве с ее противоположностью, производством, ступени выражения категорий (производственных, социальных, мыслительных и т. д.).¹

7. В истории глагола выявляется двузначность и 'руки', как: 1) космической силы в восприятии тотемистического (синтетического, диалектического) мышления и 2) технологической силы микрокосмического термина, орудия производства, в восприятии логического (аналитического, формального) мышления.

8. Присущие нам по переживаемой нами стадии концепции основных и дериватных понятий кажутся противоположными реальной последовательности их возникновения из-за противоположности соответственных стадий. Со стадии звуковой речи к тому же синтетические (цельные, предметные) представления (в звуковом выявлении — слова) переключаются в аналитические, технически сложенные понятия с дифференциацией функции их составных членов, простых лингвистических элементов, значимых как слова на ранних стадиях лишь в производственной обстановке, и тогда в надстройке — понятия, но еще не слова, т. е. не самостоятельные слова-понятия.

9. Вопрос о том, что раньше — имя (состояние) или глагол (действие), свое окончательное разрешение получает лишь в марксистском единстве противоположностей, в языке по формуле:

Глагол, действие ← ~ тотем → имя ~ → имя, состояние. Время, движение ↙ (производство + общественность) ↗ место, стоянка.

10. Общность и расхождение конструктивных частей склонения и спряжения основаны также на единстве противоположностей. У надстройки в мышлении эти две противоположности — время (движение) и место (стояние-стабильность) — находят свое начало в единстве, в нерасчлененном, недифференцированном 'небе' (1. 'небо с воздухом' и 2. 'земля с водой') — в двух поименованных морфологических частях флексии (склонении, спряжении); в материальном базисе (1. территории трудового процесса и трудового коллектива и 2. коллектива в действии) — в трудовом процессе, производстве и общественности (простой или сложной, в зависимости от формации, простой или сложной).

11. Двойственность функции одного и того же форматива не только в глаголе, но и в имени, в том числе первом по времени появления или основном в оформлении глагола, именно местоимении, на том же основании предшествует наличию двух формативов, каждого с одной только ему присущей функцией (напр., местоименный префикс *gi* груз., баскск. = 1 л. + мн. число).

12. Расщепление представления о личности дает по возникновении собственности (→ местоимения, замтотема ← тотема) в разрезе количества населения, занятого производством, два противоположных использования, в разрезе социальных взаимоотношений — две категории падежей, при состоянии покоя (позднее грамматически: средний глагол) падеж владельца (определителя, равно актива, косвенного падежа) и падеж предмета владения (определяемого, предиката, пассива, прямого падежа), при движении-действии — субъекта-актива (активного, косвенного падежа) и объекта (пассива, прямого падежа).

13. Существительный глагол 'есть' ('быть') без всяких отношений ко времени или месту есть самое абстрактное и самое позднее достижение в языкотворчестве, совпадающее с выработкой настоящего времени. Это достижение, как завершённый процесс, относится к стадии, когда выработалось мировоззрение с единым

богом классового общества, причем, однако, с тотемистической все еще природой основа этого существительного глагола мировоззренчески свидетельствует в языке омонимность 'тотема' с 'господом', 'жрецом', 'царем', а морфологически — то явление, что каждая из основ существительного глагола имеет формально лишь одно основное время, или настоящее, или прошедшее (отсюда форма прошедшее несовершенное, оно же *praeteritum* и аорист), смена того состояния в развитии глагола, когда было одно двузначимое время, будущее, наблюдаемое в феодальном древнеписьменном языке грузин, с его противоположностью — прошедшим (аористом).

14. По общепринятому ныне восприятию исключительные, неправильные глаголы (безличные, недостаточные, существительные, вспомогательные), поддерживаемые в полной мере особенностями нормального спряжения не только в грузинском, но и в языках иных систем, не исключая и «индоевропейской», следовательно, и русском, сигнализируют стадияльным разъяснением своего идеологического построения с его техникой и своего орудия выявления с его техникой соответственные уже четкие явления материальной базы, как результат борьбы с известных эпох классов, раньше борьбы группировок по противоборствующим силам в производстве и производственных отношениях, а не по кровному родству, когда бы то ни было, даже тогда, когда оно для всех очевидно (раса, племя, нация).

ВВЕДЕНИЕ

В моем докладе говорится о грузинском глаголе. Предмет моего доклада является сугубо специальным. Прежде всего потому, что в широких кругах ученых-филологов имеется чрезвычайно мало знакомых с грузинским языком. Далее, глагол занимает огромное место в грузинском. Глагол — как подвижное и худо ли, хорошо ли порождающее движение явление, это часть речи, выражающая время, движение и активность (чрезвычайно метко именуемая в арабском *fiʿl*^{an} 'действие', а также и в грузинском *zna*), — пропитал собою насквозь грузинский язык. Не только множественное число слов, но и многие части речи в целом происходят в грузинском от глагола, глагольные образования опосредствуют обозначение свойств, эффектов и полезных в хозяйстве вещественных сил и в соответствии с этим выполняют функции прилагательного, наречия и т. д. Коротко говоря, грузинский язык настолько полон глаголами, что начинаешь сомневаться, есть ли эта часть речи действительно глагол.

В самом деле, грузинский глагол это больше чем глагол. В грузинском языке парит такая многозначность, такое диффузное положение вещей, что нет ни одного исключительно-однозначного явления. Нет чистого инфинитива, или, скорее, образование имеет двузначную противоречивую функцию. Напр., *kreba* — *nomen actionis* — одновременно значит и 'assemblée', 'собрание', 'общество', равно как и 'собирать'. Вследствие этого мы можем в синтаксисе древнегрузинского письменного языка передать смысл выражения, 'собирать всадников' синтаксически двояко: во-первых, *krebaš mqedaḡda*, буквально, 'к сбору всадников' (gen. pl.) и, во-вторых, *krebaš mqedaḡ-n-i ḡi* 'для того, чтобы собирать всадников'.

Кто владеет системой строя грузинского глагола, тот мастер грузинского языка. Первое действительное ознакомление с системой глагола в грузинском последовало, чтобы быть точнее, было «сообщено», в моей опубликованной факультетом восточных языков в Ленинграде, тогда Петербурге, работе, озаглавленной «Основные таблицы грамматики древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими», вышедшей в 1908 г. Из этих 20 таблиц только 3 относятся к *Nomina*, все остальные являются исключительно формулами глагольного образования. Но это было в своей основе в значительной степени формальным толкованием предмета, хотя и палеонтологически проведенным и прокладывающим новые пути для материалистическо-идеологического понимания предмета. Это положение вещей длилось до 1923 г., до тех пор, когда были установлены результаты объединенных пиренейско-иберских и кавказо-иберских исследований с волго-чувашскими, а затем также и с соприкасающимися и дальше северо-финно-угорскими исследованиями (что отразилось и на способе и технике исследовательской работы), подобно тому как ранее извлекались результаты из передне-азиатских мертвых и вообще под сильным влиянием письменных языков. На место построенной на наследственном генетическом родстве классификации языков по различным расам или странам их происхождения пришла классификация, построенная в зависимости от стадияльной ступени развития шаг за шагом добытых систем, где не только равнозвучащие и равнозначные языковые явления, но и по звуку и смыслу противоположные слова и морфологические образования раскрываются как признаки родства. Этим самым формальный метод, чисто формально сравнительный, так наз. компаративизм, был «снят» и заменен идеологическим палеонтолого-социологическим методом. Достаточно сослаться на мою опубликованную в 1925 г. русскую грамматику грузинского языка и на французское пособие по моим краткосрочным, дважды (в 1927 и 1929 гг.) читанным в «Ecole nationale des langues orientales vivantes» лекциям (*cours libre*), чтобы ясно увидеть коренное различие обоих методов. Но сейчас и французская грамматика грузинского языка немного устарела.¹

В настоящее время я не имею ни времени, ни места изложить те обстоятельства и причины, которые привели за последние десять лет к такому подъему в развитии нового учения о языке, яфетической теории. Я также чужд намерения рассмотреть грузинский глагол во всем его объеме. Здесь пойдет речь о безличных и недостаточных глаголах вместе с вспомогательными, которые имеют еще то преимущество, что при изложении их палеонтологически рассматриваемых преобразований, соответствующих стадияльным ступеням развития, могут быть сообщены некоторые основные положения относительно яфетической теории и конкретных языковых частных. Совершенно невозможно, и это было бы также беспредельно, дать один лишь перечень основных положений новой

¹ Я совершенно не затрагиваю здесь обстоятельство, которые препятствовали мне, гостеприимно приглашенному прочесть свободный цикл лекций, не только свободно излагать общественно-идеологические моменты языка, но даже и употреблять присущий моей теории термин «яфетический».

теории: такими многочисленными и непривычными могут они показаться. Новое учение о языке, которое проложило верные и твердые новые пути, ставит свои исследования в мировом масштабе, не рассматривая мнимые различия как пропасти, безнадежно разделяющие родственные, якобы независимо возникшие языковые семьи. Я чрезвычайно благодарен проф. Менгину (Menghin), который в своем одновременно с моим курсом вышедшем произведении «История человечества и каменный век» занимает в отношении яфетической теории, нашедшей понимание вообще немецких ученых кругов Вены, искреннюю и лишенную предрассудков позицию.

Он признает яфетическую систему не только в перечне систем (для него еще языковых семей позднейших «племенных культур»), но и ставит ее по времени на первое место. Более того, он отводит археологические возражения. «Более трудно, — начинает он (стр. 542), — обосновать археологически яфетическое языковое движение в Западной Европе. Бош-Гимпера (Bosch-Gimpera) отклоняет предположение о яфетическом языковом влиянии на Иберском полуострове (Literatur, стр. 531, прим. 62), ибо ему кажется, что для этого отсутствуют всякие археологические основания (стр. 542)». И затем, после обзора материально-исторических фактов, проф. Менгин высказывается (стр. 543) так: «Ее [культуры колоколовидных кубков] чисто туземное развитие мы, как уже было подчеркнуто (стр. 388, 401), не считаем ни в коем случае бесспорным. По меньшей мере она восприняла более чем одним только путем чуждые элементы, из которых некоторые указуют и на яфетический мир. Дальнейшее обследование Западной Европы и Малой Африки, может, следовательно, принести в этом отношении еще много неожиданностей. Но и наличного уже достаточно для того, чтобы допустить возможность проникновения яфетических языковых достояний в Западную Европу». Также и в следующих разделах о басках, лигурах, дравидах и т. д. он ратует за возможность участия яфетидов в так наз. доисторическом творчестве. «Племенной состав остального первобытного населения, поскольку речь не идет об иберском элементе, вообще не может быть обнаружен историческим путем».¹

¹ Несколько иначе разъясняет колоколовидную керамику Эберт (Ebert) в Reallexikon der Vorgeschichte, т. IV, вып. II, стр. 345—362). Он говорит подчас обратное и пусть на ряду с обычным для него пристрастием к традиционному объяснению сложных событий столкновением внешних сил («колоколовидная керамика образует своеобразное явление, распространяющееся в медном веке в странах западной, южной и средней Европы. Группы, в которых появляется колоколовидная керамика, образуют частью замкнутые культурные единицы, частью же колоколовидная керамика встречается в соединении с другими типами, так что речь идет уже не о собственно колоколовидных культурах, а о культурах, подвергшихся влиянию колоколовидных культур»), зависимость истории развития от формальных и механических явлений, например, иммиграций, самою собою разумеется расовой обособленностью или равным образом воздействием отделившейся культуры — он ищет истинную причину, и, кажется, будто он нашел не врожденное стремление, а конкретное и действительное местное доказательное основание («для того, чтобы ответить на вопрос относительно образа и способа распространения колоколовидной керамики и развития колоколовидных культур, необходимо обратить внимание на локальные подгруппы и тем самым обобщенные явления. Лишь тогда можно спросить, распространилась ли колоколовидная керамика в силу иммиграций или культурных влияний»). Он обходится без реальной «каузальности», и потому даже признание им приоритета испанской почвы в истории колоколовидной керамики не дает нам ничего, кроме голый констатации, ибо он не склонен отыскивать и находить мнимую причину в какой-либо «области», или в ее древнейших формально видимых явлениях как в данном первоначале. Так дело обстоит, когда Эберт пишет: «В средней Европе колоколовидная керамика выступает повсюду готовой, и вряд ли она могла, как то

«С археологической и лингвистической точек зрения становятся осязаемыми, как ниже будет показано, хамитические элементы, и на основании языковых опорных точек их признают не только яфетидами и северными африканцами, но вообще индогерманцами (G. Herbig, *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*, Strassburg, 1915—1916, стр. 157), но также и индогерманцами (P. Kretschmer, *Die Inschrift von Ornavasso und die Ligerer*, *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, XXXVIII, 1905; K. Muck, *Zur vergleichenden Ethnologie der Alpenländer*, *Mitt. Anthrop. Gesellschaft zu Wien*, т. XXXVI, стр. 39). Все три взгляда могли бы быть в известном смысле законными».¹ О дравидской проблеме Менгин пишет следующее: «Дравидские языки южной Индии, к которым относится также и брагуи в Белуджистане, считались до недавнего времени совершенно изолированными. Недавно пытались их связать по двум направлениям. С одной стороны через эламский с яфетическими (G. Hüsing, *Völkerschichten in Iran*, *Mitt. Anthrop. Gesellschaft zu Wien*, т. XI, вып. VI, 1916 г., стр. 220), с другой — с уральскими (O. Schrader, *Drawidisch und Uralisch*, *Zeitschrift für Ind. und Iran.*, т. III, 1924, стр. 81).

«Приведенный для доказательства материал ограничивается в первом случае чисто словесным сходством, во втором — опирается на более крепкую базу формативных частностей. С археологической точки зрения материал не допускает однородного объяснения». После тонкого примечания о различиях в распространении штадской культуры, вещественно установленных на тавро-придунайских отношениях и которые проф. Менгин, исходя из своей точки зрения, не считает отношениями родства, а смешением, которое с его еще расовой точки зрения является позднейшим явлением, оказывается возможным в поисках предшествующих стадий возразить (стр. 545), что прежде всего необходимо считаться с обеими возможностями, первобытным родством и позднейшим влиянием яфетических народностей. И после этого он заключает: «Постоянно следует иметь в виду то обстоятельство, что предположение яфетических и уральских составных частей в дравидских языках и с археологической точки зрения не является вздорным».

и допускает обычно, там возникнуть. То же относится и ко всем другим областям распространения колоколовидной керамики, кроме Испании, где основательно искали исходную точку ее распространения. Лишь в Испании можно понять колоколовидную керамику как результат предшествующего развития. Как ее предшествующие ступени, так и она сама, образуют здесь главные признаки культур области их возникновения. В Испании можно было бы ожидать, что различные импульсы содействовали здесь образованию колоколовидной формы и колоколовидного орнамента. Не только в керамике предыдущих эпох этой области, где в совершенно развитом медном веке появляются колоколовидные сосуды (*Glockenbecher*), находятся предварительные ступени, но и в испанских плетениях известной *Cueva de los Murcielagos* (см. т. II, табл. 169, 170) можно было бы найти подобные побуждения, как на то уж указывал Сирэ (*L. Siret, Questions de chronologie et d'ethnologie ibériques*, 1913, стр. 206 сл.). Это, конечно, не означает, что не следует принимать данный факт, а лишь то, что с подобным методом сваливаются в пропасть смешения причины с следствием, как то видно из статьи Рехе (*Rechée*) «*Glockenbecherleute*» (там же, стр. 362—363), где в своеобразно-сложном явлении хотя и усмотреть мешаный тип под воздействием крови, естественно индоевропейской расы.

¹ Это вполне соответствует добродушно-приятельским отношениям творцов этих вряд ли легко согласуемых воззрений, но, к сожалению, не «вопросу о яфетидах» и всему тому, чему нас учит созданная на началах диалектического материализма новая языковедная так наз. яфетическая теория.

Но проф. Менгин использует, к сожалению, результаты нового учения о языке лишь в объеме знакомства с опубликованным в 1923 г. моим сочинением «Der japhetische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur» (JS, т. II). Эта работа сегодня чрезвычайно устарела и опережена новыми, более точно сформулированными данными. Лишь гипотетически предположенное Менгином значение яфетических так наз. племен для доистории западной баско-иберской, а также и лигурийской Европы и хамитическо-берберской Африки, давным-давно уже доказано, как имевшее в действительности место обстоятельство, в ряде работ, написанных по-русски по отдельным палеонтологически разъясненным проблемам общего языкознания. Эти исследования уже дали возможность с помощью новых, палеонтологически разъясненных опорных пунктов вовлечь в круг исследования языки Африки с их центральными культурными областями, от Пиренеев вплоть до Индии, до Памира и т. д., не на основе племенного родства и сомнительных культурных кругов, но на базе социально-хозяйственных слоев и соответственно им выступающей в строгой последовательности смене рядов стадийных ступеней развития материально-культурно-исторических различий.

Эти слои, естественно, являются не только праиндогерманскими, прасемитическими, праугрофинскими и т. д., но и вообще предшествуют всем широким и большим общественным объединениям, в том числе и тем, которые говорят на каком-либо языке яфетической системы; они представляют собою результаты процесса языкотворчества ранних, более мелких человеческих объединений и развития языка вследствие образования больших общественных объединений с одной стороны, и с другой — вследствие роста и развития материальной культуры и изменений в ее технике без содействия позднейших смешений с образовавшимися языками.

Так можно, например, проследить такой примитивный слой в баскском, берберском, этрусском, латинском, греческом и армянском, с материальной культурой баланофагов (жолудеедов) и с мировоззрением тотема собаки. Следует остерегаться включать сюда слои с общей терминологией злаков, где господствует еще колебание между пазванием 'ячменя' и 'пшеницы'; так в баскском армянское название 'ячменя' *gaḡ* стало уже названием 'пшеницы', однако для обозначения 'ячменя' баски пользуются удвоением названия 'ячменя' *gaḡagaḡ*, в то время как у армян всплывает совершенно другое наименование — *ճոցալ*. Совместное развитие терминов злаков неразрывно связано также с названиями металлов и металлургической терминологией. Вместе с названиями металлов, по крайней мере с 'железом', а также 'бронзой' и 'серебром', мы находим в баскском, в германском, в армянском другой слой, чрезвычайно близко стоящий к яфетическому сванскому языку, также и морфологически и фонетически связанный специально и конкретно с германским слоем. Но на этом раз мы проходим мимо вопроса о немецком языке и готской проблемы. Я удовлетворяюсь установлением того обстоятельства, что так наз. перебой германских языков не есть новое достижение в истории индогерманских языков, а особенность, унаследованная от яфетической системы.

В баскско-германско-армянском слое я, однако, ограничиваюсь в данный момент названиями металлов и именно 'железа', вещественно-языковую историю которого мы сейчас в состоянии проследить шаг за шагом от каменных орудий и названий 'камня', как материала, до 'железа' и дальше до космическо-социальной терминологии.

Еще один слой объединяет этих же самых басков, их лигурийские, или чисто гурийские, социальные составные части (l+gur с его двойником l+gu-st в м. l+gur-st, явно двух-, герм. трехэлементное образование) и ряд народов, включая и ныне живущих на востоке Черноморья мегрелов и лазов. Сюда относится, между прочим, название 'собаки', мегр. и лазск. ḡoḡor, бск. dagar.¹

Впрочем баскско-мегрельские языковые отношения в такой мере тесно увязаны между собой, что об этом написал я в Тардеце, в стране басков, специальную работу (на русском языке), озаглавленную «Из Пиренейской Гурии». Население Гурии, которая издавна уже является в языковом отношении грузинской страной, было некогда мегрело-чанским. К особенностям их речи сводятся, очевидно, теперешние индивидуальные особенности гурийского наречия.

Подобные в мировом масштабе поставленные обширные исследования языка оказалось мне возможным провести мало-мальски успешно лишь благодаря соответственно глубокому проникновению в стадильную последовательность различных слоев, диахронически сменяющих друг друга от начала до настоящих дней.

До какой степени глубины мы достигли в наших палеонтологически производимых языковых раскопках, какую древность открыл низший слой, можно, между прочим, заключить из так наз. реликтов в немецком, где «Hals» 'le sou' (русск. «шея») и «la gorge» (русск. «горло», «глотка»), как в грузинском (kel) и лазско-мегрельском (лазск. ḡal ↘ al, мегр. ḡal), обозначаются одним словом, а также из готского, где «watō» обозначает как 'воду', так и 'реку' (впрочем в немецком, в противоположность к «Wasser» 'воде', сохраняющей лишь последнее вещественно-материальное значение, ее вариант, оформленный согласно родной палатальной огласовке — «Wetter» означает 'погоду', 'бурю', что составляет неразрывное понятие с 'небом'). В армянском, однако, сохранились реликты той ступени развития, когда 'душа' ['дух'] и 'труп' ['тело'], даже глубже, когда 'рука', как магическое средство (не технологическое), сигнализировала сущность коллективного человека: у армян anḡəp (древнеписьм. арм. слабая форма пассивного падежа an+ḡəp- ~ an+ḡəp-) означает 'тело', также как и 'душу', также в армянском наличествует от 'руки' глагол 'вручить' y-anḡəp-el, который явно обнаруживает свою основу [h]an+ḡəp (раньше 'труп' ~ позднее 'душа'). Это происходит из той ступени развития, когда человечество еще никакого представления о 'душе' не имело.² Раньше мы находили наши опорные пункты главным образом в своеобразном диффузном положении вещей таких языков (яфетической системы), как, напр., грузинский, где ze-da [← ze-ḡa → ze-ḡa) означает 'верх', 'на' и одновременно 'небо'.

¹ N. Marr, Du terme basque «dagara» 'loutre', ЯС, т. I, стр. 1—30.

² Подробнее соответствующий материал рассмотрен в готских исследованиях.

Эти основополагающие обстоятельства требуют совершенно иного понимания языкознания и языковых отношений. Главную роль играет здесь семантика, вообще идеология (до идеологии морфологических и собственно звуковых явлений включительно) и строгие законы ее развития, а не формальные фонетические и морфологические показания; последние образуют техническую сторону. Сейчас, после преодоления строгой закономерности содержания в языке, значений слов и идеологии вообще, должна быть в корне переработана и преобразована и технологическая сторона, фонетика.

Ибо как можно что-либо утверждать о происхождении и развитии не только значения слова, но также его фонетически необходимой формы, если неизвестно, что 'море', 'земля' и 'небо' первоначально обозначались одним единственным словом, т. е. 'небо', и что члены различных грамматических родов (средн. *das Meer*, женск. *die Erde* и мужск. *der Himmel*) являются, вероятно, позднейшими, в равной мере закономерно наступившими изменениями. Необходимо также знать семантический ряд 'вода' (косм. 'небо'), 'женщина', 'рука' не только как факт, но и с пониманием того, что три члена этого ряда представляют три в корне отличные ступени развития с соответственно различным мировоззрением, — космическим ('вода', косм. 'небо', затем нижнее или подземное 'небо' — 'море'), общественным ('мать', 'женщина' и т. д.) и технологическим ('рука', 'орудие' и т. д.).

Безличные и недостаточные глаголы (включая вспомогательные глаголы), главная часть которых вам уже известна из объективного строя спряжения, требуют глубокого анализа (который здесь, естественно, может быть набросан лишь в главных очертаниях), чтобы этим самым вооружить начинающего необходимыми знаниями, позволяющими ориентироваться в многочисленных и полных многих противоречий правилах глагольного образования.

Нельзя ограничиться, как это обычно случается, обозначением этих глаголов как неправильных или рассматриванием их как исключений. Поступая так, легко подвергнуться опасности считать большую часть грузинских глаголов неправильными. Стоит, однако, распределить эти глаголы, которые способны основательно запутать своей кажущейся неправильностью, по стадиям развития звукового языка, как эти подвергающиеся рассмотрению образования раскрываются как совершенно правильные и закономерные.

Эти так наз. неправильные глаголы стоят, как правило, ближе всего к первичным именам и в своей основе являются этими первичными именами, которые зачастую могут служить без какого бы то ни было формального изменения для обозначения действия или состояния.

Однако когда отдают первенство именам, то этим совершают основательную ошибку, поскольку со словом 'имя' связывается свойственное разработанной, уточненной надстройке представление абстрактного явления, будь то существа, будь то какой-либо вещи и поскольку не принимают во внимание, что на данной стадии нет никакой дифференцированной идеи о предметах и их названиях, словах, никакого представления об отдельной функции.

Существовало диффузное представление о словах, образующих надстройку, сигнализирующих абстрактные идеи и о сигнализируемых предметах, об их существовании и их действии.

Флективная морфология, будь то склонение, будь то спряжение, предстает перед нами как выражение в надстройке, само собою разумеется, лишь как отражение внешних отношений между предметами в пространстве или времени, выражаемых с помощью признаков, которые ничего больше не означают, как эти лишь абстрактные отношения, без внимания к предметам и их особенностям в социальном или индивидуальном отношении.

Анализ глагольных образований осветил нам многообразие методов, благодаря применению которых человеческим коллективам удавалось выразить не только общность необходимых действий и состояний, но и социальные и этические взаимоотношения, а затем и различные виды их страстей и душевных переживаний, не исключая индивидуальных.

Этим многообразием образований, помимо времен и наклонений, свойственных исключительно глаголам, отличается и обозначение числа и лица.

Среди образований имен мы находим не только числа, но также и лица. В отношении числа твердо установлено, что сами образовательные элементы множественности у имен и глаголов тождественны, напр., -ფ (← -ფა), -ნ (← -ენ, точнее -ნე).

Что касается обозначения лиц, то не столько их фонетическое различие решительным образом отличает глаголы от имени, сколько в большей мере их идеологическое употребление, их функция, их значение.

У личных местоимений, как и в большей мере у прилагательных, основа в действительности не имеет никакой другой функции, как только обозначать лицо, независимо от числа, для которого имеется особое обозначение, напр., ჟი-ენ 'мы', შა-ფ 'от них', 'к ним', ჟე-მ 'я' (в настоящем 'я' только მე), შა- → მ- 'он'.

Равным образом находим мы в большинстве случаев при глаголе употребление личных обозначений, которые в своей совокупности объединяются, как особая хорошо известная составная часть речи, под названием местоимений; они обозначают исключительно функцию.

Этим, однако, ни в коем случае не освещена действительность ни в отношении современного состояния грузинского глагола, еще много менее того в отношении древнейшей стадии развития звукового языка. Все неправильности и особенности грузинского глагола, все закономерные особенности глагольного образования являются независимыми от той морфологической подосновы, которая принадлежала более ранней, уже пережитой стадии и которая смущает сейчас лишь только потому, что сна нами больше не осознается.

И в современном состоянии грузинского языка местоимение нередко означает, как реликт, как пережиток, не только лицо, но и число, напр., გუ-ღამ-ს 'мы верим', букв. 'нас оно (собственность) — вера (← небо) — он'; გუ- имеет здесь двойное и нераздельное значение как первого лица, так и множественности, как и окончание -ფა, имеющее в склонении древнеписьменного языка двойное зна-

чение, одно — косвенного падежа, безразлично какого, и другое — множественного числа.

Что касается косвенного падежа в склонении, то мы знаем относительно него еще то весьма существенное обстоятельство, что это окончание не всегда выражает абстрактную грамматическую форму, косвенный падеж, но пережиточно служило и еще по сей день служит в абхазском языке, родственном грузинскому, для обозначения множественного числа, именно в отношении действующего или работающего (активного) существа, это значит в отношении какой-либо определенной в социальном смысле группы (в абхазском склонение еще не образовалось).

Равным образом, не только особое обозначение лица самого по себе и числа самого по себе, но и более точное определение первоначально общего обозначения лиц, с целью присвоить каждому лицу в отдельности особое обозначение, является у глагола стяжанием позднейших эпох. Отсюда вытекает, что аффикс 2-го лица *s-* (префикс) и его вариант *h-* совпадает с аффиксом 3-го лица *-s* (суффикс) и его вариантом (префикс). И это сигнализировавшее ранее совокупность местоимение, сейчас представленное лишь фонемой *s ~ h*, звучало в своем полном виде *sen ~ hen*, resp. *sin ~ hin* и означало коллективный предмет. Этот полный вид выступает перед нами с утратой спиранта как *-en* ($\leftrightarrow$ *in*) в 3-м лице множественного *-en*: *kreb-en* 'они собирают', древнелитер. *itkw-an* $\leftarrow$ *i-tku-i-an*, 'они говорят', в смысле 'говорят' (*man sagt*).

В русском издании грамматики древнегрузинского письменного языка интересующие нас в первую очередь безличные и недостаточные глаголы расположены по семантическому принципу. Серия начинается необходимейшими вспомогательными глаголами, теми, что означают 'делать', 'действовать' вообще.

Это — классификация, которая противоречит историческому ходу вещей и которая группирует языковый материал в противоречии с тем, что вскрыла нам палеонтология звуковой речи, — непрерывную прогрессивную смену рядов в области материального базиса, следовательно, и в области конкретных представлений и абстрактных идей, характеризующих идеологическую надстройку. Одного указания на то, что в начале семантического ряда стоял глагол *v-ag* 'я есмь', слово абстрактного значения, которое выражает идею бытия без какого-либо отношения к обстановке, достаточно для того, чтобы усмотреть, что семантическая классификация русского издания находится в радикальном противоречии с положением вещей, установленным при помощи нового научного достижения, палеонтологии звуковой речи.

Эта палеонтология рассматривает в настоящее время язык с учетом хода развития мировоззрения человеческих коллективов, пользовавшихся до выработки звукового языка языком жестов. Палеонтология человеческого языка не удовлетворяется утверждением, что первобытное общество обладало так наз. дологическим способом мышления. Оно рассматривало мир, несомненно, иным образом. Более того, оно пережило в своем понимании окружающего мира смену ряда идеологических ступеней развития. Мы не задерживаемся здесь на сложных взаимоотношениях обоих языков — ручного языка, или языка жестов, и звуко-

вого языка, которому предшествует первый, ни в коем случае не прекращающийся с возникновением звуковой речи, но продолжающий существовать и оказывающий на нее влияние. Стадия развития звукового языка предполагает космическое мировоззрение.

Мы не утверждаем, что отдаление глаголов от предметности жизни является ирреальным или фиктивным в отношении их семантики. Но оно есть вторичный факт, оно есть результат общей истории звукового языка внутри определенной социальной группы, оно возникло на соответственной ступени развития, которую можно познать по способу, каким воспринимаются вещи. Таково, напр., представление о чисто механическом движении, в котором свидетельствуется строго логический способ мышления и вместе с тем техническое понимание понятия; такова, следовательно соответствующая структура глагола, выражающего понятие 'подниматься'. В противоположность немецкому словоупотреблению, которое в этом отношении примитивнее, в грузинском, как и в русском и латинском, используют одну и ту же основу -*val-* (nom. actionis — *vla*) 'шагать' для всех видов движения — 'подниматься', 'входить', 'выходить', 'итти', 'прийти'. Желаемое направление движения выражается лишь в путях технологического восприятия действия посредством присоединения приспособленного наречия или предлога, точно так же, как мы этот самый технический способ выражения находим во французском глаголе «descendre», происходящем от латинского «descendere» (противоположность «ascendere»), в то время как для «ascendere», а также «exire», «evenire», французский язык сохранил и глаголы более ранних словообразований «monter» и «sortir». Армянский язык, напротив, имеет довольно закономерно для обоих этих действий один лишь глагол *el-an-el* с основой *el* 'выход'; некогда она означала лишь 'солнце'. Как везде в яфетической системе, армянское *el-an-el* означает при потребности также 'выходить', как и 'восходить', но 'спуск' выражают иначе, именно посредством *eu-ḡ* → *e-ḡ*, что означало 'подпочву' ('небо³'), и посему оно означает в армянском феодальном языке лишь 'закат' (грузинский феодальный язык «eḡ» 'место отдыха', 'поражение', 'этап', ср. араб. *ma + nzil*¹²¹) и глагол *iḡ-an-el* 'заходить', аор. *euḡ* → *eḡ*. Однако вначале оно означало также и оба других 'неба' ('верхнее небо', 'нижнее небо' = 'земля'); отсюда арм. *erḡan-i + k* 'блаженный' (← 'небо'), груз. *eḡ-i* 'спуск' (← 'земля').

В упомянутой грамматике, вышедшей в 1925 г. на русском языке, мы сочли необходимым при освещении перечисленных во втором разделе глаголов из круга понятий 'рождать', 'произвести на свет' поместить следующее предостерегающее подстрочное замечание: «этим самым мы не утверждаем, что 'рождать', (русск. «рожать» ← *roja-te), 'произвести на свет' есть первоначальное значение слова», ибо мы тогда еще не знали, какое образное представление было связано в социальной среде этой же языковой системы с понятием 'рождать'.

Сейчас мы уже достаточно ориентированы в этом вопросе, чтобы не искать решения проблемы в том или другом члене трехчленного семантического ряда груз. *qel* || *qal* || *tkal* 'рука + женщина + вода', имеющего свою собственную историю возникновения.

В самом деле, когда мы оглядываем семантические отношения, положенные в основе классификации так наз. неправильных глаголов в вышеупомянутой, по-русски написанной грамматике, мы находим там, с точки зрения палеонтологии, некоторые недостатки, шероховатости и — пусть это будут частности — некоторые случаи, которые прерывают историю развития значения, т. е. того, что составляет смысл существования (*raison d'être*) слов, их внутреннее оправдание и основное движущее начало их образования в любом направлении. Так, напр., во втором разделе этой классификации, противоречащей палеонтологии звуковой речи, объединены в одном семантическом кругу глаголы, означающие 'рождение', 'производство', 'прирост', 'приобретать' и 'искать' или 'находить'. Выбор предугадан верно, поскольку на известной стадии развития возникает глагол 'рождать' из имени 'женщина', *геср.* 'мать', далее глагол 'производить', 'изобретать', 'искать', 'находить' происходит от имени 'рука' и нехватает только лишь 'воды', именно космического водяного элемента, для того, чтобы получить твердо установленный семантический ряд 'рука + женщина + вода', выраженный в одном лишь слове. И здесь невольно возникает вопрос: воспринимался ли исходный пункт этой семантической комбинации первоначально технологически ('рука', общественно 'женщина', 'жена') или материально, *геср.* космически ('вода', *геср.* 'небо', опять-таки тройное: верхнее, среднее и нижнее).

Социальные и космические воззрения, само собою разумеется, возникли позднее: они ведь образуют надстройку материального базиса, производства, первым орудием которого естественно была рука. Как это ни верно, но не менее твердо установлено, что начало употребления звукового языка относится ко времени, когда культура уже далеко продвинулась вперед, именно ко времени, когда человеческое общество уже имело потребность обозначать космические понятия, для которых средства языка жестов оказались неподходящими. Лишь в дальнейшем звуковые символы, или сигналы, вытеснили из разговора употребление «ручных понятий», линейные символы, или знаки. В итоге звуковая речь постепенно победила, и механическое восприятие понятия одержало верх, в то время как до этого не было никакого повода понять 'женщину' или, например, 'мать' в физическом или технологическом смысле, как производительницу потомства, по образу 'руки', которая своей работой являлась творческой, но 'женщина', *геср.* 'мать', рассматривалась как космическое тело, как многократное 'небо', соответственно способу мышления различных эпох, частями которого были 'верхнее небо', 'солнце', 'огонь' или 'среднее небо', 'земля' и 'нижнее' или 'подземное небо' (*ciel de sous-sol, souterrain*), 'море' и 'вода'. Отсюда тождественность слов в значении 'воды' и 'огня', 'земли' и 'моря' и т. п. Эти обстоятельства из области семантики подводят нас вплотную к существенному пункту, где мы в космических взаимосвязях, выступающих в качестве идеологической надстройки над материальным базисом, производством, созданными им общественными отношениями, вновь находим основной источник семантики, связывающей мир словопонятий (*le monde des mots*), воспринимаемый сегодня в значении 'солнца' с общественной жизнью человеческих существ, с материальным миром. И это единственный источник, из которого звуковая речь или, скорее, производящий ее коллектив.

и почерпнул более чем одно из тех первоначальных, многозначных и переменчивых значений, которые радикально различны у каждого слова на различных ступенях стадияльного развития материальной культуры, а также в их семантических дериватах без прибавления какого-либо внешнего признака деривации, следовательно, до возникновения какой бы то ни было формальной морфологии. Этот первоначальный источник есть не что иное, как тотем; эта предпосылка языка со времени возникновения социального бытия, не что иное, как многочисленные тотемы, из которых каждый является идеологической надстройкой над жизнью организованного коллектива и которые обусловлены процессом производства, поскольку производительные силы коллективного труда организованных человеческих существ, сообразно их производству, первоначально направленному на использование естественных даров, выступают в мышлении первобытных людей в качестве магических сил, которые лишь с течением времени становятся природными духами, культовыми объектами и т. д. Эти-то тотемы и опознаются нами в основах так наз. безличных и неправильных глаголов. Без учета тотемистического характера этих первоначальных понятий невозможно уразуметь глагольные образования, как образования *poimā actionis*.

Это же положение дела мы имеем и в области идеологии, образующей демаркационную линию или в гораздо большей степени пропасть, лежащую между старым русским и теперешним французским изложением грузинской грамматики. Это одинаковое положение лишь явственнее выдвигает радикальное различие, когда мы переходим к его внешнему выражению в формальных составных частях языка. Ко времени окончания русского издания палеонтология в собственном смысле слова была едва набросана и не могла нам указать правильного пути. Соответственно добрым классическим традициям филологии, мы оставались тогда верными формальным принципам индоевропейской лингвистики, а также расовой теории в отношении происхождения и родства языков. Пред лицом неопровержимых генетических взаимоотношений, связующих грузинский и близко стоящие к нему языки с семитической ветвью, наш исходный пункт был определен во всех его частях предпосылкой, что семитические и яфетические языки следует выводить из общего праязыка.

Постоянное преобладание трех- или двухбуквенной нормы также казалось нам явлением большой важности и мы считали ее в техническом отношении безусловно первичным фактом, в то время как сейчас она раскрылась в общем как вторичное явление, ибо в грузинском эта норма охватывает лишь сравнительно поздний слой языка, относящийся к той ступени стадияльного развития, на которой находится семитическая система языков, хотя она и проникла в архаические слои в процессе образования трехбуквенного строя с различными функциями согласных, из которых состоят корни,¹ и гласных, имеющих морфологическое значение. И в этих примитивных слоях находятся огласованные корни, без того чтобы семантическая и морфологическая функция была поделена между согласными и гласными. Скорее, здесь легко обнаружить четыре элемента (A, B, C, D),

¹ Это существенным образом способствовало тому, что мы упорно пребывали в оковах формалистического учения о языке.

безразлично в каком состоянии мы их ни нашли бы, в простом или двухчленном, порою трехчленном сочетании, когда мы находим подбор определенных элементов, комбинированных по два или по три. Но что сейчас особенно важно для рассматриваемого предмета, так это то обстоятельство, что каждый из четырех элементов звукового языка является собственно материальным носителем тотемов. Их существенное значение в области семантики и, следовательно, для глагольных основ, обозначаемых и как *nomina actionis*, мы только что разъяснили. В их фонетическом облачении, когда эти самые тотемы в словаре превратились уже в простые родовые слова, они представляют тем не менее единственный ключ к пониманию строя старых образований первоначального источника языкового творчества, даже когда их фонетический состав сведен к одному слогу или к одному простому звуку, или, наконец к нулевому состоянию, где однако, несмотря на это, их наличие должно быть предположено.

Коллективное обозначение личности, позднее приспособленной к иначе дифференцированным лицам, относилось к конкретному предмету, действующему или производящему существу, именно тотему или духу (*Genius*), как его представляют себе собственно первобытные люди. Эта идеологическая надстройка над материальным базисом, производством и социальным устройством, в которой организация общества предстает нам олицетворенной, была для мышления первобытных людей действительным коллективным лицом. Лишь с развитием мышления, когда идеи тотема, а затем и духа, отжили, исчезло и представление о коллективной личности, оставив нам в наследство, сохранившееся в форме реликта, первоначальную конструкцию так наз. первоначальных глаголов страдания и нездоровья (*Unwohlsein*): груз. нар. *m-a-šiv-eb-s* 'я замерзаю', буквально 'он (-s) меня (*m-*) холодит (*šiv*)', 'он меня морозит'.

Это первоначальный глагол исторического времени (мировоззрение в понятиях), у которого, однако, в так наз. доисторическое время (образного мировоззрения), никоим образом не отсутствовало значение личности: это была общая или коллективная, еще не дифференцированная личность тотема, затем духа (*Genius*), превращение которого в местоимение началось тем, что он вначале стал обозначать третье лицо. Что при отсутствии обоих позднее возникших лиц, т. е. первого и второго, третье еще не нуждалось ни в каком особом формальном признаке, это вопрос особый, и это обстоятельство можно проследить как реликт в особенностях, выделяющих образование 3-го лица.

Сейчас понятно, почему в древнейшем оформлении глагола, в объективном строе, 3-е лицо преобладает и предстает как фундамент, на котором покоится спряжение.

Помимо этого естественно, что основы глаголов, спрягаемых согласно объективному строю, оказываются собственно именами, что они первоначально в зависимости от мировоззрения тех времен являются тотемами или духами или предметами культа различного рода, космическими духами питания и т. д. или их дериватами, выступающими как простые имена, напр., *m-tam-s* 'я верю', буквально 'вера у меня' [палеонт. 'тотем овладел мною', 'я одержим тотемом'], основа *tam* [палеонтолог. космический тотем — 'небо' и т. д.].

m-ṭig-s 'мне больно' [палеонт.: 'тотем, злой дух владеет мной'].

m-ṣa 'я голоден', буквально: 'голод у меня'; -s 'у меня' [палеонтолог.: перевод, матер.: 'я лишен жолудя', идеол.: 'я причастен к духу дуба', 'я ем', 'я голоден' и т. д.].

m-ṭkuḡ-1-a 'я жажду', букв.: 'жажда у меня' [перевод палеонт. матер.: 'я лишен воды', 'я причастен к небу' (тотем), 'к духу воды', но также 'я плаваю', 'я пью', 'я жажду' и т. д.]

Отсюда следует, что в этих глаголах выражение действия или, скорее, с нашей точки зрения, состояния необходимо должно было совпасть с основой, которая в них та же, что и в именах, ранее тотемах или духах. Порой мы встречаемся также с такими реликтами, как, напр.,

m-ṣuḡ-1-s 'я завидую', букв.: 'зависть у меня' [палеонт. перевод, матер., техн.: 'я смотрю на это с жадностью', идеол.: 'мной овладел дух зависти'].

Основа ṭig 'зло', 'язва', 'несчастье' 'огорчение', 'опасность' [палеонт.: 'небо', 'тотем', 'злой дух' и т. д.].

Основа ṣi [палеонтол. матер.: конкретная растительная пища — 'жолудь', или вид злака; идеол.: — 'дух дуба', 'богиня урожая'].

Основа ṭkuḡ [палеонт. матер.: 'вода', идеол.: 'небо' (тотем), 'водяной дух'].

Основа ṣuḡ 'зависть' [палеонт. матер., микрокосм.: 'глаз', космич.: 'солнце', 'тотем', 'дух зависти'].

Здесь ṣuḡ является тотемом и одновременно *nomen actionis* без какого-либо дополнительного признака.

В этом направлении семантических дериватов без дополнительного образовательного элемента, однако, не без того, чтобы материальное значение не проступало бы в духовном или идеологическом, встречается нас слово, сейчас обычно в главном значении имени 'рука', естественно служащее для образования недостаточных глаголов не только в технологическом ('рука' → 'орудие') и физическом ('рука' → 'сила') смысле, но также и моральном (космически некогда означавшее 'небо') или социальном (так наз. термины родства и в увязке с ними все соответствующие дериваты, будь то духовного, будь то социального или производственного, а затем физического вида).

Таково, напр., двухэлементное слово (элемент АВ) qal-mal, гесп. qag-maḡ 'рука', однако и компоненты сами по себе, простые элементы А или В, означают то же, или также социально 'женщину' или космически 'солнце' или 'море', гесп. 'воду', и т. д. Чтобы не растягивать доклад, я ограничиваю себя тремя примерами именно употреблением слова maḡ (элемент В) в смысле 'рука': груз. maḡ-ḡuene 'правая (-ḡene) рука' (maḡ), слова qal с исчезновением фрикативного придыхательного звука h (/ q̣ → q) — qal в значении термина социального строя 'женщина' и слова qag в глаголе, который согласно палеонтологии речи возникает из представления о 'солнце' и должен означать нечто вроде 'смеха', 'радости',

‘солнца’, и в грузинском действительно означает $m+1$ (тогда родит. $m1$ -) $qag-1-s$ ‘я рад’, буквально, ‘моя (поздн. родит. от ‘я’) радость (солнце) — она — оно’.

Двухчленное $qag-mag$, гесп. $qag-mal$ как дериват представления или понятия ‘рука’ означало наличные орудия, разумеется, включая и оружие; так, в древнегрузинском (письменный язык) вариант $qr-mal$ (от $q^*/_a r-mag$), народн. $q-mal$ означал ‘меч’. Это слово идентично с семитическим трехслогным корнем $q-r-b$, который в арабском $ḥarab^{un}$, обычно $ḥarb-aḥ^{un}$ (fem.) ‘копье’, в еврейском $qereb$, с суффик. $qarb-$, но мн. (sic: fem.) $qarab-ōḥ$, st. c. $qarb-ōḥ$ ‘нож’, ‘меч’ и другие орудия, так у Гезениуса (Gesenius), 17: «железо, служащее для разбивки башен? [с вопросительным знаком], сир. $qarb-ā$ (masc.), но (sic!) $garissimē$ fem., так у Брокельмана (Brockelmann), но Нельдеке (Nöldecke), на которого он ссылается, отмечает этот факт лишь под «communio» (§ 87), так $qarbā$ ‘меч’, ‘опустошение’, masc. и fem.; 1) ‘меч’, 2) ‘острие копья’, *cuspis hastae* и 3) ‘bellum’, ‘clades’.

Но здесь мы обходим довольно ясные, хотя и сложные семитическо-яфетические отношения.

Следует лишь отметить, что и варианты с потерей плавного — $qa-m$ и более древнее $ka-m$ — подтверждают прежнее значение ‘рука’. Если учесть то, что эти варианты $qa-m$, в абхазском $ka-m$, $qa-m$, в мегрельском и лазском, или чанском, означающие еще и ‘орудие’, также ‘оружие’, именно ‘нож’, встречаются с турецким qam ‘нож’, то вопрос о заимствовании и не встанет.

Это $qa-m$, древнеписьменное $qa-m$, с твердо установленными значениями, которые, само собою разумеется, принадлежат к различным догрузинским ступеням развития, именно ‘рука’, ‘женщина’ (социально), ‘солнце’, ‘день’ (‘время’, все космические представления), ранее и растительные или животные тотемы, о чем нам в данный момент нет нужды говорить. Это-то $qa-m$ находится в нашем распоряжении в значении термина общественного устройства, как ‘женщина’, затем также и как термин социальной необходимости ‘долг’, ‘обязанность’, или космической необходимости — ‘судьба’, также ‘рок’. В истоке всех этих значений лежит qam в качестве основы.

Глагол $qa+m-s$, народн. $qa+m-s$, означает ‘это долг’, ‘это судьба’, совершенно абстрактно, без каких бы то ни было соотносительных признаков, абсолютно как греческая ‘идея’. Применение этого глагола к позднейшим индивидуальным, личным, общественным потребностям выражается посредством соответствующих местоименных префиксов, напр. $m1-qm-s$ ‘это мой долг’, дословно ‘мой долг оно’ (не глагол).

При таком индивидуальном применении космического, совершенно абстрактного осознания и образовавшегося в соответствии с этим способа мышления теряется понимание предшествовавшей связи с растительными и животными тотемами, с тотемистически понятым космическо-технологическим осознанием. Ничего из всего этого не принимается во внимание, и языкознание пребывает в замкнутом пространстве одной единственной ступени развития.

Сейчас, однако, мы обращаем внимание лишь на следующее явление: грузинскому варианту унаследованного древнеписьменного феодального языка мы

противопоставляем так наз. народный вариант первого элемента (ǰal \ hal) этого же слова, и именно в форме, присущей грузинскому языку, как представителю свистящей группы, т. е. (sal → zal ↗) ǰal, что на ряду с значениями 'рука', 'женщина' и 'вода' (собственно первоначально лишь космическая 'вода', т. е. 'верхнее или нижнее, подземное небо') означало также и 'мощь', 'власть'. Отсюда происходят три глагола 'дать' (от 'руки'), 'мочь', (от 'силы') и 'овладевать' (от 'власти'). Они имеют общее помен actionis — ǰleva, означающее 'дар' и физическую 'силу', 'мочь' и 'власть' или 'победу', 'покорить', 'победить'. Из них лишь 'мочь' является недостаточным глаголом, недостает ему именно аориста (как в немецк. mögen не имеет претерита по образцу сильных глаголов). В грузинском ǰleva все же спрягается по объективному строю лишь в значении 'мочь', в других значениях оно следует позднее принятому спряжению субъективного строя, и тогда оно выглядит так, как будто никогда и не было недостаточным, напр., 'дать', наст. v-a-ǰ-l-ev 'я даю ему'. Невозможно это перевести дословно, ибо передача 'я-ему-рука-дающий' страдает тем, что 'я', 'ему' являются падежами субъекта и тем не менее 'я' — падеж субъекта, 'ему' — дательный.

Французский перевод 'je-lui-main-faisant' также не является совсем точным, т. е. может по-французски, разумеется, означать лишь 'я', но соответствующее значение 'ему' грузинское v означает одновременно à moi 'мне'. Более того, окончание -ev является, пожалуй, позднейшим придатком, раньше говорили v-a-ǰ^h/l 'moi (или 'à moi', 'par moi') — le ('à lui') — main': 'я (мне, мною) ему (его) рука' = 'я ему [в]руч[-аю]'. Совершенно ясно, что отсутствует не только глагол, тем более actio (арабск. fiʿl^{am}), но что с такими средствами рядом с настоящим временем совершенно нельзя было образовать аорист, хотя теперь в народном грузинском имеется аорист v-a-ǰ-l-i-e 'я дал ему', дословно и формально это означает: 'мною ему было дано' (ǰle — part. pass.), однако, собственно, согласно палеонтологии речи с устранением позднее наращенного вспомогательным глаголом «е»: 'moi (par moi) le (à lui) — main — le' (в смысле нем. es abs. = объект) 'я ему это вручил'. К тому же не предположение, а факт, то обстоятельство, что аорист для verba activa является первым возникшим временем. Так у самих грузин и именно в феодальном языке (так наз. древнеписьменном; считают древний письменный язык только христианским, на деле же он был, несомненно, старым дохристианским, если не письменным, то все же дворянским языком) недостает настоящего времени: имеющаяся форма (v-s-ǰ-em 'я даю', нар. будущ. 'я дам') является новообразованием, имелся лишь аорист v-e-ǰ ← v-a-i-ǰ 'moi+lui-le (neutre)+main', т. е. 'мною ему это руке', т. е. 'вручено', 'дано' или 'бито' (рукой можно совершить оба эти действия, как и многие другие). Далее v-e-ǰ из v-a-i-ǰ означает не только 'я ему это даю', но и 'я его чем-то бью'. Сейчас встает вопрос касательно ǰ 'рука' (элемент А). Был ли он огласован посредством «а» (ǰal) или «е» (ǰel)? Обе формы закономерны, но для различных социальных групп и позднее для различных родоплеменных образований.

Для грузин с их сложным социальным устройством, так наз. племенным смешением, правомерны оба варианта ǰal и ǰel, и мы их действительно находим. Помимо различных дериватов 'руки', вариант ǰel, собственно его древнейший

вид *ḑel*, встречается в значении 'рука' и именно в глаголе *ḑli-a* 'я в состоянии', 'я могу', дословно 'в моей руке (силе) есть', аорист *ше-v-ḑel* 'я мог', дословно 'в моей руке'. Все же здесь с вариантом в палатальной огласовке *ḑel* мы встречаем это слово уже в других социальных языковых группах, лучшим и типичнейшим представителем которых является сванский, но, как уже сказано в введении (вернее: как я хотел сказать, мне же не хватило времени), в фонетической системе грузинского палатальная огласовка («е») образует рядом с гутуральной («а») основополагающую составную часть, и соответственно с этим не только *ḑel*, арм. *ḑer*, древнеписьм. *ḑer-əp* 'рука', груз. *ḑer* 'раз' в числении (от 'руки'), также 'повинность' ('долг') *ḑer ag-s* 'это долг', пожалуй, синонимы, но и *ḑel* (древнеписьм. *ḑel*) 'рука', 'право' являются для грузин совершенно бесспорно исконными словами.

Важнейшими являются в настоящий момент следующие факты:

1) Спряжение субъективного строя распространяется также и на образование, созданное активными глаголами в их древнейшей части, аорист, который одновременно выявляет объективный строй.

2) Так наз. логический субъект и здесь фактически совпадает с тотемом.

Мы оставляем дальнейшие частности спряжения глагола *ше-mi-ḑli-a* 'я могу' в стороне, обходим молчанием глагол *v-s-ḑl-ev* 'я побеждаю его' и останавливаемся на наиболее употребительном вспомогательном слове 'быть' — *ag* и на *verbum substantivum* 'быть', 'существовать' — *supe-va*.

Абстрактная идея существования, понятие бытия (*ὄντεια*) есть чрезвычайно позднее достижение человечества. Из абхазского вытекает с полной очевидностью, что ранее не было никакого представления об абстрактных безотносительных идеях, нельзя было обозначать чего-либо без указания на его коллективного владельца. По-абхазски нельзя, напр., сказать пар 'рука', но необходимо поставить сначала впереди признак активного творческого класса (терминологически более подходит — социального слоя), в случае *femininum* (некогда матриархального строя) *lə*-пар 'ее рука', в случае *masculinum* (некогда патриархального строя) *l-*пар 'его рука', или признак пассивного (постоянно работающего, но не создающего класса) или вещественного класса (сначала домашние животные и производственный материал, позднее *genus neutrum*). В грузинском же, где абстрактная идея существования, абсолютное понятие бытия, уже образовалась, бремя реализации было возложено на эту идеологическую потребность и ее носителя сделали снова тотемом.

Поэтому *supe-v-s* 'существует', 'имеет абсолютное бытие' означает одновременно 'он господствует', 'он правит'. К тому же образованное из той же, но полнее сохранившейся основы *sa-supe-vel* означает 'рай', дословно 'где (*sa*- 'место') *supe* 'господин', первоначально 'тотем', затем космическое 'небо' и позднее 'верхнее небо' или 'солнце' (раннее значение слова — *supe-vel* 'дитя неба').

Но и *supe* с его вариантом груз. *u-fal* 'господин' имеет в грузинском известное число родственных слов, из которых усеченный вариант груз. *u-fal* 'господин', именно *u-фа ~ l-ра* хорошо представлен и в архаических письменных языках,

как-то в эламской клинописи *ура-рри* 'господа' и в халдской клинописи ванских царей *1+ра-п1* 'господа'.

Тотем, само собой разумеется, не подлежит никакому определению во времени; он не может в силу этого иметь ни прошедшего, ни будущего времени; тотемный глагол имеет лишь длительное время (сначала без дифференциации, позднее — настоящее время).

Этот факт достаточно известен и засвидетельствован грузинским вспомогательным глаголом *аг* 'быть'. Имеется целая хорошо обеспеченная и хорошо снабженная армия фактов родной и чужой речи, подтверждающих все основные положения новой теории и напши часто лишь попутно сообщаемые высказывания по палеонтологическому сравнительному методу.

В настоящий момент достаточно констатировать, что вспомогательный глагол *аг-с* 'он есть', дословно 'его (первоначально тотем)-это' имеет лишь одно время — настоящее. И мы убеждены, что никогда иначе и не было.

Недостаточные и безличные глаголы ни в коем случае не являются морфологической категорией, которой что-либо недостает, ни в смысле соответствующих времен, ни в смысле относящихся к ней лиц.

Абхазский аналитический алфавит

(К вопросу о реформах письма)

Посвящается Первому всесоюзному туркологическому съезду в Баку

ПРЕДИСЛОВИЕ

Совсем недавно в Государственной Академии истории материальной культуры был аспирантский конкурс на тему о вещественных памятниках, и одна из работ, работа наиболее научно вооруженного, прекрасно вышколенного талантливом соревнователя, разъясняла второстепенное подсобное значение самих памятников материальной культуры, приравнивая этнологию, хотя бы лишь одну археологию, к голой технике. Работа по месту и заданию не подошла, но автор житейски-научно был прав. Чем больше с годами всматриваюсь в корень вещей (а кому, как не советским ученым, и независимо от возраста, смотреть именно в корень вещей, а не в нагруженные плодами широковетвистые фруктовые деревья, когда у нас все новые и новые посадки, да и так обнажились корни всех казавшихся заманчивыми своих и даже заморских древ познания), тем более убеждаюсь, что для гуманитариев не существует вещей, даже когда они ими любят, нет памятников материальной культуры, а есть независимая наука *an sich und für sich*. Есть научные положения, дьявольски глубоко проработанные с акрибиею александрийских схолиастов, есть соответственно научная терминология и есть люди, владеющие всей этой бездной знаний, наследственно воспринимаемых как потомственное дворянство («традиции», «школа», а не «рутина»?) и защищаемых молодыми еще более ожесточенно, с еще большим остервенением, чем пожилыми: у пожилых если не в самом производстве, в процессе научной работы, то на устах появляется подкупающий наивный скепсис, скептические оговорки, хотя бы старческая скептическая улыбка с своего рода Соломоновой мудростью: «все сомнительно», «ничего верного нет в нашей науке». Это, да простят мне выражение, для точной квалификации необходимое, — лицемерие. Я не говорю о длинном хвосте ученых-профессионалов, твердящих зады по чужим книгам, а о тех, которых имеются все основания считать действительно учеными, которые хоть когда-либо самостоятельно задумывались о самих корнях своего знания. Все они прекрасно чувствуют себя в своем деле отнюдь не скептиками, а уверенными так, как, может быть, не была уверена в своей правоте старушка, подбрасывавшая щепки в костер Савонаролы. Их науки для них отнюдь не предмет действительного скепсиса в какой бы то ни было части, — ни в какой части, даже в терминах своих они не сомневаются, — но подлинное их сомнение в существовании самих вещей. Были ли скифы? Были ли они действительно живым народом, было ли это живое племя, занимавшееся совершенно определенным производством в соответственном живом быту, отражавшем его трудовую жизнь? Были ли скифы (будем пока молчать про кимеров) вне предполагаемых их могил на

¹ Вышло отдельной брошюрой в 1926 г. в серии изданий Ленинградского института живых восточных языков.

вольном просторе вольной или невольной общественной жизни, где они отразили свою трудовую жизнь не только в подпочвенных погребениях, но и в быту массового населения, продолжавшего, может быть, и теперь продолжающего скифскую работу над той же почвой или на той же почве, а с нею хранящего и скифское мышление и скифскую речь, скифскую терминологию в наречении выдающихся пунктов окружающей физической среды и важнейших предметов материальной культуры, предметов ценных хозяйственно и культурно, самых важнейших моментов массового культа? Или скифы это тени, призрачные тени из могил, имеющие значение лишь постольку, поскольку в науке установят в Лейпциге или в Москве их приемлемый для мастеров научных костюмов облик? И, следовательно, наука, ее термины, ее утверждение само по себе, а вещи, предметы-вещи и слова-вещи в своей самоценности сами по себе. Совершенно правильно ученый кандидат в аспиранты подходил к отрицанию самодовлеющего значения памятников материальной культуры. Ведь с точки зрения современной науки не было и скифов. Ведь об этом нас учит не кандидат в аспиранты, а настоящий ученый, вполне сложившийся научный работник: мы, оказывается, не знаем что такое скифы, и, следовательно, и знать не хотим, когда интерес наш сосредотачивается на русском, что, предполагается, мы прекрасно знаем? И это верно! Разве скифы, которых по старой памяти до сих пор знают в Лейпциге (да в одном ли Лейпциге?) иранцами, кому-либо известны? Но самое важное при этом отрицании и непризнании подлинных скифов — в методе. Метод тот же самый, что в Москве, Лейпциге или Париже; он у нас, да и в Германии, в отношении скифов, там, у французов, в отношении аборигенов Галлии, когда речь заходит о кельтах. «Аборигены были, но мы их не знаем, следовательно, какое нам дело до их языка или до их языков, когда мы занимаемся нашими милыми предками, кельтами?» Ведь это утверждает весьма почтенный ученый специалист проф. Доттэн (Dottin), не раз цитировавшийся нами: но дело не в нем и не во французских ученых; то же самое и в Испании. Допустим, мы не знаем языка аборигенов Галлии, но кельты-то знали тех аборигенов и их речь? А французская речь, как ни как действительно имеющая отношение к кельтам, ведь вскрывает контакт свой с речью докельтских аборигенов, яфетидов, из числа которых басков, эту улику всего вашего построения, никак не вырубить никаким топором, менее всего «индоевропейским». И все-таки для длинной вереницы ученейших мужей от Московии до приатлантической Иберии нет вещей, нет памятников материальной культуры, а есть научная словесность и соответственные научные положения, научная терминология. Иначе как можно было бы держаться до сих пор, терпеть до сего момента термин «индоевропейский», основанный именно на том, что у гуманитариев наука сама по себе, а вещи сами по себе. Вещей, памятников материальной культуры, знать мы не хотим, а науку — да. В самом деле, разве Индия родина так называемых «индоевропейских» языков? Или в Индии одна так называемые «индоевропейские» языки? Ничего подобного! Следовательно, мы готовы понять несуразность термина «индогерманский», как даже словосочетания, сплетения названия страны с племенным названием, тем более несуразность националистической тенденции перенести на германцев честь

внедрения в Европу этой, казалось, белой кости, но какое реальное оправдание, оправдание в вещах или генезисе, имеет внесение Индии, и только Индии, в термин, имеющий определить известную группу языков, так называемую «индоевропейскую»? Никакого, если не считать того, что за исключительным научным вниманием к санскриту и сродным с ним языкам наука не видела и не хотела видеть тех же памятников живой материальной культуры, племенных образований более древних и предшествовавших не только своей речью, но также культурой в той же самой Индии. Если же выкинем Индию из господствующего ныне термина «индоевропейский», годится ли в тех же целях одно название «европейский»? Едва ли. Во-первых, так называемые «индоевропейские» языки имеются и вне Европы, и сами индоевропейцы до сих пор не прочь выводить эти языки из Азии, центральной Азии; во-вторых, в Европе не одни так называемые «индоевропейские» языки, в ней и турецкие и угрофинские; если же их отводить как позднейших пришельцев, на что, впрочем, надо бы иметь более мотивированное правомочие, особенно относительно финской, да и вообще угрофинской группы языков, остается баскский у Пиренеев, отнюдь не изолированный, как раньше казалось, ибо баскский из яфетической семьи языков, как, впрочем, и столь сроднившийся язык, да и от начала генетически-близкий к турецкому, как чувашский, и об европеизме так называемых «индоевропейских» языков, при прежнем взгляде на них как на языки особой расы, не приходилось бы говорить по указанным формальным и в значительной мере историческим основаниям в одинаковой степени и яфетидологам и индоевропейцам, которым легко при современном подборе научных сил своего стана отвергать яфетическую теорию,¹ но трудно извергать из автохтонов Европы басков, как пережитков доисторического ее населения. Однако у яфетидологов совершенно особое основание чтобы термин «индоевропейский» считать не только малосостоятельным, необоснованным, но устарелым и требующим замены с момента, когда для них стало ясно, что эти языки преимущественно господствующих племенных образований, первоначально господствующих классов Европы и Передней Азии с Индией, не языки особой расы, а языки новой формации, вышедшие из яфетических так же, как из тех же яфетических языков на различных стадиях развития, более древних, вышли языки семитические и еще раньше турецкие с угрофинскими.² Не может быть речи ни о каком не только исключительном индианизме, но и европеизме языков, которые по недоразумению или по пусть неосознанному, но все-таки чисто классовому восприятию этнологических вопросов величают «индоевропейскими». Соответственно прав молодой лингвист-осетиневед В. И. Абаев, обративший наше внимание на недосмотр в этом, по существу дела, важном терминологическом вопросе, на нетерпимость названия «индоевропейский» с момента вскрытия происхождения по недоразумению носящих такое название языков из яфетических, территориально не менее европейских и, по всем видимостям, не менее индийских.

¹ Даже наиболее сообразительные и осторожные не стесняются призывать нормальным, что индоевропейцы до сих пор не сумели усвоить научной транскрипции яфетического языкознания.

² Накапливаются факты, склоняющие к мысли о народжении вообще урало-алтайских языков, в числе их турецких с угрофинскими, пожалуй, не раньше семитических.

Название «индийский» и «европейский» могут, разумеется, сохранить указываемые языки новейшей формации по месту их с исторических эпох известного распространения на территории Европы и Индии, как называем мы кавказскими языками некоторые яфетические языки, именно те, которые нам известны на Кавказе, рядом с пиренейскими, припамирским и приволжским яфетическими языками, но необходим термин, характеризующий так называемые «индоевропейские языки», — термин, точнее определяющий их или способный беспрепятственно расширяться соответственно новым достижениям науки, как сама по себе ничего не обозначающая кличка. В этом смысле племенные названия, получившие общее значение, как, например, «турсецкий», герм. «тюркский», «финский», не вызывают никаких возражений. Не менее состоятельны термины по библейским именам мифических эпох, используемые конечно, не в значении ветхозаветного или новозаветного родословия, а как сами по себе ничего не говорящие клички, получающие в применении к языкам то употребление и тот смысл, которые в них вкладываем благодаря успехам работ по соответственной отрасли языкознания. Потому-то не только семитический и хамитический, но и яфетический со стороны терминологических требований совершенно безукоризненны. Возражать против термина «яфетический» могут только те, у которых наука сама по себе, а вещи, вещи-предметы и вещи-слова, сами по себе.

Существует известный круг языков с определенными соотношениями вещей-слов, не только как звуковых абстракций, но и как носителей определенных вещевых представлений, и тем, кто работает над все более и более разъясняющимися и материально соотношениями этих языков, не может быть отказано в праве обозначать соответственную группу языков названием, носящим такой же сам по себе ничего не обозначающий характер, как «семитический», «хамитический». Более того, когда соответственно именуемое яфетическое языкознание вскрывает факт возникновения так называемых «индоевропейских» языков из яфетических, как нового этапа развития человеческой речи, в процессе их трансформации, сама собою обнажается непригодность и без того устарелого и бессмысленного термина «индоевропейский», и возникает насущная потребность именовать языки новой формации (если не переходить по всем семьям к чисто лингвистическим терминам формального или идеологического порядка) в линии использования ничего собою не обозначающих мифических имен. Называем же без всякого недоразумения в одной из точнейших наук, астрономии, такие совершенно конкретные предметы, как светила — Венерой, Марсом, Сатурном и т. п.

В. И. Абаев подсказывает мысль использовать термин «Прометей». Поскольку «Прометей» связывается с изобретением огня, имеющего органическую связь с развитием металлической культуры, в широком хозяйственном применении которой усматривается момент, имеющий быть учтенным в вопросе о времени возникновения речи новой типологии; поскольку Прометей представляется, по греческим преданиям, сыном Яфета (Ἰαπετός), это название имеет как-будто даже реальные основания для использования в качестве искомого термина, но, главное, это имя мифическое, ни к чему не обязывающее само по себе, разве к культурной

связи носителей его с населением Кавказа, что отнюдь не умаляет его пригодности для означенной цели, т. е. для именованя прометеидскими языков новейшей формации, вышедших из доисторической речи яфетидов, а особенности их — прометеидизмами. Употребление такого наименования естественно в яфетидологических разысканиях. Это знаменует не только новизну наименования, но и новизну научного подхода к так называемым индоевропейским языкам, отныне для нас прометеидским. Индоевропейцы, столь же естественно, останутся и должны остаться при своем термине, поскольку они не приемлют яфетической теории. Но какое все это имеет отношение к вопросу о реформе абхазского алфавита? Утверждаю: прямое и чисто деловое.

Дело в том, что наблюдения последних двух лет нас не разубеждают в правильности основного положения нашего доклада на съезде летом 1924 года в Махач-Кала, посвященного краеведению. Академическая среда сама из себя не может выжать творческого начала, чтобы выйти из трудного положения, критического положения, в которое попали так называемые гуманитарные науки. При новом общественном строе источником такой животельной силы не может быть и Запад. Наука о человеке у нас может найти обновление лишь в одном источнике, общении с краевыми научными интересами, в разработке возникающих на местах, в пределах Союза вообще и внутри РСФСР, жизненных задач где лишь краевого, а где и национального охвата в той или иной союзной республике. Увязка же с краевыми жизненными научными проблемами столь трудна и столь сложна, что успех ее трудно обеспечить без местной инициативы, местной массовой заинтересованности в просвещении и науке. Массы культурно отсталых разноязычных народов не меньше, чем масса часто не менее отсталого русского населения, должны быть приближены к науке и культуре. С иноязычными народами без их самостоятельности, без грамотности на национальном языке ничего нельзя достигнуть, поскольку дело касается не тонкого слоя той или иной национальности, в значительной мере оторванного или отрывающегося от массового населения, а именно самих масс. Вопрос о грамотности этих иноязычных масс разных национальностей — это громадной важности дело не только для общественности всего советского строя и для данной национальности, но и для науки. Ликвидация безграмотности это лишь только альфа советской общественности; необходимо приобщение к научной культуре, в отношении которой национальности заинтересованы в знаниях ученых, а ученые в притоке свежих сил для продвижения знаний, особенно в науке о человеке. Новые проблемы, новые подходы к старым висящим в воздухе многолетним научным проблемам не мыслимы в той степени, в какой в них выросла потребность и в науке, страдающей от рутины, и в жизни, гиблой от отсутствия нужных знаний. Надо научно, современно научно браться за дело с азав. Поэтому-то эпидемия алфавитных новотворчеств и не страшна, ее можно лишь приветствовать, если это искренне и серьезно. Но порой или искренность, или серьезность реформаторской работы становится под сомнение. В таком случае правы, пожалуй, те, которые в этом вопросе предпочитают политику *poli tangere* — 'не тронь!' 'Все да будет по-прежнему!' В самом деле, там, где, казалось бы, имели мужество тронуть, —

лишь одна половинчатость или баловство, если не хуже. Национальные, религиозные интересы пережиточного средневекового понимания имеют основание рисовать свое будущее в розовых красках. Я видел в процессе выработки новую латинскую транскрипцию для черкесского языка, да это — прошу прощения за резкость — издевательство над актуальным вопросом громадного культурно-общественного значения. Не подлежит никакому сомнению, что изобретение армянского и грузинского алфавитов в первоначальном их виде еще на заре средневековья происходило с лучшим соблюдением гарантии научности, с большим учетом того, что делалось у соседей, да и с состоянием вообще науки, чем современная нам работа по реформе алфавитов в стране, где столько академий, институтов, университетов и несколько тысяч ученых, тысячи ученых в одной секции научных работников. Наука сама по себе, а вещи-слова, вещи-предметы, вещи-дела сами по себе. Результаты не заставят себя ждать. Всякий здравомыслящий в странах традиционной мусульманской культуры скажет (уже говорит): «лучше вернуться к применению арабского письма, более того, лучше арабский язык, мировой культурный язык Корана, чем не только язык, но и письмо, которое за пределы нашего ущелья, где, мол, можем обходиться общением без письма, нас не выносит». Никакие страшные или властные слова, никакие авторитетные научные собрания не помогут, если неправильно проводится дело. Если, к тому же, старая техника оказывается более продуманной, более разумной, она в соединении с традиционными навыками, которых не обогатиться ни в науке, ни в школе, ни в жизни, возьмет верх и скушает без остатка весь смысл новых начинаний. А разве в Чечне иначе, тем более в Дагестане? Или лучше у турок, азербайджанских турок, первому туркологическому съезду которых, в Баку, посвящается настоящая работа? Ведь реформа имела в виду одну общую основу всех новых алфавитов, выработанных из латинского письма. На деле что ни народ, то особое письмо, особая система и это в шаг, предполагается, с шествием Интернационала. У азербайджанских турок, по крайней мере сохраняется чувство своего национального достоинства, стараются об языке масс, турецком языке массового азербайджанского населения. У других культурно отсталых народов и этого нет: «Зачем, мол, изучать свой язык? Кому это-де нужно?» В Дагестане это, казалось бы, национальное вырождение, пережиток навязанного Европой худшего рабства, рабства мысли, дошло до того, что ни один из приехавших в Ленинград дагестанцев не думал об изучении своего родного языка: «если изучать, то разве турецкий!» Соответственная речь порой слышна даже в осетинской среде. Явный отрыв от масс, явное непонимание происходящего на наших глазах культурного сдвига масс (общественно явление грандиозного мирового значения), чрезвычайных чаяний той живой не окончательно омертвевшей научной среды, которая ищет своего обновления, освежения своей исследовательской атмосферы и техники от притока денственных рабочих сил, но вместе с тем и пользы для народа в целом, до низов, который (народ), например, в Абхазии остается на той же ступени культурного развития, несмотря на успешное для начала материальное строительство, на создание фабрик табачных изделий и других предприятий

того же порядка, — на той ступени почти доисторической, на какой он стоял вчера да позавчера, ибо его язык отброшен от стола с научными яствами, у него нет своей здоровой грамотности, нет даже современно построенного алфавита. Но потребность в нем, однако, руководящие круги абхазского народа почувствовали, как можно видеть из следующего документа:

Специальная комиссия в составе наркома по просвещению С. Я. Чамба, заместителя его А. М. Чочуа, Д. И. Гулия, Н. Патеипа, С. П. Басария, тт. Хашба, Д. Чачба, Чалмаз, Таркил, Ахуба, Шабата Эмухвари, А. Ф. Басария, Аршба и Н. Я. Марра на собрании 30 июня 1924 г. постановила «единогласно... в основу принять латинский шрифт, для этой цели одобрить составленный академиком Марром «абхазский аналитический алфавит». Просить его пересмотреть шрифт, упростив письменное начертание как со стороны легкости, так и художественности».

Последние слова, требующие упрощения и художественности, мною были приняты в тех пределах, в каких упрощение не затрагивает самих основ нашего аналитического алфавита, оно сводится технически к более простому выражению того, что возлагается на алфавит, как функциональная задача. Что касается художественности, то это для нас также техническая сторона исполнения. Приняты были меры к наиболее удовлетворительному разрешению обоих требований, но для нас стало ясно, что и простота и художественность придут постепенно в процессе массового использования алфавита; вообще красота абхазского алфавита может быть создана лишь самими абхазами, от ученого ее требовать нельзя, дело ученого — правильность и жизнеспособность системы. Но и технически в первую очередь требуется, и все это может быть и современем должно быть достигнуто до полного фактического осуществления, именно, чтобы алфавит, когда текст пишется от руки, а не в печати набирается, давался для связного, без отвода руки от работы, писания. Это условие можно выполнить, получив письмо раздельное и письмо связное, и вообще вся техническая сторона может быть удовлетворена в путях нарастания навыков от практики и технической помощи специалистов графики и художников. Другое дело — сам принципиальный вопрос, переход на латинское письмо и признание необходимости именно аналитического письма. Эта сторона, нам казалось, подлежала обсуждению на научном собрании краеведов и самих абхазов на первом краеведческом съезде Черноморья и Западного Кавказа в Сухуме, где в соответственной секции вопрос был разъяснен в особом докладе и предлагаемый алфавит получил принципиальное одобрение.¹

§ 1. Аналитическое письмо на основе латинских букв и его применение для абхазского языка, абхазский алфавит, вот сейчас предмет нашего интереса с трех различных сторон: общественной, научной и технической. Как общественный вопрос, его пока приходится рассматривать в конкретных условиях кавказской жизни. Тем не менее принципиальное освещение необходимо, оно должно послужить необходимой предпосылкой того или иного практического решения.

¹ Читанный на съезде доклад послужил основой настоящей работы.

Письмо, рядом с языком, есть орудие общения людей, как внутри, так постепенно и вне сложившихся общественных организаций. История письма идет по стезям истории языка, с той разницей, что на развитие поступательного движения письма легче влиять, при письме не приходится считаться с теми факторами, что у языка, так в частности массовой «психологиею», суммой наследственных навыков, слагавшихся в итоге накопления рефлексов, которая, впрочем, подчиняется законам развития общественности, проходит тот же создаваемый общественностью путь от племени, группировки людей не по физическим, а по хозяйственно-производственным признакам, через нации и государственность к общечеловечности.

Путь человеческой речи — от многоязычия к единству языка. Возникновение вспомогательных искусственных языков, как эсперанто и др., не исключая и идо, по идее, конечно, предвосхищение будущего, но по выполнению и технике, естественно, суррогат¹ того, что неизбежно наступит в путях естественного процесса общественной жизни народов: единство языка. Оно явно наступает: путь, пройденный человечеством в направлении к этому достижению, был несравненно более долгий, чем тот, который предстоит ему проделать. Конечно, более развитая общественность может ускорить и должна ускорить этот процесс, но все в путях законов общественного и коллективного творчества, в котором все народы мира призваны принять участие, независимо от их воли. Это процесс мировой, от которого ни одна национальность не может спастись, великодержавная не больше, чем слабосильная. Процесс мировой в то же время нисколько не угрожает ничему национальному росту, ни в какой мере развитию национальных языков и письменностей, хотя бы ныне возникающих. Это мировой процесс громадного охвата, идущий одной хотя все ускоряющейся, но все-таки медленной поступью, общей с мировым хозяйством, ведущим к унификации человечества в отношении условий общения, но вовсе не к обезличению людей. Это дальнейшие этапы победоносной борьбы человечества над природой, дальнейшие этапы в претворении человечеством одних форм общежития, зависящих от механики природы и физических условий, в другие, более свободные формы, зависящие от более совершенного по гибкой приспособляемости и более сложного механизма общественности. Поэтому-то это дело не только естественников, способствующих накоплению материальных богатств, этих предпосылок общественного перерождения человечества, но также и особенно общественников, ведущих исследовательские работы над жизнью человечества и человека, как социального явления, над вопросами общественности, ее техники и технических средств, в числе их языка и письма. На фоне раскрепощенного от внешних условностей единого людского общежития только и возможно выявление человеком своей индивидуальной сущности в наиболее полном и ярком виде. При движении по этому неизбежному пути, условия взаимообщения народов всего мира не в меньшей мере требуют единства письма, т. е. тождества основных начертаний алфавита и тождества приемов

¹ Кстати, в этом нет ничего обидного, во всяком случае с нашей стороны нет никакого злого умысла против эсперантистов или их конкурентов, а разъяснение одного из независимо добытых основных положений яфетической теории.

воспроизведения сложных звуков, исходящего от основных или простых звуконачертаний.

§ 2. Сначала человечество не имело осознанной потребности в проявлении индивидуальности личной или групповой. Пиктографическое письмо, письмо в образах, не ставило грани между соседящими племенами и не создавало препятствий к уразумению начертанного, предоставляя возможность одинакового всем понимания его благодаря общедоступным символам всем одинаково общих представлений. Клинопись, с групповым изображением звуков, слогов и целых слов, также в значительной степени была письмом многоплеменных объединений, особенно благодаря переживавшим в ней знакам идеографического характера. Наступили эпохи, когда на дальнейших этапах развития человечества, специализацией того или иного племенного образования по определенной производственной работе, отдельные части, наиболее преуспевавшие в выделившихся территориально или классово слоях, внимание сосредоточивали на осознании индивидуальности своего этнического образования, своей впоследствии так называемой национальной природы. Выработанное тогда фонетическое письмо с отдельным изображением каждого звука, чем далее, тем более становилось особым для той или иной общности. В Средиземноморьи на пространстве от западной Иберии на Пиренейском полуострове до Палестины и Аравийского полуострова и далее было столько писмен, сколько мы сейчас не в силах насчитать на многоязычном Кавказе, несмотря на сказочное умножение младописьменных народов. Это индивидуальное письмо, фонетическое, шло с запада на восток, с Средиземноморья в глубь Азии, ни в коем случае не обратно. Фонетически менее совершенное письмо семитов, без гласных, общественно имело преимущество в том отношении, что при коренных согласных, общих у различных наречий, иногда и языков той же семьи, поскольку письмо отмечало лишь их, постольку оно было доступным для большего круга различных семитических племен, если не народов. Шаг перехода от безогласовочного письма к огласовочному сделать было, конечно, не трудно, но этот шаг был необходим для языков без такой отдельной роли гласных и согласных, так, например, прометейдских (так наз. индоевропейских) языков; здесь обозначение и гласных, менее подвижных и играющих роль коренных, насущная потребность.

§ 3. Выходит так: доисторические народы могли писать, естественно, рисунками, письмом пиктографическим, это яфетиды, собственно, яфетиды первичной формации, еще ураниды. От них иероглифические письмена, — может быть не в одном Египте. Клинописные начертания в Месопотамии и Передней Азии бесспорно от яфетидов. В клинописных не только звуковые значения идеограмм, но и самих слоговых звуков вскрывают, что создатели их были яфетиды, правда, яфетиды более древние, чем шумеры и эламы. Семиты продолжают клинопись, унаследованную от яфетидов, и развивают особого типа слоговое фонетическое письмо, слоговое письмо с подвижным, то меняющимся, то исчезающим гласным. Уточненное фонетическое письмо мы находим в Средиземноморьи у греков и римлян. Следовательно, с возникновением прометейдов («индоевропейцев») только и могло возникнуть подлинное фонетическое письмо. Действительно, про-

метеиды («индоевропейцы»), казалось бы, создатели настоящего фонетического письма. Однако этого мы не можем утверждать, так как, во-первых, прометеиды («индоевропейцы») не порождение одного момента, они по речи представляют, в итоге длительного глоттогонического процесса, претворение яфетидов, некоторые из которых успели пройти тот же процесс до грани, близкой к прометеидизму («индоевропеизму»). Первозачатки подливного фонетического письма могут принадлежать средиземноморским яфетидам с новой формацией речи. В эволюции грамотности Средиземноморья должна быть учтена и роль местных пиктографических письмен.

§ 4. Нас, однако, сейчас интересует не изобразительная сторона письма сама по себе, а общественная, именно круг, описываемый развитием письма в движении от всем одинаково доступной изобразительности (пиктографии, слов в образах) к фонетической азбуке, приуроченной к одному этническому образованию, с неизбежным возвращением впоследствии к общему межнациональному алфавиту, осознанно построенному на общих основаниях, общих всем элементах, с учетом звуковых особенностей всех этнических образований. Наша эпоха уже свидетельница наступления этого неизбежного возвращения к общему алфавиту. Мир полон опытов создания алфавитов, общих для ряда этнических образований, впоследствии национальностей. Чаще такой общий алфавит навязывался в итоге империалистического насаждения государственного языка или языка церковного. На Западе самоопределение национальностей потому связано было с освобождением от латыни. Письмо осталось латинское, но с усилением феодализма и феодализованных национальностей единое латинское письмо настолько индивидуализовалось по каждому народу, что общность европейского письма есть собственно фикция, фактическая разобщенность в письме — явное наследие средневековья в Европе.

Таково же происхождение разобщенности в письме и на Кавказе; здесь разобщенность в письме, однако, более сильна оттого, что процесс феодализации каждого письма развертывался на фоне борьбы не с одним, а с рядом империалистических письмен (арамейского, персидского, греческого, арабского), ведших, естественно, и взаимную борьбу. В новейшее время в эту борьбу втягивалось и русское письмо.

§ 5. На Кавказе не только каждое древнее письмо, армянское оно или грузинское, есть наследие средневековья, каждая буква особый феодальный замок, который надо брать учащемуся штурмом.

При подъеме и росте народных движений и на Кавказе мы наблюдаем создание общенародного алфавита, так в эпоху проникновения на южный Кавказ христианства в его первичной форме, не терявшей норм международного социального переворота, у армян, грузин, равно у имевших тогда свое обособленное национальное существование албанов и некоторых других горских народов возникла или возникала письменность на родном каждому национальному образованию языке с одним общим алфавитом. По расслоению христианства и трансформации его в классовое или сословное дело, наоборот, принимались меры к их дифференциации или расхождению для разобщения народов. Этим, между прочим,

объясняется расхождение армянского и грузинского церковного алфавитов, сохранивших тем не менее общий облик своего единого общего прототипа, первоначально приспособленного к кавказским языковым звукам общего христианского алфавита.

§ 6. Представляется потому совершенно невероятным, а между тем это факт, что народы, именно более культурные, и отстаивают на Кавказе фанатически это наследие средневековой отжившей общественности, отстаивают как национальную реликвию, точно дело имеем с предметом музейного порядка, а не живой общенародной потребности.

Исходя из взгляда на алфавит, как на предмет культа, реликвию, не одни кавказские древнеписьменные народы высказывают отвращение не только к переходу на новое письмо, соответствующее потребностям современной жизни, да и по существу более обоснованное, но и всякой реформе старого алфавита, хотя бы простой орфографической. В бытность мою года полтора тому назад в Армении я имел случай убедиться воочию, какое глубокое недовольство вызывает в некоторых именно просвещенных армянских кругах введенная у них при советской власти новая орфография, слабая попытка несколько приблизить пережиточное письмо к живой, современной речи. В реформе армянской орфографии есть, действительно, некоторые недочеты, результат чрезмерной осторожности, так звук «у» оставлен непочато при прежнем начертании из двух букв ($ու$), вследствие чего по новой орфографии звук «ю» приходится изображать тремя буквами ($յու$), тогда как в прежнем алфавите для него существовало двубуквенное изображение ($իւ$), получившееся исторически ($իւ \rightarrow \text{ի} \text{ի} \text{ւ} = \text{ю}$). Между тем достаточно было, например, для звука «у» взять одно цельное изображение, например, латинскую букву «v» конечно, с приспособлением к начертаниям армянского письма, как это делает И. А. Орбели в армянских диалектических текстах, именно в текстах мокского говора. В защиту произведенной в Армении реформы М. Абемян очень остроумно пользуется доводом «горе побежденным». Новая реформа шествует, оказывается, победоносно. Вот эти строки, поучительные для тех, которые боятся расстаться с традициями:¹ «Нарком просвещения сообразовал (*հարկեր*) вопрос о реформе представить совнаркому во всей его целостности, стоя на той точке зрения, что если быть реформе, не надо довольствоваться незначительными изменениями. И я теперь вижу, что правда была на стороне наркома просвещения, так как не всегда бывает подходящее время для изменения орфографии, имеющей давность 1500 лет, а 1922 г. был одним из таких редких моментов. Теперь, в течение полутора года, преодолены грамотными возникавшие недоразумения, которые предусматривались. Надо надеяться, что через десять-пятнадцать лет «предубежденные традиционной орфографией» будут и за пределами Армении вынуждены постепенно уступать грядущему поколению, имеющему скоро явиться, которое никоим образом нельзя более понудить, чтобы оно тратило попусту время, взяв на себя вездущий и тщетный труд для изучения (прежнего) правописания». Конечно, за старым армянским правописанием едва ли кому удастся отстоять

¹ *Երևանի նշանակալի Ռեֆորմը. Պետական հրատարակչություն, № 199, Երևան, 1925, стр. 6.*

древность 1500 лет: большое и основательное сомнение, был ли тогда нам известный армянский алфавит, тем более армянский алфавит, уже восполненный огласовкой? Но мы здесь в научную сторону обоснования вопроса не входим, спор на месте ведется в плоскости традиционных представлений прошлого столетия о возникновении и развитии армянской письменности. Хорошо тут то, что считается желательным крушение орфографических традиций «полуторатысячных лет» перед, можно сказать, вчерашней реформой и предвкушается не только их ликвидация, но и торжество реформы по вопросу, «поставленному во всей его целости», т. е., следовательно, коренной реформы.

§ 7. Однако правда ли это объективно коренная реформа или она кажется в среде, где она происходит, таковой по шуму, ею вызываемому в определенных кругах, вследствие отнюдь не ликвидированного настроения? Стоило ли производить такое волнение из-за таких пустяков? Дело вовсе не в том, чтобы звук «ю» по-армянски выражать тремя буквами вместо двух, как вводит реформа, или двумя буквами, как раньше было, да еще фонетически соответственно и т. п. мелочах. Вероятно, все эти недочеты будут замечены и исправлены к взаимному удовольствию всех тех, кто теперь так жестоко спорят, но основной недочет так и останется: армянский народ так и останется не в мелочах, а по существу во власти средневековых культурных традиций, которым, может быть, не пятнадцативековой возраст, но все-таки достаточно почтенная древность, такая древность, какой не может похвалиться, если уже на то пошло, по выключении греков, ни один из современных европейских народов, не останавливаясь на том, к несчастью ли их и Европы или к счастью. Самый главный недостаток новой армянской реформы по алфавиту, это то, что она ничего не решает. Армянское общественное мнение она все равно не примиряет полностью с собой, а дело по существу временное, так как рано или поздно надо переходить на радикально измененное письмо, на новый целиком алфавит, иначе армянскому народу придется отстать от общего течения мировой жизни и застрять в тупике национальной исключительности. Во всяком случае было бы противоестественно, если бы при постановке вопроса об алфавите XX века, да еще после происшедшей революции, мы стали подходить к вопросу с точки зрения пережиточных взглядов средневековой общечеловечности соседних или дальних народов или от наследственной у них симпатии к этой идеологии, с научными приемами и мировоззрением XVIII или хотя бы первых трех четвертей XIX века.

§ 8. Не знаю, стоит ли упоминать про одно возражение против перехода на совершенно новый алфавит, — возражение, возникающее у кавказцев с древненациональной письменностью? Приходилось слышать: «как же тогда быть с потребностью знать свою древнюю литературу, читать свои надписи» и пр. Однако грузины без специальной подготовки и теперь не могут читать подлинного письма древних своих текстов, располагая в быту лишь военным письмом. Что же касается потребности в чтении древнелитературных памятников у армян, о ней и сейчас нельзя говорить серьезно, хотя письмо у них то же, что древнее, и мой опыт не в пользу того, чтобы армяне научно больше интересовались своими древними авторами, чем грузины. Интересовалось ими армянское монашество,

духовенство и просвещенные в путях их мышления единицы мирян, а мы говорим о народе, о подлинных мирянах, о подходящих к просвещению массах и их интересах.

Впрочем, у защитников неприкосновенности национальных алфавитов есть еще два довода против какого-либо новшества в алфавите. Об одном из них обыкновенно не говорят вслух. Это то, что древний, столетиями развивавшийся алфавит окружен ореолом национальной славы в глазах мало посвященных в сущность дела, и это импонирует не только данной нации, но и другим, такое письмо легко воспринимают сограждане хотя бы и особого племенного происхождения, из национальных меньшинств и даже соседящих народов, а это содействует империалистическому стремлению расшириться и достигнуть своего национального величия за счет слабописьменных или младописьменных народов. Но это соображение достаточно отметить, едва ли оно способно нас разубедить в необходимости производства коренной реформы; наоборот.

Другой довод — это боязнь утратить связь с частью своей нации, когда она отрезана от нее и живет с ней в различных общественных условиях, так у армян. Но это внутреннее дело данной национальной культуры и жизненных мер к его разрешению. Письмо само по себе тут ни при чем, будет ли прежнее или новое. Ведь и сейчас, когда у армян одно и то же письмо, каждая из двух частей армянского народа, кавказской (коренной) и малоазийской (колониальной), пользуется особым литературным языком и, если держаться последовательно взгляда неприкосновенности письма в указанных целях, то прежде всего надо восстановить единство литературного языка, вернуться к древнелитературному армянскому языку, но этот спор уже решен три четверти века тому назад в пользу самоопределения живой речи «восточных», т. е. кавказских, армян, от чего армянство не только не потерпело, но несомненно выиграло культурно, и в вопросе о письме даже с этой национальной точки зрения есть основание держаться другой линии, чем та, на которую вступило само армянство в вопросе о пережиточном и современном живом языке. Мы, пожалуй, рекомендовали бы нечто обратное — смелее и решительнее связаться по крайней мере в такой чисто технической части культуры, как письмо, с будущим. И чем малочисленнее народ, тем он более нуждается в этой связи с будущим, которое иначе безжалостно задавит колесом своего неизбежного движения вперед в первую очередь их, эти народы, когда они также окажутся в тупике.

§ 9. Когда речь об абхазском алфавите, то национальная точка зрения здесь вовсе не может тормозить неизбежное прогрессивное дело за отсутствием как империалистических стремлений, так привязанности к наличному письму, отнюдь не большой древности, как к реликвии. Правда, абхазы действительно отделены от многих своих братьев или братских народов, например, убыхов, выселенных условиями жизни павшего режима с кавказской территории, но если что способно содействовать сохранению этого эмигрантского национального элемента, так это культурный подъем абхазского народа на родине.

Любопытно, что это более или менее сильно чувствуется в наиболее сознательных кругах как абхазского, так черкесского общества, более того — в кру-

гах, особенно чувствительных к недостатку культурных средств того или иного народа, так, именно, например, среди «черкесов»-эмигрантов, и вот почему за границей уже появился опыт использования латинских букв для «черкесского» письма, труд Abitp-m'a в серии Библиотеки школы Северо-кавказского общества (№ 7) в Стамбуле.

То же уже специально абхазское национальное задание имеет целью и предлагаемая реформа письма и затем культурное воссоединение с собой отрезанного ломтя, что за границей.

§ 10. Возражение против перехода на аналитический алфавит возникало одно, довольно веское, и у меня. Возражение состоит в том, что переход на новый алфавит диктуется в интересах облегчить общение и культурное объединение народов Кавказа. Какой же интерес абхазам переходить на латинский алфавит, если другие кавказские народы упираются и думать не хотят о каком-либо новом алфавите? Во-первых, это не совсем так. Народы с древненациональной письменностью, правда, могут волноваться не без основания от различных забот, но в том или ином разрешении этих забот перемена алфавита не может играть абсолютно никакой роли. Грузинам это хорошо известно по опыту, так как в свое время они отказались от одного алфавита, церковного, в пользу алфавита, связанного с большей широтой культурных интересов, художественно-мирских, представлявших развитие языческих традиций и легко воспринимавших творческие элементы из художественно-литературных навыков как грузинской народной, так даже мусульманской иностранной, особенно персидской литературы.

Грузинская нация от этого выиграла, конечно, прежде всего феодальная, но тогда, во-первых, Грузия была феодальная, и во-вторых, феодалы имели более либеральное или прогрессивное мировоззрение, стояли ближе к народной жизни, чем духовенство. Тогда феодалы были единственное сословие, единственный класс, с достаточно крепкой организацией, чтобы сломить косность духовенства. Если ныне также имеются пережиточные защитники такого технического достижения, как выношенное феодалами грузинское военное письмо, когда жизнь выдвигает замену его более международным алфавитом, имеющим стать общечеловеческим, то едва ли в линии их взглядов мы можем подходить к поставленному вопросу, или мы, как ученые, или сам народ в сознательной его части, поскольку вопрос идет об укреплении национальной культуры данного народа выработкой одного общего со всеми кавказскими народами письма.

У армян вопрос о введении латинского письма уже возникал. У меня в руках один проект такого использования латинских букв, именно труд врача Гр. Арешяна на армянском языке «Несколько слов о параллельном употреблении латинских букв (*Աի քանի խոսք լատինական գրերի զգա՛հեալաբար գործածը ծրարն լատին*)» (Эривань, 1924). У автора особые (медицинские) доводы в пользу латинского письма. При книжке и образец использования предлагаемого им алфавита.

В Азербайджане уже применяется латинский алфавит. В Чечне точно так же. Идет переработка его и для черкесов. Вопрос аналогичный давно трактован у осетин.

§ 11. Однако дело, казалось бы, шло главным образом об единой системе, чтобы не оказаться в положении европейцев, которые от сохранения исторических пережитков языка в письме располагают не одним алфавитом, а рядом алфавитов, звуковое значение отдельных букв которых совершенно особое почти у каждого народа, и у большинства из них, особенно народных масс, чтение его и тогда, когда оно свое, напоминает скачки с головоломными препятствиями. Последовавшее затем реформаторство алфавитов на Кавказе создало в письме, уже латинском, больше межнациональных граней, чем те, что существовали при арабском письме. Это выходит шаг назад; оно, как мы разъяснили в предисловии, отрицательного значения для всякого поступательного движения вперед.

§ 12. Между тем Первый учредительный съезд ассоциации всех краеведческих организаций Северного Кавказа мне выявил как реальность, что северо-кавказские народы могут великолепно справиться и с более трудными вопросами общественно-научного порядка, если подходить к ним исключительно с точки зрения делового интереса данного предложения, и со временем, может быть, в не очень далеком будущем, такой вопрос, казалось, для всего Кавказа мог быть решен совершенно безболезненно в утвердительном смысле. Если же мы, однако, первый шаг начинаем с абхазского письма, есть на то совершенно уважительное основание, независимо от потребности и желания самих абхазов. Дело в том, что абхазский язык имеет почти восемь десятков (не менее 78) звуков. Алфавит, передающий все эти многочисленные фонемы, покрывает потребности громадного большинства даже яфетических языков Кавказа, так разнообразно богатых звуковым составом.

§ 13. Нам скажут: почему не только другие кавказские языки, но и некавказские не стремятся с такой легкостью к столь коренному преобразованию письма? Не стремятся прежде всего русские. Для этого имеются, конечно, основания, но, во-первых, нашего теоретического подхода к вопросу об абхазском алфавите они ни в малейшей мере не затрагивают; во-вторых, все равно, рано или поздно, русскому народу придется сделать этот шаг. Причем, однако, многочисленный русский народ до сих пор не чувствовал своего одиночества в культуре, мало имея общественного массового трения с зарубежным миром или охотно подчиняясь и соглашаясь, как народ, у себя несвободно мыслящий, поработенный, писать на чужом языке европейском (чужом для него). По этому частью политическому, частью культурному рабелепию оторванный от народа класс ученых охотно спешит писать на иностранном языке у себя. У себя же сам русский народ был спокоен за свое главенство. Кавказскому же языку, следовательно, и абхазскому, приходится чувствовать себя одиноким и у себя на Кавказе. Кавказ страдает от многоязычия, многоязычие — бедствие, заграждение на пути прогресса Кавказа. Надо использовать все меры для ослабления последствий этого бедствия. Единое письмо это шаг к поправлению змия-бедствия, многоязычия.

§ 14. Вопросы остаются, следовательно, научный и технический, но они органически связаны друг с другом в нашей транскрипции. Основное научное требование, преследуемое всеми научными алфавитами и транскрипциями, — иметь для выражения каждого речевого звука, или фонемы, отдельное условное начертание, а не раздельное двубуквенное или, тем более, трехбуквенное начертание. В лучших

существующих поныне образцах этих алфавитов, кроме того, эти условные начертания приноравливаются посылно к восприятию то звукового, то начертательного средства данной буквы с одной из букв, наличных в исторически сложившихся алфавитах, общеизвестных в европейской среде.

Наша транскрипция более последовательна и идет дальше в цельном планомерном отражении в буквах самой звуковой системы данного языка, построенной на закономерных соответствиях в фонетике различных сроднившихся племенных образований или в закономерных сменах звуков различных эпох. Буквы, будучи каждая графически точной передачей (хотя и условной) изображаемого ею звука, определяемого как социальное явление, положением его среди других, все вместе дают наглядную картину звуковой системы не данного только, но всех яфетических языков, а так как яфетические языки вскрываются в основе всех европейских или прилегающих к европейским групп или семей языков, — семитических, турецких, угрофинских и протееидских (так наз. индоевропейских), — у яфетического аналитического алфавита большие перспективы будущего развития.

§ 15. Алфавит построен технически на том начале, что обособляющая особенность яфетических языков, три степени озвонченности каждого сильного простого согласного изображены тремя независимыми друг от друга начертаниями, также простыми, т. е. не только без использования дополнительной буквы, но без всяких придаточных знаков ($p \rightarrow b \rightarrow \phi$; $t \rightarrow d \rightarrow \delta$; $k \rightarrow g \rightarrow q$); это основные буквы алфавита из состава взрывных (сильных).

Простыми начертаниями изображены также простые — сибиланты (свистящие: $s \rightarrow z$, шипящие: $ш \rightarrow j$) и придыхательные (нёбные: $h \rightarrow \gamma$; гортанные: $\rho \rightarrow y$), все придувные (слабые).

Наши наименования звуков слабыми и сильными, разумеется, не физиологического, а общественного значения, поскольку слабые действительно легче и скорее подвергаются изменению, чем сильные.

Поскольку в латинском алфавите мы не досчитываемся начертаний для третьей разновидности ни в зубных, ни в губных, мы берем греческие буквы δ и ϕ (а не транскрибируем парными буквами th и rh), потому же отсутствующий и в греческом и в латинском шипящий восполняется русской, или этрусской, буквой $ш$, а гортанный — арабским ρ .

Буква соответственно еще дополнительно осложняется, если изображаемый согласный звук осложнен губным согласным w , т. е. лабиализован, или язычным (лингвальным) полугласным «у» латинского письма (русс. й), т. е. лингвализован (графически: иотирован).

§ 16. В общем аналитический алфавит, выработанный яфетическим языкознанием и в яфетидологических изысканиях неустранимый без ущерба для дела, своим построением нас приближает к системе цифр.

Как числа при цифровом изображении делятся на категории единиц, десятков, сотен и т. д., так яфетическое языкознание делит звуки, для удобства буквенного их изображения, на простые (единицы), составные из двух звуков (десятки), в буквах слитно-двузначные, составные из трех звуков (сотни) и т. п., в буквах слитно-трехзначные построения. Восприятия аффрикатов различных категорий

звук составных, а элементов, на которые они разлагаются, как простых, нисколько не нарушает тот факт, что составные звуки по своей доистории в самом деле не результат сложения простых звуков, до произношения которого человечество дошло постепенно соответственным развитием произносительных органов и что они, составные звуки, именно и первичны, являясь не позднее возникшим комплексом элементов, а посылным для творчества совокупных усилий различных частей органов произношения, не функционировавших еще каждая самостоятельно с присутствием ей простым звуком; это — членораздельные фонемы, но все-таки из порядка близких к нечленораздельности диффузных звуков, еще не вполне расчлененные фонемы. Отношение простых звуков к ним, как к составным, все-таки остается фактом, как в цифрах отношение единиц к десяткам, сотням и т. д., хотя история числительных выясняет, что возникновение их вовсе не начиналось с единицы. Остается, следовательно, разложимость составных звуков на два звука, других более сложных звуков на три звука, т. е. остается тот факт, что в яфетических языках звуки делятся на звуки-единицы (простые), звуки-десятки (составные), звуки-сотни (более сложно составные).

Как в цифрах единиц меньше, всего-навсего 1—9, так в аналитическом письме, составленном для абхазского языка, всего-навсего шесть стержневых простых согласных ($t \sim k \rightarrow d \sim g \rightarrow \mathfrak{d} \sim q$), т. е. три зубных ($t \rightarrow d \rightarrow \mathfrak{d}$) и три заднеязычных ($k \rightarrow g \rightarrow q$), и как в цифрах нуль (0), прибавляясь к единице раз, дает десяток, двукратно присоединяясь, дает сотню, так слабые согласные ($s \rightarrow z \parallel \text{ш} \rightarrow j$ и т. п., w, y), присоединяясь к простому стержневому согласному одиноко, дают звуки-десятки, присоединяясь парой ($s + w, z + w$ и т. п.), дают звуки-сотни.

Роль нуля в яфетических языках однако играет не один звук да и не один ряд звуков, а четыре ряда согласных, слабых согласных, при простых зубных звуках — $s \rightarrow z \parallel \text{ш} \rightarrow j$, при простых заднеязычных звуках — $h \rightarrow \gamma \sim \parallel \text{р} \rightarrow y$: парность каждого ряда зависит от того, звонкий ли стержневой согласный (d, g), тогда слабый согласный также звонкий (z, γ) — $d + z \rightarrow \mathfrak{d} \parallel d + j \rightarrow \mathfrak{d}, g + \gamma \rightarrow \mathfrak{g}$, или он глухой ($t, \mathfrak{d}, k, q$), тогда слабый согласный также глухой ($s \parallel \text{ш} \sim h \parallel \text{р}$) — $t + s \rightarrow \mathfrak{t}, t + \text{ш} \rightarrow \mathfrak{t}, k + h \rightarrow k, \text{равно } \mathfrak{d}, s \rightarrow \mathfrak{d}, \mathfrak{d} + \text{ш} \rightarrow \mathfrak{d}, q + h \rightarrow \mathfrak{q}, q + \text{р} \rightarrow \mathfrak{q}$. Полугласные губной (w) и язычный (y) неизменны, безразлично и при звонком $d + w \rightarrow \mathfrak{d} \parallel g + w \rightarrow \mathfrak{g}$ и при глухих, resp. глухом и среднем ($t + w \rightarrow \mathfrak{t}, k + w \rightarrow k, \mathfrak{d} + w \rightarrow \mathfrak{d}, q + w \rightarrow \mathfrak{q}$).

Таким образом, вместо одного звука нулевого порядка в яфетическом языке наличны или некогда были девять ($s \rightarrow z \parallel \text{ш} \rightarrow j, h \rightarrow \gamma \parallel \text{р}, w, y$). Простые согласные имеются и другие, именно губные, $v \parallel \text{м}$ и трехступенные по озвонченности $p \rightarrow b \rightarrow \varphi$, равно три плавных (n, l, r) но эти звуки не сохранились в яфетических языках в качестве аффрикатов, хотя пережитки таких аффрикатов губных мы, по всей видимости, имеем в греч. ψ (ps , собственно, один цельный звук, в яфетической транскрипции долженствующий предстать в виде $\mathfrak{p}$).

§. 17. Всех знаков в цифрах, разумеется, значительно меньше, чем в аналитическом алфавите, так как, во-первых, в цифрах выражаются лишь отвлеченные

отношения, а в буквах имеем выражение не только соотношений, но и звуков, требующих особого подбора приспособленных к нему слабых согласных; во-вторых, самые простые согласные, служащие теперь или служившие стержневыми для образования аффрикатов, немногочисленны по существу, не больше единиц, именно: 1) зубной ряд, 2) заднеязычный ряд, 3) губной ряд и 4) три плавных, но из первых трех имеет каждый ряд три степени озвончения, всего, следовательно, 12 звуков.

Поэтому-то в цифрах всего только 10 знаков, из коих девять единиц (1—9): и один нуль (0).

В аналитическом же алфавите по разнообразию слышимости многочисленных стержневые звуки-единицы, как служащие для образования составных звуков-аффрикатов (всего 6: $t \rightarrow d \rightarrow \mathcal{D} \parallel k \rightarrow g \rightarrow q$), так утратившие эту возможность (их 8: $v \parallel m \searrow p \rightarrow b \rightarrow \varphi \parallel n \rightarrow l \rightarrow r$); многочисленны и семь слабых согласных ($s \rightarrow z \parallel \text{ш} \rightarrow j, h, y, w$), которые, впрочем, лишь самостоятельно изображаются каждый особым знаком, но в слиянии с сильным простым представлены бывают всего на всего четырьмя знаками в 16 случаях, именно с зубными (переднеязычными) сибилантами глухие $s \parallel \text{ш}$ — точкой, свистящий s — сверху ($\overset{\cdot}{s}$, напр., $\overset{\cdot}{t}$), шипящий ш снизу ($\underset{\cdot}{\text{ш}}$, напр., $\underset{\cdot}{t}$), $z \parallel j$ — углом, свистящий сверху ($\overset{\cdot}{z}$; $\overset{\cdot}{j}$), шипящий снизу ($\underset{\cdot}{z}$; $\underset{\cdot}{j}$), с заднеязычными спирантами глухие $h \parallel \text{ɣ}^1$ — также точкой, небный h сверху (напр., k), гортанный ɣ снизу ($\underset{\cdot}{\text{ɣ}}$, напр., $\underset{\cdot}{k}$), звонкие $\gamma \parallel y^2$ — также углом, γ сверху ($\overset{\cdot}{\gamma}$; $\overset{\cdot}{y}$), «у» снизу ($\underset{\cdot}{\gamma}$; $\underset{\cdot}{y}$).³

Таким образом, во всем аналитическом абхазском алфавите, дающем выразить все 78 (при учете оттенков и гласных) фонем абхазской системы звуков, — в алфавите, следовательно, состоящем по существу из 78 букв: а) стержневых простых знаков — 14, из которых только начертания восьми сильных сонорных, губных $v \parallel m \searrow p \rightarrow b \rightarrow \varphi$ и плавных $n \rightarrow l \rightarrow r$, изолированы, за отсутствием в абхазском составных звуков, аффрикатов губных и плавных, которые нуждались бы в выражении знаками, составными из перечисленных простых букв и того или иного слабого согласного (спиранта, сибиланта, полугласного w или y); потому-то эти 8 изолированных простых букв требуют каждая особого исключительного к себе внимания; б) простых слабых звуков, сибилантов ($s \rightarrow z \parallel \text{ш} \rightarrow j$), спирантов ($h \rightarrow \gamma \parallel \text{ɣ} \rightarrow y$, в абхазском самостоятельно лишь «у»), полугласных (w рядом с «у»), самостоятельно в абхазском 6, но в составе диффузных звуков все 9, однако для выражения их в тех случаях, когда они, эти слабые звуки, входят в состав сложных фонем многочисленных аффрикатов, лабиализованных и лингвализованных звуков, аналитический алфавит довольствуется четырьмя знаками — точкой (.) углом (., .), кружком (o) и зубчиком (j).

В итоге 78 абхазских фонем, выражаемых 78 буквами, имеют, в том или ином плане одной общей системы, всего-навсего 23 различных знака: 1) 19 самостоятельных букв простых, 2) 4 придаточных знака.

¹ В абхазском самостоятельно ни h ни ɣ нет.

² В абхазском самостоятельно γ также нет.

³ В абхазском звук ɣ пока не наблюдается.

§ 18. При этом алфавит удовлетворяет следующим требованиям, именно:

1) начертательно выражены все звуки в точности по одной и той же системе с использованием каждой придаточной черточки в порядке тождественного или генетически параллельного ее использования в других случаях,

2) никакой простой звук не представлен описательно двумя буквами или в осложненном начертании с каким-либо добавочным знаком, как в цифрах мы единиц не изображаем никогда двумя знаками,

3) наоборот, никакой сложный звук не изображен простой буквой, без соответственного по системе придаточного знака, одного или двух, как в наших цифрах не изображаем мы десятка, тем более сотни одним знаком.

§ 19. Само собой понятно, аналитический алфавит будет уточняться и совершенствоваться (а вместе с тем и упрощаться), по мере все более и более успешного разложения многочисленных фонем на основные элементы. Отсутствие у алфавита в этом отношении стабильности — гарантия прочности его системы. Не в будущем только, но и сейчас, при привлечении массово заинтересованных читателей, ожидается большая правильность разложения абхазских, да и иных яфетических составных звуков на элементы. Отстаивается не безукоризненность аналитического алфавита, как он сложен конкретно в данный момент, а системы. Отстаивается не абсолютное совершенство самого алфавита, а относительное, которое, однако, имеет возможность расти с ростом той общей науки о человеческой речи, основы которой закладываются новым учением, яфетическим языкознанием.

§ 20. Мы вполне понимаем, что для индоевропейцев и мыслящих в их путях языковедов аналитический алфавит мало (да и неверно) сказать — неизвестен, он неперевадим; он требует перестройки их научного языковедного мышления, он требует усвоения теории, яфетической теории, находящейся в полном противоречии с их основными научными положениями, с их техникой. Становясь технически народным, в данном случае абхазским, получив дальнейшее практическое применение, новый алфавит, аналитический, будет иметь значение цифр, что и сделает его и как азбуку для народа и как транскрипцию для ученых одинаково всем понятным. Станет ли он, однако, общекавказским? Станет ли он общенаучным? Не наше дело заниматься пророчеством. Но наше дело без всякого колебания отвечать отрицательно с мотивировкой в пределах нашего понимания вещей: не станет он общекавказским, поскольку на Кавказе не будет изжито средневековое националистическое мышление, наследие в одной части христианской, в другой части мусульманской религиозной культуры, не станет он общенаучным, поскольку наука будет особо, а слова-вещи, предметы-вещи особо, ученые особо и народы, их языки, массовые народные языки особо. Но наше дело также твердить и разъяснять то, что в итоге конкретных работ нам ясно, а именно: раз усвоив аналитическое письмо при данном нами обосновании и раскрываемом его смысле, технически овладевшие им не могут не почувствовать допотопности и чудовищности всякого иного алфавита так же, как если бы кто в счете предложил при обозначении чисел пользоваться не десятью знаками, нулем и девятью единицами, а стольким количеством ничего общего между собой

не имеющих особых знаков, сколько вообще чисел. Человечество давно отошло от пиктографического «алфавита», изображений целых предметов, и от клинописных знаков, выражающих те же предметы уже в звуковых слогах, некогда названиях тех же целых предметов, и в их условных опять-таки цельных изображениях (идеограммах), и шагнуло в сторону разложения этих комплексов на элементы, отдельные самостоятельно выделяемые звуки речи, но не для того, конечно, чтобы замереть на успевшей также сослужить свою службу старой системе фонетического письма, системе национальной исключительности, богато представленной в многочисленных разновидностях. Жизнь требует общности и технического упрощения системы. Упрощение намечается самой историей развития в путях дальнейшего разложения звуков и возможно большей механизации приемов усвоения букв с приближением к простоте цифровых изображений чисел. Аналитический алфавит, возникший в процессе развития яфетического языкознания, в путях непосредственного общения с массовой народной речью в массах же, представляет построение этого порядка, и хотя отнюдь не притязает на полное достижение простоты цифр, но им сделан наибольший ход в направлении к ней, как то можно видеть в прилагаемых трех лекциях, где строй яфетического аналитического письма детально разъясняется на составе звуков фонетически богатого абхазского языка, сравнительно с системой цифровых изображений чисел.

Естественно, такой алфавит недостаточно изготовить и механически пустить в дело. Надо одновременно с ним дать ход теоретическому пониманию абхазского языка и раскрывать разумность предлагаемого алфавита, надо через учительство провести в массы понимание природы и строя абхазского языка, грамматическое, живое так называемое, собственно биологическое и социологическое понимание самой речи, а не анализ одних букв и системы их начертания. Ясное дело, что такое научно-просветительное предприятие в культурно отсталой стране не может быть осуществлено без руководящей организации. Сил для такой организации не могут дать центры с академической постановкой научного дела, при которой наука сама по себе, а живые народные языки сами по себе. Руководящая организация должна быть создана из самих сознательных абхазов, знатоков и ценителей своей национальной речи. В сентябре 1925 года было выработкой устава положено начало созданию такой организации в Сухуме под названием Академии абхазского языка и литературы, но дальнейшая судьба ее мне, к сожалению, неизвестна.

Чтобы усвоить аналитический алфавит абхазского языка, грамотному, тем более учителю и вообще просвещенцу, имеющему книжное образование общественному деятелю, с избытком достаточно прослушать три двухчасовые лекции. Я это испытал в сентябрьские дни истекшего года, когда по просьбе моих друзей абхазов вынужден был в две лекции вогнать изложение этого именно предмета. Материал тот же, использованный на названных лекциях, но с некоторым дополнением, и я распределяю его на три лекции, в полной уверенности, что педагоги, слушавшие меня, и вообще абхазы с той же подготовкой, в значительно более доступной форме передадут мои разъяснения менее подготовленным массовым слушателям, учащиеся ли они или взрослые, стремящиеся к просвещению.

§ 21. Гласные. В абхазском восемь гласных, шесть полных, или простых, два полугласных:

а) Простые:

а, е, і (русск «и»), о, и (русск «у»), ә (v в прежнем абхазском письме) 6

б) полугласные (они же сонорные согласные):

— у	— w	—	2
язычный	губной		—
(среднеязычн.)	(губнозубн.)		8

§ 22. Гласные в абхазском в неударном слогe все («всѣ») краткой моры, точно полугласные. С другой стороны надо различать существование в абхазском двугласных и долгих гласных. Принято долготу изображать двумя гласными, напр., аа, но в тех случаях когда ударение падает на второй из двух гласных, то это действительно два гласных, читать их приходится прерывисто, и аа будет слышен как аа̇: ба̇ак 'один замо́к', когда же ударение падает на первый из двух гласных или ни на один из них, то это долгий гласный, т. е. аа, равно без всякого ударения «аа» будет слышен как а̇, в первом случае с ударением а̇. В обиходном письме абхазы могут обходиться без особого гласного с долготой, но в научной передаче абхазских диалектических текстов не всегда долготу есть основание передать повторением гласного, напр., уи̇б̇от, диалектическую форму в значении 'ты видишь его, ее' (неразумный предмет) нельзя написать уи̇боот, так как здесь форма с долгим «о» (ō) восходит к уи̇бу̇т.

а) Примеры по гласным:

а	е	і	о	и	ә
ab	à-еш	a-іwa	a-osθà	ùga	эшθà
'отец'	'ящерица'	'образчик'	(a-wusθà) 'мастер'	'необъезж. лопадь'	'теперь'
ap	Igrə	a-іka		a-ùθga	à-gəlara
'мать'	'Ингур'	'гребень'		'посев мо- лодняка, огород'	'стоять'
al 'ольха'		a-igr			amshən
a-dà 'жила'		'мука'		ubri 'тот'	'море'
a-kàba 'верхнее платье'					
à-bga 'шакал'					

б) Примеры по полугласным (слабым согласным: сонорным, среднеязычному и губнозубному):

у	w
yagà 'он'	wagà 'ты' (м. р.)
	à-wa 'сородич'
Yakàb 'Яков'	a-wàpa 'бурка'
	a-wàps 'ос' («осетив»)
	a-wardən 'арба'

§ 23. Согласные.

Простые:

I. Сильные (взрывные или
смычные):

Губные:

p = п b = б φ = ц

Зубные

t = т d = д џ = џ

Заднеязычные:

k = к g = г q = к.

II. Слабые (придувные и сонорные):

↘ m = м v = в f = ф

3 + 3 = 6

↘ сибил. свист. s = с z = з
|| шип. ш, j = ж

} 3 + 4 = 7

↘ спир. [h] [|| ɸ] y = й

3 + 1 = 4

Плавн n = н (носов.) l = л r = р

3

20

Сибиллянты, казалось, вполне и даже богато сохранившиеся в абхазском, в части шипящих требуют оговорки, так как каждый из них (и ш и j) имеет двойное произношение: один из них, несомненно, придувной, другой почти смычный.

Из спирантных, самостоятельно не появляющихся в абхазском, звук ɸ наличен у соседящего с юга с абхазами народа — мегрелов, он известен обычно из семитических языков (евр. ש, арабск. ش и т. д.), но больше по традиции и является предметом исследования, смычный он или придувной. Во всяком случае надобности устранять его из спирантных да слабых нет основания.

В абхазском имеются другие слабые согласные, но уже составные, вернее — диффузные или менее расчлененные, в числе их особого внимания требует спирант гортанный ħ, не столь резкий, как в других яфетических языках, располагающих им, но ни в каком случае не отождествимый с простым спирантом h (нёбным), он также почти смычный.

О диалектическом у здесь не место говорить: в общий алфавит он не попадает.

§ 24. Очередь за простыми или стержневыми согласными.

а) Примеры по губным звукам:

1) взрывным:

р	в	ф
a-pà 'тонкий'	a-barbàl 'колесо'	a-ɸà 'сын'
à-patu 'честь'	a-bzà 'живой'	a-ɸàp 'брод'
a-perpə̀l 'перец'	à-bna 'лес'	a-ɸàga 'деньги'

2) сонорным:

м	в	ф
a-magàna 'серп'	à-vara 'ребро'	à-faga 'кушать'
a-maana (= amāna) 'хитрость'	a-vanə̀za 'селезенка'	a-fə̀ 'Афы', божество грома
à-maa (à-mā ← -mar) 'ручка' (сосуда)		fba 'б'
à-maʒ 'змея'		
à-mla 'голод'		

б) Примеры по сонорным носовому и плавным звукам:

п	л	г
a-nāga 'уклон', 'склон'	a-là 'собака'	ag 'войско' [форма единичн. rkə!]
a-narə 'рука'	à-la } à-bla } 'глаз'	a-gà 'орех'
a-nəga 'подойник'	a-labà 'палка' à-ləša 'мерин' a-ləm 'лев'	à-gas 'папоротник'

в) Примеры по зубным звукам взрывным:

t	d	ʒ
à-tata 'хороший' (детск.)	dad 'дедушка'	à-ʒaga 'давать'
a-tàta 'мягкий'	a-dʽə'də 'гром'	a-ʒəʒən 'табак'
a-tə 'филин'	a-dərdə 'веретено'	à-ʒanaʒ } абхазский → à-ʒnaʒ } праздник
	a-damrə 'могила'	
	dàra 'очень'	
	a-dunəy 'мир'	

е) Примеры по заднеязычным звукам взрывным:

k	g	q
a-kə 'один'	à-ga 'берег' (морской)	a-qià 'праведный'
a-kəka 'сосец'	à-gaga 'тень'	a-qəʒa 'селение'
a-kəl 'сноп'	a-gàn 'ширина'	a-qdè 'бревно'
	a-gàr 'колыбель'	

д) Примеры по слабым согласным придумным:

1) сибилантным:

s	z	ʃ	ʒ
sa 'я'	à-zna 'полный'	a-ʃà 'веревка'	à-ja 'осина'
à-sas 'гость'	zakà 'сколько'		à-ʒ-ga 'копание', 'канавка'
a-sāan 'тарелка'	a-zarzà 'крючок'		àʒs 'дикая малина'
a-sàba 'пыль'			
à-sakasa 'носилки'			
a-sarən 'мыло'			

2) спирантным:

простые спиранты, если исключить полугласный «у», в абхазском не сохранились, ни придумной h ни взрывной ʃ (см. выше, § 23).

§ 25. С двадцатью разъясненными буквами аналитического алфавита абхазского языка мы закрываем тот круг фонем, именно фонем-единиц, которыми исчерпывается почти полностью вся звуковая система именно яфетического языка,

так, напр., баскского, где из заднеязычных аффрикатов, фонем в начертаниях порядка десятков, нет ни одного, настолько прометеидизация («индоевропеизация») яфетической речи произвела свое нивелирующее воздействие. В баскском, правда, сохранились переднеязычные аффрикаты $\dot{s} = tz$ (ц), реже $\dot{c} = tch$ (ч) и $\dot{c}$, также фонемы-десятки, и диалектически нерасчлененный или диффузный слабый звук $\dot{h}$. Но мы имеем в ряде прометеидских («чистых индоевропейских») языков гораздо больше переживаний доисторических языков, т. е. фонем-десятков, или диффузных фонем. В общем, однако, разъясненная часть абхазского алфавита, состоящая из фонем-единиц, вполне покрывает потребности любого прометеидского («индоевропейского»), вернее и точнее — европейского прометеидского языка.

§ 26. Фонемы-десятки, т. е. по выражающим их слитно двузначным буквам соответствующие десяткам в цифрах, всегда также двузначным, в абхазском языке бывают звуки, составные из простых фонем-единиц (t, d, $\dot{s}$), равно заднеязычных (k, g, q) и из или А) сибилантов (s, z, ш, j) и спирантов (h, γ , ϵ , y), из коих в абхазском сохранился самостоятельно, как уже было сказано, лишь спирант «у» (среднеязычный сонорный согласный, слабый), воспринимаемый и к. полугласный, или Б) полугласных w и «у», последний, следовательно, в таких случаях не в спирантном восприятии.

А) Аффрикаты сибилантные и спирантные:

а) Примеры по переднеязычным аффрикатам:

1) свистящего ряда:

$\dot{t}$	$\dot{d}$	$\dot{s}$
a- $\dot{t}$ a 'дно'	a- $\dot{d}$ ara 'талья'	a- $\dot{s}$ 'зуб'
a- $\dot{t}$ as 'обычай'	a- $\dot{d}$ ə 'вода'	a- $\dot{s}$ a 'горячий'
a- $\dot{t}$ eu 'наследник'	a- $\dot{d}$ ba 'жажда'	a- $\dot{s}$ a 'амбар'
		a- $\dot{s}$ ə 'мошкара'

2) шипящего ряда:

$\dot{t}$	$\dot{d}$	$\dot{s}$
a- $\dot{t}$ kən 'мальчик'	a- $\dot{d}$ 'дуб'	a- $\dot{s}$ a 'хлеб'
ma $\dot{t}$ 'немного'		a-m $\dot{s}$ 'сила'

Аффрикаты шипящего порядка требуют той существенной оговорки, что шипящие звуки имеют двойное произношение, одно мягкое, другое почти смычное, и последнее, когда речь шла о глухом шипящем (ш), изображалось подписанной черточкой (ш̣), посему составные с ним аффрикаты с дебелым произношением, помимо знака шипящего, точки под буквой, снабжены и черточкой: $\dot{s}$ — a- $\dot{s}$ ə 'лошадь', $\dot{t}$ — a-m $\dot{t}$ ə 'дрова'.

Однако в самостоятельном использовании этого дебелого ш̣ для упрощения я стал опускать подписную черточку, это можно было делать тем легче, что ш̣ со смягченным произношением изображается с зубчиком в виде ш̣.¹

¹ В этом смысле появление «ш̣» без всякого знака в III таблице (1. согласные) брошюры о записывании абхазских текстов (Пособия для работ по яфетическому языковедению, I, 1918, стр. 9) есть недосмотр, как и связанное с этим одиначество «ш̣» в той таблице (2. согласно-гласные).

Такая же несогласованность в изображении звонкого аффриката $\underset{\cdot}{d}$ (а не $\underset{\cdot}{d}$), если j признать звуком с дебелым произношением, т. е. считать его за j , и составной с вим аффрикат изображать без подписной черточки $\underset{\cdot}{d}$, а не $\underset{\cdot}{d}$. Но ввиду того, что этот звонкий аффрикат шипящего порядка при смягченном произношении имел особое начертание $\underset{\cdot}{d}$ (а- $\underset{\cdot}{d}$ 'дуб', а- $\underset{\cdot}{d}$ га 'жарить'), то для того же аффриката с дебелым произношением казалось достаточным пользоваться начертанием без подписной черточки, т. е. $\underset{\cdot}{d}$, а не $\underset{\cdot}{d}$ в словах: а- $\underset{\cdot}{d}$ эг 'сталь', а $\underset{\cdot}{d}$ эш 'чеснок'.

В силу изложенного, связанный сам в начатых печатанием работах указанной несогласованностью, я могу лишь предложить другим на выбор для изображения тех же обсужденных букв более последовательное их начертание в виде

$\underset{\cdot}{d}$	$\underset{\cdot}{d}$	ш(=щ) j(=j)	t	$\underset{\cdot}{d}$	$\underset{\cdot}{d}$	ш j
-----------------------	-----------------------	----------------	---	-----------------------	-----------------------	--------

При этой системе для $\underset{\cdot}{d}$ мы получим пример в а- $\underset{\cdot}{d}$ 'дуб', а для $\underset{\cdot}{d}$ — в а- $\underset{\cdot}{d}$ эг 'сталь', а- $\underset{\cdot}{d}$ эш 'чеснок'.

б) Примеры по заднеязычным аффрикатам:

а-кама 'кинжал'	а-ğà 'враг'	à-қа 'тычинка (с ветв.)'
а-кагшà 'хмель'	à-ğba 'судно' (ныне 'пароход')	а-қа 'шерстяная или льняная нить'
а-кəz 'гусь'		а-қа 'скала'
а-клан 'забор'		ақш 'молоко'

§ 27. С девятью разъясненными буквами аналитического алфавита абхазского языка мы закрываем тот круг фонем, именно фонем-десятков, за который с придачею двадцати фонем-единиц, в целом 29, не выходит почти вовсе весь звуковой состав такого вполне типичного яфетического языка, как грузинский и ближайшие родственные с ним языки, мегрельский и чанский, языки сибилантной ветви, равно сванский. В этот круг свободно уместается также фонетический состав такого переходного языкового типа от яфетического к прометеидизму («индоевропеизму»), как армянский.

§ 28. Прилагаемая таблица дает картину соотношения простых звуков с разъясненными девятью составными фонемами порядка десятков в цифрах.

ТАБЛИЦА 1

С м ы ч н ы е простые		t k d g ð q		
Сибиллянты	Составные (смычные)			Спиранты
˘ = s	t k	ð q		[h =] ˘
˙ = z				[γ =] ˙
˘˘ = ш	t[k]		ð[q]	[ç =] ˘˘
˘˘˘ = j	d			y = ˘˘˘

$\underset{\cdot}{d}$ вм. $\underset{\cdot}{d}$ см. § 26, а, 2.

Составные с полугласными *w* и «у» это лабиализованные (слитные с губным *w* или нерасчлененные с ним) и лингвализованные (слитные с язычным «у» или нерасчлененные с ним) согласные относятся к особенностям, выделяющим абхазский язык вместе с весьма немногими сородичами в отдельную группу с более тесным родством.

§ 29. Эти фонемы также требуют начертаний того же порядка, что в цифрах десятки, двузначные числа, единицы с одним нулем или его заместителем, в буквах это простые звуки как взрывные (сильные), так придумные (слабые):

А) В одних случаях с сонорным губным (губнозубным) согласным *w* (полугласным):

а) Из взрывных (сильных) согласных:

1) зубные $\text{t} \rightarrow \text{t}^w \rightarrow \text{t}^u$:

s ^t owp 'сизу	a-t ^w ə 'поле'	a-t ^u ə 'сено'
a-t ^w ə 'собственность', 'раб'	a-t ^w -bga 'лисица'	ɪt ^u ə 'наполняй'
à-mɪt ^w 'чудо'		

2) гортанные — $k \rightarrow g \rightarrow q$:

a-k.àɬ 'говядина'	a-gə 'сердце'	a-q.à 'дождь'
a-k.tə 'курица'	a-gaɤqaga 'любовь'	à-q.ab 'котел'

б) Из придумных (слабых) согласных шипящих *ш* (= *щ*) и *ж* (*ж*) входят в состав таких огубленных придумных как *ш^w* → *ʃ*

a-ш ^w 'дверь'	a-ʃ 'старый'
--------------------------	--------------

Б) В других случаях с сонорным язычным (среднеязычным) согласным (полугласным) дело обстоит двояко:

а) Из взрывных согласных:

1) взрывные или смычные этого порядка с простыми зубными *t*, *d*, *ʒ* самостоятельно мною порой как-будто улавливались, но вопрос остается открытым. Они бесспорны в аффрикатах (§§ 33 б);

2) заднеязычные — $k \rightarrow g \rightarrow q$:

a-қафа 'курдюк'	a-gam 'вкус'	a-t ^w qan 'лавка'
-----------------	--------------	------------------------------

б) Из придумных и свистящие и шипящие образуют эти составные с язычными придумными звуки — $\text{ʃ} \rightarrow \text{z}$ и $\text{щ} \rightarrow \text{j}$, но свистящие *ʃ* и *z* только по произношению бзыбского наречия, почему из обиходного алфавита общенародного исключаются, они отмечаются здесь лишь в целях использования в научных записях памятников народной словесности:

a-ʒə (бзыбск.) 'снег' вм. обиходн. a-sə
uʒ (бзыбск.) 'так' вм. обиходн. us
a-zà (бзыбск.) 'чистый' (о воде) вм. обиходн. a-zà
a-щà 'кровь'
a-jà 'заяц'

в) Особняком стоит слитное как одного цельного звука произношение *w+u*, изображаемое двузначным *w̄*. При этом цельном произношении горло принимает значительное участие в производстве этого составного, или нерасчлененного (диффузного), звука, точно слышится и гортанный спирант *ɣ*: *à-w̄* 'моль', *a-w̄ə* 'вино', *à-шwa* 'дорога'.

§ 30. Сибилантные и спирантные у абхазского общие со многими яфетическими языками. Как в них, эти аффрикаты и в абхазском часто представлены с утратой той или иной их отличающей характеристики, сибиланта (*s, z, ш, ж*) или спиранта (**h, *ɣ, *ɣ, ɣ*), т. е. аффрикаты (*t̪, d̪, ʃ, t̪, d̪, ʒ, k, ɡ, ɟ* и т. п.) называются десибиллованными (*t, d, ʒ*) или дезаспированными (*k, g, q*), и тогда аналитическая транскрипция сохраняет совершенно основательно стержневую часть буквы, с точностью передающую сохранившийся пережиточно звук, так:

а) *d̪aɣ-a* 'сильно', 'очень' ← **d̪aɣ* || г. *dal-* 'сила'. Сюда же относится абхазский *-da*, усилительная частица, напр., *eʉtəb-d̪a* 'самый младший', 'моложе всех'.

б) *a-d̪a* 'жила' ← **d̪aɣ*, что см. в составе скрещенного двуплеменного слова грузинского языка, именно *d̪aɣ-ɣu* (новогруз. *d̪aɣv-*) 'жила'.

Как обычно, 'сила' восходит к представлению, впоследствии понятию, 'рука', и *dal* (равно его разновидность *d̪aɣ* → **d̪aɣ*) есть то слово с первичным и в грузинском значении 'рука', от которого в грузинском произведен глагол *d̪l+v* (*d̪leva*) 'вручать', 'давать', и его же спирантный двойник на низшей ступени *hal*, в большинстве с утраченным спирантом, наличен в значении то 'руки' (→ 'бока' || 'стороны'), то 'силы', равно в значении производных от них глаголов 'давать', 'брать', 'мочь' и т. п. и в таких яфетических языках как баскский (*al-bo* 'бок', 'сторона', *al-de* 'сторона', *al*, равно *a-hal* 'мощь', 'мочь') и чувашский (*al-ə* 'рука', *al-za* 'рукавицы', *qal* 'сила', 'здоровье', см. ниже), равно в турецких, здесь и с эканьем (*el, resp. əl*, 'рука', *əl-bi* 'сила', отсюда 'сила', которая действует в лекарстве, в молитве), но в турецких слово в значении 'руки' было и с аканием (*hal:* → *al*, ср. *al+a* - *kap* 'ладонь' в ряде турецких наречий и в монг.) ибо по закону доисторической семантики от него глагол 'брать' — тур. *al-mak* и т. д., то же слово имеем в тур. *al* 'уловка', 'хитрость', 'обман', сюда же, конечно, относится *əl* 'сила', *resp. qal* ← *kal* в различных турецких наречиях (ср. и чув.); это вовсе не арабское заимствование.

в) Такое же явление мы наблюдаем в ряде случаев с *ʒ*, пережитком *ʒ̪*, как, напр., в форме мн. числа *aɣ-ʒ, ubaɣ-ʒ* 'они', где *ʒ* восходит к *ʒ̪*, показателю множественности в армянском, да и в самом абхазском (ср. в абхазском и *-ʒa*, окончание мн. числа из **-ʒo*). Таков же *ʒ* вм. *ʒ̪* (~*ɣ* || *l*) в *a-таʒ* 'змея', где *таʒ, resp. *maɣ*, есть эквивалент перс. *māɣ* 'змея' и основы *mel* имени армянского эпического героя *Mel-te* из «скифского» или, вернее, «кимерского» сказания, двойника имени также народного героя *Щека*, как нарицательное слово имевшего то же значение 'змей'.¹

§ 31. С этой десибилляцией в неразрывной связи находится сведение группы сибиланта с заднеязычным (*zɣ* → *zg, sɣ* → *sq* и т. п.) к одному заднеязычному

¹ Н. Я. Марр, Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси, ИРАИМК, т. III, стр. 272 сл., 275 [ИР, т. V, стр. 55—56, 62].

(ğ, resp. g, ğ, resp. q и т. п.): сибиллянт (s, z) спирантизуется в исчезающий спирант, в абхазском самостоятельно вовсе и не сохранившийся (h, γ). Так —

1. qə ← *hqu ~ *squ- в a-qə +ə 'селение', собств. sku -ə '[скифское] селение'
2. ğə ← *hqu ~ *squ ↗ ğqu-: a-ğə 'голова'.

Сибиллянтный двойник ğqu, с десибилляцией đqu, сохранился в скрещенном двуплеменном слове đqu-m || đqwi-m (← *đqu-mar || *đqu-mar) у сванов в том же значении 'голова'. Сюда же примыкает груз. древнелит. đqem 'лобное место'. Сюда же относится черк. šha, resp. šhe 'для', семантически восходящее к 'голове', (ср. в грузинском đw- s, ныне đw- is, Н. Я. Марр, Грамм. древнелит. груз. языка, § 114).

3. qə ← *hqu ~ *squ ↗ ğqu: a-ğə 'пуля'.

đqu ← đqwi в значении 'пуля' сохранилось у сванов. Здесь не касаясь вопроса о перемещении значения слов у сванов со 'стрелы' на 'пулю', ни других разновидностей термина, о чем частично см. Н. Я. Марр, Термин «скиф» (ЯС, I, стр. 122 = ИР, т. V, стр. 36), где, впрочем, еще формально-сравнительная трактовка вопроса.

4. qə ← *hqu ~ *squ ← sko (↔ -sku ~ -ski) ← skol-: a-ğə 'золото', арм. o-ski (~ *o-sku, resp. o-skw-) 'золото' (Н. Я. Марр, Термин «скиф», стр. 126 сл. = ИР, т. V, стр. 38). Русское слово «золото», которое вместе с нем. gold, как известно, восходит к архетипу *skol+o-toⁿ, представляет уже скрещенное двуплеменное слово, как его спирантный двойник чув. ыл-тəп (↗ *ɣol-ton ↔ *ɣul-ton), в турецком с аканием в первой части: al-тын, resp. al-əп.

5. ga ← *ɣga ~ *zga ↗ đga (← đgal): a-ğə 'берег'.

Сибиллянтный вид непочато, а во мн. числе и с восстановлением l (đgal) налицо в языке соседящих с абхазами мегрелов, где đga (мн. ч. đgal-ə-и) значит 'берег', 'край'; об его эквивалентах шумерском zag и армянском tag см. Н. Я. Марр, Заметки по яфетическим клинописям (ИРАИМК, т. III, стр. 298).

§ 32. При таких раньше не учитывавшихся звуковых явлениях и морфологии слов не удивительно, что не только европейцы терялись (они, впрочем, по лингвистическим вопросам Кавказа, как и Пиренеев, до сих пор не могут найти себя), даже Услар готов был от неразъясненного абхазского ağə 'берег' разъяснить происхождение греческого (!) названия Ахайи для части кавказского берега Черного моря (Услар, Абхазский яз., s. v.), но мы, сами кавказцы, точно чужаки, не можем постичь или не хотим постичь, как близки друг к другу, как неразрывно сплетены на Кавказе друг с другом южные яфетические языки с северными, даже грузинский с абхазским. И все-таки — факт, что абхазский язык не любит стечения двух коренных согласных, как то наблюдается в грузинском, сохранив, однако, в обилии доисторический тип слитно составных, собственно нерасчлененных, или диффузных, звуков.

§ 33. Очередь теперь за фонемами-сотнями, т. е. за трехсоставными звуками, следовательно трехзначными буквами, когда один стержень (единица) с двумя знаками (нулями), в порядке сотен в цифрах.

К таким относятся уже разъясненные составные с шипящими ш (мы пишем самостоятельно ш) и ј (мы пишем самостоятельно ј) и переднеязычные аффрикаты ʈ, ʈ̣ (у нас ʈ̣ вм. ʈ̣ см. § 26, а, 2), ʈ̣̣.

Из заднеязычных аффрикатов этого порядка имеется лишь один звук $\check{q}$, представляющий составную фонему из $\check{q}$ и спиранта h : $a-q\check{h}$ 'голова'. Для согласования как будто желательно в соответствии с $\check{q}$ этот заднеязычный аффрикат изображать не $\check{q}$, а q .

Но масса трехзначных букв это лабиализованные и лингвализованные звуки, именно из придувных спирант $\check{h}$ и шипящие, последние одновременно и лабиализованные и лингвализованные ($\check{h}$, ph и $\rightarrow \check{r}$), но такие шипящие исключительно в бзыбском наречии (следовательно, изъеются из общенародного и литературного абхазского алфавита), и переднеязычные и заднеязычные аффрикаты, следовательно, двузначные буквы ($\check{t}$, $\check{d}$, $\check{q}$, $\check{q}$, k , $\check{g}$, $\check{q}$), то лабиализованные ($\check{t}$, $\check{d}$, $\check{q}$, k , $\check{g}$, $\check{q}$), то лингвализованные ($\check{t}$, $\check{d}$, $\check{q}$, $\check{q}$, k , $\check{g}$, $\check{q}$), из последних переднеязычные свистящего ряда ($\check{t}$, $\check{d}$, $\check{q}$) лишь по бзыбскому наречию (следовательно, из общенародного или литературного абхазского языка также изъеются).

а) Лабиализованные шипящие, собственно, все могли бы оказаться трехзначными, так как ph и r (§ 29, А, б) представляют слияние полугласных w и y с тем видом дебелого, почти смычного $ш$, который следовало изображать в виде $ш$ и $л$ (см. § 26, а, 2). Общенародным является и спирантный трехсоставный звук, представляемый трехзначной буквой $\check{h}$: $\check{a}-\check{h}a$ 'меч', $a-\check{h}\check{e}\check{h}$ 'голубь', $a-\check{h}\check{a}$ 'свинья', $a-\check{h}\check{e}\check{s}$ 'теленок'.

Что же касается сохраняемых лишь для научной транскрипции букв ph и r необходимых исключительно для записей текстов бзыбского наречия, то они иллюстрируются такими случаями, как $a\check{p}$ 'бук', a_r 'корова'.

б) Лингвализованные аффрикаты:

Переднеязычные (только в бзыбском наречии):			Заднеязычные		
$\check{t}$	$\check{d}$	$\check{q}$	k	$\check{g}$	$\check{q}$
eu $\check{t}ba$	a- $\check{d}$	$\check{a}-\check{q}a$	a $\check{q}\check{a}pa$	eu $\check{g}a$	a- $\check{q}\check{h}$
'младший'	'блоха'	'черешня'	'курдюк'	'превосходство'	'золото'
		a-b $\check{e}\check{q}$			a- $\check{q}\check{d}$
		'хворост'			'имя'
		a- $\check{q}a\check{g}\check{a}$			
		'итти'			

§ 34. В сумме все абхазские буквы в порядке педагогической целесообразности, от простого к сложному, в порядке следования от букв-единиц к буквам-десяткам и к буквам-сотням с выделением изъеяемых из обиходного алфавита бзыбских согласных представляют следующие группы:

а) Гласные: а, е, и, о, и, ә; полугласные: у, w. — 8.

Согласные:

б) Группа 1-я. Простые согласные (буквы-единицы):

f, v, m, s, z, ш, j, p, b, ф, t, d, ф, k, g, q, n, l, r (об у и w см. гласные). $\frac{19}{27}$

в) Группа 2-я. Составные согласные, двузначные (буквы-десятки):

т̣, д̣, ѓ, т̣, д̣, ѓ, к, г̣, қ, т̣, д̣, ѓ, к, г̣, қ, к, г̣, қ, ш̣, ж̣ (бзыбск. еще: s, z), ш̣, ж̣ $\frac{23}{50}$
 л̣ (о ш и л см. § 26, а, 2), н̣ (с бзыбск. 25)
 (с бзыбскими 52).

г) Группа 3-я. Составные согласные, трехзначные (буквы-сотни):

т̣, д̣ (= д̣, см. § 33), ѓ, (бзыбск. еще: т̣, д̣, ѓ, д̣), к, г̣, қ, т̣, д̣, ѓ, к, г̣, қ, г̣, қ, ш̣, ж̣ (бзыбск. еще ш̣, ж̣), һ, џ $\frac{13}{63}$
 (с бзыбск. 20) $\frac{13}{63}$
 (с бзыбскими 72)

д) Группа 4-я. Четырехзначные составные согласные (буквы-тысячи), казалось, сводятся к одному ѓ, но если бы доводить последовательность до конца, не избегать в самом абхазском излишнего осложнения начертаний, т̣, д̣ и ѓ следовало бы из 3-й группы перенести сюда, так как точное их начертание по системе: т̣, д̣, ѓ. Обходясь упрощенным начертанием этих трех букв по 3-й группе (т̣, д̣, ѓ,) без ущерба в самом абхазском, мы остаемся лишь при одной четырехзначной букве ѓ (или ѓ, см. § 33).

$\frac{1}{\text{Всего } 64}$
 (с бзыбск. 73).

§ 35. В порядке же общепринятой последовательности латинского алфавита, с учетом греческого и с продвижением к началу лишь гласных, абхазская азбука может быть представлена в следующих двух таблицах, одной печатными, другой рукописными буквами.

ТАБЛИЦА II. АБХАЗСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

Печатный

а е і о и ә у w t ṭ ṭ [ṭ] ṭ ṭ d ḍ [ḍ] ḍ ḍ ѓ ѓ ѓ [ѓ] ѓ ѓ ѓ s [s] z [z] ш
 п̣ ш̣ ш̣ ж̣ ж̣ ж̣ [ж̣] к к к к к к г г г г̣ г̣ г̣ q q q q̣ [q] [q̣] һ r l [l] n [n]
 p b φ m f v [v] һ, џ.

ТАБЛИЦА III. АБХАЗСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

Рукописный

а е і о и ә у w b g g̣ d ḍ v ṿ z ẓ ṿ k k k l l m n ṇ r j j̣ j̣ ẓ
 s t ṭ ṭ φ q q q g̣ g̣ g̣ k k k ш ш ш и̣ и̣ и̣ ṿ ṿ ṿ ṿ ḍ ḍ ḍ ị ṭ ṭ ṭ q̣ q̣
 q̣ q̣ q̣ ḍ ḍ һ һ f

Печатный алфавит расположен в другом порядке, чем рукописный, что на таблице, воспроизводимой из пособия по записыванию абхазских текстов (в ней не хватает ф).

Такой ли последовательности держаться? Этим я сейчас не занимаюсь. До сих пор я держался порядка размещения грузинского алфавита, где сначала идут буквы, изображающие простые звуки без шипящих, затем аффрикаты и шипящий «ш», т. е. то, чего не хватало в греческом. Можно расположить¹ их в порядке движения от гласных и затем простых согласных к составным двузначным и составным трехзначным, т. е. в порядке, названном педагогическим.

¹ См. О записывании абхазских текстов, Пособия для работ по яфетическому языкознанию, вып. 1 и Абхазско-русский словарь.

Язык и письмо¹

«Слово для человека есть такой же реальный условный раздражитель, как и все остальные, общие у него с животными, но вместе с тем и такой многообъемлющий, как никакие другие, не идущий в этом отношении ни в какое количественное и качественное сравнение с условными раздражителями животных».

Акад. И. П. Павлов.

Великий гончар письма и языка, октябрьский революционный порыв, октябрьское революционное творчество. Союз Советских Социалистических Республик — беспримерный научный творец в области окультурения многочисленных отсталых народов, входящих в его состав, а в связи с этим и беспримерный по эффективности фактор в усовершенствовании старых и созидании новых языков, а в линии использования языков — и неразрывно связанных с ним и письменностей. Вызванный этим фактором сдвиг захватил своим исследовательским интересом все языки населяющих территорию Союза народов и племен. Более того, тот же сдвиг врезался исследовательским резцом своего нового мышления, диалектической логикой, в массовую гущу языкового материала, в живые, казалось бы, цельные национальные языки и выявил в них переплет классовых языков, выявил или выявляет классовую сущность всех и каждого языка, как никогда. И тот же сдвиг породил длинный ряд созидателей или усовершенствователей письменностей и исследователей языков, воскрешая ученых мертвецов дуновением новой жизни на непосильный для их мышления подвиг и подготавливая, вопреки всей тяге обремененных мудростью руководителей к старым кумирам, новые кадры работников для новой неслышанной и невиданной раньше работы над величайшим созданием человечества — письмом-языком, ибо письмо, эта нераздельная в памяти человечества с языком единая величина, раньше было также языком, как звуковая речь.

Не вина революционного творчества, а вина сменяемого, не смененного еще им научного мировоззрения, что открытая в Москве выставка «Новая письменность народов СССР» наименована была по построению: выставка письменностей, а не выставка письма-языка. Письменность народов Союза до революции и после революции — вот тот участок в истории письма, представить который было первое по очереди задание выставки, устроенной Коммунистической академией, ее подсекцией материалистической лингвистики. По наметке же для будущего времени это выставка вообще письма. Известно изречение, нелестное для языка: «язык мой — враг мой». Язык мог бы сказать: «Неразлучное дружище письмо — старый враг мой и злой соперник до наших дней в науке об языке».

Было время, когда письмо и вообще письменность заслоняла язык. Живая речь выходила из орбиты исследовательского внимания, захваченного целиком интересом к письменному языку, да еще в особо высокой степени к тому или иному мертвому литературному языку, по возможности языку «народа» мирового значения или хотя бы к попавшему, как пятая спица в колеснице, в переплет

¹ Доклад, прочитанный 21 ноября 1929 г. на открытии выставки Новой письменности народов СССР в Коммунистической академии СССР в Москве [Напечатан в ИГАИМК, т. VI, вып. 6].

взаимоотношений таких мировых литературных языков. Отдельные крупиночки речи, казавшиеся ее первичными элементами, даже и те назывались не звуками, или фонемами, а буквами, или, по латыни, littera. И доселе приходится часто слышать, например, когда дело идет о семитических языках, что в них корни «трехбуквенные», trilitère и т. п. Беда, однако, не в этой неувязке технической детали. Она в настоящее время не представляет, если не говорить об ее формальной уродливости, никакой опасности, поскольку, когда даже говорят хотя бы о тех же трехбуквенных корнях, всякий, не исключая и говорящего, предполагается, понимает (во всяком случае способен понять), что дело идет не о буквах или линейных знаках, а о звуках, изображенных с тем или иным линейным начертанием. Гораздо более опасные, прямо-таки роковые последствия общего значения имеем для самой науки об языке от подхода к звуковой речи, хотя бы и живой, через письменное ее облачение, ибо таким подходом предопределялся количественно материал. Такой подход был научно санкционирован в отношении не одних только отдельных языковых представителей, а всех их объединений в системы, доселе намеченные в совокупности языков всего человечества, или, говоря термином старого учения об языке, в «семьи» языков, в том числе и прометеидскую систему, говоря опять-таки терминами старой лингвистики — «индо-европейскую семью». В результате не только получалось такое несуразное положение, что в области, наиболее изучавшейся в научных путях лучше квалифицированными лингвистами, именно специалистами по прометеидским языкам, оформлялась и, угнездившись на отсохших ветвях единственного в мире вечно зеленеющего древа жизни, производства-общественности, сложилась паразитно наука о лингвистической системе, пусть «семье» (тем хуже), ведающая в первую очередь лишь мертвыми письменными языками, санскритом, так наз. древнеиндийским, древнегреческим и древнелатинским. Этого мало; надо было совершить, казалось, целую революцию, чтобы в круг этой курьезной «семьи» мертвых литературных языков ввести литературные языки, т. е. такие литературные языки, которые одновременно окружены своими же живущими еще бесписьменно говорами, наречиями и даже прихваченными будто случайно языками. И когда в результате борьбы за такое положение живых, или, вернее, новых литературных языков произошел действительно некоторый сдвиг в сторону вовлечения живой речи в исследовательскую работу, с чем связано появление и особой отрасли речевой культуры, именно «неофилологии», или «романо-германской филологии», то на деле оказалось, что, во-первых, этот сдвиг произошел собственно в отношении европейских новых литературных языков с их средневековыми также письменными формациями. Сдвиг по существу не изменил общего положения исследовательской работы, именно: сначала письменные языки и их взаимоотношения как нормативы, а затем в порядке лишь уточнения таким путем выработанных теоретических норм — использование «постольку, поскольку» и материалов живой устной речи. И затем скандально бесплодная попытка распространить тот же подход ко всем языкам мира, что знаменовало выпадение большинства языков, собственно всех живых языков и наречий, из кругозора наиболее, казалось бы, квалифицированных лингвистов.

Старая лингвистическая теория, таким образом, отпала не только от материальной базы такой части надстроечного мира, как речевая культура, но она оказалась с построением на руках, не учитывающим, не способным учесть нормы живой речи и тогда, когда она могла располагать и даже располагала ее материалами, т. е. материалами научно беспризорных языков. Однако языки эти не оказались беспризорными. Прежде всего добрая часть их не могла не иметь о себе попечения, поскольку на ней оказывались говорящими вновь сложившиеся национальности, но лингвистика наименее податлива для национального ее построения, не говоря о том, что новые национальности, скроенные общественно по нормам существовавших ранее национальных образований, как сродных экономических формаций, способны были породить учения, сродные со старой лингвистикой, почему они безоговорочно воспринимали ее теорию, часто лишь с усилением дефектов ее построения и даже с искажением ее правильных утверждений. Тут не получалось условий для противоречий и, следовательно, для борьбы, с разрешением которой наука получила бы действительный сдвиг.

Больше надежды в этом отношении можно было возлагать, казалось бы, на диалекты той или иной господствующей классовой речи, обычно письменной, по непосредственной близости к прочно установленной исследовательской работе над ней, но при создавшихся условиях диалектология, разрозненно разрабатываемая по районам распространения классово господствующих так наз. национальных языков, с замыканием теоретических исканий по наречиям и говорам в пределах господства каждого национального языка, воспринимаемого как самодовлеющий цельный массив с отрывом от экономических увязок различных районов и производственно-социальных предпосылок собственного района, не могла выработаться в самостоятельное учение, а в путях старого учения она в лучшем случае вносила в неверное в основе построение лишь поправки, не представляющие интереса для нашего настоящего учета в корне реконструирующих сдвигов.

Больше простора для независимого исследовательского творчества представляли необъятные по количеству и разнообразию языки без письменности, «безграмотные» массовые языки всех стран света, в буквальном смысле слова остававшиеся вне квалифицированного научного призора. Их изучали и можно было изучать лишь на слух и на месте, невольно в окружении и в общем с более глубоким учетом материальной, социальной и бытовой среды; их изучали заинтересованные корыстно в судьбах говорящих на них народов или члены различных религиозных организаций, миссионеры, колонизаторы, администраторы, вообще служащие и люди так наз. свободных профессий, но не со свободною идеологиею, со включением искателей приключений и путешественников, или политические ссыльные, нередко каторжане, все одинаково вольные или невольные наблюдатели поражавших европейцев своей экзотичностью племен чаще, чем народов, они же невольные скорее так наз. этнологи, чем лингвисты. Естественно, массово накопившиеся материалы послужили базой для возникновения такой в буржуазных условиях единственно возможной социологической науки, как этнология. Язык здесь являлся в неразрывной увязке и с хозяйственным производством и с соци-

альным строем. Этнологическая или так наз. «палеоэтнологическая» лингвистика настолько развилась и окрепла, что вышла на самостоятельный путь своего выявления, разорвав с отрешенным от жизни учением об языке, с шорами которого этнологи и начинали часто исследовать лингвистическую часть своей работы. Самостоятельного учения об языке этнологи также не создали, но ими была тронута девственность замкнутых в своей изоляции отдельных так наз. семей языков, были сделаны просеки, взломавшие смелыми фактически оправдывавшимися сближениями научно углублявшиеся между ними перегородки; достаточно сослаться на прослеживания в мировом масштабе таких общих черт в языках всего мира, независимо от их принадлежности к родственным или неродственным «семьям», как распространение сродных начальных и конечных гласных, двойственного и тройственного числа, равно числительных, а также различных положений родительного падежа и т. д.

Прошу обратить внимание, что в нашем суммарном изложении необходимого нам сейчас отрезка из истории изучения отдельных языков и их групп, тоже ведь, трудно отрицать, неизъемлемой и из общего учения об языке, ни словом, ни даже памаком я не коснулся оценки политической или общественной стороны такой установки исследовательского дела, ибо нам пришлось бы указать, что бесписьменные языки, совсем не изучавшиеся и поставленные в лучшем случае на второй план, это или заморские колониальные языки, или внутренние напменовские языки, или живые так наз. диалекты матери-речи, именно литературного языка; последние же если не дериваты, то изначально, предполагалось, сродные части, казалось, собственного национального литературного языка, на самом деле по своему актуальному основному складу эти диалекты, раньше самостоятельные языки, значительно позднее успели вполне сойтись каждый с господствующим над ним литературным языком или плохо сошлись с ним, будучи независимыми по происхождению присущей им идеологической и формальной структуры языками другого или других классов и обычно загнанные в обиход крестьянско-рабочих социальных слоев, и такое, следовательно, «выпадение большинства языков всего мира из кругозора наиболее, казалось бы, квалифицированных языковедов» отнюдь не случайность, а неизбежное последствие классового подбора исследовательского материала, с целевой установкой изучить прежде всего классовый, свой феодальный, свой буржуазный или свой мелкобуржуазный (бывает и такая модальность) так наз. национальный язык, будто всего народа. Равнодушные той или иной теории к этим классовым моментам при сознательном к ним подходе заставило бы ввязаться в генезис такого положения вещей с весьма неприятными организационными выводами, между тем нам сейчас вполне достаточно трактовать сюжет в рамках отвлеченной академически-научной оценки, достаточно было бы для выявления степени состоятельности того или иного учения сослаться хотя бы на подытоживающие его достижения продукции.

Старое, наиболее разработанное исключительно на языковых фактах теоретическое учение, индоевропеистика, и она же наиболее отрешенная от жизни, без увязки не только с материальной базой, со всякой ее надстроечной категорией,

но и со смежными по предмету исследования науками в наш век разрешилась трудом, свидетельствующим своим названием о бессилии представить речевую культуру человечества в какой-либо мере организованно классифицированной. Труд так и называется «Языки мира» («Les langues du monde»), и больше ничего, без малейшего намека не только на определяющие их системы, но и на принадлежность их к той или иной так наз. семье.

Молодая же этнолингвистическая лингвистика осознала потребность в классификации всех без различия языков мира, как частей различных типологических групп, как то мы видим в труде полиглота Шмидта (Schmidt) «Die Sprachfamilien und Sprachkreise der Erde» 'Семьи языков и языковые круги мира', но эта работа исходит в основе своего языковедного построения все из того же фактически формального метода индоевропеистики, она же ярко идеалистична; достаточно для этого прочесть вступительные строки названной книги, определяющие язык как «внутреннейшее порождение человеческого духа и потому способное дать лучшее свидетельское показание о подлинной природе души», и лишь материал иного порядка, да работе над ним в других условиях, эта «палеоэтнолингвистическая» лингвистика обязана надбавочной своей частью, но эта часть, качественно более высокая, представляющая распространение колониальных языков «родными «кругами» в их статическом состоянии, при отсутствии палеонтологической проработки, чисто механически присоединяется к признаваемым и индоевропеистикой «семьям» языков, без малейшей попытки тревожить их, без учета творческой динамики. Собственно все осталось на месте в силу того факта, что господствующее теоретическое учение об языке оставалось и остается неизменно тем же на письменно-язычных данных возведенным построением. Звуковая речь, оттесненная письмом в тень, точно заслоном, была обесцелена как творческий материал с его массовостью, с его многообразной техникой и с его богатейшей гаммой идеологических смен в самой структуре в зависимости от стадий, революционных сдвигов, в развитии производства и производственных отношений. В письмо и в его мертвые традиции был заточен живой, общественно-исторически скроенный организм, многосложно увязанный со всеми нервами повседневной жизни, ее питающим производством и регулирующей общественностью на всем протяжении активного существования человечества, с перспективами не только на развитие вместе с материально и технически прогрессирующей жизнью, но и на перевоплощение вместе с нею, да с богатейшим накоплением таких же связей с забытыми всеми, кроме как языком, первыми этапами коллективного людского творчества, вне которого не было человека и неизбежный современник которого наличен перевоплощенно в нашем нынешнем орудии общения, нашей звуковой речи. Все это было просмотрено, и в кругу специалистов если была работа по вопросу, то она терялась в бесплодных поисках увязать наш язык, как природный, непосредственно с языком природы, с языком животных, или проработать его в технической части звуков формально-физиологически также в увязке с природой.

И, естественно, если при таких провалах руководящей по части языка научной мысли из области языковедного исследования совершенно выпадал ручной язык,

язык кинетический или линейный, язык линейных символов и линейных образов, не только предшествовавший нашей звуковой речи, но и долгие тысячелетия сожительствовавший с ней, и пережиточно доселе существующий на громадных участках стратификации звукового языка.

В результате не только звуковая речь, но и письмо, освобожденные от позднейшего, отнюдь не изначального сожительства с нею, предстали в совершенно новых взаимоотношениях в громадной важности вопросе об языке. Но что такое язык? Трудно дать определение, ибо, будучи созданием изменчивой материальной базы, производства, и с нею неразлучного или к ней ближайше примыкающего надстроечного фактора, социальной структуры, язык также есть историческая ценность, т. е. изменчивая категория, и без допущения чудовищного анахронизма нельзя дать его единого определения, ни идеологического, ни технического. Без содрогания нельзя слушать, когда без учета палеонтологии речи обсуждается какой бы то ни было мелкий вопрос по языку генетического порядка.

Функция языка менялась, изменялось обслуживаемое языком пространство, менялся объем охвата внутреннего порядка — количество нареченных предметов, изменилось орудие речевого производства, изменился его процесс и т. д.

«А как же в таком случае остаются несменно так наз. звуковые законы, именно социальные звуковые законы — корреспонденции?» могут сказать мне. А кто же говорит об их неизменности? Во всяком случае не яфетидологи.

Установленная индоевропейцами система так наз. фонетических законов прометеидских (индоевропейских) языков, в их реальной части, ведь вовсе не является простой репродукцией звуковых законов яфетической системы, в них, так наз. индоевропейских языках, языках прометеидских, налицо коренная перестройка прежней системы, яфетические звуковые корреспонденции в них прослеживаются лишь как переживания изжитой системы.

А яфетические языки? Разве они все выявляют ту систему фонетических законов, которые постоянно приводятся при яфетидологическом анализе как ориентирующее средство и в изучении языков других систем: хамитической, семитической, прометеидской, урало-алгайской, в частности групп угрофинской, турецкой и т. д.? Разумеется, нет. Как актуальная форма, та система фонетических законов свойственна лишь сибилантной ветви языков яфетической системы, а до выделения спирантной и сибилантной ветвей была, как то уже намечалось, еще одна система с диффузным состоянием звуков. По наступлении же изолированного их учета, когда, следовательно, изменения отдельных звуков в языке получили идеологическую значимость во всех отношениях, и в словотворчестве, и в образовании морфологических типов, да когда в связи с этим опять-таки они стали разъясняться не отрещенно от материальной базы, производства, а (наоборот) в зависимости от него и его качественного видоизменения, в первую очередь — развития техники, то одновременно с умножением возможностей дифференциации в зависимости от изменений отдельных звуков и их уже механически слагаемых комбинаций, бесконечно многочисленных, стали отмирать сложные звуки, потребность в которых, как и в дифференцирующих средствах, отпадала. Спирантная же ветвь и не дошла вовсе до выработки и такой системы,

какая присуща сибилантной ветви, а до выделения звуков спирантного порядка рядом с сибилантными, использованными в определенной системе, были звуки с диффузным состоянием. О фонетических нормах той эпохи не приходится пу- скаться в беспочвенные гипотезы, ибо намечается научно обоснуемое построение по переживаниям в наличных языках, но факт, что и там была иная система.

Эти смены систем при их учете и являются гарантией закономерной сохранности слов от различных ступеней стадиального развития и правомочности исследователей языка не только сравнивать языки, за пределами позднее образовавшихся систем, но и распознавать их по принадлежности к различным стадиям. Но и этот ряд сменявших друг друга систем не являлся бы достаточной гаран- тией для правильного и уверенного в реальности учета фонетических фактов при системе изолированных изменений звуков, если бы мы не располагали средством идеологического обоснования действительной сохранности в них пережитков архаичных, более того — первичных уже не звуков, простых или сложных, а целых слов, именно так называемых лингвистических элементов, возникших в трудмагическом процессе. Эти лингвистические элементы, использованные как бы символы с функцией сигнализации предметов, лишь впоследствии по размножении их членораздельных разновидностей собственно слова, пер- вично же функциональные хоровые звучания единого коллективного труда, числом четыре, вызывающие столькосомнений у незнакомых с фактическим положением дела диалектического порядка, теоретически являются постула- том при решении и возникшей ныне жестокой полемики вокруг вопроса о неуверенности в закономерной сохранности какого-либо полубия первичных звуков в наличной фонетике языков, раскинувшихся по всему миру, чтобы в них находить обоснование для лингвистических увязок современных бесписьменных языков Африки, например Vantu, с таким древнейшим письменным языком, как шумерский. Инсбрукский языковед Дрексель (Drexel), убежденный сторонник сравнительной работы над языком за пределами замкнутых кругов, старается выкладками как бы теории вероятности обосновать консервативность звуковой речи; при такой трактовке фактически бесспорная консервативность пред- ставляется мистической. Между тем в таком обосновании нет никакой надобности. Нужная консервативность гарантирована не только рядом сменявших друг друга фонетических систем со значимостью изолированных звуков, но и с системой комплексных звуковых изменений четырех элементов, т. е. целых слов, дающих основание не только для безошибочных сближений современных живых языков с древнейшими письменными, но, более того, для увязки языковых фактов с яв- лениями производственно-общественного порядка древнейших, а при учете пред- шествовавшего звуковому ручного, или кинетического, языка, и первичных эпох.

Четыре, если не более, смены систем звуковых корреспонденций это столько же зависящих от развития производства и его техники сдвигов общественной структуры, чем позднее, тем сильнее и сложнее выявляющей свое творчество и в области социальных звуковых соотношений. С каждым сдвигом первоначаль- ная замкнутость не только разбивалась от более развитых способов производ- ства, но переходила в новую стадию социального оформления с более широким

охватом, чтобы на последующей ступени, все по той же причине и роста, и осложнения производства, передвинуться в социальные образования мирового масштаба и по ним перестроиться. Это наше положение находит поразительное соответствие в следующем пассаже неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса о Фейербахе: «Но чем более расширяются в ходе... развития отдельные воздействующие друг на друга круги, чем более уничтожается первобытная замкнутость отдельных народов, благодаря более развитым способам производства, сношениям и вызванному в связи с этим массовому разделению труда между различными народами, тем более история становится всемирной историей...».¹

Но то, что не меняется, так это сугубо, втроекратно социальный характер речи, факт ее создания человеческим коллективом, с определенной целевой установкой, вытекающей из общественно-осознанной потребности, разумеется, общей потребности. Общественная ее функция (общность работы для процесса ее производства, коллективизм и продукция общего назначения), это *conditio sine qua non*, т. е. это «условие (три условия), без чего нет», и, добавлю, не было никакого языка, не мог он ни существовать, ни прозойти.

Но ведь коллектив был до возникновения человека, коллективы различных видов животных, также с определенной целевой установкой, планомерной, т. е. вытекающей при учете происходящего также из общественно осознанной необходимости, общей потребности. Следовательно, язык существовал и существует также у животных? Этого, конечно отрицать никак нельзя, но язык животных не общий, ни с какой стороны, ни с идеологической, ни с технической, он не только представляет достояние каждый особю вида животных, но не отделен от производства, органически нераздельно связанного с их видовой физической структурой, нет здесь момента расхождения, т. е. отхода друг от друга материальной базы и надстроечной категории, нет, следовательно, условий для независимой от природного строения их эволюции, материальная база языков животных — сама природа и только. С этим связан ряд других моментов, образующих в общем пропасть между животным и человеком, не как физическим созданием, но как общественным типом. Мы не можем сейчас останавливаться на всех этих моментах, касающихся особенностей и речевых сигналов или, может быть, также символов, и процесса их производства, и орудия производства, разности их роли при линейной речи и при звуковой, привносящей богатый материал по вопросу. Мы сейчас отметим лишь один, имеющий кардинальное значение языковедный факт. Человечество еще на ранних ступенях развития звуковой речи осознало животных не как физически, а лишь как общественно от себя отличный тип, отнеся их к категории пассивных или эксплуатируемых существ наравне со своей продукцией или с хозяйственно осознаваемыми предметами природы и отложило этот свой взгляд в специальном классовом определителе, впоследствии ставшим признаком грамматического рода, так наз. среднего рода.

Техника производства и языка требует возможно уточненного определения, достижимого лишь при скрупулезном учете всех моментов и тогда, когда дело

¹ Архив Маркса и Энгельса, кн. I, Из неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса, 1930, стр. 225 [Ср. Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 36. — *Ред.*].

касается человеческой речи. Мы знаем, что смена кинетической или линейной речи звуковой знаменует смену производства — какого? Кажется не правда ли, руки — языком? Мы не будем останавливать сейчас своего внимания на участии в кинетической речи рядом с рукой в некоторых ее вилах и ног, не говоря вообще о телодвижении и такой существенной помощи, которую оказывает и лицо всеми средствами изобразительности — мимикой. Все эти дополнительные средства подлежат своему палеонтологическому учету, ибо, если участие ног и вообще телодвижения представляет переживания более древней стадийно ступени развития кинетической речи, более того, — они могут быть увязаны с языком животных; мимика, наоборот, есть позднейшее достижение, образующее тоже пропасть между языком животных и даже ручным языком человечества. В основе же стабилизовавшийся кинетический, или линейный, язык есть ручной язык, так наз. язык жестов, и основное его орудие — рука.

Когда речь о кинетическом, или линейном, языке, как-будто иного ответа не может быть, ибо если бы мы вздумали остановиться на его названии «кинетический», или «линейный», то это лишь выявление продукции руки, движения (греч. *κίνησις*) и изобразительности, следовательно, линий, а никак не конкретный какой-либо материал, используемый для речевого производства. Достаточно сказать, что линейность может быть осуществлена не только не материально летучим неустойчивым движением непосредственно 'руки', *гесп.* 'пальцев', но и материально при инструментальной их смене, стиле, резце, кисти, пера, фиксирующими линии красками, что, будь это письмо или живопись, находится также в генетической увязке с речью, заменяя ее идеологическую функцию, или разбивая ее единство.

В порядке, однако, смены языка языком, ручного языка звуковым, происходит значительное осложнение техники. Орудие производства звуковой речи это, казалось бы, уста и, в частности, язык, анатомическая часть. И в этом восприятии термин 'язык', как и 'уста', разъясняется в отношении своего наименования по функциональной семантике, переходом названия 'руки' на 'язык' и 'уста'. В русском не существует выражения «устный язык» в значении звуковой речи, «устная речь» по-русски значит 'язык живой' в противоположность мертвой лишь письменной. В быту такой же смысл имеет у французов *oral — tradition orale* 'устное предание', т. е. предание живым языком в противоположность мертвому лишь письменному, и лишь в современной научной терминологии *langue orale* вносится в обиход для обозначения звукового языка в противоположность 'ручному' или, как называют французы, 'языку жестов'. Однако фр. *oral* происходит от лат. *os*, означающего не только 'уста', 'рот', но и 'лицо' и при учете этого факта можно было бы обратиться к построению гипотезы об ином, чреватом последствиями понимании термина *oral*, если бы в ней была надобность. Ибо без всякой гипотезы известен факт из языков яфетической системы, так, напр., грузинского, что животное в отличие от человека называется *rig-и + tku-и*, буквально переводимый 'не говорящий *rig*'ом'. Но что значит *rig*? Вот тут затруднение: *rig* означает и 'лицо' и 'рот'. По истории же языка возможно иметь определение животного, как существа, не говорящего или

‘языком’ (следовательно, звуковым языком) или ‘лицом’ (следовательно, линейным языком — мимикой).

Что касается звуковой речи с ее технической реальностью, то точное наименование орудия ее производства также не достигается словом ‘уста’ или ‘рот’, как и анатомическим термином ‘язык’. При уточненном техническом подходе к этому сюжету без углубления в сущность процесса мы в качестве орудия речевого производства ожидали бы прежде всего ‘губы’ как непосредственно зримую часть ‘рта’; но в терминологии это не изменило бы дела сравнительно с тем, когда орудием речи по наличным наименованиям приходится признать ‘уста’, ‘рот’, ибо ‘рот’ и ‘губы’ раньше назывались также одним и тем же словом. При уточненном же техническом подходе, опять-таки не выходя при восприятии звукового языка за пределы голого механизма, мы в качестве орудия речевого производства могли бы ожидать ‘гортань’, ‘горло’, как наиболее существенную часть полости рта в произнесении звуков, особенно древнейших — заднеязычных спирантов и аспирированных, присущих языкам архаичных систем, в числе их языкам яфетической системы: спирантов h, h , аспирированных или длительных — $k \rightarrow \check{g} \rightarrow \acute{q}$, или взрывных k, g, q , простых k, g, q , не говоря о более архаичных диффузных, так наз. лабиализованных $k, \check{g}, \acute{q}, k, \check{g}, \acute{q}, k, g$ и так наз. иотирированных $k, \check{g}, \acute{q}, k, g, q$ и т. д. Вполне понятно, что наречение языка не могло состояться в первобытном обществе с таким уточненно-исследовательским технологическим его восприятием. Вообще появление наименования такой надстроечной категории, как язык-речь, это дело одной из позднейших ступеней стадияльного развития звуковой речи. Но и тогда, насколько внимание устремлялось на общее восприятие орудия речевого производства, таковым не мог явиться ‘рот’, ‘уста’, как вместилище всей сложной системы произносительных органов, или язык, как наиболее активный их представитель, подвижной как рука, и причастный к производству всех звуков, чем древнее, тем активнее (достаточно сослаться на такие фонемы яфетических языков архаичной системы стадияльного развития так наз. горских языков, как $h, \check{g}$ и т. п.).

Но в нашем современном восприятии звуковой речи не можем не учесть факта, что это не кинетический, или ручной, язык, чтобы физическая часть тела сама по себе, подобно руке, сошла за орудие речевого производства: в звуковом языке орудием речевого производства скорее намечается надстроечный материал, воспринимаемый слухом, и как ни углубляться в архаичность, какие бы нам ни удалось установить диффузные звуки, вплоть до известных четырех элементов в их первичном произношении без членораздельности трех составляющих еще издревле их фонем, приходится считаться именно с этим звуковым достижением, захватывающим в одно целое и ухо, орудие слушания с приспособленным слухом. Кстати попутно укажу, что у грузин специального названия для ‘уха’ в древне-литературном феодальном языке вовсе не было: его называли словом *sa-smen-el*, буквально означающим ‘орудие для слушания’, как, впрочем, то же самое наблюдаем в армянском древнелитературном, также феодальном языке, — *læsel-1+q*; что же касается народного языка грузин, языка более архаичной системы, в нем

существует особое, специальное название 'уха', это *kur*, но оно оказалось по функциональной семантике переносом названия 'глаза', как прежнего орудия восприятия речи, тогда кинстической, или линейной, ручной, на новое его сменившее орудие восприятия речи, уже звуковой. В значении 'глаза' это *kur* у грузин сохранилось в народном слове *kurǰǫl* 'слеза', буквально означаемом 'вода' (*ǰǫl*) глаза (*kur* вм. *kur*). И любопытно, что опять-таки то же самое мы наблюдаем у армян в их народной речи: напр., *a+kan-d* 'ухо' не что иное, как разновидность армянского (древнелит.) *akən*, означаемого 'глаз'.

Возвращаемся к надстроечному звуковому материалу, намечающемуся в орудии речевого производства.

Этот звуковой материал и есть то средство, орудие; будет, однако, правильнее сказать: не простое природой созданное орудие, а вещество, организующее общественно оформленное орудие не только звукового языка, но вообще речевой культуры, зависевшей в своем росте и развитии от роста производства и социальной структуры, без чего не было бы не только выделения отдельных самостоятельных фонем из четырех лингвистических элементов, но и развития самих этих музыкально-песенных и производственно-социально значимых элементов в лингвистически значимые элементы, развитие которых в удовлетворение общественной потребности в речи шло также по ступеням стадпального развития, сначала трудмагически необходимой, затем культовой и героическо-эпической, и лишь впоследствии бытовой разговорной, каковой длительный процесс развития воздействовал в свою очередь на приспособление органов произношения через развитие трансформаций лингвистических элементов и выделявшихся из них звуков.

Учет творческого напора идеологии общественности, скроенной по производству, на развитие фонем, представляет, с точки зрения нового учения об языке, яфетической теории, очередную задачу, совершенно реально вставшую перед нами, как и то, что идеология в свою очередь, отражая производство и социальную структуру через мировоззрение, сама воздействовала на лингвистические элементы и впоследствии выделившиеся из них самостоятельные звуки через процесс мышления и лишь потом на обработку органов произношения. И как ни сложен по совокупности этот извилистый путь, весь процесс развития стимулировался, как творческим моментом, все теми же факторами, производством и социальным строем, их потребностями. Тем более понятна должна быть формовка самих слов, первоначально четырех элементов, и их разновидностей, по производственно-социальным группировкам.

Если, как было сказано, у языка менялась функция, с нею менялась у него обслуживаемая среда, растекаясь вширь по населенному пространству, менялся объем охвата речью нарекаемых предметов, менялось орудие производства речевой культуры, менялась техника его обработки, да тем более коренным образом она менялась, чем сложнее становилось это орудие с надстроечным звуковым оформлением, менялось мышление, то, естественно, четыре лингвистических элемента ни количественно ни качественно не могли миновать тех же закономерных неизбежных коренных смен, характеризующих различные ступени стадпального

развития, которые в свою очередь, несмотря на отмеченную уже нами сложность процесса, в конечном счете зависели от соответственного роста производства и социальной структуры.

Подъем этой материальной базы и послужил переломным этапом для революционного сдвига языка с прежних средств своего развития, когда он был кинетическим, на путь новых средств и возможностей, когда язык стал звуковым. Когда? Вот вопрос, который было бы несправедливо ставить нам, как лингвисту, хотя он же нас приводит непосредственно к актуальной теме о 'письме'. Мне не нужно тратить время на перечень специалистов, коллективу которых можно было бы резонно поставить этот вопрос. Лингвист мог бы лишь сигнализировать намечаящееся по языковедным данным решение. В пределах моих сил сегодня готов поделиться им тем более, что иначе нам ни пройти, ни перескочить, допустим, узкого места, на твердь правильной установки учения о звуковом языке.

Когда же язык стал звуковым? Однако, каким звуковым: разговорным или эпическим? Ведь обычно предполагается так, что люди говорили, разумеется, на архаичном языке, когда возник эпос. Это недоразумение, поскольку речь идет о возникновении первоначальных эпических сказаний, первых их оформлений, а не окончательно сложившейся структуры и их переработок на различных уже позднейших национальных языках. Когда появился гомеровский эпос, то, разумеется, существовал греческий и разговорный язык, но его не одни корни уходят в доэллинический мир, как и имя Гомера: *гомер* ведь не греческое слово, оно унаследовано греками от первоначального населения страны, из которого они, эллины, выработались со своим новым языком и со своим эпосом, на языке того первоначального населения с языком яфетической системы *гомер* вовсе и не простое частное личное имя кого бы то ни было. Палеонтология речи нам теперь дает прочное основание утверждать, что, минуя разнообразные использования его в смысле нарицательных имен, когда речь о поэте столь древнего еще доиндоевропейского по зачаткам эпоса, *гомер* это 'маг-сказитель', воплощающий в себе тотемное божество определенного уже так наз. народа, первично тотем вошедшей в его состав производственно-социальной группы, носившей то же название, оно же впоследствии название героя.

И когда вопрос с позднейшей по ступени стадийного развития разговорной звуковой речи переходит на эпический язык, то ответ опять не может быть единым в зависимости от того, какое эпическое сказание имеется в виду, героическое или культовое, т. е. то ли, когда звуковой речи для разговорного обихода все еще не было, или еще более ранних эпох, когда звуковой язык сводился к речевой культуре, представляющей собою лишь оракулы и иные магические изречения, *геср.* песнопения в честь тотемов или уже богов, в зависимости от того, о какой ступени развития форм социальной структуры позволяет нам говорить производство того времени своими формами, своим материалом и своей техникой. В языке этих оракулов и магических песнопений никак не можем мы искать ни увязок, будь это союзы или местоимения, ни, разумеется, глаголов. Это были еще комплексные подборки звуковых символов линейных образов кинетической речи с представлениями нового мировоззрения, которое

не находило возможности уместить себя в рамках ручного языка. Палеонтологический анализ дошедших до нас языков архаичных систем, в том числе языков полистадиальной яфетической системы, дает возможность получить конкретное представление о таком действительно первобытном звуковом языке. И вот этот первичный и по узкому объему и, разумеется, по первобытной структуре язык может найти дату своего происхождения на той ступени стадиального развития человечества, в том пласте культурных наслоений диахронического разреза, к которому относятся или могут быть отнесены предметы с изобразительными мотивами, поскольку в этих изобразительных мотивах можно распознать магически значимые геометрические, resp. растительные или фигурные, рисунки-символы, зачатки первобытной письменности. Палеонтологические изыскания на основании языковедных данных нам дали опору для работы над такой проблемой, как то можно видеть по появившейся в печати еще в 1927 г. статье «Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории».¹ В наших утверждениях мы оказались поддержанными неожиданно для себя положениями других специалистов, работавших на ином материале и, конечно, иным методом, как, напр., этнолога Леву-Брюля (Lévy-Bruhl) и кельтолога Лота (Loth). Не на одной странице той нашей работы языковедные факты побуждали нас повторять один и тот же ряд эволюционирующих значений — 'тотем', позднее — 'бог', всегда 'знамение', 'образ', 'знак', — они же в терминах, имеющих значения 'письма', 'рисунка' и 'узора' ('вышивки', впоследствии и просто 'шитья'), одинаково на языках различнейших систем: аморфно-синтетической — китайском, полистадиально-яфетической, чувашской, угрофинской, семитической, прометеидской (так наз. индоевропейской) и т. д. В тот же круг понятий одного и того же происхождения с 'письмом' тогда же вошли не только 'книга', 'буква', но и 'печать-перстень', самое русское слово «печать», как вклад одного из яфетических языков Кавказа. Разъяснилось и то, почему название 'книги' оказалось общим у русских с кавказскими армянами и месопотамскими семитами-ассирийцами, у последних двух с значением лишь 'печати-перстня', как то наблюдалось раньше соответственными специалистами, терявшимися перед фактами, не зная иного пути общего их происхождения, как заимствование. Разъяснилось тогда же и то, как «книга», как слово для выражения 'книги', у грузин оказалось общим с латинянами-римлянами, у последних в значении 'знака', 'письма', что раньше и не было вовсе наблюдалось, как и то, что грузинское 'писать' со сродным армянским словом того же значения, имеющим распространение по всему угрофинскому северу или восточной Европе, равно в пережиточных языках доиндоевропейской архаичной системы Индии, все с тем же значением 'письма' или 'книги', застряло в скрепленном латинском слове со значением 'буквы' а у греков оно же обозначает в развитии все еще тотема — 'чудовище', 'чудо' и т. д., и т. д. В настоящее время мы располагаем уточнением и углублением тех же результатов, и, тем не менее, мы можем повторить без единой фактической поправки такие положения из этих результатов, как-то, с одной стороны,

¹ Книга о книге, т. I, стр. 45—82 [ИР, т. III, стр. 219—245].

что «человечество своим творчеством все видоизменяет, видоизменяет свою общественность и мировоззрение в связи с видоизменением материальной культуры, видоизменяет в корне, естественно, и значения слов», с другой стороны, то, что, «как подтверждает палеонтология речи, все эти термины [письменности] носят в [конечном счете] племенное название, [первично] название бога — ‘тотем’, ‘магия’»,¹ и все «эти ‘знаки’, и эти ‘образы’, и эти ‘тотемы’, все знамения не осознавшихся в реальном существе сил и явлений природы, [коллективный] человек, звуковую речь построивший в развитие линейной, и в звуках не мог выразить иначе, как в эпохи линейной речи, когда прибегал еще к ‘руке’, что и выразилось на выборе звукового символа, на способе выражения знамения словом, означавшим ‘руку’. Это техника, но отнюдь не существо и назначение, следовательно, не значение предмета и обозначающего его слова. Значение, как выяснилось, определяется функцией».²

Вслед за тем постепенно разъяснилось палеонтологией речи, что если не раньше, то во всяком случае ко времени возникновения звуковой речи существовало уже космическое мировоззрение, астральное, и ‘рука’ получила гражданственность в слове по увязанности всего тела человека, сначала коллективного человека, производственно-социальной группировки, да уже затем воспринявшего ее в себя племенного образования, его тотема, с космическим миром: человек воспринял себя микрокосмом, по подобию племенного образования, частью которого он являлся, и, как племенное образование, первично производственно-социальная группировка называлась на этой ступени стадияльного развития тотемом, обозначившим ‘небо’, resp. ‘дети неба’ или ‘светила’, ‘солнце’, ‘луна’ или ‘звезды’. На этой ступени общественность была не родовая по крови, а все еще производственно сложенная с космическим уже тотемом — солнцем. Ведь само слово «род» значило ‘солнце’, «рождение» — ‘появление солнца’. В то же время ‘рука’ в палеолите воспринималась не технически, а по соучастию в трудмагии. В языках же ‘рука’ сигнализировалась еще в звуковой речи словом ‘солнце’. ‘Руки’ получили соответственное наречение позднее с дифференциацией: ‘правая рука’ — название ‘солнца’, ‘левая рука’ — название ночного светила, ‘месяца’, хтонического божества, а встреча ‘руки’ и магии в первичном названии ‘письма-книги’ получает свое оправдание не только в технике по наследию названия от кинетической, или линейной, речи, ручной речи, но и по приобщению ‘руки к магической функции согласно требованиям соответственного мировоззрения; и вот потребности от выросшего, не умещающегося в средства ручного языка накопления идей, обязанных своим происхождением развитию материальной культуры, самого производства и его техники, а с нею неразрывно и социальной структуры, вызвали к жизни диалектический процесс выделения из единой в начале кинетической, или линейной, речи, ручной речи, двух языков, из коих один — звуковой язык, другой — письменный, т. е. письмо, первично магическое письмо. Таким образом, язык и письмо на этой ступени стадияльного развития, конечно, не близнецы или двойшки, а все-таки брат с сестрой, дети, порожденные потребностями жизни, переросшей

¹ Ук. соч., стр. 79 [ИР, т. III, стр. 243].

² Ук. соч., стр. 79 [ИР, т. III, стр. 243—244].

кинетическую, или ручную, речь и способные далее сложиться лишь в борьбе с нею.

Взял верх и прошел с триумфом трудовую стезю всех ступеней стадияльного развития своей базы, производства с материальной культурой, и социального строя, да техники того и другого, тот язык, который оказался в обладании орудием более гибким и творчески могучим. Орудие это, звуковой символ, было более гибким и изменчивым для адекватного отражения всех конструктивных частей создававшейся человеческим коллективом общественности и ее мировоззрения не только в их статической стадияльности, но и в их динамическом движении. Это орудие не дар природы, а искусственный продукт трудмагического действия; оно превосходило натуральное орудие кинетической речи, руку, как надстроечный фактор воздействия в области техники и в области идеологии, — воздействия не только на внутренний мир, физиологические части всего сложного аппарата речи, помимо звуков — производственного, но и на внешний мир — материальный, а с ним и социальный. В этом смысле звуковая речь бесспорно является фактором в истории материальной культуры. То же орудие, звуковой сигнал, вскоре уже символ, было совершенно свободно технически от производственных норм изжитой кинетической речи. Не фонема, а общественно значимый лингвистический элемент, обладатель, казалось бы, магической силы, этот звуковой символ, ныне разъяснен уже как исключительное орудие воздействия и увязки внешнего мира, как и внутреннего, с мыслительным аппаратом человека и устами авторитетнейшего в мире физиолога: «Слово для человека есть такой же реальный условный раздражитель, как и все остальные, общие у него с животными, но вместе с тем и такой многообъемлющий, как никакие другие, не идущий в этом отношении ни в какое количественное и качественное сравнение с условными раздражителями животных. Слово... связано со всеми внешними и внутренними раздражениями, приходящими в большие полушария, все их сигнализирует и все их заменяет».¹

И это дало все преимущества звуковому символу, как орудию языка, для его творческого триумфа перед графическим символом речи, обреченной на продолжение или эволюционное развитие линейных образов ручного языка, ибо, не раз приходилось повторять, разрушать труднее, чем созидать, и в творчестве побеждает тот, кто радикальнее и действительно разрушает старые нормы и поддерживаемые ими навыки жителя-обычья для обеспечения функций новых факторов.

Новые факторы — это новые способы производства и новые формы социальной структуры и с ними новое мировоззрение широкого охвата и новая техника мышления с повышавшимися от накопления возможностями удовлетворения новых как производственных и общественных потребностей, так сменявших чутье стимулов и устремлений росшего в процессе борьбы вширь и вглубь осознания своего коллективного производства и своей коллективной общественности в противоположении с чужим и осознания себя, сначала коллективного и впоследствии индивидуального. Оформившиеся в постоянном повторном звучании комплексы

¹ И. П. Павлов, Лекции о работе больших полушарий головного мозга, 1927, стр. 357.

сначала имели функцию, ограниченную и количественно (пространственно) и качественно пределами трудагического действия и соответственным осознанием.

Пересадкой четырех звуковых комплексов из трудагического действия в языко-творческий процесс с функцией четырех лингвистических элементов звуковая речь стала на путь разрыва и, действительно, порвала и со средой их возникновения, поскольку четыре лингвистических элемента не просто стали обрастать новыми значениями в дополнение к тому общему, что имели они в трудагическом действии, но получили новый источник семантического оплодотворения в независимом от прежних норм изменчивом языковом построении с опорой на также изменчивые производственно-социальные факторы, тогда как письмо давало лишь графическую стабильность линейным образам и представлениям ручной, или кинетической, речи. Этим определялась дальнейшая судьба графического языка и взаимоотношения его и звуковой речи. Как речь, графика быстро изжила себя вслед за сродной ручной, или кинетической, также линейной, речью, обратившись в простую орнаментацию и, так как нас в данной постановке не касается сохраненное идеологическое значение уже в составе искусств, именно художества и живописи, то пока перед нами лишь проблема доследования или исследования семантики графического языка, с одной стороны значимости отдельных его сигнальных или символических знаков, как-то: волнистой линии в смысле 'воды', скорее космической, чем воды-стихии, 'круга' в смысле неба, следовательно и 'солнца' или магической силы, геср. ее воплощения в коллективе производственно-социальной группировки, тотема, впоследствии так наз. племенного названия, с другой стороны — изобразительного выявления уже значимых не только трудагически, но и космически, определенных частей тела, особенно 'рук'. На этой ступени развития письмен, как независимых от звуковой речи линейных сигналов или символов языка, может трактоваться и вопрос о тамге, входящей уже в историю письма. Тамга сигнализирует не только принадлежность данному коллективу, но и посвященность его первоначально тотему. Здесь же подлежит трактовке графика, как идеографическое письмо.

Не забыть, однако, еще факта: основное орудие кинетической речи, 'рука', вошла прямо-таки в древнейшие типы письма. Особенно вызывает теперь наше внимание хеттское мешаное идеографическо-фонетическое, фигурно-линейное письмо, где в числе идеографических фигур в значении различных божеств особенно часто появляется рука в различных видах. Естественно возникает вопрос о связи значения этих различных видов руки с употреблением соответственно различных фигур в кинетической, или ручной, речи.

Утратив возможность развиваться как речь, как смена ручного языка, графика стала на службу восторжествовавшему звуковому языку стабилизацией звуковых символов, а с этого момента графика лишь, как письмо, прошла все этапы коренных перестроек звуковой речи и, объединившись с нею, теперь не только разделяет уже в печатном виде ее триумф, но содействует усилению массовости этого триумфа печатью, книгой, публицистикой и журнально-газетным производством. Пока отнюдь не теряет смысла утверждение, что печать, следовательно письмо, в неразрывном объединении со звуковой речью есть какая бы

по счету ни была независимая великая держава, но все-таки великая творческая сила, именно как актуальнейший язык общественности.

Однако, для нашей темы актуально-интересна увязка революционных сдвигов в развитии письма с такими же сдвигами в развитии звуковой речи по ступеням стадияльного развития, что в свою очередь ныне, как уже разъяснено, имеет свои корни в соответственных революционных сдвигах в производстве и социальном строе. Мы сейчас остановимся лишь на одной линии, линии эволюционного или, вернее, революционного развития четырех лингвистических элементов.

Звуковая речь начинается не только не со звуков, но и не со слов, а с определенного идеологического построения, это с перенесенного с производства в речь строя или так наз. синтаксиса.

В синтаксисе, притом сначала при системе аморфной, или синтетической, речи лингвистические элементы получают ту или иную синтаксическую функцию, и ею определяется смысл лингвистического элемента не только как части предложения, но и как части речи, равно и лексического его назначения. В ту эпоху звуковой комплекс не имеет еще определенного, ему присущего, значения, с ним складывается в построении и линейный символ ручной речи. Письменности той степени стадияльного развития у нас нет.

Но когда при той же синтетической, или аморфной, системе звуковые комплексы получают постоянное значение, хотя бы в порядке полисемантизма, т. е. те же звуковые комплексы становятся символами, или сигналами, и в этом смысле уже определенными в смысле значимости лингвистическими элементами, то лишь тогда возникает письменность, и первое письмо так наз. слоговое, открытое или закрытое, это из начертаний, воспроизводящих изобразительно наши четыре лингвистических элемента в их наличных тогда социально-фонетических разновидностях. На деле это не слоговое письмо, а элементное, из целых слов. Сюда относится, между прочим, вне всякого сомнения, и клинопись.

При системе агглютинативной письмо получает эволюционное развитие, на нем сейчас не останавливаемся. Укажем лишь на факт подмены в клинописи подлинных идеограмм линейно-символическими идеограммами и детерминативами.

При системе все еще аморфной в смысле надбавочной флексии, во внутреннем оформлении использовавшей для своей реализации социально-значимые огласовки, как то мы наблюдаем теперь лишь в языках семитической системы и в части языков яфетической системы, т. е. в тех языках, в которых ныне и с исторически известных эпох согласные воспринимаются как корни, а гласные как их оформление, письмо становится syllabicким, подлинно syllabicким, при этом в одних письменах слоги — единицы письма — явные, писаны полностью, в других слоги — единицы письма — скрытые, именно пишутся лишь согласные, а гласные опускаются в письме, но подразумеваются и читаются, это в письменах семитических, в значительной их части.

Наконец, по утрате представления о лингвистических элементах с возобладанием языков флективной системы, по выдвигании значимости отдельных звуков и возобладании индивидуального их осмысления как глоттогонических

единиц возникает фонетический алфавит, вернее — сначала буквари и алфавиты, ныне научно отделяемые в фонетические системы письма.

Вот мы как-будто закончили наш доклад. Можно все свести к нескольким основным положениям нового учения об языке, яфетической теории. Я лишь намечу три пункта:

I. Монистическая непрерывность зарождения речи, датируемого возникновением человеческой общечеловечности, и ее развития в диалектических путях в зависимости от истории производства и производственных отношений с последовательностью смены линейного языка, как ручного, или кинетического, так графического с неподвижными символами, звуковым языком, и соответственная последовательность в смене систем письма.

II. Влияние звукового языка на физиологические изменения звукопроизводительных органов и через исключительно мощный условный раздражитель, слово, также на потребное человечеству по степени его развития оформление аппарата мышления, в связи с чем речь, особенно же звуковая речь, является существенным фактором в истории материальной культуры.

III. Методологический вывод: необходимость ввиду марксистской сущности яфетической теории, с одной стороны, ориентации исторических дисциплин, в первую голову археологии, этнологии и истории литературы на учет фактических ее положений и сигнализуемых освещений генетических проблем, с другой стороны — углубления яфетической теории не только более четким усвоением диалектического и исторического материализма, но и привлечением в орбиту своей работы философии и психологии в новой их постановке.

Что же противопоставляется яфетической теории по вопросу о происхождении языка, в ней решаемому материалистически?

Если исключить материалистические опыты, не основанные на самостоятельной проработке языкового материала и увязывающие механически звуковой язык непосредственно с языком животных, ей противопоставляется базированный на скрытом идеализме, если не мистицизме, отвод даже от вопроса о происхождении, как-будто ненаучного (это в индоевропеистике), или открытая идеалистическая фантазия с признанием языка, от начала звукового, созданием духа, сидящего с неисповедимых эпох в человеке (это в палеоэтнологической лингвистике).

Но разве этими отвлеченными достижениями кончается значение нового учения об языке, яфетической теории? А увязка с живой общественностью, в наши дни с новым социалистическим хозяйственным и культурным строительством? Остановлюсь на одной практической стороне.

Раз положение о неразрывной связи проблемы о письме с интересами речи, какой бы технически она ни была конструкции, линейной или звуковой, находит опять-таки свое еще и историческое, мы бы могли смело сказать, даже так наз. «доисторическое» оправдание, социально-органически вытекающее из истории развития производства и его техники и т. д., то всякий уклон от этой генеральной линии есть не только просто отвлеченная академическая неправильность, случайная неувязка, а угроза (безразлично, намеренна она или ненамеренна) подрыва нашего современного социалистического строительства, и, чтобы не вда-

ваться далее в отнюдь не доставляющие удовольствия организационные выводы и в то же время не подавать повода праздным догадкам о скороспелой по моменту новизне нашего утверждения,¹ я сошлюсь на ту же мысль в основе, как она была формулирована мною год тому назад, когда в секции литературы, искусства и языка Коммунистической академии на открытии подсекции материалистической лингвистики, трактуя в больших линиях «Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории», еще тогда мы говорили:²

«В круге одних языковедных фактов и явлений мы достигли по экстенсии крайних пределов. Учение об языке ставится уже в мировом масштабе. От такой постановки языкознания не уйти никому, ни одному специалисту по звуковой речи, как бы одинок или малозначителен ни был изучаемый им язык и с каким бы ограниченным кругозором исканий ни отбирался он, как предмет специального интереса, хотя бы лишь для статического³ исследования.

«В связи с установлением уже этого одного языковедного положения к нам подошла проблема технического порядка, насущно необходимая и требующая безотлагательного решения в интересах упорядочения или усовершенствования средств исследовательской работы, — это проблема единого письма для всех видов языкового материала. Но, ведь, это в то же время актуальная общественная проблема при идущей гигантскими шагами интернационализации культуры и ее материальной базы, мирового хозяйства и мирового социального строительства. Это актуальная проблема, очередная задача и в разрезе потребностей СССР, именно в национальном разрезе. Разве наше новое советское социалистическое строительство может мириться с кустарным по автономиям составлением письма без учета теоретических достижений и практических перспектив нового учения об языке, строящегося в мировом масштабе?».

Но вопрос о практической потребности в письме, где, предполагается, новом, где лишь обновленном, возникающей в условиях социалистического хозяйственно-культурного строительства, особая статья. Пока нам достаточно хорошенько зарубить на видном и памятном месте, что судьбы письма органически связаны с судьбами языка, язык же если он не мертв, органически же увязан с общественностью, как ее создание, создание ее производства, ее структуры и достигнутых ею технических успехов, с нею и соответственной высоты мышления, и если эта общественность действительно совершила сдвиг, если переживаемая нами революция не сон, то не может быть речи ни о какой паллиативной реформе ни языка, ни грамматики, ни, следовательно, письма или орфографии. Не реформа, а коренная перестройка, а сдвиг всего этого надстроечного мира на но-

¹ Нас не столько смущает, что зарубежный писатель Шельд (Sköld) в немецком памфлете на мой «марам» удосужился признать, да еще с моих слов (!!!), яфетическую теорию водным воем, вызванным окружающей меня живой общественностью, сколько то, что ученые из ближайшего моего окружения доселе проявляют в «критике» яфетологии абсолютное незнание того, что они критикуют, приправленное замечаниями, обнаруживающими отсутствие элементарного представления об истории материальной культуры, или непонимание того, какое место отводится писателям, хотя бы Геродоту, в глоттоговическом процессе мирового значения, и в настоящее время поход против яфетической теории нас уже не удивляет.

² Изд. Коммунистической академии, стр. 10—11 [ИР, т. III, стр. 62].

³ В первом издании по опечатке «статистического».

вые рельсы, на новую ступень стадияльного развития человеческой речи, на путь революционного творчества и созидания нового языка. Упомянутая нами в начале доклада московская выставка новых письменностей национальностей СССР воочию показала материально, в какой степени с сознанием или скорее стихийно в нашем обширном Союзе происходит этот сдвиг, отраженный в письме, предупреждая и опережая осознанную плановую работу широких научных кругов, едва находя среди ученых двух-трех лиц для четкого и уверенного руководства такой в высшей степени показательной выставкой с полноценным сознанием грандиозного глоттогонического, или языкотворческого, процесса, который развертывается с Октябрьской революции в Союзе Советских Социалистических Республик со всеми теми признаками развития, которые вскрыты новым учением об языке, яфетической теорией. В числе этих признаков один из основных — не индивидуальное, не даже групповое «языкотворчество» силами оторванных от современной жизни научных кругов, а массовое.

Если даже в буржуазных странах все более и более раздаются голоса о творческой роли масс до степени признания, как, например, Гюстава де Бон в его «Психологии масс», когда он пишет: «массы всегда играли в истории важную роль, однако никогда не играли они такую значительную роль, как ныне», то каково же должно быть значение этих масс у нас при учете сил, с которыми приходится считаться и на которые можно рассчитывать в подлинной революционной реформе письма и языка.

И закончим пожеланием не науки в массы, как ни запоздали, но сейчас этого мало, а массы в науку на актуальную работу по ней. Товарищи, в этом единении науки с творящим и претворяющим мир трудом — единственный путь прогресса, но в нем же ключ спасения всех положительных национальных и общечеловеческих культурных достижений, более того — путь развертывания победоносной мощи и самой науки.

К реформе письма и грамматики¹

Реформа письма и грамматики — это весьма сложное дело, дело чреватое громадными последствиями, для нас строительными, а для наших противников разрушительными. Представьте себе, это также политический классовый вопрос. Его вовсе нельзя сводить, а на наш взгляд — преступно сводить к письму и хотя бы к грамматике. Если бы даже ограничиться реформой письма, вопрос вовсе не такой простой, какого бы языка он ни касался, тем более издавна письменно-культурного языка.

На Западе без глубокого социального потрясения немислима никакая действительно потребная реформа письма. Попробуйте реформировать фонетически английское или хотя бы французское письмо. Это равнялось бы тому, что утопающего для спасения стали бы окачивать с берега ушатами воды. Если дело несколько, казалось бы, легче обстоит в южных романских и на севере в «чисто» германских языках, это именно потому, что так кажется при неучете коренных расхождений между звуковой речью трудовых масс и ее разновидностями с простой хотя бы невзыскательной текучей разговорной речью образованных слоев населения каждой из соответственных стран. И то же самое на Востоке. Даже у нас в пределах Союза, например, у такого малочисленного национального коллектива, как армяне, вопрос о реформе не может не встретить существенных препятствий, поскольку этот восточный народ с мировым хозяйством и великодержавной общественностью в минувшие, часто давно минувшие века, имеет на руках, помимо забот о современной речи образованного класса, точно проклятие, блестящее культурное прошлое с богатейшим классическим развитым мертвым феодальным языком; и этот язык доселе продолжает свое изолирующее нацию воздействие на оформление современной литературной речи. Не говоря о том, что, когда приступают к реформе письма (да она как-будто и совершилась) в отношении современной речи в Советской Армении, неизбежно возникает тяжелый для нации в прежнем буржуазном представлении вопрос жизни и смерти, вопрос о полном разрыве с зарубежными армянами, имеющими литературный язык и без того расходящийся с кавказским армянским языком. И вполне естественно, если до сих пор в подлежащих кругах витают сомнения касательно прочности проведенной реформы (кстати сказать, весьма по тем же причинам поверхностной) и кой-где не прочь вернуться к старой орфографии, для существующей основной установки самого языка, несомненно, более последовательной.

Кажется, ни в какой реформе не нуждается грузинское письмо, да и язык, демократизовавшийся так, как нигде никакой язык, более того — стоящий на рубеже пролетаризации. Но хотя это так кажется в смысле натуральности, на самом деле корни такого счастливого положения вещей не магия, конечно, но и не таланты академических языковедов (слава небу, их вовсе не существовало

¹ [Напечатано в № 4 журнала «Русский язык в советской школе» за 1930 г.]

у грузин даже в той мере, как у армян), а в том, что бюджет грузинского царства превосходил бюджет французских королей в средние века, и тогда, и позже жестокая классовая борьба за овладение источником этого богатства вела к тому, что, не удовлетвоваввшись торжеством светских феодалов над феодализованной церковью, выразившимся не в реформе орфографии, а в создании нового литературного языка и нового письма вместо церковного христианского письма-языка, стали напирать на примиренный друг с другом единый фронт феодалов и духовенства другие социальные слои, в числе их буржуазия, крупная и мелкая, часто вовсе не грузинская национальная, и в первую очередь крестьянство, также отнюдь не одной с феодалами национальности, во всяком случае не одного с ними так наз. племенного состава. Нам здесь не место разъяснять чрезвычайную сложность, и тем более от нас нельзя требовать дать детально разработанный ход процесса: до сих пор нет у нас истории подлинной жизни народов Кавказа, все смазано до неузнаваемости феодально-буржуазным построением. И это причина, что с Октябрьской революции наши привычные представления, точно роскошные, но никому не нужные вазы, разбиваются вдребезги, сыны не учтенных историей революционных движений с различных районов «варварской» периферии, в частности и на нашей памяти в Грузии с аграрных движений 1905—1906 гг., продвигаются на ответственные роли в руководящую организацию не одного всесоюзного значения, а демократизированный грузинский язык, что на рубеже пролетаризации, попадает в тупик: ему массы не сегодня-завтра вынуждены будут объявить «мат», как только он встретится с надменным вопросом, даже в Грузии многоглавым, ибо процесс демократизации шел, как полагается в буржуазно-феодальных странах, сверху вниз. Дело же в том, что у народов с богатой древней культурой письмо заслонило живую речь, письменности скушали языки. В науке за этими деревьями-письменностями весьма плохо замечают закованные в них до удушья живые языки и совсем не видят леса языков, между тем у всех их и у каждого особая общечеловечески оформляющая идеологически-звуковая грамота бесписьменно возвращенной грамотности изжитых или изживаемых классов.

Русский язык наименее, казалось бы, в отрыве от языка своего населения; не одно и не два поколения русских и не русских людей несли сверху вниз, часто с опасностью для жизни, просвещение и письменную речь господствующих классов в низовые массы, так и оставшиеся в общем на палеолитических и неолитических уровнях своей хозяйственно сродной культуры. В том же процессе вставания в русскую помещичье-буржуазную культуру втянуты были или втягивались и общественно более сродные национальности через свои соответственные социальные слои.

Но произошла революция. С нею в плановой для нас перспективе — неизбежный коренной сдвиг и в основном орудии общения, т. е. языке-письме. Новое общее учение об языке (яфетическая теория) эту неизбежность осознает и обосновывает научно как явление творческое и необходимое в интересах именно прогресса. И кому какое дело до этого нового учения об языке, до смешной даже по-библейски, мол, кличке «яфетической» теории?

Образуется один общий фронт у социальных слоев, не имеющих ничего общего между собой, против надвигающейся, для некоторых надвинувшейся угрозы. Не на одни академические круги находит страх: «гибнет культура». В результате получается исключительный консерватизм во всех вопросах об языке, о русском же языке в особенности. Не случайность же, что на страницах одной ходкой советской газеты появилось утверждение, что «ныне русский язык беспризорен», и оно было в другой среде правильно использовано как авторитетный, казалось бы, советский аргумент для совсем не советских методологически организационных выводов по исследовательскому строительству. Чтобы говорить о беспризорности русского языка в наши дни, надо быть слепым на оба глаза и глухим на оба уха, или не иметь абсолютно никакого представления о природе, звуковой речи, общественной ее природе, что в сущности так и обстоит. В таком положении возникает вопрос о реформе письма.

Естественно, после некоторых дебатов благополучно решается вопрос о письме: «еще» будет писаться «ещо» и т. п. . . . Вопрос о письме можно, следовательно, считать ликвидированным. А грамматика? Если не поздно, позвольте вопрос этот встретить контр-вопросом: «а нужна ли вообще грамматика, т. е. то, что сейчас понимается по существу под грамматикой, не говоря о самом никудышном схоластическом термине, порождении веков, когда человечество действительно абсолютно никакого представления не имело о том, что такое язык?» Нужна ли, следовательно, вообще грамматика, чтобы заниматься ее реформированием или переформированием?

Если же нужно произвести нечто более сильное, нечто такое, что коренным образом видоизменяет наше отношение к русскому языку и, может быть, представляет его низом вверх, то можно ли такой вопрос решать в одной русской среде, в зависимости от специалистов, знающих лишь один свой русский язык или хотя бы все языки одной с ним системы, индоевропейской? Разве в видоизменении отношения к русскому или не видоизменении заинтересованы общественно только русские или протееиды, т. е. народы с языками так наз. индоевропейской семьи? Разве только перед русскими стоит вопрос о коренном видоизменении отношения к такой не столько важной надстроечной социальной категории, как звуковая речь? Ведь мысль о реформе, на наш взгляд, подсказывается чем-то более существенным, чем блажь или позыв усложнить русскую речь той или иной формальной условностью. Просто массы говорят языком иного мышления да иной формации, все равно русские и по национальности трудящиеся массы, или иной национальности. И преподаватели, воспитанные на господствующем формальном учении об языке, видят провал своего авторитета, не располагая ничем для разъяснения противоречий преподаваемого литературного языка и живой речи, сталкиваясь с противоречиями и в самой живой речи, за которую упорно стоят идущие к ним в учебу массы и навлекают со всех сторон обвинение в неспособности быть грамотным на «родном» языке. Почему? Это всем известно, кто только достаточно грамотен, чтобы читать. Формальное идеалистическое учение, на котором построена так называемая грамматика, абсолютно не приспособлено к увязке ни с живой речью подлинной, ни с ее базой, производством и производственными

отношениями, и с ними растущими общественностью и мировоззрением. Оно не имеет понятия о том, что язык есть изменчивая историческая ценность, оно не может дать конкретного представления ни о смене одной в языках системы другой, из нее рождающейся с борьбой в диалектическом развитии, системой. Приняв системы различных ступеней стадияльного развития за семьи, каждую с особым независимым источником происхождения, оно выявило свою импотентность шагнуть далее трех позднейшей производственно-социальной жизнью человечества созданных систем («семей»): индоевропейской, семитическо-хамитической и урало-алтайской «семьи», путаясь и в них, изучаемых как замкнутые миры, и создало исключительно антинаучное мировоззрение не только у лингвистов, но и у всех специалистов, которые в той или иной мере зависят в своих изысканиях от языковедных разъяснений, этнологов, археологов, историков права, литературоведов и т. д. Отсюда дружный хор протеста не только против обсуждения происхождения языка, как, мол, метафизической темы, но и материалистической постановки всех генетических вопросов по языку, разрешаемых новым учением об языке (яфетической теорией) как надстроечные явления производственных процессов с их техникой и социальных отношений, равно огульное без вникания в суть дела отрицание факта, что языки различных систем (так наз. семей) находятся в родстве друг с другом и стоят на пути еще большего взаимного сближения. Потому-то созданная таким торжествующим доселе идеалистически-формальным научным мировоззрением грамматика смотрит обозленной волчицей на сотни, тысячи и миллионы нарушителей ее бумажного канона. Отсюда же недооценка тянущихся к знанию масс, недостаток массового энтузиазма науки во встречном движении к ним, недостаток краеведческого момента в работах ученых и еще больше, острее недостаток поворота научных работ лицом к националам. Речь о повороте не в смысле облагодетельствования национальностей своими научно-просветительными заботами, и исследованием недр населяемой ими почвы и основ выражающего ступень их человеческого бытия орудия общения — языка (по этим статьям благодетельствовать-то часто нечем), а вовлечением их, национальных образований, в активность по самопросвещению, в творческую работу над организацией материалов родной им речевой культуры в систему, увязанную с общими нормами языкотворчества и отвечающую насущным запросам жизни, социалистическому строительству в конкретных условиях каждой национальной обстановки, следовательно, и русской. На такой ступени нового стадияльного развития, в момент революционного творчества, смешно даже говорить о реформе русского письма или грамматики. Ведь требуется постановка и решение вопроса с учетом всех актуальных потребностей нашей перестраивающейся жизни. Перестройка идет в совершенно новых условиях производства и нарождающихся производственных отношений, поскольку на страже реконструкции и потребной ей культуры стоит с новым осознанием мира массовый класс рабочих с крестьянами, а в них и с ними нарастает неслыханная активность с перспективой бесклассового общества. Тут не о реформе письма или грамматики приходится говорить, а о смене норм языка, переводе его на новые рельсы действительно массовой речи. То, что нужно, это не форма, не реформа или новая декорация старого содержания,

а свежий сруб с новой всесоюзной, мировой функцией из нового речевого материала; речевая революция, часть культурной революции, одна из существеннейших ее частей, она же — наиболее показательное свидетельство творящих новый мир масс.

Но вот с культурной революцией вообще неладно, а часть идет всегда по целому. Бесспорный факт — наше отставание на культурном фронте от темпа социалистического строительства. Почему? Мы не отвечаем, ибо по основному вопросу о культурном фронте в общем всем ясно: надо было наладить капитальное хозяйственное строительство, чтобы приступить к такой же капитальной реконструкции культурного фронта вообще. Приступ начат, здесь можно говорить лишь о темпе. Но когда речь идет о такой части целого, как язык, то мы не можем не протестовать против утверждения, что «русский язык беспризорен», тот русский язык, в котором теперь кровно заинтересованы не тонкие образованные слои, по классовому чувству их минувшего господства охранители старой его формации, а многомиллионные массы русских и нерусских, равноправных сотрудников в строительстве нового мира с будущим не международным, а единым мировым языком, строящимся уже, вопреки всем препятствиям со стороны изжитых идеалистических теорий и формальных учений по нормам единого социалистического хозяйства, с упразднением империализма какого бы то ни было национального языка, не исключая и русского. Беспризорен не русский язык. Беспризорно новое материалистическое учение об языке, научно вскрывшее эти совершенно реальные перспективы и не получающее никакого фактического применения даже в нашем Союзе Советских Социалистических Республик, по невозможности вовлечь в это дело безоговорочно и с необходимым темпом никакие вузы и академические учреждения или организации. У горсти яфетидологов возникает мысль, даже решение, действовать через головы всех высокоавторитетных препятствий, вовлекая в нашу работу непосредственно учительство и молодежь аспирантскую, даже выдвигенческую, ибо и для этого дела нужны надежные кадры, притом более осведомленные и надежные кадры, чем для такой революционной реформы по написанию, как «ещо» вместо «еще». Никто не отрицает, что и такое упрощение письма хорошее дело, что это тоже реформа. Но куда делась революция? Если бы первобытное, подлинное первобытное человечество так поступило с задачей по языкотворчеству, перед ним стоявшей, когда при нарощем хозяйственном и социальном строе, с их новой организацией, новой техникой, ручной речи не хватило для осложнившихся потребностей и адекватного выражения и приходилось создавать звуковую речь, то доселе люди продолжали бы говорить кинетической, или ручной, речью, т. е. приблизительно так, как говорят глухонемые. От реформы, самой утонченной и самой глубокой, не было бы ни малейшего уврачевания.

Поняли ли первобытные люди это философски, или нет, нам сейчас не интересно, но факт, что они решили, отбросив в сторону реформистский путь и произведя революцию, культурную революцию, одно из блестящих достижений которой было создание звуковой речи. Это, пожалуй, было труднее, чем то, что предстоит произвести ныне: поставить дело реформы с перспективой на неизбеж-

ность реконструкции языка по потребности современной общественности и строящихся ее масс.

Предложение? Вооружить всех радетелей об языке по профессии или по любви к родной речи для такой уже назревшей работы современным материалистическим пониманием звуковой речи и проводить то же понимание в массы.

1 января 1930 г.

Ростов

Язык и письмо

И в теории лицом к социалистическому строительству¹

В социалистическом строительстве на культурном фронте так же, как и на хозяйственном, нет ничего, что не приходилось бы перестраивать. Бурно созидательное революционное время тем именно и ценно, что дает широкие возможности для обновления, а не только для восстановления или освежения даже и таких уголков, куда солнцу концентрации и энергетических соков материальной жизни менее всего приходилось заглядывать. Такова так называемая наука об языке, которая обычно называется то лингвистикой, то языковедением, то языковедением, словом, наука, страдающая избытком наименований, но не положительного содержания. Сущность этой науки доселе считается спорной. Почему? Потому ли, что язык не представляет исключительной ценности в судьбах нашей страны, населенной сотнями разноязычных народов, равноправных участников социалистического строительства? Или потому, что сами строители или призванные быть строителями не замечают значения того орудия, которым общаются в своих деловых сношениях не только с согражданами СССР, но и с зарубежным миром? Конечно, нет. Причина заключена в отрыве от жизни учения об языке, старой лингвистики, причина в том, что эта наука развивалась в самой своей сущности, в философии своего бытия, отвлеченно. С языком, в смысле универсальности его значимости, конкурирует лишь письмо. Дело, понятно, не в эмпирическом усвоении отдельных языков, а в знании теоретических основ самой природы звуковой речи, без чего не может быть и рационализации этого орудия, будет ли речь идти об языке или о письме.

Но дело это для большинства языков оказывается еще более ответственным, когда приходится говорить уже не о рационализации, а о созидании новых письмен, ибо к позору просвещенной части населения доселе еще имеются во всем мире, не у нас одних, не только неграмотные индивидуумы, но и бесписьменные или почти бесписьменные народности, целые нации. Советская социалистическая страна этого терпеть не может.

Союз просвещенцев ни в какой своей части, значит, и секция научных работников, не может оставаться без активного участия в работе по языку и письму. Отдел журнала «Просвещение национальностей» с соответственной рубрикой свидетельствует о таком решении. В какой степени, однако, новому учению об языке, при весьма малочисленных, не по нашей вине, кадрах, удастся выполнить данное нам поручение, это решит само дело. Если мы успеем лишь весьма мало, то нет у нас ни малейшего сомнения, что само дело успеет, т. е. новое учение об языке оправдывает себя полностью при одном условии — при поддержке заинтересованных национальных масс. Смело в путь-дорогу! В пути мы надеемся набрать и пополнить свои кадры.

¹ [Напечатано в журнале «Просвещение национальностей», 1930, № 3, стр. 50.]

Письмо и язык¹

Товарищи, сегодняшний день — отчетный день Всесоюзного Центрального комитета нового алфавита на первом пленуме — исторический день социалистического строительства на культурно-просветительном фронте. Происходит штурм всех идеологических участков как на требующих предельной осторожности высотах научной мысли и художественного творчества, так и на решающих полях массового интереса трудящихся всех наций нашего Союза. Эти вопросы захватывают всех — от совершенно неграмотных до Октября низов до сложившихся уже в республиках Союза ССР слоев советской трудовой интеллигенции, куда вошли и старые работники, живое наследие прежней культуры, за совесть, а не за страх работающие с пролетариатом. О «полях» я сказал лишь аллегорически, в действительности же надо говорить — на ухабах, да в ущельях, вообще в самых заброшенных при старом режиме «медвежьих углах»; везде идет жесточайшая борьба тончайшего, порой материально неуловимого порядка, и потому она требует исключительной бдительности; нередко более, чем трудящиеся массы, изощренный в науках враг, не лишенный умения эксплуатировать чужой труд и его продукцию, старается использовать наши новые формы организации, а то и технику их.

Язык, однако, не является только предметом массового интереса, массовой жажды знаний по языку и теории познания языка; интерес и жажда трудовых слоев национальностей нашего Союза направлены на стройку литературного языка, которого у них раньше не было. и на перестройку литературного языка, процветавшего до Октября, но который по содержанию своему не отвечает потребностям строящегося социализма, а по форме находится в противоречии с мышлением пролетарских трудящихся масс.

Раз дело касается пролетарского мышления, нельзя не упомянуть в первую голову Маркса, как нельзя умолчать и об Энгельсе (тем более, что говорить о нем приходится по неизданной доселе рукописи, хранящейся в Институте Маркса-Энгельса-Ленина), где он писал о конкретном языке — франкском. Энгельс, работавший, как и Маркс, в эпоху Sturm und Drang молодой тогда индоевропейской (у немцев индогерманской) лингвистики, чувствовал себя, тем не менее, еще тогда, в дни расцвета Гриммов и их последователей, чрезвычайно стесненным в собственной (бесспорно лингвистической) работе непосредственно над рукописным материалом. Энгельса удивляет «растерянность исследователей перед франкским языком». Все дело в том, что Энгельс, несомненно, имеет в виду конкретный краевой язык интересующего его мира, а в крае он видит и заставляет видеть ряд языков, в том числе германский лишь как один из них, чего не видели или не хотели видеть ученые, занятые поисками милой их чувствам истины. Потому он говорит о «кощунственных» вещах, например, о скрещении языков;

¹ Доклад на Первом пленуме Научного совета ВЦК НА 15 II 1933 г. [Напечатан в сборнике «Язык и письменность народов СССР». Стенографический отчет I всесоюзного пленума Научного Совета ВЦК НА 15—19 февраля 1933 г., изд. ВЦК НА, М., 1933, стр. 13—26.]

он высказывает еще более ужасавшую тогда (хотя для всех нас самую простую) мысль: если пишет Франк, то это отнюдь не доказывает еще, что памятник написан на Франкском языке. Он доказывает это с акрибиею, точнейшим и уточненным пониманием чтений и вариантов (разночтений) самих текстов памятника (псалмы), который цитировался всеми тогдашними лингвистами, как несокрушимая опора их построений. Меня спросят: какое отношение имеет это к нашей теме — письму, да еще в социалистическом строительстве? А разве не актуально сегодня создание письма для Крыма, где, между прочим, в числе множества других языков народностей, сошедших с политической сцены или по сей день наличных, был язык готский? Эти народности в целом представляют не конгломерат случайно скопившихся неизменчивых самородков-жемчужин, а историческую категорию, органически сложившуюся в этом крае, да еще из разных стадий материального и культурного бытия и художественного в первую очередь языкового, производства. В крае, как в древности, так в наши дни, имелись не только наезжие греки и варвары, римляне и варвары, еще до римлян — этруски и варвары, но и аборигены, ниоткуда не приходившие: кимеры-крымчаки, караимы, скифы-готы (кельты), ионы, до появления где-либо на Черноморьи ионян или других пришлых греков свои греки, крымские армяне, появившиеся до XIV века, когда европейцы вынуждены были в силу своих жизненных потребностей составить карту Крыма под названием «*Arménie maritime*» (Морская Армения), свои хазы-хазары, или касы-каспы, свои дарги, турки-терки, свои русы, германцы, оставившие такие памятники древнейшего городского строительства, как Эски (или древний) Кермен. По своим грандиозным в условиях края водопроводным сооружениям эти памятники связаны с халдами Ванской Армении и др.

Но оставим эти далекие времена. Те же народы, или социально перестроенные из них, так сработались, сжились, на сегодня переплелись в своих взаимоотношениях, точно они нарочно подготавливали свою межнациональную идеологию для социалистического строительства. И вот теперь, когда создается для них письмо, то перед нами вырастает ответственнейшая проблема о культурном наследии. Не учесть этого социального достижения Крымской республики, не подумать о единой системе письма для ее коренных, давно оседлых трудящихся слоев населения, значит возвращать дело культурного, в частности языкового строительства к давно пережитым народами этой страны стадиям исторического развития.

Тема моего доклада не «язык и письмо», а «письмо и язык». Еще точнее — «письмо-язык». Дело не в том, что у меня имеется работа «Язык и письмо», где трактуются оба названных предмета, и повторяться, мол, нечего, да и заниматься устаревшими за давностью издания высказываниями неуместно здесь.¹

В «Языке и письме» ударение делалось на то, что когда просвещение обращалось в орудие идеологического усиления жизненных движений трудящихся, письмо (раньше собственность одних господствующих классов) было пущено в массы, демократизировано именно для усиления проблесков классового само-

¹ Н. Я. Марр, Язык и письмо, Известия ГАИМК, т. VI, вып. 6; 2-е издание 1931 г. лишь перепечатка первого, вышедшего в 1930 г. [см. здесь, стр. 352—371].

сознания трудящихся и идеологического порабощения угнетенных, для предупреждения или ликвидации нарождавшихся революционных движений эксплуатируемых социальных слоев. В связи с этим «было время, когда письмо и вообще письменность заслоняла [подлинную] жизнь».¹ И тогда «живая речь выходила из орбиты исследовательского внимания, захваченного целиком интересом к письменному языку, да еще в особой высокой степени к тому или иному мертвому литературному, по возможности языку «народа» мирового значения или хотя бы к попавшему, как пятая спица в колеснице, в переплет взаимоотношений таких мировых литературных языков. Отдельные крупиночки речи, казавшиеся еще первичными элементами, даже и те назывались не звуками, или фонемами, а буквами, или, по-латыни, *littera*».² Это определение языка «народа», так наз. национального языка, только недавно данное классовому языку, сейчас нам представляется не вполне точным по формулировке в отношении некоторых деталей. Неточности эти зависели от момента, когда борьба с изжитым теоретически, но в практике крепко, как костоед, засевшим в молодой советской общественности старым языковедным учением вынуждала нас бить это учение. Борьба вынуждала нас обнажать его бесплодие сухой смоковницы, обнажать отвратительный запах мертвечины, который буржуазная лингвистика навязывала языку вообще и живым его говорам. Этой мертвечиной несло особенно от письменного языка в результате формалистического подхода к нему и способа его изучения. На самом же деле, хотя национальный письменный язык и был буржуазным или феодально-буржуазным, он в период своего роста и расцвета вовсе не был мертвым и стабилизированным, он был живым стандартизованным языком господствующего общественного слоя. Иным он и не мог быть: его создавали когда-то молодые еще общественные слои, черпавшие свои творческие организаторские силы в завоеванных ими средствах новой высокой техники. Эти слои выносили язык в более широкую и творческую общественность, борясь с идеологической ограниченностью и косностью обреченных историей на крушение социальных слоев.

Это множество, притом растущее, письменных языков производит нередко ошеломляющее, а затем (с искренней сознательностью переживаемое) самое гнетущее впечатление, казалось бы, независимо от политических и общественных взглядов. Появляется боязнь не осилить, мол, материально никакими средствами колоссальных потребностей столь быстро и широко развивающегося дела, захватившего все народы и племена до предельных глубин массового населения.

Несколько десятков народностей из населения шестой части мира, осознавших настоятельную потребность роста культуры, реализуют одно из основных требований ленинской национальной политики, нашедшее место в конституции Союза Советских Социалистических Республик и успевшее получить дальнейшее четкое оформление в памятном выступлении т. Сталина на XVI Партийном съезде. Это могущее быть реализуемым везде и фактически реализуемое у нас положение мирового значения о росте национальных по форме и социалистических по содер-

¹ Н. Я. Марр, *Язык и письмо*, стр. 2 [см. здесь, стр. 352].

² Там же [см. здесь, стр. 352—353].

жанию культур (я говорю со всей ответственностью за языковедно вскрываемую историческую правильность утверждения) должно быть поставлено рядом с четким и вразумительным советским предложением о военном разоружении. Это как бы две половинки одного яблока, две неразлучных стороны одного единственного пути водворения прочного мира всех наций и за пределами Советского Союза. Вот почему имеет место такой неприкрытый интерес у зарубежных друзей и даже у врагов к языковедной работе, колоссально развернувшейся среди всех национальностей Союза, и к находящим объяснение лишь в ней теоретическим достижениям нового учения об языке. Наследственная косность присуща каждой профессиональной, даже широкой, организации; еще более она присуща каждому замкнутому в своих специальных интересах узкому коллективу и тем более одиночным исследователям, стоящим вне контроля компетентного ответственного руководства. Этой косности представляется утопической сама мысль о возможности преодолеть многочисленные и разнообразные трудности беспримерной массовой языковедной работы, подлинной по существу новостройки литературного языка, да еще в столь разнообразной среде. Эти трудности увеличивают число людей, ошеломленных и искренне угнетенных нарастанием колоссальных потребностей развернувшейся колоссальными темпами языковедной работы. Эта работа смущает своими успехами врагов. Враги наметили было в ней ахиллесову пяту, залог нашего провала на идеологическом фронте классовой борьбы; теперь они пытаются нашу технику, наши организации использовать для борьбы с нами и внутри, и за пределами Советского Союза. За рубежом не только друзья наши, но и враги, организуют языковедные совещания и съезды в государственном масштабе для обсуждения теоретических проблем истории языково-литературного и материально-культурного строительства, уже решенных и реализуемых в СССР; друзья становятся открыто на нашу сторону, враги действуют, смотря по обстоятельствам, то открыто, то тайно. Страх перед колоссальными потребностями и трудностями теряет внутри Союза всякую почву, ибо мы находим силу для преодоления трудностей именно в общности интересов всех национальностей, старых и новых, в разрешении одной проблемы, проблемы языков-наций, идеологически — языка и мышления, технически по идеологии — языка и письма, проблемы в целом языковедной.

Снижение античного общества с фантастической ступени, как и Востока с положения экзотического мира, не аннулирует, само собою понятно, действительной ценности греко-римской и специально греческой, эллинской культуры, как не аннулирует на мнимо экзотическом Востоке ряда, казалось бы, в корне расходящихся восточных культур (от средиземноморской с переднеазиатской до дальневосточной северной); наоборот, это обстоятельство усиливает действительность всех их. Не подлежащий уже спору, этот факт ныне дает возможность (у нас необходимость) вести практические и исследовательские работы далее в глубину до дна снятием вводящих в заблуждение терминов, как, например, «азиатский» (*asianique*) для отличия западноазиатского на материке (малоазийского) от восточного азиатского или немого термина «догреческий» в отличие от «греческого». Известные и раньше предшественники римлян, расены и этруски,

вместе с иберами пробили уже дорогу историкам не в одном западном Средиземноморьи до исконного социального родства самых низовых слоев населения забывшей свою историю Европы: неизвестный доселе третий «этнический элемент», не индоевропейский, не семитический, не египетско-хамитический, выступает все более и более ярко, как носитель творческих начал эксплуатировавшихся социальных слоев такой глубочайшей древности, что нельзя найти для них, этих слоев, исторического имени, разве назвать каким-либо мифологическим именем, как, например, «яфетический».

Во всяком случае сама история, при всех противоположностях, объединяется диалектически в разрезе времени; нет более «истории» и «доистории», нет отдельной истории Запада и Востока, нет душливой атмосферы групповой изолированности семитов, хамитов, славян, арийцев, или индогерманцев, хотя бы германцев, и одиночек, раскинутых повсеместно среди этих групп — самих греков, а в особенности армян и евреев. Последние являются предметом давно назревшей и серьезнейшей проблемы о категории их национальности, ибо техника языка и техника мышления говорят по этому поводу изумительные вещи. Что же это за изумительные вещи? А те, что давно известны из марксистско-ленинской теории познания. Назову основную и решающую. Из темного подполья, куда она загнана была афревразийским феодально-буржуазным обществом, самодовольным в своем расовом ожесточении и просвещенном бытии европейским классовым обществом, подлинно древние народы, современные нам, вырвавшиеся из-под его гнета и культурно-морального порабощения нации Советского Союза выводят на свет всю подлинную до сих пор замолчанную историю, освещают начальные стадии становления человечества. Смена носителей материалистически разъясняемой культуры — не только различные классы, но различные массы, каждый раз более древние, чем предшествующие. Каждая смена выявляет стабилизацию, вернее — переходящую стандартизацию лучших достижений, и одновременно — приобщение к ним больших масс.

Романская культура — выявление также незатронутых «яфетических» слоев, такие же новые слои выступают с германцами-варварами и славянами-рабами, да и с самой Русью — не только географической, но и сложной социально-производственной и социально-экономической категорией. Пора же специалистам по языку, языку и мышлению, языку и письму, взяться за культурные интересы слоев, бывших в загоне!

Все сказанное, товарищи, укрепляет нас в осознании и практической, и теоретической необходимости реального, т. е. диалектико-материалистического историзма. С этим связаны темпы социалистического строительства и система сокращений сложных выражений. Она повторяет систему сложения слов в первобытном обществе, но повторяет ее с подъемом на новую предельную высоту (имеем в виду язык у нас в СССР и, соответственно, типы современного строительства и нашего бытия). Наше бытие еще во многих деталях, нередко существенных, — старое, своего рода отголосок ветхой жизни. Но социалистическое строительство и современное, с ним связанное бытие наше вторгаются в темпы жизни и не позволяют оставаться индивидуально в нормах старого режима; они давно

вторглись, чуть ли не первыми, в советскую речь и вначале словно бы стихийно. Это — совершенно правильные с точки зрения истории языка сокращения слов по элементам, такие, как «Совнарком», «ЦИК», «нарком», «цека» и т. п. Уже в перечисленных примерах есть образования различного порядка: есть случай трехэлементный с сохранением лишь начальных звуков каждого слова, входящего в состав новообразования (как «ЦИК»); бывает пользование двухэлементной частью для выражения, состоявшего из четырех, даже пяти слов, напр., «цека», без недоразумения используемое в смысле «Центрального комитета коммунистической партии», или, полнее, «Центрального комитета коммунистической партии (большевиков)». И каждое из этих образований получает полное и научное оправдание с точки зрения новой языковедной теории, ее учения о четырех лингвистических элементах и на нем обоснованной палеонтологии речи, как это обнаруживается анализом любого слова, даже служебной частицы любого языка, в частности русского.

На заре человечества, при первобытном еще мышлении, из-за отсутствия адекватной техники многоязычие, как то выражено в столпотворении или башне-строительстве, завершилось, мол, смешением языков, разноязычием. У нас же в условиях диалектического использования и усовершенствования, согласно нашим колоссальным потребностям и возможностям, лучших достижений зарубежной техники материального производства, распределенных диалектически в отношении предельной качественности по различным странам, — и у нас трудности и сложность многоязычия стали на исторически уже испытанный путь разрешения. Мы это видим по истории языка-общества, где в языковом мире, при создании частей речи, впереди всех и раньше всех по выявлению себя как в звуковом, так органически связанном с ним письменном оформлении, проскочили числительные, беспримерно совершеннейшая категория. Это поразительное двустороннее достижение и в письме произошло в результате исключительной всеобщей потребности в этом и материального производства, и неразлучного с ним надстроечного производства — теоретических исканий в области учения о небе, древнейшей и ныне точнейшей теоретическо-практической науки, и учения о подземном мире, древнейшей по охвату исследования исторической науки, геологии и палеонтологии. Бездна-прорыв между этими науками по истории всего мира, включая человечество, заполняется путем опыта всеми физическими, физиологическими, химическими, физико-химическими науками, и вся тяжесть задачи исторического исследования выпадает на биологические и обществоведческие науки. Из них наиболее загнанная и эксплуатируемая до Октября наука о языке, обществоведческая, как никакая другая, во всех своих моментах и в технике их выявления отражает охватом всех времен и проникновением внутрь себя наиболее полно и наиболее четко объективную и субъективную историю всего мира. Эта языковедная наука в целом представляет собою в корне новую установку, имея предметом изучения язык неразлучно с мышлением, в их диалектическом единстве, и используя при прослеживании сложнейших взаимоотношений надстройки и базиса результаты изучения памятников материальной культуры за все наличные в вещественных выявлениях идеологии стадии. Она изучает, во-первых, изначальную стадию, когда мате-

риальная культура выступала исключительно как материальное производство подлинно первобытного общества, которого и признаков нет в непочтости в самых отсталых народностях так наз. диких, примитивных племенах и народностях Африки, Океании, северных и дальневосточных палеоазиатах, в Австралии и Америке; она изучает, во-вторых, и завенчивающую стадию высшего развития искусств и изящной литературы, корни которых всегда находятся в материальном базисе.

Во всех стадиях изучения корни памятников — материально-производственные. Они таковы и тогда, когда изящество продукции представляется не «от мира сего», ощущается свободным созданием духа, так и тогда понятно, когда надстройка так близка к базису, так соприкосновенна или лишь моментами отрывна от него (это в первобытном обществе со включением стадии становления элементов мысли-языка, впоследствии материально-образного мышления), — что налицо неразрывное выявление надстройки материального производства и базиса, без особой активности самостоятельно стимулирующего накопления культурных факторов с их самостоятельной системой.

Эта новая в корне установка языковедческой работы, исследуя язык вообще или любой конкретный язык, выяснила и продолжает все больше уточнять выяснение техники языка в обоих его моментах, формальном и идеологическом, уточнять технику выявления идеологии в материале, какой бы он ни был, технику оформления всех частей и категорий языка и технику содержания, смысла самого построения мысли в действии, мышления, как отражения материального базиса, материального производства, орудия и способа трудового процесса, его техники.

Формалистический отбор средств и способов выявления смысла речи в целом, а с ним частей, представлений и понятий, исключает в построении графики не только идеологический момент, мышление, но и полноту отображения в нем формального момента, учет всего того, что графически содействует наиболее совершенному выявлению функции письма — передать наиболее адекватно содержание и силу воздействия, передать, следовательно, не только мысль, понятную лишь в обрамлении определенного мировоззрения, как воспроизведения механики трудового процесса материального производства, но и способ его действия, механику мышления.

Формалистический отбор использует и средства графики лишь для выявления в письме отдельных звуков, как самодовлеющих величин, допуская за их пределами письменное выражение качественного порядка, однако лишь формального момента, как-то: знаки препинания, ударений и долгот. Он захватывает область мышления лишь восклицательными и вопросительными знаками, да и то по восприятию его элементов, как выразителей эмоции или связанного с ними внешнего, зримого движения. Мы обходим сейчас молчанием относящуюся сюда музыкальную графику, отмечающую так же, как нотные знаки, в наиболее древних алфавитных письменах, музыкальные движения, внешние проявления голоса — вибрации и т. п.

Язык становится на ступень, где единица речи, элемент уже лингвистический, становится из элемента языка элементом языка и письма. Письмо, в частности элемент его, становится элементом языка и мышления, категорией мышления, изначальной увязки языка-письма, в частности элемента, исторически обращаю-

щегося в единый звук-букву. Буква письма, как и звук речи, фонема, повышается на ступень общественной и политической значимости. С неучетом этой истории получается замкнутый мир графики с произволом действия в создании письма. Возникающий произвол (по недоразумению принимаемый за свободу) урезывает коренные сдвиги движения и прогресса всей азбуки в целом, как системы, отвечающей системе языка и диалектически увязанной с ним по единству функций полной возможностью продвижения вперед.

Проблема письма, таким образом, не есть самодовлеющая задача; ее нельзя разрешать независимо от проблемы построения языка; нельзя ее разрешать, например, без учета особых потребностей социальной среды. Нельзя в СССР строить письмо без учета не только баснословного и недопустимого для буржуазного мышления в одном государстве множества языков, но и без учета их качественных признаков, притом не одних общих, но и частных, дающих лицо. Чему? Языку? Мы сказали бы «да», если бы сегодняшняя аудитория состояла из спецов-лингвистов, марксистски мыслящих, располагающих знанием мелочей и глубин языка, хотя бы не всех языков, но овладевших ими в причинности. Последнее достигается тогда, когда овладевают знанием природы языка, пониманием сложнейших функций и еще более сложной техники отправления этих функций, доводящей знание до того предельного развития, когда специалист, в данном случае лингвист, марксистски мыслил бы в пределах своей научной компетенции, а не только говорил марксистски. Можно бы тогда ответить на вопрос: кому должен дать лицо требуемый для построения письма учет не только баснословного и недопустимого для буржуазного мышления в одном государстве множества языков, но и качественных признаков, притом не только общих, но и частных? Мы бы ответили тогда: «да, языку, любому языку»; мы бы сказали решительно и по-русски, ибо «язык» по-русски обозначает (и преимущественно обозначал в древности) не анатомическую часть, а общественную речь, и, во-вторых, «язык» значил 'народность', 'племя', 'народ' (напомню сочетание «все языци»), изначально же означал 'производственный коллектив', и язык-надстройка в наши дни — это нация, т. е. наличная в нем, в языке, как в зеркале отраженная нация со всеми ее новыми и историческими достижениями. И в СССР, где все нации раскрепощены не только политически, но и социально, и экономически, не может быть двух мнений не о путях, а об единственном пути построения письма без отрыва от языка. Но язык развивается диалектически. Следовательно, стройка и перестройка может и должна происходить также диалектически. Следовательно, унификация должна быть проводима также диалектически.

Идя в своей исторически-исследовательской работе не от неизвестных начал к современности, а от современности к этим началам с учетом письма-языка в целом и в подробностях, во всех фактических мелочах, в увязке сначала с историей литературы, а затем материальной культуры, мы в результате многолетних изысканий выявили поразительные смены в письме, языке, литературе, мировоззрении и искусствах, в самих вещественных памятниках, как выразителях, лишь при первом взгляде национальных, раньше племенных-этнических с родовыми.

образованиями на самой глубинной стадии, представлявшейся прежде бездонной. Тогда для исследователя изменилось все: в вещественных памятниках вместо материальной культуры выступило непосредственно материальное производство; мы оказались в обществе с мышлением без логики, в обществе — без индивидуального мышления; в мировоззрении без бога и религиозного культа; в литературе — без письма; в языке — без фонем. Была лишь ручная речь, а звуковые элементы, выделявшие из себя впоследствии фонемы, идеологически наличные, входили в состав производства, как его категории. В то же время письмо, тогда без графем, имело функцию выявления 'чудовища', 'знамения', 'поучения', что нас приводит к совершенно иному пониманию 'письма', 'буквы', по-гречески *грамма*. В связи с этим мы переходим к актуальнейшей части в обучении и языку, и письму, именно к грамматике, обращенной с ростом классовой эксплуатации в орудие формалистического учения, тогда как обучение грамматике должно учить раскрепощающей истории и исключительно присущим речевой технике самого отсталого языка общеобразовательным знаниям любого языка, в обоих его моментах, и формальном, и идеологическом. Мы тут имеем в виду не употребление у самих греков термина *ἡ γραμματικὴ* в смысле 'эрудиции', 'критического познания' (*ἐπιστήμη*), как у Эратосфена Киренского, математика, географа и грамматика (II в. до н. э.), но то, что вскрыла палеонтология речи анализом языка по элементам. С греч. *грамма* стоит только снять конечное *-та*, элемент В, с его служебной функцией, придать основе действительность отвлеченного понятия, как *-та* ↗ *-ва* → *-ва* у грузин во множестве имен действия и глаголов, как у русских *-ва* в термине действия «борьба», *-ва* в «клятва», да и *-то*, во множ. *-та* «письмо», «письма», — как в остатке перед нами от греческого термина выступает двухэлементное АВ образование *гра-т*, наличное в разновидности *гра-ф* в глаголе *гра+ф-б* 'пишу'. У армян эта же основа представлена лишь одним первым элементом А — *gr* в значении 'письма', в феодальном языке еще от стадии исключительно коллективного мышления в оформлении множественного числа, *gr-g*, при новом содержании — 'книга'. Эта основа прослеживается на всем протяжении Советского Союза с армянского юга до финского севера, Карелии, переходя в зарубежные Финляндию-Суомию (*kir-ya*, *kir-yaun*, *kir-ye*) и Эстонию (*kir-i*), в Коми области (*gr-j-*) в глаголе-действии *gr-j-pi* с теми же или со всеми теми же значениями различных стадий, как 'книга', 'письмо', 'буква', 'письмо-послание', 'эпистолия'. От древнейшей стадии у русских она сохранилась со значением тотема, производственно-хозяйственного предмета, и животного, лишь впоследствии с рабовладельческо-феодальных эпох 'беса' и 'бога', 'одержимого бесом', 'безумного', 'страшилища', 'пугала' и 'знамения', 'поучения', как то уже установлено в соотношении лат. *littera* 'письмо', 'буква' и греч. *teras* 'чудовище', груз. *ter-a* 'писать', у мегрелов *ṭar-u-a* 'писать' и *ṭar-a* 'судьба', у лазов *on-ṭar-u* 'писать', *ṭar-u* 'буква', 'наука', 'учение', у арм. *ṭar* 'буква' и т. д. и как в самом русском четко наблюдается в истории термина «буква» — с оформлением доиндоевропейским на *-ва*, как в слове «клятва». Правда, прекрасный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля, даже под редакцией предельно свободомыслящего лингвиста Бодуэна де Куртене

(1903 г.), ограничивается следующим разъяснением: «Один из начальных знаков грамоты, письменности, из коих составляются слоги и слова письма. Буквы гласные, согласные, губные, немые, гортанные и пр. Строчные буквы, рядовые . . . красные, прописные» и т. д. и т. п. Но этим толкованием, без намека на идеологию и без малейшего признака историзма, Даль, и особенно Бодуэн де Куртене (казалось бы, противник шовинизма и национализма), мало того что дают извращенное представление о живой русской речи; Бодуэн де Куртене, подставляя «грамоту» вместо «грамотности» своей классовой ограниченностью загоняет науку о языке в тупик и клеветает, сам того не сознавая, на русский язык. В связи с этим, разлучая с «буквой» русское слово «бука», он разъясняет последний термин, коренной русский, лишь формально с некоторым колебанием (с вопросительным знаком), но все-таки как татарский, по созвучию с татарским именем «Бука», «Букей». Между тем, сам материал живого русского языка дает прямо драгоценные функции этого слова, затерянные по обыкновению во всех научных словарях в хаотическом их распределении и до наивности простецких толкованиях. Имеем в виду такие тотемического порядка значимости, как 'медведь', 'пугало' или 'страшилище', равно такие, приводимые в том же словаре драгоценнейшие случаи употребления в более раннем оформлении, множественном числе, «буки» в смысле 'гадательного', 'загадочного', как «это еще буки» или «когда-то еще буки будут» и т. п. Между тем стоило лишь навести справку, обязательную для лексикографа с мало-мальским историзмом, в труде И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка», чтобы воочию увидеть неразрывную связь не только трехэлементного и двухэлементного «буква», «буквь» и «букчи», но и одноэлементного «буй» во всех основных его значениях 'дикий', 'дерзкий', 'глупый', 'смелый', 'доблестный', 'сильный' или живой еще 'буйный', в приложении к народу при старом режиме 'самовольный' и т. п. Что касается основного для работы над письмом термина, мы обращаем внимание на него со значением 'буквы', 'письмена' в житии Мефодия около 1200 г.: «Недостойно некоторому же языкоу имѣти боуквь своихъ развѣ еврей и грѣкъ и латинѣ», отсюда «букаръ» — γραμματεὺς 'грамотей', в оформлении множ. числа «буквь» со значением 'письма', 'послания', 'эпистолии' в житии Феклы XI в.: «Жена же яго написавши боукъви (моужевѣ) съ тыщаниямъ, призъва і» в оформлении мн. числа от «буквь» у Георгия Амартолы: «якоже и въ еѹльскихъ [евангельских] боуквахъ напиасе».

После сказанного снимается в корне случайность таких функциональных встреч в стадильном нарастании значимостей, как армянское массовое, да и грузинское слово живой среды г1-ј1 1) 'сумасшедший' ← 'бесноватый', 2) 'глупый', 'дурак' и 3) 'резвый', 'шалун' и основа коми глагола-действия 'писать' также г1-ј1. После сказанного становится понятным, что разновидность армянского г1г / гэг 'буква', 'письмо', звучащая г̊эг, в сванском оформлении 11-г̊г-а1 значит по мышлению первобытного общества без четкой дифференциации и 'игру', 'игру на музыкальном инструменте', также как любую 'игру', и 'пение', и 'пляску', а у русских сюда же с префиксом 1-, закономерным идеологическим дифференциалом, у сванов и с ними у феодальных грузин, обычно

si- (~hi-) — i+gr-a, в прилагательном «и+горный», первично i-gog-e, — последняя разновидность дала древней Руси личное имя «Игорь» (ġir, у русских i-gr+a), в дославянском (доиндоевропейском) еще состоянии русского языка служившее тотемом. Вся же двухэлементная основа gr-a+ф греческого gr-a+ф-о 'пишу' сохранилась с восстановлением губной огласовки в Закавказье у мегрелов, у которых она, звуча gr-a+фа, значит 'учение', 'учить', 'учиться'.

И на сегодня является совершенно актуальным по замыслу, когда, идя в ногу с массовым движением, исторически закономерно требующим освобождения от классово угнетавшей формалистики старой школы, ленинградские методологи¹ в коллективном труде «Русский язык и литература в средней школе», используя достижения нового учения о языке, конкретизацию на языковом материале марксизма-ленинизма, отстаивают грамматику, разъясяя (стр. 4), что ее «нельзя сводить к кодексу правил — синтаксических и орфографических, что в практике формалистического преподавания обычно [я бы сказал «всегда»] имело место. Нельзя изучать только формы языка и представлять эти формы как искони присущие данному языку, являющиеся неприкосновенными и вечными». Потому в программе, указывающей практическое значение грамматики для навыков грамоты устной и письменной речи, правильно ставится задача «четко говорить и об общеобразовательном значении языка», но четкость должна быть доведена в своей конкретизации до выявления не только содержания изучаемой в школе литературной продукции, но и до выявления техники самого языка и техники неразлучного с ним содержания, разумеется, в порядке укрепления тяги учащихся к образованию, к овладению конкретным знанием по предмету преподавания, и тогда можно уверенно утверждать, что (стр. 11) «выдвижение содержания, значения (семантики)», будет яснее сказать — техники языка и техники мышления, «ни в какой мере не означает' хоть какого-нибудь пренебрежения к форме». Обладая наибольшим удельным весом каждого из двух неразлучных моментов языка, формального и идеологического, «программа действительно стоит, — пользуясь вразумительным выражением т. Бубнова, — на страже формальных знаний».

И формальный момент в языке отнюдь не может трактоваться вне идеологии, увязывающей его через общественность с производством. И именно на конкретном материале этого порядка, когда дело касается даже отдельных букв, наиболее ярко выступает значимость исторического подхода, причем не нужно смущаться давностью самых отдаленных эпох в жизни человечества. Скачок, например, немцев, с той стадии, на которой обретаются сейчас в горах Кавказа сваны (ныне все-таки обладающие достижениями позднейшего мышления в порядке социального приобщения), объясняет одну, отнюдь не случайную, лишь формальную подробность, именно то, что все имена, даже нарицательные, в немецком письме выделяются заглавными буквами, ибо эти имена были тотемами. Естественно, что сам термин 'понятие', возникший по зарождении зачатков права групповой

¹ Методологические материалы на второе полугодие 1932—33 уч. г. Составители Е. Н. Петрова, проф. Н. П. Андреев, В. А. Моденская, О. В. Вейспал под ред. О. А. Моденской. Программно-методический сектор ЛООНО, изд. Лениноблино, 1933.

собственности, воспринимался как предмет 'захвата', 'овладения производством'. Этот термин происходит от первого природного инструмента — 'руки', основы одновременно и действия руки, т. е. глагола: *grif* и *greifen* 'хватать', с придачей префикса *be*, на деле элемента с функцией идеологического дифференциала — *Begriff* 'понятие' и *begreifen* 'понимать', собственно в основе тут 'хватать', 'овладевать', но позднее, при технологическом восприятии этого акта, в различных языках с различными ступенями стадияльного развития, раньше и без всякого начального придатка, как у армян *im* 'мой' при отсутствии права собственности еще не лицо, единичное или групповое, а сам тотем производственного коллектива. Поэтому, хотя в древнелитературном *i-ma* только 'ум' в основе *i-mi+n-il* 'понимать' и *i-ma-stun* 'философ', 'мудрец', 'мудрый', в массовой низовой речи *i-ma-n-al* без предлога и 'понимать', и 'знать', и 'узнавать', не так, как у римлян с предлогом *com-pre-hend-e-re* 'схватить', 'понять', да и у французов «*com-prend-re*» только 'понять' (от «*prendre*» — только 'брать'), но у французов с одним и тем же предлогом «ар» (собственно идеологическим дифференциалом) никогда не 'брать' и не 'понимать', а 'учиться' «*ar-prendre*» и 'учить', так как, казалось бы, потому основа «*ren+d-r ← pre-hen-d*» (трехэлементное ВСС образование) означало 'руку' а от 'руки' происходило действие и 'брать', 'хватать', 'учиться' и 'давать', 'вовлекать' в свою производственно-общественную 'учебу', 'учить'. Так было со времени установления права собственности, хотя бы групповой, а дотоме еще в первобытном обществе с тотемическим мышлением совершенно иное соответствие членов звукового комплекса, но также диалектически по идеологической функции, именно 'быть захвачену', 'одержиму' тотемом, и в смысле 'быть умным', 'мудрым' и 'быть безумным', 'глупым'. Такова же история арм. *i-ma* еще без идеологического дифференциала *-ma* в глаголе *ma+n-ḡap-ō* 'учусь', во времени раньше возникшем, аористе, также с так наз. префиксом *e-ma+d-ov* 'выучился я', элемент которого *ma-* при классовом технологическом восприятии — 'рука', в первобытном обществе — тотем. С таким стадияльно-историческим подходом анализируется научный термин *μάθημα* 'учение', сначала магическое в материальном производстве, без осознания значимости трудовой руки, потом и математики, когда, наоборот, воспринимается только техническая функция трудовой руки, как инструмента. Когда же берем лат.-франц. *pre-hen+d-ere* и *ren+d-re*, то у немцев-германцев нет еще начального члена *pre*, идеологического дифференциала, от остального комплекса, без конечного лат. *e-re*, франц. *-re*, налицо у них лишь *hen-d*, но в двух социально различно огласованных разновидностях: *han-d*, женск. род 'рука', и с губной огласовкой *hun-d* 'собака' от первобытного общества с конкретным тотемом — 'псом', без выявления в слове какого-либо признака рода: нынешнее восприятие *hun-d*, как слова мужского рода, — позднейшее явление, и потому род выражен лишь впоследствии возникшим членом — *der Hund*.

Таким образом, торопясь закончить наш доклад, лишь констатируем факт: палеонтологическим анализом и на примере языка выявляются единство противоположностей, социальное родство различных стадий, от первичной вплоть до сегодняшней. Замкнутость индоевропейцев в отношении неиндоевропейского мира

и внутри его между группами есть фикция. Так термин 'собака', будучи некогда тотемом, следовательно, так наз. этническим названием первичного производственного коллектива, по установленной теперь истории языка отложился в немецком языке в числе прочих свойств своей коллективности в линии исчисления 'все', 'много'; уточнение 'многого' на определенной стадии развития, когда это было уже 'сто', дало образование *hundert* 'сто'. С соответственной частью этого комплекса, имеющего опять-таки свою историю, именно *hup + d*, рядом с франко-латинским *hen-d*, имеются две латинско-греческие разновидности, именно греч. *ken + t-^{um}*/_{om} и лат. *cen + t-um* со значением также 'сто'. Это формальное различие их ставится во главу угла двух частей языкового мира индоевропейцев, стоящих в особой замкнутости от всех остальных языковых систем и групп мира. Между тем, как выяснила современная лингвистика, исходя из диалектической противоположности 'многого', каковым только и служит у индоевропейцев *kent-u+m* || *cent-u+m* и 'одного', по отвлечении от позднейшего морфологического придатка *um* ↔ *om*, более древний вид *ken-t* значит 'один только', 'нечет' в массовом низовом языке трудящихся Грузии и др.

При наличии таких тесных связей языков различных (скажу всех) систем языков мира, можно ли предпринять какое-либо дело, входящее в область языкового строительства, без учета истории языка вообще и перспектив его движения к единству? Можно ли строить терминологию без такого подхода, не считаясь с перспективами не только советских, но и зарубежных языков, идущих, как надстройки, к единству вслед за социализмом, у нас уже строящимся — и везде в конечном счете к коммунистическому обществу с единым языком? Можно ли строить письмо, вести его далее к унификации, отрывая от только что изложенной суммарно истории, вскрытой и окончательно сложившейся после Октября? Можно ли вести в этих условиях работу и над терминологией, и над унификацией письма без диалектического подхода не только к зарубежным конкретным языкам капиталистического мира, но и к многочисленным старым и новым национальным языкам Советского Союза с их достижениями и особенностями вообще?

Нет надобности отвечать на это. Отрицательный ответ ясен.

Нет надобности также в моем вступительном докладе говорить обо всем этом подробнее и делать выводы о практических шагах и дальнейшем ходе блестяще оправдавшей себя латинизации, блестящего опыта создания писем как в самых передовых, так и в самых отсталых и угнетавшихся до Октября по языку районах. Всесоюзный Центральный комитет нового алфавита при условии тесной связи и учета колоссальной массовой творческой лингвистической работы по всем районам, по всем национальностям Союза, и в объединении со всеми исследовательскими лингвистическими учреждениями и организациями, при всемерной поддержке работников-специалистов нового учения о языке, входящего органически в марксистскую теорию познания, — я высказываю в этом полную уверенность, — ВЦК НА славно продолжит и завершит славно начатое грандиозное дело регулирования и повышения строительства и познания той категории надстройки, — письма, а следовательно, языка и мышления, — которая явилась

гранью между животным миром и человечеством. В результате первого пленума Научного совета — я уверен — работа пойдет более быстрыми шагами к разрешению первоочередной ныне задачи — к унификации нового алфавита, причем со всей осторожностью, которая присуща этому ответственнейшему делу. Пожелаем всякого успеха и в дальнейшем Всесоюзному Центральному комитету нового алфавита. От нового учения о языке, как старейший и слабеющий его представитель, выражаю самые горячие пожелания успешности и плодотворности работе этого первого пленума.

К вопросу об едином языке¹

Мысль об едином языке для общего употребления в международном масштабе отнюдь не новая. Она абсолютно не европейская выдумка. Если не больше, то ей столько же веков и тысячелетий, сколько по исчислению отводится времени существованию древнейших письменных языков. Каждая письменная речь выводила человечество из его социальной замкнутости, выносила с его производством материальным и общественным также мышление из ущелья в ущелье, с долины на долину племенного его расселения, открывала и расширяла возможности общения своего мира с чужим, служа предпосылкой общения всего света. Китайский письменный язык, иероглифический, собственно международный язык всего дальневосточного мира, эламский, шумерский и сменявшие его другие клинописные языки были в свое время международными языками, или становились ими во всем переднем отрезке Азии, обращенном к Средиземноморью, если не к двум Средиземноморьям, т. е. и к тому «Средиземноморью», которое с Азией увязывает на юге через Индию тихоокеанские острова и страны «Нового» Света. Да мысль о звуковом языке, искусственно прививаемом и развиваемом для международного употребления, одинаково сродна и Азии и Европе. Достаточно вспомнить о такой роли арамейского языка не только в Палестине и Сирии, но и в Месопотамии, на Иране, в Малой Азии, в прилежащих странах, не исключая и Египта. Мы не говорим здесь о таких живых языках, как, напр., арабский, который охватывал кольцом своего употребления во всем культурном мире от Индии и Средней Азии обширное афреазийское пространство вдоль Средиземноморья по его югу, вплоть до европейского запада на Пиренейском полуострове, внедрившись в него через Африку. Впрочем, и этот арабский язык стоит под вопросом, был ли он еще живой за время столь широкого его распространения.

Судьба искусственного латинского языка во всяком случае совершенно ясна. Его господству был нанесен смертельный удар не «средневековым мраком», сосредоточивавшим пределы его царства в церковном, вообще религиозно-просветительном мире, а демократизацией в Европе хозяйственно-социального строя, протекавшей последовательно в путях секуляризации и затем национализации жизни. С усилением национального момента со средних веков за Возрождение и ближе к нам, а в связи с ним и с размножением национальных языков и их развитием нанесен был действительно удар международным культурным языкам, в Европе — латинскому, в Афреазии — арабскому. И как в Азии не могли заменить арабского ни персидский, ни турецкий, так в Европе каждый живой язык, как бы он ни был сейчас вселенски распространен, в конце концов обречен на неудачу, если он вздумает заменить хотя бы такой искусственно развивавшийся мертвый язык, как латинский.

Заслуживает внимания, что этот единственный действительно международный одно время язык всех образованных классов в Европе, латинский, стал заметно

¹ [Статья была напечатана в качестве предисловия к книге Э. К. Дрезена «За всеобщим языком», М., 1928, ГИЗ, стр. 3—9].

терять свое значение в эпоху зарождения и развития учения об языке, с первой четверти XIX века. Как же это могло произойти? Ведь девятнадцатый век известен возникновением и развитием такой точной, казалось, дисциплины, как лингвистика, наука об языке, установлением истории человеческой речи и выработкой техники языковедных изысканий, и обязаны мы этим индоевропейской лингвистике. Однако это было учение не об языке, а об языках, прежде всего исключительно об языках, выделявшихся в одну, отрезанную от других языков семью, так наз. индоевропейскую. Черпая свое языковедное мировоззрение в казавшемся изначальным отрыве этой «семьи» от языков других так наз. семей, теоретически отрешенная от каких-либо перспектив увязки с ними, индоевропейская лингвистика, изолировавшая сама себя представлением о возникновении и развитии речи, как ей казалось, естественноисторическом и во всяком случае отприродном, не могла, разумеется, относиться иначе, как отрицательно, ко всякой попытке увязать человечество единым языком, да еще искусственным. Это казалось ей утопией, тем более, что индоевропейская лингвистика исходила из учения об едином языке вначале, об едином праязыке, прежде всего, понятно, у каждой семьи языков. И индоевропейской лингвистике удалось утвердить эту мысль в наиболее просвещенных кругах и, естественно, среди ученых специалистов. На этом основании, очевидно, в предисловии книги «В поисках всеобщего языка», принадлежащей перу автора настоящего труда, говорится «Могут сказать, что международного языка искусственно не создать». Конечно, при существовавшем доселе учении об языке трудно было относиться иначе к этому делу, особенно, когда предполагалось, что судьба вопроса о создании всеобщего языка зависит от того, согласятся ли на его постановку специалисты и признают ли они возможным создание искусственной речи. Достаточно, что его ставит жизнь. В свое время еще в курсе учения об языке мною писалось: «Жизнь неумолимо ставит перед нами в том или ином виде вопрос о главнейшем доселе живом орудии общения, вопрос об языке в самых разнообразных плоскостях, именно об языках международных, живых и традиционных мертвых, доселе также классовых и хранителях классовых исторических культур, и об языках национальных, частью традиционных, также классовых и также хранителях классовых исторических культур, но в значительной мере новых, зарождающихся как общенациональное достояние у нас, в СССР, в новых путях — в путях советской общественности, с охватом прежде всего речи так называвшихся народных низов, крестьян и широких масс. Этого мало. Поскольку жизнь неумолимо ставит перед нами всеми вопрос о живом орудии международного общения, то этот важнейший и ни на минуту не устранимый вопрос нового интернационального общественного строительства нас вынуждает отвлечься от куцых перспектив настоящего, отойти от имеющихся в нашем распоряжении ограниченных как бы натуральных средств или возможностей международного общения и говорить не о многочисленных международных языках, живых или мертвых, традиционных, всегда классово-культурных и всегда неминуемо империалистических, а об едином искусственном общечеловеческом языке, говорить о нем не утопически и не кустарно-самодельчески во вкусе и в поддержание европейского империализма, а в подлинно мировом масштабе, с охватом

языковых навыков и интересов не одних верхних тонких слоев, а масс, трудовых масс всех стран, не исключая и тех, которые до сих пор были заклеены как места ссылок или обречены как колониальные и «туземческие» районы, пассивно давать материал на метропольные строительства, быть своего рода пушечным мясом в созидании будущей культуры, как она планировалась и строилась до Октябрьской революции. И в этих новых отнюдь не мечтах, а серьезных, совершенно трезвых думах о будущем всемирном едином языке мы снова возвращаемся к яфетической теории, к существенной необходимости знать ее общее учение об языке. Это вовсе не значит, что мы забываем о давних опытах создания искусственных международных языков, о существовании такого искусственного международного языка, как общественно преуспевающий эсперанто или проявляющий последние годы большую исследовательскую активность язык *идо*. Во все не значит, что мы отворачиваемся от них как от *quantité négligeable*, т. е. от 'презренных величин', явлений, не заслуживающих внимания. Наоборот».¹ Но сейчас речь не о том или ином наличном всеобщем языке, хотя бы о наиболее в этой роли преуспевающем эсперанто, а об интересе к теме настоящего труда т. Дрезена и в связи с этим об отношении нашем к факту предубеждения, главным образом лингвистов, к самой идее всеобщей речи, о научной несостоятельности этого предубеждения по крайней мере постольку, поскольку новое учение об языке, яфетическая теория, завершение развития звуковой речи видит в выработке единого языка всего человечества. К такому положению вынуждает история его доселе достигнутого развития, как то можно усмотреть из следующих строк одной из наших работ: «Яфетическая теория выясняет пути этой эволюции [часто революции], ряда смен одной системы языков другою, и технику каждой типологически новой системы, приближавшей или приближающей нас к будущему типу языка. Разумеется, на этом пройденном в течение многих и многих тысячелетий пути потрачено человечеством громадное количество труда и имеются поразительные достижения, многим кажущиеся, многим именно из круга ученых кажущиеся по темпераменту их или умонастроению то сказкой, или, что то же, не заслуживающими доверия чудесами. Может ли человечество отказаться от того, что достигнуто ценой столь длительных и громадных усилий?

«Яфетическая теория учит, что язык, звуковая речь, ни в какой стадии своего развития, ни в какой части не является простым даром природы. Звуковой язык есть создание человечества. Человечество сотворило свой язык в процессе труда в определенных общественных условиях и пересоздаст его с наступлением действительно новых социальных форм жизни и быта,сообразно новому в этих условиях мышлению. Выходит, что натуральных языков не существует в мире, языки все искусственные, все созданы человечеством, и они не перестают быть искусственными по происхождению оттого, что, раз они созданы, наследственно переходят от одного поколения к другому, точно природный дар, как бы впитываемый с материнским молоком в детском возрасте. Корни наследуемой речи не во внешней природе, не внутри нас, в нашей физической природе, а в обществен-

¹ Н. Я. Марр, Яфетическая теория. Общий курс учения об языке, § 2. Изд. Азербайджанского гос. университета, Баку, 1927 [см. здесь, стр. 24].

ности. Общественность наследует, консервирует или перелицовывает свою речь в новые формы, претворяет ее в новый вид и переводит в новую систему. Ясное дело, что будущий единый всемирный язык будет языком новой системы, особой, доселе не существовавшей, как будущее хозяйство, будущая внеклассовая общественность и будущая внеклассовая культура. Таким языком, естественно, не может быть ни один из самых распространенных живых языков мира, неизбежно буржуазно-культурный и буржуазно-классовый, как ни один из мертвых языков не смог стать международным в бывшем новом мире, дооктябрьском, да и в том мире ни один из них и не намечался вовсе как массово-международный. При новом дыхании жизни современной общественности не может не чужь наступления своего конца в самой своей стране даже такой тысячелетиями взращивавшийся, общий для многих миллионов письменный язык, как китайский. . .

«Яфетическая теория не только считает эту проблему научной, да еще первоочередной, но подошла к ее разрешению, перекинув бремя доказательств в историю языка с формальной стороны на идеологическую и создав особые, в увязке с историей общественности обосновываемые отделы науки об языке, именно семасиологию, т. е. учение о значениях, и палеонтологию, учение о перевоплощении строя и формального и идеологического речи, оба учения в корне новой природы. Отсюда, придав эти особенности к указанным двум основным положениям яфетической теории, именно созданности звукового языка людским трудовым коллективом и неуклонному движению языков в эволюционных путях единства человеческой речи, мы получаем положение, при котором на будущую речь человечества яфетическая теория не может иначе смотреть, как на искусственно имеющий быть созданным язык, с тем отличием от прежней общественной созидательной работы в этой области культурных достижений, что бессознательный традиционный момент все более и более должен уступить место осознанному участию в ней, наследственная пассивность должна преобразиться, выделив из себя соответственную свою антитезу, в новообщественную активность, руководимую или планируемую на основании конкретных данных и техники творческой работы человечества прошлых веков, целых тысячелетий, многих десятков тысяч лет, потраченных на создание речи, начиная с момента ее возникновения, когда из элементов, человечеством же созданных четырех элементов, созидались и создались языки и образовались типологические различные их системы».¹

Вопрос иной, в какой мере может многим представляться утопией то, что вынуждены были мы сказать, исходя опять-таки из истории происхождения языка и возникновения его видов. Мы говорим там же: «Ни одно достижение древних не должно остаться неучтенным и неиспользованным в новом языковом строительстве, и в связи с этим интерес именно к будущему заставляет направить свой исследовательский интерес к прошлым векам», а не приверженность к ним или к их отмершим и отмирающим мировоззрениям.

«В той же работе над выковыванием будущей единой речи не может быть обойден ни один национальный язык, ни одна племенная речь, как бы они ни

¹ Н. Я. Марр, ук. соч., стр. 18—19 [см. здесь, стр. 24—26, где даны несколько иные формулировки].

казались теперь без роду, без племени, так как в них, даже наиболее изолированных и совершенно одиноких, мы имеем в сохранности драгоценнейшие остатки социальным настроением прошлого загубленных достижений, целых эпох общечеловеческого творчества в мировом масштабе. Вне этой общечеловеческой глоттогонии, созидания речи, не возникал ни один язык. Яфетическая теория подошла вплотную к утверждению этого положения, успев уже определить... место всех главных, более или менее полно сохранившихся систем не как продукта независимого творчества, так наз. расового, в разобщенных районах, а как отложения основных этапов развития человеческой речи, отвечающих основным этапам в эволюции хозяйственной жизни и общественных форм».

Переход от различных языков к единому, несомненно, несколько не труднее совершить человечеству, чем то, что оно уже сделало, создав звуковую речь, раньше вовсе не существовавшую, и увязав ею не один коллектив, а целые группы коллективов, каждую группу и раньше каждый коллектив со своим некогда также независимым языком до вступления во взаимобщение и до языкового скрещения, следовавшего неизбежно за хозяйственно-общественным схождением. Трудности многочисленны, но превзойдены гораздо более серьезные препятствия, казалось, непреодолимые. Единство письма — назревший вопрос. Единство номенклатуры мер и весов — совершившийся факт в одной части мира, равно как единство не только календаря, но и календарных терминов. В известной истории всеобщего языка французские авторы указывают на то, что первое условие организации научного труда — единообразие номенклатуры, т. е. научный международный словарь, и что это уже половина международного языка.¹ Им, очевидно, не было известно, что никакое производство не обходилось без своей номенклатуры и что словарь человеческой речи вообще состоит в основе из терминов различных производств, т. е. интернационализация человеческой речи началась задолго до возникновения единообразия номенклатуры научного труда. Трудовая жизнь создала их, и она же ведет к единству вообще всей речи, предпосылая ей единство хозяйства и общественного строя и этим путем сметая все препятствия. Есть, конечно, как теперь кажется, неустранимые трудности. Дело сложное. Сложность не в громадном количестве слов или в их бесконечно разнообразном звуковом оформлении, наследственно различных, а в установившихся в среде общающихся, говорящих и слушающих отношениях между звуковыми сигналами и обозначаемыми предметами. Так, напр., хотя сейчас не подлежит никакому оспариванию факт, что язык абсолютно не возникал ни в какой мере в путях звукоподражания, первые звуковые слова были выразителями функций, а не самой техники явлений или действий, тем не менее ныне и то факт, не менее бесспорный, что между словом и обозначаемым им предметом успела установиться такая связь, что сейчас отрицать существование звукоподражательных слов никто не может. Но как в таком случае сохранить это новым международным языкам, когда звукоподражательность у каждого народа иная?

Новый хозяйственно-общественный строй с единством одной общей структуры и с соответственной общностью надстроечных миров с их терминологией преодолет

¹ L. Couturat et L. Leau, Histoire de la langue universelle, Париж, 1903, стр. IX.

не одно такое затруднение средствами, нам сейчас и в воображении не представляющимися. Но в таком случае мы, следовательно, относимся отрицательно к всеобщим языкам, не в своевремении явившимся, в том числе и эсперанто? Ничего подобного. Каждому овощу свое время. Кроме того, наличные уже практически действующие искусственные языки, в числе их и эсперанто, чем больше преуспевают, тем больше подтверждают правильность положения яфетической теории об искусственном происхождении вообще звуковой речи да, кроме того, содействуют накоплению материала для правильной постановки дела созидания единого языка человечества. Все это и дало нам основание отнестись сочувственно к опубликованию настоящего труда Э. К. Дрезена, как можно видеть по следующему отзыву, данному еще 26 сентября 1926 года в Ленинграде: «Вопрос об искусственном международном языке во многих кругах, к сожалению, именно научных, вызывает улыбку, в лучшем случае незаслуженное равнодушное отношение. Сомнение вызывает само определение «искусственный». В значительной мере это происходит оттого, что так называемый природный, или естественный, язык до сих пор многим представляется даром природы, а не «искусственным созданием» общественности в той же мере, как памятники материальной культуры и вещественные художественные произведения. Старый взгляд на язык как дар природы пережиточно продолжает себя давать знать в формальной постановке изучения языка, поскольку внимание уделяется до сих пор прежде всего фонетике, притом главным образом физиологическим условиям произношения, менее всего семантике, связанной с общественностью. Для нас, поборников нового учения об языке, созидание речи коллективом и развитие отдельных, дифференцировавшихся в условиях первобытной и протоисторической общественности языков в линии по направлению к будущему единому языку не подлежат сомнению, как и то, что человечество, идя к единству хозяйства и внеклассовой общественности, не может не принять искусственных мер, научно проработанных, к ускорению этого мирового процесса. С этой точки зрения история всеобщего языка и в прошлом и ныне представляет актуальный интерес, а настоящий труд является прекрасным вкладом в нее. Насколько нам известно, с его появлением пополняется пробел, ощущаемый не в одной русской литературе».

26 августа 1927 г.
Париж

Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком¹

Тезис нашего сегодняшнего чтения ясен и прост. Наукой об языке может быть признано только то учение, которое считается с особенностями всех языков мира и, исходя из учета конкретной системы каждого из них, не только отводит или намечает каждому из них принадлежащее ему место в среде всех, но и выявляет те пути и те рамки, в которых может и должна отныне протекать специальная работа над каждым языком, исчерпывающе углубленное исследование каждого языка.

Язык — явление социальное и социально приобретенное. Звуковая речь возникла на уже высокой ступени развития человечества в путях общения различных групп. Без образования социальных групп и потребности в организованном их общении, без согласования звуковых символов, значимостей, друг с другом и без их скрещения не могло бы возникнуть никакого языка, тем более не мог бы развиваться далее какой-либо язык. В этом порядке чем больше общих слов у многих наличных теперь языков, чем больше видимой и легко улавливаемой формальной увязки языков на пространстве большого охвата, тем больше основания утверждать, что эти общие явления — позднейший вклад, что нарастания их в отдельных языках результат позднейших многократно происходивших скрещений.

Что такое в таком случае родство языков?

Термин «родство» внесен в лингвистическую науку, когда о происхождении языка или не было никакого представления, или оно мыслилось в порядке физического, т. е. кровного родства. Естественно, при таком взгляде на природу речи был безоговорочно усвоен биологический термин и всецело господствовал в такой мере, что органическая увязанность явлений в двух различных языках не носит иного названия, как «родство». Термин может быть оставлен, но его надо освободить от обычно придаваемого ему значения, как слова из биологической терминологии.

Родство — социальное схождение, неродство — социальное расхождение. С этим фактом, именно с установлением родства в путях социального схождения и выявлением неродства в тех же путях, т. е. в путях соответственного расхождения, возникает вопрос, уже освещенный, о технике схождения и расхождения в зависимости не от физической обстановки, а общественной структуры той или иной говорящей среды. И схождения и расхождения речи предполагают сложную общественную структуру человеческих группировок, сначала производственно-классовую, впоследствии стабилизированную, наследственно-сословную. Отсюда разница языков в одной и той же стране между различными входящими в состав ее населения группировками, классами, сословиями и вообще обще-

¹ Доклад печатается в последней отделке, как он был читан в Тифлисе (апрель 1928 г.) в Обществе любителей грузинской культуры, с пропуском вступительного слова на грузинском языке [Напечатан в сборнике «Языкознание и материализм», I, ИЛЯЭВ, Л., 1929, стр. 1—56].

ственными слоями. Период расхождения в языке между странами связан с взаимной изоляцией.

В период созидания звуковой речи громадна роль социальной группировки сцепления. Она громадна, эта роль социальной группировки сцепления, на первых ступенях развития звуковой речи, не по массовости ее состава, а по организаторским данным входящих в ее состав сил и по подвижности этой организации с особенными общественно нараставшими путями проникновения из страны в страну, по неустранимой потребности ее выходить в силу естественного развития своей деятельности из пределов одной природно-общественной обстановки в пределы других таких же или иных физическо-общественных условий. Точно перед нами неудержимые всепроникающие струи от накопления вод и их прорывов. Струи какие? Живительные, творческие или разрушительные? Наивный вопрос и анахронистический вопрос. Может быть, эта организация растекается точно кочевники, мигрирующие в поисках пастбища. Что, следовательно, это номады? Опять наивный и анахронистический вопрос, совместимый с мировоззрением, и нам присущим, исторических эпох, хотя бы и очень давних дат опять-таки исторического порядка. Вопрос наивен и анахронистичен для начальных эпох классовой общественности и звукового словотворчества, ибо вопрос такой совместим лишь с периодом наступления логического мышления, с периодом различения добра и зла, с периодом различения места и времени, с периодом восприятия человеческими группировками окружения, вообще мира, и причинной увязанности, т. е. возникновения каузальности в мышлении, с периодом зарождения способности находить причину и последствия в самих наблюдаемых видимых фактах. Ведь это эпоха наличия уже звуковой речи с глаголом, эпоха, когда уже существовали фразы из элементов интересующего беседующих состояния, даже действия, субъекта и объекта. Ведь в таком случае можно бы идти и дальше и ожидать от общественности тех изначальных эпох способности классифицировать явления как благоприятствующие, да еще в различной степени, этой причинной увязке фактов или как противоборствующие ей, предполагать у человечества на этой ступени общественного развития возможность называть каждое явление, каждый предмет различного противоборствующего порядка особым звуковым словом. Ведь это уже эпоха развитого синтаксиса, эпоха достижения периодической речи, мы уже с классическими языками Средиземноморья, греческим и латинским, а у нас трактуется вопрос об эпохах, когда не было не только греческого и латинского, но и семитических языков, не было еще тех отстоявшихся и окаменевших систем звуковой речи, которые многие до сих пор считают особыми по источнику происхождения семьями. Мы говорим о периоде, когда один и тот же предмет мыслился как источник и добра и зла, когда время и место не различались, когда время не учитывалось в факте и т. д. и т. д., и соответственно не только не было и не могло быть звуковых слов для предметов, не существовавших еще в осознании, не было синтаксиса, учитывающего последовательность фактов в их естественной причинной увязке, люди мыслили мифологически, мыслили так называемым «дологическим» мышлением, собственно они еще не «мыслили», а мифологически воспринимали, ибо не было еще логи-

ческой дифференциации в надстроечном мире, осознании, так как в самой общественности, ее строе, не было дифференциации производства. Социальная группировка сцепления в своей подвижности не могла состоять из номадов, как мы себе представляем кочевников, ибо еще не было выделившегося особого кочевнического строя. Входившие в состав социальной группировки силы были без дифференцированности: и номады, и разбойники, и купцы, и пастухи, и земледельцы, и даже металлурги. Ведь звуковая речь возникла на высокой ступени развития человечества, обладавшего уже производством, с историей почти всего палеолита за своей спиной. И звуковая речь на первых порах была привилегией, одним из технических средств организации, названной нами социальной группировкой сцепления.

По взаимоотношениям языков всего мира и у нас есть так наз. сравнительная грамматика, но она учитывает не одну формальную сторону и идет потому от слов, значимостей слов, семантики, давшей возможность приступить к классификации слов по ступеням развития человечества: опора — в увязке с историей материальной культуры, выявляемой не только археологией, но и этнографией, от палеолитических переживаний до современности, и в увязке с историей общественных форм, выявляемых также не только историей или археологией, но и этнологией в современных переживаниях, свидетельствующих о том, что пережито передовым человечеством в части мировоззрения и по существу, и по оформлению.

По новому учению об языке уже напечатан суммарный вводный курс в Баку,¹ и повторяться по изложенным там вопросам нет надобности. Но надо предупредить, что там речь о полигенизме значений слов, а это увязывается теперь со стадийным развитием звуковой речи, прохождением ею ряда стадий и с ними особых норм мышления; там речь и о разновременности происхождения частей речи, глаголов на последнем месте, о морфологии синтаксической, о классах и родах в строе речи, о четырех элементах, из каких сложены все языки, и о материальной морфологии, о функциональном впоследствии выделении части звуковой речи и социальной ее природе. Но, увы, в том руководстве нет вовсе трактовки синтаксиса, должной специальной трактовки, и я бы здесь скорее остановился особо на синтаксисе, ибо синтаксис это самая существенная часть звуковой речи: как учение о звуках лишь техника для морфологии, так и морфология лишь техника для синтаксиса.

Однако, как ни интересны и важны затронутые здесь стороны языковой жизни, доселе предметы специальных изысканий, это лишь часть дела.

Все будет лишь схема в безвоздушном пространстве, если хотя бы в порядке геологической классификации не прикрепить все ко времени, да, казалось бы, к месту, нет, не столько к месту, сколько прежде всего к массовости, и не исходить из исчисления говорящих масс.

Впервые встал перед нами, в целях конкретизации новых палеонтологических положений об языке, вопрос о росте населения. Многим, я в том уверен, представляется, что количество населения было более или менее одинаково, стабили-

¹ [См. здесь, стр. 3—126.]

зовано с тех пор, как сложилась и укрепилась звуковая речь как массовая. Какое, однако, было число населения в период хотя бы первоначального сложения и развития звуковой речи? Совершенно ясно, что мы не можем рассчитывать на какие бы то ни было указания исторических источников для наших эпох, находящихся вне досягаемости самых древних письменных свидетельств или преданий, в какой-либо мере приемлемых для историка. Но нам казалось, что правильный подход к вопросу о росте населения и теоретическое его освещение, способствуя установлению нормы размножения населения, могли бы нам помочь установить приблизительные цифры населенности мира человеческим родом в эпохи различных стадийных состояний его развития. Мы были очень обрадованы заглавием «Population et capital dans le monde méditerranéen antique»¹ появившегося в 1923 г. труда Евгения Кавеньяка (Eugène Cavaignac), профессора древней истории на факультете литературы (des lettres) Страсбургского университета. В самом деле, чего лучше. В книге заглавие обещает исследование соотношения населения и капитала в том именно Средиземноморском античном мире, где все более и более ярко намечается палеонтологическая речь, не без союза с историей материальной культуры, и археологической, и этнологической, арена титанической работы создателей звуковой речи и ее дальнейших развивателей. Но, увы, прекрасно аргументированная для исторических эпох книга оказалась источником разочарования в отношении нашего теоретического запроса. Достаточно привести два места из части об Египте. Подходя к теме со стороны роста обрабатываемой площади в XIX веке сравнительно с древним Египтом, Кавеньяк пишет:² «Большая часть почвы была отведена под культуру хлебных злаков. В III веке до христианской эры, как мы осведомляемся, в номе Арсиноитском (Файуме) было возделано 134 000 аруров пшеницы и 26 000 ячменя, т. е. приблизительно, при равенстве одного арура $\frac{1}{4}$ гектара, — 40 000 гектаров, всего 400 квадратных километров. Файум покрывает ныне 1274 километра, и Арсиноитский ном не мог покрыть из этой площади свыше 1000 километров. Следовательно, эта цифра довольно хорошо соответствует цифрам, которые нам даны для XIX века: треть площади».

Однако все эти исчисления для нас в их изолированности по отношению к доисторическому прошлому не имеют никакого значения. Начиная свою поучительную книгу о населении и капитале в средиземноморском античном мире указанием на то, что «Египет, с экономической точки зрения, как и в остальном, есть страна, где наши сведения идут наиболее далеко в глубь времени», Кавеньяк оставляет нас в беспомощном положении, так как, исходя из схождения возделанной площади за III век до н. э. и за XIX столетие н. э., он пишет: «Страна сама неподвижна, регулируемая (в своей производительности) подъемом Нила. По крайней мере, с незапамятных времен, с эпохи, когда дельта была захвачена водами, культивируемая площадь мало менялась: наиболее заметным изменением было осушение Файума во времена Птолемея. В хорошие периоды эта площадь достигает и даже превышает 30 000 кв. километров. Во время Бонапарта,

¹ [Население и капитал в Средиземноморском античном мире.]

² Ук. соч., стр. 2.

которое соответствует периоду депрессии, площадь была более 20 000 кв. километров. Можно признать, что в древности эта посевная площадь колебалась между 25 000 и 30 000 километров».

В какой, однако, древности? Если дело идет об «исторической» древности с египетской культурой, то мы не имеем никакого основания возражать, как нельзя возражать против того, что за все это долгое время господствовал египетский язык. Но когда то же самое количество посевной площади, требующей, добавим мы, соответственного количества населения, есть попытка перенести во времена, названные «незапамятными» (*temps immémoriaux*), то тут мы не можем не сказать: при такой «короткой памяти», памяти исторических эпох, руки коротки, это эпохи так наз. доисторической жизни человечества, и мы, доисторики, имеем право, более того — долг, историкам с таким методом сказать: «руки прочь». Для нас в таком случае более приемлемо, как более реальное и неизмеримо более полезное для правильной светотени, общее теоретическое положение Маркса: «... Всякому особенному историческому способу производства ... свойственны свои особенные, имеющие историческое значение, законы населения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вмешивается человек».¹

Положение остается основным и при той материальной культуре, памятники которой, также оказавшиеся в Египте, весьма авторитетного специалиста Флиндерса Петри (Flinders Petrie) заставили довольно легко сближать Египет с Кавказом,² народонаселение бесспорно с иным образом жизни едва ли было столь многочисленно, сколь в эпохи, Кавеньяком освещаемые в отношении посевной площади и соответственной плотности населения на основании писаных исторических свидетельств. В связи же с этой материальной культурой, ее техникой, укладом жизни и мировоззрением у населения Египта той же архаичной эпохи и язык должен был быть и был, есть основание утверждать, еще на том этапе развития, от какого сохранились пережитки языков той же системы на Кавказе, и это независимо от показаний Геродота и без всякого влияния Азии, в частности Кавказа, как того желает Флиндерс Петри. Ведь и поразительные точки соприкосновения между позднейшими языками той же средиземноморской страны, египетским и коптским, с одной стороны, и яфетическими языками Кавказа, как то приходилось нам указывать и печатно³ и на докладах, в ряде случаев, могут получить разумное основание в том общем положении, что средиземноморские языки исторических культур, не только эллинской и римской, но и еврейской, равно финикийской и еще раньше египетской, являются дальнейшим развитием, разумеется, в пермутационном порядке тех или иных предшествовавших в том же или тех же районах языковых групп пережитой там системы.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1936, стр. 539. Привожу на всякий случай подлинный текст отрывка с тем для нас исключительно важным положением (т. I, 1933, стр. 665—666): «Es ist dies ein der kapitalistischen Produktionsweise eigentümliches Pöpopulationengesetz, wie in der Tat jede besondere historische Produktionsweise ihre besondern, historisch gültigen Pöpopulationengesetze hat. Ein abstraktes Pöpopulationengesetz existiert nur für Pflanze und Tier, soweit der Mensch nicht geschichtlich eingreift».

² The origins of the Book of the Dead, Ancient Egypt, 1926, стр. 41.

³ Абхазоведение и абхазы, Восточный сборник, изд. Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде, т. I, Л., 1926, стр. 135 и сл. [ИР, т. V, стр. 168 сл.].

Эти-то языковые группы и оставили свои следы в таких реликтовых языках, как яфетические языки Кавказа и Пиренеев, а также северной Африки, я бы хотел сказать проще — в том же «Средиземноморьи», если бы не приходилось в таком случае понимать для той эпохи чересчур расширенно термин «Средиземноморский район». Правда, в труде «Смытая потоном» или «Потонувшая цивилизация Кавказского перешейка»,¹ появившемся в 1923 г., американец Реджинальд Обрэй Фессенден (Reginald Aubrey Fessenden) сделал очень любопытный опыт помещения Атлантиды в восточной Европе и рядом с ней Атлантического океана по полосе Урала и Волги в направлении с севера на юг, где переживания этого океана он усматривает в Каспийском море и Аральском озере, причем Кавказ оказывается на перехвате между Средиземноморьем, со включением Черного моря, и Атлантическим океаном.

Если отказаться от исторической трактовки Атлантиды, а это, по всей видимости, неизбежно за отсутствием соответственных данных для решения вопроса о ней, то легенду эту трудно разлучить с мифом о потопе, различные версии которого не ослабляют, а укрепляют реальность некоей катаклизмы, захватившей все человечество в этот поворотный момент доисторического периода, с мифологическим, или дологическим, мышлением, поскольку доисторик располагает сейчас палеонтологическим методом в толковании мифов, т. е. мифологического восприятия реальных фактов.

Фессенден, поместивший Кавказ в центре между Атлантидой с северо-востока и Средиземноморьем с запада, указывает на факт неизвестности Гомеру Испании и предполагает перенос греками части мифологических походов, вообще мифов, равно племенных названий и топонимики с Кавказа на Пиренейский полуостров, включая сюда и повторение, мол, Кавказской Иберии на Западе, но, увы, при всем остроумии и ряде метких замечаний профессора математики и бывшего главного химика Эдиссона, кем является автор этой интересной работы, ему неизвестно, что топонимические и этнонимические термины, которыми он орудует, имеют очень сложную историю, и эта история не позволяет так легко тревожить их и не требует таких одиночных сдвигов, чтобы встретить их вполне основательно не только на Кавказе и на Пиренейском полуострове, но и в различных частях Африки, разумеется, в соответственных закономерных разновидностях происхождения. Во всяком случае для настоящего, находящегося пока вне всякого спора Средиземноморья, языки Кавказа — далекие обитатели, ушедшие из гущи средиземноморской лаборатории общечеловеческой культуры. Еще дальше ушли, следовательно, припамирские яфетиды, буришки, или вершики.

Допустим даже, что гипотеза Фессендена или работа над сродной мыслью о продолжении Средиземноморья в том или ином виде на восток в глубину Азии привела бы в такой мере к положительному результату, чтобы всерьез говорить о дохождении его до Гималаев, и с таким фактом получилось бы некоторое основание связывать нахождение пережиточных яфетидов у Памира; буришков, или вершиков, на восточном берегу этого проблематичного Средиземноморья

¹ The deluged civilisation of the Caucasus isthmus. Бостон.

с Атлантидой, как до наших дней дожили баски на Западе в Пиренеях, причем и у того и у другого народа звуковая речь родственной системы, одной системы с языками Кавказа, системы яфетической, и тогда мы не освободились бы от необходимости признавать отход народов с языками других систем еще дальше от Средиземноморья, отход их; в том числе массово говоривших еще на синтетических языках, аморфных полисемантически-моносиллабических, отход от Средиземноморья в целом, а не только с какого-либо его конца или с какой-либо его стороны.

Отошедшими в эти дни оказываются группы пережиточных систем, распределяемые по периодам их возникновения в следующем порядке:

I. Языки системы первичного периода.

1) Моносиллабические и полисемантические. В круг языков первичного периода входят: 1) китайский и примыкающие к нему по строю (особенность китайского языка — наличие окаменелостей в письменной речи),

2) языки средне- и дальнеафриканские живые.

II. Языки систем вторичного периода.

1) Угрофинские,

2) турецкие,

3) монгольские.

III. Языки системы третичного периода.

1) Пережившие яфетические языки,

2) хамитические языки (ближне- и дальнеафриканские).

IV. Языки системы четвертичного периода.

1) Семитические языки,

2) протоевропейские языки, или так наз. индоевропейские языки (классические письменные: индийский [санскрит], греческий и латинский).

С языками систем каждого из перечисленных периодов теснее сходятся и ближе стоят языки, дальше продвинувшиеся с северными народами — палеоазиатские и американские, а также австралийские с океанскими по связи со средиземноморской культурой через Азию, северную, особо ярко выясненную, и южную, или через Африку.

Но куда тяготеют иранские и кельтские языки? Туда же, куда и другие переходного типа от одной системы к другой, как, напр., языки Армении, переходные (два языка, — один древнелитературный от системы вторичного периода к третичной и четвертичной, другой — в горничного периода). Также с сильными переживаниями систем предыдущего периода являются языки славянские и германские.

О связях восточноазиатских языков кое-что можно найти в печати, частью в серии заметок под заглавием «Китайский язык и палеонтология речи»,¹ частью в статьях «Новый среднеазиатский язык и его числительные»,² «От шумеров и леттов к палеоазиатам»,³ «К пересмотру шумерского словаря. I. ши»,⁴ «Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи. § I. 'Пить' → 'вода'»,⁵ равно о связях с американскими языками в статье «Происхождение американского человека и яфетическое языкознание».⁶

Равно в печатных изданиях имеются статьи по финским языкам, да особо по чувашскому и турецким языкам, о которых можно справиться в «Классифицированном перечне печатных работ по яфетидологии».⁷ Здесь назову по непосредственному отношению к теме нашего доклада работу «Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков».⁸

Если у китайцев уже название лошади оказалось общим с финнами на Волге и романскими народами Западной Европы, причем обнаружилось, что в китайском и даже приволжских финских языках, т. е. в языках первичной и вторичной системы, слово это еще одноэлементно, в архетипе *val*, а в романских — двухэлементно, в виде народно-латинского *ka-val* и его разновидностей, то из только что совершенной поездки к берберам, собственно кабилам, располагаем материалами для сближения их речи то с турецким, то с финским языком, разумеется, с использованием не только приемов яфетической теории, но и материалов из яфетических языков. Подробностей я сейчас не буду приводить, их скоро можно будет прочесть в работе «Карфаген и Рим, *fas* и *jus*», печатающейся в ближайшем выпуске «Сообщений» Государственной Академии истории материальной культуры. Но позаимствую из нее один случай общности берберского слова с приволжскими финскими. Слово это значит 'земля'. Случай, действительно, любопытный, один из тех, которые являются внутренней проверкой утверждений, кажущихся непосвященным лишь смелыми или остроумными. Была установлена палеонтологическая связь коми, или зырянского, *ши* 'земля' с шумерским клинописным *ши* 'год' по двум положениям в семантике, одно из которых то, что космические предметы 'небо', 'земля' и 'преисподняя' обозначались одним и тем же словом, а другое то, что 'небо' и 'время', 'небо' (солнце) и 'год' обозначались одним словом. Понятно, значение 'земля' финского слова, комийского *ши*, было поддержано его разновидностями в яфетических языках; впоследствии в мегрельском было отмечено без изменения это зырянское слово *ши* в скрещенном двухэлементном термине *ши-циг-1*, означающем 'страну'. Однако во всех случаях, особенно в случаях самостоятельного, вне сложных слов, появления, мы имеем

¹ Китайский язык и палеонтология речи. I. 'Глаза' и 'слезы'. 'Глаза' космические — 'солнце' и 'луна'. II. Числительное 'два' и глагол 'считать'. III. 'Дуб ← хлеб' и 'дерево'. IV. 'Рыба' → 'вода'. V. Берская 'лошадь' от моря и до моря, ДАН, 1926, стр. 93—96, 109—112, 129—132.

² ДАН, 1926, стр. 133—134.

³ ДАН, 1926, стр. 135—136.

⁴ ДАН, 1927, стр. 7—12.

⁵ ДАН, 1927, стр. 82—84.

⁶ Восточный сборник Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде, I, стр. 176—192.

⁷ 2-е издание Института этнических и национальных культур народов Востока (в Москве).

⁸ Под знаменем марксизма, 1927, № 6, стр. 18—60.

от слова дефектную разновидность, ибо, как указывала сравнительная грамматика, полный вид слова должен был звучать *muḡ*, что и было выставлено мною как несохранившийся, презумированный, теоретически построенный архетип со звездочкой *muḡ, целью отмечавшийся в составном, гесп. производном слове языков шипящей группы (чанский, он же лазский, язык) *muḡ+ǵ*-1 'земляника', эквиваленте того же термина по свистящей группе (груз. яз.) — *maḡ-tki* (народное *maḡ-tki*).¹ И этот *muḡ* оказался непочато сохранившимся в берберском в значении 'земли', да не только 'земли', но и ряда сходных с ней в мифологические эпохи словотворчества представлений культовых, а затем и социальных, именно 'матери', и в берберском и в перечисленных языках.

Сейчас интереснее коснуться стороны другой, именно африканской, однако вопрос не о территориальной или особой расовой изолированности населения Африки, а об особенностях, свойственных вместе с африканскими языками и языкам, наличным в других частях света, в зависимости от того этапа развития, к которому принадлежат отошедшие в такие дали языки все из того же Средиземноморского бассейна. Об африканских языках различных систем, различных периодов образования (языков этих не меньше пятисот) в общем здесь не приходится распространяться. Между ними есть такие, которые стоят своей моносиллабичностью и полисемантической и по отсутствию письменности по сей день на той ступени развития, как аморфный или синтетический китайский язык; есть системы, сродные с так называемыми агглютинативными языками; есть системы на грани с семитической и яфетической системами речи. Так берберский. В частности, берберский мир трудно исключить в его первичном состоянии, свободном от арабских налетов, из круга тех яфетических языков, которые вместе с басками, иберами, этрусками, гурами, грузинами и прочими сородичами кавказского ныне окружения, да этрусками, иберами, лигурами, басками, гурами Пиренейского ныне окружения, составляли субстрат, на котором произросли и расцвели исторически известные культурные языки Европы, в первую голову классические. В статье «Карфаген и Рим, *fas* и *jus*» развиваю мысль о доисторическом для современных европейцев нахождении берберов, праберберов, на Апеннинском полуострове и восхождении к их речи многих важнейших терминов римской общественности, латинского культурного мира.

Но нам сейчас важны не эти одни формальные языковые связи, но идеологическое построение речи, мышление говорящих, когда мы касаемся африканских языков.

Не могу предварительно не остановиться на одной особенности первобытного мышления, как то разъясняет Леви-Брюль (Lévy-Bruhl) в своей книге «*La mentalité primitive*».²

«В первобытном мышлении, целиком мистическом и дологическом, не только данные, но даже рамки опыта не совпадают с нашими. Знаменитая теория Берг-

¹ К пересмотру распределения шумерского словаря. I. тп, ДАН, 1927, стр. 10; Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (К увязке языкознания с историей материальной культуры), изд. Кавказского историко-археологического института в Тифлисе, Л., 1926, стр. 3 [ИР, т. III, стр. 123].

² Стр. 93.

сона, настаивающего (*qui veut*), чтобы время мы воспринимали как количество (*quantum*), однородное по слиянию (*confusion*) живой длительности с пространством, которое является в том же слиянии однородным количеством, повидимому, неприложима к первобытному мышлению. Лишь в развитом уже обществе, тогда, когда ослабевают первичные мистические связи и проявляют склонность к диссоциации, когда усиливается навык внимания к связям второстепенных причин и их эффектов, пространство становится однородным в представлении, как и время начинает также становиться им. Рамки нашего опыта мало-по-малу намечаются (*se dessinent*), укрепляются и усганавливаются (*se fixent*). Значительно позднее, когда размышление дает нам возможность их уловить в уме, мы искушаемся предположением, что время и пространство — его (ума) составные элементы, что они врожденны, как некогда говорили философы. Наблюдение и анализ коллективных представлений в низших обществах далеко не подтверждают эту гипотезу».

Конечно, надо договориться относительно понятия «развитое общество». Ведь в конце концов и низшее общество имеет ступени развития: вообще первая же группировка людей, в отличие от группировок животных, представляет уже, по осознанности мотивов схождения, определенную ступень развития, и во всяком случае палеонтология речи реально вскрыла, трудно мне сказать, в какой степени, в подтверждение метафизически сформулированной мысли Бергсона, что в представлении первобытного человека не было различия пространства и времени: по палеонтологически установленной семантике время и пространство обозначались в то время безразлично одним и тем же словом, идентичным со словом, которым мы обозначаем наше представление о небе.

Это положение имеет громадное значение для вопроса о причинности. По мысли Леви-Брюля, для уловления причинности между мистическим восприятием природы, идентичным с мифологическим или дологическим, мышлением, и логическим мышлением у человека не было источника, который влиял бы на перестройку его мышления; у Леви-Брюля, таким образом, противоплагаются видимые и невидимые причины, как реальные и мистические, без всякой иной дифференциации; между тем опять-таки палеонтология вскрывает, что для усвоения причинности, независимой от невидимых мистических сил природы, недостаточно было располагать тем, что обычно называется видимым, необходимо было осознание видимого, в данном случае видимой причинности, и вот этот элемент осознания в признании видимых причин восходит не просто к отвлеченному созерцательному опыту и тем менее к какой-либо мистике, видениям, предзнаменованию, но к производству. Как звуковая речь возникла лишь на известной ступени развития материальной культуры, ибо до выработки орудия производства, уже отделанного и усовершенствованного, не было и не могло быть звуковой речи, так до определенного момента, эпохи нового сдвига в технике производства и с ним в социальной структуре, социальном быте, не было и не могло быть логического мышления.

Это важно усвоить не только как положение теоретического учения, но непосредственно и в применении к вопросу о распространении звуковой речи, а посред-

ственно и для того учета количества населения, которое представляет существенный интерес для языковеда-палеонтолога, интересующегося происхождением и развитием первичной 'звуковой речи'. Звуковой язык на первых шагах своего роста распространялся так же, как впоследствии грамотность среди неграмотных: человечество, массово говорившее еще кинетической речью, языком жестов и мимикой, ручным в основе языком, приобщалось к звуковой речи при соответственном уровне зачаточного развития созданной человечеством матерпальной культуры. При более же низком уровне развития материальной культуры в среде тех или иных социальных слоев, тем более при полном в некоторых частях света ее отсутствии и при связанном с ним дологическом мышлении, требовались, следовательно, громадные усилия, чтобы овладеть звуковой речью.

В то же время наблюдаемые в Африке переживания первобытного мышления абсолютно не связаны с местонахождением в этой старой части света, они связаны с определенной ступенью развития культуры в целом, где бы человеческая группировка ни находилась, и если мы их находим (беру крайние пункты) в Америке, Австралии и океанийской среде, вообще на периферии, но не находим в центре, Средиземноморском районе, то только потому, что здесь те стадии развития пережиты.

И потому получается та изумительная картина, что языковед в речи средиземноморских народов вскрывает палеонтологически пережиточные явления не только формальной стороны речи, но и идеологической, которые в Африке, Америке, Австралии и в Океании, вообще у народов так называемой первобытной общественности, наблюдаются в быту сейчас, по сей день, и нередко эти же явления пережиточно можно наблюдать в тех слоях населения Европы, которые общественным строем держались, да и продолжают держаться массово на тех же ступенях развития человеческой культуры.

Примера два-три по этой изумительной встрече результатов, добытых палеонтологией речи, с мышлением первобытных народов.

В работе, напечатанной года два тому назад, о «Происхождении терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории»¹ нами палеонтологически было установлено, что эти термины доисторического происхождения, еще тех, значит, времен, когда не было ни 'письмен', ни 'книг', но значение функционально эволюционировало, так как назначение письма было первоначально магическо-культовое, средство предохранения, самозащиты и т. п., и означало оно 'божество', раньше 'тотем', 'чудище', и совсем не случайно совпадение греческого *τέρας* (род. *τέραςος*) и *τέρας-ος* 'чудо' и слова *τερ* ← *τερ* 'письмо', сохранившегося у римлян лишь в скрещенном двухэлементном *li-tter-a* 'буква', на Кавказе самостоятельно у грузин в основе *ter* 'писать', у мегрелов и чанов в закономерных разновидностях *tar* 'писать', у армян *tař* 'буква'.

Что же мы находим у современных нам представителей того же первобытного мышления? «Когда одного туземца Трансвааля упрекал миссионер за то, что советуется с косточками, он ответил: «это наша книга; ты читаешь каждый день

¹ Книга о книге, изд. Института книговедения при Гос. Публичной библиотеке, Л., 1927, стр. 45—81 [ИР, т. III, стр. 219—245].

библию и ты в нее веришь, а мы читаем наши косточки».¹ Книжке, самому письму приписывается магическое действие.

В статье моей «Из пиренейской Гурии (К вопросу о методе)»² палеонтологически выяснено, что грузинское *si-zmag* 'сон', 'сновидение' называлось словом, первоначально означавшим самое 'божество', 'чудовище', 'тотем'.

Если раскроете «*La mentalité primitive*» Леви-Брюля и прочтете обстоятельно изложенные главы о сновидении у первобытных народов Африки и Австралии, то в точности найдете то мышление, с которым связано создание слова 'сновидение' не в одном грузинском, а во всех языках его системы или с переживаниями из языков той же системы.

В работе первой по *Ossetica-Japhetica*, именно «Факонд-и осетинских сказок и яфетический термин *faskund* 'маг', 'вестник', 'вещая птица'»³ установлен более чем достаточно устойчиво круг связанных с этим термином простых нарицательных слов, означающих 'пророка', 'звездочета', 'мага' и т. п., но на первом месте следовало поставить значение 'вещей птицы', в народных грузинских сказках *faskund*, именно 'птицы' общения нижнего мира с верхним, и дальнейшее культурное развитие тех или иных народов вещью птицу преобразует то в 'гороскоп' (у мегрелов), то в 'звездочета', 'мага' (это у народов с космическим мировоззрением и астральным культом), но народы более древнего этапа развития остаются при мировоззрении с 'птицей вещей', 'птицей-тотемом', и опять-таки достаточно развернуть соответственные страницы цитированной работы, чтобы видеть, где теперь находятся, куда заброшены социальные группировки, обратившиеся в племена, народы, с тем именно древнейшим мышлением, при котором только и могло произойти и произошло, конечно, созидание этого слова в средиземноморском культурном мире.

Ограничимся по фактическому осведомлению сказанным.

Можно ли вести действительно серьезное лингвистическое исследование над каким-либо отдельным языком, поскольку мы интересуемся генезисом, развитием и складом, конкретной системой его, без учета данных культурного облика народов всего мира, конечно, и их языков, однако не только формальной стороны, но и идеологической?

Можно ли отречься от положения: «Наукой об языке может быть признано только то учение, которое считается с особенностями всех языков мира и, исходя из учета конкретной системы каждого из них, не только отводит или намечает каждому из них принадлежащее ему место в среде всех, но и выявляет те пути и те рамки, в которых может и должна отныне протекать специальная работа над каждым языком, исчерпывающе углубленное исследование каждого языка?»

А есть такое учение? Есть. Это учение так называемая яфетическая теория, которая никем не признается в «серьезных научных кругах», и у меня даже возникло если не сомнение, то вопрошение, стоит ли продолжать лекции, восстанавливать курс в Ленинграде, Москве и где бы то ни было после бесплодной

¹ Lévy-Bruhl, ук. соч., стр. 425.

² Изв. Кавказского историко-археологического института, Л., 1928, стр. 52 и сл.

³ ИАН, 1918, стр. 2069—2100, 2307—2310.

своей многолетней по основному делу деятельности и тем более заниматься непристойным делом пропаганды учения, ни для кого из лингвистов не приемлемого.

И в самом деле, кому это нужно и какой смысл в том, что новая наука об языке привносит с собой в различных разрезах хотя бы то, что ко всякому теоретическому (но только ли теоретическому?) вопросу об языке приходится подходить с общезыковедной точки зрения, как она устанавливается яфетической теорией? Ведь обстоятельства сложились так, что не только так называемые индоевропейские и семитические языки, но также турецкие, с монгольскими с одной стороны, с угрофинскими с другой стороны, далее китайский, африканские, океанийские, равно австралийские, американские, подлинными так называемые коренные американские, все оказались в той или иной мере, но безусловно родственными друг с другом, а расхождения этих языков зависят от того, что архаичные системы языков отходили от центра языкотворчества и в основе они почти окаменело сохранились на определенных, пережитых всеми другими ушедшими уже вперед, ступенях развития языковой речи человечества. А раз это основное положение не говорит абсолютно ничего разуму адептов старого теоретического учения об языке, индоевропейского языкознания, то какой смысл в том, что в линии не только интересов, но и конкретной исследовательской работы нового порядка возникают работы, как-то статья «Из Пиренейской Гурии (К вопросу о методе)», где выявляются диалектические особенности гурийского говора грузинского языка и сулетинского наречия баскского языка в увязке друг с другом, и в то же время общность терминов материальной культуры и космического мировоззрения на такой палеонтологией вскрытой глубине, что попадаем в эпоху одомашнивания животных и что получается почва для совершенно реального толкования сохраненного греками имени Прометея, кавказского похитителя небесного огня? И способен ли уловить при таких условиях скованный старым учением ум и правильно воспринять смысл имеющей появиться в «Сообщениях» Государственной Академии истории материальной культуры другой работы того же порядка под заглавием «Карфаген и Рим, fas и jus», где трактуется о том, что не только топонимика, названия населенных пунктов средиземноморского культурного мира, но правовые термины римской общественности, право божественное, fas, и право гражданское, jus, унаследованы римлянами от яфетидов, средиземноморских яфетидов, к числу которых как пережитки относятся баски, что в живых, но относим мы и только что посещенных (увы, лишь теперь и на короткое время) берберов? И может ли в этом смысле быть приемлем в той же среде составленный с этой общей точки зрения на французском языке прочитанный мною в Школе живых восточных языков в Париже курс грузинского языка, ныне уже печатаемый в Париже? И естественно, если за только что совершенную поездку в Абхазию иначе я не мог формулировать доклад свой о том, что делается по абхазскому языку, как «Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык». Разве не понятно, как двукратно, если не трехкратно, с большим правом мы считаем единственно верным путем изучения грузинского языка тот, что намечается с точки зрения постановки нового учения об языке? Между тем вся эта новая

постановка со всеми предпосылками и подвергается остракизму в наиболее, казалось бы, компетентной среде лингвистов.

Итак, мы слагаем оружие. В самом деле выходит так, что за 40 с лишним лет работы над яфетической теорией мы не обрели в кругу специалистов-лингвистов ни одного верного последователя во всей полноте нашего построения, т. е., так же, как 40 лет тому назад, когда наше первое заявление о неизолированности грузинского языка и родстве его с семитическими было встречено со стороны весьма авторитетного ученого искренним смехом, какой естественно вызывается безрассудным предприятием, так же, как появление «Основных таблиц к грамматике грузинского языка» 20 лет тому назад не вызвало ни единого звука сознательного отношения и научного внимания к произведенной работе, так же в одиночестве приходится вести единоличную борьбу с громадными, необъятными языковыми материалами, оказавшимися веделимой массой одного языкотворческого процесса, одной сложной, но все-таки органически увязываемой глоттогонии, а известно, что один в поле не воин. И вот, следовательно, логический выход из положения, это отказ от дальнейшей беспцельной как преподавательской работы, так и научно-пропагандистской. И в самом деле, к чему уже так волноваться и торопиться? Вот изданный четверть века тому назад исключительный текст грузинской общественности и грузинской литературы, произведение Георгия Мерчула «Житие Григория Хандзтийского», попал в Англии в руки лица, окруженного грузинами и специально занятого темой этого порядка, лишь зимой минувшего года, после встречи со мной: не помог его популярности и перевод его на латинский язык. А это памятник — безобидный, не способный тревожить ничьего ни общественного, ни научного мышления. Совсем другое дело с яфетической теорией, вскрывшей, что есть лингвисты, но науки об языке доселе не было. При такой конъюнктуре не лучше ли молчать при виде голого короля? Так, вероятно, было понято сделанное мною в первой части нашего доклада заключительное заявление, подсказанное мне тем, что застал я в ближайшей ко мне среде по возвращении из-за границы, — о необходимости для меня прекратить дальнейшее изложение наших наблюдений. Это совершенно верно в отношении того, что и как я раньше читал. Кроме того, и чтение курсов и общественные выступления с докладами приходится делать в новой установке, учитывая смену слушателей. Наконец, беды не было бы, если бы я, действительно, отошел: ведь произошел бы лишь диалектический процесс с отбором сильных вперед, слабых, хотя бы со включением меня, на упокой. Но дело значительно сложнее, чем картина рыцарских времен с одним воином на ристалище.

Подобно единой глоттогонии, единому языкотворческому процессу, протекающему вот уже много десятков, более того, сотен тысяч лет, происходит процесс сложения нового учения об языке, так называемой яфетической теории. Процесс этот тянется не годы, а десятилетия, и разрастается не результат, а самый процесс и техника работы в такой степени, что если бы у захваченного его бурным течением работника был в распоряжении Мафусаилов возраст жизни, то не десятки, а сотни лет катился бы он по этой необъятной плоскости исканий

и так и не доказался бы до конца, хотя бы потому, что был бы окончательно запесен волнами вызванного им потока, потоками неисчерпаемых девственно не тронутых и трепетно ждущих творческого овладения, современной наукой замалчиваемых материалов, языковедных материалов.

Началось со скромного изучения языка, которого никто в Европе, в просвещенной Европе, систематически не изучал, как и без системы не изучали его в ней до последнего часа: речь идет о грузинском языке.

На первых слогах сложения этой теории попутчиками оказались лишь те, кому дороги были эти штудии по связи с их родным языком. Да и предполагаемый творец этой теории отнюдь не был свободен от того же стимула. Так стояла тогда самая разработка теории, ограничивавшая свой основной источник осведомления грузинским языком, да еще каким грузинским языком — древнелитературным и другими увязанными с ним письменными языками, в первую очередь армянским древнелитературным. Потому-то возникла армяно-грузинская филология.

Первые наши попутчики отошли на этом этапе развития яфетической теории, не только без участия к ее дальнейшему развитию, но и без особого вкуса к армяно-грузинской филологии, не воспринимавшейся общественностью той среды, куда они ушли. Эти первые попутчики, изъяв из теории говорившую их сердцу часть, естественно, яфетическую теорию общезыковедного значения обратили в теорию, отчасти как будто пригодную для грузинского языка, в грузинскую теорию, и ушли, таким образом, так же, как некогда, от центра мирового языкотворчества, Средиземноморья, уходил кто в Азию, кто в дальнюю Африку, с пережитой в нем стадией развития человеческой звуковой речи (это народы с аморфным, или синтетическим, складом речи, с односложными словами, без добавочной формы с неустойчивыми еще значениями, т. е. моносиллабизмом и полисемантизмом).

Следующий этап развития той же теории характеризуется увязыванием, научно поставленным, с грузинским языком (и соответственным освещением) родных ему языков из непосредственного же, именно кавказского окружения, в порядке ближайшей и дальнейшей близости все еще формальной структуры. На этом этапе развития попутчики оказались разноприродны по своей общественности, заодно с древнеписьменными кавказцами и некавказцы. Кавказцы-попутчики из древнеписьменных народов сосредоточились на своих языках, кто на армянском, кто на связанном с армянским курдском, кто на грузинском и в лучшем случае на ближайше связанном с грузинским мегрельском, а некавказцы, как неучастные к энтузиазму и увлечению кавказскими древнекультурными языками, источник своего увлечения обрели в бесписьменных языках Кавказа, в их удивительно своеобразных формальных сторонах. Обе категории попутчиков, а иногда лишь собиравшихся быть попутчиками, ушли на этом этапе развития яфетической теории совершенно так же, как от производственного центра речевой культуры, Средиземноморья, ушли некогда кто в глубокую Азию, кто в глубокую Африку с пережитой в нем стадией развития человеческой звуковой речи (это народы с установившимся уже значением слов,

более того, с делением слов на идеологически значимые и формально функциональные, народы с агглютинативным складом речи).

Наконец, третий этап развития яфетической теории — это открывшаяся по увязке вершикского языка на Памире и баскского в Пиренеях с яфетическими языками Кавказа перспектива единого мирового глоттогонического центра, Средиземноморья, куда оказались тяготеющими народы восточной Европы, чуваша и угрофинны, а за ними или с ними турки, монголы и дальневосточные народы, с другой стороны народы Африки. Ответвления идут и далее в новые страны.

Но значение Средиземноморья как производственного центра звуковой речи, центра глоттогонического, выступает все ярче и ярче с переживающими до наших дней на обоих его берегах, и африканском, и европейском, бесписьменными языками, теми, что предшествовали письменным языкам не только классическим, латинскому и греческому, но и египетскому, шумерскому и всем древнеписьменным наречиям; и при таких наметившихся средствах и удобствах увязать одни языки, как продукты тождественных эпох глоттогонии при ближайшем, следовательно, родстве (схождении), другие языки, как продукты различных эпох глоттогонии, в первую очередь для углубления наших представлений о глоттогонии, для формулировки четких и точных положений нам невольно навязываются для разработки языка Средиземноморья, обширного района всей Афроевразии, наиболее изученного и по истории материальной культуры, и по взаимоотношениям их, и работа здесь огромная, неотложная, ибо от фактически детального освещения палеонтологическим методом последовательности зарождения их различных систем, трансформации одной системы в другую, зависят правильная постановка генетического анализа всех отошедших в различные моменты языков, не исключая и яфетических языков Кавказа, Памира. Велика жатва, но нет жнецов. А где наши полутяпки? Спросите их. Только одно могу сказать: теперь некуда уходить. От разлагающих старое учение семян яфетической теории нельзя спастись ни в какой стране, ни в какой научной эмиграции, ни внешней, ни внутренней. Учение пошло гулять по миру, ибо новая общественность создает взаимное тяготение нового учения об языке и потребностей вновь самоопределяющихся бесписьменных и младописьменных народов не только Советского Союза, но и за его пределами, и подрастающее поколение жаждущих научной работы независимо мыслящих свежих сил из девственных в культурном отношении слоев населения не дрогнет перед карточными препятствиями, перед формальными построениями, как не потечет назад вольная река.

Есть два пути для приобщения к новому учению об языке теперь, когда читатель располагает, может пользоваться общим курсом, напечатанным Азербайджанским университетом в Баку.

Один путь это — сравнительная проработка двух языков в отношении их схождения и расхождений, ибо родство языков нами воспринимается, конечно, не биологически, а как результат определенного социального сближения на определенном этапе их развития, почему нам важны черты не только роднящие, но и разъединяющие, нам нужен анализ парно сближаемых языков и в их

расхождении, которые в свою очередь оказываются средством сближения с другими языками от эпох совместной общности на иных общих этапах развития звуковой речи.

Весьма поучительной конкретной иллюстрацией таких сложных взаимоотношений во всей полноте двух языковых типов являются схождения и расхождения грузинского и армянского языков, собственно четырех языков: двух грузинских, древнелитературного и народного, и двух армянских, древнелитературного и народного, причем выяснение этих схождений и расхождений устанавливает, что народные языки и грузин и армян обнаруживают типологически больше схождений друг с другом, чем народный язык грузинский с грузинским же древнелитературным или народный язык армянский с армянским же древнелитературным. Точно так же древнелитературные языки Армении и Грузии стоят ближе друг к другу, чем каждый из них к народному языку соответственной национальности, т. е. воочию выступает, что не существует национального, общенационального языка, а есть классовый язык, и языки одного и того же класса различных стран, при идентичности социальной структуры, выявляют больше типологического сродства друг с другом, чем языки различных классов одной и той же страны, одной и той же нации.

Темой того же порядка для усвоения нового учения об языке в грузинской среде могли бы послужить схождения и расхождения грузинского и французского языков. Это, конечно, относилось бы, относится к более архаичным, в значительной мере так называемым доисторическим временам. Ясное дело, что схождения и расхождения бывают различных измерений, т. е. различных измерений бывает так называемое «родство». Тема может составить предмет целого курса, что мы не теряем надежды ввести в порядок дня, но она, эта тема, очень сложна и более обширна по захватываемой глубине эпох. Казалось бы, легче рекомендовать и легче справиться со схождениями и расхождениями грузинского и русского языков, но нужно овладеть финскими и турецкими языками и особенно чувашским, в котором целый слой от той группы яфетических языков, к которой принадлежит грузинский. Этот же языковый мир, особенно финско-чувашский, в учебе везде экзотичен и в Грузии совершенно отсутствует.

Другой путь для приобщения к новому учению об языке может быть рекомендован молодым исследователям по языку из грузин (все равно, грузиновед ли он по специальности, или интересуется общим учением об языке), это — взяв названный краткий печатный курс, не скользить доверчиво и усваивать пассивно, что там преподносится, а проработать самостоятельно, например:

1) когда на 23-й странице [см. здесь, стр. 28] я пишу об отношении Боппа (Ворр) и Броссе (Brosset) к грузинскому языку, как индоевропейскому, и только, то было бы полезно ознакомиться с подлинной трактовкой грузинского языка, Боппом, равно Броссе, и проследить, как грузинский язык отпал от круга языков, изучавшихся индоевропейцами. Мои слова слишком общие: «Бопп, основоположник формального учения об языке, индоевропейского, один из основных языков яфетической системы, грузинский, кстати, тогда единственно изучавшийся и известный в научной литературе, разъяснил как язык индоевропейской семьи, и это

мнение готов был разделить (можно сказать, разделял) единственный тогда грузиновед Броссе, что не мешало ему отдельные слова грузинского языка объяснять родством его с семитическими языками. Это понятно, если учесть то, что Броссе, единственный предшественник мой как специалист-кавказовед в составе Академии наук, был, собственно, историк, менее всего лингвист». Не мешает установить попутно, знал ли кто-либо из круга самих индоевропейцев грузинский язык в какой-либо существенной мере.

Или, например, на 23—24 стр. цитованного бакинского издания у меня довольно суровое отношение к так называемой туранской теории. Справедливо ли оно? Я пишу: «... в эпоху возрождения и научного и общественного интереса к странам, принадлежащим к колониальным владениям Британской империи или к путям к ним, в частности к морским выходам в Средиземноморье, работавший в Англии лингвист Макс Мюллер (Max Müller), специалист по санскриту, филолог, изолированные, как казалось, языки Кавказа, в том числе в первую очередь грузинский, вместе с турецкими и финскими языками, вообще урало-алтайскими, относились к одной формально определяемой семье, агглютинативной, которая окрещена была в языкознании термином «туранская». Туранская теория долго продолжала существовать в умах ученых; под ее влиянием часть их, занимавшаяся загадочными для тогдашней науки мертвыми языками клинописей Месопотамии и Кавказа, эламским, шумерским, новоэламским и халдским, стремилась истолковать их с помощью грузинского, так Ленорман (Lenormant), Сэйс (Sayce) Гоммель (Hommel) и др., все они без всякого или без элементарно достаточного знания грузинского языка, единственного сравнительно лучше, во всяком случае наиболее изученного яфетического языка».¹

Здесь, собственно, затронуты две проблемы, одна об отношении грузинского, вместе с турецкими и финскими, герм. угрофинскими, вообще урало-алтайскими, к одной формально определяемой семье, агглютинативной. Ведь сейчас мы приходим к тому же утверждению, так в чем же дело? Вот также вопрос, который мог бы послужить активному слушателю или научному работнику по специальности темой для более сознательного усвоения наших положений.

Вторая проблема это яфетические языки Кавказа, у цитованных ученых просто кавказские языки, обычно грузинский, и языки клинописи Месопотамии и Кавказа, эламский, шумерский, новоэламский и халдский. Они находили в яфетических языках Кавказа ключ в разъяснении перечисленных клинописных языков. Ведь мы пришли к тому же выводу, и яфетидологи работают как будто с успехом над этим так давно указанным родством не только у нас,² но и в зарубежной Европе, здесь в единственной пока венской ячейке яфетической школы.³ Так в чем же дело? Вот третий вопрос, который может послужить темой интересующемуся для проявления его активности по усвоению нового учения об языке.

¹ [См. здесь, стр. 28—29.]

² И. И. Мещанинов, Халдоведение. История древнего Вана, включая древнейшие сведения о Закавказье. Система письма и чтение клинописных текстов халдов-урартов. Труды Общества исследования и изучения Азербайджана, № 10, Баку, 1927.

³ Robert Bleichsteiner, Beiträge zur Kenntnis der elamischen Sprache, Anthropos, т. XXIII, вып. 1—2, Januar—April 1928, стр. 167—198.

Более сильно вооруженный мог бы выбрать те вопросы, которые там же не только не доработаны, но и почти не затронуты, между тем они сейчас представляют требующую неотложного освещения проблему, так особенно вопрос о последовательном нарастании языкового материала, именно в первую очередь нарастании слов.

Нарастание языкового материала вообще уже выяснено и установлено в основных частях.

Звуковая речь начинается не только не со звуков, но и не со слов, частей речи, а с предложения, герр. мысли активной и затем пассивной, т. е. начинается с синтаксиса, строя, из которого постепенно выделяются части предложения, определявшиеся по месту их нахождения в речи.

Частей речи еще не было. Постепенно из частей предложения выделяются имена, которые служат основой для образования действия, т. е. глаголов переходных и впоследствии непереходных; имена существительные по функции становятся, служа определением, прилагательными, которые также выделяются; имена же (определенный круг имен существительных) становятся местоимениями, затем имена становятся союзами, и остальные части речи уже лишь производные от той или иной категории из перечисленных частей речи.

И все-таки глагол, тот именно глагол, который в некоторых системах языков, напр., семитической, представляет отправную точку для всех частей речи, самое последнее образование.

Таким образом, при выслеживании последовательности зарождения слов в первую очередь приходится останавливаться на именах, собственно тех звуковых символах, которые, не будучи, понятно, еще именами существительными в нашем смысле, давали представление о предметах, или которые, становясь фактически уже существительными, вмещали в представлении о них потенциально все части речи, и имя существительное, и его то или иное качество, или ту или иную форму его, или правомощность его в представлении первобытного человека замещать имя существительное и то или иное действие, связанное функцией этого обозначаемого таким существительным предмета.

Но вот перед нами, до стадальной классификации этих имен, вопрос об идеологической и формальной стороне самого зарождения слов и затем учет по совокупности всех слов доисторических стадий развития, и лишь затем классификация по стадальным группам, ибо этот основной вопрос, особенно ответственная проблема, никак не может быть решен одними лингвистическими изысканиями, раз новое учение об языке по яфетической теории увязывает рост и развитие речи, как и ее происхождение, идеологически с историей материальной культуры, общественных форм и надстроечных понятий, в том числе мировоззрений.

Таким образом, необходимо считаться с построениями изжитой доисторической человеческой культуры по данным археологическим, этнологическим и обществоведческим. Однако тут-то и *discrimen*, положение чрезвычайно критическое. Такого построения, да еще бесспорного, отнюдь не существует, и даже то, что считается общепринятым, расходится с фактами, которые устанавливаются палеонтологией речи. Дело в том, что с одной стороны возникновение звуковой

речи не могло иметь места до высокого развития орудия производства, так что, если говорить о палеолитической культуре, то звуковая речь могла возникнуть в одну из позднейших ее эпох. С другой стороны, столь высокое развитие звуковой речи, прошедшей несколько процессов, неизбежно длительнейших, с «пермутационной» ее проработкой системы в систему, требует большего количества времени, чем то, что обыкновенно отводится в истории создателю культурных ценностей, человечеству, между тем язык есть отложение именно культурного творчества.

Никаких натуральных слов не существовало. Слова создались с тех пор, как стала слагаться звуковая речь, в удовлетворение потребностей, возникавших с развитием хозяйственной жизни и социальной структуры коллективов в путях достигнутой в то время техники и в зависимости от мышления тех же эпох. Но создались слова не на пустом месте в путях отвлеченного мышления, хотя бы в увязке с общественностью и ее материальными предпосылками и ее мировоззрением, а в постепенно протекавшем диалектическом расхождении с кинетической речью, языком жестов и мимики, рядом с которыми элементы звуковой речи служили долго лишь подсобным материалом, ограничивавшим свое использование кругом предметов и представлений магического порядка. Когда же сложилась звуковая речь и вышла за пределы магических потребностей в мир обыденных предметов и представлений, победительница сраженной кинетической речи оказалась забравшей все достижения линейного языка: первичные слова и производные образования звуковой речи не что иное, как перевод линейных, или кинетических, символов, сигнализовавшихся рукой, на звуковые символы. И, конечно, техника этого перевода, вообще техника построения слова была не только формально, но и идеологически различна, как самое мышление в различных стадиях человеческого развития.

Вопрос не только в том, что до телеграфа, телефона и аэроплана не было соответственных слов, но в том, что слова не составлялись так, как составлены они. Не составлялись слова и так, как составлены более обыденные слова, напр., в русском «создатель», «совесть» или по-грузински *aḡtameuṇebel* 'строитель', *simdiš* 'совесть'. Это слова эпох логического мышления, слова, построенные по логически продуманному плану, а не по ассоциации образов и связанных с ними функций. Совсем другое дело такое также русское слово, как, напр., «топор», то же, что армянское *tapaṛ*; слово это описывает круг от Персии до Скандинавии и на юг до венгров и румын. Предполагается, что это вклад турок, принесших его от персов к славянам.¹ И такое голословное утверждение понятно при одном формальном методе, без палеонтологии, и при полном отсутствии представления о палеонтологии семантики, т. е. значимости слов. «Топор», орудие металлическое, представляет функциональное унаследование названия каменного топора, камня, что в свою очередь носило название руки, передавшей свое название

¹ Н. В. Горняев, Сравнительный этимологический словарь русского языка, Тифлис, 1896: «турки из Персии славянам». И. И. Огпенко, Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимствованных слов в русский язык, Киев, 1915, стр. 28: «из персидского *tabor* [не *tabor*, а *tabar* или *taber* и т. п.] зашло ко всем северным народам».

предмету, взявшему на себя ее функции, и отсюда это лишь семантические дериваты от руки, когда в линии предметов материальной культуры мы имеем слова, означавшие 'нож', 'меч', 'кинжал' и т. д., и т. д.

Но, как понятия надстроечного мира, не только 'желание', но и 'право', 'долг', оказываются в значениях терминов материального мира 'воды', 'руки', так и в связи с культовым значением тех же предметов материальной культуры, в частности и особенно 'руки', в ней увязаны с восприятием ее функции и космические, в частности астральные термины культа, и еще вопрос большой, чему надо отдать первенство по времени в классификации слов по стадияльным наращениям, когда речь идет уже о возникновении и семантической эволюции словаря звуковой речи.

Не будем углубляться во все стороны этой проблемы, удержимся от этого, но напомним лишь о двух вещах: одной, представляющей собой общеперспективное значение, другой — семантической детали, но чрезвычайно существенной, именно для того, чтобы разобраться в принадлежности различных слоев общечеловеческого словаря различным стадиям развития звуковой речи.

Пользуясь случаем, чтобы еще раз обратить внимание на важность общей схемы не только возникновения, но и развития звуковой речи, не только до окончательного сложения одного какого-либо языка, но со включением образования всех наличных ее основных типов, всех ее систем, так наз. «семей».

Этим вопросом вклиниваюсь в наше восполняющее печатный бакинский курс изложение; его обостряю и потому, что прослушанные за последние недели, по приезде из-за границы, доклады меня убедили в недооценке даже моими слушателями, в числе их лучшими учениками, кардинального значения того нового, ясно намечившегося общего построения об языках всего мира, которое требует не только приступа к новой работе и ее настойчивому ведению, разумеется, во всеоружии новой техники, но особенно и прежде всего нового лингвистического мышления. Надо переучиться в самой основе нашего отношения к языку и к его явлениям, надо научиться по-новому думать, а кто имел несчастье раньше быть специалистом и работать в путях старого учения об языках, надо перейти к иному «думанию», в этом смысле переучиться, а это, конечно (мы вполне понимаем, знаем по опыту), очень трудно сделать, а между тем без этого всякая технически, допустим, даже безукоризненно выполняемая работа как по усвоению учения об языке, так в дальнейшем по исследовательской работе ни к чему. Это будет бесплодный Сизифов труд с откатыванием назад да вниз тяжести, которую все-таки надо донести до верха.

Я вынуждаюсь конкретно подойти к этой болезненной стороне предприятия. Дело идет о взаимоотношениях языков всего мира. В бакинском курсе у нас подробный критический разбор попытки представить эти взаимоотношения в порядке наследственного размножения генеалогического дерева. В работе «О происхождении языка»,¹ напечатанной сначала в немецком переводе «Über die Entstehung der Sprache» в журнале «Unter dem Banner des Marxismus»

¹ [См. здесь, стр. 179—209.]

(стр. 58), затем в подлиннике в сборнике «По этапам развития яфетической теории» в 1926 г. (стр. 314) было помещено это генеалогическое дерево. И уже в 1927 г. мы должны были заняться его переработкой, как можно видеть по местам бакинского курса:¹ «Таблица требует иного построения, именно того, чтобы один столбец составляли яфетические языки (реликтовые), другой — все остальные. Но в таблице иных языков, неяфетических, иное положение: во-первых, диахронической перспективы нет между языками различных эпох по типу; есть хронология историческая, языки датируются временем их появления на историческом поприще, так романские языки, но только как носители определенной исторической, разумеется, классовой культуры, определяют время самого типа, который, однако, древнее. Потому-то романские и германские языки раннего типа, местоименно-агглютинативного или местоименно-флективного, языки более древние по типу, чем греческий и латинский, флективные, каковые относятся в пофлективные эпохи. В нашей таблице, имеющей считаться с реальной хронологией различных пластов, им отведено будет подобающее архаическое место.

«Однако такой новой генеалогической таблицей, приближающей нас к более правильному восприятию взаимоотношений различных систем в отношении времени, далеко не разрешается вопрос о наглядном представлении тех типологических эволюций, которые звуковая речь человечества претерпела на своем долгом пути.

«Прежде всего в таблице мы получим раздвоение: реликтовые яфетические языки, пережитки доисторических и дописьменноисторических языков, расположены будут отдельно, а языки систем письменноисторических эпох — отдельно, чего в реальности, конечно, не существует. И те, и другие системы — органически объединенные части того единого механизма, в котором протекает единый процесс глоттогонии (созидания речи), независимо от того, захвачена ли в данный момент им, этим процессом, совокупность речи всего человечества, активно ли действует в нем та или иная группа языков, или пассивно претворяется если не в новый вид, то в его разновидность, или точно бездыханный труп лежит без движения, живя завещанной статикой.

«Однако основной дефект таблицы будет не в этой разобщенности, а в отсутствии и намека в ней на смену эволюционных этапов в каждой из систем. По таблице можно будет подумать, что каждый язык или каждая однотипная группа языков представляет оформленное по новой системе порождение другой системы, точно процесс развития имеет узловые созидательные стоянки, различные творческие этапы, между которыми лишь прозябание. На деле же те стоянки или этапы — лишь поворотные или революционные. Они взрывают устоявшуюся среду и открывают новые пути, по которым постепенно и налаживается сложение нового типа и развитие, и на этих же путях зарождается расхождение, возникновение антитезы рядом с тезисом, дающее в итоге борьбы новое разрушение в революционном сдвиге на следующей узловой стоянке. Творчество в самом движении, не на стоянках, как не в начале, а в процессе непрерывного

¹ §§ 28—29, стр. 76—77 [см. здесь, стр. 67—68].

накопления и динамике материалов. Вначале — ничего. Про звуковую речь можно смело утверждать, что вначале — ни духа, ни материи звуковой речи. Когда намечается звуковой материал, то он, лишь ощупью используемый в путях заветанных навыков ручной, или кинетической, речи, сначала в ограниченном мире потребления, постепенно растет и создает так наз. дух, т. е. особую технику, вместо изжитой, в силу накопления рефлексов от идеологии новой жизни, так наз. психологизм, особый вклад, особую систему, естественно как удовлетворение определенной общественности на определенной ступени развития в определенных физических условиях — создает различную систему мышления, различную технику ее выражения в звуках, т. е. различную систему речи, кажущуюся наследием различных семей языков и в источнике если не даром бога, то даром природы, именно лишь развитием непосредственно животных звуков, так наз. речи животных. Язык во всем своем составе есть создание человеческого коллектива, отображение не только его мышления, но и его общественного строя и хозяйства в технике и строе, равно в семантике, но не в том упрощенном типе, как то мыслил наиболее к нам близкий по идеологии Нуаре с его предшественниками и последователями.

К диаграмме родословия языков мы возвращаемся не раз, в частности в том же курсе. Забрав нами же составленное упомянутое родословное дерево языков, в итоге выделения сложных взаимоотношений языков, которые обычно учеными так просто и наивно сближаются до признания особых расовых семей в их так наз. родственных чертах, собственно в схождениях и расхождениях социально-экономических, или, как сказано в курсе [стр. 78]: «в схождениях и расхождениях в источнике хозяйственно-государственного порядка», мы констатируем факт, что «сложные жизненные, конкретные их взаимоотношения не нашли своего [адекватного] выражения и в предложенном с поправками... нашем родословном дереве». Мы пробовали лишь тогда же «построить новую диаграммную фигуру связанности языков» и заранее осудили еще один намечавшийся опыт с изображением особо яфетических языков и особо всех остальных языков мира. Мы в общем успели лишь наметить материал для построения наглядной жизненной диаграммы, но самой диаграммы не дали, оставив ее осуществление на будущее время, как чисто-техническую проблему. Но осуществление имело тогда «основание быть отложенным не только по технической невыполнимости задания», да и не по тем только «более существенным затруднениям», о которых речь в соответственном месте курса.¹

¹ Стр. 78—79 [см. здесь, стр. 69—70]: «Мы не говорим о недостаточной еще яфетидологической проработке всех хотя бы основных представителей существующих систем языков, а полной вообще неисследованности и даже неизвестности в науке многих и многих языков, в числе их яфетических. Если бы мы стояли на точке зрения, требующей молчания, пока все не будет исследовано, то никогда ничего не последовало бы, и надо же немного брать пример с индоевропейцев, которые не стеснялись свои положения, выработанные на ограниченном круге подсудных им языков, обращать в положения общего языкознания, да и по сей день мнят, что они законодательствуют вообще в науке об языке. Вопрос, следовательно, не в том, возможно ли какое-либо действительно жизненное изображение в родословном дереве или в иной диаграмме взаимоотношения языков». Ясно, что такого жизненного изображения не получить при изоляции язычной надстройки, раз «язык во всем своем составе есть создание человеческого коллектива, отображение не только его мышления, но и его общественного строя и хозяйства — отображение в технике и строе речи, равно и в ее семантике».

Мы сейчас действительно начинаем уточнять взаимоотношения во времени в такой степени, что, например, системы семитическую и прометеидскую («индоевропейскую») языков относим, несмотря на расхождение во времени, в образовании одного и того же периода, четвертичного, точно так же, как языки третичного периода, яфетические, также выявляют себя группировками различной типологии, лишь с тем отличием, что эти типологически различные группировки, почти различные системы, в разрезе их диахронического освещения легко увязываются друг с другом, несравненно легче, чем семитические с так наз. индоевропейскими. И тем не менее мы и сейчас не можем не повторить следующих строк из изданного в Баку курса: «Хотя, таким образом, семитические языки представляют более древний этап развития, чем прометеидские [индоевропейские], но это не значит вовсе, что прометеидские языки во всех частях уступают семитическим в отношении древности языковых материалов и языковых норм, и еще менее это значит, что прометеидские языки вышли непосредственно из семитических языков, что прометеидская система языков есть дальнейшее развитие непосредственно семитических языков. Такая мысль явилась бы глубоким недоразумением. Яфетическая пирамида от индоевропейской отличается не только тем, что индоевропейцы, исходя из единства праязыка, ставили пирамиду верхом вниз, чтобы от единицы идти ко множеству, широкой раскиданности многообразных видов человеческой речи, а яфетидолог, исходя из одинаковости степени развития всех языков, многочисленных и не окрепших в своей формации, идет к нарастанию в определенных путях общего единого языка. Если бы дело обстояло так, то это значило бы, что одна простота и наивность заменяется другой простотой. Масса разнообразных в процессе творчества моментов требуют каждый особого учета».¹

В чем же дело? Дело в том, что сравнительная работа над языками различных так наз. семей языков, неизбежно сочетавшаяся с вызванным ею к жизни особым новым учением о значимости слов, семантике, открыв пути для обоснования палеонтологией речи, как идеологической, так формальной, вместе с тем уже выявила совершенно ясно и ярко значение времени в развитии языка, в его мутационных перестройках с революционными сдвигами не в одних социальных явлениях, но и в технике и технических факторах их порождения, т. е. когда дело идет о звуковом языке, то речь не только о продукции речевой культуры, но и о мышлении, между тем наше личное мышление с его техникой по нашей общественной принадлежности прошлому оказалось устаревшим аппаратом для верной оценки достигнутого практически и фактически теоретического построения о взаимоотношениях языков.

Утверждая непрерывную цепь смен во времени языков одной системы языками другой системы, упраздняя фактическими данными расово-пространственную изоляцию одних систем от других, мы все-таки продолжаем подходить к языкам с пространственными мерилami, дающими представление об учете лишь наследственного приращения себе подобных и количественного роста, а это куцый

¹ Стр. 59, § 15 [см. здесь, стр. 54].

учет лишь языкового производства, учет лишь продукции, а не учет творческой растущей динамики и с нею коренным образом мутационно преобразующейся глоттогонической техники. Таковы же, т. е. выявляют лишь статичность, родо-словное дерево языков и пирамида, хотя бы и стоящая натурально основанием на почве.

Существенная же семантическая деталь, это — общее положение яфетической теории, именно то, что звукоподражательность слов — позднейшее явление.

Вопрос нами затрагивался не раз, ему посвящен пространный пассаж в статье «О происхождении языка».¹ Я позволю себе повторить этот пассаж если не целиком, то в значительной его части.

«. . . При возникновении языка человек вовсе не располагал таким количеством слов, чтобы расточать их на осознанное звукоподражательное выражение тех или иных явлений. Самое явление, звукоподражательная природа многих слов, отнюдь нами не оспариваемая, — результат позднейшей эволюции в восприятии того или иного слова за звукоподражательное только потому, что говорящий привык сочетать данное слово с определенным предметом, имеющим, действительно, в природном своем проявлении звуковое оглашение, так, напр., для выражения звуков, испускаемых лошадью ртом и ноздрями, у русских слово «ржать», у грузин $\dot{q}v\dot{1}-\dot{q}v\dot{1}n$ -и. Конечно, русскому «ржанье» вполне представляется звукоподражательным, как грузину $\dot{q}v\dot{1}-\dot{q}v\dot{1}n$ -, и вполне естественно, так как тот и другой с соответственными терминами неизбежно ассоциирует определенные звуки. Но названные слова, как вскрыла палеонтология яфетического языкознания, возникли совершенно не от созвучия со ржаньем, а потому, что «ржанье» есть природное свойство лошади, ее характерный признак. Дело в том, что грузинское $\dot{q}v\dot{1}-\dot{q}v\dot{1}n$ представляет удвоенные основы $\dot{q}v\dot{1}n$, праформы $*\dot{q}v\dot{1}n \leftarrow \dot{q}v\dot{1}n$, что, как теперь известно, есть разновидность $h\dot{u}n-e \rightarrow \dot{h}u\dot{1}n-e$, означающего «конь», а русское «ржать» представляет глагол, произ одимый от основы «рж-», стянутой еще на яфетической почве формы слова $ru\dot{1} \rightarrow ro\dot{1}$, более древней разновидности основы $\dot{h}u\dot{1}$ слова «лошадь», и мы отлично знаем теперь, что груз. $\dot{h}u\dot{1}n$ и унаследованное от яфетидов русскими «лош» || $*to\dot{1}$ это племенные, в известных случаях тотемные слова, первое ионов, второе — этрусков. Следовательно, грузинское и русское слова, означающие «ржать», конечно, дают представление о звуках ржанья, но сами отнюдь в своем генезисе не отражают никаких звуков, ни в малейшей мере не звукоподражательны, а определяют ржанье как лошадиное или конское действие, буквально означая, да простится мне этот барбаризм, «конить» или «лошадить». Такова же история абх. $a+k\dot{1}r+k\dot{1}r$ -га «ржанье», арм. $\dot{q}v\dot{1}r-\dot{q}v\dot{1}nd$ id, бск. $i-r\dot{h}i\dot{1}n-s\dot{1}r$ -и и $sa\dot{m}a\dot{1}r-k\dot{1}na$ «ржанье». Дело в том, что каждое слово звуковой человеческой речи есть в источнике акт осознанного, а не аффекционального или произвольного действия. Животная речь пользуется в своем зачаточном состоянии аффекциональными средствами, данными природой, у одних звуками, напр., у птицы, у других движениями, напр., у муравья. Звуковые средства птиц громадны в отношении пения, но это произвольный звук, это не звук языка. В языке не

¹ ПЭРЯТ, изд. Института этнических и национальных культур народов Востока СССР (Москва), Л., 1926, стр. 318—320 и сл. [см здесь, стр. 199—200].

звук, а фонема, отработанный человечеством членораздельный звук, сопровождаемый работой мозгового аппарата, раньше влиявшего в тех же целях на руку, звук, направляемый мышлением, как раньше направлялось им движение руки, жесты и мимика линейной речи. Движения муравья в свою очередь не располагают и особым технически приспособленным орудием. Движение тут всего тела. Животный звуковой язык может лежать в основе позднейшего звукового художественного творчества человека, пения, музыки, а вибрация тела может лежать в основе линейного художественного творчества, пляски и т. п. Ни тот, ни другой путь не вел к человеческой речи».

Но вопрос не только в том, что изначальная звукоподражательная речь одно недоразумение. Так обстоит дело и с материальным чувственным восприятием ряда для нас ощущаемых понятий, напр., 'ветра'. Казалось, 'ветер' — это дуновение, что в наречении 'ветра', возникновении этого термина, повинно чувственное восприятие этого стихийного явления.

Конечно, от 'ветра' глагол 'дуть', но 'ветер' не от глагола 'дуть', как 'лошадь' не от 'ржать'. Ветер также воспринимался подлинным первобытным человеком, его дологическим или мифологическим мышлением, как явление космическое. Это важно как нелишний момент для датирования возникновения звуковой речи, более того, сложения ее уже хозяйственно-необходимого словаря, ибо такое космическое восприятие могло быть лишь на позднейшей, более высокой ступени человеческого развития. Космическое восприятие вынуждало увязать 'ветер' с 'небом', с его 'движением', 'кружением'. Мы знаем из дальнейшего развития словаря, что архитектурные термины 1) 'арка', 'свод' — это 'небо', 2) 'колесо', — это 'небо', 3) 'колесница', — это 'небо'. Не вхожу в детали, когда в виде положения «часть по целому» — по 'небу' 'солнце', а 'солнце', гесп. 'луна', и 'глаз', равно 'круг', 'колесо' идентифицируются. Потому-то, когда по-грузински говорят в смысле 'колеса' — *igmsi žval-i*, буквально, как будто, 'глаз арбы', или употребляют в значении 'считать' — *žvla*, 'он считал' *žval-a*, буквально, как будто, то же, что грузинское *žval-v-a* 'сглазить', точно грузины счет вели глазами, как писал один из монах корреспондентов, математик из Телавы, то в первых двух случаях с одним обычным ныне и с давних исторических эпох в грузинском значении 'глаз' нам не понять приведенных выражений, не понять их без палеонтологией воскрешаемой стадияльно более древней полисемантической слова *ž-val* (древнелит. *žo-wal*), рядом с 'глазом' означавшего 'светило неба — солнце', гесп. 'луну', так что *igmsi žval* 'колесо' буквально могло быть понято 'солнце', гесп. 'луна колеса'; и трудно в грузинском глаголе 'считать', совпадающем с именем луны, не усмотреть измерения количества по луне.

Так и 'ветер' это 'вихрь', 'кружение' и т. п. Посему, когда мы в грузинском имеем основу с эканпом *ber* в глаголе *ber-v-a* 'дуть', то имя *ber*, как и его эквивалент с аканием *bar* (мегрельское, чанское *o-bar-i* 'дуть') и оканием *bir* (отсюда русск. «буря», грузинское *bi-q id.* из *bir-q) в семантическом архетипе, увязанном с 'небом', увязано не с 'дуновением', а с 'кругом', как, напр., налично то же слово в груз. *brū* (← *bir*) 'кружение головы', да в грузинском удвоенном *bor-bal* 'колесо', равно увязано то же имя с 'головой' и 'горой' (пучковое зна-

чение 'голова+гора+небо'), как то мы видим в груз. *bor-ḡi* 'холм', баск. *bor-tu* 'холм', сулет. 'гора', лат. *mont-(mons)* 'гора' и т. п. и бск. *bir-u* 'голова', чув. *риш* 'голова', да не забыть, что по 'небу' наречен не только 'круг', но и 'шар', герс. 'мяч', следовательно, сюда же груз. *bir-ḡ* 'мяч'¹ и т. д. и т. д.

Равным образом, хоть груз. *qar* 'ветер' теперь в глаголе *qr-is* значит 'дует', *a-qr-obs* 'тушит', 'гасит' но, собственно, *qar* ← *gar* ← *kar* (для группы с аканием закономернее иметь 1 в. г), при окании *gor* и т. п., по семантическому архетипу увязано с арм. *kar-q* 'повозка' ('колесница'), с груз. *gor-av-s* 'катится', 'вертится', с груз. *go-gor* 'колесо', с бск. *goy* → *go* '*небо' (с утратой исходного плавного) и с *gul* ↔ *gol* (вм. более для окающей группы закономерных разновидностей *gig* ↔ *gor*) в значении 'головы' в составе скрещенного арм. *gəlu-ḡ* (*kol+o-ḡ*, русск. «гол+о-ва»), впрочем, и с груз. *goḡ-a* 'холм' (*gor-ak*), мегр. *gol-a* → *gwal-a* || ↘ *goy-a* 'гора', мегр. *gor-e* 'маленькая гора', русск. «гор-а» и т. п.

Помилюйте, как же по языку свистящей группы с аканием, именно грузинскому, такие основные, можно сказать, коренные слова с огласовкой то *o* ↔ *u*, то «е»!! Но что делать, когда такова история сложения грузинского языка в результате скрещення, без которого не возникал и не развивался ни один язык. Грузинский язык не примитив с одним аканием, его фонетическая норма о двух огласовках — «а» и «е», ему же не чужды целые ряды слов с губной огласовкой *o* ↔ *u*. Но факт, что присущие ему разновидности с аканием существовали в тех же значениях; так слову *bor* ↔ *bir*, что от элемента В, в грузинском следовало бы быть *bal*, и оно налицо в удвоенном, вернее — скрещенном груз. *bor-bal* 'колесо'; слову *gor* ↔ *gig*, что от элемента А, в грузинском следовало бы быть *gal*, оно и пережило в груз. *gig-gal* 'буря' (из *gig-gal). А самостоятельно разве не существует *bal* 'шар', 'мяч' и *gal* 'ветер'? Конечно, да. Их сохранили: первое французы в *balle*, англичане в *ball* и т. д., с хорошо известными значениями, не исключая 'мяча', второе — англичане в *gale* 'ветер' с диапазоном от 'легкого дуновения', 'ветерка' (*breeze*) до 'бури', в языке моряков.

Подробнее можно бы остановиться на терминах 'рука' и 'нога', которые, как оказалось, первоначально носили одно название. Более того, будучи производным от 'ноги', 'салог' функционально унаследовал культовое значение 'ноги'. Но это обстоятельство разъясняется в работе «Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык».² И если в этом разъяснении профана может смутить не мотивировка увязки, а сближение русского с абхазским или грузинским, когда русское слово «мочь», оказавшееся не случайно созвучным абх. *mə* (*a-mə* 'сила' [✓ *məḡ*], *məḡ-la* 'силой'), поскольку прослеживается это слово 'сила' до его семантического архетипа 'рука', представленного тем же словом, элементом В, в яфетических языках Кавказа, в грузинском, мегрельском, чанском, абхазском, по формуле *mag* † *mor*, resp. *mod → *moḡ* ↘ *mḡəḡ*, то совсем иное дело, мало

¹ Н. Я. Марр, Из яфетических пережитков в русском языке, Г. Мяс, ДАН, 1924, стр. 65—66 [ИР, т. V, стр. 111—116].

² Изд. Яфетического кабинета Восточного института, стр. 25 и сл.

вразумительное и для свободомыслящего, когда 'рука' и 'нога' оказываются разнovidностями одного и того же слова, означавшего и 'ногу' и 'руку', почему в самом русском первая часть скрещенного слова «но+га» (не касаясь даже его полного вида пош 'рука', откуда «несу», «ношу», «ноша» и т. п.), именно по-, сохранила пережиток безразличного обозначения и 'руки' и 'ноги' в производном «но+готь» (*но-go-te), буквально переводимом палеонтологически на яфетической почве 'дитя рукп', resp. 'ноги' (ближайше 'пальца' безразлично руки или ноги), как груз. ფრ-ფრღი из ფრ-ფრღრ (ფრ 'нога', ср. груз. ფერ-რ, и ფრღ 'дитя', ср. чанск. skir 'сын') 'ноготь' и потому же абхазский эквивалент того же русского по-, пменно па, значит 'руку' в скрещенном а-па+рə 'рука', как скрещенная основа составного русского слова «сапо-г», пменно са+ро- (франц. sa+bo-t, бск. sa+pa-t), означавшая некогда 'ногу', с этим значением и сохранилась у абхазов в слове а-ша+рə 'нога'.

И трудность восприятия не в этих сближениях, а в чуждом нашему мышлению факте, что 'рука' и 'нога' были наречены звуковым словом не как члены тела, анатомически воспринимаемые по их физической функции, а как увязанные по магической функции в нераздельном действе — пляске, пении и игре, с предметом культа, луной и солнцем, и носящие их название.

Уже усвоение этого мышления, первобытного мышления, нам непривычного, требует громадных усилий для преодоления. Но усвоение первобытного мышления не так трудно, да оно и не ключ само по себе, не «сезам, откройся». Труднее стать на новое общественное мышление, из которого вытекает, как то мы вынуждены теперь признать, новое учение об языке. Мы также не осознавали этого, как того, что марксизм присущ яфетической теории, что яфетическая теория представляет, как оказалось, приложение и оправдание марксизма в области языкознания. Отсюда ясно, что самое трудное для восприятия нового учения об языке не необходимость овладеть множеством языков, не необходимость справиться со сложной задачей увязки языковых явлений с историей материальной культуры, форм общественного строя и мировоззрений, тем более не необходимость усвоить технику нового учения, технику возведения всех языков мира к четырем элементам и учета результатов разнообразных скрещений. Трудность исключительного характера в необходимости овладеть новым мышлением, требующимся для теории нового учения об языке, ибо это значит одолеть или победить себя, поскольку человек это мыслящее существо и расстаться с своим мышлением представляется по традиции актом самоотречения — отказом от себя. Новое учение об языке требует отречения не только от старого научного, но и от старого общественного мышления. Вот почему так трудно стать лингвистом-теоретиком.

Сдвиги в технике языка и мышления¹

(К движению в науке за Октябрьское пятнадцатилетие в национальностях СССР)

С завершением пятнадцатилетия, совпавшим с первым годом второй пятилетки, мы вклинились в разгар социалистического строительства, не только назревшего за это время исторически, но и реализуемого в гигантских стройках материального производства на хозяйственном фронте, и связанное с ним идеологическое производство; в частности мы свидетели сдвигов в языке и мышлении в путях максимального содействия и качественному повышению производства и втянутым в него, вслед за рабочим классом, крестьянским массам и всем трудящимся в перевооружении для работы по-новому. Независимо от указанной целевой установки наш метод исторического изыскания ведет всегда от близкого к дальнему, от родного к чужому, от известного к неизвестному, в языках — от новых к старым, от устных живых к так наз. мертвым письменным — классовым (в классовых же переделках иногда они и ныне бытовые — первобытного общества), в области материального производства — от памятников материальной культуры позднейших и современных бытовых к древним и древнейшим. Такой метод требует идти в своих изысканиях от современного к прошлому, тем более, когда с одной стороны предмет темы — язык с неразрывным с ним мышлением в освещении революционной теории и с другой стороны наша современность революционная, т. е. перед нами протекает процесс революции — современной, актуальной, и в такой актуальной современности новая языковедная теория, когда она не только революционная, но и материалистическая, и диалектическая, не может не признать исследовательской лаборатории исключительной значимости как для своей проверки, так и для своего дальнейшего более углубленного развития.

С такой установкой нашей темы связано и особое оформление самого доклада. Шесть тезисов — это шесть лучеиспускающих для нашего доклада пучков, которые неизбежно установлены языковедно, но отнюдь не являются вехами для порядка нашего изложения.

Пятнадцать лет советской жизни представляют собой пробег такой скорости, что им отмерена длительность целого века с содержанием, создающим на наших глазах эпоху мировой значимости, историческую эпоху, не редчайшую, но единственную. Она единственна по коллективной осознанности его массовыми творцами самого процесса революционного сметания старых устоев и их техники, революционной перестройки и гигантостройки с их техникой в материальном мире. Она единственна в наши дни по темпу процесса развертывания идеи революционного творчества во всех категориях надстройки, во всех науках и искусствах, но наиболее глубоко и рельефно, наиболее четко и внятно и с наибольшей быстротой процесс развертывания идеи революционного творчества дает себя знать

¹ [Доклад, читанный на юбилейной сессии АН СССР, посвященной 15-летию Октябрьской революции. Напечатан в Трудах ноябрьской юбилейной сессии, изд. АН СССР, 1933, стр. 517—536.]

в той категории надстройки, которая своей идеологической техникой настолько близка ныне всем народностям мира, настолько одинаково сроднилась со всеми социальными, даже классово различными массами, настолько в то же время срослась с физикой каждого члена, где нации, где племена, где кланы, что, пользуясь ею во всех видах материального и идеологического производства, да и вне трудового процесса, как орудием и способом выявления своей отображенной в ней коллективной воли и коллективной энергии, — мало кто ощущает ее наличие, и никто, натурально, не замечает ее независимого от природы, от собственной природы существования. То, что творится языком или на языке, — это давно хорошо всем известно. Но как творится сам язык, техника его созидания и техника отправления им многообразных функций, — это для громадного большинства населения всего мира лежит за семью печатями, одна из которых — сам язык, вводящий в заблуждение или поддерживающий заблуждение наличием в нем бесспорных явлений в верхних слоях его накоплений. Так, например, у русских «язык» обозначает и анатомическую часть полости рта, и самую «речь». Натурально, казалось бы, ибо ведь языком говорят, да еще и «язык» мужского рода; а между прочим у немцев два слова для «языка», и оба женского рода: одно для анатомической части — «die Zunge», им, однако, нельзя производить действительного глагола «говорить»; другое для речи — «die Sprache», от него и во всяком случае с ним в неустранимой связи «sprechen» «говорить», с той же техникой мышления, что в анатолийском турецком *di-me + q* «говорить» от *di* «язык»; у немцев есть еще «sagen», у русских «сказать», «молвить», «говорить». Какое-то столпотворение, и никого оно не смущает, так как это неорганизованная, предполагается, натуральная продукция случайных встреч и заимствований. Европой в этот хаос введена организованность, но эта организованность формальная: ее мало трогает не только то, что для «языка» различные слова у русских и немцев, что их два у немцев, оба женского рода при одном русском «язык», и том мужского рода, но и то, что общее (предполагается, у ближе родственных) римлян и французов слово для «моря» «*la mer*» по-французски женского рода, а по-латыни среднего рода *mare*, как русское «море» (среднего рода) и нем. «*das Meer*», но оно не только родом отличается от французского, будучи двухэлементным: ВА. У языка явно есть философия, но и после Великой Французской революции и философия языка и ее техника продолжали лежать под покровом за семью печатями. Французская философия XVIII века не дошла даже до того, чтобы языку вернуть его философию, мышление, не говоря о технике мышления. Французская революция не совсем дошла и до языка. Создав множество академий, она отвела место лишь одному французскому языку, как «национальному» художественному творению с красотами, но не языку вообще с его техникой. О языковом мышлении, о «языке-мысли» и намека нет до Ленина, а Октябрьская революция создала ряд языковедных исследовательских институтов, в том числе один, посвященный специально языку, в составе АН СССР, сменивший свое наименование «Яфетического института» на название новой ступени своего развития «Института языка и мышления». Что же? Разве это институт создал предпосылки подобного достижения, когда он осознал себя очагом исследования не только языка, но и мышления? О нет. Это

вклад той огромной работы сотен и более национальностей, из коих восемь десятков уже сейчас вооружены письменностью, это вклад огромной работы раскрепощенных Октябрем национальностей, работы каждой из них не только над своим родным языком, но и за свой родной язык, т. е. за осознанную национальность, что придает исключительный эффект в деле углубления анализа языка, для обогащения теории познания сравнительно с тем, что по тому же предмету способно было дать и дало противопоставляемое ему достижение Великой французской революции, когда во всей перестроенной из многоязычной Галлии-Франции с десятками некогда самостоятельных языков лишь французский был осознан гражданственно национальным. Из десятков некогда самостоятельных языков Галлии ныне во Франции в первую голову выступают два лишь языка (в скобках, скажем, две группы языков), стадияльно отличной, каждый по-своему, от французского языка системы. Один по своей системе и технике из так называемых палеолитических эпох первобытного общества без представления о социальной дифференциации при первичном матриархате — баскский; другой, бретонский, — из эпохи того же первобытного общества, но с отображением социальной дифференциации — матриархата и патриархата, как у семитов, однако с 'ковем' (marq, kezek), только-только вытесняющим 'пса' (kī, мн. pas, в древности kon ↔ kun 'псы', 'собаки', груз. hipe 'лопадь' и русск. «конь», но арм. шип 'пес') в охоте и транспорте, со слабо дифференцированной общественностью в степени смены женского пола мужским простым доморфологическим приемом — перестановкой определителя с лицевой стороны слова, фасада его построения, на задний план, на конец: например, в собирательном термине gens (pl. t.) 'лица', 'персоны', 'личности' (множественное число).

Тема, по самой обширности охвата, настолько трудна при каком угодно подходе, хоть самом примитивном, что было бы мало приравнять докладчика к безумцу, собиравшему бурю в сито. Пришлось бы прикрепить этикетку более отрицательного яркого образа, если бы при нашей установке изучения языка, учитывающей не только язык с неразрывным мышлением в себе самом, но и в сложной связанности с материальным базисом и со смежными категориями надстройки, он вздумал бы всерьез уместить в отведенное ему время разъяснение в целом всей пространной темы, хотя бы содержания выставленных им в программе шести тезисов. Мысль наша — наметить достижения по сдвигам в языке и мышлении (собственно, как сказано в заголовке тезисов, — в технике языка и технике мышления) с целью подойти к их освещению и движению за Октябрьское пятнадцатилетие у различных национальностей, из коих никак не может быть исключен и русский язык как национальный.

Тема, товарищи, нет надобности предупреждать, ответственнейшая; для высококвалифицированной аудитории настоящего собрания торжественной юбилейной сессии в стенах 200-летней Академии наук — труднейшая, и чем более аудитория квалифицирована, доходя в своей квалификации по той или иной специальности до предельной высоты мирового значения, тем более возрастает ответственность за тему, усиливается понимание ее трудности в степени до конечной грани, за которой уже нет никакой почвы, т. е., говоря попросту,

тема — мало сказать — смелая, дерзкая, она имеет все основания быть отнесенной к той также высшей ступени дерзновения, которая обращается в свою противоположность, а именно будь наша специальность практикой боевого дела — в трусость, в научно-исследовательской работе по теории — в легкомыслие. Все эти прекрасные качества, явно худшего порядка, для научного работника отнюдь не улучшаются от другого еще обстоятельства, неслучайного, всем, не сомневаюсь в том, невольно приходящего в голову и, можно сказать, не без основания. Это обстоятельство не что иное, как претензия иметь суждение о предмете ведения иной, всем хорошо известной специальности — философии. В буржуазном мире дружески оспаривают друг у друга право на компетенцию в философии доселе противоположные две не школы какой бы то ни было ступени и какой бы то ни было целевой установки — исследовательско-профессиональной или профессионально-просветительной, — а два процветающих в школах и за их пределами, казалось бы, непримиримых течения. Оба они одинаково, как хозяева, направляют, если не ведут, или претендуют направлять общественную мысль строительства не только идеологического, но и материального. В результате не своих только умозрительных успехов, но и уровня и качества умозрения массового состава населения, одни из них, действительно, ведут все виды капитального строительства, как техники; другие руководят в роли невидимых рулевых и материальным и идеологическим строительством, отнюдь не гнушаясь пользоваться в своем мировом масштабе идеалистически организованном деле достижениями своих непримиримых врагов, наряду с успехами своих друзей во всех отраслях науки и техники. Это, с одной стороны, «научная» философия буржуазного мира, математическая она или химическая, главенствующая по космоизму охвата своего предмета, будь то астрономия или химия, будь то физиология, биология или иная научная область того же порядка, чем более точная и математически уточненная, тем более отметающая из своей компетенции в своих специальных изысканиях все, что стоит за пределами оперативного производства этих изысканий, в том числе и язык, как математика отметаает его в своих построениях, обходящихся вполне без бога и языка (для многих также создания бога или природы, что все равно в данной контрверзе, стоящей вне компетенции и физиологии и биологии). Наоборот, сама религиозная философия наиболее рьяно вторгается в своих планово развиваемых теоретических изысканиях в языковедение и, разумеется, в его философию, особенно по вопросам мышления и в связи с языком, притом отнюдь не исключительно в религиозных журналах и сериях.

У нас нередко налицо прекрасные мысли и факты, особенно в критических суждениях против стабилизовавшейся во всем мире языковедной установки, хотя эти как будто прекрасные мысли стоят в противоречии с основными стимулами их (самих авторов) интереса к лингвистике. Приведу отнюдь не единственное и наиболее яркое место по вопросу о происхождении языка из труда 1926 года хорошо известного по имени во всем языковедческом, этнографическом, археологическом мире патера, ныне кардинала, Вильгельма Шмидта (Wilhelm Schmidt) касательно одной из новых теорий, именно динамической, по которой людям предоставляется *dynamis, potentia*, 'способность' созидания языка, поскольку

эта способность в конце концов дана богом. Поэтому авторитетами сторонники динамической теории используют отцов церкви — Григория Нисского, который защищал Васяля Великого, Августина, Фому Аквинского и поэта Данте. «Однако, — замечает с нарочитой язвительностью Шмидт, — поскольку о средстве и способе (Art und Weise) самого осуществления ничего далее конкретного не высказывалось, то перед нами и здесь нет, собственно, никакой теории происхождения языка, а лишь речь об источнике языка, о речевой способности человека, об его разуме и об его орудиях речи, которые предрешиено разъясняются как создания бога», и затем, направив подготовленное так построение против более серьезного противника — Вундта, Шмидт продолжает: «Когда Вундт характеризует эту теорию, несколько резко, как трансцендентализм, то он прав. Ему надо было, однако, признать то, что в динамической теории выступает открытый трансцендентализм, тогда как его самого, Вундта, эволюционизм, однако не что иное, как замаскированный трансцендентализм, созданный для того, чтобы дать возможность совершить обходную переправу через широкую и глубокую пропасть между человеческой и животной душой, так как, по собственному признанию Вундта, нельзя прямо заполнить ее, перебросив через нее мост на основании наблюдений.»¹

В журнале, редактируемом самим Леви-Брюлем (Lévy-Bruhl) «Revue philosophique de la France et de l'étranger» за текущий (1932) год, М. Дебьен (M. Desbiens) трактует непосредственно проблему о взаимоотношениях мысли и языка, точно она не разрешена. Она в буржуазном мире, действительно, не разрешена и не разрешима, — ни во Франции, ни за ее пределами, — и тут физическая география ни при чем. Не разрешается она и в Германии, несмотря на основание в ней особой языковедной философии — Sprachphilosophie, ярким представителем которой ныне является известный лингвист Аман.

Товарищи, не может быть действительного осознания языка вообще там, где говорящие на нем, как на родном, коллективы, нации это или иное социальное образование, лишены права осознать себя равноценными гражданами своей страны. Этим не исключается потребность, порой и положительная, в знакомстве с трудами буржуазных лингвистов новейшего толка. Учесть приходится даже явно несостоятельные суждения Дебьена — отнюдь не потому, что они помещены в серии, редактируемой укрепителем хоть одного шага в мобильности самого мышления, раньше казавшегося стабильным, неизменчивым, Леви-Брюлем, создателем научного представления об изменчивой функциональности самого мышления, — наличия иного мышления, дологического, у так наз. диких племен колониальных стран. Однако дологическое мышление оставляет без моста для переправы не одну, а две пропасти: одну между животным мышлением, т. е. мышлением без осознания, и человеческим мышлением, и другую — между мышлением первобытного или доклассового общества и логическим мышлением. Это — немая карта для историка первобытных эпох, это — карта не исторической категории. Это — буржуазно-классовая лазейка, чтобы через нее, эту подсобную их идеологии науку загнать все колониальные народности, не только

¹ Sprachfamilien und Sprachkreise der Erde, стр. 23.

заморские, но и внутренние метропольной страны, — загнать в клетку, как этнографическую редкость, этнографическую ценность (как, например, во Франции — бретонцев), но не историческую категорию своей страны. Во-вторых, новое учение об языке своей палеонтологией речи, конкретизирующей марксизм на специальном речевом материале, вскрыло, что ни одной первобытной народности, ни одного первобытного племени на свете не существует: числящиеся у буржуазного мира первобытные, дикие коренные народности колониальных стран находятся на весьма высокой ступени своего исторического развития; ими пройдены различные ступени одной и той же лестницы восхождения человечества в движении от звериного, животного состояния до предельной высоты буржуазного мира, откуда дальнейшие пути без тулика действительно в коллективном лице Октябрьской революции открыты марксистско-ленинской философией, а в идеологии намечаются и палеонтологически обнаженными на речевых данных пройденными уже ступенями в развитии языка и мышления. Конечно, есть ценное в работах порядка статьи Дебьена, с постановкой прямо вопроса о связи языка с мышлением, в частности, настойчиво отстаиваемая в нем громадная роль образа в увязке языка и мышления. Еще более ценна рядом появившаяся в той же «Revue» статья Р. Рюже (R. Ruge) «La connaissance comme fait cosmique» («Знание, как космический факт»), так как и языковедная философия может быть творческой, не обреченной на гибель лишь при органической увязке с закономерностями космоса, следовательно, и природы. Так, например, нельзя, строя общее учение о человеческом языке, возводить его без признания и учета открытия Дарвина о соматическом происхождении человека от обезьяны, но космос языковеда для его работы по специальности должен быть охвата в пределах его исследовательской компетенции, исходить от языковых фактов, как общей, так, не менее, частной, хотя бы мельчайше частной значимости, причем во взаимоотношениях частное получает силу для подкрепления общего лишь тогда, когда частное вылуцчивается из расщепляющегося общего в отраженных в языке и мышлении путях диалектической противоположности целого и части, результата противоречия и борьбы в материальном базисе.

Однако в этой доведенной до конца за юбилейно совершившиеся годы языковедной работе — стройке по-новому — советская наука не имеет никакого основания, не может иметь ни вкуса, ни аппетита искать поддержки от религиозно или идеалистически направленных и даже материалистически устремленных, но нечетких, без диалектики, умов исследователей-теоретиков и при постановке первыми прямо вопроса о связи языка и мышления, как то находим у Дебьена, и при напряженной работе вторых над бесспорными положениями вроде того, что «физический мир имеет не только природу, но и историю» или «содержание науки нас обязывает почтить ум (l'esprit), как новорожденного (nouveau-né — последнее порождение) эволюции». Сущность их построений не изменяется от опубликования их в «Философском обозрении Франции и зарубежного мира», органе отнюдь не «духовных», а светских мыслителей-ученых. Нам, языковедам нового учения, ближе математики, физики, т. е. те, кто совершенно игнорируют язык, не ведая, что порой языковедение их поддерживает. Так, профессор точных наук в Парижском универ-

ситете, член Института, автор книги «La valeur de la science» («Значимость науки»), «La science et l'hypothèse» («Наука и гипотеза») и др. Анри Пуанкаре (Henri Poincaré) не знал, что приводимые им попутно фигуральные сравнения на помощь сухой математической аргументации в целях оживления и более легкого конкретного восприятия отвлеченностей, представляют реальность, как то вскрыто давно палеонтологически новым учением об языке. Так, заканчивая свой труд «La valeur de la science», он пишет: «И, однако, — странное противоречие для тех, кто верит во время, — история геологии нам показывает, что жизнь лишь короткий эпизод между двумя вечностями смерти и что за этот даже короткий период сознательная мысль имеет получить длительность и будет длиться лишь один момент. Мысль — молния среди долгой ночи. Но ведь эта молния и есть все».

Мы оставляем на ответственности специалистов утверждение, что две вечности — предшествующая и последующая за жизнью, лишь безрадостная, беспросветная смерть. История — не смерть, а предшествующая короткой жизни и последующая за ней вечность — категории исторические. Но анализ термина 'мысль' вскрыл, что 'мысль' — 'свет', 'искра неба', 'луч солнца', 'молния'. Постольку афоризм члена Института Пуанкаре, что «мысль — молния среди долгой ночи», «мысль есть все», находит историческое оправдание в языке, однако с одной оговоркой: «у этой молнии, мысли, есть хозяин, ее создатель», это людской коллектив. Ее создало первобытное общество в трудовом процессе. — так не только говорит, но воочию показывает новая языковедная теория на конкретном языковом материале.

Но всего сказанного мало. Докладчиком осознается отнюдь не в меньшей степени, наоборот, в большей, несоизмеримо притом качественно большей степени, не только ответственность, но и вся эта трудность и вся сложность темы. Однако он решился поставить ее при таких неблагоприятных auspiciis, т. е. в обстановке неблагоприятных предзнаменований, без смущения и с полной уверенностью за конкретный и практический успех дела, отнюдь не претендуя на какое бы то ни было вне круга своей компетенции вторжение в чужие области знания, в мыслях не смея тревожить таким вторжением в роли самозванного или незванного гостя хотя бы бесспорно и тесно связанную с языком и мышлением философию. В то же время, безоговорочно признавая эту связь философии и языка, он настаивает с принятием полной ответственности на том положении, что в отношениях этой связи отнюдь не последнее значение принадлежит языку в современном двухмоментном восприятии речи, всякой речи, всякого конкретного языка, вообще языка, определяющем его действительную сущность, изменчивое мышление и изменчивые средства его выявления, более того — настаивает на том, что окончательное решение вообще философских проблем, состоятельное и в то же время возможно наглядное их решение в историческом и нераздельном с ним философском разрезе если не достигается, то иллюстрируется наиболее четко на данных языка.

Но оставим, допустим, чуждую компетенции языковеда философию. Какой предмет, товарищи, существует в мире с возможностями познавания его в причинности без исторического обоснования, без учета не одного, а двух противо-

положных движений, именно самого предмета объективного, ставшего таковым из объективно-субъективного, и его хозяина-исследователя, из объективно-субъективного становящегося и субъективным, и объективным.

Ведь сам предмет наш — речь, как объект исследования — не один, не простая единица, язык не один, а единый в диалектическом единстве языка-формы и мысли-содержания, языка-оформления с его техникой и мысли-содержания в качественной действительности, мышления с его техникой. В исследовательской лаборатории перед нами выступает, под исследовательский резец подводится не эта диалектическая единая двойня сама по себе или сама в себе, а ее, по существу их обоих, языка и мышления, два движения в диалектическом единстве. Но этого мало.

И эти два основных движения познаются изучением их, языка и мышления, техники и их же технологически важных мировоззренческих накоплений в четко устанавливаемых взаимоотношениях на конкретном речевом материале, да, это основное, не вразброс, но в конструктивной увязанности памятников идеологического производства, отображающих материально на преодолеваемых трудовым процессом по производству сложного коллектива производительных силах своей и противоборствующей вне стоящей природы — что преодолевающих, что отображающих, товарищи? Лишь функцию, действительную функцию их самих, языка и мышления, а это — творчество материального производства и общественности по производству, однако с учетом воздействия надстройки, идеологического производства. Это все? Отнюдь нет. Язык в актуальном восприятии (язык-мысль, как подметил Ленин в одной из своих решающих вопросных аннотаций) и техническом своем движении, действии, следовательно, язык-мышление, это продукция идеологического производства, как то выявляет с наглядностью ощущаемых явлений новая языковедная теория, воздействует обратно на материальный базис, также изменчиво и в сложных, сложнейших путях, опять-таки не в постоянных, а изменчивых. Словом, доведенный, казалось бы, до тончайших клеток в извилинах мысли в своей конкретизации, марксизм на языковом материале раскрывает в языке широчайшие свободные пути дальнейшего движения, творчества, исключает тупик, снимает, точно призрак, точно паутинные заграждения, всякие препятствия, угрожающие создать, казалось бы, тупик.

Еще последнее, однако, философски основное, языком освещенное положение в отношении все той же сложной проблемы о воздействии надстройки, в данном случае языка-мышления, на материальный базис сводится к взаимодействию времени и места, как двух моментов одного явления — пространства, — до расщепления их; при учете, однако, мобильности или изменчивости всех трех элементов идеологического восприятия мы получаем протяжение, смену пространства с двумя моментами, уже выделенными, временем-длительностью и местом-пространством. И весь строй языка-мышления, как синтаксис, так морфология, восходит к этим двум моментам, причем раздельное по этим моментам воздействие на материальный базис происходит лишь по отрешенному от материального базиса восприятию нашего мышления, как бы в нарочито созданной пустоте, в общественной же действительности такая пустота исключается, она вне со-

циальных законов, она выходит за их пределы, ибо пустота — это общественно смерть. И стоит споткнуться на проблеме смерти попыткой биологического оправдания мысли об индивидуальном восстановлении физически умершего в жизнь, как изменяем марксизму, впадая или в вульгарный материализм, или в религиозную мистику, в первую голову — христианство с его учением об индивидуальном спасении отдельного человека. Мы мимоходом касаемся этого пункта, затронутого нами по необходимости, в связи с неделимостью воздействия двух моментов языка-мышления на материальный базис, именно времени → движения → динамики → действия, в схоластической грамматике глагола-действия, в синтаксисе — активных падежей и целевых частей сложного предложения, и места → пространства → стоянки → опоры, в грамматике состояния, среднего глагола, в синтаксисе — пассивных падежей.

Думаю, достаточно слегка затронутых сторон, выявляющих диалектическое развертывание отраженного процесса жизни на конкретном материале языка и мышления, чтобы понять специфическую трудность и сложность не со стороны разъяснения, а со стороны восприятия. Эта сложность и трудность происходит, прежде всего и больше всего, от такой коренной смены и идеологии с техникой мышления и выявления ее с техникой оформления, в результате которой общепринятые термины получают совершенно новые значения.

Вообще техническая терминология не выдерживает никакой критики, и если этот дефект в настоящее время взлома собственнических районных хозяйств, например, в транспорте, и смены единым хозяйством социалистического строительства по всей территории многих десятков национальностей, и изумительного разнообразия названий одних и тех же частей оборудования железнодорожного, в пределах распространения и одного языка, хотя бы только русского, влечет за собой неувязки в движении, нередко катастрофические, порою вплоть до крушения поездов, — то недостаток терминов и их качественная недостаточность в изложении теории являются основным источником непрерывных катастроф, т. е. искажений, а то и постоянного крушения в успешном ходе нового учения.

Достаточно сослаться на недоразумение с термином «подход». Он учеными старой школы понимается в смысле физического движения, хода с приближением к или дохождения до предмета исследования, и берется под прицел игривого юмора или серьезного опорочения: в самом деле, современные ученые все подходят, мол к теме, да так и не доходят. Их смущает и то, что «пробавляются одними критическими статьями «по вопросу» или «к вопросу» чего-либо и за недостаточностью времени нет действительной научной деятельности». Основное недоразумение в механическом понимании «подхода» заключается в том, что говорится не о ходе просто-напросто до того или иного предмета, а о способе постановки вопроса и работы над ним, т. е. методе, да и метод — не шаблон, и с современной точки зрения, когда у предмета исследования вскрылось множество аспектов, самый лучший, единственный метод реализуется не одним подходом. Требуется соответственно сложная работа над предметом исследования; если же брать его в целостности, хотя бы без совокупности связанных с ним интересов, то преодолеть можно предмет исследования лишь при игнорировании многообраз-

ных его связей с окружающим миром, но полученная тогда «действительная» научная работа окажется недействительной.

Дело тут, однако, не в самих отдельных терминах, а в целом традиционном представлении, обволоченном обычными или привычными связями наличного мировоззрения во всех отраслях научного знания, где причинность наблюдаемых явлений ученый не ставит во главу угла своих теоретических поисков. И здесь опять-таки самое наше утверждение об игнорировании причинности в зависимости от обволачивания привходящими обстоятельствами, обычными связями наличного мировоззрения, требует авторитетного и убедительного разъяснения с ответом на вопрос «почему» и «как».

Товарищи! Раньше для такого по авторитетности и компетенции решающего арбитра обращались за справкой к иностранным специалистам, но в вопросах философии, в частности когда такой бесспорно философский вопрос возникал в отношении языка, — этот фетиш иностранной компетенции снят с исследовательских весов и сменен авторитетом натуралистов, специалистов по природным явлениям, по естественно-производительным и энергетическим силам природы. Даже такая важнейшая обществоведческая проблема, решающая судьбы истории человеческих, собственно людских образований, его дальнейших победных трофеев или роковых осечек, как одомашнение животных, в частности собаки, доселе разъяснялась натуралистами, а никак не обществоведами, менее всего лингвистами, среди которых не только эта проблема, но даже первый обществоведчески естественный, первый и основной вопрос о мышлении вовсе и не ставился. Естественно в такой обстановке обратиться к авторитету одного из наших коллег-натуралистов, который, к тому же, сам прибегает к аналогии в явлениях из быта человеческого, и в то же время, обосновывая свою мысль на данных своей непосредственной специальности, дает захватывающего интереса разъяснение, мы бы для точности сказали — подтверждение того, что вскрыто новым учением о языке,

Дело идет у нашего уважаемого коллеги о силе сопротивления традиционных представлений в естественных науках, и зачем нам вновь формулировать наше языковедческое разъяснение, когда нужная формулировка причинности неудачи научных достижений дается в области знаний, пользующейся славой основного источника и за пределами ее компетенции.

Это происходит у натуралистов даже в такой преуспевающей отрасли, как электрический ток. Академик В. Ф. Миткевич посвятил специальную работу «К вопросу о природе электрического тока»¹ тому, «чтобы возможно более обнажить ряд недоразумений, вытекающих из наших традиционных представлений об электрическом токе, и показать, что мысль о вероятной ошибочности этих представлений имеет достаточные основания».²

Здесь не одна теория, «но воз и ныне там». «Трагизм положения электронной теории заключается в бессилии ее, — решительно отчеканивает академик Миткевич, — объяснить самый простой и принципиально самый важный, основной случай

¹ «Социалистическая реконструкция и наука», вып. III, 1932, стр. 41—66.

² Ук. соч., стр. 66, § 20.

электрического тока, характеризуемый отсутствием ряда осложняющих обстоятельств... Восемьдесят лет прошло с тех пор, как Фарадей высказал свои сомнения в правильности наших обычных представлений об электрическом токе, но и теперь, когда практическое использование электрической энергии получило уже широчайшее распространение, а вместе с тем и теория электромагнитных явлений приобрела, казалось бы, большую законченность, во всей остроте стоит вопрос: в чем именно заключается явление электрического тока?»¹

Особенно ценно для нас разъяснение академиком Миткевичем устойчивости традиционных представлений, до степени непреоборимости, в самой компетентной среде, среди ученых специалистов, да еще по этому предмету с наиболее яркими достижениями в кругу естественных наук.

«Если бы мы начали изучать движение материального тела, — читаем у Владимира Федоровича, — исходя из случая достаточно вязкой среды, в которую помещено рассматриваемое тело, то основные законы динамики материальной системы были бы в высокой степени замаскированы приходящими обстоятельствами, связанными с сопротивлением среды, и потребовались бы значительные усилия для того, чтобы суметь отвлечься от различных вторичных сопровождающих явлений и выдвинуть на первый план принципиальные свойства движущейся системы. К счастью, наблюдения многих явлений природы и надлежащим образом поставленный эксперимент позволяют нам без всяких затруднений исследовать реальный процесс материального тела при отсутствии или, точнее сказать, при полном отсутствии сопротивляемости среды. Мы привыкли совершенно отчетливо разбираться в основных законах динамики, исходя из простейших случаев. Но если бы человечество существовало в некоторой достаточно вязкой среде, от которой оно не умело бы освободиться и за пределами которой оно не могло бы ничего наблюдать, то весьма возможно, что, изучая движение материального тела в обычной обстановке, мы привыкли бы смотреть на добавочные движения сопротивляющейся среды и обоснованный наличием среды постоянный расход энергии при движении в нем тела как на существенную и принципиально неотъемлемую сторону изучаемого движения. Нечто, в высокой степени аналогичное, мы можем констатировать в отношении наших [натуралистических. Н. М.] традиционных представлений об электрическом токе, протекающем, напр., по некоторой проводниковой цепи, сопротивление которой не равно нулю. Мы очень склонны рассматривать как нечто весьма существенное и имеющее принципиальное значение в вопросе о природе тока то движение электрона, которое несомненно имеет место в объеме обыкновенного проводника и обуславливает выделение джоулева тепла. Нам чрезвычайно трудно отказаться от подобной точки зрения, и это кажется совершенно невозможным. Все это происходит вследствие того, что до последнего времени мы не знали проводников, лишенных способности преобразовывать энергию электромагнитного процесса в тепло, т. е. элементов беспорядочного движения, элементов вещества в объеме проводника. Мы привыкли рассуждать только о таком токе, который нагревает проводники

цепи и создали терминологию применительно к данной обстановке, благодаря чему нам трудно отрешиться от установившихся взглядов, когда мы пытаемся понять основные процессы, происходящие в простейшем случае электрического тока, т. е. тока в сверхпроводнике».¹

Разница между исследовательским делом натуралиста-теоретика и обществоведа та, что открытие первого можно проверить на опыте. После установления трех основных положений Максвеллом они были полностью подтверждены непосредственно опытами Камерлинг-Оннеса, которому удалось реально осуществить сверхпроводник, правда, 40 лет спустя, но все-таки «непосредственным опытом», а обществовед-лингвист может проверить экспериментально процесс смен сдвигов в мышлении, лишь будучи современником революционных событий, да и тогда, если он вооружен выработанными к этому времени инструментами совершенно особого порядка, именно мыслительными, и овладел современной по целесообразности техникой языка и мышления.

Одно, отнюдь не единственное, из числа основных отличий в инструментариях и экспериментальных наблюдениях обществоведа-лингвиста — это то, что орудие и способ исследовательского опыта должны быть на высоте не зрительных и слуховых только восприятий, но и мыслительных, в уровень с актуальной современностью восприятий, с развитой чуткостью соответственного осознания.

Сам предмет исследования — иного порядка. Он одновременно сам по себе мертвый, как отвлеченность, и живой — в конкретной среде, а в обобщении, как справедливо утверждает Ленин, — мертвый. Это нас лишает возможности в докладах в общей аудитории быть доступными в аргументации, ибо каждый пример, когда он живой, встречает сопротивление у каждого говорящего и неспециалиста, получая свое привычное субъективное понимание.

Часто эти понимания верны, даже когда субъективны, ибо они — продукция пережитых стадий, когда они стадияльно были объективны, но из объективных успели стать субъективными. Коренные революционные смены настолько все изменили, что мы рисковали бы вызвать смех сообщением самых серьезных наших утверждений, обоснованных палеонтологически на языковых данных.

Сказать, хотя бы, что мировоззрения не только Пифагора, но и Протагора, вообще стойков и мифических личностей, приписываемые им философские положения, не исключая диалектических — это мировоззрения всего человечества, собственно первобытного общества на определенной стадии, присваиваемые Средиземноморью и особенно грекам только потому, что они их записали и развивали, и в связи с этим, разрешите сказать, требуется новый подход к философии и Аристотеля и Платона, коренной пересмотр мнимых их противоречий.

У основоположников марксизма, в том числе Ленина, есть целый ряд оправданных наступившими впоследствии событиями суждений по общественному строительству, политике внутренней и внешней.

Недавно в Доме ученых КСУ в Москве акад. Г. М. Кржижановский в докладе своем о достижениях капитального строительства за 15 лет советской власти

¹ Ук. соч., стр. 50—51, § 8.

зачитал два документа — суждения Маркса: одно о предстоящей революции в России, собственно о развертывании пролетарской революции в отличие от буржуазной и победном ее исходе, другое — о возникновении революции в Китае и имеющем последовать за ней вмешательстве Европы с характеристикой ряда существенных моментов в развитии событий.

Первое суждение, выдержка из «18 Брюмера», гласит:

«Буржуазные революции, как, напр., революция XVIII столетия, быстро несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты — один ослепительнее другого, люди и вещи как бы утопают в бриллиантовом огне, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего зенита, и обществу приходится пережить продолжительное похмелье, раньше чем оно в состоянии трезво усвоить себе результаты своего периода бурных стремлений. Напротив, революции пролетариата, каковыми являются революции XIX столетия, постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются на ходу, возвращаются к повидимому уже сделанному, чтобы еще раз начать сначала, жестоко-основательно осмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот от прикосновения к земле набрался свежих сил и снова выпрямился еще могучее прежнего, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создано положение, отрезающее всякий путь к отступлению, пока сами обстоятельства не закричат...»¹

Второе суждение — из статьи «Революция в Китае и в Европе» — гласит: «... Можно смело предсказать, что китайская революция бросит искру в сильно заряженную мину современной промышленной системы и вызовет взрыв давно подготовлявшегося всеобщего кризиса, за которым, когда он распространится за границу, непосредственно последуют политические революции на континенте. Любопытное будет зрелище, когда Китай вызовет потрясения в западном мире, между тем как западные державы с помощью английских, французских и американских военных кораблей будут насаждать «порядок» в Шанхае, Нанкине и в устьях Большого Канала... Во всяком случае вмешательство западных держав в такое время может лишь придать революции более насильственный характер и вызвать застой в торговле».²

В обоих случаях суждения Маркса по соответствию действительности даже в деталях оказались — было бы неправильно сказать — пророчествами: это научно обоснованные прогнозы.

Соответствия действительности разительные, но поскольку речь идет о событиях общественных, да истории, это в конце концов понятно. Нельзя, однако, Маркса, Энгельса, Ленина считать лингвистами по профессии. Тем не менее их суждения по всем основным, да и многим детальным явлениям речи новым учением об языке не только оправдались при ранее не существовавшем палеонтологическом анализе нового учения об языке, но они реализовались на конкретных языковых фактах за это истекшее пятнадцатилетие в полное подтверждение

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 326.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IX, стр. 316—317.

суждения Ленина об языке, как материале, на котором надлежит развить теорию познания. Это также не пророчество, не чудо, не мистика. Указывать ли на безграничную работоспособность Маркса, громадное накопление им динамически необходимых знаний, громадную его действительную эрудицию, беззаветную его преданность революционному делу пролетариата, нераздельно его идее и боевой практике и научно-исследовательской по политехнически многостороннему живому делу и по живой в работе сказочно растущей теории, безукоризненности живого метода? Кто этого не знает. Это банально. Ссылаться на гениальность? Товарищи, это можно сказать про Ленина, Маркса, но это не решает вопроса «почему», а лишь перемещается повелительно в иную опять-таки ступень нашей среды и по месту, и по времени, отсрочивает в будущую историческую эпоху, но это нисколько не решает нашего по специальности и по теме доклада дела, когда мы ищем ответа в марксистско-ленинской философии на вопросы «как» и «почему» даже в отношении себя. Новая языковедная теория, совершенно независимо от личных данных ее работников и их общественной среды, наоборот, со сменой их и в противоборстве с ними, росла со сказочными темпами в приращении все новых и новых специально лингвистических достижений уже не по этапам с приращением количественных свойств, а по ступеням с повышением качественности. Эти ступени с осенних дней Октябрьской революции 1917 г. сменялись не по пятилеткам, а по отрезкам времени с длительностью в четыре и того меньше годов.

Уже в 1921 г. осознала она себя, как новое учение, с четкой идеей необходимости создать особый Институт яфетидологических изысканий Российской Академии наук, и в 1922 г. появился первый номер органа уже учрежденного годом раньше института под названием «Яфетический сборник», первые строки предисловия которого гласят: «Отчаливаем в широкое безбрежное море, не имея претензии наметить гавань на другом берегу. Мы и не стремимся к тому берегу, так как в нашем деле «того» берега нет. Тот берег лишь для покоя». К 1924 г. выкристаллизовывается положение, что индоевропейские языки не привнес миграции говорящих на них народов, а вклад новой стадии, новейшей в развитии языков первоначального населения.

В 1926 г. теория о четырех лингвистических элементах окончательно закрепляется, окончательно отменяется доводами лингвистическими и материально-историческими расовая теория происхождения языка. В предисловии книги «По этапам развития яфетической теории» провозглашается лозунг, по существу гласивший: «кто из яфетидологов отселе не будет исходить из марксистского учения, тот исключит себя из числа яфетидологов, будь то и тот, кто слышет за создателя этой новой языковедной теории».

Однако четыре лингвистических элемента тогда не были разъяснены полностью в их причинности. И тем не менее, теория, благодаря все усиливавшемуся применению их в палеонтологии речи, внесла в свой актив громадное количество достижений, имеющих прямое отношение ко всем общим и конкретным явлениям языков в мировом масштабе.

В докладе мы не можем, разумеется, перечислить все главнейшие из этих теоретических достижений, разъясняющих анализом по элементам любой язык

до последней мельчайшей частности, до союзов и предлогов, до грамматических категорий — в их причинности, в их генетической связанности, как надстройки, с материальным базисом.

На вопрос, как это могло случиться, что при работе с лингвистическими элементами, в отношении производственной среды их происхождения разъясненными, но не разъясненными в отношении их количества (четырёх), достигнуты были эти поразительные результаты, — теперь могу ответить:

Во-первых, ссылкой, на то, что заслушано было по такому же явлению с применением электрического тока по работе акад. В. Ф. Миткевича. Применение электрического тока даже в материальном производстве — громадное, да и никто не отказывается использовать достижения по применению электрической энергии, хотя происхождения, причинности самого явления, как и почему, — никто не ведаёт.

Во-вторых, теперь и число «четыре» разъяснилось в его причинности, т. е. почему именно «четыре» лингвистических элемента и как нарастало это число.

Предпосылкой этого разъяснения было осознание на данных специально лингвистического порядка того, что нельзя изучать язык без изучения его неразрывного с ним содержания, именно — мысли, не просто мертвой, без движения мысли, а мысли в движении, т. е. мышления и его техники. В результате появилась работа «Язык и мышление», зачитанная в июне 1931 г. в Москве на чрезвычайной сессии, и Институт яфетидологических изысканий, успевший раньше переименоваться в Яфетический институт, стал «Институтом языка и мышления».

С завершением пятилетки совпало разъяснение четырёх элементов — как категорий, но не логики формальной, а конкретного по языковому материалу мышления, мышления первобытного общества, с историею их становления, точнее — созидания от осознания, первично в образном представлении о тотеме по производству до полноты четырёх категорий, средств необходимых для полноты мышления, именно мышления, отображающего первобытный коммунизм. С первобытным коммунизмом, естественно, связано диалектико-материалистическое мышление, разумеется, соответственной ступени его стадияльного развития, первобытной ступени. Все это языковыми данными иллюстрируется в историческом развитии, захватывая собою и разрешая проблему возникновения субъекта и объекта, положения, что вначале субъект и объект представляли единство, а при расщеплении субъект, сначала коллективный, выделился из объекта. Это важнейшая часть всех достижений новой языковедной теории, с нею связано и практически, и теоретически имеющее громадное значение достижение — это то, что работа пошла не по исследованию языка и мышления, а по выработке техники языка и техники мышления.

И творческие факторы этого достижения, самой работы над поставленной и теоретически разрешенной проблемой, — нужно ли говорить, — Октябрьская революция и ею вызванные к жизни и количественно и качественно новые факторы материального производства и производственных отношений. Может ли быть сомнение в том, что сдвиги в технике языка и технике мышления после Великой Французской революции со сдвигами у нас в Союзе, после Октябрьской революции — несоизмеримы.

Принужденный прервать на этом, не могу не остановиться на внешнем сравнении того, чем была работа яфетидологов в Институте яфетидологических исследований в 1922 г. и чем стала она теперь. Первый выпуск нашего «Яфетического сборника» представлял 5 организационных статей и 9 исследовательских работ, авторами которых, большинства их — восьми, был ваш покорный слуга и одной — И. И. Мещанинов.

Ныне «Яфетический сборник» сменен, появились труды, в числе их сборник работ по «Тристану и Исольде», в числе авторов которых нет ни Н. Я. Марра, ни И. И. Мещанинова, — академика ныне сменяет работа коллектива.

Работа коллектива сменяет индивидуальную работу. В самой тесной среде яфетидологов — расслоение. Более того, труды, заметки, статьи работников Института языка и мышления независимо печатаются вне института. Но мы ничего не говорим о качестве, о методе и идеологии. Метод новой языковедной теории единственный — марксистско-ленинский. Выполнение зависит от автора: конечно, не без грешков, даже грехов и ошибок. Идеология наша, проходящая и за пределы Советского Союза, пробивает и туда, и во все республики дорогу не ошибками и грехами авторов, а ядреной, здоровой сущностью, самой теорией познания, разработанной марксистско-ленинским методом и продолжающей разрабатываться вглубь и вширь коллективно с молодежью в рядах, все теснее смыкаемой и за стенами Института языка и мышления в Ленинграде, и в Москве — в Институте народов Советского Востока, пережившего ряд ступеней в своем развитии (раньше Институт этнических и национальных культур, сменявший Северо-Кавказский комитет по изучению этнических культур), ныне — с истекающего года — Институт национальностей, и в Тифлисе, в филиале Академии наук СССР и т. д., и затем сюда же идут Украина, Белоруссия, Средняя Азия, север, начавшись с Чувашии и Поволжья. Я говорю о той тяге, которая имеется за пределами Советского Союза, т. е. всюду, где хотя бы тлеет искра научной мысли. Я назову сейчас Парпж, так как только что получил письмо, дающее следующее осведомление: «В Société Asiatique, когда я передал для библиотеки оттиск моего сообщения об яфетической теории [речь о читанном моим корреспондентом на конгрессе при выставке колониальных народов в Париже доклада «L'importance de la théorie japhétique pour les études ethnographiques» 'Важность яфетической теории для этнографических изысканий'], Сильван Леви (Sylvain Lévi) просил меня «сказать несколько слов», на что я ответил, что «несколько слов сказать трудно, но как-нибудь постараюсь доложить». Недавно виделся с Лёном (Leine), автором статьи о Тристане. Он почти год отсутствовал, был в Индо-Китае. Опять зашла речь о возможности образования здесь яфетидологического кружка, но только при непременно условии, особенно вначале, вашего руководства, письменного, конечно. Лён собирается, если бы ему удалось более укрепиться в яфетической теории, посвятить ей свою диссертацию».

Здесь мы могли бы сказать, как и почему наше руководство из Ленинграда, Советского Союза, мы можем осуществлять лишь письменно, но мы не хотим сейчас выйти за пределы нашей темы, потому используем фигуральное сравнение проф. Пуанкаре, палеонтологически вполне оправданное: «мысль есть молния,

но это все». Научная мысль — это больше чем молния: она освещает невидимкой, для нее нет никаких преград, она пробивает самые крепкие и толстые стены, а вмещает в себе эта капелька-мысль (даже не атом) весь преодоленный человеческим трудом мир. И когда одновременно язык — это нация, и сегодня десятки, завтра сотни языков-наций, из мнимых этнографических категорий став на путь свободного своего развития в пределах СССР, сделают скачок в процессе идущего гигантскими шагами бесповоротного социалистического строительства в линии сталинского определения их культуры, культуры социалистической по содержанию и национальной по форме, мы, конечно, спокойно можем ждать успеха нового обществоведческого учения о языке от их новой революционной волевой энергетике, от их освободительного самовыявления в языке и мышлении революционно-творческой работой и над стройкой родного языка по технике, единой идеологически с техникой социалистического строительства, и с тем обращением полнощного Прометея мысли, все еще прикованного во всем подлунном мире к неподвижной скале мертвящей косности, в Прометея без цепей, в единстве свободного труда и свободной науки.

Маркс и проблемы языка¹

Трудно, говоря о Марксе, не начать с Энгельса. Оценивая гегелевскую философию в применении к историческим сменам, смене римской республики римской империей и уничтожению французской монархии Великой французской революцией, упоминаемой Гегелем всегда с восторгом, Энгельс пишет: «Таким образом, здесь монархия оказалась недействительной, а революция действительной. И совершенно так же, по мере развития, все, бывшее прежде действительным, становится недействительным, утрачивает свою необходимость, свое право на существование, свою разумность. Место умирающей действительности занимает новая, жизнеспособная действительность, занимает мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления, — насильственно, если оно противится этой необходимости».² Не правда ли, сейчас при этой гегелевской тезе, превращаемой у Энгельса диалектикой того же Гегеля в ее противоположность, готов у нас вырваться крик-вопрос: «а почему ни старое, ни даже молодое не бывает достаточно рассудительным, чтобы умереть мирно?» «Но именно в том и состояло истинное значение и революционный характер гегелевской философии... , что она раз навсегда положила конец всякой мысли об окончательном характере результатов человеческого мышления и действия» (там же, стр. 326—327).

Нам важнее дальнейшая мысль самого Энгельса: «История так же мало может остановиться, как и познание; она никогда не получит окончательного завершения в некотором совершенном, идеальном состоянии общества; совершенное общество, совершенное «государство», это — вещи, которые могут существовать только в фантазии. Все общественные порядки, сменяющиеся один за другим, представляют собою лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшего к высшему. Каждая ступень необходима и, таким образом, имеет свое оправдание в то время и при тех обстоятельствах, которым она обязана своим происхождением. Но она становится шаткой и лишается своего оправдания перед лицом новых высших условий, постепенно развивающихся в ее собственных недрах. Она должна уступить место высшей ступени, которая в свою очередь также приходит в упадок и гибнет» (там же, стр. 327).

В приведенном отрывке каждая мысль, для лингвиста некогда проблема, ныне является уже положением, устанавливаемым историей языка. Но из них особое директивное указание на инициативно-активный способ работы представляет утверждение: «... ничто не может устоять перед нею [диалектической философией. Н. М.], кроме непрерывного процесса становления и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему» (там же). Другой тезис нас поддерживает в революционности той же диалектики в историческом развитии: «Ее консерватизм относителен, ее революционный характер безусловен, — вот един-

¹ [Напечатано в сборнике «Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций», Известия ГАИМК, вып. 90, стр. 3—21; переиздано в Известиях ГАИМК, вып. 82, стр. 3—20.]

² Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, Партиздат, 1935, стр. 326.

ственное безусловное, для чего она оставляет место», и когда мы знаем, что «она сама является лишь отражением этого процесса в мыслящем мозгу» (там же), то спокойно можно мириться с тем, что работа по-новому над языковым материалом в переживаемый нами процесс развертывания Октябрьской революции отразила ту же революционность в новом учении об языке. Нас не смущает, а удивляет скептическое отношение к тому, что новой наукой о языке так много вскрывается замолчанных революций, они вызываются на свет точно из подполья, так их много, но идеологически сраженные враги революций (не одной, а длинного ряда стадий) переодели их, эти революции с величайшими в свое время достижениями, в чуждый им костюм, принимаемый за сущность дела. Достаточно сослаться на проблемы христианства. Христианство абсолютно не существовало фактически в общепринятое в европейском мировом масштабе за христианскую эру время. При учете одних письменных памятников и идеологическом неучете памятников материальной культуры, а еще более при игнорировании громадного качественно своеобразного фактического материала о так наз. христианстве у малых народов, обнаруживается, что противники его при слабости в марксизме также не попадают в намеченную ими цель в своем опровержении, как сторонники ровно ничего не доказывают по существу проблемы при всем колоссальном накопленном ими фактическом материале и при всей рачительности изучения детальных фактов без интереса к их причинности. Не помогает, разумеется, ни в том, ни в другом случае даже блестящий литературный стиль.

В интересах правильного восприятия доклада в линии трактовки нами темы «Маркс и проблемы языка», где основной чертой и Маркса — Энгельса и языка — историзм, который диалектически увязывает самые несовместимые в буржуазной науке моменты, в том числе древнейшие эпохи с современностью, событиями и лицами сегодняшних дней, хочу отметить сугубую историчность Маркса и, следовательно, Энгельса как творцов и истории бытия, и истории его философского отражения, глубочайшей теории. Отмечая факт, что в Германии XIX в., подобно Франции XVIII в., «философская революция служила введением к политическому краху» (там же, стр. 325), Энгельс в то же время французам, действенным в борьбе с официальной церковью, с наукой, часто также государством, противопоставляет немцев, профессором, государством назначенных наставников юношества, одобренные начальством руководства которых завершились системой Гегеля, венцом философского развития, с таким положением (предметом беспримерной признательности, по характеристике самого Энгельса, со стороны близоруких правительств и в то же время гнева со стороны не менее близорукых либералов), как «все действительное разумно: все разумное действительно». «... То, чего не замечали, — говорит Энгельс, — ни правительство, ни либералы, видел уже в 1833 году, по крайней мере, один человек...» (там же), поэт Генрих Гейне, изложивший для французской публики в статье о Германии историю культуры немецкого народа до Канта, до Гегеля от (также знаменательно) Лютера, и только. Даже в 1848 г., когда «революция... оставила в Германии почти все на месте», в философии «произошел полный переворот».¹ Можно

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1934, стр. 71.

подумать, что это — в результате разгара творческой работы специалистов по философии. Однако, констатируя тут же факт чрезвычайно ценных естественнонаучных открытий, углублявших понимание природы, мироздания, Энгельс выдвигает важность знакомства натуралистов с историческим развитием человеческого мышления для теоретического естествознания и конкретно отмечает их до курьеза малую осведомленность по этой части, проявление изумительного незнания такого необходимого основного источника истории, как философия. Выходит так, что для разработки теоретического мышления, являющегося «прирожденным свойством... в виде способности», «не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения истории философии»;¹ между тем «сама формальная логика являлась, начиная с Аристотеля и до наших дней, ареной ожесточенных споров», и немногим пошли вперед с тех пор доселе по существу исторического разъяснения. «Что же касается диалектики, то до сих пор [т. е. до основоположников новой философии, начиная с самого Маркса. *Н. М.*] она была исследована более или менее точным образом лишь двумя мыслителями: Аристотелем и Гегелем», но в греческой философии, включающей и Аристотеля, особенно ценного для истории, «диалектическое мышление выступает еще в первобытной простоте». Поэтому-то «... в многообразных формах греческой философии [в диффузном состоянии, разрешите употребить термин «диффузный», с протестом против применения здесь «синтетического». *Н. М.*] имеются в зародыше, в возникновении, почти все позднейшие типы мировоззрения» (там же, стр. 72). Потому же и «греки еще не дошли до расчленения, до анализа природы», «она у них рассматривается еще как целое, в общем и целом». Потому же первобытная простота в греческой философии не нарушается «... милыми препятствиями, которые сочинила себе сама метафизика XVII и XVIII столетий — Бэкон и Локк в Англии, Лейбниц в Германии — и которыми она заградила себе путь от понимания единичного к пониманию целого, к проникновению во всеобщую связь сущего». В результате Маркс и Энгельс поставили одну из величайших проблем современного марксистского мышления, сделали по ней надлежащие выводы и дали в целом и не гадавшееся в их время решение, получившее и для общего вывода и для всех предосланных ему отдельных мыслей оправдание в истории мышления, вскрытой в наши пооктябрьские дни в истории языка на детальных фактических данных звуковой речи, палеонтологически разъясненных анализом по элементам. Энгельс, подходя к своему общему выводу по существу, писал: у греков «всеобщая связь явлений в мире не доказывается в подробностях: (на ней инстинктивно основано греческое воззрение) для греков она является результатом непосредственного созерцания». Или еще по части дополнительного констатирования того же факта: у греков «не было эмпирического естествознания (в современном смысле)». И Энгельс с поразительной меткостью бьет по самой сердцевине проблемы диалектически двумя противоположными мнениями с единством функции: «В этом недостаток греческой философии, благодаря которому она должна была впоследствии уступить место другим видам мировоззрения. Но в этом же заключается ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими соперниками. Если метафизика права

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1934, стр. 70.

по отношению к грекам в подробностях, то греки правы по отношению к метафизике в целом». Какой из этого вразумляющий вывод делает Энгельс? Очевидно, один и единственный. Энгельс его и дает, говоря об одной из причин своего отношения к греческой философии, усиливая тем другой уже сообщенный выше мотив интереса Энгельса к греческой философии, как к «диалектическому мышлению в первобытной простоте». «Это, — пишет Энгельс, — одна из причин, в силу которой мы вынуждены будем в философии, как и во многих других областях, возвращаться постоянно к подвигам того маленького народа [греков. *Н. М.*], универсальная одаренность и деятельность которого обеспечили ему такое место в истории развития человечества, на которое не может претендовать ни один другой народ». Потому Энгельс рекомендует настоятельно натуралистам, чтобы «... теоретическое естествознание, если оно хочет познакомиться с историей возникновения и развития своих современных общих теорий. . .», возвратилось («должно возвратиться») к грекам, и в заключение высказывает пожелание, чтобы понимание естественников («это понимание») «углубилось и привело к действительному знакомлению с греческой философией». Значит ли это, что Энгельс призывал обратиться к греческой философии, диалектической, как порождению универсальной одаренности маленького народа, и отказывал всем иным народам в праве претендовать на положение греков в истории развития человечества? Лишь при таком ошибочном или умышленном толковании можно подумать, что Энгельс говорит о расовости в обоих случаях. На самом деле ничего подобного. Энгельс восставал тогда против высокомерного отношения европейских мыслителей к маленькому греческому народу так же, как теперь восставал бы против высокомерного отношения носителей классовых предубеждений того или иного народа к малым национальностям. Он осаживал бы теперь с такой же диалектически построенной язвительностью националистические тенденции языковедов высокой квалификации. Это ясно видно из теоретическо-исследовательской работы Энгельса, например, над франкским языком. Последний послужил Энгельсу сырьем-источником для разоблачения специалистов единственного тогда учения об языке — феодально-буржуазного индоевропеизма — для разоблачения политическо-общественной подоплеки их необоснованного утверждения о пределах распространения франкского языка, в котором ученые специалисты сознательно или несознательно искали свидетельство немецкого национального господства в соответственных районах (в сторону Голландии). В этой связи мастера техники своего дела создавали лживое представление о главном источнике, отставившемся ими как памятник франкского языка. Энгельс еще тогда, в эпоху отроческого расцвета индоевропейской лингвистики, потревожил чисто формальные основы этого первого в Европе опыта научного построения учения об языке, учения сначала частного о предопределенных богом или природой к верховодству языках, затем общего индоевропейского учения для всех языков Европы и отчасти Азии, сподобившихся быть включенными в эту святую семью. Чисто формальные основы этого аристократического учения об арийских языках, обращенных механистически в индоевропейские, рухнули в ювелирно-тонкой исследовательской работе Энгельса над письмом и языком соответственных текстов; они рухнули у него в освещении аргументации, насквозь

пропитанной диалектическим материализмом, рвались при первом соприкосновении с практикой и вообще с действительностью и в тех частях, где, казалось, индоевропейская лингвистика наиболее сильна. Положение было труднейшее, критическое не только для самого учения, но и для всех, невольно обращавшихся к реальному изучению любого языка, ибо росла жизненная значимость языка из-за социальных сдвигов, последовавших в результате французской революции. Раньше всех с охватом языка это осознала Германия в лице диалектика-идеалиста Гегеля. Но у Гегеля речь, воспринятая в целом как язык и мышление, разъяснялась лишь как явление и вошла притом как часть в феноменологию, построенную верхом вниз. Между тем социальные сдвиги, последовавшие за французской революцией, значительно углубились с развитием техники материального производства и ростом в зависимости от этого естественных наук. В результате всколыхнувшихся уже более широкие низовые массы революций они получили усиленные политико-экономические стимулы в языковедных потребностях, новые возможности для осознания языка, идущие корнями все из техники материального производства, получили и основные линии построения и оформления языковедения. Маркс и Энгельс, оказавшись с новым тогда индоевропейским учением об языке в руках, вынуждены были феноменологически разъясненные в их причинности языковедные проблемы переключать, ввиду растущей политической значимости языка, в плоскость его восприятия как действенного орудия. В конкретной работе они все-таки шли в линии единственно существовавшей лингвистики, притом в работе над родным немецким языком в шаг с немецкой идеологией. Немецкий язык, с одной стороны, был орудием для внедрения реакционного националистического мировоззрения специалистов-языковедов, и в то же время немецкий язык, росший в массовом осознании как орудие действия освободительной от гнета борьбы, ставился в европейской действительности в положение бесправного языка. В противоположность «святой семье» индоевропейских языков намечались уже тогда к выделению как чуждые им по своему низшему природно (расово) происхождению языки Африки и Америки, колониальные языки, и немецкий язык попадал в число колониальных языков. В связи с этим научный термин, наименование науки об аристократических языках Европы и Азии — «индоевропейский», изменен был в «индогерманский». Работа Энгельса над Франкским, как и мысли его же о готском, — лишь частная иллюстрация того трудного положения. Однако Германия в своей непримиримой противоположности прочему миру была осознана в Европе давно. Энгельс поднимал перчатку, давно брошенную «культурным» Римом «некультурным» германам в первые два века христианской эры. Перчатка, брошенная древним римским культурным миром в лице историка Тацита германам, как варварам, была поднята Лютером, что не только раскололо европейский мир на аристократический римский и германский низший, но, можно подумать, послужило причиной нового раскола германов на германов-католиков и германов-протестантов в эпоху Лютера или в ближайшие к нему времена. На самом деле раскол этот отнюдь не религиозного происхождения, ибо с таким пониманием действительности мы попадаем в ошибку прежде всего по первому тезису Маркса о Фейербахе, в главный недостаток матери-

ализма Фейербаха, у которого «... действительность, чувственность берется только в форме объекта или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»; «действенная сторона» у него потому, «в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно», «он не постигает самую человеческую деятельность как предметную деятельность. Поэтому в «Сущности христианства» он рассматривает, как истинно-человеческую, только теоретическую деятельность, тогда как практика постигается и утверждается только в ее грязно-еврейской форме проявления. Он не понимает поэтому и значения «революционной», практически-критической деятельности» (Маркс и Энгельс, Избр. произв., т. I, стр. 365). Этот раскол европейского мира на католиков и протестантов — дело значительно более древней эпохи и имеет корни всегда в сдвигах производства и техники, конкретно в преодолении германами, тогда еще иберами, природных ресурсов таких центров их сосредоточения, как Рейнский край, Пиренеи и др., еще раньше с участием басков, когда речь была еще так наз. яфетической системы, когда по всей северной, средней и восточной Европе и далее, как на Кавказе, действовали сплошь мышлением все еще первобытного общества и на отдельных участках этого чуждого Риму мира вспыхивала борьба с римскими легионами или накаплилась с самосознанием силы [для наступательных войн уже не из Африки, а из глубин Европы и ее предальпийского севера на Рим. Об этом память сохранил нам замечательный фрагмент баскской эпической поэмы, по оформлению продукт первобытного общества с астрально-космическим мировоззрением, а в содержании впитавший события римских вторжений, связанные с именем императора Октавиана, «прославившего» эпоху своего правления завоевательными вторжениями во все неримские еще тогда по массовому населению края Афревразии, от Армении до страны аффов, до Испании (Иберии и Баски), Ретии и Германии, и с восторженными памятниками собственных римских писателей. Обвинение в варварстве германов, высказанное в форме риторического вопроса, чрезвычайно поучительно старанием автора изобразить германов страшными обитателями изолированной от всего мира страны, без путей сообщения с суши или моря и с одними опасностями, куда (в эту Германию) «вряд ли кто, не говоря об опасности страшного и незнакомого моря, оставив Азию, Африку или Италию, станет стремиться... в страну невзрачную, с суровым климатом, неприятную для обитания и на вид, если только она ему не родина».

Разумеется, это явная фальшь — чистота крови и отсутствие какого-либо общения с культурным миром афревразийского Средиземноморья, его побережья. Фальшь эта разоблачается ответом на один простой вопрос: «а почему римляне посылали свои легионы в эти края»? И как это произошло, что эти германы под начальством своего вождя нанесли сокрушительное поражение, ставшее «притчей во языцех»: «Вар, Вар, верни мне мои легионы»? И почему эти носители римского порядка воспринимали бытовой облик германов и в обстановке и в мировоззрении? Но из этого вовсе не следует, что самое впечатление римлянина от Германии, как страшной и чуждой страны, давало нам картины действительности. В римском зеркале Тацита отражен уровень мышления «коллективного» собственника, свысока смотрящего всегда и везде на культурно отсталые и чуждые («дикие»),

«варварские») народы. Ныне не подлежит сомнению, что германы были тогда на той ступени развития, на какой дошли до нас в Зафедерации сваны, что не мешало ни тем, ни другим быть металлургами первобытного порядка, создателями вошедших в обиход соответственных народностей понятий-терминов по этому производству вместе с басками на Западе и армянами на Востоке. Не мешало это германам сделать скачок в новый просвещенный европейский мир в связи с развитием производства своего края. Уже у Тацита — взгляд классово-культурного общества на отсталые народы, имеющие возможность запечатлеть осознание своей действительности и своих протестов лишь в эпосе, как можно видеть ясно в фрагменте баскской эпической поэмы в обработке эпохи римских императоров. В более глубокие по древности времена отражения этих социально-сродных германам родственников зеркало вовсе не берет исторически, а лишь мифологически, космическими представлениями и образами, как предисторию тех же германов, по соответствию со ступенью их стадийного развития, общей у германов со всеми производственно-социальными коллективами по действительности мышления и языка при всем расхождении их на различных отрезках. В движении от тех эпох к современности расхождения углубляются в технике оформления при усилении единства техники и идеологического содержания, ибо растет массовое сознание собственной национальной личности, вскрывая в объекте исследования свою коллективную индивидуальность. С социальных сдвигов, последовавших за поражением, нанесенным французам франко-прусской войной, углубляется национальное осознание. В науке об языке единство германских языков расщепляется, возникает новая филология с усиленным вниманием к собственным живым говорам и создается романо-германская филология. Уже к империалистической войне, с усилением факторов, оживляющих религию и всякие пережитки оторванных от действительности учений средневековья, выступает особое восприятие латинского мира в отличие от германского. Процесс осознания без насильственной задержки, вызывающей его застой, ведет к охвату всех низовых масс в Европе и Америке и одновременно всех формирующихся новых и переформирующихся старых народностей, растущих в противоречии с общественностью мировых международных хозяев-эксплуататоров, идет до осознания множества национальных языков, как категории новой нарождающейся системы. В академическом мире оформляется новое учение о языке. Лишь по вступлении теории марксизма-ленинизма в практику правомочного фактора истории, социальной революции, в Советском Союзе создаются многие новые языки, как национальные языки, и с проникновением становятся уже в социалистическом строительстве на путь снятия множества национальных языков единством языка и мышления. Слагается окончательно новое марксистско-ленинское учение об языке. Начало его восходит к положению, сформулированному Марксом почти три четверти века тому назад в определении сущности товарной стоимости. Путь конкретной реализации этого положения предуказан тогда же Марксом мыслью о решающей для исторической науки значимости истории материального производства. Язык же является первым по времени для древности и единственным ныне по девственно-непечатому богатству источником истории.

Излишне здесь излагать историю конкретной работы Маркса и неразлучного с ним двойника Энгельса над языком и мышлением или излагать неразлучимую с ними по преемству работу по развитию идеологии Маркса—Энгельса Лениным по языку-мышлению и Сталиным по языку-нации, сочетавшими в себе дальнейшую разработку марксистско-ленинской теории с практикой и опытом революционного творчества. Этот опыт довел до четкого осознания материальной культуры, вслед за художественной, как необходимой части всех без исключения национальных культур, понимаемых диалектически в известной формулировке Сталина.

Как не сказать, что новое учение о языке начинается с Маркса—Энгельса, ибо Маркс не только определил сущность значения слов, но и всем поведением своим, а не только писанием, утверждал, что без знаний лучше не браться за такие ответственные дела? Впрочем, он еще в июле 1866 г. писал Энгельсу: «Наша теория, что *трудовая организация* . . . обуславливается *средствами производства*, нигде, кажется, так блестяще не подтверждается, как в «человекоубойной промышленности» . . . Право, стоило бы, чтобы ты написал об этом что-нибудь (*у меня для этого нехватает знаний*) [курсив мой. Н. М.], что можно было бы за твоей подписью внести в мою книгу в виде приложений» (Письма, 1931, стр. 259—260). Ведь с такой же подготовленностью в пределах научных знаний его эпохи Маркс писал и об ошеломляющих сменах в функциях слов, способных привести в потрясение ученых спецов. Такое же потрясающее утверждение выдвигает Энгельс о переустройстве всей истории, разумеется, требуя соответственного действительного усвоения марксизма, а не марксистского кликушества. Едва ли следующее место из письма Энгельса к Конраду Шмидту от 5 VIII 1890 г. имеет меньше основания быть обращенным к некоторой части молодежи, — да, увы, не одной молодежи, — Советского Союза, чем к Германии: «Вообще, для многих более молодых писателей в Германии слово *материалистический* служит звуком, который применяют к разным вещам, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, т. е. приклеивают этот ярлычок и считают, что этим все исчерпывается. Но наше понимание жизни есть главным образом введение к изучению, а не рычаг конструкции на манер гегелианства. *Всю историю надо изучать сызнова* [курсив мой. Н. М.]. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных образований, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские . . . и т. п. воззрения. В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому что очень немногих людей серьезно этим занималось» (стр. 372). А что сделано с 1890 г. в старой лингвистике по языку в отмечаемой Энгельсом линии развития? Или, быть может, лингвистика, как неимеющая [?!] прямого отношения к экономике, входящая в круг интересов культурного, в значительной мере художественного, а не материального производства, отмечается как презренная величина? Этому противоречат все дела, все поведение обоих первых основоположников марксистской философии, не говоря о Ленине и Сталине. Впрочем нельзя не привести следующего места из письма Энгельса к Блоху от 21 IX 1890 г.: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является

производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является *единственным* определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты... и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм» (Письма, 1931, стр. 374—375). А язык, ведь, сложнейшая и содержательнейшая категория надстройки, проверяющая свои выводы и внутри себя сопоставлением двух неразлучных в языке моментов, фо, мального и идеологического, в звуковом языке — техники звукового оформления и техники идеологического построения.

Со времени возникновения марксизма не только были сделаны поразительные открытия во многих областях знания, особенно хорошо известные и широким кругам до самых низов в естественно-исторических, химических и технических науках, но и созданы новые области знания, оформлены новые науки. С тех пор развилось востоковедение на совершенно новых началах, были произведены раскопки, перевернувшие наше представление верхом вниз не только по архитектуре и технике материального производства, но и по истории права и техники письма и языка. Нельзя себе представить, чтобы Маркс или Энгельс в наши дни, говоря о праве собственности, исходили из норм античности, т. е. конкретного классического мира европейского Средиземноморья, хотя бы эллинского эпох рабовладельческих, как исходной совершеннейшей конкретной формации, игнорируя, например, то, что дают клинописные памятники, на тысячи лет более древние по дате, о крепостничестве и т. п. Более того. Если бы Маркс воскрес и обратился к тому, что происходит в части исследовательской работы и практики в пределах Советского Союза, он увидел бы громадную, неслыханную практику со сдвигами в теории по всей стране и изумительные положения нового учения о языке, с вкладом в теорию познания, правда не скрестившего свои достижения в полной развернутой форме в масштабе пределов Союза, но являющегося во всех случаях или развитием, или детальным конкретным положительным ответом, или решением проблем языка так, как ставил их Маркс.

А в настоящее время какие проблемы языка? Все те же, но до конкретных задач, например, терминологии, письма, даже буквы, они все приобретают сугубо общественно-политическую значимость. А техника передачи, даже стенография, разве может она оставаться без перестройки не по наличным достижениям техники, а по тому историческому процессу в развитии языка, когда сама природная машина — полость рта от глотки до губ — переоформлялась, оформлялась весь облик лица и фигуры самого человека по социальным закономерностям сначала зрительной, именно ручной речи, затем более сложного звукового языка?

Когда же речь о терминологии, где идеология создается из потребностей техники систематизировать создаваемые ею понятия, здесь приходится начинать

в теоретической работе не с частных явлений, а с общих. В пределах этих общих явлений все частности получают свои точные и конкретные исторически обоснованные наименования, учитывающие одновременно определение (*terme*, термины). Дело специалистов данного производства, в первую очередь материального, затем культурного, научного и художественного, но дело первейшее, — проследить реальную историю, действительность всех конкретных языков, чтобы исходить не от формальных, оторванных от жизни явлений, а к ним приходить, и в них опознать новую функцию, всегда общественную стоимость, всегда актуальную, всегда увязанную с производством, всегда воспроизводящую не только производство материальное, но и его технику по обоим моментам, формальному и идеологическому.

В чисто формальных основах аристократической лингвистики, ныне лишь наследии буржуазной культуры, вскрылись изыскания графическо-фонетических деталей и прочности единственного оплота ее историзма, общегерманского перезвончения, как теперь оказалось в свете нового учения о языке, наследие той стадии в развитии языка вообще в мировом масштабе, когда германские языки, в том числе и немецкий, действительно существовали, но они входили тогда в иные системы.

В подтверждение функциональности значений слов, следовательно, их сменяемости, с одной стороны, а с другой — к иллюстрации и мысли и действительности Маркса, сводящихся к тому, что всякое теоретическое суждение должно исходить из познавательного учета фактов, их также потребительной стоимости, остановим на несколько минут внимание на двух лингвистических фактах, из коих один не что иное, как турецкое название своего рода «петрушки». Это «Карагöz». Другой термин — ‘труд’ и ‘работа’. Кстати, это иллюстрирует также и мысль общую Маркса и Энгельса, только различно выраженную. Общая мысль такая, что надо считаться с нарастающими знаниями и соответственно перестраивать прежние наши знания, ибо марксистская теория познания не останавливает своего ни количественного роста, ни качественного повышения. Об отношении Маркса к теории и практике и революционному развитию практикой теории не приходится распространяться, но и Энгельс четок в этом отношении. Он утверждает о необходимости «перестроить всю историю», но ни тот, ни другой и в мыслях не имели, что такую перестройку можно произвести или легковооруженно, вроде легкой кавалерии нагомудрецов, или только в отношении старых мыслителей и чужих авторитетов, но не себя. Оба указанных вопроса мною будут лишь освещены в новой установке, а не изложены со всеми деталями.

Karagöz, собственно, казалось бы, ‘черноглазый’ и только. В действительности же слово это обозначает в разъяснении на немецком языке «главную фигуру турецкого теневого театра» (*Schattentheaters*) или в французском переводе «шута турецкой игры», представления. На самом деле, это, смотря по отправной точке зрения, и ‘петрушка лицедейства’, ‘игры’, неисчерпаемый клад смешливости, герой как бы печального образа, т. е. соединение двух противоположностей, причем печаль или смех — это не простое, неизвестно откуда взявшееся психическое настроение или случайный припадок смешливости, беспричинное

явление, а последствие определенных реальных предпосылок, в миниатюре — результат весьма серьезных причин, имеющих корни не в том, что природно, а в том, что выявляется в действительности, в практике нашей жизни, и оформление этой действительности в мировоззрении и способе мышления, самой технике восприятия явлений. Только такой подход нам объясняет и то, почему тут тени, да еще китайского театра, и почему рядом с *Karagöz*'ом, *Karagaber*'ом 'оповещение о смерти', вообще 'неприятная или нерадостная весть': тут ни Китай, ни даже 'смерть' сами по себе не при чем. Никто не отрицает, что *kağa* значит 'черный', и *göz* — 'глаз', и по сложении этих двух понятий получаем 'черный глаз', в приложении к предмету в турецком, без дальнейшего оформления каким-либо окончанием, суффиксом или представкой-префиксом, прилагательное 'черноглазый'. Но, во-первых, этот 'черноглазый' значит у турок также 'роковой' (кстати сказать, франц. *sinistre*, лат. *sinister* одновременно 'левый'),¹ и вот эта серия идей, в линии отрицательных восприятий, 'смерть', 'тьень-призрак', 'явление в темной среде', космически-астрально 'луна ночи', в противоположении красному 'солнцу', 'радости', 'жизни', 'смеху', как и *göz* 'глаз', собственно 'пара очей', 'левый глаз' и 'правый глаз', в первобытном обществе так и представлялись в образах 'ночной луны', 'мрака', 'смерти', и дневного 'солнца', 'света', 'жизни' и т. п. И все это разъясняется и анализом наших слов, в частности тур. *göz* и тур. *kağa*, и это подтверждается изучением памятников материальной культуры. Так, в Турции, в развалинах близ Салахлы, древнего города (не так уже древнего, именно VII в. до н. э.), столицы культурнейшего для своего времени и цветущего государства Лидии, где господствовал последним царем сказочный богач Крез (*Creusus*), перс. *Krösus* = л. *Crösus*, в точном произношении *Kröz*, найдены камни с надписями, одной двуязычной лидо-греческой с выражением культа 'луне' [*AR-tinu*] и 'солнцу' [*AN-aeti*], и под этими словами изображение 'пары глаз', чего мы раньше не видели и никто не знал, разве по преданию об Египте, но палеонтологическим анализом языка, его исследованием по стадиям нам удалось еще раньше установить эту связь. Глаз был предметом культа в Лидии, как в первобытном обществе, хотя в ней было уже цветущее государство, но это первобытное представление, раньше реальное и в практике в связи с соответственной первобытной «техникой», пережило уже как верование, ставшее религиозным не только в Лидии, но во всем мире и у всех народов. С ним связаны и бытовые общие, и художественные творения, различные у различных народов, национальностей, казалось бы, ничего общего не имеющих друг с другом, точно происшедшие от различных рас. Но все это — представления веков, когда не было ни подлинной техники, ни точных знаний, ни вообще науки, а была 'магия', 'шаманство', не только в Азии или в Африке да в Америке, Австралии, но во всем мире, в Европе также, в Италии, Испании, Франции, не говоря о германских странах и т. п. И если этого не знать, то ничего не понять в истории, а ученые специалисты еще более углубляют это невежество. Вот Маркс и вообще основоположники марксизма и вскрыли всю эту фальшь не только философии, но и исторической науки, в част-

¹ Н. Я. Марр, 'Север' и 'мрак' || 'левый' от Пиренеев до Месопотамии, стр. 8—9 [см. здесь стр. 136—139] и другие работы.

ности и такой исторической науки, как учение о языке, лингвистика. Разумеется, сто лет тому назад, да и пятьдесят лет тому назад, той лингвистики, нового учения о языке, что теперь мы имеем в Союзе, не было, а было учение так наз. индоевропейское (собственно, европейское, буржуазное), которое доселе царит как единственная филологическо-лингвистическая дисциплина за пределами Союза, а не реальная материально-культурная языковедная историческая наука. Маркс и Энгельс и тогда дали, создали единственный исторический метод, вне которого нет возможности произвести состоятельное историческое исследование. Они вскрыли в истории языка такие смены, такие ступени развития языка и общества, какие тогда казались невероятными, да сами Маркс и Энгельс не досказывали до конца или делали оговорки, а новое учение полностью с избытком оправдывает эти смены, раскопав в самом языке пласты различных смен, именуемых нами стадиями, и продолжает еще более углубленно оправдывать все положения Маркса уточнением этих стадий, создав соответственную новую технику анализа речи, палеонтологию, вскрывающую по стадиям эпохи ступени развития языка и языков, независимо от национальности и рас, независимо от того, язык восточный или западный, азиатский или европейский и т. д., и т. п. И на различных стадиях вскрылись различные реальные взаимоотношения языков, в корне переворачивающие не только историю народов, но сами представления наши о родстве языков и народов. Русский оказался по пластам некоторых стадий более близким к грузинскому, чем русский к любому индоевропейскому, хотя бы славянскому, или грузинский к любому языку Кавказа, считавшемуся языком одной группы с грузинским, например, мегрельскому или лазскому, именуемому и чанским; у живого немецкого и уже «мертвого» готского вскрылись непререкаемые связи с языками Кавказа так наз. яфетической системы, куда входит и мегрело-лазогрузинская группа (так, у «мертвого» готского с мегрельским языком и лазским все той же так наз. яфетической системы, не говоря о связях, доселе исторически не учтенных, французского с бретонским, а бретонского с баскским и их обоих с армянским и т. д., и т. п.). В самом едином языке, например, в английском, казавшемся результатом скрещения германского и романского, вскрылись пласты более древних стадий в такой мере, что современные англичане читают даже написанные английским же обычным письмом английские тексты условно, ибо современные англичане ниоткуда не приезжали, а вышли из другой социальной среды той же Англии. И надо знать, что и Маркс и Энгельс об этом также говорили. Так, Маркс в письме Энгельсу от 14 XI 1855 г. иронически пишет, имея в виду посетившего его Э. Бауэра: «Английский язык «никуда не годен» — совершенно романизирован. Я утешил его [Э. Бауэра. *Н. М.*] тем, что голландцы и датчане говорят то же самое о немецком языке и что исландцы являются единственными истыми германцами, не затронутыми южной иностранщиной» (Письма, 1931, стр. 87).

В свою очередь Энгельс, комментируя это насмешливое замечание Маркса касательно представления о языках посетившего его Э. Бауэра, дает изумительные не прогнозы, а анализы таких терминов, как греч. βασιλεύς 'царь', нем. König 'царь' и готск. sibya, англо-сакс. sib, др.-верхнегерм. sipria, sipra

‘родня’, равно др.-сев. язык мн. ч. *sifyag* ‘родственники’, в единственном числе *sif*, «только как имя богини *Sif*». Это все оправдалось с избытком в том смысле, что не только все эти формы и значения с такими же соотношениями выявлены теперь палеонтологией речи и в других языках, но в самом немецком со словом *Sif*, именем богини, собственно тотемом, оказались увязанными и англ. «self» ‘сам’, и нем. «selb» ‘сам’ и нем. «Elfe», мифическое женское существо, с потрясающей сменой обозначаемых словами в образах и понятиях предметов.

В этом смысле палеонтология речи, что исключительно важно отметить, уже предусмотрена самим Марксом с ударением на ее историчность в письме его от 25 III 1868 г. Энгельсу, где он пишет: «С человеческой историей происходит то же, что с палеонтологией. Вещи, лежащие под носом, принципиально, благодаря какой-то слепоты суждения, не замечаются даже самыми выдающимися умами. А потом, когда наступает время, удивляются тому, что замечают всюду следы тех самых явлений, которые раньше совсем не привлекали внимания».¹

И вот в этой обстановке не удивительно, что Маркс говорил о потрясающих для педантов-профессоров сменах значений у слов, хотя он еще не знал того, что вскрыло новое учение о языке в этом отношении. Теперь понятно и то, когда он пишет в «Капитале»: «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом. Точно так же и в денежных названиях фунт, талер, франк, дукат и т. д. изглаживается всякий след отношения стоимостей» и т. д.² Тогда же было указано и на то, что люди читают английский текст не соответствующим этим латинским буквам произношением потому, что читатели уже новые, социально сохранившие же прежний социальный быт доселе так и произносят, как написано.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 33—34.

² К. Маркс, Капитал, т. I, 1936, стр. 59. Ср. К. Marx, Das Kapital, I, 1933, стр. 106. Специалист по тексту основоположника марксизма указал на ненадежность русского перевода в данном месте. Однако возможность понять в зависимости от подхода немецкий подлинник в двух различных смыслах, во-первых, не говорит о двусмысленности самого изложения и отнюдь не освобождает от долга понять чтение в правильном восприятии. Русский перевод действительно резко расходится с немецким подлинником в формальном выявлении мысли. В дословном переводе немецкий текст гласил бы: «Название какой бы то ни было вещи совершенно чуждо ее природе. Я ровню [решительно] ничего не знаю об этом человеке, если я знаю [только то], что это некто [человек], называемый Яковом. Так же исчезает всякий след [взаимо]отношений ценностей в денежных [монетных] названиях фунт, талер, франк, дукат» и т. д., и т. д. («Der Name einer Sache ist ihrer Natur ganz ausserlich. Ich weiss nichts vom Menschen, wenn ich weiss, dass ein Mensch Jakobus heisst. Ebenso verschwindet in den Geldnamen Pfund, Taler, Frank, Dukat u. s. w. jede Spur des Wertverhältnisses»). Ведь, по этому пути формальной верности можно дойти до требования буквального перевода, что часто и предпочитается для облегчения не понимания, а труда переводчика, который таким путем думает ответственность с себя снять под заслоном непонятной абракадабры. Ведь если бы идти всерьез до полной формальной передачи немецкого подлинника, то пришлось бы сохранить и особенности письма, где имена, а то порой и местоимения пишутся заглавными буквами (пожалуй, это еще с полбеды, да не без полезности для лежащего в основе этого формального явления исторического наследия, ибо вначале имена все были тотемы, личные же местоимения возникли с функцией заместителей тотемов, в первую очередь показателей собственнических выявлений тотема). Но затем в зависимости от ранней стадии фондовой системы немецкого у немцев слова двузначимы, не дифференцированы четко ‘имя’ и ‘название’, ‘вещь’ и ‘предмет’ (Sache появляется в значении и Gegenstand) и т. п. Более того, äusserlich ‘внешний’ получает (хотя это считается «устаревшим») значение äusser ‘внешнего’ в смысле ‘чужого’, ‘чуждого’. И едва ли есть надобность тут дать образец такого точного перевода. Все сказанное, однако, вовсе не решает еще вопроса о данном месте, но не мне защищать авторов русского перевода или спорить с их оппонентами, и раньше хотелось бы располагать обоснованием их мыслей, исходящим от них же.

Вот тут и понятно, почему не было замечено, какие тесные связи у турецкого языка с лидским. Ведь царь их в VI в. до н. э. назывался Кгӱс'ом, и Кгӱс был тотем, предмет культа лидян, означавший различные предметы, не только 'глаза', 'очи', 'левый' и 'правый', но и 'волка' и 'палицу' или Геркулеса (Her + cul-cy+s), буквально 'дитя неба'. И более древний вид слова Кгӱс — это Kors ↔ Kurs, смягченно Kӱrs ↔ Kӱrs и тур. kӱ-z 'глаз', тур. kir-t 'волк' → тур.-перс. kir-z 'палица' находят поддержку в серии имен древнейших мифических царей Лидии, времен, когда никакого еще «индоевропейского» греческого или латинского языка не существовало, никаких миграций, ни оттоманской, ни сельджукской, не было, а связи с турецким налицо, и это дает нам возможность по-новому читать не только лидские надписи, но и понимать и греческие и латинские надписи не только в столице Лидии, но и в окружении, так, например, и в Пергаме.¹

Энгельс в примечании к английскому переводу «Капитала» пишет: «Английский язык имеет то преимущество, что в нем существуют два различных слова для обозначения двух различных сторон труда. Труд, качественно определенный, создающий потребительные стоимости, называется work в противоположность labour; труд, создающий стоимость и измеряемый лишь количественно, называется labour в противоположность work».² Это опять-таки специально лингвистическая работа. Факт отмечен именно лингвистический и потому важный не только вообще для истории культуры, но прежде всего для любого конкретного языка. Но откуда он, этот лингвистический факт, взялся? Откуда взялись эти два слова? Какова их история? Это дело, казалось бы, филологов, но филологи этого вопроса никогда не ставили. Если вы поставите его им, ничего не могут они ответить, кроме разве констатирования факта, им (как им представляется) ненужного.

Это еще больше, казалось бы, дело лингвистов, но лингвисты историей языка занимаются лишь уже сложившегося и стабилизированного, т. е. без сдвигов и без подлинной истории, без учета того, как язык слагался и развивался в процессе смен его реальных внутренних факторов. Этот же «генетический» вопрос они считают неприемлемым всерьез, научно неисследуемым, чуждой им метафизикой, и европейская лингвистика старого мира, хотя и в новейшие дни, на этот вопрос ничего ответить по существу не может или отвечает неизвестно чем: что «labour» происходит от лат. «labor», а при «work» запнутся или укажут на наличие нем. «Werk»³ и т. д. И это несмотря на то, что технически лингвисты подошли к освещению материалов, представленных в более чем достаточной мере, и даже приходят к положениям, не подлежащим сомнению,⁴ например, к тому что «Werk» означает 'работу' и лишь разновидность «wirken» и связано с плетением, с ткацким делом, как «Wolf» 'волк' отождествляется с «lupus», λύκος и т. п. Но как

¹ Подробнее об этой существенной детали и увязке всех перечисленных исторически нарастающих понятий в образах и слагавшихся мифах с героями и их атрибутами, культом предков и тенями, призраками, видениями-снами, переходящими в литературные сюжеты в труде, подготовляемом к печати — «О лингвистической поездке в Средиземноморье» (отчетное сообщение по командировке от ГАИМК по истории материальной культуры и увязанных с нею личных работах в Турции). [Напечатано в «Известиях» ГАИМК, вып. 89].

² К. Маркс, Капитал, т. I, 1936, стр. 12, примечание.

³ Н. Hirt, Etymologie der neuhochdeutschen Sprache, 2-е изд., 1921. § 25, стр. 27.

⁴ Н. Paul, Deutsches Wörterbuch, 3-te Aufl., 1921, s. v.; Н. Hirt, § 393, стр. 320.

и почему и с какого времени — это все неизвестно, как и то, что греч. «ergon» никак нельзя отождествить в звуковом отношении с «Werk»,¹ ни λύκος с «Wolf» вообще, даже с «lupus» в полной мере и т. д., и т. п., и что со словом «Arbeit» вообще не «перевешивает первично (ursprünglich) представление о тяжком обременительном» (почему, мол, страдание им выражалось порой): и целесообразственная работа, даже продукт, также не возникает из страдания (Г. Пауль) [Н. Paul], как и из его противоположности, радости — искусство, художество. Мы не говорим уже о том, что в словах налицо весьма сложные, длительно нараставшие и в отношении формы образования. Так, например, в «Arbeit» имеем три элемента. По отвлечении из них начального слога (элемента А), идеологического дифференциала, при космическом мировоззрении первобытного еще общества, означавшего светило ('месяц+солнце', по расщеплению 'месяц', 'луну', затем 'солнце' и т. п.), получаем beu-t — некогда самостоятельное слово, а по святини этого позднее нарощего стадияльного ar (← har ~ sar, ср. арм. sar-dən || груз. dedazardl 'паук')² остаток (двухэлементный ВС композит) не только связан с тем же нем. «Werk» и англ. «work», но выходит своими социальными уязками за пределы расово различаемых поныне языковых систем.

И вот новое учение об языке отвечает на этот вопрос четко, поскольку (отметим попутно и это) выяснено, что, если, например, у русских, как у англичан, также имеем с дифференциацией производственных терминов «работу» «work», «качественно определенный труд, создающий потребительные стоимости» и «труд» «labour», «создающий стоимость и измеряемый лишь количественно», то у немцев одно выражение — «Arbeit», ибо немецкий язык своей фондовой системой еще сохраняет диффузное состояние речи, не дающее так легко оторваться отвлеченным понятиям от материальной реальности.³ В то же время в своем материальном выявлении столь близкий с английским «work» выпадает в отношении существа, смысла, из этого ряда того исторически неустраняемого смысла, палеонтологически устанавливаемого, который ставит в необходимость англ. «work» сблизить не только с нем. «Werk» формально, но и с немецким и английским же Wort → word 'слово' уже по единству происхождения. И несмотря опять-таки на богатый, но не уразумленный материал, и в новейшем издании этимологического словаря Клуге (Kluge)⁴ освещение дается по существу ложное, без ясных перспектив движения вперед, без подлинной истории в прошлом: достаточно отметить, что здесь не только опять-таки абсолютно антиисторическое навязывание слову «Arbeit» «первичного» значения — 'страдания', 'беспокойства', 'заботы' (Mühsal), но совершенно невозможное отождествление его с «др.-слав.» габŭ || gobŭ и выдумывание праформы *orbŭ для значения 'раб', 'крепостной' при произведении от «раба» «работы» (!), да еще с привлечением сюда, к «рабу», арм. a+rb-an-e+ã+k без осознания весьма сложного развития этого армянского термина, представлен-

¹ Н. Hirt, § 31, стр. 46.

² Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 30—37 [ИР, т. V, стр. 467—473].

³ Н. Я. Марр, Новый поворот в работе по яфетической теории, стр. 681 [ИР, т. I, стр. 345—346]; его же, Verba impersonalia, defectiva, auxiliaria [русский перевод см. здесь, стр. 300—320].

⁴ Fr. Kluge, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 11-е изд., 1930, s. v.

ного и в немецком, но совсем иным, именно возрастным термином, и без учета, что га+бй- го+б-й при забытом ге+б-еп-о+k, resp. -уоп-о+k 'дитя', связан при своем основном двухэлементном (DB) составе с лат. «labog» и т. д., и льет воду на мельницу, где уже смолота мука, сводящаяся к тому, что не только мысль и слово, т. е. язык и мышление, но оба они вместе с производством составляют единство, и начальных корней вне трудового процесса можно искать, лишь идя вспять или застряв в темном тупике. Задача трудная, испытанная хорошо в процессе преодоления языкового материала и нами не раз, но и ошибочные наши в деталях ступени или пройденные в развитии чисто лингвистические работы строились все-таки прежде всего идеологически, так, в частности, и в отношении 'раба', каковой в двух пробных таблицах семасиологического развития слова, исходя из 'зрелого в полном отношении юноши' доходит до крепостного 'раба' одновременно с его противоположностью — будет ли это 'рыцарь' → 'витязь' → 'вассал',¹ 'герой' или 'вассал-рыцарь' и т. п.

Осталась совершенно недосказанная, но уже разрешенная проблема технизации уже готовых теоретических положений о каждом конкретном языке. Однако в пределах Советского Союза это — дело самих говорящих на том или ином национальном языке, ибо помех самоопределению любой национальности и по языковому строительству у нас нет.

¹ Н. Я. Марр, Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой шкуре», стр. XXXVI—XXXVII.

ПРИЛОЖЕНИЯ

І. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ

Абаев, В. И. — О терминах, ЯС, т. IV, стр. 205—207. 173. 323. 324

Андреев, Н. Н. см. Петрова, Е. Н.

Арешян, Гр. — Несколько слов о параллельном употреблении латинских букв, Эривань, 1924 [на арм. яз.]. 334

«Бакинский рабочий», газета. 13.

Беридзе, В. М. — Грузинский (картский) глоссарий, МЯЯ, т. VI. 157. 165. 166. 174

Библия 191. 200. 205

Большой словарь армянского языка мхитаристов [на арм. яз.]. Венеция, 1836—1837. 106. 153

Вейсман, О. В. см. Петрова, Е. Н.

Воробьев, П. И. — О китайских числительных [доклад]. 210

Галунов, Р. А. — Нумеративные слова в персидском, Языковедные проблемы по числительным, т. I, Л., 1926, стр. 202—210. 212

Гомперц, Т. — Греческие мыслители, т. I, СПб., 1911. 78

Горяев, Н. В. — Сравнительный этимологический словарь русского языка, Тифлис, 1896. 418

Громова, В. И. — Об остатках млекопитающих из селения Фастова на основании костного материала, СГАИМК, 1931, № 6, стр. 24—25. 291. 293

Даль, В. И. — Толковый словарь живого великорусского языка, 3 изд., СПб., 1903—1909. 387. 388

Джавахов, И. А. — ქართველ ერის ისტორია [История грузинского народа], Тифлис, т. I, 1913, т. II, 1914. 275

Джавахов, И. А. — К вопросу о времени построения грузинского храма в Атене, ХВ, т. I. 275

Долобоко, М. Г. — К вопросу о системе славянских числительных [доклад]. 211

Долобоко, М. Г. — О числительных в диалектах русского языка [доклад]. 211

Долобоко, М. Г. — О числительном 'шесть' в славянских языках [доклад]. 210

Долобоко, М. Г. — Славянские числительные. 212

✓Дрезен, Э. К. — За всеобщим языком, М., 1928. 393. 398

Евангелие 46

Евангелие Матвея 143

Житие Мефодия 388

Житие Феклы 388

«Иверия», газета [на груз. яз.]. 6. 29

✓Келер, В. — Исследование интеллекта человека по подобным обезьян, изд. Коммунистической Академии, М., 1930. 270

Кипшидзе, И. А. — Грамматика мингрельского (иверского) языка, МЯЯ, т. VII. 227. 281

Ковалев, С. И. — Марксизм и яфетическая теория [доклад]. 111—119

Коран 326

Лившиц, И. Г. — Об египетских числительных [доклад]. 211

Лотте, Д. С. — Очередные задачи технической терминологии, ИАН СССР, 1931, стр. 883—891. 297

Лотте, Д. С. — Упорядочение технической терминологии, СОРЕН, 1932, вып. 3. 296

✓Луначарский, А. В. — Материализм и филология, Известия ЦИК СССР, 14 IV 1925, № 84/2417. 210

Лященко, А. И. — Киев и Σαμβατάς у Константина Багрянородного, ДАН, 1930, стр. 66—72. 284

Маркс, К. — Капитал, т. I, Партиздат, 1936. 403. 456

Маркс, К. — 18 брюмера Луи Бонапарт, Соч., т. VII. 439

Маркс, К. — Письма к Ф. Энгельсу. 451. 455

Маркс, К. — Революция в Китае и Европе, Соч., т. IX. 439

Маркс, К. и Энгельс, Ф. — Немецкая идеология, Соч., т. IV. 359

Марр, Н. Я. — Абхазоведение и абхазы, ВС, т. I, стр. 123—163 [ИР, т. V, стр. 162—186]. 116. 403

Марр, Н. Я. — Абхазский аналитический алфавит (К вопросу о реформах письма), изд. ЛИЖВЯ, Л., 1926 [ИР, т. II, стр. 321—351]. 4—6. 27. 30. 39. 40. 173

Марр, Н. Я. — Абхазское происхождение грузинского термина родства *vida* 'дядя', ИАН, 1914, стр. 143—146. 66. 250

- Март, Н. Я. — Абхазско-русский словарь, изд. Академии абхазского языка и литературы, Л., 1926. 31. 167. 237. 351
- Март, Н. Я. — Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории, изд. Коммунистической Академии, М., 1929 [ИР, т. III, стр. 61—77]. 370
- Март, Н. Я. — Бретонская наименовательная речь в увязке языков Афревозии, ИГАИМК, т. VI, вып. 1. 262. 279
- Март, Н. Я. — Время в раннегреческом и равненемецком понимании [доклад на нем. яз.]. 350
- Март, Н. Я. — Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой коже» Шоты из Рустава, ТР, кн. XII. 459
- Март, Н. Я. — Георгий Мерчул, Житие Григория Хандзтийского, ТР, кн. VII. 412
- Март, Н. Я. — Грамматика древнелитературного грузинского языка, МЯЯ, т. XII. 167. 304. 311—314. 348
- Март, Н. Я. — Грамматика чанского (лазского) языка, МЯЯ, т. II. 281. 282
- Март, Н. Я. — Готское слово *guma* 'муж' (К увязке готов с яфетическими народами Кавказа), ИАН, 1930, стр. 441—465. 249. 274. 275
- Март, Н. Я. — Готтентоты-средиземноморцы, ИАН, 1927, стр. 405—416. 22. 47
- Март, Н. Я. — Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи, ДАН, 1927, стр. 82—84. 406
- Март, Н. Я. — Еще о слове «челеби». К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии, ЗВО, т. XX, стр. 99—150. 88
- Март, Н. Я. — Из доистории Индии и Волкамья по названиям городов (опыт формального анализа), ВЗ, изд. ЛИЖВЯ, Л., 1927, стр. 223—234. 45
- Март, Н. Я. — Из Пиренейской Гурии (К вопросу о методе), Известия КИАИ, т. V, стр. 1—32. 249. 256. 308. 410. 411
- Март, Н. Я. — Из семантических дериватов 'неба', ДАН, 1924, стр. 27—28 [ИР, т. II, стр. 147—148]. 226
- Март, Н. Я. — Из яфетических пережитков в русском языке, ДАН, 1924, стр. 65—67 [ИР, т. V, стр. 114—116]. 425
- Март, Н. Я. — Индоевропейские языки Средиземноморья, ДАН, 1924, стр. 6—7 [ИР, т. I, стр. 185—186]. 17. 128
- Март, Н. Я. — Иштарь (От богини матриархальной Афревозии до героини любви феодальной Европы), ЯС, т. V, стр. 109—178 [ИР, т. III, стр. 307—350]. 17. 120. 153
- Март, Н. Я. — Заметки по яфетическим клинописям, ИГАИМК, т. III, стр. 238—304. 153. 216. 218. 223. 348
- Март, Н. Я. — Значение и роль изучения меньшинства в краеведении, «Краеведение», т. IV, вып. I, 1927 [ИР, т. I, стр. 231—248]. 22. 35. 36
- Март, Н. Я. — Кавказоведение и абхазский язык, ЖМНП, 1916, № 5 [ИР, т. I, стр. 59—78]. 181
- Март, Н. Я. — Карфаген и Рим, *fas* и *jus*, СГАИМК, т. II, 1929, стр. 372—415. 240. 269. 282. 406. 407. 411
- Март, Н. Я. — К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории, ИАН, 1926, стр. 349—354. 44. 83
- Март, Н. Я. — К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги», ЗВО, т. XXV, стр. 301—336. 71. 183
- Март, Н. Я. — К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа, ИАН, 1916, стр. 1379—1408. 235
- Март, Н. Я. — К толкованию имени Гомер, ДАН, 1924, стр. 2—5. 147
- Март, Н. Я. — Кигайский язык и палеонтология речи, I—V, ДАН, 1926, стр. 93—96, 109—112, 129—132. 22. 32. 43. 56. 132. 406
- Март, Н. Я. — Классифицированный перечень печальных работ по яфетидологии, изд. ИЭНК, М.—Л., 1926. 4. 5. 27. 35. 71. 181. 406
- Март, Н. Я. — Книжные легенды об основании Киева на Руси и Куара в Армении, ИГАИМК, т. III, стр. 257—287 [ИР, т. V, стр. 44—66]. 282. 347
- Март, Н. Я. — Культурный фронт грузинского народа с лингвистической точки зрения [на груз. яз.], Мпандови, 1925, № 4 (12), стр. 192—211, № 5/6 (13/14), стр. 289—328. 30
- Март, Н. Я. — К пересмотру распределения шумерского словаря, ДАН, 1927, стр. 7—12. 406. 407
- Март, Н. Я. — Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры, СГАИМК, т. I, Л., 1926, стр. 37—70 [ИР, т. III, стр. 35—60]. 4. 6. 19. 31. 114. 115. 117. 119
- Март, Н. Я. — Надпись Сардура II из раскопок ниши на Ванской скале, изд. РАО «Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван», П., 1922, стр. 25—68. 229

Март, Н. Я. — Название этрусского бога смерти *Kalu* и термины 'писать', 'петь', 'чорт', 'поэт', 'слепец', ИАН, 1924, стр. 183—194. 119

Март, Н. Я. — Наридательное значение термина *qera* в «митанских» женских именах (по яфетическим данным), ИАН, 1920, стр. 121—127. 275

Март, Н. Я. — Новый поворот в работе по яфетической теории, ИАН, 1931, стр. 637—682 [ИР, т. I, стр. 312—346]. 299. 300

Март, Н. Я. — Новый среднеазиатский язык и его числительные, ДАН, 1926, стр. 133—134. 47. 406

Март, Н. Я. — О записывании абхазских текстов, Пособия для работ по яфетическому языкознанию, III, 1918. 344. 351

Март, Н. Я. — Оливия и Альба Лонга, ИАН, 1925, стр. 663—672. 21

Март, Н. Я. — О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье, ИГАИМК, вып. 89. 457

Март, Н. Я. — О поездке к западно-европейским яфетидам, ЯС, т. III, стр. 1—34. 30

Март, Н. Я. — О полигении семантики ('брат' и 'кровь'), ИАН, 1926, стр. 781—786 [ИР, т. II, стр. 168—172]. 66

Март, Н. Я. — Определение языка 2-й категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания, ЗВО, т. XXIII, стр. 31—156. 167. 270

Март, Н. Я. — О происхождении языка, ПЭРЯТ, стр. 286—335 [ИР, т. II, стр. 179—209]. 6. 28. 41. 54. 69. 115—117. 128. 247. 419—421. 423

Март, Н. Я. — *Ossetica-Japhetica*, I, ИАН, 1918, стр. 2069—2100, 2307—2310. 89. 410

Март, Н. Я. — О слоях различных типологических эпох в языках прометейской системы, ИАН, 1927, стр. 333—344 [ИР, т. II, стр. 224—233]. 15. 104

Март, Н. Я. О халдском *puh* 'камень' || *puh* ['камень', 'каменная труба'] 'водопровод', 'канал', ИАН, 1917, стр. 1279—1282. 119

Март, Н. Я. — О числительных (К постановке генетического вопроса), сб. «Языковедные работы по числительным», т. I, стр. 1—96, Л., 1927, изд. ИЛЯЗВ [ИР, т. III, стр. 246—306]. 88

Март, Н. Я. — Об яфетической теории, НВ, т. V, 1924, стр. 303—339 [ИР, т. III, стр. 1—34]. 54. 115—118. 173. 181. 187. 198. 223

Март, Н. Я. — Основные достижения яфетической теории, изд. «Буревестник», Ростов н/Д, 1925 г. [ИР, т. I, стр. 197—216]. 116. 117

Март, Н. Я. — Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими, II, 1908 [Предварительное сообщение: ИР, т. I, стр. 28—38]. 30. 126. 304. 412

Март, Н. Я. — От шумеров и хеттов к палеоазиатам, ДАН, 1926, стр. 135—136. 406

Март, Н. Я. — Палеонтология речи [курс лекций]. 3

Март, Н. Я. — Первая выдвинутая экспедиция по обследованию мариев, изд. Марийского научного общества краеведения, Л., 1930 [ИР, т. V, стр. 438—466]. 269

Март, Н. Я. — Первый средиземноморский дом и его яфетические названия, у греков *megaron*, у римлян *atrium*, ИАН, 1924, стр. 225—233. 147

Март, Н. Я. — Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей групп в огласовке мокша и эрзя мордовского языка, ДАН, 1927, стр. 143—147 [ИР, т. V, стр. 380—384]. 15

Март, Н. Я. — Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык, изд. ЛИЖВЯ, Л., 1928. 237. 238. 269. 411. 425

✓Март, Н. Я. — Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений, сб. «На боевом посту», М., 1930, стр. 361—384 [ИР, т. III, стр. 180—198]. 255

Март, Н. Я. — Природа и особенности грузинского языка, газета «Иверия», 1888 г., № 86 [на груз. яз.], [перевод: ИР, т. I, стр. 14—15]. 6. 29

Март, Н. Я. — Происхождение американского человека и яфетическое языкознание, ВС, т. I, Л., 1926, стр. 167—192. 44. 115. 406

Март, Н. Я. — Происхождение терминов 'книга' и 'письмо', «Книга о книге», Л., 1927, стр. 46—62 [ИР, т. III, стр. 218—245]. 23. 88. 119. 273. 274. 364. 365. 409

Март, Н. Я. — Программа общего курса учения об языке, изд. Восточного факультета АГУ им. В. И. Ленина, Баку, 1927. 111. 119. 121. 122

Март, Н. Я. — По этапам развития яфетической теории, сборник статей Н. Я. Марта, изд. ИЭНК, Л.—М., 1926. 4. 6. 12. 27. 114. 115. 116. 440

Марр, Н. Я. — Разложимость мнимых при-
митивов, простых слов, и термины для понятия
'рыба', ИАН, 1926, стр. 385—397 [ИР, т. II,
стр. 173—178]. 55. 222

Марр, Н. Я. — Расселение языков и наро-
дов и вопрос о прародине турецких языков,
«Под знаменем марксизма», 1927, № 3,
стр. 18—60. 76. 406

Марр, Н. Я. — Родная речь — могучий
рычаг культурного подъема, изд. ЛВИ, Л., 1926
[ИР, т. V, стр. 393—437]. 257. 261

Марр, Н. Я. — Сборники притч Вардана,
Материалы для истории средневековой армян-
ской литературы, т. I. 1899, т. II и т. III.
1894. 247

Марр, Н. Я. — 'Север' и 'мрак' || 'левый'
от Пиренеев до Месопотамии, ДАН, 1924,
стр. 8—11 [ИР, т. II, стр. 136—139]. 219. 222.
454

Марр, Н. Я. — Скифский язык, ПЭРЯТ, Л.,
1926, стр. 331—387 [ИР, т. V, стр. 191—223].
19—21. 33. 116. 261

Марр, Н. Я. — 'Смерть' → 'преисподняя'
в месопотамско-эгейском мире, ДАН, 1924,
стр. 12—14 [ИР, т. II, стр. 140—142]. 219

Марр, Н. Я. — Согдийское кр 'рыба', 'вода'
(из яфетической палеонтологии) [доклад]. 175

Марр, Н. Я. — Сравнительная грамматика
сибирянской ветви яфетических языков [курс
лекций]. 3

Марр, Н. Я. — Сравнительная грамматика
языков яфетической и семитической систем
[курс лекций]. 4.

✓ Марр, Н. Я. — Средства передвижения, ору-
дия самозащиты и производства в доистории
(К узвяке языкознания с историей материаль-
ной культуры), изд. КИАИ, Л., 1926 [ИР, т. III,
стр. 123—151]. 4. 6. 19. 31. 115—117. 120. 407

Марр, Н. Я. — Стадия мышления при воз-
никновении глагола 'быть'. ИАН, 193,
стр. 73—78 [ИР, т. III, стр. 85—89]. 280

Марр, Н. Я. — Старая и новая археология,
старая и новая культура [доклад]. 21

Марр, Н. Я. — Суоми-карельские и сомех-
картские языки, ДАН, 1929, стр. 29—32 [ИР,
т. V, стр. 389—392]. 261

Марр, Н. Я. — Сухум и Туапсе (Киммерский
и скифский вклады в топонимику Черномор-
ского побережья), ИГАИМК, т. IV, стр. 299—
310 [ИР, т. V, стр. 153—161]. 167. 174

Марр, Н. Я. — Схождения и расхождения
армянского и грузинского языков [курс лек-
ций]. 4

Марр, Н. Я. — Топонимика Рейнской
области [доклад на нем. яз.]. 300

Марр, Н. Я. — Толкование так наз. сильных
двужкоренных глаголов [доклад на нем. яз.]. 300

Марр, Н. Я. — Филистимляне, палестинские
пеласги, и расены, или этруски, «Еврейская
мысль», 1926, стр. 11—41. 175. 178. 183

Марр, Н. Я. — Чуваши-яфетиды на Волге,
Чувашиздат, Чебоксары, 1926 [ИР, т. V,
стр. 323—372]. 4. 6. 31. 232. 238. 261.

Марр, Н. Я. — Чем живет яфетическое язы-
кознание [на груз. яз. яфетидологическим пись-
мом], ИЖВЯ, П., 1923 [русский перевод: ИР,
т. I, стр. 158—184]. 181

Марр, Н. Я. — Яфетические переживания
в классических языках и 'вера', в семантиче-
ском кругу 'неба', ДАН, 1924, стр. 29—31 [ИР,
т. II, стр. 149—150]. 144

Марр, Н. Я. — Язык. ЯИИ, т. I, стр. 17—27
[ИР, т. II, стр. 127—137]. 127

✓ Марр, Н. Я. — Язык и мышление, Соцэкгиз,
1931 [ИР, т. III, стр. 90—122]. 441

Марр, Н. Я. — Язык и письмо, ИГАИМК,
т. VI, вып. 6 [ИР, т. II, стр. 352—371]. 262.
264. 380. 381

Марр, Н. Я. — Яфетиды, «Восток», кн. I,
стр. 89—92, П., 1922 [ИР, т. I, стр. 125—136].
116. 119. 181

Марр, Н. Я. — Яфетический Кавказ и трет-
ий этнический элемент в созидании Средне-
земноморской культуры, МЯЯ, т. XI [ИР, т. I,
стр. 79—124]. 116. 181. 193. 247

Марр, Н. Я. — Языковая политика яфети-
ческой теории и удмуртский язык, Центриздат,
М., 1931 [ИР, т. I, стр. 273—289, т. V,
стр. 467—533]. 250. 265. 268. 269. 273

Марр, Н. Я. — Яфетические зори на украин-
ском хуторе, Ученые записки народов Востока
СССР, т. II, стр. 1—86 [ИР, т. V, стр. 224—
271]. 250. 256. 257. 262. 266. 272. 279. 285

Марр, Н. Я. — Яфетическое происхождение
абхазских терминов родства, ИАН, 1912,
стр. 423—432. 66

Марр, Н. Я. Яфетическое происхождение
шумерского tam-dam, Handes Amsoya, 1921.
№ 1—2, стр. 78—83, № 3—4, стр. 220—227
[на арм. яз.] [русский перевод: ЯИИ, т. I,
стр. 86—95]. 120

Марр, Н. Я. — Яфетическая теория и семан-
тика китайского языка, ДАН, 1926, стр. 39. 43

Марр, Н. Я. — Яфетические элементы
в языках Армении, I—X, ИАН, 1910—1920.
125. 137. 138. 150. 167. 246

Марр, Н. Я. — Яфетическая теория, АзГИЗ, Баку, 1928 [ИР, т. II, стр. 3—126]. 395. 396. 401. 415. 416. 420—422

Мещанинов, И. И. — Основные начала яфетидологии, изд. Общества обследования и изучения Азербайджана, Баку, 1926. 14

Мещанинов, И. И. — Халдоведение, Труды Общества обследования и изучения Азербайджана, Баку, 1927. 416

Миллер, А. А. — Некоторые примеры из узвязки истории материальной культуры и языкознания [доклад]. 120. 121

Моденская, В. А. см. Петрова, Е. Н.

Моисей Хоренский — История Армении. 248

Миткевич, В. Ф. — К вопросу о природе электрического тока, СОРЕН, 1932, № 3, стр. 41—66. 436—438. 441

Нуаре, Л. — Орудие труда и его значение в истории развития человечества, Госиздат Украины, 1925. 78. 79

Огиенко, И. И. — Иноземные элементы в русском языке, Киев, 1915. 418

Одиссея 86

Орбелиани — Лексикон грузинского языка. 228

Орфинская, В. К. — Наблюдения в области палеонтологии числительных [доклад]. 211

Павлов, И. П. — Лекции о работе больших полушарий головного мозга, 1927. 352. 366

Песнь Песней 82

Петрова, Е. Н., Андреев, Н. П., Моденская, В. А., Вейспал, О. В. — Русский язык и литература в средней школе, Методологические материалы на второе полугодие 1932—1933 уч. г., изд. Ленинобло, 1933. 389

Послания апостолов 46

Рифтин, А. П. — Шумерские числительные [доклад]. 212

Руставели, Шота — Витязь в барсово́й шкуре. 94. 101. 229

Срезневский, И. И. — Материалы для словаря древнерусского языка. 388

Томашевский, В. Б. — Итальянский корень TER в индоевропейских числительных [доклад]. 211

Тристан и Исоolda 30
«Тристан и Исоolda», Труды ИЯМ, II, Л., 1932. 442

Труды Ноябрьской юбилейной сессии АН СССР, Л., 1933. 427

Услар, П. К. — Этнография Кавказа, I. Язык. Абхазский язык, Тифлис, 1866. 348

Ушаков, Д. Н. — Кратное введение в науку о языке, 6-е изд., 1923. 33

Цагарели, А. А. — Мингрельские этюды, I, Спб., 1880. 227

Чарая, П. — Об отношении абхазского языка к яфетическим, МЯЯ, т. IV. 218

Чкония, Ил. — Грузинский глоссарий, МЯЯ, т. I. 166

Чубинов, Д. — Грузинско-русский словарь. СПб., 1887. 153

Эпос о Гильгамеше 136

Энгельс, Ф. — Письмо К. Шм. дту. 451

Энгельс, Ф. — Письмо И. Блоху. 451. 452

Энгельс, Ф. — Диалектика природы, Соч., т. XIV. 251. 445—447

Энгельс, Ф. — Людвиг Фейербах и конец немецкой классической филологии, Партиздат, 1933. 444. 445

Энгельс, Ф. — Роль труда в процессе очеловечения обезьяны, Соч., т. XIV. 114

Энгельс, Ф. см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология.

Энгельс, Ф. — Франкский язык. 447—449

«Языковедение и материализм», I, изд. «Прибой», Л., 1929. 399

«Языковедные проблемы по числительным», I, изд. ИЛЯЗВ, 1926. 212. 215

Яковлев, Н. Ф. — Материалы для кабардинского словаря, I, Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога. Центриздат, М., 1927. 336

Якубинский, Л. П. — К палеонтологии названия для 'половины', «Языковедные проблемы по числительным», Л., 1926, стр. 191—201. 215

Якубинский, Л. П. — О словах, обозначающих неопределенное множество [доклад]. 217
«Яфетический Сборник», т. I, II, 1921. 440. 442.

Bédier, J. — Le roman de Tristan et Iseult, Париж, 1902. 163. 164

Bleichsteiner, R. — Beiträge zur Kenntnis der elamischen Sprache, Anthropos, XXVI, вып. 1—2, стр. 167—198. 416

Brière, M. см. Marr, N. et Brière, M.

Deimel, A. — Pantheon Babylonicum, Nomina deorum e textibus cuneiformibus excerpta et ordine alphabetico distributa, Рим, 1914. 140

Delitzsch, Fr. — Assyrisches Handwörterbuch. 137

Delitzsch, Fr. — Grundzüge der sumerischen Grammatik, Лейпциг, 1914. 140

Delitzsch, Fr. — Sumerisches Glossar. 140. 151—154. 241

Déonna, W. — L'archéologie, son domaine, son but, Париж, 1922. 77

Diccionario de la lengua castellana por la R. Academia Española, 14-е изд., Мадрид, 1914. 138

Ebert, M. — Reallexikon der Vorgeschichte. 305. 306

van Eys, W. J. — Dictionnaire basque-français, Париж, 1873. 138. 158

Isidor, Etymologiae, VIII. 140

Cavaignac, E. — Population et capital dans le monde méditerranéen antique, 1923. 402

Capitan, L. — La préhistoire, 1922. 205

√ Couturat, L. et Leau, L. — Histoire de la langue universelle, Париж, 1903. 397

Geiger, L. — Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit. 78

Hahn Th. — Die Sprache der Nama, Лейпциг, 1870. 95

Herbig, G. — Reallexikon der germanischen Altertumskunde, Страсбург, 1915—1916. 305

Hirt, H. — Etymologie der neuhochdeutschen Sprache, 2-е изд., 1921. 457. 458

Hommel, Fr. — Geschichte Babyloniens und Assyriens. 136

Husing, G. — Völkerschichten in Iran, Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft, Wien, т. XI, вып. VI. 306

Fessenden, R. A. — The deluged civilisation of the Caucasus isthmus, Бостон, 1923. 404

Kretschmer, P. — Die Inschrift von Ornavasso und die Ligurer, Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, т. XXXVIII, 1905. 306

Kluge, Fr. — Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 11-е изд., 1930. 458

Leau, L. см. Couturat, L. et Leau, L.

Leune, J. — Autour de Tristan et Iseult, «Le Temps», 6 IX 1930, № 25216. 442

√ Lévy-Bruhl, L. — La mentalité primitive. 202. 203. 407. 410

√ Lévy-Bruhl, L. — Les fonctions mentales dans les sociétés primitives, 1922. 213

Marr, N. — Analyse nouvelle du terme Pyrénées, ДАН, 1925, стр. 5—8. 247

Marr, N. — Der japhetische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur, JS, II, Лейпциг, 1923. 247. 307

Marr, N. — Du terme basque «udagara» 'loutre', ЯС, т. I, стр. 1—30. 308

Marr, N. — Origine japhétique de la langue basque, сборник «Язык и литература», I, Л., 1926, стр. 193—260. 218.

Marr, N. — Postface [к ЯС, т. III], ЯС, т. III, стр. 165—177 [русский перевод: ИР, т. I, стр. 189—196]. 128

Marr, N. — Les Pyrénées ou Monts Ioniens, ДАН, 1925, стр. 15—18. 247

Marr, N. — Quelques termes d'architecture, désignant 'voûte' ou 'arc', ЯС, т. II, стр. 136—167 [русский перевод: ИР, т. III, стр. 199—218]. 145—147. 150

Marr, N. — La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pélagés, II, 1922 [русский перевод: ИР, т. I, стр. 137—148]. 145. 247. 276

Marr, N. — Über die Entstehung der Sprache, Unter dem Banner des Marxismus, 1926, январь [русский текст: ИР, т. II, стр. 179—209] см. Marr, H. Я. — О происхождении языка

Marr, N. et Brière, M. — La langue géorgienne, Париж, 1931. 304. 314

Marque, B. — Le cheval totem dans l'antiquité et les origines celtiques et préceltiques, Revue archéologique, 1931, янв.—апрель. 293

Marx, K. — Das Kapital, т. I, М., 1933. 403. 456

√ Meillet, A. — Les langues du monde, изд. Société de linguistique de Paris, под ред. A. Meillet et M. Cohen. 356

Meillet, A. — Рец. на «Caucasica», вып. 1, 1924, вып. 2, 1925, Bulletin de la société linguistique de Paris, 1927, т. XXVII, вып. 2, стр. 192—193. 34

Meinhof, C. — Was können uns die Hamitensprachen für den Bau des semitischen Verbum lehren, Zeitschrift für Eingeborene Sprachen, Берлин, 1922. 122

Menghin, O. — Weltgeschichte der Steinzeit Вена, 1931. 305—307

Meyer-Lübke, W. — Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft, Гейдельберг, 1920. 138

Muck, K. — Zur vergleichenden Ethnologie der Alpenländer, Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, т. XXXVI. 306

Muss-Arnolt, W. — Assyrisch-englisch-deutsches Handwörterbuch. 136. 137

Noiré, L. — Das Werkzeug und seine Bedeutung für die Entwicklungsgeschichte der Menschheit, Майнц, 1880. 79

Paul, H. — Deutsches Wörterbuch, 3-е изд., 1921. 457. 458

Petrie, Fl. — The origins of the Book of the Dead, Ancient Egypt, 1926. 403

√Poincaré, H. — La valeur de la science. 433

√Poincaré, H. — La science et l'hypothèse. 433

Reché — Glockenbecherleute, Reallexikon der Vorgeschichte. 306

Revue philosophique de la France et de l'étranger, 1932. 431. 432

Ruger, R. — La connaissance comme fait cosmique, Revue philosophique de la France et de l'étranger, 1932. 432

Sayce, A. H. — The Hittite version of the Epic of Gilgamesh, JRAS, 1923, X. 136. 137

Schmidt, W. — Sprachfamilien und Sprachkreise der Erde. 356. 430. 431

Schrader, O. — Drawidisch und Uralisch, Zeitschrift für Ind. und Iran., III. 306

Schuchardt, C. — Die Etrusker als altitalisches Volk, PZ, 1921, т. XVI. 71

Sieck, E. — Herman Usener's mythologische Anschauungen, Memnon, 1910, IV. 209

Siret, L. — Questions de chronologie et d'ethnologie ibériques, 1913. 306

Šišmarev, W. — La légende de Gargantua, ЯС, т. IV, стр. 166—204. 106

Steinitz, W. — Naturvölker und Kulturvölker, Die Friedenswarte, XXXVI, вып. 8. 36

Urtel, H. — Zum Iberischen in Südfrankreich, Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1917, стр. 530—544. 60

Vendryès, J. — рец. на работу Н. Я. Марра «Du terme basque «adagara» 'loutre', Revue celtique, 1924, т. XLI, No 1—2, стр. 221—233. 179

Walde, A. — Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2-е изд., 149. 163

II. УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ, РАЗБИРАЕМЫХ ИЛИ УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ¹

<i>Абадзехский</i>		
Ға рука 237		
<i>Абазинский</i>		
җеӘә курица 237	àbga шакал 341	àla собака 269. 343
Һа ячмень 237	abzà живой 342	àla см. àbla
Ғә сердце 239	àbla, àla глаз 236. 343	alabà палка 343
Ғә арба 239	àbna лес 342	àлаша мерин 158. 343
фәә, фәејі рыба 236	àга берег 343. 343	àлеш лев 343
пә сила 236	àgaga тень 343	àмәә, àмә ручка 167. 342
<i>Абхазский</i>	àgan ширина 343	амаанà хитрость 167. 342
ab отец 341	agàr колыбель 343	амагàна сёрп 342
al ольха 341	aggə сердце 346	àмаә змея 167. 342. 347
àашә (àашә) время 236	aggəfçaga любовь 346	àмаәа, амаәә рукоятка 167
an мать 341	àgəlara стоять, вставать 341	amàt немного 344
an когда 240	ada жила 341, 347	àмиç чудо 346
àтма левый 237	dad дедушка 343	àmla голод 342
àгга правый 237	adamgà могила 343	àmга солнце 221
adàга талия 344	dàга очень 237. 343	амшәп море 341
аһа пашка, сабля 349	adərdə веретено 343	амә сила 237. 344
əyğга превосходство 349	adunəy мир 343	amтə дрова 344
eytbdà моложе всех 347. 349	adədə гром 343	àmуа дорога 167
əep ящерица 341	àvakiñ ребро 167	анарə рука 207. 237. 240.
уага он 341	avanəza селезенка 342	309. 343. 426
уаща брат 66	àvaga ребро, бок 166. 342	àпага склон 343
àlwa часть, образчик 341	àzagzà крючок 343	амəга подойник 343
àlka гребень 341	zakà сколько 343	анфга бог 225
àlq пшеница, мука 341	àzma полный 343	арà тонкий 342
wa-, waga ты 236. 341	aza, aza чистый 346	àpata честь 342
ubri тот 341	аәапаф, àдпаф абхазский	ареррəl перец 342
aydга огород 341	праздник 343	àа осина 343
ùга необъезженная лошадь	àдга давать 343	ajга канава 343
341	адəәәп табак 343	às малина 343
us, us так 346	адфà сено 346	ajà заяц 346
àwa сородичи 341	адфга полнота 346	aj старый 366
awardəп арба 239. 341	akàba верхнее платье 341	aj корова 349
owəfəс осґетин ¹ 341	aklkgгга ржанье 199. 423	aj войско 343
əшәà, пшà теперь 341	akə один 343	arə орех 343
abarbàl колесо 342	akəka сосец 343	àras папоротник 343
abəә хворост 349	akəl спок 343	sa, se я 236. 343
	akəфа курдюк 346. 349	asàan тарелка 343
	akəл мясо 346	asàba пыль 343
	ak.tə курица 237. 346	àsakasa носилки 343
		asarəп мыло 343

¹ Слова приводятся лишь в значениях, указанных в тексте настоящего тома ИР. Вследствие отсутствия в типографии некоторых необходимых для настоящего указателя знаков, редакции пришлось согласиться на набор части слов указателя петитом, части — циперо. *Ред.*

- əsas гость 343
 asə, aʃə снег 346
 atata хороший 343
 atata мягкий 343
 aʃə Филин 343
 aʃaga сидеть 346
 aʃə собственность, раб 346
 aʃa сын 342
 aʃan брод 342
 aʃaga деньги 342
 aʃənʃa нос 239
 əfə облако
 aʃsə душа 233
 aʃsəð рыба 176. 236
 əʃəп лето 218
 aʃa праведный 313
 aʃəða селение 343. 348
 aʃəg ячмень 237
 ʃ наверху, на 228. 229
 aʃa дождь 346
 aʃab отель 346
 aʃa врач 345
 əgba судно 345
 akaʃa кинжал 317. 345
 akaʃa хмель 345
 əklap забор 345
 akəz гусь 345
 aʃa кровь 66. 346
 aʃarə нога 269. 426
 əpʃ дверь 346
 aʃpʃ буй 349
 aʃa хлеб 344
 ʃe себе 228. 229
 əʃ зуб 344
 aʃa горячий 344
 aʃa амбар 344
 əʃa вишня 349
 aʃaga итти 349
 aʃaga талия 344
 aʃə вода 176. 344
 aʃba жажда 344
 ədʃ блоха 349
 ədʃəп зима 218
 əta дно 344
 atas обычай 344
 atəy наследник 344
 aʃkəп мальчик 344
 aʃa тычинка 345
 aʃa нить 345
 aʃga скала 345
 aʃə пуля 348
 aʃm молоко 345
 aʃdʃ имя 93. 349
 aʃə золото 348. 349
 aʃaʃa муж, мужчина 275
 aʃo голова 104. 229. 348. 349
 aʃaʃə голова и лицо 228
 -ʃaʃa сам 228
 -ʃala сам 228
 -ʃaz сам 228
 aʃəbga крыть, крыша 229
 aʃ дуб 344. 345
 aʃga жарить 345
 aʃəg сталь 345
 aʃəʃ чеснок 345
 aʃa свинья 349
 aʃəs теленок 349
 aʃəʃ голубь 349
 fba шесть 342
 əfa еда 342
 aʃərdən буря 342
 əʃ моль 347
 aʃə вино 347
 aʃpə дом 66. 347
- Аварский*
- bɪ кровь 172
 ʃɪɣ камень 154
 qɪɣ камень 154
 ʃaʃ длинный 161
- Авестийский*
- haʃa- голова, сам 31
- Атлийский*
- ball мячик 425
 boat судно 300
 gale ветер 425
 labour работа, труд 457. 458
- self сам 232. 456
 ship корабль 300
 tongue язык 82
 word слово 458
 work работа 457. 458
- Индийский*
- kɪna зима 222
- Арабский*
- yad^{un} рука 83
 ʃaraba бежал 126
 ʃatala он убил 53
 ʃutula он был убит 53
 kaʃaba он написал 53
 kaʃa наименовал 273
 -kaʃab книга 53
 ʃala сказал 89
 kuʃaʃ^{un} прозвище 273
 maʃɪl^{un} место отдыха 312
 maʃmɪɣ пьяный 101
 maʃ^{un} вола 83
 naʃ^{un} душа 104
 naʃa^{un} леница 83
 ruʃ душа, дух 81
 ʃamaʃ рыба 176
 ʃaʃɪʃa слышать 168
 ʃaʃɪɣ лето 218. 221
 əaʃɣ кровь 168
 haʃab^{un} копы 317
 fiʃɪ^{un} действие 254. 303. 318
 ʃmʃ (вульг. ʃmʃk) быть глубоко-
 ким 150
 waʃɪk^{un} бедро 166
- Армянский*
- abed огниво 250
 aʃ правая рука 237. 238
 aʃeak (нов.) левый 138
 aʃok неудачный 138
 aʃuʃ бездна 256
 akaʃdʃ ухо 264. 362
 aʃkaʃa зуб 147
 akaʃəп глаз 264. 362
 alaʃɪp служанка 150
 aʃɪq волны 170
 aʃm год 217. 236
 amaʃapak время 222
 aʃowaʃ имя 93
 aʃtaɣ лес 102
 aʃdʃəп душа, тело 80. 232. 303
 aʃqəʃ петух 249

- араканд осквернять 250
 араки стекло 250
 арадавогаџ пост 145
 арагот утро 283
 арагт плуг 282
 арабаеак раб 458
 агеиәл братъ 80
 агӀ пещера 106
 агӀиш, агӀиш кровь 170. 171
 агӀ медведь 146
 агӀап (нар. агӀап) скала 106
 агӀап бросать 93
 агӀаџ серебро 156. 160
 агӀап см. агӀап
 агӀиш см. агӀиш
 агӀеиәл братъ 80
 агӀиш (др.-л.), џиш (нар.) теперь 221
 аәг, аәг (нар. ог) день 221. 265
 елапел выходить, восходить 193. 312
 егӀ крыша, дом 153
 егӀапӀк блаженный 312
 егӀдис, егӀдиқ слуховое окно 153
 егес лицо 163
 егел петь, плясать, играть 85
 еркаг (нов. уеркаг, др.-лит. уеркауп) длинный 159. 160. 166
 еркип небо 282
 еркинг роды 282
 еуџ спуск, закат 312
 еш (др.-лит.) осел 125
 џапел заходить 312
 џиш см. агӀиш
 иш мой 390
 ишәпәл см. ишӀпӀл
 ишӀпӀл (нар. ишәпәл) понимать, знать 390
 ишәпш философ 390
 ишег (нар.) осел 125
 оџак кружок, кольцо 147
 ог см. аәг
 огиәг дѣвушка 150
 огиш стена 147
 оговәуп жинот 147
 огс дичь, охота 145
 оски золото 348
 ишш имею 280
 ишс имеешь 280
 ишкен (др.-л.) ухо, внимание 264
 уәдәиәл вручать 80
 уердиқ см. егӀдис
 уеркаг см. еркаг
 wors (нар.) мясо 274
 бак двор 250
 бардәг высокий 226
 бдәиәш царь 250
 буш природный 75
 бәиәшӀиш природа, характер 75
 даг век 221
 дег долг 83
 драџт сад 67
 дәшӀоуп царица 250
 даџ (нов.) левый 138
 дауп зов, голос 82. 93
 дентур позови 82
 дег рука, дегәп (др.-лит.) 83. 237. 240. 266. 319
 дӀиш, дӀиш (нар.), дӀиш (диал.) снег 218
 дӀикәп рыба 175
 дӀиш см. дӀиш
 дӀиш см. дӀиш
 дәмегәп зима 218
 дур вода 176
 дәрһог колодезь 147
 јам время, час 216. 221. 236
 гагӀ ячмень 237. 307
 гинд ожерелье 148
 гиг пишу 387
 гирӀ (др.-л.) книга 387
 гуш (др.-л.), гуш (нар.) образ, вид 277
 гәлуџ голова 485
 гунд мяч 148
 гуш см. гәлуџ
 һәдәиәл вручать 308
 һәмегәл убеждать 150
 һәпел средство, извлекать 80
 һәпәг разум 79. 80
 һәрт наложница 275
 һәв курица 63
 һәвәпел одобрять 150
 һәват вера 150
 һен древний 276
 һеркел пахать 282
 һеупӀ конница, набег 151. 276. 285
 һиш брод 256
 һиш огонь 216
 һепәџ горнило 279
 һәзәвәгәгуш сильнейший 277
 каџ см. кал
 какаџ, кәкәџ, кәкәг куча камней 106
 кал бери 92
 кал, каџ (нов.) хромою 159
 каг камень 106
 каг сила 80. 92. 165
 кәгаг сало 145. 146
 кәгел пить 64
 кагӀ повозка 425
 кагӀ короткий 156—158
 кәртәтел сокращать 156
 кәгӀ клык 147
 кӀп женщина 274. 287
 кӀп раз 82
 когӀ масло 146
 коџел попираџь ногами 157
 кәпӀк печать 274
 ләшӀк, ләсәлӀк ухо 204. 361
 мапәпәно учусь 390
 маџ, маџ рукоятъ плуга 167
 мерӀ близъ 137. 238
 рап дед 169
 реут (др.-л.), рет (нар.) глава, начальник 249
 қәлӀ голод 156
 қәг четыре 157
 қәндәл веселиться, смеяться 283
 қез ишс у тебя есть 281
 қәл болото 170
 қәләвӀк хитрость (др.-л.), умный (нар.) 80
 қәл, қәџ безрукый, урод 80
 қәлӀ ум 80. 266
 қирӀгӀнд ржанье 139. 423
 қопәв сырой, влажный 256. 287
 қог, қогӀ глубокий 147
 қогап (др.-л.) свод, палатка 239
 қог, қуш (нар.) тиара, венец, митра 228
 қоз свинья 145
 қуш см. қог
 қӀф крышка, верх 229
 қәндәл радоваться, смеяться 255
 сәрдәп паук 458
 сәгӀдӀк лед 217
 сәмбак копыто 283
 тәраџ топор 418
 таџ буква 387. 409
 тәг год 65. 217. 221
 тәгәг рыба тәрех 176

tegeв листа 67. 102
 tıw (др.-л.) день 221. 265
 teđur печальный 222
 tag берег, луч 192. 348
 tagel восходить 192
 tag дерево, 66. 131
 taug верх 227
 tav голубой 150
 igr круг 158
 tanag рыба 178
 tanđ муха 64
 đon дождь 235
 đowel колдовать 89
 đogean ячмень 307
 đurt холодный 219
 đog четыре 157
 fāq чистый 250
 fegeпfal (др.-л.) чихать 238.
 239
 fegeštal, fegeпgal (нар.) чи-
 хать 239
 шип собака 259. 261. 279. 429
 шипар кит 176. 178
 veпan (др.-л.) палатка 239
 шипд душа 64

Ассирийский

eltanu север 141
 iltānu север 136—138. 140. 141
 штānu север 136—138. 140. 141
 kınuku печать 273. 274

Ахвахский

«цїборо» год 218

Баскский

aħal, al мочь, мощь 347
 agıga привет тебе 148
 alaba девушка 150
 albo бок, сторона 347
 alde сторона 347
 andere женщина 237
 aғаш рыба 177
 arategıп мясной день 145
 aratiste, aratoste, aratuste кар-
 навал 145. 146
 ardo кровь 170
 arte дуб 67
 -arte (последелог) до 80
 arto жолудь, маис 67
 artu братъ 80
 arđ медведь 146

ayđ камень 106
 edur см. elur
 egun день 286
 eki, eqı солнце 272
 elur, edur снег 218
 eqı см. egi
 eskela северо-восток, левый
 137. 138. 140
 esker левый 137. 138. 140
 eııku рука 80
 euri, urı дождь, милость 148
 ınđar сила 237
 ırı, hırı город, вокруг 154
 ırhınırı, samarıkına ржанье
 199. 423
 ordu время 148
 orđ зуб 147
 orga повозка 147
 orkor, urıkağ жалкий, несча-
 стный 148
 orma стена 147
 ors небо, облако 147
 orsadar радуга 147
 orđı хоронить, небо, небосклон,
 гром, туча 145. 147—149
 u см. hurı
 udagara выдра 308
 urı см. euri
 urıkar см. orkor
 urđam свинопас 145
 urdaki сало 145
 urdal желудок 147
 urđam пастух 145
 urđandegı свинарня 145
 urdatu пошлина за пользова-
 ние жолудями для свиней
 145
 urde, urđay свинья 145
 urden синий 148
 urđendu синеть 148
 urte год 217. 223
 be сам, себя 104
 bere себя, свой 104. 226
 bortu холм, гора (суелт.) 425
 buru голова 104. 151. 184. 226.
 230. 425
 har см. kar
 hırı см. ırı
 hors см. ors
 harağı мясо 108
 holđadar см. orsadar
 horsadar см. orsadar

horđ см. orđ
 hur, u вода 48. 126. 148. 185.
 223
 gaw ночь 31
 gařagaгı ячмень 237. 307
 gaгı пшеница 307
 gores верхний, высший 148
 gorden зеленый, незрелый 148
 ğorı свинья 145
 gur поклон, привет 148
 gurtu, gurđep кланяться 148
 goybel облако 147. 236
 gurpıl колесо 147
 kar, har камень 106
 kur см. gur
 ke дым 236
 laburd короткий 162. 163.
 lehen перед 163
 luse (лаб., н.-нав.) длинный
 162. 163
 mođ короткий 158
 moskor очень короткий 158
 muđı короткий 158
 sakur собака 288
 saldu продавать 237
 samarıkına см. ırhınırı
 sarat сапог 426
 seru небо 145. 151. 154
 ын клятва 150
 sines действительно 150
 sıııstu, sııısten верить 150
 řarı см. řeri
 řarıkı см. řeriķı
 řeřen дьявол 145
 řeri, řarı свинья 145
 řeriķı, řarıķı свинина 145. 146 ;

Белорусский

кроць 165

Бжедужский

řa рука 237

Болгарский

veře волк 257

Бретонский

kezek конь 429
 kї собака 285. 288. 429
 mařı конь 429
 tap день 265
 шас собаки 429

Вершижский

maten далекий 137
 siḡa далекий 138

Голландский

ziel душа 232

Готский

augarh гроб, кладбище 149
 guþ бог 274
 laggs длинный 156
 saunala душа 232
 sibya род 455
 watb река, вода 308

Греческий

ἀδελφή сестра 169
 ἄργυρος серебро 160. 161
 ἄρκτος медведь 146
 ἄροτρον плуг 282
 αὐτός сам 230. 232. 233
 βάλανος жолудь 7. 32. 56. 132
 βασιλεύς царь 455
 βραχύς короткий 155
 γράμμα буква 387
 γραμματικὴ грамота 387
 γράφω писать 387. 389
 γυνή женщина 83. 274
 δένδρον дерево 67. 102
 δελφίς дельфин 175
 δολιχός длинный 155. 163
 δύναμις мочь 283
 εαυτοῦ себя 230
 εαυτου себя самого 32
 ἐρπω ползти 226
 ἥλιος солнце 193
 θάνατος смерть 142. 222
 θεράπων слуга 87
 θεραπευτής врач, монах, аскет, целитель 87. 88
 θεσπίζω пророчествовать 87
 θνητός смертный 142
 θρησκεία культ, религиозный обычай 87
 θρησχος благочестивый 87
 ἰχθύς рыба 177. 178.
 κεφαλή голова 224. 226. 227. 230
 κρίνω судить, разбирать, гадать 144
 κριτός отборный, лучший 144
 λύκος волк 457. 458
 μάθημα учение, знание 390

μακρός большой 155
 μάντις предсказатель 89
 νεφέλη облако 240
 οἰκτός сострадание 149
 οἰκτιρμός сострадание, сожаление 149
 οἰκτρός жалкий, несчастный 149
 οἶνος вино 149
 ὄρνις птица 240
 ὅμοιος подобный 231
 ὄνομα имя 93
 οὐρανός небо 48. 225. 239. 240
 οὖς, ὠτός ухо, 262
 παῖς дитя 270
 παρθένος девушка 140. 269
 τέρας чудовище 87. 387. 409
 τέρψις веселие, наслаждение, очарование 87
 ὕδωρ вода 83
 ὑπέρ над 225. 226
 ὑπό под 226
 ὑψηλός высокий 87. 225. 226.
 ὕψι наверху 225. 226
 ὕψος высота 225. 226
 φύσις природа 75
 χεῖμα, χειμῶν зима 218. 221. 223
 χειμέρινος бурный 218
 χιῶν снег 218
 χεῖρ рука 76. 83. 266
 χθόνιος земной 140
 χθόν земля 140
 χοῖρος свинья 145
 ψυχή душа 87. 226
 φρανος см. οὐρανός

Грузинский

აგშამეუნებელი строитель 418
 აგშეუნა он построил себе 232
 აგშეუნებია я построил 52
 აგშოსვლა, აშოსვლა восходить 192
 აკლიа ему нехватает 159
 აკლი он уменьшил 159
 აშოსვლა см. აგშოსვლა
 აგ быть 319. 320
 აგამედ (др.-л.) но 124
 აგე сезон 221. 223
 აგს он есть 320
 აგბობს тушит, гасит 425
 ააგბებს раскаляет, разгорячает 216

ავი злой, зло 103
 ედ (др.-л.) место отдыха, этап 312
 ედი спуск 312
 ეკაგება прикасается к нему 80
 ენა язык 82
 ერ войско, народ 65. 238
 -ერ через, из 238
 ერდო кровля 153
 ერდ один 63. 160
 ერგვან плуг 282
 есе этот 238
 ес mis он слышит 262
 ეტერ лес 102
 იქილა (др.-л.) увидел 124
 იტკვის говорит 201
 იტკვან (др.-л.) говорят 311
 იტერს держит 238
 одес (др.-л.) когда 124. 265
 онаგრ седло 151. 279. 288
 онаვარ грабитель, наездник 151
 орб орел 240
 ормо см. ღორმო
 უკიგშაგდი роковой 137
 უკინ ვეკ, столетие, мрак 255. 265. 286
 უგემ арба 239. 255
 ურმის ღვალ колесо 424
 ურღიერდას друг другу 160
 უღოდა протянул ему, позвал, назвал 82. 202
 უჩალი господин 319
 ბაბუა дедушка 169
 ბაბა мыть, стирать 63
 ბარკალი бедро 166
 ბათონ господин 250
 ბებია бабушка 159
 ბერ старый 60
 ბერკი, ფეტი нога 166. 426
 ბერვა дуть 424
 ბიდე дядя 66. 250
 ბორბალი колесо 424. 425
 ბორგვა бесноваться 208
 ბორბი холм 425
 ბუნება природа 75
 ბრძანა приказал, изволил сказать 92. 208
 ბრეველი (имер.) много 238
 ბრმა слепой 147
 ბრეკი кружение головы 424
 ბრეღ мяч 425

- буq буря 424
 да и 94. 103
 да сестра 169
 дашапа (нар.) увидел 124
 дақуға покрыл себе голову 228
 дақуға он изловил его, надавил на него 238
 дашамл петух 249. 275
 де (др.-л.) день 286
 dedazardl паук 458
 дена течь 235. 283
 дидроа (др.-л.) половодие 153
 динеба течь 171
 дже, джевал день 221. 265
 джевалдәли сегодняшний 265
 дона уровень 283
 до время 221
 дағл собака 64
 дәл сила 83. 92. 93. 236. 347
 дағу, дағу (нов.) жила 347
 де сын 250
 дәл дерево 66. 102. 131
 дил, дил (диал.) сон 219
 дјева мочь 236. 318
 дјева давать, вручать 92. 347
 дша брат 62. 66. 169. 171
 дгома ползти, пресмыкаться 225
 двел старый 64
 дер раз 238. 319
 гаафегә остановил 238
 гадаквантйлеба (имерск.) заложить нога на ногу 166
 галоба петь 89
 гәескнәл тьма крошечная 191
 гафәрда он остановился 238
 гед лебедь 237
 гуи глухой, сумасшедший, резвый 388
 гуғал буря 425
 гогогі колесо 147. 239. 425
 гогга тыква 229
 гон, гонеба, гинеба думать, вспоминать, слушать, разум, рассудок, мысль, мышление 255. 279
 гогә, гогәк холм 148. 425
 гогәвс катится, вертится 239. 425
 гогә катиться колесом 147
 гдәл длинный 159. 160. 164
 гунеба ум, дух, настроение 255. 279
 гуғамс мы верим 310
 гушндәл вчерашний 265
 гвел змея 225
 гвип желтуха, бледность, болезнь 277
 гвггвп (др.-л.), гвггвп (нар.) гром 239
 гәме ночь 62
 гәмеғ бог 89
 гәне сила, средство 278
 гәордо сом, головастик 147
 гәубәл см. гәубәл
 гуға бог 274. 275
 гуҗа сгибать 287
 гәубәл, гәубәл облако, туча 147. 150. 226
 гәдәл десна 147
 гәдәба вывихнуть 147
 гәтә скалить зубы 147
 гәгәна грызть 147
 гәтә глубокий 147
 гәтәна скрежетать зубами 147
 гәти дупло, пустота 147
 гәудо водопровод 148
 гәвәгі потоп, поток 148
 һәне, һәне конь 138. 151. 199. 287. 288. 423. 429
 һәгәмо, оғмо яма 147
 кәк кремьнь 106
 кәлмәқ Форель 174. 177
 карағуи лещ 177. 178
 кәг дверь 281
 кәрақі сало 145
 кәфәбер старейшина 275
 кәғ человек 51. 52. 63. 275
 кәғәв люди 51. 52
 кәдәгі темнота 141
 кәнт (нар.) один только, нечет 391
 кәбіл зуб 65
 кәгәг ідол 9. 88. 145
 кәгә шить 64
 кәдәл добрый, благодетельный 103
 кә (нар.) но 124
 кәккәмәл небеса 141
 кәвәл мяуканье 288
 кәвәс мяукает 288
 кәвг сазан 177. 178
 кәвз, кәвз ложка 175
 кәмәл, кәмәл (нар.) дым 236
 кәпа связка, охапка, сноп, букет 280
 кәпәба обнимать 280
 кәпәллә обнятый 280
 кәқуңдә (имерск.) лапти 157
 кәқл хромой 159
 кәреба собрание, общество, собирать 103. 303
 кәрепәл они собирают 311
 кәруқ насадка 239
 кәуәл след 225
 күнт безногий 159
 күғәғәл слеза 102. 362
 күвәнтә (гур. им.) подножка 166
 күвәнтәлә (имерск.) с искошенной ногой 166
 күвәғәғә однорукий, горсть, полгорсти 165
 күвәғәғә (рачийск.) лапти 157
 күвәғәғә хромой 157
 күвәғә, күвәғәлп, күвәтә (имерск.) хромой 157
 кәл горло, шея 306
 күпәллә лед, мороз 222
 күпәвә мерзнуть 222
 күгәп ворон 240
 күр (нар.) ухо 362
 күвәг шулятные яйца 275
 күвәғәғә яйцо 161
 күвәғәғә крик, кричать 103
 күгәг окорок 145
 күғәдә лазоревый 148
 ма он 310
 мағәл высокий 226
 мама, мамәл отец, самец 169. 249
 мақу, мақу, мақу, мақу (нар.) у меня есть 280
 мағәғә правый 137
 мағәғәвә, мағәғәвә правая рука 65. 167. 316
 мағәтә (нар.) но, однако 124
 мағәкә, мағәкә (нар.) земляника 407
 мағәғәвә левая рука 137. 165. 167. 222
 мағәғәғә зло, неудача, несчастье 137. 165
 мағәғәғә влево 137
 мағәғәғә барсуку 64
 мағәғә от них, к ним 310

- maðivebs я замерзаю 315
 maðivage река 235
 maðnavs сплю 219
 maðgomel, maðgom пресмыскаю-
 щееся 225
 maðvivaage лютой, свирепый,
 жестокий 219
 maðvivaageba ожесточаться 219
 megegel мегрел 160
 mehkopа он его связал 280
 meкага он прикоснулся к нему
 280
 meкопа он его связал 280
 miðага радуюсь 222
 miðагаis я рад 317
 miðma это мой долг 317
 miы его, свой 227
 miðега петь 85. 89
 mkelobelі (др.-л.) коротконогий
 159
 mogle короткий 159
 mog пень, бревно 66
 moikemіn печальный 222
 moіmobs свидетельствует 150
 mгавал много 238
 mðаге страна 63
 mðolo (др.-л.) единственный, един-
 ственный 103. 124
 mtkvina у меня болит 222
 mіams верю 150. 315
 mіег муха 64
 mігrs мне больно 316
 mіkпгпа я жажду 316
 mіvгга пьяный 101
 mіel здоровый 63
 miða дуб 31. 32
 mшпа я голоден 316
 mшпгrs я завидую 316
 mze солнце 64
 naða он увидел 236
 neb ладонь 207
 nepns, nepс иголка 175
 pгr рот 64
 pгmtekvел говорящий 201
 pгrutkи бессловесный 201
 pгrutkvi животное 306
 pгr хлеб 32
 qał женщина 33. 93. 136. 312.
 316
 qalamap лапти 157
 qalшvіl девушка 150
 qarabaгa гермафродит 275
 qaðam курица 63
 qams (др.-л.), qams это долг 317
 qam ветер 136. 425
 qarшqal буря 136
 qat святыня, образ 275
 qeg ячмень 237
 qmag муж 62. 65. 169
 qog коршун 240
 qгrs дует 425
 qud шапка 228
 quesknelі преисподняя 141
 qwe- вниз (предлог) 229
 qalmal рука 316
 qam, qam (др.-л.) нож 317
 qar тыква 229
 qar (нов.), qar (др.-л.) бык 64
 qarгt наложница 275
 qel (нов.), qel (др.-л.) рука 80.
 83. 93. 167. 238. 266. 282.
 312. 319
 qel бешеный, безумный 80.
 266
 qelgашlіl щедры́й 165
 qeloba мастерство 80
 qev ущелье 238
 qevisber старейшина 275
 qirt каменистая почва 154
 qma, qma (др.-л.), шум, голос,
 звон, звук 262
 qolo (др.-л.) однако, но 103.
 124
 qпva пахать 282
 qonð гром 255
 qonðams гром гремит 255
 qog радость 282
 qogð мясо 145. 274
 qгavs грызет 147
 qгmal (др.-л.), qmal (нар.) меч
 317
 qпгva покрывать 228
 quvil (др.-л.) колос 229
 qvіqvпш ржать 199. 423
 qwad самец 275
 qwad шулятное яйцо 275
 qwпг (др.-л.) головной убор
 228
 gavaгð (нар.) как, как только
 124
 гаvða (др.-л.) чтобы 124
 gbs бегает 126
 geveу (имерск.) как 238
 gkпа железо 282
 godesað (нар.) когда 124
 rogorð (нар.) как, как только
 124
 rogorð (нар.) как, как только
 124
 rom (нар.) чтобы 124
 роða (нар.) когда 124
 rтmепа вера 150
 sada где 51
 sam три 64. 131. 263
 sama пляска, танец 263
 saqel имя, название 92. 93
 saql дом 61. 62. 66. 153
 saqпгавi крыша 228
 sasmenel (др.-л.) ухо 264. 361
 sasufevel рай 319
 saіkalі несчастный 148
 sðal невеста, невестка 83. 136.
 171. 239
 sіdedгt теща 171
 sіde зять, жених 171
 sіkudіlі смерть 219
 sшamгt тесьма 171
 sшdіs совесть 418
 sіqарulі радость 222
 sгrbm бег 126
 sгsql кровь 168. 171
 sгzmar сон 65
 smепа слышать 168
 sqпга окропил 170
 sгbа бегать 126
 sгbola производить набег 126
 sul душа 64. 173. 232
 sufeva существовать, быть
 319
 sufevs существует, правит
 319
 ðп- (др.-л.) свой 227
 ðamamі смелый 231
 ðап около, близь 82
 ðафl мед 65
 ðав сам, себя 104
 ðав голова 124. 150. 152. 225.
 229—231
 ðavðasaqпгav головной убор
 228
 ðavel колос 152. 229—231
 ðavіdaukta кланяться 148
 ðavis uфal свободный 227
 ðavðав колос 229
 ðavis свой 104
 ðavis ðavað сам по себе 104
 ðavs moіkla он убил себя 104
 ðebz (диал.), ðevz (др.-л.) рыба
 173—178
 ðel (диал.) весь, целый 63

ðeneba светать 63. 265
 ðinaðin отражение света 150
 ðol, ðovl снег 217. 218. 223
 ðqem (др.-л.), верх, темя, лоб-
 ное место 124. 230. 348
 ðval глаз, ðowal (др.-л.) 424
 ðvalva сглазить 424
 ðvis для 348
 ðvia считать 424
 ðasvla заходить 192
 ðemi мой 64. 310
 ðeneba расти 265
 ðero (гур.) тень 219
 ðrdil тень, мрак 141. 219
 ðrdiloeði север 141
 ðuen мы 310
 ðuepeba показывать 201
 ðupei keðin наш близкий 103
 ðivi холодный 218. 222
 ðiskari заря 281
 ðoi жена 93. 239
 ðqen лошадь 138. 140
 ðqra девять 63
 ðqvig нос 238
 tar рука, рукоять 80
 tin жидкость, сырость 235.
 266
 teqa ломать 65
 tkena причинить боль 222
 tkivili боль 222
 tob, tof метание икры 174.
 178
 tor горсть 86
 tot рука, лапа 82
 tam секунда 221
 tan звать 82
 tanul приглашенный 82
 tarmað язычник 88. 284
 tel год 65. 217. 221
 tera писать 64. 103. 384. 409
 tin перед 150
 tinparagi предки 169. 249. 250
 ikal вода 83. 170. 171. 177.
 216. 312
 ikaldidoba половодие 153
 tod лапа 202
 toda он позвал его 81
 tre круг 153. 158
 tver верх 227
 tad маисовый хлеб 64
 tama есть 64
 teri потолок 145
 tra резать 64

faskunð маг, вестник 410
 feru (нар.) цвет, образ, вид 277
 ferqi см. berki
 foðol, forðol, firðel листва
 67. 102
 fqa рыба кость 178
 fskeru дно 141
 fiðe основание, корень, почва
 75
 faviu дрозд 64
 feðena рожать, приобретать
 281
 femidna я могу 319
 fen твой 64
 feneba, строить, построить,
 постройка 103
 fenova постройка 103
 fevðel я мог 319
 fiva внутри 61. 62. 66
 fiva родил 74
 fivi дитя 169
 vadlev я даю ему 318
 vadlie я дал ему 318
 vaj отрок 275
 var я емь 311
 vashi яблоко 62. 64. 236
 veð вручаю 318
 vehar кит 176. 178
 viðag (др.-л.) как 124
 viðarða (др.-л.) как, когда, как
 только 124
 vrðel обширный 160
 vsðlev я побеждаю его 319
 zamðag зима 216—218. 221—
 223
 zaqqul лето 216—218. 221—223.
 zeða небо 192. 308
 zeskenel небеса 141
 zma времени 221
 zma действие 303
 zuð (др.-л.) плем 228

Древне-англо-саксонский

sãvol душа 232
 sib родня 455

Древне-верхне-немецкий

sevla душа 232
 sirra родня 455

Древнееврейский

ivðãpã (талм.) север 136—137
 yãrek бедро 166

dãg рыба 176
 kohan священник 275
 kshl спотыкаться 159
 nẽbu гора 208
 nãvõ бог 208
 řãgõk длинный 166
 řãrbõð нож, меч 317
 řãhab морское чудовище 178
 řãah душа, дух 81
 řãpãã слышать 168
 řãpãauw небеса 53
 řãer кровь, мясо 168. 171

Древне-русский

хоть валожница 275

Древне-саксонский

seola душа 232

Древне-фризский

sẽne душа 232

Египетский

msh крокодил 178
 nb господин 208

Италийский

kiug камень 154
 tere рыба 176

Ирландский

art медведь 146

Испанский

anfo широкий 162
 ezquerdear 138
 esquertra, izquierda левая 138
 corto короткий 158
 gordura мясистый, сальный 146
 gordura жир, сало 146
 largo длинный 162. 163. 165

Итальянский

arte искусство 80
 corto короткий 158
 pesce рыба 177

Кабардинский

bðezeу рыба 236
 ðed курица 237
 ðãdãp (диал.) курятник 237
 ðã, he ячмень 237
 ře кисть руки 237

- ged курица 236. 237
gedes (верхне-каб.) курятник 237
gə арба 239
je время года, пора 236
Ĵhe неси 237
ma см. me
me, ma возьми 236. 238
mə яблоко 236
ne глаз 236
пe так, таким образом 241
фə река, вода 235
фə нос 238
sa см. se
se, sa я 236: 237
Ĵhe без 236. 238. 240
ŝha голова 229
wa см. we
ware см. were
we, wa, were, waga ты 236
- Кундальский*
«сибура» год 208
- Китайский*
yū дождь, рыба 7. 55. 177. 178
gū (японское чтение)
серебро 20
kū (япоиское чтение)
золото 20
ma лошадь 7. 56
mo дуб 66
mu дерево 31. 66
mu [→ y] вода 178
- Кои*
m небо 240
gū писать 322
gūpи книга, письмо, буква 387
mu земля 131. 223. 406
mizem земля 101
ŝete вышивка, узор 64
turu дуб 32. 64. 67
təl зима 223
vō год 221
- Латинский*
agnātus родственник по отцу 74
altitudo высота 225
altus высокий 225
annulus кольцо 48
annus год 48
apeг кабан 285
aratrum плуг 282
arbor дерево 67. 102. 131
argentum серебро 161
ars искусство 80
artus член тела 80
ascendere подниматься 312
aurum золото 19. 20
ballo кит 177
brevis короткий 155. 158
canis собака 288
cantare петь 89
capra коза 285
caput голова 224. 227. 230. 233
centum сто 391
coelum небо 138. 225
cognatus родной 74
colo обрабатывать землю, почитать, праздновать 73
comprehendere понимать 390
credo верить 144
cultura культура 73—76
cultus богопочитание, богослужение, пахание, земледелие 73
descendere спускаться 312
diruo разрушать 133
eques всадник 276
ipse сам 87. 104. 226. 230. 232. 233
femina женщина 83
fundus земля, основа 75
gurdus сальный, мясистый 146
hiems зима 218. 221. 223
labor работа 457. 459
laetus радующийся, веселый 222
littera буква 353. 381. 387. 409
longus длинный 155. 156.
lupus волк 457. 458
mane утром 134
manus рука 74. 75. 83. 134
mare море 428
mens ум 240
mons гора 425
mundus мир 138
panciscor получать, приобретать 74
pascor рождаю 74
pātūга природа 73—76
pātus рожденный 74
nebula туман 240
os лицо 360
orbis круг 149. 240
orcus подземный мир 149
rānis хлеб 7. 32. 56. 132.
ryscis рыба 177
quartus четвертый 156
gūpes скала 133
se себя 230
secutus следовать 276
senātus сенат 276
senex старец 276
sequere следовать 276
serpens змея 225
serpo ползу 225
sibi себя 232. 233
similis подобный 231
sinister левый, неблагоприятный 454
sol солище 47
sua sponte добровольно 104
sub под, вниз 226. 229
super сверху, над, вверху 225. 226. 229
suus свой 228
teneo держу 80
urbs город 149. 154. 175
ursus медведь 146
vātes предсказатель 89
verbum глагол 254
verbum глагол 254
virgo девушка 149. 151
vinum вино 149
- Литовский*
savė сам 231
- Марийский*
kol рыба 177
telі зима 223
tum (горн.), tumo (лугов.) дуб 67
- Мегрельский*
arə один 63
izmōda сон 65
obaги дуть 424
oqor дом 62
oŝkigua см. ŝkigu
oŝpaga завтра 134
oш сто 64
uшqur яблоко 62. 64
bad старый 64
bja солнце 64
boпua мыть 63

dakupua скорчиться, стать
 безногим 159
 dino нутро 66
 dinoqale внутри 66
 doqo имя 92. 93
 du свой 227. 228
 dud голова 225. 227. 228
 dga день 221
 dgałeφi дни 265
 dał дерево 102. 131
 dani сон 219. 222
 dıga спаль 219
 doğor собака 64. 308
 duq (джаварск.) голова 227
 dga берег, край 348
 goła, goya, gwāła гора 265
 gore гора 148. 425
 gal река 425
 ğormođ бог 145
 goya см. goła
 ğurafa учение, учить, учиться
 389
 ğısha ночь 62
 gwāła см. goła
 gwer змея 225
 řal горло, шея 308
 kiber зуб 65
 kođ человек 52. 63 241
 kunta, kuta см. qula
 kuđqı нога 166
 kwađqı зто, неудача, несчастье
 137. 165
 kwađqan левый, левая рука
 137. 165
 matdġwan правая рука 65
 margalı-kođı мегрел, крестьян-
 нин 123
 maskur, masqur гороскоп 89
 minđqv барсуک 64
 miđuri страна 64. 232 406
 miшн его 227
 mtad см. tand
 raten господин 250
 pıđ рот 64
 qomol мужчина 62
 qomolur мужчина 62
 qomod муж 65
 qomond муж 62. 65
 qođom курица 63
 qorđи 274
 qula (диал. kunta, kuta) хро-
 мой 159

řam нож 317
 řer земля 63
 řođ бык 64
 řısha голос 262
 sıncā зять, жених 171
 sıvāřer. sēsāřerı см. zısāııı
 skop твой 64
 tařıua ломать 63
 toba, tomba, tonba озеро 174
 tanařa звать, приглашать 82
 tand, mtad муха 64
 tar, tarua писать, шить 64.
 387. 409
 tara судьба 387
 tıta см. tuta
 tkırn, otkırua резать 64
 tkomua есть 64
 tkud маисовый хлеб 64
 tubur каштан 64
 tuman утро 134
 tuta, tıta малый 157
 řалаqa светлый 63. 265
 řar здоровый
 řıri снег 217
 řořur мед 65
 řılamur слеза 102
 řqm мой 64
 řřom рыба 173. 174. 178.
 řřoro девять 63
 řıur душа 64
 zesqıw дрозд 64
 zısāııı, sēsāřerı, zısāřerı кровь 171

Мидский

luba раб 268
 řāka собака 261

Мотольский

mod, modon дерево 32

Мордовский

lısha (мокш.) лошадь 7. 36
 ve ночь 31
 tala (мокш.) зима 223
 tımo (эрзя) дуб 32
 selme глаз 262

Намайский

anı птица 48
 berib хлеб 132
 oms дом 48
 ħurıb небо 48
 soře солнце 47

Немецкий

die Arbeit работа 458
 begreifen постигать, понимать
 390
 der Begriff понятие 390
 die Erde земля 309
 der Gatte муж 275
 die Gatten супруги 275
 die Gattin жена 275
 das Gold золото 348
 der Gott бог 274
 greifen схватить 390
 der Hals шея 308
 die Hand рука 80. 390
 der Himmel небо 134. 309
 der Hund собака 273. 285. 288:
 390. 391
 hundred сто 391
 der König король 455
 kurz короткий 155—158
 lang длинный 155. 156. 163
 das Meer море 309. 428
 mogen мочь 318
 das Ross конь 158
 sagen сказать 428
 die Seele душа 232
 selb сам 104. 232. 456
 sich себя 232
 die Sprache язык 428
 sprechen говорить 428
 die Stimme голос 263
 die Zunge язык 428
 das Wasser вода 308
 das Werk работа 457. 458
 das Wetter погода, буря 308
 wirken работать 457. 458
 der Wolf волк 458
 das Wort слово 458

Осетинский

boı сила, возможность 134
 boı течь, вода, река, погода,
 сила, день, возможность
 134. 266. 283
 qıy собака 288

Персидский

bulud дуб 32
 đāru дерево 66. 131
 đıređt листва 67
 maġ змея 347
 řawda (др.-п.) плем 228

čirs медведь 146
 čūd шлем 228
 čirgšid солнце 216
 sard холодный 219

Пезлеви

draqt сад 67

Польский

• d, uep день 265
 rok год 249

Русский

бог 208
 больше 278
 бор 66. 102. 131
 борьба 387
 буква 387
 буря 424
 верх 144
 ветхий 64
 вода 83
 время 239
 выше 278
 глаз 263
 глотка 308
 гнать 287
 говорить 82. 428
 голова 425
 голод 156
 голос 263
 голень 286
 гора 425
 горло 308
 город 293
 господь 250
 господин 250
 град 293
 гром 239
 день 264. 265
 дерево 102. 131
 дети 270
 дитя 169. 270
 длина 163
 долгий 156. 163
 дом 51
 древо 67. 102
 дуб 67
 дух 81
 душа 81
 жалкий 143
 жалоба 143
 жаловать 143

жалость 143
 жаль 143
 женщина 83
 жеребенок 268
 жеребец 268
 заснул 261
 засыпать 261
 зачаток 269
 земля 101. 131. 134
 зима 218
 змей 225
 золото 19. 348
 игра 388
 изрекать 82
 имя 93
 искусство 80
 истукан 208
 кабан 285. 287. 288
 кинуть 287
 клятва 387
 книга 273. 274. 364
 княгиня 287
 князь 273. 274. 287
 кобель 285. 287
 колено 286
 конура 273. 287. 288
 конь 151. 246. 267. 272. 277.
 279. 287. 288. 429
 короткий 156. 158. 165
 кот 270. 287. 288
 кошка 270. 287. 288
 краткий 156. 158. 165
 круг 239
 крыло 240
 крылья 240
 куница 287
 курица 239
 лапа 240
 лаять 269
 лето 217. 222
 лошадь 158. 192. 267—269. 423
 мама 169
 молвить 428
 море 428
 мочь 237. 425
 мощь 237
 мука 32
 мясоед 145
 небо 207. 208. 240. 270
 весу 426
 ниже 278
 нога 426
 ноготь 426

ноша 426
 ношу 426
 огонь 272. 279. 286. 287
 ограда 293
 один 269
 окно 265. 287
 око 259. 264. 272. 279. 286
 оконце 250
 окошко 270. 287
 олень 250. 285. 287
 окунуть 287
 окунь 286
 орало 282
 орел 240
 отец 249
 отрок 249
 очи 286
 охота 274
 пахать 282
 пахнуть 282
 петух 239
 печать 364
 письмо, письма 387
 показывать 92
 правда 256
 раб 268. 270. 458. 459
 работа 458. 459
 разить 165
 разрушать 81
 ребенок 268. 270. 458. 459
 ребята 268
 река 84. 175
 речь 82
 ржать 199. 423
 род 365
 рождать 312
 рождение 305
 рок 249
 рубить 133
 рука 83. 84. 86. 133. 175 218.
 268
 русалка 83. 175
 ручей 84
 рушить 81. 133
 рыба 175. 177
 рыбалка 175
 сам 231. 233
 сапог 269. 426
 свобода 227
 свой 232
 себе 232
 себя 232. 233
 серебро 285

синий 150
сказать 428
слеза 262
слобода 227
слух 261. 262
слушать 261
слыть 262
слышать 261
собака 285. 287
собой 232
соболь 285. 287
совесть 418
создатель 418
соинце 250
спать 261
темя 230
тень 264. 265
товуть 266. 283
топор 418
указывать 92
укаживать 275
ухо 259. 261. 262. 264. 286
уходить 275
уши 261. 262. 286
хавронья 285. 288
царница 268
частица 268
человек 269
шаг 270
шагнуть 270
шум 263
язык 386. 428

Санскритский

sám 231
graman 88

Сванский

эгү зеленый 148
umurðwen левша 137. 222
иги зеленый, незрелый 148
иги десна 147
dodi, dōdia, d̄wōdia (шх, тр)
d̄vedia (у, хл, ип, м), d̄edi
(х) длинный, далекий 160
ǵerbeð, ǵermeð бог 9. 88. 145
gərða бог 274
ǵwaj отрок 275
kalmaq рыба 177
каф̄q̄w (диал.) хромой 157
ker свинья, святыня 145
kođ скала 106
k̄waðq̄au хромой 157. 165

lārðāu (ушк.) левый 137. 222
lerðanq̄en (парск., эц.) слева
137
lerðen (лашхск., чол.) левый 137
lešged (тр.), lešked (тх.) те-
невая сторона 141
libdine зажигать 250
libre мыть 235
h̄gral игра, пение, пляска 388
likli хромать 159
likūđqi хромать 166
linðize (лашх.) опускаться
в воду 174
liðize (лент.) ловить рыбу 174
ʿišni сванский язык 279
mekwšde короткий 158. 159
mirðwen роковой, левый 137
mik̄đq̄wī (диал.) хромой 157.
159
mekli хромой 159
m̄əkuəđq̄wī хромой 157. 159
mərðen (мул.) левый, левая
сторона 137
qām свинья 150
qān бык 282
qwin душа 255
qōfa хороший 279
q̄etiq̄e царевна 239
tarmað бог 9. 167. 284
ðomr годовалая свинья 150
ðq̄um голова 230. 348
ðā лошадь 158
ðu (предл.) вниз 229
ðuz осетрина 174
ðqu пуля 348
piduve снег 218
štim ухо 263
zaw год 221
zisq̄w кровь 171

Сирийский

ušra кит 176
leʿin перед 150
šarīkā длинный 166
ʿin глаз 150
qalnā священник 275
qarbā меч 317
nařna душа 104
ruha дух, душа 81

Сифский

*arīma один 261
*spru глаз 263

Сондийский

kr рыба, вода 175. 178

Старо-славянский

елень олень 250. 285

Суоми

kala рыба 177
kolme три 132
kirya книга 387
mā земля 38
raa голова 230
perkup дьявол 255
pu дерево 31. 32. 38. 66. 102
silme глаз 262
sūksū осень 223
tam дуб 67
talvi, talve холодный 223
vuosi год 221

Темиргойский

ʿa рука 237
ʿede курица 237

Тиндальский

«цїбар» год 218

Турецкий

ağad дерево 102
al хитрость, уловка 347
āl (диал.) сила 347
ābi сила 347
alakan ладонь 347
almak братъ 347
altun, altyn золото 19. 349
ār мужчина 65
at лошадь 268. 269
āt имя 93
ev дом 51
evde дома 51
evden из дома 51
yaz писать 64
bal мед 65
balək рыба 174. 177
bu этот 227
dil (анат.) язык 428
dimek (анат.) говорить 428
göz см. k̄öz
guməñ (диал.) серебро 20
gum̄ññ, kum̄ññ серебро 20
gün, qün (диал.) день 272
kagan князь 274—276. 285

кага черный 453
 кауа скала 106
 koz, goz глаз 453. 457
 kurt волк 457
 kumush см. gumush
 kol (джаг., таравч.) рука 76
 qadun княгиня 274. 276. 285
 qam нож 317
 tengiz см. Deniz
 tut хватать, держать 82
 zauk курица 63
 Deniz, tengiz море 266
 Zengri бог 265
 zeleb бог 9. 88
 zolak, kалeкa, однорукий 166

Убыжский

bdə вода 176

Удинский

qul рука 76
 pi кровь 172

Удмуртский

ag год 221. 223
 žerı рыба 276
 tol зима 223
 vu вода 223

Украинский

кpотчъ короткий 165
 рік год 249
 шум хоровод 263

Урляхайский

pot себя, особа 226

Французский

apprendre узнать, учить 390
 la balle мяч 425
 le bras рука 280
 chanter цеть 89
 le cou шея 308
 le coup удар 165
 court короткий 155—157
 comprendre понять 390
 descendre спускаться 312
 embrasser обнимать 280
 entendre понимать, слышать 255
 l'hiver зима 218
 la gorge горло 308

la jointée (ст.-фр.) соединение 78
 hennir ржать 285
 large широкий 162. 165
 long длинный 155. 163
 la mer море 428
 le monde мир 138
 monter подниматься 312
 ouir слышать 261
 oral устный 360
 prendre брать 390
 quatre четыре 157
 le ressort пружина 299
 le sabot деревянный башмак 426
 sinistre роковой 454
 le sort судьба 138. 299
 sortir выходить 138. 299. 312
 tenir держать 80

Халдский

adibudi я сжег 250
 irani господа 320
 irta глава 229
 lutu женщина 268
 raqim бык 282
 qusu мясо 145. 146
 qubushie святой 145

Хеттский

rai давать 133. 186
 sagu eltani северный ветер 136—138

Чанский

arđ один 63
 erkina железо 282
 екпаđќа см. erkinađќа
 екпа дверь 273. 281. 282
 erkinađќа, екпаđќа четверг 282
 izmođa сон 65
 obagu дуть 424
 obovu мыть 63
 ođmu, ođıgı спать, лежать 219
 oќnu схватить 281
 oıđıgı см. ođmu
 oıtagu писать 387
 ođondu жить 255
 oselu подниматься 193
 otonu погружаться в воду, то-
 нуть 266

otkomi есть 64
 otaqu ломать 63
 otkogu резать 64
 otumage завтра 134
 ođanu светить 63. 265
 oш сто 64
 uskur яблоко 62
 dındıgı, dıđıgı кровь 171
 đga день 221
 du свой 227. 228
 dud голова 225. 227. 228.
 đal дерево 102
 đogor собака 308
 đođo имя 92. 93
 đuma брат 62
 đal река 170. 265
 đormođ бог 145
 đuma ночь 62
 Zal горло, шея 308
 kiber зуб 65
 kođ человек 52. 63. 274
 kule короткий 159
 marđwan муж 62. 65
 mosela время вставания для
 совершения ночной тра-
 пезы 193
 mтаd см. tand
 murđı земляника 407
 mshen его 227
 qaфђа хамса 178
 qomođ муж 62. 65
 qomol муж, герой, храбрый 62
 qođum курица 63. 237
 qam нож 317
 qams хамса 178
 qer земля 63
 qonđ гром 286
 qund жить, веселиться 283
 skan твой 64
 skır сын 426
 tand, mтаd муха 64
 titın болтавие 82
 țagu буква, наука, учение 387
 titu см. tuta
 tkudi мансовый хлеб 64
 tubur каштан 64
 țuman утро 134
 țuta, țıta малый 157
 žılamur слеза 102
 žqm мой 64
 žđom рыба 174. 178.
 žđogo девять 63
 шум три 64. 131

шиг душа 64. 232
шиқиг строка 63

Чеченский (нахчайский)

ћа ячмень 237
таг рыба 176

Чувашский

алә рука 347
алза рукавица 347
аг мужчина 65
угаға арба 239
уывәс дерево 102
ылтәп золото 348
ка говорить 89
кәмәл серебро 20
кега шить 64
коп, куп день 272. 286
раг дать 133. 186
рогап, ругап, идог, кукла 208
ругад, е трон 208
рулә рыба 177
рулә-тыгә хлеб 32
рус, голова 104. 184. 226. 230.
425

рыл мед 65

қал сила, здоровье 347

қаш я сам 104. 229

қашәг мы сами 229

қә сам 104

қәл зима 218. 223

қәвәг вы сами 229

қәу он сам 104. 229

қәуәш они сами 229

қул, қол рука 76, 104

ҫег земля 63

ҫиңә земледельческий празд-
ник 261

сивә холодный 218

солә, сулә браслет 232

ҫи лето 223

ҫул, ҫультәк 221. 223

ҫип гореть 261

ҫыг писать 64

тут держать, ловить 82

шалбар, шелбег длинный 161

ши, шиг вода 185

ватә старый 64

вәтәш длинный 161

згар войско 65

Шансугский

ҫа рука 237

Шумерский

ā вода 151. 185. 223
ап небо, бог 48. 150. 152. 225
апу колос 152
е гора, жолоб, канал, ров 153
ē, еш храм, дом 151.
егā половежье, наводнение 153
emeгал, emesal, emetepa жен-
щина 136. 140
еп время 151
еп высокий 151
еп господин 151
еп заклинание 151
епш, епи небо 151. 152
енгар земледелие 151
енгур глубина 151
епи см. епш
ег слеза 153
егш злой, зло, враг, враждеб-
ный 151
еш дом, вода 153
еш см. ē
ешши колос 153
і возвышенность, гора, камень
154
иг слезы, плач 154
гшшкш серебро 20
кūа рыба 177
ми год 151. 221. 223. 406
памен господство, царствова-
ние 151
рā отец 169
раб муж, отец, брат 169
сид север 136. 141
та сторона 237
-та из 241
ши рука 80, 201
заг берег 348

Юкагирский

алма шаман 9. 88

Эламский

урарри господа 320
таг раз 167

Эстонский

kala рыба 177
кш книга 387
сугсе осень 223
таш дуб 67

Этрусский

раг отец 249

Лукетский

atmak бросать 93
balag эти 227
bu этот 227

Топонимика

Artan 138
Artahan 138
Artanud 138
Ermēnie 163. 164
Ewгōpa 75
Ingur 279
Inguseš 82
Olbia 175
Om 279. 288
Balak 174
Bayberd 284
Bayburd 284
Danub 235. 283
Dn, epr 283
Don 235. 256. 283
Dunay 235. 256. 283
Gura 160. 173
Honi 279
Kalmaq 174
Kamaq 174
Laburd 162
Lešqnm 174
Liguria 160
Loonois 163. 164
Kaqeš 82
Makoqse 235
Rha 184
Ruseš 82
Qevsureš 82
Qom 279. 288
Qunzaq 279
Rused 82
Sequana 276
Sambat 284
Sambatay 284
Sembataberd 284
Sembatawan 284
Sper 284
Tanaš 138. 235. 283
Tao 138
Teberda 235
Toqs 174
Twaqsē 174. 235

Ṭabal 235
Ṭebelda 235
Ḷqum 174

Этнонимика

alban 145
etiuni 66
etrusk 75. 183
gur 173
gurđ 160
gver 173
hen 138
hon 138. 278
hun 279
hungar 279
kerket, kerketai 235
kimer 261
kolođ 75
komi 261
las 183
ligur 308
lohon 164
loon 164
pelasg 183
qarđvel 145
đald 145
rasen 183
rom 183
rus 183
sarmat 161. 167. 284
s,armes 193

sid 141
sin 141
skolot 75
skwđa 75
subar 284
sumer 284
suomi 261
suvar 261
tayq 138
tan 138
menär 279
mušnu 279

Личные имена

*(мифологические, культовые,
бытовые)*

Abærskil 221
Anturzi 150
Arımaspa 260
Argıuti 53
Asteria 145
Ađēnē 140
Elfe 456
Eređe 178
Etana 138—140
Igor 389
Igrē 341
Ptānāti 137. 138
Imtar 17. 21
Yakab 341
Yapet 256. 284

Orqews 89
Dumuzi 150
Geria 164
Herculeys 457
Hermes 89
Karagöz 284
Karapet 9. 88. 256. 284
Kađa 275
Keremeđ, Keremet 82. 20
Melte 347
Merkur 89
Para 250
Parun 255
Poseydōn 141
Promeđe 256. 284
Rem 276
Rom 276
Sanduđt 276
Seneduđt 276
Sıf 456
Sambat 283. 284
Tarđu, Tarđu 275
Terpsıjora 9. 86—89
Torq 275
Torē 184
Tristan 163
Turē 184
Ŧamuz 150
Ŧarqon 275
Ŧarquđ 275
Ŧespis 9. 87
Venus 149

III—IV. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН

- Абаев, Василий Иванович 173. 323. 324
 Абежан, М. 331
 Августин 431
 Аман, Герман (Herman Amman) 431
 Аматауни 66
 Анаксагор 78
 Аристотель 78. 438. 446
 Аршба, Платон 327
 Арешян, Гр. 334
- Багратуни 66
 Байер, Иосиф (Joseph Bayer) 71
 Басария, Африкан 327
 Басария, Семен Петрович 327
 Бауэр, Эдгар (Edgar Bauer) 455
 Бевинг (Böving) 95
 Бедье, Жозеф (Joseph Bédier) 163. 164
 Беридзе, Вукол Михайлович 157. 165. 166. 174
 Бергсон, Анри (Henri Bergson) 78. 408
 Бетховен, Людвиг (Ludwig Beethoven) 181
 Биданоков, Махмуд 234—241
 Блейхштейнер, Роберт (Robert Bleichsteiner) 416
 Блэк, Роберт (Robert Blake) 101
 Боас, Франц (Franz Boas) 3
 Богаевский, Борис Леонидович 13
 Богданов, Александр Александрович 114
 Бодуэн де Куртене, Иван Александрович 387. 388
 Бонапарт см. Наполеон
 Бош, Франц (Franz Bopp) 28. 415
 Бош-Гимпера, П. (P. Bosch-Gimpera) 183. 305
 Брокельман, Карл (Karl Brockelmann) 317
 Броссе, Мари-Фелисите (Marie-Félicité Brosset) 28. 415. 416
 Бухарин, Николай Иванович 113. 114.
 Быховская, Софья Львовна 140
 Вэкон, Франсис (Francis Bacon) 446
- Вальде, Алоиз (Alois Walde) 149. 163
 Вандриес, Жозеф (Joseph Vendryès) 179. 290
 Веселовский, Александр Николаевич 247
 Василий Великий 431
 Воробьев, Павел Иванович 210
 Вундт, Вильгельм-Макс (Wilhelm-Max Wundt) 199. 431
 Выготский, Лев Семенович 270
- Галунов, Р. А. 212
 Ган, Теофил (Theophilus Hahn) 95
 Гегель, Георг-Фридрих-Вильгельм (Georg-Friedrich Wilhelm Hegel) 444—446. 448
- Гезениус 317
 Гезиод 86
 Гезихий 234
 Гейгер, Лазарь (Lazar Geiger) 78
 Гейне, Генрих (Heinrich Heine) 445
 Гельвеций, Клод-Адриен (C. A. Helvetius) 78
 Генко, Анатолий Несторович 4
 Георгий Амартол 388
 Геродот 20. 47. 71. 178. 260. 261. 268. 270. 282. 403
 Гомер 86. 363. 404
 Гоммель, Фриц (Fritz Hommel) 29. 136. 416
 Гомперц, Теодор (Theodor Gomperz) 78
 Горнелль, Джеймс (James Hornell) 45
 Горяев, Н. В. 418
 Грозный, Бедрих (Bedrich Hrozny) 186
 Громова, Вера Исааковна 292. 293
 Григорий Нисский 431
 Григорий Хандэтийский 412
 Гримм, Вильгельм (Wilhelm Grimm) 379
 Гримм, Яков (Jacob Grimm) 379
 Гулия, Давид Иосифович 327
 Гумбольдт, Вильгельм (Wilhelm Humboldt) 179
 Гуриели кн. 247
 Гюбшман, Генрих (Heinrich Hübschmann) 150
- Даль, Владимир Иванович 387
 Данте Алигиери (Dante Alighieri) 431
 Дарвин, Чарльз (Charles Darwin) 432
 Дебьен, М. (M. Desbiens) 431. 432
 Деймель, Антон (Antonius Deimel) 140
 Делич, Фридрих (Friedrich Delitzsch) 137. 140. 151—154. 241
 Деонна, Вольдемар (Woldemar Déonna) 77—79
 Демокрит 78
 Державин, Николай Севастьянович 210
 Дирр, Адольф (Adolf Durr) 34
 Джавахишвили (Джавахов), Иван Александрович 275
 Доброгаев, Сергей Мартынович 244
 Долобоко, Милий Герасимович 210. 212
 Дондуа, Карпез Дариспанович 4. 229
 Дрезен, Эрнест Карлович 393. 395. 398
 Дрексель, А. (A. Drexel) 358
 Доттэн, Анри Жорж (Henri-George Dottin) 322
- Зенон 78
 Зик, Эрнст (Ernst Sieck) 209
 Зифельдт, Артур Рудольфович 4
- Ипполит Антипапа 82

- Кавеньяк, Евгений (Eugène Cavaignac)** 402. 403
Камерлинг-Оннес 438
Кант, Иммануил (Immanuel Kant) 445
Капитан, Л. (L. Capitan) 205. 206
Кассирер, Эрнст (Ernst Cassirer) 3. 26
Келер, Вольфганг (Wolfgang Köhler) 270
Кишпидзе, Иосиф Алексеевич 227. 275. 281
Клуге, Фридрих (Friedrich Kluge) 458
Ковалев, Сергей Иванович 111—119
Крез 454
Кржижановский, Глеб Максимилианович 438. 439
Кушинг (Cushing) 203
- Леви, Сильван (Sylvain Lévy)** 44. 45. 187. 342
Леви-Брюль, Люсьен (Lucien Lévy-Bruhl) 187. 202. 203. 213. 364. 407. 408. 410. 431
Лейбниц, Готфрид Вильгельм (Gottfried-Wilhelm Leibnitz) 446
Ленин, Владимир Ильич 113. 293. 428. 434. 438—440. 451
Ленорман, Франсуа (François Lenormant) 28. 416
Лившиц, Исаак Григорьевич 211
Локк, Джон (John Locke) 446
Лот, Ж. (Loth. J.) 445
Лотте, Дмитрий Семенович 296. 297
Лоя, Ян Виллюмович 243. 244
Лен, Жан (Jean Leune) 442
Луначарский, Анатолий Васильевич 210
Лютер, Мартин 445. 448
Лященко, А. И. 284
- Максвелл (Maxwell)** 438
Марк, Бернар (Bernard Marque) 293
Маркс, Карл (Karl Marx) 113. 359. 379. 403. 439. 440. 444—459
Марр, Яков Патрикеевич 247
Мейе, Антуан (Antoine Meillet) 3. 34. 356
Мейер-Любке, Вильгельм (Wilhelm Meyer-Lübke) 138
Мейнхоф, Карл (Carl Meinhof) 3. 122
Менгин, Освальд (Oswald Menghin) 305—307
Мерчуд, Георгий 412
Мещанинов, Иван Иванович 4. 13. 14. 291. 416
Миллер, Александр Александрович 14. 119. 120
Миткевич, Владимир Федорович 436—438. 441
Моисей Хоренский 86. 204
Мюллер Фридрих (Friedrich Muller) 29
- Наполеон I Бонапарт (Napoléon I Bonaparte)** 402
Нельдеке, Теодор (Theodor Nöldecke) 317
- Нуаре, Людвиг (Ludwig Noiré)** 68. 78. 79. 114. 118. 129. 421
Овидий, Публий Назон (Publius Ovidius Naso) 73
Огненко, И. И. 418
Октавиан 449
Опперт, Жюль (Jules Oppert) 268
Орбели, Иосиф Абгарович 4. 331
Орбелиани, Сава-Сулхан 228
Орфинская, Вера Константиновна 211
- Павел, апостол (Савл)** 180
Павлов, Иван Петрович 352. 366
Пари, Гастон (Gaston Paris) 30
Парменид 78
Парейша, Николай Семенович 327
Пауль, Г. (H. Paul) 457. 458
Педерсен, Хольгер (Holger Pedersen) 184
Петри, Флиндерс (Flinders Petrie) 403
Пифагор 438
Платон 438
Плеханов, Георгий Валентинович 114
Поппе, Николай Николаевич 210. 211
Протагор 438
Птолемей, Клавдий (Ptolemeos) 402
Пуанкаре, Анри (Henri Poincaré) 433. 442
- Риве, П. (P. Rivet)** 3. 44
Роден, Август (Auguste Rodin) 79
Рифтин, Александр Павлович 212
Руставели, Шота 94. 101. 229
Рюже, Р. (R. Ruger) 432
- Савл см. Павел**
Савонарола 321
Самойлович, Александр Николаевич 210
Сейс, Арчибальд Генри (Archibald Henry Sayce) 28. 136. 137. 416
Солон 87
Срезневский, Измаил Иванович 388
Сталин, Иосиф Виссарионович 381. 443. 451
- Таркил, Нестор** 327
Тацит, Публий Корнелий (Publius Cornelius Tacitus) 448—450
Томашевский, Всеволод Брониславович 12. 210. 211
Тоскан, Поль (Paul Toscanne) 164
Тюрякулов, Назар Тюрякулович 101
- Уленбек, Христиан Корнелий (Christianus Cornelius Uhlenbeck)** 48. 49

- Уртель, Герман (Hermann Urte) 60
 Услар, Петр Карлович 348
 Ушаков, Дмитрий Николаевич 33
- Фарадей, Михаил (Michael Faraday) 437
 Фейербах, Людвиг (Ludwig Feuerbach) 448.
 449
 Фессенден, Реджинальд Обри (Reginald Aubrey Fessenden) 404
 Фома Аквинский 431
- Хашба, Мушни 327
 Хирт, Г. (H. Hirt) 457. 458
 Хоренский, Моисей 248
- Цагарели, Александр Антонович 29. 227
 Цигенбалг, Варфоломей (Bartholomäus Ziegenbalg) 95
 Цицерон 73. 79. 80
- Чалмаз, Михаил 327
 Чамба, Самсон Яковлевич 327
 Чарая, Петр 218
 Чачба, Девлет 327
 Чкония, Илья 166
 Чочуа, Андрей Максимович 327
 Чубинов, Давид Иссаевич 153. 278
- Швейнфурт, Георгий (Georg Schweinfurth) 71
 Шельд, Ханнес (Schöld) 371
 Шиншмарев, Владимир Федорович 106
 Шмидт, Вильгельм (Wilhelm Schmidt) 3. 258.
 292. 356. 430. 431
 Шмидт, Конрад (Conrad Schmidt) 451
 Штейниц, Вольфганг (Wolfgang Steinitz) 36
 Шухардт, Гуго (Hugo Schuchardt) 3. 26
 Шухардт, Карл (Carl Schuchardt) 71
- Эберт, Макс (Max Ebert) 305. 306
 Эванс, Артур (Sir Arthur Evans) 3
 ван-Эйс, Ж. (J. van-Eys) 138. 158
 Эмпедокл 78
 Эмухвари, Шахбат 327
 Энгельс, Фридрих (Friedrich Engels) 112—114.
 118. 251. 359. 379. 444—453. 455—459
- Эдиссон, Томас (Thomas Edison) 404
- Яковлев, Николай Феофанович 236
 Якубинский, Лев Петрович 211. 215
-
- Адам 205
 Алдан 41
 Аполлон 86
 Аргипшти 53
 Атлант 106
 Афина 140
 Афродита 21. 75. 150
 Будда 292
 Венера 30. 33. 149. 324
 Виса 30
 Гаргантюа 106
 Гериа 164
 Геркулес 457
 Гермес 89
 Гильгамеш 136
 Ева 205
 Игорь 389
 Исартеника см. Сартеника
 Исольда 30. 163
 Иштарь 17. 21. 137. 145. 150
 Карапет 9. 88
 Марс 30. 324
 Мельпомена 86. 87
 Мельте 347
 Орфей 86. 89
 Посейдон 21. 140. 141
 Прометей 324. 443
 Рамин 30
 Ривален 163. 164
 Сартеника (Исартеника) 30
 Сатурн 30. 324
 Сим 182
 Терпсихора 9. 86—88
 Тристан 30. 163
 Туран 75. 150. 184
 Феспис 9. 87
 Хам 182
 Щек 387
 Яфет 182. 324
-

V. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абхазия 174. 235. 279. 326. 411
Австралия 23. 127. 202. 385. 409. 410. 454
Азербайджан 13. 14. 17. 21. 334.
Азия 20. 30. 31. 56. 72. 88. 120. 127. 188. 274.
323. 329. 403. 405. 413. 447. 451. 454. См.
также: Малая Азия. Передняя Азия. Сред-
няя Азия.
Алжир 71. 205
Алтай 19
Альба Лонга 21
Америка 23. 72. 127. 128. 385. 409. 450. 451.
454. См. также: Северная Америка. Южная
Америка
Англия 128. 412. 416. 455
Ани 110. 247
Апеннинский полуостров 116. 183. 184. 194. 197.
407
Аравийский полуостров 329
Аральское море 404
Армения 14. 42. 75. 106. 116. 125. 185. 187. 196.
197. 284. 331. 372. 405. 415. 449. См. также:
Ванская Армения. Великая Армения. Мор-
ская Армения
Арсинонтский ном 402
Атлантида 405
Атлантика 274
Атлантический океан 22. 56. 182. 404
Афреазия 19. 20. 23. 182. 307. 393. 404. 414.
449
Африка 7. 19. 20. 47. 70. 72. 95. 127. 184. 194.
203. 258. 385. 393. 407. 409. 410. 413—415.
449. 451. 454. См. также: Северная Африка.
Южная Африка
Баку 13. 27. 321. 326. 414. 422
Балеарские острова 71
Балканы 193. 196
Балканский полуостров 42. 183. 184. 205
Баския 154. 449
Белоруссия 442
Белуджистан 306
Болгария 70
Бонц 300
Ван 53. 66. 416
Ванская Армения 380
Ванское озеро 14
Великая Армения 284
Волга 15. 17. 32. 42. 56. 184. 193. 284. 404.
406
Волкамье 4. 15. 185
Воронежская губ. 235
Восточная Европа 56. 120. 261. 274. 364. 404
Галлия 276. 322. 429
Германия 300. 322. 431. 445. 448. 451
Гибралтар 206
Гималаи 45. 404
Голландия 447
Греция 70. 127
Грузия 106. 111. 123. 197. 372. 391. 415
Гурия 160. 173. 308
Дагестан 13. 279. 326
Дальний Восток 46. 47
Днепр 235
Дон 266
Дунай 205. 266
Евразия 7 180
Европа 7. 9. 20. 22. 30. 31. 36. 56. 71. 72. 115.
127. 178. 182. 187. 188. 193. 194. 197. 206.
274. 323. 324. 326. 330. 332. 383. 393. 407.
409. 413. 414. 416. 428. 439. 447. 449. 450.
451 См. также: Восточная Европа. Запад-
ная Европа.
Египет 71. 127. 329. 393. 402. 403. 454
Закавказье 259. 264. 274. 450
Западная Европа 134. 182. 183. 406
Иберийский полуостров см. Пиренейский полу-
остров
Иберия 322. 329. 449
Ингур 141
Ингушетия 82
Индо-Китай 442
Индия 7. 42. 44. 45. 47. 72. 88. 117. 127. 185.
187. 306. 307. 322—324. 364. 393
Иран 20. 75
Испания 31. 70. 184. 205. 306. 322. 404. 449. 455
Италия 17. 60. 70. 71. 75. 76. 205. 449. 455
Кавказ 15. 22. 23. 27—29. 31. 42. 44. 57. 70.
75. 76. 86. 123. 134. 137. 182—185. 188. 196.
197. 230. 259. 263. 264. 273. 274. 279. 284.
324. 325. 329—331. 334. 335. 339. 348. 364.
373. 389. 403—405. 409. 413. 416. 449. 455.
См. также: Закавказье. Северный Кавказ
Кавказские горы 259. 264
Кавказский перешеек 404
Кама 15. 32

- Карелия 264
 Каспийское море 404
 Казахстан 82
 Керчь 35
 Киев 284
 Китай 72. 127. 178. 439. 454
 Коми область 387
 Корея 22
 Корсика 71
 Крит 3
 Крым 235. 380
 Кутаис 279
- Лейпциг** 322
 Ленинград 36. 326. 398. 410. 442
 Лигурия 160
 Лидия 71. 183. 454. 457
- Малайский архипелаг** 45
 Малая Азия 70. 194. 205. 284
 Махач-Кала 325
 Мегрелия 123
 Месопотамия 17. 20. 28. 136. 185. 284. 329. 393
 416
 Монголия 46
 Морская Армения 380
 Москва 322. 410. 441
- Нанкин** 439
 Нил 402
 Новый Свет 393
- Океания** 43. 385. 409
 Ольвия 21. 175
- Палестина** 182
 Памир 23. 60. 183. 187. 307. 324. 404. 414
 Париж 322. 411. 442
 Пасха, остров 45
 Пергам 457
 Передняя Азия 22. 127. 323. 329
 Персия 212. 418
 Петербург 247
 Пиренеи 23. 44. 56. 136. 182. 183. 185. 274.
 307. 323. 348. 404. 405. 414. 449
 Пиренейский полуостров 19. 22. 162. 187. 205.
 329. 393. 404. 407
 Приволжье 185. 442
- Рача 279
 Рейн 205
 Рейнский край 449
 Ретия 449
- Рим 127. 449
 Рион 279
 Россия 439
 Румыния 70
 Русь 383
- Салахлы 454
 Сардиния 71
 Саркел 120
 Свания 141. 263. 279
 Северная Америка 202
 Северная Африка 205. 404
 Северное Черноморье 70
 Северный Кавказ 120. 335
 Сена 276
 Сибирь 36. 44. 83. 178
 Сирия 71. 393
 Сицилия 71. 206
 Скандинавия 418
 Спарта 70
 Средиземное море 206
 Средиземноморье 9. 17—19. 21. 28. 31. 44. 70—
 72. 75. 76. 141. 155. 160. 161. 183. 185. 194.
 205. 246. 329. 383. 393. 404. 405. 407. 409.
 413. 414. 416. 452
 Средняя Азия 46. 47. 182. 188. 206. 280. 323.
 393. 442
 Старый Свет 42. 47
 Сухум 174. 327. 340
 Сцилла 293
 СССР 352. 370—372. 376. 378. 379. 381—383.
 386. 387. 391. 442. 443. 450—452. 455. 559
- Тардец 308
 Тибет 43
 Тиринф 70
 Тифлис 442
 Тиханкино, деревня 181
 Тихий океан 19. 22. 56
 Трансвааль 409
 Туапсе 174. 235
 Тунис 71. 205
 Туркестан 101
 Турция 454
- Украина 442
 Урал 184. 404
- Файум** 402
 Фастово 292. 293
 Фессалия 70. 75
 Финляндия 264. 387. 403
 Франция 31. 70. 106. 373. 429. 432. 445. 454

Харибда 293
Хевсурге́тия 82

Цхени-цхали 141

Черное море 141. 206. 283. 348. 404
Черноморье 21. 178. 205. 248. 308. 380
Чечня 334. 336
Чувашия 442

Шанхай 439

Эски-Кермен 380

Эстония 387

Этрурия 21

Южная Америка 202

Южная Африка 21. 95

Япония 22

VI. ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абадзехский язык** 235, 337, 239
Абазинский язык 236
Аборигены Галлии 322
Абхазский аналитический алфавит 39, 40, 325—351
Абхазский язык 10, 11, 16, 39, 40, 42, 65—67, 87, 92, 93, 104, 110, 121, 158, 166, 167, 176, 190, 192, 196, 199, 207, 214, 218, 221, 228, 229, 232, 234—241, 250, 269, 270, 275, 311, 317, 319, 321, 335—351, 411, 426. См. также: Бзыбское наречие абх. яз. Диалекты абх. яз.
Абхазы 36, 67, 76, 204, 236, 275, 327, 333—351
Аварский язык 12, 58, 92, 154, 161, 172
Авестийский язык 277
Австралийские языки 23, 405, 411
Агармонизация 55
Агиографические памятники грузинской литературы 101
Агглютинативный строй языка 7, 10, 28, 42, 43, 48, 51—55, 67, 102, 108, 110, 111, 121, 124, 125, 132, 188, 196—198, 206, 268, 368, 407, 414, 416, 420
Агглютинативный строй армянского вародного языка 197.
Агглютинативный строй грузинского народного языка 197
Агглютинация 54
Агнатические коллективы 16, 131
Адигейский (черкесский) язык 234. См. также: Черкесские языки
Азбука 339, 350. См. также: Алфавит. Аналитический алфавит. Буквы. Письмо
Азербайджанский гос. университет имени В. И. Ленина 12, 13, 22, 119, 127
Азербайджанские языки 17, 21, 22
Азербайджанские тюрки 326
Азианская культура 382
Азианские языки 132
Азиатский Восток 46
Азиатское общество (Société Asiatique) 442
Академии 428. См. также: Академия наук СССР. Академия абхазского языка и литературы. Гос. Академия истории материальной культуры. Коммунистическая Академия Академия абхазского языка и литературы 340
Академия наук СССР 28, 51, 194, 224, 416, 423, 429
Академики, характер их работы 442.
Академическая (научная) среда 211, 212, 245, 247, 256, 263, 267, 325, 370, 371, 374, 394, 398, 410, 412, 440. См. также: Научные работники. Научные предрасудки
Акание 156—158, 183, 234
Актив (грамм.) 302
Активный падеж 61, 254
Активные глаголы 319
Активные социально члены коллектива 267
Албанисты 210
Албанский язык 18, 42, 184, 196, 246, 349
Албаны 144, 184
Албаны (кавказские) 330
Алы 183
Альпийцы 183
Алтайские рудники 19
'Алтарь' 133, 208
Алфавит 37—40, 84, 85, 215, 236, 325—328, 330, 331—351, 369. См. также: Азбука. Аналитический алфавит. Буквы. Письмо
'Амбар' 344
Американисты 3, 7, 44, 72
Американские языки 6, 7, 28, 31, 42, 44, 58, 72, 127, 243, 405, 406, 411. См. также: Доисторические языки Америки
Аморфно-синтетический строй языка 364
Аморфный строй языка 7, 10, 49, 102, 108—110, 121, 132, 134, 368, 405, 407, 413. См. также: Синтетический строй языка
Анализ по элементам 247, 248, 387
Аналитический алфавит 6, 256, 321, 326—351. См. также: Абхазский аналитический алфавит. Единое письмо
Аналитическое мышление 382
Анатомические термины 272, 361
Анатомия первобытного человека 200
Анатомо-физиологическое изучение техники речи и мышления 244
Английский язык 55, 66, 82, 232, 300, 372, 425, 455—459
Английское письмо 455
Англичане 30, 155
Андийский язык 220
Анимизм 219, 254, 267, 280
Анимистические представления 279, 288
Анимистические тотемы 301
Античное общество 382, 402, 452
Антропологи 205, 206, 293
Антропология 128
Антропоморфизация 255, 263, 274
Антропoidы 200
Аорист 303, 318, 319
Арабский язык 10, 29, 46, 47, 53, 58, 81, 83, 89, 101, 104, 126, 166, 168, 176, 218, 221, 254, 273, 303, 312, 317, 318, 326, 342, 393, 407
Арабское письмо 326, 330, 335, 336
Арабы 261
Арамейские языки 46, 125, 393
Арамейское письмо 330
Арамейско-этрусская надпись 183
'Арба' 239, 341.
Арийская культура 187. См. также: Индоевропейцы
Арийцы см. Индоевропейцы
'Арка' 287, 424
Армяне 30, 36, 76, 86, 204, 330—333, 372, 380, 383, 450
Армяне кавказские 333
Армяне крымские 380
Армяне малазийские 333
Армяно-грузинская филология 413
Армянская литература 101. См. также: Древнеармянская литература
Армянская орфография 331, 332
Армянские феодалы 283
Армянские цари 283

- Армянский язык 4. 8—10. 18. 59. 63. 64. 66. 67. 75. 79. 80. 82. 83. 85. 88. 89. 102. 106. 111. 122. 125. 131. 144. 145—147. 150. 151. 153. 156—160. 163. 165—167. 169. 172. 175—177. 184. 185. 192. 193. 196. 197. 199. 216—218. 221. 222. 226. 227. 229. 230. 235—241. 246. 249. 250. 255. 256. 259. 261. 264—266. 274—277. 279—285. 287. 307—309. 312. 319. 330—332. 345. 347. 348. 364. 372. 387. 388. 405. 413. 415. 418. 425. 429. 455. 458. См. также: **Говоры арм. яз. Диалекты арм. яз. Древнелитературный арм. яз. Зокское наречие арм. яз. Кейский яз. Мокское наречие. Народный арм. яз. Рейский яз. Хайский яз. Хайкский яз.**
- Армянский язык в изучении индоевропейцев 80
- Армянские языки как переходные 125
- Армянский литературный язык 333
- Армянский феодальный язык 372
- Армянское письмо 330—334
- Армянское церковное письмо 371
- Архаизмы языка 7
- Архаичные системы языков 411
- Археологи 3. 14. 77. 206. 257. 292. 293. 375. 430. См. также: **Историки материальной культуры**
- Археологические памятники см. **Памятники материальной культуры**
- Археологические поездки и работы Н. Я. Марра 247. 257
- Археология 5. 9. 23. 35. 70. 77. 290. 293. 321. 365. 369. 401. 402. 417. См. также: **История материальной культуры**
- Архитектура 452
- Архитектурные термины 424
- Асемантизм 9. 10
- Асемантизм лингвистических элементов 109
- 'Аскет' 87
- Аспираты 361
- Аспиранты 321. 322. 361. 376
- Ассирийский язык 136. 273. 274. 364
- Ассирийцы 189
- Ассоциация идей 189
- Ассоциация звуков и терминов 199
- Ассоциация образов 189. 418
- Ассоциация представлений 217. 218
- Ас. ральное мировоззрение 249. 272. 277. 281. 282. 365. 449
- Астральный культ 21. 410. 419
- Астральный тотем 277. 280
- Астрономия 324. 430
- Аттический дем Икария 87
- Аустроазиатские языки 7. См. также: **Австралийские языки**
- Афревразийский культурный мир 19
- Африканские языки 6. 28. 31. 41. 42. 47. 72. 122. 127. 243. 405. 407. 411. 414. См. также: **Банту. Берберский язык. Кабилский язык. Намайский язык. Суданские языки**
- Африканисты 3
- Африканцы 305
- Аффиксы 110. 229
- Аффиксы личные 311
- Аффрикаты 6. 7. 10. 37. 38. 47. 58. 59. 81. 82. 174. 259. 336—338. 344. 346. 347. 349. 351
- Аффрикаты заднеязычные 344. 345
- Аффрикаты звонкие 345
- Аффрикаты переднеязычные 344. 348
- Аффрикаты свистящие 344
- Аффрикаты сибиллятные 344
- Аффрикаты спирантные 344
- Аффрикаты шипящие 344
- Аххемское наречие 218
- Ахеменидские надписи 167
- Ашельская эпоха 117. 205
- Банту** 123. 358
- 'Барсу́к' 64
- Баски 76. 156. 159. 184. 305. 405. 407. 411
- Баскский язык 8. 20. 29. 31. 44. 47. 48. 53. 66. 67. 80. 104—106. 126. 128. 137. 138. 140. 141. 145. 147—151. 154. 158. 161—163. 170. 177. 182—185. 187. 188. 199. 218. 223. 226. 230. 236. 237. 239. 241. 247. 272. 274. 276. 278. 279. 302. 304. 307. 308. 322. 323. 344. 347. 405. 411. 414. 425. 426. 429. 449. 450. 455. См. также: **Диалекты баскского языка. Нижне-наваррское наречие баскского яз. Сулетинское наречие баскского яз.**
- 'Ба́шня' 145
- 'Бе́г' 126
- 'Бегает' 126
- 'Бегать' 126
- 'Бедро' 166
- 'Бежал' 126
- 'Без' 236. 238. 240.
- 'Бездна' 256
- Безличные глаголы 300—320
- 'Безногий' 159
- Безогласовочное письмо 330
- 'Безрукий' 80. 166
- 'Безумный' 80. 266. 387
- Белорусский язык 165
- 'Белый' 223
- Берберский язык 240. 279. 307. 406. 407. 411
- Берберы 307. 407. 411
- 'Берег' 343. 348
- 'Бери' 92. 236
- Беры 158—160
- 'Бес' 387
- Бесклассовое общество 5. 25. 255. 375. 396. 398.
- 'Бесноватый' 388
- 'Бесноваться' 208
- Бесписьменные народы и языки 11. 32. 36. 37. 53. 118. 188. 353—355. 373. 378. 407. 414
- Бесписьменные языки Кавказа 182. 413
- Бесписьменные языки Средиземноморья 414
- 'Беспокойство' 458
- «Беспризорные» языки см. **Бесписьменные языки**
- 'Бессловесный' 201
- Бессловесное пение 9. 86
- Бессловесные песни абхазов, армян, мегрелов 204
- 'Бешеный' 80
- Бжедудский язык 235. 237
- Бзыбское наречие абхазского языка 346. 348. 350
- Библейские имена 324
- Биографические сведения о Н. Я. Марре 3. 4. 12—15. 17. 21. 22. 28—30. 34. 35. 56. 136.

140. 143. 149. 153. 168. 173. 175. 180. 182.
193. 211. 216. 224. 234. 245. 247. 257. 300.
304. 352. 370. 379. 398. 399. 406. 411—
414. 427. 440—443. 457. См. также: Археологические поездки Н. Я. Марра. Доклады Н. Я. Марра. Заграничная командировка Н. Я. Марра. Лекции Н. Я. Марра. Переводы работ Н. Я. Марра. Ученики Н. Я. Марра
- Биологизирование происхождения и развития языка 244. 258. 399.
- Биология 430
- 'Бить' 280
- 'Благо' 103
- 'Благоговение' 87
- 'Благозвучность' 58
- 'Благочестивый' 87
- 'Блаженный' 312
- 'Бледность' 277
- 'Блеск' 209
- 'Ближний' 185
- 'Ближний' 103. 137. 165
- 'Близко' 82. 165. 238
- 'Блоха' 349
- 'Бог' 73. 79. 87. 88. 132. 138. 144. 145. 150. 151. 173. 208. 240. 250. 264. 265. 274. 275. 279. 280. 284. 364. 387. 430. 431
- Боги и божества 9. 17. 21. 86. 87. 136—138. 140. 141. 143. 184. 204. 250. 256. 275. 303. 363. 456
- Богословы 198. 290
- 'Божество' 74. 133. 409. 410
- 'Бок' 82. 165. 166. 347
- Болгары 193
- Болгарский тотем 208
- Болгарский (булгарский) язык 193. 257
- Болгары балканские 184
- Болгары волжские 184
- 'Болезнь' 221. 277
- 'Болото' 170
- 'Болтание' 82
- 'Боль' 220
- Борьба за существование 127. 200
- 'Брат' 50. 51. 62. 103. 104. 110. 168—172
- 'Братъ' 80. 133. 186. 232. 390
- 'Бревно' 343
- Бретонский язык 262. 263. 268. 289. 429. 432. 455
- Британская империя 28
- 'Брод' 242. 256
- 'Бронза' 307
- Бронзовый век 71
- 'Бросать' 93. 133
- Буддизм 46
- Буддийские памятники материальной культуры 185
- Будущее время 303. 320
- 'Буйный' 388
- 'Бук' 349
- 'Буква' 353. 364. 387. 388. 409
- 'Букварь' 369
- Буквы 6. 39. 84. 335—351. 353. 367. 381. 385. 389. 452. См. также: Азбука. Алфавит.
- Письмо
- Буквы-цифры 39
- 'Букет' 280
- Булгарский язык см. Болгарский язык
- Буришкский язык см. Бершикский язык
- Буржуазная культура 453
- Буржуазное мышление 35
- Буржуазная наука 445
- Буржуазное общество 15. 123. 180. 373. 430. 432. 439. 450
- Буржуазная революция 439
- Буржуазная социология 354
- Буржуазные языки 355. 381. 396
- 'Бурка' 341
- 'Буря' 136. 308. 425
- Бюджет средневековых государств 373
- 'Бык' 64. 282
- Быт 128. 291
- Быт скифов 322
- 'Бытие' 280
- Бытовая речь см. Разговорный язык
- Бытовая среда, учет ее при изучении языка 354
- 'Быть' 133. 302. 319. 320
- 'Быть безумным' 390
- 'Быть умным' 390
- Вавилонское столпотворение 384
- Ванские клинообразные надписи 14
- Ванские цари 204
- 'Варвары' 380. 383. 449. 450
- Варварство германцев 449
- 'Вверх' 192
- 'Век' 222. 265. 286
- Великая французская революция 428. 429. 441. 448
- Великодержавность 290
- 'Величина' 83
- Венгерский язык 418
- Венгры 79
- 'Венец' 228
- Венский университет 12
- 'Вера' 132. 143. 144. 149. 150
- 'Веревка' 343
- 'Веретено' 343
- 'Верить' 150. 263
- Вертикальное положение человека 78
- 'Вергится' 425
- 'Верую' 144
- 'Верх' 132. 225. 227. 228. 230. 265. 281. 308
- 'Верхнее платье' 341
- 'Верхний' 278
- Вершики (буришки) 404
- Вершикский (буришкский) язык 59. 138. 182. 187. 188. 405. 414
- 'Вершина' 228
- 'Веселие' 87
- 'Веселиться' 283
- 'Веселый' 221
- 'Весна' 216. 220. 223
- 'Вестник' 410
- 'Весь' 63
- 'Весьма' 237
- 'Ветер' 131. 424
- 'Вещая птица' 89. 410
- Вещественные памятники см. Памятники материальной культуры
- 'Вещь' 456
- Взаимоотношения типологии и фонетики 61

- Взаимоотношения языков различных систем между собой 23. 31. 44—47. 59. 60. 109—111. 122. 123. 127. 185—187. 259 314. 317. 411. 414. 415. 419—422. 426. См. также: Родство языков. Сходжения языков
- Взаимоотношения афетических языков Кавказа с неафетическими 30
- Взрывные аспираты 361
- Взрывные (сильные) звуки 336. 342. 346
- Взрывные спиранты 257
- Выбрации голоса 385
- 'Вид' 92. 277
- Видение' 256
- 'Видеть' 260. 262
- Винительный падеж 43
- 'Вино' 149. 170. 223. 347
- Вино, его роль в мистических учениях 170
- 'Вихрь' 424
- 'Вишад' 147. 176
- 'Вкус' 346
- 'Влажный' 256. 287
- 'Власть' 133. 208. 318
- 'Влево' 137
- 'Внешний' 456
- 'Вниз' 192. 229
- 'Внимание' 264
- 'Внутри' 61. 62
- Вода, ее роль в мистических учениях 170
- 'Вода' 9. 30. 48. 55. 78. 83. 102. 126. 132. 143. 145. 148. 149. 151. 153. 154. 160. 170. 171. 173—178. 185. 187. 207. 209. 216. 217. 221. 223. 235. 249. 265. 266. 274. 277. 283. 286—288. 302. 308. 313. 316. 318. 344. 367. 406. 419
- 'Вода глаза' 262
- 'Вода — река' 126
- 'Водопровод' 148
- Водопроводные сооружения Вана 380
- Водопроводные сооружения Крыма 380
- Возвратные глаголы 104
- Возвратные местоимения 104. 224—227. 229. 230. 232. 255
- Воздействие более «культурных» языков на менее «культурные» 46
- 'Воздух' 302
- 'Возможность' 134
- Возрастные термины 276
- 'Возьми' 236. 238
- 'Войско' 238. 343
- 'Вокруг' 154
- 'Волк' 110. 164. 257. 457
- Волкамские языки 15
- 'Волны' 170
- Вопросительный знак 385
- 'Ворон' 240
- Восклицательный знак 385
- Восприятие 208. 400
- Востоковедение 452
- Восточная музыка 18
- 'Восходить' 192. 193
- 'Восхождение' 299
- 'Враг' 151. 153. 345
- 'Враждебный' 153
- 'Врач' 87
- Время (глагола) 261. 302. 303. 310. 318—320
- Время 408. 434. 435
- 'Время' 132. 143. 148. 151. 216. 220—223. 236. 236. 317. 406
- 'Время года' 236
- 'Вручать' 80. 308. 347
- 'Всадники' 276
- 'Все' 391
- Всесоюзный Центральный Комитет нового алфавита (ВЦКНА) 379. 391. 392
- 'Вспоминать' 279
- Вспомогательные глаголы 300—320
- 'Входить' 312
- 'Вывихнуть' 147
- 'Выдра' 308
- Выкрики аффекта 85. 86
- 'Высокий' 87. 151. 225. 226. 239
- 'Высота' 208. 225. 226
- Выставка «Новая письменность народов СССР» 352. 371
- 'Вышний' 278
- 'Выучился' 390
- 'Выходить' 193. 299. 312
- 'Выхождение' 299
- 'Вышивать' 64
- 'Вышивка' 64. 364
- 'Гадательный' 388
- 'Гадать' 144
- Газеты 374
- Галльский язык 156
- 'Гасит' 425
- Гверы 164
- Генеалогия языков мира 41—48. 54—56. 67—70 195—198. 419—422. См. также: История языка. Классификация языков мира. Родословное дерево языков мира.
- Гениальность 440
- Географическая среда 106. 107. 113. 264. 399. 400. 421
- Географические познания Гомера 404
- Географический фактор лоттогонии (языко-творчества) 107. 115. 293
- Географы 387
- Геологи 206. 293
- Геометрический орнамент 364
- Геоэтнический район 194
- Герб Ольвии 175
- Германские языки 67. 155. 156. 161. 163. 189. 194. 231. 232. 274. 275. 285. 300. 307. 308. 372. 405. 420. 453—459
- Германцы 322. 380. 383. 448—450
- Германцы-католики 448—449
- Германцы-протестанты 448—449
- 'Гермафродит' 275
- Героически-эпическая речь 362
- Героический эпос 363
- 'Герой' 62
- Геры 164
- Гибридные слова см. Скрещенные слова
- Гибридные языки 11. 18. 196. См. также: Языки переходного типа
- 'Глава' 229
- Глагол 50. 53. 81. 102. 104. 105. 120. 133. 134. 169. 186. 191—193. 201. 203. 228. 238. 240. 254. 256. 259. 261. 265. 278—281. 300—320. 363. 387. 388. 390. 400. 401. 417. 423. 435
- Глагол в грузинском языке 303. 304

- Глагольная основа 301
 Глаголы действительные
 Глаголы непереходные 417
 Глаголы объективного строя 280. 315. 318. 319
 Глаголы страдания 315
 'Глаз' 82. 102. 132. 236. 250. 260—265. 272. 279. 286. 316. 343. 362. 424. 454. 457
 Гласные звуки 6. 10. 32. 37. 38. 53. 55. 92. 100. 130. 131. 258. 304. 329. 341. 351. 368
 Глоттогония см. Языкотпорчество
 'Глубина' 147
 'Глубокий' 147
 'Глушый' 388
 Глухие сибиллянты 338
 Глухие согласные 337
 Глухие спиранты 40. 338
 'Говорить' 89. 201. 428
 Говоры 123. 125. 234. 353. 381
 Говоры армянского языка 125
 Говоры и диалекты грузинского языка 166. 238. См. также: Гурийский говор груз. яз. Имерский говор груз. яз. Рачинский говор груз. яз.
 'Говорящий' 201
 'Говядина' 246
 'Год' 43. 132. 134. 150. 216. 217. 220—223. 236. 406
 Голландский язык 232
 Голландцы 455
 'Голова' 102. 104. 132. 148. 152. 153. 184. 192. 224—226. 229—232. 284. 287. 348. 349. 424. 425
 'Голова — гора — небо' 124. 143. 148. 152. 225
 'Головастик' 147
 'Головной убор' 228
 'Голод' 221. 342
 'Голодать' 274
 'Голос' 82. 93. 262. 263
 'Голубой' 150. 349
 Гомеровский эпос 363
 'Гора' 106. 145. 147. 148. 153. 154. 208. 424. 425
 'Гора — небо' 226
 'Гореть' 261
 'Горло' 361
 Горловые звуки 58
 Горловой аспират (аффрикат) 58
 'Город' 154. 175. 293
 Города 15. 21. 284
 Городища средневековые 60
 Городище Nushantia 184
 Горюеше Саркел
 'Гороскоп' 89. 410
 Горские народы 3f0
 Горские языки 67. 361
 'Горсть' 165
 Гортанные звуки 336. 338. 342. 346. 347
 'Горташь' 361
 'Горячий' 216. 217. 344
 'Господин' 133. 151. 208. 250. 319
 'Господство' 151
 Господствовавшие классы 27. 354. 380
 'Госполь' 151. 208. 303
 'Гость' 343
 Гос. Академия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра 14. 33. 247. 252. 253. 321
 Государственный язык 330
 Государство 113. 328. 445
 Готский язык 149. 156. 232. 274. 300. 307. 308. 380. 448. 455
 Готтентотский язык см. Намайский язык
 Готы 275. 380
 'Грабитель' 151
 Грамматика 33. 49. 103. 266. 370. 372—377. 387. 389. 435. См. также: Сравнительная грамматика
 Грамматика абхазского языка 340
 Грамматика динамическая и статическая 52
 'Грамматика' 387
 Грамматические категории 102—104. 441
 Грамотность на родном языке 325
 Графемы 387
 Графика 271. 367. 369. 386. См. также: Письмо
 'Гребень' 341
 Греки 21. 75. 76. 189. 329. 380. 383. 438. 447
 Греко-римская культура 382
 Греческая культура 382. 403
 Греческая мифология 9. 86—88. 411
 Греческая философия 78. 446. 447
 Греческие боги 86
 Греческие надписи 457
 Греческий язык 7. 9. 15. 31. 46. 48. 56. 59. 67. 75. 83. 87—89. 93. 102. 122. 132. 138. 142. 144—146. 149. 155. 156. 158. 160. 161. 163. 172. 175. 177. 178. 184. 189. 193. 194. 218. 220. 222—226. 230—232. 239. 240. 246. 267. 270. 274. 282. 283. 307. 332. 337. 350. 351. 353. 363. 364. 387. 389. 391. 400. 405. 409. 414. 420. 455. 457. 458. См. также: Дорийское наречие греч. яз. Ионийское наречие греч. яз.
 Греческое письмо 330. 336. 350
 'Гроб' 149
 'Гром' 147. 329. 250. 255. 283. 286. 343
 Грузиноведы 28. 29. 415. 416
 Грузинская литература 94. 101. 124. 412. См. также: Агиографические памятники груз.-лит. Древнегрузинская литература
 Грузинская народная литература 334
 Грузинская церковь 124
 Грузинская этнонимика 160
 Грузинские переводы с греческого 101
 Грузинские феодалы 334
 Грузинские цари 373
 Грузинский язык 4. 6—10. 28—32. 34. 47. 51. 55. 58. 59. 61—67. 74. 75. 80—83. 85. 88. 89. 92. 93. 101—104. 106. 111. 121—125. 131. 136—138. 140. 141. 148. 150—154. 157. 159—161. 164—174. 176—178. 182. 191—193. 197. 199. 201. 202. 207. 208. 210. 216—219. 221—232. 235—240. 246. 247. 249. 250. 255. 262—266. 268. 269. 274. 275. 278—284. 286. 287. 301—304. 308. 310—312. 314. 317—320. 335. 345. 347. 348. 360. 364. 372. 373. 384. 388. 407. 409—413. 415. 416. 418. 423—426. 429. 455. 458. См. также: Говоры и наречия груз. яз. Гурийский говор груз. яз. Диалекты груз. яз. Древнелитературный груз. яз. Имерский говор груз. яз. Народный груз. яз. Рачинский говор груз. яз.
 Грузинское духовенство 334

- Грузинское письмо 40. 326. 330—332. 351
 Грузинское церковное письмо 331. 334
 Грузины 86. 123. 264. 275. 330. 334. 407. 412
 Группа десмотики ЯИ 111
 Группа жилищных терминов ЯИ 213
 Группа числительных 12. 211—215
 Группировки животных 403
 'Грустный' 220
 'Грызть' 147
 'Губка' 147
 Губнозубные полугласные 341
 Губные африкаты 338
 Губные звуки 336. 346
 Губные гласные 337. 338. 342
 'Губы' 361
 Гуманитарии 321. 322. См. также: Общество-
 веды
 Гуманитарные науки см. Общественные науки
 Гурийский говор груз. яз. 166. 174. 219. 303.
 411
 Гурильцы 86
 Гуры 407
 'Гусь' 345
 'Давать' 93. 133. 186. 236. 343. 347
 'Далекий' 137. 138
 Дальневосточная культура 382
 Дальневосточные народы 71. 385. 393
 Дальневосточные языки 6. 7. 42. 206. 414
 'Дальний' 165
 Дарвинизм 270
 'Дарение' 186
 'Дарить' 186
 Дательно-винительный падеж 61
 Дательный падеж 61
 Датировка языков 67
 Датчане 455
 'Дать' 318
 'Два' 103. 213
 'Дверь' 250. 273. 281. 287. 346
 'Двигаться' 276
 'Движение' 424
 Движение 434. 435
 Двойственное число 355
 'Двор' 250
 Дворянство 15
 Дворянство грузинское 123
 Двугласные 341
 Двухзначимость слов 302. 341
 Двухсогласие 301
 Двухсогласный корень 314
 Дебелые звуки 344. 345. 349
 'Девочка' 270
 'Девушка' 140. 149. 150. 169. 171. 267
 'Деять' 63
 'Дед' 169. 343
 Дезаспирация 97—99. 347
 Десигическая культура 258
 Действие 279. 280. 303. 400. См. также: Глагол
 Действительный залог 280. 281
 'Действительно' 150
 'Действовать' 311
 'Делать' 73. 75. 80. 133. 311
 'Дельфин' 175
 'День' 134. 220. 255. 265. 272. 281. 286. 317
 'Деньги' 342
 'Дервиш' 9. 88
 'Дерево' 31. 32. 38. 102. 131. 134. 221. 238
 'Держать' 82. 240
 'Держит' 238
 'Держу' 80
 'Дерзкий' 388
 Дериваты см. Семантические дериваты
 Десибляция 96—99. 347. 348
 'Десна' 145. 147
 Детерминативы 282. 368
 Дети неба' 365
 Джаварский говор мегрельского языка 227
 Диалектика 3. 8. 12. 112. 251. 352. 432. 444—
 447
 Диалектика общественного развития 112—115
 Диалектика природы 112
 Диалектика развития языка 107—109. 434. 435
 Диалектико-материалистическое мышление 302.
 441
 Диалектические тексты, запись их 341
 Диалектический материализм 112. 118. 244.
 290. 293. 296. 298. 369. 383. 448
 Диалектическое произношение 186
 Диалектическое развитие значений 259
 Диалектология 354
 Диалекты 234. 354. 355
 Диалекты абхазского языка 342
 Диалекты армянского языка 218. 280. 331
 Диалекты баскского языка 163
 Диалекты грузинского языка 229
 Диалекты русского языка 211
 Диалекты, наречия и говоры сванского языка
 137. 157. 160
 Диахроническая связанность фетических
 языков 67
 Диахроническая сравнительная грамматика
 187. 188
 Диахронический анализ 111. 129. 224. 420.
 422
 'Дикая малина' 343
 Дикие животные 285. 293
 «Дикие» народы и племена 131. 199. 201. 243.
 432. 449
 'Дикий' 388
 Динамика общественного развития 115
 Динамика языкового развития 356
 Динамическая теория происхождения языка
 430. 431
 Дионисевы мифы 87
 Дионисевы празднества 87
 Диссоциация понятий 143
 'Дитя' 144. 171. 248. 250. 255. 267. 270. 277.
 278. 281
 'Дитя неба' 269. 457.
 Дифференциация звуков 84—86
 Дифференциация лингвистических элементов
 99
 Дифференциация производства 401
 Диффузное мышление 73. 216. 219. 309. 310.
 См. также: Дологическое мышление. Мифо-
 логическое мышление. Первобытное мышле-
 ние
 Диффузные звуки 6. 7. 10. 13. 15. 16. 38. 58.
 85. 92. 96—98. 130. 259. 260. 337. 338. 342.
 344. 347. 348. 357. 358. 361
 Диффузное состояние речи 453

- Диффузность первичного искусства 89
 Диффузные звуковые комплексы 9
 Диффузиды 7. 10. 16. 58. 92
 Дичь 145. 146
 *Длина 156. 164
 *Длинный 155—167
 Длительное время 320
 Длительные аспираты 361
 Длительные спиранты 37. 38. 257
 *Для 348
 *Дно 75. 140. 141
 Доарийская культура 187
 *Доблестный 388
 *Добро 138. 143
 *Добровольно 104
 *Доброжелательный 103
 *Добрый 103. 173
 *Довольство 87
 Догреческая культура 363. 392
 Догреческий язык 87. 226
 *Дождь 7. 27. 55. 148. 235. 346
 Дозвуковая речь см. Ручная речь
 Доиндоевропейские народы см. Яфетиды
 Доистория 117. 256. 403. 404
 Доисторическая культура 9
 Доисторическая и историческая связи Балкан и Восточной Европы 184
 Доисторическая семантика 347
 Доисторическая топонимика 75
 Доисторическое мышление см. Первобытное мышление
 Доисторическое население Афреазии 205. 383
 Доисторическое население Европы 71. 183. 184. 187. 193. 194. 222. 323. 407
 Доисторическое население Индии 187. 194
 Доисторическое население Ирана 194
 Доисторическое население Малой Азии 194
 Доисторическое население Пиренейского полуострова 187
 Доисторическое население Северной Африки 194
 Доисторическое население Франции 106
 Доисторическое расселение яфетидов 187. 205
 Доисторическое человечество см. Первобытное общество
 Доисторические языки см. Язык первобытного общества
 Доисторические языки Америки 23
 Доисторические языки Апеннинского полуострова 407
 Доисторические языки Индии 44. 45. 72. 364
 Доисторические языки Океании 23
 Доисторический слой славянских языков 249
 Доистория 19—21. 76. 217. 271. 383. 402—404. 417
 Доистория Африки 307
 Доистория Европы 34. 305. 307.
 Доистория Средиземноморья 44
 Доклады Н. Я. Марра 21. 136. 140. 143. 147. 149. 153. 155. 168. 173. 175. 194. 211. 224. 234. 300. 352. 370. 379. 399. 411. 412. 427
 Доклады о числительных 210. 211
 Доклассовое общество см. Первобытное общество
 *Долг 83. 133. 317. 419
 Долгие гласные 10. 37. 92. 93. 160. 341. 385
 *Долгий 165
 Долгота 164
 Долгочасное мышление 83. 129. 189. 213. 216. 271. 311. 387. 400. 404. 408. 409. 424. 431. См. также: Диффузное мышление. Мифологическое мышление. Первобытное мышление
 *Доля 238. 240
 *Дом 48. 51. 61. 62. 132. 149. 153. 170
 Домашние животные 285. 288. 292. 293. 300
 Домостроительные термины 287
 Дом ученых 438
 Допрометеидские языки см. Яфетические языки
 Дорийское наречие греч. яз. 142
 *Дорога 167. 347
 Дославянские языки 389
 *Дочь 169. 250
 *Дно 344
 Дравидические языки 6. 7. 42. 44. 187
 Дравиды 305. 306
 Древне-англосаксонский язык 232
 Древнеармянская литература 332. 333
 Древнегрузинская литература 332
 Древнееврейский язык 29. 53. 81. 159. 166. 168. 176. 178. 208. 275. 317. 342.
 Древнейшие звуки 361
 Древнейшие письменные языки 358
 Древнелитературный армянский язык 8. 10. 42. 67. 80. 125. 159. 190. 196. 197. 221. 228. 232. 237—239. 241. 247. 249. 250. 265. 277. 300. 308. 333. 361. 390. 405. 413. 415
 Древнелитературный грузинский язык 7. 10. 15. 42. 53. 67. 80—82. 111. 123—125. 190. 197. 219. 222. 227. 228. 262. 265. 266. 279. 286. 303. 311. 312. 317. 318. 348. 361. 413—415
 Древненемецкий язык 232
 Древнеперсидский язык 228
 Древнеписьменные народы и языки Кавказа 331. 332. 334
 Древнеписьменные языки Евразии 414
 Древнерусский язык 188. 275
 Древнеславянский язык 262. 458
 Древнефризский язык 232
 Древние языки 160. 161. 188. 189. 353. 427
 *Древний 64
 Древность живых языков 187
 Древодение 57
 Древодеды 21. 57
 *Дрова 344
 *Дрозд 64
 *Друг 169
 *Друг другу 161
 *Дуб 31. 32. 43. 64. 132. 344. 345
 *Дума 143. 144
 *Думать 279
 *Дупло 147
 *Дурной 103
 *Дуть 424
 *Дух 267. 279. 286. 308
 Духовенство 373. См. также: Грузинское духовенство
 *Душа 64. 80. 87. 102. 104. 226. 230—233. 240. 255. 274. 286. 301. 308
 *Дым 209. 236

- 'Дьявол' 145. 255
- Евреи 189. 275. 383
- Еврейский язык см. Древнееврейский язык
- Европейские новые языки 353
- Европейские средневековые языки 353
- Европейские языки 7
- Европейское письмо 330
- Европейцы 335. 380
- Египетская культура 403
- Египетский язык 20. 178. 208. 211. 403. 406. 414
- Египтяне 71. 189
- 'Еда' 274
- Единение труда и науки 443
- 'Единица' 269
- Единичность 208
- 'Единичность' 269. 270
- Единоязычие 25
- Единственное число 134
- 'Единственный' 103
- Единство глоттогонического (языкотворческого) процесса 5. 31. 33. 34. 37. 41. 51. 54. 68. 116. 135. 245. 369. 396. 397. 412. 414. 420. См. также: Языкотворчество
- Единство исторического процесса 31. 33. См. также: История
- Единое письмо 328. 386. 391. 392. 397. См. также: Аналитический алфавит. Письмо
- Единство противоположностей 253. 269. 301. 302. 390. См. также: Диалектика
- Единое хозяйство бесклассового общества 135. 396. 397. 435
- 'Единый' 124
- Единый социальный строй бесклассового общества 396. 397
- Единый язык 5. 24. 25—27. 41. 54. 135. 195. 245. 328. 376. 391. 393—398. 422. 450. См. также: Идо. Интернационализация языка. Искусственный международный язык. История всеобщего яз. История яз. Эсперанто
- Естественные науки 436. 446—448. 452. См. также: Астрономия. Биология. Зоология. Физиология. Химия.
- Естественные факторы мышления 263
- Естественники (натуралисты) 179. 206. 292. 293. 328. 436—438. 447.
- 'Есть' ('быть') 302
- 'Есть' 64
- 'Жажда' 344
- 'Жаждать' 274
- 'Жалость' 148
- 'Жалкий' 148. 149
- 'Жарить' 345
- 'Желание' 274. 419
- 'Железо' 133. 282. 307. 308
- 'Желоб' 153
- 'Желтуха' 277
- 'Желудок' 147
- 'Жена' 168. 239. 275
- Женевские научные учреждения 77
- 'Жених' 171
- Женский род (грамм.) 50. 254. 267—269. 300. 390. 428. См. также: Показатели женского рода
- 'Женщина' 9. 83. 93. 133. 134. 136. 140. 149. 169. 171. 175. 237. 239. 268. 269. 274. 275. 287. 309. 313. 316—318.
- 'Женщина-вода' 138
- 'Женщина дома' 136
- 'Жестокий' 219. 221
- 'Живой' 342
- Живопись 360. 367
- 'Живот' 147
- Животные 21. 68. 199. 359. 392. 408. См. также: Дикие животные. Домашние животные. Одомашнение животных. Язык животных. Животный звук 204. 271
- Животный тотем 169. 184. 255. 261. 317. 387
- Живые языки 3. 24. 27. 32. 33. 53. 68. 187. 189. 243. 352—355. 358. 360. 373. 374. 381. 388. 389. 393. 394. 396. 427. 455. См. также: Древность живых языков
- 'Жидкость' 266
- 'Жизнь' 221. 255. 454
- 'Жила' 341. 347
- 'Жилище' 143. 153
- 'Жир' 146
- 'Жить' 255. 283
- Жолудеды 21. 57. 307.
- 'Жолудь' 7. 21. 31. 32. 56. 132. 316
- 'Жреп' 132. 303
- Жрецы 208
- 'Забор' 345
- 'Забота 458
- 'Зависть' 316
- 'Завтра' 134
- 'Загадочный' 388
- Заграничная командировка Н. Я. Марра 300
- 'Загробный мир' 147
- Заднеязычные звуки 38. 59. 337. 338. 342. 344. : 47
- Заднеязычные аффрикаты 58. 346. 349
- Заднеязычные взрывные 343
- Заднеязычные спиранты 361
- 'Зажигать' 250
- Заимствования 7. 46. 56. 107. 293. 297. 305. 306. 317. 347. 364. 428
- 'Закливание' 143. 144. 151
- Залоги (глаг.) 280. 281
- 'Замерзаю' 315
- 'Заря' 250. 281. 282
- 'Захват' 390
- 'Заходить' 192. 312
- 'Защита' 132
- 'Заяц' 346
- 'Звал' 93
- 'Звать' 10. 81. 82. 92. 93. 133
- 'Звездочет' 410
- 'Звезды' 208. 209. 365
- 'Зверь' 143
- 'Звон' 262
- 'Звонить' 263
- Звонкие согласные 37. 38. 336—338
- Звонкие спиранты 40. 338
- 'Звук' 262. 263
- Звуки языка 4—16. 32. 37—39. 40. 47. 53. 55. 57—59. 65. 81—86. 88. 92—102. 106. 116. 129—131. 160. 174. 181. 189. 199. 200. 201. 204. 205. 257—261. 264. 271. 272. 301.

304. 311. 329. 331. 335—340. 342—349. 351. 355. 357. 358. 361. 362. 368. 381. 385—387. 399. 417. 423. 424. 428. См. также: Фонымы
- Звуки как самостоятельный объект изучения** 58
- Звуковая речь** б. 7—10. 17. 23. 25. 33. 39. 49. 57. 58. 72. 76. 81—86. 89—96. 99—109. 116. 117. 129. 130. 135. 181. 189. 193. 196. 198—209. 213. 242. 244. 245. 251. 252. 255. 260. 262. 266. 271. 272. 277. 278. 280. 287. 293. 296. 301. 302. 311—313. 315. 352. 353. 356—362. 364. 365. 367. 369. 370. 372. 374. 377. 378. 385—387. 389. 393. 395—397. 399. 401. 402. 408—410. 412. 417. 418. 420—422. 424. 428. 434. 438. 441. 446. 452
- Звуковые комплексы** 8. 9. 244. См. также: Лингвистические элементы
- Звуковые (фонетические) нормы и законы** 96—101. 117. 135. 251
- Звуковые соответствия (корреспонденции)** 62—65. 69. 96—100. 123. 126. 135. 174. 191. 217. 233. 244. 262. 264. 285. 336. 351. 357. 358. См. также: Фонетика. Фонетические особенности
- Звукоподражание** 199. 263. 397. 423. 424
- Звукоподражание животных** 199
- Звуковые средства птиц** 199. 423
- 'Звучать' 262
- 'Здоровье' 220. 347
- 'Здоровый' 33
- 'Зеленый' 148. 221
- 'Земледелец' 151
- 'Земледелие' 9. 20. 56. 73. 282
- Земледельцы** 401.
- Земледельческие орудия** 91
- 'Земля' 38. 63. 75. 101. 131. 132. 134. 151. 220. 223—266. 286. 302. 313. 406. 407
- 'Земля-божество' 75
- 'Земляника' 407
- 'Зима' 216—223
- 'Злаки' 31
- 'Зло' 103. 137. 138. 143. 316
- 'Злой' 103. 153. 173
- 'Змей' 219—222
- 'Змея' 164. 225. 286. 342. 347
- 'Знак' 84. 92. 364. 365
- Знаки прешинания** 385
- 'Знамение' 277. 364. 365
- 'Знать' 390
- 'Знахарь' 87. 132
- Значение лингвистики для общественных наук** 13
- Значение слов см. Семантика**
- 'Зов' 81. 82. 84. 93. 202
- Зокское наречие армянского языка** 125
- Золото** 19. 43
- 'Золото' 19. 20. 348. 349
- Зоологи** 293
- Зоология** 293
- 'Зуб' 145. 147. 344
- Зубные звуки** 58. 59. 336—338. 342. 346
- Зубные взрывные звуки** 343.
- Зыряне см. Коми**
- Зырянский язык см. Комьийский язык**
- 'Зять' 171
- 'И' 50. 95. 103. 104
- Ибер-салы** 156—158
- Иберская культура** 19
- Иберские переживания в итальянском** 184
- Иберский язык** 123
- Иберское население доисторической Европы** 184
- Иберы** 19—21. 123. 144. 156—161. 183. 187. 193. 194. 206. 317. 333. 407. 449
- 'Иголка' 175
- 'Игра' 388
- 'Играть' 263
- Игры** 267
- Идеализм** 251. 264. 356. 369. 375. 376. 430. 432. 449
- Идеалистический метод индоевропеистики** 356
- Идеалисты** 26
- Идеи, накопление их** 365
- Идеограммы** 136. 329. 340. 368
- Идеографическое письмо** 367
- Идеографическая сторона звуковой речи** 17. 33. 357. 409. 410
- Идеологический дифференциал** 388. 390. 458
- Идеология** 114. 257. 258. 264. 279. 309. 314. 362. 366. 379. 382. 385. 389. 427. 428. 430. 432. 434. 442. 450—452. См. также: Мирозрение. Мышление
- 'Идея' 301. 317
- Идо** 24. 328. 395
- 'Идол' 88. 145. 208
- Иероглифическое письмо** 82. 329. 393
- 'Ив' 238
- 'Извлекать' 80
- Изменение звуков** 57. 58
- Изменение морфологии** 57. 58
- Изменчивость культуры** 206
- Изменчивость лексики** 56
- Изменчивость мышления** 301
- Изменчивость семантики** 314
- Изменчивость форм языка** 56. 301
- 'Изобретательность' 79
- 'Изобретать' 79
- Изобретение огня** 324
- Изобретение орудий производства** 72
- Изолированность грузинского языка в индоевропеистике** 29. 30
- Изолированность языков и народов в индоевропеистике** 355. 383
- Изолированность языков Кавказа в индоевропеистике** 28—30
- Изучение баскского и этрусского языков** 20
- Изучение грузинского языка** 415. 416
- Изучение грузинского языка в Европе** 411. 413
- Изучение истории человечества** 451
- Изучение мусульманства** 46. 47
- Изучение памятников материальной культуры** 273
- Изучение христианства** 46. 47
- Изучение языка** 43. 48. 69. 306. 399. 419. 421. 426
- Изучение языков Кавказа** 28. 29. 33. 34
- Изучение яфетических языков** 421
- Имена (грамм.)** 51. 102—104. 105. 134. 191. 192. 216. 224. 225. 227. 232. 268. 278. 280. 281. 301. 302. 304. 309. 315. 389. 417. 456

- Имена действия 387
 Именительный падеж 52, 53
 'Именовань' 92, 202
 Имерский говор грузинского языка 157, 165, 166, 238
 'Иметь' 280
 Иммиграции 183
 Империализм 24, 118, 376, 394
 Империалистическая война 450
 Империалистическая политика 196
 'Имя' 10, 84, 92, 93, 202, 309, 349, 456
 Ингилойское наречие 123
 Ингушский язык 154, 176
 Индейцы 202
 Индианисты 44
 Индивидуальная работа 442
 Индивидуальное мышление 387
 Индогерманская лингвистика см. Индоевропейская лингвистика
 Индогерманцы см. Индоевропейцы
 Индоевропейизация 192, 325
 Индоевропейизация баскского языка 344
 Индоевропейская пирамида языков 422
 Индоевропейская (прометеидская) семья (система) языков и индоевропейские (прометеидские) языки 6, 7, 15—18, 29, 32, 37, 53, 54, 58—61, 67, 72, 81, 83, 104, 110, 111, 114, 122, 125, 128, 133, 149, 155, 156, 160, 161, 169, 170, 172, 179, 182—186, 188, 191, 192, 194—196, 199, 206—208, 211, 220, 224—233, 246, 249, 257, 259, 266—268, 282, 283, 300, 303, 322—325, 329, 336, 344, 345, 353, 357, 364, 374, 375, 391, 394, 405, 411, 415, 421, 422, 440, 447, 448, 455, 457
 Индоевропейская «раса» 206
 Индоевропейские элементы хеттского языка 186, 194
 Индоевропейские языки Средиземноморья 17, 18, 32, 160, 161, 185
 «Индоевропейский» 323—325
 Индоевропейистика 3, 6, 11, 12, 16, 17, 26, 28—30, 34, 35, 47, 56, 60, 69, 70, 80, 114, 118—122, 128, 173, 179, 211, 214, 224, 225, 230, 231, 233—235, 242, 243, 246, 247, 251, 252, 263, 266, 270, 271, 274, 279, 284, 293, 294, 299, 300, 314, 353—356, 369, 370, 374, 375, 378, 379, 381, 383, 387, 389, 394, 411, 414, 415, 419, 422, 447, 448, 451, 453, 455, 457
 Индоевропейцы 3, 14, 26, 28, 33, 34, 46, 54, 60, 69, 70, 74, 80, 87, 120, 128, 143, 156, 163, 170, 176, 179, 199—210, 215, 224, 225, 230, 242, 243, 246, 258, 279, 284, 291, 323, 325, 329, 380, 389, 357, 374, 380, 411, 415, 416, 421, 431, 448
 Индоевропейцы (прометеиды) 17—19, 21, 29, 185, 187, 189, 266, 274, 305, 374, 383, 390, 391
 Индусы 179
 Индустрия Ориньякской эпохи 205
 Институт изучения языков и литератур Запада и Востока (ИЛЯЗВ) 210, 212
 Институт живых восточных языков (ИЖВЯ) в Ленинграде 4
 Институт Маркса—Энгельса—Ленина 379
 Институт народов Советского Востока (ИНСВ) 442
 Институт национальностей СССР 442
 Институт этнических и национальных культур народов Востока СССР (ИЭНК) 4, 27, 442
 Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР 291, 428, 441, 442
 Интернационализация социального строя 370
 Интернационализация хозяйства 370
 Интернационализация культуры и языка 370, 394. См. также: Единый язык
 'Интимно' 165
 Инфинитив 303
 Ионийское наречие греческого языка 142
 Ионы 140, 141, 144, 156—159, 206, 283, 380
 Иотированные звуки 40, 361
 Ипарский говор сванского языка 137, 160
 Иранские языки 60, 75, 155, 182, 210, 465
 Иранцы 14, 322
 Ирландский язык 146
 Искатели приключений 354
 'Искать' 313
 Исключения (грамм.) 309
 Искусство 9, 17, 33, 46, 78, 85—88, 107, 114, 127, 181, 264, 367, 379, 385, 386, 427, 451, 458
 'Искусство' 80
 Искусство ледникового периода 70
 Искусство эпохи палеолита 120
 Искусствоведы 250, 264
 Искусственный международный язык см. Международный язык
 Искусственные орудия 116, 119, 272
 Испанский язык 60, 138, 146, 158, 161, 162, 165, 182, 184, 189
 'Исполив' 106
 Использование лингвистических элементов как слов 90
 Ислам 196
 Историзм 383, 387—389, 445—453
 Источники возникновения речи 72
 Исходный падеж 51, 234
 Историк 28, 85, 180, 204, 256, 383, 402, 403, 416, 448. См. также: Историк материальной культуры, Историк литературы, Историк права
 Историк литературы 180
 Историк материальной культуры 3, 13, 14, 119, 251, 257, 273, 291, 293
 Историк права 375
 Исторические дисциплины 369
 Исторические источники 402
 Исторические культуры 24, 76, 402, 403
 Исторические языки см. Индоевропейские языки
 Исторический материализм 3, 244, 296, 298, 369
 Историческое развитие народов колониальных стран 432
 История 3, 5, 8, 11, 17, 19, 20, 23, 27, 44, 48, 50, 57, 70, 107, 115, 117, 120, 127, 200, 253, 312, 356, 383, 384, 387, 396, 401, 417, 419, 433, 439, 444, 447, 450, 451, 453, 454, 456. См. также: История материальной культуры, История мышления, История настроений, История языка, Классовая борьба
 История буддизма 46
 История буддийского искусства 46

- История буддийской литературы 46
 История Востока 383
 История всеобщего языка 398. См. также: Еди-
 ный язык. Международный язык
 История глагола 302. 303
 История глагола в грузинском языке 310
 История Грузии 412
 История грузинского языка 310. 425
 История Запада 383
 История звуков 57. 58. 341
 История искусств 5. 23. 180
 История Кавказа 34. 373
 История культуры 8. 11. 409. 415. 457. См.
 также: История материальной культуры
 История лингвистики 290. 353—355
 История литературы 369. 386
 История материальной культуры 5. 11. 13. 17.
 19. 20. 23. 27. 31. 35. 43. 44. 70. 74. 79. 108.
 119—121. 128. 129. 132. 135. 186. 206. 401.
 252. 253. 271. 273. 291—293. 369. 370. 386.
 402. 409. 414. 416. 426. 427. 450
 История мышления 74. 76. 77. 271. 272. 432.
 441. 446. 456
 История надстроек 27
 История науки 447. 452
 История общественных форм. см. История
 История письма 328. 364—368
 История права 452
 История производства 369
 История семантики 313
 История слов 256
 История топонимики 404
 История философии 438. 446
 История хозяйства 19. 27. 119
 История частей речи 384
 История этнонимии 404
 История языка 5. 24—27. 40. 41. 43. 49. 54. 57.
 67—69. 81. 83. 85. 89—95. 108. 114. 116.
 117. 119. 135. 171—209. 224. 234. 244.
 245. 258. 260. 271. 272. 294. 296. 328. 352.
 356. 366. 376. 384. 391. 393—399. 401.
 409—411. 413—415. 417. 419. 420. 422. 423.
 432. 440. 444. 446. 450—452. 455. 457. 458.
 См. также: Классификация языков мира.
 Палеонтология речи. Языкотворчество
 Итальяские купцы 21
 Итальяские языки 211
 Италия 156. 183. 184. 194. 206
 Итальянский язык 80. 158. 177. 184. 240.
 'Итти' 312. 349
 'Кабан' 144. 146. 285
 Кабардинский язык 229. 234—241
 Кабильский язык 406
 Кавказоведы 28. 416
 Кавказцы 348
 Кавказцы, ученые Н. Я. Марра 413
 'Как' 124. 238
 'Как только' 124
 'Калека' 166
 Календарь, унификация его 397
 Календарь христианской церкви 146
 Каменный век см. Неолит. Палеолит
 Каменные орудия 205. 303
 'Камень' 77. 81. 106. 133. 154. 216. 308
 'Канав' 343
 'Канал' 153
 Кантонский китайский язык 240
 Капитал 402
 Капиталистическое общество см. Буржуазное
 общество
 Караимы 386
 Категории мышления 385
 'Катиться' 147. 425
 'Катится' 239
 'Карнавал' 145. 146
 Картвелы см. Грузины
 Каспы 380
 Каузальность 400. 408
 Качество 112
 'Каштан' 64
 Краткогласные слова 158
 'Крепость' 164
 Кейский язык 145. 159. См. также: Армянский
 язык
 Кельтологи 291. 364
 Кельтские языки 163. 262. 277. 285. 322. 405
 Кельты 322. 380
 Керамика 76. 305. 306
 Керченская археологическая конференция 33.
 35
 Кимеры 21. 261. 321. 380
 Кинетическая речь 57. 66. 68. 72. 76. 77. 79.
 81. 82. 84. 85. 90. 91. См. также: Ручная
 речь
 'Кинжал' 345. 419
 Киргизы 36
 'Кисть руки' 237
 'Кит' 147
 Китаисты 44
 Китайский театр 454
 Китайский язык 6. 7. 20. 22. 25. 31. 43. 44. 55.
 56. 61. 66. 72. 109. 122. 177. 179. 210. 240.
 364. 393. 396. 405—407. 411
 Китайцы 44
 'Кладбище' 149
 Клан 428
 'Кланяться' 148
 Класс (грамм.) 110. 266. 267. 401
 Классики 140
 Классификация безличных и недостаточных
 глаголов 311
 Классификация имен 417
 Классификация индоевропейских языков 224
 Классификация лингвистического материала
 по стадиям 252
 Классификация неправильных глаголов 313
 Классификация слов 401. 419
 Классификация языков 7. 8. 11. 15. 41—48.
 54—57. 66—70. 121—123. 125. 135. 195—
 198. 224. 304. 356. 401. 405. 419—422.
 См. также: Генеалогия языков мира. Родо-
 словное дерево языков мира
 Классический (греко-римский) мир 452
 Классические языки 15. 149. 179. 246. 400. 405.
 407. 414. См. также: Греческий язык. Латин-
 ский язык
 Классовая борьба 284. 303. 379. 382. 452
 Классовая культура 24. 383. 394
 Классовая ограниченность 388
 Классовая эксплуатация 387
 Классовое мировоззрение 33

- Классовое общество 113. 252. 254. 303. 383.
См. также: Буржуазное общество. Классовая борьба. Рабовладельческое общество. Феодализм. Феодалы
- Классовый подбор изучаемого материала 354. 355
- Классовые показатели (грамм.) в абхазском языке 319
- Классовые предрассудки 447
- Классовые признаки (грамм.) 266. 267. 359
- Классовое просвещение 380
- Классовое самосознание 380
- Классовые языки 7. 17. 25. 44. 47. 117. 185. 188. 194. 196. 197. 204. 205. 224. 254. 258. 352. 354. 355. 372. 381. 394. 396. 415. 427.
См. также: Язык господствующих классов
- Классы (общ.) 21. 27. 57. 90. 91. 99. 113. 114. 117. 118. 135. 196. 201. 254. 267. 284. 285. 323. 354. 380. 383. 399. См. также: Классовое общество
- Клинописные памятники 14. 452
- Клинописные языки 28. 66. 136. 185. 187. 229. 268. 278. 393. 416
- Клинописные языки Кавказа 28. 66
- Клинописные языки Месопотамии 28. 136
- Клинописные иероглифические языки 185
- Клинопись 14. 164. 282. 320. 329. 340. 368. 406.
См. также: Идеограммы
- 'Клятва' 132. 143. 144. 150
- 'Клык' 144. 145. 147
- 'Книга' 53. 364. 365. 387. 409
- Книжки 179
- 'К ним' 310
- 'Княгиня' 274
- 'Князь' 274
- 'Когда' 124. 265
- Когнитивные коллективы 16. 131
- 'Коза' 285. 287
- 'Козел' 287
- 'Колдование' 9. 77
- 'Колдовать' 89
- 'Колдун' 132
- 'Колесница' 424. 425
- 'Колесо' 147. 239. 342. 424. 425
- Количество 112
- Количество населения 302. 401—403. 419
- Количество слов первобытной речи 96
- Коллективное мышление 387
- Коллективная научная работа 210—215. 492
- Коллективный труд 200
- 'Колодезь' 147
- Колоколовидная керамика 305. 306
- Колональные народы и страны 24. 118. 416. 431. 432.
- Колональные революции 118
- Колональные языки 28. 258. 355. 356. 395. 448
- Колонизаторы и изучение языков 147
- 'Колонна' 147
- 'Колос' 152. 153. 331
- Коххи 71. 75
- 'Кольцо' 48. 147
- 'Колыбель' 343
- Командировка Н. Я. Марра в Абхазию 411
- Коми (зыряне), народ и язык 20. 64. 67. 81. 131. 221. 223. 240. 387. 388. 406
- Комиссия социологии искусства ГАИМК 14
- Коммунизм 391
- Коммунистическая Академия 352. 370
- Компаративизм см. Сравнительный метод
- Конечные гласные 355
- 'Конец' 239. 287
- 'Конница' 276. 285
- Консервативность звуковой речи 358
- Консервативность лингвистов 374
- Конституция СССР 381
- 'Конь' 21. 22. 120. 138. 246. 265. 284. 423. 429
- Координаты (определители системы языка) 107—110
- 'Копье' 337
- 'Копыто' 283. 284
- Коптский язык 172. 178. 403
- Корейский язык 7. 46
- Коренные согласные 368
- 'Корень' 75
- 'Коршун' 240
- 'Корова' 349
- 'Короткий' 155—167
- 'Коротконогий' 157. 159
- Корреспонденции звуков см. Звуковые соответствия
- Косвенные падежи 190. 302. 311
- Космическая стадия 280
- Космическое мышление 20. 74. 75. 106. 143. 147. 149. 193. 207. 220. 221—223. 239. 249. 254. 256. 261. 265. 270. 272. 274. 281. 282. 309. 312. 313. 317. 365. 406. 408. 410. 411. 424. 449
- Космические дериваты 147. 148
- Космические термины 47. 132. 134. 283. 286. 288. 419
- Космический тотем 255. 301
- Космические явления 281
- Космос 249
- 'Косой' 138
- 'Котел' 346
- 'Кость' 255
- Кочевники 5. 7. 120. 400
- Кочевничество 21. 401
- Красеведение 325. 375
- Краеведческий съезд в Махач-Кала 325
- Краеведческий съезд в Сухуме 327
- Краеведы 327
- 'Краска' 277
- Краски 271. 276. 277
- 'Красный' 277
- 'Краткость' 156
- Крашенная керамика 76
- Крепостничество 452
- Крепостной 458
- Крестьянство 15. 373. 375. 427
- Крестьянство грузинское 123
- Кризис индоевропеистики 120. 242
- Кризис капиталистического способа производства 439
- Кризис общественных наук 325
- 'Крик' 93. 103
- 'Кричал' 93
- 'Кричать' 103
- 'Кровля' 153
- Кровное родство 8. 16. 50. 51. 131. 168. 169. 254. 270. 293. 303. 306. 365
- 'Кровь' 158—172. 229. 281. 346

- Кровь, ее роль в мистических учениях 170
 *Крокодил' 178
 *Круг' 132. 145. 147. 149. 158. 239. 276. 277.
 283. 367. 424. 425
 Круги языков 356
 *Кружение' 424
 *Крючок' 343
 *Крыло' 239. 240
 Крымские армяне 380
 Крымчаки 380
 *Крыть' 229
 *Крыша' 153. 228. 229
 *Крышка' 132. 229
 *Кудесник' 87
 *Кукла' 208
 Культ 9. 20. 21. 73. 77. 91. 208. 255. 267. 273.
 274. 279. 314. 315. 322. 410. 419
 Культ бога 87
 Культ глаза 454
 Культ животных 288
 Культ лошади 21. 273
 Культ луны и солнца 426
 Культ оленя 21
 Культ охоты 145
 Культ племенного божества 145. 146
 Культ предков 255. 274. 301. 457
 Культное значение руки и неба и их deriva-
 тов 132. 133
 Культность первичной звуковой речи 7. 10. 57.
 85. 89—94. 204. 362
 Культные имена 17. 284
 Культные термины 193. 419
 Культный эпос 363
 Культура 3. 5. 8. 9. 11. 13. 19. 24. 33. 60. 70—76.
 206. 258. 263. 321. 326. 370. 371. 374. 375.
 379. 382. 383. 385. 394. 402. 403. 405. 409.
 410. 415. 453. См. также: Классовая куль-
 тура Национальная культура
 *Культура' 9. 71—73
 Культура Азиатского Востока 382 383
 Культура народов Афреазии 383
 Культура «отсталых» народов 127. 325. 352
 Культура палеолита 206
 Культура Рима 411
 Культура Средиземноморья 72. 411. 449
 Культура угнетенных классов 383
 Культурная революция 376
 Культурное наследие 380
 Культурное строительство 369. 380. 451
 Культурное строительство СССР 35—37. 376.
 378. 379. См. также лингвистическая работа
 в СССР.
 «Культурно-исторические» схемы 292
 Культурные круги 307
 «Культурные» народы и языки 36. 242. 243.
 393. 407
 Культурный рост масс 326
 Куннеологи 164
 Кушцы 21. 401
 *Курдский язык 413
 *Курдюк' 346. 349
 *Курица' 63. 236. 237. 239. 249. 346
 *Курятник' 237
 Курс лекций Н. Я. Марра в Азербайджан-
 ском гос. университете им. В. И. Ленина
 12. 14
- Курсы лекций Н. Я. Марра 3. 4. 12. 14. 193.
 304. 340. 410. 412
 *Чуча камней' 106
 *Чушаль' 342
- Лабелизованные звуки 336. 338. 346. 349. 361
 Лабурдинское наречие баскского языка 162
 *Лавка' 306
 *Ладонь' 165. 207. 347
 *Лазоревый' 148
 Лазский язык см. Чанский язык
 *Лапа' 82. 202
 *Лапти' 157
 Ласкательные имена 268
 *Ласковый' 221
 Латинизация 391. См. также: Единое письмо
 Латинский алфавит 326. 327. 330. 334. 335. 350
 Латянский мир 450
 Латинский язык 7. 15. 19. 20. 31. 32. 46—48.
 56. 64. 67. 73. 74. 80. 82. 87. 89. 93. 102.
 104. 122. 131. 132. 134. 138. 144. 146.
 149. 154. 155. 158. 160. 161. 163. 172. 175.
 177. 218. 221. 223—226. 230—232. 254. 276.
 282. 283. 285. 307. 312. 330. 353. 360. 364.
 381. 387. 390. 391. 393. 400. 405—407. 409.
 412. 414. 420. 425. 428. 454. 457
 Латинские надписи 457
 Лахамульский говор сванского языка 137
 Лашское наречие сванского языка 174
 *Лебедь' 237
 *Лев' 288. 343
 *Левая рука' 165. 167. 365
 *Левая сторона' 141
 *Лето' 137. 138. 140. 141. 216—223. 454. 457
 *Левша' 137. 222
 *Левый' 136—142. 219. 222
 Легенда об Атлантиде 404
 *Лед' 216. 217. 220. 222. 223
 Ледниковый период 70
 *Лежать' 219
 Лексика 5. 7. 16. 33. 56. 57. 107. 122. 128. 168.
 206. 251. 252. 276. 368. 397
 Лексика грузинского древнелитературного и
 народного языков 124
 Лексика корейского языка 46
 Лексика первобытного общества 276
 Лексикография 388
 Лекции Н. Я. Марра 3. 4. 12. 14. 193. 304. 340.
 410. 412
 Лекции учеников Н. Я. Марра 4
 Ленинградский гос. университет (ЛГУ) 3. 12.
 29. 33. 210. 213
 Лентехский говор сванского языка 137. 174
 *Лес' 31. 102. 131. 134. 342
 *Лето' 216—218. 220—223
 Леоисторические периоды 19. 21
 *Леш' 176—178
 Либералы 445
 Либийцы 184
 Лигурский слой баскского языка 308
 Лигуры 184. 305. 307. 407
 Лядские надписи 457
 Ликвидация неграмотности 325
 Лингвализованные звуки 336. 338. 346. 349
 Лингвистика 13. 19. 28. 33. 35. 44. 57. 69. 71.
 79. 108. 164. 179. 211—214. 242. 252. 253.

279. 290—293. 296. 307. 309. 317. 324. 353—355. 364. 369. 370. 373. 374. 378. 382. 385. 394. 399. 401. 410. 412. 413. 416. 417. 421. 426. 430. 433. 447. 448. 455
- Лингвистическая работа в СССР** 43. 382. 391. 410. 411. 419. 432. 452
- Лингвистическая работа за границей** 382
- Лингвистическая работа** К. Маркса и Ф. Энгельса 447. 451. 455. 457
- Лингвистические съезды и совещания** 382
- Лингвистические элементы** 8—11. 16. 17. 26. 31. 32. 66. 84. 85. 89—92. 94—102. 109. 126. 130. 131. 224. 227. 244. 247. 248. 250. 251. 257—260. 266. 272. 273. 276. 301. 302. 304. 305. 308. 361. 362. 366—368. 384. 385. 387. 396. 418. 426. 440. 441. 458
- Лингвистическое мышление см. Языковое мышление**
- Лингвисты** 3. 7. 28. 29. 36. 44. 48. 72. 179. 187. 210. 242—245. 251. 258. 291. 293. 323. 352—354. 358. 363. 370—372. 374. 375. 377. 379. 382. 383. 386. 387. 394. 395. 399—426. 430. 432. 433. 436. 438. 439. 444. 447. 448. 451. 457. См. также: Индоевропейцы. Яети-дологи
- Линейная речь см. Ручная речь**
- 'Лисица'** 346
- 'Листва'** 102
- Литовский язык** 231
- Литература** 30. 46. 85. 101. 124. 181. 332—334. 385—387. 412
- Литературоведение** 5. 23. 290
- Литературоведы** 375
- Литературные памятники** 273
- Литературные сюжеты** 458
- Литературные языки** 10. 197. 352. 353. 372—374. 381. 382
- Литературные языки Азии** 188
- Литературные языки Европы** 188
- Литературные языки народов СССР** 379
- Лица (грамм.)** 134. 310. 311. 315. 320
- 'Лицо'** 104. 148. 163. 201. 429
- Личное оформление безличных глаголов** 301
- 'Личность'** 429
- Личные имена** 256. 275. 283. 284. 363
- Личные местоимения** 105. 227. 238. 310. 456
- 'Лобное место'** 124. 230. 348
- 'Ловить'** 82. 240
- 'Ловкость'** 79
- Логическое мышление** 186. 189. 216. 254. 302. 312. 400. 401. 408. 418. 431
- Логический объект** 186. 190
- Логический субъект** 286. 190. 319
- 'Ложка'** 175
- 'Ломать'** 63
- 'Лошадь'** 21. 22. 56. 132. 140. 141. 151. 158. 175. 178. 184. 199. 264. 268. 272. 273. 277. 279. 285. 288. 406. 424
- Лошадь, домашняя и дикая** 292. 293
- 'Луна'** 150. 261. 365. 424. 454
- 'Лучи'** 220. 281
- 'Лучший'** 144
- 'Любовь'** 346
- 'Люди'** 51
- 'Лютый'** 219. 220
- 'Маг'** 89. 410
- 'Маг — сказитель'** 363
- Магизм первобытной речи и мышления** 9. 85. 89—93. 170. 196. 204. 207. 363. 364. 418
- 'Магия'** 87. 365. 390. 454
- Магия** 9. 57. 77. 89. 117. 127. 196. 271. 311. 365
- 'Маясовый хлеб'** 64
- Макрокосм** 209
- Малайский язык и малайцы** 7. 45. 46. 55
- «Малоценные» народы** 36
- Малые национальности** 447
- Малоазийская культура** 382
- 'Мальчик'** 270. 344
- Марии** 36. 177. 193
- Марийский (черемисский) язык** 133. 177. 223
- Марксизм-ленинизм** 3. 5. 11. 25. 26. 111—119. 129. 251. 258. 291—293. 369. 381. 383. 391. 403. 426. 432. 435. 438—440. 442. 445—459
- Марксисты** 111—119. 258. 386
- 'Масло'** 146
- Массовые языки см. Народные языки**
- 'Мастер'** 341
- Математика** 390. 430
- Математики** 387. 404. 432
- Материализм** 33. 114. 242. 339. 432. 435. 439. 451
- Материальная база** 25. 245. 246. 252. 253. 259. 263. 267. 276. 292. 298. 300. 301. 313—315. 355. 357. 359. 363. 366. 368. 374. 375. 378. 385. 429. 432. 434. 435. 441
- Материальная культура** 8. 26. 33. 57. 84. 115. 128. 235. 247. 252. 253. 291. 314. 322. 365. 366. 385. 403. 408. 411. 419. 427. 451
- Материальное производство** 385. 387. 389. 390. 393. 427. 428. 430. 441. 451. 452
- 'Материя'** 112
- Матриархат** 169. 184. 268. 277. 283. 429
- 'Мать'** 171. 313. 341. 407
- 'Мыть'** 235
- 'Мегре.'** 123. 160
- Мегрелы** 134. 164. 204. 275
- Мегрельский язык** 15. 29. 42. 47. 52. 53. 62—67. 82. 89. 92. 93. 102. 121. 129. 131. 137. 145. 148. 157. 159. 165. 166. 171—173. 178. 182. 196. 217—219. 221. 225. 227. 228. 232. 234. 250. 265. 274. 275. 278. 281. 282. 300. 308. 317. 342. 345. 348. 387. 389. 406. 409. 410. 413. 424. 425. 455. См. также: Джаварский говор мегр. яз.
- 'Медведь'** 146. 388
- Медный век** 306
- Международный язык** 5. 24. 328. 393—398. См. также: Единый язык. Идо. Эсперавто.
- 'Мерзнуть'** 220
- 'Мерин'** 343.
- 'Меркурий'** 89
- 'Мертвый'** 301
- Мертвые языки** 6. 24. 27. 28. 32. 33. 68. 123. 179. 185. 187. 243. 304. 353. 360. 370. 381. 393. 394. 396. 416. 420. 427. 455
- Местный говор сванского языка** 137
- Местный падеж** 51. 62
- 'Место'** 143
- Место** 434. 435
- Место зарождения человеческой культуры** 70—72

- Место определения и определяемого в языках синтетического строя 110. 111
- Место прилагательного в индоевропейских языках 110
- Местоимения 7. 10. 50. 52. 61. 102—105. 110. 115. 125. 134. 221. 224—227. 229—232. 238. 255. 310. 311. 312. 315. 363. 417. 456
- Местоименная агглютинация 54
- Местоименно-агглютинативное склонение 61
- Местоименно-агглютинативный строй языка 67. 125. 126. 420
- Местоименно-флективный строй языка 67. 420
- Местоименное склонение 52. 53. 227
- Местоименные аффиксы 229
- Местоименные префиксы 317
- Местоименные суффиксы 104. 105. 229
- Местоименные частицы 110
- Месхский язык 141
- 'Месяц' 150
- 'Металл' 81.
- Металлические эпохи 71. 76. 306.
- Металлурги 401. 450
- Металлургия 206
- Металлы 18—20. 22. 43. 133. 156. 160. 282. 307. 324
- 'Метанне икры' 174
- Метафизика 179. 446. 457
- Метод 3. 10. 11. 13. 26. 37. 46. 118. 120. 122. 128. 179. 181. 211—213. 215. 233. 242. 244. 245. 251. 258. 285. 291. 297. 298. 304. 306. 320. 322. 356. 369. 403. 404. 418. 427. 435. 442. 455. См. также: Сравнительный метод. Формальный метод
- Методологи 389
- 'Меч' 202. 317. 349. 419
- Миграции 14. 17. 18. 76. 106. 133. 206. 291. 305. 400. 440. 457
- Мидский язык 261. 268
- Микрокосм 193. 209. 281. 365
- Микрокосмические представления 261. 272. 281. 302
- Микросмические термины 132. 263
- 'Милость' 143
- Мимика 94. 200. 201. 204. 360. 361
- 'Мимо' 167
- 'Мир' 343
- Мирная политика советской власти 282
- Мировоззрение 73. 77. 106—108. 191. 129. 130. 135. 249. 260. 272. 277. 279. 283. 293. 362. 365. 366. 375. 385—387. 400. 401. 403. 417. 418. 426. 434. 436. 446. 454. См. также: Идеология. Мышление.
- Мировой глоттогонический процесс. См. История языка
- Мировые литературные языки 381
- Миссионеры 196. 354
- Мистика 271. 369. 408
- Митани 276
- Митра 228
- Миф о потопах 404
- Миф о Прометее 41
- Мифологические герои 164. 275
- Мифологические имена 324
- Мифологическое мышление 83. 274. 383. 400. 404. 407. 408. 424. 450. См. также: Диффузное мышление. Дологическое мышление. Первобытное мышление
- Мифы 9. 20. 75. 76. 86. 87. 181. 194. 209. 219. 248. 279. 324. 404. 456. 457
- Младописьменные народы и языки 329. 333. 414
- 'Младший' 349
- 'Мне больно' 316
- 'Много' 238. 391
- Многозначимость см. Полисемантизм
- Многоязычие 5. 135. 328. 384. 386. 422
- Многоязычие Кавказа 329. 335
- Множественное число 46. 124. 125. 134. 303. 311. 429. См. также: Показатели множественности
- 'Мой' 64
- 'Могила' 343
- Мозговой аппарат 80. 424
- Мокский говор армянского языка 331
- 'Молния' 309. 255. 286. 433
- 'Молодежь' 220
- 'Молоко' 345
- 'Монах' 87
- Монгольские языки 32. 42. 46. 47. 123. 188. 196. 210. 274. 347. 405. 411. 414
- Моносемантизм 270
- Моносиллабизм 10. 49. 54. 109. 134. 405. 407. 413
- Моральные понятия 316
- Мордвинь 36
- 'Море' 132. 134. 151. 175. 221. 249. 255. 266. 288. 313. 316. 341. 428
- Мореходство 21
- Мордовский язык 7. 31. 32. 56. 223. 262
- 'Мороз' 217. 219. 222
- Морфология 7. 33. 46. 50. 54—58. 80. 103. 108. 119. 121. 122. 124. 125. 128. 132. 135. 191. 198. 213. 214. 234—241. 244. 251. 253. 266. 269. 271. 302. 307. 309. 310. 319. 348. 357. 401. 434
- 'Мотыга' 33
- Мотыжная культура 33
- 'Мочь' 133. 347
- 'Мотшара' 344
- 'Мощь' 208. 318. 347. 377
- 'Мрак' 141. 208. 209. 219. 220. 255. 265. 266. 286
- 'Мрачный' 147
- 'Мудрец' 390
- 'Мудрый' 390
- 'Муж' 62. 168. 169. 275
- Мужской род 50. 254. 267. 268. 390. 428. См. также: Показатели мужского рода.
- 'Мужчина' 62. 169. 171. 249. 274. 275
- 'Мужчина-дитя' 249
- Музейные работники 21. 258
- Муза пляски 86—88
- Музы 9. 86—88
- Музыка 9. 77. 85—87. 89. 90. 92. 94. 127. 130. 200. 335. 424. 426
- Музыкально-песенные элементы 362
- Музыкальные инструменты 86
- Музыкальные звуки 86
- 'Мука' 31. 341
- Мудакский говор сванского языка 137
- Мустеры 206

- Мусульманская культура 321. 339
 Мусульманская литература 46. 334
 Мусульманское искусство 46
 Мусульманство 46. 47
 Мугаджи 8. 9. 25. 26
 'Муха' 64
 'Мы' 131. 310
 'Мыло' 343
 Мыслящий человек (homo sapiens) 205
 'Мысль' 240. 278. 279. 433
 Мысль 434. См. Мышление
 'Мыть' 63
 'Мышление' 279
 Мышление 8. 25. 35. 56. 68. 73. 74. 76. 77. 79.
 83. 90. 91. 100. 112—114. 116. 127. 129. 130.
 134. 143. 186. 189—192. 198—200. 201. 207.
 208. 213. 216—218. 244. 245. 247. 249. 251.
 252. 254. 255. 257. 259. 263. 270—273. 276.
 278—282. 287. 288. 290. 294. 296. 298. 299.
 301. 302. 305. 309—316. 319. 322. 332. 336.
 337. 352. 362. 365. 366. 369. 370. 374. 382—
 385. 387. 389. 391. 393. 395. 400. 401. 406—
 410. 418. 419. 421. 422. 424. 426—444. 446.
 448. 450. 451. 454. См. также: Первобытное
 мышление
 Мышление «диких» племен и народов 201
 «Мышление» животных 431
 Мышление первобытного общества см. Перво-
 бытное мышление
 Мышление пролетариата 379
 Мягкие звуки 55. См. также: Иотированные
 звуки
 'Мягкий' 343
 'Мясо 145. 146. 274
 'Мясоед' 145. 146
 'Мяукать' 288
 'Мяч' 148. 425

 'На' 308
 'Наверху' 225. 226. 229
 'Наводнение' 153
 'Над' 225. 226. 229
 Надписи 14. 60. 167. 183. 204. 261. 268. 274.
 283. 454. 457
 Надстройка 27. 103. 108. 113—115. 240. 245.
 252—255. 260. 266. 270. 276—278. 280. 286.
 291. 296. 297. 301. 302. 308. 309. 313—315.
 355. 359. 370. 374. 385. 397. 401. 417. 419.
 421. 427—429. 434. 435. 441. 419
 'Наезд' 285.
 'Наездник' 151
 Назализация 40
 'Название' 93. 456
 Названия городов 284
 Названия древнеармянских родов 66
 Названия животных 285
 Названия знаков 307
 Названия птиц 237. 239. 240
 Названия стран (в груз. яз.) 82
 'Называл его' 202
 'Называть' 202
 'Наложница' 275
 Намайский (готтентотский) язык 3. 7. 8. 22.
 31. 47. 48. 95. 132
 'Направление' 136. 167
 'Направлять' 133
 Наречие (грамм.) 234. 329. 353
 Наречия абхазского языка 346. 349
 Наречия армянского языка 125
 Наречия баскского языка 162. 241
 Наречие персидских грузин 123
 Наречия турецкого языка 347
 'Народ' 238. 386
 Народные этимологии 249
 Народный размер в грузинской поэзии 95
 Народный армянский язык 42. 80. 196. 197.
 222. 239. 246. 247. 249. 250. 277. 362. 390.
 415.
 Народный грузинский язык 15. 42. 67. 80. 111.
 124. 125. 196. 197. 262. 265. 279. 315. 317.
 318. 362. 391. 415
 'Наседка' 239
 Население 401—403. 428. См. также: Доистори-
 ческое население
 Население Азербайджана 326
 Население Армении 284
 Население Восточной Европы 414
 Население Европы 184. 383. 409
 Население Кавказа 183. 325. 334
 Население Крыма 480
 Население Палестины 183
 Население Руси 284. 383
 Население Средиземноморья 185
 'Наслаждение' 87
 'Наследник' 344
 Настоящее время (глагола) 261. 302. 303. 320
 'Насыщение' 87
 'Натура' 9
 Натуралисты см. Естественники
 «Натуральные» слова 418
 «Натуральные» языки 5. 25
 'Наука' 387
 Наука 114. 127. 264. 290. 321. 322. 325. 326.
 340. 353. 354. 371. 374. 379. 427. 430. 432.
 436. 445. 447. 452. 454
 Научная мысль 352. 442. 443
 Научная среда см. Академическая среда
 Научные работники 321. 322. 325—327. 334.
 335. 375. 379. 382. 414. 416. 430. 435—437.
 445. 451. 454. 456
 Научные работы 325. 375. 429. 430. 435. 436.
 Научная терминология 197. 321. 325. 365. 411.
 435. 436. 453
 Научное мышление 339
 Научные предрасудки 12. 25. 43. 321
 Научный коммунизм 112
 'Находить' 313
 'Находчивость' 79
 Нахчайский язык 176
 'Начало' 239
 Национализм и националисты 173. 326. 339.
 388. 447. 448
 'Нация' 238
 Национальности (нации) 36. 273. 303. 328—330.
 352. 354. 373. 375. 378—383. 386. 391. 394.
 410. 427—429. 431. 435. 443. 447. 455
 Национальная культура 24. 325. 328. 333. 334
 370. 371. 373. 381. 382. 393. 451
 Национальная политика СССР 6. 36. 381. 443.
 459
 Национальная школа живых восточных язы-
 ков (в Париже) 304

- Национальный алфавит 328. 330. 333
 Национальные имена 283.
 Национальные языки 5. 22. 24. 27. 33. 119. 179. 197. 224. 290. 293. 297. 325. 328. 352. 354. 355. 363. 376. 377. 382. 393. 394. 413—415. 427—429. 431. 443. 448. 450. 451
 *Небесенок' 217. 255. 270
 *Небо' 9. 48. 53. 73. 74. 102. 132—134. 140. 141. 143—154. 192. 193. 207—209. 216. 217. 220—223. 225. 226. 229. 231. 239. 240. 248. 249. 255. 263. 266. 270. 273. 276. 277. 281. 282. 284. 286. 288. 299. 302. 308. 309. 313. 318. 365. 406. 408. 424. 425
 *Небо — вода' 138. 143. 144. 153. 154. 208. 209. 217
 *Небо — вода — огонь' 209
 *Небо — год' 217.
 *Небо — гора — голова' 153. 154. 208. 229
 *Небо — железо' 282
 *Небо — жилище' 143
 *Небо — медь' 282
 *Небо — море' 216.
 *Небо — огонь' 217. 219
 *Небо — троя' 143
 *Небо' 145. 147
 Небные звуки 336. 338. 342
 *Невеста' 136. 239
 *Невестка' 83. 136. 239
 Недостаточные глаголы 300—320
 Неиндоевропейские языки Индии 42.
 Немецкий язык 104. 134. 155. 156. 169. 189. 262. 263. 273—275. 285. 292. 299—301. 307—309. 312. 318. 348. 379. 389. 390. 428. 445. 448. 453. 455. 457
 *Немного' 344
 Немцы 36
 Неодушевленные предметы 267
 Неолит 70. 71. 373
 Неофилология 353
 *Неполный' 346
 Неправильные глаголы 301. 303. 313
 *Неси' 237
 Неславянские элементы в болгарском языке 193
 *Несчастный' 137. 148. 149. 209
 *Несчастье' 165. 316
 *Неудача' 137. 141. 165
 *Неудачный' 138. 165
 *Нечет' 391
 Нижне-наваррское наречие баскского языка 162
 *Низ' 226
 *Нить' 345
 *Но' 103. 124
 Новоперсидский язык 277
 Новоэламский язык 167. 416
 Новые языки 188. 189. 197. 352. 353. 427.
 *Нога' 110. 157. 165. 166. 238. 240. 269. 270
 *Поготь' 426
 *Нож' 282. 317. 419
 Номады см. Кочевники
 *Нос' 238. 239
 *Посылки' 343
 Носовые звуки 37
 Потные знаки 38
 *Ночь' 82. 223. 256. 318
 *Нужно' 240
 *Обильный' 165
 Обиходная речь см. Разговорная речь
 *Облако' 132. 147. 150. 209. 226. 240
 *Обман' 347
 *Обнимать' 280
 *Обнятый' 280
 *Образ' 12. 133. 240. 275. 277. 364. 365
 Образное мышление 91. 129. 130. 186. 189. 192. 276. 315. 385. 432. 441. 450
 *Образчик' 341
 Обрезание 71
 Обучение грамматике 387
 Обучение языку 84. 387
 *Обычай' 344
 *Обширный' 160
 Общее учение о языке см. Яфетическая теория
 Общеобразовательное значение языка 388. 389
 Общество' 303
 Общество обслеования и изучения Азербайджана 17
 Общественная организация труда 13
 Общественный строй см. Социальный строй
 Общественное мышление см. Мышление
 Обществоведы 266. 328. 436. 438
 Общественные классы см. Классы
 Общественные науки 5. 13. 23. 244. 245. 325. См. также: Археология. История. История литературы. История материальной культуры. Лингвистика. Литература. Психология. Философия. Этнография
 Объект (грамм.) 50. 254. 280. 400. 434. 441. См. также: Логический объект
 Обьективный падеж 61
 *Обязанность' 317
 *Овладевание' 318. 390
 Огласовка 32. 53. 62—65. 83. 96. 99. 145. 159. 174. 230. 258. 264. 265. 363. 425. См. также: Аканье. Окание. Эканье
 Огласовочное письмо 330
 *Огниво' 250
 *Огонь' 132. 173. 207. 209. 216. 217. 220. 250. 265. 279. 313
 *Огород' 341
 *Огорчение' 316
 *Один' 63. 103. 160. 261. 270. 343. 391
 *Однажды' 231
 *Однако' 103. 124
 *Однорукий' 165. 166
 *Одобрять' 150.
 Одомашненные животных 285. 411. 436
 Одупеленные предметы 143. 267
 *Ожерелье' 148
 *Ожесточаться' 219
 *Оживление' 299
 Озвончение согласных 37. 38. 336—338
 *Озеро' 174
 Окание 32. 156—159. 183. 234—241
 *Океан' 266
 Океанийские языки 6. 42. 127. 405. 411
 *Около' 82
 *Окорок' 144. 146.
 *Окроица' 170
 Октябрьская революция 24. 35. 36. 118. 352. 370. 379. 391. 395. 427—429. 432. 439. 440. 441. 445

- Олень 21
 'Олень' 286
 'Ольха' 341
 Омоям 302
 'Он' 52. 310. 341
 'Он был убит' 53
 'Он господствует' 319
 'Он его связал' 280
 'Он написал' 53
 'Он правит' 319
 'Он сказал' 82
 'Он убил' 53
 'Он увидел' 236
 'Опасность' 316
 'Оплакивать' 154
 Определение (грамм.) 10. 110. 111. 125. 132. 147. 302. 429
 Определенное 10. 110. 111. 302
 'Опыт' 278
 Опыт 408
 Оракулы 363
 Организация труда 451
 'Орел' 240
 'Орех' 343
 Органы речи 272. 360—362. 366. 369. 428. 452
 Ориньякская эпоха 205. 206
 Орнамент 21. 260. 364. 367
 Орудивный падеж 234—241
 'Орудие' 79. 240. 280. 316. 317.
 Орудия производства 9. 72. 77. 91. 113. 116. 119. 129. 133. 200. 205. 209. 253. 260. 266. 272. 302. 313. 390. 408. 418
 'Оружие' 282. 317
 Орфография 331. 332. 370. 372—377. 385. 389. 456. См. также: Письмо. Реформа орфографии
 Оседлость 21
 'Осел' 216
 'Осень' 220. 223
 Осетиноведы 323
 Осетины 326. 341
 Осетинский язык 75. 134. 210. 235. 265. 266. 283. 334
 'Осиловать' 133
 'Осина' 343
 'Осквернять' 25
 Ослабление звука 37. 38
 'Основа' 75
 'Основание' 75
 'Особа' 104. 226. 228. 231. 232
 Осознание 336. 337. 406. 408
 'Останавливать' 240
 'Острие' 239
 'От' 238
 'Отборный' 144
 Отвлеченные понятия 129. 130. 278. 309—311. 319
 'Отец' 168. 169. 171. 249. 250
 Отмирание звуков 58
 'От них' 310
 'Отрок' 267. 268. 275
 «Отсталые» народы 27. 127. 352. 385. 449. 450
 Оттоманцы 457
 Отцы церкви 431
 Отыменные глаголы 169
 'Ощупывание' 278
 'Ощущать' 133
 'Охота' 280
 Охота 57. 127. 274. 285. 388
 Охотники 57. 145. 146
 Охотничий язык 57. 204
 'Очарование' 87
 'Очевидно' 150
 Очеловечение животного звука 204
 'Очень' 237. 343. 347
 Падежи 43. 51—53. 61. 62. 110. 186. 190. 234. 240. 250. 254. 278. 302. 311. 318. 355
 Падежи активные и пассивные 254. 435
 Падежное окончание 43. 51—53
 Падение звука 37. 38. 65. 107. 259
 'Палатка' 239
 Палеоазиатские языки 7. 31. 44. 405. 406
 Палеоазиаты 285
 Палеолит 70. 71. 77. 79. 117. 120. 133. 200. 205. 206. 210. 221. 255. 272. 365. 373. 401. 418. 429
 Палеонтология речи 3. 5. 16. 17. 26. 43. 47. 55. 56. 73. 93. 96. 122. 123. 126. 129. 132. 168. 175. 186. 189—191. 197. 199. 202. 203. 209. 211—216. 235. 246. 251. 261. 266. 271. 272. 277. 279. 281—284. 288. 301. 304. 308. 311. 313. 314. 318. 356. 357. 360. 363—365. 384. 387. 390. 396. 401. 402. 404. 408—411. 414. 417. 418. 422—424. 432. 433. 438. 439. 442. 446. 454—456. 458. См. также: История языка
 Палеонтология ручной речи 203
 Палеонтология семантики 227. 229. 239. 246. 256
 Палеонтология числительных 211
 Палеонтологическая лингвистика см. Этнолингвистика
 'Палец' 426
 'Палица' 457
 'Палка' 343
 Памятники письменности 273. 292. 293. 402. 403. 445
 Памятники искусства 398
 Памятники материальной культуры 21. 43. 72. 119. 127. 144. 147. 185. 187. 208. 235. 252. 253. 264. 273. 292. 293. 322. 364. 385—387. 398. 427. 445. 454
 'Папоротник' 343
 Парский говор сванского языка 137
 Пассив (грамм.) 502
 Пассивный строй речи 190. 302
 Пастухи 401
 Пастушество 21
 Патриархат 139. 267. 268. 283. 429
 'Паханье' 91
 'Пахать' 282
 'Пашня' 220
 Пекинский китайский язык 240
 Пеласги 71. 133. 134
 Пение 9. 77. 85—87. 90. 92. 94. 116. 127. 130. 200. 263. 424. 426
 'Пение' 388
 Пение птиц 200. 423
 Первообычное мышление 9. 73. 76. 77. 83. 85. 89—93. 100. 134. 143. 155. 170. 189. 194. 196. 198. 200. 202. 204. 207. 208. 213. 219.

260. 267. 274. 281. 315. 361. 363. 364. 383.
384. 388. 400. 404. 407—410. 418. 424. 426.
431. 441. 449. 450. 454. 458. См. также:
Диффузное мышление. Дологическое мыш-
ление. Космическое мышление. Мифологи-
ческое мышление. Образное мышление.
- Первобытное (доклассовое) общество 9. 16. 81.
72. 77. 82. 89—96. 100. 101. 107. 127. 131.
181. 200. 203. 213. 253. 258. 260. 276. 281.
311. 358. 359. 363. 376. 383. 385. 388. 390.
398. 400—408. 411. 417. 424. 429. 431—433.
438. 441. 449. 454. См. также: Матриархат.
Матриархат. Родовой строй
- Первослово 193. 209.
- 'Первый' 239
- Перебой звуков 37. 65. 81. 83. 99. 104. 261. 272
- Переводы 101. 456
- Переводы работ Н. Я. Марра 412
- Перегласовка 104. 256
- 'Перед' 163
- 'Передача' 299
- Переднеазиатская культура 382
- Переднеязычные аффрикаты 58. 344. 349
- Переднеязычные звуки 38. 39. 58. 344. 349
- Пережитки 8. 11. 255. 383
- Пережитки в быту населения Европы 409
- Пережитки в мышлении 332. 422. 426. 438.
450
- Пережитки в языке 110. 187. 194. 196. 201.
202. 403. 409. 410. 455
- Перерождение плавного 32
- Перестановка звуков 99
- Переход количества в качество см. Диалектика
- Переходные глаголы 190. 417
- Переходные языки см. Языки переходного типа
- 'Перец' 342
- Периодическая речь 400
- Персидская литература 30. 334.
- Персидская поэзия 95
- Персидские грузины 123
- Персидский язык 20. 32. 46. 66. 67. 75. 131.
146. 194. 216. 219. 228. 347. 393. 418
- Персидское письмо 330
- Персы 11. 30
- 'Перстень' 364
- 'Пес' 390
- Песни бессловесные 9. 86. 204
- Песни производственные 204
- 'Пестрота' 223
- 'Петь' 9. 89
- 'Петух' 249. 275
- Пехлевийский язык 67. 75. 277
- 'Печальный' 147. 220. 222
- 'Печать' 274. 364
- Печенеги 235
- 'Печеный хлеб' 31
- 'Пещера' 106
- Пиктографическое письмо 82. 329. 330. 340
- Пирамида языков 422. 423
- 'Писание' 103
- 'Писать' 64. 103. 364. 387. 388
- Письмена 367
- Письменность 364. 372—378
- Письменные языки 17. 31. 32. 46. 47. 128. 179.
187. 284. 304. 325—354. 358. 360. 369. 372.
381. 393. 405. 413. 414. 420. 427
- Письмо 37—40. 82. 254. 255. 271. 321. 325—393.
397. 409. 452. 455
- 'Письмо' 364. 365. 387. 388. 409
- 'Пишу' 387. 389
- 'Пить' 406
- Плавные аффрикаты 338
- Плавные согласные 37. 337. 338. 342
- 'Плач' 149
- Плебей 197
- Племена 8. 9. 16. 19—21. 51. 65. 71. 75. 90.
100. 116. 117. 124. 130. 131. 140. 141. 144.
156—160. 164. 168—170. 183—185. 187.
193. 194. 197. 205—207. 208. 234. 254. 261.
264. 273. 283. 293. 303. 305. 307. 317. 321.
323. 328—330. 352. 354. 365. 373. 380. 383.
386. 393. 407. 410. 428. 449. 452
- Племенные названия 9. 11. 16. 90. 94. 116.
130—132. 138. 143—145. 156. 157. 160. 169.
173. 175—177. 193. 197—199. 201. 203—207.
235. 261. 273. 279. 283. 324. 365. 383. 391.
404. 423
- Племенные тотемы 168. 184. 204
- Племенные языки 5. 6. 27. 33. 53. 188. 191. 196.
197
- 'Племя' 170. 171. 386
- 'Племя' Waqarungpa 202
- 'Плуг' 20. 282
- Пляска 9. 77. 85—90. 94. 127. 130. 200. 424. 426
- 'Пляска' 263. 288
- 'Побеждать' 133
- Побудительная форма глагола 238
- 'Поверхность' 148
- 'Повозка' 147. 425
- 'Погода' 134. 308
- Погребения 120. 322
- 'Под' 132. 226. 229
- 'Подвижник' 87
- 'Подземный' 140
- 'Подземный мир' 149
- 'Подниматься' 193. 312
- 'Подобный' 231
- 'Подойник' 343
- Подсекция материалистической лингвистики
Коммунистической Академии 352. 370
- Подъем звуков 14. 37. 33. 65
- 'Позови' 82
- 'Позыв' 274
- Показатели единичности 269. 270
- Показатели женского рода 239. 267—269. См.
также: Женский род.
- Показатели множественности 144—146. 149.
154. 159. 162. 167. 190. 192. 267. 310.
311. 347. 387. См. также: Множественное
число.
- Показатели мужского рода 267. 268. См. также:
Мужской род
- Показатели среднего рода 207. 268. См. также:
Средний род
- Показатели уменьшительности 268—270. См.
также: Уменьшительные слова
- 'Показывать' 201
- 'Покров' 132
- 'Покрывало' 228
- 'Покрывать' 228
- Полиандрия 168
- 'Полгорести' 165

- 'Поле' 346
 'Ползти' 225
 Полигенная семантика 7. 168. 193. 217. 222.
 225—401
 Полисемантизм (многозначимость) 9. 10. 56. 83.
 96. 100. 134. 235. 248. 249. 252. 259. 262.
 270. 282. 285. 299. 302. 303. 314. 368. 401.
 405. 407. 413. 424
 Полистадиальность 257. 277. 281. 364
 Политика 113. 331. 452
 Политическая борьба 113
 Политические ссыльные 354
 Политическое значение лингвистической ра-
 боты 355. 452
 Полногласие 32
 'Полный' 343
 'Половодье' 337
 Полугласные 37. 38. 337. 338. 341. 343. 344.
 346. 349
 'Получать' 80
 Польский язык 189. 249. 265
 'Помышление' 278
 'Понимать' 279. 390
 Понятие 272. 273. 301. 305
 'Понятие' 389
 'Попирать вогами' 157
 'Портить' 250
 Португальский язык 184
 'Порция' 84. 238. 240
 Порядок слов в предложении 110
 Последовательность возникновения типов язы-
 ков 105. См. также: История языка
 Последовательность возникновения частей
 речи 105. См. также: Части речи
 Послелого 80. 240. См. также: Суффиксы
 'Построение' 103
 'Поток' 148
 'Потолок' 145
 'Поучение' 387
 'Почва' 75
 'Пояс' 276. 277
 'Правая рука' 165. 167. 238. 316. 365
 'Праведный' 343
 'Право' 83.
 Право 103. 114. 133. 181. 411
 Право божественное 411
 Право гражданское 411
 Право собственности 103. 134. 220. 301. 302.
 389. 390. 452
 Православные миссионеры 196
 'Правый' 137. 138. 157
 Прагматическая история 285
 Практика 251
 Прародина 6. 32. 205
 Праязык 5. 6. 14. 17. 18. 29. 32. 35. 54. 69.
 128. 135. 173. 194. 314. 394. 422
 Превосходная степень 277. 278
 'Превосходство' 349
 'Предки' 169. 249. 250
 'Предлагать' 81
 Предлоги 192. 193. 225. 229. 282. 312. 390.
 441
 Предложение (грамм.) 49. 417
 'Предмет' 456
 Предметы культа см. Культ
 'Предсказатель' 89
 Представления 272. 301. 385
 'Пренсподняя' 132. 138. 139. 149. 192. 219. 406.
 Предания 402
 'Преодоление' 299
 Преподавание языка 43. 296. 374
 'Преподнес ему' 202
 Прерывистые спиранты 37. 38
 'Пресмыкаться' 225
 Пресса см. Печать
 Префиксовые образования и префиксы 43. 45.
 53—55. 108. 110. 135. 158. 159. 166. 168.
 191. 250. 266. 278. 281. 302. 311. 317. 454
 Префиксы личные 311
 Префиксы отрицания 250
 'Приглашать' 82
 Придувные звуки 336. 342. 346. 349
 Придыхательные звуки 336
 Признаки лица (грамм.) 315
 Призрак' 301. 454
 'Приказал' 93
 'Приказывать' 208
 Прилагательные 7. 50. 51. 102. 103. 105. 156.
 191. 216. 227. 232. 278. 303. 310. 417.
 454
 'Приобретать' 73. 281
 'Прикасаться' 80
 Природа 73—76. 113. 127. 260. 264. 267. 365
 'Природный' 75
 'Прити' 312
 Причинность см. Каузальность
 'Приятель' 169
 Проблемы языкознания 42—48. 242—245. 417.
 444—459
 'Продавать' 237
 'Продукт' 267
 'Провище' 373
 'Провзводить' 73. 75. 133. 313
 'Производить набег' 126
 Производительные силы 73. 113. 114. 127. 260.
 264. 267. 293. 434. 436
 Производственные отношения 113. 114. 254.
 260. 267. 303. 375. 441
 Производственные термины 286
 Производственный культ 273
 Производственный тотем 256
 Производство 9. 113. 253. 260. 264. 271. 274.
 279. 296. 297. 301. 303. 313. 314. 362. 363.
 365. 366. 368. 369. 375. 401. 408. 427. 448.
 449. 451. 452
 Произносительные органы см. Органы речи
 Произношение 404
 Происхождение глаголов 401
 Происхождение искусства 78. 85. 87. 89. 181
 Происхождение культуры 70
 Происхождение литературы 181
 Происхождение мышления 79
 Происхождение повятий 273
 Происхождение права 181
 Происхождение слов 273
 Происхождение семьи 168
 Происхождение собственности 102
 Происхождение сюжетов 181
 Происхождении трагедии 87
 Происхождение фонем 260
 Происхождение частей речи 384. 401.
 Происхождение человека 270. 271. 432

- Происхождение языка 3. 5. 8. 9. 11. 23—26.
33. 40. 41. 54. 61. 65. 69. 72. 75. 76. 83—
85. 89—91. 101. 105. 107—109. 115. 116.
119. 127—129. 130. 135. 179—209. 234.
242—245. 258. 271. 273. 314. 359. 369. 375.
376. 394—400. 402. 405. 406. 409. 410. 417.
419. 423. 428. 430. 431. 440
- Пролетариат 255. 379. См. также: Рабочие
- Пролетарская революция см. Октябрьская
революция
- Прометеидские языки см. Индоевропейские
языки
- Прометеиды см. Индоевропейцы
- 'Промокать' 266
- 'Пророк' 410
- Простогласные слова 158
- 'Просторность' 165
- 'Просторный' 130. 162
- 'Пространство' 132. 143. 148. 221. 223
- Простые звуки 16. 37. 39. 40. 259. 336—339.
342. 345. 351. 358
- Простые слова 173—178
- 'Протягивать' 81. 133. 202
- Пропедеческое время (глаг.) 261. 303. 320
- 'Пружина' 299
- Прямой падеж 190. 302
- Псалмы 380
- Психика 114
- Психология 68. 77. 114. 115. 181. 199. 247.
328. 369. 421
- 'Птица' 48. 63. 132. 209. 239. 240
- Птицы 199. 423. 424
- 'Пугало' 387. 388
- 'Пуля' 348
- 'Пустота' 147
- Путешественники 354
- 'Путь' 167
- Пучковые значения см. Семантический пучок
- 'Пучок' 280
- 'Пшеница' 307
- 'Пыль' 343
- 'Пьяный' 101
- 'Раб' 268. 270. 346. 383. 458. 459.
- Рабовладельческое общество 387. 452
- 'Работа' 263. 453. 457
- 'Работать' 263
- Рабочие 15. 123. 267. 375. 427
- 'Радоваться' 255
- 'Радость' 220. 255. 282. 316. 454
- 'Радуюсь' 220
- 'Радостный' 221
- 'Рай' 205. 319
- 'Раз' 82. 165. 167. 231. 238. 240. 319
- 'Разбойник' 151
- Разбойники 401
- 'Разбойничий наезд' 151
- Разговорный язык 10. 85. 208. 271. 362. 363.
418. 427
- Разделение труда 113.
- Разложение звуков 99
- 'Разрушать' 133
- 'Разум' 79. 255. 278. 279. 286
- 'Разумение' 278
- Расены 183. 184. 452
- Раскопки 292. 293. 452
- Раскопки в Ани 247
- Раскопки в Крите
- Расовая теория 3. 6. 8. 17. 18. 27. 32. 33. 61.
69. 71. 206. 211—213. 224. 252. 258. 274.
293. 303. 305. 306. 314. 323. 333. 390. 407.
421. 422. 440. 447—449. 454. 455. 458
- Распространение грамотности 409
- Растения, названия их 229
- 'Растя' 265
- Растительный орнамент 364
- Растительные тотемы 317
- Расхождения языков 69. 110. 125. 245. 397.
400. 411. 414. 415. 421. См. также: История
языка.
- Расселение яфетидов 115. 183—185. 205. 393.
405
- 'Рассудок' 278. 279
- 'Расслабленный' 159
- Рачийский говор грузинского языка 157
- 'Ребро' 166. 342
- Революции и революционные движения 114.
370—378. 381. 427—429. 438. 439. 441.
444. 445. 448. См. также: Буржуазная
революция. Колониальная революция. Ок-
тябрьская революция.
- Революция 1848 г. 443
- Революция в Европе 439
- Революция в Китае 439
- Революция в России 439. См. также: Октяб-
рская революция
- Революционные взрывы (в языке) 8. 107. 115.
- Революционное творчество 427. 451
- Редукция звука 32. 37. 99. 102
- 'Резать' 64
- 'Резвый' 388
- Рейский язык 125. 145. 159
- 'Река' 83. 170. 175. 178. 235. 238. 249. 265.
288. 308
- 'Религиозный' 87
- 'Религиозный обычай' 87
- Религиозная философия 430. 432
- Религиозный раскол 448
- Религия 20. 46. 47. 77. 79. 114. 127. 181. 198.
271. 273. 326. 387. 435. 445. 450. 452
- Реликтовые языки 67. 68. 404. 405. 420
- Ремесла 127
- Речевая культура см. Язык
- 'Речь' 82. 428
- Реформа грамматики 370. 372—377
- Реформа орфографии 331. 370. 372—377
- Реформа письма 321. 325—327. 331. 332. 335.
370—377
- Реформа языка 370—372
- Рим классический 60
- Римляне 74. 189. 329. 380. 382. 411. 448. 449
- Римская Европа 46
- Римская империя 194. 444
- Римская культура 60. 403
- Римская республика 444
- Римские легионы 449
- Римские философы 79
- 'Рисунок' 364
- Ритм 94
- 'Ржанье' 201. 423
- 'Ржать' 285. 424
- 'Ржет' 201

- 'Ров, 153
'Рога алтаря' 147
Род (грамм.) 7. 50. 110. 266. 267. 300. 309. 359. См. также: Женский род. Мужской род. Средний род
Родина индоевропейских языков 194
Родина звуковой речи 72
Родина культуры человечества 72
Родительный падеж 52. 53. 111. 250. 278. 355
Родной язык 22. 290. 325. 413. 427. 429. 431. 443
'Родня' 455
Родовой строй 51. 168. 254. 267. 268. 270. 272. 282. 365. 386
Родовые признаки (грамм.) 266—268. 285. 359. 390. См. также: Женский род. Мужской род. Средний род
Родовые названия 273. 279
Родословное дерево языков мира 6. 7. 28. 41—48. 54—57. 67—70. 195—198. См. также: Генеалогия языков мира. Классификация языков мира
'Родственный' 164
'Родственники' 455
Родство кровное 168
Родство языков 28. 29. 49. 55—57. 182. 188. 191. 273. 304—306. 314. 355. 399. 411. 412. 414—416. 421 См. также: Схождения языков
'Рождать' 73 133. 251. 312. 313
'Рождение' 365
'Рок' 317
'Роковой' 137. 147. 219. 454
Романисты (филологи) 146
Романо-германская филология 353. 450
Романская культура 383
Романские народы 46. 74
Романские языки 60. 67. 138. 155. 156. 161. 163. 182. 189. 194. 237. 278. 372. 406. 420. 455
'Рот' 64. 201. 361
'Рубить' 133
Рудники 19
Рука 78. 209
'Рука' 9. 10. 73—85. 93. 104. 110. 117. 132. 133. 137. 157. 165. 166. 173. 186. 193. 201. 202. 204. 207—209. 231. 232. 236—238. 240. 241. 263. 266. 272. 274. 277. 278. 280—283. 286. 287. 299. 301. 302. 308. 309. 313. 316—319. 347. 360. 365. 367. 390. 419. 424—426
'Рука — женщина — вода' 74. 83. 143. 149. 237. 312
'Рука — камень — топор' 120
'Рукавицы' 347
Рукописи 379
'Рукоять' 80. 167
Румынский язык 418
Русисты 374
Русский алфавит 330. 335. 336
Русский язык 19. 31. 32. 42. 58. 59. 64. 66. 67. 80—84. 92. 93. 101. 102. 110. 129. 130. 133. 134. 143—145. 150. 151. 155. 156. 158. 161. 163. 165. 175. 177. 188. 189. 192^Ф 194. 196. 199. 202. 207. 208. 211. 217. 218. 222. 225. 227. 230—232. 236—240. 246. 249. 255. 256. 259—270. 272—275. 277—279. 282. 283. 285—287. 293. 299. 303. 307. 308. 312. 322. 348. 358—360. 364. 365. 373—376. 384. 386—389. 415. 418. 423—426. 428. 429. 435. 455. 458
Руссификация чуваш 196
Русские 275. 278. 325. 335. 374. 376
Русские надписи 274
Русские фамилии 278
Русы 380
'Ручка' 80. 167. 342
Ручная речь (линейная, кинетическая, язык жестов) 10. 78. 81—86. 89. 90. 92—94. 130. 131. 135. 186. 195. 200. 202—205. 208. 231. 244. 245. 255. 256. 266. 271. 272. 285. 286. 301. 311—313. 356. 358—369. 376. 387. 409. 418. 421. 424. 452
'Рушпль' 133
'Рыба' 7. 55. 144. 173—178. 220. 222. 236. 286
'Рыбья кость' 178
'Сазан' 176—178
Сал-ибер 157
'Сало' 144. 146
Салы 156. 157. 159. 160. 183
'Сам' 87. 104. 105. 226. 228. 230. 231. 456
'Сам по себе' 104
'Самец' 249. 275. 285
'Самец-дитя' 249
'Самка' 285
Санскритологи 28. 29. 187. 416
Санскритский язык 7. 44. 46. 59. 72. 82. 117. 173. 185. 189. 194. 230. 231. 302. 405
'Сапог' 425. 426
'Сармат' 101
Сарматы 193
Сванский язык 9. 11. 29. 42. 82. 88. 106. 137. 140. 141. 145. 147. 148. 150. 151. 157—161. 165. 166. 171—174. 177. 196. 216. 218. 222. 229. 230. 233. 235. 237—239. 250. 255. 257. 262. 263. 274. 275. 277. 279. 282. 284. 300. 307. 319. 345. 348. 388. 389. См. также: Ипарский говор. Лахамульский говор. Лашхский говор. Лентехский говор. Местийский говор. Мулахский говор. Парский говор. Ушкульский говор. Халдский говор. Эперский говор
'Сванский язык' 279
Сваны 57. 279. 299. 450
'Сваны' 279
'Сверху' 225
'Свет' 192. 208. 209. 220. 256. 265. 433
'Светать' 63. 265
'Светило' 143. 150. 208. 209. 365
Светская литература 85
Светский алфавит 85
'Свидетельство' 144. 150
'Свинина' 145. 146
'Свинья' 144. 146. 285. 287. 288. 347
'Свирепый 219
Свистящая группа языков 8. 15. 97—99. 131. Свистящие звуки 14. 38. 258. 259. 336. 338. 342. 446. 348
Свободные профессии 354
'Свободный' 227
'Свод' 132. 149. 239. 424
'Свой' 104. 228

- Связка' 280
 'Святыня' 125. 275
 'Священник' 133. 275
 'Сгибать' 287
 'Себя' 104. 105. 226. 228. 230. 231.
 'Север' 136. 138. 140. 219
 Северные народы 385
 Северо-восток 140
 Северо-кавказские народы 385
 Северо-кавказские языки 67
 'Седло' 151. 279. 288
 'Сезон' 221. 223
 'Секунда' 216
 Секция литературы, искусства и языка Коммунистической Академии 370
 Секция научных работников 326. 378
 Секция общего языкознания ИЛЯЗВ 210
 Секция палеонтологии речи ЯИ АН СССР 210
 'Селезенка' 342
 'Селение' 343. 348
 Сельджуки 457
 Семантика 5. 7—11. 15. 17. 26. 43. 46. 55. 56. 68. 83. 84. 103. 109. 117—122. 128. 132—134. 136—178. 192. 193. 198. 207—209. 212. 213. 216. 219. 225. 226. 229. 230. 237. 239. 244. 247. 250—257. 259. 263. 265. 266. 268. 270. 276—279. 281. 282. 296. 298. 299. 302. 311—315. 319. 341. 347. 364. 365. 367. 368. 389. 396. 398. 399. 401. 406. 408. 410. 418. 421—425. 451. 456. 458. См. также: Асемантизм. Палеонтология семантики. Полисемантизм. Функциональная семантика
 Семантические дериваты 132. 133. 143. 144. 147. 148. 151. 153. 154. 209. 226. 239. 252. 254. 256. 265. 266. 276. 278. 281. 296. 302. 314. 316. 355. 419.
 Семантический пучок 9. 11. 15. 83. 103. 131. 143. 149. 152. 193. 208. 225. 229. 237. 277. 425
 Семантическое гнездо 11. 143. 147. 219. 220
 Семейные названия 273. 279
 Семинары Н. Я. Марра 4
 Семитические языки 4. 6. 7. 28. 41. 42. 53—55. 58. 59. 67. 81. 83. 101. 104. 122. 126. 155. 166. 169—171. 173. 182. 188. 192. 196. 206. 203. 267. 276. 301. 314. 317. 336. 342. 353. 357. 364. 368. 375. 400. 405. 407. 411. 412. 416. 417. 422. 429
 «Семитический» 324
 Семитическое письмо 329
 Семитологи 136. 214
 Семиты 20. 21. 29. 54. 185. 189. 329. 383
 Семьи (системы) языков 3. 5. 7. 8. 10. 16. 18. 26. 28. 31. 33. 45. 48. 55. 57. 68. 70. 72. 103. 106—111. 121—123. 125. 129. 132. 134. 185. 182. 196. 211. 214. 245. 247. 258. 323. 324. 329. 353. 355. 356. 357. 375. 391. 394—397. 399. 400. 403. 405. 410. 411. 414. 417. 419. 421. 422. 458
 Семья 50. 51. 168. 170
 'Семя' 281
 Сенат римский 276
 'Сено' 346
 Сербы 193
 'Сердце' 239. 346
 'Серебро' 20. 160. 346
 'Серп' 342
 'Серьги' 148
 'Сестра' 50. 103. 104. 111. 169
 Сибилянтная ветвь языков 8. 15. 37. 38. 62—65. 131. 257. 259. 357. 358
 Сибилянты 6. 15. 38. 39. 257. 264. 336. 338. 344—348. 358
 'Сила' 80. 83. 92. 93. 133. 134. 165. 208. 236. 278. 299. 316. 344. 347. 425
 Силлабическое письмо см. Слоговое письмо
 'Сильнейший' 277
 Сильные звуки 37—40. 342. 346
 'Сильно' 240. 347
 'Сильный' 388
 Символическое восприятие слов 278
 'Синий' 143
 Синтаксис 56. 102. 103. 122. 186. 191. 303. 368. 389. 400. 417. 434. 435
 Синтез (научный) 251
 Синтетические представления 302
 Синтетический строй языка 10. 42. 43. 43. 49. 51. 52. 54. 56. 61. 67. 109. 111. 121. 122. 126. 134. 196. 206. 314. 368. 405. 413. 417
 Синтетическое мышление 302
 Синхронизм формальных признаков языков 108
 Синхронистическая сравнительная грамматика 187. 188
 Сирийский язык 39. 81. 104. 126. 150. 166. 275. 317
 Система языка см. Семья языков
 'Синть' 265
 'Сказал' 89
 Сказки грузинские 410
 Сказки осетинские 410
 'Скала' 106. 133. 345
 'Скалять зубы' 147
 Скачкообразное развитие языка 115. 299. 420
 Скифская культура 19. 21. 43
 Скифский паицеон 21
 Скифо-иберский культурный мир 19
 Скифские погребения 322
 Скифы 14. 20. 21. 75. 144. 206. 261. 275. 282. 322. 380
 Скифский язык 21. 260. 261. 322
 'Сквал' 343
 Склонение 43. 49. 53. 55. 61. 110. 111. 124—126. 190. 227. 250. 268. 288. 302. 310. 311
 'Сколько' 343
 'Скоморох' 87
 'Скорость' 299
 'Скорчиться' 159
 Скотоводство 21
 'Скрежетать зубами' 147
 Скрещение племен 54. 65. 90. 91. 184. 197. 206. 318. 402
 Скрещение языков 3. 7. 8. 10. 11. 17. 18. 33. 54. 57. 62. 65. 66. 72. 90. 91. 102. 110. 115. 121. 125. 126. 131. 180. 185. 188. 189. 191. 192. 194. 206. 207. 209. 230. 293. 294. 306. 307. 379. 384. 397. 399. 425. 455
 Скребокные слова 31. 32. 47. 48. 56. 80. 101. 131—133. 161. 170—172. 176. 177. 207. 218. 220. 222. 225. 226. 261. 265. 270. 272. 281. 285. 347. 348

- Слабые звуки 37—40. 337. 338. 341—343. 346
Слависты 210
Славянские языки 154. 163. 189. 199. 210. 211.
231. 232. 249. 293. 405. 418. 455
Славяне 76. 193. 383
'След' 225
'Следовать' 276
'Слеза' 102. 153. 154. 207. 237. 262. 362
'Слепой' 147
'Слово' 458
Слово 10. 11. 16. 17. 156. 198. 273. 302. 328.
358. 366. 368. 369. 399. 417. 418
Словари 258. 263. 388. 458
Словарь звуковой речи 419. 424. См. также:
Лексика
Словарь международный 397
Словесность 5. 23
Словотворчество 7. 46. 53. 54. 56. 106. 107. 143.
199. 209. 252. 253. 256. 260. 263. 272. 273.
278. 293. 297. 305. 306. 317. 347. 357. 364.
400. 407. 423. 424. 528. См. также: История
языка. Лингвистические элементы. Семан-
тика. Скрещенные слова
Слоги 259. 329
Слоговое письмо см. Клинопись
Сложные буквы 39
Сложные выражения, сокращения их 383. 384
Сложные звуки 38. 39. 259. 339. 357. 358
Сложные предложения 435
Сложные слова 10
'Слуга' 87
'Служанка' 150
'Служба' 187
'Служ' 279
'Слуховое окно' 153
Слупатели Н. Я. Марра 412. 419
'Слупать' 279
'Слышать' 168. 278. 279
'Смелый' 231. 388
Смена культур 72
Смена общественных формаций 114
Смена систем языков 25. 26. 72. 109. 110. 358.
375. См. также: История языка. Строй языка
Смена фонетических систем 358
Смена форм мышления 116. См. также: История
мышления
'Смертный' 142
'Смерть' 139—142. 216. 219. 220. 222. 454
Смерть 432. 435
'Смех' 316. 454
'Смеяться' 255. 283
'Смрад' 236
Смьчные звуки 342. 345. 346. 349
'Снег' 217. 218. 223. 346
'Сновидение' 410
'Сноп' 280. 343
'Собака' 64. 132. 259. 261. 264. 268. 269. 273.
276. 279. 285. 288. 308. 343. 390. 391. 429
'Собирать' 303
'Собрание' 104. 303
'Собственность' 346
'Совать' 80
'Совесть' 279. 418
Советская интеллигенция 379
Советская общественность 180. 381
Советские ученые 321. 322
Совпадения слов 17
Согдийский язык 175. 178
Согласные 6. 12. 32. 37. 38. 55. 58. 59. 92. 101.
130. 131. 258. 259. 264. 314. 329. 342. 349.
368
'Сожаление' 149
'Создатель' 118
Созвучие 55. 80. 169. 172
'Солнце' 30. 47. 64. 143. 192. 208. 216. 217.
219—221. 223. 248. 250. 255. 256. 261. 267.
276. 277. 279—281. 284. 286. 288. 289. 316.
317. 365. 367. 424. 454
'Сом' 147
'Сон' 219. 220. 222. 256. 410
'Сон-видение' 255. 256. 286
Сонорные звуки 60. 338. 341—344. 346
'Сородич' 169. 341
'Сосед' 169
'Сосец' 343
Сословия 5. 7. 116. 135. 197. 254. 285. 399
Сословные языки 196. 197. 254
Составные звуки 16. 37. 38. 40. 336—338.
345—347. 349. 351
Составные слова 102. 131. 161. 261. 270. 273.
276. 281
'Сострадавие' 143. 149
Софисты 179
'Соха' 382
Союз (грамм.) 7. 50. 103—105. 191. 363. 417.
441
Союз работников просвещения 378
Социализм 391
Социалистическое строительство 6. 24. 35. 290.
297. 352. 369. 370. 375. 378—380. 383. 384.
427. 435. 438. 439. 443. 450
Социальная революция 450. См. также:
Октябрьская революция
Социальная среда 354. 386.
Социальное потребление 244
Социальные группировки 234. 401
Социальные науки см. Общественные науки
Социальные термины 197. 273—275. 287
Социальный строй 3. 5. 6—10. 25. 65. 103.
113—115. 129. 130. 133. 135. 195. 196. 199.
202. 203. 221. 245. 255. 267. 281. 282. 302.
313. 315. 354. 357. 363. 365. 366. 368. 370.
375. 376. 389. 396—401. 408. 418. 421. 426.
429. См. также: История общественных
форм
Социологи 179. 180
Социологическое изучение языка 212. 244. 252.
276. 354
Социология 3. 5. 23. 25. 354. 417
'Спать' 219. 260
Спирантизация 97—99. 126. 348
Спирантная ветвь языков Кавказа 15. 37. 131.
257. 258. 357
Спирантно-шипящие звуки 262
Спиранты 6. 14. 15. 37—39. 58. 257. 264. 332.
338. 342. 344. 345. 347. 349. 358. 361
'Сплю' 219. 222
'Способ' 133. 240
Способ производства 253
'Спотыкаться' 159
Спряжение 234. 302. 303. 309. 310. 312. 318.
319

- 'Спуск' 312.
 Сравнительная грамматика 3. 4. 10. 11. 27. 30. 121. 126. 129. 132. 150. 159. 168. 175. 179. 187. 188. 191. 218. 234. 401. 407
 Сравнительная степень 277. 278
 Сравнительный метод 14. 16. 34. 93. 179. 234. 282. 284. 293. 304. 320. 358. 414. 415. 422
 Средиземноморская культура 13. 17—20. 76. 382. 405
 Средневековая литература 30
 Средневековая наука 290
 Средневековые города Грузии 124
 Средневековые городища Северного Кавказа 120
 Средние века 15. 42. 120. 124. 184. 326. 330. 332. 373. 393. 450
 Средний глагол 302. 435
 Средний залог 280
 Средний род 50. 254. 267. 359. 428. См. также: Показатели среднего рода
 Среднеязычные звуки 341. 344
 'Средство' 80. 133. 278
 Средства производства 113. 451
 Стабилизация значений слов 103. См. также: Семантика
 Стадиальное развитие мышления 257. 280. 302. 311. 438. См. также: История мышления
 Стадиальное развитие языка 10. 107. 224. 234. 244. 245. 248. 250—252. 255—259. 271. 277. 280. 281. 293. 296—298. 300—304. 307—309. 311. 323. 356. 358. 362. 371. 375. 390. 401. 407—409. 413. 417. 438. См. также: История языка
 'Сталь' 345
 'Старейшина' 276
 Старославянский язык 250. 285
 Старофранцузский язык 188
 Статическая лингвистика см. Индоевропеистика
 'Старшива' 275
 'Старый' 64. 221. 346
 'Стекло' 250
 'Стена' 147
 Стенография 452
 Степени сравнения 117. 277. 278
 'Стирать' 63
 'Сто' 64. 391
 Стойки 438
 'Стол' 143
 'Столб' 145
 'Столетие' 265
 'Сторона' 82. 165. 166. 347
 'Стоять' 240. 341
 'Страдание' 458
 Страдательный залог 280
 'Страна' 63
 Страсбургский университет 402
 Страшильце 387. 388
 'Стрела' 348
 Строй языка 8. 31. 45. 54. 68. 92. 105—108. 110. 111. 122. 123. 190. 196. 206. 214. 298. 302. 356. 401. 411. 414. 421. См. также: Агглютинативный строй языка. Аморфный строй языка. История языка. Синтетический строй языка. Типология. Флективный строй языка
 Строительство городов 21
 'Строить' 103. 133
 'Стул' 133
 Субары 261
 Субъект (грамм.) 50. 254. 280. 400. 434. 441. См. также: Логический субъект
 Субъективный строй спряжения 318. 319
 'Суд' 143. 144
 Судакские языки 47
 'Судить' 144
 'Судно' 345
 'Судьба' 249. 299. 317. 387
 Сулетинское наречие баскского языка 241. 411. 425
 'Сумасшедший' 388
 'Сумрачный' 220
 Сунниты 46. 47
 Суоми (язык) 31. 66. 67. 102. 132. 177. 222. 223. 230. 255. 261. 262. 387
 'Супруги' 275
 Суффиксы 43. 51—54. 104. 105. 109. 135. 144. 155. 156. 175. 183. 191. 229. 239—241. 250. 266—268. 277. 278. 454
 'Сухой' 220
 'Сухорукый' 166
 Существительные см. Имена
 Существительные глаголы 300—320
 'Существовать' 319
 'Схватить' 281
 Схолиасты 321
 Схождения языков 69. 125. 245. 399. 400. 411. 414. 415. 421. См. также: Родство языков
 'Считать' 424
 Съезд ассоциации краеведческих организаций Северного Кавказа 325
 Съезд краеведческий в Сухуме 327
 'Сын' 144. 169. 171. 194. 250. 342. 426
 'Сырой' 256
 'Сырость' 235
 'Сырье' 221
 'Сытость' 221
 'Табак' 343
 Таврарский говор сванского языка 137. 160
 Таджикский язык 101
 'Так' 346
 Талы 159
 'Талья' 344
 Тамильский язык 44. 45
 'Танец' 263
 'Тарелка' 343
 Тарпаны 293
 Татарский (казанский) язык 42. 196. 388
 Татары 36
 Твердые звуки 40. 55
 'Твердый' 216
 'Твой' 64
 Творительный падеж 240
 'Творить' 75
 'Тезка' 273
 'Теленок' 349
 'Тело' 102. 230—232. 274. 286. 301. 308
 Темиргойский язык 235. 237
 'Темнота' 141
 'Темный' 141.
 'Темя' 230
 'Тень' 141. 219. 221. 256. 266. 270. 286. 301. 343

- Теория познания 429. 440. 452. См. также: Философия
- Теория языка 299. 411. См. также: Индоевропеистика. Яфетическая теория
- 'Теперь' 341
- 'Тепло' 220
- Терминология 197. 251. 257—259. 296. 297. 321—325. 365. 374. 378. 382. 391. 397. 399. 411. 435. 436. 450. 452. 453
- Терминология яфетической теории 37. 38. 141. 181. 257. 258
- Терминология техническая 296—299. 435. 453
- Термины родства 50. 51. 62. 103. 104. 110. 168—172. 194. 316
- Территориальное распространение яфетических языков 181—184
- 'Тесть' 171
- Техника 8. 25. 26. 130. 259. 264. 292. 299. 357. 365. 366. 376. 381. 384. 403. 418. 427. 430. 448—450. 452. 454
- Техника заимствования слов 297. См. также: Заимствования
- Техника звуковой речи 8. 181. 201. 293. 296. 356. 385. 386. 389. 418. 421. 428. 429. 434. 438. 441. См. также: Звуковая речь
- Техника мышления 298. 299. 389. 428. 429. 434. 435. 438. 441. См. также: Мышление
- Технологические восприятия и представления 279. 280. 287. 302. 309. 312. 313. 390
- Технологическое словотворчество 260. 263. 273. 275. 278. См. также: Словотворчество
- 'Течь' 171. 235. 283
- 'Теща' 171
- 'Тиара' 228
- Тибетские языки 46. 55
- Тиндальское наречие 218
- Типологическая эволюция звуковой речи 68. 420. См. также: История языка
- Типология идеологическая и формальная 6. 7. 23. 48. 51. 54. 55. 61. 91. 106. 107. 194. 206. 220. 224. 356. 395. 396. 415. 420. 422. См. также: Классификация языков. Системы (семьи) языков. Строй языка
- Типология яфетических языков 195. 196. 214
- 'Тихий' 231
- 'Тонкий' 342
- Ткачество 71
- 'Топор' 418
- Топонимика 45. 75. 76. 138. 141. 174. 175. 184. 235. 246. 247. 265. 266. 279. 283. 284. 288. 289. 293. 301. 404. 411
- Торговля 21
- 'Тот' 341
- Тотем 88—90. 102. 127. 131. 143. 146. 164. 169. 184. 207. 208. 255. 261. 263. 264. 266. 269. 272—274. 276—281. 285. 288. 291. 301. 302. 307. 314. 315. 317. 319. 320. 363. 365. 367. 387. 389. 390. 391. 441. 456
- 'Тотем' 87. 208. 364. 365. 409. 410
- Тотемические термины 273. 276. 286. 423
- Тотемический строй 273. 283
- Тотемическое мировоззрение 259. 273. 276. 277. 288. 302. 303. 307. 314. 317. 390.
- Тотемные животные 276. См. также: Животный тотем
- Традиции научные 321. 347
- Транскрипция 6. 37—40. 323. 335. 336. 339. См. также: Алфавит. Аналитический алфавит. Единое письмо. Письмо
- Трансцендентализм 431
- Третий этнический элемент населения Европы 383
- Трехсогласие корня 101. 126. 301. 314. 353
- Трехступенность согласных 37. 38. 58. 59. 65. 92
- 'Три' 64. 131. 132. 263
- Тройственное число 355
- 'Трон' 133. 143. 144. 208
- 'Труд' 453
- Трудматическое действие 85. 86. 89—94. 130. 358. 362. 367
- Трудовой процесс 5—9. 13. 25—27. 68. 70. 72—78. 83. 85. 89—94. 100—108. 113. 114. 116. 117. 200. 205. 244. 433. 451
- 'Труп' 274. 301. 308
- 'Туземные' языки 24
- 'Туман' 240
- Туранская теория 28. 29. 416
- Туранские языки 28
- Турецкие (торкские) языки 17. 19—22. 28. 42. 130. 155. 166. 169. 173. 182—184. 188. 196. 226. 227. 249. 255. 261. 317. 323. 336. 347. 357. 387. 405. 406. 411. 414—416
- «Турецкий» 324
- Турецкий язык 10. 15. 19. 20. 42. 46. 63. 93. 101. 102. 123. 174. 177. 265. 266. 348. 268. 269. 272. 274—276. 285. 317—323. 326. 393. 418. 428. 454. 457
- Турки 76. 120. 185. 193. 275. 326. 380. 457
- Туркологи 210
- Туркология 211. 214
- Туркологический съезд 321. 326
- 'Туча' 147. 150
- 'Тушит' 425
- Тюркские языки см. Турецкие языки
- Тюрки см. Турки
- 'Тюркский' 324
- 'Ты' 236. 241
- 'Тыква' 229
- 'Тычинка' 345
- 'Тыма' 140. 141
- 'Убеждать' 150
- Убыхи 333
- Убыхский язык 176.
- Убыль в звуковом составе 59
- 'Увидал' 124
- Увязка истории языка с историей человечества 108. 356
- Увязка лингвистики с другими историческими дисциплинами 369
- Увязка языков различных систем см. Родство языков.
- Увязка языковых явлений с мировоззрением 108. См. также: Мышление
- Увязка лингвистики с историей материальной культуры 13. 19. 20. 23. 31. 79. 108. 109. 120. 128. 129. 135. 252. 253. 291. 293. 401. 426.
- Угрофинские языки 42. 59. 81. 123. 173. 188. 196. 223. 274. 323. 336. 357. 364. 405. 414. См. также: Финские языки. Языки Привожья

- Удвоение согласных 92
 'Удар' 165
 Ударение 92, 93
 Ударение в абхазском языке 341
 Удинский язык 172
 Удины 14, 76
 'Удлинять' 166
 Удмуртский язык 171, 222, 223
 'Узнавать' 390
 'Узор' 64, 364
 Уйгурские надписи 17
 'Указание' 167, 202
 Указательное местоимение 227
 'Указать' 10, 81, 92, 133, 202
 Украинские фамилии 278
 Украинский язык 165, 249, 257, 263, 279
 Украинцы 36, 278
 'Уловка' 347
 'Ум' 80, 240, 266, 278, 279, 390
 Уменьшительные слова 209, 268, 270. См. также:
     Показатели уменьшительности
 'У меня есть' 280
 'Умираю' 142
 'Умный' 80
 Унификация календаря 397
 Унификация мер и весов 397
 Унификация письма см. Единое письмо
 Унификация терминологии 296, 397
 Упрощение звукового состава 58
 Урало-алтайские языки 28, 29, 41, 196, 206,
     323, 357, 375, 416. См. также: Аддажные
     языки
 Урало-алтаистика 214
 Урало-алтаисты 210
 Урало-алтайцы 29
 Уральские языки 306
 Урянхайский (тувимский) язык 226
 'Уровень' 233
 'Урод' 80
 Усеченные формы слов 32
 'Усилие' 299
 Условные рефлексы 181, 199
 'Услужение' 87
 Устная речь 204, 427
 'Уста' 201, 360, 361
 'У тебя есть' 281
 Утрата долготы звука 158
 Утрата исходного носового звука 32
 Утрата звуков 99
 Утрата начального коренного 188
 'Утренняя заря' 192
 'Утро' 134, 192, 283
 'Ухо' 262, 263, 279, 361, 362
 Учебники общего языкознания 33
 'Учение' 387, 389
 Ученые см. Научные работники
 Ученики Н. Я. Марра 3, 12, 14, 33, 193, 304,
     340, 390, 412—414, 419
 Учительство 376
 'Учить' 389, 390
 'Учиться' 389, 390
 Ушкульский говор сванского языка 160
 'Ущелье' 106, 238
 Факторы возникновения типов языка 107
 Факультет восточных языков 29
 Фаллический культ 267
 Фарисей 179
 Феноменология 448
 Феодализм 330, 381, 383, 387
 Феодалы 283, 334, 373
 Феодальная Русь 273
 Феодальные языки Армении и Грузии 124, 197,
     214, 264, 283, 303, 312, 318, 355, 361, 372,
     387, 388
 Фесалы 183
 Фетиши (культовые) 274
 Физики 432
 Физиологи 244, 366
 Физиология 263, 430
 Физическая география 431
 Физическое восприятие предмета 170
 Физическое строение человека 200
 Филлал АН СССР в Тифлисе 442
 'Филан' 343
 Филологи 28, 46, 47, 179, 180, 303, 416, 457
 Филология 46, 47, 179, 245, 293, 314, 353, 413,
     450
 'Философ' 390
 Философия 74, 79, 114, 179, 263, 290, 291, 293,
     369, 378, 383, 428—433, 436, 438, 440, 444—
     447, 452, 454, 457. См. также: Диалектика.
     Диалектический материализм. Идеализм.
     Марксизм-ленинизм. Метафизика. Транс-
     ценденциализм
 Философия античная 79, 438, 446, 447
 Философия буржуазная 430, 431
 Философия Гегеля 444, 445, 448
 Философия индоевропейстики 378
 Философия мышления 428
 Философия стоиков 438
 Философия языка 428, 431
 Философская революция 445
 Философы 26, 78, 79, 256, 383, 432
 Финляндская культура 403
 Финляндцы 21,
 Финноведы 36, 210
 Финнология 211, 214
 Финны 71
 Финские языки 4, 7, 15, 20, 28, 31, 32, 42, 44,
     45, 81, 123, 131, 133, 155, 193, 196, 223,
     406, 415, 416.
 «Финский» 324
 Флексия 302, 368
 Флективный строй языка 7, 8, 10, 41, 48, 49,
     51—54, 61, 67, 102, 108, 111, 121, 124—126,
     132, 144, 188, 190, 196, 197, 214, 368, 420
 Флективный строй армянского и грузинского
 древнеязыковых языков 111, 197
 Фольклор 23, 144, 191, 346
 Фонема 244, 259, 260, 353, 366, 424. См. также:
     Звуки
 Фонетика 8, 10, 14, 15, 32, 37—40, 47, 48, 52—
     55, 57—59, 62—65, 91, 92, 97—99, 102,
     119—123, 126, 128, 131, 145, 158, 159, 170,
     174, 181, 188, 224, 230, 244, 251, 252, 257—
     259, 261, 264, 265, 272, 273, 277, 298, 309,
     315, 336, 338, 342, 346—349, 356, 358, 368,
     397, 398, 401, 404, 407, 424, 425, 453.
     См. также: Звуки. Фонетические особенности
 Фонетика гомохроническая и диахроническая
     62—65

- Фонетика динамическая и статическая 62—65.
Фонетика как показатель социальных отношений 65
- Фонетическая классификация языков 121. 123
- Фонетические нормы и законы см. Звуковые нормы и законы
- Фонетические особенности абхазского языка 87. 92. 158. 167. 228. 229. 232. 234—242. 335—351
- Фонетические особенности аварского языка 92
- Фонетические особенности авестийского языка 277
- Фонетические особенности арабского языка 342
- Фонетические особенности армянского языка 59. 82. 157. 160. 163. 185. 236. 277. 284. 331. 332
- Фонетические особенности баскского языка 151. 161. 162. 237. 274. 344
- Фонетические особенности бзыбского наречия абхазского языка 346. 349. 350
- Фонетические особенности германских языков 307. 308. 453
- Фонетические особенности горских языков 361
- Фонетические особенности греческого языка 156. 337. 350. 351
- Фонетические особенности грузинского языка 58. 59. 62—65. 82. 124. 152. 160. 173. 217. 238. 239. 266. 319. 348. 425
- Фонетические особенности древнееврейского языка 342
- Фонетические особенности индоевропейских языков 58. 59. 81. 156. 259
- Фонетические особенности кабардинского языка 234. 241
- Фонетические особенности кельтских языков 277
- Фонетические особенности китайского языка 61
- Фонетические особенности языка коми 81
- Фонетические особенности латинского языка 161
- Фонетические особенности мегрельского языка 62—65. 159. 217. 342
- Фонетические особенности русского языка 59. 156. 238. 259. 265. 270
- Фонетические особенности санскритского языка 59
- Фонетические особенности сванского языка 159. 161. 173. 174. 229. 277
- Фонетические особенности языков священной группы 62—65. 257—259
- Фонетические особенности семитических языков 58. 59. 342
- Фонетические особенности языков спирантной ветви 62—65. 257—259
- Фонетические особенности угрофинских языков 59. 81. 123. 223
- Фонетические особенности хеттского языка 186
- Фонетические особенности чаяского языка 62—65. 159. 217. 282
- Фонетические особенности черкесских языков 241
- Фонетические особенности чувашского языка 32. 184—186. 223. 228
- Фонетические особенности языков шипящей группы 62—65. 219. 257. 259
- Фонетические особенности яфетических языков 59. 137—144. 153. 154. 156. 158—160. 171. 174. 208. 218. 224. 227. 336—351
- Фонетическо-формальная сравнительная грамматика 126
- Фонетическое письмо 329. 330. 340. 367—369
- Фонетические соответствия см. Звуковые соответствия
- Форель 174
- Формальный метод 129. 132. 179. 224. 258. 262. 263. 292. 293. 296. 297. 304. 348. 381. 418
- Формальное мышление 302
- Формальная классификация языков 11. 15
- Формальная логика 446
- Формальная сторона речи 17. 409. 410
- Формальная типология языка см. Морфология
- Формальное изучение языков 356. 413
- Формальный анализ 16. 33. 284
- Формы женского рода в русском языке 84
- Формы социальной структуры см. Социальный строй
- Франкский язык 379. 380. 447. 448
- Французские короли 373
- Французская монархия 444
- Французский язык 60. 80. 89. 110. 138. 155. 157. 162. 163. 165. 182. 189. 190. 218. 240. 255. 261. 267. 275. 285. 299. 312. 322. 360. 372. 390. 415. 425. 426. 428. 429. 454. 455
- Французский язык, общность его с яфетическими 194
- Франко-прусская война 450
- Французы 30. 425. 450
- Фрикативность 265
- Функциональная семантика 9—11. 20. 31. 56. 80. 82. 120. 132. 133. 170. 218. 231. 240. 253. 254. 261. 262. 264. 279. 282. 285. 298. 348. 360. 362. 365. 388. 409. 418. 419. 451. 453
- Функциональные коренные 156
- Функциональные слова 51
- Функции имен существительных 417
- Функции лингвистических элементов 260
- Функции мышления 431
- Функции слов в языках аморфного и синтетического строя 49
- Функция языка 357. 359. 362. 386. 397. 423
- Хазары 275. 380
- Хазарский язык 274
- Хавский армянский язык 145. 159
- Хайкский армянский язык 159
- Халдские клинообразные надписи 204. 283
- Халдский говор сванского языка 137. 160.
- Халдский язык 14. 53. 145. 146. 185. 187. 204. 229. 230. 243. 250. 268. 278. 282. 320. 416
- Халды 14. 380
- Хамитические языки 42. 122. 172. 173. 182. 196. 206. 306. 307. 357. 375. 405
- «Хамитический» 324
- Хамиты 383
- ‘Хамса’ 176—178
- ‘Хаос’ 249
- Харийский язык 194
- ‘Хватать’ 82. 390
- ‘Хворост’ 349
- Хеттская версия эпоса о Гильгамеше 136
- Хеттский язык 133. 136. 185. 186. 194. 243. 406

- Хеттское законодательство 186
Хеттское письмо 367
Хетты 189. 194. 276
Химики 404
Химия 430. 452
'Хитрость' 80. 167. 342. 347
'Хлеб' 7. 31. 32. 43. 56. 132. 173. 344
'Хмель' 345
'Хмурый' 221
'Ходить' 192. 203
Хозяйство (экономика) 6. 11. 16. 18. 22. 23. 27. 113. 114. 120. 129. 130. 133. 135. 185. 198. 206. 207. 212. 219. 281. 282. 307. 324. 328. 354. 370. 376. 396. 397. 418. 421. 427. См. также: Единое хозяйство бесклассового общества
Хозяйственное строительство СССР 376. 378
Хозяйственные термины 281
'Холм' 148. 425
'Холод' 219. 221
'Холодный' 216. 218—220
Хор 94
'Хоровод' 263
'Хоронить' 147
'Хороший' 279. 343
'Храбрый' 62. 144. 153
Христианская литература 46
Христианское искусство 46
Христианство 46. 47. 179. 196. 197. 330. 339. 435. 445
'Хромать' 166
'Хромой' 157. 159. 165
Хронологизация языковых явлений 6
Хтонические божества 140. 178. 365
- 'Царевна' 239
'Царица' 250
'Царствование' 151
Цари 283
'Царь' 250. 303. 455
'Цвет' 277
'Целитель' 87
'Целый' 63
Центр языкотворчества 411. 413. 414
Церковная литература 85
Церковное письмо 85. 331. 371
Церковный язык 330. 373. 393
Цеховые организации 135. 255
Цифры 39
- 'Чад' 236
'Чанский (лазский) язык 15. 29. 42. 47. 52. 53. 62—65. 67. 82. 92. 93. 102. 123. 131. 134. 145. 159. 171—173. 178. 182. 187. 193. 196. 217. 219. 221. 225. 227. 228. 234. 237. 238. 255. 262. 265. 266. 273—275. 278. 281—283. 286. 300. 308. 317. 345. 387. 407. 409. 424—426. 455
Чаны 275
'Час' 143. 222
«Часть вместо целого» 144. 174. 175. 178. 208. 239. 270. 281. 282. 284. 424
Части предложения 109. 110. 368. 417
Части речи 10. 102—105. 109. 368. 384. 401
'Человек' 51. 63. 274. 275
Чередование звуков 10. 65
- 'Через' 238.
Черемисский язык см. Марийский язык
Черемисы см. Марии
Черкесо-абхазская группа языков 234—241
Черкесский алфавит 326
Черкесские древности 235
Черкесские языки 234. 235. 241. 326. 348.
«Черкесское» письмо 334
Черкесы 333. 334
'Череп' 230
'Черешня' 349
'Черноглазый' 453
'Черный' 223. 454
'Четверг' 292
Четверостишие 94. 95
Четверостишие Руставели 94
'Четыре' 156. 157. 166
Четырехоголасность 101
Четырехступенность согласных 37
'Чеснок' 345
'Честь' 342
Числительные 43. 47. 104. 105. 156. 157. 210—215. 337. 355. 406
Число (грамм.) 134. 310. 311. 355. См. также: Единственное число. Множественное число
'Чистый' 250. 341
'Чихать' 238. 239
Член (грамм.) 53. 267. 309. 390
Членораздельные звуки 16. 85. 86. 89. 94. 129. 130. 205. 260. 336. 424
'Член тела' 80
Члены тела 212. 213. 426
'Чтобы' 124
Чуваши 17. 76. 184. 187. 193. 196. 261. 275.
Чувашизмы русского яз. 31
Чувашицкий язык 4. 15. 17. 20. 32. 42. 44. 63—65. 72. 88. 89. 102. 104. 120. 123. 126. 133. 155. 161. 177. 184—186. 193. 206. 208. 218. 221. 223. 226. 228—230. 232. 23.. 239. 261. 272. 274. 286. 323. 347. 348. 364. 406. 414. 415. 425
Чувственные восприятия 424
Чувственные факторы мышления 263
'Чудо' 88. 346. 374. 409.
'Чудовище' 88. 364. 387. 409. 410
'Чуждый' 456
'Чужой' 456
- 'Шагать' 312
'Шакал' 341
'Шалун' 388
'Шаман' 9. 88. 276
'Шапка' 228
'Шапугский язык 235. 267.
'Шар' 148. 425
Шестнадцатый съезд ВКП(б) 381
'Шесть' 210. 342
'Шея' 308
Шийты 46. 47
Шипящая группа языков 8. 15. 32. 52. 53. 97—99. 123. 131. 159. 202. 258. 259. 407.
Шипящие звуки 14. 38. 257. 258. 336. 338. 342. 346. 348. 349. 351.
'Ширива' 165. 343
'Широкый' 162
'Шить' 64.

- 'Шитье' 364
 Школа 290. 294. 296. 321
 Шовинизм 388
 'Шум' 262. 263
 Шумеры 187. 189. 193. 261. 329
 Шумерологи 151. 154
 Шумерский язык 20. 28. 48. 80. 117. 136. 140.
 141. 150—154. 169. 177. 185. 187—189. 201.
 211. 216. 221. 223. 225—237. 239—241.
 243. 343. 353. 393. 406. 414. 416
- 'Щедрый' 165
- Эволюционизм 431
 Эволюция культуры 258
 Эгейский мир 205
 Экание 158. 234—241
 «Экзотические» страны и народы 354. 382
 Экономика см. Хозяйство
 Эламский язык 28. 185. 188. 306. 393. 416
 Эламцы 329
 Электрический ток 436—438. 441
 Электронная теория 436—438
 Элементарное письмо 368
 Эллинская культура см. Греческая культура
 Эллины см. Греки
 Эмиграция научная 414
 Эмоции 385.
 Эпентезис 265. 277
 'Эпистолия' 387
 Эпический язык 363
 Эпос 9. 23. 30. 86. 89. 127. 130. 194. 248. 363.
 449. 450
 Эпоха Возрождения 393
 Эпохи глоттогонии см. История языка
 'Эрудиция' 387
 Эсперанто 24. 328. 395. 398
 Эстонский язык 67. 177. 223. 387
 Этапы развития яфетической теории 6. 21. 23.
 28—30. 32. 33. 35. 43. 44. 51. 129. 181. 182.
 244—246. 250. 251. 294. 304. 307. 386. 412.
 440—443
 Этии (этиуны) 14. 250
 'Этот' 227* 238
 Этнические названия см. Племенные названия
 Этнология 117
 Этнографические материалы 273
 Этнография 291. 401
 Этнографы 127. 293. 430
 Этноlogy 116. 200. 257. 292. 354. 355. 364. 375
 Этнологи-лингвисты 127. 128
 Этимологическая лингвистика 307. 354—356. 369.
 Этимология 5. 23. 290. 293. 321. 323. 354. 369.
 402. 417
 Этнонимика см. Племенные названия
 Этруски 17. 21. 71. 75. 183. 184. 194. 197. 206.
 380. 382. 407
 Этруские надписи 60. 183
 Этруский язык 20. 44. 60. 150. 162. 183. 187.
 243. 307.
 Этруские переживания в итальянском 184.
 Этруско-иберские племенные названия 132
- Южные народы 264
 Юкагирский язык 9. 88
 Юристы 179
- 'Я' 134. 236. 238. 310. 343
 'Яблоко' 62. 64. 236
 'Я верю' 315.
 'Явление' 277
 'Является' 265
 'Я голоден' 316
 'Я дал ему' 318
 'Я даю ему' 318
 'Я жажду' 316
 'Я завидую' 316.
 'Язва' 316.
 'Язык' 82. 361. 428
 Язык 3. 5. 7. 8. 10—13. 16. 17. 22. 26. 27. 33.
 43. 46. 48. 56. 57. 67—70. 79. 84. 85. 103.
 109. 114—117. 127. 128. 135. 187. 194. 196.
 197. 201. 202. 208. 234. 243. 244. 246. 255.
 260. 270—273. 284. 285. 290. 291. 293. 294.
 299. 301. 305. 311. 323. 330. 352—399. 403.
 404. 409. 410. 413. 415. 418—423. 426—443.
 445—459. См. также: Древнелитературные
 языки. Живые языки. Звуковая речь. Исто-
 рия языка. Мертвые языки. Народные
 языки. Новые языки. Национальные языки.
 Палеонтология речи. Праязык. Происхо-
 ждение языка. Письменные языки. Ручная
 речь. Семья языков. Строй языка.
 Язык второй категории Ахеменидских надпи-
 сей 167
 Язык господствующих народов и классов 128.
 323. 389.
 Язык «диких» («отсталых») народов и пле-
 мен 5. 127. 201. 243. 290.
 Язык — исторический источник 5. 44. 79. 127.
 255. 260. 356. 357. 375. 450
 Язык жестов см. Ручная речь
 «Язык» животных 68. 95. 199. 200. 204. 356.
 359. 360. 369. 421
 Язык коми 81. 101. 131
 Язык — надстройка 56. 57. 83. 103. 108. 113.
 115—118. 128. 129. 246. 252. 257. 375. 452
 Язык — орудие общения 57. 127. 260. 328. 375.
 394
 Язык первобытного общества 114. 201. 203.
 409. 427. См. также: Яфетические языки
 «Язык» птиц 95. 423
 Язык — фактор материальной культуры 366.
 369. См. также: Увязка лингвистики с исто-
 рией материальной культуры
 Языки Дагестана, число их 13
 Языки «инорасовых» групп 211—213
 Языки народов мира 3. 6. 7. 353. 355. 399. 401
 Языки народностей Крыма 380
 Языки переходного типа 10. 11. 18. 42. 51. 67.
 111. 125. 196. 246. 405
 Языки Средиземноморья 44. 155. 403. 407. 414
 Языки тибето-бирманской группы 47
 Языки яфетической системы см. Яфетические
 языки
 Языковедение см. Лингвистика
 Языкотворчество (глоттогония) 107. 115. 187.
 193. 293. 367. 371. 381. 396. 397. 420. 423.
 См. также: История языка
 'Языческий бог' 88
 Язычество 197
 'Язычник' 88. 284
 Язычники 204

- 'Яйпо' 161
 Якутский язык 93. 227
 'Яма' 147. 153
 'Я мог' 319
 'Я могу' 319
 Японский язык 7. 46. 55
 'Я рад' 317
 'Я сжег' 250
 Яфетидологический кружок в Париже 442
 Яфетидологическое письмо 40. 136. См. также:
 Аналитический алфавит. Единое письмо
 Яфетические переживания в греческом языке
 87. 246
 Яфетические переживания в латинском языке
 87
 Яфетические переживания в итальянском
 языке 184
 Яфетические переживания в индоевропейских
 языках 149
 Яфетические переживания в русском языке 31
 Яфетические переживания в чувашском языке
 32
 Яфетические переживания в хеттском языке
 186
 Яфетидологи 173. 180. 211. 213. 251. 257. 291.
 293. 323. 376. 378. 412. 416. 432. 440. 442.
 443
 Яфетиды 9. 30. 45. 183. 189. 195. 205. 265. 282.
 283. 305. 307. 322. 329. 339. 383. 405. 411
 Яфетиды Средиземноморья 16. 18. 330. 411
 Яфетическая языковая пирамида 54. 422
 Яфетическая теория 3. 5—7. 11—14. 19. 21.
 24—27. 33—35. 37—38. 40—48. 51. 54. 69.
 72. 74. 92. 95. 108. 110. 112—121. 123. 126.
 129. 135. 141. 173. 180—185. 187—189. 191.
 197. 198. 203. 205—209. 211. 213—216. 218.
 224. 242. 245. 247. 250. 256—258. 271. 273.
 276. 284. 285. 290—292. 294—298. 300.
 304—307. 322—325. 328. 336. 339. 340. 357.
 362. 369—371. 373. 375—378. 382. 384. 385.
 389. 391. 392. 395—399. 401. 406. 408.
 410—414. 417. 419. 421. 423. 426. 427. 432.
 433. 435. 436. 439. 440. 442—453. 455. 456.
 458
 Яфетические племена 205—207
 Яфетические языки 3. 4. 7. 8. 16. 18. 23. 27.
 28. 31. 33. 34. 41. 42. 44—48. 55. 58. 59. 61.
 67. 72. 75. 81. 87. 105. 111. 117. 121. 122.
 125. 126. 131. 137—144. 149. 153. 154.
 156—160. 169. 170—174. 181. 182. 184—
 189. 191—195. 197—199. 201—203. 206—
 208. 210. 213. 214. 216. 218. 220. 224. 225.
 227. 230. 231. 240. 243. 249. 257. 262. 264.
 269. 276. 278. 282. 283. 300. 306—308. 314.
 317. 323—325. 336—351. 357. 360. 361. 364.
 368. 404. 405—407. 410. 411. 415. 416. 420—
 422. 449
 Яфетические языки агглютивативного строя
 196
 Яфетические языки, взаимоотношения их
 с семитическими 182
 Яфетические языки местоименно-агглютина-
 тивного строя 125
 Яфетические языки синтетического строя 196
 Яфетические языки, их сравнительные грам-
 матики 3. 4
 Яфетические языки Северной Африки 404
 Яфетические языки Кавказа 23—30. 33. 34.
 43. 44. 132. 137. 140. 161. 162. 182—185.
 188. 224. 246. 259. 275. 307. 329. 335. 343.
 364. 403—405. 413. 414. 416. 425. 455
 Яфетические языки Памира 324. 404. 414
 Яфетический язык Пиренеев 44. 324. 404.
 414
 Яфетические языки Приволжья 324
 Яфетические языки Средиземноморья 18. 185.
 404. 414
 «Яфетический» 324
 Яфетический институт АН СССР (ЯИ) 12. 111.
 120. 175. 210. 213. 214. 291. 428. 440. 442.
 См. также: Институт языка и мышления
 им. Н. Я. Марра АН СССР
 Яфетическо-индоевропейская сравнительная
 грамматика 11. 125
 Яфетическо-китайская сравнительная грамма-
 тика 11
 Яфетическо-семитическая сравнительная грам-
 матика 11. 150. 159. 218
 Яфетическо-урало-алтайская сравнительная
 грамматика 11
 Яфетическое языкознание см. Яфетическая
 теория
 'Ячень' 237. 307
 'Ящерица' 341

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия наук СССР
АГУ — Азербайджанский государственный университет им. В. И. Ленина
ВЗ — Восточные записки
ВС — Восточный сборник
ВЦК НА — Всесоюзный Центральный Комитет нового алфавита
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра
ДАН — Доклады АН СССР
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗВО — Записки Восточного отделения РАО
ИАН — Известия АН СССР
ИГАИМК — Известия ГАИМК
ИЛЯЗВ — Институт языков и литератур Запада и Востока
ИР — Избранные работы Н. Я. Марра
ИРАИМК — см. ИГАИМК
ИРАН — см. ИАН
ИЭНК — Институт по изучению этнических и национальных культур народов Востока СССР
ИЯМ — Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра
КИАИ — Кавказский историко-археологический институт АН СССР
КП — Классифицированный перечень печатных работ по яфетидологии
КСУ — Комиссия содействия ученым при СНК СССР
ЛВИ — Ленинградский Восточный институт
ЛИЖВЯ — Ленинградский институт живых восточных языков
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МЯЯ — Материалы по яфетическому языковедению
НВ — Новый Восток
ОИФ — Отделение исторических наук и филологии АН СССР
ОГН — Отделение гуманитарных наук АН СССР
ООН — Отделение общественных наук АН СССР
ПЭРЯТ — По этапам развития яфетической теории
РАН — см. АН
РАО — Русское Археологическое общество
СГАИМК — Сообщения ГАИМК
СОРЭН — Социалистическая реконструкция и наука
ТР — Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии
ХВ — Христианский Восток
ЯИ — Яфетический институт
ЯИИ — Язык и история
ЯС — Яфетический сборник
ЯЭ — Яфетические элементы в языках Армении
JBAS — Journal of the Royal Asiatic Society
JS — Japhetische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens
LE — A. Walde, Lateinisches etymologisches Wörterbuch
PB — A. Deimel, Pantheon Babylonicum
PZ — Prähistorische Zeitschrift
SG — Fr. Delitzsch, Sumerische Grammatik

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
93	10 сверху	*q̇iʳnʹdʳalʹ	*q̇iʳnʹdʳalʹ
219	2, 3, 10 сверху	m-dvin-var-e, m-din-var-eb-a, m-din+av-s стр. 126—139	m-ḋvin-var-e, m-ḋin-var-eb a, m-ḋin+av-s стр. 136—139
222	3 снизу	ժիրանի	ժիրանի
248	14 сверху	չկարմրեիկ և չկարեիկ	չկարմրեիկ և չկարեիկ
248	15 сверху	Հուր Հեր	Հուր Հեր
248	19 сверху	Փ. Энгельс	Ф. Энгельс
446	1 снизу	336	236
467	прав. кол. 9 снизу	322.361.376	322.376
492	лев. кол. 27 снизу		